1384
IV
1

БИБЛІОТЕКА
И. & А. ПЕТРУНКЕВИЧЪ
№ 1384
Шкафъ IV
Полка 31

БИБЛІОТЕКА
И. & А. ПЕТРУШЕВИЧЪ
№ 1384
Шкафъ
Полка

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1880.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

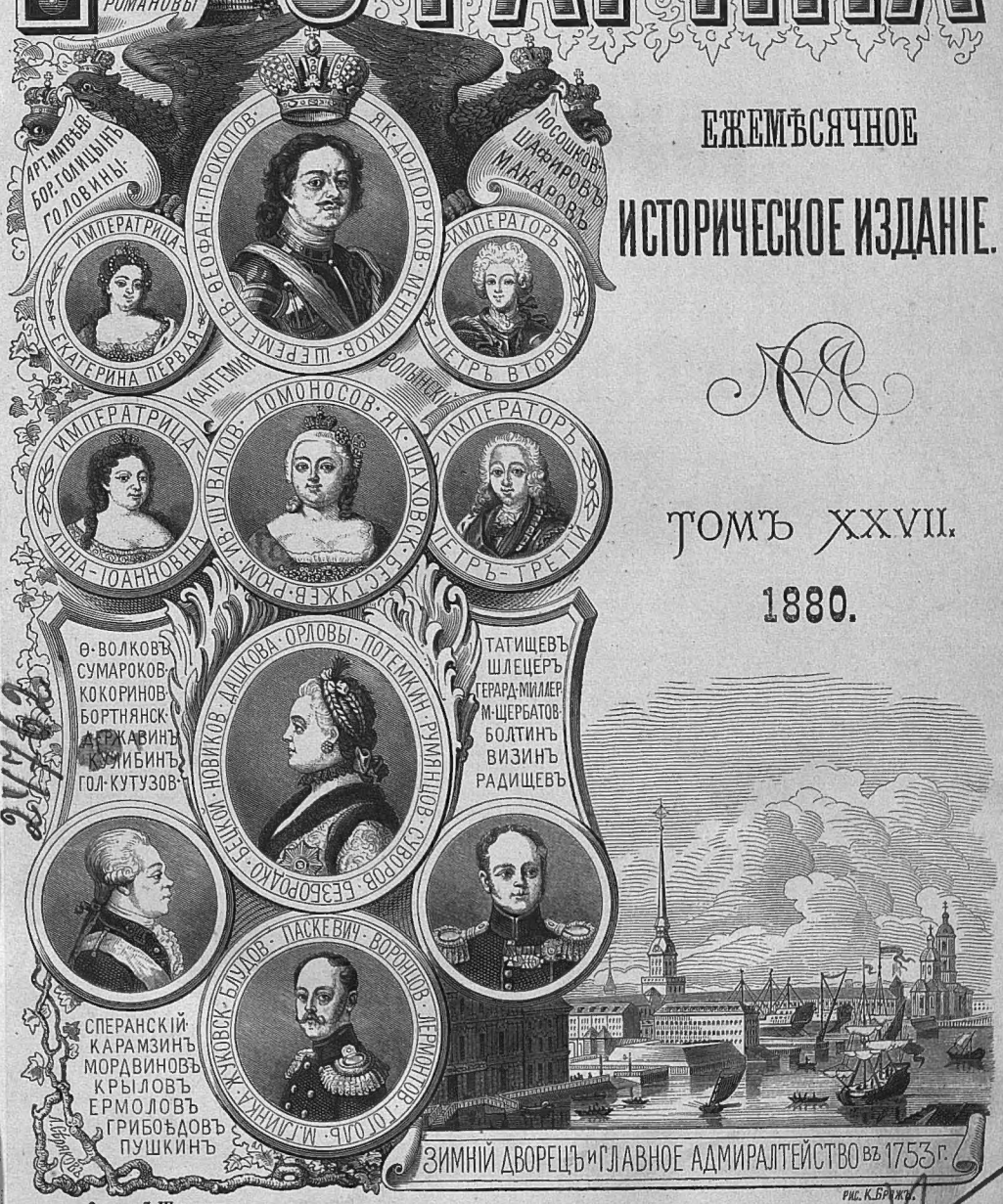
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XXVII.

1880.



Состав. А. Шарлеманъ.

Рис. К. Брюжъ.

Журнальный фонд
Московской об... библиотеки

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА

1709—1761.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 12 ОКТЯБРЯ 1879 Г.

ВЕСЕЛИЦКІЙ, ЗАГОТОВЛЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ [illegible]

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

† 18-го февраля 1877 г.

Составитель «Записокъ» Димитрій Ивановичъ Ростиславовъ, сынъ сельскаго священника Ивана Мартыновича Тумскаго, принявшаго впослѣдствіи означенную фамилію, родился осенью 1809 года въ селѣ Палищахъ (Рязанской губерніи, Касимовскаго уѣзда). По окончаніи первоначальнаго воспитанія въ Касимовскомъ и Рязанскомъ духовныхъ училищахъ, Ростиславовъ поступилъ въ Рязанскую семинарію, изъ которой перешелъ въ С.-Петербургскую духовную академію. По окончаніи курса, въ октябрѣ 1833 года, былъ назначенъ баккалавромъ (адъюнктъ-профессоромъ) по курсамъ физики и математики. Обѣ науки, подобно всеобщей исторіи, были предметами необязательными: выборъ ихъ былъ предоставленъ на произволъ студентовъ. Профессоръ Райковскій, человѣкъ постоянно больной (умеръ въ 1836 году), не стѣснялъ Ростиславова безполезнымъ для него руководствомъ; молодой баккалавръ пользовался нѣкоторою самостоятельностью и по кончинѣ Райковскаго исправлялъ его должность. 27-го іюня 1838 года удостоенный званія ординарнаго профессора, Димитрій Ивановичъ, предоставивъ преподаваніе геометріи своему баккалавру Д. Ѳ. Гусеву, принялъ на себя преподаваніе физики и алгебры. Въ 1842 году, по назначеніи Гусева профессоромъ въ Казанскую духовную академію, Ростиславовъ одинъ, безъ адъюнкта, преподавалъ и физику и математику. Баккалавръ былъ ему данъ лишь въ 1847 году. Любовь профессора къ предметамъ своихъ лекцій, ясность и общедоступность изложенія привлекали въ аудиторію многочисленнѣйшихъ противу прежняго слушателей, въ виду чего, высшее духовное начальство въ 1842 году признало необходимымъ объявить

слушаніе лекцій по физикѣ, математикѣ и всеобщей исторіи обязательнымъ для всѣхъ студентовъ. Однако же — вещь невѣроятная — тогдашній митрополитъ Антоній неблагосклонно отнесся къ успѣхамъ преподаванія въ академіи физики и математики, яко бы предметовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ богословіемъ. Ректоръ академіи (съ 1842 по 1847) Аѳанасій Дроздовъ, епископъ винницкій, отъ имени тогдашняго митрополита, высокопреосвященнаго Антонія, сдѣлалъ замѣчаніе профессору Ростиславову, что его высокопреосвященство находитъ страннымъ, что студенты академіи оказываютъ болѣе успѣховъ въ физикѣ и математикѣ, нежели въ богословскихъ наукахъ. Стараніями Димитрія Ивановича, во время его профессорства, былъ устроенъ довольно полный физическій кабинетъ, снабженный инструментами на 3,000 слишкомъ руб. асс.; собрана была и библіотека по части физики и математики. На всѣ эти нововведенія духовное начальство смотрѣло не вполнѣ одобрительно. Тѣмъ не менѣе, Димитрій Ивановичъ съ неутомимымъ терпѣніемъ и крайнею добросовѣстностью относился къ своей должности и восьмилѣтній періодъ его профессорства съ 1841 по 1849 годъ былъ самымъ цвѣтущимъ періодомъ полнаго развитія его дарованія. Но кипучая эта дѣятельность требовала физическихъ силъ, а осенью 1848 года Ростиславовъ захворалъ простудою горла и болѣзнь эта нанесла жестокій ударъ профессорской его дѣятельности, принявъ хроническую форму. Съ весны и до осени больной лишался голоса и эта періодическая охриплость, лишая Димитрія Ивановича всякой возможности заниматься чтеніемъ вслухъ, требовала отдыха и пребыванія на вольномъ воздухѣ: ежегодно съ весны до осени онъ пользовался отпускомъ на родину. Наконецъ, здоровье его до такой степени разстроилось, что онъ вынужденъ былъ подать въ отставку. 19-го іюня 1852 года состоялся приказъ о его увольненіи, и Димитрій Ивановичъ, съ намѣреніемъ водвориться на постоянное жительство, уѣхалъ въ Рязанскую губернію.

По прибытіи въ Рязань, въ 1852 году, Ростиславовъ въ теченіе года настолько поправился здоровьемъ, что могъ, не взирая на скудныя свои средства, обратить педагогическую свою дѣятельность на образованіе жившихъ у него семинаристовъ. Изъ 20-ти человѣкъ—половина поступила въ университетъ и медико-хирургическую академію, благодаря подготовкѣ подъ руководствомъ Димитрія Ивановича. Самъ же онъ, въ рѣдкіе досуги, занимался изученіемъ англійскаго языка; урывая послѣднія крохи, собиралъ библіотеку; слѣдилъ за новѣйшими открытіями въ физикѣ. По мѣрѣ поправленія здоровья, онъ началъ жаждать обширнѣйшей дѣятельности. Въ 1858 году онъ испросилъ себѣ у святѣйшаго синода разрѣшеніе на безплатное чтеніе лекцій по физикѣ въ Рязанской семинаріи: оно послѣдовало въ декабрѣ того же 1858 года. Учащаяся молодежь была въ восторгѣ; въ аудиторію устремлялись толпы и посторонніхъ слушателей; о лекціяхъ заговорилъ весь городъ, но въ этомъ говорѣ преобладало зложелательство. Чтеніе лекцій по важнѣйшей отрасли естество-

вѣдѣнія многимъ показалась подозрительнымъ; толки эти особенно ожесточились, когда Димитрій Ивановичъ къ лекціямъ физики присоединилъ чтеніе по астрономіи, метеорологіи, физической географіи и геологіи. Многолюдство слушателей побудило Ростиславова перенести свою аудиторію въ залъ благороднаго собранія, гдѣ лекціи читались въ 1860, 1861, 1862 и 1866 годахъ. Лекторъ, со стороны полуграмотнаго большинства и фанатиковъ, навлекъ на себя подозрѣніе въ безбожіи и сочувствіи протестантизму.

Въ октябрѣ 1859 года директоръ канцеляріи синода И. С. Гаевскій полу-официальнымъ письмомъ предложилъ Димитрію Ивановичу, какъ бывшему воспитаннику духовно-учебныхъ заведеній и одному изъ усерднѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго образованія, сообщить свои замѣчанія и соображенія о перемѣнахъ къ улучшенію духовныхъ училищъ, какъ въ учебномъ, нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Составителю записки предоставлена была полнѣйшая свобода мнѣній, безъ всякаго стѣсненія канцелярскою формалистикою.

Это предложеніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало завѣтному и давнему желанію Ростиславова. Съ жаромъ и съ свойственною ему энергіей Димитрій Ивановичъ принялся за дѣло и черезъ девять мѣсяцевъ записка была окончена и отправлена И. С. Гаевскому, который черезъ нѣсколько времени возвратилъ ее автору съ отзывомъ, что «Записка, по своему направленію, не можетъ получить дальнѣйшаго хода». Не желая, чтобы добросовѣстный трудъ его пропалъ безслѣдно, Димитрій Ивановичъ передалъ свою рукопись покойному М. П. Погодину. Невѣдомо какими путями рукопись попала за границу и была напечатана въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: «О духовныхъ училищахъ въ Россіи». Книга эта, какъ извѣстно, была принята весьма сочувственно. Ея успѣхъ поощрилъ Димитрія Ивановича къ дальнѣйшимъ трудамъ и, въ 1865 году, онъ отпечаталъ въ Лейпцигѣ новый замѣчательный свой трудъ «Черное и бѣлое духовенство въ Россіи». Оба произведенія Ростиславова достигли главнѣйшей своей цѣли: въ 1867 году, при преобразованіи семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ, имѣлись въ виду, между прочими матеріалами — сочиненія Д. И. Ростиславова и много исправлено по указаніямъ, заключающимся въ его трудахъ.

Съ того времени по самую кончину, Ростиславовъ посвятилъ себя исключительно литературнымъ трудамъ [1]). Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ «Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей» (1872 и 1876 гг.). Для необходимыхъ документальныхъ и фактиче-

[1]) Полный перечень сочиненій покойнаго Димитрія Ивановича Ростиславова будетъ приложенъ къ его біографіи, которая, по возможности, будетъ нами напечатана вслѣдъ за Записками. Ред.

скихъ данныхъ, авторъ посѣтилъ двадцать губерній [1]). Эта книга затронула въ нѣкоторыхъ духовно-начальствующихъ лицахъ самую чувствительную струну—ихъ личныхъ, матеріальныхъ интересовъ: «Опытъ» показался имъ не то извѣтомъ, не то посягательствомъ на мертвые, милліонные капиталы—достояніе церкви; одна духовная особа выразила даже сомнѣніе въ подлинности документовъ, на основаніи которыхъ Ростиславовъ перечислялъ церковныя имущества.—Четвертый, громадный трудъ покойнаго, оставшійся въ рукописи (объемомъ до 600 рукописныхъ листовъ), имѣетъ предметомъ обозрѣніе степеней вѣротерпимости во всѣхъ древнихъ и новыхъ религіяхъ, равно во всѣхъ исповѣданіяхъ и ересяхъ христіанскаго ученія. Кромѣ сочиненій, посвященныхъ духовно-историческимъ изслѣдованіямъ, покойнымъ написано нѣсколько руководствъ по части физики и высшей математики.

Димитрій Ивановичъ скончался внезапно, 18-го февраля 1877 года, вслѣдствіе хроническаго воспаленія надкостной плевы надъ лѣвымъ ухомъ, имѣя отъ роду 67 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. Онъ жилъ и умеръ холостякомъ и трудовыя свои деньги посвящалъ на пользу многочисленнымъ родственникамъ; слылъ за человѣка богатаго, расчетливаго, а между тѣмъ не оставилъ по себѣ никакого состоянія. Ред.

Введеніе: цѣль и значеніе моихъ Записокъ.

Въ теченіе всей своей жизни я не занималъ никакой высокой административной должности, не пріобрѣлъ большой извѣстности своими учеными или литературными трудами, не умѣлъ нажить большое состояніе; даже весьма мало имѣлъ сношеній съ богачами, съ учеными и чиновными людьми, и съ аристократами; между современниками своими я не игралъ замѣтной роли, не имѣлъ особеннаго значенія. Такимъ образомъ, событія моей жизни нисколько не могутъ интересовать потомство и біографія моя, ограничиваясь ими одними, была бы вполнѣ безполезною; развѣ только мои родные, да нѣсколько друзей и знакомыхъ прочитали бы ее не безъ любопытства. Но проживши довольно долгое время на бѣломъ свѣтѣ, я волей-неволей сближался и даже сталкивался съ лицами всѣхъ сословій, имѣлъ возможность наблюдать надъ моими современниками, не могъ не знать ихъ обычаевъ, предразсудковъ, повѣрій, слабостей и проч.; если чего самъ не могъ видѣть,

[1]) А именно губерніи: Рязанская, Московская, Новгородская, Тверская, С.-Петербургская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Тамбовская, Саратовская, Воронежская, Калужская, Тульская, Орловская, Курская и Кіевская. Ред.

то имѣлъ возможность получить свѣдѣнія отъ другихъ. Особенно же мнѣ хорошо было извѣстно положеніе крестьянъ, духовенства и духовно-учебныхъ заведеній. Родился и до 10-ти почти лѣтъ жилъ я въ селѣ, росъ и игралъ съ крестьянскими дѣтьми; поступивши въ училище, я все-таки мѣсяца по три въ году живалъ въ домѣ отца и участвовалъ во всѣхъ сельскихъ работахъ. Послѣ, на службѣ и въ отставкѣ, я преимущественно былъ городскимъ жителемъ. Но и въ это время отъ деревни я не былъ отдѣленъ китайскою стѣной; нѣкоторые изъ крестьянъ были моими знакомыми, другіе, гораздо въ бо̀льшемъ количествѣ, прихаживали ко мнѣ посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ; затѣмъ, мои родственники, бо̀льшею частью принадлежа къ духовному званію, жили въ селахъ; было даже нѣсколько моихъ родныхъ между крестьянами и мѣщанами. Что же касается до духовно-учебныхъ заведеній, до духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, то могу безъ преувеличенія и хвастовства сказать: я зналъ ихъ вполнѣ—какъ сынъ священника, какъ воспитанникъ низшихъ духовныхъ училищъ и семинаріи, какъ студентъ и наставникъ духовной академіи. Большинство моихъ родственниковъ, школьныхъ товарищей, друзей—принадлежали къ духовенству. Даже изъ лицъ, занимавшихъ епископскія каѳедры въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, болѣе половины я зналъ въ лицо.

Конечно, ни я, ни мои родственники и знакомые не принадлежали къ политическимъ дѣятелямъ, не рѣшали судьбы русскаго царства; конечно, ни мои, ни ихъ имена и дѣйствія не попадутъ въ исторію; но за то нынѣ думаютъ и принимаютъ за истину, что исторія слагается не изъ однихъ царей, генераловъ и министровъ, что ей нужна жизнь народовъ, а съ жизнію народа русскаго я былъ знакомъ хорошо, и мои біографическія Записки, касаясь этой жизни, не будутъ лишены интереса для потомства. Особенно будущій историкъ православной церкви въ Россіи найдетъ въ нихъ много фактовъ и замѣтокъ, которые покажутъ ему, что церковь, поддерживаясь, по ученію богослововъ, непосредственнымъ вліяніемъ Промысла, очень нерѣдко разстраивается людьми, при томъ тѣми именно лицами, которыя, считая себя намѣстниками Спасителя и преемниками апостоловъ, между тѣмъ очень много вредятъ религіи христіанской и живутъ несообразно съ ея нравственнымъ ученіемъ. Желая въ этихъ отношеніяхъ быть по-

лезнымъ для будущей исторіи, я изъ своей жизни и изъ жизни моихъ современниковъ буду избирать тѣ факты, которые могутъ характеризовать мое время.

Думалъ было я вовсе не касаться себя самого и Записки свои составить изъ отдѣльныхъ главъ, изъ которыхъ бы въ одной говорилось, напримѣръ, о крестьянахъ, въ другой объ училищахъ и т. п., на что̀ я, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ и рѣшился. Но этотъ планъ мною былъ оставленъ на основаніи слѣдующаго соображенія. Разсказы о предразсудкахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, слабостяхъ, поступкахъ, недостаткахъ людей какого бы то ни было времени—производятъ, по моему мнѣнію, болѣе сильное впечатлѣніе когда самъ разскащикъ является въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ, нежели когда онъ описываетъ ихъ какъ сторонній наблюдатель. Въ первомъ случаѣ и самъ онъ, какъ лицо прикосновенное къ дѣлу, принимается за него съ бо̀льшимъ воодушевленіемъ, нежели во второмъ. Да и читатель побольше будетъ имѣть довѣрія къ истинѣ статей, когда видитъ, что объ этомъ говоритъ человѣкъ или участвовавшій въ описываемыхъ происшествіяхъ, или испытавшій надъ собою ихъ вліяніе; testis oculatus, еще по логикѣ Баумейстера, заслуживаетъ предпочтеніе предъ testis auribus. Самыя событія моей жизни я вносилъ въ Записки не потому, что они касались моей именно особы, а потому, что ими обрисовывался характеръ того времени, въ которое я жилъ. Покорно прошу смотрѣть на нихъ, какъ на факты, которыми болѣе или менѣе проявлялась жизнь моихъ современниковъ.

Для многихъ, по всей вѣроятности, покажутся циническими нѣкоторыя изъ моихъ описаній, особенно тѣ, гдѣ я говорю о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Правда, что описаніе ихъ не только цинично, но иногда, пожалуй, особенно непріятно. Но что̀ же дѣлать? вѣдь надобно же знать будущимъ нашимъ потомкамъ то, что испытывали мы—ихъ предки. Услышавъ отъ меня только то, что насъ наказывали жестоко и часто, читатель никакъ бы не составилъ понятія о тѣхъ отвратительныхъ подробностяхъ и церемоніяхъ, которыя происходили при этихъ случаяхъ, и, слѣдовательно, далеко бы не имѣлъ правильнаго понятія о характерѣ нашего времени и не могъ бы объяснить тѣхъ грубыхъ выходокъ, которыми мы отличались. Читатель увидитъ, что я при этихъ описаніяхъ не очень былъ снисходителенъ и къ себѣ самому.

Глава I-я.

О моей родословной и о томъ, что до 1809 г. дозволяли ученикамъ богословія Рязанской семинаріи жениться и поступать въ священники и между тѣмъ доучиваться въ семинаріи.

Во введеніи я уже сказалъ, что по своему происхожденію не принадлежу къ аристократіи; мои прапрадѣдъ и пращуръ по отцу были священниками въ селѣ Шеянкахъ, Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи. Но прадѣдушка Ларіонъ Герасимовичъ не поднялся въ томъ же селѣ выше причетническаго мѣста, можетъ быть, даже потому, что умеръ еще очень молодымъ. Послѣ него остались трое дѣтей: дочь Анна, сыновья Василій и Мартынъ—мой дѣдушка—шести мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ своею матерью, моею прабабушкой Авдотьей Михайловной, они всѣ жили въ домѣ и на отчетѣ своего роднаго дяди, шеянскаго дьячка Леонтія Герасимова. Онъ былъ удалаго характера, какъ видно изъ его женитьбы. Ему приглянулась крестьянская дѣвушка изъ сосѣдней съ селомъ Шеянскимъ деревни Викловки, но ея родные, богатые мужики, не хотѣли съ нимъ родниться. Леонтій Герасимовичъ не задумался надъ этимъ препятствіемъ, подговорилъ своихъ односельчанъ-духовныхъ повѣнчать его, отправился тайкомъ вечеромъ въ деревню и увезъ съ собою свою невѣсту прямо въ церковь. Между тѣмъ, похищеніе скоро было замѣчено и за похитителемъ отправилась погоня. По прибытіи въ село, похититель тотчасъ началъ хлопотать о вѣнчаніи. Едва только хотѣли приступить къ совершенію таинства, какъ узнали, что преслѣдователи уже въ селѣ. Надобно было принять рѣшительныя мѣры; церковь тотчасъ извнутри приперли и начали совершать бракосочетаніе. Преслѣдователи стучали въ дверь, даже старались выломать ее, но безуспѣшно. Обрядъ кончился, дверь отворили, мужики вбѣжали въ церковь, имѣя впереди отца невѣсты. Тогда молодые повалились ему и женѣ его въ ноги, прося у нихъ благословенія, а духовныя лица стали, съ своей стороны, уговаривать тестя и тещу простить молодыхъ: „вѣдь ихъ развѣнчать нельзя; еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“. Старики покричали, побранились, но мало-по-малу присмирѣли и отправились вмѣстѣ съ молодыми праздновать свадьбу. Почтенный Леонтій Герасимовичъ, вспоминая о ней, любилъ говаривать: я женился—самъ чортъ дивился.

Но ангелы, вѣроятно, не очень покровительствовали молодой четѣ, или, по крайней мѣрѣ, не хотѣли помогать развитію умственныхъ способностей дѣтей ея. Все потомство Леонтія Герасимовича не могло попасть въ духовное званіе, поселилось въ деревню Викловку съ своими дядюшками, дѣдушками, двоюродными братцами и пр. и потомъ какимъ-то образомъ закрѣплено было по ревизіи за помѣщикомъ этой деревни. Отъ этого въ Викловкѣ у насъ было очень много крестьянъ-родственниковъ; въ домѣ одного изъ нихъ, Ивана Васильевича, и я какъ-то проѣздомъ въ Касимовъ гостилъ вмѣстѣ съ батюшкою. Но мой дѣдушка съ своими сестрой и братомъ были посчастливѣе двоюродныхъ своихъ братцевъ. Сестра Анна была выдана за какого-то дьякона Никифора въ Елатомскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи; братъ Василій хотя и не кончилъ курса въ семинаріи, но между тѣмъ получилъ какое-то образованіе и былъ приказнымъ въ городѣ Меленкахъ Владимірской губерніи; одинъ изъ сыновей его, Ефимъ Васильевичъ, былъ уѣзднымъ казначеемъ владимірскимъ и послѣ помѣщикомъ той-же губерніи. Дѣдушка мой выучился, еще въ дѣтствѣ, читать, писать и пѣть на клиросѣ, зналъ даже церковную ноту, и потому-то современемъ открылась ему возможность занять дьячковское мѣсто послѣ смерти своего дяди-воспитателя. Но прежде этого пришлось ему много вынести, и съ трудомъ добывать кусокъ хлѣба. Сдѣлавшись взрослымъ, онъ работалъ не хуже всякаго трудолюбиваго крестьянина. Особенная его спеціальность, которая тогда, впрочемъ, была свойственна всей мѣстности, состояла въ томъ, что онъ добывалъ и скупалъ такъ называемыя лыки, изъ которыхъ плетутся лапти, и возилъ ихъ часто въ Москву, даже тогда, какъ былъ уже причетникомъ. По всей вѣроятности, онъ слылъ въ своемъ околоткѣ хорошимъ хозяиномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и женихомъ, потому что за него въ замужство согласился отдать свою дочь богатый священникъ села Тумы Николаевской Акимъ.

Послѣ того, какъ дѣдушка прослужилъ лѣтъ десять причетникомъ въ селѣ Шеянкахъ, умеръ его тесть. Прихожане и духовенство Тумы дали дѣдушкѣ такъ называемыя заручныя, т. е. письменныя заявленія того, что они желаютъ его имѣть у себя священникомъ. Дѣдушка съ заручными и своимъ прошеніемъ отправился во Владиміръ къ архіерею Іерониму, потому что и

Шеянки и Тума принадлежали тогда къ владимірской епархіи. Не безъинтересно знать, какія отеческія отношенія въ то время архіерей имѣлъ къ подчиненному себѣ духовенству. Въ подачу, т. е. ту комнату, въ которой архіерей принималъ просителей, входили всѣ имѣвшіе нужды явиться къ нему. Іеронимъ обыкновенно садился въ подачѣ на диванъ, выслушивалъ и вызывалъ одного за другимъ просителей, и бо́льшею частію тутъ-же произносилъ или писалъ рѣшенія или резолюціи. Многіе являлись съ жалобами другъ на друга, другіе вызывались вслѣдствіе какого-либо дурнаго поступка, о которомъ какъ нибудь узналъ владыка. Взысканія въ этихъ случаяхъ были, конечно, различны; виновные получали болѣе или менѣе строгіе выговоры, назначались на черныя работы въ архіерейскомъ домѣ, отсылались въ монастырь, но очень часто наказывались и тѣлесно, тутъ же въ подачѣ, при всѣхъ, для всеобщаго назиданія. „Э! да ты какой проказникъ, или сутяга, или негодяй,—восклицалъ владыка,—вотъ я тебя поучу. Эй,—прибавлялъ онъ, обращаясь къ своей прислугѣ,—плетей сюда!“ Разумѣется, живо являлись кучера или кто либо изъ другой прислуги съ ременными двухвостками. „Ну-ка, раздѣвайся, да ложись“, приказывалось виновному. Принято было, чтобы наказываемый снималъ съ себя все верхнее платье и оставался въ (нижнемъ бѣльѣ). Вотъ и раздѣлся и растянулся на полу. Для экзекуціи изъ архіерейской прислуги являлись только двое съ плетьми, а держать должны были предстоявшіе духовные или по назначенію владыки, или по выбору прислуги. Отказываться было нельзя. Четыре человѣка тотчасъ опускались на колѣни, двое держали за ноги, а другіе двое за руки, крестообразно расположенныя; ..... для двухвостокъ открывалось свободное мѣсто; было гдѣ имъ улечься на обнаженныхъ частяхъ тѣла. Наказываемый укладывался такъ, чтобы владыка, не вставая съ дивана, могъ своими глазами видѣть плотно ли плети прилегаютъ къ тѣлу. Больше всего сѣкали причетниковъ, затѣмъ дьяконовъ, но не давали спуску и священникамъ, особенно молодымъ. Наказаніе было жестокое; дѣдушка, которому не одного человѣка приходилось держать за руку или ногу, говаривалъ: „У! жарко бывало; дрожь пробѣгала по тѣлу“. Такимъ образомъ, очень нерѣдко священникъ, за нѣсколько дней приносившій безкровную жертву, бывалъ высѣченъ самъ до крови.

Самъ дѣдушка мой чуть было не испыталъ этого архіерей-

скаго угощенія. Претендентовъ на священническое мѣсто въ Тумѣ было довольно; но заручныя представилъ только одинъ дѣдушка, при томъ онъ отличился по части чтенія и пѣнія при произведенномъ тутъ же экзаменѣ. Но архіерею почему-то хотѣлось предоставить мѣсто не дѣдушкѣ, а другому претенденту; дѣдушка, разумѣется, отстаивалъ свои права. Въ первый день ничего не было рѣшено; приказалъ явиться на слѣдующій день. Явились; архіерей сталъ уговаривать дѣдушку отказаться отъ своей просьбы и обѣщалъ ему дать гдѣ нибудь другое, лучшее мѣсто, но дѣдушка стоялъ на своемъ, указывалъ на заручныя прихожанъ, на то, что покойный священникъ былъ его тесть, что онъ и читаетъ и поетъ лучше другихъ. Защищая свои права, дѣдушка поразгорячился и сказалъ какія-то слова, которыя Іерониму показались грубыми. „А, да ты вотъ каковъ!—закричалъ владыка,—ну, я тебя усмирю; откажись, а то велю высѣчь за грубость". Дѣдушка не сдавался; владыка потребовалъ плетей и велѣлъ ему раздѣваться и ложиться. Дѣдушка раздѣлся, но, стоя въ рубахѣ, сказалъ: „Владыко святый! сѣките, какъ угодно, а я все-таки стану говорить, что мѣсто мнѣ принадлежитъ; какъ вашей милости угодно, я буду и послѣ сѣченья то же говорить; да и приходъ за меня вступится". Владыка хотѣлъ ли только постращать настойчиваго просителя, или изумленъ былъ его смѣлостію,—только сѣчь не сталъ, велѣлъ одѣться и предоставилъ ему священническое мѣсто.

Этотъ-то смѣлый священникъ былъ отцомъ моего батюшки, который, впрочемъ, родился когда дѣдушка еще состоялъ причетникомъ въ селѣ Шеянкахъ. Батюшка мой Иванъ Мартыновичъ первоначально состоялъ священникомъ въ селѣ Палищахъ, Рязанской губерніи, Касимовскаго уѣзда. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ священниковъ, которыхъ тогда называли учеными, т. е. выслушалъ полный курсъ наукъ, преподававшихся въ тогдашнихъ духовныхъ семинаріяхъ. Такъ какъ мнѣ придется говорить о лицахъ, воспитывавшихся въ нихъ, о классахъ, изъ которыхъ они состояли, о порядкахъ, въ нихъ господствовавшихъ,—то я здѣсь нахожу нужнымъ сдѣлать имъ краткій очеркъ.

До 1815 года такъ называемыхъ низшихъ духовныхъ училищъ не было, а для воспитанія дѣтей бѣлаго духовенства и для приготовленія ихъ къ священно и церковно-служительскимъ должностямъ едва-ли не въ каждой епархіи было только одно учебное

заведеніе подъ именемъ духовной семинаріи. Она состояла не менѣе, какъ изъ шести классовъ: инфимы, синтаксимы, поэзіи, реторики, философіи и богословія. Всѣ они, кромѣ инфимы, назывались по главнымъ, чуть-ли не единственнымъ почти предметамъ, въ нихъ преподававшимся. Такимъ образомъ, въ синтаксимѣ, разъяснялся синтаксисъ латинскаго языка, въ слѣдующихъ затѣмъ классахъ—преподавались поэзія, реторика, философія и богословіе; только первый классъ или инфима (отъ латинскаго слова infimus, низшій) получилъ свое названіе отъ того, что онъ въ училищной іерархіи занималъ низшее мѣсто. Впрочемъ, слышалъ я, что и ниже инфимы еще было два класса: фара и информаторія, но не знаю, чѣмъ въ нихъ занимали учениковъ.

Начальствовали въ семинаріяхъ ректоръ и префектъ; послѣдній то же что и инспекторъ; едва-ли не бо́льшая часть учителей каждой семинаріи состояла изъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ ней же; сначала они опредѣлялись въ низшіе классы, потомъ постепенно переводились въ другіе—высшіе, такъ что иной, начавши съ инфимы и даже фары или информаторіи, поперемѣнно преподавалъ синтаксисъ, поэзію, реторику, философію и богословіе. Это былъ настоящій doctor universalis всѣхъ семинарскихъ наукъ. Но и въ то время нѣкоторые изъ воспитанниковъ семинарій поступали въ кіевскую, брестскую, могилянскую и въ московскую Заиконоспасскую академіи, равно какъ и въ с.-петербургскую Александро-невскую семинарію [1]), чтобы тамъ получить высшее, такъ сказать, образованіе и потомъ занять мѣста наставниковъ, бо́льшею частію, въ своей семинаріи. Эти не всегда уже начинали свою службу съ инфимы или фары, но иногда поступали въ другіе, болѣе высшіе классы; только и ихъ любили повышать изъ класса въ классъ и, вмѣсто предмета, съ которымъ они порядочно ознакомились, переводить на другой, съ которымъ приходилось знакомиться.

Не знаю, сколько времени продолжался курсъ въ фарѣ и информаторіи, но въ каждомъ изъ прочихъ шести классовъ онъ состоялъ изъ двухъ лѣтъ, и потому начавшій обучаться съ инфимы долженъ былъ оставаться въ семинаріи никакъ не менѣе 12-ти

---

[1]) И въ Казани была тоже духовная академія. Д. Р.

лѣтъ, если желалъ кончить въ ней курсъ. Всѣ вообще ученики назывались семинаристами, но это названіе въ каждомъ классѣ замѣнялось другимъ, соотвѣтствовавшимъ названію класса; такимъ образомъ были синтаксисты, риторы, философы и богословы; только не слыхивалъ я, чтобы учениковъ инфимы и поэзіи звали инфимистами и поэтами, хотя, можетъ быть, такія названія и были. Затѣмъ, ученикамъ двухъ высшихъ классовъ присвоялось званіе студента; отъ этого каждая семинарія имѣла очень много студентовъ философіи и студентовъ богословія.

Духовныя семинаріи послѣ такъ называемаго ихъ преобразованія, начавшагося съ 1815 года, получили новую организацію; онѣ состояли только изъ трехъ классовъ, называвшихся высшимъ, среднимъ и низшимъ отдѣленіями. Префектъ замѣнился инспекторомъ; учителя, не имѣвшіе степени магистра богословія, остались при прежнемъ названіи, а тѣ, которые удостоивались этой степени, назывались профессорами; кромѣ того, званіе профессора присвоялось всѣмъ безъ исключенія студентамъ перваго курса С.-Петербургской духовной академіи. Такъ какъ преподаваніе философіи бо̀льшею частію поручалось магистрамъ, то съ 1815 г. у насъ въ семинаріяхъ чуть не столько же было профессоровъ философіи, сколько и въ Германіи. Затѣмъ, ниже семинаріи стояли уѣздныя и приходскія училища. Послѣднія почти всегда, кромѣ весьма немногихъ исключеній, соединялись съ уѣздными, имѣли одного и того-же смотрителя и инспектора, и вообще носили названіе низшихъ духовныхъ училищъ. Они помѣщались не въ одномъ губернскомъ, а и въ уѣздныхъ городахъ, такъ что въ каждой почти епархіи ихъ было по нѣскольку, въ иныхъ доходило до девяти. Уѣздныя училища состояли изъ высшаго и низшаго отдѣленій, а приходскія изъ 2-го и 1-го классовъ. Въ каждомъ классѣ семинаріи и уѣзднаго училища курсъ продолжался по два года; въ первомъ приходскомъ одинъ, а во второмъ одинъ или два года. Такое различіе происходило отъ слѣдующей причины. Если мальчикъ поступалъ въ первый классъ въ то время, какъ изъ втораго класса былъ переводъ въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища, то онъ, поучившись годъ въ первомъ классѣ, переходилъ во второй, и потомъ, здѣсь тоже поучившись еще годъ, могъ быть переведенъ въ уѣздное училище. Но если мальчикъ поступалъ, какъ говорили, въ срединѣ курса, т. е. не въ пере-

водный годъ уѣзднаго училища и семинаріи, то черезъ годъ онъ дѣлался ученикомъ втораго класса, но здѣсь уже долженъ былъ дожидаться два года, чтобы перейти въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Такимъ образомъ, нужно было 12 или 13 лѣтъ, чтобы, поучившись во всѣхъ классахъ приходскаго и уѣзднаго училищъ и семинаріи, кончить курсъ въ послѣдней.

Не смотря на новую организацію духовно-учебныхъ заведеній, многія изъ прежнихъ названій, существовавшихъ въ нихъ, долго не забывались, даже и теперь иныя еще употребляются. Ученики семинаріи любили только себя называть семинаристами, а ученикамъ низшихъ училищъ придавали названія: училищныхъ мальчишекъ, бурсаковъ, но публика всѣхъ вообще духовныхъ воспитанниковъ, кромѣ студентовъ духовныхъ академій, до сихъ поръ зоветъ семинаристами. Далѣе, высшее, среднее и низшее отдѣленія семинаріи не на офиціальномъ языкѣ удержали названія: богословіи, философіи и реторики, преимущественно, кажется, потому, что по прежнему остались главными предметами въ высшемъ—богословіе, въ среднемъ—философія, или по крайней мѣрѣ читалась логика и психологія, въ низшемъ—словесность, преподававшаяся почти такъ же, какъ и реторика. Сообразно съ этимъ и ученики назывались богословами, философами и риторами; послѣднее слово измѣнялось въ ритористовъ, словесниковъ, словарей. Такимъ образомъ въ Россіи философовъ было едва-ли не гораздо болѣе, нежели сколько ихъ считалось во всей остальной Европѣ. Богословы и отчасти философы не вдругъ разстались съ лестнымъ названіемъ студентовъ. Вскорѣ послѣ поступленія моего въ рязанское училище, въ 1822 году, разыгрывалась въ семинаріи какая-то лотерея. Разсматривая списокъ подписавшихся на нее, я въ первый разъ увидѣлъ многія подписи студентовъ, и тогда только узналъ, что это названіе присвоиваютъ себѣ всѣ ученики, какъ скоро они поступятъ въ богословію или въ высшее отдѣленіе семинаріи. Но когда я уже самъ былъ въ этомъ классѣ, то изъ насъ никто, кажется, и не думалъ о своемъ студенчествѣ. Даже и въ уѣздномъ училищѣ ученики высшаго отдѣленія, особенно въ уѣздныхъ городахъ, съ какою-то особенною спѣсью называли себя синтаксистами; въ шутку же этотъ классъ во многихъ мѣстахъ извѣстенъ былъ подъ именемъ краткой богословіи. Въ своихъ Запискахъ, говоря не только о старинныхъ, но и о преобразован-

ныхъ семинаріяхъ, я для краткости буду употреблять названія богослововъ, философовъ, риторовъ, также богословіи, философіи, риторики и пр. въ томъ же значеніи, которое имъ придавали въ обыкновенномъ разговорѣ.

Коротенько сказавши кое-что о духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ предварительныхъ свѣдѣній, я обращаюсь къ моему батюшкѣ. Онъ кончилъ курсъ въ Рязанской семинаріи въ іюлѣ 1809 г., а въ сентябрѣ того же года и я явился на Божій свѣтъ. Для моихъ читателей покажется, точно такъ же какъ казалось для многихъ моихъ современниковъ, страннымъ, какъ же это я родился чрезъ два мѣсяца послѣ того, какъ отецъ мой только что окончилъ курсъ въ семинаріи. Въ объясненіе этого обстоятельства я поговорю объ обычаѣ, существовавшемъ въ то время въ семинаріяхъ.

Въ концѣ восемнадцатаго и даже въ началѣ девятнадцатаго столѣтій, бо́льшая часть священно и церковно-служителей, особенно же жены ихъ, неохотою отдавали своихъ дѣтей въ семинарію для ученья; а сами дѣти семинарское ученье считали мученьемъ. Причины такого нерасположенія къ образованности семинарской были многоразличны. Можетъ быть, тутъ на первомъ планѣ нужно поставить господствовавшее тогда невѣжество въ духовенствѣ. Но нельзя сказать, чтобы тогдашняя семинарская образованность могла привлечь къ себѣ даже людей не вполнѣ необразованныхъ. Въ семинаріяхъ главнымъ образомъ учили латинскому языку; на немъ же были писаны учебныя руководства не только по философіи и богословію, но даже по словесности. Эти почти единственныя науки, преподававшіяся въ семинаріяхъ, могли назваться образчиками схоластики и состояли почти изъ однихъ только дефиниціи, позиціи и негаціи, т. е. изъ опредѣленій разныхъ предметовъ науки, напримѣръ, въ словесности—изъ опредѣленій каждаго тропа, каждой фигуры и пр.; изъ положеній или, лучше, большею частію коротенькихъ предложеній, выражавшихъ ту или другую, какъ тогда говаривали, истину, и изъ возраженій противъ этой истины съ присовокупленіемъ опроверженій на нихъ. Все это излагалось на латинскомъ языкѣ, сухимъ, безжизненнымъ образомъ, касалось предметовъ не только отвлеченныхъ, а даже и несуществующихъ; историческія, физическія, естественныя и математическія науки были въ полномъ пренебреженіи. Подобнаго рода ученость могла ли понравиться хоть кому нибудь? Ею зани-

мались поневолѣ; иногда, впрочемъ, пристращались къ ней,—вѣдь надобно-же было показать, что мы ученые люди; но бо́льшая часть, не видя отъ нея ни практической, ни умственный пользы, боялась ея какъ барщины, какъ мученья. Затѣмъ, педагоги тогдашніе не отличались мягкими и гуманными пріемами; самыя суровыя, даже жестокія тѣлесныя наказанія были слишкомъ обыкновенны; розги изъ березовыхъ или ивовыхъ прутьевъ считались недостаточными; въ каждомъ изъ правленій семинарскихъ всегда висѣло нѣсколько ременныхъ плетей съ двумя и тремя хвостами; эти плети въ случаѣ надобности были приносимы въ классы и при помощи опытной и крѣпкой руки покрывали обнаженныя части тѣла рубцами, которые оставались видными иногда спустя даже нѣсколько недѣль послѣ операціи. При томъ, одну плеть, одну лозу находили недостаточными; часто и даже очень часто на наказываемаго сыпались удары съ двухъ сторонъ; а чтобы онъ своими движеніями не мѣшалъ плети или лозѣ падать на тѣ именно мѣста, на которыя мѣтилъ экзекуторъ, или, какъ обыкновенно его называли, секуторъ, наказываемаго держали не только двое, а даже четверо и пятеро сторожей или товарищей. Развѣ немногіе изъ семинаристовъ не испытывали такого рода угощеній и внушеній; молва же придавала имъ еще бо́льшіе размѣры. Наконецъ, содержаніе, особенно казеннокоштныхъ учениковъ, было въ высшей степени недостаточно; приходилось иногда, въ буквальномъ смыслѣ—голодать. Впослѣдствіи объ этомъ предметѣ мнѣ еще не разъ придется говорить. Но и теперь уже видно, что дѣтямъ духовенства не было много поводовъ съ удовольствіемъ ѣхать въ семинарію, и продолжать и оканчивать въ нихъ свое образованіе. Покойный мой дѣдъ по отцу, священникъ Касимовскаго тоже уѣзда села Тумы Николаевской Мартынъ Ларіоновичъ, самъ разсказывалъ, какъ, бывало, церковниковъ, т. е. дѣтей священнослужительскихъ, ловили чрезъ земскую полицію, связывали, даже заковывали въ кандалы и подъ конвоемъ отправляли въ то мѣсто, гдѣ находилась семинарія. Разумѣется, подобныя мѣры неумѣстны были для дѣтей въ 10—15 лѣтъ, но въ ученые брали и взрослыхъ молодцовъ, даже женатыхъ; отчего, какъ говаривалъ дѣдушка, такого рекрута семинарской науки съ воемъ провожали не одна мать, сестры, а даже жена съ ребенкомъ на рукахъ. Послѣ этого естественно ожидать, что многіе изъ этихъ рекрутовъ

искали спасенія въ бѣгствѣ; въ „Исторіи рязанской іерархіи“ Воздвиженскаго очень нерѣдко можно встрѣтить слѣдующія слова: при такомъ-то архіереѣ столько-то училось въ семинаріи и столько-то было въ бѣгахъ; бѣглецы считались иногда десятками и бывали почти въ одинаковомъ числѣ съ обучавшимися. Мой дѣдушка любилъ, бывало, даже хвалиться, что онъ не попалъ въ семинарію, но за то много разъ ему приходилось изъ своего села бѣгать въ лѣсъ или въ какую либо деревню и пробыть тамъ нѣсколько дней, чтобы дождаться отъѣзда земской полиціи, пріѣхавшей ловить его въ науку. Чиновники земской полиціи и тогда и послѣ любили ѣздить съ поддужными колокольчиками, отчего всѣ церковники, бѣгавшіе семинарской учености, заслышавъ изъ села колокольчикъ въ полѣ, бросались спасаться въ уютныя мѣста, гдѣ-бы ихъ нельзя было отыскать. Такъ какъ и кромѣ чиновниковъ земской полиціи многіе ѣзжали съ колокольчиками, то подобныя тревоги были иногда не нужны. Мой дѣдушка разсказывалъ тоже, какъ однажды его родственникъ своимъ колокольчикомъ задалъ такого страху, что не скоро отыскали моего дѣдушку, и родственникъ чуть было не уѣхалъ, не увидавшись съ нимъ.

Продолжать и оканчивать курсъ въ семинаріяхъ располагала и поддерживала въ описываемое время только почти одна надежда получить священническое или дьяконское мѣсто. Съ другой стороны, начальства семинарское и епархіальное понимали, что эта надежда легко могла поколебаться и даже совершенно замолкнуть не только отъ непріятностей, которыми такъ богата была жизнь семинариста, но и отъ желанія поскорѣе удовлетворить одной изъ физіологическихъ потребностей, которая выразилась въ словахъ Бога, сказанныхъ Адаму и Евѣ: раститеся и множитеся и наполняйте землю. Я уже говорилъ, что за школьныя скамьи неволею попадали даже женатые люди; потомъ, неженатые въ послѣднихъ классахъ семинаріи бывали такихъ лѣтъ, что могли себя считать въ правѣ и даже имѣли нужду удовлетворять означенной физіологической потребности. Кромѣ того, нерѣдко лучшіе ученики семинаріи любили поступать въ Московскій университетъ или въ медицинскую академію. Чтобы расположить семинаристовъ не только окончить курсъ въ семинаріи, но и поступить въ духовное званіе, начальство не только позволяло имъ жениться, но и посвящало даже въ священники и дьяконы хорошихъ учениковъ, съ

тѣмъ, впрочемъ, чтобы они доучивались до конца семинарскаго курса. Нѣкоторые же молодцы посмѣлѣе женились и безъ позволенія начальства, хотя это было запрещено. Мой батюшка не одинъ разъ разсказывалъ про одного изъ своихъ предшественниковъ по семинаріи—нѣкоего Ушморова, который, по поступленіи въ риторическій классъ, женился болѣе нежели за пять лѣтъ до окончанія курса. Начальство этимъ поступкомъ очень обидѣлось и оставило Ушморова еще на курсъ въ риторическомъ классѣ; потомъ заставило проучиться его два курса въ философскомъ; наконецъ, нужно было еще поучиться въ богословскомъ классѣ. Какъ лучшій ученикъ, Ушморовъ, на окончательномъ публичномъ экзаменѣ говорилъ рѣчь, которая очень понравилась тогдашнему архіерею Амвросію.

— „Спасибо, г. Ушморовъ, — сказалъ владыка, — пора уже вамъ окончить курсъ". Архіерей зналъ исторію и послѣдствія его женитьбы.

— „Да,—отвѣчалъ Ушморовъ,—дѣйствительно пора, ваше преосвященство, потому что въ нынѣшній годъ поступаетъ мой старшій сынъ въ семинарію". Этотъ отвѣтъ, какъ разсказывалъ покойный мой батюшка, произвелъ общій смѣхъ въ залѣ; самъ серьезный владыка улыбнулся.

Описанное мною обыкновеніе—дозволять семинаристамъ жениться и давать имъ священническія и дьяконскія мѣста еще до окончанія курса—было причиною того, что въ богословскомъ классѣ обучалось нѣсколько священниковъ и дьяконовъ; такъ по крайней мѣрѣ водилось въ Рязанской семинаріи. Въ курсѣ моего батюшки въ богословскомъ классѣ такихъ священниковъ было тринадцать, сколько мнѣ помнится, человѣкъ, и въ числѣ ихъ мой родитель. Онъ получилъ священническое мѣсто въ селѣ Палищахъ, женился и посвятился въ священники еще за годъ до окончанія курса. Этому помогло не только начальство, но еще болѣе мой дѣдушка Мартынъ Ларіоновичъ. Покойный мой батюшка принадлежалъ къ отличнымъ ученикамъ своего курса и, вѣроятно, не находя удовлетворенія своей любознательности въ семинарскихъ наукахъ, за два года до окончанія семинарскаго курса, рѣшился поступить въ медицинскую академію. Мой дѣдушка и бабушка Фекла Акимовна, точно такъ же, какъ почти все тогдашнее духовенство, духовное званіе считали самымъ лучшимъ званіемъ для своихъ сыновей.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

24762.

Тутъ дѣйствовало, конечно, и убѣжденіе яко-бы въ превосходствѣ духовнаго званія предъ прочими мірскими должностями и занятіями, и желаніе имѣть сыновей поближе къ себѣ съ тѣмъ, чтобы была возможность почаще съ ними видѣться, а слѣдовательно почаще у него и попить. Въ 1851 г. діаконъ Егорьевскаго уѣзда, Дмитровскаго погоста, Ѳедоръ Волковъ, разговаривая съ моимъ батюшкою о томъ, что всѣ почти его дѣти обучались въ академіи и въ настоящее время живутъ кто въ Петербургѣ, кто въ Казани и пр., прибавилъ: „Зачѣмъ вы, отецъ протопопъ, имъ позволили это дѣлать? зачѣмъ пустили ихъ въ академію? Ужъ я ни одного изъ своихъ ни за что не пущу!“—Да почему же?—спросилъ мой батюшка.—„Эка! то-ли дѣло, когда сынъ будетъ вблизи, попомъ или дьякономъ!“ отвѣчалъ Волковъ. „Я къ нему стану почаще ѣздить и ужъ подгуляю у него“. Кромѣ того, медицинская академія и тогда и даже въ мое время возбуждала во многихъ духовныхъ лицахъ ужасъ и отвращеніе тѣмъ, что ея студентамъ надобно было заниматься анатоміею и операціями, или, какъ тогда говорили, рѣзать живаго и мертваго. Дѣдушка, узнавши о томъ, что его сынъ, т. е. мой батюшка, хочетъ поступить въ медицинскую академію, пришелъ въ крайнее негодованіе, рѣшился поѣхать въ Рязань и хвалился бабушкѣ, что онъ выбьетъ дурь изъ головы Ванюши (такъ онъ называлъ моего батюшку до самой своей смерти, хотя батюшка былъ почетнымъ и извѣстнымъ почти во всей епархіи протоіереемъ). Чтобы исполнить свою угрозу, дѣдушка даже взялъ съ собою плеть, чтобы ею выбивать дурь изъ головы Ванюши. По тогдашнимъ понятіямъ, подобные пріемы считались не только дозволенными, но и самыми вѣрными и легкими. Только дѣдушка или вовсе не думалъ привести самымъ дѣломъ свою угрозу въ исполненіе, а только, какъ обыкновенно говорятъ, задавалъ форсу и пыли предъ бабушкою и своими односельчанами, или, можетъ быть, поодумался дорогою въ Рязань,—только дѣдушка, пріѣхавши въ Рязань, началъ дѣйствовать вовсе не такъ, какъ говорилъ въ Тумѣ предъ бабушкою, которая всячески упрашивала его обойтись посниходительнѣе съ сыномъ.

По господствовавшему тогда въ семинаріяхъ обычаю, ученикъ, изъявившій желаніе поступить въ медицинскую академію, переставалъ ходить въ классъ и перебирался въ семинарскую больницу; такъ поступилъ и мой батюшка; ему это было тѣмъ

удобнѣе, что онъ жилъ не на вольной квартирѣ, а въ семинаріи на такъ называемомъ казенномъ, внося, впрочемъ, за свое содержаніе небольшое количество денегъ. Дѣдушка, пріѣхавъ въ Рязань, пришелъ къ сыну въ больницу и пригласилъ его къ себѣ на квартиру. Батюшка мой одѣвался не очень пышно; онъ носилъ лѣтомъ затрапезный халатъ; панталонъ у него до того времени еще не было; семинаристы тогда бо̀льшею частію были санкюлотами.... Дѣдушка, вышедши изъ семинаріи, взглянувъ на затрапезный халатъ, въ которомъ шелъ мой батюшка, сказалъ: „Что это, Ванюша? ты уже великонекъ, а ходишь все въ затрапезномъ халатѣ; да и панталонъ у тебя нѣтъ; пойдемъка въ лавки, да кушимъ нанки на сюртукъ и панталоны“. Надобно сказать, что тогда нанка была лучше и прочнѣе, нежели послѣ,—была даже модною матеріею на одежду въ среднихъ сословіяхъ. Мой папа заговорилъ было о медицинѣ; дѣдушка перебилъ его скороговоркою и сказалъ: „Ну, вотъ тамъ,—погоди, еще поговоримъ объ этомъ, а теперь пойдемъ покупать нанку“. Купили, отдали портному для шитья сюртука и панталонъ, и потомъ уже пришли на квартиру. Тутъ дѣдушка забылъ совершенно о своихъ родительскихъ правахъ и о тумскихъ угрозахъ, заплакалъ, сталъ обнимать своего сына, готовъ былъ даже кланяться и поклонился бы, еслибы не былъ удержанъ отъ того моимъ батюшкою, принялся упрашивать, умаливать его не ходить въ медицинскую академію и пр., и пр. Покойный мой отецъ имѣлъ твердый характеръ, вовсе въ то время не желалъ быть священникомъ, но, видя слезы своего отца, слыша, что и мать его въ Тумѣ постоянно плачетъ и съ ужасомъ представляетъ, какъ онъ станетъ рѣзать живыхъ и мертвыхъ людей,—отецъ мой не выдержалъ, разстался съ любимою своею мечтою быть докторомъ. Дѣдушка былъ въ восторгѣ, но, возвратившись домой, все-таки бабушкѣ и своимъ односельчанамъ сначала говорилъ: „Задалъ же ему, т. е. своему Ванюшѣ, пыли, выбилъ дурь изъ его головы“. Истина открылась когда уже мой папа, по окончаніи трети года, пріѣхалъ въ Туму и все разсказалъ бабушкѣ. Дѣдушка, впрочемъ, на это не сердился, и впослѣдствіи я самъ много разъ слыхалъ, какъ онъ говаривалъ: „ну, да что-жъ станешь дѣлать? Вѣдь я понималъ, что плетью тутъ ничего нельзя было сдѣлать; ну, а дома нельзя же было съ перваго раза сказать, что я его упрашивалъ и упро-

силъ; надобно же было не ронять себя". Только и дѣдушка, опасаясь, какъ бы его Ванюша опять не задумалъ идти въ медицинскую академію, началъ искать ему и мѣсто и невѣсту, нашелъ, уговорилъ Ванюшу подать архіерею просьбу о предоставленіи за нимъ священническаго мѣста въ селѣ Палищахъ. Архіерей согласился на это; папа мой въ каникулы, за годъ до окончанія курса семинарскаго, женился и посвятился въ священники, и потомъ еще цѣлый годъ ходилъ въ классъ, но большею частію не въ рясѣ, даже не въ подрясникѣ. Онъ при мнѣ не разъ говаривалъ, что и онъ и другіе его товарищи—попы-семинаристы—хаживали въ классъ не только въ тулупахъ и халатахъ, но даже иногда въ сюртукахъ; разумѣется, и подрясники не забывались. За то въ праздничные и воскресные дни любили сохранять торжественность въ семинарской церкви; обыкновенно служивали въ ней обѣдню не только по три, но и по пяти и болѣе человѣкъ.

Описанный мною обычай—производить семинаристовъ въ священники и дозволять имъ въ этомъ санѣ доканчивать семинарскій курсъ—прекратился, по крайней мѣрѣ въ Рязанской семинаріи, въ 1809 году. Въ этотъ годъ открылась С.-Петербургская духовная академія и въ нее нужно было послать изъ Рязанской семинаріи довольно порядочное количество учениковъ,—кажется, болѣе пяти или шести. При этомъ оказалось, что лучшіе ученики богословскаго класса были уже женатыми людьми и священниками. Начальство думало-было посылать и изъ нихъ; тогдашній ректоръ архимандритъ Іеронимъ и инспекторъ семинаріи Серезевскій особенно настаивали, чтобы мой отецъ, занимавшій второе мѣсто въ классѣ, отправился въ академію; но онъ не согласился, да едва-ли бы и начальство академическое приняло женатаго студента. Рязанская семинарія принуждена была послать въ академію нѣсколько учениковъ изъ философскаго класса; двоихъ изъ нихъ, Семена Красильникова и Мокея Тарасова я зналъ, когда они были наставниками въ Рязанской семинаріи. Но чтобы на будущее время не было затрудненій при назначеніи лучшихъ учениковъ въ духовныя академіи, запрещено было семинаристамъ жениться, пока они еще учатся въ семинаріи.

Извините, г. читатель, что я довольно долго занялся описаніемъ этого стариннаго семинарскаго обычая; онъ такъ оригиналенъ и несогласенъ съ обычаями послѣдующихъ временъ, что его надобно было описать поподробнѣе и память о немъ передать потомству.

Глава II-я.

О мѣстности села Палищъ.

Батюшка мой, получивши священническое мѣсто въ селѣ Палищахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ купилъ домъ, принадлежавшій его предшественнику; но обязанный бо́льшую часть года учиться и жить въ Рязани, онъ бывалъ въ Палищахъ только въ каникулярныя времена, да и тогда едва-ли постоянно тамъ находился. Матушка же моя въ теченіе цѣлаго года жила у дѣдушки въ Тумѣ; вотъ почему и я увидѣлъ свѣтъ въ этомъ селѣ [1]). По возвращеніи моего батюшки изъ Рязани въ октябрѣ 1809 года, родители мои наконецъ переселились вполнѣ въ Палищи и начали жить своимъ уже домомъ и хозяйствомъ. Въ этой главѣ я опишу и свою и ихъ палищенскую жизнь, руководствуясь не только тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ въ зрѣломъ уже возрастѣ удалось пріобрѣсти отъ другихъ, но и своими собственными впечатлѣніями и, такъ сказать, наблюденіями. Конечно, впечатлѣнія и наблюденія эти были дѣтскія, но вѣрность или ошибочность ихъ я старался повѣрить, когда уже способенъ былъ судить о нихъ не по-дѣтски.

Первыя воспоминанія изъ моего дѣтства, ясно сохранившіяся въ моей памяти, относятся къ четвертому и пятому году моей жизни. Особенно два событія этого времени живо отпечатлѣлись въ моемъ мозгу, именно прививаніе мнѣ оспы и смерть палищенскаго священника Василія. Первое событіе происходило, когда я еще не имѣлъ четырехъ лѣтъ отъ роду. Оспа тогда могла назваться страшнымъ бичомъ русскаго народа, отъ нея не только обезображивалось, но и умирало огромное количество дѣтей и взрослыхъ людей. Но невѣжество и господствовавшіе предразсудки заставляли массу народную смотрѣть на оспопрививаніе или какъ на богопротивное, или какъ на ужасно-опасное дѣйствіе. Бо́льшая часть сельскихъ и деревенскихъ матерей добровольно ни за что

---

[1]) Это село офиціально называлось Тумою Николаевскою; близъ него въ 15-ти верстахъ была другая Тума, но Воскресенская; ее жители называли Воскресеньемъ, а Туму Николаевскую—просто Тумою,—и я буду слѣдовать этому обычаю. Д. Р.

не соглашались приносить своихъ дѣтей къ фельдшеру и даже къ лекарю для прививанія оспы, а если и рѣшались на это, то послѣ долгихъ убѣжденій, даже принужденій и, разумѣется, уже съ плачемъ и рыданьемъ. Священникамъ предписывалось указами всячески стараться о распространеніи оспопрививанія религіозными убѣжденіями. Въ первой четверти XIX столѣтія, не припомню въ которомъ именно году, разослана была по всѣмъ церквамъ русской имперіи проповѣдь, въ которой авторъ ея, бывшій впослѣдствіи кіевскій митрополитъ Евгеній, доказывалъ, что прививать оспу дѣтямъ не противно слову Божію, есть дѣло полезное и необходимое и пр.; проповѣдь эту священники обязаны были читать съ церковной каѳедры, кажется, по нѣскольку разъ въ годъ, но, разумѣется, не читали; по крайней мѣрѣ, я рѣшительно ни разу не слыхалъ этого чтенія въ церкви. Кромѣ того, едва-ли не было тоже указомъ предписано, чтобы священники подавали примѣръ прихожанамъ, позволяя прививать оспу своимъ дѣтямъ.

Не знаю, случайно ли или въ исполненіе описанныхъ правительственныхъ распоряженій, только прививаніе оспы мнѣ и двумъ моимъ сестрамъ происходило публичнымъ, почти торжественнымъ образомъ. День былъ воскресный; въ избѣ, гдѣ мы жили, собралось множество деревенскихъ бабъ и мужиковъ; меня посадили на лавкѣ передней стороны избы, близь самаго стола, стоявшаго обыкновенно въ такъ называемомъ переднемъ углу—предъ образами; съ правой стороны меня сидѣла моя матушка съ двумя моими сестрами; предо мною стояли мой батюшка, фельдшеръ или, какъ его называли, оспопрививатель—крестьянинъ и прочій собравшійся людъ; нѣкоторыя изъ бабъ еще прежде операціи плакали. Вѣроятно, и я, смущенный всею обстановкой, посконфузился, потому что, когда фельдшеръ сталъ обнажать мою правую руку, кто-то изъ предстоящихъ сказалъ про меня: „да онъ испугался и хочетъ заплакать“. Тогда мой папа для ободренія моего отвѣчалъ: „Вотъ еще, я знаю, онъ не испугался и ни за что не заплачетъ; вѣдь онъ не дѣвочка“. Эти слова пробудили во мнѣ амбицію, и я, какъ теперь помню, сжавши свои губы и удерживая слезы, которыя готовы уже были литься, собралъ всю свою храбрость, не закричалъ и не заплакалъ и, разумѣется, заслужилъ общее одобреніе. Но сестры мои, изъ которыхъ одна—Наталья была моложе меня двумя годами, а другая—Елисавета еще грудной

ребенокъ, разумѣется, плакали и защищались отъ грозившей имъ опасности; ихъ надобно было держать. Оспа у всѣхъ у насъ принялась, но я легче другихъ былъ боленъ; по словамъ моей матушки, я перенесъ ее на ходу и играючи. Слѣды отъ шести оспенокъ, по три на каждой рукѣ, оставались видными, когда уже мнѣ было болѣе 30-ти лѣтъ.

Смерть отца Василія случилась вскорѣ послѣ нашего оспопрививанія и оставила во мнѣ впечатлѣніе по трагическому своему характеру. Отецъ Василій былъ уже старикъ съ сѣдыми волосами и бородою, немного уже сгорбленный; по совѣсти сказать, я его почему-то побаивался. Онъ, равно какъ и третій священникъ, Евдокимъ, вели жизнь нетрезвую. Отецъ мой, не смотря на то, что былъ моложе ихъ годами 30—40, если не болѣе, какъ человѣкъ ученый, т. е. кончившій семинарскій курсъ, имѣлъ старшинство по церкви, или, какъ тогда говаривали, предстоятельствовалъ въ ней. Вѣроятно, старики не очень были довольны такимъ униженіемъ ихъ старости, и на меня посматривали неласково; поэтому-то я, должно быть, и побаивался ихъ. Отецъ Василій по какому-то случаю долженъ былъ ѣхать въ деревню Овинцы, въ шести верстахъ отъ Палищъ, и тамъ, по своему обычаю, порядочно подвыпилъ. Возвращаясь одинъ домой, онъ, какъ надобно полагать, вывалился изъ саней и, не имѣя силъ догнать лошадь, остался на чистомъ полѣ; лошадь пришла домой одна; кажется, не вдругъ замѣтили ея возвращеніе, и потому поиски начались уже на другой день. Старикъ былъ найденъ мертвымъ—замерзшимъ. Помню, какъ по закатѣ уже солнца, но когда еще довольно свѣтло было, въ избѣ нашей заговорили, что везутъ отца Василія; я, стоя на лавкѣ предъ однимъ изъ оконъ, обращеннымъ къ дорогѣ, увидѣлъ лошадь, запряженную въ сани, которыя называются дровнями. Вдоль нихъ лежалъ отецъ Василій, прикрытый рогожкою, а на концѣ саней стоялъ мужикъ, держа въ рукахъ натянутыя возжи; ѣхали довольно скорою рысью. Я, разумѣется, испугался, потому что прежде еще наслушался, что вообще смерть вещь страшная, что мертвецы—существа грозныя, а замерзшіе пьяницы еще страшнѣе: ихъ-де души никуда не принимаются, а отдаются въ команду чорту, или шатаются по бѣлому свѣту и безпокоятъ людей.

Село Палищи мнѣ—ребенку—очень нравилось, такъ же какъ

едва-ли не всякому нравятся тѣ мѣста, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Между тѣмъ, село по своему мѣстоположенію не стоило особой похвалы. Оно окружено было со всѣхъ совершенно сторонъ лѣсами, такъ что, на моей уже памяти, изъ-за нихъ не видно было ни одной изъ окрестныхъ деревень. Наскучивъ такою изолированностію, духовенство палищенское рѣшилось сдѣлать большую просѣку къ деревнѣ Спуднямъ; вырубили въ началѣ лѣта нѣсколько десятинъ лѣсу, въ которомъ были даже строевыя деревья, дали имъ высохнуть въ теченіе жаркихъ мѣсяцевъ, потомъ въ сентябрѣ въ одинъ воскресный день зажгли валежникъ. Огонь по сухому горючему матеріалу быстро распространился, захватилъ даже много несрубленныхъ стоячихъ деревьевъ и во многихъ мѣстахъ зажигалъ изгородь. Въ то время, какъ взрослые всѣ заняты были поджиганіемъ валежника и наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы пожаръ не распространился далѣе назначенныхъ ему границъ, мы—дѣти—были въ восторгѣ отъ невиданнаго зрѣлища; огонь, быстро переходя огромными клубами съ одного мѣста на другое, расширялся и расширялся и, наконецъ, захвативши все предоставленное ему пространство, слился почти въ одну массу; зрѣлище было дѣйствительно великолѣпное. На него сбѣжалось посмотрѣть изъ окрестныхъ деревень множество народа,—дѣти, чтобы порядкомъ полюбоваться огнемъ, а взрослые изъ опасенія не грозитъ ли опасность селу и церкви. Курево продолжалось еще нѣсколько дней, но наконецъ все погасло, т. е. все сгорѣло, и Спудни были уже видны намъ.

Потомъ, кругомъ села, въ бо̀льшемъ или меньшемъ отъ него разстояніи, были со всѣхъ сторонъ болота, такъ что мѣстность, имъ занимаемая, могла назваться островомъ на болотномъ морѣ. Чрезъ это лѣтомъ сообщеніе съ деревнями было весьма затруднительно для ѣзды, или увеличивалось вдвое и даже втрое; напримѣръ, деревня Талново отстояла отъ села не болѣе трехъ верстъ, но лѣтомъ въ нее ѣзжали чрезъ деревню Малахово—въ четырехъ верстахъ отъ села, отъ которой Талново, кажется, было не въ меньшемъ разстояніи. Для пѣшеходовъ лѣтомъ чрезъ болота наброшены были такъ называемыя кладины, т. е. положены чуть не какъ попало бревна, отесанныя и неотесанныя, по два и по три, а иногда и по одному въ рядъ. Я даже полагаю, что село можно было назвать такимъ островомъ, который не только окруженъ былъ со всѣхъ

сторонъ болотами, но и подъ собою имѣлъ болото, какъ это видно изъ слѣдующаго происшествія. Кто-то изъ жителей села, во время уже нашего житья въ немъ, рылъ себѣ колодезь; вода обыкновенно показывалась весьма скоро, но была дурнаго качества; поэтому хозяинъ рѣшился углубить свой колодезь, расчитывая на то, что этимъ способомъ дороется до ключа съ хорошею водою. Но однажды работникъ, рывшій колодезь, закричалъ въ испугѣ, чтобы его какъ можно скорѣе тащили вонъ. Вышедши на поверхность земли, онъ съ ужасомъ разсказывалъ, что едва было не провалился сквозь землю. Сначала посмѣялись надъ нимъ, но одинъ смѣльчакъ рѣшился опуститься на дно колодезя. Оказалось, что оно дѣйствительно непрочно и колебалось подъ сильными ударами. Привязавъ себя на всякій непредвидѣнный случай къ концу веревки, на которой его спустили, смѣльчакъ началъ пробивать дно, пробилъ или прорылъ, и оттуда выступила не очень густая грязь, натекла вода съ отвратительнымъ запахомъ. Ему подали длинные шесты, но они свободно опускались въ поддонную грязь и не достигали твердой почвы. Жители струсили, опасаясь всѣмъ селомъ провалиться сквозь землю, можетъ быть, въ тартарары, т. е. въ тартаръ—въ адъ, и завалили колодезь. Изъ моего описанія видно какъ справедливо отзывался про Палищи рязанскій архіепископъ Феофилактъ, говоря: „а это село,—тамъ, гдѣ-то въ углу, въ болотахъ“.

Въ этомъ-то селѣ, среди этихъ-то болотъ жили три церковныхъ причта: три священника, два дьякона и шесть причетниковъ, да еще три мѣщанина, именно семья Галкиныхъ,—нашихъ дальнихъ родственниковъ, какой-то Илья и Силушка, да еще дочь замерзшаго отца Василія. Отъ болотнаго, сыраго и лѣсистаго мѣстоположенія, въ селѣ лѣтомъ было ужасное множество комаровъ; въ этомъ отношеніи Палищи не много уступали прибрежьямъ и поверхности Миссисипи, гдѣ для спасенія отъ москитовъ люди надѣваютъ на себя желѣзныя сѣтки. Палищенскіе жители не прибѣгали къ столь искусственному средству; они вмѣсто него иногда по нѣскольку разъ въ день, а ужъ непремѣнно вечеромъ, зажигали положенный въ глиняные горшки навозъ, отчего комнаты наполнялись ѣдкимъ дымомъ; комары, не любя его, улетали въ отворенную дверь. Тогда обыкновенно затворяли дверь и въ такой-то

дымной, смрадной комнатѣ располагались ночевать. У насъ, кажется, навозъ мало зажигали, а курили, т. е. наполняли избу дымомъ отъ зажженныхъ сырыхъ полѣньевъ дровъ. Покойный мой батюшка употреблялъ, впрочемъ, новое имъ открытое средство. Комары высоко отъ земли не поднимаются, а въ селѣ колокольня была очень высока и на нее уже не залеталъ ни одинъ комаръ. Поэтому мой батюшка, поужинавши, бралъ съ собою подушку и нужную одежду, отправлялся на колокольню, подъ самые колокола, и тамъ спалъ всю ночь. „Вотъ такъ мѣсто,—говаривалъ бывало покойникъ,—нѣтъ ни мухи, ни комарика".

Но у жителей и села и окрестныхъ деревень были еще непріятные сосѣди изъ животнаго царства покрупнѣе комаровъ, — это волки, филины и медвѣди. Волковъ въ окружающихъ село лѣсахъ водилось многое множество. Лѣтомъ они для людей были не опасны; за то домашнимъ животнымъ доставалось частенько расплачиваться съ ними своею шкурою. Но зимою надобно было человѣку брать предосторожности противъ волковъ, которые бродили нерѣдко цѣлыми компаніями и любили преслѣдовать человѣка, даже въ томъ случаѣ, когда онъ ѣхалъ въ саняхъ на лошади. Дороги были узкія, снѣга глубокіе, поэтому волкамъ обогнать лошадь не было возможности; впрочемъ, голодъ заставлялъ ихъ отваживаться на смѣлыя штуки. Догнавши сани, они иногда старались при помощи скачка попасть непрошенными компаніонами въ сани. Но такъ какъ для скачка волку надобно на нѣсколько мгновеній остановиться, то лошадь успѣвала въ это время уѣхать впередъ, и скачокъ не помогалъ волку попасть въ сани. Другой маневръ состоялъ въ томъ, что волкъ, зубами ухватившись за заднюю часть саней и упираясь ногами въ снѣгъ, старался задерживать лошадь. Разумѣется, подобный маневръ тоже не удавался, а между тѣмъ сидѣвшіе въ саняхъ въ такомъ случаѣ перебирались въ переднюю часть ихъ, маленькихъ дѣтей клали на дно ихъ, а взрослые стояли, держась за передокъ и наклѣстки, т. е. боковыя верхнія части саней. Люди посмѣлѣе запасались кольями и старались ими у волковъ отбить охоту быть провожатыми. Употреблялись и другія средства. Волкъ очень хитръ и боится попасть въ какую либо ловушку. Поэтому изъ саней выбрасывали назадъ конецъ веревки. Волкъ, считая это чѣмъ-то въ родѣ сѣтей, не

всегда рѣшался подбѣгать къ самымъ санямъ, особенно если къ концу веревки привязывался большой пукъ сѣна; тутъ волкъ окончательно трусилъ. Иногда бросали разныя вещи изъ саней. Лучше всего для этого были боченки. Волкъ, увидавши выброшенную вещь, увлекался любопытствомъ и непремѣнно ее осматривалъ, а боченокъ считалъ обязанностью разбить, въ надеждѣ, вѣроятно, что нибудь въ немъ отыскать. Помню еще разсказъ о томъ, какъ однажды мужикъ отдѣлался отъ большаго стада волковъ. Онъ ѣхалъ изъ лѣсу съ возомъ полѣнныхъ дровъ, которыя на саняхъ были сложены въ видѣ полѣнницы и стянуты веревками. Замѣтивъ волковъ, мужикъ пріударилъ свою лошаденку, но скоро увидѣлъ, что ему не уѣхать, волки уже готовились атаковать его въ саняхъ. Тогда онъ топоромъ быстро разрубилъ веревку, стягивавшую дрова; послѣднія съ громомъ посыпались въ разноту, нѣкоторыя полѣнья попали въ волковъ. Волкамъ, конечно, нечего было бояться ихъ, но неожиданность маневра такъ ихъ удивила и перепугала, что они, нимало не медля, поворотили въ лѣсъ. При всемъ томъ не припомню ни одного случая, чтобы кто либо изъ жителей и прихожанъ Палищъ былъ съѣденъ волками.

Но собакамъ и другимъ животнымъ, которыя въ зимнее время выбѣгали на улицу или за село, особенно ночью, не всегда безнаказанно проходила эта отважность. Ночью же волки входили въ самыя деревни. Нечего и говорить, что глупая дворняжка, бѣгавшая или лежавшая на улицѣ, попадала на ужинъ имъ. Но волки умѣли вызывать собакъ и со двора. Для этого они приходили не менѣе, какъ вдвоемъ. Одинъ изъ нихъ становился задомъ къ воротамъ и, просунувъ въ какое либо отверстіе подъ ними свой хвостъ на дворъ, начиналъ имъ стучать. Дворняжка, разумѣется, подбѣгала, иногда даже хваталась зубами за хвостъ, который тотчасъ же скрывался; она, прихрабрившись, рѣшалась его преслѣдовать, вылѣзала со двора въ подворотню, волкъ тотчасъ бѣжалъ прочь, собака поддавалась обману, преслѣдовала его и отбѣгала отъ воротъ. Но тутъ другой волкъ, сидѣвшій въ засадѣ, бросался на нее, бѣглецъ тоже возвращался и съ несчастною дворняжкою поканчивалось дѣло даже въ деревнѣ, но большею частію волки уносили ее вонъ изъ деревни и вблизи ея гдѣ либо ужинали. Во многихъ деревняхъ въ зимнее время всѣ почти собаки, не привязанныя на цѣпи, тѣмъ или другимъ образомъ дѣлались жертвою волковъ.

Волки приводили въ страхъ бо́льшую часть жителей села Палищъ не только своими нападеніями на нихъ и домашнихъ животныхъ, но и концертами. Извѣстно, что въ слишкомъ сильные морозы волки, особенно если еще голодъ присоединится, начинаютъ выть. Этотъ вой дѣйствительно отличается какими-то дикими звуками; каждый волкъ въ такихъ случаяхъ умѣетъ придавать своему голосу разнообразные тоны и переливы; слушая одного, особенно двухъ такихъ пѣвцовъ, подумаешь, что ихъ собрался цѣлый большой хоръ. Общее впечатлѣніе такого хора дѣйствительно производитъ непріятное впечатлѣніе. Эти-то концерты нерѣдко распѣвались около Палищъ. Однажды, я помню, какъ лѣсной артистъ захотѣлъ угостить насъ своимъ пѣніемъ у самыхъ нашихъ оконъ. Вдоль уличной продольной стѣны нашей избы стояла полѣнница дровъ, уже болѣе нежели до половины разобранная. Волкъ, пришедши ночью въ село, чтобы поживиться собачкою или поросенкомъ, котораго нерадивая хозяйка не загнала на дворъ, но ничего не нашедши, взлѣзъ на эту полѣнницу и, вѣроятно, съ горя вздумалъ утѣшить себя хоть своими пѣснями, и вдругъ неожиданно для насъ раздался его концертъ близь самыхъ нашихъ оконъ. Батюшки моего не было дома, въ избѣ сидѣли при огнѣ только женщины и дѣти. Помню какъ всѣ перепугались, бо́льшая часть бросилась на печь, на полати, точно какъ будто волкъ лѣзъ уже въ окно; я, сидѣвши до того времени на лавкѣ, тоже вскочилъ и бросился бѣжать по ней къ переднему углу—къ образамъ, и тутъ пріютился. Нечего и говорить о крикѣ, которымъ всѣ мы сочли нужнымъ защитить себя отъ нападеній своего непріятеля, хотя онъ даже и не думалъ лѣзть къ намъ. Артистъ вскорѣ замолкъ, и мы мало-по-малу оправились отъ страху.

Филинъ самъ по себѣ, собственно для человѣка, нисколько не опасенъ, но его визитовъ въ Палищахъ суевѣрные жители боялись чуть не болѣе нежели волчьихъ. Филинъ вмѣстѣ съ совою и летучею мышью принадлежитъ къ ночнымъ птицамъ. Это самое въ глазахъ суевѣрныхъ людей даетъ уже дурное понятіе о нихъ; вѣдь день и свѣтъ называются божьими, а ночь и тьма, разумѣется, въ распоряженіи нечистой силы, которая и сама бо́льшею частію любитъ проказничать въ ночное время, особенно до полночи. Отсюда уже логически вытекаетъ, что всѣ вообще ноч-

ныя птицы—не божіи твари, а дьявольское произведеніе. Потомъ у филина и совы передняя часть головы представляетъ нѣчто похожее на человѣческое лицо,—ясно, значитъ, что эта обезображенная фигура человѣка принадлежитъ если не самому чорту, то по крайней мѣрѣ любимымъ его животнымъ, въ которыя въ потребныхъ случаяхъ и самъ онъ преобразуется. Когда я уже былъ въ академіи, а батюшка мой жилъ въ Тумѣ, то въ отсутствіе его случилось въ дому происшествіе, которое всѣхъ перепугало. Сова какъ-то залетѣла въ сѣни и изъ нихъ не могла выбраться. Кто-то, вышедши въ сѣни, увидалъ ея блестящіе глаза и возвѣстилъ объ этомъ въ избѣ. Отправилась цѣлая экспедиція для изслѣдованія; тутъ, при видѣ птицы съ мордою, похожею на человѣческое лицо, пришли всѣ въ удивленіе, а нѣкоторые и въ ужасъ, но у кого-то достало смѣлости схватить сову и внести въ избу; къ счастію, стояла въ избѣ довольно большая клѣтка, въ которую тотчасъ и засадили плѣнницу. Всѣ окружили ее и принялись за рѣшеніе вопроса: что это за существо? Батюшки и матушки не было въ то время дома; коммендатомъ, такъ сказать, оставалась бабушка Фекла Акимовна, за нѣсколько уже лѣтъ лишившаяся зрѣнія; изъ предстоящихъ зрячихъ людей никто никогда не видывалъ совы. Естественно, что всѣ обратились къ бабушкѣ за разрѣшеніемъ предложеннаго вопроса, и описали фигуру птицы еще страшнѣе, нежели какъ она казалась. Старушка, плохо знакомая съ естественною исторіею, но считавшая себя знатокомъ въ демонологіи, порѣшила, что это, должно быть—чертенокъ, съ чѣмъ согласились и прочіе. Бабушка тотчасъ же приказала поскорѣе осѣнить крестомъ клѣтку со всѣхъ сторонъ, потому что, по общему повѣрью, чортъ ужъ никакъ не рѣшится выйти въ ту сторону, которая осѣнена крестомъ. Разумѣется, принялись крестить клѣтку и когда убѣдились, что уже не осталось ни одного мѣстечка, куда бы можно было выскочить нечистой силѣ, то оставили клѣтку до утра, чтобы пойманнаго чорта представить куда слѣдуетъ. Но поутру какой-то добрый человѣкъ разъяснилъ, что мнимый чортъ есть настоящая сова.

Филинъ же былъ страшенъ деревенскимъ жителямъ не однимъ своимъ видомъ, но и голосомъ. Дѣйствительно, дикій, заунывный, отзывающійся чѣмъ-то человѣческимъ, крикъ его мо-

жетъ испугать суевѣрнаго человѣка. Къ тому же, филинъ любитъ давать свои концерты ночью, и иногда для этого прилетаетъ на сельскія колокольни. Можете судить, какой переполохъ бываетъ въ селѣ, когда вдругъ въ глухую ночь раздастся дикій и страшный крикъ филина съ колокольни. Суевѣрные люди не только остаются въ ужасѣ во время концерта, но и послѣ долго продолжаютъ быть въ мучительномъ ожиданіи какой либо бѣды, потому что, по деревенской логикѣ, крикъ филина, особенно съ колокольни, предвѣщаетъ пожаръ или другое какое либо несчастіе, и еслибы случилось что нибудь въ родѣ этого, хотя бы чрезъ нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ и даже годъ,—филинъ считается виновникомъ и вмѣстѣ пророкомъ несчастія. Въ Палищахъ крикъ филина слишкомъ часто повторялся; однажды даже одинъ филинъ рѣшился было избрать колокольню своею постоянною квартирой. Батюшка мой старался убѣдить жителей, что отъ крика филина такъ же мало можно ожидать бѣды, какъ и отъ крика всякаго животнаго, но жители оставались при своемъ убѣжденіи; даже въ домѣ отца моего едва-ли не всѣ, кромѣ его самого, считали филина если не чортомъ, то существомъ очень близкимъ къ нему, и потому, услышавъ крикъ его съ колокольни, приходили въ ужасъ; и я тоже, смотря на испуганныя лица всѣхъ, прижимался гдѣ либо въ уголку и сидѣлъ въ ожиданіи грозной бѣды. Въ лѣсахъ же ночной крикъ филина былъ еще страшнѣе, потому что усиливался и повторялся эхомъ. Это точно было такъ, какъ будто кто-то захохочетъ, а другой ему съ какой либо стороны чрезъ нѣсколько секундъ отвѣтитъ такимъ же хохотомъ. Очевидное дѣло, что подобнымъ образомъ могли перекликаться въ лѣсу только лѣшіе. Вотъ почему, по общему почти мнѣнію, палищенскіе лѣса были биткомъ набиты лѣшими.

Медвѣдь, или, какъ его называютъ, Мишка, Михаилъ Ивановичъ, какъ особа, наклонная къ уединенной, отшельнической жизни, не любитъ, кромѣ нужныхъ случаевъ, показываться на глаза людямъ. Но около Палищъ встрѣчи съ нимъ бывали нерѣдки, происходили печальныя, а иногда и смѣшныя сцены. Однажды въ воскресный день, помѣщикъ деревни Голваревой, по окончаніи обѣдни, закусивши и выпивши у моего батюшки, от-

правился домой, но въ одномъ мѣстѣ, для сокращенія дороги, велѣлъ кучеру ѣхать прямо въ деревню, а самъ пошелъ по кладинамъ, набросаннымъ по болоту. Въ болотѣ росли кое-гдѣ кучки деревьевъ, помѣщикъ шелъ позадумавшись и, вышедши изъ-за деревьевъ на открытое болото, чуть не носомъ къ носу, какъ говаривали, встрѣтился съ медвѣдемъ. Мишка, на другой сторонѣ болота поймавъ и зарѣзавъ лошадь, нашелъ нужнымъ перетащить ее чрезъ него, вѣроятно, для своего семейства. Но бѣдняга былъ въ большихъ хлопотахъ. Кладины были не широкія; одинъ Мишка могъ еще чрезъ нихъ пробираться, но трупъ лошади часто сваливался въ болото, и вмѣстѣ съ собою увлекалъ Мишку, которому не хотѣлось выпустить его изъ своихъ зубовъ. Онъ кое-какъ выбирался самъ на кладины, затѣмъ вытаскивалъ лошадь и съ нею отправлялся далѣе; лошадь снова попадала въ болото, для Миши начинались новыя хлопоты. Помѣщикъ встрѣтился съ нимъ ужъ послѣ того, какъ Мишка нѣсколько разъ побывалъ въ болотѣ и былъ ужъ очень раздраженъ. Увидавъ помѣщика, онъ выразилъ свое негодованіе ревомъ и даже обнаружилъ враждебныя намѣренія, вѣроятно, надѣясь, что человѣка онъ скорѣе и безъ большихъ хлопотъ донесетъ до своей берлоги, нежели лошадь. Помѣщикъ рѣшился отступить; Мишка двинулся было за нимъ, но помѣщикъ быстро побѣжалъ, а Мишка, преслѣдуя его, срывался съ кладинъ, и потому счелъ за лучшее заняться лошадью. Помѣщикъ же другою дорогою возвратился въ свою деревню.

Но не всѣмъ проходила такъ безопасно встрѣча съ медвѣдемъ, какъ этому барину, случалось, хоть рѣдко, что Мишка расправлялся съ царемъ земнымъ по-своему. Не знаю почему, а въ народѣ, какъ я слыхалъ въ дѣтствѣ, было убѣжденіе, что Миша, поймавъ человѣка, обыкновенно подмиваетъ подъ себя его головою къ заду, затѣмъ заворачиваетъ одежду, почти такъ же какъ дѣлаютъ, когда нужно высѣчь мальчика, и потомъ будто бы, преимущественно, по крайней мѣрѣ—сначала, начинаетъ кушать тѣ мягкія части нашего тѣла, по которымъ падаютъ удары розогъ. Помню даже, что одинъ мужикъ былъ отбитъ у медвѣдя послѣ того, какъ послѣдній скушалъ одно бедро. Раны какъ-то залечили, и мужикъ остался живъ, но уже сидѣлъ всегда накло-

нясь на одну сторону, потому что сѣдалищныя его части были неравны и не могли его поддерживать въ прямомъ, вертикальномъ положеніи.

Другое повѣрье состояло въ томъ, что Миша не любилъ употреблять для своего стола женщинъ, особенно молодыхъ, а, поймавши ихъ, уводилъ въ свою берлогу и начиналъ съ своею плѣнницею вести семейную жизнь. Отправляясь на охоту, онъ такъ заваливалъ свою берлогу, чтобы плѣнница не могла убѣжать, и, возвратившись, приносилъ ей обѣдъ или ужинъ. Говаривали, бывало, при томъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что даже рождались дѣти отъ такого гражданскаго брака, и что супруга иногда оставалась очень довольна ласками своего мохнатаго мужа и не хотѣла съ нимъ разставаться; даже возвратившись въ прежнюю деревню и семью, скучала по лѣсной жизни. Подобнымъ разсказамъ вѣрили не только мужики, но и бо́льшая часть духовныхъ.

Надобно, впрочемъ, правду сказать, что женщинамъ и дѣтямъ едва-ли не чаще, нежели мужчинамъ, приходилось около Палищъ встрѣчаться съ медвѣдями. Причиною этого была малина. Извѣстно, что Миша изъ произведеній растительнаго царства очень любитъ малину; онъ не только съ аппетитомъ ее кушаетъ, но нерѣдко и поселяется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она изобильна. Она особенно любитъ расти въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много валежника, т. е. срубленныхъ или сломленныхъ и вырванныхъ съ корнями деревьевъ, которыя почему-то въ такихъ случаяхъ назывались въ Палищахъ колодами. Подъ такими-то сосновыми или еловыми колодами, пока еще сучья ихъ покрыты иглами, медвѣдь устраиваетъ иногда свои постоянныя или временныя квартиры. Поэтому женщины и дѣти, которыя преимущественно ходятъ за малиною, нерѣдко видали медвѣдя. Иногда онъ сидитъ на колодѣ, подбираетъ лапами сосѣдніе кусты малины и объѣдаетъ ягоды, иногда то же самое дѣлаетъ, ходя по землѣ; въ такихъ занятіяхъ онъ мало обращаетъ вниманія на окружающіе предметы, и люди, увидавшіе его, легко спасались, не будучи замѣченными, а если и бывали замѣчены, то Михаилъ Ивановичъ, занятый удовлетвореніемъ аппетита вкусными ягодами, развѣ только ворчаньемъ выражалъ свое неудовольствіе на двуногихъ животныхъ, не во́-время къ нему приблизившихся. Совсѣмъ

другое дѣло происходило, когда Миша заберется ужъ подъ какое либо лежащее на землѣ дерево для отдыха. Ягодники и ягодницы смѣло ходятъ по дереву, не подозрѣвая, что тутъ вздумалъ поуспокоиться отъ своихъ занятій Миша, кричатъ, смѣются и тѣмъ нарушаютъ его покой. Можно судить объ ихъ ужасѣ, когда онъ, выведенный изъ терпѣнія, или зарычитъ подъ деревомъ, иногда чуть не подъ ногами ягодо-собирателя, а иногда даже и выйдетъ наружу, чтобы наказать дерзкаго нарушителя его покоя. Тутъ не обходилось безъ бѣды. Съ другой стороны, смѣльчаки, особенно изъ мужчинъ, одерживали блистательныя побѣды надъ медвѣдемъ безъ всякаго оружія, пользуясь только его пугливостью. Помню хорошо, какъ въ домѣ отца моего, крестьяне, пришедшіе въ воскресный день къ обѣднѣ, разсказывали объ одномъ изъ такихъ событій. Мужикъ собиралъ бруснику и набралъ уже почти цѣлый кузовъ, болѣе нежели въ полмѣры вмѣстимости. Перебираясь потихоньку отъ одной кочки до другой, онъ и не замѣтилъ какъ очутился близь самыхъ заднихъ ногъ медвѣдя, погруженнаго въ размышленія. Мужикъ понялъ, что если онъ станетъ отступать, то трескъ отъ переламывающихся подъ ногами сучьевъ выведетъ медвѣдя изъ задумчивости, рѣшился иначе выпутаться изъ бѣды. Взявши кузовъ за привязанную къ нему подцѣпку, онъ быстро ударилъ Мишу по крестцу. Ударъ, разумѣется, былъ ничтоженъ, но неожиданность его, равно какъ посыпавшіяся изъ кузова ягоды, перепугали Мишу. Онъ бросился бѣжать безъ оглядки далѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ открылось у него, какъ это бываетъ съ нимъ отъ сильнаго испуга, нѣчто въ родѣ холеры, и онъ послѣ былъ найденъ скончавшимся.

Но самымъ грознымъ врагомъ медвѣдей въ Палищенскомъ приходѣ былъ крестьянинъ деревни Голваревой Трофимъ или, какъ его обыкновенно звали, Трушка. Это былъ здоровый, смѣлый и хладнокровный охотникъ на медвѣдей, своего рода Жераръ. Ему удалось достать отъ какого-то солдата отличное ружье, изъ котораго выстрѣленная дробь на разстояніи 50-ти шаговъ пробивала лопату, притомъ нисколько не разлетаясь, а долетая до лопаты въ кучѣ. Съ этимъ-то ружьемъ и съ небольшою собачонкою, пріученною къ медвѣжьей охотѣ, онъ одинъ отправлялся къ медвѣжьей берлогѣ, вызывалъ оттуда жильца, подпускалъ его къ

себѣ на близкое разстояніе и ожидалъ, когда медвѣдь становился на заднія ноги; тогда вѣрное ружье посылало пулю въ сердце и медвѣдь падалъ мертвый въ нѣсколькихъ шагахъ отъ охотника. Если же какой либо хитрецъ-медвѣдь не становился на заднія лапы, а шелъ на четверенькахъ, то Трушка цѣлился въ глазъ, и рука съ ружьемъ ему не измѣняла. Однажды какой-то крестьянинъ сказалъ ему о томъ, что имъ найдена медвѣжья берлога. Трофимъ взялъ его съ собою для указанія берлоги, но мужикъ растерялся или ошибся въ своихъ примѣтахъ. Охотникъ и онъ долго ходили по лѣсу и, влѣзши на лежавшее огромное дерево, пошли по немъ—Трофимъ впереди. Между тѣмъ, медвѣдь, зимовавшій подъ этою именно колодою, услышалъ ихъ крикъ и рѣшился выйти изъ берлоги. Крестьянинъ, обернувшись назадъ, съ ужасомъ замѣтивъ, что медвѣдь вылѣзалъ изъ своего жилья, началъ въ испугѣ кричать: „ой, дядя Трофимъ, вѣдь лѣзетъ“. Трофимъ не понялъ сначала смысла этихъ словъ, продолжалъ медленно идти по колодѣ, поглядывая по сторонамъ. Но медвѣдь, наконецъ, вылѣзъ изъ берлоги и взобрался на дерево. Мужикъ уже страшнымъ голосомъ закричалъ: „ой, дядя Трофимъ, вѣдь ужъ вылѣзъ“, да и дерево отъ новой тяжести заколебалось. Трофимъ обернулся и въ первый разъ въ жизни немножко было струсилъ. „Ну, батюшка,—говорилъ онъ моему отцу,—медвѣдь шелъ прямо на меня, товарищъ мой съ колоды спрыгнулъ и давай Богъ ноги; ружье мое было еще на перевязи“. Но храбрецъ скоро оправился и, собравшись съ духомъ, крикнулъ грознымъ голосомъ: стой, Мишка! Мишка, дѣйствительно, почему-то остановился на минуту. Трофимъ воспользовался этимъ и успѣлъ всадить ему пулю въ глазъ. Этотъ-то голваревскій Жераръ убилъ до 50-ти медвѣдей въ теченіе своей жизни и—удивительное дѣло—умеръ на своей постелѣ.

Кстати ужъ сказать, что Трофимъ происходилъ отъ поколѣнія, котораго члены отличались долголѣтіемъ и почти медвѣжьею силой. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ старикъ—отецъ его дяди. Мой батюшка зналъ его съ 1809 по 1817 г. и любилъ съ нимъ разговаривать. На вопросъ о своихъ лѣтахъ, старикъ обыкновенно отвѣчалъ: „право, не знаю, батюшка, что-то больно много. Вотъ, напримѣръ, я помню стрѣлецкіе бунты, помню, какъ царь Петръ

Алексѣевичъ засадилъ свою сестру Софью Алексѣевну въ монастырь", и пр. Оригинальны бывали отвѣты старика на предлагаемые ему вопросы о событіяхъ, происходившихъ во время его жизни. „А что,—спрашивалъ мой отецъ,—давно-ли было такое-то происшествіе?"—„О, это, батюшка, было недавно, ужъ при матушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ", т. е. Екатеринѣ II-й. Такъ онъ отвѣчалъ даже о событіяхъ, случившихся въ началѣ ея царствованія, значитъ—лѣтъ за 50 и болѣе. Когда же касалось событій царствованія императрицы Елисаветы, то старикъ говаривалъ: „да, это ужъ было давненько-таки,—при матушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ". Памятью владѣлъ онъ необыкновенною, разсказывалъ о событіяхъ вѣрно и мѣтко; уважалъ Петра I-го, но особенно любилъ Софью Алексѣевну. Онъ еще жилъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода моего отца изъ Палищъ; можно было полагать, что онъ скончался, имѣя до 150-ти лѣтъ. Не смотря на такую глубокую старость, у него остались цѣлыми всѣ зубы во рту, только глаза измѣнили лѣтъ за 10—15 до смерти. Замѣчательно, что этотъ старикъ съ молодыхъ лѣтъ не отличался воздержаніемъ, и на вопросы моего отца по этой части, говаривалъ: „Что скрывать, батюшка, грѣшный человѣкъ, любилъ я пошаливать и попивать". За то старикъ отличался необыкновенною силою. „Ну, что, батюшка?—говаривалъ онъ моему отцу,—что нынѣ за народъ?—слабъ сталъ. Вотъ про моего Трушку (охотника на медвѣдей) говорятъ, что онъ силачъ, силачъ—и Богъ знаетъ какой! Ну, какой онъ силачъ? Дрянь. Вотъ я, батюшка, въ молодости крѣпонекъ былъ. Скажу тебѣ, какъ мы доски выдѣлывали. Тогда не было еще нынѣшнихъ пильщиковъ, а, бывало, срубишь дерево, расколишь на двѣ половины и каждую съ двухъ сторонъ отешешь топоромъ, вотъ и выйдетъ доска. Такъ, батюшка, я дерево расколю, бывало, пополамъ на мѣстѣ, гдѣ оно упадетъ, ну, а потомъ каждую половинку, не отесывая, сначала вытащишь подъ мышкой на дорогу и тутъ уже отешешь въ доску; вотъ на это, батюшка, была нужна сила; ну, а нынѣ что за народъ!"

Если лѣса, окружавшіе Палищи, были не безопасны для людей волками и медвѣдями, то они въ лѣтнее, по крайней мѣрѣ, время были привлекательны произведеніями растительнаго царства. Деревья въ полѣ, разумѣется, не давали вкусныхъ, годныхъ для

пищи плодовъ; еловыя и сосновыя шишки, отчасти дубовые жолуди, ягоды рябины—вотъ чуть не единственные плоды деревьевъ въ палищенскихъ лѣсахъ. За то было очень много разнаго рода ягодъ; въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ, не говорю уже о болѣе дальнихъ разстояніяхъ, можно было найти землянику, чернику, пьянику, особенно же малину, бруснику и клюкву. Мы—дѣти—бывало, одни бѣгали въ лѣсъ и, наѣвшись тамъ ягодъ, возвращались назадъ; въ иной день дѣлали по нѣскольку такихъ экскурсій. Болѣе взрослые ходили для того, чтобы, набравши ягодъ поболѣе, принести ихъ домой для всего семейства; земляника и пьяника тотчасъ почти ими въ слѣдующій день съѣдались; малину и чернику ѣли, а отчасти сушили и оставляли про запасъ на зиму или для начинки пироговъ, или для того, чтобы употреблять настой горячей воды на нихъ вмѣсто чаю, какъ потогонное средство, или какъ противу-слабительное; но у домовитыхъ хозяевъ и хлѣбосоловъ на малинѣ и черникѣ настаивали водку и этими настойками потчивали только почтенныхъ гостей. Но клюквы, особенно же брусники, набирали множество въ запасъ на зиму. Первая росла слишкомъ обильно по окрестнымъ болотамъ, но въ пищу ее почти не употребляли; набирали бо́льшею частію только для продажи, а въ домашнемъ быту пользовались ею или для составленія такъ называемаго морса, или какъ лѣкарство отъ угара; въ послѣднемъ случаѣ ягоды или ѣли, но преимущественно клали въ уши. Брусника же употреблялась въ пищу. Для этого обыкновенно ее квасили, т. е. клали въ кадку или боченокъ и наливали ихъ водою, чрезъ что ягоды не портились, а, кромѣ того, получался кислый сокъ. Ихъ употребляли иногда прямо въ пищу безъ всякихъ приправъ; но такъ какъ часто и сокъ и ягоды имѣли слишкомъ кислый вкусъ, то подбавляли въ нихъ меду, или смѣшивали съ гречневою мукою. Но и лѣтомъ не изъ квашенной брусники варили такъ называемую кулагу, т. е. тѣсто изъ солоду съ примѣсью брусники, а иногда и черники. Это считалось хорошимъ блюдомъ. Не забывали также запасаться и рябиновыми ягодами; ѣсть ихъ было трудновато, хотя мы—дѣти, и даже взрослые, любили полакомиться ими, особенно когда отъ морозовъ горечь ихъ поуменьшится. Но въ домашнемъ быту у хлѣбосоловъ-хозяевъ на рябиновыхъ ягодахъ

настаивалась водка, и чрезъ то получалась весьма любимая сельскими жителями настойка подъ названіемъ рябиновки.

Но немного можно было найти мѣстъ, гдѣ бы росли въ такомъ обиліи грибы, какъ въ Палищахъ. Чего тутъ не было? и бѣлые, подосиновики, грузди, рыжики—боровые и луговые, березовики, масляники и пр., и пр. Лѣтомъ чуть не каждый день бывало кушанье изъ грибовъ; собираніе ихъ въ рабочую пору поручалось дѣтямъ. На зиму же запасались въ большомъ количествѣ сушеными бѣлыми и черными грибами; грузди и рыжики мочили въ водѣ, такъ же какъ бруснику; подосиновики обдавали кипяткомъ и соблюдали въ банкахъ стеклянныхъ. Какъ ни тяжелы грибы для пищеваренія, но они въ постные дни составляли любимое лакомство деревенскихъ жителей и въ видѣ приправы—во щахъ и пирогахъ, и даже какъ самостоятельное кушанье.

Наконецъ, мы—дѣти—лѣтомъ отыскивали для себя на поляхъ и въ лѣсахъ и другія растительныя вещества. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занималъ щавель, особенно такъ называемые кочешки его, потомъ дигили, это почти болотное растеніе, довольно рослое (въ аршинъ и два), далѣе трава, которую мы называли чеснокомъ, и пр. Въ лѣсу же особенно мы употребляли въ началѣ теплаго времени сосновыя почки, пока онѣ еще не одервянѣютъ. Главное же наслажденіе доставлялъ намъ сосновый сокъ. Для полученія его, въ началѣ весны нужно было содрать съ сосны кору ея, подъ которою и находился нѣсколько отвердѣвшій сокъ, изъ котораго долженъ составиться новый слой сосны. Сокъ этотъ соскабливали съ сосны въ видѣ лентъ и приносили домой, гдѣ онъ считался большимъ лакомствомъ; только надобно было спѣшить ѣсть его, иначе онъ скоро обращался во что-то похожее на древесину. Отъ маленькихъ дѣтей не отставали въ этомъ случаѣ и взрослые. Первыя обыкновенно снимали только кожу съ дерева на небольшомъ разстояніи отъ земли. Конечно, и отъ этого деревья часто погибали. Но взрослые дѣйствовали рѣшительнѣе дѣтей; они, выбравши, бо́льшею частію, строевое дерево, срубали его вполнѣ и снимали съ него кору. Хорошо было бы, если бы дерево употребилось на дрова или на что нибудь другое, но обыкновенно оно сгнивало на томъ мѣстѣ, гдѣ

его рубили. Въ этомъ случаѣ жители и даже духовныя особы похожи были на дикарей, которые рубятъ дерево для того, чтобы сорвать съ него плоды его. Не удивительно, что и теперь уже не только въ строевомъ лѣсѣ, но и въ дровахъ ощущается недостатокъ тамъ, гдѣ я еще помню почти непроходимые, чуть не первобытные лѣса.

Димитрій Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА [1].

1861 г.

Живя весь свой вѣкъ въ деревнѣ, въ глуши, много имѣешь досуга всматриваться въ состояніе современнаго общества.

Помѣщики до сихъ поръ не могутъ хладнокровно говорить объ освобожденіи крестьянъ; крестьяне недовольны малоземельностью надѣловъ и тяжестью податей. Иногда становится смѣшно, а иногда такъ просто разбираетъ зло, когда слышишь ропотъ тѣхъ и другихъ. Недовольны помѣщики! Но вникли-ли они, поняли-ли и помнятъ-ли они теперь, до какого безобразія дошли они въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ?... Жалуются крестьяне! Но вполнѣ-ли понимали они то скотское состояніе, въ какомъ они были при крѣпостномъ игѣ, а если понимали, хотя отчасти, то помнятъ-ли его они теперь?... Помѣщики и ихъ крестьяне были въ такомъ неестественномъ отношеніи другъ къ другу, что бо́льшей неестественности и быть не могло. Въ послѣднее время предъ 19-мъ февраля 1861 г., правительствомъ много было предпринимаемо мѣръ къ огражденію помѣщичьяго произвола: отдалялось право владѣть крестьянами по чинамъ; запрещена была розничная продажа крестьянъ, т. е. запрещено было дробить семейства; за жестокое обращеніе имѣнія отбирались въ опеку и др., но ни одно изъ нихъ не могло привести, и не привело, къ желанной цѣли—улучшенію быта крестьянъ. Много также предпринимаемо было правительствомъ мѣръ къ тому, чтобы дворяне давали должное образованіе своимъ дѣтямъ. Но, среди семейства, вѣчно празднаго и неимѣющаго понятія о трудѣ, трудъ

---

[1] См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562; томъ XXVI, стр. 433—460.

для юношества былъ немыслимъ; потомъ дисциплина на службѣ, съ одной стороны, и вольная-волюшка, со всею необузданностью страстей въ деревнѣ—съ другой, были неотразимыми препятствіями къ образованію и службѣ. Поэтому, для общаго блага нуженъ былъ полный и рѣшительный переворотъ всего строя. И вотъ, послѣдовалъ Высочайшій манифестъ 19-го февраля!

Зная хорошо бытъ помѣщиковъ въ одной изъ громаднѣйшихъ приволжскихъ губерній и зная также хорошо бытъ крестьянъ, видишь, что реформа 19-го февраля 1861 года есть такое великое и святое дѣло, съ которымъ не можетъ сравниться никакая реформа въ мірѣ! Много великаго и святаго сдѣлано въ настоящее царствованіе, но это великое есть краеугольный камень, на которомъ зиждется все остальное. Сверженіе крѣпостнаго ига,—великое дѣло само по себѣ,—особенно близко моему сердцу потому, что я былъ свидѣтелемъ и непосредственнымъ участникомъ объявленія манифеста 19-го февраля народу въ нашемъ краѣ. Вмѣстѣ съ уѣзднымъ исправникомъ мы развозили манифестъ 19-го февраля для прочтенія его въ церквахъ народу. Поэтому моментъ этотъ остался неизгладимымъ въ моей памяти. Всѣ наши с—кіе и помѣщики и крестьяне глубоко были потрясены этимъ событіемъ. Это были не люди, а клокочущая подземная лава, рвущаяся наружу и готовая затопить собою и уничтожить все и, лишь останавливаемая крѣпкою силою, лава эта сдерживалась, но тѣмъ не менѣе рвалась и клокотала. Сколько пришлось тутъ видѣть радостныхъ слезъ и, вмѣстѣ — сомнѣнія, недовѣрія, страха, открытой злобы, напускнаго хладнокровія, лживаго доброжелательства!..

Да, было на что посмотрѣть!

Новое поколѣніе, въ возрастѣ нашихъ дѣтей, выросшее совсѣмъ при другихъ условіяхъ, чѣмъ мы, не видя самолично отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, не можетъ понять и сотой доли всей важности этого дѣла, а потому я, передавая потомству о томъ, чему я былъ очевидцемъ, представляю очеркъ быта помѣщиковъ нашего края до 19-го февраля 1861 года. Въ моемъ разсказѣ я передаю далеко не все, что извѣстно мнѣ лично; но это немногое будетъ совершенно во-время сказано: чрезъ шесть недѣль Россія будетъ праздновать двадцатипятилѣтнюю годовщину дня вступленія на престолъ Царя Освободителя. Именно теперь своевременно оглянуться назадъ, къ пятидесятымъ годамъ, и вполнѣ правдивымъ, вполнѣ искреннимъ разсказомъ—воскресить помѣщичій бытъ того времени и, описавъ дни объявле-

нія воли, тѣмъ самымъ ярко оттѣнить какъ велико и многознаменательно было слово, возвѣщенное крѣпостной Россіи 19-го февраля 1861 года.

Да, велико дѣло, совершенное освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго ига и помѣщиковъ отъ позора рабовладѣнія, и святъ, тысячу кратъ святъ день 19-го февраля 1861 года въ тысячелѣтней жизни нашего отечества.

Сельскій священникъ.

I.

Въ мартѣ 1861 г. ко мнѣ пріѣхалъ изъ города чиновникъ отъ уѣзднаго исправника съ требованіемъ, чтобы я немедленно пріѣзжалъ къ нему въ городъ для объявленія по селамъ Высочайшаго манифеста объ улучшеніи быта крестьянъ, находящихся въ помѣщичьей зависимости. При отношеніи исправника былъ приложенъ и указъ консисторіи, которымъ предписывалось мнѣ, какъ благочинному, находиться при священникахъ, въ качествѣ наблюдателя, при чтеніи ими въ церквахъ Высочайшаго манифеста. Я тотчасъ же, съ этимъ же чиновникомъ, поѣхалъ. Съ исправникомъ мы были коротко знакомы давно.

Въ городѣ мы тотчасъ принялись съ нимъ читать вмѣстѣ Положеніе о крестьянахъ, такъ какъ его не читалъ и исправникъ. На другой день, утромъ рано, мы поѣхали съ нимъ въ первое, ближайшее къ городу, село. Становые пристава, сотскіе и десятскіе оповѣстили уже крестьянъ всѣхъ деревень этого прихода, чтобы они, утромъ рано, всѣ были въ церкви. Погода была теплая и дорога убійственная: снѣгъ таялъ, текли ручьи и зажоры въ каждой лощинкѣ рѣшительно не давали намъ ходу; поэтому мы тащились шагомъ. Въ первой деревнѣ, верстахъ въ пяти отъ города, всѣ жители деревни, и старый и малый, высыпали намъ на встрѣчу. На всѣхъ лицахъ ясно были видны и радость и недовѣріе. Низкими поклонами встрѣтили они насъ и видно было, что они не знали—радоваться имъ нашему пріѣзду или плакать; всѣ жадно всматривались въ насъ и торопились поскорѣе прочитать въ глазахъ нашихъ вѣсть объ ожидавшей ихъ дальнѣйшей судьбѣ. И исправника и меня всѣ крестьяне знали хорошо, но теперь какъ будто не узнавали; всѣ стояли безъ шапокъ, въ какомъ-то забвеніи: и радость, и горе, и надежда, и недовѣріе—все

ясно выражалось въ этомъ стоявшемъ народѣ. Одинъ старикъ не вытерпѣлъ: кланяясь намъ и со слезами на глазахъ, закричалъ:

— Что вы намъ, отцы родные, везете, кормильцы наши?

Исправникъ закричалъ: „волю, братцы, волю; волю мы веземъ вамъ! Въ церковь, братцы, идите, мы будемъ читать вамъ волю!“

Старикъ заплакалъ и перекрестился; за нимъ начали креститься всѣ, а ребятишки запрыгали: „воля, воля!“... Мы ѣхали шагомъ и вся толпа пошла за нами. Деревнею, въ одной лощинѣ, мы, было, завязли; мужики подхватили наши сани и вынесли на себѣ.

— На себѣ донесемъ васъ,—закричали всѣ, смѣясь,—лишь волю-то намъ дайте!

Вся деревня пошла съ нами въ село. По пути, верстахъ въ двухъ отъ этой деревни, стоитъ другая деревня. Крестьяне и этой деревни стояли и ждали насъ. Лишь только мы показались изъ-за горки, какъ сопровождавшіе насъ замахали шапками и закричали имъ:

— Воля, воля! Волю везутъ, волю!...

Крестьяне и этой деревни пошли за нами. Шествіе наше, поэтому, было очень торжественно. Въ селѣ, около церкви, народу собралось множество. Не давши намъ подъѣхать саженей 200, всѣ мужики разступились на двѣ стороны, давая намъ дорогу. Мы вошли въ церковь; мѣстный священникъ ждалъ уже насъ тамъ; за нами вошелъ народъ, сколько могло вмѣститься. Въ приходѣ этомъ было помѣщиковъ человѣкъ пятнадцать, по крайней мѣрѣ, но въ церковь никто изъ нихъ не пришелъ. Священникъ надѣлъ ризы и вышелъ на амвонъ; въ глазахъ народа я далъ ему манифестъ и попросилъ прочитать его. По одну сторону священника сталъ я, по другую исправникъ; становые и сотскіе стали вокругъ амвона, чтобъ не было давки. Настала мертвая тишина, да такая, что, буквально, было бы слышно, еслибъ пролетѣла муха. Перекрестившись, священникъ началъ читать. Какъ только прочелъ онъ слова манифеста:

„Добрыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія“...

Народъ зашумѣлъ. Зашумѣлъ сперва едва слышно, потомъ шумъ сталъ возрастать, но нельзя было разобрать ни слова.

Исправникъ обратился къ народу, тихо и протяжно произнесъ: тсъ!... Всѣ, разомъ, умолкли. Священникъ прочелъ:

„Самому дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ“...

Народъ загудѣлъ опять. Исправникъ остановилъ опять. При словахъ:

„Крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей. Помѣщики, сохраняя права собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость“....

Крестьяне зашумѣли опять. Исправникъ опять остановилъ ихъ. Когда прочтено было:

„Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ Положеніи повинности“...

Крестьяне, видимо, были огорчены и повѣсили головы. Одинъ изъ стоявшихъ впереди крестьянъ сказалъ вслухъ:

— Да какая же это воля?—Но становой приставъ дернулъ его за рукавъ, и онъ замолчалъ. Когда прочтено было:

„Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, и потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ, то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ“...

Народъ зашумѣлъ опять. А этотъ же крестьянинъ, стоявшій впереди, вслухъ сказалъ: „да господа-то, въ два-то года-то, всѣ животы наши вымотаютъ“. Но порядокъ опять тотчасъ былъ возстановленъ. Священникъ прочелъ:

„До истеченія сего срока крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности“...

Крестьяне зашумѣли не на шутку. Поднялся ропотъ и крикъ

до того, что священникъ долженъ былъ остановиться чтеніемъ. Унимая шумъ, исправникъ сказалъ имъ:

— „Не смѣйте прерывать царскаго слова! То, что читаетъ батюшка, говоритъ вамъ Государь Императоръ. Если Онъ говоритъ вамъ не волю, а каторгу, то вы и тогда должны молчать, слушать и повиноваться. Вамъ Государь даруетъ милость, даетъ волю, а вы осмѣливаетесь кричать. Молчите, и ни слова больше!“

Крестьяне мгновенно утихли и до конца чтенія манифеста стояли, какъ будто не было ни души въ церкви. Послѣ манифеста былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ Государю Императору. Послѣ молебна исправникъ велѣлъ тотчасъ выйти всѣмъ изъ церкви, затѣмъ, что онъ хочетъ разъяснить имъ кое-что изъ прочтеннаго манифеста и имѣющагося у него „Положенія“. Не прикладываясь къ кресту, народъ тотчасъ вышелъ и сталъ около крыльца въ оградѣ и за оградою. Мы съ исправникомъ стали на крыльцѣ и исправникъ началъ объяснять имъ непонятыя ими слова манифеста. Вмѣстѣ съ этимъ объяснилъ имъ, что они съ этого времени имѣютъ право отдавать дочерей своихъ въ замужство куда угодно, и брать себѣ въ жены и снохи кого угодно—изъ другихъ барщинъ, изъ государственныхъ крестьянъ, мѣщанъ и, вообще, кого хочешь, не спрашивая господъ. Съ этого времени господа не будутъ собирать съ нихъ шерстью, яйцами, курами, баранами, масломъ, грибами, ягодами, нитками, холстомъ и ничѣмъ ровно. „Малолѣтковъ и стариковъ на барщину посылать не будутъ, ни у кого вашихъ рабочихъ дней отнимать не будутъ“, словомъ—онъ выяснилъ имъ все, что могло служить для полнаго ихъ успокоенія. Народъ повеселѣлъ, а одинъ крестьянинъ изъ толпы закричалъ: „Эхъ, кабы все это, ваше высокоблагородіе, сдѣлалось такъ, какъ вы говорите, какую бы я свѣчку поставилъ! А кабы совсѣмъ волю дали, какъ есь волю, я бы одинъ на Ивана Предтечу (храмъ Іоанна Предтечи) сдѣлалъ серебряную ризу!“ Другой ему въ отвѣтъ: „Смотри, дай-ко тебѣ волю-то, такъ не залѣзь за той, которая теперь на немъ, не то, чтобъ новую справлять“. Вся толпа разразилась искреннимъ хохотомъ. Веселыми всѣ пошли по домамъ.

Одинъ изъ помѣщиковъ, Мор..., прислалъ за нами лошадей и звалъ насъ къ себѣ на закуску. Человѣкъ онъ былъ одинокій и въ одиночествѣ, отъ скуки, „царскаго“ не гнушался. До насъ

онъ, вѣроятно, двѣ—три уже пропустилъ. Насъ принялъ онъ вѣжливо, но довольно сухо, хотя мы были хорошо знакомы. Видно было, что онъ сильно взволнованъ, но сдерживалъ себя, на сколько могъ. За завтракомъ разговоръ велся совершенно о посторонникъ дѣлахъ, хотя мы знали, что о манифестѣ и о „Положеніи", именно содержаніе ихъ, онъ въ подробности еще не зналъ. Пропустивши, за завтракомъ, еще штуки три — четыре, онъ налилъ себѣ еще и говоритъ:

— Вы объявляли мужикамъ волю?

Исправникъ: „да, манифестъ и Положеніе объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ".

— Это все равно, значитъ—волю. Посмотримъ, какъ-то она пройдетъ!..

Въ это время чубукъ въ рукѣ у него затрясся. Исправникъ, безъ всякой задней мысли, просто, чтобъ поддержать разговоръ, спросилъ: кто она?

— Ха, ха, ха! Полиція!.. Сейчасъ: кто она?! Полиція!.. И чубукъ затрясся сильнѣе. Значитъ, что онъ никакъ не могъ скрыть своего внутренняго волненія.

— Ха, ха, ха! Полиція! Кто она! Да вотъ эта рюмка, вотъ кто она!..—и залпомъ выпилъ.

Исправникъ толкнулъ меня, подъ столомъ, ногой и чуточку приподнялся. Я догадался, что нужно встать и попрощаться съ хозяиномъ. Хозяинъ не удерживалъ и только злобно улыбнулся. Исправникъ, садясь въ сани, сказалъ: „Ну, слава Богу, что выбрались съ немятыми боками. Еще мгновеніе и онъ задалъ бы намъ обоимъ. Одного сраму-то не обобрался бы. А Н. Н. Б. пожалуй и отлупитъ. У него придется ночевать".

II.

Въ слѣдующемъ селѣ X. было то же, что и въ первомъ: крестьяне деревень, лежащихъ по дорогѣ, точно также встрѣчали насъ и шли за нами; во время чтенія извѣстныхъ мѣстъ манифеста, волновались сильно, и особенно дворня. Исправникъ насилу могъ сдерживать ихъ. Но послѣ, когда, по выходѣ изъ церкви, онъ объяснилъ имъ все, они совершенно успокоились. Въ приходѣ этомъ было четыре помѣщика и всѣ были дома, но въ церковь не приходилъ ни одинъ. Изъ нихъ генералъ Ш., жившій въ трехъ верстахъ отъ села, прислалъ за нами лошадей.

Генералъ Ш. былъ важный баринъ. Не очень высокъ и не очень малъ, не очень худъ и не очень толстъ, съ небольшою лысиной, красными глазами и багровымъ носомъ, онъ глядѣлъ на все и на всѣхъ вельможей. Имѣя чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, онъ благоволилъ только къ тѣмъ, кто величалъ его „вашимъ превосходительствомъ“. Всякую просьбу исполнитъ онъ, если вы, съ полнымъ сознаніемъ вашего ничтожества, обратитесь къ нему: „Генералъ! Нельзя-ли?... Ваше превосходительство! Позвольте побезпокоить“.... Будьте напередъ увѣрены, что онъ все сдѣлаетъ, что̀ вамъ угодно. Даже жена его никогда, бывало, не скажетъ вамъ, что, напримѣръ, Алексѣя Александровича нѣтъ дома; нѣтъ, она непремѣнно скажетъ: „Генерала нѣтъ дома“. Если же хотите поддразнить его, то для этого нужно только нѣсколько разъ сказать, просто, по человѣчески: Алексѣй Александровичъ. И почнетъ бояринъ рвать, швырять, перечить вамъ на каждомъ словѣ и, что всего хуже, дастъ затрещину первому лакею, какой подвернется ему подъ руку. Какъ непремѣнная принадлежность всякаго знатнаго барина, у него были хорошій садъ, теплицы, оранжереи, цвѣтники, пѣвчіе и музыканты. Садъ и цвѣтники у него отдѣланы были на славу. Для этого онъ вызывалъ, весною и осенью, мальчиковъ и дѣвочекъ, 10—15-ти лѣтъ, изъ другой деревни, одного изъ отдаленныхъ уѣздовъ, верстъ изъ-за 200, человѣкъ по 50. Тѣ, оборванные, голодные и холодные, идутъ и дорогою кормятся милостыней. Придутъ и опять разсыпятся по чужимъ ближайшимъ деревнямъ, начнутъ собирать милостыню. Баринъ на столько былъ добръ, что давалъ имъ сроку запастись

этою даровою провизіей на нѣсколько дней. Въ назначенный день ребята соберутся, выстроятся передъ барскими хоромами и ждутъ выхода барина. Выходитъ баринъ, садится на крыльцѣ въ кресло, кладетъ руки на колѣна и всѣ бросятся цѣловать ихъ. Какъ только приложится къ его мощамъ послѣдній мальчишка, въ сторонѣ: бацъ изъ пушки! Это значитъ, что „шобольная команда“ должна идти въ садъ на работы. Днемъ ребята работаютъ, а вечеромъ разбредутся по чужимъ деревнямъ собирать милостыню. И такъ недѣли три, пока приведутся въ порядокъ всѣ садовыя и цвѣтниковыя работы. По окончаніи работъ, баринъ опять выходитъ на балконъ, опять садится въ кресло, опять ребята прикладываются къ нему и выстрѣлъ изъ пушки возвѣщаетъ имъ, что они могутъ идти теперь домой. Во время лѣта чисткою сада занимались ребята той деревни, гдѣ былъ садъ, а осенью приходили опять тѣ, которые были весной.

Садовниковъ колотилъ онъ каждый божій день. Старшаго садовника билъ иногда по нѣскольку разъ въ день. Тотъ однажды вышелъ изъ терпѣнія, да и хватилъ самъ, да такъ, что его превосходительство мгновенно, какъ снопъ, бацнулось о землю. Садовникъ и ну его мять. Рабочіе бросились отбивать, а садовникъ шмыгъ въ лѣсъ,—и слѣдъ простылъ. Едва живымъ принесли Алексѣя Александровича въ домъ! Отдохнувши, онъ посылаетъ за ближайшимъ помѣщикомъ Иваномъ Ивановичемъ К. „Садовникъ, говорятъ, меня ударилъ. Вотъ вамъ довѣренность; поѣзжайте въ С—въ и совершите отпускную на волю этому мерзавцу; но только скажите ему, чтобъ онъ никому не говорилъ, что онъ ударилъ меня“. И садовникъ получилъ свободу. Но молва, конечно, разнеслась во всѣ концы.

У обѣдни онъ бывалъ почти каждый праздникъ. Послѣ обѣдни приложится ко кресту, оборотится къ выходу, закинетъ голову назадъ и протянетъ впередъ руки. Народъ тотчасъ выстроится въ двѣ шеренги, отъ амвона до кареты, и почнетъ цѣловать барскія руки; а баринъ закинетъ глаза подъ лобъ и идетъ едва замѣтнымъ шагомъ.

Однажды онъ, въ упоеніи своимъ величіемъ и знатностью рода, и пропустивши двадцать первую рябиновки, которую онъ, къ слову сказать, жаловалъ особенно и любилъ ею похвастаться, говоритъ священнику: „А какъ вы меня, батюшка, будете поминать,

когда я умру? Вы должны поминать: болярина Алексія. Я болярин и по роду и по заслугамъ отечеству".

Въ одно время ему вздумалось устроить у себя въ деревнѣ домовую церковь. Не желая связываться съ архіереемъ и консисторіей, онъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ и подалъ прошеніе въ св. синодъ. Оттуда, конечно, прошеніе было переслано къ преосвященному и, наконецъ, низошло до меня. Пріѣзжаю, барыня спрашиваетъ меня: „вы протоіерей?"

— Просто—іерей.

— Изъ города С—ва?

— Изъ села N.

По лицу барыни пробѣжало что-то кисловатое. Видно было, что господамъ вовсе не хотѣлось имѣть дѣла съ сельскимъ попомъ. Мнѣ и пришла блажь поддразнить ихъ. „Алексѣй Александровичъ,—говорю,—гдѣ вы желали бы устроить домовую церковь?" Онъ взялъ меня за руку,—„идите!" Полукругомъ на дворѣ стояло множество одноэтажныхъ каменныхъ флигелей: лакейскія, поварскія, прачешныя, конторы и пр., и пр. Ш. вывелъ меня на крыльцо, обвелъ рукой и говоритъ: „берите любую!"

— Гдѣ будетъ квартира причту?

— Гмъ!.. А еще что вамъ?

— Какое положите содержаніе причту?

— А еще что?

— Сколько отведете земли?

— Вы, наконецъ, выводите меня изъ терпѣнія! Дамъ пять рублей—пѣшкомъ придетъ нашъ попъ; а дамъ двѣсти рублей—пѣшкомъ придетъ вашъ архіерей!

— Ну, ужъ это не по генеральски! Позволите такъ донести его преосвященству?

— Это ужъ ваше дѣло.

Я раскланялся и уѣхалъ. Ш. оставлялъ обѣдать, но я не остался. Въ устройствѣ церкви консисторія отказала. Проѣзжая чрезъ село Х., я послалъ съ причетникомъ объявить Ш-ву, что устроять церковь ему не дозволено. Ш. присылаетъ за мной лошадей, съ письмомъ, гдѣ онъ проситъ меня пріѣхать къ нему отобѣдать. На этотъ разъ онъ принялъ меня, по обыкновенію, величественно, закинувши голову назадъ, но уже милостиво. Подавая мнѣ руку, онъ сказалъ мнѣ: „вы у своего архіерея хоро-

шій чиновникъ, такихъ я люблю. Когда я былъ губернаторомъ въ Могилевѣ, я жаловалъ такихъ чиновниковъ. Будемъ знакомы!" И провелъ меня въ кабинетъ. Чрезъ полчаса раздался звонокъ и хозяинъ попросилъ меня обѣдать. Столъ былъ накрытъ въ залѣ. Зало было оклеено шпалерами подъ дубъ и представляло большую крестьянскую избу, сложенную изъ толстыхъ бревенъ. Четвертая часть залы отдѣлена широкимъ прилавкомъ, чрезъ всю комнату, вышиною аршина въ два. За этимъ прилавкомъ кухня. И выходило, что или мы обѣдали въ кухнѣ, или кухня была въ залѣ. По полкамъ разставлено и развѣшено: кастрюль, кастрюлечекъ, ковшей, ковшичковъ и пр., и пр.—тьма-тьмущая, и все это блестѣло жаромъ. Печи, плиты, висячія полотенца, красныя рубахи и бѣлые фартуки на поварахъ—безукоризненной чистоты. Повара и поваренки, съ засученными по локоть рукавами,—молодецъ къ молодцу. На вашихъ глазахъ разрубаютъ, раскладываютъ, разливаютъ, варятъ, жарятъ и ставятъ на прилавокъ. Лакеи берутъ и подаютъ вамъ. Такія гостинницы есть въ Петербургѣ, но жилыхъ домовъ я не видывалъ. Вѣроятно, я неосторожно взглянулъ, потому что хозяинъ тотчасъ сказалъ мнѣ:

— Вы удивляетесь моей кухнѣ? Я вамъ скажу: повара всѣ мерзавцы. Имъ лишь бы было вкусно, а что онъ немытыми лапами все беретъ, на грязной доскѣ рубитъ, поганою тряпкой сперва сапоги оботретъ, потомъ блюдо или кастрюлю, плюнетъ на тарелку да подоломъ вытретъ,—имъ все равно. И сами господа жрутъ и васъ накормятъ всякою гадостью. Нѣтъ, у меня не такъ. У меня, извольте смотрѣть, что вы кушаете, и кушайте на здоровье. Я только у себя ѣмъ, какъ надо, за то и не люблю обѣдать у другихъ.

Повара были вымуштрованы, и ужъ масла на плиту не капнетъ ни одинъ.

Съ этого времени мы сдѣлались съ нимъ чуть не друзьями. Какъ только узнаетъ, бывало, что я пріѣхалъ въ Х., сейчасъ присылаетъ лошадь, и просидишь у него до поздней ночи. Заѣзжалъ къ нему и безъ его зову. Почти постоянно онъ ходилъ въ сѣромъ казакинѣ, но непремѣнно со всѣми орденами. Съ орденами онъ былъ во всякое время дня и ночи, и во всякомъ мѣстѣ. Однажды, помню, я заѣхалъ къ нему вечеромъ; онъ сидѣлъ

на балконѣ одинъ, дома не было ни жены, ни дочерей и никого изъ гостей; на немъ былъ сѣренькій казакинъ и—при всѣхъ орденахъ.

Во время чтенія манифеста крестьяне волновались сильно, особенно дворня; исправникъ насилу могъ сдерживать ихъ; но послѣ, когда, по выходѣ изъ церкви, онъ все объяснилъ имъ, они совершенно успокоились. Алексѣя Александровича въ церкви не было, не было ни одного и изъ другихъ помѣщиковъ; но онъ прислалъ просить насъ къ себѣ. Ни въ голосѣ, ни по лицу и, вообще, ни по чему въ немъ не было замѣтно никакого волненія и держалъ себя съ обыкновеннымъ достоинствомъ. Разговоръ былъ о погодѣ, о дорогахъ и, вообще, самый пустой, о дѣлѣ—ни слова. Хвативши уже три—четыре штучки рябиновки, онъ развалился на диванѣ и съ разстановкою началъ:

— Да, крестьянъ отпустить надо!.. Многіе... кто изъ поповичей... Вы, отецъ благочинный, меня извините, я скажу правду. Кто изъ кабатчиковъ... различными происками, а не заслугами отечеству, нахватали чиновъ и орденовъ, и втерлись въ дворянство... Награбили денегъ, и накупили крестьянъ... и мужика душили... Настоящій же дворянинъ, которому въ крови передалось дворянство и власть владѣть рабами, не могъ дойти до униженія, чтобъ душить ихъ... Дворянинъ по крови выше раба... И поповичъ и кабатчикъ душили крестьянъ, и ихъ, отъ этихъ незаконнорожденныхъ дворянъ, нужно вырвать... Но... коль скоро нужно отпускать на волю этихъ, то... нужно отпускать всѣхъ... Иначе... ропотъ... Да!.. Только... немного рано... Мужикъ глупъ... Онъ не можетъ еще управлять собой... Ему нужна и нянька и палка... Нужно было дать ему окрѣпнуть, нужно было немного подождать... Да, немного поторопились.

Бывшій тутъ же помѣщикъ Н* сталъ противъ меня фертомъ, разставилъ ноги и говоритъ: „А вѣдь бываютъ голодные года?“

— Бываютъ.

— И пожары бываютъ?

— Бываютъ.

— Кто кормитъ мужика, когда у него хлѣба нѣтъ? Баринъ. Кто даетъ лѣсу, когда у него изба сгоритъ? Баринъ. А теперь кто дастъ?!. Тоже баринъ? Нѣтъ ужъ, мое вамъ почтенье!.. Ѣшь что хочешь и живи гдѣ знаешь! Знаете, что будетъ? Го-

лодъ—бунтъ; пожаръ—бунтъ. Да, бунтъ, бунтъ!.. Тутъ будетъ пугачевщина! Ну, за то—воля! Ха, ха, ха!...

— Да,—говорю,—все можетъ быть: и голодъ, и холодъ, и пожары.

— Да, тогда и увидите, что̀ будутъ дѣлать эти вольные-то!

По всему было видно, что слова манифеста: „Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей“—писаны были безъ спросу и Ш., и Н*. Сами они этого не написали бы.

III.

Правый берегъ Волги гористъ и съ ущельями, поросшими лѣсомъ. Волга смягчаетъ климатъ, горы защищаютъ отъ вѣтровъ, лѣсъ даетъ множество ручейковъ и рѣчекъ,—все это вмѣстѣ способствуетъ разведенію садовъ. И, дѣйствительно, въ каждомъ ущельѣ непремѣнно сады. Ущелья эти, въ былое время, служили притономъ бѣглымъ, бродягамъ, ворамъ, разбойникамъ и раскольникамъ. Но туда-жъ съумѣли засунуть лапу и землевладѣльцы. Какъ выродки всякаго сброду и, вдобавокъ, народъ приволжскій, побережный, крестьяне—плутъ на плутѣ, каналья на каналѣ, народецъ отпѣтый, при удобномъ случаѣ непрочь схватить васъ и за горло. Но и помѣщики, тоже, были соколы, въ особенности нѣкто И. И. Б. Изъ множества случаевъ его озорства скажу объ одномъ: лѣтомъ чрезъ его землю прогоняется множество гуртовъ скота. Смѣтитъ баринъ, что гонятъ гуртъ барановъ, сядетъ верхомъ, а, кстати—онъ былъ не послѣдній наѣздникъ, возьметъ съ собой человѣкъ пять дворни и бросится въ стадо. Овцы испугаются, шарахнутся въ сторону, а у дороги, какъ разъ, его хлѣба. „Стой!—заоретъ баринъ,—хлѣба потопталъ! Хватай барановъ!“ Гуртоправъ хоть тресни, а за потраву барана отобьетъ. Или: выѣдетъ баринъ съ людьми ночью на большую дорогу и стоитъ за кустомъ. Тотчасъ, какъ только кто изъ проѣзжающихъ поровняется, они и бросятся на него. Проѣзжающій испугается и броситься скакать, а баринъ за нимъ. Натѣшится досыта испугомъ проѣзжающихъ и повернетъ назадъ. Особенно онъ любилъ тѣшиться надъ хорошими экипажами.

Заслышавши объ отпускѣ крестьянъ, онъ сталъ принуждать крестьянъ всѣми способами откупаться на волю. Крестьяне тоже волю чуяли и даромъ денегъ давать не хотѣли, и порѣшили вытерпѣть до конца. Одни изъ крестьянъ съ малолѣтства занимались рыболовствомъ, другіе хлѣбопашествомъ и садоводствомъ. Рыболовы во весь свой вѣкъ не брали въ руки ни сохи, ни цѣпа, а хлѣбопашцы и садоводы совсѣмъ не знали рыболовства. Прежде всего Б. рыболововъ заставилъ пахать землю, а хлѣбопашцевъ и садоводовъ ловить рыбу. Эти рыболовы должны были платить барину тѣ же оброки и доставлять столько же рыбы, какъ настоящіе рыболовы, а между тѣмъ рыба у нихъ не ловилась. Рыболовъ долженъ былъ вспахать, скосить, сжать, убрать хлѣба столько же и такъ же, какъ исконный хлѣбопашецъ, а между тѣмъ работать онъ не умѣлъ и, поэтому, долженъ былъ работать на барина изо дня въ день. Такимъ образомъ въ одинъ годъ остались всѣ безъ хлѣба.

Не задолго до манифеста я пріѣхалъ въ это селеніе, по своему дѣлу, производить слѣдствіе. Между прочимъ, мнѣ понадобилась къ спросу одна старуха. Та пришла ко мнѣ вся въ слезахъ. „Что ты,—спрашиваю,—бабушка, плачешь?“

— Какъ не плакать-то, кормилецъ! Баринъ велитъ откупаться, а у меня денегъ нѣтъ. Нынѣ, чѣмъ свѣтъ, у насъ сломали крышу съ избы, стали уже разламывать потолокъ, какъ я пошла къ вамъ. Прикащикъ кричитъ: откупайся, не то раскидаемъ всю избу!

— Избу ломаютъ, а вы-то гдѣ же?

— Знамо, тутъ же въ избѣ, куда дѣваться-то. Бабы воютъ, ребятишки плачутъ, а вѣдь холодъ-то, Господи!.. Послала ужъ двоихъ сыновей въ С—въ закабалиться къ какому нибудь кущу. Авось, Богъ дастъ, кто нибудь сжалится.

— Много-ли баринъ требуетъ съ васъ?

— Да восемьсотъ рублей.

— Много васъ въ семьѣ?

— Работниковъ-то только двое, да парнишка 15-ти лѣтъ, а то все малъ-мала-меньше, да я, старуха. А что мы, старый да малый, только хлѣбъ ѣдимъ.

Въ эту же зиму, и все еще до манифеста, Б. велѣлъ порыть въ степи, въ оврагѣ, верстахъ въ пяти отъ селенія, огромныя зем-

лянки и согналъ туда тѣхъ, которые или не хотѣли или, по бѣдности, не могли откупаться, и согналъ туда семействъ по пяти въ землянку. Не говоря уже о томъ, какъ они рыли мерзлую землю, сколько пришлось пролить слезъ и поту, о грязи, тѣснотѣ и духотѣ, у нихъ не было ни воды, ни отопленія. Состояніе крестьянъ, говорятъ, было ужасное. Сюда же попала и та старуха, которая посылала сыновей своихъ закабалиться въ С—въ.

Въ то время, когда объявлялся манифестъ, въ С..... губерніи былъ расквартированъ по селамъ Бутырскій полкъ. Въ день объявленія манифеста къ И. И—чу Б. собрались всѣ военные чины изо всѣхъ ближайшихъ селеній и деревень, человѣкъ до 20-ти. И. И. Б. и гости, всѣ пришли въ церковь. Крестьяне стояли, какъ бы не дыша: не шевельнулись и не вымолвили ни слова, но смотрѣли зорко и жадно впивались въ каждое слово. И. И—чъ Б., еще до чтенія манифеста, пригласилъ насъ къ себѣ ночевать. Исправникъ не выяснялъ крестьянамъ ничего. Онъ хорошо понималъ, что толковать съ крестьянами не безопасно, потому что въ домѣ И. И—ча какъ разъ попробовалъ бы и плети. Закуска у И. И—ча была на-славу. По выходѣ изъ церкви, крестьяне, разумѣется, потолковали между собой и потомъ всѣ,— и свои и чужіе,—до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, привалили къ И. И—чу на дворъ.

Долго и хозяинъ и гости ходили по комнатамъ изъ угла въ уголъ молча и то тотъ подойдетъ къ бутылкѣ, то другой къ графину. Наконецъ, одинъ изъ военныхъ вытянулся и говоритъ:

— У меня имѣніе во Владимірской губерніи, одни пески. Всѣ крестьяне ходятъ у меня съ коробками и платятъ мнѣ оброку рублей по 150—200. А теперь?!

Другой: „У меня—въ Новгородской губ. и одни болота. 10 мужиковъ у меня ходятъ съ медвѣдями и платятъ мнѣ по 100 р. А теперь?!“ Когда всѣ подвыпили порядкомъ, и пошла бесѣда нараспашку: „Эхъ, бывало, бери любую!.. А теперь?“ Чего-то тутъ не наговорено, что-то тутъ ни вспомнилось!.. По всему было видно, что манифестъ былъ писанъ не спросясь ни бутырцевъ, ни И. И—ча.

Только я и исправникъ были люди незаинтересованные лично въ это дѣло. У меня, конечно, была только собственная душа, а

у исправника была одна крѣпостная дѣвка, да и та, года два тому назадъ, сбѣжала и пропала безъ вѣсти.

Положенія о крестьянахъ не читалъ никто; читали его только мы съ исправникомъ, и то урывками. И. И—чъ и гости обращались къ намъ съ вопросами: „Вы читали Положеніе; что̀ будетъ вотъ въ такомъ-то случаѣ?“... Если статья Положенія была стѣснительна для крестьянъ, то исправникъ говорилъ прямо, иногда даже немного и привиралъ въ пользу помѣщика; если же стѣснялся помѣщикъ, то онъ обыкновенно говорилъ: „не припомню, вѣдь Положеніе-то вотъ какое!“... И при этомъ разводилъ руками, чуть не въ аршинъ. „Мы съ о. благочиннымъ пробѣжали его, такъ, на̀-скоро, теперь и не припомнишь“. А самъ шепчетъ мнѣ: „Молчи, а то, пьяные-то, какъ раздразнишь, ни зачто—ни прочто изуродуютъ“.

Во время выпивки и толковъ И. И—чу докладываютъ, что пришли мужики и желаютъ о чемъ-то переговорить съ нимъ. И. И—чъ пошелъ на дворъ, пошелъ за нимъ и я. И. И—чъ вышелъ, и съ своего высокаго крыльца, съ барскою важностью, началъ:

— Ну, вы теперь не мои, вы теперь вольные! Теперь васъ будутъ обирать и донимать и становые, и окружные, и сотскіе, и десятскіе, и всякій чортъ. Я заступаться за васъ ужъ не буду. Живите, какъ знаете!

Мужики его, каналья на канальѣ, упали на колѣна и завопили: „Батюшка, отецъ родной, И. И—чъ! На что намъ волю! За вами мы, какъ за каменной горой; безъ вашей милости мы пропали! Теперь насъ заѣдятъ, раззорятъ въ конецъ. Кто за насъ безъ вашей милости заступится?! Не надо намъ воли! Пишите, что мы воли не хотимъ!“

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу! Вы теперь вольные; взяли у меня васъ. Я больше заступаться за васъ не буду!

— Отецъ родной, взмилуйся, похлопочи!

— Вставайте! Крючковъ! (управляющій) дай имъ ведро водки!

И. И—чъ ушелъ въ домъ, а я остался на крыльцѣ. Меня мужики не стѣснялись нимало и говорили откровенно все. Лишь только Б. ушелъ за дверь, какъ мужики: „Чтобъ тебѣ сдохнуть, собакѣ! Измаялъ ты насъ, раззорилъ въ конецъ! Тебѣ мало, что отнять крестьянъ, тебя повѣсить бы надо, какъ собаку!“

Крестьяне ругали И. И—ча на чемъ свѣтъ стоитъ, какъ говорится. Каждый, наперерывъ одинъ передъ другимъ, старался бранью выразить всю свою душу, всю свою злобу и... въ это же время пили его водку. Остальные, посторонніе мужики услышали въ кабакѣ, что Б. поитъ водкой, бросились къ нему. Когда мужики выпили всю водку, я вошелъ въ домъ. Б. обращается ко мнѣ:

— Вотъ какъ мы жили съ мужиками! Имъ даютъ волю, а они: не надо намъ воли! Мужикъ хоть дуракъ, а сейчасъ понялъ, что безъ барина ему плохо. А подносили имъ водки?

— Подносили.

— Пойти къ этимъ мерзавцамъ еще потолковать.

Я пошелъ за нимъ. Лишь только Б. вышелъ, какъ мужики опять бросились на колѣна и заорали: „Благодаримъ васъ, И. И—чъ! Пишите, кормилецъ, что намъ воли не надо, не хотимъ мы воли!“

— Нельзя, ребята, нельзя! Теперь ужъ вы не мои, теперь ужъ вы во-ль-ны-е! Да, во-ль-ны-е! Теперь ужъ живите, какъ знаете!

— Отецъ родной, сжалься!

— Нельзя! Крючковъ! Дай еще ведро!

А самъ опять ушелъ; я остался. Мужики вскочили и принялись ругать пуще еще, кажется, прежняго, и еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ. Они не знали, какъ выразить свою злобу. Выпито и другое ведро̀. И такая исторія повторялась разъ пять и водки выпито ведеръ пять, если не большѐ. Одни мужики перепились и тутъ же валялись, другіе подходили вновь. Хватилъ черезъ край и самъ И. И—чъ, и тоже свалился; хватили и всѣ гости, и разбрелись, кто куда попалъ. А мы съ исправникомъ пошли дочитывать Положеніе. Утромъ мы спросили себѣ чаю и уѣхали, не простившись со спавшимъ хозяиномъ.

IV.

Слѣдующее село было имѣніе кн. К. Исправникъ получалъ тутъ годовую аренду. Самъ князь жилъ въ Полтавѣ, а имѣніемъ управлялъ полякъ Х—цкій, и хохловъ-крестьянъ душилъ. Во время чтенія манифеста крестьяне стояли понуривъ головы и видно было, что они отъ воли этой не ждутъ ничего для себя добраго. Они

слушали манифестъ, какъ приговоръ на ссылку. Исправникъ не объяснялъ имъ ничего, какъ дѣлалъ онъ это въ первыхъ селахъ. По выходѣ изъ церкви, крестьяне собрались кучами и долго толковали. Потомъ подошли къ дому управляющаго, вызвали исправника и стали, было, спрашивать его кое о чемъ. Но исправникъ вынесъ имъ манифестъ, и спросилъ: „кто изъ васъ грамотный?“ Подошелъ писарь, изъ крѣпостныхъ. Исправникъ указалъ ему мѣсто въ манифестѣ и велѣлъ прочитать вслухъ. Тотъ прочелъ:

„Помѣщики, сохраняя права собственности на всѣ принадлежащія имъ земли“....

Исправникъ прервалъ чтеніе и сказалъ: „стало быть, земля остается помѣщичьей! Слышите?“ и велѣлъ читать другой пунктъ:

„Для приведенія новаго устройства въ порядокъ потребуется времени не менѣе двухъ лѣтъ“...

Не давши дочитать и этого пункта, онъ указалъ третій, гдѣ говорилось:

„До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности“...

— Ну, теперь слышали?—спросилъ исправникъ.—Два года живите такъ; какъ жили, и дѣлайте то, что вамъ велятъ; а черезъ два года будете вольными.

— А какую же волю намъ вычитывали въ церкви? Зачѣмъ же ее вычитывать теперь, коли она придетъ только еще черезъ два года?

А одинъ хохолъ: „Та видно, що за тимъ, що послали іе ни на кòняхъ, а на волахъ; вотъ вонà и прійдетъ тилько черезъ два года“.

Исправникъ: „Теперь читали затѣмъ, чтобы вы знали, что черезъ два года вы будете вольными. Въ эти два года вамъ нарѣжутъ земли; а до тѣхъ поръ вы должны работать. Будете противиться, васъ будутъ сѣчь. Ступайте!“

Молча, повѣся головы, крестьяне пошли по домамъ.

Исправникъ и Х—цкій долго о чемъ-то шопотомъ толковали наединѣ. Отходя, исправникъ сказалъ вслухъ: „присылайте за мной, а становому я велю чаще бывать у васъ“.

V.

Изъ Р. мы поѣхали въ село Б. Село Б. населялъ дѣдъ настоящаго землевладѣльца. Это было, вѣроятно, во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Мѣсто, въ лѣсахъ, при двухъ рѣчкахъ и съ великолѣпнѣйшею землей, было пусто совсѣмъ и принадлежало помѣщику съ татарскою фамиліей, владѣвшему крестьянами во многихъ мѣстахъ. Но вотъ, при одной изъ рѣчекъ, поселилось сперва домовъ пять, потомъ десять и т. д. Сюда сталъ селиться всякій: и бѣглые солдаты, и бѣглые отъ другихъ господъ, словомъ — всѣ, кому дорога была воля и кто любилъ приволье. Когда деревня поувеличилась, то баринъ сталъ забирать силой, кого было можно забрать. Ѣдетъ, напримѣръ, баринъ съ псарями, гдѣ нибудь верстъ за пятьдесятъ, попадется баба, онъ усадитъ ее къ себѣ, привезетъ въ деревню, да и повѣнчаетъ за новаго своего поселенца. Та побьется-побьется, да и обживется. Я самъ зналъ одну, еще не очень старую женщину, которую звали цыганкой.

— Почему,—спрашиваю,—ее зовутъ цыганкой?

— Прежде-то,—отвѣчаютъ мнѣ,—было просто, не какъ теперь. Баринъ, вотъ дѣдушка Н. И—ча, кого поймаетъ, того и тащитъ къ себѣ. Онъ гдѣ-то поймалъ цыганку, ея бабушку, привезъ въ деревню, да и повѣнчалъ. Однажды попъ и не сталъ было вѣнчать; баринъ послалъ за нимъ псарей, тѣ привезли его на мельницу, да и отпороли. За это архіерей двадцать лѣтъ не давалъ нашимъ старикамъ попа. Баринъ ужъ какъ ни просилъ, и церковь каменную въ деревнѣ выстроилъ, а архіерей такъ попа и не далъ. Съ новыми поселенцами въ Б. баринъ поступалъ такъ: сперва мужики платили ему за землю и за всѣ угодья по снопу въ годъ съ воротъ. Поплатили этакъ мужики годика два, имъ показалось, что по многу даютъ, и начали дворы городить такъ, чтобы ѣздить троимъ въ одни ворота. Баринъ обложилъ по снопу съ дыму; потомъ по снопу съ окна, дальше по снопу съ воротъ, дыму и окна. А какъ обжились, онъ за собой ихъ закрѣпилъ, да на барщину и погналъ. Мужики, было, и туда и сюда, и назадъ, было, уходить, да ужъ поздно. Онъ пришлетъ человѣкъ 50 псарей, а тѣ, чуть что—въ кнутья. Побились-побились мужики, да и притихли, и остались на вѣкъ барскими, и насъ закабалили.

Въ 1861 году помѣщикомъ въ селѣ Б. былъ внукъ того помѣщика, который населялъ Б., нѣкто Н. И—чъ, важный баринъ, старецъ. Зналъ я его очень хорошо, и во всѣхъ отношеніяхъ. Поговорить о немъ, въ назиданіе потомству, стóитъ.

Н. И—чъ съ семи лѣтъ поступилъ въ пажи, потомъ въ гвардію, и съ чиномъ полковника вышелъ въ отставку. Не смотря на старческія его лѣта, онъ еще былъ очень статный и красивый мужчина, а въ молодости это былъ красавецъ на заглядѣнье. Отецъ его былъ очень состоятельный помѣщикъ и, по отдѣленіи многихъ деревень и селъ дочерямъ, оставилъ ему крестьянъ около 700 душъ. У матери его тоже крестьянъ было много, но она, въ первый же годъ послѣ смерти мужа, проиграла въ карты огромное село. У отца его были свои музыканты, свои пѣвчіе, свои актеры и шуты. Мой батюшка говаривалъ: „сядемъ обѣдать, гостей всегда пропасть, а позади барина И. Н—ча и станетъ старикъ Ѳ., въ кафтанѣ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ. Баринъ ѣстъ, а старикъ сзади каркаетъ по вороньи: каръ, каръ! Баринъ черезъ плечо броситъ ему кусочекъ, тотъ и старается схватить его ртомъ. Какъ схватитъ, то и начнетъ глотать его, а самъ „ку, ку“—какъ бы давится. Всѣ гости и баринъ забьютъ въ ладоши и захохочутъ. Если же не поймаетъ, то долженъ взять его съ полу ртомъ. Лишь только станетъ нагибаться, а баринъ щелкъ его ложкой по лбу! Нагнется, станетъ губами брать кусочекъ, а баринъ и пхнетъ его ногой; онъ нарочито перевернется на спину и начнетъ мотать и руками и ногами, а самъ все: „каръ, каръ“... Только станетъ подниматься, а его еще пхнетъ сосѣдъ барина,—опять вверхъ ногами и опять: „каръ, каръ“. Ну, всѣ и хохочутъ до упаду,—распотѣшилъ! Входила иногда, но только рѣдко, и старуха шутиха. Только войдетъ она, имъ баринъ и броситъ на полъ кусочекъ хлѣба или мяса. Они кинутся, и начнутъ отнимать другъ у друга. Вцѣпятся другъ другу въ волосы, исцарапаютъ одинъ другому до крови лица, валяются, пихаютъ одинъ другаго, а бары-то хохочутъ, а бары-то хохочутъ! Но не было и удержу хохоту, если старуха отнимала кусочекъ. Послѣ этого старуха становилась за стуломъ кого нибудь по ея выбору, и выдѣлывала все то, что дѣлалъ тотъ, за чьимъ стуломъ стояла она: тотъ протянетъ руку съ ложкой въ тарелку, и она, сзади, протянетъ руку какъ бы въ тарелку; тотъ жуетъ, и она жуетъ;

тотъ выпьетъ рюмку вина, и она представитъ, что выпила; тотъ крякнетъ, и она крякнетъ. Тотъ, позади котораго стоитъ она, спроситъ ее: „что, вкусно?“

— Вкусно.

— Ты не пьяна еще?

— Пьяна.

— Наѣлась?

— Нѣтъ, еще поѣмъ. — И перечислитъ, что она будетъ ѣсть еще, т. е. то, что будетъ еще подано за столомъ. Ну, тотъ или подастъ ей кусочекъ, или отдастъ всю тарелку. Если дастъ мало, то она: „экій скупой!“ и отойдетъ къ другому, и тамъ начнетъ выдѣлывать тѣ же штуки. Бары, между тѣмъ, осыпали ее со всѣхъ сторонъ и вопросами и остротами. Тутъ она служила и оракуломъ: кому предскажетъ, а иногда и укажетъ на жениха или невѣсту, кому пожелаетъ напиться пьянымъ,—а господамъ-то любо! господа-то хохочутъ!“

Н. И—чъ унаслѣдовалъ отъ отца любовь къ пѣнію и музыкѣ до страсти. Съ чиномъ полковника онъ вышелъ въ отставку и изъ Петербурга пріѣхалъ въ свое имѣніе, село Б. Какъ артистъ, онъ, разумѣется, занялся, прежде всего, устройствомъ хора и оркестра. Отца его уже не было въ живыхъ, а мать тотчасъ уѣхала въ другую деревню и поселилась тамъ. Красавецъ собой, какъ бывшій придворный съ утонченными манерами, всегда любезный, ласковый, говорящій всегда съ улыбкой на устахъ, гостепріимный до крайности, онъ всякаго обвораживалъ. Не полюбить и не привязаться къ нему всею душой было нельзя,—съ перваго разу, какъ вы познакомились съ нимъ. Вы, напримѣръ, пріѣхали къ нему и не застали обѣда. Вамъ отводятъ комнату и вы можете требовать какихъ вамъ угодно блюдъ и какихъ угодно винъ. Хозяинъ не ужинаетъ; но вы идите къ себѣ и требуйте что вамъ угодно.

Вечеромъ, въ извѣстный часъ, баринъ отправляется въ кабинетъ. Какъ только усядется за рабочій столъ, съ противоположной стороны двумя лакеями отворяется дверь и впускается статный, важный по виду и поступи, мужчина, въ черномъ фракѣ, накрахмаленный и раздушенный, съ портфелемъ подъ мышкой. Передъ глазами барина онъ отпираетъ портфель и подаетъ ему бумаги. Господинъ этотъ—это кухмейстеръ съ огромнымъ спискомъ все-

возможныхъ яствъ. Баринъ внимательно просматриваетъ его, спрашиваетъ, совѣтуется, приказываетъ, и противъ нѣкоторыхъ дѣлаетъ отмѣтку карандашомъ. Это значитъ, что онъ назначилъ обѣдъ на завтрашній день. Получивши обратно списокъ, уложивши его, на глазахъ барина, въ портфель, щелкнувши замкомъ, кухмейстеръ съ поклономъ уходитъ и представляетъ списокъ на утвержденіе барынѣ, когда уже Н. И—чъ женился. Та одно утвердитъ, другое зачеркнетъ, а третье прибавитъ, и возвращаетъ обратно. Отъ барыни списокъ несется къ управляющему домомъ, тотъ отсылаетъ въ контору. Писаря, въ нѣсколько рукъ, бросятся дѣлать выписки: одни—для кухни, другіе—для гостей и вообще обѣдающихъ, а третьи—снова переписывать весь списокъ, чтобы на завтра представить и на просмотръ барину, и на утвержденіе барыни чистый—безъ отмѣтокъ. Списки кушаній клались предъ каждымъ обѣдавшимъ. Дворни было человѣкъ до 100. Сколько бы ни было гостей, но за обѣдомъ непремѣнно стояло по лакею за каждымъ стуломъ, и все это во фракахъ, накрахмалено, раздушено, въ бѣлыхъ перчаткахъ, словомъ: каждый лакей—модная картинка. Чистота, вѣжливость, выдержка, или, какъ выражались господа, дрессировка прислуги были неподражаемы. Не смотря на множество прислуги, не было ни шуму, ни толкотни, ни суетни, а все это какъ-то, какъ машина, невидимо и неслышимо передвигалось и перелетало. Все идетъ до того плавно, что вы совсѣмъ не замѣчаете этого множества народу, окружающаго васъ. Въ обыкновенные, рядовые, дни вся прислуга находилась въ домѣ по дежурству; въ дни экстренные, когда собиралось много гостей, прислуживали всѣ. Пріятный въ обращеніи со всѣми, Н. И—чъ чрезвычайно ласково обращался и съ прислугой: взрослыхъ онъ называлъ не иначе, какъ по имени и отчеству, напримѣръ, Виталій Ивановичъ, Димитрій Петровичъ, а малолѣтковъ—Ваня, Ѳедя, Ѳединька и т. п. и, вдобавокъ, самымъ нѣжнымъ, самымъ ласковымъ тономъ и съ улыбкой—непремѣнно.

Имѣніе Н. И—ча состояло изъ селъ Большаго Б., Малаго Б. и деревеньки, дворовъ въ десять, Е. Барская усадьба его, въ Большомъ Б., была чуть не уѣздный городъ: около большаго барскаго дома стояло нѣсколько домовъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ каменныхъ и множество деревянныхъ, и все это выкрашено, вычищено, убрано—на-славу. На барскомъ домѣ стояло двѣ башни, одна высокая,

другая пониже (башня, что пониже, поставлена, когда Н. И—чъ женился). На башняхъ развѣвались красные флаги съ гербами помѣщика. На одномъ изъ сосѣднихъ домовъ развѣвался зеленый флагъ, на длинномъ шестѣ; подъ нимъ на крышѣ, на большой доскѣ, надпись: „главный управляющій“. На слѣдующемъ домѣ на шестѣ желтый флагъ и внизу вывѣска: „управляющій овцеводствомъ“ (овецъ было около 3,000); на третьемъ—флагъ и вывѣска: „управляющій конюшнею“ (матокъ было штукъ 15 и штукъ 20 ѣзжалыхъ, барскихъ); на четвертомъ—флагъ и вывѣска: „управляющій мельницами“ (два амбара и оба по 4 постава); далѣе: „управляющій винокуреннымъ заводомъ“, „управляющій полями“, „управляющій лѣсами“ и, наконецъ, „завѣдывающій хлѣбными магазинами“, и все это флаги и вывѣски, флаги и вывѣски.... Потомъ слѣдовали однѣ только вывѣски: главная контора, главный конторщикъ, бухгалтеръ, контролеръ, птичница, главная больница, фельдшерская, аптека, кухня, людская, общая столовая, овчарня, конный дворъ, конюшня, птичный дворъ, рогатый скотъ и пр., и пр., безъ конца!... Когда самъ владѣтель или жилецъ подъ флагомъ были дома, то флаги развѣвались; какъ только онъ оставлялъ свою резиденцію, хотя бы, просто, пошелъ къ сосѣду, то флагъ опускался, что означало, что жильца подъ флагомъ нѣтъ дома. Одинъ несчастный мужиченочка только и зналъ, что перебѣгалъ отъ одного дома къ другому и поднималъ и опускалъ флаги.

Механизмъ самаго управленія былъ образцовый: всякій въ точности зналъ свои обязанности, не вмѣшивался въ дѣла другаго и дѣла не путалъ. Скажу фактъ, за который я ручаюсь чѣмъ угодно.—Вѣдь это моя родина! Выдумывать было бы безсовѣстно и этого себѣ я не дозволю.

Пріѣзжаетъ становой приставъ для взыска податей и представляется къ Н. И—чу. Тотъ принимаетъ, по обыкновенію, чрезвычайно ласково и предупредительно, говоритъ: „ахъ, будьте добры, отнеситесь къ главному управляющему! Иванъ Ѳедоровичъ,—говоритъ онъ, обратясь къ лакею,—проводи господина становаго пристава къ главному управляющему!“ Главный управляющій, Григорій Васильевичъ Ш., принимаетъ пристава съ важностью, приглашаетъ садиться и пишетъ записку къ главному конторщику навести справки и донести ему: дѣйствительно-ли за крестьянами

Н. И—ча имѣются недоимки, за сколько лѣтъ и сколько всѣхъ недоимокъ слѣдуетъ къ уплатѣ. Тотъ—къ контролеру, бухгалтеру и пр., и пр. А приставъ сидитъ и ждетъ. Наконецъ, справка получается и главный управляющій надписываетъ: „Выдать г. становому приставу недоимки всѣ сполна". Пошло опять по всѣмъ мытарствамъ. Къ вечеру уже получается донесеніе отъ главнаго казначея: „Такъ какъ въ главной кассѣ, находящейся въ моемъ завѣдываніи, на лицо не имѣется ни одной копѣйки, то распоряженіе г. главнаго управляющаго о выдачѣ г. становому приставу всѣхъ сполна недоимокъ, числящихся за крестьянами Н. И—ча, приведено въ исполненіе быть не можетъ. О чемъ"... И становой, потерявши въ ожиданіяхъ цѣлый день, поѣхалъ ни съ чѣмъ. Какъ честный человѣкъ повторяю, что я пишу быль. Гоголевскій полковникъ Кошкаревъ и переписка о глухомъ тетеревѣ въ имѣніи Салогуба, напечатанная въ „Русской Старинѣ" (изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 567—575), я увѣренъ, не была выдумка. Что Кошкаревы и Салогубы были, такъ извольте вамъ Н. И—ча. Что сталось съ его усадьбой?—Она развалилась совсѣмъ.

Для пущей, вѣроятно, важности, въ одно время у Н. И—ча всѣ начальствующіе были изъ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ: главнымъ управляющимъ былъ Так... берейторомъ Бен... управляющимъ мельницами Ник... и пр. Но, однако, это было не долго. Всѣмъ служившимъ, и нанятымъ и крѣпостнымъ своимъ, полагалось очень приличное жалованье. Но такъ какъ случалось нерѣдко, что въ главной кассѣ не имѣлось ни копѣйки, то наемные ждали жалованья по нѣскольку мѣсяцевъ, но свои, какъ значилось по кассовымъ книгамъ, получали его въ свое время. За проступки первымъ наказаніемъ былъ штрафъ. Штрафъ этотъ заходилъ иногда за много мѣсяцевъ впередъ противъ жалованья; въ январѣ, напримѣръ, приходилось взыскивать штрафъ въ счетъ майскаго жалованья и т. п.

Въ хору у помѣщика бо̀льшая часть дискантовъ, альтовъ и теноровъ были дѣвушки и женщины.

Однажды къ нему пріѣхала изъ Петербурга знаменитость, духовный композиторъ, теперь уже умершій, Т., а ко мнѣ пріѣхалъ братъ мой, профессоръ Р*** и отправился къ Н. И—чу. Позвали пѣвчихъ; Н. И—чъ и гость его Т. всею душою впились въ пѣніе: сидятъ, слушаютъ, не шевельнутся, не дышатъ. Вдругъ Н. И—чъ,

самымъ нѣжнымъ, самымъ отеческимъ, преисполненнымъ ласки тономъ, протяжно сказалъ: „ахъ, Ѳединька!“ Одинъ изъ теноровъ покраснѣлъ и незамѣтно попятился назадъ; потомъ дальше и дальше, тихонько и, наконецъ, вышелъ. Минутъ черезъ 15 этотъ теноръ, красный уже совсѣмъ, пришелъ опять, незамѣтно пробрался на свое мѣсто и сталъ пѣть снова. Вечеромъ братъ мой спросилъ одного изъ прислуги: что это значитъ, что баринъ вашъ сказалъ: Ѳединька, одинъ изъ теноровъ покраснѣлъ, незамѣтно вышелъ и потомъ, красный совсѣмъ уже, пришелъ опять и опять сталъ пѣть?

— Это у насъ значитъ, что Ѳединька ходилъ на конюшню, тамъ ему задали 25 горячихъ, вотъ онъ и покраснѣлъ.

— Но вѣдь баринъ не видитъ, можно и не сѣчь?

— Нѣтъ, у насъ этого не бываетъ. И кучера и розги для насъ всегда готовы, и тамъ сидитъ такой Іуда, что онъ отъ себя еще прибавитъ, не то, чтобъ убавить. А чтобы вовсе не сѣчь? Да баринъ на смерть запоретъ всѣхъ!

— Ну, а если кто ошибется два и три раза?

— Такъ чтожъ?! Развѣ у барина лѣсу на розги недостанетъ? отпорятъ и два и три раза. У насъ и баринъ и управляющіе люди добрые, лѣсу для насъ не жалѣютъ.

Въ имѣніи Н. И—чъ былъ настоящимъ пѣтухомъ, и, до женитьбы и послѣ, вся женская половина,—отъ млада до стара,—была его курами. Пойдетъ, бывало, Н. И—чъ поздно вечеромъ по селу любоваться благоденствіемъ своихъ крестьянъ, остановится противъ какой нибудь избы, посмотритъ въ окно и легонько постучитъ въ стекло пальцемъ. Стукъ этотъ хорошо уже былъ извѣстенъ всѣмъ: постучитъ — и сію же минуту красивѣйшая изъ семьи выходитъ къ нему... А что творилось во дворѣ,—предоставляю всякому дополнить мой разсказъ своимъ воображеніемъ.

Задумалъ Н. И—чъ жениться, съѣздилъ въ П., усваталъ, и привезъ карточку своей невѣсты. Невѣста его и потомъ жена Е. Н., изъ рода М., была очень красива собой и, безъ хвастовства и фатовства, необыкновенно добрая дама. Пріѣхалъ Н. И—чъ и пошелъ на ригу показать бабамъ карточку своей невѣсты. Далъ карточку и спрашиваетъ: „что, хороша моя невѣста?“ Одна изъ бабъ, бойкая и пользовавшаяся особенною его благосклонностью, смѣясь сказала: „Хороша, а я все-таки лучше!“ Н. И—чъ взялъ

карточку и съ обыкновенною нѣжностью сказалъ: „Ѳедоръ Васильевичъ! Дай Дашѣ 50!“ И пошелъ. Ѳедоръ Васильевичъ (староста) сейчасъ же и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, закатилъ Дашѣ 50 самыхъ горячихъ.

Однажды, въ сороковыхъ годахъ, былъ страшный голодъ; крестьяне Н. И—ча, и безъ того поголовно нищіе, совсѣмъ умирали съ голоду. Б. приказалъ отпускать имъ мѣщину (мѣсячину), по одному пуду муки на человѣка. Но мука эта была изъ 30-ти фунтовъ жолудя и 10-ти ф. ржи. Народъ отощалъ, заболѣлъ, пожелтѣлъ. Разъ, въ это время, приходитъ Н. И—чъ къ бабамъ на ригу, обращается къ одной молодой и красивой бабѣ, и спрашиваетъ: „Отчего это ты, Аннушка, такая желтая?“

— Да, батюшка Н. И—чъ, пожелтѣешь съ дубовыхъ-то жолудей.

— Ѳедоръ Васильевичъ! Дай Аннушкѣ 50!—И пошелъ. И это опять было сказано такимъ медовымъ тономъ, какъ будто онъ, съ полнымъ сердечнымъ участіемъ, приказалъ выдать ей 50 рублей.

Ѳедоръ Васильевичъ сейчасъ же и опять тутъ же, на мѣстѣ преступленія, задалъ взлупку и Аннушкѣ.

Кучеръ его Кириллъ былъ видный и ловкій мужчина,—впрочемъ, у Н. И—ча, по правдѣ сказать, неловкихъ не было,—ѣздилъ и держалъ себя на козлахъ красиво. Н. И—чъ разъ и говоритъ: „Не правда-ли, что у меня Кириллъ Васильевичъ молодецъ? Однажды я ѣду по Петербургу, а тихо ѣздить я не люблю; Кириллъ Васильевичъ повернулъ за уголъ, а изъ-за угла выѣзжаетъ великій князь Михаилъ Павловичъ и кучера наши соткнулись. Я вернулся домой, да какъ задалъ ему 500, такъ что онъ съ мѣсяцъ ѣздилъ стоя, такъ съ тѣхъ поръ сталъ ухо держать востро. Теперь, не бойсь, самъ спасибо мнѣ сказываетъ, что я сдѣлалъ его такимъ молодцомъ“.

Въ 183—году уѣхалъ Н. И—чъ въ Петербургъ жениться. Мѣсяца черезъ два—три получается извѣщеніе, что такого-то числа Н. И—чъ изволятъ прибыть съ своею молодою супругою въ имѣніе. За нѣсколько дней до пріѣзда разосланы были курьеры на множество станцій. Вездѣ поднялась возня: чистка травы въ саду, по площади, у церкви, возка и посыпка песку, приготовленіе плошекъ, фонарей, ракетъ; шитье, чинка и штопанье фраковъ, крах-

маленье и глаженье бѣлья; уборка дома, разстановка цвѣточныхъ кадокъ и горшковъ; съигрыванье, спѣвка, словомъ—адъ кромѣшный. Всѣ суетятся, бѣгаютъ и ждутъ какъ будто, что вотъ-вотъ земля перекувыркнется: просто всѣ ошалѣли,—всякій трясматрясется за свою шкуру. Наконецъ, первый гонецъ скачетъ и кричитъ: Н. И—чъ съ своею молодою супругою изволили благополучно прибыть въ г. П. (200 вер. отъ Б.). Скачетъ другой: Н. И—чъ изволили благополучно прибыть въ село Д. А тамъ: третій, четвертый... десятый! Наконецъ, карета показалась на послѣдней горѣ передъ селомъ. Начался благовѣстъ; лишь только въѣхала карета въ село, зазвонили во всѣ колокола. Старичокъ-священникъ, мой родной дѣдушка, вышелъ изъ церкви въ ризахъ, съ крестомъ въ рукахъ, съ св. водой, съ иконами и хоругвями, и всѣ встали за оградою церкви. Н. И—чъ изволили благополучно прискакать къ церкви и выйти, супругу его благополучно фрейлины вынесли изъ кареты и оба вмѣстѣ изволили приложиться ко кресту; дѣдушка мой окропилъ ихъ св. водой и пошелъ въ церковь, за нимъ пошли пѣвчіе и запѣли тропарь святителю Николаю; за пѣвчими послѣдовала молодая чета. Тотчасъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ благополучно прибывшей въ свои владѣнія молодой четѣ. Чтобъ задать шику по всѣмъ частямъ, по окрестнымъ деревнямъ наняты были на этотъ день отставные солдаты, которые, въ своихъ сѣрыхъ шинеляхъ, составили кругъ и охраняли отъ давки. Барскія палаты находились отъ церкви саженяхъ въ 100. По высланной изъ Петербурга программѣ церемоніала, Н. И—чъ съ супругою должны были изъ церкви до дому идти пѣшкомъ. Отъ входа въ церковь до дому всѣ, и начальство и подчиненные, встали въ двѣ шеренги; между этими рядами пошли господа. Первымъ отъ церкви всталъ главный управляющій, за нимъ управляющіе отдѣльными частями; тамъ: главный конторщикъ, главный казначей, главный контролеръ, главный аптекарь, главный лекарь; далѣе: канцелярскіе чиновники, камеръ-лакеи, пѣвчіе, музыканты, повара, кучера и пр., и пр. Къ самому дому стали оборванные, испитые и избитые крестьяне, впрочемъ, наружу вышихнули тѣхъ, кто одѣтъ былъ получше. Порядка, въ совершенной точности, кто за кѣмъ стоялъ, я теперь не упомню, но, приблизительно, было такъ. Но, кажется, тутъ и не въ этомъ дѣло. Молодые пошли. Всѣ съ жадностью

бросились цѣловать ихъ руки, а въ это время супругъ представлялъ своей молодой супругѣ всѣхъ, и по одиночкѣ и цѣлыя группы. На колокольнѣ, между тѣмъ, отжаривали во всѣ колокола.

Н. И—чъ всегда былъ хлѣбосоломъ и гостей былъ всегда полонъ домъ, но теперь молодой женѣ, родившейся и выросшей въ Петербургѣ, развлеченія были необходимы. Иначе ей житье въ с—ской глуши, да еще въ деревнѣ, было бы хуже каторги. Поэтому гости, музыка, пѣніе, фейерверки, гулянья по лѣсамъ, пикники—каждый день! Пѣніе и музыку самъ хозяинъ любилъ до страсти, и любилъ похвастаться передъ другими. Музыка въ домѣ, пѣніе въ саду, музыка въ горахъ, пѣніе въ лѣсу, музыка и пѣніе днемъ, ночью, вблизи господъ, въ отдаленности и т. д., и т. д., безъ конца. Послѣ разнообразныхъ удовольствій: музыки, пѣнія, танцевъ, гуляній и пр., Н. И—чу нерѣдко приходило желаніе позабавить гостей обѣдней. Онъ обращается къ нимъ и говоритъ: „А какъ у меня пѣвчіе поютъ обѣдню! Не угодно-ли послушать?“ Гости, конечно, непрочь поразнообразить удовольствія. Н. И—чъ кричитъ лакею:

— Дмитрій Ѳедоровичъ! Сходи къ попу и вели ему завтра служить обѣдню.

Дѣло давно за полночь. Лакей бѣжитъ, стучитъ въ окно и кричитъ: „Батюшка, вставайте! Н. И—чъ приказали завтра служить обѣдню!“ Дѣдушка мой, старичокъ за 75 лѣтъ, встаетъ и начинаетъ читать молитвы, читаемыя готовящимися къ причащенію. Благовѣстъ къ обѣднѣ начинался всегда въ 10 часовъ и продолжался часъ. Въ это время дѣдушка придетъ въ церковь, облачится, совершитъ проскомидію и сядетъ ждать Н. И—ча; посядутся и всѣ другіе, и ждутъ. Н. И—чъ, между тѣмъ, въ это время, изволитъ встать, по барски, не торопясь, дастъ одѣть себя, умыть, побрить, напьется чаю, поиграетъ на скрипкѣ что нибудь въ родѣ Паганини, походитъ по залу и посвиститъ какую нибудь мазурку, потолкуетъ съ гостями на балконѣ и сдѣлаетъ распоряженія о вечернемъ театрѣ. Во все это время сторожъ стоитъ на колокольнѣ и съ господскаго дому не спускаетъ глазъ. Вдругъ выбѣгаетъ лакей и машетъ платкомъ. Это значитъ, что баринъ изволятъ выходить. Послѣ часоваго благовѣста времени прошло уже съ часъ. Увидѣвши лакея, сторожъ бросается забирать веревки. Лишь только Н. И—чъ показалъ свои ясныя очи, сторожъ

и начнетъ откатывать во всѣ, и старается выдѣлывать колоколами штуки, въ родѣ трепака. Н. И—чъ любилъ, чтобъ у него все было образцовое, и тутъ онъ хотѣлъ, чтобъ и онъ самъ и гости его, идя въ церковь, наслаждались колокольною музыкою. А для этого онъ посылалъ сторожа въ С—въ учиться звонить; при этомъ, само-собой разумѣется, не обошлось безъ того, чтобы кучера не отзвонили разъ десять у него на спинѣ. Сторожъ, дѣйствительно, откалывалъ хватски. Въ церкви мгновенно всѣ встрепенутся и встанутъ на свои мѣста: станутъ пѣвчіе на клиросъ, дѣдушка мой противъ престола, станетъ дьяконъ на амвонъ и подниметь руку. Лишь только Н. И—чъ перенесетъ одну ногу черезъ порогъ церкви, регентъ шепчетъ діакону: „Начинай, начинай!“ И діаконъ забаситъ: „Благослови, Владыко!“ и обѣдня пойдетъ своимъ порядкомъ. Если обѣдня была не обыкновенная праздничная, а по заказу, какъ теперь,—на потѣху гостей, то Н. И—чъ бывалъ особенно внимателенъ къ пѣнію. Тогда, если кто, къ несчастью, чуточку сфальшитъ, т. е. вмѣсто діезной или бемольной нотки возьметъ простую, Н. И—чъ, пропуская мимо себя, послѣ обѣдни, пѣвчихъ, говаривалъ: „Ты, Саша, опять сфальшивила: въ „Достойно“ ля — діезное; а ты, Даша, въ концертѣ, въ „Пріидите“—ди-фисъ“. Нѣтъ нужды повторять въ десятый разъ, что это говорилось самымъ нѣжнымъ тономъ; даже иногда Н. И—чъ, улыбаясь, по подбородку погладитъ; но всѣ ужъ очень хорошо знали, что значили эти діезы и бемоли! Регентъ сейчасъ долженъ былъ сказать объ этомъ управляющему, а тотъ вписывалъ и Сашѣ и Дашѣ уже безъ всякой фальши. Цѣна и діезовъ и бемолей была извѣстна—25.

Вечеромъ, эти же и Саша и Даша должны были играть въ домашнемъ театрѣ на сценѣ и разыгрывать какихъ нибудь княгинь и графинь. Въ антрактѣ баринъ входилъ за кулисы и говорилъ: „Ты, Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль: графиня NN. должна была держать себя съ бо́льшимъ достоинствомъ“. И 15—20 минутъ антракта Сашѣ доставались дорого: кучеръ поролъ ее съ полнымъ своимъ достоинствомъ!... Затѣмъ, опять та же Саша должна была или держать себя съ полнымъ достоинствомъ графини, или играть въ водевилѣ и отплясывать въ балетѣ.

Да, ни одна сталь, ни какой камень не выдержали бы того,

что должна была выносить—и выносила—человѣческая натура! Какъ ни бьешься, какъ ни стараешься, но никакъ не можешь представить себѣ, чтобы люди, да еще дѣвицы, послѣ розогъ, и, вдобавокъ, розогъ кучерскихъ, забывая и боль и срамъ, могли мгновенно превращаться или въ важныхъ графинь „съ достоинствомъ“, или прыгать, хохотать отъ всей души, любезничать, летать въ балетѣ и т. п., а между тѣмъ дѣлать были должны, и дѣлали, потому что онѣ опытомъ дознали, что если онѣ не будутъ, тотчасъ изъ-подъ розогъ, вертѣться, веселиться, хохотать, прыгать, то опять кучера... Онѣ знаютъ горькимъ опытомъ, что, даже за малѣйшій признакъ принужденности, ихъ будутъ сѣчь опять, и сѣчь ужасно. Представить ясно такого положенія невозможно, а однакожъ все это было. Еслибъ понадобилось, то эти и Сапи, и Маши, и Даши еще живы, и могли бы увѣрить всякаго лично. Я думаю, что такія усилія, чтобы тотчасъ изъ-подъ кучерскихъ розогъ хохотать и плясать, можетъ дѣлать человѣкъ только или при непомѣрномъ страхѣ, или когда онъ доведенъ до скотоподобія. Впрочемъ, многіе господа такъ и смотрѣли на своихъ холопей, какъ на скотину, даже какъ на собаку; нѣтъ, даже хуже, чѣмъ на собаку. Мой короткій знакомый, съ которымъ я росъ и игралъ, помѣщикъ Кам... лакея звалъ барбосомъ. Свистнетъ, бывало, и закричитъ: „Барбосъ!“ и человѣкъ является. Всѣмъ также извѣстно, что псари на одну собаку мѣняли сотню людей. Бывали случаи, что за борзую отдавали деревни крестьянъ. Мелкопомѣстные помѣщики, у которыхъ не доставало невѣстъ, — сосѣди имѣній Ш**, — покупали у него дѣвушекъ по 25-ти р. Откупали за эту цѣну своихъ дочерей и многіе родители, чтобъ выдать ихъ въ замужство за вольныхъ. Въ это же самое время А. А. С. покупалъ борзыхъ щенковъ по 3,000 р. Стало быть, щенокъ, даже не собака, цѣнился въ 120 разъ дороже человѣка, или 120 дѣвокъ равнялись одной сукѣ, и выходило: какъ шарманщики палками и хлыстами заставляютъ плясать собакъ, такъ помѣщики, подобные хорошему моему знакомому Н. И—чу, розгами и кнутьями заставляли смѣяться и плясать людей.

Хотя Н. И—чъ бо́льшую часть дня и ночи проводилъ съ гостями, музыкантами и пѣвчими, каждая отрасль хозяйства поручена была особому лицу, а общій надзоръ за всѣмъ—главному

управляющему, но онъ въ хозяйство вникалъ и самъ. Главнымъ управляющимъ у него былъ, бо́льшею частію, крѣпостной его человѣкъ, служившій управляющимъ еще при его отцѣ, нѣкто Григорій Васильевъ Ш. Это былъ высокій, статный и очень толстый мужчина, не молодыхъ уже лѣтъ. Въ 11 часовъ дня главный управляющій приходитъ въ зало Н. И—ча, въ черномъ фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, накрахмаленный и надушенный, съ портфелемъ подъ рукой, и стоитъ въ вытяжку. Ровно въ 12 часовъ два камеръ-лакея отворяютъ дверь въ кабинетъ и приглашаютъ его войти. Н. И—чъ только что пришелъ туда и усѣлся за рабочимъ столомъ; по правую руку его стоитъ, тоже въ черномъ фракѣ, статсъ-секретарь. Главный управляющій съ поклономъ подходитъ къ столу, отпираетъ свой портфель и кладетъ бумаги предъ Н. И—чемъ. Н. И—чъ, молча, не шевельнувши пальцемъ, даетъ знакъ статсъ-секретарю взять бумаги и читать. Здѣсь онъ словесно дѣлалъ свои замѣчанія, и докладъ продолжался минутъ 15. Въ извѣстные дни представлялись управляющіе отдѣльными частями и, точно такъ же, во фракахъ, бѣлыхъ перчаткахъ, съ портфелями и пр. Съ тяжелымъ вздохомъ вставалъ онъ изнуреннымъ изъ-за стола, послѣ 15-ти-минутныхъ занятій, и не входилъ уже въ кабинетъ до тѣхъ поръ, какъ долженъ былъ дѣлать докладъ вечеромъ кухмейстеръ. Главный управляющій Григорій Васильевъ Ш. былъ лицо довѣренное, но часто и онъ подвергался барской опалѣ. Прогнѣвается баринъ, тотчасъ передастъ должность другому, и намѣстникъ его ведетъ его въ контору. Тамъ раздѣнутъ его донага, натянутъ посконную рубаху и прочее, обуютъ въ лапти, надѣнутъ рваный кафтанъ, сшитый изъ красныхъ, синихъ, желтыхъ и др. лоскутовъ сукна, надѣнутъ рваную шапченку, дадутъ въ руки палку и велятъ или свиней пасти, или, вмѣсто десятскаго, ходить по избамъ наряжать на работы. Такъ поступалъ съ Григоріемъ Васильевичемъ часто и отецъ Н. И—ча. Бывало, увидишь въ такомъ положеніи его и спрашиваешь: что это вы, Григорій Васильевичъ, иль баринъ осердился?

— Что будешь дѣлать, барская воля. А ужъ куда-то тошно!

Сынъ Григорія Васильевича былъ главнымъ камердинеромъ у Н. И—ча.

При барской усадьбѣ была, какъ я уже говорилъ, главная больница. Фельдшера были изъ крѣпостныхъ, а докторъ пригла-

шался изъ М. Нерѣдко Н. И—чъ приглашалъ гостей, прямо изъ церкви, въ праздникъ, зайти туда. Тамъ все было убрано, чисто, въ изголовьяхъ каждаго больнаго дощечка съ надписью болѣзни и времени поступленія въ больницу больнаго. Но нерѣдко случалось, что туда, въ торжественные дни, укладывали и по наряду. Облекутъ мужика или бабу въ больничное платье, уложатъ на кровать, да и накажутъ крѣпко-на-крѣпко, чтобы не забыли, чѣмъ больны они. Кого хотѣлъ обмануть этимъ Н. И—чъ, не знаю. Кромѣ самого себя онъ никого не обманывалъ, потому что всѣ знали Н. И—ча насквозь. Точно также, въ праздникъ, когда бывало у него много гостей, по наряду десятскаго крестьяне приходили въ церковь и въ лучшемъ праздничномъ платьѣ.

Рабочихъ дней у крестьянъ не отнималось, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда боялись дождей или бурь. Приходитъ, напримѣръ, главный управляющій на работы и говоритъ управляющему полями, при крестьянахъ: „Н. И—чъ приказали поторопиться уборкою хлѣба, или сѣна, какъ бы дождя не было“. И пойдетъ работа каждый день; крестьянамъ приходилось поэтому и пахать, и косить, и жать, и пр. свои поля тогда уже, когда кончатся работы барскія. Коль хотѣлъ онъ заставить отработывать поля сперва свои, а потомъ уже дозволить крестьянамъ работать себѣ, ну, такъ бы и говорилъ, что пусть-де крестьяне отработаютъ сперва мнѣ; нѣтъ, и тутъ маскировка—дожди, бури и пр. Точно также у него бывали всегда, это ужъ постоянно, помочи. Помочью въ хозяйствѣ у крестьянъ называется то, когда они просятъ сосѣдей помочь имъ поработать, въ свободные отъ работъ дни. Позоветъ мужичокъ человѣкъ 10—20 въ праздникъ пособить ему и за это одолженіе угоститъ ихъ обѣдомъ и водочкой. Угощенія выйдетъ на рубль, на два, а пособятъ рублей на 20—30. И крестьяне въ этомъ случаѣ часто чередуются. И у Н. И—ча каждый праздникъ были помочи. Туда обязательно должны были идти и старый и малый. За это вечеромъ имъ подносилось по стакану браги. Въ сущности-то и выходило, что крестьяне его не знали отдыху ни въ будни, ни въ праздникъ. Однако же, все это маскировалось.

Однажды, когда главнымъ управляющимъ былъ у него помѣщикъ же Тах...., во время жнитва Н. И. посылаетъ крестьянъ за брусьями въ г. С—въ.

— Помилуйте, Н. И—чъ, возможно-ли ѣздить теперь, теперь время рабочее!

— Какъ рабочее? Рабочее—зимой, когда идетъ винокуренный заводъ, а теперь что!

Зимой, дѣйствительно, у него было время рабочее: всю зиму и мужики и бабы работали и день и ночь, не зная свободнаго часу. Только урывками могли помолотить себѣ и смолоть. Къ счастью крестьянъ, заводъ часто останавливался за неимѣніемъ муки: свою муку перегонитъ, деньги протуритъ, на сторонѣ купить не на что, въ долгъ никто изъ ближнихъ помѣщиковъ не даетъ,—заводъ и стоитъ.

Случай о посылкѣ, во время жнитва, за брусьями я разсказалъ затѣмъ, чтобъ показать, какъ легко было помѣщикамъ, при крѣпостномъ правѣ, управлять хозяйствомъ и какъ они знали хозяйство.

Н. И—ча однажды пригласилъ къ себѣ на свадьбу помѣщикъ, генералъ П—въ, верстъ за 70. По дорогѣ отъ Б. до дому П—ва были разставлены курьеры. Одинъ скачетъ и докладываетъ П—ву: Н. И—чъ изволили выѣхать; другой: Н. И—чъ изволили переѣхать мостъ (въ степи на оврагѣ); третій: Н. И—чъ изволятъ въѣхать въ село! Наконецъ, прибылъ и самъ Н. И—чъ. Отецъ П—ва, старичокъ-простота, радушно встрѣчаетъ Н. И—ча и говоритъ: „Какихъ это вы посылали болвановъ? Одинъ оретъ: Н. И—чъ изволили выѣхать, другой: изволили благополучно переѣхать мостъ. А намъ—по мосту-ли вы проѣхали, подъ мостомъ-ли, все равно. Пріѣхали—и слава Богу!“ Н. И—чъ схватилъ себя за голову: „Какъ у меня голова разболѣлась! Въ какое попалъ я общество!“... Обернулся къ своему лакею: „лошадей!“ и тотчасъ уѣхалъ, не видѣвшись съ хозяиномъ-женихомъ. Злой пріѣхалъ онъ домой и тотчасъ придрался къ Григорію Васильевичу и разжаловалъ его изъ главныхъ управляющихъ въ свиные пастухи, и облекся Григорій Васильевичъ изъ фрака въ разноклинный кафтанъ...

Этотъ Григорій Васильевичъ, очень умный господинъ, то первое, то послѣднее лицо въ имѣніи, по отпускѣ крестьянъ на волю померъ нищимъ. Весь вѣкъ работая на барина, законными средствами онъ не имѣлъ возможности обезпечить себя на старость, а накрасть, еслибъ и хотѣлъ, то не имѣлъ возможности, потому что у самого барина вездѣ было очень чисто. Но за то крестьяне

тащили на всѣ стороны. Всѣ начальствовавшіе видѣли воровство, но радѣть барину никто не могъ,—и крестьяне тащили. Они по ночамъ рубили лѣсъ и продавали въ ближайшее село, увозили снопы съ барскихъ полей, увозили сѣно, таскали мѣшечками въ гумна изъ вороховъ еще не промѣренный хлѣбъ и т. под., и питались. Григорій Васильевичъ, конечно, этого дѣлать не могъ,—и померъ нищимъ, нищимъ въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что единственный сынъ его померъ.

Въ 184... году Н. И—чъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Тутъ уже пошло не то, что прежде: гости, балы, попойки—безпрерывно. Читаешь, бывало, печатную афишу: въ имѣніи губернскаго предводителя дворянства Н. И—ча, въ с.Больш. Б., такого-то числа, въ .. часовъ будетъ завтракъ; въ .. часовъ катанье верхомъ тамъ-то; въ .. часовъ обѣдъ въ домѣ; во время обѣда оркестръ будетъ играть то-то; вечеромъ, тамъ-то, фейерверкъ; ночью въ .. часовъ, въ двухъ верстахъ отъ гостей и публики, въ лѣсу будутъ пѣвчіе и оркестръ исполнять то-то и пр., и пр. Потомъ видишь: мчатся 15—20 троекъ, 5—6 каретъ, это значитъ, что къ Н. И—чу ѣдутъ гости. Тамъ видишь—все мчится назадъ; это значитъ, что отъ Н. И—ча гости уѣзжаютъ.

Подъ конецъ втораго трехлѣтія Н. И—чу пришлось имѣніе свое заложить, перезаложить, часть совсѣмъ отложить, а остальное до крайности разложить, т. е. заложить въ банкъ и частныя руки, часть имѣнія совсѣмъ продать, вырубить лѣса и крестьянъ раззорить до невозможности. Поэтому онъ давать обѣды и балы сталъ уже рѣже и не съ прежнею торжественностью. Дворянамъ, между тѣмъ, нуженъ былъ такой предводитель, который былъ бы предводителемъ ихъ кутежей.

Дворяне того времени, особенно не изъ крупныхъ владѣльцевъ, совсѣмъ не имѣли научнаго образованія. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ была мода на гувернеровъ-французовъ. Всякій знаетъ и теперь смѣется—кого забирали себѣ помѣщики въ гувернеры: тутъ были и повара, и кучера, и трактирные служителя, и лакеи и—всякій, всякій подобный сбродъ. Все образованіе самихъ гувернеровъ состояло въ томъ, что они „говорили по французски“, или, вѣрнѣе: говорили не по русски. Эти гувернеры научали своихъ питомцевъ болтать по французски и танцовать, а втихомолку и пить, и еще кое-какимъ закулиснымъ

штукамъ. Послѣ домашняго образованія, барчука отвозили въ гимназію или кадетскій корпусъ. Тамъ онъ побьется годика четыре—пять, дойдетъ до III-го класса, да и въ военные, или запишется въ канцелярію губернатора до перваго чина; запишется въ канцелярію, а самъ отправится въ деревню гоняться за русаками, да за горничными. Канцеляріи губернаторовъ, поэтому, были переполнены такимъ людомъ, ихъ считали тамъ сотнями. Получивши чинъ, барчукъ дѣлался помѣщикомъ въ полномъ смыслѣ слова,—разъѣзжалъ на рысакахъ и участвовалъ во всѣхъ кутежахъ. На нѣмцевъ-управляющихъ моды еще не было, и они тогда не обирали еще своихъ довѣрителей, какъ пошло это въ послѣдующее время. Имѣніями управляли свои крѣпостные старосты и бурмистры, безъ всякаго жалованья. Хотя и они тоже спуску господамъ не давали и обирали ихъ, но обирали, по крайней мѣрѣ, не начистую—по нѣмецки. Рабочія силы тоже даровыя; земскихъ налоговъ на земли не было. Стало быть, какой бы ни былъ неурожай—баринъ не въ убыткѣ. При плохомъ урожаѣ баринъ получалъ только меньше обыкновеннаго, но убытку и быть не могло. Случится голодъ, крестьянамъ въ смерть,—жолудь, лебеда и питательная глина найдутся всегда. Показалось барину, что староста распорядился не такъ, какъ бы слѣдовало,—розогъ и кнутьевъ не занимать-стать, которые, если не ума, такъ энергіи поддадутъ всегда. И баринъ покоенъ! Что оставалось дѣлать избалованному, необразованному, матеріально обезпеченному, нравственно возвышенному закономъ надъ всѣми другими сословіями, предъ которымъ преклонялось все, котораго предупреждалось всякое движеніе и котораго исполнялось всякое желаніе—господину? Театръ, клубъ, карты, музыка, псарня, кутежъ и самодурство всякаго рода должны быть естественнымъ и, дѣйствительно были, единственнымъ его развлеченіемъ. Не безъ основанія же слова: лѣнтяй и баринъ—сдѣлались синонимами. У насъ обыкновенно говорятъ: вишь ты развалился, какъ баринъ; лѣнь руки поднять—какъ баринъ; не работаетъ, шляется безъ дѣла—какъ баринъ! Такая поговорка составилась недаромъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что замѣтки мои покажутся многимъ изъ старыхъ дворянъ обидными. Но, во первыхъ, я говорю историческую правду, а исторія спуску не даетъ никому, и давать не должна; во вторыхъ, я говорю отнюдь не обо всѣхъ дворянахъ. Я говорю о своихъ, с—кихъ

провинціалахъ. Предъ государственными же, общественными и учеными дѣятелями я съ благоговѣніемъ преклоняю мою голову. С—кимъ же провинціаламъ скажу: пусть укажутъ они мнѣ: сколько изъ нихъ окончило полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, не говоря уже о высшихъ? чѣмъ заявили они научное свое образованіе и пусть укажутъ они на свои библіотеки. Пусть докажутъ мою неправду,—и тогда я извинюсь предъ ними. Но дѣло въ томъ, что я пишу факты и недаромъ скрываю фамиліи.

Предъ выборами съѣзжались въ городъ всѣ помѣщики и занимали всѣ гостинницы. Нѣкоторые, желавшіе быть выбранными въ предводители, дѣлали запродажныя записи мелкопомѣстнымъ, чтобъ тѣ имѣли цензъ и были ихъ сторонниками... начинался кутежъ. И дворяне выбирали предводителя, или вѣрнѣе: выразителя дворянства. Въ предводители выбирали всегда богатыхъ и нескупыхъ. Это значитъ, что при выборахъ имѣлись въ виду кутежи на счетъ предводителя. Если предводителю нуженъ умъ, то умные нашлись бы и изъ бѣдныхъ, однакожъ бѣдныхъ не выбирали. Была же на это какая нибудь причина!

Къ концу втораго трехлѣтія Н. И—чъ дѣлать вечера и обѣды почти пересталъ совсѣмъ и—дворяне отъ него отшатнулись. Но, въ день новой баллотировки, утромъ, къ нему съѣхались всѣ дворяне и стали упрашивать его баллотироваться опять. Н. же И—чъ рѣшительно положилъ не баллотироваться. Дворяне пристали и пристали, и говорятъ, и доказываютъ, что они, всѣ до единаго, единогласно желаютъ имѣть его предводителемъ, что, кромѣ его, не желаютъ имѣть никого. Н. И—чъ хоть и до послѣдняго разстроилъ свое состояніе, но самолюбіе осталось такое же, какъ и было. При томъ онъ хорошо видѣлъ, что просятъ его не кто нибудь, кого бы онъ не зналъ, а его искренніе друзья, которые сотни разъ ѣли и пили, и перепивались у него, изъ-за которыхъ, преимущественно, онъ разстроилъ свое состояніе и нынѣ—завтра могъ остаться безъ куска почти хлѣба, такъ какъ имѣніе его было назначено къ продажѣ съ аукціона—устоять не могъ, баллотироваться согласился. Послѣ архіерейскаго молебна въ соборѣ, поѣхали въ домъ дворянскаго собранія. Н. И—чъ баллотировался первымъ. Положили шары, вынули ящики и въ ящикѣ избирательномъ оказался одинъ-единственный шаръ, всѣ остальные—въ неизбирательномъ. Н. И—чъ помертвѣлъ. Подходитъ къ

нему одинъ изъ преданныхъ ему друзей и говоритъ: „Что это значитъ, я не понимаю? Всѣ васъ проспли, всѣ васъ убѣждали и только одинъ шаръ мой бѣлый! Это ужасно!“... Подходитъ другой изъ истинныхъ друзей и говоритъ съ отчаяніемъ: „Это подлость! У меня голова кружится! Изъ всѣхъ, одинъ мой бѣлый!“... Подходитъ третій, изъ самыхъ вѣрныхъ друзей, поднялъ руки и говоритъ: „Это не дворяне, а п.....! Не они-ли убѣждали васъ? И что же? Одинъ мой бѣлый!“... Н. И—чъ затрясся: „Вы показали себя,—сказалъ онъ выразительно,—сперва п..... всѣ вмѣстѣ, а теперь показываетесь всѣ поодиночкѣ. П..... вы всѣ!“ Всталъ и ушелъ. И болѣе въ дворянскомъ собраніи не бывалъ.

Этотъ случай съ Н. И—чемъ подтверждаетъ мою предыдущую замѣтку, какъ высоко стояло нравственное состояніе с—кихъ дворянъ.

Дѣдушка мой померъ, въ село Б. переведенъ, противъ желанія, другой священникъ. Этотъ чѣмъ-то не угодилъ барину скоро и Н. И—чъ поѣхалъ просить преосвященнаго о переводѣ его въ другой приходъ. Въ то время, о которомъ пишу я, было просто: пожаловался баринъ, попа и по шапкѣ. Правъ онъ или виноватъ—это все равно; что раззорился переводомъ изъ прихода въ приходъ,—кому до этого дѣло, на то и начальство, чтобъ вести порядокъ. Пожаловался Н. И—чъ, попа перевели и прислали другаго. Мѣсяца черезъ два—три не угодилъ и этотъ, и этого перевели. Вижу разъ, къ моему дому подъѣзжаетъ моя матушка въ великолѣпнѣйшемъ фаэтонѣ на тройкѣ. Что такое? Оказалось, что Н. И—чъ убѣдилъ мою матушку ѣхать ко мнѣ уговорить меня перейти къ нему. Мой батюшка былъ священникомъ верстахъ въ пяти отъ села Б. Н. И—чъ пріѣхалъ къ батюшкѣ, убѣдилъ матушку ѣхать ко мнѣ и на другой день прислалъ ей свой экипажъ и лошадей. Наши говорили ему: вѣдь мы не знаемъ, угодитъ-ли вамъ нашъ сынъ.

— Каковъ былъ вашъ отецъ, я надѣюсь, таковъ будетъ и сынъ. Скажите ему, что я построю ему домъ въ три (въ одну сторону) и четыре (въ другую) сажени; дамъ жалованья полтораста рублей въ годъ, пять четвертей ржи и двѣ—пшена; кольевъ и хворосту для двора пусть беретъ сколько угодно. Вообще, скажите, чтобы онъ въ моихъ милостяхъ не сомнѣвался!

Я поблагодарилъ его, на сколько съумѣлъ, самымъ вѣжливымъ

письмомъ и, конечно, отказался. Онъ поѣхалъ къ преосвященному, чтобы перевести меня силой. Преосвященный, къ моему счастью, благоволилъ ко мнѣ и разсудилъ, что благочиннаго изъ хорошаго прихода переводить къ нищимъ, хотя съ этимъ вмѣстѣ и къ вельможѣ,—дѣло неподходящее и потому въ просьбѣ отказалъ. Но за то предоставилъ ему право выбрать священника по сердцу, изъ ближайшихъ селъ. Н. И—чъ выбралъ; священника раззорили,—онъ долженъ былъ бросить домъ, все хозяйство, посѣвы, продать все за безцѣнокъ,—и перевели. Какъ разъ черезъ недѣлю по переходѣ въ Б., къ священнику, ночью, по старому обычаю, стучится лакей и кричитъ: „Батюшка! Н. И—чъ велѣли завтра обѣдню служить!“

— Скажи своему Н. И—чу, что я сплю, и для него вставать не хочу. Скажи ему, коль хочетъ молиться, то чтобъ просилъ меня дня за два, а наканунѣ, да еще по ночамъ, не присылалъ бы никогда.

Дня черезъ два Н. И—чъ поскакалъ жаловаться преосвященному. Тотъ сказалъ ему, что „священника вы, Н. И—чъ, выбирали сами; по вашей просьбѣ я и такъ уже, въ теченіе одного года, перевелъ двоихъ, а этотъ третій. Онъ, я знаю, человѣкъ хорошій, вы сойдетесь“. И священникъ остался цѣлъ и невредимъ. Обѣдни священникъ сталъ служить въ 9 часовъ, благовѣстъ—четверть часа, ни онъ, ни дьяконъ на амвонѣ дожидаться барина не стали. Баринъ запретилъ, было, рано приходить пѣвчимъ, но священникъ велѣлъ пѣть дьячкамъ,—и обѣдня шла. Мало-по-малу и самъ Н. И—чъ сталъ приходить въ 9 часовъ и ужъ безъ всякой церемоніи.

Предъ временемъ объявленія манифеста, Н. И—чъ изъ имѣнія уѣхалъ въ С—въ. Крестьяне, какъ народъ до крайности забитый, слушали манифестъ безучастно. Но, за то, дворня!... Это были тигры, запертые въ клѣтки. Многіе изъ нихъ родились и выросли въ Петербургѣ, многіе подолгу жили тамъ; многое эти люди видѣли и слышали; хорошо знали объ ожидавшей ихъ волѣ; но, хорошо выдержанные, не вымолвили ни слова, хотя по лицамъ ихъ хорошо было видно, что нужна только маленькая искра, и они вспыхнули бы порохомъ, чтобы мгновенно разорвать тяжелыя свои оковы. Н. И—чъ тутъ же уѣхалъ въ Петербургъ, и остался тамъ надолго.

Черезъ годъ онъ пріѣхалъ въ имѣніе и, проѣзжая въ С—въ, заѣхалъ часа на три ко мнѣ. Долго шелъ у насъ разговоръ совершенно посторонній, но видно было, что онъ—какъ на иголкахъ. Наконецъ, онъ, съ улыбкой, воскликнулъ: „Да, крестьянъ отпустили! Да, отпустили". При этомъ онъ самъ спрашивалъ меня, самъ за меня и отвѣчалъ. „А земли много-ли имъ дадутъ? Двѣ—три десятины. И только? И только. А вѣдь они будутъ родиться, и дѣти и внучата ихъ будутъ при тѣхъ же двухъ—трехъ десятинахъ? Что же тогда они будутъ дѣлать? Ну, за то воля, баринъ не хорошъ, тяжело; ну, теперь будетъ легко, ха, ха, ха! Теперь легко будетъ!"

Сказать ему, что ты-де больше крестьянъ колотишься изъ денегъ и поневолѣ будешь отдавать имъ за безцѣнокъ, лишь бы взяли,—значило обидѣть своего гостя, и я согласился, что крестьяне, лишившись его милостей, пропадутъ.

VI.

Неподалеку отъ села Б. есть имѣніе г. Ж. Помѣщикъ въ этомъ имѣніи не жилъ, но онъ каждое лѣто пріѣзжалъ туда на нѣсколько недѣль. Имѣніемъ его—двумя деревнями, дворовъ во 100—управлялъ отставной солдатъ, женатый на бывшей его экономкѣ. Управляющій этотъ каждый годъ, ко дню пріѣзда барина, составлялъ списокъ всѣмъ подросшимъ дѣвкамъ и въ день пріѣзда барина вручалъ его ему. Тотъ бралъ себѣ каждую дня на три—на четыре въ услуженіе. И какъ только списокъ кончался, уѣзжалъ въ другія деревни. И это изъ года въ годъ!

У Ж. было въ обыкновеніи: послѣ уборки хлѣба жать и молотить лебеду и засыпать ее въ закрома. Если въ теченіе зимы въ ней не было нужды, то лѣтомъ старую выкидывали и запасались новою. 1848-й годъ былъ годъ неурожайный; раззоренные и измученные крестьяне страшно бѣдствовали. Ж. велѣлъ выдавать имъ мѣщину (мѣсячину), по 30 фунтовъ лебеды и по 10 ржаной муки на человѣка въ мѣсяцъ. Что это былъ за хлѣбъ, Боже мой!—черно-зеленый, горькій, вонючій. Возьмешь, бывало, такой хлѣбъ на руку, а онъ развалившается на всѣ стороны. Я давалъ его на пробу своимъ свиньямъ, а онѣ только понюхаютъ и ни одна не

дотрогивалась. Весною, за то, открылась между этими несчастными крестьянами страшная цынготная болѣзнь и народу померло множество.

Рядомъ съ имѣніемъ Ж. есть имѣніе Бул — на. Бул — нъ въ имѣніи тоже не жилъ. Онъ постоянно жилъ или въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Его крестьяне жили хорошо. Въ 1848 году управляющій донесъ ему, что нѣкоторые крестьяне нуждаются въ хлѣбѣ. Бул—нъ пишетъ: „Такъ какъ крестьяне работаютъ мнѣ одинаково—и богатые и бѣдные, то выдавать всѣмъ безъ различія по 2 пуда ржаной муки и по 1 пуду пшена въ мѣсяцъ на каждое лицо въ семействѣ". Поэтому крестьяне получали по 2 пуда и по 1 п. даже на грудныхъ младенцевъ. И благодарили же они своего барина! По милости его они и сами были сыты и голодавшихъ сосѣдей кормили. У него былъ хорошій конный заводъ битюгской породы, матокъ въ 300. Крестьяне обязаны были имѣть лошадей непремѣнно отъ барскаго завода. У всѣхъ мужиковъ, дѣйствительно, были хорошіе, крѣпкіе кони.

Сельскій священникъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТУРЕЦКІЙ ПОХОДЪ 1828 ГОДА

И СОБЫТІЯ, ЗА НИМЪ СЛѢДОВАВШІЯ.

Записки Принца Виртембергскаго [1]).

Принцъ Евгеній Виртембергскій, племянникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, род. въ 1788 г., † 16-го сентября 1857 г., въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи русской службы. Человѣкъ весьма образованный, превосходный знатокъ военнаго дѣла, принцъ Евгеній принималъ вполнѣ славное участіе въ великой борьбѣ Россіи съ Наполеономъ I-мъ въ 1812 г. Записки его объ этой войнѣ пользуются заслуженною извѣстностью. Въ 1828 г. ему довелось принять участіе въ войнѣ Россіи съ Турціей. Подробности объ этой войнѣ находятся въ Запискахъ его, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ Берлинѣ, въ 1861—1862 гг., Гельдорфомъ. Помѣщаемъ относящіяся до войны 1828 г. выдержки въ переводѣ съ нѣмецкаго. Ред.

Цѣлый рядъ событій подготовилъ къ апрѣлю мѣсяцу 1828 года войну между Россіей и Оттоманскою Портою, и борьба на этотъ разъ была перенесена на сушу съ моря, гдѣ въ 1827 году происходила Наваринская битва. Въ виду всѣхъ этихъ событій, Императоръ Николай Павловичъ призывалъ меня обратно въ Россію и я оставилъ Карлсруэ 15-го апрѣля 1828 года.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, Государь встрѣтилъ меня такъ благосклонно, что пріемъ этотъ обратилъ на меня всеобщее вниманіе. Я только и ожидалъ принять обѣщанное мнѣ командованіе войскомъ, но вскорѣ услыхалъ, что оно ввѣрено генералу Рудзевичу, мнѣ же было приказано находиться при императорской главной квар-

[1]) Aus dem Leben des Kaiserlich Russischen Generals der Infanterie Prinzen Eugen von Württemberg. Aus dessen eigenhändigen Auszeichnungen so wie aus dem schriftlichen Nachlasz seiner Adjutanten gesammelt und herausgegeben vom Helldorff, General-Major (Berlin, 1862. Vierter Theil, стр. 61 и слѣдующія.

тирѣ—празднымъ зрителемъ. Всѣ дальнѣйшія мѣропріятія, о которыхъ сообщилъ мнѣ самъ Императоръ, совершенно не согласовались съ высказанными мною нѣкогда взглядами и самая численность войска по послѣднимъ распоряженіямъ была уменьшена противъ прежняго, такъ что въ походъ двинулось всего $7^2/_3$ дивизіи пѣхоты и 3 дивизіи кавалеріи; надобно замѣтить, что подобное рѣшеніе было принято въ то время, когда диванъ уже два года ожидалъ войны и турецкія войска только что были организованы на европейскій ладъ. За то въ тотъ самый день, когда вторая армія перешла Прутъ, изъ Петербурга выступила гвардія, съ тѣмъ, чтобы принять также участіе въ кампаніи; но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторые корпуса, стоявшіе гораздо ближе къ театру военныхъ дѣйствій, скорѣе нежели гвардія могли бы прибыть на мѣсто и участвовать въ дѣйствіи. Такъ, напримѣръ, поляки убѣдительно просили послать ихъ на театръ военныхъ дѣйствій. Когда я высказалъ свое мнѣніе по этому поводу, меня перебили, воскликнувъ: «Они нужны намъ въ другомъ мѣстѣ! Если австрійцы зашевелятся, то Константинъ двинется на Вѣну».

— Константинъ? Но съ чѣмъ же?

— Съ восемьюдесятитысячнымъ корпусомъ.

Я замолчалъ, подумавъ, что лучше было бы послать эти восемьдесятъ тысячъ въ Турцію, гдѣ онѣ нужны. Австрія едва-ли потревожитъ насъ; къ тому же двинуться въ настоящее время на Вѣну съ восемьюдесятью тысячами человѣкъ значитъ рисковать пожертвовать ими навѣрно безо всякой пользы. Если понятія Дибича въ военномъ дѣлѣ таковы же, какъ и его свѣдѣнія по статистикѣ,—подумалъ я при этомъ,—то, значитъ, я жестоко ошибся въ немъ.

Оставивъ въ сторонѣ всякую личную обиду, я все-таки долженъ былъ высказать нѣкоторыя весьма вѣскія соображенія, возникшія во мнѣ подъ вліяніемъ всего слышаннаго и возбудившія мои опасенія относительно исхода военныхъ дѣйствій. Впервые я высказался по этому поводу въ присутствіи принца Оранскаго и вдовствующей Государыни; однако, они оба были того мнѣнія, что принятый уже образъ дѣйствія трудно было бы измѣнить, и что замѣчанія мои поставятъ Императора въ затруднительное положеніе, и сомнѣнія и опасенія, какія они могутъ вызвать, въ состояніи только омрачить его первое воинственное предпріятіе, не улучшивъ при томъ самаго положенія дѣлъ. Къ этому Государыня прибавила, что она требуетъ отъ меня молчанія и покорности воли ея сына, какъ послѣднее доказательство моей признательности; она была согласна съ тѣмъ, что со мною поступили (неловко) и что я буду совершенно въ правѣ

удалиться по окончаніи войны, но, въ настоящее время, какъ честный человѣкъ, сдѣлать этого не могу. Зная твердость Государя, Императрица была убѣждена, что онъ приметъ мои возраженія какъ знакъ неповиновенія и что я подвергнусь за это его немилости. «Если же всѣ эти доводы не въ состояніи поколебать вашей рѣшимости, то не забудьте,—присовокупила Государыня,—что я и такъ близка уже къ могилѣ, а разрывъ между Государемъ и вами въ настоящую минуту только ускоритъ мою кончину».

Побѣжденный этими грустными словами, я рѣшился исполнить желаніе моей благодѣтельницы и безропотно послѣдовалъ въ армію за Императоромъ; передъ отъѣздомъ я слышалъ, что, лишая меня командованія, Государь высказалъ, какъ единственную причину того, что обстоятельства измѣнились и для меня въ настоящее время нѣтъ вакансіи.

Какъ унизительно было теперь мое положеніе и какъ велика была жертва, этотъ разъ принесенная мною августѣйшей теткѣ! Несомнѣнно, что Императоръ самъ старался расположить въ мою пользу общественное мнѣніе, но та чрезвычайная любезность, съ какою онъ меня встрѣтилъ, какъ бы желая этимъ загладить сдѣланное (относительно меня распоряженіе), имѣла для меня чрезвычайно тяжелыя послѣдствія, такъ какъ ожиданія, вызванныя ею въ публикѣ, не сбылись и это подало толпѣ придворныхъ поводъ относиться ко мнѣ съ пренебреженіемъ. Между тѣмъ, въ общественномъ мнѣніи моя отвѣтственность за исходъ войны этимъ ничуть не уменьшилась, такъ какъ въ публикѣ всѣ были убѣждены въ моемъ вліяніи на Императора.

Графъ Дибичъ, еще до моего пріѣзда въ Петербургъ, двинулся къ Дунаю и на первыхъ же порахъ наткнулся на одно препятствіе, которое всякій человѣкъ, мало-мальски знакомый съ условіями веденія войны на турецкой территоріи, не упустилъ бы изъ вида, а именно, что переправа черезъ Дунай близъ Измаила чрезвычайно затрудняется наводненіями. Оставалось одно: тотчасъ же, подъ прикрытіемъ флотиліи, отправить на лодкахъ вверхъ по рѣкѣ столько войска, сколько было необходимо, чтобы укрѣпиться на противоположномъ берегу; но при этомъ пришлось проработать нѣсколько недѣль надъ устройствомъ плотины, съ помощью которой войско лишь въ концѣ мая (стараго стиля) имѣло возможность переправиться въ виду непріятеля; хотя плотина эта, безъ сомнѣнія, и была необходима, но устройство ея во всякомъ случаѣ не должно бы занять столько времени. Съ другой стороны, все вниманіе было поглощено осадою Браилова, для которой пришлось отрядить весь седьмой корпусъ. Наконецъ, одною изъ главныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ это время,

можно считать отсылку шестаго корпуса къ Букаресту и въ Малую Валахію; этимъ маневромъ главныя силы войска были раздроблены въ самую важную минуту и такимъ образомъ отъ высказаннаго мною нѣкогда принципа не оставалось и слѣда.

Взявъ во вниманіе всѣ приведенныя нами обстоятельства, можно сказать, что, еще до пріѣзда Императора въ армію, походъ въ главныхъ чертахъ былъ поведенъ неправильно, и хотя извиненіемъ для графа Дибича могло служить недостаточное знакомство его съ особенностями этой войны, за то, съ другой стороны, эта причина ничуть не облегчала всей тягости отъ неудачнаго ея исхода.

Вслѣдъ за переправой черезъ Дунай близь Измаила, самъ Императоръ съ $3^2/_3$ дивизіями пѣхоты (44 баталіона), одною дивизіей гусаръ (16 эскадроновъ), одною бригадою Бугскихъ уланъ и нѣсколькими полками казаковъ двинулся къ Траянову валу. Овладѣвъ Исакчи, оставалось еще наблюдать за Мачиномъ, Гирсовымъ и Тульчей, и предпринять осаду Кюстенджи. Всѣ эти пункты не имѣли особеннаго значенія и было бы достаточно нѣсколькихъ баталіоновъ, чтобы сдѣлать ихъ безопасными, если бы остальная часть войска была въ это время направлена къ главной цѣли, т. е. къ внезапному нападенію на Шумлу и Варну, которыя тогда были весьма плохо защищены, а занятіе ихъ составляло для насъ вопросъ первѣйшей важности, между тѣмъ какъ изъ другихъ пунктовъ одинъ только Кюстенджи имѣлъ для насъ большое значеніе, какъ продовольственный пунктъ со стороны моря, и поэтому быстрое завладѣніе имъ было особенно желательно.

Съ отправленіемъ нѣсколькихъ отрядовъ къ Мачину, Тульчѣ и Гирсову, армія до того раздробилась, что самъ Императоръ на пути своемъ къ Карасу у Траянова вала едва имѣлъ достаточно войска, чтобы, въ случаѣ нападенія, защитить свою главную квартиру. Да еслибы тутъ соединился и весь корпусъ генерала Рудзевича, то и его было бы недостаточно, чтобы наблюдать за Шумлою и Варною (о внезапномъ нападеніи, разумѣется, давно уже не могло быть и рѣчи), и въ то же время направить главныя силы противъ Праводъ, Айдоса и Бургаса; предложенная мною нѣкогда морская экспедиція къ этому послѣднему пункту также не была предпринята и мы не имѣли по ту сторону Балканъ ни одного складочнаго пункта для продовольствія.

Съ другой стороны, подъ рукою не было резерва, вслѣдствіе чего являлась невозможность своевременно подкрѣпить войска на Дунаѣ; поэтому войску пришлось дожидать окончанія осады Браилова у

Траянова вала и черезъ это было потеряно еще три недѣли. И такъ ошибка влекла за собою ошибку, а начальники, дѣлая какой нибудь новый промахъ, всегда старались объяснить и извинить его одною изъ предыдущихъ ошибокъ.

Четвертый резервный кавалерійскій корпусъ (четыре полка драгунъ и четыре—конныхъ егерей, всего 32 эскадрона) прибылъ къ Дунаю лишь въ концѣ мая (по старому стилю), т. е. четыре недѣли спустя послѣ того, какъ графъ Витгенштейнъ началъ кампанію; тогда же дивизія драгунъ была послана въ Валахію, а къ арміи присоединились при Карасу одни только конные егеря.

Когда войско двинулось, наконецъ, отъ этого пункта къ Базарджику, то нашъ авангардъ состоялъ всего изъ 18-ти эскадроновъ, нѣсколькихъ отрядовъ казаковъ и четырехъ баталіоновъ егерей; при томъ одна изъ колоннъ находилась подъ начальствомъ генерала совершенно незнакомаго съ особенностями турецкой войны; вслѣдствіе этого мы не съумѣли воспользоваться необдуманнымъ движеніемъ восьмитысячнаго отряда турокъ, остановившихся при Базарджикѣ, и не извлекли ровно никакой выгоды изъ этого благопріятнаго для насъ обстоятельства. Непріятель, выдержавъ небольшую битву, удалился безъ особеннаго урона.

Тѣмъ временемъ, осада Браилова велась по всѣмъ правиламъ подъ личнымъ наблюденіемъ великаго князя Михаила и крѣпость сдалась, наконецъ, на капитуляцію; но осада эта, по причинѣ неудавшагося штурма, во время котораго одна мина не имѣла полнаго дѣйствія—стоила намъ болѣе людей, нежели расчитывали.

Въ началѣ іюля седьмой корпусъ, съ значительно разстроенными уже рядами, подошелъ, наконецъ, къ Бадарджику. Генералъ Ротъ между тѣмъ подвигался съ одною дивизіей шестаго корпуса къ Силистріи, а другую дивизію того же корпуса послалъ въ Малую Валахію, чтобы прикрыть ее отъ нападенія турокъ со стороны Виддина.

Воспользовавшись медленностью нашего движенія отъ Дуная, сераскиръ Гусейнъ-паша успѣлъ собрать около Шумлы до 40,000 человѣкъ. Къ этому пункту были направлены теперь всѣ наши силы, но, какъ мнѣ казалось, и тутъ не было составлено никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. Исключивъ отряды, стоявшіе при нѣкоторыхъ пунктахъ въ тылу арміи, и наблюдательный корпусъ, направленный противъ Варны, армія наша при Базарджикѣ состояла изъ 52-хъ баталіоновъ, 32-хъ эскадроновъ и 3-хъ казацкихъ полковъ, всего около 40,000 человѣкъ. Съ такимъ количествомъ войска я считалъ еще возможнымъ выполнить предложенный мною планъ—наблю-

денія за Шумлой и Варной, между тѣмъ, какъ остальная часть войска переходила бы Балканы. Отъ этой мѣры можно было ожидать успѣха, взявъ во вниманіе незначительную стойкость турокъ и полнѣйшее небреженіе ихъ къ оборонительнымъ пунктамъ, находившимся въ горахъ и по сю сторону отъ Балканъ. Надобно замѣтить, что къ восточнымъ народамъ невозможно примѣнять обычный шаблонъ нашихъ европейскихъ военныхъ понятій; но въ данномъ случаѣ нельзя было порицать и Императора за его осторожность, тѣмъ болѣе что только теперь ясно обнаружился недостатокъ нашъ въ конницѣ.

8-го (20-го) іюля Императоръ двинулся къ Шумлѣ съ 8-ю, 9-ю, 18-ю, 19-ю дивизіями, двумя бригадами седьмой пѣхотной дивизіи, 3-мя дивизіями гусаръ и одною дивизіей конныхъ егерей. Арміей командовалъ графъ Витгенштейнъ (подъ высшимъ наблюденіемъ)— что уже само по себѣ было большою ошибкою; начальникомъ штаба былъ генералъ Киселевъ, а отдѣльными дивизіями, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ перечислены выше, командовали генералы Зассъ, Бартоломей, князь Горчаковъ, Ивановъ, Ушаковъ 7-й, Ридигеръ и Загряжскій. Третьимъ корпусомъ командовалъ генералъ Рудзевичъ, седьмымъ—генералъ Воиновъ. Артиллерія состояла подъ начальствомъ генерала барона Левенштерна; кромѣ того, командованіе отдѣльными частями Императоръ лично поручилъ нѣкоторымъ изъ своихъ генералъ-адъютантовъ. Такъ, напримѣръ, графъ Сухтеленъ стоялъ подъ Варною съ 1-ю и 3-ю бригадою 10-й дивизіи; генералъ Константинъ Бенкендорфъ двинулся впослѣдствіи со 2-ю бригадой къ Праводамъ, а князь Меншиковъ съ 3-ю бригадою 7-й дивизіи напалъ на Анапу, на Мингрельскомъ берегу, и взялъ ее.

Отступая отъ Базарджика, вышеупомянутый восьмитысячный корпусъ турокъ остановился послѣдній разъ при Енибазарѣ, гдѣ обмѣнялся нѣсколькими выстрѣлами съ нашими застрѣльщиками, и затѣмъ удалился на высоты Шумлы и присоединился къ тамошнему гарнизону. Тутъ войско наше, въ присутствіи Императора, приступило къ обширнѣйшему маневру, которому турки съ своей стороны не оказали почти никакого сопротивленія, и, не потерпѣвъ урона, удалились въ свои укрѣпленія. Укрѣпленія эти по ихъ обширному протяженію можно было назвать сильнымъ и превосходно укрѣпленнымъ лагеремъ, раскинутымъ до самыхъ высокихъ горъ. Каменскій еще въ 1810 г. тщетно пытался овладѣть ими; а съ тѣхъ поръ всѣ укрѣпленія были исправлены и значительно увеличены, и, во всякомъ случаѣ, были совершенно обезпечены отъ неожиданнаго нападенія. Нападеніе же на укрѣпленный лагерь и обложеніе его на всемъ протяженіи вой-

скомъ сопряжено, какъ извѣстно, не только съ большими трудностями, но и требуетъ гораздо больше средствъ, нежели мы могли располагать. Точнѣе говоря, Шумла, расположенная у подошвы почти неприступныхъ, крутыхъ горъ, была сильно укрѣплена, а горы, возвышавшіяся позади ея, частью непосредственно входили въ линію городскихъ укрѣпленій, частью всѣ ихъ проходы на значительномъ разстояніи были преграждены отдѣльными укрѣпленіями. Поэтому настоящую блокаду можно было произвести всего на протяженіи десяти или двѣнадцати миль и, слѣдовательно, она оказывалась безполезною. Я самъ считалъ возможнымъ теперь только описанное мною выше движеніе черезъ Балканы или наступленіе на равнинѣ, въ которомъ должна была принять участіе вся артиллерія. Касательно этого послѣдняго плана не было рѣшено ничего положительно и такъ какъ между прочимъ не было заготовлено ни фашинъ, ни туровъ и штурмовыхъ лѣстницъ, то начальство предпочло блокировать Шумлу отдѣльными редутами. Столь близкое столкновеніе съ непріятелемъ—подъ пушечными выстрѣлами изъ крѣпости—съ военной точки зрѣнія могло оправдываться лишь предпринимаемою вслѣдъ затѣмъ осадою; требуя неусыпнаго наблюденія, оно страшно истощило войско, между тѣмъ какъ наблюденіе за болѣе отдаленными укрѣпленіями въ горахъ, каковы Котешъ, Буланлыкъ, Дерикіёй и т. п., до-нельзя раздробило силы русскихъ.

Не имѣя возможности достигнуть настоящей цѣли блокады, т. е. отрѣзать окончательно подвозъ провіанта непріятелю, мы тѣмъ самымъ способствовали гибели нашего собственнаго войска, ибо продолжительная стоянка истощила всѣ имѣвшіяся въ окрестности запасы фуража и хотя для продовольствія людей были заранѣе приняты всѣ надлежащія мѣры, но недостатокъ фуража—обстоятельство чрезвычайно важное въ турецкой войнѣ—былъ совершенно упущенъ изъ вида нашими неопытными въ этомъ дѣлѣ начальниками. Чрезвычайно простая причина—почему турецкія войска съ давнихъ поръ имѣютъ многочисленную конницу, заключается въ томъ, что только этимъ способомъ возможна фуражировка въ обширныхъ размѣрахъ, ибо всадникъ, снимая кормъ для своей собственной лошади, можетъ въ то же время запасти его и для трехъ или четырехъ другихъ коней; такимъ образомъ одна часть кавалеріи отдыхаетъ въ то время какъ другая оберегаетъ форпосты, а третья отправляется на фуражировку. Нашихъ эскадроновъ едва хватало на ежедневныя экспедиціи, которыя вмѣстѣ съ неизбѣжною полевою службою въ скоромъ времени окончательно истощили кавалерію.

Не стану описывать здѣсь нѣкоторыхъ вылазокъ со стороны турокъ, которыя, разумѣется, были съ успѣхомъ отражены нами; упомяну лишь о томъ общемъ чувствѣ неудовольствія, съ какимъ войско относилось ко всякой новой неудачѣ отъ всѣхъ принятыхъ до сихъ поръ мѣръ; только съ приближеніемъ гвардейскаго корпуса въ августѣ мѣсяцѣ всѣ стали ожидать болѣе энергическихъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Численность войска увеличивалась съ присоединеніемъ гвардіи 18-ю баталіонами и 20-ю эскадронами; къ этому числу можно еще прибавить 4 баталіона егерей, съ которыми Меншиковъ шелъ къ Варнѣ.

И такъ, на очереди стоялъ теперь быстрый переходъ черезъ Балканы, о чемъ я уже упомянулъ выше. Дѣйствительно, генералъ Жомини не замедлилъ обратить вниманіе на необходимость этого движенія, замѣтивъ въ то же время, что онъ долженъ посовѣтовать Императору поручить начальство этою экспедиціей весьма рѣшительному и опытному начальнику. Жомини отлично зналъ, что легкое выполненіе этой задачи, а равно и трудность ея и сопряженныя съ нею опасности—вполнѣ зависятъ отъ выбора начальника. Я подозрѣваю, что Императоръ колебался въ своемъ рѣшеніи и былъ готовъ склониться на сторону Жомини, но одна мысль, что порученіе это могло быть возложено на меня, переполошила Дибича и онъ пустилъ въ ходъ всевозможныя уловки, чтобы разстроить этотъ планъ.

Рѣшено было предпринять сначала осаду Варны, которую поручили князю Меншикову, и къ этому пункту были направлены вновь прибывшія гвардейскія войска. Императоръ (между тѣмъ) рѣшилъ предпринять поѣздку въ Одессу, куда должна была прибыть и Императрица Александра; уѣзжая, Государь обѣщалъ возвратиться подъ Варну. Если бы онъ, уѣзжая въ Одессу, увезъ съ собою главнаго виновника всѣхъ недоразумѣній, то можно было бы еще надѣяться на лучшій оборотъ дѣлъ, но Дибичъ, желая воспользоваться походомъ 1828 года для своихъ личныхъ выгодъ, остался при главнокомандующемъ и связалъ ему руки. Честолюбіе генерала (Major-General) не было тайною для всей свиты Императора и здѣсь невозможно передать всѣ многочисленныя обвиненія, обрушившіяся на него. Я полагаю, что мысль захватить командованіе арміей зародилась въ Дибичѣ лишь въ срединѣ похода и что съ этимъ стремленіемъ согласовались съ тѣхъ поръ всѣ принимаемыя имъ мѣры; но во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы виды его съ самаго же начала простирались такъ далеко, а первыя ошибки его произошли, вѣроятно, единственно отъ совершеннаго незнакомства Дибича

съ мѣстными обстоятельствами; всѣ же стремленія его были тогда направлены къ тому, чтобы воспользоваться своею близостью къ особѣ монарха для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, которыя въ то время, вѣроятно, еще не отличались такимъ честолюбіемъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, для Дибича было, разумѣется, весьма важно устранить наиболѣе вліятельныхъ людей и если онъ не былъ въ состояніи совершенно отдалить ихъ отъ Императора, то по крайней мѣрѣ старался отвлечь ихъ отъ всякой сколько нибудь видной дѣятельности и умалить ихъ достоинства въ глазахъ Государя.

До меня дошли многіе изъ отзывовъ Дибича о моей личности и онъ былъ до того несдержанъ, что даже въ моемъ присутствіи высказывалъ самыя рѣзкія сужденія обо всѣхъ извѣстныхъ и заслуженныхъ генералахъ; также хорошо были мнѣ извѣстны и поступки его по отношенію ко мнѣ; такъ, напримѣръ, онъ старался возстановить противъ меня Рудзевича и я долго не могъ постигнуть причины тѣхъ гнѣвныхъ взглядовъ, какіе бросалъ на меня этотъ генералъ; наконецъ, кто-то разъяснилъ мнѣ ихъ дѣйствительный смыслъ.

За день до переправы черезъ Дунай, которою долженъ былъ руководить Рудзевичъ, Императоръ послалъ меня къ нему и генералъ поручилъ мнѣ передать Дибичу весьма дѣльное замѣчаніе относительно судовъ, предназначенныхъ для переправы войска. Я поддерживалъ его мнѣніе самымъ энергичнымъ образомъ; тогда Дибичъ, раздраженный въ высшей степени тѣмъ, что Рудзевичъ осмѣлился ему противорѣчить, сообщилъ генералу, будто я передалъ Государю его сомнѣнія и убѣдилъ его величество поручить командованіе, къ которому я давно уже стремлюсь—мнѣ, въ случаѣ если онъ, Рудзевичъ, сдѣлаетъ еще какое нибудь возраженіе. Какъ бы то ни было, Рудзевичу было уже ввѣрено командованіе, обѣщанное нѣкогда мнѣ, и я безъ труда успѣлъ убѣдить его въ неосновательности его подозрѣній, и тогда все его негодованіе обрушилось на клеветника.

Въ то же время я узналъ отъ полковника Бибикова, адъютанта великаго князя Михаила, что Дибичъ, въ присутствіи его высочества, весьма рѣзко высказалъ обо мнѣ свое мнѣніе Государю, заявивъ между прочимъ, что я вовсе не знаю службы и всегда безъ пользы жертвовалъ людьми. Слыша подобные обо мнѣ отзывы, я тѣмъ болѣе былъ удивленъ совершенно неожиданнымъ назначеніемъ меня командиромъ 7-го пѣхотнаго корпуса, на мѣсто генерала Волкова, назначеннаго командующимъ кавалеріей. Причина подобнаго назначенія оказалась, однако, весьма простою; до сихъ поръ я былъ терпѣливымъ и совершенно пассивнымъ свидѣтелемъ всѣхъ (ошибочныхъ) распоряженій, дѣ-

лаемыхъ въ арміи; совѣта моего никто не спрашивалъ и мнѣ никогда не дозволялось высказывать вслухъ своихъ убѣжденій. Не разъ уже во время похода я болѣлъ лихорадкою, испытывая между тѣмъ нравственно страшную злобу и тоску; поэтому, приказаніе сопровождать Императора въ Одессу могло, при подобныхъ обстоятельствахъ, лишь ускорить исполненіе моего желанія—какъ можно скорѣе удалиться изъ Россіи. Но генерала Дибича, по видимому, болѣе всего пугала мысль, что онъ можетъ утратить свое вліяніе, если я воспользуюсь его отсутствіемъ и моею близостью къ Императору, чтобы принести на него весьма законную жалобу. Императоръ же, со своей стороны, чувствовалъ, вѣроятно, какъ событія выяснили сдѣланную противъ меня несправедливость, и предпочелъ деликатнымъ образомъ оставить меня при войскѣ, а Дибичъ, не взирая на высказанное имъ мнѣніе, будто я неспособенъ къ командованію, охотно покорился этой необходимости, съ условіемъ, чтобы я находился подъ наблюденіемъ одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба, который съумѣлъ бы руководить мною. Выборъ палъ на бывшаго командира піонерной бригады, генералъ-маіора Нагеля, который, будучи еще поручикомъ Измайловскаго полка, сражался подъ моимъ начальствомъ при Кульмѣ, и по этимъ однимъ воспоминаніямъ принадлежалъ къ числу самыхъ восторженныхъ моихъ поклонниковъ. Дибичъ этого не зналъ; онъ не подозрѣвалъ и того, что существуютъ на свѣтѣ честные люди, которымъ дурной человѣкъ, хотя бы стоящій и близко къ престолу, не въ состояніи внушить уваженія. Такимъ честнымъ человѣкомъ оказался Нагель, и первымъ его дѣломъ, когда я представлялся ему, было въ подробности описать мнѣ все ничтожество моего соперника, которое ясно высказывалось въ тайныхъ инструкціяхъ, данныхъ генералу Нагелю. Кромѣ того, Нагель былъ человѣкъ храбрый, справедливый и знающій, но отнюдь непригодный къ той роли, для которой его предназначили. Такъ какъ я не могъ самъ входить во всѣ дѣла, то я поручилъ чисто военныя мелочныя распоряженія поручику Лучинину, который оказался дѣятельнымъ и превосходнымъ офицеромъ.

Въ арміи на мое назначеніе взглянули совершенно иными глазами, нежели смотрѣлъ на это начальникъ императорскаго главнаго штаба, и для меня было, конечно, весьма лестно, что съ нимъ связывали самыя блестящія надежды; генералъ Киселевъ мечталъ даже о завоеваніи наружныхъ укрѣпленій Шумлы, находившихся ближе всего къ седьмому корпусу; укрѣпленіями этими, во всякомъ случаѣ, можно было бы завладѣть въ началѣ кампаніи, теперь же, хотя они почти и были обезпечены за нами, но, по видимому, не представ-

ляли для насъ болѣе никакихъ выгодъ. Этимъ блестящимъ надеждамъ войска вполнѣ соотвѣтствовало то рвеніе, съ какимъ нѣкоторыя личности старались присоединиться къ моему корпусу. Императоръ назначилъ въ него самъ лишь двухъ двоюродныхъ братьевъ моихъ, Александра и Эрнеста Виртембергскихъ, также какъ и вышеупомянутаго генерала Нагеля, но изъ главной квартиры, кромѣ четырехъ адъютантовъ, присланныхъ ко мнѣ графомъ Витгенштейномъ, были прикомандированы къ седьмому корпусу еще нѣсколько человѣкъ, по ихъ собственному желанію, и ко мнѣ присоединился даже одинъ французскій волонтеръ, маркизъ де-***.

Если бы я писалъ романъ, то главную роль въ немъ игралъ бы, конечно, этотъ оригиналъ, со всѣми его хорошими и дурными качествами; однако о немъ нельзя пройти молчаніемъ даже и въ строго-историческомъ очеркѣ. Вѣрный своимъ семейнымъ преданіямъ, маркизъ былъ строгій легитимистъ, не изъ тѣхъ, впрочемъ, которыхъ обозначали нѣкогда прозвищемъ Voltigeurs de Louis XVIII; точно также къ нему не подходило и названіе Chevalier de l'ancien régime, такъ какъ во всѣхъ его поступкахъ и привычкахъ проглядывали замашки самаго крайняго республиканца, и вдобавокъ онъ былъ одинъ изъ тѣхъ фанфароновъ, какими изъ французовъ способны быть только гасконцы; впрочемъ, не смотря на все это, маркизъ былъ bon frère et compagnon и храбрый малый, какъ всѣ его соотечественники. Высокаго роста, толстый, онъ почти не походилъ на юношу, хотя только молодыя лѣта и могли-бы извинить нѣкоторыя безумныя его продѣлки. Его портретъ составляетъ неотъемлемую принадлежность этихъ очерковъ, и, не смотря на личную привязанность маркиза ко мнѣ, я долженъ извиниться передъ нимъ, если очертилъ его слишкомъ вѣрно.

Изъ моихъ адъютантовъ назову графа Комаровскаго, человѣка съ прекраснымъ характеромъ, весьма умнаго и образованнаго, но витавшаго обыкновенно слишкомъ въ возвышенныхъ сферахъ и поэтому вѣчно недовольнаго нашею жалкою дѣйствительностью. Со свойственнымъ ему увлеченіемъ, онъ отнесся и ко мнѣ, и видимо старался создать изъ меня героя своей творческой фантазіи.

Капитанъ Кушелевъ, бывшій адъютантъ графа Дибича, былъ вскорѣ пожалованъ во флигель-адъютанты и поэтому находился при мнѣ весьма короткое время; не смотря на это, нашлись люди, которые старались возбудить во мнѣ недовѣріе къ нему, но я нашелъ въ немъ храбраго и дѣльнаго офицера. Между субалтернъ-офицерами было нѣсколько прекрасныхъ личностей, каковы баронъ Корфъ,

Лопухинъ, Фицнеръ и многіе другіе. Въ числѣ подчиненныхъ мнѣ линейныхъ офицеровъ, я встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ; такъ, напримѣръ, генералъ Ридигеръ, начальникъ 3-й гусарской дивизіи, во время похода 1813 и 1814 годовъ сражался почти постоянно на моихъ глазахъ; это былъ чистый типъ древне-германскаго рыцаря, только подчасъ чрезвычайно ворчливый и, какъ увидимъ, не безъ причины. Князь Горчаковъ, бывшій нѣкогда дежурнымъ полковникомъ у графа Витгенштейна, служилъ въ 1814 году при мнѣ. Ивановъ уже въ 1810 г. служилъ подъ моимъ начальствомъ въ девятой дивизіи. Одинъ только генералъ Черемисиновъ, командовавшій артиллеріею, былъ мнѣ незнакомъ.

Съ войсками этого отряда, столь храбро сражавшагося подъ Браиловымъ, я могъ бы надѣяться совершить самые блистательные подвиги, если бы мое назначеніе его начальникомъ не было связано съ придворною интригой, главный двигатель которой, быть можетъ, не былъ извѣстенъ самому Императору; и дѣйствительно, не успѣлъ я принять командованіе надъ отрядомъ, какъ уже обнаружились нѣкоторыя непріятныя и въ то же время смѣшныя стороны моего положенія.

Я уже сказалъ, что полученное мною назначеніе было для меня совершенно неожиданнымъ. Однажды, услыхавъ пушечную пальбу, я вышелъ изъ своей палатки и направился къ одному изъ нашихъ постовъ, которому угрожало нападеніе со стороны турокъ, какъ вдругъ мимо меня проскакалъ Императоръ и, кивнувъ мнѣ головою, крикнулъ мнѣ съ нѣсколько смущеннымъ видомъ, что ему необходимо поговорить со мною какъ только онъ вернется. Такъ какъ я ожидалъ въ это время извѣстій о разрѣшеніи отъ бремени моей супруги, то слова Государя напугали меня, и я подумалъ, не получилъ ли онъ по этому поводу какого нибудь грустнаго для меня извѣстія, которое онъ, по своей заботливости, хочетъ сообщить мнѣ какъ можно осторожнѣе; поэтому я встрѣтилъ Императора съ самымъ грустнымъ предчувствіемъ, которое онъ, впрочемъ, тотчасъ разсѣялъ, передавъ извѣстное уже и столь неожиданное для меня порученіе.

— «Mais il faut Vous dépêcher, car Vous y trouverez de la besogne»,— присовокупилъ къ этому Государь.

Оказалось, что это спѣшное дѣло состояло въ устраненіи непріятельской рекогносцировки, что было дѣломъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ.

За то построеніе и разстановку корпуса я нашелъ ниже всякой критики и по этому поводу долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Полки Одесскій, 35-й и 36-й егерскіе стояли совершенно отдѣльно; генералъ Ридигеръ съ тремя полками 19-й дивизіи и бригадою гусаръ стоялъ почти въ двухъ миляхъ влѣво отъ меня, въ Эски-Стамбулѣ; два другіе полка 19-й дивизіи стояли ближе къ непріятельскимъ постамъ въ Котешѣ, а мнѣ, слѣдовательно, оставалось всего четыре пѣхотные полка 18-й дивизіи, ослабленные уже осадою Браилова, и 7-й піонерный баталіонъ, т. е. около 3,800 человѣкъ, на такомъ посту, который, по своей близости къ одному изъ значительнѣйшихъ наружныхъ укрѣпленій турокъ и при ненадежности нашихъ казачьихъ форпостовъ, каждую минуту могъ подвергнуться нападенію. Сверхъ того, такъ какъ кавалеріи уже не доставало, то сильный отрядъ пѣхоты съ пушками долженъ былъ ежедневно отправляться въ отдаленную мѣстность на фуражировку, и, наконецъ, моему слабому отряду предстояла еще осада ближайшихъ редутовъ. Взявъ все это во вниманіе, я могу сказать, что весь корпусъ, надъ которымъ я принялъ командованіе, при пріѣздѣ въ новый лагерь, состоялъ изъ 2,000 человѣкъ, и это ничтожное количество войска было въ самомъ жалкомъ состояніи. Оно было расположено въ палаткахъ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ должно было выступить въ бой, т. е. баталіонъ стоялъ возлѣ баталіона, съ небольшими промежутками между ними; не было принято никакихъ мѣръ предосторожности, въ случаѣ ночнаго нападенія; лагерная линія на всемъ своемъ протяженіи не была укрѣплена, что такъ строго предписывается въ этой войнѣ; наконецъ, въ довершеніе всего, войска стояли такъ, что если бы, при малѣйшей тревогѣ, имъ пришлось стрѣлять, то пули ихъ неизбѣжно должны были бы перекрещиваться. Мнѣ объяснили, что подобная разстановка войскъ сдѣлана вслѣдствіе особаго приказа по арміи, чтобы войска и въ лагеряхъ стояли постоянно на-готовѣ немедленно двинуться въ походъ и въ бой.

Я отъ души посмѣялся надъ тактическимъ педантизмомъ, по которому даже спальныя палатки разставлялись въ ущербъ нашей безопасности; однако подобное положеніе заставило меня призадуматься и я на слѣдующее утро измѣнилъ позицію и увѣдомилъ объ этомъ графа Витгенштейна, приложивъ новый планъ лагеря. Витгенштейнъ, со своей стороны, сдѣлалъ донесеніе, но Дибичъ не одобрилъ этого измѣненія и, улыбнувшись, приказалъ оставить по старому.

Раздосадованный этимъ отвѣтомъ, я довольно громко высказалъ свое мнѣніе по этому поводу, и вечеромъ того же дня, когда весь мой штабъ собрался въ землянкѣ, вырытой для меня по распоряженію моего двоюроднаго брата Александра, то обстоятельство это было

главною темою нашихъ разговоровъ. Всѣ соглашались со мною, одинъ только маркизъ, по своему обыкновенію, спорилъ. Не далѣе какъ нѣсколько дней тому назадъ, одно приключеніе, бывшее у маркиза съ французскимъ посланникомъ, герцогомъ де-Мортемаръ, убѣдило всѣхъ насъ, что желаніе выказать себя въ обществѣ было въ его натурѣ. Посланникъ, дѣлая ему выговоръ за его неприличное поведеніе, сказалъ между прочимъ: «Vous compromettez le nom français» (Вы марaете этимъ имя француза).

Маркизъ, обиженный его словами, возразилъ на это, что онъ не находится во Франціи и не обязанъ подчиняться здѣсь французскимъ властямъ. Когда же Мортемаръ гнѣвно воскликнулъ: «Sachez Monsieur, que la France est pour vous là où se trouve son ambassadeur», то маркизъ однимъ прыжкомъ очутился въ слѣдующей палаткѣ, воскликнувъ: «Eh bien, me voilà donc en Russie»!

Въ настоящую минуту онъ говорилъ, что одно удовольствіе быть свидѣтелемъ ночнаго нападенія турокъ беретъ у него верхъ надъ мыслью о связанной съ этимъ опасности и что онъ не постигаетъ какъ можно думать о средствахъ къ защитѣ въ виду столь жалкихъ противниковъ. Надѣюсь, мнѣ повѣрятъ на слово, если я скажу, что маркизъ, удалившись отъ этой темы, увлекся мало-по-малу воспоминаніями и передалъ намъ самые невѣроятные разсказы о всѣхъ бывшихъ съ нимъ приключеніяхъ, что привело слушателей въ чрезвычайно веселое настроеніе духа; однако, въ концѣ концовъ, маркизъ перешелъ снова къ своей любимой темѣ и едва успѣлъ воскликнуть: «Ah cela! Messieur les turcs, je vous invite à vous essayer au bout de ma lame»— какъ вдругъ три отдаленные, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ ружейные выстрѣла обратили на себя вниманіе общества и шумливый говоръ смѣнился мертвою тишиной.

— «Vous pourriez bien trouver votre besogne,— сказалъ ему наконецъ мой двоюродный братъ Александръ, — il paraît que les avant-postes nous donnent l'alerte».

— Je ne demande pas....но не успѣлъ еще маркизъ вымолвить свое «mieux», какъ вправо, совсѣмъ вблизи отъ насъ, раздался выстрѣлъ, слѣва послышался ружейный залпъ, а позади насъ прогремѣло столь громкое «аллахъ», что воздухъ задрожалъ отъ этого грознаго турецкаго возгласа, и мы всѣ, узнавъ такъ неожиданно о присутствіи въ лагерѣ этихъ непрошеныхъ гостей, почти инстинктивно придвинулись къ узкой лѣстницѣ, ведшей изъ землянки. Прежде всѣхъ взобрался по ней нашъ галльскій рыцарь, чуть не переломавъ при этомъ бока нѣкоторымъ товарищамъ, которые покатились назадъ.

— «C'est qu'il me faut ma lame», — прокричалъ онъ имъ въ утѣшеніе.

Я направился къ ближайшему баталіону, взявшемуся уже за оружіе и стоявшему въ каре. «Не стрѣлять, ребята!»—было первымъ моимъ словомъ; это приказаніе казалось мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что надъ нашими головами со всѣхъ сторонъ уже свистѣли пули. Когда мнѣ привели лошадь и я убѣдился, что вокругъ всѣ стрѣляли и кричали— сами не зная зачѣмъ, то я поскакалъ впередъ, при чемъ одна пуля пролетѣла у самаго моего уха, оторвавъ у меня клочокъ волосъ; какъ бы то ни было, мнѣ удалось усмирить слѣдующій баталіонъ, а мои адъютанты заставили смолкнуть остальныхъ, такъ что страшный шумъ смѣнился наконецъ полнѣйшею тишиною.

— «Гдѣ непріятель?» — былъ первый мой вопросъ. Никто не видалъ его.

— «Гдѣ маркизъ?»—затѣмъ освѣдомился кто-то съ безпокойствомъ.

— Вѣроятно, остался позади,—было отвѣтомъ. Однако, маркизъ вскорѣ нагналъ насъ и, по его словамъ, прибылъ издалека, увѣряя, что онъ искалъ турокъ: «j'ai cherché les turcs». И такъ, весь переполохъ оказался фальшивою тревогой, произведенною (какъ потомъ говорили) часовыми, которые отгоняли ружейными прикладами дикихъ собакъ, бродившихъ стаями по окрестностямъ; при этомъ одно изъ ружей выстрѣлило, а караульные ближайшаго поста сдѣлали, вѣроятно, то, что слѣдовало, т. е. передали сигналъ далѣе. Вокругъ насъ стояли многочисленные обозы седьмаго корпуса; въ нихъ господствовало, вѣроятно, то же самое желаніе сразиться съ турками, какъ и въ нашемъ кружкѣ, и этимъ я объясняю себѣ единодушный, радостный возгласъ: ура! который въ ночной тишинѣ и въ полуночный часъ раздался подобно грозному: аллахъ! Всякій, разслышавшій этотъ крикъ и имѣвшій подъ рукою оружіе, привѣтствовалъ призракъ выстрѣломъ, а топотъ штабныхъ офицеровъ и адъютантовъ, поскакавшихъ по лагерю, до того походилъ на топотъ турецкой конницы, что выстрѣлы весьма естественно были направлены въ ту же сторону.

На слѣдующее утро меня разбудили пріятнымъ извѣстіемъ, что надъ однимъ изъ виновниковъ ночной суматохи совершилось правосудіе и онъ разстрѣлянъ.—Строгое правосудіе! прискорбная, но неизбѣжная необходимость въ военное время: маркизъ застрѣлилъ одну изъ собакъ изъ пистолета.

Вслѣдъ затѣмъ Комаровскій съ грустью передалъ мнѣ, что во время перестрѣлки убито также нѣсколько человѣкъ солдатъ. Я тотчасъ донесъ о случившемся графу Витгенштейну. По распоряженію

Дибича, было приказано: немедленно привлечь виновныхъ къ отвѣтственности (??). «Я знаю лишь одного виновнаго,—подумалъ я,—и если онъ желаетъ явиться къ Императору съ повинною, то долженъ вооружиться противъ морской болѣзни». Не знаю—вспомнилъ ли о своемъ распоряженіи Дибичъ, узнавъ объ этомъ событіи, знаю только, что добрый старикъ Витгенштейнъ чуть не умеръ со смѣху, когда я разсказывалъ ему подробности этого происшествія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

ПЕРЕПИСКА 1828 — 1830 гг.

Фамилія Дибичей принадлежитъ къ древнѣйшимъ дворянскимъ родамъ бывшаго княжества Глогау, въ Силезіи. Члены этого дома, еще въ началѣ XIII столѣтія, отличались храбростью въ военныхъ походахъ силезійцевъ; потомъ, въ началѣ XV столѣтія, сражались съ рыцарями Военнаго ордена, въ Пруссіи. Однимъ изъ храбрѣйшихъ представителей этого рода считался рыцарь Гансъ фонъ-Дибичъ, воевавшій противъ турокъ въ 1520 г., во время осады Вѣны султаномъ Солиманомъ.

Черезъ триста лѣтъ, одному изъ потомковъ его (носившему и одинаковое съ нимъ имя) суждено было, въ борьбѣ съ тѣми же врагами, навсегда прославить фамилію Дибичей и соединить съ нею воспоминаніе о переходѣ черезъ Балканы, дотолѣ считавшіеся неодолимыми.

Фельдмаршалъ графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ-Забалканскій родился въ Силезіи, въ помѣстьѣ Гроссъ-Лейпе, 1-го (12-го) мая 1785 г.—Отъ природы одаренный замѣчательными способностями, онъ обязанъ былъ первоначальнымъ развитіемъ ихъ своему престарѣлому отцу, нѣкогда служившему въ прусскихъ войскахъ и лично извѣстному Фридриху Великому. Въ 1797 г., 12-ти лѣтній мальчикъ записанъ былъ въ берлинскій кадетскій корпусъ, готовясь такимъ образомъ служить подъ знаменами Пруссіи; но судьба рѣшила иначе.

Отецъ его, баронъ Гансъ Эренфридъ Дибичъ, потерпѣвъ неудовольствія на службѣ, переселился въ Россію, куда приглашалъ его императоръ Павелъ. Принятый въ русскую службу подполковникомъ, онъ вскорѣ затѣмъ

получилъ чинъ генералъ-маіора и государь на столько почтилъ его своимъ довѣріемъ, что назначилъ его наставникомъ при юномъ племянникѣ императрицы Маріи Ѳедоровны, принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ, который и прибылъ въ Россію въ сопровожденіи старика Дибича.

Молодой Дибичъ, по желанію его отца, тоже былъ вызванъ въ Россію и уволенъ изъ берлинскаго корпуса съ чиномъ портупей-прапорщика. Прибывъ въ свое новое отечество въ 1801 г., онъ засталъ на престолѣ уже императора Александра и былъ зачисленъ прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ (23-го августа). Свободное отъ службы время онъ посвящалъ изученію русскаго языка, на которомъ черезъ полгода могъ уже вполнѣ свободно изъясняться.

Не долго пришлось ему ожидать настоящей военной дѣятельности. Въ 1805 г. возгорѣлась война съ Франціей; подъ Аустерлицомъ Дибичъ впервые попалъ въ дѣло и тутъ же былъ раненъ въ кисть правой руки, но остался во фронтѣ, за что получилъ первую награду—золотую шпагу за храбрость.

Въ 1807 г. Дибичъ прикомандированъ былъ къ квартирмейстерской части (нынѣшній генеральный штабъ). Одною изъ причинъ, побудившихъ его къ перемѣнѣ рода службы, былъ, какъ говорятъ, малый ростъ, вслѣдствіе коего онъ, на маршѣ, не могъ поспѣвать за тогдашними гренадерами—исполинами. Во время второй войны съ Наполеономъ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Ламитенѣ, Гутштадтѣ, Гейлсбергѣ и Фридландѣ и возвратился въ Россію украшенный владимірскимъ и георгіевскимъ крестами и прусскимъ орденомъ „Pour le mérite“.

Въ 1812 г., состоя оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусѣ гр. Витгенштейна, Дибичъ принималъ участіе во всѣхъ одержанныхъ симъ корпусомъ побѣдахъ и за сраженіе подъ Полоцкомъ (5-го и 6-го августа) произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, на 28-мъ году отъ рожденія.—Знаменитѣйшимъ подвигомъ его въ отечественную войну былъ договоръ, заключенный съ прусскимъ генераломъ Іоркомъ (18-го декабря), котораго онъ побудилъ къ соблюденію нейтралитета, послужившаго первымъ шагомъ къ отложенію Пруссіи отъ Наполеона.

Во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ 1813 года Дибичъ (назначенный генералъ-квартирмейстеромъ союзныхъ войскъ) принималъ то же дѣятельное и блистательное участіе. Во время перемирія онъ употребленъ былъ въ переговорахъ съ Австріей, за которыми послѣдовалъ разрывъ этой державы

съ Наполеономъ.—Послѣ битвы подъ Лейпцигомъ, кн. Шварценбергъ, на самомъ полѣ сраженія, снялъ съ себя орденъ Маріи-Терезіи малаго креста и надѣлъ его на Дибича, а государь произвелъ его въ генералъ-лейтенанты.

Въ кампанію 1814 г., послѣ битвы при Арсисъ-сюръ-Объ, на большомъ военномъ совѣтѣ въ Соммюи, онъ, вмѣстѣ съ Толлемъ и кн. Волконскимъ, представилъ убѣдительные доводы, слѣдствіемъ которыхъ было движеніе на Парижъ. Черезъ нѣсколько дней по вступленіи нашихъ войскъ въ столицу Франціи, Дибичъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Довѣренность къ нему государя все болѣе и болѣе увеличивалась.

Въ 1815 г. Дибичъ, назначенный начальникомъ штаба 1-й арміи, сопровождалъ ее въ новомъ походѣ, который предпринятъ былъ союзными войсками противъ Наполеона. По возвращеніи въ Россію, онъ оставался при главной квартирѣ арміи (въ Могилевѣ на Днѣпрѣ) до пожалованія его въ генералъ-адъютанты (8-го іюня 1818 г.). Въ 1821 г. онъ сопровождалъ государя на конгрессъ въ Лайбахъ, а въ слѣдующемъ году назначенъ исправляющимъ должность начальника главнаго штаба его императорскаго величества. Въ этомъ званіи онъ принесъ много пользы для дѣлъ внутренней организаціи русской арміи и еще болѣе сблизился съ императоромъ Александромъ, который повелѣлъ ему, сверхъ занятій по настоящей должности, присутствовать въ государственномъ совѣтѣ (1823) и въ комитетѣ министровъ (1824) и бралъ его съ собою во всѣ путешествія. При кончинѣ государя, въ числѣ наиболѣе приближенныхъ къ нему лицъ, присутствовалъ и Дибичъ.

При самомъ вступленіи на престолъ императора Николая, Дибичъ имѣлъ случай оказать важную ему услугу своимъ содѣйствіемъ къ подавленію мятежа въ Южной арміи, за что (въ январѣ 1826 г.) получилъ лестный высочайшій рескриптъ и вслѣдъ затѣмъ, въ день коронаціи (22-го августа), произведенъ въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи. — Въ 1827 г. по поводу доносовъ на командовавшаго войсками на Кавказѣ генерала Ермолова и несогласій послѣдняго съ генераломъ Паскевичемъ, Дибичъ посланъ былъ въ Грузію, для изслѣдованія положенія тамошнихъ дѣлъ, еще болѣе усложнившагося вслѣдствіе войны съ Персіей [1]); по возвращеніи въ столицу, онъ возведенъ былъ въ графское достоинство (25-го іюля 1827 г.).

[1]) См. переписку и донесенія Ермолова, Дибича и Паскевича—императору Николаю Павловичу о событіяхъ на Кавказѣ и о войнѣ съ Персіей въ

Въ 1828 г. послѣдовалъ разрывъ съ Оттоманскою Портою, и гр. Дибичъ, по высочайшему повелѣнію, отправился къ дѣйствующей арміи, которая, 25-го апрѣля, перешла черезъ Прутъ. Черезъ четыре дня послѣ этого, 7-й корпусъ обложилъ Браиловъ; Дибичъ руководствовалъ начатіемъ осады и веденіемъ оной до 20-го мая; затѣмъ участвовалъ въ переправѣ главныхъ силъ черезъ Дунай, у Сатунова, и сопровождалъ государя къ Шумлѣ. По отбытіи императора оттуда (21-го іюля), онъ оставленъ былъ при главнокомандующемъ графѣ Витгенштейнѣ; когда же главныя усилія наши обратились противъ Варны, то Дибичъ (въ началѣ сентября) вызванъ былъ государемъ къ осаждавшимъ эту крѣпость войскамъ и, послѣ ея паденія, награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Вслѣдъ затѣмъ онъ находился при обложеніи Силистріи, откуда, по извѣстіямъ о сильной заразѣ, свирѣпствовавшей въ Букарестѣ, отправился въ этотъ городъ, осмотрѣлъ чумные госпитали, и въ исходѣ декабря возвратился въ Петербургъ.

1829 годъ представляетъ блистательнѣйшую эпоху въ жизни гр. Дибича. Назначенный (9-го февраля) главнокомандующимъ дѣйствующею арміей, онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе и надежды императора Николая. Разгромъ главныхъ турецкихъ силъ подъ Кулевчею ускорилъ паденіе осажденной Силистріи, открылъ намъ почти безпрепятственный путь черезъ Балканы къ Адріанополю и завѣнчался почетнымъ и славнымъ для Россіи миромъ. Дѣйствія Дибича въ эту кампанію отличались искуснымъ соображеніемъ, энергіею и быстротою. Въ переговорахъ о мирѣ онъ выказалъ ту же настойчивость и ту же умѣлость, какъ и при военныхъ операціяхъ. Не даромъ удостоенъ онъ былъ за эту кампанію почетнѣйшихъ наградъ: орденъ св. Георгія, сначала 2-й, а потомъ 1-й степени, чинъ фельдмаршала, назначеніе шефомъ Черниговскаго полка и, наконецъ, наименованіе „Забалканскаго“—служили выраженіемъ признательности царской.

Въ 1830 г., когда іюльская революція въ Парижѣ снова угрожала нарушеніемъ спокойствія Европы, Дибичъ посланъ былъ государемъ въ Берлинъ для обсужденія съ прусскимъ правительствомъ тѣхъ мѣръ, которыя предполагалось принять въ случаѣ совмѣстнаго дѣйствія противъ Франціи. Въ это время вспыхнулъ мятежъ въ Варшавѣ; Дибичъ былъ

1826—1827 гг. Напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г. изд. второе томъ V, стр. 706—726; томъ VI, стр. 39—69; 243—280.

вызванъ изъ Берлина и двинутая въ Польшу русская армія поступила подъ его начальство.

Въ кампанію 1831 г. дѣйствія гр. Дибича, какъ извѣстно, не соотвѣтствовали возлагаемымъ на него ожиданіямъ. Онъ вступилъ уже въ періодъ упадка силъ физическихъ и нравственныхъ. Смерть любимой жены, поразившая его въ тѣ самые дни, когда онъ находился въ апогеѣ своей славы, преждевременно повліяла на ослабленіе его духа; затѣмъ, трудности польскаго похода окончательно истощили силы его: онъ мало спалъ, скоро утомлялся, и люди, знавшіе его прежде человѣкомъ энергическимъ и рѣшительнымъ, теперь поражались, видя его унылымъ, недовѣрчивымъ и даже иногда малодушнымъ.

Такое нравственное настроеніе, соединившись съ обычною Дибичу неразборчивостью въ пищѣ, естественно, сдѣлало его воспріимчивѣе ко всякаго рода болѣзнямъ. Свирѣпствовавшая въ войскахъ нашихъ холера похитила и ихъ предводителя. Дибичъ скончался въ ночь съ 28-го на 29-е мая, на небольшой мызѣ, верстахъ въ трехъ отъ Пултуска, на рукахъ любимаго своего адъютанта К. В. Чевкина. Потомства послѣ него не осталось.

Всѣ знавшіе Дибича отдавали справедливость его блестящимъ способностямъ, обнаружившимся еще въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и откуда лишь съ трудомъ отпустили его въ Россію. Надѣвъ офицерскіе эполеты, онъ не прекращалъ теоретическаго изученія военнаго искусства; а молодые годы его совпали съ такою эпохою, въ которую теоретическія свѣдѣнія эти почти безпрерывно представлялась возможность примѣнять и провѣрять на практикѣ, и когда для талантливаго и образованнаго воина открывалось широкое поприще дѣятельности. Изъ этой дѣятельности Дибичъ извлекъ все, что можно было извлечь; себя онъ не щадилъ, но за то и карьера его была блистательна.

Наружность Дибича была изъ самыхъ непривлекательныхъ: малорослый, тучный, съ большою головой на короткой шеѣ. Одеждою своею онъ не занимался и былъ неловокъ въ обращеніи. Рѣчь его, неясная и отрывистая, затрудняла людей, рѣдко имѣвшихъ съ нимъ сношенія.

Какъ у большинства людей, хорошія качества въ Дибичѣ перемѣшаны были съ дурными, оставившими по немъ, въ нѣкоторыхъ современникахъ, весьма недобрую память. Кипучесть нрава (за которую одно высокопоставленное лицо прозвало его самоваромъ) соединялась въ немъ—какъ ча-

сто встрѣчается—съ добродушіемъ и гуманностью. Относительно подчиненныхъ онъ былъ справедливъ и доступенъ; къ собственнымъ служебнымъ обязанностямъ относился вполнѣ честно и добросовѣстно.—Темною стороною его характера былъ избытокъ честолюбія. Для униженія мнимыхъ или дѣйствительныхъ соперниковъ, онъ (по свидѣтельству принца Евгенія Виртембергскаго) не гнушался иногда прибѣгать къ проискамъ весьма неблаговиднаго свойства.

Приводимая здѣсь, на страницахъ «Русской Старины», переписка Дибича съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ относится къ самой блестящей эпохѣ въ его жизни (1828—1829 годы). Письма государя свидѣтельствуютъ о полномъ довѣріи къ Дибичу и искреннемъ къ нему расположеніи.

Переписка эта, по обычаю того времени, велась на французскомъ языкѣ и представлена нами въ точнѣйшемъ, почти подстрочномъ переводѣ—на сколько то возможно было допустить по духу русскаго языка. Служа драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи войны 1828—1829 годовъ, она пріобрѣтаетъ еще особенное значеніе въ виду недавно завершившейся на Балканскомъ полуостровѣ борьбы, въ которой нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, по примѣру своего державнаго Родителя, принималъ непосредственное участіе и присутствіемъ своимъ возвышалъ обычное войскамъ мужество до самоотверженнаго героизма.

Помимо важности въ военномъ отношеніи, переписка эта имѣетъ и обще-историческій интересъ, заключая въ себѣ нѣкоторыя данныя и указанія на отношенія наши къ тогдашнимъ европейскимъ дворамъ и бросая свѣтъ на ходъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ Адріанопольскому миру.

Во многихъ письмахъ, кромѣ того, рельефно обрисовывается твердая и энергическая личность императора Николая Павловича, проникнутаго религіознымъ чувствомъ, высокимъ сознаніемъ долга, и чутко оберегавшаго славу русскаго имени. Въ письмахъ этихъ будущій историкъ найдетъ нѣкоторыя выдающіяся черты для характеристики покойнаго Государя.

1828 годъ.

Императоръ Николай—Дибичу.

Елисаветградъ, 3-го мая, 10 ч. вечера.

Я получилъ, одно за другимъ, оба ваши письма, любезный другъ: первое—въ Могилевѣ, второе же—сегодня утромъ, въ дорогѣ.—Вижу, съ большимъ сожалѣніемъ, что переправу черезъ Дунай придется отложить; будемъ надѣяться, что не надолго. Я вполнѣ одобряю мѣры, которыя вы приняли для уменьшенія обоза; на предметъ этотъ вамъ слѣдуетъ непрестанно обращать полное ваше вниманіе. Я, однако, вовсе не раздѣляю вашего мнѣнія касательно предпріятія противъ Исакчи; пока нѣтъ возможности построить мосты, я нахожу предпріятіе это вполнѣ несвоевременнымъ и подверженнымъ случайностямъ; если же, сверхъ сего, насъ оттуда отобьютъ, то это будетъ дурнымъ началомъ кампаніи. Гораздо лучше отложить это нападеніе, съ тѣмъ, чтобы произвести его нѣсколькими днями позже, ничѣмъ не рискуя. Вообще, не станемъ ничего торопить съ самаго начала кампаніи; надо придать ей такой характеръ, какой она должна имѣть, и не отвлекаться отъ нашего первоначальнаго плана какими либо частностями, безъ которыхъ слѣдуетъ обходиться, если онѣ не представляютъ никакой надобности. Я предупреждаю васъ, что буду въ Болградѣ 7-го числа, рано утромъ. Не зная навѣрное, гдѣ находятся мои лошади, посылаю, на всякій случай, приказаніе—держать на-готовѣ лишь самое необходимое число лошадей около переправы черезъ Прутъ, дабы имѣть возможность проѣхать прямо въ Браиловъ. Постарайтесь, прошу васъ, чтобы я могъ прибыть туда 7-го или 8-го числа. Предоставляю вамъ избрать мѣсто, гдѣ я могъ бы повидаться съ фельдмаршаломъ и съ вами,—хотя предполагаю, что вы находитесь въ Браиловѣ [1]). Я намѣренъ остаться тамъ 9-е число, а 10-го опять уѣхать въ Тирасполь; слѣдовательно, только по возвращеніи моемъ, которое послѣдуетъ 13-го или 14-го, я осмотрю, что̀ можно будетъ осмотрѣть изъ войскъ 3-го корпуса; а покамѣстъ я видѣлъ, на походѣ, два полка: Кинбурнскій—плохъ, а Новороссійскій—очень хорошъ. Сегодня видѣлъ, на походѣ же, 3-й кавалерійскій корпусъ; онъ—чудо какъ хорошъ; завтра дѣлаю ему ученье. Казачья батарея Кирпичева прибыла сегодня; завтра увижу ее.—Объ Анапѣ я ничего не знаю.—Кланяйтесь Михаилу [2]), если вы съ нимъ, и

[1]) Т. е.—у Браилова. Крѣпость эта, въ то время, еще не была взята.

[2]) Вел. кн. Михаилъ Павловичъ, командовавшій осаднымъ корпусомъ подъ Браиловымъ.

фельдмаршалу, если вы при немъ.—Прощайте, любезный другъ; да благословитъ Богъ наши хорошія намѣренія. Успокаивайте всѣхъ и, ради Бога, не пускайтесь въ безцѣльныя предпріятія. Заявляю вамъ, что я всегда буду противиться всему тому, что́ не представляетъ прямаго и надежнаго пути для достиженія нашихъ цѣлей. Вашъ навсегда N.

P. S. Я взялъ съ собою только Бенкендорфа, Потемкина, Реада и Суворова.

Elisabetgrad, le 3 Mai 1828, soir à 10 h.

J'ai reçu, mon cher ami, successivement vos deux lettres; la première à Moguilef, la seconde ce matin, en route. Je vois avec grand regret, que le passage du Danube doit être retardé; espérons que cela ne sera pas pour longtemps. J'approuve parfaitement les mesures que vous avez prises à l'égard des diminutions du train; vous ne sauriez assez y porter toute votre attention. Je ne suis pourtant nullement de votre avis sur la tentative à faire sur Isaktschy; je la trouve—tant qu'il n'y a pas de possibilité d'établir des ponts,—tout à fait intempestive et précaire; si, par dessus le marché, nous y sommes repoussés—c'est mal commencer la campagne; il vaut bien mieux remettre cette attaque, pour la faire à coup sûr quelques jours plus tard, sans rien compromettre. En général, ne hâtons, ni ne precipitons rien dès le debut de la campagne: il faut lui imprimer le caractère qu'elle doit avoir, sans nous laisser déranger de notre plan primitif par quelque chose de partiel, dont on doit se passer, quand cela ne présente aucune neçessité.—Je vous préviens que je serai à Bolgrad le 7, de grand matin; ne sachant pas au juste, où sont mes chevaux, j'envois en tout cas l'ordre de tenir prêt le stricte indispensable près du passage du Prouth, pour pouvoir directement me rendre à Braïlof. Soignez, je vous prie, que je puisse y arriver, s'il est possible, le 7 ou le 8. Je vous abandonne le choix du lieu, où nous pourrons nous voir avec le Maréchal et vous, quoique je vous suppose à Braïlof. Je veux y rester le 9 et repartir le 10 pour Tiraspol; ce n'est donc qu'à mon retour qui sera le 13 ou le 14 que je passerai la revue de ce que je pourrai appercevoir du 3 corps. En attendant, j'ai vu en marche deux régiments; celui de Kimbourn—mauvais, et de Nouvelle-Russie—fort beau; et aujourd'hui le 3 corps de cavallerie de réserve, en marche, il est superbe; demain je le fais maneuvrer; la batterie cosaque Kirpitischef est arrivée aujourd'hui; demain je les verrai. Je ne sais rien d'Anape. Mille choses à Michel, si vous êtes avec lui, et au Maréchal, si vous êtes près de lui. Adieu mon cher ami; que Dieu bénisse nos bonnes intentions. Calmez tout le monde et, au nom de Dieu,—point de coups en l'air; car je vous déclare que je m'opposerai toujours à tout ce qui n'est pas direct et sûr pour parvenir à nos fins. Tout à vous pour la vie.

Je n'amènes avec moi que Benkendorf, Potemkin, Read et Souworof.

Измаилъ, 19-го мая, утромъ.

(Переводъ). Я здѣсь со вчерашняго дня, любезный другъ. Старался все видѣть и вездѣ побывать. Существенная часть, т. е. остальныя суда флотиліи и мостъ—въ отличномъ состояніи; кромѣ того, мы имѣемъ

до 28-ми купеческихъ судовъ, на которыя можно посадить, по крайней мѣрѣ, 5,000 человѣкъ. Я говорилъ съ находящимися здѣсь весьма хорошими морскими офицерами и всѣ они, въ одинъ голосъ, берутся перевезти такое количество войскъ,—если нужно, то и съ пушками—черезъ два дня. Представляю, по этому, на общее ваше обсужденіе: не будетъ ли возможно и даже необходимо, для обезпеченія мостовыхъ работъ, перевезти сначала одну бригаду, а затѣмъ, если понадобится, то и цѣлую дивизію, для того, чтобы занять позицію и тотчасъ же укрѣпиться около пункта переправы. До сихъ поръ, турки противъ этого пункта имѣютъ только одну батарею въ 9 орудій; но кто поручится, что они не увеличатъ своихъ силъ, если мы еще будемъ медлить?—Изъ Исакчи не сдѣлано было ни одного выстрѣла по нашей флотиліи; а начальникъ запорожцевъ, знающій всѣхъ здѣшнихъ пашей, положительно утверждаетъ, что паши тульчинскій и браиловскій будутъ защищаться до послѣдней крайности, но что въ Исакчи паша старъ и ждетъ только нашего прибытія, чтобы сдаться подъ первымъ благовиднымъ предлогомъ. Гирсовскій паша говорилъ ему (начальнику запорожцевъ), что если наши войска придутъ ранѣе войскъ сераскира, то онъ сдастся, но что если позже—то ему уже нельзя будетъ этого сдѣлать.

Если бы вы могли прибыть въ Болградъ 21-го числа поутру или, по крайней мѣрѣ, вечеромъ, то это, пожалуй, было бы хорошо, чтобы намъ все устроить; если же вамъ нельзя—то напишите, какъ вы рѣшили. Главное—не станемъ терять времени и будемъ пользоваться тѣми удобствами, которыя намъ представляются, не рискуя потерпѣть неудачи.—Что скажете вы объ Анапскомъ дѣлѣ? [1]). Я сомнѣваюсь, чтобы можно было сдѣлать лучше; во всякомъ случаѣ, это дѣлаетъ честь флоту, что онъ стяжалъ первые трофеи. Устройте такъ, чтобы и Браиловъ скорѣе покорился намъ. Если вы считаете нужнымъ оставаться въ Браиловѣ, то я тоже прибуду туда 21-го числа, позднимъ вечеромъ, такъ какъ поутру хочу осмотрѣть пунктъ переправы, если не успѣю сдѣлать это 20-го числа. Резервные баталіоны 18-й дивизіи, находящіеся въ Одессѣ, во всѣхъ отношеніяхъ равняются гвардейскимъ баталіонамъ; резервные баталіоны 19-й дивизіи, находящіеся здѣсь, довольно хороши; 17-й и 18-й егерскіе полки—весьма посредственны, а въ 12-мъ много больныхъ.

Мой привѣтъ Михаилу и фельдмаршалу. Жена моя посылаетъ вамъ поклонъ.

---

[1]) Взятіе Анапы кн. Меншиковымъ, въ то время исправлявшимъ должность начальника морскаго штаба.

Ismail, le 19 Mai 1828, matin.

Je suis içi depuis hier, mon cher ami; j'ai taché de tout voir et de tout parcourir. L'essentiel, le reste de la flotille et le pont sont parfaits; nous avons pardessus cela jusqu'à 28 bâtimens marchands qui peuvent prendre pour le moins 5,000 hommes à bord; j'ai consulté les très bons officiers de marine qui sont içi; tous, d'un commun accord, se chargent de passer ce nombre de troupes, avec du canon s'il le faut, dans deux jours d'içi. Je propose donc à votre jugement commun, s'il ne serait pas possible, et même indispensable, pour assurer les travaux du pont, de faire passer d'abord une brigade et puis, s'il le faut, toute une division, pour prendre poste et de suite se retrancher près du lieu du passage. Jusqu'ici les Turcs n'ont qu'une batterie de 9 pièces vis-à-vis du point; mais qui nous répond qu'il n'augmenteront de forces, si nous tardons encore? D'Isaktschi ils n'ont pas tiré un coup sur notre flotille; et le chef des Zaporogues, qui connait tous les pachas d'ici, dit positivement que ceux de Toultscha et de Braïlof se défendront à toute éxtremité; que celui d'Isaktschi est vieux et n'attend que nous pour se rendre au premier prétexte plausible; celui de Hirsov lui a dit que si nos troupes arrivaient avant celles du Séraskir, il se rendrait, mais que plus tard il ne pourrait plus le faire.

Si vous pouvez arriver le 21 matin, ou du moins soir, à Bolgrad, peut être serait ce bon pour prendre tous nos arrangemens; si non, ecrivez moi ce que vous aurez decidé. Avant tout, ne perdons pas de temps et profitons des facilités qui s'offrent, sans risque d'échouer.—Que dites vous de l'affaire d'Anape? quant à moi, je doute du mieux; toujours est-il honorable à la flotte d'avoir acquis les premiers trophées. Faites en sorte que Braïlof nous se soumette au plûtot. Si vous croyez devoir rester à Braïlof, j'y viendrai aussi le 21, tard, desirant le matin voir le point du passage, si je ne puis le faire le 20.—Les bat. de réserve, de la 18, à Odessa, sont des bat. de la garde, sous tous les rapports; ceux de la 19, içi, sont assez bien; les 17 et 18 chas.—bien médiocre, et le 12 a beaucoup de malades.

Mille choses à Michel et au Maréchal. Ma femme vous salue tendrement.

Одесса, 7-го августа.

(Переводъ). Бальменъ только что пріѣхалъ и мнѣ крайне прискорбно было узнать, что вы, любезный другъ, все еще серьезно нездоровы. Молю Бога, чтобы вы скорѣе поправились; но, сдѣлайте милость, устройте дѣла такъ, чтобы не утомляться понапрасну, и берегите ваши силы.

Очень радуюсь, узнавъ, что рекогносцировка къ Кётешу удалась, но сожалѣю, что не было возможности овладѣть этимъ пунктомъ, который теперь, когда мы удостовѣрились въ возможности пройти туда, пріобрѣлъ важность въ моихъ глазахъ. Въ этомъ-то смыслѣ я одобряю распоряженія, сдѣланныя относительно того, чтобы, охраняя 3-мъ корпусомъ наши работы, имѣть 7-й въ свободномъ распоряженіи. Есть только, въ рапортѣ фельдмаршала, одна фраза, относящаяся до батарейной батареи (batterie de position) 11-й бригады, которая заставляетъ меня опасаться, что дурно понимаютъ назначе-

ніе резервной артиллеріи, существующей именно для того, чтобы не удалять отъ войска той артиллеріи, которая ему принадлежитъ; резервною же артиллеріей пользуются лишь для постовъ долговременныхъ.—Не знаю также, почему фельдмаршалъ предполагаетъ, по видимому, что гвардія не должна приходить къ Шумлѣ, если встрѣтится въ этомъ надобность. Всегда вѣдь была рѣчь о томъ, что если Шумла не падетъ, то гвардія прибудетъ, для подкрѣпленія, въ видѣ резерва, тѣхъ пунктовъ, которые нуждаются въ усиленіи; то же самое будетъ, если Шумла не сдастся до срока ея (гвардіи) прибытія къ этой крѣпости. Значитъ—она туда придетъ.

Болѣе всего безпокоитъ меня событіе въ Енибазарѣ [1]). Если эти турки пришли дѣйствительно изъ Шумлы, то гдѣ же они могли пройти, не перерѣзывая нашихъ сообщеній съ Праводами?—если же они пришли не изъ Шумлы, то откуда же они явились, и что̀ означаетъ это движеніе? Надо сильно наблюдать за тыломъ Бенкендорфа [2]) и, на сколько возможно, очистить это пространство посредствомъ наблюдательныхъ постовъ. Что̀ вы будете дѣлать для передвиженія транспортовъ, послѣ столь чувствительной потери воловъ? Бальменъ увѣрялъ, а мой камердинеръ подтвердилъ, что часто эти животныя падаютъ и околѣваютъ вслѣдствіе недостаточнаго ухода за ними, особенно же потому, что ихъ не поятъ; легко было бы повѣрить это, изслѣдовавъ, въ какихъ ротахъ пало ихъ наибо̀льшее число.

Изъ Варны я не имѣю извѣстій, послѣ блистательнаго дѣла нашихъ храбрыхъ моряковъ [3]). Вчера уѣхали отсюда, моремъ, четыре роты изъ 3-й дивизіи и, благодаря нынѣшнему вѣтру, онѣ должны быть въ Варнѣ сегодня вечеромъ, или завтра. Ожидаю корабля и транспортнаго судна, которые должны перевезти двѣ другія роты и баталіонъ 10-й дивизіи, которыхъ я пошлю вслѣдъ за первыми, какъ можно скорѣе. Извѣстія о гвардіи отличныя. Михаилъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ, чтобы присоединиться къ головѣ колонны. Я приказалъ ему изслѣдовать всѣ дороги, ведущія изъ Ковариы въ Варну, дабы—если то понадобится—двигаться этимъ путемъ, даже цѣлыми дивизіями, съ тѣмъ, чтобы ускорить ихъ прибытіе къ Шумлѣ. Надо,

---

[1]) 26-го іюля, летучій отрядъ Алиха-паши, внезапно напавъ на провіантскій транспортъ, стоявшій у Енибазара, захватилъ значительное количество рогатаго скота.

[2]) Ген.-адъют. Бенкендорфъ 2-й посланъ былъ, съ 4-мя баталіонами и 3-мя эскадронами въ м. Праводы.

[3]) Въ ночь съ 26-го на 27-е іюля отрядъ гребныхъ судовъ, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Мелпкова, атаковалъ стоявшую у Варны турецкую флотилію, которая потеряла при этомъ 16 судовъ.

чтобы не забыли предупредить своевременно гвардейскую кавалерію—куда ей слѣдуетъ направиться по выходѣ изъ Кюстенджи, что̀, конечно, будетъ зависѣть отъ возможности найти для нея фуражъ. Нельзя ли, можетъ быть, найти такое мѣсто близъ Варны? До меня доходятъ слухи о понтонахъ, которые направляются къ арміи, и которыхъ видѣли близъ Мангаліи; мнѣ кажется, что мы вовсе въ нихъ не нуждаемся; можно оставить ихъ въ какомъ нибудь депо, а лошадьми ихъ замѣнить лошадей, потерянныхъ артиллеріею, или же—замѣнить ими воловъ.

Время, также, подумать и о томъ, что́ мы еще можемъ сдѣлать въ продолженіе осени,—особенно, если Богъ предаетъ въ наши руки Варну. Нельзя ли намъ будетъ, въ такомъ случаѣ, двинуть хотя одну колонну до Айдоса, дабы послѣ взятія Варны мы могли дойти до Бургаса? Движеніе на Айдосъ, послѣ паденія Варны, можетъ быть весьма полезнымъ, отвлекая къ этой сторонѣ все вниманіе турокъ. Отъ Эдуарда (?) вы получите бюллетень извѣстій изъ Константинополя, доставленныхъ на кораблѣ, пришедшемъ оттуда въ четыре дня; они доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что о переговорахъ и не помышляли. И такъ, теперь же начнемъ готовиться къ тому, чтобы провести зиму въ этомъ государствѣ, и соотвѣтственно сему примемъ наши мѣры. Буду ждать вашего мнѣнія. Я приказалъ воспретить вывозъ отсюда хлѣба за границу, а завтра отправляется курьеръ къ Гейдену, съ приказаніемъ блокировать Дарданеллы вновь сформированною эскадрою. Я разрѣшилъ Воронцову воспользоваться всѣми, находящимися здѣсь, свободными судами, дабы не было замедленія въ отправкѣ провіанта; что касается мѣръ для перевозки онаго на берегъ, то я ихъ одобряю, и вамъ—изъ моихъ приказаній, отданныхъ Грейгу—должно быть извѣстно, что я уже думалъ о возможности это сдѣлать посредствомъ одного изъ морскихъ экипажей, который будетъ замѣненъ на корабляхъ гвардейскимъ экипажемъ.

Вечеромъ.

(Переводъ). Любезный другъ, вашъ курьеръ отъ 31-го іюля [1]) только что прибылъ ко мнѣ, и я радуюсь, узнавъ, что вамъ лучше. Надѣюсь, что вы, по благости Господней, скоро совсѣмъ поправитесь; но повторяю вамъ: берегитесь хорошенько. Удивляюсь, что въ рапортахъ фельдмаршала ничего не говорится о томъ, что̀ дѣлается у Силистріи и вообще въ той сторонѣ, ни даже о причинахъ неудачной стычки около Енизагры. Стоило бы, кажется, сказать мнѣ о томъ хоть

[1]) Этого письма нѣтъ.

словечко. Говорятъ, что турки возвели новую батарею противъ редута фельдмаршала [1]); а между тѣмъ теряютъ цѣлый день на обсужденіе средствъ для противодѣйствія ей. Мнѣ кажется, что, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы и можно было бы взять ее открытою силою; мы достаточно близки отъ нея для этого, и достаточно поддержаны собственнымъ огнемъ. Не слѣдуетъ увеличивать дерзость турокъ слишкомъ большою безнаказанностью, а для этого лучше всего служила бы ночная атака.

Ни Бальменъ, ни курьеръ не видали турокъ и не слыхали о нихъ во время своего путешествія; все было совершенно спокойно. Весьма непріятно то, что въ гвардіи многіе начинаютъ заболѣвать, и уже 300 ч. больныхъ осталось въ Бабадагѣ, между тѣмъ какъ, по прибытіи къ Дунаю, на дорогѣ не оставлено было и ста человѣкъ! Мѣры, которыя вы мнѣ предлагаете, для своза припасовъ на берегъ—приблизительно тѣ же самыя, которыя уже приняты; что касается того, чтобы нанять здѣсь рабочихъ, то это будетъ трудно и, полагаю—даже невозможно.

8-го числа. Михаилъ уѣхалъ; онъ отправляется въ Бабадагъ, а потомъ присоединится къ головѣ колонны; я поручилъ ему осмотрѣть, по дорогѣ, всѣ госпитали, а равно войска и всякаго рода команды. О результатахъ этого осмотра онъ увѣдомитъ васъ письменно. Я имѣлъ сегодня хорошія извѣстія изъ Петербурга.

Всѣ три адъютанта мои сильно больны лихорадкою; Залусскій и Бальменъ въ бреду. Прощайте, любезный другъ; дай Богъ поскорѣе узнать, что вы выздоровѣли, и получить добрыя вѣсти о вашихъ дѣйствіяхъ. Кланяйтесь фельдмаршалу и нашимъ. Вѣрьте дружбѣ любящаго васъ N.

Жена моя вамъ кланяется.

Odessa, le 7 Aôut 1828.

Balmen vient d'arriver et je suis désolé d'apprendre, mon cher ami, que vous êtes toujours encore gravement indisposé. Je prie Dieu que vous soyez bientôt remis; mais, de grâce, faites en sorte à ne pas vous fatiguer inutilement et menagez vos forces.

Je suis charmé de savoir que la reconnaissance sur Кётешъ a reussie, mais je regrette qu'il n'est pas été possible de prendre possession de ce point, devenu important à mes yeux maintenant, que nous avons la certitude qu'il est possible d'y marcher. C'est dans ce sens que j'approuve la disposition faite pour laisser le 3 corps pour occuper nos ouvrages et rendre le 7, presqu'en entier, disponible. Il y a seulement une frase dans le rapport du Maréchal, qui regarde la bat. de position de la 11-me brigade, qui me fait craindre que l'on ne com-

---

[1]) Подъ Шумлою.

prenne mal le but de l'artillerie de réserve, et qui est justement là pour ne pas éloigner de la troupe l'artillerie qui lui appartient, en se servant de celle de réserve pour des postes permanents. De même, je ne sais pas pourquoi le Maréchal parait supposer que la garde ne doit pas venir à Schoumla, si la necessité s'en présente; il a été toujours dit, que si Schoumla ne tombait pas, la garde viendrait renforcer, comme réserve, les points qui demandent des renforts; ou c'est le cas quand Schoumla n'est pas rendu jusqu'à l'époque ou cllo peut arriver et en conséquence elle y viendra.

Ce qui m'inquiète le plus, c'est l'évenement de Enibazar: si ces Turcs sont venus effectivement de Schoumla,—où ont ils pu passer sans couper nos communications avec Праводы?—si ce n'est pas de là qu'ils sont venus,—d'où sont ils, et qu'est ce que ce mouvement indique?—Il faut fortement surveiller les derrières de Benkendorf et nettoyer ce côté tant que possible par des postes.—Comment ferez vous, pour faire cheminer les transports après cette perte sensible en boeufs?—Balmen m'a assuré et mon valet de chambre me l'a confirmé que beaucoup de ces animaux tombent et crèvent faute de soins, surtout parceque l'on néglige de les abreuver; il serait aisé de verifier le fait, en examinant quelles sont les compagnies où il en crève le plus.

Je n'ai pas de nouvelles de Varna depuis la brillante affaire de nos braves marins.—Hier sont partis d'ici 4 compagnies de la 3-me division, par mer, et grâce au vent qu'il fait elles doivent être ce soir ou demain à Varna. J'attends le vaisseau et les transports qui doivent porter les 2 autres et la bat. de la 10-me, que je ferais suivre le plûtot possible.—Les nouvelles de la garde sont excellentes. Michel part ce soir pour joindre la tête. Je lui ai ordonné de faire reconnaitre toutes les routes qui mènent de Kovarna à Varna, pour marcher par là, s'il le faut—même par divisions, pour hâter leur arrivée devant Schoumla.—Il faut ne pas oublier de faire prevenir à temps la cavallerie de la garde sur le lieu où elle doit se rendre en quittant Kistenjé; ce qui naturellement dépendra de la possibilité de lui trouver des fourrages; ne serait-ce pas possible, peut-être, prés de Varna?—J'entends parler de pontons qui se rendent à l'armée et que l'on a vu près de Mangalia; il me parait que nous n'en avons guère besoin; on peut les laisser en depôt quelque part et remplir par ses chevaux ceux perdus dans l'artillerie, ou bien pour remplacer les boeufs.

Il est temps aussi à songer à ce que nous pouvons faire encore en automne; surtout en cas que le bon Dieu faisait tomber Varna en nos mains; ne pourrions nous pas dans ce cas pousser du moins une colonne jusqu'à Aydos, pour qu'après la prise de Varna nous puissions passer jusqu'à Bourgas?—le mouvement sur Aydos, après la chute de Varna pourrait être fort utile, en attirant de ce côté toute l'attention des Turcs.—Vous aurez par Edouard (?) le bulletin des nouvelles de Constantinople reçus par un vaisseau venu de là en quatre jours; elles prouvent du moins que l'on ne pensait pas à traiter. Ainsi préparons nous, dès ce moment, à passer l'hiver dans cet état et prenons nos mesures en conséquence; j'attendrais votre avis.—J'ai fait défendre ici l'exportation du blé à l'étranger et un courrier part demain pour porter l'ordre à Heyden de bloquer avec la nouvelle éscadre les Dardanelles. J'ai autorisé Voronzof à utiliser tout ce qu'il y a de bâtimens ici qui ne le sont pas pour qu'il n'y ayent pas de retard dans l'éxpédition de l'approvisionnement. Quant aux mesures pour le débarquement, je les approuve, et vous aurez vu déja par mes ordres

à Greig que j'avais déja songé à la possibilité de le faire par un équipage de la marine, remplacé par celui de la garde à bord de la flotte.

Le soir.

Votre courrier du 31 vient de m'arriver, mon cher ami, et je me réjouis de vous savoir mieux; j'espère de la bonté Divine que bientôt vous serez entièrement rétabli; mais je vous le répéte: ménagez vous bien.—Je suis étonné que les rapports du Maréchal ne me font aucune mention, ni de ce qui se passe à Silistrie, ni, en général, de ce côté, ni même de la cause de la mauvaise éschauffourée à Enizagra. Il valait bien la peine, cependant, de m'en dire un mot.—L'on me dit que les Turcs ont élevé une nouvelle batterie vis-à-vis la redoute du Maréchal, et l'on perd une journée entière pour discuter les moyens pour la contrebalancer. Il me parait que, le cas échéant, l'on aurait du et pu l'enlever de vive force; c'est assez près pour cela et assez bien soutenu par notre feu. Il ne faut pas enhardir les Turcs par trop d'impunité et le meilleur moyen pour le faire serait une attaque de nuit.

Ni Balmen, ne le courrier n'ont ni vu, ni entendu parler de Turcs sur la route et tout était fort tranquille au moment de leur passage.—Ce qui est fort désagréable, c'est que la garde commence à avoir beaucoup de malades, et déja 300 sont restés à Babadag; tandis qu'arrivés au Danube ils n'avaient pas laissé en route cent!—Les mesures que vous me proposez pour faciliter le débarquement des vivres sont à peu près celles qui sont prises; celle de louer ici des ouvriers, sera difficile, et je suppose même—impossible.

Le 8.

Michel est parti; il va à Babadag et de là il joindra la tête de la colonne; je l'ai chargé de voir en route tous les hôpitaux et les troupes et détachemens en tout genre; et il vous informera par écrit du résultat.—J'ai eu aujourd'hui de bonnes nouvelles de Pétérsbourg.

Tous mes trois aide-de-camps sont fort malades de la fièvre, et Saloutski et Balmen sont en délire. Adieu mon cher ami; puissais-je vous savoir bientôt guéri et avoir de bonnes nouvelles de vos opérations. Mille choses au Maréchal et aux nôtres. Croyez à l'amitié de votre affectionné.

Ma femme vous dit mille choses.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 7-го августа.

(Переводъ). Государь! Письмо ваше отъ 1-го августа [1]) я получилъ въ ту самую минуту, какъ отправлялъ курьера. Прошу ваше императорское величество принять заявленіе искреннѣйшей моей благодарности за все, что́ вы мнѣ въ немъ говорите, и за ту заботливость, которую вамъ благоугодно выражать относительно моего здоровья. Я подчиняюсь всѣмъ предписаніямъ медиковъ, но, при всемъ томъ, выздоровленіе мое подвигается медленно. Полагаю, что нѣсколько холодныхъ и дождливыхъ дней, которые были здѣсь за послѣднее время, содѣйствовали этому замедленію; однако выздоровленіе мое подви-

[1]) Письма этого не имѣется.

гается впередъ, хотя и очень тихо. Болѣе подробностей о здѣшнихъ дѣлахъ думаю написать В. В-ву въ четвергъ, съ адъютантомъ Фредериксомъ. — Не думаю, чтобы до прибытія гвардіи мы могли что либо предпринять противъ Джумаи [1]), имѣя 12 весьма слабыхъ бригадъ пѣхоты и занимая окружность въ 50 верстъ; но такъ какъ непріятель ни въ чемъ не измѣняетъ своего расположенія, то я надѣюсь, что прибытіе гвардіи должно имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія, потому что, оставивъ для защиты укрѣпленій 20 т. человѣкъ и двинувшись съ остальными силами прямо по дорогѣ на Джумаю, сераскиръ не найдетъ болѣе никакихъ ресурсовъ, и мы можемъ льстить себя надеждою на полное уничтоженіе почти всего ядра турецкой арміи—а это будетъ имѣть значеніе, тѣмъ болѣе рѣшительное, что, судя по отличнымъ извѣстіямъ изъ Парижа и Лондона, которыя В. В. благоволили сообщить мнѣ,—эти сильные удары нанесены будутъ почти одновременно.

Мы всѣ очень радуемся взятію Поти. Пунктъ этотъ имѣетъ величайшую важность для будущей нашей торговли. Завтра отслужимъ молебенъ. Фельдмаршалъ повергаетъ себя къ стопамъ В. И. В-ва. Я тоже осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Ея В-а глубочайшую благодарность за августѣйшую обо мнѣ память и молю В. И. В. благоволить принять выраженіе чувствъ глубочайшей преданности и вѣрности, съ которыми имѣю счастіе пребыть вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга графъ Дибичъ.

---

[1]) Этимъ названіемъ обозначался, на тогдашней картѣ, г. Эски-Джума (въ 35—40 в. западнѣе Шумлы).

ПРОТОІЕРЕЙ ГЕРАСИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАВСКІЙ.

(Очеркъ его жизни по новымъ матеріаламъ).

1787—1863.

«Поминайте наставники ваша, иже
глаголаша вамъ слово Божіе».
Слово св. Ап. Павла.

Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, на долю котораго, вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ, выпало высокое счастье послужить дѣлу воспитанія и образованія Государя Императора Александра Николаевича,—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей нашей новѣйшей исторіи, одинъ изъ болѣе замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей первой половины настоящаго столѣтія. Давно пора было бы написать полную біографію его, разсказать правдиво и со всею обстоятельностію исторію продолжительной—полувѣковой—научной, литературной и пастырской дѣятельности его, исполненной общеполезныхъ трудовъ и вмѣстѣ—треволненій всякаго рода, тѣхъ треволненій, которыми неизбѣжно сопровождается дѣятельность каждаго передоваго, выдающагося изъ ряда, общественнаго дѣятеля. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени для составленія такой біографіи сдѣлано весьма немного. Два краткіе некролога его, составленные, впрочемъ, лицами, близко знавшими Герасима Петровича — его зятемъ, протоіереемъ А. Ѳ. Орловымъ («Духъ Христіанина» за 1862—1863 годъ), и И. А. Чистовичемъ («Странникъ» 1863 г., II) и «Очеркъ жизни Г. П. Павскаго», составленный священникомъ С. В. Протопоповымъ (Спб. 1876 г.), далеко не исчерпывающій предмета и не дающій должнаго освѣщенія даже болѣе крупныхъ фактовъ изъ жизни Павскаго; наконецъ, полемика Павскаго съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, по поводу составленныхъ первымъ «Христіанскаго

ученія въ краткой системѣ» и «Начертанія церковной исторіи» («Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ.» 1870 г.),—вотъ почти все, что имѣется въ нашей литературѣ относящагося къ біографіи Павскаго. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше, къ сожалѣнію, утрачивается возможность собранія необходимыхъ для надлежащей біографіи его матеріаловъ. Не такъ давно сошла въ могилу вторая дочь Павскаго, Надежда Герасимовна Мальгина, послѣ своего вдовства жившая вмѣстѣ съ отцомъ и, слѣдовательно, имѣвшая возможность сообщить необходимыя свѣдѣнія о его жизни и трудахъ. Современники Павскаго, участники и свидѣтели его трудовъ, также, бо́льшею частію, давно уже сошли въ могилу.

Изъ литературныхъ и ученыхъ работъ Павскаго извѣстны лишь главнѣйшія, преимущественно напечатанныя при его жизни; даже изъ знаменитыхъ лекцій его по богословію, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ Павскій профессорствовалъ съ 1819 по 1826 годъ, въ которыхъ онъ выступилъ какъ новаторъ въ области богословія вообще и, въ частности, первый выработалъ типъ высшаго богословскаго курса для свѣтскихъ слушателей,—которымъ, главнымъ образомъ, онъ былъ обязанъ своею извѣстностью при Дворѣ и назначеніемъ на высокій постъ законоучителя Наслѣдника престола—изъ этихъ лекцій сохранились лишь небольшіе отрывки, отчасти напечатанные въ «Христіанскомъ Чтеніи» при жизни автора, по видимому, съ сокращеніями и измѣненіями, примѣнительно къ условіямъ тогдашней цензуры, отчасти въ рукописяхъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ.

О. Протопоповъ имѣлъ у себя подъ руками почти полный экземпляръ этихъ лекцій, но не счелъ себя обязаннымъ познакомить съ ними своихъ читателей, приводя изъ нихъ лишь самые незначительные отрывки. Составляя настоящую статью не позже какъ чрезъ три года послѣ появленія очерка о. Протопопова, мы тщетно усиливались найти полнѣйшую редакцію этихъ лекцій, чтобы имѣть возможность пополнить этотъ важный пробѣлъ въ трудѣ о. Протопопова. Даже изъ громадной переписки Герасима Петровича съ его безчисленными корреспондентами, между которыми блистаютъ такія знаменитости, какъ В. А. Жуковскій, архіепископъ Иннокентій, Борисовъ—знаменитый проповѣдникъ, митрополитъ Филаретъ, А. Н. Оленинъ, лейбъ-медикъ Енохинъ, Фотій—юрьевскій архимандритъ, Руничъ и многіе другіе—уцѣлѣло лишь кое-что.

При такомъ положеніи дѣла мы очень рады, что имѣемъ въ своемъ распоряженіи, благодаря посредству ред.-изд. «Русской Старины» М. И. Семевскаго, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, нѣсколько новыхъ матеріаловъ, весьма важныхъ для обрисовки нравственной физіономіи

этой замѣчательной личности, для характеристики его міровоззрѣнія и для оцѣнки его значенія въ исторіи развитія русской науки, богословской и филологической,—которыми можемъ отчасти пополнить существующіе въ біографіи Павскаго пробѣлы. Эти матеріалы состоятъ изъ автобіографіи Павскаго, изъ его «Учебнаго плана преподаванія закона Божія Наслѣднику престола», изъ нѣсколькихъ бесѣдъ его съ своимъ Августѣйшимъ воспитанникомъ, записанныхъ его собственною рукою, изъ переписки его съ Жуковскимъ и нѣкоторыхъ другихъ его бумагъ, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Всѣ эти бумаги доставлены въ редакцію «Русской Старины» роднымъ внукомъ покойнаго Г. А. Орловымъ, и всѣ почти писаны собственноручно Павскимъ.

Пишущему эти строки извѣстно, что автобіографію свою Павскій принимался писать или диктовать нѣсколько разъ въ послѣдніе годы своей жизни, послѣ своей отставки отъ званія законоучителя Наслѣдника престола. Мы въ это время лично знали покойнаго Герасима Петровича. Старецъ, оставивъ всякую общественную и научную дѣятельность, доживалъ остатокъ дней въ кругу своей семьи, занятый воспитаніемъ внуковъ и своими воспоминаніями; болѣзненный физически, онъ не утратилъ, однако, и въ это время ни свѣжести мысли, ни горячности чувства, ни живаго интереса къ наукѣ и современности. Онъ съ живѣйшимъ интересомъ разспрашивалъ насъ о составѣ преподаванія, о содержаніи и направленіи богословскихъ и философскихъ лекцій въ С.-Петербургской духовной академіи и, въ свою очередь, разсказывалъ о своемъ времени, о своихъ личныхъ занятіяхъ по преподаванію въ университетѣ и академіи, о своихъ трудахъ по переводу Библіи. Мы слышали изъ его устъ разсказы о масонствѣ, о библейскомъ обществѣ, и о многомъ другомъ, и въ свое время записали нѣчто въ своихъ замѣткахъ, о чемъ и сообщили какъ-то разъ Герасиму Петровичу, замѣтивъ, что хорошо было бы ему самому написать свою автобіографію или что либо въ родѣ Записокъ о его замѣчательномъ времени и о важныхъ событіяхъ, въ которыхъ приходилось ему быть дѣйствующимъ лицомъ. Павскій отвѣчалъ, что онъ это уже сдѣлалъ отчасти и продолжаетъ, и при этомъ не позволилъ намъ дѣлать какое либо литературное употребленіе изъ сдѣланныхъ нами замѣтокъ [1]). Теперь, просмотрѣвъ то, что доставлено

[1]) Г. А. Орловъ разсказывалъ намъ, что покойный Герасимъ Петровичъ, поручивъ составленіе очерка своей жизни А. Ѳ. Орлову, когда этотъ очеркъ былъ составленъ, вычеркнулъ своею рукою изъ него все, что разсказывалось въ немъ объ отношеніяхъ его къ митрополиту Филарету. Н. Б.

намъ подъ именемъ его автобіографіи, мы нашли, что это лишь отрывокъ изъ нея, далеко не исчерпывающій всѣхъ обстоятельствъ жизни Герасима Петровича, что въ немъ содержится почти то же, что̀ мы слышали отъ него и занесли въ свои замѣтки. Только въ своей автобіографіи онъ выражается рѣзче и прямѣе, чѣмъ какъ говорилъ въ своихъ разсказахъ при жизни. Во всякомъ случаѣ, эта автобіографія не та, которою пользовался о. Протопоповъ при составленіи своего очерка.

I.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, приступаемъ къ разсказу о жизни и трудахъ Павскаго, при чемъ удержимся по возможности отъ повтореній того, что читатели могутъ найти въ «Очеркѣ» о. Протопопова и въ «Некрологѣ Павскаго», составленномъ его зятемъ, А. Ѳ. Орловымъ, и напечатанномъ въ журналѣ «Духъ Христіанина» за 1863 годъ.

Герасимъ Петровичъ Павскій родился въ 1787 году, въ Павскомъ погостѣ Лугскаго уѣзда. Отецъ его былъ здѣсь сначала дьякономъ, потомъ священникомъ. До десяти лѣтъ Павскій жилъ въ домѣ отца и выучился букварю, часослову и псалтири, а также чтенію гражданской печати и письму. Десяти лѣтъ онъ отвезенъ былъ для обученія въ Петербургъ и опредѣленъ во второй изъ низшихъ классовъ—инфиму Александро-Невской семинаріи. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Павскій въ одномъ изъ отрывковъ своей автобіографіи: «Доживъ до такого времени, которое издавна считается предѣломъ человѣческой жизни, и въ продолженіе семидесяти лѣтъ испытавши многое, я считаю за обязанность познакомить моихъ родныхъ и знакомыхъ со многими превратностями пройденной мною жизни. Не упоминая о первыхъ лѣтахъ жизни, которыя прошли мирно и незамѣтно, я имѣю сказать нѣчто о жизни училищной, учительской и священнической.

«Въ Александро-Невскую семинарію я представленъ въ 1797 г., по исполненіи десяти лѣтъ отъ роду. Въ то время родители, особенно неученые, неохотно отдавали дѣтей своихъ въ семинарію. Но непріятныя вѣсти, ходившія тогда между духовными, будто бы и священническихъ дѣтей возрастныхъ обираютъ въ солдаты, побудили отдать меня въ семинарію не позже 10-ти лѣтъ. Впрочемъ, отецъ мой, записавши меня въ семинарію въ іюлѣ мѣсяцѣ, отпросилъ домой еще на полгода. И потому собственно мое ученіе началось въ мартѣ

1798 года. Опредѣленъ я въ самый низшій классъ—инфиму, но какъ я и дома уже обученъ былъ чтенію какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, и отчасти письму, то въ тотъ же годъ переведенъ былъ въ фару, черезъ годъ—въ грамматику, потомъ черезъ годъ—въ синтаксиму. Объ этихъ низшихъ классахъ, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ приходскому и уѣздному училищамъ, сказать нечего. Тогда занимали всѣ эти классы латынь, латынь и латынь, по грамматикѣ Лебедева и Бантышъ-Каменскаго. Учителями, для меня примѣчательными, были Иванъ Семеновичъ Добронравинъ, умершій въ санѣ протоіерея уже въ 1842 году, и Никита Игнатьевичъ Ясновскій, кончившій жизнь въ Веймарѣ протоіереемъ. Отъ 1802 до 1808 года я проходилъ курсъ семинарскій отъ поэзіи до богословія». На этомъ прерывается автобіографическій отрывокъ, относящійся къ первому учебному періоду жизни Павскаго.

Отправляя своего сына въ Петербургъ, отецъ Павскаго сшилъ ему сюртукъ изъ своей единственной рясы, а самъ остался ходить въ одномъ подрясникѣ. Такова была бѣдность сельскаго священника въ то время! Не раньше, какъ уже въ то время, когда Герасимъ Петровичъ былъ священникомъ Казанскаго собора въ Петербургѣ, отецъ его получилъ отъ сына въ подарокъ новую рясу.

Въ годъ прибытія Павскаго въ Петербургъ для обученія, Александро-Невская главная семинарія была преобразована въ академію, по образцу академій Кіевской и Московской. Съ этого времени она должна была получить значеніе учительскаго института для семинарій провинціальныхъ: въ нее присылали доучиваться (въ старшихъ классахъ) лучшихъ семинаристовъ изъ другихъ городовъ съ цѣлію приготовленія къ учительской должности. Въ виду такого назначенія, въ Александро-Невской академіи, кромѣ обычныхъ предметовъ семинарскаго курса, проходившихся въ низшихъ классахъ—фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, синтаксимѣ, піитикѣ, риторикѣ,—въ старшихъ двухъ, философскомъ и богословскомъ (въ первомъ въ теченіе двухъ лѣтъ, во второмъ—трехъ), положено было преподавать полную систему философіи (краткая исторія философіи, логика, метафизика, нравоученіе, натуральная исторія и физика) и богословія (исторія церкви, герменевтика и чтеніе св. писанія съ толкованіями, система догматико-полемической и нравственной богословіи, пасхалія, высшее краснорѣчіе, сочиненіе диссертацій и проповѣдей), и языки: еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій.

О состояніи семинарій въ учебномъ отношеніи въ это время читатель можетъ составить себѣ понятіе по нижеслѣдующему отрывку изъ письма къ Павскому его товарища по академіи, Владиміра

Игнатьева, поступившаго, по окончаніи курса въ академіи, въ 1814 году, учителемъ въ Новгородскую семинарію. «209 человѣкъ сидятъ у меня въ одномъ классѣ,—пишетъ Игнатьевъ,—да цѣлая сотня въ другомъ. Всѣ хотятъ у одного научиться, какимъ образомъ различные народы на разныхъ діалектахъ и языкахъ прославляли и прославляютъ одного и того же Бога... Какъ занять всѣхъ вмѣстѣ? У всякаго своя способность, свои успѣхи, свой возрастъ. Піиты требуютъ первыхъ началъ грамматики, риторы другаго, философы и богословы—высшихъ свѣдѣній. Какъ удовлетворить всѣмъ въ два часа? Какъ занять всѣхъ единовременно? Я выдумывалъ средства, но всѣ маловажны. Вездѣ долженъ быть я: я—поправить, я—диктовать, я—сказать, я—назначить... Сейчасъ лежитъ у меня на столѣ 400 тетрадокъ по языку греческому, да около сотни по французскому. Требую совѣта у товарищей: какъ въ таковыхъ случаяхъ поступаетъ, напримѣръ, Иванъ Ѳедоровичъ? Хоть объ этомъ двѣ-три строчки. Пособите, наставьте, научите.»

«Не угодно-ли, Г. П., прочесть копію съ письма преосвященнаго митрополита къ нашему ректору, о. Владиміру. «Преподобнѣйшій отецъ ректоръ, любезный братъ! Наставники, думаю, явились уже къ вамъ и вступили въ свое поприще. Богъ да благословитъ сей путь ихъ и вашъ. Однако всѣми предметами новаго плана въ семъ году не заниматься, а окончить курсъ по прежнимъ конспектамъ, прибавя развѣ что будетъ нужно и удобно. Полное ученіе начнется по здѣшней округѣ съ сентября будущаго года. Ожидая извѣстія о суммѣ семинарной, есмь съ любовію вашего преподобія усерднѣйшій доброжелатель Амвросій м. Новгородскій. Сент. 4-го 1814 г.». Изъ этого письма м. Амвросія видно, что въ 1814 г., когда поступилъ на службѣ въ Новгородскую семинарію Игнатьевъ, преподаваніе въ ней, какъ и въ другихъ семинаріяхъ, шло старымъ порядкомъ, хотя преобразованіе семинарій къ этому времени уже произведено было въ проектѣ—коммисіей духовныхъ училищъ. Значитъ, въ такой именно обстановкѣ, какую изображаетъ Игнатьевъ, происходило и ученіе Павскаго въ семинаріи Петербургской.

Пробывъ въ академіи съ 1797 года по 1808 г. включительно, при своей необычайной даровитости, Павскій, занимавшійся лучше всѣхъ (постоянно, отъ инфимы до богословскаго класса включительно, числившійся въ спискахъ первымъ), вынесъ, во первыхъ, полное развитіе формальныхъ мыслительныхъ силъ, во вторыхъ—хорошее знаніе языковъ древнихъ и новыхъ, и, въ третьихъ, весь тотъ запасъ научныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, какой можно было въ то время пріобрѣсть, какъ изъ уроковъ преподавателей, такъ и изъ чтенія

книгъ, которымъ онъ занимался весьма прилежно. Еще будучи студентомъ старой академіи, онъ былъ уже назначенъ учителемъ ариѳметическаго класса въ ней и репетиторомъ по классу медицинскому, получая за свои труды небольшое жалованье. По окончаніи курса въ академіи, Павскій собрался было поступить въ священники. Протоіерей А. Ѳ. Орловъ въ некрологѣ Павскаго разсказываетъ, что еще во время пребыванія Павскаго въ академіи за нимъ числилось священническое мѣсто въ селѣ, доходы съ котораго поступали въ академію въ видѣ платы за его обученіе, такъ какъ воспитанники, имѣвшіе въ живыхъ родителей, не имѣли права на казенное содержаніе, а отецъ Павскаго былъ такъ бѣденъ, что не могъ уплачивать за его обученіе назначенной суммы. Бѣдность Павскаго доходила до того, что, даже будучи студентомъ богословія, онъ ходилъ въ нагольномъ тулупѣ и во все время своего ученія, для того, чтобы добыть нужную книгу, долженъ былъ, подобно Ломоносову или Іоганну Гусу, оказывать тѣ или иныя послуги своимъ болѣе состоятельнымъ въ денежномъ отношеніи товарищамъ, хотя при этомъ всегда умѣлъ держать себя съ полнымъ достоинствомъ. Мы не знаемъ, какое именно священническое мѣсто было зачислено за студентомъ Павскимъ заботливымъ о нуждахъ просвѣщенія митрополитомъ Амвросіемъ. Теперь же, по окончаніи курса, ему предложено было поступить настоятелемъ Екатерининскаго собора въ Лугѣ. Но въ это время какъ разъ состоялось открытіе (17-го февраля 1809 года) С.-Петербургской духовной академіи, въ ея новомъ видѣ, какъ особаго отъ семинаріи высшаго духовно-учебнаго заведенія, по планамъ высочайше учрежденной коммисіи духовныхъ училищъ, и послѣдовалъ вызовъ въ нее лучшихъ воспитанниковъ изъ семинарій и изъ бывшей Александро-Невской академіи. Павскій, ожидавшій, по его словамъ, съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ открытія академіи, о которомъ слухи ходили давно, оказался въ числѣ шести студентовъ, назначенныхъ къ поступленію въ новую академію изъ прежней, Александро-Невской.

Всѣ мѣры приняты были высшимъ правительствомъ къ тому, чтобы новая академія была поставлена вполнѣ на высотѣ своего назначенія. Главная забота состояла въ пріисканіи достойныхъ профессоровъ; этимъ дѣломъ занялись непосредственно сами творцы новой академіи, ея организаторы: митрополитъ Амвросій озаботился богословскимъ классомъ; оберъ-священникъ И. С. Державинъ—классомъ наукъ историческихъ; князь А. Н. Голицынъ—классомъ математики и новѣйшихъ языковъ; М. М. Сперанскій—классомъ наукъ философскихъ и древними языками. По важности класса наукъ словесныхъ, «по обширности свѣдѣній и изящному вкусу,

кои для преподаванія ихъ имѣть нужно», образованіе этого класса поручено было непосредственной заботливости Ѳеофилакта, архіепископа калужскаго. Мы не будемъ входить въ подробное изложеніе организаціи учебнаго дѣла въ академіи, тѣмъ болѣе—въ частности программъ; отмѣтимъ лишь общіе принципы, которые положены въ основу всего этого дѣла. «Добрая метода ученія,—сказано въ проектѣ устава духовныхъ академій,—состоитъ въ томъ, чтобы способствовать къ раскрытію собственныхъ силъ и дѣятельности разума въ учащихся; пространныя изъясненія, гдѣ профессоры тщатся болѣе доказывать свой умъ, нежели возбуждать умъ слушателей, доброй методѣ противны. Необходимо требовать въ урокахъ самыхъ строгихъ отчетовъ и заставлять студентовъ самихъ изъяснять истины, имъ открытыя, вызывая ихъ къ тому задачами и вопросами и поправляя тутъ же ихъ погрѣшности. Собственныя упражненія студентовъ въ сочиненіяхъ есть одно изъ существенныхъ правилъ доброй методы; но сочиненія сіи должны быть сопровождаемы отъ профессоровъ здравой критикой. Указаніе лучшихъ источниковъ домашняго чтенія и отчетъ въ семъ чтеніи принадлежитъ также къ доброму ученію». Относительно преподаванія наукъ постановлено правиломъ, чтобы авторы и учебныя книги профессоровъ были въ своемъ родѣ самыя лучшія, и чтобы они всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ.

Павскій, по словамъ одного изъ некрологовъ [1]), былъ не особенно высокаго мнѣнія о преподаваніи въ новой академіи.

«Насъ учили плохо,—говаривалъ будто бы онъ.—Только и было хорошихъ профессоровъ, что Филаретъ (впослѣдствіи московскій митрополитъ, преподававшій въ академіи богословскія науки и священное писаніе) и Фесслеръ (преподававшій еврейскій языкъ, а потомъ философію). Первый ректоръ академіи, архимандритъ Евграфъ Музалевскій (бывшій ректоръ Троицкой семинаріи, въ Сергіевской лаврѣ), смотрѣлъ на все какъ-то свысока и былъ мистикъ. Богъ ихъ знаетъ, этихъ московскихъ ученыхъ: у нихъ все какъ-то не спроста. Да и въ жизни таковы. Другой ректоръ, архим. Сергій Платоновъ-Крыловъ, былъ человѣкъ добрый, но недалекій».

Этотъ отзывъ Павскаго намъ кажется преувеличеннымъ и не совсѣмъ справедливымъ. Конечно, между преподавателями академіи не было ни одного получившаго спеціальную подготовку къ занятію той или иной каѳедры въ академіи за границей; но между ними

---

[1]) «Странникъ» 1863, II. Н. В.

было не мало лицъ доровитыхъ и обладавшихъ достаточнымъ знаніемъ своихъ предметовъ, пріобрѣтеннымъ чрезъ изученіе печатной литературы своего предмета и предварительною преподавательскою практикой въ академіяхъ Московской и Александро-Невской. Программы, составленныя преподавателями (напечатаны въ «Исторіи Спб. академіи» г. Чистовича), производятъ самое лучшее впечатлѣніе, обнаруживая достаточную эрудицію и полную компетентность каждаго преподавателя въ своей отрасли знаній. Профессоры и ихъ помощники—баккалавры, а равно и отборная учащаяся молодежь, работали со всею энергіей, всецѣло и исключительно отдаваясь своимъ обязанностямъ, такъ какъ общественная жизнь для тѣхъ и другихъ была почти закрыта. Объемъ курсовъ нѣкоторыхъ предметовъ не былъ строго соображенъ съ количествомъ назначеннаго для нихъ времени и, при всей, своей ревности по занятіямъ, профессоры не успѣвали иногда прочитывать въ предначертанный періодъ времени всего предположеннаго по программѣ, да и студенты рѣшительно не могли выслушивать всѣ предметы съ равнымъ успѣхомъ и невольно оставляли одни, чтобы имѣть возможность сосредоточиться на другихъ. Такъ, Павскій, между прочимъ, скоро пересталъ заниматься математикой, которую преподавалъ академикъ Гурьевъ, и сосредоточилъ все свое вниманіе на богословіи съ его отраслями, церковной исторіи и еврейскомъ языкѣ. Пять съ половиною лѣтъ провелъ Павскій въ этихъ трудахъ ученаго самообразованія подъ руководствомъ Филарета и нѣсколькихъ другихъ наставниковъ, и въ 1814 году окончилъ курсъ въ академіи первымъ магистромъ перваго академическаго выпуска. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время достоинство студента опредѣлялось мѣстомъ, какое онъ занималъ въ спискахъ, представляемыхъ каждымъ профессоромъ отдѣльно съ отмѣтками достоинства его отвѣтовъ и семестровыхъ сочиненій; на основаніи отдѣльныхъ списковъ профессоровъ и экзаменскихъ отвѣтовъ составлялся одинъ общій списокъ студентовъ академіи, изъ которыхъ каждый въ семинаріи окончилъ курсъ въ числѣ первыхъ и присланъ былъ въ академію какъ наилучшій въ своей епархіи. Мѣсто, занятое студентомъ въ этомъ спискѣ, опредѣляло степень его достоинства относительно другихъ товарищей, такъ что первый между ними являлся лучшимъ между лучшими. Результатомъ академическихъ занятій Павскаго были: громадная эрудиція въ области предметовъ, которые онъ избралъ своею спеціальностью, въ богословіи, а также въ языкознаніи, и прочныя, самостоятельныя, вполнѣ зрѣлыя, религіозныя убѣжденія, отъ которыхъ онъ не отступалъ ни на одну іоту во всю свою жизнь. Мы скоро познакомимся съ этими прекрасными

убѣжденіями и воззрѣніями, поражающими свѣтлостью и глубиною пониманія религіозныхъ вопросовъ. Здѣсь замѣтимъ, что эта самостоятельность его богословскаго міровоззрѣнія, основанная на непосредственномъ изученіи богословской литературы, какъ святоотеческой, такъ и новой и новѣйшей западной, была источникомъ его необычайно плодотворной дѣятельности, какъ въ кругу академическаго и университетскаго преподаванія, такъ собственно въ сферѣ его дѣятельности научно-литературной, того громаднаго образовательнаго вліянія, какое онъ имѣлъ на нѣсколько поколѣній академическаго и университетскаго юношества, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, источникомъ цѣлаго ряда огорченій и непріятныхъ столкновеній.

По самобытности своихъ научныхъ воззрѣній, при полной, однакожъ, вѣрности символическому ученію церкви, по своему расположенію постоянно обращаться къ западной богословской учености и по умѣнью пользоваться результатами, ею добытыми,—Павскій былъ единственнымъ въ своемъ родѣ ученымъ въ той сферѣ, въ которой приходилось ему дѣйствовать и которая отнюдь не была скудна высокопросвѣщенными дѣятелями, каковы были, напримѣръ, митрополитъ Филаретъ, Иннокентій еп. пензенскій, Ѳеофилактъ Русановъ, І. С. Кочетовъ, А. И. Окуневъ, Т. Ѳ. Никольскій, Ѳ. Ѳ. Сидонскій, А. И. Райковскій, и много другихъ. Магистерская диссертація Павскаго «О книгѣ Псалмовъ» была первымъ литературнымъ трудомъ его. По опредѣленію конференціи академіи, она была напечатана, какъ первый плодъ ученой дѣятельности вновь основанной академіи.

Сряду же по окончаніи академическаго курса, Павскій былъ назначенъ баккалавромъ въ той же С.-Петербургской академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка. От. Протопоповъ говоритъ, что это назначеніе состоялось соотвѣтственно его любви къ названному предмету, и было лучшею наградою за труды академическаго образованія (стр. 19). Самъ Павскій смотрѣлъ на это назначеніе иначе. Онъ считалъ обидою для себя назначеніе на каѳедру еврейскаго языка—предмета второстепеннаго, вспомогательнаго въ составѣ академическаго курса: онъ считалъ себя достойнымъ каѳедры богословія, главной каѳедры въ академіи, для которой былъ, по собственному сознанію, «способнѣе другихъ». Ректоръ академіи, Филаретъ, въ этомъ случаѣ мстилъ будто бы ему за то, что онъ отказался поступить въ монашество. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи самъ Павскій.

«Первымъ моимъ грѣхомъ и обидою для себя было то, что я отказался отъ монашества и тѣмъ выставилъ свой самостоятельный

характеръ. Видя мою любовь къ уединенію и къ наукамъ, ректоръ вполнѣ увѣренъ былъ, что я вступлю въ монашество и къ тому велъ меня завѣтнымъ путемъ. По окончаніи курса, когда другіе, изъ московскихъ, пошли въ монахи, онъ ожидалъ того же и отъ меня; но когда ожиданія его не исполнились, онъ убѣдительно уговаривалъ меня тѣмъ, что было отвратительно для меня: ты будешь чрезъ шесть лѣтъ архіереемъ. Это-то и тяготило меня. Отвратительно показалось ложное понятіе о монашествѣ, будто идутъ въ монахи для чести и выгодъ. Я отвѣчалъ ему, что я, по расположенію, по любви къ занятіямъ и по незнакомству со свѣтомъ, готовъ идти въ монахи, но только въ монастырь уединенный, безъ всякихъ видовъ чести и выгодъ, а единственно ради занятій, полезныхъ для церкви. Зналъ я много погибшихъ, которые изъ видовъ честолюбія въ молодости надѣвали на себя клобукъ, но тутъ же, узнавъ свѣтъ, ругались надъ монашескимъ клобукомъ, проклинали его и себя.

«Когда я отказался отъ монашества, тогда видимымъ образомъ отвратился отъ меня ректоръ. Вмѣсто того, чтобы назначить мнѣ богословскую каѳедру, къ чему я былъ способнѣе другихъ, дали мнѣ еврейскій языкъ.

«Но Богъ устроилъ такъ,—продолжаетъ автобіографъ,—что этотъ предметъ сдѣлался для меня пріятнѣйшимъ занятіемъ. Въ богословіи я долженъ былъ лицемѣрить, лукавить, притворствовать, а здѣсь—говорить правду, и только изрѣдка, чтобы не оскорбить лукавыхъ, промалчивать.

Пусть читатель не смущается послѣдними словами автобіографа. Эти слова вовсе не то значатъ, будто Павскій сознается въ нихъ въ какомъ-либо вольнодумствѣ или еретичествѣ. Дѣло въ томъ, что, при неустановившихся въ то время нормахъ программы богословскаго курса, при спутанности понятій, при недостаточной выработкѣ самобытнаго типа православной богословской науки и при неизбѣжной, вслѣдствіе этого, зависимости преподавателей въ православной академіи отъ сочиненій богослововъ иностранныхъ, подъ вліяніемъ постояннаго опасенія въ средѣ высшаго духовнаго правительства того времени подпасть зависимости въ области духовной науки отъ ученыхъ протестантовъ, проникавшихъ и въ Россію, и даже въ Петербургскую духовную академію (Фесслеръ), ничего не было легче въ то время какъ попасть въ глазахъ тогдашняго духовнаго начальства въ еретики или, по меньшей мѣрѣ, въ неологи. Главными авторитетами для православнаго богослова считались въ то время Буддей (Institutiones Theologiae dogmaticae), Голляцій (Examen theologicum), Турретинъ (Institutio Theologiae) и другіе, главнымъ образомъ, католическіе

богословы [1]). Могло случиться и, по всей вѣроятности, случалось, что авторизованный богословъ, ректоръ, напримѣръ, въ родѣ архимандритовъ Евграфа и Сергія, которыхъ, можетъ быть, и имѣетъ въ виду въ настоящемъ случаѣ Павскій [2]), какъ это слѣдуетъ предполагать въ виду вышеприведеннаго отзыва его объ этихъ лицахъ, а всего вѣроятнѣе, и самъ Филаретъ, слишкомъ близко придерживаясь этихъ католическихъ пособій [3]), выдавали за православную догматику схоластическую рутину, почерпнутую изъ этихъ пособій, и въ этомъ смыслѣ импонировали на преподавателей своимъ авторитетомъ, а всякую попытку отрѣшиться отъ схоластическихъ путъ и установить болѣе научный новый методъ изложенія чисто православ-

---

[1]) См. «Ист. Спб. духовной академіи», Чистовича стр. 189 и слѣд.

[2]) Одинъ случай такого столкновенія разумнаго, истинно православнаго пониманія богословскихъ вопросовъ со старою, схоластическою-католическою теоріею указываетъ извѣстный Ростиславовъ, въ своей книгѣ: «Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи». На одномъ экзаменѣ студентъ, разсуждая о признакахъ втораго пришествія І. Христа, привелъ текстъ: «Солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба» (Мѳ. 24, 29). Павскій, бывшій ассистентомъ на экзаменѣ, спросилъ студента:

— «Въ буквальномъ или переносномъ смыслѣ слѣдуетъ понимать этотъ текстъ?»

Студентъ затруднился отвѣтомъ. Ректоръ за него отвѣчалъ, что нужно понимать въ смыслѣ буквальномъ.

— «Куда же,—возразилъ Павскій,—упадутъ звѣзды?»

— Разумѣется, на землю,—былъ отвѣтъ.

— «Но вы знаете,—сказалъ Павскій,—что по нынѣшнимъ астрономическимъ понятіямъ, вполнѣ несомнѣннымъ, каждая изъ неподвижныхъ звѣздъ въ нѣсколько тысячъ, а иная—и милліоновъ разъ болѣе земли, и что количество ихъ безчисленно. Какимъ образомъ всѣ онѣ упадутъ на землю?»

Ректоръ, размахнувъ рукою, отвѣчалъ рѣзкимъ тономъ: «да вотъ такъ-таки упадутъ!» Скромный Павскій отвѣтилъ на это молчаніемъ. («Объ устр. дух. учил. въ Россіи», стр. 182). Очевидно, ректоръ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія католическаго схоластическаго богословія, стоя на которой въ средніе вѣка римская курія признала еретическими астрономическія понятія Галилея. Не такъ разсуждаетъ объ этомъ православное богословіе. См. объ этомъ въ нашей книгѣ: «Историческіе, критическіе и полемическіе опыты», въ ст. «Новый методъ въ богословіи», стр. 65—70. Также въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1877 г. ст. Н. А. Скабалановича: «Галилей предъ судомъ римской куріи». Считаемъ, впрочемъ, необходимымъ оговориться, что мы не придаемъ безусловной вѣры всѣмъ разсказамъ Ростиславова; но въ то же время не считаемъ себя въ правѣ умолчать о только что приведенномъ фактѣ, разсказанномъ въ сочиненіи довольно распространенномъ и повторенномъ въ «Очеркѣ» о. Протопопова въ «Странникѣ».

[3]) Извѣстно, что знаменитая «Библейская исторія» митрополита Филарета есть не что иное, какъ передѣлка, почти переводъ, одного изъ сочиненій упомянутаго Буддея. Н. Б.

ныхъ воззрѣній — заподозрѣвали въ неологизмѣ. Если относительно трехъ первыхъ ректоровъ С.-Петербургской академіи и нельзя указать какихъ либо фактовъ этого рода, то относительно нѣсколько болѣе поздняго времени ихъ извѣстно нѣсколько. Такъ, знаменитыя лекціи по богословію преосв. Иннокентія (знаменитаго проповѣдника) и даже его «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа» (сначала напечатанные), лекціи Ѳ. Ѳ. Сидонскаго, Ѳ. А. Голубинскаго—на которыхъ воспиталось нѣсколько поколѣній лучшихъ русскихъ богослововъ и просвѣщеннѣйшихъ пастырей, были въ свое время обвиняемы въ неологизмѣ и долго не могли явиться въ печати; а теперь онѣ напечатаны въ духовныхъ академическихъ изданіяхъ или отдѣльными книгами, съ одобренія духовной цензуры. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы лучшее изъ нашихъ «Богословій»—преосв. Макарія, митрополита московскаго, служащее въ настоящее время необходимымъ пособіемъ для каждаго богослова, явилось на свѣтъ въ эпоху начала дѣятельности Павскаго—оно также подверглось бы если не запрещенію, то рѣзкимъ нападкамъ за тѣ «новшества», какія въ немъ естественно усматривались бы въ сравненіи съ вышеупомянутыми и иными католическими авторитетами. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что учебникъ по догматическому богословію того же преосвященнаго автора нѣсколько лѣтъ пролежалъ подъ сукномъ на столѣ у митрополита Филарета, и могъ быть изданъ, съ одобренія св. синода, не раньше, какъ по кончинѣ митрополита Филарета. Такова была слабая сторона митрополита Филарета: онъ не могъ выносить соперничества или конкурренціи новыхъ ученыхъ знаменитостей и умѣлъ парализовать ихъ успѣхъ силою своею всеобъемлющаго авторитета. Павскій былъ сторонникомъ, какъ увидимъ, историческаго изученія догматовъ, въ порядкѣ ихъ генетическаго развитія, а не въ порядкѣ схоластической системы. Если бы онъ сталъ преподавать богословіе по этому методу, ему не было бы это дозволено, по той простой причинѣ, что объ «исторіи догматовъ» (терминъ этотъ въ первый разъ появился въ богословіи протестантскомъ) ничего не говорится въ тѣхъ западныхъ, латинскихъ системахъ богословія, которыя авторизованы были для академическаго преподаванія составителями первоначальныхъ программъ и приняты были Филаретомъ. А что въ томъ методѣ богословія, какого сторонникомъ былъ Павскій, не содержалось ничего неправославнаго, видно изъ того, что «исторія догматовъ», какъ особая составная часть богословскаго курса въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, узаконена новымъ академическимъ уставомъ, редижированнымъ въ этомъ отдѣлѣ первымъ богословскимъ авторитетомъ нашего времени—преосв. Макаріемъ. Въ такомъ порядкѣ вещей нѣтъ

ничего удивительнаго. Богословіе, какъ и всякая наука, развивается и совершенствуется. Борьба противъ богословскихъ воззрѣній и новаго метода Павскаго, съ которою мы ниже познакомимся, предпринятая моск. митр. Филаретомъ и его партіей, была не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ бывшей борьбы двухъ направленій въ области русскаго богословія—латино-польскаго, западническаго, возникшаго на почвѣ средневѣковаго ультрамонтанскаго католичества, пересаженнаго на русскую почву чрезъ посредство старой (XVII в.) кіевской академіи, и направленія велико-русскаго—національнаго, развившагося въ непосредственной связи и подъ вліяніемъ православнаго греко-славянскаго востока. Въ эпоху предъ реформой Петра Великаго эта борьба выразилась въ спорахъ о времени пресуществленія св. Даровъ на евхаристіи; представителями воззрѣнія западническаго, латино-польскаго, были Симеонъ Полоцкій и Сильвестръ Медвѣдевъ съ ихъ школой; сторонниками православнаго ученія были Епифаній Славинецкій, инокъ Евѳимій и братья Лихуды. Въ эпоху Петра борьба возобновилась въ лицѣ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, при чемъ роли нѣсколько перемѣнились, подъ вліяніемъ великой церковной реформы, какова была отмѣна патріаршества: сторонникъ стараго строя русской церковной жизни, Стефанъ Яворскій, котораго считали полукатоликомъ, почерпалъ свою аргументацію главнымъ образомъ изъ католическаго богословія; Ѳеофанъ нашелъ опору для своихъ воззрѣній въ сочиненіяхъ протестантскихъ, и въ его произведеніяхъ богословскихъ не безъ основанія видятъ нѣкоторые (напримѣръ, Хомяковъ — см. его «Богословскія сочиненія», стр. 155) «протестантскую окраску». Національно-православное направленіе въ богословіи потерпѣло пораженіе въ запрещеніи «Камня вѣры» Стефана Яворскаго и въ гоненіи, которому подвергся Ѳеофилактъ Лопатинскій въ эпоху господства на Руси Бироновщины. Дальнѣйшее движеніе русскаго богословія имѣло характеръ эклектическій, съ сильною наклонностью, чѣмъ дальше—тѣмъ больше, эмансипироваться отъ рабства западному богословію, католическому-ли то, или протестантскому, и обосноваться на почвѣ первоисточниковъ православнаго христіанскаго вѣроученія—св. писанія и св. преданія. Проблески этого стремленія замѣтны еще въ главнѣйшіе моменты предшествовавшей борьбы двухъ направленій. Уже іерусалимскій патріархъ Досиѳей [1]), въ эпоху Лихудовъ, своимъ энергическимъ голосомъ старался, и не безъ успѣха, направить русское богословствованіе въ эту сторону, указывая на творенія св. отцовъ церкви восточной, какъ на главнѣйшее пособіе при изученіи православнаго вѣро-

[1]) См. монографію о немъ въ журналѣ «Душеполезное Чтеніе» за 1878 годъ.

Н. Б.

ученія. Первый русскій «докторъ» Палладій Роговскій, изучивъ всю западную богословскую ученость, — для чего долженъ былъ на время сдѣлаться католикомъ,—возвратился на Русь чисто-православнымъ и можетъ быть признанъ основателемъ русскаго богословія—въ московской Славяно-греко-латинской академіи. Ѳеофанъ Прокоповичъ, не смотря на протестантскую окраску своихъ воззрѣній по вопросу объ организаціи церковнаго управленія въ Россіи и по нѣкоторымъ другимъ предметамъ, больше всѣхъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, узаконивъ въ Духовномъ Регламентѣ изученіе св. писанія и св. отцовъ въ духовныхъ школахъ, какъ непосредственныхъ основаній православнаго богословія. Въ патріотическое царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, самобытное русское богословствованіе хотя и не имѣло особенно сильныхъ представителей, въ родѣ Ѳеофана или Стефана, тѣмъ не менѣе выразилось энергически въ проповѣднической дѣятельности Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго, Дмитрія Сѣченова; въ царствованіе Екатерины II, оно нѣсколько подвинулось впередъ въ проповѣдяхъ Гедеона Криновскаго, Георгія Конисскаго, Анастасія Братановскаго, особенно же въ произведеніяхъ св. Тихона Задонскаго и митрополита Платона, къ которымъ отчасти примыкаютъ Евгеній Булгарисъ и Никифоръ Ѳеотокій.

Въ эпоху выступленія Павскаго на поприще учено-литературной дѣятельности, русское богословіе представляло по прежнему тотъ-же эклектическій характеръ, только съ болѣе обильнымъ содержаніемъ, какой оно имѣло въ эпоху Ѳеофана. Правда, въ конспектахъ богословія догматическаго и другихъ предметовъ академическаго курса, составленныхъ митр. Филаретомъ и другими, въ примѣчаніяхъ говорилось, что «профессоръ наукъ богословскихъ почитаетъ для себя обязанностію тѣ только принимать толкованія и объясненія догматовъ вѣры отъ писателей иновѣрныхъ, которыя согласны съ первоначальною нашею церковію», что онъ «намѣренъ держаться наипаче св. отцовъ первенствующей, какъ восточной, такъ и западной церкви, и ихъ свидѣтельства имѣетъ извлекать изъ самыхъ источниковъ и предлагать на твердое замѣчаніе своимъ слушателямъ»; но это было въ то время легче сказать, нежели сдѣлать. Учебникомъ богословія оставалась система православнаго богословія Ѳеофана Прокоповича, сокращенная Иринеемъ Фальковскимъ,—составленная по католическимъ и отчасти протестантскимъ пособіямъ (источники богословія Ѳеофана Прокоповича прекрасно разобраны въ магистерскомъ сочиненіи г. Червяковскаго въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1878 годъ). Пособіями же были неизбѣжный Буддей, Лангій, Шубертъ, Голляцій и другіе, между которыми значится и Озіандеръ, протестантъ, многія мнѣнія

котораго сами протестанты считали еретическими. Этотъ трудъ непосредственнаго обоснованія общехристіанскаго догматическаго ученія на первоисточникахъ—св. писаніи и св. преданіи, въ окончательномъ видѣ и въ одной стройной системѣ, былъ сдѣланъ у насъ не раньше, какъ почти въ наши дни—преосв. Макаріемъ, нынѣшнимъ митрополитомъ московскимъ, по отношенію къ труду котораго «Догматическое богословіе» Филарета архіеп. черниговскаго, лекціи архіеп. Иннокентія Борисова, Ѳ. А. Голубинскаго, Ѳ. Ѳ. Сидонскаго, преосв. Іоанна смоленскаго и другихъ, отличающіяся весьма часто замѣчательнымъ глубокомысліемъ, остроуміемъ, эрудиціей и энергіей самобытнаго богословствованія, могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльные эпизоды и детали къ этой колоссальной работѣ.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, при открытіи С.-Петербургской академіи въ 1809 г., потребность обращенія къ первоисточникамъ православнаго вѣроученія при преподаваніи богословія была сознана со всею силою. Это сознаніе мы понимаемъ какъ результатъ непосредственнаго воздѣйствія митрополита Платона, который въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ съ замѣчательною энергіей настаивалъ на необходимости преимущественнаго изученія св. отцовъ церкви восточной, и самъ былъ знатокомъ святоотеческой литературы и въ этомъ направленіи дѣйствовалъ на ходъ преподаванія въ академіи Московской и воспитывалъ Филарета: послѣдній, сдѣлавшись сначала профессоромъ, а потомъ ректоромъ С.-Петербургской академіи, старался сдѣлать это направленіе господствующимъ въ новой академіи.

Павскій, оставаясь неизмѣнно-вѣрнымъ какъ символическому ученію церкви, такъ и святоотеческимъ твореніямъ, сосредоточился на непосредственномъ изученіи св. писанія и первый у насъ созналъ потребность самостоятельнаго, независимаго отъ схоластическихъ католическихъ традицій и руководствъ, отношенія къ нему, выработалъ самостоятельный взглядъ на значеніе святоотеческихъ твореній, изъ которыхъ далеко не все,—по его мнѣнію, противоположному католическому воззрѣнію, котораго, по видимому, не чуждъ былъ Филаретъ,—входитъ въ сферу св. преданія, какъ первоисточника христіанскаго вѣроученія, открылъ въ нихъ особую область такъ называемыхъ частныхъ мнѣній, не санкціонированныхъ авторитетомъ церкви, а потому отнюдь не имѣющихъ безусловно обязательнаго значенія, которое признавалось старымъ католическимъ богословіемъ, запутавшимся въ безъисходныхъ противорѣчіяхъ (оно и доселѣ въ нихъ путается, признавая безусловный авторитетъ всѣхъ мнѣній св. отцовъ, къ числу которыхъ относитъ и каждаго папу, непогрѣшимаго ex cathedra главу церкви), именно вслѣдствіе того, что усиливалось возвесть на степень общеобязатель-

наго церковнаго ученія всѣ мнѣнія св. отцовъ. Впослѣдствіи времени Филаретъ, если не ошибаемся, оставилъ эту католическую точку зрѣнія; но при началѣ своей дѣятельности онъ ея, по видимому, строго держался. Здѣсь и находятъ себѣ объясненія эти слова автобіографіи Павскаго, на которыхъ мы остановили вниманіе читателя. Но мало того, что Павскій допускалъ принципъ свободнаго критическаго отношенія къ мнѣніямъ св. отцовъ церкви (но не къ символамъ церкви, постановленнымъ и авторизованнымъ соборами): онъ первый созналъ потребность освѣжить наше богословствованіе привнесеніемъ въ него результатовъ новѣйшей западно-европейской богословской учености, въ замѣнъ учености схоластической, старо-католической. По своей спеціальности, онъ искалъ этихъ результатовъ главнымъ образомъ въ сферѣ научнаго изученія св. писанія, что̀ составляло, какъ извѣстно, историческую спеціальность богословія протестантскаго. Стараясь освободиться отъ схоластическихъ путъ католическаго богословія, онъ, разумѣется, отнюдь не думалъ становиться въ противорѣчіе съ символическимъ ученіемъ церкви православной, будучи убѣжденъ, что въ массѣ полемической и экзегетической протестантской литературы, направленной противъ схоластическаго богословія католиковъ, найдется матеріала, пригоднаго для богословія православнаго, гораздо больше, чѣмъ въ первомъ. Лица, стоявшія во главѣ богословскаго образованія временъ Павскаго, этихъ результатовъ новѣйшей западной богословской учености не признавали и не понимали, и вотъ, всякая попытка даровитаго человѣка выйти изъ проторенной колеи, сказать новое слово, вовсе непротивное ортодоксіи, поставить новый вопросъ и дать на него своеобразный отвѣтъ, ввести новый методъ—казалась имъ ересью, неологизмомъ. Въ этомъ именно смыслѣ и слѣдуетъ понимать вышеприведенныя слова Павскаго о томъ, что если бы ему довелось преподавать богословіе, ему пришлось бы притворствовать и лицемѣрить. Между тѣмъ, право-ли было тогдашнее академическое начальство порицая его за толкованіе библіи по руководству Розенмюллера, когда само оно узаконило, въ качествѣ пособія по тому же предмету, сочиненія Озіандера, Тирина, Вейта и другихъ? [1]).

Но обратимся къ преподавательской дѣятельности Павскаго по каѳедрѣ еврейскаго языка. Классъ еврейскаго языка начинался въ академіи въ два часа дня. Павскій приходилъ на лекціи всегда аккуратно, съ своею маленькою библіей на еврейскомъ языкѣ, и разбиралъ въ ней, главу за главой, избранную на извѣстный семестръ книгу св. писанія. Разобравши грамматически еврейскій текстъ каждаго стиха, онъ затѣмъ сличалъ его съ греческимъ и славянскимъ текстомъ.... но пусть объ этомъ говоритъ самъ Павскій:

---

[1]) См. «Ист. Спб. духовн. академіи» Чистовича, стр. 189. Н. Б.

«Не языкъ (еврейскій) былъ мнѣ дорогъ, а св. писаніе, чистое, неискаженное толкованіями; посредствомъ знанія языка я хотѣлъ дойти до вѣрнаго толкованія и пониманія св. писанія. А извѣстно, что вѣрное пониманіе еврейскаго языка ведетъ къ пониманію богословія. Языкъ я узналъ наилучшимъ образомъ, какъ никто не зналъ изъ моихъ соотечественниковъ и даже изъ чужеземцевъ. Хвастовствомъ я могъ бы выставить себя выше; но хвастовства я не любилъ, а зналъ и дѣлалъ для себя, а не на показъ. Это знаніе языка я употребилъ къ тому, чтобы указывать вѣрное толкованіе. По силѣ языка удавалось узнать многое, что противно толкованію нашихъ мудрыхъ толковниковъ. А думать противно нашимъ толковникамъ—бѣда, великая бѣда! Я дѣлалъ свое дѣло съ успѣхомъ, и занимался не просто грамматическими тонкостями языка, но взялъ себѣ за правило вникнуть въ смыслъ писанія, и, при помощи лучшихъ толкователей, объяснялъ сіе писаніе, то-есть вмѣстѣ съ изученіемъ языка велъ учениковъ къ здравой герменевтикѣ (Стурдза въ своихъ Запискахъ—напечатанныхъ нами въ «Русской Старинѣ» за 1876 г.—называетъ ее необузданною герменевтикой, но, конечно, не на его сторонѣ правда). Для объясненія избралъ я не общепонятныя книги св. писанія, а «Псалтирь» и «Пророковъ». Первую—потому, что она употребительнѣе всѣхъ въ церкви, «Пророковъ» — потому; что они въ переводѣ совсѣмъ непонятны. О псалтирѣ я первый высказалъ вѣрныя свѣдѣнія, что она не вся написана Давидомъ, а написана въ разныя времена еврейскаго народа и разными лицами. Послѣ псалтири съ особенною подробностію и охотою разобралъ я книгу Іова, какъ труднѣйшую въ переводѣ. При чтеніи «Пророковъ», я старался всякую рѣчь пророка ставить отдѣльно (т. е. Павскій не слѣдовалъ обычному раздѣленію пророческихъ книгъ на главы, отмѣчая, впрочемъ, и это дѣленіе въ своихъ лекціяхъ) и старался растолковать время, когда произнесено пророчество, обстоятельства, въ какихъ произнесено. Я думалъ, что этимъ способомъ всего лучше указывается смыслъ пророчества. Такимъ образомъ я прочиталъ со студентами всѣхъ пророковъ. Пророка Іезекіиля я перевелъ только для себя, но съ такимъ же подраздѣленіемъ главъ. Студенты съ охотою записывали всѣ мои толкованія и переводы, и такимъ образомъ составили изъ переводовъ и толкованій литографированную книжку, которая и пошла по рукамъ и подала впослѣдствіи поводъ къ розысканіямъ и гоненію»..... Къ этому эпизоду жизни Павскаго мы еще возвратимся.

Н. И. Барсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

V [1]).

Первою милостью, оказанною Пушкину императоромъ Николаемъ Павловичемъ, было его освобожденіе отъ надзора губернатора, предводителя дворянства и архимандрита; о дозволеніи жить въ столицахъ, до времени, хранилось молчаніе. Литературная дѣятельность Пушкина въ 1826 году затихла и вдохновеніе какъ-бы покинуло поэта. Заботы о его собственной участи, его невыясненное общественное положеніе, воспоминаніе о людяхъ еще недавно близкихъ ему, а нынѣ уже не существующихъ, заточенныхъ, сосланныхъ, все это отвлекало Пушкина отъ спокойныхъ бесѣдъ съ музою... 29-го іюля 1826 года онъ написалъ стихотвореніе «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», и помѣтилъ подъ числомъ и годомъ: «У. о с. Р. П. М. К. Б. 24». Буквы—понятныя намъ теперь, черезъ пятьдесятъ три года: «Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева, 24-го іюля» [2]). Изъ писемъ Пушкина къ его брату, къ кн. П. А. Вяземскому, Жуковскому, А. А. Бестужеву, В. К. Кюхельбекеру, К. Ѳ. Рылѣеву—можно себѣ составить довольно ясное понятіе объ отношеніяхъ поэта къ «декабристамъ»: непричастный заговору, Пушкинъ былъ съ ними связанъ лишь общими литературными интересами. Подобно Грибоѣдову,

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 года, томъ XXV, стр. 371—388; 671—690. Томъ XXVI, стр. 291—328; 505—522.

[2]) Въ изданіи г. Анненкова (1855 г., томъ I, стр. 195—196) буквы эти названы «загадочными словами». Главное затрудненіе къ ихъ разгадкѣ заключается въ томъ, что издатель, по ошибкѣ, вторую букву П принялъ за И. Достаточно взглянуть на автографы Пушкина, чтобы убѣдиться въ сходствѣ очертаній обѣихъ этихъ буквъ.

онъ не былъ вовлеченъ въ бурный политическій водоворотъ, въ которомъ погибли другіе. При этомъ, весьма естественно рождается вопросъ: самъ-ли Пушкинъ былъ на столько благоразуменъ и дальновидѣнъ, что не вступалъ въ члены тайнаго общества: или сами они—одни оберегая великаго поэта, а другіе не довѣряя Пушкину — не включали его въ свой союзъ? Черезъ тридцать шесть лѣтъ послѣ декабрьской катастрофы, когда самъ Пушкинъ и бо́льшая часть дѣйствующихъ лицъ кровавой драмы были уже въ могилѣ, остальные—по слову милосердія—возвратились въ Россію изъ глуши Сибири,—два голоса замогильныхъ обвинителей произнесли надъ Пушкинымъ свой приговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснили отношенія «крайнихъ декабристовъ» къ Пушкину. Мы говоримъ объ отзывахъ о немъ покойныхъ И. И. Горбачевскаго и М. А. Бестужева, высказанныхъ ими въ ихъ перепискѣ 1861 года [1]).

Лѣто 1826 года подходило къ концу. Перваго или втораго сентября Пушкинъ былъ въ Тригорскомъ; погода стояла прекрасная и весь день поэтъ провелъ въ прогулкахъ съ семействомъ Прасковьи Александровны; уѣхалъ въ Михайловское часу въ одиннадцатомъ....

«Вдругъ рано, на разсвѣтѣ,—разсказываетъ М. И. Осипова,—является къ намъ Арина Родіоновна, няня Пушкина.... Это была старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая, страстно любившая своего питомца, но съ однимъ грѣшкомъ: любила выпить.... Бывала она у насъ въ Тригорскомъ часто и, впослѣдствіи, у насъ же составлялись тѣ письма, которыя она посылала своему питомцу. На этотъ разъ она прибѣжала вся запыхавшись; сѣдые волосы ея безпорядочными космами спадали на лицо и плечи; бѣдная няня плакала навзрыдъ. Изъ разспросовъ ея оказалось, что вчера вечеромъ, не задолго до прихода Александра Сергѣевича, въ Михайловское прискакалъ какой-то—не то офицеръ, не то солдатъ (впослѣдствіи оказалось—фельдъегерь). Онъ объявилъ Пушкину повелѣніе немедленно ѣхать съ нимъ въ Москву. Пушкинъ успѣлъ только взять деньги, накинуть шинель и черезъ полчаса его

---

[1]) Письма эти и Записки принадлежатъ собранію «Русской Старины». Какъ крайне рѣзкіе о личномъ характерѣ великаго поэта и голословные отзывы, мы не рѣшаемся ихъ приводить. Скажемъ только, что И. И. Горбачевскій—въ письмѣ отъ 6-го іюля 1861 г., изъ Петровскаго завода, утверждаетъ, что имъ, участникамъ заговора 1825-го года: «отъ верховной думы было запрещено знакомиться съ поэтомъ А. С. Пушкинымъ, когда онъ жилъ на югѣ,—и почему? Прямо было указано на его характеръ»...

уже не было. «Чтожъ, взялъ этотъ офицеръ какія нибудь бумаги съ собой?»—спрашивали мы няню.

— «Нѣтъ, родныя, никакихъ бумагъ не взялъ и ничего въ домѣ не ворошилъ».

Фельдъегерь на столько успокоилъ Пушкина, что поэтъ дорогою былъ очень веселъ и шутливъ—шутливъ до шаловливости. Во Псковѣ, во время перекладки лошадей, онъ попросилъ закусить въ тамошней харчевнѣ. Подали щей, съ неизбѣжною приправою нашей народной кухни—малою толикою таракановъ. Преодолѣвъ брезгливость, Пушкинъ хлебнулъ нѣсколько ложекъ и, уѣзжая, оставилъ—угломъ или мѣломъ, на дверяхъ (говорятъ, нацарапалъ перстнемъ на оконномъ стеклѣ) слѣдующее четверостишіе:

Господинъ фонъ-Адеркасъ,
Худо кормите вы насъ:
Вы такой же ресторатеръ,
Какъ великій губернаторъ! [1]).

Изъ Пскова же, для успокоенія П. А. Осиповой и ея семейства, Пушкинъ писалъ:

Pskov. 4 Septembre (1826).

Je suppose, madame, que mon brusque départ avec un фельдъ-егерь vous a surpris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельдъ-егерь. On m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très aimable du baron Дибичъ il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant, dès que je serai libre, je reviens en toute hâte à Trigorsky, où desormais mon coeur est fixé pour toujours.

(Переводъ). Псковъ. 4-го сентября. Я полагаю, милостивая государыня, что мой быстрый отъѣздъ съ фельдъегеремъ удивилъ васъ столько же, сколько и меня. Дѣло въ томъ, что безъ фельдъегеря у насъ ничего не дѣлается; мнѣ дали его для безопасности. Впрочемъ, послѣ весьма любезнаго письма ко мнѣ отъ барона Дибича—мнѣ остается только гордиться. Ѣду я прямо въ Москву, гдѣ надѣюсь быть 8-го числа этого мѣсяца, и лишь только буду свободенъ, возвращусь, какъ можно скорѣе, въ Тригорское, къ которому отнынѣ навсегда привязано мое сердце.

О подробностяхъ представленія Пушкина императору Николаю Павловичу существуетъ множество разсказовъ, не особенно разнорѣ-

---

[1]) Сообщено редакціи псковскимъ уроженцемъ г. П. Рословымъ (22-го іюня 1871 г.). По другимъ сказаніямъ, надпись эта была сдѣлана Пушкинымъ въ одну изъ его предыдущихъ поѣздокъ во Псковъ.

чивыхъ, но довольно сомнительной правдивости. Они заслуживаютъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Первое мѣсто принадлежитъ, разумѣется, разсказамъ самого Пушкина. Въ письмѣ своемъ П. А. Осиповой (отъ 13-го или 15-го сентября) онъ ограничивается немногими словами: «l'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable» (императоръ принялъ меня любезнѣйшимъ образомъ). Впослѣдствіи, при изустныхъ своихъ разсказахъ (въ особенности дамамъ), онъ присоединялъ подробности очень любопытныя, но не всегда одинаковой редакціи. Анна Григорьевна Хомутова въ Воспоминаніяхъ своихъ приводитъ дословный разсказъ поэта:

«Un Feldjeger m'arracha à ma retraite forcée, m'enmena en poste à Moskou, tout droit au Kremlin et encore tout couvert de boue; on m'introduisit dans le cabinet de l'Empereur, qui me dit:

— Ah, bonjour, Pouchkinn, êtes vous bien aise d'être rappelé?

Je lui fis une réponse convenable; l'Empereur causa longtemps avec moi et me demanda:

— Pouchkinn, auriez-vous pris part au 14, si vous êtiez à Pétersburg?

— Absolument, Sire; tous mes amis étaient du complot et je n'aurais pas pu n'en pas être aussi. L'absence seule m'a sauvé et j'en remercie le Ciel.

— Vous avez fait assez de bêtises,—reprit l'Empereur,—j'espère qu'à présent vous serez raisonnable, et que nous ne nous brouillerons plus. C'est à moi que vous enverrez tout ce que vous composerez; désormais c'est moi qui sera votre censeur».

(Переводъ). Фельдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты своимъ возвращеніемъ?

Я отвѣчалъ какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ:

— Пушкинъ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, государь, всѣ друзья мои были въ заговорѣ и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!

— Довольно ты подурачился,—возразилъ императоръ,—надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ.

Филиппъ Филипповичъ Вигель, въ своихъ Запискахъ перепутывая хронологію и импровизируя на историческія темы, говоритъ, будто Государь разспрашивалъ Пушкина объ элегіи «Андрей Шенье», за которую поэтъ былъ призванъ къ отвѣту лишь черезъ два года,

въ августѣ 1828 года. Впрочемъ, разсказъ о какихъ-то очень подозрительныхъ стихахъ, потерянныхъ Пушкинымъ на лѣстницѣ кремлевскаго дворца, сохранился въ кругу его знакомыхъ, увѣрявшихъ, будто бы они слышали о томъ отъ самого Александра Сергѣевича. Дѣло въ томъ, что государь выразилъ (будто бы) желаніе узнать, нѣтъ-ли при Пушкинѣ какого-нибудь новаго стихотворенія. Пушкинъ вынулъ изъ кармана бумаги, захваченныя имъ второпяхъ при отъѣздѣ изъ Михайловскаго, не нашелъ между ними никакого стихотворенія. Выходя изъ дворца и спускаясь по лѣстницѣ, Пушкинъ замѣтилъ на ступенькѣ лоскутъ бумажки, поднялъ и узналъ въ немъ свои стихи къ друзьямъ, сосланнымъ въ Сибирь... Эту бумажку онъ выронилъ вынимая изъ кармана платокъ. Возвратясь въ гостинницу, онъ тотчасъ же сжегъ это стихотвореніе.

Этотъ разсказъ, ходявшій тогда въ кружкѣ знакомыхъ Пушкина, повторялъ впослѣдствіи и близкій пріятель Пушкина С. А. Соболевскій, но повторялъ съ нѣкоторыми только варіантами. По его словамъ, потеря листка съ стихами сдѣлана; листокъ отыскался не во дворцѣ, а въ собственной квартирѣ Соболевскаго, куда Пушкинъ пріѣхалъ изъ дворца; самый листокъ заключалъ «Пророка», съ первоначальнымъ, впослѣдствіи измѣненнымъ, текстомъ послѣдней строфы:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись,
Иди—и съ вервіемъ на выи и пр....

М. М. Поповъ, составитель статьи «Новые матеріалы къ біографіи А. С. Пушкина» [1]), говоря о свиданіи Пушкина съ Государемъ, дѣлаетъ слѣдующую замѣтку:

— «Поэтъ и здѣсь вышелъ поэтомъ. Ободренный снисходительностью государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ, дошло до того, что онъ, незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина, и потомъ говорилъ: «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ!»

Послѣ Карамзина, Пушкинъ—первый изъ русскихъ писателей—удостоился высокой чести имѣть своимъ цензоромъ самого государя императора. Посредникомъ между поэтомъ и августѣйшимъ цензоромъ былъ, по монаршей волѣ, Александръ Христофоровичъ Бен-

[1]) «Русская Старина» изд. 1874 г., томъ X, стр. 683—714. См. стр. 691.

кендорфъ [1]). Слѣдующія три письма, написанныя имъ къ Пушкину, въ періодъ времени съ 30-го сентября по 9-е декабря 1826 года, значительно выясняютъ взаимныя отношенія Пушкина и тогдашняго шефа жандармовъ:

Москва, 30-го сентября 1826 г. № 205.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ! Я ожидалъ пріѣзда вашего, чтобы объявить высочайшую волю по просьбѣ вашей; но, отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вамъ въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія чрезъ письмо.

«Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертіе имъ ваше. Въ сей увѣренности, его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода — когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

«Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ. Объявляя вамъ сію монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете для представленія его величеству доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя.

«Примите при семъ увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности, съ которыми честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою (подписано) А. Бенкендорфъ. Его благородію А. С. Пушкину».

---

[1]) Родился 1783 г., умеръ 11-го сентября 1844 г. Съ 1832 года былъ возведенъ въ графское достоинство.

Его превосходительству Борису Антоновичу Адеркасу.

С.-Петербургъ, 22-го ноября 1826 г. № 112.

«Милостивый государь Борисъ Антоновичъ! Покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать доставить вѣрнымъ путемъ включаемое у сего письмо извѣстному писателю Александру Сергѣевичу Пушкину, отправившемуся изъ Москвы во ввѣренную вамъ губернію. Примите и проч. А. Бенкендорфъ».

А. С. Пушкину.

22-го ноября 1826 года.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или чрезъ посредство мое, или даже и прямо его императорскому величеству.

«Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ, однако же, заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ.

«Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо-ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго. (Подписано) А. Бенкендорфъ».

Эти письма требуютъ поясненія.

Пушкинъ пробылъ въ Москвѣ съ 8-го сентября по 20-е ноября. Свидѣтель пышныхъ празднествъ, которыми первопрестольная столица чествовала императора и его августѣйшее семейство, радушно принятый въ кругъ московской знати, также ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, очарованный блескомъ, роскошью, нѣжнымъ вниманіемъ многочисленныхъ и восторженныхъ поклонниковъ, Пушкинъ невольно поддался обаянію, особенно неотразимому послѣ шести лѣтъ скитаній и затворничества. Оставивъ безъ вниманія первое письмо

А. Х. Бенкендорфа, считая, можетъ быть, совершенно излишнимъ входить въ переписку съ шефомъ жандармовъ послѣ милостиваго пріема, оказаннаго поэту самимъ императоромъ, Пушкинъ читалъ многія изъ своихъ нецензурныхъ стихотвореній въ пріятельскихъ кружкахъ; наконецъ, читалъ своего «Бориса Годунова» у С. А. Соболевскаго, потомъ у Веневитинова. На первомъ чтеніи присутствовали, кромѣ хозяина: П. Я. Чаадаевъ, Д. В. Веневитиновъ, гр. М. Ю. Вьельгорскій и И. В. Кирѣевскій. Второе чтеніе происходило 12-го сентября у Д. В. Веневитинова, при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ. Здѣсь были: братья Веневитиновы, братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Раичъ, Соболевскій, и др. По воспоминаніямъ М. П. Погодина, невозможно передать дѣйствія, произведеннаго на всѣхъ присутствовавшихъ мастерскимъ чтеніемъ этой превосходной драматической поэмы... «Мы собрались слушать Пушкина,—говоритъ онъ,—воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ, и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства—это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами; безъ всякихъ притязаній; съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ; въ черномъ сюртукѣ, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ на-глухо, въ небрежно повязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и, между тѣмъ, піитическую, увлекательную рѣчь!

«Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной»—мы, просто, всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто

вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ восклицаній... напримѣръ, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла!

«Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...

«Явилось шампанское и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ, намъ поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Димитрія Самозванца»: о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ—сцену, которую написалъ онъ гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ вполовину, о чемъ глубоко сожалѣлъ.—О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва-ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ».

На другой день, въ присутствіи Пушкина, Хомяковъ имѣлъ храбрость читать своего «Ермака»... «Мы почти его не слыхали»—говоритъ М. П. Погодинъ. Затѣмъ, Пушкинъ все болѣе и болѣе сходился съ молодыми московскими литераторами: былъ на обѣдѣ у Хомякова въ честь основанія предположеннаго журнала «Московскій Вѣстникъ»... То было жаркое литературное время въ Москвѣ: на сходкахъ литераторовъ обсуждались животрепещущіе вопросы наукъ, художествъ, словесности. М. П. Погодинъ, по собственному сознанію, рѣдко посѣщалъ эти вечера: «страха ради іудейска». Этотъ страхъ не удержалъ Пушкина и за эту смѣлость онъ получилъ отъ А. Х. Бенкендорфа нѣчто въ родѣ «внушенія», выраженнаго въ весьма вѣжливой и мягкой формѣ въ вышеприведенномъ письмѣ, на которое Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ.

Псковъ 29-го ноября 1826 года.

«Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе-меня не чувствуетъ ми-

лость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ—конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя,—то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другаго списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить [1]).

«Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.—Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства, всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ». (Помѣта: получено 9-го декабря 1826 г.).

Получивъ это письмо, Бенкендорфъ тотъ же день отвѣчалъ Пушкину:

С.-Петербургъ. 9-го декабря 1826 г.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ! Получивъ письмо ваше вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піесою, я поспѣшаю васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представлю его императорскому величеству и дамъ вамъ знать о воспослѣдовать имѣющемъ высочайшемъ отзывѣ.

«Между тѣмъ прошу васъ сообщить мнѣ на сей же предметъ всѣ и мелкіе труды блистательнаго вашего пера.

«Примите увѣреніе отличнаго моего уваженія и искренной преданности. (Подписано) А. Бенкендорфъ».

«Его Высокоблагородію А. С. Пушкину».

---

[1]) Списокъ этотъ и былъ возвращенъ поэту, но за то представленныя года черезъ два, упоминаемыя выше Погодинымъ, «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» остались у гр. Бенкендорфа, и до сихъ поръ не отыскиваются ни въ подлинникѣ, ни въ копіяхъ.

Докладъ А. Х. Бенкендорфа государю императору послѣдовалъ 14-го декабря 1826 года. «Борисъ Годуновъ» былъ первоначально названъ Пушкинымъ: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Въ виду этого, къ рукописи было приложено слѣдующее примѣчаніе:

«По названію комедія, данному піесѣ, не должно думать, что это комедія въ такомъ родѣ, какъ называются драматическія произведенія, изображающія странности общества и характеровъ.—Пушкинъ хотѣлъ подражать, даже въ заглавіи, старинѣ. Въ началѣ русскаго театра въ 1705 году, комедіей называлось какое нибудь происшествіе, историческое или выдуманное, представленное въ разговорѣ. Въ спискѣ таковыхъ комедій, находившихся въ посольскомъ приказѣ 1708 года, мы находимъ заглавіе: «Комедія о Франталасѣ царѣ Эпирскомъ и о Мирандомѣ сынѣ его и о прочихъ», «Комедія о честномъ измѣнникѣ въ ней же первая персона Арцухъ (то-есть, герцогъ) Фридрихъ-фонъ-Поплей», «Комедія о крѣпости Грубипона, въ ней же первая персона Александръ, царь Македонскій» и тому подобное Въ подражаніе симъ названіямъ Пушкинъ назвалъ свое сочиненіе: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ».

«Въ сей піесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены, или, лучше сказать, отрывки изъ X-го и XI-го тома «Исторіи Государства Россійскаго», сочиненія Карамзина, передѣланные въ разговоры и сцены. Характеры, происшествія, мнѣнія—все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только разсказъ, расположеніе дѣйствія на сценѣ.

«Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ на литовской границѣ, сцены юродиваго и свиданія самозванца съ Мариною».

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1827 по 1831 годъ, образъ жизни Пушкина поразителенъ своею подвижностью, а литературная его дѣятельность ознаменована неутомимостью, обиліемъ и совершенствомъ произведеній. Въ этотъ періодъ времени геній Пушкина достигъ своего апогея.

Въ исходѣ декабря 1826 года поэтъ отправился въ Москву, гдѣ пробылъ до мая 1827 года; въ маѣ отправился въ Петербургъ; отсюда въ деревню; зиму 1827 — 1828 года провелъ поперемѣнно въ Москвѣ и въ Петербургѣ, весну и лѣто въ Михайловскомъ; осень въ Малинникахъ, тверскомъ имѣніи А. Н. Вульфа. Затѣмъ, какъ-то мелькомъ появляясь поперемѣнно въ обѣихъ столицахъ — въ мартѣ 1829 года Пушкинъ отправился на Кавказъ, былъ свидѣтелемъ дѣй-

ствій нашихъ войскъ и взятія Арзрума; въ ноябрѣ возвратился въ Болдино, свое нижегородское имѣніе. Послѣ того, по самый день его брака, 18-го февраля 1831 года, видимъ Пушкина поперемѣнно то здѣсь, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Съ семействомъ Натальи Николаевны Гончаровой, будущей супруги своей, онъ познакомился въ 1828 году на балѣ, когда ей было лишь шестнадцать лѣтъ. Черезъ два года молва о необыкновенной красотѣ дѣвицы Гончаровой усилила въ сердцѣ Пушкина въ неукротимый пламень первую искру страсти, запавшую при первой встрѣчѣ.

Я восхищенъ, я очарованъ,
Короче—я огончарованъ!

— шутливо говорилъ онъ своимъ друзьямъ. Но любовь эта не была мимолетною прихотью: въ день Свѣтлаго Воскресенья, 6-го апрѣля 1830 года, Пушкинъ сдѣлалъ формальное предложеніе семейству Наталіи Николаевны, а 15-го мая (въ Вознесеніе) была его формальная помолвка. Замѣчательно, что съ 1828 года обуянный какимъ-то лихорадочнымъ стремленіемъ къ перемѣнѣ мѣстъ, стремясь то въ Италію, то въ Турцію, то въ Китай, Пушкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выказывалъ странную, юношескую (что-бы не сказать—ребяческую) влюбчивость въ каждое хорошенькое личико, въ каждую женщину, оказывавшую свое вниманіе великому поэту. Съ 1827 по 1831 годъ, кромѣ новаго стихотворенія Аннѣ Петровнѣ Кернъ, Пушкинъ воспѣвалъ: княгиню З. А. Волконскую, К. А. Тимашеву, *** (ей были посвящены стихи: «Городъ пышный, городъ бѣдный»), *** (to Dawe esq.), Оленину («Ея глаза»), *** («Счастливъ, кто избранъ своенравно»), и мн. др. Въ письмахъ своихъ къ А. Н. Вульфу и Н. М. Языкову Пушкинъ по прежнему не безъ нѣжности отзывался о барышняхъ семейства П. А. Осиповой.

Воспоминанія А. П. Кернъ заключаютъ въ себѣ многія любопытныя черты, относящіяся до Пушкина и его образа жизни въ 1827—1828 годахъ. Приводимъ подлинный ея разсказъ.

«Съ Пушкинымъ я опять увидѣлась въ Петербургѣ въ домѣ его родителей, гдѣ я бывала почти всякій день и куда онъ пріѣхалъ изъ своей ссылки въ 1827 году, проживъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ былъ тогда веселъ, но чего-то ему недоставало. Онъ какъ будто не былъ такъ доволенъ собою и другими, какъ въ Тригорскомъ и Михайловскомъ.... Друзья не покидали его въ ссылкѣ; нѣкоторые посѣщали его, а именно: Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ, а другіе переписывались съ нимъ, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ выработанныхъ мыслей. Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ усердно началъ писать и мы его рѣдко видѣли.

Онъ жилъ въ трактирѣ Демута; его родители на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста; я съ отцомъ и сестрою—близь Обухова моста, и онъ иногда заходилъ къ намъ. Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая дѣтей своихъ, гордилась имъ и была очень рада и счастлива когда онъ посѣщалъ ихъ и оставался обѣдать. Она заманивала его къ обѣду печенымъ картофелемъ, до котораго Пушкинъ былъ большой охотникъ. Въ годъ возвращенія его изъ Михайловскаго, имянины свои праздновалъ онъ въ домѣ родителей, въ семейномъ кружкѣ, и былъ очень милъ. Я въ этотъ день обѣдала у нихъ и имѣла удовольствіе слушать его любезности. Послѣ обѣда Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, подойдя ко мнѣ съ Пушкинымъ, сказалъ: «Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а онъ такъ много вамъ писалъ прекрасныхъ стиховъ».—И въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчала я, — мнѣ-бы надо подарить васъ чѣмъ-нибудь: вотъ вамъ кольцо моей матери, носите его на память обо мнѣ.—Онъ взялъ кольцо, надѣлъ на свою маленькую, прекрасную руку и сказалъ, что дастъ мнѣ другое. Въ этотъ вечеръ мы говорили о Львѣ Сергѣевичѣ, который въ то время служилъ на Кавказѣ, и я, припомнивъ стихи, написанные имъ ко мнѣ, прочитала ихъ Пушкину. Онъ остался ими доволенъ и сказалъ очень наивно: Il a aussi beaucoup d'esprit (онъ также очень уменъ).

«На другой день Пушкинъ привезъ мнѣ обѣщанное кольцо съ тремя брилліантиками и хотѣлъ было провести у меня нѣсколько часовъ; но мнѣ было нужно ѣхать съ графинею Ивеличъ и я предложила ему прокатиться къ ней на лодкѣ. Онъ согласился и я опять увидѣла его почти такимъ же любезнымъ, какимъ онъ бывалъ въ Тригорскомъ. Онъ шутилъ съ лодочникомъ, уговаривая его быть осторожнымъ и не утопить насъ. Потомъ мы заговорили о Веневитиновѣ [1]) и онъ сказалъ мнѣ: «Pourquoi l'avez-vous laissé mourir? il était aussi amoureux de vous, n'est-ce pas?» (Зачѣмъ вы допустили его умереть? онъ тоже былъ влюбленъ въ васъ—не правда-ли?). На это я отвѣчала ему, что Веневитиновъ оказывалъ мнѣ только нѣжное участіе и дружбу, и что сердце его давно уже принадлежало другой. Тутъ, кстати, я разсказала ему о нашихъ бесѣдахъ съ Веневитиновымъ, полныхъ той высокой чистоты и нравственности, которыми онъ отличался; о желаніи его нарисовать мой портретъ и о

---

[1]) Д. В. Веневитиновъ умеръ въ мартѣ 1827 года. Подробности его кончины описаны въ статьѣ А. И. Тургенева (См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 748—749). Его письма къ С. А. Соболевскому (стр. 820—821).

моей скорби, когда я получила отъ Хомякова его посмертное изображеніе. Пушкинъ слушалъ мой разсказъ внимательно, выражая только по временамъ досаду, что такъ рано умеръ чудный поэтъ...

«Зимой 1827 года Пушкинъ писалъ «Полтаву» и, полный ея поэтическихъ образовъ и гармоническихъ стиховъ, часто входилъ ко мнѣ въ комнату, повторяя послѣдній написанный имъ стихъ; такъ, онъ разъ вошелъ, громко произнося: «Ударилъ бой, полтавскій бой!» Онъ это дѣлалъ всегда, когда его занималъ какой нибудь стихъ, удавшійся ему, или почему нибудь запавшій ему въ душу. Онъ, напримѣръ, въ Тригорскомъ безпрестанно повторялъ: «Обманетъ, не придетъ она!»...

«Посѣщая меня, онъ разсказывалъ иногда о своихъ бесѣдахъ съ друзьями и однажды, встрѣтивъ у меня Дельвига съ женою, передалъ свой разговоръ съ Крыловымъ, во время котораго, между прочимъ, былъ споръ о томъ, можно-ли сказать бывывало? Кто-то замѣтилъ, что можно даже сказать «бывывывало». «Очень можно,—проговорилъ Крыловъ,—да только этого и трезвому не выговорить!»

«Разсказавъ это, Пушкинъ много шутилъ. Во время этихъ шутокъ ему попался подъ руку мой альбомъ—совершенный слѣпокъ съ того уѣздной барышни альбома, который описалъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», и онъ сталъ въ немъ переводить французскіе стихи на русскій языкъ и русскіе на французскій. Въ альбомѣ было написано:

Oh, si dans l'immortelle vie
Il existait un être parfait,
Oh, mon aimable et douce amie
Comme toi sans doute il est fait..., etc.

«Пушкинъ перевелъ:

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестный,
То тебѣ подобенъ онъ,
Я скажу тебѣ резонъ:
«Невозможно!»

«Подъ какими-то весьма плохими стихами было подписано: écrit dans mon exil (написано въ моемъ изгнаніи); Пушкинъ приписалъ:

Amour, exil—
Какая гиль!

«Димитрій Николаевичъ Барковъ написалъ одни, всѣмъ извѣстные стихи не совсѣмъ правильно и Пушкинъ вмѣсто перевода написалъ:

На смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такова
Не смѣю громко произнесть!

«Такъ нѣсколько часовъ было проведено среди самыхъ живыхъ шутокъ, и я никогда не забуду его игривой веселости, его дѣтскаго смѣха, которымъ оглашались въ тотъ день мои комнаты. Въ подобномъ расположеніи духа, онъ разъ пришелъ ко мнѣ и, заставъ меня за письмомъ къ меньшой сестрѣ моей въ Малороссію, приписалъ въ немъ:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни Украинскихъ черешенъ!

«Въ этотъ самый день я восхищалась чтеніемъ его «Цыганъ» въ Тригорскомъ и сказала: «Вамъ-бы слѣдовало, однако-жъ, подарить мнѣ экземпляръ «Цыганъ», въ воспоминаніе того, что вы ихъ мнѣ читали»...

«Онъ прислалъ ихъ въ тотъ-же день, съ надписью на оберткѣ всѣми буквами: «Ея прев-ству Аннѣ Петровнѣ Кернъ отъ господина Пушкина, усерднаго ея почитателя. Трактиръ Демутъ, № 10».

Черезъ нѣсколько дней онъ написалъ Аннѣ Петровнѣ извѣстное стихотвореніе.

Я ѣхалъ къ вамъ. Живые сны
За мной вились толпой игривой и т. д.

Онъ писалъ ихъ напѣвая, а при стихѣ:

И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло!

замѣтилъ смѣясь: «разумѣется, съ лѣвой, потому что ѣхалъ назадъ!»

«Въ это время,—продолжаетъ А. П. Кернъ,—онъ очень усердно ухаживалъ за одной особой (Олениной), къ которой были написаны стихи: «Городъ пышный, городъ бѣдный» и «Предъ ней задумавшись стою». Не смотря, однакожъ, на чувство, которое проглядываетъ въ этихъ прелестныхъ стихахъ, онъ никогда не говорилъ о ней съ нѣжностью и однажды, разсуждая о маленькихъ ножкахъ, сказалъ: «Вотъ, напримѣръ, у ней, вотъ какія маленькія ножки, да чортъ-ли въ нихъ?» Въ другой разъ, разговаривая со мною, онъ сказалъ: «Сегодня Крыловъ просилъ, чтобы написать что нибудь въ ея альбомъ». — А что вы сказали?—«А я сказалъ: Ого!» Въ такомъ родѣ онъ часто выражался о предметѣ своихъ вздыханій.

«Пушкинъ очень любилъ карты и говорилъ, что это един-

ственная его привязанность. Онъ былъ, какъ всѣ игроки, суевѣренъ и разъ, когда я попросила у него денегъ для одного бѣднаго семейства, онъ, отдавая послѣдніе 50 рублей, сказалъ: «Счастье ваше, что я вчера проигралъ». По отъѣздѣ отца и сестры изъ Петербурга, я перешла на маленькую квартиру въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Дельвигъ и была свидѣтельницею свиданія его съ Пушкинымъ. Послѣдній, узнавши о пріѣздѣ Дельвига, тотчасъ пріѣхалъ, быстро пробѣжалъ черезъ дворъ и бросился въ его объятія; они цѣловали другъ у друга руки и, казалось, не могли наглядѣться одинъ на другаго. Они всегда такъ встрѣчались и прощались: была обаятельная прелесть въ ихъ встрѣчахъ и разставаніяхъ. Въ эту зиму (1827—1828 гг.) Пушкинъ часто бывалъ по вечерамъ у Дельвига, гдѣ собирались два раза въ недѣлю лицейскіе товарищи его: Лангѐръ, князь Эристовъ, Яковлевъ, Комовскій и Илличевскій. Кромѣ этихъ, приходили на вечера Подолинскій, Щастный, молодые поэты, которыхъ выслушивалъ и благословлялъ Дельвигъ, какъ патріархъ. Иногда также являлся кн. Сергѣй Голицынъ и М. И. Глинка, геній музыки, добрый и любезный человѣкъ, какъ свойственно геніальному существу. Тутъ кстати замѣтить, что Пушкинъ говорилъ часто: «Злы только дураки и дѣти»; не смотря однакоже на это убѣжденіе, и онъ бывалъ часто золъ на словахъ — но всегда раскаявался. Такъ однажды, когда онъ мнѣ сказалъ какую-то злую фразу, и я ему замѣтила: «ce n'est pas bien de s'attaquer à une personne aussi inoffensive» (не хорошо нападать на такое безобидное существо), — обезоруженный моею фразою, онъ искренно началъ извиняться. Въ поступкахъ онъ всегда былъ добръ и великодушенъ. — На вечера къ Дельвигу являлся и Мицкевичъ. Вотъ кто былъ постоянно любезенъ и пріятенъ.—Не помню, встрѣчался ли онъ часто съ Пушкинымъ, но знаю, что Пушкинъ и Дельвигъ его уважали и любили..... Многіе изъ тогдашнихъ писателей читали (у Дельвига) свои произведенія. Такъ, напримѣръ, Щастный читалъ намъ своего «Фариса», переведеннаго имъ тогда (изъ Мицкевича), и заслужилъ вообще одобреніе. За этотъ переводъ Дельвигъ очень благоволилъ къ нему, хоть вообще Щастный, какъ поэтъ, былъ гораздо ниже другихъ второстепенныхъ писателей. Среди этихъ послѣднихъ видное мѣсто занималъ Подолинскій и многими его стихами восхищался Пушкинъ. Особенно нравились ему слѣдующіе:

Когда стройна, и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: гурія пророка.
Съ небесъ на землю сведена.... и т. д.

«Пушкинъ въ эту зиму бывалъ часто мрачнымъ, разсѣяннымъ и апатичнымъ. Въ минуты разсѣянности онъ напѣвалъ какой нибудь стихъ и разъ былъ очень забавенъ, когда повторялъ безпрестанно стихъ барона Розена: «Неумолимая, ты не хотѣла жить!»... передразнивалъ его и голосъ и выговоръ».

Въ дополненіе къ Воспоминаніямъ А. П. Кернъ о стихахъ Подолинскаго прибавимъ изъ собственныхъ его воспоминаній, что стихи: «Когда, стройна и свѣтлоока» дѣйствительно нравились Пушкину, и онъ, примѣняя ихъ къ Аннѣ Петровнѣ, пародировалъ однажды:

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоптъ она...
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена!»

Странная характеристическая черта: великій поэтъ весьма часто обращалъ предметы недавняго благоговѣйнаго восторга въ предметы язвительныхъ насмѣшекъ—и, наоборотъ, благоговѣлъ передъ вещами, недавно возбуждавшими въ немъ насмѣшливость, глумленіе и сарказмъ... Одни и тѣ же лица нерѣдко служили ему сюжетами восторженныхъ похвалъ и злѣйшихъ эпиграммъ, таковы: Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, кн. Шаховской и мн. др. [1]).

---

[1]) Эту измѣнчивость своихъ убѣжденій высказалъ самъ поэтъ въ двухъ своихъ стихотвореніяхъ: въ «Посланіи Катенину» (о портретѣ А. М. Колосовой) и въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ». Въ первомъ онъ говоритъ:

Такъ легкомысленной душой,
О, боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ!

Во второмъ:

Я содрагаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Онъ воспѣвалъ Тригорское, писалъ стихи въ альбомы провинціальныхъ барышень, а между тѣмъ про нихъ же сказалъ:

Но ты, губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ!
Что можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышень твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ.... и т. д.

Приведенное замѣчаніе А. П. Кернъ, что въ зиму 1827—1828 гг. Пушкинъ былъ мраченъ, разсѣянъ, объясняется тѣмъ, что въ это время ему грозила новая бѣда. Именно, въ 1827 г., началось уголовное дѣло по найденнымъ у кандидата Московскаго университета Леопольдова стихамъ Пушкина: «Андрей Шенье», на которыхъ Леопольдовъ сдѣлалъ помѣту, что они писаны «на 14-е декабря 1825 г.». Дѣло длилось почти два года (до сентября 1828 г.), прошло много инстанцій и доходило до государственнаго совѣта (см. «Русскую Старину» 1874 г., т. XI, стр. 584—588) и Пушкинъ подвергался неоднократнымъ допросамъ, которые, къ удивленію, однако не касались отобранной у Леопольдова Пушкинской же «Оды на свободу», не идущей ни въ какое сравненіе съ невинными стихами, послужившими поводомъ къ началу дѣла. Государственный совѣтъ нашелъ, что Пушкина, «за выпускъ стиховъ въ публику прежде дозволенія цензуры, надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ до состоянія Всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 г., то, по силѣ 1-го пункта онаго, избавя его, Пушкина, отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія».—Этимъ и окончилось безцензурное печатаніе сочиненій Пушкина, выше нами указанное, да кромѣ того надъ поэтомъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, какъ видно изъ документовъ, сообщенныхъ намъ г-мъ Берже, относящихся ко времени поѣздки Пушкина на Кавказъ въ слѣдующемъ за рѣшеніемъ дѣла 1829-мъ году.

Вотъ эти документы, сообщенные Ад. П. Берже:

«Донесеніе исправляющаго должность начальника штаба генералъ-маіора барона Остенъ-Сакена тифлисскому военному генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Стрекалову, отъ 12-го мая 1829 года, № 28.

«Извѣстный стихотворецъ, отставной чиновникъ X-го класса Александръ Пушкинъ отправился въ мартѣ мѣсяцѣ изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ, а какъ по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію состоитъ онъ подъ секретнымъ надзоромъ, то по приказанію его сіятельства (графа Паскевича), имѣя честь донести о томъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу не оставить распоряженіемъ вашимъ о надлежащемъ надзорѣ за нимъ по прибытіи его въ Грузію».

Вслѣдствіе этого донесенія генералъ-адъютантъ Стрекаловъ предписалъ тифлисскому губернатору, отъ 14-го мая: «по прибытіи г. Пушкина, обратить на поведеніе его строгое вниманіе и доносить

секретно объ образѣ его жизни», а потомъ сообщилъ графу Бенкендорфу:

«Отношеніе генералъ-адъютанта Стрекалова къ Александру Христофоровичу Бенкендорфу.

«Почтеннѣйшимъ отношеніемъ, отъ 1-го числа настоящаго октября мѣсяца, ваше высокопр—ство изволите требовать отъ меня увѣдомленія: по чьему позволенію извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ предпринялъ путешествіе изъ Тифлиса въ Эрзерумъ?

«Исправляющій должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ увѣдомилъ меня по приказанію главнокомандующаго, въ минувшемъ маѣ, о путешествіи, предпринятомъ г. Пушкинымъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Закавказскій край, и просилъ меня по прибытіи его въ Грузію имѣть за нимъ надлежащій секретный надзоръ.

«Имѣя въ виду высочайшее его императорскаго величества повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ надзоромъ правительства, я, кромѣ предписанія тифлисскому гражданскому губернатору наблюдать за его поведеніемъ, лично обращалъ на образъ его жизни надлежащее вниманіе.

«Путешествіе же изъ Тифлиса въ Эрзерумъ произведено имъ по дозволенію его сіятельства генералъ-фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго, изъясненному въ предписаніи его ко мнѣ, отъ 8-го числа минувшаго іюня мѣсяца, № 194.

«Въ концѣ августа г. Пушкинъ возвратился въ Тифлисъ, откуда по прошествіи нѣсколькихъ дней отправился въ Москву. Предъ отъѣздомъ его изъ Грузіи, я счелъ нужнымъ тогда же увѣдомить о томъ московскаго военнаго генералъ-губернатора и сообщилъ ему высочайшее государя императора повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ секретнымъ надзоромъ правительства. Увѣдомляя о семъ ваше высокопр—ство», и пр. [1]).

Начало 1831 года, въ которомъ Пушкинъ повѣнчался съ Н. Н. Гончаровою, было ознаменовано тяжкимъ для него ударомъ: въ половинѣ января, за мѣсяцъ до свадьбы, Пушкинъ получилъ извѣстіе о кончинѣ его безцѣннаго друга, барона А. А. Дельвига. «Вотъ первая смерть, мною оплаканная», писалъ онъ П. А. Плетневу: «Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига».... «Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія», писалъ онъ черезъ недѣлю послѣ свадьбы. Воспоминаніе о

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879, томъ XXV, стр. 753.

другѣ было неразлучно съ сердцемъ Пушкина до самой его кончины; оно проявлялось, подобно блестящимъ слезинкамъ, во многихъ изъ стихотвореній Пушкина 1831—1837 гг. Эта смерть имѣла громадное вліяніе на характеръ поэта: прежняя юношеская веселость уступила мѣсто глубокой, осмысленной задумчивости, меланхоліи—истинной, а не навѣянной чтеніемъ Байрона. Съ Дельвигомъ Пушкинъ схоронилъ свою юность; могила поэта-идиллика была порогомъ, чрезъ который Пушкинъ вступилъ въ возрастъ мужества....

Самая свадьба поэта была ознаменована многими дурными примѣтами, которыя, по народному повѣрью, не предвѣщаютъ счастья и долгоденствія молодымъ. Посѣщая домъ невѣсты, Пушкинъ обратилъ вниманіе на вывѣску гробовщика, жившаго насупротивъ оконъ квартиры Гончаровыхъ. Это непріятное memento mori заронило въ умъ Пушкина первую мысль написать «Гробовщика»—одну изъ повѣстей Бѣлкина. Эта мысль преслѣдовала поэта до самаго дня его свадьбы, до тѣхъ поръ, покуда не сложилась въ изящный разсказъ. Замѣтимъ еще, что въ февралѣ 1831 года надъ Москвою тяготѣло всеобщее уныніе, слѣдствіе недавней холеры; траурныя платья встрѣчались на каждомъ шагу; разсказы о недавнихъ ужасахъ эпидеміи еще ходили изъ устъ въ уста. Въ Петербургѣ, куда весною уѣхали новобрачные, ихъ ожидали новые ужасы...

Свадьба Пушкина происходила 18-го февраля 1831 года. Во время обряда, Пушкинъ, задѣвъ нечаянно за аналой, уронилъ крестъ; говорятъ, при обмѣнѣ колецъ, одно изъ нихъ упало на полъ... Поэтъ измѣнился въ лицѣ и тутъ же шепнулъ одному изъ присутствовавшихъ: «tous les mauvais augures» (все дурныя примѣты).

Предчувствія не обманули Пушкина, и черезъ шесть лѣтъ эти примѣты, къ несчастію, оправдались.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА КАРАТЫГИНА

1849—1878.

Sunt quaedam bona, sunt mala, sunt mediocria plura...

Martialis.

1879

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ

1805—1879.

I.

«Воспоминанія Петра Андреевича Каратыгина» были напечатаны въ «Русской Старинѣ» съ 1872-го по 1879 годъ. Изъ нихъ читатели наши ознакомились съ дѣтствомъ, отрочествомъ и артистическимъ поприщемъ недавно умершаго ветерана отечественной сцены. Въ этихъ мастерскихъ разсказахъ покойный Петръ Андреевичъ являлся попеременно — то наблюдательнымъ зрителемъ, то дѣйствующимъ лицомъ въ разсказахъ, возбуждавшихъ всегда вниманіе и интересъ въ многочисленныхъ читателяхъ. Съ неподдѣльною, свойственною ему веселостью авторъ разсказывалъ о забавныхъ эпизодахъ закулиснаго быта—и въ то же время умѣлъ быть трогателенъ и искренно-чувствителенъ, когда велъ рѣчь о нѣжно-любимомъ знаменитомъ братѣ... Однимъ словомъ, сердце и умъ покойнаго вполнѣ согласовались другъ съ другомъ.

Печатаемыя нынѣ стихотворенія покойнаго [1]) служатъ, до нѣкоторой степени, дополненіемъ къ его „Воспоминаніямъ“: каждое изъ нихъ—минута истиннаго вдохновенія проблескомъ патріотизма, чувства дружбы, или невольной добродушной шутки и легкой сатиры. Въ посланіяхъ, куплетахъ и эпиграммахъ мы узнаемъ того же Каратыгина, съ его юморомъ, остроуміемъ и глубокимъ чувствомъ. Искусно владѣя стихомъ, Петръ Андреевичъ съ 1849-го года обратилъ серьезное вниманіе на эту сторону своего таланта и въ теченіе тридцати лѣтъ написалъ немало стихотвореній, изъ которыхъ бо́льшая часть была напечатана, остальныя же сохранились въ рукописи.

---

[1]) Они сообщены редакціи его сыномъ — Петромъ Петровичемъ Каратыгинымъ, которому покойный завѣщалъ права литературной собственности на всѣ свои сочиненія.

Изъ этихъ рукописныхъ стихотвореній, нѣкоторыя не могутъ быть напечатаны по своему интимному характеру, или по безцеремонности содержанія. Соблюдая строгое приличіе въ кругу общественномъ, покойный былъ чуждъ жеманства въ мужской компаніи близкихъ знакомыхъ — и, не скупясь на экстромты и шутливые куплеты, допускалъ въ нихъ иногда слишкомъ крупную соль... Понятно, что этого рода стихотворенія не могутъ быть достояніемъ печати; да имъ и самъ покойный никогда не придавалъ ни достоинства, ни значенія. Что же касается до эпиграммъ на нѣкоторыхъ дѣятелей міра театральнаго и литературнаго—то мы не желали-бы навлечь ими укоры на память Петра Андреевича: лица, хотя сколько нибудь знавшіе покойнаго, могутъ подтвердить, что, при сатирической складкѣ ума, онъ не упускалъ случая сказать острое слово или эпиграмму — безъ всякой злобы или ненависти къ ихъ предмету. Шутливость не покидала его даже и на смертномъ одрѣ; при малѣйшемъ ослабленіи мучительныхъ, невыносимыхъ припадковъ болѣзни, покойный (быть можетъ, для ободренія окружавшихъ его родныхъ) бывалъ и любезно-веселъ и остроумно-забавенъ. Нынѣ, печатая его эпиграммы и сатиры, мы вовсе не желаемъ этимъ доказать, что раздѣляемъ мнѣніе покойнаго, выражаемое въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; но дѣлаемъ это, во первыхъ, изъ уваженія къ его памяти; во вторыхъ, въ сознаніи, что не имѣемъ права отнимать у потомства тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ оно произнесетъ свой приговоръ надъ артистомъ, писателемъ и человѣкомъ. Покойный былъ послѣднимъ представителемъ артистическаго семейства Каратыгиныхъ, которое съ 1794-го года, въ теченіе восьмидесяти пяти лѣтъ, подвизалось на отечественной сценѣ... Подобныхъ фамилій нельзя вычеркивать изъ лѣтописей русскаго театра.

Независимо отъ сборника стихотвореній П. А. Каратыгина, считаемъ необходимымъ пополнить его автобіографію, уже извѣстную читателямъ — воспоминаніемъ о празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея покойнаго артиста (1-го марта 1873 года) и разсказомъ о его послѣднихъ минутахъ, записаннымъ со словъ очевидцевъ.

II.

Утромъ 1-го марта 1873 г. въ квартиру юбиляра прибыли депутаціи отъ публики и отъ собранія художниковъ. Затѣмъ слѣдовали депутаціи отъ труппъ драматической, оперной и балетной. Ихъ прибытію предшествовала присылка Всемилостивѣйше пожалованной юбиляру золотой медали на андреевской лентѣ. Драматическая труппа, съ В. В. Самойловымъ во главѣ, поднесла Петру Андреевичу адресъ слѣдующаго содержанія:

«Многоуважаемый Петръ Андреевичъ! Сегодня исполнилось полвѣка вашего артистическаго служенія искусству,—служенія, которое встрѣтило глубокое сочувствіе публики и вашихъ товарищей.

«Вашъ талантъ, какъ артиста и какъ писателя, всегда высоко цѣнился любителями русской сцены, а вашъ блестящій умъ и тактъ стяжали вамъ вполнѣ почетное мѣсто въ обществѣ,—и мы, ваши товарищи, считаемъ долгомъ выразить вамъ нашу душевную признательность за то, что въ продолженіе полустолѣтія вы высоко держали артистическое знамя. — Вы съ справедливою гордостью можете сказать, что имя Каратыгиныхъ пребудетъ незабвеннымъ въ исторіи русскаго театра.

«Поздравляя васъ нынѣ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ вашей артистической дѣятельности, мы надѣемся, что вы еще долго будете украшать наше общество» (слѣдуютъ подписи гг. артистовъ въ числѣ пятидесяти).

Тронутый вниманіемъ товарищей, Петръ Андреевичъ отвѣчалъ имъ:

— «Благодарю васъ, мои добрые товарищи и сослуживцы! Я глубоко цѣню ваше любезное вниманіе ко мнѣ, вашъ радушный привѣтъ! Въ нынѣшній знаменательный для меня день, я могу подвести жизненные и служебные итоги: если я не заслужилъ того почета, который вы мнѣ сегодня оказываете, то смѣю надѣяться, что относительно моихъ сослуживцевъ, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ, въ продолженіе пятидесяти-лѣтней службы моей, я всегда поступалъ какъ честный товарищъ; а потому смѣло теперь могу смотрѣть въ глаза каждому изъ васъ, и, положа руку на сердце, говорю, что совѣсть моя не упрекнетъ меня ни въ одномъ дурномъ поступкѣ противъ васъ... Если же я кого нибудь обидѣлъ иногда моею неумѣстною шуткой, такъ простите старику: это было не злословіе, а празднословіе... «Умъ съ сердцемъ не въ ладу», сказалъ Грибоѣдовъ,—а жить въ ладу съ моими товарищами было постояннымъ моимъ желаніемъ. Еще разъ, благодарю васъ за вашу ласку и вниманіе ко мнѣ!»

Въ пять часовъ особая депутація прибыла къ юбиляру съ приглашеніемъ на торжественный обѣдъ, устроенный въ помѣщеніи собранія художниковъ [1]). Зала собранія, обращеннаго въ зимній садъ, была иллюминована и украшена въ лавровыхъ вѣнкахъ щитами съ надписями названій всѣхъ театральныхъ піесъ, написанныхъ юбиляромъ. На сценѣ, драпированной занавѣсями, поставленъ былъ, среди цвѣтовъ и зелени, бюстъ Петра Андреевича [2]). Среди залы помѣщены были подарки: изящной работы серебряные чайный и столовый сервизы, въ двухъ большихъ шкатулкахъ. Вошедшаго въ залъ юбиляра привѣтствовали звуки музыки и громкія ру-

---

[1]) Тогда—въ Тропцкомъ переулкѣ, домъ Руадзе.

[2]) Бюстъ этотъ, нарочно сдѣланный къ этому дню, былъ работы молодаго художника П. А. Дылева.

коплесканія; предсѣдатель собранія художниковъ поднесъ ему и прочелъ слѣдующій адресъ [1]):

«Петръ Андреевичъ! Полвѣка протекло съ того дня, когда вы, предшествуемые славой, присущей уже вашей фамиліи, впервые вступили на поприще артиста. Съ тѣхъ поръ нѣсколько поколѣній—свидѣтели вашего честнаго и неутомимаго служенія искусству.

«Вы служите ему, какъ артистъ и какъ писатель.

«Множество произведеній вашего пера обогатило репертуаръ отечественнаго театра. Участіе ваше въ устройствѣ множества домашнихъ спектаклей во всѣхъ слояхъ населенія столицы, начиная съ царскихъ чертоговъ, служило къ развитію и укрѣпленію въ нашемъ обществѣ любви къ отечественному театру.

«Совѣтамъ и указаніямъ вашимъ, какъ наставника драматическаго искусства, обязанъ своимъ развитіемъ безсмертный Мартыновъ.

«Наконецъ, личный характеръ вашъ, исполненный добродушія и высокаго благородства, навсегда пребудетъ поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ вступающихъ на подмостки театральнаго міра.

«Привѣтъ и слава вамъ, Петръ Андреевичъ!

«Сердечно чествуемъ васъ, какъ артиста, писателя и высоко-достойнаго человѣка».

По прочтеніи адреса, все весьма многочисленное общество приглашено было за обѣденные столы. Подлѣ юбиляра сидѣла его дочь и А. М. Каратыгина. Въ продолженіе обѣда сказаны были рѣчи... но не повторяемъ ихъ, не повторяемъ и описанія этого прекраснаго въ лѣтописяхъ отечественнаго театра праздника, такъ какъ оно въ свое время напечатано въ газетахъ («Голосъ» 1873 г., № 64, и отд. брошюра въ 16 д., стр. 21). Если-же мы привели выше нѣкоторые адресы, поднесенные тогда заслуженному артисту, то именно потому, что въ нихъ характеризуется эта достойная личность и заслуги, ею оказанныя русскому театру и русскому обществу.

---

[1]) Этотъ адресъ, написанный на листѣ бристольскаго картона, былъ украшенъ превосходно выполненными рисунками профессора А. Г. Шарлеманя и рамкою въ видѣ гирлянды, на которой написаны заглавія всѣхъ оригинальныхъ и переводныхъ піесъ П. А. Каратыгина.

III.

Прошло шесть лѣтъ...

Наплывъ новыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ піесъ окончательно смѣнилъ на текущемъ репертуарѣ произведенія Петра Андреевича Каратыгина; годъ отъ году рѣже и рѣже видѣла публика на сценѣ маститаго артиста.

Почти изо дня въ день, черезъ шесть лѣтъ послѣ юбилейнаго празднества Петра Андреевича—именно позднимъ вечеромъ 4-го марта 1879 года, у него обнаружились первые признаки неизлечимой болѣзни—органическаго разстройства кровеносной системы вслѣдствіе охрященія аорты: неукротимое сердцебіеніе, паническій страхъ, отекъ конечностей. Домашній врачъ покойнаго, его искренній другъ, Л. А. Гейденрейхъ не скрылъ отъ семейства больнаго всей опасности его положенія, требовавшаго постояннаго ухода и неослабнаго попеченія. Въ томъ и въ другомъ покойный не терпѣлъ недостатка... Крѣпкая натура больнаго, при содѣйствіи лекарствъ, долго не уступала приступамъ болѣзни... Люты и безжалостны были эти приступы, въ особенности удушье (преимущественно въ ночную пору). Силы страдальца истощались вмѣстѣ съ его терпѣніемъ. Въ промежутки ослабленія припадковъ онъ становился веселъ, разговорчивъ, шутливъ—по прежнему; самый голосъ не измѣнялъ страдальцу. Желая пріободрить и утѣшить окружающихъ, Петръ Андреевичъ разсказывалъ имъ о дняхъ юности, о начальныхъ годахъ своей карьеры; припоминалъ анекдоты, экспромты... умственныя способности и память не покидали его до послѣдней минуты; не смерть была ему страшна: онъ боялся страданій. Завѣтнымъ его желаніемъ была кончина мгновенная, подобная кончинѣ его отца, Андрея Васильевича, умершаго внезапно, отъ аневризма; но Богу не угодно было даровать ему той же кончины и минуту вѣчнаго успокоенія онъ искупилъ шестью мѣсяцами страшныхъ мученій. Въ первый день свѣтлаго праздника (1-го апрѣля) Петра Андреевича посѣтилъ одинъ изъ близкихъ знакомыхъ. На его вопросъ: лучше-ли больному? страдалецъ отвѣчалъ:

— „Христосъ воскресъ!“—А вы воскресли?

— «Нѣтъ, все сижу на этомъ креслѣ».

Въ другой разъ, спрашивая у кого-то изъ домашнихъ не исхудалъ-ли онъ отъ своей болѣзни, Петръ Андреевичъ произнесъ съ улыбкою:

— Впрочемъ, если у меня вода, то мудрено изсохнуть!..

Страдальцу видимо бывало пріятно вызвать улыбку на лицѣ собесѣдника; въ своей веселости онъ старался находить источникъ душевнаго успокоенія. Бывали, однако, зачастую дни, въ которые больной, сознавая свое безнадежное положеніе, отвергалъ всѣ успокоительныя увѣренія и отвѣчалъ на нихъ насмѣшливою улыбкой...

— Я не дитя,—говорилъ онъ при этомъ, — и очень хорошо понимаю, что отъ подобныхъ болѣзней, въ мои годы, не выздоравливаютъ. Не на столько-же я ослабѣлъ умомъ, чтобы не сознавать, что пора мнѣ и на покой... Не Маѳусаиломъ-же мнѣ быть! И какъ пораздумаю, оглянусь на свое прошедшее, сличу съ настоящимъ, то могу сказать—пора! Артистическая моя карьера давно кончена, литературная — тоже; съ молодымъ поколѣніемъ не схожусь; изъ сверстниковъ моихъ никого нѣтъ... Извѣстность свою я пережилъ, давно! И на сценѣ, и въ литературѣ я былъ, въ послѣдніе годы, смѣшнымъ анахронизмомъ!

Эти горькія слова, исторгаясь изъ глубины сердца старика, сопровождались слезами.

Къ началу лѣта небольшой кругъ добрыхъ знакомыхъ Петра Андреевича порѣдѣлъ: одни уѣхали на дачу, другіе за границу. Жаркіе дни мая мѣсяца были особенно мучительны больному; о переѣздкѣ на дачу, при тогдашнемъ его положеніи, нельзя было и думать. Оно лишь къ концу іюня улучшилось на столько, что больнаго перевезли на Каменный островъ, на дачу, на которой онъ жилъ тринадцать лѣтъ [1]). Свѣжій воздухъ, зелень и мѣсто, къ которому больной такъ привыкъ, оказали на него благотворное вліяніе..... Приближалась осень, очень бурная и ненастная. 24-го августа было наводненіе, немногимъ слабѣе ноябрьскаго въ 1824 году; низменныя части и окрестности города (въ томъ числѣ и Каменный островъ) были залиты водою съ трехъ до десяти часовъ по полудни. Эта буря потревожила больнаго болѣе нравственно, нежели физически: онъ помѣщался во второмъ этажѣ и вода достигала лишь второй ступеньки лѣстницы, потомъ быстро пошла на убыль. Тѣмъ не менѣе, Петръ Андреевичъ провелъ безпокойный вечеръ и со слѣдующаго-же дня торопилъ домашнихъ возвращеніемъ въ городъ...

Наканунѣ переѣзда онъ, сидя у окна, долго всматривался въ садъ и въ сосѣднія строенія, оглядывалъ свою скромную комнатку. Не предчувствіе, но полное сознаніе, что ему не суждено болѣе увидѣть эти мѣста, волновало страдальца...

— «Прощай, мой милый, тихій уголокъ, мое гнѣздышко!—произнесъ онъ со вздохомъ.—Спасибо за минувшее, безвозвратное время!»

Къ вечеру онъ былъ перевезенъ въ городъ. Послѣднія три недѣли его жизни (съ 3-го по 24-е сентября 1879 г.) можно назвать періодомъ мучительной агоніи. Пріемы хлороформа заглушали приступы удушья, изрѣдка смѣнявшіеся то забытьемъ, то бредомъ. За два дня до кончины больной исповѣдался и пріобщился Св. Тайнъ; съ утра воскресенья (23-го сентября) страданія его ожесточились; силы видимо упадали, лицо и глаза приняли мертвенный

[1]) Дача г. Байера, бывшая А. М. Каратыгиной.

оттѣнокъ. Въ понедѣльникъ утромъ, онъ велѣлъ позвать къ себѣ одного изъ сыновей и, пожимая ему руку, невнятно произнесъ:

— Умираю!

— Это пароксизмъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Можетъ быть... но мучительный... что мой пульсъ?

Пульса уже не было; удары сердца были замирающіе, перерывистые...

Въ десять минутъ перваго часа по полудни, 24-го сентября 1879 года, П. А. Каратыгинъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Отечественная печать сочувственно отнеслась къ кончинѣ заслуженнаго артиста; уваженіе къ нему товарищей и публики выразилось при его погребеніи, 27-го сентября. Гробъ былъ украшенъ шестью вѣнками—приношеніями отъ труппъ: русской, французской, нѣмецкой, оперной, балетной, и с.-петербургскаго собранія художниковъ... Немногочисленно было стеченіе публики; не было и десятой доли той громадной массы, которая сопровождала 26 лѣтъ тому назадъ гробъ Василія Андреевича Каратыгина... но тѣмъ не менѣе пріятно было видѣть уваженіе и слезы обоего пола лицъ, удостоившихъ присутствіемъ своимъ скромное его погребеніе. Жалѣли артиста, писателя; жалѣли и человѣка—добраго и честнѣйшаго.

Прахъ Петра Андревича Каратыгина покоится на Смоленскомъ кладбищѣ, близъ (малой) церкви св. Троицы, въ группѣ могилъ его отца († 1831), матери († 1859), второй его супруги († 1861) и двухъ дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ († 1838 и † 1851).

О личномъ характерѣ покойнаго не распространяемся: онъ весь, какъ въ зеркалѣ, отразился въ „Воспоминаніяхъ“ Петра Андреевича; какъ человѣкъ, и онъ, конечно, не чуждъ былъ недостатковъ, но не беремся судить о нихъ въ виду свѣжей его могилы и въ сознаніи нашего глубокаго и искреннѣйшаго уваженія къ его памяти и тѣмъ высокимъ душевнымъ качествамъ, которыми покойный умѣлъ привязывать къ себѣ всѣхъ лицъ близко его знавшихъ. Миръ его праху!

Ред.

Л. К. Шульгину, на его отъѣздъ въ Шенкурскъ

21-го февраля 1849 года.

Шульгинъ! простимся мы съ тобой
По русски, какъ велитъ обычай:
Прощай, кутила записной,
И здравствуй, новый городничій!
Не все-жъ тебѣ баклуши бить,
Пора, пора зажить иначе!
Дай Богъ счастливо путь свершить,
Дай Богъ и пользы и удачи!

* * *

Среди Архангельскихъ лѣсовъ,
Тебя да не постигнетъ бѣдство!
Иди-жъ отъ Невскихъ береговъ,
Ты къ морю Бѣлому въ сосѣдство!
Лети, лети, въ великій постъ,
Въ странѣ холодной, полудикой,
Занять теперь свой важный постъ,
Хотя, конечно, не великой!

* * *

Но тамъ, быть можетъ, ты найдешь
Полезныхъ много наслажденій;
Занявшись дѣломъ, отдохнешь
Отъ петербургскихъ треволненій...
Кто въ маломъ городѣ счастливъ,
Тому не надобно столицы!
Будь честенъ, добръ и справедливъ—
И Богъ воздастъ тебѣ сторицей!

* * *

Прощай, лихой мой кирасиръ!
Ты, отъ пировъ да отъ обѣдовъ,
Перенесешься въ новый міръ—
Въ страну зырянъ и самоѣдовъ...
Но ты вездѣ найдешь людей,
Ты, Левъ Кондратьевичъ, философъ...
Отъ тѣхъ далекихъ дикарей
Пришелъ нашъ славный Ломоносовъ!

* * *

«Все къ лучшему!» сказалъ Панглосъ;
«Все въ пользу!» говоритъ Писанье...

---

[1]) Левъ Кондратьевичъ Шульгинъ (умеръ около 1863 г.), бывшій адъютантъ Я. И. Ростовцева, ротмистръ Орденскаго кирасирскаго полка — одинъ изъ ближайшихъ знакомыхъ автора. Былъ городничимъ попеременно въ Шенкурскѣ, Великихъ Лукахъ, Сольцахъ и Порховѣ. Оставилъ по себѣ память вполнѣ добраго и хлѣбосольнаго человѣка.

И такъ, разстанемся безъ слезъ,
Другъ другу скажемъ: «до свиданья!»
Простимся-же, на этотъ разъ,
Съ виномъ въ рукѣ, по петербургски,
Авось вспомянешь—и не разъ—
Ты о друзьяхъ своихъ въ Шенкурскѣ!

Чистый понедѣльникъ.

Бѣжитъ недѣля разгульная,
Поджавъ замасленный свой хвостъ;
Ей, на закуску, выступая,
Далъ киселя великій постъ!
Какъ послѣ непогоды—море,
Народъ улегся и молчитъ...
Лишь грустное Memento mori
Церковный колоколъ гудитъ!

* * *

Куда съ похмѣлья людямъ жутко!
Покаяться пришелъ чередъ...
И для души и для желудка
Какой тяжелый переходъ!
Блины смѣнилися грибами,
Тетерьки, рябчики—треской,
Забавы, пѣсни—прмосами,
И радость шумная—тоской!

* * *

За дѣло принялся бездѣльникъ;
Разгулъ скоромный присмирѣлъ;
Хлопочемъ въ чистый понедѣльникъ
Омыть себя отъ грязныхъ дѣлъ!
Но что-жъ окажется на дѣлѣ?
Мы Бога обмануть хотимъ:
Мы маску постную надѣли
И лицемѣримъ передъ Нимъ!
Въ церквахъ мы шепчемъ боязливо:
«Не внади въ судъ съ Своимъ рабомъ»...
И—«да исправится»—фальшиво,
Неисправимые, поемъ!

Л. К. Шульгину.

23-го іюля 1849 г.

Сбылось, сбылось мое пророчество, Шульгинъ:
Ты съ лихвой платишь долгъ царю и государству,
Какъ честный офицеръ, какъ добрый гражданинъ,
Ты другомъ сталъ добра и личный врагъ коварству!
Пріятно слышать мнѣ, пріятель мой, какъ ты

Полезно трудишься на благо просвѣщенья,
Какъ исправляешь ты и нравы и мосты,
Заборы, общества, дороги и строенья!
Трудись пока умъ свѣжъ и бодръ могучій духъ,
Держися правила, какъ человѣкъ разумный:
Что лучше, хоть въ глуши, оставить добрый слухъ,
Чѣмъ глохнуть безъ толку въ столицѣ нашей шумной!

Споръ.

(Старая погудка на новый ладъ).

1750 г.

Однажды въ древности сѣдой,
Въ началѣ вѣка,
О первенствѣ между собой
Заспорили всѣ члены человѣка:
«Никто не отобьетъ мои права!»
Кричала громко Голова.
«Я старшая надъ всѣмъ; природа такъ рѣшила
И потому меня всѣхъ выше помѣстила.
Во мнѣ престолъ души; разсудокъ—царь всему;
Во мнѣ и взоръ, и слухъ, и вкусъ, и обонянье,
Даръ слова... все покорствуетъ уму;
На мнѣ лежитъ вѣнецъ созданья!
Что-бъ было безъ меня? Во мнѣ все родилось:
Художества, искусства и науки»....
— Нѣтъ, голова, постой! Не поднимай свой носъ!
Кричатъ обиженныя Руки.
— Безъ насъ не сдѣлала-бъ ты ничего во вѣкъ!
Все, все у насъ въ рукахъ!... Руками все берется....
И что̀ такое человѣкъ,
Когда отъ рукъ онъ отобьется?
Съ мечомъ въ рукѣ—онъ побѣдитъ весь міръ;
Руками хлѣбъ насущный добываютъ,
И золото—земной кумиръ,
Предъ кѣмъ всѣ голову склоняютъ,
Все тѣ-же руки доставляютъ!
Куда ни оглянись вокругъ—
Все дѣло человѣчьихъ рукъ!
«А мы-то чтожъ?—сказали Ноги:
Вы насъ не ставите ни въ грошъ,
А вѣдь безъ насъ далеко не уйдешь!
Намъ дайте мѣсто... Прочь съ дороги!
Мы все привыкли попирать!
Какъ, напримѣръ, войскамъ безногимъ воевать?
Не будь-ко насъ, такъ вы увидили-бы сами,
Что въ свѣтѣ все пошло-бы вверхъ ногами!»
— Постойте! Споръ у васъ идетъ о пустякахъ!

Тутъ Сердце вскрикнуло въ-сердцахъ:
— Мнѣ, мнѣ отдайте предпочтенье;
Во мнѣ одномъ душа и животворный жаръ;
Я двигатель всего, всего безъ исключенья:
Я—кровяной резервуаръ!
Безъ сердца родъ людской—презрѣнное творенье!
Безъ вашихъ рукъ и ногъ, все-жъ человѣкъ живетъ,
А выньте сердце—онъ умретъ!
Во мнѣ—огонь любви, при мнѣ молчитъ разсудокъ...
— «А я-то что-жъ?—вдругъ заворчалъ Желудокъ—
Не худо-бъ и о насъ вамъ рѣчь завесть:
Хоть я не на виду, но все же, какъ ни есть—
Необходимо людямъ ѣсть;
А если человѣкъ меня кормить не станетъ,
Того гляди и ноги онъ протянетъ!
Вы, братцы, не шутите мной:
Изъ хлѣба, говорятъ, трудится родъ людской,
А хлѣбъ-то—для меня, такъ стало,
Во мнѣ одномъ и есть животное начало!
Вы сыты—оттого и расхрабрились такъ,
А что-то скажете вы завтра, на-тощакъ?
Нѣтъ, господа, я вашъ фундаментъ...
Я—провіантскій департаментъ!
Неблагодарные! Не даромъ я сержусь;
Вы вспомните: во время ночи
Всѣ члены спятъ, а я безъ отдыха тружусь,
Какъ низкій вамъ чернорабочій!
Вы захвораете, такъ я же виноватъ,
Терплю въ чужомъ пиру похмѣлье:
Изъ вашихъ глупостей, хоть радъ, или не радъ,
А долженъ принимать всѣ гадости и зелья!
Еще позвольте вамъ сказать,
Что кто умѣетъ здѣсь кормить да угощать,
Такъ ваша братья тутъ на все готова:
И Сердце—ни гу-гу, и Голова—ни слова,
И Ноги шаркаютъ, и Руки руку жмутъ!»...
— Молчи, животное! всѣ закричали тутъ:
— Тебя заставимъ мы смириться!
И члены всѣ пошли къ Юпитеру судиться.
Въ то утро, говорятъ, всесильный богъ боговъ
Былъ самъ желудкомъ нездоровъ.
Онъ, дѣло выслушавъ, нахмурилъ бровь
И молвилъ: «что мнѣ вамъ сказать на это?
Точь въ точь, какъ члены вы иного комитета:
Шумите, спорите, а все изъ пустяковъ!
Всѣ благородны вы, хоть вышли всѣ изъ грязи,
И первенства вамъ нечего искать:
Въ природѣ все должно быть въ неразрывной связи
И созданы вы всѣ другъ другу помогать»....
Но тутъ Юпитеръ вдругъ уйти поторопился—
И этотъ важный споръ ничѣмъ не разрѣшился.

Смерть холостяка.

(Отрывокъ).

Выходитъ духовникъ съ дьячкомъ
Отъ старика полуживаго;
Родня, съ нахмуреннымъ лицомъ,
Толпится около больнаго.
Наслѣдники кончины ждутъ,
Готовятъ за́-живо поминки,
Глаза себѣ платками трутъ,
А въ нихъ не видно ни слезинки.
Межъ тѣмъ, страдальца-старика
Сухая грудь едва дышала;
Его холодная рука
Чего-то кругъ себя искала;
Съ тоской металась голова
И, тусклыми водя очами,
Шепталъ несвязныя слова
Онъ посинѣлыми губами!
Вблизи стоялъ угрюмый врачъ,
Крутя цѣпочку часовую....
Такъ надъ преступникомъ палачъ
Готовитъ петлю роковую.
Онъ репутацію имѣлъ
Какъ докторъ ловкій, осторожный...
И въ міръ безвѣстный онъ умѣлъ
Снабдить больнаго подорожной.
Онъ былъ въ душѣ гомеопатъ;
Имѣлъ особую методу:
Болѣзни всякой этотъ хватъ
Давалъ полнѣйшую свободу...
И какъ-бы ни страдалъ больной,
Ему онъ пособлялъ едва-ли:
Поправится—такъ самъ собой,
А нѣтъ—такъ поминай какъ звали!
Справляя въ деревянный домъ
Своихъ больныхъ лѣтъ двадцать слишкомъ,
Онъ «уморительнымъ» трудомъ
Завелся каменнымъ домишкомъ.
Страннѣй всего, что этотъ домъ
Случайно помѣщался рядомъ
Съ аптекой и гробовщикомъ....
Тутъ, обезпеченный подрядомъ,
Съ сосѣдями нашъ врачъ лихой
Жилъ хорошо....
Но вотъ, больной
Замолкъ, затихъ, угомонился,
Поникъ сѣдою головой
И въ лучшій міръ переселился!

***

Старикъ, старикъ! Зачѣмъ ты жилъ?
Къ чему твое предназначенье?
Зачѣмъ богатства накопилъ?
Кому достанется имѣнье?
Скупой, бездѣтный холостякъ,
Ты чуждъ былъ наслажденьямъ чистымъ....
И прожилъ вѣкъ свой кое-какъ,
Холоднымъ, черствымъ эгоистомъ!
Друзей ты не нашелъ ни въ комъ;
Съ родней былъ сухъ и остороженъ;
Свой домъ держалъ ты подъ замкомъ,
А къ сердцу ключъ былъ невозможенъ!
Не сдѣлавъ никому добра,
Ты умеръ.... всѣ, единогласно,
Рѣшили, что—давно пора,
Что даже ты и жилъ напрасно!
Такъ на землѣ тебѣ пришлось
Сыграть въ ничью.... судьба такая!
Но лучше-ль было-бы—вопросъ,
Когда-бъ пора пришла другая?
Женился-бъ ты.... Какой расчетъ?
Съ дурной—бѣда, съ красивой—вдвое:
Жена—красотка, мужъ—уродъ....
Понятно слишкомъ остальное.
Положимъ, былъ-бы ты отецъ—
Да, что-жъ бы выигралъ ты этимъ?
Брюзга суровый и скупецъ
Не можетъ быть пріятенъ дѣтямъ.
Прощай, старикъ! Лежи-себѣ!
Къ твоей могилѣ путь заглохнетъ....
И даже завтра о тебѣ
Никто не вспомнитъ и не охнетъ!
Но ты-ль одинъ? Года идутъ,
И съ ними люди исчезаютъ....
Всѣмъ «память вѣчную» поютъ,
А не о многихъ вспоминаютъ.

1851 г.

Президенту республики французской.

1851 г.

Не задирай свой носъ ты отъ своихъ продѣлокъ!
Тебѣ помогъ нашъ безтолковый вѣкъ:
Ты—не великій человѣкъ,
А твой народъ сталъ слишкомъ мелокъ!

2-е декабря 1852 года.

(Посланіе къ Галламъ).

Народъ, смѣявшійся надъ всѣмъ, безъ исключенья,
Какъ ты, въ нашъ вѣкъ, смѣшно упалъ!
Къ чему вели тебя всѣ бунты и волненья?
Ты изъ огня да въ полымя попалъ.
Гдѣ-жъ эта спорная, несчастная свобода?
Гдѣ-жъ ваша къ вольности любовь?
Гдѣ братство, равенство, права народа—
Изъ-за чего свою вы проливали кровь?
Теперь вы новому властителю такъ рады,
Вы головы предъ нимъ рѣшились преклонить....
Зачѣмъ-же строили вы ваши баррикады?
«Зачѣмъ-же огородъ вамъ было городить?»
Колпакъ фригійскій прочь! Долой игрушки эти!
И, правду-матку говоря:
Вы не сыны отечества, а дѣти....
Лягушки вы, просящія царя!
Король Филиппъ чурбаномъ вамъ казался:
Прогнали вы его не въ добрый часъ....
Теперь, наоборотъ, такой вамъ гусь попался,
Что цаплей сдѣлался для васъ!
И вы всѣ съежились, хвосты свои поджали,
Склеили для него опять разбитый тронъ
И раболѣпно закричали:
«Да здравствуетъ Наполеонъ!»
Кричите громче.... Бѣсноваться
Привыкъ ты, взбалмошный народъ....
Наполеона вамъ втораго не дождаться,
А третій васъ къ добру не приведетъ!

22-е октября 1853 года [1]).

(Посвящается Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу).

Давно-ли Турціи Россія не страшна?
Откуда дерзости набрались оттоманы?
Давно-ль побѣдные штыки и знамена
Переносили мы за грозные Балканы?
Или напомнить имъ былыя времена,

---

[1]) Эти стихи были первыми, по времени, патріотическими стихами на войну 1853 — 1856 гг. Они удостоились особеннаго вниманія Государя Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора), дозволившаго посвятить ихъ своему имени.

Мѣста—свидѣтели кровавыхъ споровъ,
Гдѣ обезсмертили на вѣки имена
Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ?
Еще-ли Турція не знаетъ русскихъ силъ!
Забыла Наваринъ, Чесму, Адріанополь,
Очаковъ и Кагулъ, Браиловъ, Измаилъ—
И бой недавній, гдѣ едва не отворилъ
Своихъ воротъ Константинополь?
И смѣетъ Турція намъ объявлять войну!
Иль въ заблужденіи она по волѣ рока?
Или нашло затмѣнье на луну?
Или къ паденію близка звѣзда востока?
«Коль Турція сама насъ вызвала на бой.
За дѣло правое на брань вооружимся
И въ упованіи на Господа душой
Во вѣки мы не постыдимся!»
Съ любовію къ царю и съ вѣрой во Христа
Пойдемъ! И насъ спасутъ во время грозной битвы
Святаго благодать всесильнаго креста
И церкви православныя молитвы!

Моя исповѣдь [1]).

(Посвящается Петру Андреевичу Каратыгину).

Благодарный, безъ жеманства
Я знакомымъ всѣмъ твержу,
Что по милости дворянства
Дома бариномъ сижу....
А не то-бы, по неволѣ,
Сѣренькій надѣвъ кафтанъ,
Мнѣ пришлось на бранномъ полѣ
Турокъ бить, да англичанъ!
Радъ-бы тѣломъ и душою,
Радъ-бы послужить царю....
Но, въ борьбѣ съ подагрой злою,
Я-ли воиномъ смотрю?
Не съ моимъ маіорскимъ пузомъ

[1]) Стихи великолуцкаго помѣщика А. Н. Креницына, подъ псевдонимомъ «Барона Пузина». По болѣзни онъ отказался принять начальство надъ дружинами псковскаго ополченія, до котораго, впрочемъ, въ 1855 году не дошла очередь. Креницынъ — умеръ 28-го августа 1865 года въ Псковской губ., въ своемъ селѣ Мишневѣ. Это былъ весьма образованный человѣкъ, имѣлъ обширную библіотеку и весь погруженъ былъ въ литературу и политику. Замѣтки о немъ и его стихотвореніяхъ помѣщены нами въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1865 г., книга XVI.

Воевать, маршировать,
Сдуру гнаться за французомъ,
Англичанина сломать!
Недругъ «вытяжки» печальной
И «носковъ» заклятый врагъ,
Вялъ мнѣ «маршъ церемоньяльный»,
Не по вкусу «бѣглый шагъ»!
Не терплю орудій гула,
И, краснѣя, сознаюсь,
Что ружейнаго я дула
Пуще старыхъ бабъ боюсь....
Чуждъ душой трубы военной,
Чуждъ и распрей и тревогъ!
Изо всѣхъ боговъ вселенной
Не по мнѣ лишь браней богъ!
Крови я не проливаю;
Домосѣдъ и гастрономъ,
Если кровь гдѣ допускаю
То лишь въ ростбифѣ одномъ!
Служба—вѣтренная дама,
Смѣхъ иль слезы, гробъ иль балъ;
Для инаго—эпиграмма,
Для другаго—мадригалъ!
Кто—на службѣ веселится,
Кто—отъ службы радъ бѣжать...
Вѣдь не даромъ говорится:
Служба—мачиха и мать.
Мнѣ-жъ на лонѣ музъ и дружбы,
Съ чистой совѣстью вдвоемъ,
Хорошо мнѣ и безъ службы
Въ тихомъ уголкѣ моемъ!
Рабства памятно мнѣ ложе,
Горя памятенъ мундиръ
И съ его татарской рожей
Полковой мой командиръ!
«Фрунтъ—основа просвѣщенья!»
Скалозубъ рѣшилъ давно....
Я стыжусь такого мнѣнья:
Глупо черезчуръ оно!
Въ простотѣ великолуцкой,
Я, ей-ей, не виноватъ,
Что мнѣ ножъ—«уставъ рекрутской».
Что такъ близокъ мнѣ солдатъ!
Человѣкъ миролюбивый,
Съ горемъ пополамъ поэтъ,
Не нахальный, не спѣсивый
Гражданинъ, анахоретъ!
Не съ моимъ пытливымъ взглядомъ
На природу и людей,

Тратить время надъ прикладомъ
Иль пригонкою ремней!
Дико для меня капральство,
Скалозубъ не по плечу,
Слово чуждо мнѣ «начальство»—
На распашку житч хочу!
Пусть слыву я либераломъ!
Честь, какъ родину, люблю,
Предъ невѣжей-генераломъ
Постою я за себя!
Аксельбантамъ, эполетамъ,
Наглецу и прошлецу,
Лесть мнѣ сыпать-не по лѣтамъ...
Дѣлать фрунтъ—мнѣ не къ лицу!
И еще разъ, вамъ, дворяне,
Благодарность приношу,
Что, какъ наши ополчане,
Я кафтана не ношу!

20-го ноября 1855 г.

Баронъ Пузинъ.
(А. Н. Креницынъ).

Отвѣтъ.

(27-го февраля 1856 г.).

Ты правъ, ты правъ, почтенный Пузинъ,
Что въ ополченье не пошелъ:
Для фронта ты ужъ слишкомъ грузенъ
И больно на подъемъ тяжелъ!
И безъ тебя нашлось довольно
За Русь, за вѣру воевать
И нехотя и добровольно
Свой лобъ подъ пулю подставлять!
«Стальной щетиною сверкая»,
Не испугали мы враговъ;
Живя безпечно, Русь святая
Не запасла и штуцеровъ...
Плохія вышли намъ игрушки;
Враги заморскіе хитры:
У нихъ—ланкастерскія пушки,
У насъ—штыки да топоры!
У нихъ—желѣзныя дороги,
Флотъ съ Архимедовымъ винтомъ....
Тутъ, какъ ни будь здоровы ноги,
Не угоняться за врагомъ.
Была пора, какъ въ чистомъ полѣ
Умѣла Русь поппровать;

Туда не вызовешь ужъ болѣ
Заморскихъ нехристей опять!
А онъ, злодѣй, людей не тратитъ:
«На то-де пушки намъ даны!»
Но на Руси головъ не хватитъ
Для этой пушечной войны...
Пришлось тутъ не подъ силу нашимъ,
Неравенъ былъ кровавый пиръ:
Мы только топорами машемъ,
А въ насъ валяютъ изъ мортиръ!
. . . . . .
Миръ заключатъ, и христіане
Молебны станутъ пѣть въ церквахъ;
Въ мечетяхъ также мусульмане
Провозгласятъ: «великъ Аллахъ!»
Вотъ кровь ужъ болѣе не льется,
«Восточнаго вопроса» нѣтъ....
Теперь вопросъ: кому придется
Дать Богу за него отвѣтъ?
И вотъ, псковское ополченье
Ни съ чѣмъ домой къ себѣ придетъ....
Такъ, правъ ты, Пузинъ, безъ сомнѣнья,
Что поберегъ, братъ, свой животъ!

Льстецу стихоплету.

Мартъ 1856 г.

Пріятель, ты себѣ опять подачки просишь....
Но только въ этотъ разъ кому ты угодишь?
Ты стараго царя безсмысленно поносишь
И новому царю безсовѣстно кадишь!
Но кто бранитъ отца, тотъ оскорбляетъ сына....
Такъ благосклоннаго не жди себѣ словца....
Въ твоихъ стихахъ не духъ свободный гражданина,
А ладонъ приторный ничтожнаго льстеца!

25-го марта 1856 года.

Въ день Благовѣщенья великій и святой,
Какъ новый Гавріилъ, нашъ Царь христолюбивый
Благовѣствуетъ намъ и радость и покой
И осѣняетъ Русь онъ мирною оливой!
И въ умиленіи признательный народъ
Творитъ въ церквахъ хвалебныя молитвы
И многолѣтіе Державному поетъ....

И память вѣчную—кто палъ на полѣ битвы....
«Сердца царей въ десницѣ Бога силъ»...
По сердцу прекратилъ Царь бранную тревогу....
«Не побѣдилъ насъ врагъ, вражду Онъ побѣдилъ!»
Миръ людямъ на земли и слава въ вышнихъ Богу.

Столѣтіе русскаго театра.

1756—1856 гг.

1.

Столѣтній юбилей нашъ театральный
Былъ праздникъ истинно печальный....
И о театрѣ я могу сказать одно:
Онъ, вѣку не доживъ, состарѣлся давно!

2.

Маститый Жихаревъ—неважный хоть писатель,
Но важенъ онъ по древности своей....
Чтобы отпраздновать столѣтній юбилей,
Намъ нуженъ былъ столѣтній предсѣдатель!

Дебютъ К....на.

27 го апрѣля 1856 г.

Случалось-ли вамъ видѣть барскій домъ,
Въ которомъ нѣкогда хозяинъ жилъ на славу?
Искусство, вкусъ и умъ видны были во всемъ
И уваженье всѣхъ онъ пріобрѣлъ по праву....
Въ томъ домѣ чудные бывали вечера;
Что день—то наслажденью праздникъ....
Но вотъ прошла его блестящая пора—
И золото смѣнила мишура,
А, вмѣсто барина, въ дому—купецъ-лабазникъ.
Снаружи тотъ-же домъ; за то внутри—
Хоть не смотри!
Вчера случилось мнѣ въ театрѣ видѣть
Кой-что.... да не хочу я никого обидѣть:
Воронѣ мудрено въ гнѣздѣ орлиномъ быть...
Но я молчу, чтобы гусей не раздразнить!

Сенковскому [1]).

Сенковскій не плѣшивъ, но все-жъ сдается намъ,
Что доказательства его—не аксіома,
И если объ умѣ судить по волосамъ,
То выйдетъ, что Сократъ глупѣй Авессалома.

Король Лиръ.

Когда-то «дурака» игралъ артистъ намъ въ «Лирѣ».
Теперь онъ взялъ другую роль
И изъ шута вдругъ сдѣлался король!
Вотъ такъ-то все превратно въ мірѣ...
Какъ пораздумаешь—увѣришься въ одномъ
(Но это только между нами):
. . . . . .
. . . . . .

Парусъ [2]).

14-го февраля 1859 г.

Какъ на матушкѣ, на Москвѣ-рѣкѣ,
Разыгралася погодушка!
Бѣлый «Парусъ» развернулся тамъ,
На раздольи, на свободушкѣ!
Расходился тамъ славянскій умъ,
Вспомня время до-петровское;
Потягаться въ правѣ съ Питеромъ
Захотѣла мысль московская,
Бросить слово, но не на вѣтеръ,
Ради просвѣщенья прочнаго....
И вотъ «Парусъ» понатужился
Съ вѣтру сѣверо-восточнаго!
Хлещетъ «Парусъ» насъ со всѣхъ сторонъ,
Что мы «войлоки и неучи!»
Правда, точно, вещь хорошая,
Да скажи ее умѣючи!
Любо плыть на вольномъ «Парусѣ»,

---

[1]) Въ какой-то статьѣ «Библіотеки для Чтенія» Сенковскій доказывалъ, что обиліе волосъ на головѣ—признакъ умственной развитости.

[2]) Органъ московскихъ славянофиловъ съ И. С. Аксаковымъ и Погодинымъ во главѣ; изданіе было запрещено послѣ перваго же нумера.

Гдѣ пути для насъ свободные...
Но нейди-же сломя голову
Тамъ, гдѣ камни есть подводные!
Лопнулъ «Парусъ» съ первымъ выѣздомъ!..
Не расчелъ пловецъ заранѣе:
«Ольха исподволь сгибается,
«Вкрутѣ гибкій вязъ ломается!»

Нестору Кукольнику.

(Отвѣтъ на приглашеніе сотрудничать въ «Весельчакѣ»)

Благодарю тебя за лестное посланье;
Но льстивой рѣчью ты не обольщай меня...
Я, право, устарѣлъ для новаго изданья—
И вижу, что во мнѣ нѣтъ прежняго огня!
Была пора и весело шутилось
(Шутить нельзя-же цѣлый вѣкъ),
Тогда все тѣшило, живѣе сердце билось;
Но скучный весельчакъ—отсталый человѣкъ.
Такіе шутники бываютъ слишкомъ жалки;
Боюся, чтобъ и я на нихъ не походилъ...
А мудрено-же быть веселымъ изъ-подъ палки—
Не хватитъ ни ума, ни времени, ни силъ.
Такой обманъ Плюшару [1]) былъ-бы горекъ!
Ты самъ-бы, какъ Гамлетъ, сказалъ потомъ:
«Гдѣ шуточки твои, мой бѣдный Йорикъ?»
И посмѣялся бы надъ пошлымъ острякомъ.
И что́ писать? Надъ чѣмъ шутить и забавляться?
Мы ополчился на «брань» .....
Мы, какъ Искандеры, хотимъ надъ всѣмъ ругаться
И чуть не «родственно» отечество браним!
Ужели въ этомъ нашъ прогрессъ и просвѣщенье?
Не этимъ-ли хотимъ вступить съ Европой въ связь?
И такъ на Западѣ все русское въ презрѣньи,
А мы еще сильнѣй родное топчемъ въ грязь!
Клевещемъ на себя все гнусное и злое,
Кричимъ, что ни души, ни совѣсти въ насъ нѣтъ....
И птица не грязнитъ гнѣздо свое родное,
А мы.... мы пачкаемъ себя на цѣлый свѣтъ!
Какой тутъ «Весельчакъ»? Тутъ легкой шутки мало;
Веселой остроты ужъ время, братъ, прошло...
Такую соль подай, чтобъ горло ободрало,
И въ носъ бы кинулось, и за сердце зажгло!

---

[1]) Издатель «Весельчака» вмѣстѣ съ Сенковскимъ.

Куда тутъ мнѣ?!.. Какой я литераторъ?!
Я—человѣкъ простой.... безъ толку не кричу....
Не желчный либералъ, не красный агитаторъ...
Шучу—коль весело, а скучно—замолчу!

«Весельчакъ».

Ну вотъ, «Весельчака» прочелъ я первый нумеръ—
Однако-жъ со смѣху никто изъ насъ не умеръ....
Въ насмѣшку назвали журналъ «Весельчакомъ»—
И кажется, что насъ, подписчиковъ, дурачутъ:
Плюшару весело съ Брамбеусомъ вдвоемъ,
Намъ вовсе не смѣшно, а деньги наши плачутъ!

«Сѣверная Пчела» подъ новой редакціей.

Читая нынѣшнюю «Пчелку»,
Спросить хочу я, подъ рукой,
Скажите: что-же въ этомъ толку,
Что въ ней редакторъ сталъ другой?
Чѣмъ онъ газету улучшаетъ?
Не въ томъ-ли весь ея прогрессъ,
Что старое она ругаетъ,
А новое возноситъ до небесъ?
Хоть противъ прежняго она и шире стала,
Но не прибавилось ума въ ней ни на грошъ,
И тутъ пословицу невольно приведешь:
«Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ,

ШУТКИ, ОСТРОТЫ, ЗАМѢТКИ, МЕЛОЧИ [1]).

(Записки Богуславскаго).

Князь Меншиковъ разсказывалъ однажды будто бы видѣнный имъ сонъ: «Ко мнѣ является вдругъ чортъ, посланный сатаною съ приказаніемъ взять у меня—главноуправляющаго водами—душу и доставить немедленно къ нему. Признаюсь, сначала я очень струсилъ, но потомъ, оправившись, очень вѣжливо спросилъ чорта: надъ какими именно водами начальника нужна его мрачности душа, потому что въ Россіи ихъ два: я—князь Меншиковъ, министръ водъ морскихъ, и графъ К* . . . . . , главноуправляющій рѣчныхъ и канальскихъ водъ?

— Само собою разумѣется,—отвѣчалъ посланникъ,—что водъ преимущественно канальскихъ.

— Въ такомъ случаѣ, не угодно-ли пожаловать къ графу Петру Андреевичу.

Отправились, входимъ въ кабинетъ, гдѣ, обложенный со всѣхъ сторонъ бумагами и планами, сидѣлъ за работою графъ. «По преисподнѣйшему повелѣнію сатаны, пожалуйте сейчасъ вашу душу», сказалъ ему чортъ.

— Какой вздоръ, —хладнокровно отвѣчалъ ему К* . . . . .,—съ чего сатана это выдумалъ? У меня есть пламенное усердіе къ службѣ, но души никогда не бывало.

Я засмѣялся,—прибавилъ Меншиковъ,—и проснулся.

Говорятъ, что Государь Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ замысловатомъ снѣ, сказалъ Меншикову:

— Князь, я позволяю тебѣ видѣть какіе угодно сны, но только прошу никому ихъ не разсказывать.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 103—124; 217—240; 545—561.

Меншиковъ, возвратясь однажды изъ поѣздки по Россіи, разсказывалъ, что, ѣхавши по московскому шоссе, онъ такъ вдругъ занемогъ спазмами, что не доѣзжая станціи принужденъ былъ остановиться въ шоссейной казармѣ. Боль ежеминутно усиливалась и онъ, желая исполнить долгъ христіанина, послалъ въ ближайшее село за священникомъ. На исповѣди ему весьма по казалось страннымъ, что священникъ, спрашивая обыкновеннымъ порядкомъ о всѣхъ грѣхахъ, неоднократно и съ какимъ-то упорствомъ, не смотря на его отрицательные отвѣты, повторялъ вопросы: не грѣшенъ-ли онъ въ казнокрадствѣ? убѣждая всякій разъ покаяться чистосердечно. Послѣ пріобщенія Св. Тайнъ, князю стало легче и священникъ ушелъ, но вскорѣ опять возвратился и сталъ съ большимъ замѣшательствомъ извиняться, что на исповѣди столько разъ предлагалъ ему вопросы о казнокрадствѣ.

— Успокойтесь, батюшка,—отвѣчалъ ему князь,—я вовсе на васъ за это не сержусь, но, пожалуйста, объясните мнѣ, что было поводомъ къ этимъ настоятельнымъ разспросамъ?

— Виноватъ, ваша свѣтлость, я не зналъ кто вы, и думая, что какой-нибудь путейскій генералъ, по обязанности моей, старался убѣдить его сознаться въ этомъ общемъ имъ грѣхѣ.

Графъ Толь, бывшій тогда главноуправляющимъ корпуса путей сообщенія, чуть было совершенно не разсорился съ Меншиковымъ за это, разумѣется, выдуманное происшествіе. Впрочемъ, въ то время рѣдко у кого изъ путейскихъ офицеровъ, какъ ихъ называлъ и называетъ простой народъ, не было пушка на рыльцѣ.

NN* (давно уже покойникъ), человѣкъ, не пользовавшійся уваженіемъ, получилъ обиду отъ генерала Левенштерсона; черезъ двѣ недѣли послѣ этого происшествія, ему дали Бѣлаго Орла, котораго орденская лента, какъ извѣстно, синяя. Узнавъ это, князь Меншиковъ сказалъ:

— «Странное дѣло, послѣ побоевъ синева обыкновенно показывается на другой день, а у NN* явилась чрезъ двѣ недѣли».—Къ чему присовокупилъ: «Пословица говоритъ, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, чего же стоитъ NN*, битый безъ счету?»

Дивизіонному командиру генералъ-лейтенанту Д. былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла. Когда сказали объ этомъ Полтарацкому, тверскому губернскому предводителю, то онъ отвѣчалъ:

— Что-жъ тутъ мудренаго, орелъ—хищная птица—обыкновенно садится на все, безъ строгаго разбора.

При освященіи великолѣпнаго Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, въ день Свѣтлаго Воскресенья, 3-го апрѣля 1849 г., Государь роздалъ многія награды участвовавшимъ въ построеніи; всѣхъ болѣе удостоился получить вице-президентъ комитета для построенія дворца, тайный совѣтникъ баронъ Боде; ему даны: слѣдующій чинъ, алмазные знаки св. Александра, званіе оберъ-камергера, медаль, осыпанная брилліантами, 10,000 руб. сер.; сынъ назначенъ камеръ-юнкеромъ, дочь—фрейлиной, а самъ—предсѣдателемъ комитета о построеніи.

Когда узнали объ этомъ въ Петербургѣ, то князь Меншиковъ сказалъ: «Что тутъ удивительнаго? Графъ Сперанскій составилъ одинъ сводъ законовъ и ему дана одна награда—св. Андрея, а вѣдь Боде сколько сводовъ наставилъ!»

При пожалованіи графами министровъ внутреннихъ дѣлъ—Перовскаго и финансовъ—Вронченко, министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ сказалъ:

— «Что за охота Государю давать графскія званія такимъ меринамъ, какъ мы?»—разумѣя подъ этимъ, что они всѣ трое бездѣтны.

Графъ Закревскій, послѣ восемнадцатилѣтней отставки былъ назначенъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и вскорѣ послѣ этого, при освященіи дворца, получилъ прямо орденъ св. Андрея, не имѣя ни Александровской, ни Аннинской звѣзды, ни Владиміра 1-й степени. «Чему удивляться,—сказалъ Меншиковъ,—что вольтижерка Лежаръ скачетъ черезъ ленту, когда Закревскій на старости перескочилъ черезъ двѣ».

Кто-то при Меншиковѣ сказалъ: Скоро ли мы дождемся окончанія нашихъ колоссальныхъ построекъ: Исаакіевскаго собора, Невскаго моста и Николаевской желѣзной дороги? «Я думаю,—отвѣчалъ князь,—что окончаніе собора хотя не мы, но по крайней мѣрѣ потомки наши увидятъ; постройку моста увидимъ мы, но не увидятъ наши потомки, а открытія желѣзной дороги, конечно, ни мы, ни наши потомки не дождутся».

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вмѣсто уволеннаго въ началѣ 1850 г., по болѣзни, изъ министровъ народнаго просвѣщенія графа Уварова, назначенъ былъ министромъ бывшій товарищъ министра князь Ширинскій-Шихматовъ, а на его мѣсто опредѣленъ Авраамій Норовъ, безногій. Ни новый министръ, ни товарищъ его не славились большимъ умомъ и свѣдѣніями по предмету просвѣщенія. Князь Меньшиковъ, узнавъ объ этомъ назначеніи, сказалъ:

— И прежде просвѣщеніе тащилось у насъ какъ лѣнивая лошадь, но все-таки было на четырехъ ногахъ, а теперь стало на трехъ, да и то съ норовомъ.

Князь Меншиковъ и графъ Закревскій были издавна непримиримыми врагами. Въ 1849 г., Закревскій, какъ военный генералъ-губернаторъ, далъ приказъ (впрочемъ, весьма благоразумный), чтобы всѣ собаки въ Москвѣ, кромѣ ошейниковъ, въ предосторожность отъ укушенія, имѣли еще намордники. Въ это время пріѣхалъ въ Москву князь Меншиковъ и, обѣдая въ англійскомъ клубѣ, сказалъ оберъ-полиціймейстеру Лужину: «Въ Москвѣ всѣ собаки должны быть въ намордникахъ, какъ же я встрѣтилъ утромъ собаку Закревскаго безъ намордника?»

Московскій митрополитъ Филаретъ раздавалъ ежедневно бѣднымъ денежныя пособія, но требовалъ, чтобы ему лично подавали объ этомъ прошеніе на бумагѣ. Одна старушка шла къ нему за пособіемъ безъ письменнаго прошенія; на дорогѣ кто-то ей сказалъ, что безъ него не уважится просьба. Не зная грамоты, она обратилась къ попавшемуся ей на встрѣчу студенту и просила помочь ея горю и написать просьбу. Студентъ согласился, вошелъ въ лавочку и, купивъ листъ бумаги, написалъ на немъ и отдалъ старухѣ, которая въ восхищеніи, поблагодаривъ добраго человѣка, отправилась къ митрополиту. Онъ принялъ, но, прочитавъ просьбу, разсмѣявшись спросилъ:

— Кто тебѣ это написалъ?

— Какой-то ученый, встрѣтившійся на улицѣ.

— И по всему видно, что ученый,—отвѣчалъ митрополитъ,—слушай, что̀ тутъ написано:

Сѣю, вѣю, вѣю, сѣю,
Пишу просьбу къ архіерею.
Архіерей мой, архіерей,
Давай денегъ поскорѣй!

Старуха ужаснулась, но митрополитъ успокоилъ ее и далъ пособіе, но съ тѣмъ, чтобы впередъ не давала незнакомымъ сочинять просьбы.

Графъ А. А. Закревскій, по назначеніи его въ 1849 г., послѣ отставки князя Щербатова, слабаго характеромъ и весьма недалекаго умомъ начальника, московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, принялъ строгія и даже крутыя мѣры для водворенія во всѣхъ частяхъ управленія порядка. Конечно, это не понравилось избалованнымъ москвичамъ; они прозвали Закревскаго Чурбанъ-пашою и Arsenic I-й. Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ много острилъ на счетъ строгости московскаго генералъ-губернатора и говорилъ, что Москва находится теперь въ осадномъ положеніи.

Государь, узнавъ объ этомъ, шутя выговаривалъ князю за его насмѣшки, и, между прочимъ, сказалъ: «Ну, можно-ли выдумывать, что Москва въ осадномъ положеніи?»

— Нѣтъ, ваше величество, я не говорилъ, что она въ осадномъ, а только сказалъ, что въ досадномъ положеніи.

— Ты что ни говори,—улыбнувшись отвѣчалъ Государь,—а надобно согласиться, что Москва наша истинно православная, святая.

— И даже, съ тѣхъ поръ, какъ Закревскій ея градоначальникъ,—сказалъ Меншиковъ,—она можетъ назваться и великомученицею.

Когда назначили, послѣ смерти графа Вронченко, министромъ финансовъ бывшаго товарища его П. Ф. Брока, то Меншиковъ сказалъ: «Видно плохи наши финансы, когда ужъ прибѣгнули и ко Броку (къ оброку).

Въ концѣ января 1853 г., кн. Меншиковъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ къ турецкому султану, конечно, уже по весьма важному и требующему тайны дѣлу. Выходя отъ императрицы, которой откланивался передъ отъѣздомъ, онъ встрѣтилъ статсъ-

даму графиню NN., спросившую его: «что это значитъ, что вы были у ея величества въ такой парадной формѣ?»

— Откланивался передъ отправленіемъ посломъ въ Константинополь.

— А зачѣмъ васъ туда посылаютъ? спросила весьма простодушно графиня.

Князь, взглянувъ на нее со свойственною ему сардоническою улыбкою, отвѣчалъ: «Ѣду сватать одну изъ дочерей султана за сына князя Чернышева».

Этотъ отвѣтъ заставилъ много смѣяться надъ необдуманнымъ вопросомъ графини NN.

Баронесса Зѣбахъ, рожденная графиня Нессельроде, по назначеніи князя Меншикова посломъ въ Турцію, въ свитѣ котораго ѣхалъ также и братъ баронессы молодой графъ Нессельроде, разсказывала въ одномъ обществѣ, «que son frère est envoyé à Constantinople avec une mission secrète»; бывшій тутъ Нарышкинъ (?) сказалъ на это:

— Oui, Madame, et le prince Menchikoff est attaché à sa personne.

Послѣ N* остались четверо дѣтей, изъ которыхъ старшій—Валеріанъ—былъ толстъ и любилъ покушать. Про него кн. Меншиковъ говорилъ:

— Il est bête, il est riche, en un mot—c'est une vraie tête de veau à la financière.

У г-жи Ш*, рожденной В*, вышла въ театрѣ ссора съ французскою актрисою Флорансою, которая за обидныя слова, сказанныя ей первою, «que c'est une femme perdue», плюнула ей въ глаза. Какой-то острякъ сказалъ: «знаете-ли—какая разница между австрійскимъ фельдмаршаломъ Радецкимъ и г-жою Ш*? le premier a reçu le crachat pour Milan et la seconde pour Florence».

Извѣстно, что графъ Радецкій за взятіе Милана и усмиреніе Ломбардіи получилъ отъ нашего Государя орденъ Георгія 1-й степени.

Про одного сановника, NN, весьма высокаго роста, но привыкшаго горбиться и вообще не соблюдающаго (?) правосудія [1]), говорили: «qu'il est long, mais qu'il n'est pas droit».

---

[1]) Писано въ 1846 году.

На министра народнаго просвѣщенія тоже была сдѣлана слѣдующая каррикатура: представлена большая комната, разгороженная пополамъ перегородкою. Въ одной половинѣ свѣтъ, въ другой тьма. Надъ ними надписи; на первой: западная Европа, а на второй: Россія. Сквозь щели перегородки свѣтъ пробивался въ тьму, а министръ графъ Уваровъ, въ полномъ мундирѣ, съ паклею и колотушкою, представленъ тщательно законопачивающимъ щели. Остро, но несправедливо: слава Богу, что западное просвѣщеніе съ разрушительными соціалистическими и коммунистическими идеями не проникло къ намъ во святую Русь.... [1]).

Тайный совѣтникъ Василій Александровичъ Шереметевъ, случайно, безо всякихъ особенныхъ заслугъ, въ самое короткое время достигшій званія товарища министра юстиціи, не долго былъ въ ладахъ съ симъ послѣднимъ. Въ началѣ 1847 г., Шереметевъ, по разнымъ непріятностямъ съ графомъ NN, подалъ въ отставку, который тотчасъ же представилъ объ увольненіи его Государю. На докладѣ Его Величество написалъ: «Согласенъ, но прежде надобно поблагодарить Шереметева за службу, вслѣдствіе чего и пожаловать его орденомъ Бѣлаго Орла». Сказали, что Шереметевъ «se retira du ministère sur les ailes de l'aigle blanc». На NN, въ насмѣшку, что онъ ни съ кѣмъ не ладитъ, появилась каррикатура: онъ былъ представленъ съ фонаремъ въ рукѣ, прохаживающимся по корридорамъ дома; внизу подпись: ищу себѣ товарища.

Французская революція 24-го февраля 1848 года, столь неожиданно ниспровергшая династію Людовика-Филиппа и съ быстротою желѣзныхъ дорогъ распространившаяся по всей западной Европѣ, въ свое время, породила много анекдотовъ, каррикатуръ, остротъ и проч. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1-я: Представлены Франція въ видѣ бутылки шампанскаго, изъ которой пробка, въ видѣ Людовика-Филиппа, летитъ въ пуншевую чашу, имѣющую подпись — Англія. Германія—откупоренныя бутылки пива, изъ которыхъ пробки съ императорскою, королевскими и гроссъ-герцогскими коронами, вмѣстѣ съ пѣною, тихо сваливаются на сторону. Россія — штофъ съ пѣнникомъ, плотно закупоренный пробкою, съ печатью, на которой надпись: «Очень крѣпко».

---

[1]) Писано въ 1846 году.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

3-я. Французы въ эту, какъ и въ первую, революцію приняли девизомъ слова: «Liberté, Egalité и Fraternité». Этотъ девизъ изобразили, разумѣется, благоразумнѣйшіе изъ нихъ же такъ: Liberté—бѣшеная собака, съ оборванною цѣпью; Egalité—кладбище; Fraternité—Каинъ, убивающій Авеля.

4-я. Въ маѣ и іюнѣ того же года явились во Франціи партіи, желавшія имѣть королями: одна—племянника Наполеона, Людовика Бонапарте, сына бывшаго голландскаго короля, а другая — принца Жуанвильскаго, дядю графа Парижскаго, въ пользу котораго Людовикъ-Филиппъ отрекся отъ престола. Изобразили двѣ лодки, пристающія къ берегамъ Франціи; на одной стоитъ принцъ Жуанвильскій, имѣющій у ногъ своихъ пѣтуха, — на кормѣ развѣвается флагъ съ надписью: Je suis l'oncle de mon neveu. На другой ѣдетъ Людовикъ Наполеонъ, у ногъ его императорскій орелъ, въ рукахъ знамя съ надписью: Je suis le neveu de mon oncle.

Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій иногда довольно неудачно назначалъ въ губернаторы, такъ что, напримѣръ, въ Симбирскѣ былъ губернаторомъ князь Ч....., до такой степени безхарактерный, что жена его — бойкая женщина — управляла всѣмъ, даже читала всѣ журналы губернскаго правленія, дѣлала на нихъ замѣчанія и утверждала протоколы уголовной палаты. Дочь ихъ имѣла сильную претензію на ученость профессорскую; поэтому написали эпиграмму:

О, родина Карамзина!
Какая съ неба благостыня:
Въ тебѣ профессоромъ княжна,
А губернаторомъ—княгиня!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Однажды, разговаривая съ Государемъ, Лаблашъ сказалъ: «Теперь имперіи въ Европѣ такъ же дѣлятся, какъ и оперы, то есть opéra-seria — это Россія, demis-seria — Австрія, а opera-buffo — это Франція.

Въ одномъ обществѣ спросили: почему Людовикъ Наполеонъ принялъ титулъ Наполеона III? Оттого,—кто-то отвѣчалъ,—что Наполеона втораго быть болѣе не можетъ.

По случаю свадьбы, въ 1853 г., императора французовъ Наполеона III, говорили: Savez-vous pourquoi a-t-il epousé sa femme le 31 de Janvier?—Отвѣчали: pour—le premier.

Въ это же время говорили, разумѣется, въ Парижѣ: Savez vous quelle est la principale lettre dans la langue française?—C'est la lettre S — parce que l'impératrice est grand-esse, l'empereur — fin-esse, le senat—bas-esse, le corps législatif—petitt-esse, et la nation—triste-esse.

При провозглашеніи президента Людовика Наполеона императоромъ французовъ, всѣ европейскіе государи написали къ нему собственноручныя поздравительныя письма, называя въ нихъ Наполеона: Monsieur, mon cher frère. Но нашъ императоръ Николай Павловичъ назвалъ его только: Sire, mon bon ami—такъ, какъ онъ величалъ всегда бывшаго короля Людовика-Филиппа и Гамбургскій сенатъ. Это привѣтствіе чуть было не повлекло къ разрыву, но какъ съ русскимъ царемъ тягаться слишкомъ накладно, то все кончилось миролюбиво [1]) и французы утѣшились остротою своего посланника при нашемъ дворѣ, маркиза де-Кастельбажака, сказавшаго: «qu'il vaut mieux avoir un bon ami, que des faux frères».

Что чуть-ли и не правда [1]).

. . . . . .

. . . . . .

[1]) Писано въ 1852 г., до объявленія войны Франціей и Англіей.

И. А. Крыловъ.

Кто на святой Руси не знаетъ Ивана Андреевича Крылова, нашего знаменитаго, неподражаемаго баснописца, автора забавной комедіи «Модная лавка» и уморительной шуто-трагедіи «Трумфъ» [1]) или «Подщипа»,—страстнаго любителя музыки и жирныхъ обѣдовъ!— Вотъ нѣсколько его остротъ:

Однажды въ обществѣ говорили о богатствѣ А. И. Яковлева, имѣющаго болѣе шести милліоновъ годоваго дохода: «Это ужъ черезчуръ много,—сказалъ Крыловъ,—все равно, еслибы я имѣлъ для себя одѣяло слишкомъ въ 30 аршинъ».

Въ англійскомъ клубѣ, котораго Крыловъ былъ постояннымъ членомъ и ежедневнымъ посѣтителемъ, двое плохихъ игроковъ играли на билліардѣ, а знаменитый Тюръ, по званію маркера, считалъ. Крыловъ, глядя на эту партію, сказалъ:

— Это все равно, что я сталъ бы пѣть, а Каталани заставить бить такту.

Тюръ, маркеръ с.-петербургскаго англійскаго клуба, былъ отличнѣйшимъ билліарднымъ игрокомъ и не имѣлъ себѣ равнаго по искусству. Портретъ его, разумѣется съ кіемъ въ рукѣ, виситъ въ билліардной залѣ клуба; а знаменитый парижскій игрокъ Маранъ посвятилъ ему своего сочиненія книгу: «О билліардной игрѣ», съ надписью: «A monsieur, monsieur de Turin».

Крыловъ нанялъ квартиру у извѣстнаго богача и скупца Досса; тогда еще страховыхъ обществъ въ Петербургѣ не было и Доссъ, въ черновомъ контрактѣ, посланномъ прежде на усмотрѣніе Крылова, между прочимъ помѣстилъ, что «въ случаѣ если отъ неосторожности его сгоритъ домъ, то онъ обязанъ заплатить 100,000 руб.». Крыловъ, прочитавъ, прехладнокровно къ цифрамъ 100,000 прибавилъ еще нуль и отослалъ контрактъ съ надписью: «согласенъ на эти условія».

— Помилуйте, Иванъ Андреевичъ,—сказалъ ему Доссъ,—милліонъ слишкомъ много, напрасно вы прибавили.

---

[1]) Напечатана впервые въ Россіи на страницахъ «Русской Старины» изд. 1871 г., томъ III, стр. 161—200.

— Право ничего,—отвѣчалъ Крыловъ,—для меня въ этомъ случаѣ все равно, что 100 тысячъ, что милліонъ: я ничего не имѣю и вамъ одинаково не заплачу.

Не задолго до кончины своей, Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ гдѣ-то на большомъ роскошномъ обѣдѣ. Наискосокъ отъ И. А. сидѣлъ за столомъ незнакомый ему вовсе человѣкъ и много разсказывалъ. Подаютъ рыбу, огромную, одну изъ тѣхъ колоссальныхъ гостей Волги или Урала, которыми обыкновенно гордятся и славятся русскіе пиры. «Ай да рыба!»—сказалъ кто-то.—Что это за рыба!... перебилъ говорливый незнакомецъ.—Такія ли я рыбы видывалъ на моемъ вѣку, а одной никогда не забуду; повѣрите-ли, что эта стерлядь.... именно стерлядь,—такъ вотъ какъ: длиною она была какъ отъ меня до Ивана Андреевича.

Знаменитый баснописецъ сталъ легонько отодвигаться отъ стола и, обратясь къ незнакомцу, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ спросилъ:

— Да не мѣшаю ли я вамъ? [1]).

Уставъ о цензурѣ, изданный въ царствованіе императора Николая Павловича, ограждая литературную собственность сочинителей, съ тѣмъ вмѣстѣ достаточно (sic) давалъ просторъ ихъ мыслямъ и вдохновенію. Къ сожалѣнію, это не долго продолжалось; не смотря на уставъ, цензура, по прежнему, сдѣлалась привязчива и стала не пропускать или вымарывать все, что, по ея понятіямъ, казалось сомнительнымъ. Напримѣръ, сочиненіе Гоголя «Мертвыя души» не хотѣли пропустить, потому-де, что самое названіе книги противно религіи и нравственности (!), которыя учатъ насъ, что душа безсмертна.

Забавно, что по отдѣленію французскихъ газетъ, получаемыхъ изъ-за границы, былъ цензоромъ человѣкъ не понимающій этого языка.

— Какъ же вы дѣлаете,—спросилъ его одинъ знакомый,—чтобы удостовѣриться можно ли пропустить номеръ газеты или нѣтъ?

— Весьма просто,—отвѣчалъ цензоръ,—я смотрю нѣтъ ли словъ Russie или Russes и если ихъ встрѣчу, то тогда и номеръ подъ столъ и отмѣчаю: пропустить нельзя.

---

[1]) Анекдотъ этотъ, въ нѣсколько другомъ изложеніи, вошелъ въ біографію Крылова. Б.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

На похоронахъ И. А. Крылова († 9 ноября 1844 г.) кто-то спросилъ Н. В. Кукольника: «покажите мнѣ—гдѣ министръ просвѣщенія».

— Въ гробѣ,—сказалъ Кукольникъ, показывая на тѣло усопшаго Крылова.

— А я думалъ, что министръ вотъ этотъ, въ звѣздахъ,—сказалъ провинціалъ, указывая на настоящаго министра Уварова.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Кукольникъ,—то нашъ баснописецъ: онъ въ отчетахъ своихъ пишетъ басни.

«Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ» мая 9-го дня, № 55, 1850 года, напечатано объявленіе 4-е: «Я ниподписавшійся имѣю честь извѣстить любителей егерской и псовой охоты, что я, оставивъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, военную службу, занимаюсь теперь дрессированіемъ лягавыхъ и выѣздкою борзыхъ и гончихъ собакъ, чѣмъ и сдѣлался извѣстнымъ въ здѣшнемъ околодкѣ; почему многіе гг. охотники ввѣряли своихъ собакъ моему воспитанію, за самую умѣренную плату, и по окончаніи курса получали ихъ снова и оставались ими вполнѣ довольными, особенно борзыми и гончими, ибо первыя, находясь безъ своръ, не мечутся подъ гончихъ, а послѣднія гонятъ вѣрно, стойко и такъ позывисты, что мнѣ стоило только подать голосъ въ рогъ, какъ онѣ въ минуту являлись изъ дремучаго лѣса, за что я получалъ отъ гг. охотниковъ письменныя благодарности; сверхъ сего я обучаю людей подзывать волковъ и такъ вѣрно, что по отзыву этого звѣря могу утвердительно опредѣлять число ихъ стаи; а какъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, въ настоящее время, показалось много прибылыхъ волковъ съ бѣлыми лапами, похищающіе преимущественно достояніе государственныхъ крестьянъ, которые хотя и сами воютъ также волкомъ, но не могутъ еще съ точностью опредѣлить числа кочующихъ стай, для чего нужно время; а потому я и предлагаю желающимъ мое познаніе и услугу, и покорнѣйше ихъ прошу адресоваться ко мнѣ, Оренбургской губерніи, въ гор. Мензелинскъ, гдѣ я имѣю мою корреспонденцію. Корнетъ Я. Атуевъ».

(Конецъ Записокъ Богуславскаго).

Императоръ Александръ I въ южной Чехіи,

въ 1815 г.

Императоръ Александръ I нѣсколько разъ побывалъ въ чешскихъ земляхъ, въ Чехіи и въ Моравіи; въ послѣдней землѣ онъ былъ уже въ 1805 г., въ сраженіи подъ Славковымъ (Austerlitz), а въ Чехіи съ 1813 г. нѣсколько разъ. Чехи были отъ русскаго императора и его храбраго войска въ восторгѣ, и не разъ привѣтствовали его какъ „славянскаго“ государя (Срв. нашу статью „Императоръ Александръ I и Славяне“ въ „Древней и Новой Россіи“ 1877, XII).

Послѣ окончанія долголѣтнихъ французскихъ войнъ, императоръ Александръ I, возвращаясь въ Россію, посѣтилъ австрійскаго фельдмаршала князя Карла Шварценберга, возвращавшагося тогда въ свои помѣстья въ южной Чехіи; центромъ этихъ помѣстій — старинный замокъ Орликъ, стоящій на крутой скалѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Волтавы (Молдавы), въ очень живописной лѣсистой мѣстности [1]). Зная еще съ дѣтства, что память о пребываніи русскаго государя въ Орликѣ сохранилась между народомъ, я обратился къ Др. Новаку, гувернеру у князя Карла Шварценберга (внука героя лейпцигскаго), съ просьбой — не можетъ-ли онъ мнѣ сообщить кое-что объ этомъ событіи. Г. Новакъ сообщилъ мнѣ выписку изъ архива Орлицкаго и нѣкоторыя преданія, сохранившіяся между тамошнимъ народонаселеніемъ [2]).

«Его величество, императоръ русскій Александръ I, возвращаясь, послѣ заключенія Парижскаго мира, черезъ Прагу и Берлинъ на родину, пожелалъ показать главнокомандующему, фельдмаршалу князю Карлу Шварценбергу, особую свою благосклонность и навѣстить его въ его замкѣ Орликѣ. Императоръ, зная, что князь намѣренъ скоро отправиться къ своему семейству въ Орликъ, хотѣлъ сначала прибыть туда нечаянно, но потомъ измѣнилъ свой планъ и извѣстилъ князя о своемъ намѣреніи еще въ Базелѣ. Князь ускорилъ свое путешествіе, сдѣлалъ нужныя распоряженія на счетъ лошадей для императора и его свиты, и прибылъ неожиданно 12-го

---

[1]) Этотъ замокъ принадлежалъ въ XIV вѣкѣ Гулерамъ, потомъ Змерзликамъ, Швамбергамъ, Эггенбергамъ, и, наконецъ, съ XVIII в., Шварценбергамъ.

[2]) Подлинникъ, писанный на нѣмецкомъ языкѣ, хранится въ Орлицкомъ архивѣ подъ сигнатурой: «Classis VIII, F, Familiensachen des hochfürstlichen Hauses»; подписанъ княжескими секретаремъ и директоромъ. I. П.

октября, въ 5 часовъ утра, въ Орликъ. Такъ какъ Е. В. прямо запретилъ себѣ всѣ почести и торжества, въ дорогѣ и въ Орликѣ, то здѣсь ничего не было устроено, и только назначенныя для Е. В. и его свиты комнаты на скорую руку приведены въ порядокъ и, на сколько возможно, хорошо меблированы; для этого назначенъ былъ весь первый этажъ замка. Императоръ, который ночевалъ (съ 14-го на 15-е окт.) въ городѣ Прибрамѣ, выѣхалъ оттуда въ $10^1/_2$ часовъ и прибылъ въ 2 часа по полудни въ Орликъ, сопровождаемый княземъ Волконскимъ, однимъ адъютантомъ, однимъ камердинеромъ и тремя лакеями. Князь Шварценбергъ выѣхалъ на разстояніе одного часа и встрѣтилъ императора въ Залужанахъ. Императоръ велѣлъ здѣсь остановиться и взялъ князя Шварценберга въ свою карету на мѣсто князя Волконскаго. Князь Фридрихъ (сынъ фельдмаршала) поѣхалъ верхомъ до Залужанъ. Гофъегерь Костинецъ провожалъ верхомъ императора отъ Прибрама до Орлика. Здѣсь, въ замкѣ, внизу на лѣстницѣ, привѣтствовала императора княгиня, которую императоръ взялъ подъ-руку и повелъ наверхъ. Его Величество былъ очень доволенъ своимъ помѣщеніемъ, но нашелъ его слишкомъ обширнымъ, и пожелалъ спать въ маломъ угольномъ кабинетѣ, изъ котораго выходъ на балконъ; туда и перенесена потомъ его кровать. Е. В., кончивъ свой туалетъ, отправился обѣдать во второй этажъ; послѣ обѣда пошелъ гулять къ рѣкѣ Волтавѣ, къ такъ называемому ,,домику въ долинѣ". Князь Волконскій осматривалъ княжескую библіотеку и занимался нѣсколькими картами чешскаго королевства, чтобъ лучше справиться на счетъ дальнѣйшаго путешествія. Въ $9^1/_2$ часовъ былъ ужинъ и въ 12 ч. Е. В. отправился въ свои покои. На другой день утромъ Е. В. съ княгинею сдѣлалъ малый туръ въ окрестности замка въ пролеткѣ, которою правилъ самъ князь, именно въ долину Мичанскую, въ Эрмитажъ, на Ивановъ лугъ и на такъ называемое поле Шмидово. Князь Волконскій, любитель охоты, поѣхалъ съ лѣсничимъ въ Малечскій звѣринецъ, гдѣ онъ увидалъ кое-какую дичь, но не успѣлъ ничего застрѣлить. Въ 12 часовъ, въ салонѣ княгини былъ большой завтракъ для пяти особъ: Е. В—а, князя Волконскаго, князя и княгини Шварценбергъ и генералъ-адъютанта князя, графа Паара. Въ часъ Е. В. отправился въ путь. Съ княгиней, которая провожала императора по лѣстницѣ до самой кареты, Е. В. простился очень любезно, и поцѣловалъ у нея руку. Е. В. поѣхалъ въ Глубокую (замокъ въ южной Чехіи, не далеко отъ Будѣвицъ), къ брату князя, Іосифу. Князь Карлъ Шварценбергъ провожалъ Е. В., сидя въ каретѣ по правой сторонѣ императора. Князь Волконскій передалъ дворецкому Горну 150 луидоровъ золотомъ для раздачи прислугѣ,

ему же самому — кольцо съ брилліантами. Орликъ, 18-го октября 1815 года».

Въ Орликѣ разсказываютъ, что когда императоръ съ княгиней выѣхали прогуляться и лошади, правимыя княземъ, помчались слишкомъ быстро, то княгиня высказала опасеніе, чтобъ не случилось несчастіе. Императоръ, успокаивая ее, сказалъ: «Будьте покойны; онъ насъ велъ всегда вѣрно». Дальше разсказываютъ, что шоссе между Чимелицами и Орликомъ (8 верстъ) построено преимущественно ради поѣздки императора Александра, который первый по немъ и проѣхалъ. Въ Глубокой же катался съ семействомъ князя на лодкѣ по рѣкѣ Волтавѣ, и пѣлъ народныя пѣсни. Въ Прибрамѣ на домѣ, гдѣ императоръ ночевалъ, намалеванъ вѣнецъ и въ вѣнцѣ годъ и день его пребыванія.

Варшава.

І. Первольфъ.

Рубль Константина Павловича

1825 г.

19-го декабря 1825 года начальникъ С.-Петербургскаго монетнаго двора Еллерсъ сообщилъ директору департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ Карнееву о результатѣ испробованія на монетномъ дворѣ голландской монеты. Въ этой собственноручной запискѣ онъ прибавилъ:

«При семъ же представляются въ ящикѣ шесть извѣстныхъ штемпелей съ 19-ю оловянными слѣпками, за казенною печатью монетнаго двора».

Карнеевъ представилъ эту записку, въ подлинникѣ, 20-го декабря, министру финансовъ (Е. Ф. Канкрину), при чемъ писалъ:

«Здѣсь равномѣрно представляю всѣ штемпели и прочія приготовленія, сдѣланныя на счетъ извѣстнаго новаго рубля, закупоренные въ ящикѣ. На монетномъ дворѣ ничего не осталось. Самый даже рисунокъ у сего прилагаю».

Обѣ эти записки, рисунокъ, 6 штемпелей и 19 оловянныхъ оттисковъ до сихъ поръ хранятся въ секретномъ архивѣ канцеляріи министра финансовъ.

Рисунокъ рубля составленъ такъ:

На лицевой сторонѣ—изображеніе Константина Павловича, въ профиль, вправо; вокругъ надпись:

«Б. М. Константинъ I Императ. и Сам. Всеросс.».

На оборотной сторонѣ: въ срединѣ двуглавый орелъ, подъ коимъ буквы: С.П.Б.; вокругъ надпись: «Рубль. Чистаго серебра 4 золотн. 21 доля».

Изъ числа 19-ти оловянныхъ слѣпковъ:

11 слѣпковъ представляютъ лицевую сторону въ двухъ видахъ:

а) на двухъ слѣпкахъ одно изображеніе Константина Павловича;

б) на девяти слѣпкахъ изображеніе съ надписью, приведенною выше, но съ прибавленіемъ внизу, подъ портретомъ: «1825».

А восемь слѣпковъ представляютъ оборотную сторону, изъ коихъ семь вполнѣ окончены, а одинъ безъ слова «рубль».

Изъ 6-ти штемпелей три представляютъ лицевую, и три оборотную сторону рубля, но изъ этихъ трехъ экземпляровъ только одинъ штемпель оконченъ для обѣихъ сторонъ, остальные же два не окончены.

Вмѣстѣ съ этими документами, но въ особомъ пакетѣ, хранятся пять экземпляровъ уже отчеканенныхъ рублей. Они совершенно вѣрно изображены въ нумизматическомъ атласѣ Шуберта.

Такъ какъ объ этихъ рубляхъ не упоминается ни въ запискѣ Еллерса, ни въ запискѣ Карнеева, то надобно полагать, что они или уже въ то время находились у Е. Ф. Канкрина, или получены имъ впослѣдствіи, но, очевидно, не съ монетнаго двора, гдѣ, по удостовѣренію Карнеева, «ничего ни осталось».

Въ архивѣ канцеляріи министра финансовъ не сохранилось никакихъ другихъ свѣдѣній о времени и причинахъ приготовленія этого рубля. Можно предположить, впрочемъ, что онъ былъ приготовленъ на монетномъ дворѣ въ пространствѣ времени отъ 27-го ноября 1825, т. е. дня полученія въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ императора Александра I, до 14-го декабря того же года—дня объявленія манифеста о вступленіи на престолъ императора Николая I.

Разсказы о томъ, какъ одинъ экземпляръ рубля съ изображеніемъ императора Константина Павловича былъ пріобрѣтенъ Шубертомъ, а пять экземпляровъ того же рубля были предлагаемы къ покупкѣ княземъ Трубецкимъ—можно найти въ книгѣ «Prince Alexandre Troubetzkoy. Rouble de Constantin Cesarewitch Grand Duc de Russie. Marseille. 1873» (in. 8°, 101 стр.).

Разсказы эти сводятся къ тому, что министръ финансовъ Е. Ф. Канкринъ отправилъ нѣсколько экземпляровъ этого рубля къ цесаревичу Константину Павчу въ Вловиаршаву; что великій князь оставилъ эти рубли у себя; что они были похищены изъ Бельведерскаго дворца во время мятежа 1830 года и проданы за границу.

Въ архивѣ канцеляріи министра финансовъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, посылалъ ли Е. Ф. Канкринъ таковые рубли въ Варшаву.

Баронъ Корфъ («Восшествіе на престолъ императора Николая I». Спб. 1857 г., стр. 61) свидѣтельствуетъ однако, что 27-го ноября 1825 года отправленъ былъ въ Варшаву, съ донесеніемъ о присягѣ Константину Павловичу, отъ военнаго министра (Татищева) адъютантъ Сабуровъ, который повезъ также рапортъ министра финансовъ, но, къ сожалѣнію, ничего не говоритъ о содержаніи этого рапорта.

Д. Ѳ. Кобеко.

ОТЗЫВЪ ЖУКОВСКАГО О БРЮЛЛОВѢ.

(Письмо А. Н. Струговщикова къ В. В. Стасову).

Слышавъ много разъ отъ А. Н. Струговщикова, что въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ онъ былъ близко знакомъ со всѣми тогдашними нашими поэтами и литераторами, я, въ 1878-мъ году, просилъ его сообщить мнѣ, что́ онъ помнитъ изъ отзывовъ тогдашнихъ знаменитостей о «Послѣднемъ днѣ Помпеи» Брюллова. Струговщиковъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ, которое особенно интересно тѣмъ, что сообщаетъ совершенно новое мнѣніе Жуковскаго о Брюлловѣ. Въ одной статьѣ объ этомъ живописцѣ, разсказываютъ между прочимъ, что Жуковскій называлъ картину Брюллова «Взятіе Божіей Матери на небо»—*богоноснымъ видѣніемъ*, а предъ его «Распятіемъ» проводилъ цѣлые часы въ безмолвномъ восхищеніи («Воспоминанія о Брюлловѣ», ст. Мокрицкаго, «Отеч. Записки» 1855 г., т. 103, стр. 156). Въ настоящемъ же письмѣ мы встрѣчаемъ совершенно иную оцѣнку Брюллову: по словамъ А. Н. Струговщикова, Жуковскій вовсе не признавалъ его «историческимъ живописцемъ». Странное совпаденіе! Рамазановъ увѣряетъ, будто во время выставки «Помпеи» въ Парижѣ, въ 1834 г., Орасъ Верне и другіе французскіе живописцы тоже не хотѣли признавать Брюллова «историческимъ живописцемъ» [1]). — Что касается Пушкина, то, вѣроятно, А. Н. Струговщиковъ только позабылъ, что́ говорилъ въ тѣ времена Пушкинъ о Брюлловѣ, но несомнѣнно, что говорилъ онъ о немъ нерѣдко, и считалъ его очень высоко: Рамазановъ разсказываетъ, какъ однажды, въ восторгѣ отъ Брюллова, Пушкинъ предлагалъ ему сюжетъ изъ жизни Петра Великаго, но Брюлловъ разсказалъ ему свой собственный сюжетъ, и привелъ Пушкина въ восхищеніе своимъ картиннымъ изложеніемъ («Москвитянинъ» 1852 г., ч. XVI, стр. 107), а Мокрицкій, въ свою очередь, разсказываетъ, какъ въ январѣ 1837 г., т. е. не задолго до смерти Пушкина, этотъ послѣдній былъ у Брюллова въ мастерской вмѣстѣ съ Жуковскимъ, какъ они восхищались альбомами и рисунками Брюллова, и Пушкинъ сталъ на колѣни и выпрашивалъ у Брюллова одинъ изъ его рисунковъ: «Отдай, голубчикъ! Вѣдь другаго ты не нарисуешь для меня, отдай мнѣ этотъ!» Но Брюлловъ все-таки не отдалъ рисунка («Отеч. Записки», 1855 г., т. 103, стр. 165—166). Я печатаю здѣсь письмо А. Н. Струговщикова безъ измѣненій, не выпуская и его собственныхъ мнѣній.

В. В. Стасовъ.

---

[1]) «Москвитянинъ», 1852 г., ч. XVI, стр. 105.

22-го мая 1878 г.

Французскій художникъ Ладюрнеръ, признанный нашею академіей художествъ профессоромъ баталической живописи (спеціально, онъ былъ живописцемъ парадовъ и церемоній), вздумалъ однажды помѣстить и мою фигуру въ картинѣ, изображавшей какое-то торжество. Для провѣрки физіономіи, онъ пригласилъ меня въ свою мастерскую, гдѣ я засталъ В. А. Жуковскаго и В. И. Григоровича (тогда конференцъ-секретаря академіи художествъ). Поздоровавшись съ ними, я отошелъ къ мѣсту позировки, и въ ихъ разговоръ не вмѣшивался почти. Григоровичъ утверждалъ, что какъ невозвратима апогея религіозныхъ вѣрованій, такъ невозможенъ и такой ихъ цвѣтъ, который шелъ бы въ параллель съ великими художниками конца XV-го и начала XVI-го вѣка.

— «Однако,—замѣтилъ Жуковскій,—вы съ такимъ увлеченіемъ говорили сейчасъ о русской школѣ, да въ особенности о Мартосѣ»... тутъ Жуковскій сардонически улыбнулся (Григоровичъ былъ женатъ на дочери Мартоса)... «и если школу Лосенки ставили такъ высоко, то почему не ждать еще лучшаго отъ учениковъ Шебуева и Егорова—отъ Басина, отъ Карла Брюллова? Вѣдь вы-же говорили, что этотъ послѣдній за поясъ заткнулъ своихъ учителей?»

Послѣдовало еще нѣсколько пререканій въ этомъ-же родѣ, и затѣмъ разговоръ ихъ свелся на «Послѣдній день Помпеи».

— «Откровенно говоря,—продолжалъ Жуковскій, — я не вижу въ этой картинѣ историческаго, стоющаго особеннаго вниманія момента (онъ, кажется, хотѣлъ сказать: осмысленно-потрясающаго дѣйствія), потому что тутъ дѣйствуетъ природа, которой трагикомедіи необъяснимы»...

Я не выдержалъ и добавилъ: «не даютъ философскихъ выводовъ». Жуковскій, знавшій меня только по мимолетнымъ встрѣчамъ у князя Одоевскаго и разъ у Плетнева, значительно на меня взглянулъ, а Григоровичъ насмѣшливо замѣтилъ: «Поклонникъ нѣмецкой философіи!» и сказалъ: «А возьмите отдѣльно каждую группу, каждую фигуру изъ «Помпеи», и сколько превосходныхъ картинъ, сколько великолѣпныхъ образцовъ для этюдовъ школѣ можно выкроить изъ нея!»

— «Но все же это не будутъ историческія картины,—справедливо замѣтилъ Жуковскій,—и въ главномъ-то вы правы: Брюллову не дать ничего подобнаго цвѣту тѣхъ, канувшихъ въ вѣчность, вѣковъ!»

Между тѣмъ Ладюрнеръ кончилъ свою работу и я раскланялся. Другія времена, другія требованія!—подумалъ я.—Поль Деларош а за-

были; а получи Брюлловъ хотя половину его образованія, и мы имѣли бы великаго художника!

Вотъ, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, все что я припомню изъ отзывовъ Жуковскаго о «Помпеѣ»; а отзывы Пушкина и другихъ литераторовъ, кромѣ Гоголя и Кукольника, не могли быть интересными, по неразвитости ихъ въ дѣлѣ высокихъ искусствъ.

А вамъ, рѣдкому экземпляру колоссальнаго упрямства въ приговорахъ, честь и слава за радѣніе памяти почившихъ! За что пребудетъ всегда весь вашъ А. Струговщиковъ.

Сообщ. В. В. Стасовъ.

А. С. Пушкинъ.

Посланіе къ Всеволожскому, по подлинной рукописи.

Извѣстное посланіе А. С. Пушкина къ Никитѣ Всеволодовичу Всеволожскому до сихъ поръ печаталось въ изданіяхъ сочиненій нашего поэта, какъ оказывается изъ полученной нами подлинной рукописи Пушкина, съ значительными сокращеніями и измѣненіями, сдѣланными, впрочемъ, самимъ поэтомъ при первомъ напечатаніи посланія. Изъ этихъ «сокращеній» были даны въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 года только 3—4 стиха, а «измѣненій» вовсе указано не было. Самое время, въ которое написано «Посланіе», въ точности опредѣлено не было и оно печаталось подъ 1819 годомъ, въ самомъ началѣ, тогда какъ должно быть отнесено къ концу этого года. Печатаемый нынѣ автографъ сохранился въ бумагахъ Ѳ. Ф. Юрьева, вмѣстѣ съ двумя подлинниками посланій Пушкина къ самому Юрьеву, черновымъ наброскомъ стихотворенія: «Мнѣ бой знакомъ» и карандашнымъ рисункомъ.....

Вотъ посланіе Пушкина—

Къ Всеволожскому.

Прости, щастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя Свободы.
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральста, прихотей и Моды,
Ты скачешь въ мирную Москву
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну

Безпечно дремлютъ на-яву,
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей Азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ—жизнь игрушка!
Въ почтенной [1]) кичкѣ, въ шушунѣ,
Москва премилая [2]) старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной легкой суетой,
И даже прозой и стихами.
Ты тамъ—на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное Бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ
И Глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной Знатности похмѣлье,
И Скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ-рукой,
Но вскорѣ—вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни дорогой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже [3]) въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя.
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
А и холодная струя [4]),
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ
Въ халатахъ новые [6]) друзья
Шумятъ и пьютъ!—Задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится радостный Досугъ.
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой.
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой;
Ихъ изступленныя [7]) движенья,
Огонь непстовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепетъ упоенья...
Но вспомни, милый! здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая
Весь день уныла и томна [8]).
Въ своей задумчивости сладкой
Томится, плачетъ подъ окномъ

Отъ грубыхъ Аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро-ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро-ль оживится?—
Когда прискачешь, милый другъ,
Душа вослѣдъ тебѣ стремится!
Гдѣ-бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ [8])
Изъ рукъ младова сладострастья
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

27-го ноября 1819 г.

Примѣчаніе. Никакой подписи, кромѣ года и числа, подъ стихотвореніемъ нѣтъ. Поправки незначительны, и мы, чтобъ не развлекать вниманіе читателя подстрочными выписками, соединили ихъ здѣсь.

1) Первоначально было: «въ старинной». 2) Тоже: «предобрая». 3) «И вотъ». 4) Къ этому стиху Пушкинъ замѣтилъ внизу: «Champagne L. D. M. frappé à la glace»: Буквы L. D. M. означаютъ марку шампанскаго. 5) Вмѣсто этого стиха, первоначально было: «Клубится дымъ изъ братскихъ трубокъ», а потомъ: «Въ густомъ дыму завѣтныхъ трубокъ». 6) Вмѣсто «новые» было слово, нами неразобранное. 7) Было: «сладострастныя». 8) Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ были первоначально:

Отъ рѣзвыхъ игръ удалена.
Томится плѣнница младая,

потомъ стихи переправлены и отмѣчено: переставить 2-й на мѣсто 1-го. 9) Было: «Лети—возьми себѣ вѣнокъ», а потомъ: «Итакъ, возьми» и пр. 10) Было: «Въ разительной наукѣ счастья».

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ.

Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. А. Никитскаго. С.-Петербургъ, 1879 г., стр. 216.

Имя г. Никитскаго не въ первый разъ является на печатныхъ страницахъ, посвященныхъ русской исторіи. Бывшій нѣкогда воспитанникомъ С.-Петербургскаго университета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ получилъ въ немъ степень магистра за очень дѣльное и ученое сочиненіе о внутренней исторіи Пскова; теперь, занимая каѳедру въ Варшавскомъ университетѣ, онъ явился въ Петербургскій съ диссертаціею, написанною для полученія докторской степени, и блистательно защищалъ ее въ прошедшемъ октябрѣ истекшаго 1879 года. Диссертація эта носитъ заглавіе, приведенное нами въ началѣ. Г. Никитскій—происхожденіемъ изъ Новгорода, получилъ въ этомъ городѣ первоначальное воспитаніе и, какъ видно, сохранилъ сердечную привязанность къ своему родному краю; по крайней мѣрѣ много разъ обращался онъ къ его исторіи и, въ предисловіи къ своему послѣднему сочиненію, сообщаетъ, что оно «представляетъ не отдѣльный совершенно самостоятельный трудъ, а только часть другаго, гораздо обширнѣйшаго труда, а именно исторіи внутренней жизни Великаго Новгорода». Нельзя не пожелать почтенному ученому успѣха въ исполненіи его обѣщанія: какъ много можемъ мы ожидать отъ него на этомъ поприщѣ—показываетъ настоящее сочиненіе. Неутомимое трудолюбіе въ розысканіи источниковъ, добросовѣстность въ ихъ разсмотрѣніи, ясность взгляда при ихъ оцѣнкѣ, глубокомысліе и правильность выводовъ—все это достоинства, которыя ставятъ сочиненія г. Никитскаго въ ряду лучшихъ изслѣдованій по русской исторіи. Авторъ, въ своемъ предисловіи, говоритъ, что имѣлъ, между прочимъ, и такую задачу: «провѣрить критически результаты, которые достигнуты въ области новгородской церковной исторіи другими, предшествовавшими намъ, изслѣдователями». И въ этомъ до нѣкоторой степени г. Никитскій остался не безъ успѣха: ему удалось объяснить кое-какія частности лучше своихъ предшественниковъ и поправить ихъ ошибки. Такимъ образомъ, на стр. 10-й онъ удачно объясняетъ темное мѣсто въ лѣтописи подъ 1358 годомъ, гдѣ сказано, что

«Новгородцы цѣловаша бѣсовскихъ игръ не играти и бочекъ не бити» (П. С. Р. Л., IV, 63). Авторъ исторіи Новгорода, Пскова и Вятки подъ названіемъ «Сѣверноруссkія народоправства», упомянувши въ названномъ сочиненіи объ этомъ обычаѣ, не счелъ возможнымъ объяснять значенія этого мѣста, а замѣтилъ только, въ видѣ сопоставленія, что существовала какая-то древняя славянская игра, употребительная до сихъ поръ у хорутанъ—попадать въ бочки; авторъ «Сѣверноруссkихъ народоправствъ» вовсе не хотѣлъ утверждать, какъ желаетъ понять его г. Никитскій, будто у новгородцевъ было именно то же, что у хорутанъ, а не что нибудь иное. Г. Никитскій указываетъ, что «подъ битьемъ бочекъ разумѣлся въ древности обычай, связанный съ торжествомъ приготовленія прохладительныхъ напитковъ. Какъ скоро—именно при приготовленіи пива, меду и квасу—дѣло доходило до извѣстнаго важнаго въ производствѣ термина, какъ, напримѣръ, до сливанія, то окружавшіе поднимали страшный шумъ: били въ бочки и кричали громко, призывая и величая тѣмъ языческихъ божковъ, между прочимъ, и божка кваса». Г. Никитскій, по этому поводу, сопоставляетъ мѣсто въ 93-й главѣ Стоглава, гдѣ говорится (Стогл., стр. 397): «и надъ делвами сирѣчь надъ бочками и корчагами квасъ призывающе и грохочюще» и далѣе (Стогл., стр. 399): «егда же вино топчютъ или егда вино въ сосуды преливаютъ или иное кое питіе сливаютъ гласованіе и вопль велій творятъ неразумніи по древнему обычаю еллинская прелести еллинскаго бога Діониса пьянству учителя призываютъ и гласящи великимъ гласомъ квасъ призываютъ и вкусъ услаждаютъ и пьянство величаютъ». Объясненіе г. Никитскаго имѣетъ за собою большую степень вѣроятія, хотя все-таки не рѣшаетъ вопроса: обычай, сопоставляемый въ Стоглавѣ съ еллинскимъ празднествомъ Діонисія при производствѣ вина (празднествомъ южныхъ странъ, гдѣ происходитъ каждый годъ винодѣліе), могъ существовать на Руси относительно приготовленія кваса, а новгородскій обычай бить бочки, сопровождаемый какими-то неизвѣстными намъ «бѣсовскими» играми, могъ и не относиться именно къ квасу. Такимъ образомъ, объясненіе г. Никитскаго имѣетъ для науки значеніе не болѣе какъ удачной догадки. За то въ другихъ мѣстахъ г. Никитскій впадаетъ въ слабость тѣхъ молодыхъ, хотя часто талантливыхъ писателей, которые, напавши на какой нибудь собственный выводъ, кажущійся имъ оригинальнымъ и безусловно вѣрнымъ, стоятъ за него съ упорствомъ, неохотно допуская дѣйствіе холоднаго критическаго взгляда. Такъ, г. Никитскій, доказывая совершенно вѣрно, что въ Новгородѣ, какъ и во всей Руси, христіанство по своемъ водвореніи долгое время господствовало только своею внѣшнею стороною, вооружается противъ замѣчанія Соловьева (повтореннаго отчасти и авторомъ «Сѣверноруссkихъ народоправствъ»), что въ Новгородѣ между водворявшимся христіанствомъ и старымъ язычествомъ происходила борьба. «Наблюдая,—говоритъ г. Никитскій,—процессъ

начальнаго водворенія христіанства въ Руси, мы нигдѣ не видимъ язычества въ дѣятельной борьбѣ съ новымъ вѣроученіемъ. Напротивъ того, какъ бы сознавая свою слабость, язычество вездѣ безъ боя очищало для христіанства поле дѣйствія. Не только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему древлерусскихъ земляхъ, но и въ болѣе отдаленныхъ сѣверовосточныхъ краяхъ христіанство получало господство безъ всякихъ столкновеній съ народною массой. Это общее замѣчаніе примѣняется вполнѣ и къ Великому Новгороду. Правда, многіе ученые, въ томъ числѣ гг. Соловьевъ и Костомаровъ, не только говорятъ о противодѣйствіи новгородскаго язычества водворенію христіанства, не только считаютъ себя въ правѣ передавать всѣ подробности происходившей между ними борьбы, но и вообще склонны смотрѣть на утвержденіе христіанства въ Новгородѣ какъ на дѣло проповѣдниковъ особаго рода, какъ на подвигъ Владиміровыхъ полковъ. Однако, данныя, на которыхъ они основываютъ свои заключенія, являются слишкомъ шаткими и неубѣдительными и не могутъ заставить насъ усомниться въ мирномъ распространеніи христіанства и въ Новгородѣ. Якимовская лѣтопись, откуда почерпаются свѣдѣнія о сопротивленіи язычества въ Новгородѣ, отличается такимъ мутнымъ характеромъ, что было бы уже давно пора совсѣмъ исключить ее изъ числа источниковъ по новгородской исторіи» (стр. 2).

Пишущій эти строки, авторъ «Сѣверноруссскихъ народоправствъ», не довѣрялъ Якимовской лѣтописи въ такой степени, какъ С. М. Соловьевъ, и теперь вовсе не желаетъ защищать ее; но невѣрность этого источника не даетъ намъ права не допускать, что туда, вмѣстѣ съ нелѣпыми вымыслами, войти могли и древнія народныя преданія, переходившія изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ это часто бываетъ съ подобнаго рода сомнительными источниками. Если гдѣ въ Якимовской лѣтописи искать подобнаго качества источниковъ, то именно въ чертахъ разсказа о крещеніи Новгорода. Не даромъ Карамзинъ, не вѣрившій въ подлинность Якимовской лѣтописи и уничтожившій высоту ея значенія еще задолго до г. Никитскаго, замѣчалъ, что «изъ всѣхъ сказаній мнимаго Іоакима самое любопытнѣйшее есть о введеніи христіанской вѣры въ Новгородѣ» («Ист. Г. Р.», 1, примѣч. 463). При томъ существовала же пословица: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ», и Карамзинъ не сомнѣвался въ подлинности существованія такой пословицы, и самый разсказъ мнимаго Іоакима о крещеніи считалъ вымышленнымъ главнымъ образомъ на основаніи этой пословицы. Но оставивши въ сторонѣ Якимовскую лѣтопись, и въ такихъ лѣтописныхъ источникахъ, какимъ г. Никитскій вѣритъ и ихъ свидѣтельства приводитъ, есть указанія на то, что въ Новгородѣ народъ долго сопротивлялся новой вѣрѣ. Когда при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ явился въ Новгородѣ волхвъ и началъ волновать народъ, епископъ оставилъ всѣмъ на волю идти ли за нимъ или за волхвомъ, тогда за епископомъ пошелъ только князь да дружина, а за

волхвомъ послѣдовалъ весь остальной народъ. По этому поводу лѣтописецъ говоритъ: «бысть мятежъ въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа». Князь Глѣбъ спрятаннымъ подъ полою топоромъ убилъ волхва и тѣмъ, по выраженію самого г. Никитскаго, «спасъ дѣло христіанства и остановилъ дальнѣйшее развитіе мятежа» (стр. 5). Но какъ же послѣ этого сказать, что въ Новгородѣ не видно народнаго сопротивленія христіанству? И какъ не признать вѣроятнымъ, что при введеніи христіанства приходилось прибѣгать къ мечу и огню, когда черезъ сто лѣтъ послѣ перваго водворенія христіанства князь новгородскій долженъ былъ для его спасенія прибѣгать къ топору? На извѣстія о волхвахъ и о волшебствѣ не всегда можно смотрѣть какъ на извѣстія о язычествѣ и даже какъ на извѣстія объ остаткахъ язычества: иногда волшебство есть плодъ суевѣрія, которое, при невѣжествѣ, могло всегда возникать въ христіанскомъ обществѣ безъ всякой прямой связи съ прадѣдовскимъ язычествомъ, но въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, волхвъ есть несомнѣнно представитель язычества, иной вѣры, противной христіанству (творяся аки богъ... и хуле вѣру христіанскую). Г. Никитскій то же признаетъ. Но какъ же, повторимъ ему, можетъ онъ не сознаться, что и мимо отвергаемой имъ безусловно Якимовской лѣтописи въ русскихъ лѣтописяхъ есть мѣста, показывающія, что въ Новгородѣ язычество долго оказывало сопротивленіе и требовало противъ себя укрощенія оружіемъ и силою?

Г. Никитскій не согласенъ съ мнѣніями многихъ ученыхъ (ихъ онъ не называетъ по имени, вѣроятно, оттого, что имя имъ—легіонъ), которые въ большинствѣ пріѣзжавшихъ къ намъ изъ Греціи или посылаемыхъ патріархами и занимавшихъ потомъ у насъ духовныя мѣста склонны видѣть не настоящихъ грековъ по происхожденію, а болгаръ и вообще славянъ, жившихъ во множествѣ въ Византійскомъ государствѣ. Г. Никитскій думаетъ, что такое мнѣніе есть одна догадка, «лишенная, по отношенію къ Великому Новгороду, всякаго основанія», и она, по его мнѣнію, опирается на той же ненавистной для него Якимовской лѣтописи, сообщающей, что и первые епископы и самъ митрополитъ Михаилъ были болгары (стр. 16). Первый по преданію новгородскій епископъ Іоакимъ носилъ названіе корсунянинъ, а это, по заключенію г. Никитскаго, указываетъ, что онъ былъ не болгаринъ, а грекъ. То же замѣчаетъ авторъ и о другомъ новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ. Когда этотъ епископъ оставилъ свою каѳедру и направился на югъ, новгородцы говорили, что ихъ владыка пошелъ въ Царьградъ, ограбивъ св. Софію. Изъ этого г. Никитскій заключаетъ, что несомнѣнно считали его грекомъ по происхожденію. «Иначе,—говоритъ авторъ,—не приписали бы ему намѣренія идти передъ смертью въ Царьградъ. Затѣмъ, если бы первоначальное новгородское духовенство происходило хотя отчасти изъ болгаръ, то можно было бы ожидать, что память о немъ выскажется въ позднѣйшее

время въ какомъ либо предпочтеніи болгарскаго духовенства, какъ высшаго, новгородскому туземному. Съ подобнымъ предпочтеніемъ чужаго духовенства мы дѣйствительно встрѣчаемся въ новгородской исторіи, только это предпочтеніе касалось не болгарскаго, а греческаго духовенства. Послѣ утвержденія христіанства въ Великомъ Новгородѣ именно довольно долго еще существовала партія, которая при замѣщеніи церковныхъ должностей обыкновенно выставляла кандидатовъ изъ грековъ, обходя членовъ мѣстнаго духовенства. Въ особенности это явленіе замѣчается, когда рѣчь заходила о выборѣ новгородскаго владыки или юрьевскаго архимандрита. Сколько мы знаемъ, этой партіи ни разу не удалось провести своего кандидата гречина на владычное мѣсто, но, благодаря ея стараніямъ, одинъ грекъ все-таки попалъ въ новгородскіе архимандриты» (стр. 17).

Странно, что г. Никитскій, который, какъ намъ извѣстно, много рылся въ старыхъ рукописныхъ памятникахъ, какъ будто знать не хочетъ, какъ много онъ въ нихъ нашелъ болгарскихъ и какое важное значеніе болгаро-славянская ученость имѣла своимъ вліяніемъ на нашу духовную старую литературу и на наше богослуженіе, и что, наконецъ, вся византійская мудрость въ первые вѣка нашего христіанства сообщалась намъ въ болгаро-славянскихъ переводахъ. Не только въ Болгаріи, послѣ крещенія Руси присоединенной къ Византійскому государству, но и на югъ отъ Болгаріи, въ Македоніи, населеніе было славянское и вообще тогдашнее Греческое царство не было чистымъ греческимъ, но грекославянскимъ, и славяне, такіе же православные, какъ и греки, были перемѣшаны съ послѣдними: изъ славянъ было не мало духовныхъ какъ изъ природныхъ грековъ, славяне въ имперіи достигали иногда высшихъ степеней, даже царская династія въ IX и X вѣкахъ была славянская. Въ глазахъ чужеземцевъ всѣ тамошніе славяне одинаково считались принадлежащими къ Греческому государству, всѣ, по старинному русскому выраженію, казались и назывались гречинами и о многихъ затруднялись сказать—какого они происхожденія: такъ, о митрополитѣ русскомъ Исидорѣ, извѣстномъ отступникѣ въ латинство, иные говорили, что онъ былъ грекъ, другіе, что—болгаринъ, третьи—далматинецъ (Опис. Кіев. Соб., 107). Само собою разумѣется, что, при всегдашнемъ обиліи въ Византійскомъ государствѣ между духовными лицъ славянскаго происхожденія подручнѣе и умѣстнѣе было изъ Царьграда посылать въ Русскую землю знавшихъ по славянски, чѣмъ коренныхъ грековъ, которые, водворившись на Руси, очутились бы на первое время въ большомъ затрудненіи, не зная туземнаго языка. Между тѣмъ, прибывши въ Русскую землю изъ Греціи, славяне духовные на своемъ новосельи назывались не славянами, а гречинами. Что за доказательство чисто греческаго, а не славянскаго происхожденія Нифонта, если новгородцы говорили о немъ, что онъ хотѣлъ передъ смертью идти въ Царьградъ? Вѣдь Царьградъ былъ священною столицею

вѣры для всѣхъ православныхъ—и для грековъ и для славянъ, и въ значительной степени для самихъ русскихъ. Если бы мы не имѣли никакихъ историческихъ данныхъ, на основаніи которыхъ могли бы—не скажемъ предполагать, а только подозрѣвать, что большинство приходившихъ къ намъ изъ Греціи духовныхъ сановниковъ были по происхожденію славяне, то здравый смыслъ побуждалъ бы насъ допускать это, потому что, вѣроятно, въ Царьградѣ понимали, что отправляющійся въ Русскую землю для занятія тамъ духовнаго сана долженъ же былъ знать туземный языкъ, чтобъ отправлять богослуженіе, заниматься дѣлами по управленію и вести съ людьми бесѣды. Зачѣмъ же было посылать незнающихъ, когда въ Греческомъ государствѣ былъ обильный контингентъ лицъ вполнѣ пригодныхъ къ цѣли? Вѣдь и мимо прямыхъ указаній лѣтописей или официальныхъ актовъ должна же служить историкамъ и логика, лишь бы они не злоупотребляли ею. Самъ г. Никитскій дозволяетъ себѣ такой способъ историческихъ выводовъ когда говоритъ, что во времена Владиміра и Ярослава предметы обученія юношества состояли не въ чемъ иномъ какъ въ грамотности и умѣньи отправлять богослуженіе. Источники объ этомъ прямо не говорятъ, но г. Никитскій заключаетъ, что «такой порядокъ естественно возникалъ изъ самой сущности дѣла» (стр. 19). Вотъ точно такъ и мы признаемъ, что подъ именами гречиновъ, присылавшихся изъ Царьграда на духовныя мѣста въ Русскую землю, были преимущественно славяне по происхожденію; хотя источники этого прямо не говорятъ, однако «такой порядокъ возникалъ изъ самой сущности дѣла».

На страницѣ 51, г. Никитскій оспариваетъ мнѣніе г. Прилежаева, который въ своей статьѣ, напечатанной въ іюльскомъ нумерѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1875 годъ, доказывалъ, что въ Софійской казнѣ, бывшей въ вѣденіи новгородскаго владыки, лежали вклады Великаго Новгорода, вносимые на храненіе, и Великій Новгородъ оставлялъ за собою только право обращаться въ Софійскую казну за пособіемъ въ случаѣ нужды; такимъ образомъ, когда встрѣчаются выраженія «владычне Моисеево скопленіе», «скопленіе владычне Алексѣево», то здѣсь понимать нужно не капиталы, накопленные владыками изъ ихъ собственнаго достоянія, а положенные Великимъ Новгородомъ въ тотъ періодъ времени, когда былъ въ Новгородѣ владыкою тотъ, чьимъ именемъ означалось скопленіе. «Такое представленіе,—разсуждаетъ г. Никитскій,—кажется намъ, однако, не только несогласнымъ съ характеромъ новгородскаго быта, но и совершенно лишеннымъ всякой фактической подкладки» (стр. 51). Намъ, напротивъ, кажется, что здѣсь г. Прилежаевъ совершенно правъ и сообщаемое имъ представленіе какъ нельзя болѣе согласно съ характеромъ новгородскаго быта. Всѣмъ намъ извѣстно, что у новгородцевъ было въ обычаѣ частное достояніе зажиточныхъ людей и купеческіе драгоцѣнные товары отдавать на храненіе

въ церквахъ. Что могло быть согласнѣе съ характеромъ новгородскаго быта какъ отдача капитала, составлявшаго избытокъ общественнаго достоянія, на храненіе въ патрональную церковь, какою была св. Софія? «Лѣтописныя свидѣтельства, — продолжаетъ г. Никитскій, — указываютъ на совершенно противное». Напротивъ, смыслъ, отысканный г. Прилежаевымъ, ясно съ перваго раза выказывается именно въ томъ лѣтописномъ отрывкѣ, который приводитъ г. Никитскій, указывая на 64 страницу IV тома Пол. Собр. Лѣтописей: «а въ Новгородѣ поновиша городъ каменный вземше серебро въ св. Софѣи владычня Моисѣева скопленія». Владычною каѳедру занималъ тогда уже Алексѣй, а между тѣмъ понадобилось сказать, что серебро взяли въ св. Софіи изъ скопленія Моисеева. Слѣдовательно, въ Софійской казнѣ скопленіе всякаго владыки составляло какъ бы отдѣльную единицу, отличавшую одно скопленіе отъ другихъ владычнихъ скопленій. А это скорѣе указываетъ на то, что подъ этими скопленіями разумѣлись чужіе вклады, на которые вкладчикъ имѣлъ извѣстное право и долженъ былъ помнить: когда и сколько онъ внесъ капитала для храненія. Иначе, если бы то была казна исключительно Софійская, то зачѣмъ было бы отличать скопленія владыкъ, уже переставшихъ быть въ своемъ санѣ? Г. Никитскій далѣе говоритъ: «Если бы капиталы Софійской казны были результатомъ сбереженія самого Великаго Новгорода, то владыка, съ одной стороны, не имѣлъ бы никакого основанія называть своими суммы, даваемыя въ пособіе вольному городу, какъ это прямо отмѣчается лѣтописью въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ни употреблять ихъ, съ другой стороны, на такія дѣла, которыя не имѣли ничего общаго съ Новгородомъ, какъ, напримѣръ, на возведеніе костровъ или башень во Псковѣ. А между тѣмъ подобныя траты со стороны владыки были не совсѣмъ безпримѣрны въ новгородской исторіи» (стр. 52). При этомъ авторъ ссылается на тотъ же IV-й томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, страницы 94 и 195, на III-й томъ того же Полнаго Собранія, страницы 110 и 238, и на V-й томъ, стр. 263. Въ указанныхъ авторомъ и приведенныхъ имъ мѣстахъ лѣтописей мы находимъ извѣстія, что въ 1400 году посѣтившій Псковъ владыка Иванъ велѣлъ посаднику Захарію нанять рабочихъ для постройки одного «костра» надъ рѣкою Псковою и далъ на то свое серебро. Это мѣсто собственно ничего не доказываетъ ни въ пользу мнѣнія г. Прилежаева, ни въ пользу мнѣнія г. Никитскаго. Владыка могъ дать серебро изъ новгородскаго скопленія по прежде объявленному желанію новгородцевъ, могъ дать это серебро исключительно и изъ своего достоянія, не трогая новгородскихъ капиталовъ, бывшихъ у него на храненіи. Второе указаніе на событіе 1386 года подтверждаетъ болѣе мнѣніе г. Прилежаева. Великій Новгородъ обязался заплатить великому князю контрибуцію за своихъ удальцовъ, безчинствовавшихъ на Волгѣ; контрибуція простиралась до 8,000 рублей; изъ нихъ, по условію, великому князю предоставлялось со-

брать 5,000 руб. съ заволочанъ, участвовавшихъ въ походѣ на Волгу, а три тысячи новгородцы «вземше съ полатей у св. Софѣи послаша къ князю въ Ямна». Видно, что въ полатахъ у св. Софіи лежали суммы, принадлежавшія новгородцамъ, когда новгородцы совершенно безцеремонно принялись за нихъ какъ только пришлась имъ въ нихъ нужда. О владыкѣ въ этомъ мѣстѣ даже не упоминается, но выше (П. С. Л., IV, стр. 93) разсказывается, что владыка Алексѣй, переговариваясь съ великимъ княземъ, предложилъ ему, никакъ не отъ себя, а отъ Великаго Новгорода—8,000 рублей («Весь Великій Новгородъ бьетъ челомъ о мирѣ, чтобы, господине, кровопролитія не было; а за вину, господине, люди дають тп 8,000 рублевъ»). Само собою разумѣется, что новгородцы могли въ этомъ случаѣ предлагать въ смыслѣ контрибуціи, чрезъ своего владыку, только то, что принадлежало имъ, а не кому нибудь иному, и если, въ исполненіе такого прежде даннаго предложенія, они взяли съ полатей у св. Софіи 3,000 рублей, то брали такія деньги, которыя были ихъ собственностью. Въ третьемъ мѣстѣ говорится о событіи, происходившемъ въ 1428 году. Новгородцы заплатили контрибуцію великому князю литовскому Витовту въ размѣрѣ 5,000 рублей, а владыка Евфимій, который вмѣстѣ съ новгородскими боярами ѣздилъ толковать объ этомъ съ Витовтомъ, прибавилъ отъ себя шестую тысячу на выкупъ плѣнныхъ («а шестую тысячу рублевъ владыка свою далъ за полонъ»). Это мѣсто отнюдь не служитъ въ оправданіе г. Никитскому; напротивъ, если не прямо подтверждаетъ мнѣніе г. Прилежаева, то склоняетъ насъ къ нему. Мы видимъ здѣсь, что владычняя добавка къ 5,000 въ размѣрѣ одной тысячи была со стороны владыки пожертвованіемъ и, конечно, не принадлежала къ тому капиталу, изъ котораго взято было 5,000, какъ равно и пятитысячный взносъ контрибуціи былъ взятъ не изъ принадлежавшаго владыкѣ. Гдѣ лежали эти 5,000—неизвѣстно; только на основаніи прежняго мѣста объ уплатѣ великому князю московскому съ полатей св. Софіи можно думать, что и эти пять тысячъ хранились тамъ же, гдѣ и тѣ, которыя выданы были великому князю московскому. Мы соглашаемся съ г. Никитскимъ, что «новгородскіе владыки производили общественныя сооруженія своими людьми и на свои средства, что, обязанные заботиться о постройкѣ храмовъ и въ особенности о приданіи благолѣпія св. Софіи, содержали для этой цѣли свои особенныя дружины мастеровъ и даже вызывали ихъ изъ другихъ краевъ Руси, а иногда еще изъ нѣмецкихъ городовъ», но мы также соглашаемся съ слѣдующими словами того же г. Никитскаго (стр. 54): «міръ успѣлъ не только пріобрѣсти вліяніе на дѣла церкви, но даже въ извѣстной степени и подчинять послѣднюю своей власти, присвоивъ себѣ право избранія главы мѣстной церкви, принадлежавшее прежде кіевскому митрополиту. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ участія въ пользованіи этимъ правомъ нимало не устранялись и представители мѣстнаго новгородскаго духовенства, Софіяне, члены

Софійскаго собора, игумены и рядовое священство; но во всякомъ случаѣ они выражали собою только одну изъ вліятельныхъ силъ и притомъ далеко не самую рѣшительную». Все сказанное здѣсь и ниже—правда; но при такой силѣ міра или вѣча надъ строемъ новгородской церкви, какую признаетъ г. Никитскій, невозможно допустить, чтобы предпріятія владыкъ въ общественныхъ дѣлахъ совершались иначе, какъ только съ согласія міра или вѣча; а тогда естественно будетъ согласиться съ толкованіемъ г. Прилежаева, что деньги, хранившіяся въ Софійской казнѣ, которыми новгородскій міръ считалъ себя вправѣ распоряжаться, были взносимы туда этимъ же міромъ.

На страницѣ 101 и 102 своего сочиненія г. Никитскій заявляетъ свое неудовольствіе на автора «Сѣверноруссскихъ народоправствъ» за то, что онъ выразилъ такое мнѣніе, что новгородскіе владыки, хотя постоянно и состояли подъ судомъ митрополита, но со времени Луки Жидяты (1055 г.) мы не видимъ, чтобъ митрополиты пользовались этимъ правомъ до начала XV вѣка, и новгородскіе владыки обязательно не ѣздили къ митрополитамъ, исключая посвященія. Г. Никитскій возражаетъ, что въ XIV вѣкѣ, въ эпоху самой бо́льшей независимости новгородской церкви, не мало свидѣтельствъ, показывающихъ, что, помимо посвященія, пріѣздъ новгородскаго владыки къ митрополиту былъ явленіемъ обыкновеннымъ: ѣздилъ къ митрополиту во Владиміръ владыка Василій въ 1334 г., ѣздилъ въ Москву владыка Алексѣй въ 1376 г., ѣздилъ владыка Иванъ въ 1396 и 1397 годахъ. О поѣздкѣ Василія къ Ѳеогносту мы ничего не знаемъ, а чего не знаемъ, о томъ судить не будемъ. Алексѣй ѣздилъ по особому случаю: онъ добровольно отрекся отъ архіерейства, а новгородцы обратились къ митрополиту и при посредствѣ митрополита упросили снова своего владыку вступить въ управленіе, тогда и владыка ѣздилъ къ митрополиту за новымъ благословеніемъ: это была поѣздка, одинакая съ такою, какую каждый владыка предпринималъ для своего посвященія при вступленіи въ санъ новгородскаго владыки. Что касается до поѣздокъ владыки Ивана въ Москву, то онѣ предпринимались съ политическими цѣлями, какъ это показываетъ разсказъ, напечатанный на 88 страницѣ III тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей: владыка Иванъ ѣздилъ въ Москву какъ одинъ изъ сановниковъ Великаго Новгорода съ посадниками и житыми людьми бить великому князю челомъ объ установленіи мира и о возвращеніи Великому Новгороду отнятыхъ волостей. Митрополитъ Кипріанъ тогда только благословилъ владыку и отпустилъ съ честію и благословеніемъ, но чтобъ было тогда какое нибудь судное дѣло или вообще церковное дѣло, по поводу котораго новгородскій владыка обращался бы съ митрополитомъ, какъ съ своимъ начальникомъ—объ этомъ нѣтъ извѣстія. Владыка такія поѣздки совершалъ какъ представитель Великаго Новгорода, а не собственно какъ духовное лицо, подчиненное митрополиту. Только уже подъ 1401 годомъ мы встрѣчаемъ положительное извѣстіе, что митрополитъ

Кипріанъ позвалъ владыку «о святительскихъ дѣлахъ», да и тутъ намъ неизвѣстно какого рода были эти святительскія дѣла, и на сколько относились они къ подсудности владыки къ митрополиту (ibid., стр. 101). Слѣдовательно, авторъ «Сѣверноруссскихъ народоправствъ» не можетъ подлежать упреку за сказанное имъ, что со времени епископа Луки до начала XV вѣка не видно чтобъ митрополиты пользовались своимъ правомъ суда надъ новгородскими владыками и послѣдніе, какъ духовные сановники, обязательно ѣздили къ митрополитамъ только для своего посвященія. Но, какъ одни изъ представителей власти въ Великомъ Новгородѣ, владыки могли ѣздить въ столицы великихъ князей, гдѣ обыкновенно находились и митрополиты и, разумѣется, должны были въ такихъ случаяхъ являться къ митрополиту на поклонъ; что такихъ поѣздокъ не бывало — авторъ «Сѣверноруссскихъ народоправствъ» не говоритъ; но такія поѣздки владыкъ нимало не показываютъ, чтобъ митрополиты примѣняли къ дѣлу свое право суда надъ новгородскими владыками. Г. Никитскій нападаетъ на автора «Сѣверноруссскихъ народоправствъ» еще за то, что тотъ замѣтилъ («Сѣвернор. народопр.», 81, 275), что владыка Евфимій II, принявъ посвященіе отъ западнорусскаго митрополита Герасима, долгое время не показывалъ подчиненія Москвѣ. Въ опроверженіе такихъ словъ, г. Никитскій говоритъ, что «Евфимій не думалъ затрогивать церковныхъ правъ митрополита», и въ доказательство указываетъ на то, что Евфимій относился къ митрополиту Исидору и самъ Исидоръ посѣщалъ Новгородъ. Дѣло въ томъ, что новгородскіе владыки, какъ и весь Великій Новгородъ, уже заранѣе чуя, что отъ Москвы можно ожидать уничтоженія своей мѣстной самобытности, старались елико возможно быть свободнѣе отъ тяготѣнія московской власти надъ русскими землями и въ числѣ ихъ надъ новгородскою во всѣхъ отношеніяхъ; раздѣленіе русской церкви на двѣ митрополіи подало владыкѣ благовидный предлогъ отрѣзаться отъ Москвы, такъ какъ изъ двухъ носившихъ по благословенію патріарховъ вселенскихъ санъ митрополита русскаго, владыки новгородскіе могли подчиниться тому или другому, не нарушая формально древняго порядка: Евфимій подчиняется литовскому, чтобъ не быть подчиненнымъ московскому. Но вдругъ митрополіи соединяются; Исидоръ отъ константинопольскаго патріарха присланъ въ Русь быть единымъ первопрестольникомъ русской церкви — и владыкѣ новгородскому пришлось, можетъ быть, и съ нежеланіемъ, подчиняться московскому митрополиту, ставшему разомъ и литовскимъ. Вопросъ для новгородскаго владыки, какъ и для всего Великаго Новгорода, шелъ не о томъ, чтобъ устраняться отъ подчиненія митрополиту, а отъ подчиненія Москвѣ. Въ такомъ смыслѣ и выразился авторъ «Сѣверноруссскихъ народоправствъ», а г. Никитскій употребляетъ противъ него избитый журнальный пріемъ полемики: ловить противника на словахъ и приписывать имъ не такое значеніе, какое давалъ имъ противникъ. То, что говорилось о Москвѣ

въ смыслѣ средостремительной силы, захватывавшей мало-по-малу всѣ отправленія духовной и общественной жизни во всѣхъ русскихъ земляхъ, г. Никитскій повернулъ на идею о власти митрополита, первопрестольника русской церкви по управленію русскими епархіями. Вообще во всѣхъ нападкахъ на автора «Сѣверноруссскихъ народоправствъ» оказывается,что г. Никитскій оставляетъ такія же заключенія, къ какимъ еще прежде него пришелъ авторъ «Сѣверноруссскихъ народоправствъ», исключая развѣ сказаннаго о бочкахъ. Намъ кажется, что задача, поставленная г. Никитскимъ въ числѣ другихъ задачъ, въ своемъ сочиненіи «сдѣлать критическую провѣрку результатовъ, достигнутыхъ въ области новгородской церковной исторіи предшествовавшими ему изслѣдователями» ему не вполнѣ удалась: никакой новой Америки г. Никитскій намъ не открылъ. Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ достоинствамъ его изслѣдованія, на которыя мы указали выше.

Сочиненіе г. Никитскаго раздѣляется на четыре главы: первая—утвержденіе христіанской церкви въ Великомъ Новгородѣ—обнимаетъ собою X—XII вѣка; вторая—устройство новгородской церкви въ XIII вѣкѣ—занимается не только XIII, но и XIV и XV вѣками по внутреннему строю; въ третьей—авторъ разсматриваетъ борьбу Новгорода съ Москвою за церковную самостоятельность, борьбу, начавшуюся еще въ XIV вѣкѣ; четвертая—занимается религіозными движеніями въ новгородской церкви въ XV и XVI вѣкахъ. Авторъ особенно подробно занимается жидовствующею ересью. Ея появленіе г. Никитскій главнымъ образомъ приписываетъ распространившемуся въ умахъ и не сбывшемуся ожиданію наступленія кончины міра. «Сомнѣніе,—говоритъ г. Никитскій (стр. 162),—въ близкомъ наступленіи втораго пришествія Іисуса Христа необходимо должно было вызвать въ жидовствующихъ прежде всего сомнѣніе въ тѣхъ источникахъ, которыми въ господствующей церкви подкрѣпляли укоренившееся суевѣріе, именно въ евангельскихъ и особенно апостольскихъ и отеческихъ писаніяхъ... посыпались возраженія со стороны еретиковъ, когда, вопреки всеобщему ожиданію, что съ завершеніемъ седьмой тысячи лѣтъ окончится пасхалія, окончится и міръ,—роковой 1492 годъ прошелъ благополучно, свѣтопреставленія не послѣдовало. Возраженія эти показываютъ, что еретики вооружались противъ апостольскихъ и отеческихъ писаній единственно на основаніи предполагаемаго несоотвѣтствія нѣкоторыхъ изъ ихъ мѣстъ, говорившихъ о кончинѣ міра съ дѣйствительностію... Святые отцы написали,—говорили, напримѣръ, по словамъ Іосифа Волоцкаго, жидовствующіе, — что для существованія здѣшняго міра опредѣлено семь тысячъ лѣтъ, а осьмая для будущаго; но теперь семь тысячъ лѣтъ уже прошло, а свѣтопреставленія нѣтъ; не ясно ли, что творенія св. отцовъ ложны и что ихъ надобно сжечь? Апостолы говорили, что Христосъ родился въ послѣднія лѣта, а теперь вотъ уже прошли тысяча пятьсотъ лѣтъ послѣ Его рожденія; время бы Ему быть, а Его нѣтъ; апо-

столы, стало, говорили неправду. Но въ особенности мудрствованіе еретиковъ обращалось противъ Ефрема Сирина. Ефремъ Сиринъ,—твердили они,—писалъ, что всѣ пророчества и писанія исполнились, ничего не осталось ожидать, кромѣ втораго пришествія; и вотъ уже прошло 1100 лѣтъ послѣ сказанія Ефрема, а втораго пришествія нѣтъ: не очевидно ли, что сочиненіе Ефрема—чистая ложь? Далѣе, сомнѣніе въ близкомъ наступленіи втораго пришествія Христова легко могло вызывать на размышленіе о справедливости вѣрованія во второе пришествіе и о личности Іисуса Христа вообще... Сомнѣнія эти, въ концѣ концовъ, разрѣшились отрицаніемъ самыхъ вѣрованій во второе пришествіе и въ божество Іисуса Христа... По словамъ Іосифа, еретики утверждали, что предреченный въ писаніи Христосъ еще не родился, а когда родится, то наречется сыномъ Божіимъ не по существу, а по благодати, подобно Моисею, Давиду и другимъ пророкамъ. Исповѣдуемый же христіанами Спаситель есть простой смертный, а не Богъ; онъ былъ и распятъ, и умеръ, и истлѣлъ въ гробу» (стр. 164). Г. Никитскій думаетъ, что черты, побудившія считать еретиковъ послѣдователями жидовства, привнесены Іосифомъ Волоцкимъ, смотрѣвшимъ на ересь какъ на жидовство, а въ дѣйствительности этого не было, какъ показываютъ другіе источники и въ особенности соборное изложеніе ученія еретиковъ, дошедшее до насъ въ лѣтописи. «Изъ этого изложенія,—говоритъ г. Никитскій,—видно, что еретики не признавали возможности сошествія Бога на землю и рожденія его отъ Дѣвы, а потому утверждали не то, что Мессія еще не явился, а только то, что Христосъ былъ пророкъ подобно Моисею. Развѣ не могъ Богъ,—разсуждали еретики,—спасти Адама и сущихъ съ нимъ отъ ада, развѣ не имѣлъ онъ небесныхъ силъ, пророковъ и праведниковъ, чтобъ послать ихъ исполнить свое желаніе? Развѣ сообразно съ божескимъ достоинствомъ сходить самому на землю нестяжателемъ и нищимъ, воплощаться, страдать и этимъ путемъ перехитрить дьявола. Точно также еретики отказывали въ почитаніи Богоматери и угодникамъ. Не всѣ, однако, еретики останавливались на одномъ отрицаніи божества Іисуса Христа. Были между ними и такіе люди, которые, двигаясь все далѣе и далѣе на пути сомнѣнія, приходили, кажется, къ совершенному безвѣрію и матеріализму. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству Іосифа Волоцкаго, митрополитъ З о с и м а, отуманенный винными парами, не стѣсняясь высказывалъ, что всѣ святительскіе, апостольскіе и церковные уставы и преданія—чистый вздоръ, что Христосъ самъ себя назвалъ Богомъ. Что это,—говорилъ въ такихъ случаяхъ Зосима,—выдумали за царство небесное, второе пришествіе, воскресеніе мертвыхъ? Ничего подобнаго не будетъ: если кто умеръ, то и баста, до тѣхъ поръ и былъ».

Г. Никитскій очень правильно, остроумно и послѣдовательно показываетъ какъ здравый, но необразованный умъ новгородскихъ разумниковъ

конца XV и начала XVI вѣка, послѣ несбывшихся ожиданій свѣтопреставленія поколебавшись въ вѣрѣ къ писанному, скоро дошелъ до полнѣйшаго отрицанія и атеизма. Но переходя отъ религіозной стороны ереси къ политической, авторъ какъ будто задается желаніемъ сказать что-то новое, несогласное съ мнѣніями Соловьева, общепринятыми въ послѣднее время, объ изслѣдуемомъ событіи, но въ сущности г. Никитскій говоритъ то же, что и Соловьевъ, а расходится съ нимъ только въ тонкостяхъ и подробностяхъ. Далѣе, у г. Никитскаго удачная характеристика двухъ главнѣйшихъ защитниковъ православнаго ученія противъ жидовствующихъ: Геннадія и Іосифа Волоцкаго. Наконецъ, указывается историческая важность религіозныхъ движеній, возникшихъ въ Новгородской землѣ: «нѣкоторое значеніе,—говоритъ г. Никитскій (стр. 186),—эти движенія имѣли уже потому, что они были именно движенія, выводившія религіозное сознаніе изъ той неподвижности, въ которой оно пребывало вплоть до самаго XIV вѣка, представляли критику господствовавшей религіозной обрядности, хотя и довольно своеобразную. Но едва-ли не гораздо важнѣе было посредственное вліяніе этихъ движеній. Они вызвали къ дѣятельности дремавшія силы господствующей церкви, заставили ихъ сознательнѣе отнестись къ общепринятымъ вѣрованіямъ, дать себѣ въ нихъ отчетъ и такимъ образомъ хотя отчасти выйти изъ страдательнаго отношенія къ христіанству. Подобнымъ образомъ вліяніе новгородскихъ религіозныхъ движеній отразилось и на собственно церковномъ бытѣ, хотя и здѣсь дѣло не пошло такъ далеко какъ требовали обстоятельства». Авторъ далѣе указываетъ, что лучшіе люди, принадлежавшіе къ господствующей церкви, не сочувствуя крайностямъ еретиковъ, все-таки не могли не признать справедливости нѣкоторыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ еретиками, да и сами стали замѣчать слабыя стороны церковнаго порядка. Такимъ образомъ, еще до окончательной расправы съ еретиками въ 1503 году созванъ былъ въ Москвѣ соборъ, долженствовавшій принять мѣры противъ церковнаго нестроенія. Упомянувъ объ охужденіи этимъ соборомъ мзды за посвященіе въ духовныя должности, г. Никитскій замѣчаетъ, что самъ Геннадій, одинъ изъ важнѣйшихъ членовъ собора, былъ скоро послѣ того обвиненъ въ мздоимствѣ и отрѣшенъ отъ должности, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, было плодомъ интриги его многочисленныхъ враговъ. Далѣе, г. Никитскій касается вопроса о вдовствующихъ священнослужителяхъ, впрочемъ болѣе кратко, чѣмъ бы желать можно было въ виду исторической важности этого вопроса. Г. Никитскій замѣчаетъ, что «хотя, послѣ многихъ споровъ на соборѣ, мнѣніе Іосифа Волоцкаго восторжествовало и всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ запретили священнодѣйствовать, однако не безъ нравственной уступки». Такую нравственную уступку находитъ г. Никитскій въ томъ, что священникамъ и діаконамъ вдовымъ, при запрещеніи священнодѣйствовать, дозволялось стоять на клиросѣ въ епитрахиляхъ и въ стихаряхъ съ ора-

ремъ, и служить вечерни и заутрени. Но собственно нравственною уступкою можно для нихъ назвать развѣ дозволеніе надѣвать епитрахиль и стихарь съ ораремъ, отправленіе же вечерень и заутрень не заключало въ себѣ никакой нравственной уступки, потому что этого никогда не запрещалось и не запрещается до сихъ поръ каждому грамотному мірянину. Далѣе, г. Никитскій касается (только слегка затронутаго соборомъ 1509 года и окончательно исполненнаго въ 1528 г.) отдѣленія женскихъ монастырей отъ мужскихъ по управленію, введенія обязательнаго общежитія въ монастыряхъ, наконецъ, вопроса объ имущественномъ положеніи монастырей. Упомянувши объ отписаніи земель монастырскихъ и церковныхъ въ пользу великаго князя въ Новгородской землѣ при Иванѣ III, г. Никитскій приходитъ къ тому заключенію, что «попытки секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Великомъ Новгородѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ краяхъ носили чисто мѣстный характеръ и не могли дать прочныхъ средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей». Московскій профессоръ г. Павловъ, написавшій, какъ извѣстно, превосходное сочиненіе объ этомъ предметѣ, приходилъ къ заключенію, что великій князь Иванъ III думалъ удовлетворить монаховъ, за отобраніе у нихъ землевладѣльческихъ правъ, денежною и хлѣбною ругою, но г. Никитскій находитъ это мнѣніе неправильнымъ, на томъ основаніи, что этотъ великій князь своимъ собственнымъ служилымъ людямъ вмѣсто жалованья раздавалъ земельные участки. Но слѣдуетъ,—скажемъ мы,—не упускать изъ вида того, что великій князь былъ тогда подъ вліяніемъ Нила Сорскаго, который энергически требовалъ, чтобъ монахи, добровольно обрекавшіе себя на нищету, исполняли строго свой тяжелый обѣтъ, и, слѣдовательно, что допускалось для служилыхъ мірскихъ людей, то могло возбраняться для монаховъ. Какъ бы то ни было, секуляризація монастырскихъ земель чуть было не совершилась въ отсутствіе Іосифа Волоцкаго, а когда послѣдній воротился на соборъ, то все было передѣлано подъ его сильнымъ вліяніемъ. Съ тѣхъ поръ надолго еще духовенство продолжало владѣть имѣніями и старалось нравственными мѣрами поддерживать свои выгоды. Съ этою цѣлью во всѣхъ русскихъ епархіяхъ, по первому почину Великаго Новгорода, въ чинъ православія вносилось анаѳематствованіе противъ посягающихъ на отобраніе монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а въ ростовскомъ чинѣ православія 1642 года противъ анаѳемы на обидящихъ святыя церкви и монастыри сдѣлана была для протодіакона особая замѣтка: «возгласи вельми!»

При книгѣ г. Никитскаго находятся приложенія въ видѣ особыхъ статей: 1) разборъ сказаній Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода, 2) о двукратной проповѣди въ Новгородѣ, 3) объ основаніи Ярославомъ училища въ Новгородѣ, 4) объ уставѣ 1137 года о десятинѣ и его толкованіи и 5) разборъ существующихъ воззрѣній на ересь жидовствующихъ.

Двѣ первыя статьи касаются такихъ вопросовъ, которые могутъ быть рѣшены только подробнымъ и ученымъ анализомъ нашихъ древнихъ лѣтописныхъ сказаній вообще. Третья статья—объ основаніи училищъ въ Новгородѣ—самая удачная: г. Никитскій отвергаетъ мнѣнія Лавровскаго и Владимірскаго-Буданова, утверждавшихъ, что наборъ Ярославомъ дѣтей въ обученіе означаетъ заведеніе большаго училища въ Новгородѣ; г. Никитскій доказываетъ, что распоряженіе Ярослава имѣло цѣлью приготовленіе будущихъ священнослужителей по временной необходимости. Въ четвертой статьѣ—г. Никитскій опровергаетъ взгляды г. Кавелина и преосвященнаго Филарета по вопросу, касающемуся акта, дошедшаго до насъ въ довольно темной и сбивчивой редакціи, что и подавало поводъ къ различнымъ толкованіямъ. Что касается до пятой статьи, то г. Никитскій, приводя мнѣнія о сущности жидовствующей ереси Руднева, преосвященнаго Макарія, Панова и Сервицкаго, самъ не согласенъ вполнѣ ни съ однимъ, наклоняясь болѣе всѣхъ къ послѣднему, и предлагаетъ, наконецъ, свой собственный взглядъ, состоящій въ томъ, что начала ереси, возникшей въ концѣ XV вѣка, слѣдуетъ искать въ собственныхъ условіяхъ древней русской исторіи. Г. Никитскій въ этомъ случаѣ только собственно повторилъ взглядъ автора «Сѣверноруссскихъ народоправствъ» («Сѣверн. народ.», т. II, стр. 447).

Н. И. Костомаровъ.

Ноябрь 1879 года.
С.-Петербургъ.

ЗАМѢТКИ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича и Земскій Соборъ 1648—1649 года. Доцента Казанскаго университета, доктора государственнаго права Н. П. Загоскина. Казань. 1879 (80 стр.).

Въ рѣчи этой, произнесенной въ торжественномъ годичномъ собраніи Казанскаго университета, 5-го ноября 1879 г., авторъ останавливается на вопросѣ о степени участія земщины въ дѣлѣ составленія и изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, при чемъ затрогиваетъ нѣкоторые другіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ исторіи изданія этого законодательнаго памятника. Въ заключеніе г. Загоскинъ высказываетъ убѣжденіе о необходимости новаго, кореннаго пересмотра вопроса о составленіи и изданіи Уложенія.

Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1876 году. Томъ II. Лейденъ. 1879 (619 стр.).

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, передъ нами II-й томъ Трудовъ 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ. Въ составъ его вошли статьи на иностранныхъ языкахъ (нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ и латинскомъ); статьи-же на русскомъ языкѣ предназначаются въ I-й томъ, печатаніе котораго, вслѣдствіе нѣкоторыхъ независящихъ отъ редакціи обстоятельствъ, замедлилось.

Въ виду чисто-спеціальнаго содержанія, II-й томъ, само собою разумѣется, можетъ интересовать только оріенталистовъ и болѣе за границею, чѣмъ у насъ. Изъ помѣщенныхъ въ немъ 17-ти статей, по отношенію къ Россіи любопытны: «Quelques remarques et une proposition au sujet de la première expedition russe au Japon (W. Lagus)», и «De la civilisation prehistorique des peuples Permiens et de leur commerce avec l'orient (J. R. Aspelin)».

Сборникъ Археологическаго Института. Книга вторая. Изданъ подъ редакціею Н. В. Калачова. Спб. 1879.

Уваженіе къ памятникамъ древности обусловливается у каждаго народа степенью его умственнаго развитія; другими словами, чѣмъ народъ образованнѣе, тѣмъ глубже онъ сознаетъ важность ихъ сохраненія и изученія. У насъ въ Россіи археологическая наука начала развиваться только со времени учрежденія Археологическаго общества и Императорской Археологической коммиссіи. Немало содѣйствія въ этомъ дѣлѣ оказали и археологическіе съѣзды. Лучшимъ же свидѣтельствомъ того сочувствія, какое у насъ на-

ила эта отрасль науки, можетъ служить явившаяся потребность въ учрежденіи особаго Института съ исключительною цѣлью подготовки молодыхъ ученыхъ, посвятившихъ себя археологіи. Благодаря ихъ собственно дѣятельности, Институтъ нашелъ возможнымъ издать въ настоящемъ году вторую книгу своего сборника.

Книга эта раздѣляется на 3 отдѣленія. Въ составъ 1-го вошли статьи:

а) Поѣздка слушателей Института въ Москву съ цѣлью посѣщенія тамошнихъ главныхъ архивовъ. Въ статьѣ сообщаются любопытныя свѣдѣнія объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича.

б) Обозрѣніе сочиненія С. М. Шпилевскаго: «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи» (Казань. 1877).

в) Раскопки г. Данилова по берегамъ рѣки Оредежи, при деревнѣ Ново-Сиверской, въ Царскосельскомъ уѣздѣ.

Второе отдѣленіе посвящено высочайшимъ рескриптамъ, указамъ и повелѣніямъ императора Александра I въ періодъ времени съ 1801 по 1820 г., а также высочайшимъ указамъ сенату и самого сената и дѣлу о поступкахъ могилевскаго архіепископа Варлаама во время нашествія французовъ въ 1812 году.

Не отрицая важности и интереса означенныхъ документовъ, мы, однако же, думаемъ, что печатаніе ихъ было-бы болѣе кстати въ какомъ-либо историческомъ изданіи, чѣмъ въ Археол. Сборникѣ, въ виду прямаго, спеціальнаго его направленія.

Въ третьемъ отдѣленіи напечатана между прочимъ, не лишенная интереса статья фонъ-Легерана: «О баварскихъ архивахъ».

Наконецъ, въ приложеніяхъ помѣщены рѣчи и отчеты, читанные въ Археологическомъ Институтѣ въ торжественномъ собраніи 22-го января 1879 года, а также отчетъ о доходахъ и расходахъ текущихъ суммъ Института съ 1-го сентября 1877 (по оглавленію, а въ приложеніи 1878) по 1-е января 1879 года. Изъ послѣдняго видно, что въ расходѣ было: 12,124 р. 16 к., въ остаткѣ 4,003 р. 34 к.; а всего 16,127 р. 50 к.

Къ сборнику приложенъ портретъ императора Павла—работа почетнаго члена Института Штремера. Изъ другихъ приложеній особенно любопытенъ планъ г. Казани 1773 года.

Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія. Спб. 1879 годъ (844 стр.).

Объемистый томъ этотъ заключаетъ въ себѣ собственно окончаніе дѣлъ за время управленія морскимъ министерствомъ ген.-адмирала графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина. Представляя въ высшей степени важный матеріалъ для исторіи нашего флота съ 1708 года по начало царствованія императрицы Екатерины I, трудъ этотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того вниманія, какое правительство обращаетъ на приведеніе въ извѣстность и разработку своихъ архивовъ. Въ виду послѣдняго именно обстоятельства, мы въ правѣ расчитывать, что описаніе дѣлъ архива морскаго министерства будетъ доведено до конца и что тѣмъ самымъ представится возможность приступить къ составленію обстоятельнаго и подробнаго описанія возникновенія и развитія русскаго флота, и пополнить, такимъ образомъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ пробѣловъ въ нашей отечественной исторіи.

Систематическій и азбучный указатели сочиненій и статей, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, вошедшихъ въ составъ 1—150 томовъ Туркестанскаго сборника, составленнаго В. И. Межовымъ. Спб. 1879 годъ (IV и 184 стр.).

Новый трудъ нашего неутомимаго библіографа посвященъ всецѣло перечисленію статей, появившихся въ нашей и частію въ иностранной литературѣ о

Средней Азіи. Всѣхъ статей приведено 2007; изъ нихъ о Средней Азіи вообще 406, о Средней Азіи въ особенности—1601. Къ концу книги приложены три обстоятельные указателя.

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ подобнаго рода указателямъ, мы, въ виду очевидной ихъ пользы и въ предупрежденіе всякихъ пропусковъ, не можемъ не обратить вниманія г. Межова на нѣкоторые, пользующіеся давнишнею извѣстностью сочиненія о Средней Азіи, каковы труды Ханыкова, Муравьева, Александра Бернса (изданы въ переводѣ съ англійскаго Императорскимъ Русскимъ Географическимъ обществомъ), Бларамберга, и др., не поименованныевъ первомъ выпускѣ указателей.

Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Томъ XI. Одесса. 1878 годъ (508 стр.).

Новый томъ этого изданія, начавшагося въ 1844 году, по обилію статей и ихъ интересу, ничѣмъ не отличается отъ его предшественниковъ. Первое отдѣленіе XI тома посвящено археологіи, географіи и исторіи и состоитъ изъ 6-ти разсужденій и изслѣдованій о надписяхъ и древностяхъ, найденныхъ въ Херсонѣ и Керчи; перевода съ нѣмецкаго любопытнаго дневника путешествія въ южную Россію въ 1773—1774 гг., академика Гильденштета, скончавшагося впослѣдствіи въ плѣну у кавказскихъ горцевъ, и двухъ статей историческаго содержанія, изъ которыхъ не лишенъ интереса очеркъ гражданскаго управленія въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи во время русско-турецкой войны 1806—1812 годовъ.

Изъ собранія матеріаловъ, составляющихъ второе отдѣленіе, отмѣтимъ здѣсь письма де-Рибаса къ правителю канцеляріи князя Потемкина Таврическаго (1785—1796).

Въ третьемъ отдѣлѣ особенно любопытны «Краткія записки о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ персіянъ въ прошломъ столѣтіи»; «Описаніе монаха Доминиканскаго ордена Жана-де-Люка перекопскихъ и ногайскихъ татаръ, черкесовъ, мингрельцевъ и грузинъ» и, наконецъ, «Подробности о болѣзни и смерти князя Таврическаго».

Къ тому приложены девять литографированныхъ листовъ.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи уфимскаго дворянства. В. А. Новикова. Уфа. 1879 г. (265 стр.).

Послѣ нѣкоторыхъ, весьма краткихъ историческихъ свѣдѣній о башкирахъ, населявшихъ Уфимскую губернію въ эпоху покоренія царства Казанскаго, г. Новиковъ касается вопроса о возникновеніи въ этой части Россіи городовъ и дворянскаго сословія, и заканчиваетъ первую главу перечисленіемъ воеводъ и губернаторовъ, стоявшихъ во главѣ управленія съ 1615 по 1876 годъ, а также епископовъ оренбургскихъ съ 1800 года. Въ остальныхъ пяти главахъ авторомъ собраны документы, рисующіе жизнь и дѣятельность общества дворянъ Уфимской губерніи на пользу мѣстную и государственную.

Желательно, чтобы трудъ г. Новикова послужилъ иниціативою для изданія подобныхъ же сборниковъ и по другимъ губерніямъ. Только при общемъ и дружномъ содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ можетъ образоваться полный и провѣренный матеріалъ, необходимый для составленія обстоятельной исторіи нашего дворянства вообще.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Т. IV, ч. 1. Трактаты съ Австріею. 1815—1849 гг. Спб. 1878 г. (601 стр.).

Далеко-ли то время, когда сношенія Россіи съ иностранными державами составляли какъ-бы государственную тайну и только частью, въ общихъ чертахъ, были намъ извѣстны изъ газетныхъ со-

общеній. Между тѣмъ обнародованіе нашихъ дипломатическихъ актовъ, по многимъ причинамъ, становилось болѣе и болѣе настоятельнымъ. Этой-то потребности, какъ нельзя лучше, удовлетворяетъ трудъ г. Мартенса. Въ послѣдне-изданной имъ 1-й части IV тома собраны трактаты наши съ Австріей за 1815 по 1849 годъ. Въ числѣ ихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ и Мартовская конвенція 1833 года (№ 134) относительно политики трехъ сѣверныхъ державъ въ бельгійскомъ вопросѣ, и Мюнхенгрецкая конвенція 1833 года касательно Восточнаго вопроса (№ 135). Равнымъ образомъ, въ первый разъ печатается апрѣльскій актъ 1846 года (№ 141), которымъ былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о присоединеніи Краковской республики къ Австріи (См. предисловіе, стр. X).

Но помимо собранія и изданія нашихъ дипломатическихъ документовъ, главное достоинство труда г. Мартенса, само собою разумѣется, заключается въ историческихъ введеніяхъ, содержащихъ въ себѣ много новыхъ драгоцѣнныхъ данныхъ, ярко освѣщающихъ нашу дипломатическую переписку съ нѣкоторыми державами, и намъ остается только ожидать съ самымъ напряженнымъ нетерпѣніемъ появленія послѣдующихъ томовъ монументальнаго труда, предпринятаго почтеннымъ профессоромъ нашего университета.

Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ (съ IX по XIV стол.). Составилъ В. Д. Спиовскій. Спб. 1879 г. (235 стр. и VII стр. примѣчаній къ рисункамъ).

Сочиненіе это есть одна изъ попытокъ представить русскую исторію въ послѣдовательномъ и обстоятельномъ разсказѣ для учащихся отъ 13-ти до 15-ти лѣтняго возраста. Въ отпечатанномъ нынѣ первомъ выпускѣ, трудъ г. Спиовскаго доводитъ до исхода XIV столѣтія. Внѣшность изданія удовлетворительна; изложеніе обстоятельно и въ почтенномъ авторѣ видѣнъ, педагогъ вполнѣ обладающій своимъ предметомъ. Подобныя изданія составляютъ всегда пріятный вкладъ въ нашу литературу, а потому не можемъ не пожелать составителю книги полнаго успѣха въ доведеніи предпринятаго имъ труда до вожделѣннаго конца.

Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полевого. Спб. 1879 г. (177 стр.).

Пробѣлъ, давно уже ощущаемый въ нашей литературѣ, въ спеціальномъ сочиненіи о бытовой сторонѣ отечественной исторіи начинаетъ пополняться трудомъ, предпринятымъ г. Полевымъ. Вышедшій нынѣ первый выпускъ «посвященъ преимущественно эпохѣ, предшествовавшей возникновенію первыхъ русскихъ княжествъ, и до нѣкоторой степени знакомитъ насъ съ тою историческою почвой, на которой эти княжества возникли».

На сколько сочиненіе г. Полевого полезно, не требуетъ поясненія, и лучшею оцѣнкою его будетъ то сочувствіе, которое оно несомнѣнно встрѣтитъ со стороны всѣхъ, подвизающихся на поприщѣ изученія отечественной исторіи. Полный же критическій отзывъ о немъ возможенъ лишь послѣ появленія 4-го, послѣдняго, выпуска «Очерковъ русской исторіи въ памятникахъ быта». (См. объ этомъ же соч. на оберткѣ).

Русская женщина въ войну 1877—1878 гг. Очеркъ дѣятельности сестеръ милосердія, фельдшерицъ и женщинъ-врачей. Составилъ П. А. Илинскій. Спб. 1879 (IV и 277 стр.).

Всякому изучавшему исторію приходилось не одинъ разъ останавливаться на той роли, какую женщина во всѣ вѣка играла въ жизни того или другаго народа. Помимо прямаго призванія быть матерью и другомъ, въ обширномъ и лучшемъ смыслѣ этихъ словъ, вліяніе ея на общество всюду одинаково исстра-

зимо и благотворно. Но справедливо и то, что никогда еще женщина не достигала той высоты, на которой мы ее встрѣчаемъ въ минувшую войну. Ставъ подъ знамя «Краснаго Креста», она неуклонно, съ полнымъ самопожертвованіемъ, явилась «подвижницей и труженицей» на избранномъ ею поприщѣ. Этой-то, припикнутой святою любовью къ ближнему дѣятельности русской женщины г. Илинскій и посвятилъ свой трудъ.

Не касаясь недостатковъ и недомолвокъ въ книгѣ г. Илинскаго, составляющей одинъ только очеркъ участія женщины въ дѣлѣ попеченія о жертвахъ войны, мы вполнѣ сочувственно привѣтствуемъ этотъ первый и, въ своемъ родѣ, новый вкладъ въ нашу литературу.

Книга г. Илинскаго раздѣлается на 20 главъ, въ которыхъ, послѣ краткаго историческаго обзора дѣятельности русской женщины по уходу за ранеными, обрисовывается ея служба какъ на войнѣ, на санитарныхъ поѣздахъ и эвакуаціонныхъ пунктахъ, такъ равно въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Всѣхъ женщинъ (по свидѣтельству автора) на оба театра войны т. е. на Дунай и на Кавказъ, было отправлено свыше 1,000 и всѣ онѣ, въ качествѣ сестеръ милосердія, ознаменовали себя безчисленными подвигами терпѣнія и человѣколюбія, стяжавшими имъ глубокую признательность испытавшихъ на себѣ ихъ помощь и добрую память въ грядущихъ поколѣніяхъ.

Спб. Ад. П. Берже

Генералъ Ушаковъ.

1864 г.

Г. Бергъ, въ Запискахъ своихъ о польскомъ возстаніи въ 1863—1865 гг. («Рус. Стар.» изд. 1879 г. томъ XXVI, стр. 667), разсказывая о событіяхъ начала 1864 г. и о томъ, какъ между покойнымъ отцомъ моимъ, генераломъ Ушаковымъ, и намѣстникомъ графомъ Бергомъ произошли неудовольствія по поводу отзыва отца моего о состояніи ввѣреннаго ему Радомскаго отдѣла, утверждаетъ, что: «Капитанъ Медемъ посланъ былъ въ Радомъ объявить Ушакову, что намѣстникъ имъ недоволенъ и желаетъ, чтобъ онъ подалъ въ отставку. Пилюля позолачивалась, однако, предложеніемъ Ушакову выбрать при увольненіи отъ должности, что онъ пожелаетъ: чинъ полнаго генерала или аренду. Онъ выбралъ послѣднее и удалился на покой въ Петербургъ, гдѣ сдѣланъ членомъ совѣта».

Отецъ мой не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые торгуются относительно каждаго своего назначенія или награды. Онъ никогда не предлагалъ себя и никогда не отказывался отъ назначенія. Графъ Бергъ очень хорошо зналъ это, и когда между имъ и отцомъ моимъ возникли неудовольствія вслѣдствіе того, что отзывы отца о положеніи ввѣреннаго ему отдѣла не согласовались съ отзывами лицъ, которые изъ личныхъ интересовъ старались представить дѣло иначе, графъ Бергъ могъ просить объ отозваніи отца тѣхъ, отъ кого это отозваніе зависѣло, но, конечно, никогда не рѣшился бы даже предложить моему отцу подать просьбу объ отставкѣ, а тѣмъ болѣе не рѣшился бы сдѣлать это чрезъ молодаго офицера (барона Медема) и въ той формѣ, какъ это описываетъ г. Бергъ.

Что все сказанное по этому поводу г. Бергомъ ошибочно, лучше всего доказывается тѣмъ, что, по его объясненію, отецъ мой за согласіе свое оставить начальство въ Радомскомъ отдѣлѣ въ началѣ 1864 г. взялъ, по предложенію графа Берга чрезъ Медема, аренду,—между тѣмъ, какъ отецъ мой получилъ аренду 9-го мая 1862 г., т. е. почти за два года до описываемыхъ г. Бергомъ происшествій.

15-го декабря 1879 г.

Надежда Герардъ,
рожденная Ушакова.

1855—1880.

19-е ФЕВРАЛЯ 1880 г.

1880.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“ томъ XXVII.

19-е ФЕВРАЛЯ 1880 г.

Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

19-е ФЕВРАЛЯ 1880 года.

Спустя нѣсколько дней — 19-го февраля сего 1880 года — Россія будетъ праздновать двадцатипятилѣтнюю годовщину дня восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича.

— „Служи Россіи!“—завѣщалъ на смертномъ одрѣ, 18-го февраля 1855 года, Императоръ Николай Павловичъ своему преемнику,—„мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе!“[1])...

Эти предсмертныя слова Государя Императора Николая Павловича на порогѣ вѣчности въ немногихъ выраженіяхъ заключаютъ въ себѣ многое: онъ завѣщалъ Сыну царство—изнуренное войною и разстроенное несовершенствами прежняго правительственнаго строя. На моряхъ Россіи развѣвались вымпелы Англіи и Франціи; твердыни Севастополя, громимыя пушками четырехъ соединенныхъ царствъ, колебались, обагряемыя потоками крови доблестныхъ сыновъ Россіи. Страшные, тяжкіе дни переживала она въ эпоху восшествія на престолъ Александра II...

Прекращеніе трехлѣтней Восточной войны было первымъ благодатнымъ событіемъ новаго царствованія.

Коронованіе Императора было ознаменовано всемилостивѣйшимъ манифестомъ, осушившимъ слезы многихъ тысячъ страдальцевъ.

---

[1]) «Послѣдніе дни жизни Императора Николая Павловича», Спб. 1855 г. Въ 8-ю д. Стр. 39, составлено гр. Д. Н. Блудовымъ.

Настала эпоха преобразованій.

5-го іюля 1856 г. обнародовано Положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи.

Въ томъ же 1856 году передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, Государь Императоръ обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться и что потому лучше, чтобы преобразованіе это совершилось сверху,—чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, именно 3-го января 1857 г., Государь Императоръ, подъ личнымъ Своимъ предсѣдательствомъ, учредилъ особый Комитетъ, вскорѣ наименованный Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу, на который возложилъ трудъ разработки законоположеній объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи. 20-го ноября 1857 г. обнародованы первые Высочайшіе рескрипты объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Четыре года проведены были надъ трудомъ колоссальнымъ, и великое, святое дѣло освобожденія сельскаго населенія Россіи отъ крѣпостнаго ига и устройство этого населенія даровано Государемъ Императоромъ 19-го февраля 1861-го года [1]).

Одно высокознаменательное и благотворное законоположеніе влекло за собою цѣлый рядъ другихъ, явившихся прямыми его послѣдствіями: утвержденіе основныхъ началъ судебной реформы

---

[1]) Предсѣдателемъ Главнаго Комитета, когда въ немъ разсматривались проекты Положеній Редакціонныхъ Комиссій, по Высочайшему повелѣнію, былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ три мѣсяца (съ 10-го октября 1860 г. по январь 1861 г.) Главный Комитетъ имѣлъ сорокъ пять засѣданій; о громадности труда, имъ подъятаго въ это время—свидѣтельствуютъ двадцать два тома (рукописныхъ, in folio)—объсненій, замѣчаній, справокъ и мнѣній по поводу статей проектовъ Положеній, представленныхъ Предсѣдателемъ и Членами Комитета, и, наконецъ, выработанные Комитетомъ проекты: Общее Положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости; Положеніе о мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ; Мѣстныхъ Положеній (четыре); Положеніе о выкупѣ; Положеніе о дворовыхъ людяхъ, Дополнительныхъ Правилъ (о крестьянахъ: мелкопомѣстныхъ имѣній; горныхъ заводовъ; помѣщичьихъ фабрикъ; о крестьянахъ земли Войска Донскаго;—Ставропольской губ.;—Сибири и Бессарабіи) и Правилъ о приведеніи въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ.

Всѣ проекты этихъ обширныхъ и сложныхъ законоположеній были внесены, по Высочайшему повелѣнію, въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта въ концѣ января 1861 г.

(29-го сентября 1862 г.), уничтоженіе питейнаго откупа (1-го января 1863 г.), отмѣна тѣлесныхъ наказаній и отмѣна клейменія людей (17-го апрѣля 1863 г.), положеніе о земскихъ учрежденіяхъ (1-го января 1864 г.), обнародованіе закона объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ (19-го февраля 1864 г.), новые судебные уставы (20-го ноября 1864 г.), введеніе судебной реформы,—а съ нею гласность судопроизводства и равноправность всѣхъ сословій предъ закономъ (17-го апрѣля 1866 г.), поземельное и общественное устройство крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ (1863 и 1866 гг.), новое Городовое положеніе (1870 г.); контрольная и счетная реформы, гласность бюджета, обсужденіе бюджета въ печати. Цѣлесообразность многихъ финансовыхъ мѣръ и измѣненіе экономическихъ условій народнаго быта повело къ весьма значительному увеличенію государственныхъ доходовъ [1]).

Изъ учрежденій и узаконеній, имѣвшихъ прямое отношеніе къ народному образованію, назовемъ: новое положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ (14-го іюля 1864 г.), изданіе новаго устава россійскихъ университетовъ (18-го іюня 1863 г.), указъ объ освобожденіи печати, при извѣстныхъ условіяхъ, отъ предварительной цензуры (6-го апрѣля 1865 г.), учрежденіе Новороссійскаго университета (11-го мая 1864 г.), Императорскаго историко-филологическаго института (27-го іюня 1867 г.), развитіе и увеличеніе числа вообще высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній; коренное преобразованіе военно-учебныхъ заведеній; учрежденіе учительскихъ семинарій и педагогическихъ курсовъ, женскія гимназіи, высшіе женскіе курсы (женскій университетъ), женскіе врачебные курсы (женская медицинская академія) и т. д.

Остановимся на отечественной печати. Бо́льшій просторъ, до извѣстной степени предоставленный отечественному слову, въ первые же годы настоящаго царствованія, вызвалъ изъ ихъ насильственнаго безмолвія группу высоко-даровитыхъ писателей.... Та же относительная свобода русскаго слова была матерью новѣйшей отечественной исторіи и исторической критики: безъ нея не было бы множества историческихъ тру-

[1]) По Росписи на 1863 г. предположено къ поступленію обыкнов. Государственныхъ доходовъ—299 милліоновъ, а на 1880-й г.—653 милліона рублей.

довъ, явившихся только въ нынѣшнее царствованіе и составляющихъ драгоцѣнный вкладъ въ отечественную науку; не было бы и тѣхъ историческихъ сборниковъ и повременныхъ изданій, всецѣло посвященныхъ изученію Россіи въ ея прошедшемъ, къ числу которыхъ имѣетъ честь принадлежать и „Русская Старина“.

Просвѣщенный взглядъ Государя Императора на права отечественной науки вообще—привелъ къ тому, что отнынѣ она заняла вполнѣ подобающее ей мѣсто въ Европѣ.

Нравственное обновленіе Россіи въ нынѣшнее царствованіе отразилось и на ея, такъ сказать, физическомъ организмѣ. Желѣзныя дороги—вены и артеріи, нити телеграфовъ—нервы каждаго благоустроеннаго государства, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ—простерлись по Россіи на многія тысячи верстъ, побѣждая и пространство и время.

Отсталость и злоупотребленія, обнаруженныя въ эпоху Крымской войны, вызвали со стороны правительства множество важнѣйшихъ преобразованій по военной и морской частямъ. И въ этомъ отношеніи мы во многомъ чрезвычайно успѣли, какъ вообще въ организаціи сухопутныхъ и морскихъ силъ, такъ въ вооруженіи и въ обмундировкѣ войскъ. Облегченіе войскъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, было одною изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ Государемъ Императоромъ.

По отношенію къ морскому вѣдомству должно сказать, что 27-го января 1860 г. Высочайше утверждено въ высшей степени замѣчательное законоположеніе: „общее образованіе управленія Морскимъ вѣдомствомъ“, введенное въ видѣ опыта на нѣсколько лѣтъ, и затѣмъ, 18-го іюня 1867 г., вновь утвержденное. Сущность этого законоположенія состоитъ въ децентрализаціи, собственно въ хозяйственномъ отношеніи, береговыхъ и портовыхъ управленій. Кромѣ этой общей мѣры, должно указать: на значительныя улучшенія въ содержаніи и обмундированіи морскихъ командъ; учрежденіе и развитіе въ Россіи сталепушечнаго производства и заботы о томъ, дабы вообще изъять морскую технику изъ зависимости отъ иностранной промышленности, что и поставлено Государемъ Императоромъ въ примѣръ и руководство другимъ министерствамъ (1866 г.); вооруженіе судовъ стальными большаго калибра орудіями; полная замѣна паруснаго флота паровымъ и

броненоснымъ. Кромѣ того, весьма усилено число дальнихъ плаваній, какъ для практическаго обученія офицеровъ и командъ, такъ и въ видахъ политическихъ.

Вообще должно замѣтить, что многія преобразованія и нововведенія въ морскомъ вѣдомствѣ предшествовали другимъ; такъ, напримѣръ: освобожденіе и устройство различныхъ поселеній, находившихся въ крѣпостной зависимости отъ адмиралтействъ (1860 г.); учрежденіе эмеритальной кассы; ограниченіе и затѣмъ полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній; печатаніе бюджета; единство кассы; разработка гласнаго военно-морскаго судопроизводства и судоустройства; наконецъ, можно ли забыть громадную заслугу, оказанную наукѣ и литературѣ „Морскимъ Сборникомъ“, положившимъ начало, въ 1855—1858 годахъ, подробнаго и всесторонняго обсужденія въ Россіи различныхъ, первѣйшей важности, вопросовъ, до нашего Отечества относящихся—не только по предметамъ спеціально-морскаго дѣла, но и по другимъ общимъ вопросамъ—каковы, напримѣръ, вопросы по воспитанію, финансамъ, судоустройству, контролю, администраціи и проч. и проч.

Обращаясь непосредственно къ военному вѣдомству, должно оговориться, что при сжатомъ объемѣ настоящей статьи было бы трудно привести здѣсь даже одно голое перечисленіе всѣхъ замѣчательныхъ мѣръ, принятыхъ въ истекшее 25-ти лѣтіе для преобразованія всего устройства военныхъ силъ и военнаго управленія. Вся, безъ исключенія, система нашей военной администраціи переработана въ этотъ періодъ времени. Приневозможности, повторяемъ, въ краткой замѣткѣ вдаваться въ систематическій обзоръ, намѣтимъ хотя нѣкоторыя изъ преобразованій совершенныхъ Высочайшею волею въ предѣлахъ военнаго вѣдомства. Съ первыхъ же лѣтъ новаго царствованія уничтожено столь прискорбное, какъ баталіоны кантонистовъ, учрежденіе; фухтеля и шпицрутены сдѣлались сказкой; военная служба перестала быть наказаніемъ отверженцевъ общества и „отдача въ солдаты“ перестала позорить честное званіе воина. Вслѣдствіе особеннаго вниманія и личныхъ непрерывныхъ трудовъ Государя Императора—по отношенію къ возвышенію военной службы и въ усовершенствованіяхъ всѣхъ отраслей военнаго дѣла—Россія особенно преуспѣла въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Нынѣ разумная дисциплина въ рус-

скихъ войскахъ чужда произвола и тѣлеснаго наказанія. Введя весьма многія усовершенствованія какъ для огнестрѣльнаго оружія, такъ и во всемъ прочемъ, для русской арміи,—Александръ II, вмѣстѣ съ тѣмъ, повиновался влеченію своего сердца: человѣчество не забудетъ, что настояніямъ русскаго Императора оно обязано международною конвенціею объ изъятіи изъ употребленія на войнѣ разрывныхъ пуль (29-го ноября 1868 г.). Тому же человѣколюбію Государя Императора, при постоянномъ содѣйствіи Высокой Сотрудницы Его въ великихъ дѣлахъ благотворенія—Государыни Императрицы—Россія обязана правильнымъ устройствомъ санитарной части и основаніемъ „Россійскаго Общества Краснаго Креста“ и „Главнаго Попечительства о раненыхъ и больныхъ воинахъ“. Наконецъ, общая, всесословная воинская повинность (1-го января 1874 года) слила всѣ классы общества въ одну дружную семью и тѣмъ прекратила существованіе въ Россіи особеннаго, кастоваго военнаго сословія; при этомъ срокъ военной службы съ двадцати пяти лѣтъ уменьшенъ до шести лѣтъ службы въ рядахъ арміи; такимъ образомъ воины получили возможность возвращаться къ своимъ мирнымъ обязанностямъ и не прерывать связи съ обществомъ, съ семьями, вообще съ гражданскимъ своимъ положеніемъ. Важность этой мѣры, для настоящаго и будущаго Россіи, необъятна.

Послѣдняя война съ Турціею доказала всему свѣту, что храбрость, безропотная покорность своему долгу и великодушіе къ непріятелю—чувства присущія всему русскому всесословному воинству.

Прекращеніе Восточной войны, 1853—1856 гг., не имѣло вліянія на войну Кавказскую, завѣщанную нынѣ благополучно царствующему Государю Императору его предшественниками. Эта хроническая война, отвлекая наши силы, требуя постояннаго содержанія дѣйствующихъ отрядовъ и гарнизоновъ, была особенно обременительна въ то время, когда вниманіе Государя и его личные труды всецѣло были обращены на внутреннія преобразованія. Однако же, благодаря энергіи избраннаго Государемъ вождя кавказскихъ доблестныхъ дружинъ и его храбрыхъ и даровитыхъ сподвижниковъ, шестидесятилѣтняя Кавказская война окончилась. 1-го апрѣля 1858 года взятъ приступомъ Ведено, главное мѣстопребываніе Шамиля, а 26-го августа 1859 года взятіе Гуниба и плѣненіе Шамиля имѣли слѣдствіемъ окончательное

покореніе всего восточнаго Кавказа. Черезъ пять лѣтъ (1864) западный Кавказъ палъ къ стопамъ русскаго Императора и война съ горскими племенами прекратилась навсегда. Тогда, для охраны нашихъ восточныхъ границъ, поддержки торговыхъ сношеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и упроченія нашего владычества въ Средней Азіи, мы устремили наши силы на Ташкентъ, Самаркандъ, Коканъ, Хиву и прочія области, простирающіяся отъ восточныхъ береговъ Каспія до предѣловъ Тибета. Имена героевъ, прославившихъ русское оружіе въ Средней Азіи, перейдутъ къ позднѣйшему потомству. Независимо отъ нашихъ пріобрѣтеній въ Азіи силою оружія, Россія присоединила къ своимъ владѣніямъ необъятный при-Амурскій край, по Айгунскому трактату, 16-го мая 1858 года.

Усмиреніе послѣдняго возстанія Польши (1863—1864 гг.) хотя и не можетъ быть названо регулярною войною, однако же и оно потребовало значительныхъ усилій и рѣшительныхъ мѣръ, въ виду готовности западныхъ державъ явно поддержать возстаніе, въ случаѣ малѣйшей его удачи. Откликъ всей Россіи на пропски и зложелательство Европы отстранилъ всякое столкновеніе съ нею по поводу „Польскаго вопроса“; его рѣшеніе и, какъ можно надѣяться, окончательное—было дѣломъ домашнимъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, и это рѣшеніе тѣмъ болѣе прочно, что оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ органическихъ мѣръ, призвавшихъ къ новой жизни сельское населеніе Царства Польскаго и сплотившихъ губерніи Царства съ Имперіей Россійской.

Отношенія всѣхъ европейскихъ державъ къ Россіи, выяснившіяся въ эпоху Крымской войны, побудили Государя Императора измѣнить прежнюю политику Россіи на болѣе сдержанную, основанную на строжайшемъ невмѣшательствѣ и сбереженіи силъ Россіи отъ растраты ихъ на служеніе нерѣдко двуличнымъ и мнимымъ союзникамъ. Австро-италіанская кампанія 1859 года обошлась безъ нашего содѣйствія, котораго такъ сильно домогалась Австрія—и Маджента, Сольферино и Виллафранкскій миръ доказали Австріи, что времена „Священнаго союза“ для нея миновали. Россія не защищала короля неаполитанскаго и тѣмъ не воспрепятствовала объединенію Италіи. Такъ же сдержанно она отнеслась къ рѣшенію вопроса о Шлезвигѣ и къ вооруженному столкновенію Пруссіи съ Австріею при Садовой...

Но она не была равнодушною зрительницею франко-прусской войны 1870 г., грозившей охватить всю центральную Европу, которая обязана одной лишь Россіи тѣмъ, что кровавая борьба двухъ сильныхъ державъ была замкнута въ своихъ границахъ...

Франко-прусская война дала Россіи, безъ пролитія русской крови, возможность уничтожить статью Парижскаго договора 1856 года о Черномъ морѣ.

Старые наши счеты съ Европою были покончены; но бѣдственная участь славянскихъ народовъ, по прежнему и вопреки всѣмъ договорамъ угнетаемыхъ Турціею, вызвала, наконецъ, и Россію на поле битвы, такъ какъ всѣ средства къ рѣшенію Славянскаго вопроса мирнымъ, дипломатическимъ путемъ были истощены вмѣстѣ съ долготерпѣніемъ Монарха Россіи. Дипломатическіе переговоры съ Турціею длились съ 1876 года по 12-е апрѣля 1877 г.: въ этотъ день въ Кишиневѣ возвѣщенъ былъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи.

— „Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше (сказано было въ немъ), Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ“.—„Не для завоеваній идемъ мы“, гласилъ приказъ Главнокомандующаго, „а на защиту поруганныхъ братьевъ нашихъ и на защиту Вѣры Христовой“.

Началась война,—а съ нею, за немногими неудачами, рядъ побѣдъ и геройскихъ подвиговъ русскаго воинства.

29-го апрѣля, подъ Браиловымъ, мѣткими выстрѣлами съ русскихъ батарей взорванъ на воздухъ турецкій мониторъ. Въ ночь съ 13-го на 14-е мая, русскіе удальцы взорвали турецкій броненосецъ и тѣмъ значительно облегчили нашимъ войскамъ переправу черезъ Дунай. Затѣмъ слѣдовали новые подвиги нашихъ моряковъ въ Мачинскомъ рукавѣ.....

25-го мая 1877 г. войска были осчастливлены прибытіемъ къ нимъ Государя Императора. Во главѣ нашихъ войскъ, кромѣ Членовъ Августѣйшей фамиліи—брата, сыновей и племянниковъ Государя,—находились вожди, имена которыхъ исторія можетъ поставить на ряду съ именами героевъ самыхъ блестящихъ для славы русскаго оружія войнъ...

По мановенію Царя наши храбрыя войска переправились черезъ Дунай... Намѣтимъ мѣстности, которыя, на пути русской арміи къ стѣнамъ Царяграда,—были прославлены ея подвигами:

Брапловъ, Буджакъ, переправа черезъ Дунай, Систово, Трновъ, Никополь, Шибкинскій перевалъ, Казанлыкъ, Ловча, Чаиркіой и Церковна, Горный Дубнякъ, Телишъ, Тетевенъ, Пиргасъ, Правецкая позиція, Этрополь, Трестникъ, Златицкій перевалъ, Плевна (28-го ноября), Трестникъ и Мечка, Ташкисенъ, Горный Булгаровъ, Казанлыкъ, Шейново, Татаръ-Базарджикъ, Филиппополь, Адріанополь, Сан-Стефано...

Въ свою очередь, войска наши, расположенныя въ Азіатской Турціи, подъ главнымъ начальствомъ Августѣйшаго вождя—брата Государя—и его сподвижниковъ, покрыли себя неувядаемыми лаврами, припомнимъ: Ардаганъ (5-го мая), Бегли-Ахметъ, Большія и Малыя Ягны, Баязедъ, Хуцубанскія высоты, Кара-килиса, Тача, 23-хъ дневное Баязедское сидѣнье, Канлы, Карадагъ, Хафизъ, Авліяръ, Орлокскія и Аладжинскія высоты, ДевеБойну, Карсъ...

Для должной оцѣнки доблестей русскихъ воиновъ въ минувшую войну, приводимъ слова Государя Императора, произнесенныя при посѣщеніи госпиталей, въ которые влекло великодушнаго Монарха чувство сердечнаго участія и отческой любви...

— „Что за люди! Ни одной жалобы, ни одной просьбы! Одно только желаніе, одно у всѣхъ стремленіе: поскорѣе въ полкъ, чтобы идти на непріятеля!“

16-го іюня 1877 года Государь посѣтилъ Зимницкій госпиталь... Глубоко прочувствованными словами Онъ выразилъ страдальцамъ свою признательность за ихъ молодецкую службу.

— Постараемся, Ваше Императорское Величество, постараемся!—отвѣчали ему израненные воины.

— „Чего—постараетесь!—сказалъ Императоръ,—уже постарались и большое Мое и Россіи вамъ за это спасибо, ребята!“

Тутъ-же лежалъ тяжко-раненый офицеръ гвардіи.

— „Ты очень страдаешь?“—спросилъ его Государь.

— Да, Ваше Величество,—отвѣчалъ раненый,—дайте руку поцѣловать!..

— „Нѣтъ! я тебя поцѣлую!“—отвѣчалъ Государь, обнимая доблестнаго воина[1]).

[1]) Приведенныя здѣсь Высочайшія слова были, въ свое время, переданы въ газетахъ очевидцами съ театра войны.

Въ эти минуты особенно великъ былъ Царь русскій и истинно достоинъ былъ подобнаго Царя Его народъ.

И дѣйствительно, дорого купили славянскіе народы, стенавшіе подъ турецкимъ игомъ, свободу и независимость: за нихъ пролито много русской крови и въ струяхъ ея потоковъ—кровь роднаго племянника русскаго Вѣнценосца! Освобожденная Болгарія замощена костьми русскихъ героевъ, изборождена ихъ могилами...

По тѣмъ тягостямъ, съ которыми была сопряжена война съ Турціей 1877—1878 годовъ, она почти безпримѣрна въ военныхъ лѣтописяхъ: борьба съ врагомъ осложнялась борьбою и съ самою природою... Переходъ черезъ Балканы напоминаетъ намъ подвиги Суворовскихъ дружинъ на Альпійскихъ высотахъ! Помимо войны регулярной, мы боролись съ превосходящимъ всякое воображаніе варварствомъ, доказавшимъ всему міру, что турки XIX вѣка—тѣ-же, каковыми они были и въ XV: не усвоили они, находясь въ числѣ европейскихъ державъ, понятій ни о правахъ человѣчества, ни о чести народной.....

. . . . . .

Привѣтъ и безпредѣльное сочувствіе всего народа Русскаго встрѣтитъ день XXV-ти лѣтней годовщины восшествія на престолъ Царя-Освободителя—

19-ое февраля 1880 г.

Изъ перечня статей, вошедшихъ въ «Русскую Старину» перваго десятилѣтія ея изданія, каковой перечень имѣетъ выйти въ свѣтъ въ теченіе 1880 г., читатели увидятъ, что почти въ каждомъ изъ своихъ ста двадцати выпусковъ «Русская Старина», въ той или другой формѣ, останавливалась на послѣднемъ двадцатипятилѣтнемъ періодѣ исторіи Россіи, служащемъ, такъ сказать, пограничною чертою, отдѣляющею русскую историческую старину отъ нашего времени.

«Русская Старина» всегда группировала сказанія и матеріалы о событіяхъ былыхъ временъ такъ, чтобы тѣ и другіе имѣли хотя малѣйшее отношеніе къ текущимъ событіямъ. При этомъ, такъ сказать, историческія торжества Россіи подавали поводъ «Русской Старинѣ» къ напоминаніямъ о высокомъ значеніи государственныхъ дѣятелей или событій, заслуги и значеніе которыхъ для Россіи были особенно плодотворны. Такъ, майскій выпускъ 1872 г., выходъ котораго предшествовалъ празднованію двухсотлѣтія рожденія Петра Великаго, былъ посвященъ исключительно Преобразователю и его сподвижникамъ; ноябрьская книга 1873 года состояла изъ статей, относящихся къ царствованію Екатерины II, въ виду открытія монумента великой государынѣ; въ декабрѣ 1877 года, книга «Русской Старины» была посвящена памяти императора Александра I въ виду столѣтней годовщины дня его рожденія....

Нынѣ «Русская Старина» долгомъ своимъ сочла откликнуться на предстоящій знаменательный день 19-го февраля 1880 года; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразно своей программѣ, она должна ограничиться лишь сообщеніемъ статей и матеріаловъ, относящихся къ событіямъ, уже вполнѣ отошедшимъ въ область исторіи. Вотъ почему, въ нынѣшней книгѣ «Русской Старины», кромѣ привѣтствія грядущему торжеству, мы не могли дозволить себѣ ни полнаго обзора перваго двадцатипятилѣтія настоящаго царствованія, ни исторической оцѣнки дѣятельности исполнителей державной воли на всѣхъ поприщахъ государственнаго управленія. Мы группируемъ въ этой книгѣ лишь матеріалы, относящіеся къ событіямъ завершеннымъ....

Во главѣ таковыхъ ставимъ незабвенныя для каждаго русскаго имена Василія Андреевича Жуковскаго и Герасима Петровича Павскаго: перваго—воспитателя, втораго—законоучителя бывшаго Государя Наслѣдника Цесаревича—нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Драгоцѣннымъ памятникомъ педагогической дѣятельности, свѣтлаго ума и благороднаго сердца Жуковскаго является на страницахъ настоящей книги «Русской Старины»—«Планъ воспитанія и образованія Наслѣдника престола» — первый, по времени, въ педагогической дѣятельности Жуковскаго, донынѣ нигдѣ не напечатанный. Личность Павскаго является въ исторически-обработанномъ очеркѣ его законоучительской дѣятельности при особѣ Наслѣдника Цесаревича.

Первымъ подвигомъ русскаго оружія, озарившимъ его послѣ Севастопольскаго погрома яркимъ блескомъ, было покореніе Восточнаго Кавказа. Этому событію посвящена въ настоящей книгѣ особая монографія.

Одновременно съ громомъ войны на далекомъ Кавказѣ, началась, въ центрѣ правительственной власти, исполинская работа великаго, незабвеннаго преобразованія: уничтоженія крѣпостнаго права. Починъ и все направленіе, при исполненіи этого святаго дѣла, всецѣло принадлежатъ Императору Александру II.

Біографическія замѣтки воскрешаютъ въ памяти читателя нѣкоторыхъ изъ государственныхъ дѣятелей, оставившихъ земное поприще: графа Я. И. Ростовцева, Н. А. Милютина, С. М. Жуковскаго, Я. А. Соловьева...

Какъ матеріалъ, влагаемый въ сокровищницу исторіи освобожденія крестьянъ, печатаемъ въ настоящей книгѣ «Русской Старины» обширный отрывокъ изъ Записокъ покойнаго сенатора Якова Александровича Соловьева. Управляя Земскимъ Отдѣломъ, въ 1857—1863 гг., Я. А. Соловьевъ былъ однимъ изъ двухъ непремѣнныхъ членовъ редакціонныхъ коммисій и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ созданіи Положеній 19-го февраля.

Судебное преобразованіе, его самобытность и основы на русской народности намѣчены въ небольшомъ очеркѣ. Главные участники въ великомъ трудѣ по преобразованію судебной части въ Россіи—гр. Д. Н. Блудовъ, кн. П. П. Гагаринъ, гр. В. Н. Панинъ, гр. М. А. Корфъ отошли уже въ вѣчность; хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ «Русская Старина» представила уже своевременно біографическія данныя и оцѣнку ихъ государственной дѣятельности, но къ этимъ достопамятнымъ русскимъ дѣятелямъ мы еще неоднократно возвратимся въ близкомъ будущемъ.

Вообще долгомъ считаемъ сказать, что ни объемъ, ни срочность нашего изданія не дозволили намъ, въ виду знаменательнаго дня 19-го февраля 1880 года, представить, въ настоящей именно книгѣ, хотя бы въ краткихъ очеркахъ, біографіи главнѣйшихъ дѣятелей нынѣшняго царствованія на поприщахъ военномъ и гражданскомъ, ученомъ, литературномъ и художественномъ. Постоянно прибывающая масса матеріаловъ, до нихъ относящихся, въ видѣ мемуаровъ, біографій, очерковъ, автобіографій и проч., служитъ намъ порукою, что, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, они займутъ свое мѣсто на страницахъ нашего изданія: это одна изъ главнѣйшихъ задачъ «Русской Старины».

Въ настоящемъ выпускѣ нашего журнала помѣщены двѣ монографіи гг. профессоровъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго университетовъ: И. Е. Андреевскаго и В. С. Иконникова. Первая—въ яркомъ, хотя и сжатомъ, очеркѣ знакомитъ съ ходомъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи, въ 1855—1880 гг., подъ вліяніемъ преобразованій истекшаго двадцатипятилѣтняго періода. Вторая — представляетъ подробное обозрѣніе весьма замѣчательныхъ успѣховъ науки отечественной исторіи, въ тоже минувшее двадцатипятилѣтіе —

1855—1880 гг.

ПОДРОБНЫЙ ПЛАНЪ УЧЕНІЯ

ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

1826.

СОСТАВИЛЪ

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

1826 г.

Напечатанный вслѣдъ за этими строками Планъ былъ составленъ Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ въ періодъ времени между сентябремъ 1826 и февралемъ 1827 года, въ бытность его въ Дрезденѣ, гдѣ его нашло письмо Императрицы Александры Ѳеодоровны. Осенью 1827 года Жуковскій прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ отправленіе своей должности, по основательной къ ней подготовкѣ. Въ теченіе предыдущихъ семи мѣсяцевъ наставникъ Государя Цесаревича посѣтилъ Берлинъ для закупки книгъ, предназначенныхъ и выбранныхъ имъ для Августѣйшаго своего Питомца. Изъ Берлина Жуковскій отправился въ Парижъ для собиранія французской части учебной библіотеки; изъ Парижа, окончивъ курсъ леченія водами въ Эмсѣ, Жуковскій—для личнаго ознакомленія съ методой Песталоцци—поѣхалъ въ Швейцарію и отсюда прибылъ, наконецъ, въ Россію. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ пасторомъ Мюральтомъ, швейцарскимъ уроженцемъ (основателемъ реформатской школы), усвоившимъ себѣ методу Песталоцци, избранную Жуковскимъ. По рекомендаціи Мюральта избраны были учителя для преподаванія Государю Наслѣднику Цесаревичу иностранныхъ языковъ.

Въ 1828 году, кромѣ законоучителя о. Герасима Петровича Павскаго, преподавателями Его Высочества были: математики—академикъ Эдуардъ Христіановичъ Коллинсъ; языковъ: французскаго—Флоріанъ Антоновичъ Жилль; нѣмецкаго—Василій Андреевичъ Эртель; англійскаго—Альфрее; чистописанія—Александръ Романовичъ Рейнгольдъ, и рисованія—профессоръ баталической живописи Александръ Ивановичъ Зауервейдъ. Въ 1832 году, въ преподаваніи англійскаго языка г. Альфрее былъ замѣненъ Самуиломъ Александровичемъ Варрандомъ—наставникомъ Благороднаго пансіона при С.-Петербургскомъ университетѣ; уроки Рейнгольда продолжались до 1832 года. Съ 1829 года число предметовъ учебныхъ занятій начало увеличиваться. Въ 1829 году къ нимъ присоединились—всеобщая исторія (преподаватель Ѳедоръ Ивановичъ Липманъ), естественныя науки (—академикъ, докторъ Карлъ Антоновичъ Триніусъ) и фехтованіе (—Иванъ Ефимовичъ Севербрикъ). Въ послѣдующіе годы (1833—1836) преподаватель французскаго языка Жилль читалъ лекціи исторической географіи; Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ—русской исторіи и статистики; Петръ Александровичъ Плетневъ—грамматику и русскую словесность; Егоръ Христіановичъ Вессель—артиллеріи; начальникъ инженер. училища ген.

маіоръ Христіанъ Христіановичъ Христіани, а послѣ него Ласковскій—лекціи фортификаціи [1]).

Съ половины 1832 и болѣе нежели до половины 1833 года Жуковскій, по разстроенному здоровью, провелъ за границею. Въ 1833 году, отправился за границу для леченія воспитатель Наслѣдника Цесаревича, генералъ-маіоръ К. К. Мердеръ, умершій въ Римѣ 24-го марта 1834 года. Въ 1835 г. оставилъ должность законоучителя при Его Высочествѣ протоіерей о. Г. П. Павскій, мѣсто котораго, по его рекомендаціи, занялъ о. Василій Борисовичъ Бажановъ, закончившій чтеніе курса церковной исторіи и догматическаго богословія. Затѣмъ, учебный курсъ завершился путешествіемъ Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи и Сибири (со 2-го мая по декабрь 1837 г.), въ которомъ Его Высочеству сопутствовали Жуковскій, А. А. Кавелинъ и сверстники по воспитанію. Это путешествіе—практическое отчизновѣдѣніе—входило въ планъ, начертанный Жуковскимъ. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Его Высочество прослушалъ высшіе курсы наукъ, знаніе которыхъ признано было необходимымъ будущему Государю. Графъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій читалъ съ 1836 по 1838 г.—русское законовѣдѣніе. Дипломатъ Ф. И. Брунновъ прочелъ (1838 г.) Наслѣднику Цесаревичу, на французскомъ языкѣ, обзоръ нашихъ сношеній и трактатовъ съ иностранными державами со временъ Екатерины II; министръ финансовъ Егоръ Францовичъ Канкринъ изложилъ на русскомъ языкѣ свой курсъ о финансахъ съ января 1838 г. Затѣмъ, воспитаніе Наслѣдника Цесаревича было окончено.

На Планъ, нами впервые изданный, слѣдуетъ смотрѣть какъ на сводъ основныхъ идей В. А. Жуковскаго съ указаніемъ причинъ и цѣлей ученія;—духъ и направленіе Плана, зрѣло обдуманнаго умомъ и прочувствованнаго сердцемъ Жуковскаго, остались неизмѣнными въ его главныхъ основаніяхъ.

Вмѣсто эпиграфа къ педагогическому труду поэта, припомнимъ его пророческіе стихи на рожденіе Наслѣдника Цесаревича:

«Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣмъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать!»

---

[1]) Между прочими источниками, послужившими намъ для настоящей замѣтки, укажемъ на обстоятельную и интересную статью А. А. Краевскаго въ «Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.» 1836 года, іюнь, томъ X, отд. II.

Предварительныя понятія.

Цѣль воспитанія вообще и ученія въ особенности есть образованіе для добродѣтели.

Воспитаніе образуетъ для добродѣтели:

1) Пробужденіемъ, развитіемъ и сбереженіемъ добрыхъ качествъ, данныхъ природою, дѣйствуя на умъ и сердце и заставляя ихъ дѣйствовать.

2) Образованіемъ изъ сихъ качествъ характера нравственнаго, обращая добро въ привычку и подкрѣпляя привычку правилами разума, воспламененіемъ сердца и силою религіи.

3) Предохраненіемъ отъ зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность къ добру, и содержа душу, сколько возможно, въ спасительной неприкосновенности къ злу.

4) Искорененіемъ злыхъ побужденій и наклонностей, препятствуя имъ обратиться въ привычку и побѣждая вредныя привычки привычками добрыми.

Ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца: 1) Съ тѣмъ, что окружаетъ его.—2) Съ тѣмъ, что онъ есть.—3) Съ тѣмъ, что онъ быть долженъ, какъ существо нравственное.—4) Съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное.

Въ постепенномъ разрѣшеніи сихъ четырехъ вопросовъ заключается весь планъ ученія.

Продолженіе ученія.

Воспитаніе начинается съ колыбели, ученіе съ отрочества, то и другое продолжается до начала молодыхъ лѣтъ. Тогда судьба принимаетъ питомца изъ рукъ воспитателя и наставника и продолжаетъ его земное воспитаніе до гроба: долгъ воспитателя и наставника состоитъ единственно въ томъ, чтобъ сдѣлать питомца своего способнымъ внимать поставленіямъ судьбы и воспользо-

ваться ими съ достоинствомъ человѣка. Кто умѣлъ имъ послѣдовать, тотъ совершилъ земное свое назначеніе и зналъ добродѣтель. Здѣсь говорится объ одномъ ученіи. Полагаю, что оно будетъ продолжаться отъ 8-ми до 20-ти лѣтъ. Его можно раздѣлить на три главные періода.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ. — ОТРОЧЕСТВО.

Отъ 8-ми до 13-ти лѣтъ.

УЧЕНІЕ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ.

Сей періодъ можно сравнить съ приготовленіемъ къ путешествію: надобно дать въ руки компасъ, познакомить съ картою, снабдить орудіями, нужными для пріобрѣтенія свѣдѣній и для открытій.

I. Компасъ. Предварительное образованіе ума: практическая логика.

Образованіе сердца: развитіе нравственнаго чувства посредствомъ первыхъ понятій религіи.

II. Карта. Знанія. Сообщеніе вкратцѣ, въ связи, въ ясной и полной системѣ, сообразуясь съ понятіемъ воспитанника, наблюдая нужную постепенность всѣхъ тѣхъ познаній, которыя послѣ должны быть предложены ему отдѣльно, какъ науки со всѣми необходимыми подробностями. Отвѣтъ въ связи на четыре вопроса жизни: Гдѣ я? что я? что я быть долженъ, и къ чему предназначенъ?

III. Орудія. Языки—способы дополнять самому сообщенныя знанія знаніями, собственно пріобрѣтаемыми—таланты.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ. — ЮНОШЕСТВО.

Отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ.

УЧЕНІЕ ПОДРОБНОЕ.

Продолжая сравненіе, назовемъ сей періодъ самымъ путешествіемъ. Путеводный компасъ въ рукахъ. Карта извѣстна. Дороги означены. Нѣтъ опасности заблудиться: умъ приготовленъ, любопытство пробуждено. Не опасаясь смутности и безпорядка въ поня-

тіяхъ, воспитанникъ можетъ обращать все свое вниманіе на каждый предметъ отдѣльно.

Подробное преподаваніе наукъ, нужныхъ воспитаннику, какъ члену просвѣщеннаго общества.

Болѣе подробное преподаваніе такихъ наукъ, которыя наиболѣе нужны ему по его назначенію.

1-е. Науки антропологическія, имѣющія предметомъ человѣка: Исторія.—Географія, то есть этнографія и статистика.—Политика.—Философія.

2-е. Науки онтологическія, имѣющія предметомъ вещь: Математика.—Естественная исторія и технологія (физическая географія).—Физика.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ. ПЕРВЫЕ ГОДЫ МОЛОДОСТИ.

Отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ.

УЧЕНІЕ ПРИМѢНИТЕЛЬНОЕ.

Этотъ періодъ мы сравнимъ съ окончаніемъ путешествія. Свѣдѣнія собраны, остается ихъ обозрѣть, привести въ порядокъ и опредѣлить какое должно быть сдѣлано изъ нихъ употребленіе. Въ этомъ періодѣ воспитанникъ болѣе дѣйствуетъ самъ, нежели пріобрѣтаетъ отъ наставника. Онъ уже не занимается никакою наукою отдѣльно, онъ самъ составляетъ для себя коренныя правила жизни, которыя не иное что какъ произведеніе всего, что дали ему воспитаніе и ученіе. Этотъ періодъ долженъ быть посвященъ занятіямъ собственнымъ и чтенію немногихъ истинно-классическихъ книгъ, предпочтительно такихъ, кои могутъ познакомить питомца съ высокимъ его назначеніемъ и страною, которой онъ долженъ посвятить жизнь свою.

1) Обозрѣніе знаній, пріобрѣтенныхъ во второмъ періодѣ.—2) Взглядъ на мѣсто, занимаемое въ обществѣ, и на обязанности, съ нимъ соединенныя.—3) Отчетъ въ самомъ себѣ передъ самимъ собою и утвержденіе правилъ, необходимыхъ для дѣятельности добродѣтельной.—4) Идеалъ человѣка вообще и своего званія въ особенности.

ПОДРОБНЫЙ ПЛАНЪ УЧЕНІЯ

въ

ПЕРВОМЪ ПЕРІОДѢ.

I.

Предметы ученія, ихъ классификація и порядокъ, метода преподаванія.

Есть-ли, какъ то бываетъ обыкновенно, занимать воспитанника вдругъ многими предметами, имѣющими между собою связь, но отдѣльными одинъ отъ другаго въ преподаваніи, то въ головѣ его необходимо произойдетъ безпорядокъ, многое будетъ непонятно, много останется промежутковъ, ничѣмъ не наполненныхъ.

По нашему плану, въ первомъ періодѣ, предметы ученія должны быть преподаваемы въ ихъ естественной связи, не совокупно, а по порядку, съ сохраненіемъ надлежащей постепенности, переходя отъ легкаго къ трудному, такъ, чтобы въ головѣ воспитанника, по истеченіи перваго періода, могла остаться полная система приготовительныхъ знаній.

Рядомъ съ предметами главными должны идти, для образованія ума—практическая логика, не составляющая особенной науки, но способствующая пріобрѣтать знанія; для образованія сердца—начальныя понятія нравственности, основанной на религіи христіанской, и языки, не имѣющіе никакой связи съ предметами главными, слѣдовательно—имъ не мѣшающіе. Сверхъ того, съ предметами ученія соединяется пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ пріятныхъ талантовъ, а—для развитія силъ тѣлесныхъ—гимнастика и ручная работа. Посему предметы ученія въ первомъ періодѣ можно раздѣлить на 4 класса.

Классъ первый.

[illegible]я образованія ума: практическая логика.

[illegible]бразованія сердца: начало нравственности христіанской.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

1) Упражненіе вниманія. — Основаніе геометріи: объясненіе линій, фигуръ, тѣлъ.

2) Упражненіе ума. Разрѣшеніе первыхъ теоремъ геометріи.—Не самому наставнику разрѣшать ихъ, но постепенными вопросами доводить воспитанника до ихъ разрѣшенія.

СЧЕТЪ.

Руководствоваться таблицами Песталоцци, примѣняя ихъ безпрестанно къ головному счету и ко счету цифрами. Заимствовать задачи изъ обыкновенной жизни и изъ предметовъ знакомыхъ.

Философическая грамматика, примѣненная къ русскому языку.

Руководствоваться грамматикою Саси. — Анализъ словъ.— Анализъ фразъ.—Составленіе фразъ.—Выраженіе мыслей, словесное и письменное.—Декламація.

3) Извлеченіе правилъ изъ упражненій практическихъ.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

Начало нравственности христіанской. — Избранныя библейскія повѣсти.

Главные факты священной исторіи древняго и новаго завѣта.

Простой разсказъ безъ всякихъ постороннихъ разсужденій, въ связи хронологической. Извлеченіе изъ фактовъ правилъ нравственности, основанной на ученіи Спасителя.

Классъ второй.

Система знаній. Нить, ихъ связующую, составляютъ сіи четыре вопроса: Гдѣ я? Что я? Что быть долженъ? Къ чему предназначенъ? Чтобы познакомиться съ человѣкомъ, надлежитъ прежде узнать то, что его окружаетъ; чтобы лучше узнать, понять, привести въ порядокъ и удержать въ памяти исторію дѣйствій человѣческихъ, надлежитъ прежде обозрѣть ту

сцену, на которой онъ дѣйствовалъ, и не иначе, какъ узнавши, что былъ человѣкъ, можно опредѣлить для себя, что онъ быть можетъ, быть долженъ, къ чему предназначенъ. Это порядокъ естественный, въ немъ заключается и самый порядокъ ученія.

Первый вопросъ: Гдѣ я и что меня окружаетъ?

1) Общія понятія о тѣлахъ.

2) Тѣла небесныя.

3) Земля въ отношеніи къ другимъ тѣламъ небеснымъ. Астрономическая и математическая географія.

4) Земля отдѣльно и главныя ея части.

Воздухъ, вода, суша, система водъ и суши.

Физическая географія. Рисованіе картъ, имѣя въ виду одну физическую географію.

5) Произведенія земли.

Природа и ея главные законы.—Общія понятія о физикѣ и химіи.—Произведенія природы.

Общія понятія о минералогіи и геологіи.

„ „ о ботаникѣ.

„ „ о зоологіи.

Переходъ къ человѣку.

Второй вопросъ: Что я?

1) Человѣкъ отдѣльно.

Физическій.—Общія понятія о строеніи человѣческаго тѣла.

Нравственный.—Общія понятія психологіи.

2) Человѣкъ въ отношеніи къ окружающей его природѣ.—Нужды человѣческія и употребленіе произведеній природы для ихъ удовлетворенія.—Технологія.

3) Человѣкъ въ отношеніи къ человѣку.—Потребность общежитія.—Языкъ.—Семейство.—Народъ въ естественномъ состояніи.—Естественное право.—Постепенное образованіе общества политическаго.—Начало политики.

4) Ходъ измѣненій человѣческаго общества.—Исторія вмѣстѣ съ географіею.

5) Нынѣшнее состояніе человѣческаго общества.—Новѣйшая географія и статистика.

Третій вопросъ: Что я быть долженъ?

1) Человѣкъ, какъ существо нравственное, и его обязанности.—Нравственность частная: мораль.

2) Человѣкъ, какъ членъ общества, и его обязанности въ семъ отношеніи.—Нравственность общественная: политика.

Четвертый вопросъ: Къ чему я предназначенъ?

1) Человѣкъ, какъ существо духовное и безсмертное.—Метафизика.

2) Человѣкъ, какъ существо, постигающее Бога.—Богопознаніе: Религія естественная.—Религія откровенная.

NB. Здѣсь показана одна только нить, связующая предметы ученія въ первомъ періодѣ: для преподаванія каждаго предмета наставникъ сдѣлаетъ для себя особенные подробные планы.

МЕТОДА.

1) Форма преподаванія.

Разговорная. Вмѣсто того, чтобы преподавать самому въ связи—доводить постепенными вопросами ученика до того, чтобы онъ самъ выражалъ съ надлежащею ясностію то, о чемъ ему предлагать желаемъ.

Учебная. Предлагать въ связи, просто, въ строгомъ порядкѣ.

NB. Смотря по предмету, употреблять ту или другую форму или соединять обѣ.

2) Правила преподаванія.

Наблюденіе постепенности. Переходить отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. — Возбужденіе собственной дѣятельности воспитанника. Чтобы онъ какъ можно болѣе находилъ самъ, а не механически затверживалъ чужое.—Сохраненіе надлежащей мѣры. Одно нужнѣйшее; какъ можно менѣе такого, что впослѣдствіи можетъ быть забыто; сохранять полноту, избѣгать излишнихъ подробностей, обременительныхъ для памяти и развлекающихъ вниманіе.—Облегченіе труда. Возбуждать къ труду пособіями, порядкомъ, методою, которыя облегчатъ его, отъ него не избавляя, и, способствуя дѣятельности ума, не дѣлаютъ его лѣнивымъ.—Пріятность преподаванія. Стараться сдѣлать и предметъ ученія и самое ученіе привлекательными, возбуждая любопытство, владѣя вниманіемъ,

питая воображеніе, говоря сердцу, словомъ — сколько можно, дѣйствуя на всего человѣка.

3) Утвержденіе въ памяти преподаваемаго. Сколько можно избѣгать механическаго ученія наизусть. Употреблять этотъ способъ только для изощренія памяти, но утверждать въ ней выученное:—Методическимъ раздѣленіемъ предметовъ.

Соединеніемъ чувственнаго съ умственнымъ. Рисунки.—Карты.—Таблицы.

Частымъ повтореніемъ. Оно не должно быть рабскимъ повтореніемъ слово-въ-слово сказаннаго прежде, а только новымъ образомъ съ новой стороны того же предмета. Вопросы по порядку. — Вопросы въ разбивку. — Сбивчивые вопросы. — Обозрѣніе въ связи.

Окруженіемъ воспитанника—предметами, безпрестанно напоминающими во время свободное о томъ, что занимало его въ часы ученія.

Соединеніемъ изученія языковъ съ главною цѣлію. Чтобы воспитанникъ на другомъ языкѣ и слышалъ и самъ говорилъ о томъ, что уже было ему предложено на языкѣ природномъ.

Соединеніемъ самыхъ игръ съ нѣкоторою учебною цѣлію.—Волшебный фонарь.—Фантасмагорія.—Косморама.

Классъ третій.

Языки: французскій, нѣмецкій, англинскій и польскій; къ первому періоду принадлежитъ одна только матеріальная часть изученія языковъ, т. е.: a) Утвержденіе въ правописаніи. b) Правильное произношеніе. c) Практическое пріобрѣтеніе навыка говорить и понимать, что̀ говорятъ. d) Легкія упражненія въ слогѣ.

Правописаніе.—Диктованіе фразъ, заимствованныхъ изъ главной лекціи.—Исправленіе ошибокъ.—Заставлять ученика самого исправлять.—Переписывать исправленное.

NB. Симъ способомъ воспитанникъ не только научится писать правильно, но и самъ для себя напишетъ на разныхъ языкахъ то, что было ему преподаваемо на русскомъ.

Произношеніе.—Чтеніе простое для правильнаго произно-

шенія.—Чтеніе съ выраженіемъ: декламація.—Чтеніе наизусть легкихъ стихотвореній.—Пріобрѣтеніе навыка говорить.—Ученіе наизусть словъ: заимствованныхъ изъ общежитія; заимствованныхъ изъ главной лекціи.—Составленіе фразъ: фразъ, употребительныхъ въ общежитіи; фразъ, заимствованныхъ изъ главной лекціи.

NB. Симъ послѣднимъ способомъ не только пріобрѣтется навыкъ говорить,—ибо и ученикъ и учитель всегда будутъ имѣть готовые матеріалы для вопросовъ, отвѣтовъ и объясненій, слѣдовательно, для разговора въ связи,—но въ то же время, какъ уже замѣчено выше, утвердятся въ памяти, объяснятся и дополнятся пріобрѣтенныя знанія.

Упражненіе въ слогѣ. Предметы для сочиненія можно также заимствовать изъ главной лекціи: ученикъ будетъ писать о томъ, что̀ знаетъ, слѣдовательно, будетъ выражать свои мысли и располагать ихъ ясно и правильно. Сею методою изученія языковъ надлежитъ руководствоваться во все продолженіе перваго періода. Къ концу его накопится большой запасъ правильныхъ фразъ. Тогда нетрудно будетъ приступить къ грамматикѣ и знанія практическія утвердить правилами теоріи. Надобно только, чтобы одна общая, философическая грамматика служила основаніемъ для всѣхъ прочихъ (лучшею кажется мнѣ грамматика Саси, переведенная на нѣмецкій языкъ Фатеромъ) и чтобы для языковъ иностранныхъ принята была за основаніе та же система, которая руководствовала въ изученіи языка природнаго.

Классъ четвертый.

Пріятные таланты.—Гимнастика.—Ручная работа.—Таланты.—Рисованіе.—Рисованіе съ натуры и съ гипсовъ тѣлъ геометрическихъ.—Ландшафтовъ.—Отдѣльныя части, деревья, зданія.

Правила архитектуры. Части соединенныя, полные ландшафты.—Правила перспективы.—Животныхъ и человѣка.—Отдѣльныя части.—Цѣлыя фигуры.—Правила анатоміи.—Группы.—Иллюминованіе: рисунковъ, коихъ содержаніе заимствовать изъ главной лекціи, особенно изъ натуральной исторіи, изъ географіи, изъ исторіи, изъ миѳологіи.

NB. Здѣсь необходимо слѣдовать порядку главной лекціи, чтобы рисованіемъ дополнять въ связи преподаваемое въ часы уроковъ.

Сочиненіе рисунковъ.—Музыка.—Гимнастика.—Цѣль гимнастическихъ упражненій есть не одно развитіе и укрѣпленіе силъ тѣлесныхъ, но въ то же время и дарованіе мужества и способовъ владѣть собою во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Сія важная часть воспитанія требуетъ методическаго плана, какъ и другія. Великій Князь не долженъ ничего дѣлать безъ правилъ: каждый предметъ его ученія долженъ безпрестанно ему напоминать, что во всемъ главное есть правило. Необходимо нужно найти человѣка, который бы могъ руководствовать гимнастическими упражненіями по строгой методѣ. Эта часть особенно принадлежитъ воспитанію.

Ручная работа: токарное или столярное мастерство.

NB. Не приспособить-ли ручною работою къ кораблестроенію? Великій Князь могъ бы, играя, самъ построить маленькій корабль и, такимъ образомъ, познакомиться съ матеріальною частью навигаціи.

Чтеніе: рядомъ съ ученьемъ должно, необходимо, идти и чтеніе. Надобно читать мало, въ порядкѣ, одно полезное: нѣтъ ничего вреднѣе привычки читать все, что ни попадетъ въ руки. Это приводитъ въ безпорядокъ идеи и портитъ вкусъ. Для дѣтей множество написано книгъ. Есть много хорошаго на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, но почти нѣтъ ничего на русскомъ. Почитаю необходимымъ сдѣлать строгій выборъ изъ сего множества матеріаловъ, многое перевѣсть на русскій, нужное написать по русски, все привести въ порядокъ, сообразуясь съ планомъ ученія, и такимъ образомъ составить избранную библіотеку дѣтскаго чтенія для перваго періода. Сія библіотека можетъ состоять изъ трехъ отдѣленій.

I-е отдѣленіе. Курсъ учебный. Лекціи въ ихъ связи и порядкѣ. Карты, рисунки, таблицы.

II-е отдѣленіе. Чтеніе пріятное. Собраніе такихъ сочиненій, которыя пріятно бы занимали умъ, говорили воображенію, оживляли нравственное чувство и образовали вкусъ. Въ ихъ расположеніи надлежитъ сохранить постепенность, сообразуясь съ возрастомъ и понятіемъ воспитанника.

III-е отдѣленіе. Чтеніе наставительное. Собраніе такихъ

сочиненій, которыхъ содержаніе соотвѣтствовало бы главной лекціи и которыя были бы расположены согласно съ планомъ ея, такъ, чтобы воспитанникъ, въ часы свободные, могъ самъ дополнять пріятнымъ чтеніемъ преподаваемое въ часы ученія.

II.

Время.

Время надлежитъ раздѣлить на учебное и неучебное. Для того и для другаго должны быть свои занятія, порядочно расположенныя.

ВРЕМЯ УЧЕБНОЕ.

Оно раздѣляется на два періода.

1-й періодъ отъ 1-го января до половины іюня.

2-й періодъ отъ 1-го августа до 25-го декабря.

Расположеніе учебнаго времени.

Вставать въ 6 часовъ.

Отъ 6-ти до 7-ти часовъ молитва, завтракъ, обозрѣніе того, что надлежитъ сдѣлать въ теченіе дня. Пріуготовленіе всего нужнаго для слѣдующаго урока.

Отъ 7-ми до 9-ти ученіе. По окончаніи сего все привести въ порядокъ и все приготовить для слѣдующаго урока.

Отъ 9-ти до 10-ти отдыхъ. Визиты.

Отъ 10-ти до 12-ти ученіе. По окончаніи сего все привести въ порядокъ.

Отъ 12-ти до 2-хъ прогулка.

Отъ 2-хъ до 3-хъ обѣдъ. Все приготовить къ слѣдующему уроку.

Отъ 3-хъ до 5-ти отдыхъ. Игры. Прогулка.

Отъ 5-ти до 7-ми ученіе. По окончаніи его все привести въ порядокъ.

Отъ 7-ми до 8-ми гимнастика или игры.

Отъ 8 до 9-ти ужинъ.

Отъ 9-ти до 10-ти обозрѣніе прошедшаго дня. Журналъ.

ВРЕМЯ НЕУЧЕБНОЕ.

1. Праздничные дни: Воскресные дни.—Дни рожденія и имянинъ Государя Императора, Государынь Императрицъ, Великаго Князя.—Святая недѣля: первые четыре дня.—Святки отъ Р. Х. до Новаго года.

2. Вакація отъ половины іюня до 1-го августа.

Расположеніе неучебнаго времени въ праздничные дни.

Вставать въ 6 часовъ.

Отъ 6-ти до 7-ми молитва. Завтракъ. Чтеніе.

Отъ 7-ми до 9-ти ручная работа. По окончаніи все привести въ порядокъ.

Отъ 9-ти до 10-ти отдыхъ. Визиты.

Отъ 10-ти до 12-ти гимнастика или чтеніе.

Отъ 12-ти до 2-хъ прогулка. NB. Давъ время отдохнуть послѣ гимнастическихъ упражненій.

Отъ 2-хъ до 3-хъ обѣдъ.

Отъ 3-хъ до 6-ти игры.

Отъ 6-ти до 8-ми чтеніе. Ученіе игры (?) разъ въ недѣлю или въ мѣсяцъ.

Отъ 8-ми до 9-ти ужинъ.

Отъ 9-ти до 10-ти обозрѣніе прошедшаго дня. Журналъ.

Во время вакаціи.

Сіе время не худо бы посвятить исключительно практическому изученію Военнаго искусства. Предлагаю для сего нѣкоторыя общія мысли. Петръ Великій имѣлъ свой потѣшный полкъ: онъ находилъ въ немъ одну забаву, но эта забава, быть можетъ, образовала Полтавскаго героя и создателя русской арміи; будущему Наслѣднику его престола и въ этомъ подражать великому своему праотцу,—можно составить маленькій временной корпусъ изъ хорошо-воспитанныхъ дѣтей, числомъ отъ 100 до 200, и снабдить его всѣмъ, что входитъ въ составъ арміи. Такой корпусъ и потѣшный полкъ существовалъ бы не болѣе шести недѣль въ году: отъ половины іюня до послѣднихъ чиселъ іюля. Все это время могло бы быть посвящено разнообразной военной

дѣятельности, а не одной механической: Великій Князь узналъ бы на опытѣ службу и всѣ ея оттѣнки. И сіе занятіе, которое могло бы мѣшать и вредить его ученію, когда бы оно во всякое время было соединено съ нимъ, сдѣлалось бы новымъ, весьма дѣйствительнымъ средствомъ образованія, когда бы совершенно отъ остальнаго ученія отдѣлилось, когда бы ему посвящено было только такое время года, въ которое всякое другое занятіе обременительно. Каждая вакація могла бы составлять полную кампанію и каждая кампанія могла бы имѣть предметомъ особенную часть военнаго искусства: напримѣръ, первая кампанія была бы посвящена просто фронтовой службѣ; во вторую занимались бы полевыми укрѣпленіями; въ слѣдующую—артиллеріею; даже могла бы войти въ этотъ порядокъ и навигація: Царскосельскій прудъ легко можно обратить въ океанъ всемірный, на которомъ двѣ маленькія яхты могутъ въ одинъ день совершить путешествіе вокругъ свѣта. Такимъ образомъ Великій Князь, играя и переходя всѣ степени военнаго человѣка, отъ солдата до генерала, познакомился бы со всѣми подробностями службы военной. Наконецъ, могли бы постепенно дойти до самой тактики и стратегіи. Игры сіи практически приготовили бы къ методическому изученію наукъ военныхъ, коими Великій Князь можетъ заняться только во 2-мъ періодѣ, познакомившись предварительно съ математикою. Одно только необходимое условіе—чтобы сіи военныя наставительныя игры принадлежали исключительно одной эпохѣ года и нисколько не вмѣшивались въ остальное ученье, которое въ противномъ случаѣ разстроятъ совершенно, ибо уничтожатъ вниманіе. Ихъ главная польза было бы не одно пріобрѣтеніе свѣдѣній военныхъ, но и укрѣпленіе силъ физическихъ, и нравственное образованіе. Великому Князю должно быть не простымъ солдатомъ, а мужемъ, достойнымъ престола Россіи. И здѣсь цѣлью было бы не одно знаніе фрунта, механически пріобрѣтаемое, но и дѣятельное пробужденіе высокихъ человѣческихъ качествъ—смѣлости, терпѣнія, расторопности, присутствія духа, осторожности, рѣшительности, хладнокровія, словомъ — всего, что составляетъ война въ истинномъ, прекрасномъ знаменованіи сего слова. Великій Князь былъ бы въ толпѣ людей, имѣлъ бы товарищей, наравнѣ съ другими несъ бы тягость долга и службы: все это самымъ благотворнымъ

образомъ могло бы дѣйствовать на его умъ и сердце, развернуло бы въ немъ все чистое, человѣческое, и укоренило бы (укрѣпило бы?) его характеръ. Само по себѣ разумѣется, что начальство надъ такимъ корпусомъ должно быть поручено человѣку искусному, который могъ бы изъ игрушки сдѣлать наставленіе полезное и умѣлъ бы забавою дѣйствовать на душу, пробуждая въ ней спящія высокія качества. Такого рода забава не должна быть одна механическая экзерциція солдата, безплодная, естьли не убійственная, для нравственнаго человѣка: съ нею во власти наставника весь человѣкъ и всѣ его силы. Образованіе такого корпуса воиновъ-дѣтей—не бездѣлица; надобно ихъ знать, надобно умѣть управлять ими, надобно въ настоящемъ готовить будущее. Наставникъ долженъ понимать, что здѣсь въ забавѣ дѣтской таится героизмъ мужа. И самъ онъ долженъ быть не простымъ знатокомъ фрунта, привыкшимъ видѣть въ солдатѣ одну машину, но просвѣщеннымъ знатокомъ военнаго дѣла, способнымъ понимать, что во власти его душа будущаго повелителя милліоновъ, можетъ быть—назначеннаго нѣкогда стать передъ русскою арміею и рѣшить судьбу народовъ. Такой человѣкъ долженъ быть не только знакомъ съ механическими подробностями службы военной—мелкими и развѣ только потому принадлежащими Государю, что онъ, какъ Петръ Великій, не долженъ быть чуждъ никакихъ подробностей,—но и съ высокимъ назначеніемъ воина, которое онъ долженъ знать не изъ военнаго устава, но изъ всемірной исторіи, изъ дѣлъ Аннибала, Юлія Кесаря, Густава Адольфа, Фридриха; скажу болѣе, при выборѣ таковаго наставника надобно смотрѣть не на одни знанія военныя, но и вообще на просвѣщеніе и характеръ нравственный, дабы, наставляя, онъ могъ и воспламенять душу ко всему великому и героическому. Однимъ словомъ, сію часть воспитанія Великаго Князя почитаю одною изъ самыхъ важныхъ: симъ способомъ онъ можетъ или быть навсегда испорченъ, то есть обращенъ въ мелочнаго солдата, или быть образованъ для истиннаго героизма, для чести своего вѣка, для твердаго блага Россіи. Сіи военныя игры могутъ начаться въ первомъ періодѣ и продолжаться до окончанія втораго.

III.

Лица.

Надзиратель за особою Великаго Князя.—Помощникъ Надзирателя.—Надзиратель за ученіемъ Великаго Князя. При немъ: Переводчикъ.—Рисовщикъ.—Писарь.

Учители въ первомъ періодѣ: учитель французскаго языка и счета.—Учитель нѣмецкаго языка.—Учитель польскаго языка.—Учитель англійскаго языка.—Учитель рисованія.—Учитель танцованія.—Учитель гимнастики.—Мастеровой для ручной работы.

Ихъ должности:

NB. Здѣсь говорится объ однѣхъ должностяхъ лицъ, коимъ будетъ поручено ученіе Великаго Князя, ибо предлагается одинъ только планъ ученія, а не всего воспитанія.

Должность Надзирателя за ученіемъ Великаго Князя вообще: онъ наблюдаетъ (вмѣстѣ съ Надзирателемъ за особою Великаго Князя) за ходомъ ученія и вмѣстѣ съ нимъ выбираетъ учителей.

Въ первомъ періодѣ: онъ беретъ на себя I-й и II-й классы предметовъ ученія; наблюдаетъ, чтобы учители, каждый по своей части, для сохраненія полноты и единства въ ученіи, совершенно сообразовались съ его планомъ.

Во второмъ періодѣ: онъ присутствуетъ при главныхъ урокахъ, онъ служитъ репетиторомъ Великому Князю, то есть учится съ нимъ вмѣстѣ и помогаетъ ему преподаваемое учителями обращать въ свою собственность.

Онъ беретъ на себя особенно преподаваніе россійскаго языка и упражняетъ Великаго Князя въ русскомъ слогѣ.

Въ третьемъ періодѣ: онъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ составляетъ обозрѣніе всего пройденнаго во второмъ періодѣ, то

есть помогаетъ ему подвесть итогъ подъ суммы, собранныя во всѣ годы его ученія.

Есть-ли на меня будетъ возложена обязанность Надзирателя за ученіемъ Его Высочества, то мнѣ для успѣшнаго ея исполненія нужно имѣть нѣкоторыя пособія. По моему плану, объемлющему весьма много предметовъ (изъ которыхъ съ нѣкоторыми я еще самъ долженъ познакомиться), мнѣ надобно весьма много приготовляться къ часамъ учебнымъ—чтеніемъ, выписками, составленіемъ собственнаго учебнаго курса. Сверхъ того, по методѣ, мною избранной и которой пользу я знаю уже на опытѣ, для утвержденія въ памяти Великому Князю преподаваемаго на лекціяхъ, я долженъ самъ составлять много рисунковъ, картъ и таблицъ. Одно уже ихъ составленіе беретъ много времени; естьли же возьму на себя и переписываніе на-чисто и приготовленіе чистыхъ рисунковъ и картъ, то потеряю безполезнымъ образомъ часы, нужные мнѣ для приготовительныхъ моихъ занятій. Мнѣ необходимо имѣть рисовщика и переписчика, которые исключительно посвятили бы себя моему дѣлу. О необходимости составить избранную библіотеку дѣтскаго чтенія сказано выше. Сія работа требуетъ особеннаго вниманія; самъ ею заняться не могу: не буду имѣть времени. Но могу ею руководствовать, нужно имѣть переводчика, который трудился бы подъ моимъ руководствомъ и по моему плану.

Должности учителей:

Въ первомъ періодѣ. Учители сообразуются въ планѣ своемъ съ главнымъ планомъ Надзирателя.

Во второмъ періодѣ. Учители должны быть каждый профессоромъ своего дѣла; каждый долженъ дѣйствовать свободно, по собственному плану. Обязанность Надзирателя: составлять цѣлое изъ ихъ разнообразныхъ уроковъ, согласуясь съ своимъ особеннымъ планомъ.

IV.

Пособія.

Предметы ученія:

Библіотека: книги учебныя,—лексиконы,—избранныя классическія книги,—избранныя русскія книги.

Карты: новѣйшія лучшія карты,—генеральныя и спеціальныя,—подробныя карты Россіи,—планы городовъ и мѣстъ.

Эстампы: виды городовъ и мѣстъ,—архитектурные эстампы,—портреты знаменитыхъ людей,—костюмы древніе и новые,—изображеніе предметовъ натуральной исторіи.

Историческіе эстампы,—миѳологическія изображенія,—образцы для рисованія,—гипсы для рисованія,—маленькій физическій кабинетъ,—маленькій минералогическій кабинетъ,—технологическій кабинетъ,—нѣкоторые модели и рельефы,—предметы, нужные для гимнастики,—инструменты, нужные для ручной работы,—предметы, нужные для игръ учебныхъ.—Lanterne magique.—Фантасмагорія.—Косморама.

Помѣщеніе. Расположеніе учебной комнаты должно соотвѣтствовать плану ученія. Учебная комната есть главная сцена дѣятельности воспитанника: въ ней онъ живетъ, трудится, мыслитъ и веселится—все въ ней должно способствовать его занятіямъ. Расположеніе учебной комнаты должно поручить тому, кто будетъ имѣть надзоръ за ученіемъ.

1. Въ ней долженъ быть методическій порядокъ, одинъ разъ навсегда установленный. Такой порядокъ не только помогаетъ работѣ, но и спасаетъ много времени и можетъ произвести благодѣтельную привычку, весьма полезную для будущаго.

2. Въ учебной комнатѣ должны быть соединены всѣ предметы учебные, расположенные такъ, чтобы всегда, безъ нарушенія порядка, было легко имѣть ихъ подъ рукою.

3. Все, что нужно укоренить въ памяти, должно быть всегда на виду, дабы то, что въ нѣкоторые опредѣленные часы преподается на лекціяхъ, было въ часы свободные,—всегда, но нечувствительнымъ образомъ, безъ напряженія вниманія,—повторяемо предметами, окружающими воспитанника.

4. Для гимнастическихъ упражненій, для игръ учебныхъ и другихъ должна быть отведена особенная большая горница. Не худо имѣть и особенную мастерскую, въ которой бы можно было работать на просторѣ, въ которой были бы соединены всѣ инструменты, нужные для ручной работы.

Нѣкоторыя примѣчанія.

Ученіе по предложенному плану тогда только можетъ имѣть успѣхъ совершенный, когда ничто, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ нарушать порядка, одинъ разъ навсегда установленнаго; когда и особа, и время, и все окружающее Великаго Князя—будутъ, безъ всякаго ограниченія, подчинены тѣмъ людямъ, коимъ Его Высочество будетъ порученъ довѣренностію Государя. Государь Императоръ, конфирмовавъ сей планъ, да благоволитъ быть первымъ безпрекословнымъ его исполнителемъ.

Дверь учебной горницы, въ продолженіе лекцій, должна быть неприкосновенна; никто не долженъ себѣ позволять въ нее входить въ то время, которое Великій Князь будетъ посвящать занятію: изъ этого правила не должно быть ни для кого исключенія. Великій Князь пріучится дорожить своимъ временемъ, когда увидитъ, что имъ дорожатъ и другіе, и что въ порядкѣ часовъ соблюдается строжайшая точность. Его Высочество въ продолженіе своего воспитанія долженъ привыкнуть не почитать ничего выше своихъ обязанностей. Онъ долженъ идти впередъ постояннымъ и равнымъ шагомъ: порядокъ ненарушимый есть главное для сего условіе. Осмѣлюсь сказать откровенно: частые переѣзды изъ мѣста въ мѣсто кажутся мнѣ весьма вредными для занятій Великаго Князя. Намъ надобно имѣть одно постоянное мѣстопребываніе—въ Петербургѣ зимою и одно, такое же, внѣ Петербурга, лѣтомъ. Въ противномъ случаѣ порядокъ нарушится и нельзя отвѣчать за успѣхъ ученія. Переѣзды будутъ мѣшать и вредить вниманію, будутъ препятствовать полнотѣ и необходимому спокойствію упражненій; вмѣсто устроенной учебной комнаты, будемъ имѣть однѣ станціи, въ которыхъ нельзя имѣть подъ рукою всѣхъ предметовъ ученія: все это произведетъ привычку

къ непостоянству и безпокойную охоту перемѣнять мѣсто, весьма вредную для будущаго. Самимъ наставникамъ нельзя будетъ дѣйствовать какъ бы они желали: могутъ-ли они всюду перевозить съ собою всѣ вещи для приготовленія своего къ лекціямъ? могутъ-ли имѣть вездѣ просторъ, необходимый для собственныхъ занятій? А это не бездѣлица: здѣсь о наставникахъ такъ же нужно думать, какъ о Воспитанникѣ. Безполезно требовать отъ нихъ невозможнаго. И со всею готовностію повиноваться Высшей волѣ, они не будутъ въ состояніи ее исполнить и не должны отвѣчать за неуспѣхъ своихъ усилій.

Теперь прогулки Его Высочества имѣютъ цѣлью одно движеніе, полезны для здоровья. Современемъ можно будетъ соединить съ ними цѣль наставительную: можно будетъ ихъ посвящать на обозрѣніе разныхъ публичныхъ заведеній, зданій, кабинетовъ, мануфактуръ и проч. Но къ каждому такому обозрѣнію нужно быть предварительно приготовленнымъ: въ противномъ случаѣ, обозрѣватель можетъ привыкнуть довольствоваться поверхностными понятіями и смотрѣть безъ вниманія—невѣжество не имѣетъ любопытства. Но для таковыхъ наставительныхъ прогулокъ, требующихъ времени свободнаго, надлежитъ, по возможности, выбирать дни не учебные: въ противномъ случаѣ онѣ будутъ разстраивать установленный порядокъ часовъ—святыню, къ которой ни подъ какимъ предлогомъ прикасаться не должно.

Дабы имѣть понятіе о ходѣ и успѣхахъ ученія, должны быть установлены экзамены, ежемѣсячные и полугодовые; ежемѣсячные должны производиться въ присутствіи Государыни Императрицы, полугодовые (въ половинѣ іюня и въ концѣ декабря), если возможно, въ присутствіи самого Государя Императора.

На учебномъ столѣ должна лежать настольная книга, въ которую учители, по окончаніи каждой лекціи, будутъ записывать каково было во время ея поведеніе и ученіе Великаго Князя. Осмѣливаюсь прибавить здѣсь одно замѣчаніе: изъявляемое одобреніе Государя Императора должно быть величайшею наградою для нашего Воспитанника, а изъявленное неодобреніе Его Величества самымъ тяжкимъ наказаніемъ. Надобно весьма дорожить симъ важнымъ средствомъ. Смѣю думать, что Государь Императоръ не

долженъ никогда хвалить Великаго Князя за прилежаніе, а просто оказывать свое удовольствіе ласковымъ обращеніемъ, безъ всякаго выраженія сего удовольствія. Таковое выраженіе должно быть предоставлено для немногихъ случаевъ. Чѣмъ будетъ оно рѣже, тѣмъ болѣе будетъ имѣть цѣны, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе. Великому Князю надлежитъ привыкать видѣть въ исполненіи своихъ обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особеннаго одобренія: такая привычка образуетъ твердость характера. Каждый отдѣльный хорошій поступокъ весьма маловаженъ; одно только продолжительное постоянство въ добрѣ заслуживаетъ вниманіе и хвалу. Его Высочество долженъ пріучиться дѣйствовать безъ награды: мысль объ отцѣ должна быть его тайною совѣстью. Тогда только одобреніе отца будетъ для него благодѣтельнымъ счастіемъ и дѣйствительнымъ поощреніемъ къ новымъ усиліямъ. То же самое можно сказать и о выраженіи родительскаго неодобренія. Его Высочество долженъ трепетать при мысли объ упрекѣ отца. Государь будетъ всегда знать о его мелкихъ проступкахъ, но пускай это будетъ тайною между Его Величествомъ и наставниками; пускай Воспитанникъ чувствуетъ вину свою и самъ наказываетъ себя тягостнымъ своимъ чувствомъ. Но испытать явный гнѣвъ отца должно быть для него случаемъ единственнымъ въ жизни. Есть-ли когда нибудь дойдетъ до такой крайности, то лекарство будетъ спасительно и исцѣленіе несомнѣнно. Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ о подаркахъ, дѣлаемыхъ въ разное время Великому Князю. Они непремѣнно должны входить въ общій планъ ученія и, такъ сказать, за нимъ слѣдовать. Имѣя много безполезнаго, становишься равнодушнымъ къ полезному. Великому Князю не должно давать ничего такого, что не можетъ быть ему нужно въ настоящую минуту: получая преждевременно такую вещь, которую можетъ онъ цѣнить только послѣ, онъ будетъ смотрѣть на нее безъ вниманія; она успѣетъ потерять для него всю свою новость прежде нежели сдѣлается ему извѣстною, и въ надлежащее время не возбудитъ желаемаго любопытства.

Есть-ли Высочайшею довѣренностію Государя мнѣ будетъ порученъ надзоръ за ученіемъ Его Высочества, то смѣю просить Его Величество утвердить меня въ моемъ званіи и дать мнѣ принад-

лежащее мнѣ имя, дабы я имѣлъ и право и полную свободу дѣйствовать. Въ чемъ состоитъ моя должность по сему званію, о томъ уже сказано выше. Здѣсь почитаю необходимымъ представить на судъ Государя Императора мой собственный образъ мыслей, чтобы Его Величеству было извѣстно—какъ я понимаю мою обязанность, въ какомъ духѣ желаю исполнить ее.

Не отвѣчая за свои способности, отвѣчаю за любовь мою къ моему дѣлу. Я могу дѣйствовать на нравственность Велікаго Князя однимъ только образованіемъ его мыслей. Его характеръ въ рукахъ воспитателя. И воспитатель и наставникъ идутъ къ одной цѣли, но каждый имѣетъ свой особенный кругъ дѣйствія и долженъ знать свои границы. Мой кругъ дѣйствія есть руководствовать Велікаго Князя въ пріобрѣтеніи нужныхъ ему познаній, дабы послѣ, вмѣстѣ съ нимъ, изъ всей ихъ суммы извлечь необходимыя для него правила жизни.

Во первыхъ, скажу: Его Высочеству нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага и, въ благѣ общемъ, для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностію. Человѣкъ знающій, но не нравственный—будетъ вредить, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда—будетъ вредить, ибо и съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность, и къ порядку, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно.

Сокровищница просвѣщенія царскаго есть Исторія, наставляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ Государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною наукою Наслѣдника престола. Исторія, освященная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ,

уваженіе къ человѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской. Сихъ главныхъ правилъ не много. Исторія познакомитъ Наслѣдника престола съ судьбою народовъ и, объяснивъ причины ихъ бѣдствій и благоденствія во всѣхъ временахъ, должна сказать ему въ заключеніе: вѣрь, что власть Царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему какъ вѣрили Маркъ Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкою надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый Царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти—но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ Монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли: мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго Государя. Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе Царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь Царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество Государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый—безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе Царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви Царя къ народу нѣтъ любви народа къ Царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земнаго, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей. Наконецъ, въ

заключеніе слова Іоанна Мюллера, которымъ онъ оканчиваетъ свою „Всемірную Исторію“: „Умѣренность—порядокъ, а смыслъ ихъ не упускай никогда изъ глазъ своей цѣли; подвигайся впередъ не быстро, но постоянно; строй безъ спѣха, но для вѣковъ; исправляй не разрушая, не упреждай своего вѣка, но и не отставай отъ него; не будь его рабомъ, но свободно съ нимъ соглашайся: будешь владѣть имъ, когда не презришь его совѣта; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, есть-ли хочешь его пересилить“.

Таковы главныя правила, которыя Наслѣдникъ престола долженъ современемъ извлечь для себя изъ исторіи: свободное изложеніе ихъ передъ Государемъ есть въ то же время и моя исповѣдь.

Государь! можетъ быть, прежде я бы не съ такою довѣренностію къ вамъ употребилъ сей языкъ свободный! Но теперь, послѣ того, что случилось, смѣлая искренность съ вами не стоитъ никакого усилія. Вы познакомили съ собою Россію: вы доказали намъ, что можете благу общему жертвовать собою; въ минуту опасную вы ввѣрились своему народу; вашей неустрашимости обязаны мы сохраненіемъ спасительнаго Царскаго трона; съ этой минуты видимъ дѣятельность, имѣемъ право надѣяться временъ прекрасныхъ, порядка, законовъ, просвѣщенія, всего, что было въ душѣ Александра. При такихъ надеждахъ и мнѣ, какъ вѣрному подданному Царя, какъ вѣрному сыну Отечества, усладительнѣе приступить къ священному своему дѣлу. Содѣйствуйте, Государь, его успѣху, помогая наставникамъ въ ненарушимомъ исполненіи ихъ плана. Царствуя для блага Россіи, вы будете царствовать и для вашего сына: онъ будетъ спокойно возрастать подъ благотворнымъ вліяніемъ правленія мужественнаго; современемъ отъ васъ же научится вашему искусству; а наслѣдіемъ его будетъ устроенная Россія и люди, образованные вами для поддержанія съ нимъ вмѣстѣ сего устройства.

(1826 г.) В. А. Жуковскій.

Сообщ. Герасимъ Александровичъ Орловъ, изъ бумагъ его дѣда, протоіерея Герасима Петровича Павскаго.

Василій Андреевичъ Жуковскій [1]) родился въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, 29-го января 1783 года. Имя его, какъ представителя переходной эпохи отечественной словесности отъ Карамзина къ Пушкину, занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы, чтобы о немъ распространяться. Не поэтъ-Жуковскій — пѣвецъ «Свѣтланы», «Громобоя», «Вадима»,—единственный по достоинству переводчикъ Шиллера, Гёте, Бюргера, Гебеля и Грея, будетъ предметомъ этого очерка, но Жуковскій-человѣкъ—добрая, благородная, свѣтлая личность, наставникъ Наслѣдника Цесаревича.

Достоинства поэта далеко не всегда служатъ порукою за достоинства человѣка. Чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, достаточно прочесть біографіи довольно многихъ знаменитыхъ писателей былыхъ и ближайшихъ къ намъ временъ, за исключеніемъ, однако, Карамзина и Жуковскаго... Послѣдній, въ особенности, сочеталъ въ своемъ лицѣ высокій даръ поэта съ прекраснѣйшими чувствами человѣка. Самая жизнь Жуковскаго сложилась такъ, что ее можно раздѣлить на три эпохи, изъ которыхъ первая—была посвящена служенію родному слову; вторая—воспитанію будущаго Государя, третья—мирному отдыху въ нѣдрахъ семьи... Всѣ же три эпохи посвящены были благу и пользѣ ближнихъ! Отцвѣла поэзія, но цвѣтъ ея смѣнился плодомъ жизненной прозы, въ смыслѣ практическаго примѣненія къ

---

[1]) Изъ статей, относящихся къ характеристикѣ В. А. Жуковскаго, въ «Русской Старинѣ» были напечатаны: А. Ѳ. Воейковъ. Воспоминанія Н. И. Греча (изд. 1874 г., томъ IX, стр. 622—627, 631, 636—637). Письмо Жуковскаго В. К. Кюхельбекеру (изд. 1875 года, т. XIII, стр. 364—365). Четверостишіе Ермолову (изд. 1874 г., т. XII, стр. 786). Воспоминанія П. А. Каратыгина (изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 453). Воспоминанія Т. П. Пассекъ (изд. 1877 г., т. XX, стр. 286—287). Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 295—297, 301—302, 322—323, 521—522). Кромѣ того, о жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго упоминается во многихъ статьяхъ обширнаго отдѣла мемуаровъ и воспоминаній, напечатанныхъ въ нашемъ изданіи въ теченіе его перваго десятилѣтія, съ 1870 по 1879 годъ включительно.

дѣлу тѣхъ чистыхъ, высоко-нравственныхъ правилъ, которыя Жуковскій-поэтъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ. У него—слово было неразлучно съ дѣломъ; онъ оплакивалъ страданія и нищету не затѣмъ, чтобы изъ безплодныхъ слезъ создавать радугу поэзіи, или вздохи свои слагать въ рѳмы... Въ достопамятную эпоху отечественной войны онъ одушевлялъ русскихъ воиновъ своими пѣснями, и въ то же время, какъ гордость Германіи—Кёрнеръ, твердо держалъ въ рукахъ и лиру и мечъ! Жуковскій въ 1812 г. былъ не кабинетнымъ пѣвцомъ, а послужилъ отечеству и словомъ и дѣломъ, и крестъ—награда ратной службы — былъ возложенъ на грудь, изъ которой исторгались вдохновенныя, патріотическія пѣснопѣнія.

Любовь къ Отечеству и къ Государю приблизила Жуковскаго къ престолу; его посланіе къ Императору Александру I открыло ему доступъ въ царскіе чертоги, и въ 1815 году поэтъ удостоился званія чтеца при вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Жуковскій знакомилъ Государыню съ сочиненіями всѣхъ сколько нибудь даровитыхъ соотечественниковъ и былъ всегда посредникомъ между міромъ литературнымъ и державною властію. Успѣху каждаго талантливаго писателя Жуковскій способствовалъ и радовался, какъ своему собственному. Братскія объятія онъ открылъ юному Пушкину, и когда его постигла опала—тотъ же Жуковскій былъ усерднымъ за него ходатаемъ предъ царскимъ престоломъ. Кому другому, если не Жуковскому, обязанъ высокимъ царскимъ покровительствомъ нашъ Гоголь... Баратынскій, Кюхельбекеръ, Александръ Одоевскій, Шевченко—поэты-страдальцы, гонимые судьбою, нашли въ Жуковскомъ друга, покровителя, защитника. Когда начался судъ надъ виновниками 14-го декабря, когда всѣ лица, близкія къ разгнѣванному и негодующему императору, осуждали виновныхъ или безмолвствовали—Жуковскій имѣлъ смѣлость подать свой голосъ въ защиту Николая Ивановича Тургенева.

— Возвратиться ли Тургеневу изъ-за границы въ Россію?—спросилъ поэтъ Государя, и получилъ въ отвѣтъ:

— Если спрашиваешь меня какъ Императора, скажу: нужно. Если спрашиваешь какъ частнаго человѣка, скажу: лучше ему не возвращаться!

И Николай Ивановичъ Тургеневъ остался за границей.

Приведемъ нѣсколько событій жизни Жуковскаго, свидѣтельствующихъ о необыкновенномъ добродушіи этого рѣдкаго человѣка.

Жилъ въ Петербургѣ нѣкто Олинъ, плохой писатель и бѣдный человѣкъ. Съ цѣлію поправить плачевныя свои обстоятельства, Олинъ вздумалъ разыграть въ лотерею свою единственную цѣнную соб-

ственность—какую-то фамильную табакерку. Сострадательный Жуковскій съ охотою взялъ у него десятка два билетовъ; одинъ оставилъ у себя, остальные роздалъ многочисленнымъ знакомымъ. Олинъ собралъ сумму, вчетверо превышавшую стоимость табакерки, и разыгралъ лотерею. Выигрышъ палъ на билетъ Жуковскаго. Когда Олинъ принесъ къ нему табакерку, Василій Андреевичъ поздравилъ его со своимъ выигрышемъ и подарилъ табакерку Олину. Мѣсяца черезъ два, этотъ господинъ опять является къ Василію Андреевичу съ предложеніемъ взять на коммисію нѣсколько билетовъ, на вторичный розыгрышъ той-же табакерки. Жуковскій, не взявъ ни одного билета (однако-же заплативъ за пять), съ ласковою улыбкой сказалъ:

— Боюсь опять выиграть; если выиграю во второй разъ, то ужъ выигрыша вамъ не возвращу.

Когда близкіе знакомые послѣ того пеняли Жуковскому за его излишнюю деликатность съ такимъ человѣкомъ, онъ отвѣчалъ смѣясь:

— Эхъ, господа, не браните его: бѣдность и не до этого доводитъ!

Доброта и благородная довѣрчивость Жуковскаго весьма часто подавали поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны лицъ, прибѣгавшихъ къ его помощи. При всемъ томъ эта добрая душа, вѣрная своимъ правиламъ, не разочаровывалась ни въ комъ и сердце Жуковскаго отъ столкновеній съ обманомъ и ложью не выковывалось въ сталь, а только размягчалось. Въ 1828—1829 годахъ, когда Василій Андреевичъ жилъ въ Шепелевскомъ дворцѣ (въ зданіи Эрмитажа), на лѣстницѣ, ведущей въ его квартиру, по словамъ А. О. Смирновой [1]), «съ утра толпились нищіе, бѣдные и просители всякаго рода и званія. Онъ не умѣлъ никому отказывать, баловалъ своихъ просителей, не разъ былъ обманутъ, но его щедрость и сердоболіе никогда не истощались. Однажды онъ мнѣ показывалъ свою записную книгу: въ одинъ годъ онъ роздалъ 18,000 р. ассигн., что составляло большую половину его средствъ».

Въ 1817 году Жуковскій былъ призванъ изъ Дерпта къ Высочайшему Двору для преподаванія русскаго языка Великой Княгинѣ (впослѣдствіи Государынѣ Императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Отправляясь въ путь, онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей: «романъ моей жизни оконченъ—теперь начинается исторія». Этими словами самъ поэтъ какъ-бы положилъ грань, отдѣлившую литературную его дѣятельность отъ служебной. Учебныя занятія съ Великою Княгинею дали возможность Ея Высочеству ознакомиться съ пре-

---

[1]) Воспоминанія А. О. Смирновой были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 г. (XI, стр. 1869—1883).

красными душевными качествами учителя: не только отечественная литература могла гордиться подобнымъ представителемъ, но и весь народъ русскій могъ съ чувствомъ самодовольствія назвать Жуковскаго представителемъ самыхъ похвальныхъ національныхъ своихъ свойствъ. Безграничная любовь къ Отечеству, приверженность къ престолу, состраданіе къ ближнимъ—всѣми этими чувствами щедро было одарено сердце Василія Андреевича Жуковскаго. Двадцать пять лѣтъ провелъ онъ, почти безотлучно, при Дворѣ—былъ и остался домочадцемъ, другомъ царской семьи, не бывъ царедворцемъ въ обширномъ, но не всегда лестномъ значеніи слова. Какъ поэтъ, Жуковскій пересталъ воспѣвать идеальный міръ; но бытіе Россіи въ жизни Августѣйшаго дома, въ событіяхъ внѣшней и внутренней политики—находило отзвучіе на лирѣ бывшаго «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».

17-го апрѣля 1818 года, пушки съ твердынь Кремля возвѣстили Москвѣ о рожденіи въ ея стѣнахъ супругою Великаго Князя Николая Павловича—сына-первенца, и Жуковскій привѣтствовалъ въ колыбели будущаго Царя-Освободителя.

Оплакавъ кончину Александра I, Жуковскій съ чувствами безпредѣльной любви преклонился предъ его преемникомъ, ввѣрившимъ ему воспитаніе своего сына. Рядъ событій, ознаменовавшихъ первыя пятнадцать лѣтъ царствованія Николая Павловича, былъ воспѣтъ и описанъ Жуковскимъ, со свойственными его слогу изяществомъ, благородною простотою и искренностью. Кончина Императрицы Маріи Ѳеодоровны; войны съ Турціей и Польшей; борьба съ холерой и мятежами; воздвиженіе Александровской колонны; смерть Пушкина; празднованіе Бородинской годовщины; бракосочетаніе Августѣйшаго Питомца—таковы были источники вдохновенія Жуковскаго съ 1826 по 1841-й годъ: печаль и радость Россіи находили отзвучіе въ его русской душѣ. Къ этому же самому періоду времени принадлежитъ и его стихотворный очеркъ отечественной исторіи: «Русская слава»...

Удостоенный высокой чести быть наставникомъ будущаго Царя, почти одновременно съ коронованіемъ его Родителя, Жуковскій съ должнымъ уваженіемъ, обдуманностью и самоиспытаніемъ отнесся къ своей священной и отвѣтственной обязанности—трояко отвѣтственной: предъ родителями царственнаго отрока, предъ современниками и предъ потомствомъ...

Воззрѣніе Жуковскаго на возложенную на него обязанность наставника Цесаревича онъ съ благороднымъ прямодушіемъ изложилъ въ напечатанномъ выше «Подробномъ Планѣ ученія Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича» и въ письмахъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Приводимъ небольшія выдержки изъ этихъ писемъ:

«Я воспѣлъ его рожденіе. Въ это мгновеніе все было исполнено значенія пророческаго; это мгновеніе навѣки приснопамятно моему сердцу и то, что я тогда написалъ по вдохновенію, можетъ служить какъ бы заглавнымъ листомъ для всей его жизни. Да даруетъ токмо Провидѣніе долгое царствованіе Августѣйшему его родителю: тогда онъ будетъ имѣть время практически изучить великія свои обязанности и въ его лицѣ вы оставите прочное счастіе Россіи благоустроенной и возвеличенной. Твердо уповаю на предсказаніе вашей родительницы: благословеніе почіетъ на главѣ вашей. Стремящіеся къ добру съ самоотверженіемъ, желающіе добра съ настойчивостью—всегда онаго достигаютъ...

«Скажу откровенно: меня нѣсколько тревожила мысль о впечатлѣніи на разумъ Великаго Князя пышныхъ зрѣлищъ Москвы. Впечатлѣнія подобнаго рода въ столь нѣжномъ возрастѣ рѣшительно вліяютъ на остальную жизнь. Свидѣтель народнаго поклоненія, въ иныхъ случаяхъ почти ихъ участникъ, онъ могъ весьма легко усвоить рановременныя понятія о величіи, которыя тѣмъ самымъ могутъ повредить развитію чисто-человѣческихъ чувствъ—драгоцѣннѣйшихъ, тѣхъ самыхъ, на которыхъ зиждется достоинство человѣческое, которыя должны пребыть неприкосновенными. Воспитаніе должно поставить его на уровень его величія, но это возможно только тогда, когда онъ будетъ въ состояніи сознать, что на это величіе—дабы оно не было призрачнымъ—должно смотрѣть не какъ на право, но какъ на обязанность, какъ на святое вѣроисповѣданіе, какъ на рабство, приковывающее человѣка, подобно Прометею, къ высокой скалѣ, съ вершины которой онъ хотя и можетъ близко видѣть небо, но на которой также есть коршунъ-мститель, готовый истерзать дерзновеннаго, посягающаго на права небесныя...

«Душевную мою тревогу успокоила другая мысль: если онъ былъ зрителемъ сценъ ослѣпительныхъ, то видѣлъ также и простую народную любовь. Это должно было оставить на его истинно-чувствительной душѣ глубокій слѣдъ; впечатлѣнію этому не должно давать изгладиться! Это основа, на которой можно соткать многое для будущаго. Никакія правила, проповѣдуемыя учителями въ классахъ, не въ силахъ будутъ противодѣйствовать впечатлѣніямъ жизни обыденной...

«Воспитаніе не ограничивается учебнымъ столомъ; оно ничего не значитъ, если не объемлетъ всей жизни ребенка. Судьба—нашъ единый учитель. То, что въ зрѣломъ возрастѣ руководитъ нашими личными поступками, т. е. размышленіе о томъ, что съ нами случается, служащее для насъ правиломъ—замѣняется, для ученика, учителемъ, который вмѣстѣ съ нимъ размышляетъ о томъ, что мо-

жетъ съ нимъ случиться, поддерживая свое размышленіе ежедневнымъ опытомъ: иначе одно будетъ уничтожаемо другимъ...

«Его Величество, удостоивая меня высочайшаго своего довѣрія, на которое я не имѣю иныхъ правъ, кромѣ искренняго усердія заслужить оное, ставитъ меня нѣкоторымъ образомъ въ невозможность выговаривать себѣ какое либо вознагражденіе въ будущемъ; но мнѣ отрадно, что я могу, въ глазахъ моихъ соотечественниковъ, гордиться одобреніемъ моего Государя»...

Въ этомъ же первомъ письмѣ (изъ Дрездена, 2-го (14-го) октября 1826 года) Жуковскій, вѣрный себѣ самому, ходатайствуетъ предъ Императрицею о благосклонномъ ея вниманіи къ художнику Кларѣ и о дозволеніи ему воспользоваться трехгодичнымъ пребываніемъ за границею [1]).

Слѣдующія выдержки изъ писемъ Жуковскаго къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной (отъ 7-го (19-го) февраля 1827 г.) и къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ (въ томъ же году) свидѣтельствуютъ о той нравственной переработкѣ, которой подвергъ себя будущій наставникъ Наслѣдника Цесаревича, до вступленія въ свою великую, отвѣтственную должность [2]).

«Работы у меня много, на рукахъ моихъ важное дѣло! Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять на что-нибудь другое. Если-бы вы видѣли, чѣмъ я занятъ, и какъ много объемлетъ кругъ моихъ занятій, и какъ онъ долженъ будетъ безпрестанно распространяться, то иногда и простили бы мнѣ мою эпистолярную лѣнь. Скажу вамъ нѣсколько словъ о томъ, что теперь со мною дѣлается. Во первыхъ, мое здоровье поправилось, благодаря водамъ эмсенскимъ и спокойной, порядочной дрезденской жизни. Я въ Дрезденѣ съ сентября мѣсяца и пробуду здѣсь до конца марта. Не вообразите себѣ, чтобъ я здѣсь жилъ для разсѣянія и только чтобъ пользоваться веселымъ far niente. Напротивъ, здѣсь я былъ безпрестанно занятъ своими приготовленіями къ будущему. По плану ученія Великаго Князя, мною сдѣланному, все главное лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете изъ этого заключить, сколько мнѣ нужно приготовиться, чтобы

---

[1]) Одно изъ лучшихъ произведеній Клары—небольшой альбомъ «видовъ Павловска», гравированныхъ all'acqua tinta.

[2]) См. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», май 1869 г. «Развитіе поэтической дѣятельности Жуковскаго», статья II, д-ра Зейдлица (стр. 102—104).

лекціи могли идти безъ всякой остановки. Съ этой стороны, болѣзнь моя есть для меня благодѣяніе. Она дала мнѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свободныхъ, и я провелъ ихъ въ совершенномъ уединеніи, забывъ, что я въ чужой землѣ, гдѣ много любопытнаго можно видѣть, и посвятивъ свои мысли одной, главной, около которой вся дѣятельность моя вертѣлась. И теперь это рѣшено на весь остатокъ жизни. У меня въ душѣ одна мысль, все остальное только въ отношеніи къ этой, царствующей. Могу сказать, что настоящая, положительная моя дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans les vagues. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія мною не покинута, хоть я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ, со стороны, показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то полнота, которая животворитъ ее. Я могъ бы назвать себя счастливымъ (ибо никакого положенія въ свѣтѣ не предпочту моему теперешнему, и нахожу его достойнымъ меня). Но для счастія нужно не одно свое; но и счастію я давно далъ другое имя. Я называю его должность. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы...

«Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе—не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола. Какая работа и отвѣтственность! (Не ошибайтесь: наставникомъ, а не воспитателемъ—за послѣднее никогда не позволилъ-бы себѣ взяться). Занятіе питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни. Чувствую ея великость и всѣми мыслями стремлюсь къ ней! До сихъ поръ я доволенъ успѣхомъ, но кругъ дѣйствій безпрестанно будетъ расширяться. Занятій множество! Надобно учить и учиться, и время захвачено. Прощай навсегда, поэзія—съ риѳмами. Поэзія другаго рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь. Вамъ объяснять этого нѣтъ нужды: мы съ вами взросли на однѣхъ идеяхъ».

Прибывъ въ Россію и вступивъ въ отправленіе важной своей должности, Жуковскій отдавалъ Августѣйшимъ родителямъ своего Питомца самый совѣстливый отчетъ, какъ объ учебныхъ его занятіяхъ, такъ и о мысляхъ своихъ относительно возможныхъ улучшеній въ системѣ воспитанія. Въ письмѣ отъ 1-го іюля 1827 года, Жуковскій подвергаетъ строгой и безпристрастной оцѣнкѣ личный характеръ генерала Мердера и свой собственный. Отдавая должную справедливость прекраснымъ душевнымъ качествамъ перваго, онъ замѣчаетъ:

— «Мердеръ хорошій воинъ—и только. Но благоволите помыслить, что здѣсь вопросъ не въ томъ, чтобы образовать единственно хорошаго воина».

Обращаясь лично къ себѣ, Жуковскій сознается въ полномъ незнаніи той великой науки, «которая объемлетъ всѣ отрасли воспитанія будущаго Государя; которая есть выводъ множества другихъ знаній, необходимыхъ въ нашемъ вѣкѣ; наука, которая тѣсно связана съ практическимъ знаніемъ людей всѣхъ сословій, въ особенности Европы, и духа вѣка, вровень съ которымъ слѣдуетъ шествовать, для пользы своихъ современниковъ, для прочной основы благоденствія будущаго».

Но Августѣйшіе родители Цесаревича желали, чтобы наставники всего прежде образовали изъ него добраго человѣка, развивая въ его юномъ сердцѣ начатки прекрасныхъ качествъ, въ немъ Богомъ насажденные. Родительница Цесаревича сознавала, что изученіе людей, въ тѣсной связи съ политикою, въ юныхъ лѣтахъ, можетъ очерствить сердце и охладить, даже заглушить въ немъ чувства человѣческія. Въ наставники сыну Государыня желала не Маккіавеля, не Меттерниха, не Талейрана... а лишь добраго, честнаго, просвѣщеннаго человѣка. Скромность Жуковскаго ослѣпляла его въ отношеніи личныхъ своихъ достоинствъ; но Царь и Царица знали имъ истинную цѣну. Весьма интересно, что идеаломъ наставника будущаго Императора Россіи Жуковскій, въ первомъ своемъ письмѣ къ Государынѣ, признавалъ графа Каподистрію [1]).

Цесаревичъ возрасталъ, горячо любимый Жуковскимъ и всѣми приближенными къ Августѣйшему юношѣ; любовь наставниковъ къ ихъ Питомцу, дружба и пріязнь, которою онъ, въ свою очередь, ихъ удостоивалъ—были тѣми неразрывными узами, которыя взаимно ихъ связывали. Доброта души Августѣйшаго воспитанника Жуковскаго обнаруживалась съ самыхъ отроческихъ лѣтъ. Одинъ французскій біографъ Императора Николая I разсказываетъ, какъ однажды Государь Николай Павловичъ, посѣтивъ классъ исторіи, задалъ Цесаревичу вопросъ: который изъ императоровъ римскихъ ему особенно нравится?

— Титъ!—отвѣчалъ Цесаревичъ...

Продолжаемъ выдержки изъ писемъ Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

---

[1]) Графъ Іоаннъ Антоновичъ Капо д'Истрія, одинъ изъ знаменитѣйшихъ дипломатовъ царствованія Александра I, род. въ 1776, палъ отъ руки наемныхъ убійцъ 27-го сентября 1831 года.

По поводу выбора въ законоучители Цесаревичу о. Герасима Петровича Павскаго, Жуковскій говоритъ:

— «Мы, кажется, имѣемъ право поздравить себя съ сдѣланнымъ нами выборомъ. Этотъ человѣкъ, по моему мнѣнію, весьма способенъ имѣть прекрасное вліяніе на вашего сына. Если бы мы нашли лишь ученаго богослова, свѣдущаго въ догматахъ, мы ничего не сдѣлали бы для религіи. Сыну вашему, для грядущей его участи, потребна религія сердца; ему нужна великая мысль о Промыслѣ, могущая управлять всею его жизнію; религія просвѣщенная, вѣротерпимая, охраняющая уваженіе къ человѣчеству, оберегающая душу отъ предразсудковъ, ее умаляющихъ, порабощающихъ ее малодушнымъ опасеніямъ и тѣмъ предающимъ душу гибельному вліянію тѣхъ, которые замыслили-бы управлять ею....

«Вы, мать моего Воспитанника, должны быть предварены о томъ языкѣ, какимъ я современемъ буду говорить вашему сыну: не могу и не долженъ говорить инымъ, кромѣ языка моего убѣжденія: иначе я буду ему безполезенъ!»...

1837 годъ—одинъ изъ достопамятнѣйшихъ въ жизни Жуковскаго; его первый и послѣдній мѣсяцы были ознаменованы двумя роковыми событіями: въ январѣ, въ самый день рожденія Жуковскаго, умеръ Пушкинъ; въ декабрѣ—Зимній дворецъ сдѣлался добычею пламени. Пушкинъ умеръ на рукахъ Жуковскаго, котораго Государь назначилъ въ число опекуновъ дѣтей великаго поэта. При пожарѣ Зимняго дворца, скорбя о раззореніи царскаго жилища, Жуковскій съ умиленіемъ вкусилъ первый сладкій плодъ посѣвовъ добра въ сердцѣ Цесаревича. Одновременно съ пожаромъ дворца, въ ту же ночь, 17-го декабря 1837 года, былъ пожаръ въ Галерной гавани, въ убогой лачугѣ: Царь и нищій въ одинъ и тотъ же часъ были постигнуты однимъ и тѣмъ же бѣдствіемъ... и Сынъ Царя, на верховой жандармской лошади, поспѣшилъ помогать нищему...

Весною того же 1837 года Жуковскій сопровождалъ Цесаревича въ его путешествіи по Россіи и Сибири. Изъ Тобольска Цесаревичъ писалъ къ Государю Императору письмо, въ которомъ ходатайствовалъ о смягченіи участи многихъ изъ ссыльныхъ «декабристовъ». На обратномъ пути Его Высочества, между Буинскомъ и Симбирскомъ, онъ былъ встрѣченъ фельдъегеремъ, вручившимъ Цесаревичу отвѣтъ, со словами милосердія и прощенія...

«Никто не побуждалъ его къ состраданію (писалъ Жуковскій Императрицѣ, 24-го іюня). Онъ самъ съ прелестною сыновнею свободою и довѣренностію высказалъ все Государю.... Я поцѣловалъ съ жаромъ Великаго Князя, и послѣ мнѣ стало жаль, что я не поцѣ-

ловалъ у него руку: ибо я почувствовалъ живо, что въ эту минуту мое отношеніе къ нему было иное. Что-то похожее на благоговѣніе, производимое въ насъ существомъ высшаго рода, проникло мнѣ въ душу; я видѣлъ передъ собою не милаго своего Питомца, а высокаго Царскаго Сына, имѣющаго въ себѣ нѣчто такое, что никому изъ насъ, обыкновенныхъ людей, принадлежать не можетъ!»... «Какое восхищеніе произведетъ во всѣхъ этотъ новый союзъ между отцомъ, умѣвшимъ въ свое время быть правосудно-строгимъ и грознымъ—и сыномъ, котораго юношескій, умоляющій голосъ такъ легко претворилъ строгость въ помилованіе!» [1]).

По поводу этого событія, Жуковскій, въ своемъ письмѣ, называетъ поименно «декабристовъ», участь которыхъ была значительно облегчена по предстательству Цесаревича. Безтрепетною рукою Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Императрицѣ начертываетъ имена, устное произнесеніе которыхъ въ 1837 году было почти возбранено... Онъ называетъ: Муравьева-Апостола, Черкасова, Кривцова, Чернышева, Якушкина, Розена, Бриггена, Назимова, Лорера [2]). «Не покажется-ли Онъ (Цесаревичъ) всѣмъ,—заключаетъ Жуковскій свое письмо, — и страждущимъ за вину изгнанникамъ, и страждущимъ безъ вины отцамъ, матерямъ, братьямъ, сестрамъ и роднымъ и всѣмъ, у кого въ груди есть сердце,—не покажется-ли Онъ чистымъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба примирителемъ и посредникомъ»....

Въ 1838—1839 годахъ Жуковскій, въ числѣ прочихъ особъ свиты Цесаревича, сопутствовалъ ему въ чужіе края. Цѣлью путешествія, помимо пользованія минеральными водами Германіи и благотворнымъ воздухомъ Италіи, былъ, какъ нынѣ извѣстно, выборъ будущей супруги Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

«Благослови Богъ выборъ сердца, который долженъ рѣшить судьбу его жизни (писалъ Жуковскій Императрицѣ изъ Дармштадта, 14-го (26-го) марта 1839 года)... Гдѣ мы устраивали по своему, тамъ Провидѣніе готовило свое. Гдѣ мы искали, тамъ не нашлось. Гдѣ не ожидали, тамъ встрѣтилось само собою!... У меня сердце теперь такъ полно! Мнѣ кажется, что Богъ сдѣлалъ свое и всѣ души молятся о будущемъ счастіи нашего ангела. Цѣль нашего

---

[1]) Подлинникъ этого письма писанъ на русскомъ языкѣ, предыдущихъ—на французскомъ.

[2]) Изъ этихъ лицъ нынѣ живы: М. И. Муравьевъ-Апостолъ — въ Москвѣ, М. А. Назимовъ—во Псковѣ и баронъ А. Е. Розенъ—въ городѣ Изюмѣ.

путешествія достигнута и впереди мнѣ все улыбается. Принимаю это ясное чувство души за предчувствіе, за увѣреніе, что сдѣлалось то, чему быть надлежало... Благослови его (Богъ) тѣмъ благословеніемъ, которое я нѣкогда далъ отцу его при томъ выборѣ, въ которомъ нашелъ онъ и свое счастіе и счастіе Россіи»...

16-го апрѣля 1841 года свершилось бракосочетаніе Государя Наслѣдника Цесаревича съ Великою Княжною (нынѣ Императрицею) Маріею Александровною, бывшею Принцессою Гессенъ-Дармштадтскою. Черезъ двѣ недѣли Жуковскій сложилъ съ себя званіе наставника, которое съ честію носилъ пятнадцать лѣтъ. Въ минуту разлуки съ Августѣйшимъ Питомцемъ, достойный наставникъ могъ сказать ему словами басни Флоріана [1]):

.... ты и радости и грусти мнѣ причина!
Прости, о Государь, невольно слезы лью:
Отечеству отца даю,
А самъ—теряю сына!

Взысканный царскими милостями, Жуковскій отправился за границу, откуда уже не возвращался въ Россію. Этимъ не порвалась его связь ни съ отечествомъ, ни съ семействомъ царскимъ. До конца дней онъ велъ переписку съ Особами Августѣйшей фамиліи, пользуясь ихъ любовью и уваженіемъ. Въ своихъ письмахъ къ Ихъ Высочествамъ Жуковскій какъ-бы досказывалъ свои воззрѣнія на ихъ обязанности въ отношеніяхъ къ Россіи, къ Богу, къ народу и къ чужимъ царствамъ. Въ весьма замѣчательной перепискѣ Жуковскаго съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ (1840—1851 гг.) множество выводовъ ума, чувства и политической прозорливости; это не сухія, педантическія апоѳегмы, но правдивые выводы изъ опытовъ жизни. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ.

«Въ наше время, посреди порядка, имъ (Петромъ Великимъ) приготовленнаго, не нужны уже тѣ жертвы, кои онъ долженъ былъ приносить великимъ своимъ намѣреніямъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Теперь, когда все главное устроено, Русскому Царю легко быть справедливымъ, благостнымъ и умѣреннымъ, ибо уже нѣтъ нужды бороться съ дикостью невѣжества и бѣшенствомъ предубѣжденія. Справедливость Царя бережетъ нравственность народа; его благость есть порука за вѣрность подданныхъ, которая вся основана

[1]) «Воспитаніе Льва» въ переводѣ И. И. Дмитріева.

на любви; а умѣренность есть тихій, но постоянный зиждитель общаго порядка».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Великій Князь, говоря о картинахъ Рембрандта, выразился: «Я не судья по этой части.»... Эти откровенныя слова подали Жуковскому поводъ къ слѣдующему замѣчанію:

«Я былъ-бы доволенъ послѣднею фразою, когда бы вы сказали, что «еще не можете опредѣлять достоинство высшихъ произведеній искусства». Но вы, какъ Великій Князь, то есть, какъ назначенный имѣть вліяніе на цѣлый народъ, должны имѣть обо всемъ ясное понятіе; должны принимать участіе во всемъ, что входитъ въ составъ общественной жизни. Изящныя искусства украшаютъ жизнь; чувство изящнаго есть одно изъ высокихъ качествъ души человѣческой; безъ этого чувства человѣкъ глухъ, нѣмъ и слѣпъ посреди великаго божія міра, гдѣ въ прекрасномъ выражается Богъ, недоступный уму, но вѣдомый сердцу. Не говорите же, когда дѣло идетъ объ искусствѣ: «Я не судья по этой части». Не пренебрегайте тѣмъ, что облагораживаетъ душу. Оно нужно вамъ, какъ человѣку; нужно, какъ царскому сыну, который, съ своего высокаго мѣста, самъ доступный любви къ прекрасному, долженъ своимъ вліяніемъ разливать сію любовь и посреди того общества, на которое Богъ опредѣлилъ ему имѣть обширное вліяніе».

За шесть лѣтъ до европейскихъ революцій 1848—1849 годовъ и за одиннадцать—до нашей первой Восточной войны, Жуковскій, какъ бы проникая умственнымъ взоромъ въ глубину грядущаго, высказывалъ свои политическія воззрѣнія:

«Эта ненависть къ Россіи (западныхъ державъ) безъ особенной причины есть замѣчательный феноменъ нашего времени. Я говорю здѣсь о ненависти тѣхъ, кои хотятъ управлять общимъ мнѣніемъ и употребляютъ на то книгопечатаніе. Это бѣшенство, съ какимъ нѣкоторые газетчики на насъ клевещутъ, означаетъ только то, что Россія есть для нихъ самый твердый, а потому, самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители такъ называемаго движенія, опрокинуть стараются. Движеніе—святое дѣло: все въ божіемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ и не должно стоять. Неподвижность—есть смерть, непримѣтная, тихая, но все—смерть, производящая только гниль. Движеніе—развитіе порядка, постоянное, мирное, безъ потрясеній, но безпрестанное - есть жизнь. Но то, что эти господа называютъ движеніемъ,

есть разрушеніе, насильственная смерть. Результатъ одинъ и тотъ же: отъ неподвижности—гниль, отъ разрушенія—развалины и тамъ и тутъ—смерть. Жизнь—между тѣмъ и другимъ. Останавливать движеніе, или насильственно ускорять его (т. е. въ обоихъ случаяхъ мѣшать жизни) равно погибельно. Это равно справедливо и въ жизни частнаго человѣка, и въ жизни народа. Государи и князья (между сими послѣдними и великіе князья) живутъ, можно сказать, двойною жизнью: и народною и своею. Какъ простые люди, они должны понимать свое время; должны поставить себя на высоту своего вѣка своимъ всеобъемлющимъ просвѣщеніемъ, своею непотрясаемою правдою, основанною, съ одной стороны, на святой любящей правдѣ Христа, а съ другой—на строгой правдѣ закона гражданскаго. Какъ представители народа, они должны жить его жизнью, т. е. уважать его исторію, хранить то, что создали для него вѣка, и не самовольно, а слѣдуя указаніямъ необходимости, измѣнять то, что эти-же творческіе вѣка измѣнили и что уже само собою стоять не можетъ. Однимъ словомъ, движеніе тихое есть порядокъ и благоденствіе; движеніе насильственное—есть революція, а всякая революція губитъ настоящее въ пользу будущаго, которое никогда не бываетъ такимъ, какимъ хотятъ создать его разрушители настоящаго».

Призваніе Россіи въ будущемъ, по мнѣнію Жуковскаго, заключается въ освобожденіи Гроба Господня отъ рукъ невѣрныхъ и въ освобожденіи Европы отъ присутствія мусульманъ... Воззрѣніе, быть можетъ, крайнее, поэтически-восторженное, полное какого-то политическаго мистицизма; но, говоря о будущемъ, тотъ-же Жуковскій замѣтилъ: Не брать и никому не давать Константинополя... Политика Россіи въ послѣднюю войну доказала на сколько правдиво и основательно это воззрѣніе на вопросъ объ овладѣніи Византіи: она не нужна Россіи!—«Избави насъ Богъ отъ превращенія Русскаго царства въ имперію Византійскую!»—говорилъ Жуковскій еще въ началѣ 1848 года [1]).

---

[1]) Всѣ письма В. А. Жуковскаго, изъ которыхъ приведены наши выдержки, напечатаны въ послѣднемъ собраніи сочиненій В. А. Жуковскаго, изданномъ въ 1878 г., въ Спб., И. И. Глазуновымъ,—въ шести томахъ. Это седьмое и при томъ самое лучшее изданіе выполнено подъ редакціей Петра Александровича Ефремова.

Сохранивъ до семидесятилѣтняго возраста юношескую теплоту сердца, которую онъ умѣлъ соединить съ твердостью мужа, вѣрнаго своимъ убѣжденіямъ, Жуковскій, по видимому, могъ бы сойтись съ новымъ поколѣніемъ—но этого не было и поэтъ созналъ, что онъ отжилъ свое время и былъ какъ бы запоздалымъ гостемъ на жизненномъ пиру новыхъ людей, внуковъ своихъ сверстниковъ. Отношенія свои къ новому поколѣнію онъ выразилъ въ своей предсмертной лебединой пѣснѣ:

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, пережившій, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой!
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ, на пиръ веселый, гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи . . . . . .
. . . . Ты-жъ—старикъ печальный,
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку—и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтрено летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.

Тихая кончина Жуковскаго, по свидѣтельству его духовника о. Базарова, была истинною кончиною праведника. Онъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ, 12-го апрѣля 1852 года, на 70-мъ году отъ рожденія.

В. А. Жуковскій имѣетъ тройственное право на незабвенную память въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ: какъ поэтъ, какъ истинно добрый

христіанинъ и честнѣйшій человѣкъ, наконецъ—какъ наставникъ Императора Александра II.

Предъ свѣтлою личностью Жуковскаго меркнетъ Лагарпъ —воспитатель Александра I . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Лагарпъ, иноземецъ, наперекоръ доброму сердцу своего питомца, впушилъ ему сомнѣніе, недовѣріе къ людямъ. Воспитательная система Жуковскаго—человѣка русскаго—зиждилась на любви и уваженіи къ достоинству человѣческому...

. . . . . .

Погребеніе Жуковскаго, по перевезеніи его останковъ изъ Баденъ-Бадена въ Петербургъ, происходило, 29-го іюля 1852 года, на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Гробъ его былъ несомъ, въ числѣ прочихъ, рукою, нынѣ держащею скипетръ Имперіи Россійской; вмѣстѣ съ прощальною горстью земли, на гробъ Жуковскаго канули слезы изъ очей его Августѣйшаго Питомца...

К. П.

ПРОТОІЕРЕЙ ГЕРАСИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАВСКІЙ.

(Очеркъ его жизни по новымъ матеріаламъ).

1787—1863 [1]).

Мы оставляемъ до слѣдующей книги «Русской Старины» разсказъ о профессорской и учено-литературной дѣятельности Павскаго, о трудахъ его по званію члена библейскаго общества и комитета духовной цензуры, о его семейной и домашней жизни, которыми мы должны бы были заняться теперь слѣдуя хронологическому порядку,—чтобы остановиться въ настоящій разъ исключительно на дѣятельности Павскаго по званію законоучителя Государя Императора Александра Николаевича и Великихъ Княжонъ Ольги Николаевны, Александры Николаевны. 19-го февраля настоящаго года Россія будетъ свѣтло праздновать двадцатипятилѣтіе царствованія своего Державнаго Преобразователя, и предлагаемой нами здѣсь эпизодъ изъ исторіи воспитанія Государя Императора представить, конечно, наиболѣе живой интересъ для нашихъ читателей изъ всего, что мы имѣемъ разсказать о Павскомъ. Знаменитъ Павскій, какъ богословъ, какъ первоклассный европейскій филологъ,—авторъ «Филологическихъ наблюденій надъ составомъ русскаго языка» и «Сравнительнаго словаря русскихъ коренныхъ словъ», какъ первый и лучшій переводчикъ библіи на русскій языкъ. Но главный трудъ его жизни, главная заслуга его предъ отечествомъ и предъ исторіей—это занятія его по должности законоучителя Государя Императора, которымъ онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни, отдаваясь имъ всѣми силами своего существа, со всею любовію и ревностію, достойными столь

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 111—128.

высокаго служенія. «Ваша религія—другъ просвѣщенія, такая именно, которая должна жить въ душѣ Государя», писалъ однажды Павскому Жуковскій, и мы, съ своей стороны, не считая себя въ правѣ входить въ оцѣнку того значенія, какое имѣлъ въ этомъ отношеніи Павскій на своего Августѣйшаго Воспитанника, тѣмъ не менѣе не можемъ не замѣтить, что будущій историкъ настоящаго славнаго царствованія, столь обильнаго дѣлами правды, добра и державной мудрости въ духѣ евангельскаго ученія, безъ всякаго сомнѣнія, посвятитъ не одну страницу благодарныхъ воспоминаній о законоучителѣ Августѣйшаго Виновника славныхъ реформъ послѣдняго двадцатипятилѣтія.

Н. И. Барсовъ.

II.

Въ своей автобіографіи Павскій разсказываетъ, что приглашеніе его въ законоучители ко Двору состоялось по личной иниціативѣ Императора Николая Павловича, который, «слыша о моихъ качествахъ и дѣйствіяхъ,—говоритъ автобіографъ,—велѣлъ Жуковскому и Мердеру обратиться ко мнѣ». Мердеръ, пригласивъ къ себѣ Павскаго, велѣлъ ему написать свои мысли о законоученіи, сообщивъ при этомъ къ соображенію «планъ ученія Наслѣдника престола», составленный В. А. Жуковскимъ, которому поручено было главное руководство воспитаніемъ и обученіемъ Наслѣдника. Само собою разумѣется, что написаніе этихъ «мыслей о законоученіи» не представило для Павскаго ни малѣйшихъ трудностей. Его религіозное и богословское міросозерцаніе давно уже сложилось въ немъ и окрѣпло; педагогическою опытностью и пониманіемъ учебнаго дѣла онъ обладалъ въ полной мѣрѣ. 22-го октября 1826 г. Павскій получилъ порученіе написать свои «мысли о законоученіи», а 29-го числа того же мѣсяца онъ уже представилъ Мердеру цѣлый трактатъ, который и былъ переданъ Государю. Планъ религіознаго воспитанія и обученія Наслѣдника, предложенный въ немъ Павскимъ, прежде всего характеризуется полною самобытностью, затѣмъ—приспособительностью къ общему строю воспитанія и обученія Цесаревича, намѣченному въ «Запискѣ» Жуковскаго, и тою широтою и свѣтлостью религіозныхъ убѣжденій, какія вообще характеризуютъ богословское міровоззрѣніе Павскаго, какимъ запечатлѣны всѣ его учено-литературныя работы. 30-го ноября, въ храмовой праздникъ своего прихода (Павскій въ это время состоялъ уже не священникомъ Казанскаго, а протоіереемъ Андреев-

скаго собора, что на Васильевскомъ островѣ: причина этого перемѣщенія съ точностью намъ неизвѣстна—вѣроятно, епархіальное начальство сдѣлало это повышеніе Павскаго въ епархіальной іерархіи—въ видѣ награды), онъ былъ утвержденъ окончательно въ новомъ высокомъ званіи.

Учебный «планъ» Павскаго состоитъ изъ двухъ почти равныхъ по объему частей: первая содержитъ,, въ 10-ти пространныхъ тезисахъ, изложеніе основныхъ принциповъ богословскаго міровоззрѣнія автора. Тезисы эти, впрочемъ, всѣ имѣютъ тѣсную генетическую связь между собою, такъ что въ цѣломъ представляютъ сжатую, мастерски сконцентрированную, но полную систему ученія автора, изобилующаго глубокими и мѣткими своеобразными замѣчаніями. По нашему мнѣнію, эта часть Записки въ высшей степени замѣчательна: она отнюдь не утратила всего своего значенія и для настоящаго времени. Въ этихъ замѣчаніяхъ видѣнъ богословъ не по оффиціи только, но по призванію, каждое слово котораго есть результатъ самобытнаго убѣжденія, а не школьной только эрудиціи. Въ нашей литературѣ послѣдующаго времени мы не разъ встрѣчаемъ мысли о богословіи и его постановкѣ, представляющія болѣе или менѣе близкую аналогію съ мыслями Павскаго; для того же времени мысли Павскаго были рѣшительно новымъ словомъ въ наукѣ. Въ этихъ своихъ сужденіяхъ Павскій, по нашему мнѣнію, опередилъ свою эпоху на полстолѣтіе и нанесъ бы еще въ свое время смертельный ударъ схоластикѣ, еслибы его Записка появилась тогда же въ печати. Читая эту часть Записки, мы легко поймемъ источникъ тѣхъ событій въ его жизни, которыя мы разскажемъ въ послѣдующихъ главахъ. Переходимъ къ изложенію содержанія Записки.

Прежде нежели изложить свои понятія о религіозномъ ученіи и воспитаніи высокаго Воспитанника, авторъ плана находитъ нужнымъ сдѣлать «общій взглядъ на религію съ той стороны, съ которой она является благотворною для человѣка и обществъ человѣческихъ. Онъ находитъ это нужнымъ для того, чтобы показать, можетъ-ли онъ «съ ясностью и жизнью предлагать ученіе о религіи». «Религія,—по понятію Павскаго,—есть чувство, коимъ духъ человѣческій внутренно объемлетъ Невидимаго, Вѣчнаго и Святаго, и въ немъ блаженствуетъ. Ученіе религіи состоитъ только въ томъ, чтобы чаще пробуждать, оживлять и питать это святое чувство, дабы оно, укрѣпляясь, просвѣтляясь и воспламеняясь внутри человѣка, давало отъ себя силу, свѣтъ и жизнь всему человѣку, всѣмъ его понятіямъ, всѣмъ его мыслямъ, желаніямъ и дѣйствіямъ».

«Въ частности, процессъ религіознаго развитія каждой отдѣльной

вѣрующей личности состоитъ въ томъ, что дѣтскія лѣта—суть лѣта чувства, и потому дитя болѣе имѣетъ въ себѣ религіозной жизни. Но эта райская жизнь дитяти, съ лѣтами, по мѣрѣ развитія разсудка, можетъ потеряться, если и въ эти лѣта не питать религіознаго чувства и не ввести идей религіозныхъ въ самыя понятія разсудка. Когда религіозныя идеи воспринимаются разсудкомъ или когда чувства внутреннія изображаются во внѣшнихъ формахъ, тогда начинается положительная религія, къ которой относятся догматы, т. е. понятія разсудка о религіозныхъ идеяхъ; законы, т. е. частныя правила, въ коихъ выражается религіозное дѣйствованіе; обряды или чувственное представленіе идей и правилъ религіи во внѣшнихъ формахъ.

Ни понятія разсудка о религіозныхъ идеяхъ, ни частныя правила, въ которыхъ выражается религіозно-нравственное дѣйствованіе, ни обряды вполнѣ не изображаютъ всей глубины религіи. Они суть только частное, опредѣленное и ограниченное представленіе того, что неограничено. Они даютъ лишь намекъ, лишь пробуждаютъ внутреннее живое чувство религіи, а сами въ себѣ не имѣютъ жизни. Такое различеніе религіи, какъ чувства, отъ внѣшнихъ формъ, въ которыхъ является положительная религія, по мнѣнію Павскаго, крайне необходимо. Оно предохраняетъ отъ смѣшенія внѣшнихъ формъ съ внутреннею жизнью и даетъ надлежащую цѣну формамъ временнымъ, не поставляя ихъ, однако, наравнѣ съ самою религіею, которая вѣчна, свята и неизмѣнна. Большая часть заблужденій въ религіозномъ воспитаніи человѣчества происходила именно отъ того, что или разумъ съ своими понятіями бралъ верхъ надъ чувствомъ религіи и своими догматами подавлялъ это святое чувство; или законность торжествовала надъ нравственностью и производила лжесвятость и лицемѣріе; или мечты воображенія олицетворяемы были и вносимы въ число существъ.

«Человѣкъ,—продолжаетъ далѣе Павскій,—существо духовное и вмѣстѣ тѣлесное, по самому составу своему требуетъ, чтобы внутренняя духовная жизнь выражалась и во внѣшней его жизни, то есть въ его понятіяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Поэтому, кромѣ возбужденія и питанія внутренняго чувства религіи, на воспитателѣ лежитъ долгъ ввести это внутреннее чувство въ опредѣленныя понятія, и посредствомъ его облагородить желанія и дѣйствія воспитанника. Это сдѣлать не трудно, потому что самъ Богъ посредствомъ мужей, исполненныхъ чувствомъ религіи, воспитываетъ родъ человѣческій. Мы имѣемъ Моисея, который религію приложилъ къ общежитію, и ея идеи ввелъ въ мысли и дѣйствія своего народа; имѣемъ проро-

ковъ, которые, продолжая дѣло Моисея, въ частныхъ и всемірныхъ происшествіяхъ указывали руку Божію и тѣмъ знакомили землю съ небомъ и небо приближали къ землѣ; имѣемъ Іисуса Христа, въ которомъ небо соединилось съ землею и земля приняла всю полноту неба; имѣемъ все, что нужно для чистоты понятій, для оживленія дѣйствій и для облагороженія желаній. Христосъ, Сынъ Божій и Сынъ человѣческій, вполнѣ открылъ намъ волю Отца небеснаго и вполнѣ удовлетворилъ благороднѣйшимъ желаніямъ человѣка. Мы въ Христѣ постигли Бога, познали себя и вѣрнымъ глазомъ смотримъ на окружающій насъ міръ.

«Если въ правильной системѣ изложить тѣ понятія о религіи и тѣ нравственныя правила, которыя предложили міру Моисей и пророки, Христосъ и апостолы, то составится полное ученіе положительной религіи. Чтобы система эта была вѣрна и чиста, надобно утверждаться на чистомъ и вѣрно-понятомъ словѣ Божіемъ. Въ настоящее время священное писаніе, на которомъ утверждается положительная религія, такъ хорошо разсмотрѣно, такъ правильно истолковано, и такъ вѣрно понято, что не трудно отдѣлить въ немъ существенное отъ несущественнаго, вѣчное отъ временнаго, всеобщее отъ мѣстнаго, и составить систему прочную. Необходимыя свойства этой системы—краткость, ясность и живость. Эти свойства явятся сами собою въ системѣ, когда излагающій ее ясно представляетъ себѣ ходъ идей, втекающихъ въ нее, и когда самъ оживленъ чувствами религіи и умѣетъ понятіе разума и правило оживить чувствомъ. Система религіи должна быть вся одушевлена религіею. Система есть тѣло, составленное изъ различныхъ понятій и правилъ о религіи, а душа ея есть чувство религіозное.

«Христосъ своимъ ученіемъ, жизнью и искупительною смертью открылъ міру царство небесное, то есть такое состояніе рода человѣческаго, въ которомъ люди мыслятъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ благодатнаго чувства религіи. Вѣра, надежда и любовь суть три главныя и первыя добродѣтели ученика Христова. Но царство небесное не есть принадлежность земли. Люди и общества человѣческія могутъ только стремиться и приближаться къ царству небесному, а вполнѣ принять его не въ силахъ. Благотворная идея царства Христова можетъ усовершать, просвѣтлять и возвышать человѣка и человѣческія общества, и, всегда представляясь вдали, можетъ возводить человѣка и человѣческія общества до возможной высоты и совершенства. Невидимое и недостижимое царство Христово имѣетъ, однакожъ, отпечатокъ въ церкви христіанской. И та церковь изъ церквей христіанскихъ ближе къ совершенству, которая чище выражаетъ въ себѣ

идею царства Христова. Всякая же церковь видимая должна знать, что она только на пути совершенства, а полнота совершенства вдали отъ нея, въ церкви невидимой, въ царствѣ небесномъ. Различеніе церкви видимой отъ невидимой или, что то же, церкви христіанской отъ царства Христова, крайне благотворно, какъ, напротивъ, смѣшеніе церкви съ царствомъ Христовымъ было причиною тѣхъ злоупотребленій, которыя были и есть въ церкви папистической.

«Церковь, какъ представительница царства Христова, свои понятія и правила повѣряетъ изреченіями Іисуса Христа и его апостоловъ, и ничего противнаго словамъ и духу Христову не допускаетъ. Повѣрять мысли и дѣйствія словами св. писанія можетъ всякій здравомыслящій по довѣрію къ тому внутреннему чувству истины и добра, которое вложилъ въ насъ Богъ. Но есть случаи, въ которыхъ собственный смыслъ недостаточенъ. Тогда нужно обращаться къ смыслу церкви, какъ она разумѣла и разумѣетъ извѣстное мѣсто писанія. Впрочемъ, искатель чистой истины и здѣсь соберетъ предварительныя свѣдѣнія—вся-ли церковь такъ толкуетъ или одинъ кто либо изъ значительныхъ мужей церкви. И потому въ изложеніи догматовъ церкви надобно имѣть въ виду и исторію догматовъ.

«При внимательномъ историческомъ осмотрѣ догматовъ и учрежденій церкви, конечно, откроется нѣчто несовмѣстное съ нашими обстоятельствами времени и мѣста, и съ нашимъ разумѣніемъ св. писанія, хотя оно было согласно съ тогдашними обстоятельствами и съ тогдашнимъ разумѣніемъ св. писанія, когда составлялись оные догматы и учрежденія. Въ такомъ случаѣ ни одинъ частный человѣкъ не можетъ осуждать церковь, а, по духу любви, долженъ и въ устарѣлое учрежденіе влагать новый духъ. Если же и сего не можно, то сіе устарѣлое прими онъ только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію. Церковь, какъ и гражданское общество, должна беречь свои старыя формы, чтобы имѣть постоянство и степенность, и только непримѣтно, изрѣдка, поступать впередъ. А всякая охота къ поновленію не оставитъ ничего прочнаго и степеннаго. Наипаче же, по совѣту апостола, надобно щадить немощную братію. Сильные и умные должны носить немощи слабыхъ и малосмыслящихъ, которые внѣшняго не могутъ отличить отъ внутренняго. Одни правители общества гражданскаго и духовнаго легкою рукою непримѣтно могутъ управлять мыслями и направлять установленія и обычаи къ духу времени. Мирить мысли и обычаи народа съ духомъ времени есть дѣло не легкое, но для благосостоянія крайне нужное. Вслушиваться въ духъ времени и постигать его—значитъ вслушиваться въ волю Промысла и постигать ее».

Таковы основныя воззрѣнія нашего богослова на сущность религіознаго воспитанія и обученія. Намъ кажется, нельзя вѣрнѣе и точнѣе охарактеризовать послѣдовательный ходъ религіозной индивидуальной жизни, опредѣлить взаимное отношеніе отдѣльныхъ моментовъ религіознаго процесса, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя болѣе правильно намѣтить приложеніе этихъ началъ къ системѣ и методу религіознаго воспитанія и обученія. Въ своихъ понятіяхъ о взаимномъ отношеніи религіи, какъ внутренняго чувства, какъ основной стихіи духовно-нравственной жизни человѣка, къ религіи положительной, какъ суммѣ богооткровенныхъ истинъ или догматовъ, Павскій сказалъ новое слово въ нашемъ богословіи. То же самое можно сказать и о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ членовъ богословскаго ученія, въ какое ставитъ ихъ Павскій въ своей системѣ: это не внѣшнее механическое, а органическое соотношеніе частей богословскаго міровоззрѣнія—также было новаторствомъ. Немало встрѣчается и отдѣльныхъ мыслей въ этомъ очеркѣ, отличающихся сколько глубиною пониманія предмета, столько же и остроуміемъ.

«Въ сихъ немногихъ строкахъ,—говоритъ авторъ въ заключеніе первой части своей Записки,—я откровенно выразилъ мои понятія о религіи, вѣрѣ и церкви. По симъ понятіямъ образовалась въ умѣ моемъ система религіозной жизни. И какъ она для меня благотворна въ моемъ дѣйствованіи, такъ, думаю, должна быть благотворна и для другихъ. Не ученіе внѣшнее и наслышка, а внутреннее обдумываніе и повѣрка съ опытомъ и съ наблюденіемъ опытнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ мужей—научила меня сему образу мыслей. Конечно, сей образъ мыслей не есть всеобщій, но, по моему чувству, единый истинный. И если я буду передавать свои мысли о религіи, то, по совѣсти, могу передавать не иначе, какъ изложилъ выше. Благоразуміе можетъ позволить иногда иное не договорить, иное вовсе умолчать, но сказать противное тому, въ чемъ я увѣренъ, воспрещаетъ совѣсть. Та же совѣсть заставила меня изложить напередъ мои мысли, дабы руководствующіе высокаго Воспитанника, избирая меня въ руководители въ религіи, знали, чего ожидать отъ меня. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, поступать надобно открыто и по совѣсти не наемнической. Къ откровенности сей много расположилъ меня прекрасный, точно изъ духа времени происходящій, планъ ученія, по которому предположено образовать высокаго Воспитанника [1]).

---

[1]) Этотъ планъ ученія, составленный В. А. Жуковскимъ, одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ прозаическихъ произведеній незабвеннаго поэта, не

И тамъ мысли о воспитаніи изложены свободно, благородно и умно. О, если бы по симъ высокимъ, благороднымъ и свѣтлымъ идеямъ образовались мысли и характеръ Надежды Россійскаго государства!»

Эта оговорка со стороны Павскаго, съ одной стороны, совершенно вѣрна по своимъ мыслямъ, съ другой — была далеко не излишня Дѣйствительно, его мысли о религіи вполнѣ самобытны, представляютъ, какъ и всѣ его богословскіе труды, результатъ самостоятельнаго изученія первоисточниковъ христіанскаго ученія, независимаго отъ рутинныхъ схоластическихъ руководствъ, плодъ зрѣлой научной мысли и глубокаго убѣжденія, выработаннаго тою усиленною работою всего его духовнаго существа надъ предметомъ, которому онъ преданъ былъ, которому посвятилъ себя всецѣло и безвозвратно съ первыхъ шаговъ своей сознательной духовной дѣятельности. Не излишня она была потому, что, будучи съ точки зрѣнія современнаго намъ богословско-научнаго и конфессіональнаго ученія вполнѣ состоятельною и всецѣло безупречною, система его религіознаго міровоззрѣнія была новымъ словомъ въ богословіи въ его время и могла тогда вызвать, какъ и дѣйствительно вызвала, со стороны присяжныхъ аристарховъ того времени, упреки, не только въ новаторствѣ, но и въ «неологизмѣ».

Вторая половина представленной Павскимъ Записки содержитъ собственно программу курса уроковъ закона Божія Наслѣднику Цесаревичу въ ея подробностяхъ.

Такъ какъ первый предметъ религіознаго обученія, по понятіямъ Павскаго, состоитъ въ воспитаніи религіознаго чувства, то прежде всего здѣсь указываются тѣ пріемы и предметы воспитанія, которые могутъ содѣйствовать достиженію этой цѣли. Именно, развитія религіознаго чувства можно достигнуть: 1) посредствомъ молитвъ, въ религіозномъ духѣ составленныхъ (здѣсь разумѣются не только церковныя молитвы, составленныя отцами церкви и практикуемыя при богослуженіи, но и особыя молитвы, на частные случаи общественной жизни Россіи и частной—Августѣйшаго Воспитанника, составленныя самимъ Павскимъ: образцы ихъ сохранились въ имѣющихся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» бумагахъ; 2) посредствомъ жизнеописаній благочестивыхъ мужей; 3) посредствомъ изображенія

напечатанъ доселѣ, даже въ послѣднемъ, самомъ полномъ собраніи его сочиненій, изданномъ подъ редакціей П. А. Ефремова. Онъ помѣщенъ выше, въ началѣ этой книги «Русской Старины». Сообщеніемъ этого въ высшей степени драгоцѣннаго памятника редакція «Русской Старины» обязана Г. А. Орлову—внуку Г. П. Павскаго. Н. Б.

особенныхъ явленій въ природѣ и въ общежитіи, въ которыхъ видна рука Божія; 4) посредствомъ живаго изображенія обрядовыхъ учрежденій церкви.

Второй предметъ религіознаго обученія—изложеніе религіозныхъ идей въ формахъ разума и воображенія и въ правилахъ, т. е. изложеніе догматовъ, обрядовъ церкви и правилъ нравственности. Сюда относятся: 1) св. исторія, въ которой изображается происхожденіе религіозныхъ идей, ихъ послѣдовательное развитіе и усвоеніе человѣческимъ обществомъ, т. е. перехожденіе ихъ въ человѣческія понятія и дѣйствія,—что все можетъ быть названо божественнымъ воспитаніемъ человѣческаго рода; 2) систематическое изложеніе догматовъ; 3) систематическое же изложеніе правилъ нравственности, и 4) изложеніе обрядовыхъ учрежденій церкви. Церковная исторія, по понятію Павскаго, должна отличаться наибольшею полнотою, такъ какъ эта исторія не есть исторія однихъ внѣшнихъ событій, а исторія догматовъ, правилъ нравственности и обрядовыхъ учрежденій, которыя всѣ развивались постепенно, «повременно», въ послѣдовательномъ генетическомъ порядкѣ,—подобно тому, какъ всякій организмъ со всѣми его отдѣльными членами и функціями дѣятельности развивается изъ сѣмени (мысль,—замѣтимъ мимоходомъ,—прекрасная, доселѣ не достаточно полно, по нашему мнѣнію, осуществляемая не только въ нашей законоучительской практикѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но даже и въ области академическаго преподаванія, официально признанная не ранѣе изданія новаго устава духовныхъ академій въ 1869 году, — когда впервые введена въ богословскій курсъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній «исторія догматовъ»). Систематическое изложеніе догматовъ, правилъ нравственности и обрядовъ, напротивъ, должно отличаться краткостью, «ибо,—замѣчаетъ авторъ,—сіе изложеніе будетъ только оглавленіемъ того, что въ исторіи указано и изложено со всею подробностію»,—то-есть, въ систематикѣ будутъ подведены итоги историческаго изученія предмета. Такимъ образомъ Павскій констатируетъ и формулируетъ историческій методъ изученія богословія, который, сообщая всему курсу богословія единство, въ то же время является наиболѣе цѣлесообразнымъ въ видахъ дѣйствительно-научнаго его изученія.

Весь учебный курсъ богословія онъ дѣлитъ на два періода, полагая въ основаніе дѣленія порядокъ развитія духовныхъ силъ учащагося: первый періодъ — лѣта чувства, воображенія и памяти; второй—лѣта разсудка. Въ первомъ періодѣ, какъ отчасти видно изъ предыдущаго, предметомъ занятій ученика должны служить молитвы, заимствованныя главнымъ образомъ изъ св. писанія, жизне-

описанія, написанныя слогомъ легкимъ, удобопонятнымъ для дѣтскаго возраста, и «разительныя сцены изъ натуры и общежитія», которыми питается благоговѣніе къ Творцу и Промыслителю. Этотъ благочестивый взглядъ на натуру и общежитіе имѣли особенно писатели псалмовъ и пророки. Затѣмъ, по временамъ, нужно обращать вниманіе воспитанника на благочестивыя учрежденія церкви, и въ нихъ указывать духъ и намѣренія учредителей,—напримѣръ, по случаю какого либо праздника сказать о значеніи его и о цѣли, съ которою онъ учрежденъ; при случаѣ причащенія представить сіе священное дѣйствіе съ благочестивой его стороны; разсказывая о крещеніи, напомнить обязательство, въ которое вступилъ крестившійся. Съ особенною подробностью надлежитъ изложить обряды при совершеніи литургіи, не вдаваясь, впрочемъ, въ мистическія толкованія. Настольною книгою для воспитанника должна служить библія; преимущественно же въ его рукахъ должно обращаться евангеліе и псалтирь на русскомъ языкѣ. Для бо́льшаго дѣйствія на воображеніе, эти книги должны имѣть и внѣшность прекрасную—въ чистомъ, отличномъ отъ прочихъ книгъ, переплетѣ. Отличная внѣшность будетъ напоминать и о внутреннемъ достоинствѣ книги. Книгъ, которыя бы могли служить руководствомъ при изученіи другихъ отдѣловъ курса, въ которыхъ бы были собраны молитвы, жизнеописанія мужей благочестивыхъ и просвѣщенныхъ, обряды и учрежденія церкви, благоговѣйныя размышленія о природѣ и явленіяхъ общежитія на русскомъ языкѣ—авторъ не знаетъ и предоставляетъ составленіе такихъ руководствъ трудамъ законоучителя. Наизусть въ этотъ періодъ обученія воспитанникъ долженъ изучить кратчайшую св. исторію въ хронологической связи, «Вѣрую», заповѣди, «Отче нашъ». Это—зародышъ подробной исторіи церкви, системы догматовъ и правилъ нравственности, которая должна быть изложена въ слѣдующемъ періодѣ воспитанія—въ лѣтахъ разсудка.

Въ эти годы—годы пробужденія разсудка и мыслительной самодѣятельности—у человѣка является усиліе подводить частныя явленія подъ единство, или изъ единаго вѣчнаго начала выводить разнообразныя явленія. Тутъ рождаются вопросы: откуда я, откуда окружающіе меня предметы, отчего, для чего, когда, какъ? На всѣ эти вопросы должна отвѣчать религія, потому что ей болѣе всего знакомо то вѣчное начало, отъ котораго и къ которому все. Она съ божественной высоты своей лучше можетъ вѣдать связь происшествій и знаніе явленій жизни человѣческой.

«Въ сей періодъ съ особенною полнотою полезно пройти воспитаннику исторію религіи. Но здѣсь исторія не должна уже просто

повѣствовать о происшествіяхъ, а должна выяснять происшествія изъ началъ и излагать ихъ со всею обстоятельностью. Для сего нужно избрать въ прошедшихъ временахъ извѣстныя точки, на которыхъ бы остановиться и смотрѣть на религіозныя явленія въ мірѣ. Моисей, пророки и Іисусъ Христосъ суть главные дѣйствователи, посредствомъ которыхъ религія являлась міру. На нихъ долженъ остановиться взглядъ наблюдателя. Моисей начинаетъ вводить религіозныя идеи въ общественную жизнь и въ учрежденія государственныя; пророки, продолжая его дѣло, расширяютъ область возсъ землею. Подробное изложеніе сихъ понятій и ихъ дѣйствованія составитъ прекрасную исторію религіи. Когда человѣчество въ Христѣ достигло полноты возраста и ничего уже болѣе и желать не оставалось, начинается исторія церкви Христовой. Нынѣ церковь продолжаетъ вводить религіозныя идеи, открытыя Христомъ, въ человѣческія мысли и дѣйствія, не предлагая ничего новаго. Въ церкви христіанской замѣчательны два главныхъ періода: 1) церковь, составляющаяся и въ формахъ своихъ неопредѣленная; 2) церковь, опредѣленная въ своихъ формахъ или повсюдная (καθολική). Церковь въ четвертомъ христіанскомъ вѣкѣ, когда установились догматы и обряды, должна быть описана подробно. Изъ сего подробнаго описанія можно видѣть начало, значеніе и твердость догматовъ и обрядовъ нашей церкви. Затѣмъ, ясно, подробно и безпристрастно должно изложить ходъ и духъ церкви россійской и показать ея отношеніе къ церкви единой, вселенской. За историческимъ изложеніемъ религіи послѣдуетъ систематическое изложеніе догматовъ, нравоученія по духу Христову и понятіямъ церкви и подробное (но не обширное) изложеніе обрядовъ и учрежденій церкви.

«Симъ окончитъ руководитель свои наставленія Воспитаннику,— заключаетъ свою Записку Павскій,—пожелавъ отъ всего сердца, чтобы во всю дѣятельную жизнь его религія была душою его дѣлъ и начинаній, но такъ, чтобы религія не останавливала прочаго дѣйствованія въ общежитіи, а только давала внутреннюю силу—въ счастіи быть умѣреннымъ и не надменнымъ, въ несчастіи бодрымъ и покорнымъ Промыслу. Чувство религіозное, яко внутреннѣйшая жизнь человѣка, умѣетъ дать жизнь, силу и достоинство всѣмъ предпріятіямъ и дѣламъ человѣка. А историческое изложеніе религіозныхъ идей и наблюденіе хода человѣческихъ понятій научитъ благоразумію и сдѣлаетъ опытнымъ. Опытное же наблюденіе и внутреннее чувство, соединившись вмѣстѣ, сдѣлаютъ мужемъ мудрымъ и благочестивымъ».

Мы съ особенною подробностью остановились на Запискѣ Павскаго, представленной имъ чрезъ Мердера Императору Николаю Павловичу, какъ потому, что этотъ въ высшей степени характеристичный фактъ изъ его ученой жизни доселѣ вовсе не былъ извѣстенъ, такъ и ради того значенія, которое имѣетъ эта Записка по отношенію къ характеристикѣ религіозно-богословскаго міровоззрѣнія Павскаго въ его послѣдовательномъ развитіи. По отношенію къ предыдущей его преподавательской и ученой дѣятельности, она составляетъ итогъ; по отношенію къ послѣдующей—программу, зерно, изъ котораго выросло широковѣтвистое древо его богословскаго міровоззрѣнія, удивительно гармонически-стройнаго, до послѣдняго штриха вѣрнаго основнымъ идеямъ, здѣсь изложеннымъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что эта Записка имѣла прецедентъ, который служилъ, такъ сказать, пробой пера по отношенію къ проекту религіознаго воспитанія и ученія Наслѣдника престола. Мы говоримъ о «Краткомъ наставленіи законоучителю кантонистовъ высшаго разряда, касательно предметовъ ученія, методы и пособій», составленномъ Павскимъ, если не ошибаемся, въ 1817 году, по порученію графа Аракчеева, которому отрекомендовало Павскаго для этой цѣли епархіальное петербургское начальство. Въ этомъ наставленіи Павскій развиваетъ тотъ же взглядъ на обученіе религіи, который подробнѣе излагаетъ въ «Запискѣ», содержаніе которой мы только что изложили. «Историческій взглядъ на религію,—говоритъ здѣсь Павскій,—долженъ предшествовать всякому другому взгляду, и потому исторія священная должна быть прежде всего преподана воспитанникамъ. И нравственное и догматическое ученіе родилось и составилось на основаніи исторіи, ибо извѣстно, что мы не прежде размышляемъ о чемъ нибудь въ себѣ, какъ взглянувъ на какое либо происшествіе, т. е. получивъ историческое познаніе». Совѣтуя далѣе законоучителю дополнять учебникъ устными объясненіями, онъ замѣчаетъ, что дополненіе это должно состоять въ томъ, чтобы «выказать, въ какихъ случаяхъ ученіе о вѣрѣ и нравственности получало приращеніе и въ чемъ состояло сіе приращеніе. Такимъ образомъ исторія не будетъ состоять въ одномъ хронологическомъ исчисленіи лицъ и происшествій, какъ въ учебникѣ для народныхъ училищъ, но будетъ вмѣстѣ исторіею вѣры и нравственности». Далѣе говорится о томъ, что «повѣствованіе историческое должно приближаться къ повѣствованію библейскому, что преподаватель долженъ какъ можно меньше вводить своихъ личныхъ соображеній и сужденій». Здѣсь же Павскій, говоря о преподаваніи догматическаго ученія въ школѣ кантонистовъ по катихизису Филарета, высказывается неодобрительно

объ этомъ катихизисѣ: по замѣчанію Павскаго, въ немъ неудовлетворительно изложено ученіе о богопознаніи естественномъ.

Говоря о преподаваніи нравственнаго христіанскаго ученія, Павскій совершенно основательно настаиваетъ на отсутствіи въ немъ холодныхъ разсужденій разума объ обязательствѣ, о законѣ, о наградахъ и наказаніяхъ; ибо «начало христіанской нравственности есть любовь, которая выше всякаго закона и обязательства и которая дѣйствуетъ безъ всякихъ видовъ награды или наказаній». Отсюда же мы отчасти знакомимся и съ источникомъ того, въ чемъ современные Павскому аристархи духовной учености видѣли богословскій либерализмъ, но что, по нашему мнѣнію, было въ высшей степени умѣстнымъ и полезнымъ новаторствомъ въ области богословія: этотъ источникъ—западная богословская литература, протестантская и католическая, которою Павскій, владѣя вполнѣ тремя новѣйшими языками, пользовался нисколько не стѣсняясь, такъ какъ, имѣя образъ мыслей совершенно православный, онъ могъ пользоваться ею умѣючи, не увлекаясь односторонними раціоналистическими или мистическими воззрѣніями, но подвергая все строгой критикѣ съ православной точки зрѣнія и удерживая изъ западной богословской учености лишь пригодное для науки православной. При преподаваніи богословія даже элементарномъ, какое имѣло мѣсто въ школѣ кантонистовъ, онъ совѣтуетъ законоучителямъ пользоваться въ качествѣ руководства книгой Дрезеке «Glaube, Liebe und Hoffnung». Это свободное отношеніе Павскаго къ катихизису Филарета, только что появившемуся, одобренному св. синодомъ и пользовавшемуся полнымъ авторитетомъ—фактъ замѣчательный для того времени, чрезвычайно характеристичный по отношенію къ Павскому и, можно сказать, роковой для него: при всѣхъ своихъ достоинствахъ, великій іерархъ имѣлъ одну слабость—не умѣлъ прощать обидъ, наносимыхъ его ученому самолюбію.

Есть даже нѣкоторое основаніе предполагать, что когда князь А. Н. Голицынъ отказался отъ званія оберъ-прокурора св. синода и министра народнаго просвѣщенія и замѣненъ былъ Шишковымъ, когда пало библейское общество и подвергся преслѣдованію «Пространный христіанскій катихизисъ» Филарета, разсмотрѣніе этого катихизиса поручено было не кому другому, какъ Павскому же. Объ этомъ мы заключаемъ основываясь на слѣдующихъ словахъ изъ письма митрополита Филарета къ митрополиту Серафиму отъ 8-го декабря 1824 года: «Если сомнительно православіе катихизиса, столь торжественно утвержденнаго св. синодомъ, то не сомнительно-ли будетъ православіе са-

мого св. синода? Судъ, который надъ дѣяніемъ св. синода произнесетъ священникъ (если то правда, что одному священнику поручено дать мнѣніе о катихизисѣ), увѣритъ-ли всю церковь» и т. д. [1]). Между священниками того времени нельзя назвать никого, кто былъ бы болѣе компетентенъ для такого суда, чѣмъ Г. П. Павскій, который могъ быть рекомендованъ для такого дѣла Шишкову человѣкомъ его партіи, Руничемъ, восторженнымъ поклонникомъ Павскаго со времени составленія имъ упомянутой «Инструкціи законоучителю кантонистовъ». Впрочемъ, мы должны замѣтить, что другихъ данныхъ для сужденія о взглядѣ Павскаго на катихизисъ Филарета, болѣе ясныхъ, мы не имѣемъ. Въ одномъ изъ фамильныхъ писемъ Герасима Петровича (къ свояку) отъ 10-го іюля 1823 года, говоря о разныхъ книжныхъ новостяхъ, высланныхъ ему изъ-за границы, онъ извѣщаетъ его о выходѣ въ свѣтъ катихизиса Филарета въ такихъ выраженіяхъ: «У насъ новая вещь: дня черезъ два явится катихизисъ, составленный преосвященнѣйшимъ Филаретомъ. Вотъ это стоитъ того, чтобы переслать вамъ! Онъ, какъ вы и въ газетахъ увидите или видѣли, по случаю составленія катихизиса получилъ Александровскую ленту и звѣзду».

Что касается коммисіи, завѣдывавшей составленіемъ учебниковъ для кантонистовъ, то она, конечно, не справлялась съ мнѣніемъ Филарета относительно «Наставленія» Павскаго и признала полную его пригодность. Мало того, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Руничъ ввелъ программу закона Божія, составленную Павскимъ, въ руководство въ гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ «Благородный университетскій пансіонъ» и «Высшее училище». Руничъ поручилъ даже Павскому составить и самое росписаніе уроковъ закона Божія въ гимназіяхъ. Такимъ образомъ, еще прежде поступленія своего ко Двору, Павскій уже de facto былъ заправителемъ всего дѣла преподаванія закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Представивъ, чрезъ Мердера, свою Записку о преподаваніи закона Божія Наслѣднику Цесаревичу, Павскій экземпляръ ея послалъ, при письмѣ, и Жуковскому, находившемуся въ то время въ Дрезденѣ, для закупки необходимыхъ учебныхъ пособій. Содержаніе этого письма Павскаго намъ неизвѣстно, но вотъ отвѣтъ на него Жуковскаго.

---

[1]) См. «Христіанское Чтеніе» за 1872 г., апрѣль, стр. 679. Статья И. А. Чистовича—«Исторія перевода библіи на русскій языкъ». Н. Б.

«Высокопреподобный, достопочтенный о. Герасимъ! Я все собирался отвѣчать вашему высокопреподобію на почтеннѣйшее письмо ваше и на полученную мною давно уже вашу Записку; но откладывалъ это удовольствіе до минуты свободной. Хотѣлось кончить прежде нѣкоторыя работы; но я не совсѣмъ кончилъ ихъ, и теперь надобно хлопотать объ отъѣздѣ. Послѣ завтра покидаю Дрезденъ, ѣду въ Лейпцигъ, гдѣ пробуду столько времени, сколько будетъ нужно, чтобы накупить книгъ для Великаго Князя. Теперь скопилось столько мелочныхъ дѣлъ, что нѣтъ времени поговорить съ вами такъ, какъ-бы хотѣлось. Надобно быть малословнымъ; и такъ скажу вкратцѣ то, что́ у меня на сердцѣ. Чтеніе Записки, которую вамъ угодно было мнѣ сообщить, доставило мнѣ нѣсколько истинно-счастливыхъ минутъ. Впечатлѣніе, въ душѣ моей произведенное этимъ чтеніемъ, могу сравнить съ чувствомъ, которое должна произвести встрѣча съ человѣкомъ по сердцу, съ человѣкомъ, котораго желаешь себѣ въ товарищи жизни для того, чтобы жизнь была лучше. Такимъ человѣкомъ кажетесь мнѣ вы, почтеннѣйшій отецъ! И въ какое время Богъ судилъ намъ встрѣтиться! Приношу Провидѣнію благодарность сердца за это ниспосланное мнѣ благо. Мысль, что́ вы будете мнѣ товарищемъ въ нашемъ общемъ святомъ дѣлѣ, радуетъ меня и ободряетъ. Не откажите мнѣ въ вашей дружбѣ. Мы еще лично не знаемъ другъ друга, но мы любимъ одно, и смѣю сказать—съ одинаковою искренностью. Наша дѣятельность должна теперь слиться и имѣть одинъ характеръ. Мы теперь надолго неразлучны. Желаю стоить вашей дружбы. Вы же мою имѣете. Тотъ характеръ чистоты и искренности и христіанскаго просвѣщеннаго желанія блага, который прочиталъ я въ письмѣ вашемъ, уже искренно привязалъ меня къ вамъ. Я вижу въ васъ для самого себя добродѣтельнаго наставника, который будетъ не только помогать дѣйствовать, но и ободритъ въ такихъ случаяхъ, когда можешь или ослабѣть или придти въ како́е нибудь сомнѣніе. Не говорю здѣсь о вашей Запискѣ, ибо не имѣю времени; но скажу однимъ словомъ: чтеніе ея порадовало меня за нашего Воспитанника: ваша религія—другъ просвѣщенія, такая именно, которая должна жить въ душѣ Государя.—Простите, почтеннѣйшій отецъ! Я пускаюсь теперь въ дорогу. Благословите меня мысленно. Заслужить ваше одобреніе и съ нимъ пріобрѣсти вашу дружбу будетъ для меня счастіемъ. Съ душевнымъ глубокимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою, Жуковскій.

«P. S. Съ реестромъ книгъ, вами мнѣ доставленнымъ, сдѣлалось

нссчастіе. Я поручилъ его Аммону, котораго имя и сочиненія вамъ должны быть извѣстны, поручилъ для того, чтобы къ книгамъ, вами назначеннымъ, прибавить наконецъ новѣйшія сочиненія. Аммонъ потерялъ реестръ. Это не похоже на важнаго теолога. Но въ каталогѣ, кажется, назначенныя вами книги отмѣчены карандашомъ. Этого каталога теперь у меня нѣтъ, я отправилъ его впередъ въ Лейпцигъ. Если есть отмѣтки, куплю книги. Если же нѣтъ, куплю нѣкоторыя, нужнѣйшія. Остальныя выпишемъ послѣ. Досадно, а дѣлать нечего».

Чувства, выраженныя здѣсь Жуковскимъ, благородный поэтъ сохранилъ къ Павскому во все послѣдующее время его жизни. Лучше другихъ знавшій и понимавшій Герасима Петровича, Жуковскій былъ его главною опорой и защитой, какъ увидимъ изъ послѣдующаго изложенія.

30-го ноября 1826 года Герасимъ Петровичъ вступилъ въ отправленіе своихъ высокихъ обязанностей по званію законоучителя Наслѣдника престола. Въ слѣдующемъ году на него возложены были тѣ же обязанности и относительно Великой Княжны Маріи Николаевны, при чемъ для того, чтобы законоучитель имѣлъ въ глазахъ учениковъ бо́льшій авторитетъ, онъ сдѣланъ былъ и духовникомъ своихъ Августѣйшихъ учениковъ. Нѣсколько времени спустя, тѣ же обязанности были возложены на Павскаго относительно Великихъ Княженъ Ольги Николаевны и Александры Николаевны. Съ назначеніемъ ко Двору, Павскій оставилъ службу въ епархіальномъ вѣдомствѣ, и какъ священникъ былъ причисленъ къ штату придворнаго духовенства, съ правомъ занимать первое мѣсто послѣ духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ случаѣ его болѣзни исправлять его обязанности по отправленію богослуженія въ Малой церкви Зимняго дворца, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Подобно Жуковскому, главному руководителю всего дѣла воспитанія Наслѣдника Цесаревича, Павскій всецѣло, всѣми силами своего существа, отдался своимъ священнымъ и высокимъ обязанностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что между своими сотрудниками Жуковскій не имѣлъ болѣе ревностнаго и болѣе просвѣщеннаго. Нельзя было сдѣлать лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ выбора на должность законоучителя Наслѣдника престола. Человѣкъ глубоко вѣрующій и въ то же время замѣчательно ученый и всесторонне образованный, обладавшій свѣтлымъ, мягкимъ, умиротворяющимъ и въ то же время строгимъ и серьезнымъ пониманіемъ жизни и обязанностей всякаго общественнаго служенія, онъ былъ какъ нельзя болѣе компетентенъ

для того дѣла, которому призванъ былъ послужить. Добродѣтельный по жизни, съ чистотою сердца и непорочностью голубиною, онъ былъ въ высшей степени симпатиченъ и способенъ своею личностью вліять благотворно на нравственное настроеніе своихъ Августѣйшихъ Воспитанниковъ—черта драгоцѣнная въ педагогѣ. Кто не знаетъ, какъ вообще въ дѣлѣ воспитанія и обученія много значитъ личность воспитателя и учителя, его нравственный характеръ и складъ міровоззрѣнія! Въ этомъ смыслѣ въ свое время Павскій былъ оцѣненъ по достоинству какъ Царскою Семьей, такъ и всѣми безъ исключенія своими сотоварищами по воспитанію Наслѣдника Цесаревича. Жуковскій, Мердеръ, Юрьевичъ были въ числѣ его друзей, какъ о томъ свидѣтельствуетъ переписка ихъ съ Павскимъ. Вниманіе къ нему Государя выразилось въ наградахъ, ему пожалованныхъ, именно, въ разное время, въ теченіе восьми слишкомъ лѣтъ его законоучительства, ему были пожалованы ордена—св. Анны 2-й ст., Владиміра 3-й ст.; бриллiантовый крестъ, два бриллiантовыхъ перстня. Государь, кромѣ того неоднократно удостоивалъ его личныхъ бесѣдъ Вниманіе Жуковскаго и Мердера выразилось въ заботливости ихъ объ удовлетвореніи его просьбъ и желаній, какъ относительно его самого лично, такъ и относительно удовлетворенія нуждъ разныхъ лицъ, о которыхъ просилъ ихъ нерѣдко добросердечный Герасимъ Петровичъ Павскій.

Но возвратимся къ законоучительству Герасима Петровича. Занятія его при Дворѣ продолжались съ 30-го ноября 1826 года по 18-е февраля 1835 года, то есть восемь слишкомъ лѣтъ. Предъ началомъ каждаго учебнаго года В. А. Жуковскій, съ непосредственнаго Высочайшаго разрѣшенія, назначалъ особыми краткими программами что̀ изъ предположеннаго по предварительно-составленному плану долженъ пройти каждый преподаватель. Такъ заключаемъ изъ того, что въ бумагахъ Павскаго сохранилась выписка изъ такого распредѣленія, слѣдующая: «Г. Павскій пройдетъ: 1. Общую христіанскую нравственность. Съ симъ преподаваніемъ соединено будетъ чтеніе избранныхъ текстовъ изъ св. писанія, изъ коихъ главные должны быть выучены наизусть. Книжка, служащая руководствомъ для преподаванія общей христіанской нравственности, и тексты должны быть напечатаны. 2. Исторія церкви. Начертаніе сей исторіи должно быть также напечатано. Учащіеся составятъ таблицу церковной исторіи. 3. По воскресеньямъ будетъ продолжаемо чтеніе евангелія, къ коему можно присоединить лучшіе отрывки изъ духовныхъ писателей».

Результаты своихъ занятій по закону Божію съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Павскій изображаетъ такимъ образомъ въ отвѣтахъ на примѣчанія митрополита Филарета, сдѣланныя послѣднимъ на программы уроковъ Павскаго. Пройденъ былъ катихизисъ; но «съ самаго начала ученія законоучитель зналъ, что времени для законоученія будетъ очень довольно, и потому предположилъ ознакомить Воспитанника не съ однимъ катихизисомъ, а вообще со всѣмъ тѣмъ, что должно знать христіанину грекороссійской церкви, т. е. онъ предположилъ познакомить его: 1) съ библіею, во всей полнотѣ; и 2) съ церковію, какъ всеобщею, такъ особенно россійскою. Такимъ образомъ, у насъ произошли два большіе курса: библейскій и церковный, которымъ предшествовалъ краткій предварительный. I. Въ предварительный курсъ, который былъ какъ бы зародышемъ двухъ послѣдующихъ и сообразованъ съ дѣтскими понятіями, Великій Князь выучилъ наизусть «Отче Нашъ», «Вѣрую», съ кратчайшимъ объясненіемъ, и заповѣди, также молитвы утреннія и вечернія. Въ сей же предварительный курсъ данъ кратчайшій обзоръ всего существеннаго христіанскаго ученія, какъ библейскаго, такъ и церковнаго. Вотъ онъ. «Человѣкъ сотворенъ по образу Божію, который состоялъ въ чистотѣ чувства, свѣтлости ума и правотѣ воли. Но онъ по гордости своей палъ и потерялъ образъ Божій. Собственными силами человѣкъ не можетъ возвратить его; ему нужна высшая помощь и благодать. Благодать Божія различными путями вела человѣка къ совершенству, открываясь въ обѣтѣ спасенія, въ жизни патріарховъ, въ избраніи народа, отдѣльнаго отъ идолопоклонниковъ, въ законѣ Моисеевомъ, въ пророкахъ и, наконецъ, въ посланіи Искупителя, который и есть образецъ и далъ средства. Образцомъ для насъ служитъ Его жизнь, средствомъ—Его слово или христіанская религія, которая заключается въ книгахъ св. писанія и имѣетъ цѣлію возобновить въ людяхъ образъ Божій и составить изъ нихъ царство Божіе, гдѣ люди живутъ по законамъ вѣры, надежды и любви». II. Чтобы познакомить съ библіей, нужно было познакомить съ происшествіями и лицами, въ ней дѣйствующими, и исчерпать правила вѣры и нравственности, въ ней содержащіяся, т. е. надобно было предложить библейскую исторію и библейское ученіе. Библейская исторія разсказана во всей подробности, сперва по 200 эстампамъ, изображающимъ происшествія и лица ветхаго и новаго завѣта. Въ изъясненіе эстамповъ написана книжка съ географическими примѣчаніями. Потомъ исторія священная изложена въ хронологическомъ порядкѣ, по таблицамъ. Вѣнцомъ библейской исторіи

служила жизнь Іисуса Христа, разсказанная подробнѣйшимъ образомъ, для чего также напечатана книжка, напоминающая разсказанное. И во время чтенія библейской исторіи, и послѣ, читаны были мѣста изъ св. писанія ветхаго и новаго завѣта. Съ особенною подробностью прочитаны евангелія и книга дѣяній апостольскихъ, также нѣкоторыя изъ посланій апостола Павла, всѣ посланія соборныя. Поелику же всего св. писанія нельзя было прочитать во время уроковъ, а между тѣмъ надобно было познакомить Великаго Князя со всѣми правилами вѣры и нравственности, содержащимися въ св. писаніи, то выбраны тексты изъ св. писанія. Оглавленіемъ текстовъ служила книжка подъ названіемъ: «Христіанское ученіе въ краткой системѣ». III. Церковный курсъ. И здѣсь предложена исторія церкви и догматы ея. Нитью для историческихъ уроковъ служила другая книжка: «Начертаніе церковной исторіи». Руководствомъ для церковнаго ученія служилъ катихизисъ Филарета. Въ промежутки времени, особенно въ теченіе Великаго поста, Великому Князю полнѣйшимъ образомъ объяснены церковныя таинства и обряды, съ особенною подробностью разсказано о литургіи и исповѣди. Все это,—замѣчаетъ Павскій,—напечатано въ «Христіанскомъ Чтеніи». Мы, впрочемъ, при составленіи систематическаго указателя къ этому журналу (Спб. 1872) за пятьдесятъ лѣтъ его существованія, затруднились съ точностью опредѣлить, что именно изъ массы статей литургическаго и догматическаго содержанія, напечатанныхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи», принадлежитъ перу Герасима Петровича, такъ какъ не имѣли подъ руками необходимыхъ для того архивныхъ указаній.

Кромѣ упомянутыхъ статей о богослуженіи въ «Христіанскомъ Чтеніи», результатами законоучительскихъ занятій Павскаго съ Августѣйшими своими Воспитанниками были вышеупомянутыя двѣ книжки: «Христіанское ученіе въ краткой системѣ» и «Начертаніе церковной исторіи». Кромѣ того, какъ мы видѣли выше, Павскій упоминаетъ еще о двухъ книжкахъ, изъ которыхъ въ одной напечатанъ «Краткій обзоръ христіанскаго ученія», въ другой—«Жизнь Іисуса Христа, разсказанная подробнѣйшимъ образомъ». Затѣмъ, есть еще въ рукописи, имѣющейся въ нашемъ распоряженіи, нѣсколько «молитвъ» и «наставленій» на разные случаи общественной жизни Россіи того времени и частной-домашней Великаго Князя Наслѣдника, составленныхъ Павскимъ, и сборникъ нравоучительныхъ статей, подъ заглавіемъ: «Напоминанія о вѣчной жизни». «Христіанское ученіе въ краткой системѣ» и «Начертаніе церковной исторіи», какъ мы видѣли, по распоряженію Жуковскаго, съ Высочайшаго соизволенія, были на-

печатаны въ самомъ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (въ какомъ именно—мы не знаемъ), собственно для употребленія Августѣйшихъ Воспитанниковъ, и составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Ни въ Императорской публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ академіи наукъ, мы ихъ не нашли. У самого Павскаго, какъ сообщаетъ г. Протопоповъ, сохранялись лишь корректурные листы этихъ изданій. Но объ ихъ характерѣ и степени научнаго и литературнаго достоинства мы можемъ составить себѣ понятіе по полемикѣ Павскаго съ Филаретомъ по поводу этихъ книжекъ.

Н. И. Барсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАВКАЗЪ И ПОКОРЕНІЕ ВОСТОЧНОЙ ЕГО ЧАСТИ.

Изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго.

Князь А. И. Барятинскій.

1856—1861.

Въ октябрѣ 1856 года, по роспускѣ войскъ дѣйствовавшаго въ Азіатской Турціи корпуса и окончаніи дѣлъ, я возвратился въ Тифлисъ изъ Александраполя [1]) по той же самой дорогѣ, по которой я ѣхалъ въ февралѣ 1855 года. Но въ то время я совершилъ этотъ путь по грязной и лишенной растительности дорогѣ. Теперь же я совершилъ это путешествіе по сухой и окруженной еще зеленѣющими полями и лѣсами дорогѣ. Мрачный же и скучный въ февралѣ 1855 года Тифлисъ я засталъ веселящимся, радующимся.

Въ это время года Тифлисъ всегда бываетъ особенно хорошъ. Температура воздуха самая умѣренная и пріятная. Ясно-голубое небо рѣдко когда заволакивается тучами, а и того рѣже дуетъ удушливый или рѣзкій, холодный вѣтеръ. Только по утрамъ бываетъ довольно прохладно.

Зурна, бубенъ, пѣсни, пляски, хлопанье ладошъ раздаются, а „алаверды“, смѣшанные съ громкимъ „ура“, слышатся въ раз-

[1]) Въ Александраполѣ, этомъ уѣздномъ и болѣе азіатскомъ нежели русскомъ городѣ Эриванской губерніи,—съ крѣпостью того же имени,—я прожилъ довольно долго. Прибывъ туда въ октябрѣ 1853 года, я оставался тамъ, за исключеніемъ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи, до февраля 1855 года. Въ это время я былъ участникомъ сраженій Баяндурскаго и Башкадыкларскаго—какъ дежурный штабъ-офицеръ дѣйствовавшаго подъ начальствомъ князя Бебутова корпуса, а Кюрукдарскаго—какъ командующій Бѣлевскимъ полкомъ. Съ ноября же 1855 по октябрь 1856 года, я проживалъ въ Александраполѣ, какъ начальникъ штаба того же корпуса. М. О.

ныхъ концахъ Тифлиса. Огромные турьи рога, азарпеши, кулы, наполняемые искрящимся кахетинскимъ, не смотря на свою величину, быстро осушаются пирующими. По временамъ являются и бокалы съ пѣнящимся шампанскимъ, и тогда громкое, продолжительное ура заглушаетъ отрывистое алаверды.

Но Тифлисъ радуется и веселится не только хорошей погодѣ, изобильному урожаю винограда, прекращенію тяжелой войны; онъ ликуетъ и готовится еще къ бо́льшему ликованію—по случаю назначенія новаго главнокомандующаго и намѣстника.

Назначенію князя Барятинскаго всѣ непритворно радовались и не по одной психической причинѣ—желать перемѣнъ. Безпечный и веселый грузинъ радуется, что будетъ имѣть случай поджигитовать, а слѣдовательно, показать себя, оружіе и коня. Алчный армянинъ мечтаетъ о тѣхъ огромныхъ барышахъ, которые перепадутъ на его долю, потому что знаетъ роскошную жизнь князя Александра Ивановича. Сильно радуются стройныя, черноокія красавицы, потому что онѣ знаютъ любезность молодаго и красиваго главнокомандующаго. Болѣе же всѣхъ радовались служащіе, которые подавлены были холодною надменностью и непомѣрнымъ упрямствомъ Н. Н. Муравьева. Много было выпито восторженныхъ тостовъ, много прогремѣло громкихъ ура въ честь новаго главнокомандующаго, и не въ одномъ Тифлисѣ, а на всемъ Кавказѣ. И такія восторженныя овацiи происходили отъ душевной радости, потому что освобождались отъ тяжелаго кошмара, давившаго Кавказъ въ продолженіе почти двухъ лѣтъ.

Въ октябрѣ оба главнокомандующіе ѣхали по разнымъ направленіямъ. Старый выѣхалъ изъ Ставрополя тихо, скромно, безъ малѣйшаго сочувствія со стороны своихъ подчиненныхъ; самъ же онъ покидалъ Кавказъ съ сожалѣніемъ, какъ честолюбецъ, лишающійся такой огромной власти и почестей. Прощальный приказъ, съ которымъ онъ обратился къ войскамъ, отчасти служитъ тому доказательствомъ.

Въ то время, когда Н. Н. Муравьевъ ѣхалъ на мирное житіе въ свое подмосковное помѣстье, князь Александръ Ивановичъ плылъ на пароходѣ по Волгѣ и Каспійскому морю. Съ теплою душой и благими намѣреніями стремился онъ къ любимому имъ Кавказу, гдѣ онъ началъ, въ 1835 году, свое боевое поприще корнетомъ; гдѣ въ Даргинскую экспедицію 1845 года командовалъ

баталіономъ, а съ 1847 по 1850 годъ былъ командиромъ славнаго Кабардинскаго полка; гдѣ съ 1851 по 1853 годъ былъ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, а потомъ, до половины 1855 года—начальникомъ главнаго штаба, и гдѣ онъ такъ славно окончилъ генералъ-фельдмаршаломъ. Что онъ преданъ былъ душою Кавказу,—каждый зналъ это, кто съ нимъ служилъ. Что онъ изучилъ Кавказъ и понималъ непріятеля, котораго онъ долженъ покорить своему отечеству,—доказали самыя событія. Высокая же любовь и преданность къ нему его подчиненныхъ и войска—выражены были неподдѣльнымъ восторгомъ и рядомъ празднествъ, сопровождавшихъ князя Барятинскаго отъ Петровска, гдѣ онъ высадился съ парохода, до Тифлиса.

2-го ноября Тифлисъ, въ особенности улицы, ведущія отъ Эриванской заставы до Сіонскаго собора и отъ этого собора до дома главнокомандующаго, а равно Головинскій проспектъ, съ утра начали кишѣть народомъ и принимать праздничный видъ. Дома украшались разноцвѣтными флагами и азіатскими коврами, вывѣшиваемыми на балконахъ и въ растворенныхъ окнахъ. Амкары [1]) съ знаменами и значками, сопровождаемые гудѣніемъ зурны и бубенъ, раздававшихся въ разныхъ мѣстахъ Тифлиса, направлялись въ одну сторону—къ Эриванской заставѣ. Туда же направлялись толпы уличныхъ гулякъ и мальчишекъ.

Къ полудню, Лейбъ-Эриванскій и Грузинскій гренадерскіе полки, вызванные изъ своихъ штабъ-квартиръ Манглиса и Бѣлаго Ключа, съ прочими войсками, составлявшими тифлисскій гарнизонъ, начали выстраиваться на Эриванской площади и по Головинскому проспекту до дома главнокомандующаго. Къ тому же времени начали съѣзжаться въ Сіонскій соборъ, въ парадныхъ мундирахъ, всѣ служащіе военные и гражданскіе чины, а равно тифлисское дворянство, купечество, почетное гражданство и депутаты, присланные изъ другихъ мѣстъ Кавказа. Не было недостатка и въ роскошныхъ туалетахъ женъ и взрослыхъ дочерей, пріѣзжавшихъ одновременно со своими мужьями и отцами, или въ отдѣльныхъ экипажахъ.

---

[1]) Амкары уподоблялись старшинамъ цеховыхъ ассоціацій. Подъ амкарствами же слѣдуетъ разумѣть разныя цеховыя общества промышленной и ремесленной дѣятельности. Амкары пользовались огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ въ народѣ. М. О.

Все это дѣлалось для встрѣчи князя Барятинскаго, въѣзжавшаго въ Тифлисъ черезъ Эриванскую заставу. По предварительно составленному церемоніалу, онъ около полудня долженъ былъ прибыть въ Сіонскій соборъ, откуда, послѣ молебствія и торжественной присяги, отправиться къ себѣ въ домъ. И все совершилось съ предписанною точностью и приличествующею сану царскаго намѣстника торжественностью, при громѣ салютаціонной пальбы съ Метехскаго замка, тѣмъ болѣе, что и погода благопріятствовала этому торжеству.

Двѣ недѣли, со дня пріѣзда князя, Тифлисъ веселился и не могъ успокоиться отъ разнаго рода удовольствій. Днемъ парады, разводы, скачки, обѣды; по ночамъ спектакли-gala, рауты, балы съ иллюминаціями и фейерверками.

I.

Съ назначеніемъ князя Александра Ивановича главнокомандующимъ Кавказскою арміей и намѣстникомъ Кавказа, вотъ на какія главныя административныя единицы дѣлился этотъ обширный и разнородный по своему населенію край и кто были правители такихъ главныхъ единицъ. Такой обзоръ облегчитъ мое изложеніе и уяснитъ читателю тогдашнее состояніе Кавказа и трудность управленія имъ.

На „Кавказской линіи“ былъ командующимъ войсками генералъ-лейтенантъ Козловскій, не замѣчательный ни своею наружностью, не обращавшій на себя вниманія ни по воспитанію и образованію, но за то пріобрѣтшій извѣстность своею мужественною неустрашимостью и опытностью въ кавказской войнѣ. Викентій Михайловичъ, во время своей сорока-лѣтней боевой службы на Кавказѣ, много пережилъ опасностей, хотя ни разу не былъ раненъ, и всегда съ честью выручалъ изъ нихъ какъ самого себя, такъ и своихъ подчиненныхъ.

Князю Барятинскому хорошо были извѣстны не только служебная карьера генерала Козловскаго, но его оригинальная частная жизнь и разсказываемые про него многіе анекдоты. Вѣдь Александръ Ивановичъ въ Даргинскую экспедицію 1845 года, командуя баталіономъ, состоялъ подъ прямымъ его начальствомъ,

а спустя два года принималъ отъ него Кабардинскій полкъ. Князю извѣстно было, что Викентій Михайловичъ никогда не былъ и не могъ быть такимъ администраторомъ, чтобы могъ управлять какъ слѣдуетъ Кавказскою линіей, даже чисто въ военномъ отношеніи. Его дѣло было начальствовать отрядомъ, и то по предварительному указанію; построить укрѣпленіе или штабъ-квартиру; взять аулъ или прорубить просѣку; въ особенности его любимымъ занятіемъ было прокладывать дороги черезъ лѣсныя трущобы. Такимъ дѣломъ занимался Викентій Михайловичъ и во время двухъ-лѣтняго командованія Кавказскою линіей, когда все его вниманіе и вся его дѣятельность сосредоточивались на пространствѣ между Большою и Малою Лабой, гдѣ собираемыя имъ войска прокладывали просѣки и дороги, строили Псебайское укрѣпленіе и вмѣстѣ штабъ-квартиру для Севастопольскаго полка и устраивали Мало-Лабинскую линію.

По этимъ причинамъ генералъ Козловскій, не смотря на любовь и уваженіе къ нему новаго главнокомандующаго, не могъ остаться на занимаемомъ имъ мѣстѣ въ то время, когда должно было совершиться завоеваніе Кавказа. При томъ и Кавказская линія, какъ главная административная единица, утратила свое прежнее значеніе. Поэтому генералъ Козловскій получилъ мѣсто, по собственному желанію, въ Петербургѣ, въ одномъ изъ высшихъ учрежденій военнаго вѣдомства [1]), гдѣ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи и окончилъ тихо и мирно свою жизнь въ 1871 году. Кавказская же линія, сообразно тогдашнему географическому и этнографическому положенію, была раздѣлена на двѣ части.

Пространство, заключающееся между Кубанью, Чернымъ моремъ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, населенное черкесскимъ и абазинскимъ племенами, съ казачьими поселеніями по Кубани и Лабѣ, составило „правое крыло Кавказской линіи“. Оно было ввѣрено начальству генералъ-лейтенанта Филипсона, въ настоящее время сенатора. Григорію Ивановичу хорошо была извѣстна эта часть Кавказа, потому что онъ съ 1836 года, по окончаніи курса въ военной академіи генеральнаго штаба, провелъ на ней всю

---

[1]) Онъ былъ назначенъ членомъ существовавшаго въ то время генералъ-аудиторіата, соотвѣтствующаго нынѣшнему главному военному суду.

М. О.

свою служебную карьеру. Сначала онъ завѣдывалъ штабомъ на Черноморской береговой линіи, потомъ былъ начальникомъ штаба Кавказской линіи и, наконецъ, наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска.

Пространство, обитаемое кабардинцами, чеченскимъ племенемъ и кумыками, и огражденное съ одной стороны главнымъ Кавказскимъ и Андійскимъ хребтами, Сулакомъ и Каспійскимъ моремъ, а съ другой—Малкою и Терекомъ, съ казачьими поселеніями какъ на этихъ рѣкахъ, такъ и на Сунжѣ, составило „лѣвое крыло Кавказской линіи". Это пространство, превышавшее первое въ территоріальномъ и стратегическомъ отношеніяхъ, было ввѣрено генералъ-лейтенанту Евдокимову, бывшему до того начальникомъ праваго фланга той же линіи. Главнокомандующій, зная съ давнихъ поръ Николая Ивановича за храбраго, твердаго, непреклоннаго и исполнительнаго начальника и ввѣряя ему такой трудный и важный постъ, вполнѣ былъ увѣренъ, что онъ исполнитъ съ точностью все то, что на него будетъ возложено. И, какъ увидимъ, князь Александръ Ивановичъ не ошибся въ Евдокимовѣ и черезъ него достигъ желаемаго и признательности своего отечества.

Между правымъ и лѣвымъ крыльями Кавказской линіи находилась Ставропольская губернія, граничащая: на западъ съ Черноморіей, на сѣверъ—съ землею Донскаго войска и на востокъ—съ Астраханскою губерніей. Разнородное населеніе этой губерніи, состоящее изъ государственныхъ и частью помѣщичьихъ крестьянъ и кочующихъ ногайцевъ и трухменъ, простиралось до 400,000 душъ обоего пола. Ставропольская губернія дѣлилась на уѣзды: Ставропольскій, Пятигорскій, Моздокскій и Кизлярскій. Губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Брянчаниновъ, человѣкъ очень разумный и хорошо знавшій свое дѣло.

Пространство, заключающееся между Каспійскимъ моремъ, Сулакомъ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, носило названіе „Прикаспійскаго края". Въ составъ этого края входили: владѣнія шамхала Тарковскаго, Мехтулинское ханство, Самурскій и Дербентскій округи [1]) съ прилегающими къ нимъ непокорными

[1]) Въ составъ Дербентскаго и Самурскаго округовъ входили: a) бывшія ханства Кубинское и Дербентское; b) существующія ханства Казыкумукское и Кюринское, управляемыя своими ханами; c) Кайтагъ—гдѣ правителями были уцміи; d) демократическія общества Акушинское, Даргинское, Сюргинское и Цудахарское, и e) Табасарань, управляемая кадіями и старшинами. М. О.

обществами аварскаго и лезгинскаго происхожденія. Начальникомъ этого края былъ до 1858 года генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани, а потомъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель. Князь Григорій Дмитріевичъ, первый привѣтствовавшій новаго главнокомандующаго на кавказской территоріи, въ Петровскѣ, былъ вызванъ, согласно его желанія, въ Тифлисъ, гдѣ вскорѣ и получилъ высшее назначеніе. Заступившій его мѣсто баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, бывшій до того кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій со взятіемъ Гунiба и плѣненіемъ Шамиля, на Восточномъ Кавказѣ, окончилъ свое славное боевое поприще—назначеніемъ членомъ военнаго совѣта, каковое мѣсто онъ, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи и въ званіи генералъ-адъютанта, занимаетъ и по настоящее время.

Обращаюсь къ послѣднему военно-административному отдѣлу, извѣстному подъ именемъ „Лезгинской кордонной линіи“, въ составъ которой входили Тушетія съ Пшаво-Хевсуріей, за-Алазанская Кахетія и Джаро-Белаканскій округъ съ ингелойцами. Эта линія, имѣющая протяженія болѣе трехсотъ верстъ, съ находящимися на ней войсками, укрѣпленіями и постами, имѣла единственною цѣлью охранять Кахетію и вообще Тифлисскую губернію отъ хищничествъ дидойцевъ, анцухцевъ, капучинцевъ, джурмутцевъ, елисуйцевъ и другихъ мелкихъ обществъ лезгинскаго происхожденія, живущихъ за главнымъ снѣговымъ хребтомъ. Главнокомандующій, по своемъ прибытіи на Кавказъ, ввѣрилъ Лезгинскую линію генералъ-лейтенанту барону Вревскому, тому самому, который былъ начальникомъ Владикавказскаго округа, когда князь Барятинскій былъ начальникомъ лѣваго фланга, и которому онъ такъ усердно помогалъ своими войсками, при движеніи Шамиля въ іюлѣ 1852 года къ Назрану и Владикавказу [1]). Ипполитъ Александровичъ, окончившій курсъ въ военной академіи генеральнаго штаба, былъ хладнокровнымъ, неустрашимымъ и распорядительнымъ начальникомъ. На него, какъ своего товарища-сослуживца, князь много расчитывалъ и надѣялся; но, къ сожалѣнію, преждевременная смерть, послѣдовавшая отъ раны,

[1]) См. статью «Князь А. И. Барятинскій на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи съ 1851 по 1853 годъ», «Русская Старина» изд. 1879 года, томъ XXV, стр. 307—332; 415—436. М. О.

полученной имъ при взятіи капучинскаго аула Китури, отняла у отечества полезнаго слугу. Послѣ покойнаго барона Вревскаго, командующимъ войсками на Лезгинской линіи снова былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ князь Меликовъ [1]). Это тотъ самый князь Леванъ Ивановичъ, который, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи и въ званіи генералъ-адъютанта, около двадцати лѣтъ начальствовалъ Дагестанскою областью или бывшимъ Прикаспійскимъ краемъ, а нынѣ, 1880 г., назначенъ помощникомъ Намѣстника Кавказскаго.

Затѣмъ, все Закавказье дѣлилось: на Тифлисскую, Шемахинскую и Эриванскую губерніи, правителями которыхъ были военные губернаторы, и на Кутаисское генералъ-губернаторство, впрочемъ, образованное уже при князѣ Барятинскомъ, въ 1857 году.

Тифлисскою губерніей, въ составъ которой входили Картлинія и Кахетія, дѣлившеюся на уѣзды: Тифлисскій, Горійскій, Душетскій, Сигнахскій и Телавскій, управляли генералъ-маіоры сначала Лукашъ, а потомъ Капгеръ. Съ первымъ, малосвѣдущимъ въ администраціи, любимцемъ Н. Н. Муравьева, не помню, что̀ случилось; послѣдній же окончилъ свое земное поприще, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сенаторомъ.

Шемахинскую губернію составляли ханства: Ширванское, Шекинское, Ганджинское, Карабагское, Талышинское и Бакинское, образовавшія уѣзды: Шемахинскій, Нухинскій, Елисаветопольскій, Шушинскій, Ленкоранскій и Бакинскій. Правителями этой, самой обширной и населенной, губерніи [2]) были генералъ-маіоры: князь Тарханъ-Мауравовъ и Колюбакинъ. Первый былъ человѣкъ умный, любившій въ особенности вмѣшиваться въ дѣла молоканъ, какъ сектаторовъ, которыхъ въ Шемахинской губерніи было болѣе, сравнительно съ другими мѣстами Закавказья. Михаилъ Петровичъ Колюбакинъ, назначенный изъ тифлисскихъ вицъ-губернаторовъ и, въ отличіе отъ своего младшаго брата, прозывавшійся „мирнымъ“, былъ на самомъ дѣлѣ тихъ и при-

---

[1]) Князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ начальствовалъ Лезгинскою линіей до назначенія главнокомандующимъ князя Барятинскаго, и въ его управленіе этою линіей совершился разгромъ Кахетіи въ 1854 году.

[2]) Въ Шемахинской губерніи считалось до милліона душъ обоего пола, тогда какъ населеніе Тифлисской губерніи доходило до 600,000, а Эриванской только до 450,000 душъ обоего пола. М. О.

томъ честенъ и вполнѣ свѣдущъ въ администраціи. Оба эти генерала покоются вѣчнымъ сномъ съ шестидесятыхъ годовъ.

Эриванская губернія, примыкавшая съ запада къ Азіатской Турціи, а съ юга къ Персіи, состояла изъ уѣздовъ: Ахалцихскаго, Александрапольскаго, Эриванскаго, Баязетскаго и Нахичеванскаго. Правителями этой губерніи, составленной изъ ханствъ и пашалыковъ, пріобрѣтенныхъ послѣ войнъ съ Персіею—въ 1826 по 1828, а съ Турціею—въ 1828—1829 годахъ, были генералъ-маіоры Назаровъ и Колюбакинъ 2-й, лѣтъ пятнадцать тому назадъ умершіе. Послѣдній изъ нихъ, человѣкъ безспорно умный, но до крайности раздражительный и поэтому прозывавшійся „немирнымъ“, былъ потомъ кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ; окончилъ же свое земное поприще сенаторомъ, въ Москвѣ.

Наконецъ, „Кутаисское генералъ-губернаторство“, образованное въ 1857 году, составили: Кутаисская губернія, Мингрелія, Абхазія съ Самурзаканью и Сванетія. Кутаисская губернія [1]), существовавшая и прежде, была образована изъ Имеретіи и Гуріи, и дѣлилась на уѣзды: Кутаисскій, Шорапанскій, Озургетскій и Гурійскій. Мингрелія и Абхазія управлялись своими владѣтелями, первая—Дадіанами, а послѣдняя—Шарвашидзе. Самурзакань составляла отдѣльное приставство. Сванетія дѣлилась на Вольную и Княжескую; первая управлялась старшинами, вторая княжескою фамиліей Дадешкиліани. Первымъ кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ былъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, менѣе чѣмъ черезъ годъ назначенный командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ. Заступившій его мѣсто генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ, нынѣ состоящій при намѣстникѣ кавказскомъ, проживаетъ въ своемъ помѣстьи.

Оканчивая этимъ обзоръ административныхъ единицъ, на которыя дѣлился Кавказъ въ управленіе имъ князя Барятинскаго, обращаюсь къ главному штабу и главному гражданскому управленію, откуда исходили всѣ распоряженія главнокомандующаго и намѣстника.

---

[1]) Кутаисская губернія была образована въ намѣстничество князя Воронцова и послѣднимъ ея губернаторомъ былъ генералъ-лейтенантъ князь Гагаринъ, убитый изъ мести въ своемъ домѣ, въ Кутаисѣ, владѣтелемъ Сванетіи княземъ Дадешкиліаномъ, судимымъ и разстрѣляннымъ за это преступленіе.
М. О.

Главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ главнокомандующаго по управленію Кавказскою арміей, числительность которой доходила до 200,000 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, саблями и шашками [1]), арміей, дѣйствовавшею на четырехъ отдѣльныхъ театрахъ и разбросанною на сотни верстъ на каждомъ изъ этихъ театровъ, былъ начальникъ главнаго штаба генералъ-маіоръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, одновременно прибывшій въ Тифлисъ съ княземъ. Ближайшими помощниками начальника главнаго штаба Кавказской арміи были: генералъ-квартирмейстеромъ генералъ-маіоръ Карлгофъ, дежурнымъ генераломъ вашъ покорный слуга, читатель, и правителемъ канцеляріи полковникъ Лимановской [2]). Николай Ивановичъ Карлгофъ былъ впослѣдствіи начальникомъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ и окончилъ свою жизнь, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, членомъ военнаго

---

[1]) Представлю приблизительно въ общихъ чертахъ числительность тогдашней Кавказской арміи, принимая списочное состояніе баталіона въ 1,000, эскадрона и сотни въ 120, а батареи, среднимъ числомъ—въ 100 человѣкъ.

Гренадерская, 19, 20 и 21-я пѣхотныя дивизіи, каждый полкъ пяти-баталіоннаго состава, считая въ томъ числѣ стрѣлковый баталіонъ полка, всего 80 баталіоновъ, или	80,000 чел.
4 отдѣльныхъ стрѣлковыхъ, 2 саперныхъ и 16 Кавказской резервной дивизіи—всего же 22 баталіона, или	22,000 »
Кавказскихъ, Дагестанскихъ, Закавказскихъ и бывшихъ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, не менѣе 45-ти баталіоновъ, или	45,000 »
Драгунская дивизія—четыре полка или 24 эскадрона. Приблизительно до 50-ти полковъ Черноморскаго, Кавказскаго линейнаго и Донскаго войска, что составитъ до 300 сотенъ, всего же кавалеріи до	40,000 »
Артиллерія, состоящая изъ пѣшихъ и конно-казачьихъ батарей, а также подвижной гарнизонной, и простирающаяся числомъ до 200 орудій, съ командами арсенальными и крѣпостными, не превышала	7,000 »
А всего до .	194,000 чел.

[2]) Главный штабъ, въ томъ составѣ, въ которомъ я его здѣсь описываю, а именно на основаніяхъ «о большой дѣйствующей арміи», былъ образованъ спустя годъ послѣ назначенія главнокомандующимъ на Кавказъ князя Барятинскаго. До того же, вмѣсто генералъ-квартирмейстера, дежурнаго генерала и генералъ-интенданта, были оберъ-квартирмейстеръ, дежурный штабъ-офицеръ и оберъ-провіантмейстеръ. Канцеляріи же начальника главнаго штаба и ея правителя по штату не полагалось. М. О.

совѣта. Владиміръ Антоновичъ Лиманов ской, нынѣ отставной генералъ-лейтенантъ, поступилъ въ 1861 году на мое мѣсто дежурнымъ генераломъ, а потомъ былъ начальникомъ штаба Кавказскаго округа.

Продовольствіе почти двухсотъ-тысячной арміи находилось въ опытныхъ, надежныхъ и знающихъ край рукахъ. Генералъ-интендантомъ былъ генералъ-маіоръ Колосовскій, хорошо радѣвшій объ обезпеченіи продовольствіемъ арміи. Иванъ Григорьевичъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта оставившій службу въ 1868 году, до своей смерти, постигшей его въ 1879 г., жилъ въ Харьковской губерніи.

Артиллерія находилась подъ начальствомъ добраго и стараго слуги, въ настоящее время умершаго, генералъ-лейтенанта Мейера. Строевая и матеріальная части этого спеціальнаго рода оружія, по тогдашнимъ требованіямъ, были въ хорошемъ состояніи. Только доставка пороха, снарядовъ и даже самыхъ орудій были не всегда удачны и обходились дорого.

Наконецъ, инженерное вѣдомство состояло подъ начальствомъ генералъ-лейтенантовъ, сначала Ганзена, а потомъ Кесслера, нынѣ умершихъ. Эти генералы были извѣстны какъ знающіе свое дѣло инженеры, но только кругъ ихъ дѣятельности былъ самый незначительный. На Кавказѣ крѣпостей не строилось, а укрѣпленія были незатѣйливыя. Казенныя капитальныя зданія рѣдко когда воздвигались; устройство же штабъ-квартиръ по преимуществу возлагалось на полковыхъ командировъ и другихъ ближайшихъ начальниковъ частей. Даже не брались съ помощью траншейныхъ работъ такіе укрѣпленные дагестанскіе аулы какъ Чохъ, Салты [1]). Главными дѣятелями инженернаго искусства были

[1]) Начиная съ 1846 года, система военныхъ дѣйствій на Восточномъ Кавказѣ, въ главныхъ чертахъ, установилась слѣдующая: въ Чечнѣ—зимнія экспедиціи, состоящія въ прорубкѣ просѣкъ, проложеніи черезъ лѣса дорогъ и въ уничтоженіи въ нихъ ауловъ и хуторовъ; въ Дагестанѣ—лѣтнія экспедиціи, имѣвшія цѣлью постепенное углубленіе въ горы, съ овладѣніемъ укрѣпленными аулами не только открытою силою, но и посредствомъ траншей и подступовъ. Такимъ образомъ, въ 1846, 1847 и 1848 годахъ брались аулы Гергебиль, Чохъ, Салты. Но сколь полезны были зимнія экспедиціи въ Чечнѣ, столь мало выигрывалъ Дагестанъ отъ лѣтнихъ экспедицій, на которыя тратилось безъ пользы много времени, денегъ и людей. Поэтому, послѣ 1848 года, наступательныя движенія въ горы Дагестана прекратились, и не производилось болѣе осады укрѣпленныхъ ауловъ. М. О.

саперы. Они руководили работами по проложенію дорогъ, устройству мостовъ во время самыхъ военныхъ дѣйствій и т. п.

Въ заключеніе этой статьи, мнѣ остается еще упомянуть о главныхъ дѣятеляхъ и помощникахъ князя Александра Ивановича, какъ намѣстника Кавказа.

До 1858 года главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ князя по гражданскому управленію Кавказомъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, побѣдитель турокъ подъ Башкадыкларомъ и Кюрук-дара [1]). Со смертью князя Бебутова, послѣдовавшею въ мартѣ 1858 года, власть по гражданскому управленію, сосредоточенная въ одномъ его лицѣ, раздѣлилась: предсѣдателемъ совѣта намѣстника былъ назначенъ генералъ-адъютантъ князь Орбеліани, а тайный совѣтникъ Крузенштернъ [2]) былъ сдѣланъ начальникомъ гражданскаго управленія. Канцелярія же намѣстника, которой Алексѣй Ѳедоровичъ Крузенштернъ былъ до того директоромъ и въ которой сосредоточивалась вся переписка, относящаяся до края, раздѣлилась на пять департаментовъ. Эти дорого-стоющіе департаменты, а нѣкоторые изъ нихъ—оказавшіеся безполезными, по ничтожеству производившихся въ нихъ дѣлъ, можно считать однимъ изъ неудавшихся нововведеній и учрежденій князя Барятинскаго, во время его пяти-лѣтняго управленія Кавказомъ [3]).

[1]) Въ 1854 году начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи князь Барятинскій, по желанію главнокомандующаго, былъ назначенъ помощникомъ командующаго дѣйствующимъ корпусомъ въ Азіатской Турціи князя Бебутова и участвовалъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ въ томъ году противъ турокъ. Въ кюрук-дарскомъ сраженіи, предводительствуя семью баталіонами эриванцевъ и грузинцевъ при трехъ батареяхъ, занимавшихъ центръ нашей позиціи, князь Александръ Ивановичъ съ геройскимъ мужествомъ и неустрашимостью атаковалъ съ этими войсками въ три раза превосходящаго непріятеля, и, нанеся ему совершенное пораженіе, способствовалъ къ одержанію 24-го іюля полной и славной побѣды. Орденъ св. Георгія 3-й степени былъ вполнѣ заслуженною наградой главному герою этого дня.

[2]) Князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани въ 1861 году управлялъ Кавказскою арміей и намѣстничествовалъ, а въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ настоящее время онъ членъ государственнаго совѣта и живетъ въ Тифлисѣ.

Алексѣй Ѳедоровичъ въ 1863 году оставилъ Кавказъ въ званіи статсъ-секретаря, и въ настоящее время живетъ въ Ревелѣ.

[3]) Сколько мнѣ помнится, назначеніе князя Орбеліани предсѣдателемъ совѣта послѣдовало годомъ ранѣе учрежденія департаментовъ. Эти послѣдніе открыли свое дѣйствіе 1-го января 1859 года. М. О.

II.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, по назначеніи главнокомандующимъ на Кавказъ, обратилъ особенное вниманіе на Чечню и Дагестанъ, исключительно въ военномъ отношеніи. Онъ вполнѣ сознавалъ, что съ паденіемъ Шамиля должна окончиться вѣковая борьба съ горцами.

Сознаніе это основано было на самыхъ положительныхъ фактахъ, очень хорошо ему извѣстныхъ. Онъ, какъ бывшій начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи, изучившій въ подробности Чечню и чеченцевъ, не разъ сходившійся съ Шамилемъ и разбившій его, зналъ, что если Чечня и сопротивляется намъ, то отрицательно. Онъ зналъ, что чеченцы питаютъ больше ненависти къ Шамилю, нежели къ намъ, что они доведены до крайняго изнеможенія въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Если же сами чеченцы не рѣшались сбросить съ себя иго Шамиля, то потому только, что находились подъ обаяніемъ страха деспотической власти. Онъ вполнѣ сознавалъ и то, что съ паденіемъ Чечни долженъ пасть и Дагестанъ.

Для осуществленія идеи князя Барятинскаго въ покореніи Восточнаго Кавказа и приведенія въ исполненіе его плана, нуженъ былъ точный, энергическій и съ твердою, непреклонною волей исполнитель. И такой выборъ его палъ на генералъ-лейтенанта Евдокимова, бывшаго въ то время начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи.

Николай Ивановичъ Евдокимовъ, какъ говорится, былъ темнаго происхожденія и воспитывался, какъ онъ и самъ выражался, на мѣдный грошъ. Сколько извѣстно, его родитель дослужился до штабъ-офицерскаго чина изъ простаго званія; домашнее же его воспитаніе и школьное кавказское образованіе ограничилось знаніемъ русской грамоты. Но будучи отъ природы одаренъ положительнымъ, здравымъ умомъ, онъ успѣлъ усовершенствовать себя основательно въ этой грамотѣ и пріобрѣсти достаточныя свѣдѣнія, касающіяся военнаго дѣла, потому что съ первыхъ же дней своей службы умѣлъ рельефно выставить себя передъ своими товарищами. Подпоручикъ Апшеронскаго полка Евдокимовъ былъ взятъ въ 183* году генераломъ Клюки-фонъ-Клугенау,

командовавшимъ въ то время войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, въ штабъ, гдѣ состоя до маіорскаго чина, былъ назначенъ койсубулинскимъ приставомъ [1]).

На этомъ мѣстѣ Николай Ивановичъ, какъ гласитъ стоустая молва, хотя не явился безкорыстнымъ дѣятелемъ, но умѣлъ пріобрѣсти расположеніе и уваженіе дагестанцевъ, за знаніе туземнаго языка и свою храбрость. Послѣдняя свидѣтельствовалась двумя тяжелыми ранами: одна въ животъ кинжаломъ, полученная имъ въ Унцукулѣ въ 1842 году, во время управленія имъ Койсубу, а другая пулей въ лицо. По этой послѣдней ранѣ онъ извѣстенъ былъ въ горахъ подъ именемъ уч-геза, то есть трехъглазаго, потому что эта рана составляла какъ-бы третій глазъ.

Прослѣдимъ дальнѣйшее повышеніе Николая Ивановича до назначенія его начальникомъ лѣваго крыла Кавказской линіи. Въ 1844 году, въ чинѣ подполковника, онъ назначается командиромъ Волжской бригады, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшимъ охранителемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Черезъ два года получаетъ въ командованіе Дагестанскій пѣхотный полкъ, шефомъ котораго онъ былъ при концѣ своей жизни. Въ 1854 году, въ чинѣ генералъ-маіора, назначается начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи, гдѣ и остается до конца 1856 года. Во время командованія этимъ флангомъ, о Николаѣ Ивановичѣ еще болѣе утверждается понятіе, какъ о начальникѣ, не упускавшемъ изъ вида случая и не разбиравшемъ средствъ. . . . . .

Главнокомандующему хорошо былъ извѣстенъ генералъ Евдокимовъ, потому что онъ не разъ встрѣчался съ нимъ въ Дагестанѣ на ратномъ полѣ. Князь Барятинскій хорошо зналъ не только о боевыхъ способностяхъ Николая Ивановича, но и вѣдалъ его недостатки.

Избравъ его главнымъ своимъ сподвижникомъ и дѣятелемъ при покореніи Восточнаго Кавказа, князь Александръ Ивановичъ, если сквозь пальцы смотрѣлъ на его страсть къ пріобрѣтенію, за то зорко слѣдилъ за ходомъ дѣйствій въ Чечнѣ. Не разъ ука-

---

[1]) См. обширную и интересную біографію Клугенау, составленную И. Гржигоржевскимъ и напечатанную въ «Русской Старинѣ», т. XI, стр. 131—152, 497—515; т. XII, стр. 545—554; т. XV, стр. 144—162, 377—387, 645—658; т. XVI, стр. 351—382. М. О.

зывалось ему бумажно—какъ дѣйствовать; а въ ноябрѣ 1858 года князь Александръ Ивановичъ, вызвавъ генерала Евдокимова въ Тифлисъ, высказалъ ему въ рѣзкихъ выраженіяхъ свое неудовольствіе за медленность въ дѣйствіяхъ и за частое его отсутствіе изъ отряда. Евдокимовъ послѣ этого былъ особенно строгимъ и точнымъ исполнителемъ указаній главнокомандующаго, проявивши энергію, силу воли и твердость характера въ преодолѣніи препятствій, какъ природныхъ, такъ и противопоставленныхъ непріятелемъ.

Очертимъ заслуги и дѣятельность во время трехъ-лѣтняго пребыванія его на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи.

Генералъ Евдокимовъ, по прибытіи своемъ въ Грозную въ концѣ 1856 года, обращаетъ главныя силы, подъ его начальствомъ состоящія, на знакомую уже намъ Большую Чечню. Устроивъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ укрѣпленія Хаби-Шавдонское на Мичикѣ и Шалинское на Бассѣ и прорубивъ просѣки черезъ лѣса у ауловъ Маюр-тупа, Гельдигена и Автура, онъ довершилъ начатое еще въ 1850 году. Это было важно въ томъ отношеніи, что мы, владѣя прямымъ сообщеніемъ черезъ всю Большую Чечню, не только заставляли ея обитателей—или принести покорность, или спасаться въ горы, но пріобрѣтали возможность дѣйствовать по Аргунскому ущелью и къ Ведено.

Для достиженія этого болѣе положительнымъ образомъ, нужно было разгромить враждебное намъ населеніе Малой Чечни, гнѣздившееся въ лѣсныхъ трущобахъ Черныхъ горъ, что и было исполнено самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ мало-чеченскіе аулы, а въ томъ числѣ и наиба Дубы, истреблены, жители же переселены на плоскость.

Конецъ 1857 года былъ употребленъ на экспедицію въ Аухъ, гдѣ—истребленіемъ ауловъ, проложеніемъ необходимыхъ просѣкъ и построеніемъ укрѣпленія Кишень [1])—генералъ Евдокимовъ обезпечилъ Кумыкскую плоскость отъ безпокойныхъ сосѣдей и открылъ кратчайшій путь на Бортунай въ Дагестанъ.

1858 годъ начался экспедиціей въ Аргунское ущелье, замѣча-

---

[1]) Такое названіе это укрѣпленіе получило отъ раззореннаго аула Кишень-Ауха, на мѣстѣ котораго оно было построено. М. О.

тельное по своей длинѣ и громадности горъ, которыми оно обставлено, а также по своей производительности и большому населенію.

На четвертой верстѣ отъ Воздвиженскаго начиналось это ущелье, закрытое высокими, поросшими вѣковымъ лѣсомъ, горами. Крутой и узкій спускъ, защищенный завалами, велъ съ высоты 30—40 сажень къ Дачу-Борзою—аулу, расположенному на возвышенномъ мысѣ, образованномъ Шато или Чанти и Шаро-Аргунами, которые, слившись, составляютъ знакомый уже намъ Аргунъ, протекающій собственно по Большой Чечнѣ.

Для отвлеченія вниманія Шамиля съ чеченцами отъ такой едва доступной природной преграды, были распущены преждевременные слухи о движеніи генерала Евдокимова на Автуръ, а оттуда по Хулхулаускому ущелью къ Ведено. Для убѣжденія же непріятеля въ этихъ слухахъ собирается особый отрядъ у Бердыкеля, на правомъ берегу Аргуна, который наканунѣ занятія Аргунскаго ущелья, а именно 15-го января, и двигается по направленію на Автуръ. Такая демонстрація вполнѣ удалась и Дачу-Борзой былъ занятъ съ самою незначительною перестрѣлкой и потерей для нашихъ войскъ, направленныхъ изъ Воздвиженскаго по обоимъ берегамъ Аргуна.

Занявъ позицію въ Дачу-Борзоѣ, генералъ Евдокимовъ остается на ней до тѣхъ поръ, пока не обезпечиваетъ самымъ надежнымъ образомъ сообщеніе съ Воздвиженскимъ, не прорубаетъ просѣки, не пролагаетъ дороги впередъ по ущелью на разстояніе по возможности дальнее и не уничтожаетъ окрестные аулы.

Исполненіе этого было соединено съ многими трудностями и препятствіями. Для возстановленія сообщенія съ Воздвиженскимъ не легко было устроить мостъ черезъ пѣнящійся Шаро-Аргунъ, сдѣлать широкій и удобный спускъ почти по отвѣсной высотѣ въ 40 сажень и вырубить вѣковой лѣсъ. Не легко было проложить сообщеніе впередъ между отвѣсными горами и вѣковымъ лѣсомъ. Не легко было добраться до ауловъ Измаилъ-юрта, Дуютинъ и Улусъ-керта, расположенныхъ на высокихъ горахъ, перерѣзанныхъ глубокими ущельями съ дремучимъ лѣсомъ, и притомъ упорно защищаемыхъ жителями и тавлинцами, бывшими подъ начальствомъ сына Шамиля Казн-Магомы. Послѣ всего этого не будемъ удивляться тому, что нашъ отрядъ находился на дачу-борзойской позиціи болѣе мѣсяца.

Но и дальнѣйшее движеніе по ущелью Шаро-Аргуна не могло быть быстрое, потому что нужно было прокладывать дорогу черезъ высокія горы, глубокія пропасти и густые лѣса. Нѣсколько разъ приходилось останавливаться въ раздумьи передъ отвѣсными скалами, куда направить путь—вправо или влѣво. Хорошо, если не поражали пули непріятеля и не катились камни, пускаемые имъ съ высотъ.

Съ такими затрудненіями было совершено занятіе хребта Дарганъ-Дука, съ котораго виднѣлись окрестности Ведено, оставленныя слѣва назади. Встревоженный Шамиль, оставивъ нашъ отрядъ въ покоѣ на Дарганъ-Дукѣ, сосредоточиваетъ свои силы у Ведено. Но генералъ Евдокимовъ, зная дальнѣйшія трудности пути къ Ведено съ этой стороны и считая занятіе въ то время резиденціи Шамиля преждевременнымъ, ограничивается разработкой дороги по этому направленію и въ концѣ марта отступаетъ къ Дачу-Борзою. Найдя здѣсь заложенное Аргунское укрѣпленіе оконченнымъ и оставя часть войскъ для охраненія ущелья, онъ прекращаетъ на время военныя дѣйствія. Это было необходимо и въ тѣхъ видахъ, чтобы дать отдыхъ утомленнымъ и обносившимся войскамъ.

Однако, войска лѣваго крыла не остаются въ покоѣ и во время этого отдыха. Шамиль, желая показать свое значеніе и послѣ претерпѣнныхъ имъ пораженій и отомстить мало-чеченцамъ за отложеніе ихъ, возмущаетъ противъ насъ назрановцевъ и, пользуясь безпорядками въ окрестностяхъ Владикавказа, вторгается въ началѣ іюня съ огромнымъ ополченіемъ тавлинцевъ въ Малую Чечню. Но потерпѣвъ сначала пораженіе на Натхоѣ и окончательно разбитый на Фартангѣ, отказывается отъ дальнѣйшихъ своихъ намѣреній. Назрановцы же, за свое возстаніе и намѣреніе овладѣть Назрановскимъ укрѣпленіемъ—строго наказываются.

Съ 1-го іюля снова начинаются наступательныя дѣйствія вверхъ по Аргунскому ущелью. Обойдя Дарганъ-Дукъ и завалы, на немъ устроенные Шамилемъ, справа по Чанти-Аргуну, генералъ Евдокимовъ съ быстротою переваливается черезъ новый хребетъ Мискинъ-Дукъ и овладѣваетъ аулами Варанда и Зонахъ, гдѣ, чтобы имѣть опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, закладываетъ укрѣпленіе.

Но и Шамиль не остается въ бездѣйствіи. Перейдя со всѣмъ

своимъ ополченіемъ, простирающимся до 10,000 конныхъ и пѣшихъ, съ Дарганъ-Дука на перевалъ, находящійся между нашимъ отрядомъ и Большими Варандами, онъ укрѣпляется на немъ. Однако, не смотря на всѣ усилія Шамиля преградить намъ дальнѣйшій путь по Аргунскому ущелью, онъ не успѣваетъ въ этомъ. 30-го іюля, послѣ упорнаго боя, генералъ Евдокимовъ занимаетъ не только Большія Варанды, но и лежащія за этимъ ауломъ Шатоевскія равнины.

Не удалась Шамилю и новая его демонстрація къ назрановцамъ и галашевцамъ. Вмѣсто достиженія желанной цѣли, онъ претерпѣлъ новое пораженіе подъ Назраномъ, одновременно съ тѣмъ, какъ сынъ его Кази-Магома и шатоевскій наибъ Батока были разбиты въ глубинѣ Аргунскаго ущелья, гдѣ закладывается Шатоевское укрѣпленіе—штабъ-квартира Навагинскаго полка.

Не ограничиваясь этимъ, генералъ Евдокимовъ продолжаетъ настойчиво и энергически дѣйствовать вверхъ по Аргунскому ущелью, гдѣ и остается до тѣхъ поръ, пока смущенный Шамиль, рядомъ неудачъ и пораженій, не удалился въ Ведено, пока находившіяся съ нимъ толпы не разошлись по домамъ и пока шатоевцы съ своимъ наибомъ, заклятымъ до того нашимъ врагомъ, и другія общества не принесли полной и искренней покорности.

Оставивъ необходимыя войска для охраненія и довершенія Шатоевскаго и Евдокимовскаго укрѣпленій, изъ коихъ послѣднее было заложено въ восьми верстахъ отъ перваго, у бывшаго аула Итумъ-кале, Николай Ивановичъ въ половинѣ августа возвратился во Владикавказъ. Долгое же пребываніе въ немъ генерала Евдокимова, а черезъ то медленность въ дѣйствіяхъ и болѣзненность въ войскахъ, и были причиной вытребованія его главнокомандующимъ въ Тифлисъ въ ноябрѣ, дабы, выразивъ ему свое неудовольствіе, побудить его къ новой дѣятельности.

И, дѣйствительно, начавшіяся генераломъ Евдокимовымъ въ концѣ декабря, съ новою энергіей, военныя дѣйствія были направлены исключительно противъ Ведено.

Съ плоскости Большой Чечни можно было съ успѣхомъ дѣйствовать наступательно на Ведено двумя путями: по Хулхулаускому ущелью и по Бассу. Не смотря на то, что послѣдній путь былъ кружнѣе и, подобно Хулхулаускому ущелью, былъ гористъ и лѣсистъ, но онъ былъ предпочтенъ по той главной причинѣ,

что, двигаясь на Басынъ-берды, Таузенѣ и Алистанджи, мы обходили Ведено не только съ фланга, но и съ тыла. Тогда какъ, слѣдуя по Хулхулау, должны были штурмовать крутую гору и вести противъ Ведено фронтальную атаку.

Болѣе мѣсяца употреблено было на прорубку лѣса, устройство колеснаго сообщенія и построеніе укрѣпленій въ Басынъ-берды, Таузенѣ и Алистанджи. Войска наши должны были бороться не только съ сильнымъ непріятелемъ, собраннымъ Шамилемъ, но и съ природой. Нужно было истребить огромное количество вѣковыхъ деревьевъ, устроить мосты черезъ стремительные потоки и глубокія пропасти. И все это совершалось въ страшную грязь и распутицу, стоившія войскамъ неописанныхъ трудовъ, лишеній и болѣзней.

Преодолѣвъ со стойкостью и мужествомъ всѣ препятствія, противопоставленныя природой и непріятелемъ, генералъ Евдокимовъ выступаетъ 7-го февраля изъ Алистанджи и, миновавъ глубокій, крутой и лѣсистый оврагъ Арджинъ-Ахкъ, является передъ Ведено. Одна часть отряда располагается на Харачайскихъ высотахъ, командующихъ Ведено и находящихся на сообщеніи съ Андіей, а другая занимаетъ аулъ Джантемиръ-юртъ, отстоящій отъ него верстахъ въ двухъ.

Однако и послѣ прибытія къ Ведено не тотчасъ приступается къ осадѣ и штурму его. Нужно было предварительно озаботиться обезпеченіемъ сообщенія и подвозомъ продовольствія. Исполненіе этого встрѣчало большія затрудненія не столько отъ непріятеля, сколько отъ страшной распутицы, по причинѣ постоянно дурной погоды, продолжавшейся въ концѣ февраля и началѣ марта, что сильно вліяло и на здоровье солдатъ. Только къ половинѣ марта возстановилось безпрепятственное сообщеніе съ плоскостью, и только къ этому времени отрядъ былъ обезпеченъ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ для открытія осады.

Ведено, бывшее 14 лѣтъ резиденціей Шамиля, пріобрѣло большое значеніе въ глазахъ горцевъ. Они смотрѣли на него, какъ на мѣстопребываніе своего повелителя и имама, какъ на административное средоточіе, изъ котораго исходили всѣ главнѣйшія распоряженія, какъ на сборный пунктъ и гнѣздо мюридизма, и какъ на хранилище общаго народнаго достоянія—казны. Занятіе этого аула, нанося сильный нравственный ударъ могуществу

имама въ Чечнѣ, открывало прямой путь въ Андію и во внутрь Дагестана [1]).

Ведено находилось на равнинѣ, перерѣзанной двумя глубокими оврагами, по которымъ въ отвѣсныхъ берегахъ струились притоки Хулхулау, и обставленной со всѣхъ сторонъ крутыми и высокими хребтами. Оно состояло изъ трехъ частей: Шамиль-Ведено, расположеннаго на правомъ берегу западнаго притока Хулхулау, Зауманханъ или Стараго Ведено, находящагося на противоположномъ лѣвомъ берегу, и Дыхны, лежащаго на другомъ восточномъ притокѣ.

Шамиль жилъ въ первой части и жилище его составляло большой четыреугольникъ, окруженный высокимъ частоколомъ и рвомъ, который заключалъ въ себѣ два двора. Внутренній дворъ или сераль Шамиля былъ застроенъ зданіями, въ которыхъ помѣщались онъ самъ, его жены, дѣти, прислуга. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ жилъ самъ Шамиль, находилось мехкемэ, казначейство и кунацкая для пріема наибовъ и другихъ лицъ, пріѣзжавшихъ къ нему по служебнымъ дѣламъ. На внѣшнемъ дворѣ помѣщались мюриды, составляющіе его охранную стражу. Тутъ же находились 8 заржавленныхъ орудій съ лошадьми и прислугой. На этомъ же дворѣ собирался, въ случаѣ надобности и во время празднествъ, народъ.

Ведено было защищено съ западной и восточной стороны отвѣсными обрывами овраговъ, надъ которыми оно было расположено; сѣверная его сторона, обращенная къ Большой Чечнѣ и Сунжѣ, какъ открытая, была укрѣплена двумя толстыми параллельными глиняными стѣнами, удаленными одна отъ другой шаговъ на пять, между которыми устроенъ былъ блиндированный ходъ. По флангамъ этихъ стѣнъ возвышались туръ-бастіоны, обстрѣливающіе два рва впереди, находящіеся и пролегающіе по сторонамъ обрывистаго оврага. Независимо этого, впереди западнаго оврага, по высотамъ Леня-корта, было устроено шесть отдѣльныхъ редутовъ сильныхъ профилей. По умѣреннымъ свѣ-

---

[1]) Въ 1861 году я былъ въ Ведено, — временной штабъ-квартирѣ Куринскаго полка, и осмотрѣлъ въ подробности не только мѣсто, гдѣ жилъ Шамиль, но и окрестности резиденціи владыки горъ. Въ томъ же году я проѣхалъ по Аргунскому ущелью до Евдокимовскаго укрѣпленія. Объ эти поѣздки я совершилъ по обязанностямъ службы, какъ начальникъ кавказской резервной дивизіи, для осмотра расположенныхъ въ этихъ мѣстахъ баталіоновъ ввѣренной мнѣ дивизіи. М. О.

дѣніямъ, защитниковъ Ведено считалось до 7,000 человѣкъ съ 8-ю орудіями.

Такъ какъ ключомъ укрѣпленной позиціи непріятеля считался редутъ, находившійся на сѣверо-западномъ углу и называвшійся Андійскимъ, потому что защищался андійцами, то противъ него и были открыты осадныя дѣйствія. Устроенная противъ него батарея открыла свои дѣйствія 17-го марта, а вслѣдъ затѣмъ постоянно устраивались батареи и на другихъ пунктахъ. 1-го апрѣля рѣшилась участь Ведено. Бомбардируемое съ трехъ сторонъ на близкомъ разстояніи, оно было оставлено своими защитниками, безпрепятственно изъ него вышедшими. Ведено пало, а съ нимъ окончательно пало властвованіе Шамиля, не только надъ плоскимъ, но и надъ горнымъ пространствомъ, обитаемымъ чеченскимъ племенемъ. Даже ичкеринцы, въ лѣсахъ которыхъ совершались, не далѣе 15-ти лѣтъ, столь кровавыя побоища, безпрекословно покорились.

Послѣ взятія Ведено, Шамиль избралъ своимъ мѣстопребываніемъ аулъ Килатль, на лѣвомъ берегу Андійскаго Койсу, въ Гумбетовскомъ обществѣ, гдѣ находилось тринадцать орудій, все имущество и семейство имама. Какъ самый Килатль, такъ и правый берегъ Андійскаго Койсу, были сильно укрѣплены. Кази-Магома наблюдалъ съ партіею дорогу изъ Технуцала, по которой могъ наступать генералъ Евдокимовъ. Но рѣшительныя и продолжительныя дѣйствія въ Дагестанѣ ранѣе іюня невозможны, какъ по трудности перехода по горамъ, покрытымъ снѣгомъ, такъ и по неимѣнію подножнаго корма.

По предварительному плану, составленному самимъ главнокомандующимъ [1]), съ наступленіемъ іюля открылись военныя дѣйствія въ Дагестанѣ съ трехъ сторонъ.

---

[1]) Радуюсь, что слѣдующій разсказъ можетъ подтвердить мои слова и убѣдить невѣрующихъ, что покореніе Кавказа совершилось по плану князя Барятинскаго, заблаговременно имъ составленному и зрѣло-обдуманному. Этотъ разсказъ я передаю со словъ, бывшаго въ 1859 году старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ, впослѣдствіи же ставропольскомъ, губернаторомъ, Георгія Константиновича Властова. Время, къ которому относится этотъ разсказъ—8-е августа 1859 года. Мѣсто дѣйствія—аулъ Конхидатль на Андійскомъ Койсу (гдѣ находилось наше укрѣпленіе Преображенское), куда прибылъ чеченскій отрядъ во главѣ съ княземъ Барятинскимъ, съ которымъ

Чеченскій отрядъ, подъ начальствомъ графа Евдокимова [1]), состоящій изъ 12-ти баталіоновъ, 6-ти эскадроновъ, 10-ти сотень казаковъ и милиціи и 14-ти орудій, двинулся изъ Ведено черезъ Технуцалъ на Андійское Койсу. При этомъ отрядѣ находился князь Барятинскій, прибывшій туда съ начальникомъ главнаго штаба изъ Тифлиса, въ половинѣ іюля.

Дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля, состоящій изъ 10-ти баталіоновъ, 2-хъ эскадроновъ, 3-хъ сотень казаковъ и милиціи, при 12-ти орудіяхъ, наступалъ отъ Бортуная черезъ Мичикалъ въ Гумбетъ.

совершилъ этотъ походъ и самъ разскащикъ, едва не утонувшій въ Койсу во время переправы черезъ эту быструю рѣку.

«Вечеромъ 8-го августа, по возвращеніи изъ Караты, князь Александръ Ивановичъ, узнавъ о приключеніи со мною,—началъ Георгій Константиновичъ Властовъ,—послалъ за мною. Высказавъ мнѣ свою радость по случаю моего спасенія и, по обыкновенію, пошутивъ надъ моимъ умѣньемъ плавать, онъ перешелъ къ совершающимся событіямъ и, вспоминая то время, когда я служилъ подъ его начальствомъ въ Кабардинскомъ полку, сказалъ:

— «Могъ-ли тогда кто нибудь изъ насъ думать, что мы достигнемъ такихъ результатовъ: и мы теперь стоимъ на Койсу, Шамиль спасается бѣгствомъ и мы идемъ по пятамъ его. Но я знаю, что есть люди, которые все, что совершается, приписываютъ счастью, случаю; я хочу вамъ показать, что это не случай, а планъ, обдуманный во всѣхъ деталяхъ. Передайте мнѣ ту изъ книгъ, гдѣ на оберткѣ 1858 годъ»,—прибавилъ онъ, указывая въ уголъ палатки, въ которомъ лежало пять—шесть книгъ въ листъ, переплетенныхъ въ желтую кожу.

«Я былъ одинъ у князя, и когда исполнилъ его желаніе, то онъ сказалъ:

— «Отыщите мое письмо къ Государю Императору отъ 26-го апрѣля этого года и прочтите его; это знакъ моего особаго къ вамъ довѣрія».

«И когда я прочелъ это замѣчательное письмо, которое есть важный историческій документъ для оцѣнки князя Барятинскаго, тогда я убѣдился вполнѣ, что кампанія противъ горцевъ была сознаваема княземъ въ мельчайшихъ деталяхъ, прежде чѣмъ началось исполненіе послѣдняго рѣшительнаго движенія трехъ отрядовъ въ сердце горъ.

«Я свидѣтель,—присовокупилъ разскащикъ,—и надѣюсь, что важные документы, заключающіеся въ рукописныхъ книгахъ, всегда сопровождавшихъ князя Барятинскаго, не будутъ потеряны для исторіи».

Чувствительно благодарю Георгія Константиновича Властова за сообщеніе и разрѣшеніе мнѣ сдѣлать извѣстнымъ этотъ его разсказъ.

[1]) За взятіе Ведено и вообще покореніе Чечни Николай Ивановичъ Евдокимовъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и возведенъ въ графское достоинство съ потомствомъ, котораго у него, впрочемъ, не было. М. О.

Лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Меликова, состоящій изъ 9-ти баталіоновъ, 6-ти орудій и милиціи, дѣйствовалъ изъ Тушетіи, черезъ Дидо и Богосъ, въ долину Андійскаго Койсу.

Къ концу іюля эти три отряда, начавшіе свои дѣйствія съ разныхъ сторонъ, вошли въ связь между собою на Андійскомъ Койсу, въ нѣдрахъ неприступныхъ Кавказскихъ горъ. Баронъ Врангель прибылъ къ главнокомандующему въ чеченскій отрядъ, расположенный у Конхидатля, гдѣ строилось Преображенское укрѣпленіе, послѣ упорнаго боя съ мюридами у Сагритлогскаго моста, и принесенія покорности Гумбетомъ, Койсубу и Аваріей. Князь Меликовъ прибылъ туда же черезъ Богосскій хребетъ, по изъявленіи покорности Дидо, Анцухомъ, Капучей и другими обществами, живущими надъ Лезгинской линіей.

Между тѣмъ Шамиль, видя себя обойденнымъ съ фланговъ и получая свѣдѣнія о принесеніи намъ покорности самыми преданными ему обществами и наибами, бросилъ укрѣпленный Килатль со всѣми орудіями и скрылся. Вслѣдъ за нимъ бѣжалъ и Кази-Магома, оставивъ безъ боя устроенные имъ завалы и Карату, свое мѣстопребываніе.

На пути своего бѣгства Шамиль видѣлъ ясно, что время его могущественнаго вліянія на умы дагестанцевъ прошло. Его не только не слушали, но жители Куяды даже не пропустили своего бывшаго грознаго владыку и имама черезъ свои земли и отняли у него, во время перестрѣлки, тридцать двѣ вьючныхъ лошади, съ разнымъ имуществомъ и деньгами.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней тайнаго скитальчества, Шамиль съ четырьмя стами мюридами укрылся на горѣ Гунибъ, гдѣ заблаговременно было заготовлено продовольствіе, а равно порохъ и снаряды для четырехъ орудій, тамъ находившихся.

Шамиль не ограничился природною крѣпостью Гуниба, а употребилъ всѣ средства сдѣлать эту гору совершенно неприступною. Онъ подорвалъ порохомъ тѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность пробраться; загородилъ всѣ тропинки толстыми стѣнами и башнями. Вездѣ были заготовлены кучи камня для скатыванія на атакующихъ.

8-го августа прибылъ подъ Гунибъ дагестанскій отрядъ и обложилъ своими войсками эту гору, а черезъ 10 дней, послѣ

торжественнаго проѣзда черезъ Карату, Гумбетъ, Койсубу, Аварію, Тилитль и Чохъ, прибылъ туда же и самъ главнокомандующій [1]).

Первоначально предположено было овладѣть Гунибомъ посредствомъ правильной осады, къ чему уже и было приступлено съ восточной стороны, къ веденію подступовъ. Но на третій день послѣ открытія инженерныхъ работъ, а именно 25-го августа, Гунибъ былъ взятъ штурмомъ и Шамиль сдался военноплѣннымъ.

Первыми вскарабкались, по одиночкѣ, ночью, апшеронцы, а крики ура и выстрѣлы ихъ, съ явившимися здѣсь мюридами, были сигналомъ къ штурму Гуниба и прочими войсками. Перестрѣлка и борьба завязалась и на другихъ пунктахъ; въ особенности она была кровава, хотя непродолжительна, съ поднимавшимися въ гору ширванцами, гдѣ погибло много мюридовъ, павшихъ подъ ударами штыковъ.

Между тѣмъ, въ то время, когда наши войска, окруживъ сакли, въ которыхъ находился Шамиль съ оставшимися въ живыхъ мюридами, съ ними перестрѣливались, прибылъ князь Барятинскій. Послѣ переговоровъ, длившихся около двухъ часовъ, Шамиль, видя сакли окруженными со всѣхъ сторонъ нашими солдатами, только ожидавшими приказанія въ нихъ ворваться, рѣшился безусловно сдаться [2]). Онъ былъ отвезенъ въ аулъ Кегеръ, гдѣ находилась ставка главнокомандующаго, а 27-го августа отправленъ съ старшимъ сыномъ своимъ Кази-Магомой въ Петербургъ.

И сколько страшныхъ безпокойствъ и тяжкихъ мученій пережилъ властитель Чечни и Дагестана, пока не убѣдился, что жизнь его внѣ опасности. Думалъ-ли въ то время этотъ деспотъ-имамъ о милостяхъ, пролитыхъ на него Государемъ, что будетъ дожи-

---

[1]) Этотъ проѣздъ по Дагестану замедлился по случаю болѣзни князя. Онъ сильно страдалъ подагрою, такъ что два раза въ значительныхъ дозахъ долженъ былъ принимать «кольчикумъ». Такіе пріемы сильно подорвали его здоровье.

[2]) До сдачи Шамиля военноплѣннымъ, было объявлено княземъ, что тотъ, кто убьетъ его, будетъ преданъ смертной казни. По этому случаю тотъ же Г. К. Властовъ передалъ мнѣ слышанныя имъ слова отъ князя: «Что, отдавая это приказаніе,—говорилъ онъ съ обычнымъ юморомъ,—я боялся, что у мусульманъ откроются, пожалуй, мощи Шамиля, или будутъ ходить на поклоненіе его крови». М. О.

вать свой вѣкъ въ такомъ довольствіи, котораго онъ не испытывалъ, живя на свободѣ и будучи властителемъ? [1]).

Позволяю себѣ думать, что чеченцы и дагестанцы благословляли, а пожалуй, и теперь не перестаютъ благословлять то время, когда кончилась кровавая и тяжелая для нихъ война съ нами.

Честь и слава князю Александру Ивановичу Барятинскому, который, соображаясь съ полнымъ знаніемъ края и непріятеля, умѣлъ сосредоточить на важномъ театрѣ военныхъ дѣйствій главныя силы и ввѣрить ихъ лицу, съ точностью и безпрекословно исполнившему его предначертанія. Принявъ же самъ главное начальство, съ искусствомъ направилъ войска вглубь Дагестана, съ замѣчательною быстротою преслѣдовалъ по стопамъ Шамиля и, не давъ ему опомниться, захватилъ Гунибъ и завершилъ паденіе Восточнаго Кавказа. Честь и слава частнымъ исполнителямъ, въ особенности же твердому, энергическому и неутомимому графу Евдокимову, на плечахъ котораго лежала вся тяжесть покоренія Восточнаго Кавказа. Слава и кавказскимъ войскамъ, всегда съ мужествомъ, неустрашимостью и самоотверженіемъ подвизавшимся на полѣ брани, а въ послѣдніе три года совершившимъ неимовѣрные труды и перенесшимъ невыразимыя лишенія.

Но заслуга отечеству князя Барятинскаго не ограничивается покореніемъ Восточнаго Кавказа и плѣненіемъ Шамиля. По его энергическому почину и благоразумнымъ распоряженіямъ, какъ главнокомандующаго, приступлено было къ завоеванію и Западнаго Кавказа.

Не по распоряженію-ли князя Барятинскаго направлены въ 1860 году въ Кубанскую область всѣ свободныя войска, а въ особенности стрѣлковые баталіоны всей арміи? а отъ сосредоточенія такой массы нарѣзнаго оружія и хорошихъ стрѣлковъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и совершилось скорое покореніе Западнаго Кавказа.

---

[1]) См. подробности о жизни Шамиля и его семейства въ Калугѣ въ Запискахъ пристава при немъ полковника Пржецлавскаго, «Русская Старина» изд. 1877 г., т. XX, стр. 253—276, 471—506; т. XXI, стр. 41—64, 265—280.

Не по желанію-ли и даже настоятельному его требованію, вступилъ въ командованіе войсками, на Западномъ Кавказѣ находящимися, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ и не по предначертаніямъ-ли князя Александра Ивановича началъ онъ тамъ свои энергическія дѣйствія, въ то время, когда генералъ Филипсонъ назначенъ былъ, въ концѣ 1860 года, послѣ Дмитрія Алексѣевича Милютина, начальникомъ главнаго штаба арміи?

Не по почину-ли князя Барятинскаго приведена въ исполненіе строгая, но, увы, необходимая мѣра, породившая много толковъ и порицаній,—это насильственное переселеніе горцевъ въ Турцію и водвореніе на Западномъ Кавказѣ христіанскаго населенія?

Недоброжелатели кн. А. И. Барятинскаго выставляли эту мѣру не только жестокою, безчеловѣчною, а даже вредною, въ томъ собственно отношеніи, что этимъ переселеніемъ мы дали туркамъ большой и воинственный контингентъ. Хотя въ такихъ толкахъ и осужденіяхъ и была доля правды, но нельзя было равнодушно слушать такихъ антагонистовъ, которые силились доказать, что не слѣдовало вовсе допускать переселеніе закубанцевъ въ Турцію, а достаточно было ихъ выселить изъ горъ и лѣсовъ на открытыя мѣста подъ надзоръ нашей администраціи, подобно тому, какъ это было сдѣлано на Восточномъ Кавказѣ съ чеченцами и лезгинами.

Съ покореніемъ Восточнаго Кавказа не было надобности выселять чеченцевъ и лезгинъ за предѣлы той земли, на которой они до того жили. Достаточно было выселить изъ лѣсныхъ трущобъ и глубокихъ ущелій болѣе непокорные аулы на открытое и плоское пространство, и, окруживъ ихъ нашими укрѣпленіями, подчинить строгому надзору нашей военной администраціи. Что этого было достаточно, доказало на опытѣ самое время. Двадцать лѣтъ прошло со времени покоренія Восточнаго Кавказа, а кромѣ возстанія нѣсколькихъ чеченскихъ ауловъ, возбужденныхъ Алибекомъ и его приверженцами, и въ самомъ началѣ усмиреннаго, да волненій, возникшихъ въ послѣднюю войну, въ Чечнѣ и Дагестанѣ царили тишина и спокойствіе.

Не то было бы съ Западнымъ Кавказомъ, если бы его прежніе обитатели были, подобно чеченцамъ и дагестанцамъ, выселены изъ горъ и лѣсовъ на открытое и плоское пространство той же территоріи, на которой они и до того жили. На Западномъ Кавказѣ

спокойствіе могло существовать при одномъ только условіи: если абадзехи, шапсуги, убыхи и другія общества будутъ удалены за предѣлы той земли, на которой они до того жили—будетъ-ли это степное по эту сторону Кубани пространство [1]), или Турція. Въ противномъ же случаѣ, такое спокойствіе безпрестанно нарушалось бы происками и подстрекательствами турецкаго правительства; въ послѣднюю же войну, съ появленіемъ судовъ и высадки турецкихъ войскъ на восточномъ берегу Чернаго моря, немпнуемо возстало бы все магометанское населеніе. Но этого не случилось, потому что въ настоящее время Западный Кавказъ пересталъ быть „магометанскимъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и происки турецкаго правительства. И единственно отъ такой только перемѣны состава населенія Западнаго Кавказа и могло быть достигнуто прочное его покореніе.

III.

Скажу нѣсколько словъ о князѣ Барятинскомъ, какъ о намѣстникѣ Кавказскомъ. Не зная подробностей, я могу повторить здѣсь, въ общихъ чертахъ, все слышанное мною о немъ отъ вліятельныхъ лицъ тогдашней гражданской администраціи [2]).

Князь Александръ Ивановичъ, стремясь всею душою къ насажденію и развитію всего хорошаго въ дорогомъ и любимомъ имъ Кавказѣ, не упускалъ изъ виду малѣйшаго обстоятельства, могущаго служить къ усовершенствованію этого края, и въ его намѣстничество были затронуты самые насущные вопросы.

Такъ, приняты самыя энергическія мѣры къ возстановленію

---

[1]) Закубанцамъ, до выселенія ихъ въ Турцію, предлагались для ихъ поселенія: пространство между Лабою и Кубанью и пустопорожнія степныя мѣста, находящіяся по правую сторону этой послѣдней рѣки. Но они отвергли это предложеніе, какъ по климатическимъ причинамъ, такъ, главное, изъ нежеланія находиться подъ постояннымъ и строгимъ надзоромъ административной власти.

[2]) Въ числѣ лицъ, сообщившихъ мнѣ полезныя и вѣрныя свѣдѣнія, принятыя мною съ полною признательностью, находится и старожилъ Кавказа—предсѣдатель тамошней Археографической коммиссіи Ад. П. Берже. О. М.

порядка и прекращенію почти повсемѣстныхъ разбоевъ за Кавказомъ. Обращено вниманіе на лучшее устройство и содержаніе городовъ, въ особенности Тифлиса, гдѣ, кромѣ другихъ улучшеній, разведенъ прекрасный Александровскій садъ на обширномъ пустырѣ въ центрѣ города, на который до того выбрасывались всевозможныя нечистоты. Дана полная свобода въ религіозномъ отношеніи „молоканамъ“ и „духоборцамъ“—не какъ вреднымъ сектаторамъ, а какъ полезнымъ сельскимъ хозяевамъ, сильно стѣсненнымъ въ этомъ отношеніи его предмѣстникомъ, породившимъ не малыя злоупотребленія со стороны администраціи. Оказано покровительство ингелойцамъ, сосѣдямъ Джаро-Белаканскаго округа, когда-то бывшимъ христіанамъ, какъ грузинамъ, при обращеніи ихъ снова въ христіанство съ разными притѣсненіями и обманами. Приняты разныя мѣры и употреблены значительныя денежныя средства на лучшее устройство кавказскихъ минеральныхъ водъ и на заведеніе пароходства по Кубани; если же первыя мало улучшились, а послѣднее предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, то винить слѣдуетъ исполнителей. Возбужденъ сложный и дорого-стоющій вопросъ о владѣльцахъ Мингреліи, Абхазіи и Сванетіи, оконченный, по своей запутанности, только въ 1866 году.

Независимо этого, постоянною и главною заботой князя-намѣстника было приведеніе по всему краю въ лучшее состояніе сообщеній и дорогъ, въ особенности построеніе прекраснаго шоссе на Квинамскомъ перевалѣ черезъ главный Кавказскій хребетъ. Устройство этого шоссе, съ почтовыми станціями и роскошными въ нихъ помѣщеніями для проѣзжающихъ, было большимъ благодѣяніемъ для нихъ, какъ испытывавшихъ до того множество затрудненій и опасностей. Объ этомъ, мнѣ знакомомъ, предметѣ я желаю поговорить нѣсколько подробнѣе, чѣмъ и закончу мой настоящій разсказъ.

Проѣзжая по такъ называемой Военно-грузинской дорогѣ семидесятипяти-верстное разстояніе между Владикавказомъ и Квишетомъ, въ особенности по грандіозному Даріальскому ущелью, ваше сердце и теперь не разъ ёкнетъ, когда колесо вашего экипажа будетъ касаться обрывистаго берега бѣшенаго, всеразрушающаго Терека, въ то время, когда вы столкнетесь съ ѣдущимъ вамъ на встрѣчу путникомъ. Васъ, какъ тогда, такъ и теперь, будутъ

пугать огромные снѣжные завалы, обрушивающіеся ежегодно на дорогу въ Байдарскомъ ущельи [1]) и на Гудъ-горѣ. Но только теперь вы не будете встрѣчать тѣхъ остановокъ и опасностей, которымъ подвергались проѣзжающіе до устройства шоссе—на Бѣшеной балкѣ [2]), что въ двухъ верстахъ отъ станціи Казбекъ и на двадцати-верстномъ разстояніи между Коби и Квишетомъ.

Случалось цѣлые сутки употреблять на переѣздъ этого разстоянія и платить десятки рублей за наемъ быковъ и осетинъ для перевоза вашего багажа, а перевозка экипажа доходила и до сотни рублей. Цѣлыя недѣли проходили, что не было проѣзда черезъ перевалъ по причинѣ мятелей, заваловъ и расчистки ихъ. Десятки проѣзжающихъ собирались въ Коби и Кайшаурѣ, претерпѣвая лишенія отъ холоднаго и тѣснаго помѣщенія и недостатка въ продовольствіи. Дороговизна на самые необходимые и обыкновенные предметы была страшная. Смотритель или сторожъ станціи, а также жалкій духанщикъ, бралъ съ васъ не втридорога, а—сколько хотѣлъ.

Такъ было до 1857 года. Но съ устройствомъ частыхъ, хорошихъ казармъ и съ помѣщеніемъ въ нихъ постоянныхъ частей войскъ, обязанныхъ наблюдать за исправнымъ состояніемъ дороги и скорою расчисткой заваловъ, встрѣчаемыя проѣзжающими за-

---

[1]) Байдарское ущелье—единственное мѣсто, гдѣ бываютъ частые, большіе, ежегодные, снѣжные завалы, падающіе на самую дорогу. Въ особенности огромны бываютъ завалы съ утесовъ Кулагина и Маіоршина, называемыхъ такъ потому, что подъ однимъ изъ нихъ погибъ, если не ошибаюсь, купецъ Кулагинъ, а подъ другимъ погребена жена неизвѣстнаго маіора. Эти завалы бываютъ иногда столь огромны, что заваливаютъ не только дорогу и р. Байдару, но и перебрасываются на другой берегъ. Они падаютъ съ такою неожиданностью и стремительностью, что если проѣзжаютъ подъ ними въ моментъ паденія, то погибель неизбѣжна. Рѣдкій годъ проходилъ безъ нѣсколькихъ смертныхъ случаевъ.

[2]) До 1857 года не разъ случалось съ проѣзжающими, что они, доѣхавъ до Бѣшеной балки, должны были или возвращаться назадъ въ Ларсъ и тамъ дожидаться, пока она успокоится, или съ большою опасностью переправляться черезъ нее. Бѣшенство этой балки происходило въ то время, когда на песчаныхъ и каменистыхъ утесахъ, съ которыхъ она беретъ свое начало, выпадалъ не столько продолжительный, сколько проливной дождь; тогда съ невѣроятною быстротой несшіеся камни все разрушали. Теперь черезъ эту балку перекинутъ красивый, американской системы, мостъ. М. О.

трудненія и опасности начали устраняться. Съ открытіемъ же, въ 1860 году, шоссе, съ точностью изслѣдованнаго и съ искусствомъ устроеннаго инженеръ-подполковникомъ (нынѣ д. ст. сов.) Статковскимъ, миновалась и медленность въ проѣздѣ.

Теперь вы совершаете переѣздъ отъ Коби до Земомлетъ, почти равняющійся отъ Коби до Кайшаура, въ самое дурное время года, когда и огромный снѣгъ, и частые завалы,—самое большое въ пять часовъ, а при хорошемъ состояніи дороги васъ везетъ тройка лошадей съ такою же скоростью, какъ и по всякому другому шоссе. Теперь если и случится сильная мятель, или упадетъ большой завалъ, то сообщеніе, самое большое, прекращается на сутки—другія, потому что имѣется достаточное число постоянныхъ рабочихъ рукъ.

Въ настоящее время, проѣзжающіе на станціяхъ Кобійской Гудаурской и Земомлетской имѣютъ теплое, просторное и даже съ нѣкоторою роскошью помѣщеніе. Не будете голодать, потому что всегда найдется что̀ съѣсть и выпить. Нѣтъ произвола на необходимыя потребности, потому что на нихъ существуетъ такса. Можете посылать депеши въ Тифлисъ, Ставрополь и другія мѣста Россіи, потому что существуетъ телеграфное сообщеніе [1]).

Всѣмъ этимъ обязаны не только проѣзжающіе, но и самый край—князю Барятинскому, съ настойчивостью слѣдившему за скорѣйшимъ устройствомъ удобнаго и безпрепятственнаго сообщенія черезъ Кавказскій хребетъ и не жалѣвшаго для этого ни средствъ, ни денегъ. Это одно сооруженіе можетъ служить для него неувядаемымъ памятникомъ на Кавказѣ.

М. Я. Ольшевскій.

---

[1]) Въ томъ прекрасномъ состояніи, какъ описывается мною это шоссе, я нашелъ его въ 1865 году, когда, оставляя Кавказъ, проѣзжалъ по немъ въ послѣдній разъ, изъ Ставрополя въ Тифлисъ и обратно. Надѣюсь, что оно находится въ такомъ же состояніи и въ настоящее время, какъ главное и кратчайшее сухопутное сообщеніе съ Закавказьемъ. М. О.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

въ 1856—1859 гг.

Отрывокъ изъ Записокъ сенатора, тайнаго совѣтника Я. А. Соловьева.

I.

.....Для того, чтобы понять то значеніе, которое имѣли Редакціонныя Коммисіи въ исторіи крестьянскаго дѣла, надо припомнить, что̀ было сдѣлано до нихъ и что̀ предстояло имъ сдѣлать.

Исторія разрѣшенія крестьянскаго вопроса есть исторія борьбы представителей двухъ направленій: прогрессивнаго и охранительнаго. У насъ не было и нѣтъ до сихъ поръ политическихъ партій въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ существуютъ на Западѣ, т. е. нѣтъ тѣхъ единомысленныхъ группъ, дѣйствующихъ сообща для достиженія ясно понятыхъ цѣлей, которыхъ онѣ стремятся достигнуть. Вслѣдствіе долговременной политической жизни, политическія партіи европейскихъ государствъ усвоили себѣ правила дисциплины и выработали извѣстные пріемы дѣйствій. У насъ ничего подобнаго нѣтъ. Но, тѣмъ не менѣе, зародыши всего этого существуютъ, и въ крестьянскомъ вопросѣ, который первый подлежалъ общественному обсужденію, партіи эти, хотя нѣсколько въ хаотическомъ видѣ, проявились. Въ теченіе этого времени люди извѣстныхъ убѣжденій не одинъ разъ соединялись въ болѣе или менѣе бо́льшія группы и условливались въ способахъ достиженія предположенной цѣли. Поэтому и я въ своихъ Запискахъ употребляю выраженія: партія охранительная, консервативная, ретроградная, реакціонная, крайняго помѣщичьяго направленія, крѣ-

постниковъ и т. п.—въ противоположность партіи прогрессивной, либеральной, эмансипаторовъ и т. п. Для удобства въ редакціонномъ отношеніи, я буду употреблять упомянутыя мною выраженія для обозначенія людей: съ одной стороны—содѣйствующихъ дѣлу освобожденія крестьянъ съ землей въ возможно либеральномъ смыслѣ, съ другой—затрудняющихъ ходъ дѣла, или вовсе не признавая преобразованія необходимымъ, или сочувствуя единственно только безземельному освобожденію.

Великій починъ въ святомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ принадлежитъ всецѣло самому Государю Императору Александру Николаевичу. Лишь только Государь объявилъ московскому дворянству о намѣреніи своемъ освободить крестьянъ, съ тѣхъ поръ начинается борьба либеральной партіи съ охранительною. Регуляторомъ перевѣса то той, то другой изъ этихъ партій была воля Государя Императора. Одна только эта единодержавная воля, руководимая глубокою любовью къ Россіи и страстнымъ желаніемъ ей блага, могла поддерживать малочисленную и слабую, по своему общественному положенію, прогрессивную партію, которая безъ этого могла бы быть уничтожена сильными и вліятельными представителями помѣщичьихъ интересовъ.

Государь, вознамѣрившись освободить крестьянъ, сдѣлалъ повѣреннымъ своей мысли и сотрудникомъ при приведеніи ея въ исполненіе своего министра внутреннихъ дѣлъ Сергѣя Степановича Ланскаго, который съ этого времени становится во главѣ прогрессивнаго движенія. Какъ мысль эта ни держалась въ секретѣ, но смутные слухи о ней начали пугать представителей помѣщичьихъ интересовъ. Къ нимъ принадлежалъ, между прочимъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь А. Ѳ. Орловъ, который, самъ не замѣчая того, сталъ во главѣ оппозиціоннаго движенія. Въ то время, когда Ланской, съ помощію своего товарища А. И. Левшина, составлялъ первыя соображенія о крестьянскомъ дѣлѣ, одинъ изъ представителей противоположнаго направленія, московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, просилъ, во время пребыванія Государя Императора въ Москвѣ—успокоить, взволнованное ходившими слухами объ освобожденіи крестьянъ—дворянство. Въ отвѣтъ на это ходатайство Государь Императоръ объявилъ дворянамъ о твердомъ, непремѣнномъ намѣреніи своемъ освободить крестьянъ. По порученію Его Ве-

личества, министръ внутреннихъ дѣлъ ведетъ во время коронаціи въ Москвѣ переговоры съ предводителями дворянства по этому предмету. Видя общее несочувствіе со стороны предводителей къ дѣлу, министерство внутреннихъ дѣлъ останавливается на мысли начать уничтоженіе крѣпостнаго состоянія съ западныхъ губерній. Получивъ одобреніе этой мысли со стороны Государя, министръ входитъ въ соглашеніе съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ В. И. Назимовымъ о приглашеніи дворянъ представить всеподданнѣйшій адресъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи крестьянъ. По докладу Ланскаго, образуется, подъ предсѣдательствомъ самого Государя Императора, Секретный Комитетъ для обсужденія мѣръ по устройству быта крестьянъ.

3-го января 1857 года было первое засѣданіе этого комитета. Государь Императоръ, открывая это засѣданіе, соизволилъ изъяснить присутствовавшимъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи давно занимаетъ правительство. Введенное сначала неточными и неясными постановленіями и распоряженіями правительства, впослѣдствіи же получившее настоящіе размѣры и свойство отъ недоразумѣній, неправильныхъ толкованій закона и отъ злоупотребленій власти,—крѣпостное у насъ состояніе почти отжило свой вѣкъ. Въ Бозѣ почившіе Августѣйшіе предшественники Его Императорскаго Величества постоянно старались объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, улучшеніи сего состоянія; но, къ сожалѣнію, старанія ихъ не имѣли, и по обстоятельствамъ времени не могли имѣть, полнаго, ими желаемаго успѣха. Слѣдя за ходомъ и развитіемъ всѣхъ мѣръ, касающихся до сего вопроса, въ продолженіе царствованія Государя Императора Николая Павловича, Его Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, со времени вступленія своего на прародительскій престолъ, изволилъ обратить особое вниманіе на сей важный предметъ. Съ этою цѣлію было поручено министру внутреннихъ дѣлъ составить общее обозрѣніе всѣхъ мѣръ, кои были предположены въ разное время правительствомъ къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Составленную, вслѣдствіе того, означеннымъ министромъ записку Его Величество изволилъ предложить на обсужденіе собранія.

Записка эта была прочтена государственнымъ секретаремъ В. П. Бутковымъ, послѣ чего Государь Императоръ изволилъ

предложить собранію вопросъ: слѣдуетъ ли приступить теперь къ какимъ либо мѣрамъ для освобожденія крѣпостныхъ людей?

При обсужденіи этого вопроса, собраніе признало, что въ настоящее время (1857 г.) какъ помѣщики, такъ и крестьяне, находятся въ какомъ-то ожиданіи, и что вообще въ Россіи замѣчается броженіе умовъ относительно освобожденія крестьянъ. Крѣпостное состояніе, уже само по себѣ, есть зло, требующее исправленія. Бывшія попытки правительства къ уничтоженію этого зла почти не имѣли никакого успѣха. Такъ, законъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ, дѣйствуя болѣе 50-ти лѣтъ, не привелъ почти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: въ теченіе этого долгаго времени уволено въ свободные хлѣбопашцы всего только 138,000 душъ. Законъ 1842 г. объ обязанныхъ поселянахъ, дѣйствуя почти 15 лѣтъ, также не имѣлъ почти никакого примѣненія: въ это время обращены въ обязанные только три имѣнія, въ которыхъ числится всего около 26,000 душъ. При такомъ неуспѣхѣ всѣхъ мѣръ, доселѣ принятыхъ или указанныхъ правительствомъ къ постепенному освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, собраніе вполнѣ убѣждено, что, въ настоящее время и для упроченія будущаго благосостоянія государства, необходимо приступить безотлагательно къ подробному пересмотру какъ всѣхъ донынѣ изданныхъ постановленій о крѣпостныхъ людяхъ, такъ и всѣхъ бывшихъ и имѣющихся въ виду предположеній по сему предмету, съ тѣмъ, чтобы при этомъ пересмотрѣ были положительно указаны начала, на которыхъ можетъ быть приступлено къ освобожденію у насъ крѣпостныхъ крестьянъ, впрочемъ, къ освобожденію постепенному, безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ, по плану тщательно и зрѣло во всѣхъ подробностяхъ обдуманному.

Эти разсужденія были вполнѣ одобрены Государемъ Императоромъ, при чемъ Его Величество изволилъ объявить собранію, что, одобряя мысль о приступѣ теперь же къ пересмотру постановленій и къ указанію началъ, на которыхъ можетъ и должно быть совершено постепенное освобожденіе въ Россіи крѣпостныхъ крестьянъ,—изволитъ учреждать для сего, въ непосредственномъ своемъ вѣденіи, особый, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта генералъ-адъютанта князя Орлова, комитетъ изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ состояло настоящее собраніе, съ тѣмъ, чтобы въ сей комитетъ были переданы на

разсмотрѣніе какъ всѣ находящіяся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ бумаги о предположеніяхъ, относящихся до сего предмета, такъ и записка о мѣрахъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, въ нынѣшнее собраніе читанная. Его Императорское Величество изволилъ присовокупить, что въ важныхъ случаяхъ сей комитетъ будетъ собираться въ личномъ присутствіи Его Величества [1]).

Комитетъ этотъ былъ составленъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель князь А. Ѳ. Орловъ (онъ же предсѣдатель Государственнаго Совѣта), графъ Д. Н. Блудовъ (предсѣдатель департамента законовъ), графъ В. Ѳ. Адлербергъ, С. С. Ланской, статсъ-секретарь Брокъ (министръ финансовъ), шефъ жандармовъ князь Василій Долгоруковъ, и члены Государственнаго Совѣта князь П. П. Гагаринъ, баронъ М. А. Корфъ (вскорѣ сложившій съ себя званіе члена этого комитета), генералъ-адъютанты К. В. Чевкинъ и Я. И. Ростовцевъ, Вскорѣ, какъ увидимъ далѣе, въ составъ комитета, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ членомъ: бывшій тогда министръ государственныхъ Имуществъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Большинство членовъ Секретнаго Комитета, съ княземъ Орловымъ во главѣ, не скрывало надежды остановить дальнѣйшее развитіе дѣла. Ланской, въ заключеніе вышеупомянутой исторической записки о попыткахъ къ освобожденію крестьянъ въ предыдущее царствованіе, поставилъ вопросы, подлежавшіе разрѣшенію комитета. Затѣмъ онъ внесъ предполагаемые имъ отвѣты на упомянутые вопросы. Въ этихъ отвѣтахъ признавался невозможнымъ въ принципѣ выкупъ личности крѣпостныхъ людей, равно какъ и безземельное освобожденіе крестьянъ; какъ средство къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, предлагалось предоставить крестьянамъ за извѣстное вознагражденіе въ пользу помѣщиковъ „усадебную осѣдлость“. Представленія министра внутреннихъ дѣлъ оставались въ комитетѣ безъ послѣдствій; Государь Императоръ былъ недоволенъ дѣятельностью комитета. Въ видахъ усиленія его состава, именно его либеральной партіи, назначенъ членомъ

---

[1]) 16-го февраля 1858 г., по Высочайшему Повелѣнію, Комитетъ этотъ именованъ «Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу».

комитета Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ (15-го іюля 1857 г.).

Дѣло получило новый толчокъ, и на этотъ разъ рѣшительный.

Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ привезенный генералъ-губернаторомъ Назимовымъ адресъ дворянъ виленскаго генералъ-губернаторства съ ходатайствомъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ основаніе послѣдовавшаго, 20-го ноября 1857 года, рескрипта объ открытіи губернскихъ комитетовъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ положены были тѣ соображенія министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя были внесены, въ видѣ отвѣтовъ, на представленные къ разрѣшенію Секретному Комитету вопросы и сущность которыхъ сейчасъ мною была изложена. Если рескриптъ этотъ и дополнительныя къ нему отношенія прошли черезъ Секретный Комитетъ, то единственно только вслѣдствіе настоятельнаго требованія со стороны Государя Императора.

Немедля послѣ опубликованія перваго рескрипта началось реакціонное движеніе въ самомъ комитетѣ. Такое движеніе поддерживалось и питалось видимымъ сочувствіемъ большинства тогдашняго общества, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ губерніяхъ; съ своей стороны, обнаружившаяся оппозиція дѣлу въ Петербургѣ развивала и одобряла оппозиціонныя направленія въ губерніяхъ. Хотя не совсѣмъ сознательно, но представители охранительной помѣщичьей партіи начали стремиться къ осуществленію какъ-бы наперед составленнаго плана. Цѣлями стремленія были: или совершенное остановленіе дѣла, или, если этого уже нельзя, то безземельное освобожденіе крестьянъ, съ полученіемъ вознагражденія за личную свободу крѣпостныхъ людей. Средствомъ къ достиженію одной изъ предположенныхъ цѣлей была принята система застращиванія волненіями крестьянъ и демократическою революціей, а также общимъ экономическимъ потрясеніемъ государства. Кромѣ того, всѣ усилія напрягались къ тому, чтобы оттѣснить отъ крестьянскаго дѣла всѣхъ людей, сочувствовавшихъ освобожденію. Ко всему этому присоединилась безпощадная критика тѣхъ началъ и въ особенности тѣхъ министерскихъ соображеній, которыя были сообщены виленскому генералъ-губернатору въ особомъ дополнительномъ къ рескрипту отношеніи. Но сила этой оппозиціонной интриги значительно уменьшилась отъ энергическаго дѣйствія С. С. Ланскаго, который, получивъ разрѣшеніе о разсылкѣ

къ губернаторамъ и предводителямъ копій съ рескрипта и дополнительнаго отношенія къ генералу Назимову, въ одну ночь напечаталъ и рескриптъ и отношеніе, и на другой день разослалъ во всѣ концы Россіи. Такимъ образомъ мѣра устройства быта крестьянъ. не могла быть локализирована, чего желали противники освобожденія: носились слухи, что они пытались исходатайствовать разрѣшеніе пріостановиться разсылкой виленскихъ рескрипта и отношенія, но уже было поздно.

Не успѣвши остановить распространеніе мѣръ устройства крестьянскаго быта, они принялись поправлять надѣланныя будто бы ошибки. Центры реакціонеровъ показывали, что имъ удалось убѣдить въ „непрактичности"—любимое выраженіе М. Н. Муравьева—сдѣланныхъ по виленскому генералъ-губернаторству распоряженій. Исправленіе этихъ распоряженій вскорѣ обнаружилось въ дополнительномъ отношеніи къ рескрипту петербургскому генералъ-губернатору и еще въ сильнѣйшей степени въ составленной Я. И. Ростовцевымъ, вмѣстѣ съ Позеномъ, программѣ занятій губернскихъ комитетовъ. Сильное реакціонное направленіе охранительная партія вознамѣрилась поддержать не менѣе сильными военно-полицейскими мѣрами. Съ этою цѣлью состоялись предположенія: о временныхъ генералъ-губернаторахъ и о военной уѣздной полиціи.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, вообще слабое по своему значенію и въ особенности послѣ побѣды реакціонеровъ, не смотря на это, не сдавалось и сейчасъ же послѣ пораженія начало, по Земскому Отдѣлу, постоянную и упорную борьбу противъ препятствій къ свободному и правильному развитію дѣла, выставленныхъ противниками освобожденія. Оно было совершенно одно и должно было вести борьбу съ сильными врагами, которые, устроивъ препятствія, не переставали и отстаивать совершенное ими дѣло, и преслѣдовать министерство самыми сильными нападеніями. Министерство, съ своей стороны, не могло ограничиваться разрушеніемъ кововъ (козней) враговъ крестьянскаго дѣла: оно должно было, выведя его на прежнюю дорогу, показать путь къ дальнѣйшему развитію. Бѣглый перечень дѣятельности министерства за это время покажетъ въ какой степени усилія министерства увѣнчались успѣхомъ.

Для уничтоженія неблагопріятнаго впечатлѣнія, производимаго

и частными слухами, и секретными, невѣрно составленными и преувеличенно докладываемыми донесеніями о неповиновеніи крестьянъ,—министръ внутреннихъ дѣлъ еженедѣльно докладывалъ Государю о всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ не ограничился этимъ; по истеченіи нѣкотораго времени, онъ представилъ въ общемъ очеркѣ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ неповиновенія помѣщичьихъ крестьянъ со времени опубликованія мѣръ къ устройству крестьянскаго быта по іюль 1858 года. Какъ еженедѣльныя записки, такъ и общій очеркъ за семь мѣсяцевъ, были доложены не только Государю Императору, но и доведены до свѣдѣнія Главнаго Комитета. Свѣдѣнія эти съ очевидною ясностью показали, что всѣ опасенія волненій и безпорядковъ не оправдались; общественный порядокъ былъ сохраненъ; почти всѣ случаи неповиновенія ограничились предѣлами одного имѣнія. Этимъ способомъ у враговъ крестьянскаго дѣла было отнято одно изъ средствъ противодѣйствія: возбужденіе опасеній о сохраненіи общественнаго спокойствія.

Но заслуга министерства заключается не въ одномъ разъясненіи истины, но и въ мѣрахъ, принятыхъ къ успокоенію народа. Отъ министра внутреннихъ дѣлъ требовали войска и строгихъ полицейскихъ мѣръ, а онъ настаивалъ на опубликованіи началъ предпринятаго преобразованія; ему со всѣхъ сторонъ говорили, что въ такомъ дѣлѣ нельзя торопиться, а онъ своими предписаніями,—исполняя священную волю Государя Императора—настоятельно и постоянно требовавшаго не откладывать дѣла въ дальній ящикъ,—торопилъ, съ своей стороны, дворянство къ скорѣйшему представленію адресовъ, поставляя предводителямъ на видъ, что не отъ поспѣшности, а отъ медленности въ изъявленіи согласія дворянъ на освобожденіе крестьянъ можно ожидать пагубныхъ послѣдствій. Плодами этихъ распоряженій были: немедленное представленіе дворянами адресовъ объ открытіи комитетовъ и терпѣливое ожиданіе народа обѣщанной ему свободы.

Кромѣ того, злоупотребленія помѣщичьей власти могли вредить дѣлу въ двухъ отношеніяхъ; они могли раздражать крестьянъ и побуждать ихъ къ безпорядкамъ и, въ то же время, способствовать или къ обезземеленію крестьянъ, или къ предоставленію имъ дурныхъ земель взамѣнъ хорошихъ. Рядомъ преслѣдованія частныхъ случаевъ и испрошеніемъ разрѣшенія на принятіе об-

щихъ мѣръ—министерство, въ теченіе 1858 года, положило предѣлъ подобнымъ злоупотребленіямъ.

Но, не смотря на все это, реакціонная партія не теряла надежды ниспровергнуть дѣло. Она, посредствомъ особой записки, наполненной искаженными статистическими данными и невѣрными историческими фактами, хотѣла доказать, что предпринятое преобразованіе опасно для государства и что въ немъ „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи". Между прочимъ доказывалось также, что производительность земли до того уменьшится, что отпускъ хлѣба за границу вовсе прекратится, а внутри Россіи не будетъ доставать хлѣба для внутренняго потребленія. Въ заключеніе авторъ записки совѣтывалъ „какъ можно болѣе замедлить ходъ дѣла, и, вмѣсто прочнаго устройства быта крестьянъ, приготовить только свѣдѣнія для инвентарей. Записка эта шефомъ жандармовъ была представлена Государю и, по Высочайшему повелѣнію, была передана министру внутреннихъ дѣлъ для внесенія ея на обсужденіе Главнаго Комитета. Представленная записка не могла выдержать серьезной критики; но при той обстановкѣ, при которой она поступила въ министерство внутреннихъ дѣлъ, пренебрегать ею было нельзя, тѣмъ болѣе, что требовалось также заключеніе и отъ министра государственныхъ имуществъ. Въ составленномъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подробномъ разборѣ препровожденной записки, опровергнуты были всѣ приведенные авторомъ данныя, примѣры и факты. По полученіи въ Главномъ Комитетѣ представленія Ланскаго, дѣло это было оставлено безъ всякихъ послѣдствій.

Кромѣ устраненія всѣхъ, съ такимъ упорнымъ постоянствомъ возбужденныхъ, опасеній за благополучный исходъ дѣла, на министерствѣ лежала обязанность защитить сочувствующее освобожденію крестьянъ меньшинство отъ противодѣйствующаго правительству большинства губернскихъ комитетовъ. Министерство добросовѣстно исполнило эту свою обязанность, и вмѣстѣ съ тѣмъ создало немногочисленную, но сильную своимъ развитіемъ и нравственными качествами правительственную партію въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Министерству внутреннихъ дѣлъ принадлежитъ организація и установленіе порядка занятій въ губернскихъ комитетахъ, так-

же какъ направленіе работъ и наблюденіе за своевременнымъ окончаніемъ.

Министерство было такъ счастливо, что, направляя комитетскія занятія, оно не только не допустило уклоненія отъ обнародованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта, но пошло далѣе въ развитіи этихъ началъ. По его представленію, окончательно устранены попытки къ установленію особаго вознагражденія помѣщиковъ за потерю крѣпостнаго права на людей. Оно первое начало доказывать, и посредствомъ его доводовъ правительство убѣдилось, что за крестьяниномъ должно быть сохранено все количество земли, которымъ онъ пользовался при крѣпостномъ правѣ. Само же министерство указало на исключенія, которыя должно допустить изъ этого общаго правила. Министерство, въ видахъ стратегическихъ, не уступая усадебной осѣдлости, въ то же время стало постоянно доказывать необходимость выкупа не одной усадебной, но вообще всей земли, пользуясь при этомъ и ходатайствами губернскихъ комитетовъ, и проектами частныхъ лицъ. Усилія министерства увѣнчались успѣхомъ. По его представленію разрѣшено было губернскимъ комитетамъ обсудить вопросъ о выкупѣ съ содѣйствіемъ правительства. Министерство же внутреннихъ дѣлъ первое высказало мнѣніе, что, при сохраненіи „настоящаго надѣла“, повинности должны быть уменьшены: безъ этого не можетъ послѣдовать „улучшеніе быта крестьянъ“.

Отстоявъ и направивъ къ правильному дальнѣйшему развитію собственно крестьянское дѣло, министерство внутреннихъ дѣлъ, руководимое и поощряемое своимъ министромъ, напрягло всѣ свои усилія къ ниспроверженію предположеній, какъ о временныхъ генералъ-губернаторахъ, такъ и объ установленіи самовластной должности уѣзднаго начальника, окруженнаго военно-полицейскими чинами. Оно достигло не только этого, но, взамѣнъ опровергнутыхъ имъ началъ будущаго губернскаго и уѣзднаго устройства, представило свои предположенія, которыя почти безъ измѣненія были приняты какъ начала земскихъ, полицейскихъ и мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

Наконецъ, когда наступило время разсмотрѣнія трудовъ губернскихъ комитетовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ представило планъ разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ, при чемъ настоятельно высказало мысль о необходимости призвать къ этому

разсмотрѣнію не однихъ чиновниковъ, но и помѣщиковъ, сочувствующихъ освобожденію крестьянъ. На этихъ именно основаніяхъ были образованы Редакціонныя Коммисіи по представленію Я. И. Ростовцева, но по мысли, въ первый разъ высказанной Земскимъ Отдѣломъ.

Изъ этого краткаго перечня дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ въ первый періодъ исторіи крестьянскаго дѣла, можно видѣть, что оно начавъ, по волѣ Государя, это дѣло вело одно, до образованія учрежденныхъ, по его же мысли, Редакціонныхъ Коммисій..... Министерство вело переговоры съ дворянствомъ и настояло на представленіи адресовъ объ освобожденіи крестьянъ. Когда первый адресъ былъ представленъ, тогда, на основаніи соображеній министерства, былъ составленъ первый рескриптъ и дополнительное къ нему отношеніе объ открытіи губернскихъ комитетовъ. Личная громадная заслуга С. С. Ланскаго заключалась въ немедленномъ сообщеніи виленскихъ документовъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства. Этимъ достигались двѣ цѣли: постепенное представленіе адресовъ изъ всѣхъ губерній, и сохраненіе общественнаго спокойствія. Крестьянскія волненія могли погубить все дѣло. Реакціонная партія на время одерживаетъ верхъ, но министерство не теряетъ присутствія духа и не выпускаетъ дѣла изъ своихъ рукъ. Оно мало по малу разрушаетъ всѣ препятствія къ безостановочному и правильному ходу дѣла, воздвигнутыя врагами освобожденія. Вслѣдствіе его указаній и настояній губернскіе комитеты оканчиваютъ свои занятія своевременно. Оно принимаетъ мѣры къ огражденію крестьянъ отъ обезземеленія прежде освобожденія ихъ. Уничтоживъ всѣ дурныя послѣдствія, которыя могли бы имѣть правительственныя распоряженія, состоявшіяся во время кратковременнаго преобладанія реакціонной партіи, оно указало тѣ основанія, на которыхъ должно было послѣдовать устройство крестьянскаго быта, тотъ путь, по которому слѣдовало вести разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, и наконецъ, создавъ изъ меньшинства дворянъ-помѣщиковъ правительственную партію, этимъ самымъ указало на лицъ, которыхъ надлежало призвать къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Словомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ передало крестьянское дѣло для дальнѣйшей разработки въ Редакціонныя Коммисіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно должно было его передать. Коммисіямъ оставалось

только продолжать дѣло, начавъ свою работу съ того мѣста, до котораго довело его министерство. Коммисіямъ не было надобности исправлять прежнія ошибки,—онѣ были исправлены; министерство не только не оставило Коммисіямъ этого труда, оно значительно облегчило ихъ дальнѣйшіе труды, указавъ на необходимость сохраненія за крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ, облегченія въ повинностяхъ и выкупа не однихъ усадебныхъ, но и прочихъ угодій. Начала будущихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ были также подготовлены, а, вмѣсто грозившаго крестьянскому дѣлу осаднаго положенія, созданы были начала земскихъ учрежденій и правильнаго образованія полиціи.

Все это нисколько не уменьшаетъ заслугъ Редакціонныхъ Коммисій; все это было необходимо для существованія этихъ Коммисій; безъ предварительной дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ невозможно было бы образованіе ихъ, невозможна была бы та плодотворная дѣятельность, которая довела дѣло до конца. А съ открытіемъ Коммисій министерство не переставало самостоятельно,—но не въ разрѣзъ, а въ согласіи съ Коммисіями,—трудиться на пользу крестьянскаго дѣла, что будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія.

II.

Губернскіе комитеты въ концѣ 1858 и въ началѣ 1859 годовъ стали вносить въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу выработанные ими проекты объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ. Для предварительнаго разсмотрѣнія этихъ проектовъ—была учреждена при Комитетѣ особая Коммисія изъ четырехъ его членовъ: кн. П. П. Гагарина, Я. И. Ростовцева, С. С. Ланскаго и М. Н. Муравьева. Этой Коммисіи Высочайше предоставлено было „порядокъ разсмотрѣнія сихъ проектовъ учредить по собственному ея усмотрѣнію и распоряженію“.

Руководствуясь этимъ, Коммисія, 4-го февраля 1859 г., опредѣлила порядокъ составленія сводовъ изъ губернскихъ проектовъ и начертанія проектовъ Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, предположивъ учредить для этого двѣ особыя Редакціонныя Коммисіи подъ предсѣдательствомъ управляющаго

дѣлами Коммисіи Главнаго Комитета, д. с. сов. Жуковскаго: одну—изъ чиновниковъ отъ трехъ министерствъ и II-го Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, для составленія проекта Общаго Положенія, а другую—изъ экспертовъ, по избранію Коммисіи Главнаго Комитета, и изъ представителей отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ—для составленія проектовъ мѣстныхъ Положеній.

На всеподданнѣйшей докладной запискѣ кн. Орлова, по изложенному выше предположенію, Государь Императоръ, 13-го февраля 1859 г., написать соизволилъ:

„Исполнить, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцеву, если онъ согласится принять эту обязанность на себя".

Покойный Я. И. Ростовцевъ на объявленную ему кн. Орловымъ Высочайшую волю отвѣчалъ нижеслѣдующимъ письмомъ на имя кн. А. Ѳ. Орлова:

«Милостивый государь князь Алексѣй Ѳедоровичъ! Высочайшее повелѣніе о назначеніе меня Предсѣдателемъ Коммисіи составленія Сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній «если только я буду на это согласенъ», какъ изволилъ выразиться Его Величество, принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

«Съ молитвою—къ Богу, чтобы Онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя;

«съ благоговѣніемъ—къ Государю, удостоивающему меня такого святаго призванія;

«со страхомъ—передъ Россіею и передъ потомствомъ;

«съ чувствомъ долга—передъ моею совѣстію.

«Да проститъ мнѣ Богъ и Государь, да простятъ мнѣ Россія и потомство, если я подымаю на себя ношу не по моимъ силамъ; но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не въ правѣ.

«Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу васъ повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ, создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало.

«Съ душевнымъ уваженіемъ и искреннею преданностью честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою І. Ростовцевъ».

14-го февраля 1859 г.

Государь Императоръ соизволилъ написать на этомъ письмѣ, 15-го февраля 1859 г.:

„Искренно благодарю его, что онъ принялъ на себя эту тяжелую обузу.—Къ благороднымъ его чувствамъ я давно привыкъ. Да поможетъ ему Богъ оправдать мое довѣріе и мои надежды".

17-го февраля 1859 года князь Орловъ объявилъ Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи „Редакціонныхъ Коммисій для составленія Общаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости", слѣдующаго содержанія.

«Государь Императоръ, разсмотрѣвъ журналъ Коммисіи, учрежденной при Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, отъ 4-го февраля, относительно порядка предварительныхъ работъ по составленію законоположеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, Высочайше одобривъ предположенія Коммисіи въ главныхъ основаніяхъ, соизволилъ повелѣть:

«1. Для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ Общаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся, учредить двѣ Редакціонныхъ Коммисіи.

«2. На одну изъ сихъ Коммисій возложить составленіе проектовъ общихъ положеній, а на другую—мѣстныхъ, которыя должны быть примѣнены къ особенностямъ каждой мѣстности и изданы совокупно съ общими положеніями.

«3. Предсѣдателемъ и непосредственнымъ начальникомъ обѣихъ Редакціонныхъ Коммисій назначить члена Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу генералъ-адъютанта генералъ-лейтенанта Ростовцева.

«4. Управляющему дѣлами сего Главнаго Комитета дѣйствительному статскому совѣтнику Жуковскому и состоящему при этой Коммисіи, члену центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ коллежскому совѣтнику Соловьеву быть непремѣнными членами обѣихъ Редакціонныхъ Коммисій.

«5. Редакціонную Коммисію общихъ положеній составить изъ чиновниковъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ и отъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, на которое возлагается разсмотрѣніе проектовъ собственно для соображенія съ общимъ духомъ законодательства. Чиновники сіи назначаются по соглашенію сихъ министровъ и главноуправляющаго съ предсѣдателемъ обѣихъ Редакціонныхъ Коммисій.

«6. Редакціонную Коммисію мѣстныхъ положеній составить: а) изъ экспертовъ, избранныхъ предсѣдателемъ обѣихъ Коммисій изъ членовъ губернскихъ комитетовъ или другихъ опытныхъ помѣщиковъ, по его ближайшему усмотрѣнію; и б) изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, назначенныхъ сими министрами по соглашенію съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммисій.

«7. Предоставить министрамъ и главноуправляющему II-мъ Отдѣленіемъ избрать въ составъ Коммисій чиновниковъ вполнѣ способныхъ, опытныхъ въ дѣлопроизводствѣ, знакомыхъ съ дѣйствующими узаконеніями объ управленіи свободныхъ сословій и практически знающихъ устройство оныхъ. О лицахъ, ими по соглашенію съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммисій избранныхъ, они доводятъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу.

«8. Равнымъ образомъ и объ экспертахъ, избранныхъ въ составъ Редакціонныхъ Коммисій предсѣдателемъ оныхъ, а также о всѣхъ вообще лицахъ и чиновникахъ, имъ въ Коммисіи опредѣленныхъ, онъ доводитъ до свѣдѣнія Го-

сударя Императора и Главнаго Комитета. Эксперты вызываются въ составъ Коммисій именемъ Его Императорскаго Величества.

«9. Предсѣдателю обѣихъ Редакціонныхъ Коммисій предоставить полное право дать симъ Коммисіямъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго Коммисіямъ дѣла. На этомъ же основаніи ему предоставляется: распредѣлить занятія между обѣими Коммисіями и между всѣми ихъ членами и чиновниками; установить порядокъ производства въ оныхъ работъ и дѣлъ; образовать канцеляріи; опредѣлить въ составъ ихъ нужное число чиновниковъ и писцовъ; указать всѣ способы, необходимые для успѣха дѣйствій Коммисій. Равнымъ образомъ предсѣдателю Редакціонныхъ Коммисій предоставить право соединять обѣ Коммисіи въ одинъ составъ или одно присутствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для разсмотрѣнія предметовъ, требующихъ общаго и совокупнаго обсужденія; и

«10. Работы Редакціонныхъ Коммисій, по окончаніи оныхъ, вносятся предсѣдателемъ ихъ въ Коммисію, учрежденную при Главномъ Комитетѣ, которая и представляетъ такія работы, съ своими замѣчаніями, въ Главный Комитетъ. Если, при производствѣ Редакціонными Коммисіями работъ, встрѣтятся какіе либо вопросы, требующіе особаго разрѣшенія по существу дѣла, то предсѣдатель сихъ Коммисій такіе вопросы вноситъ на предварительное разсмотрѣніе Коммисіи Главнаго Комитета. Редакціонныя Коммисіи, вмѣстѣ съ отчетливымъ и систематическимъ составленіемъ сводовъ изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ, обязаны постановить свои окончательныя заключенія и начертать проекты положеній, руководствуясь: Высочайшими повелѣніями, на сей предметъ послѣдовавшими, Высочайше утвержденными положеніями Главнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ и постановленіями Коммисіи сего Комитета. При этомъ Редакціонныя Коммисіи должны принять въ соображеніе: а) письменныя мнѣнія членовъ Коммисіи Главнаго Комитета и замѣчанія министерства внутреннихъ дѣлъ по проектамъ губернскихъ комитетовъ; б) мѣстныя свѣдѣнія, собранныя при министерствахъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и удѣловъ; в) нынѣ существующія законоположенія въ Имперіи; сіи послѣднія для соображеній Коммисій съ общимъ духомъ законодательства».

Вѣсть объ учрежденіи Редакціонныхъ Коммисій и о назначеніи предсѣдателемъ ихъ Я. И. Ростовцева произвела весьма благопріятное впечатлѣніе во всѣхъ кружкахъ, сочувствующихъ освобожденію крестьянъ. „Всеподданнѣйшія письма“ и вообще участіе Ростовцева въ крестьянскомъ дѣлѣ по возвращеніи изъ-за границы (сблизили) съ нимъ людей прогрессивнаго направленія. Враги дѣла молчали, а такія личности, какъ Муравьевъ, всѣми силами старались показать полную готовность содѣйствовать ему въ исполненіи возложенной на него трудной обязанности.

Вскорѣ послѣ открытія Редакціонныхъ Коммисій, состоялось Высочайшее повелѣніе (отъ 27-го апрѣля 1859 г.) объ образованіи Финансовой Коммисіи, слѣдующаго содержанія:

«1. Къ двумъ Редакціоннымъ Коммисіямъ, учрежденнымъ для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, присоединить еще третью, для разсмотрѣнія предположеній о финансовыхъ мѣрахъ къ облегченію крестьянамъ выкупа земельныхъ угодій и для обсужденія—какіе способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ въ выкупѣ.

«2. Коммисію эту составить, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій, генералъ-адъютанта Ростовцева: а) изъ членовъ, избранныхъ предсѣдателемъ Коммисій изъ лицъ, спеціально изучившихъ финансовыя науки, практически знающихъ Россію, и б) изъ представителей, съ тѣми же условіями, отъ министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и вѣдомства опекунскихъ совѣтовъ, назначенныхъ министрами и статсъ-секретаремъ по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи, по соглашенію ихъ съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммисій.

«3. О всѣхъ лицахъ, избранныхъ и назначенныхъ въ составъ Коммисіи, предсѣдателю довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Лица, избранныя въ составъ Коммисіи, вызываются именемъ Его Величества.

«4. Внутреннее устройство Финансовой Коммисіи и порядокъ производства въ оной работъ предоставить распоряженію предсѣдателя, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ сіе Высочайше ему предоставлено въ отношеніи Редакціонныхъ Коммисій; и

«5. Работы Коммисіи, по окончаніи ихъ, предсѣдателю вносить въ Коммисію Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, для разсмотрѣнія въ сей Коммисіи, съ приглашеніемъ въ оную министра финансовъ, и для внесенія потомъ въ Главный Комитетъ».

Все различіе въ назначеніи членовъ въ Редакціонныя Коммисіи и въ состоящую при нихъ Финансовую Коммисію состояло въ томъ, что члены въ Коммисіи приглашались безъ обозначенія отдѣленія, въ которомъ они будутъ присутствовать; а членами Финансовой Коммисіи были назначаемы прямо въ эту Коммисію. При томъ многіе изъ членовъ Коммисій занимались по двумъ, а непремѣнные члены по тремъ отдѣленіямъ; нѣкоторые изъ нихъ были, въ то же время, и членами Финансовой Коммисіи; изъ членовъ же сей послѣдней занимались въ другихъ отдѣленіяхъ только двое, а въ засѣданіяхъ общаго присутствія всѣ они обязаны были принимать участіе только по дѣламъ финансовымъ, хотя бо́льшая часть бывала въ общемъ присутствіи и по дѣламъ другихъ отдѣленій.

Прежде открытія Редакціонныхъ Коммисій Яковъ Ивановичъ неоднократно приглашалъ С. М. Жуковскаго и меня на предварительное совѣщаніе объ организаціи Коммисій. На этихъ совѣщаніяхъ присутствовалъ также П. П. Семеновъ, котораго онъ пригласилъ въ члены-эксперты, съ возложеніемъ на него завѣды-

ванія дѣлами Редакціонныхъ Коммисій. Главнымъ предметомъ этихъ совѣщаній было назначеніе членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ и членовъ-экспертовъ изъ помѣщиковъ, а также о порядкѣ производства и распредѣленія работъ между членами.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному 17-го февраля 1859 года, предстояло предсѣдателю Коммисій избрать членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, числомъ семь, по соглашенію съ главными начальниками сихъ вѣдомствъ, и членовъ-экспертовъ, по его усмотрѣнію, изъ помѣщиковъ. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ предсѣдатель могъ находиться подъ вліяніемъ подлежащихъ министровъ или быть стѣсненъ условіемъ полученія ихъ согласія. Это обстоятельство не осталось безъ вліянія на назначеніе членовъ отъ министерства государственныхъ имуществъ. Я, съ своей стороны, совѣтовалъ Якову Ивановичу просить министра государственныхъ имуществъ назначить лицъ, занимавшихся кадастромъ (какъ, напримѣръ, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, тогда директора департамента сельскаго хозяйства и предсѣдателя центральной коммисіи кадастра, и К. И. Домонтовича—тогда правителя дѣлъ этой коммисіи); но М. Н. Муравьевъ не благоволилъ къ нимъ, и потому въ члены отъ министерства государственныхъ имуществъ были назначены: Василій Ивановичъ Булыгинъ (кандидатъ Муравьева) и Николай Николаевичъ Павловъ (кандидатъ Ростовцева).

При выборѣ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Яковъ Ивановичъ самъ остановился на Александрѣ Карловичѣ Гирсѣ, котораго онъ зналъ и по семейнымъ своимъ связямъ, и по Географическому обществу. О другомъ кандидатѣ онъ обратился за совѣтомъ ко мнѣ. Я назвалъ ему Николая Алексѣевича Милютина. При этомъ я представлялъ, что Милютинъ собственно крестьянскій бытъ и вообще хозяйственныя условія весьма мало знаетъ, но что онъ очень будетъ полезенъ для дѣла по своему уму, по опытности въ веденіи дѣлъ и по своимъ связямъ—служебнымъ и общественнымъ. Весьма вѣроятно, что не одни мои убѣжденія, но и ходатайство Великой Княгини Елены Павловны содѣйствовало тому, что Ростовцевъ согласился на назначеніе Милютина членомъ Коммисій.

На назначеніе членовъ изъ министерства юстиціи и изъ II-го Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи ни С. М. Жу-

ковскій, ни я, не имѣли вліянія. Отъ министерства юстиціи были назначены Маркъ Николаевичъ Любощинскій (кажется, кандидатъ графа Панина) и Николай Петровичъ Семеновъ (братъ Петра Семенова, о которомъ сказано было выше, кандидатъ Я. И. Ростовцева). По чьей рекомендаціи былъ назначенъ отъ II-го Отдѣленія Николай Васильевичъ Калачовъ—я не помню.

Вотъ всѣ члены отъ разныхъ вѣдомствъ, которыхъ предполагалось назначить по Высочайшему повелѣнію 17-го февраля, именно: два непремѣнныхъ члена, по двое отъ трехъ министерствъ и одинъ отъ II-го Отдѣленія,—всего 9 человѣкъ. Къ этому вскорѣ присоединился Иванъ Павловичъ Арапетовъ отъ образованнаго при министерствѣ удѣловъ, подъ предсѣдательствомъ министра Двора и удѣловъ графа В. Ѳ. Адлерберга, комитета для устройства крестьянъ разныхъ вѣдомствъ; а въ концѣ существованія Редакціонныхъ Коммисій былъ назначенъ другой членъ отъ II-го Отдѣленія—Александръ Николаевичъ Поповъ. Назначеніе послѣдняго послѣдовало по иниціативѣ Н. А. Милютина, съ цѣлью содѣйствія Редакціоннымъ Коммисіямъ въ кодификаціонныхъ работахъ. Такимъ образомъ, всѣхъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ было 11.

При выборѣ членовъ-экспертовъ отъ разныхъ губерній, положено было за правило приглашать преимущественно членовъ, принадлежавшихъ въ губернскихъ комитетахъ къ либеральному меньшинству. На основаніи сего были назначены: Григорій Павловичъ Галаганъ и Василій Васильевичъ Тарновскій (изъ черниговскаго комитета); Николай Ивановичъ Желѣзновъ (изъ новгородскаго); Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ (изъ самарскаго); Александръ Николаевичъ Татариновъ (изъ симбирскаго), и князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій (изъ тульскаго).

Были еще въ составѣ Редакціонныхъ Коммисій члены губернскихъ комитетовъ, но которыхъ нельзя было причислить къ либеральному меньшинству дворянъ-помѣщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были приглашены Яковомъ Ивановичемъ въ видахъ удовлетворенія консервативной партіи, нѣкоторые изъ нихъ были указаны, вѣроятно, вслѣдствіе ходатайства князя Орлова, князя Долгорукова и другихъ лицъ. Къ такимъ членамъ слѣдуетъ причислить: Виктора Владиміровича Апраксина (губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя орловскаго комитета) и графа

Петра Павловича Шувалова (губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя петербургскаго комитета). Наконецъ, къ этому же разряду экспертовъ слѣдуетъ причислить составителя „программы“ для губернскихъ комитетовъ—члена полтавскаго комитета Михаила Павловича Позена. Онъ хотя былъ приглашенъ въ Финансовую Коммисію, но его слѣдуетъ причислить къ общему числу членовъ-экспертовъ изъ помѣщиковъ, потому что при его приглашеніи имѣлось въ виду не одно участіе его въ финансовыхъ работахъ, но на умъ, знаніе и опытность его Я. И. Ростовцевъ расчитывалъ вообще для всего крестьянскаго дѣла. Онъ былъ одинъ въ Финансовой Коммисіи членъ-экспертъ изъ помѣщиковъ.

Другіе были представителями западныхъ губерній; къ симъ послѣднимъ принадлежали: Константинъ Ипполитовичъ Гечевичъ (изъ виленскаго комитета), Брониславъ Францовичъ Залѣсскій (изъ минскаго), и Октавіанъ Францовичъ Ярошинскій (губернскій предводитель и предсѣдатель кіевскихъ общей коммисіи и комитета).

Остальные члены-эксперты не принадлежали къ составу губернскихъ комитетовъ; но тѣмъ не менѣе они попали въ Редакціонныя Коммисіи по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и члены комитетовъ.

По сочувствію къ крестьянскому дѣлу были приглашены въ члены Редакціонныхъ Коммисій: Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ[1]) (пріятель Якова Ивановича, обнаружившій сочувствіе къ освобожденію крестьянъ единственно только тѣмъ, что пропогандировалъ при разъѣздахъ по губерніямъ мысли, выраженныя въ „Всеподданнѣйшихъ письмахъ“ и разныхъ Запискахъ Якова Ивановича); князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ (написавшій брошюру по крестьянскому дѣлу подъ названіемъ „Печатная правда“); Петръ Петровичъ Семеновъ (тогда молодой ученый, сдѣлавшій себѣ извѣстность путешествіемъ въ Среднюю Азію,—онъ былъ извѣстенъ Якову Ивановичу по родству) и Николай Петровичъ Шишковъ (извѣстный сельскій хозяинъ Рязанской и Тульской губерній).

Представителями консервативной партіи были: князь Бо-

---

[1]) Хотя онъ и помѣщикъ разныхъ губерній, но въ то время былъ генералъ-провіантмейстеръ, а передъ тѣмъ чиновникъ государственнаго контроля и губернаторъ въ двухъ губерніяхъ. Я. С. (—только въ одной, Тамбовской). Ред.

рисъ Дмитріевичъ Голицынъ и князь Ѳедоръ Ивановичъ Паскевичъ; сюда же слѣдуетъ причислить казанскаго помѣщика и редактора „Журнала Землевладѣльцевъ“ Алексѣя Дмитріевича Желтухина (по рекомендаціи И. А. Жеребцова, его родственника).

Наконецъ, какъ представитель западныхъ губерній, былъ приглашенъ помѣщикъ Подольской губерніи Андрей Антоновичъ Гробянка.

Такимъ образомъ, всѣхъ членовъ-экспертовъ было приглашено:

Изъ членовъ губернскихъ комитетовъ	12
Изъ дворянъ-помѣщиковъ, не бывшихъ членами комитетовъ	8
Всего . . .	20

Слѣдовательно, вдвое болѣе правительственныхъ членовъ. Но это отношеніе нѣсколько нарушалось тѣмъ, что князь Б. Д. Голицынъ и Н. П. Шишковъ вовсе не присутствовали въ Коммисіяхъ, хотя послѣдній и присылалъ предсѣдателю свои мнѣнія по доставляемымъ ему трудамъ Редакціонныхъ Коммисій. На самомъ дѣлѣ число членовъ-экспертовъ, присутствовавшихъ въ Коммисіяхъ, было 18.

Это число распредѣлялось по тѣмъ категоріямъ, о которыхъ я упомянулъ выше, такъ, что принадлежали:

Къ либеральному направленію	9
Къ консервативному	5
Къ представителямъ западныхъ губерній	4

Представителей западныхъ губерній я поставилъ особо потому, что для оцѣнки ихъ направленія необходимъ былъ другой масштабъ. Русскіе помѣщики, по крайней мѣрѣ огромное большинство, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, опасались одного—потери матеріальныхъ выгодъ; польскіе, кромѣ того, въ той же степени боялись утраты своей власти надъ крестьянами. Они очень хорошо понимали, что съ свободными, совершенно независимыми крестьянами, при томъ бо́льшею частью русскими, трудно вести политическіе интриги и заговоры.

Я. И. Ростовцевъ просилъ меня рекомендовать ему членовъ-экспертовъ изъ западныхъ губерній. Задача эта была трудная, потому въ особенности, что въ западныхъ комитетахъ не было ни большинства, ни меньшинства. Я обратился къ членамъ отъ

министерства внутреннихъ дѣлъ въ общихъ Коммисіяхъ Н. И. Колошину и П. А. Шульцу, и просилъ ихъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что они мнѣ писали:

Колошинъ (отъ 3-го апрѣля 1859 г.): „Изъ членовъ Коммисіи, если нѣкоторые и говорятъ по русски, то ни одинъ, за исключеніемъ русскаго Порошина, не умѣетъ отчетливо написать свои мысли по русски. Да при томъ каждый разсматриваетъ крестьянскій вопросъ съ помѣщичьей точки зрѣнія". Въ другомъ письмѣ (отъ 12-го апрѣля) онъ мнѣ сообщалъ: „Если же выбирать изъ мѣстныхъ дворянъ (а не изъ числа членовъ общей Коммисіи), то по Виленской губерніи можно бы пригласить изъ бывшихъ членовъ комитета: Гелинга (написавшаго въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ" двѣ статьи, но врага усадьбъ) или Яснинскаго, представившаго при подписаніи виленскаго проекта, что такой проектъ не улучшитъ быта крестьянъ". Въ третьемъ письмѣ (отъ 16-го апрѣля) онъ указывалъ еще на двухъ лицъ: „Гечевича, бывшаго членомъ виленскаго комитета отъ правительства. Онъ въ комитетѣ держался постоянно идеи вѣчнаго чинша и за мнѣнія свои по крестьянскому дѣлу удостоенъ здѣшнимъ дворянствомъ названія краснаго... Кромѣ того, по справедливости можно указать еще на Шишко, виленскаго помѣщика, не бывшаго въ комитетѣ. Съ нимъ я разговаривалъ; онъ горячій защитникъ чинша. Его также здѣсь не любятъ". На основаніи этой рекомендаціи въ члены-эксперты, какъ было видно выше, отъ виленскаго генералъ-губернаторства былъ выбранъ Гечевичъ; но онъ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ оппонентовъ большинства Редакціонныхъ Коммисій и свои противоположные взгляды на крестьянское дѣло развилъ подробно въ особыхъ мнѣніяхъ.

Шульцъ настоятельно рекомендовалъ отъ себя и отъ генералъ-губернатора князя Васильчикова кіевскаго губернскаго предводителя Ярошинскаго, который и былъ приглашенъ. Сверхъ того, онъ прибавлялъ: „Я теперь, частью лично, частью по репутаціи, довольно хорошо знаю характеристику болѣе замѣчательныхъ членовъ комитетовъ здѣшняго края. Сообщаю вамъ, на всякій случай, нѣкоторыя свѣдѣнія, если бы впослѣдствіи вздумалось кого либо еще призвать". Онъ указывалъ на главу кіевской либеральной партіи Головинскаго, какъ на „представителя идеи выкупа", и на его сотрудниковъ по кіевскому комитету Костюжин-

скаго и Мадзелевскаго, а также на Киселевскаго, считавшагося дѣльнымъ членомъ того же комитета. Но, за избраніемъ Ярошинскаго членомъ-экспертомъ, намъ нужно было имѣть эксперта изъ Волынской или Подольской губерніи. О составѣ этихъ комитетовъ, проекты которыхъ были крайне неудачны, Шульцъ писалъ, что: „Въ подольскомъ комитетѣ лучшимъ членомъ былъ Гурскій, но онъ, по болѣзни, отказался и отъ нашей коммисіи, стало быть, въ Петербургъ и подавно не поѣдетъ. Въ числѣ членовъ тамъ больше надежныхъ нѣтъ, а изъ помѣщиковъ (не членовъ комитета) есть Гробянка—человѣкъ умный, образованный и либеральный... Онъ давнишній эманципаторъ, искренно сочувствующій всѣмъ видамъ и дѣйствіямъ Государя". Далѣе Шульцъ продолжалъ: „По Волынской губерніи лучше другихъ членъ нашей (общей кіевской) коммисіи Хонскій, да, кажется, и все тутъ"... На основаніи этихъ отзывовъ былъ избранъ въ члены-эксперты Гробянка, который оказался, впрочемъ, мало полезнымъ, хотя и не особенно вреднымъ, потому что не съ такимъ упорствомъ поддерживалъ польско-помѣщичьи интересы, съ какимъ защищалъ ихъ Гечевичъ.

Наконецъ, послѣдній представитель западныхъ губерній былъ членъ минскаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ Залѣсскій. Не помню—участвовалъ ли я въ его выборѣ или нѣтъ; онъ вышелъ либеральнѣе всѣхъ своихъ сотоварищей и оказывалъ помощь Редакціоннымъ Коммисіямъ прямымъ своимъ содѣйствіямъ.

Въ Финансовую Коммисію членами поступили: отъ министерства финансовъ Юрій Андреевичъ Гагемейстеръ и Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ (не задолго до закрытія Редакціонныхъ Коммисій); отъ вѣдомства опекунскихъ совѣтовъ: Николай Антоновичъ Христофори; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, и отъ министерства государственныхъ имуществъ Евгеній Ивановичъ Ламанскій. Въ члены-эксперты были приглашены: Николай Христіановичъ Бунге; Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій; Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ и Михаилъ Павловичъ Позенъ. Надо отдать справедливость, что Ростовцевъ составилъ Финансовую Коммисію, за немногими исключеніями, изъ лицъ, которыя въ то время служили, и бо́льшая часть изъ нихъ и до сихъ поръ слу-

жать, лучшими представителями финансовъ и административной практики и науки. Бо́льшая часть членовъ Коммисіи были финансисты и преимущественно по кредитной части: или по занимаемымъ ими мѣстамъ, или по занятію финансовою наукой, или по тому и другому вмѣстѣ; таковы: Гагемейстеръ, Рейтернъ, Милютинъ (въ вѣдомствѣ котораго, какъ директора хозяйственнаго департамента, были приказы общественнаго призрѣнія), Ламанскій, Бунге.—Позена считали знатокомъ финансовой практики Ростовцевъ, Бутковъ и нѣкоторые другіе. Но было двое изъ членовъ-экспертовъ Финансовой Коммисіи, назначеніе которыхъ требуетъ нѣкотораго объясненія: это Заблоцкій и Домонтовичъ. Заблоцкій въ то время только лишь перешелъ изъ директоровъ департамента сельскаго хозяйства въ статсъ-секретари государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи. Онъ у графа Киселева занимался крестьянскимъ дѣломъ и всегда сочувствовалъ освобожденію крестьянъ. Весьма понятно, что онъ самъ желалъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ; государственный секретарь Бутковъ, который не прочь былъ имѣть въ Редакціонной Коммисіи однимъ представителемъ отъ государственной канцеляріи болѣе, помогъ ему въ исполненіи этого желанія. Н. А. Милютинъ и я оказали также ему содѣйствіе.—Домонтовичъ, служивши въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, по моей рекомендаціи, началъ заниматься въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ по другимъ ихъ отдѣленіямъ, вскорѣ послѣ ихъ открытія; но его положеніе было крайне неопредѣленно: онъ не хотѣлъ быть чиновникомъ при Коммисіяхъ, а членомъ его нельзя было назначить, потому что отъ министерства государственныхъ имуществъ были уже назначены два члена, а членомъ-экспертомъ онъ не могъ быть, потому что не былъ помѣщикомъ. Вскорѣ потомъ онъ перешелъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, по департаменту государственной экономіи; это обстоятельство дало возможность назначить его членомъ Финансовой Коммисіи.

Всѣхъ членовъ Финансовой Коммисіи было 9; но изъ этого числа, чтобы не показать вдвое, надо исключить Милютина и Позена—перваго какъ уже находившагося въ составѣ Редакціонныхъ Коммисій, а втораго включивъ въ общій счетъ членовъ-экспертовъ изъ помѣщиковъ.

Такимъ образомъ, Редакціонныя Коммисіи имѣли слѣдующій общій составъ:

Правительственныхъ членовъ.	11
Членовъ-экспертовъ.	18
Членовъ Финансовой Коммисіи	7
Всего . . .	36

Изъ предыдущаго изложенія можно было видѣть, что большинство членовъ было либеральнаго направленія; нелиберальное меньшинство состояло: изъ 5-ти членовъ-экспертовъ коренныхъ русскихъ губерній, одного правительственнаго члена (Булыгина) и если сюда причислить всѣхъ 4-хъ членовъ-экспертовъ западныхъ губерній и 2-хъ или 3-хъ колебавшихся въ своихъ мнѣніяхъ членовъ, то самое большое меньшинство могло доходить до 13-ти человѣкъ, слѣдовательно, составляло около $^1/_3$ общаго состава Коммисій; но число это и сила оппозиціи уменьшались за выбытіемъ изъ Коммисій: графа Шувалова, князя Паскевича и Позена.

Прежде чѣмъ я приступлю къ описанію распредѣленія членовъ по отдѣленіямъ и вообще къ организаціи работъ, я еще скажу нѣсколько словъ объ отношеніи консервативной партіи къ Редакціоннымъ Коммисіямъ, въ началѣ ихъ образованія.

Съ того времени, какъ сдѣлалось извѣстнымъ объ учрежденіи Редакціонныхъ Коммисій, наступило какъ-бы перемиріе между двумя борющимися сторонами. Въ этомъ учрежденіи либералы видѣли залогъ будущаго успѣха дѣла освобожденія крестьянъ; консерваторы нашли нужнымъ вновь попытать счастія, но ужъ не путемъ явной вражды, а путемъ убѣжденій, соглашеній и законной борьбы мнѣній въ средѣ Редакціонныхъ Коммисій. Поэтому они употребили всѣ старанія, чтобы какъ можно болѣе ввести въ составъ Редакціонныхъ Коммисій представителей охранительнаго начала. Въ этихъ видахъ они дѣйствовали или прямо на Ростовцева, такимъ образомъ попали въ члены Редакціонныхъ Коммисій: Позенъ, Желтухинъ, Булыгинъ; или по настоянію (ихъ же), были приглашены: покойный графъ Шуваловъ, князь Паскевичъ, Апраксинъ, князь Голицынъ.

Н. А. Милютинъ, вскорѣ по вступленіи въ Редакціонныя Коммисіи—былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Съ этого именно времени начинается участіе Н. А. Ми-

лютина въ крестьянскомъ дѣлѣ, что подтверждается Записками одного близкаго къ нему лица, въ которыхъ, между прочимъ, говорится: „Странно кажется и съ трудомъ вѣрится, что Николай Алексѣевичъ первые три года по возникновеніи крестьянскаго дѣла былъ оставленъ отъ него въ сторонѣ, лучше сказать—даже систематически отъ него устранялся".

III.

Открытіе Редакціонныхъ Коммисій послѣдовало 4-го марта, въ 8 часовъ вечера, въ казенной квартирѣ Я. И. Ростовцева (на Васильевскомъ островѣ, по Кадетской линіи) по званію его главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Къ первому засѣданію Коммисій собралось 10 членовъ, получившихъ уже назначеніе и бывшихъ въ то время въ Петербургѣ [1]). Засѣданію предшествовалъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Самое же засѣданіе началось нѣсколькими словами предсѣдателя, который, въ концѣ своей рѣчи, сказалъ:

— „Мы приступаемъ къ дѣлу щекотливому. Мы можемъ быть разныхъ мнѣній и взглядовъ. Между нами могутъ произойти горячіе и раздражительные споры и несогласія, а потому мы всѣ должны заранѣе простить другъ другу огорченія, если бы у насъ вышло что нибудь непріятное, и я первый теперь же прошу у всѣхъ васъ прощенія, если бы неумышленно, хотя однимъ словомъ, кого нибудь обидѣлъ" [2]). Продолженіе засѣданія состояло въ чтеніи Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи Редакціонныхъ Коммисій и двухъ Высочайше утвержденныхъ, 26-го октября и 4-го октября 1858 г., положеній Глав-

[1]) Выписываю имена ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приведены въ статьѣ Н. П. Семенова «Дѣятельность Я. И. Ростовцева въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ по крестьянскому дѣлу», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 года: непремѣнные члены: С. М. Жуковскій и Я. А. Соловьевъ; члены отъ разныхъ вѣдомствъ: Н. А. Милютинъ, А. К. Гирсъ, М. Н. Любощинскій, Н. П. Семеновъ, В. П. Булыгинъ и Н. В. Калачовъ; члены-эксперты: П. А. Булгаковъ и П. П. Семеновъ, на котораго съ перваго засѣданія были возложены обязанности завѣдывающаго дѣлами Коммисій.

[2]) Статья Н. Семенова въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1864 г. Я. С.

наго Комитета, которыя подробно были мною изложены въ первой части моихъ Записокъ и которыя послужили краеугольнымъ камнемъ трудовъ Редакціонныхъ Коммисій. Послѣ чтенія этихъ Высочайшихъ повелѣній и опираясь на нихъ, Яковъ Ивановичъ своимъ своеобразнымъ языкомъ объяснилъ, что: „главная цѣль Высочайше указаннаго преобразованія, а слѣдовательно, и возложеннаго на Коммисіи труда есть прекращеніе крѣпостнаго состоянія, соединенное съ прочнымъ устройствомъ крестьянскаго быта“.

Съ самаго начала Яковъ Ивановичъ хотѣлъ изгнать изъ засѣданій Редакціонныхъ Коммисій всѣ стѣсненія бюрократическаго характера. Въ это только засѣданіе члены Коммисій были въ форменныхъ или простыхъ фракахъ; а затѣмъ, въ послѣдующія засѣданія всегда собирались въ сюртукахъ и во время самыхъ засѣданій пили чай и курили.

Черезъ день послѣ открытія Коммисій, именно 6-го марта 1859 г., всѣ наличные члены Коммисій представлялись Государю Императору въ Зимнемъ дворцѣ; но предварительно, по приглашенію Якова Ивановича, мы всѣ отправились къ предсѣдателю государственнаго совѣта и, за отсутствіемъ Государя, заступавшему мѣсто предсѣдателя въ Главномъ Комитетѣ, князю А. Ѳ. Орлову. Князь Орловъ вышелъ къ намъ, вмѣстѣ съ Яковомъ Ивановичемъ, и привѣтствовалъ насъ слѣдующими словами:

— „Господа, на васъ лежитъ трудная обязанность распутать дѣло сложное и запутанное. Такъ уже сдѣлалось; пойти назадъ невозможно; вы должны идти по тому направленію, которое дано ему; а что вы не такъ сдѣлаете, мы поправимъ; и такъ, дай Богъ вамъ успѣха“.

Государю Императору мы представлялись въ проходной комнатѣ между пріемной и кабинетомъ Его Величества. Яковъ Ивановичъ насъ разставилъ такъ, что „непремѣнные члены“ стояли выше всѣхъ, потомъ слѣдовали представители министерства внутреннихъ дѣлъ и т. д.; поэтому я стоялъ вторымъ, между Жуковскимъ и Милютинымъ. По выходѣ Государя, Яковъ Ивановичъ представилъ каждаго изъ насъ особо. Затѣмъ Государь вышелъ на середину комнаты и взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— „Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть оцѣнить его. Это дѣло

щекотливое, Я знаю; мой выборъ палъ на васъ; обо всѣхъ васъ Я слышалъ отъ вашего предсѣдателя: онъ мнѣ всѣхъ рекомендовалъ. Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ Я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а Я васъ не забуду. Прощайте".

Послѣ этого Государь обратился къ Якову Ивановичу, подалъ ему руку и поцѣловалъ его [1]).

Слова, обращенныя къ членамъ Редакціонныхъ Коммисій Государемъ и княземъ Орловымъ, необыкновенно характеристичны. Оба они сознаютъ трудность дѣла; оба призываютъ Бога въ помощь Коммисіямъ, но въ этомъ только и заключается сходство ихъ рѣчей. Затѣмъ, князь Орловъ, указывая на начало дѣла, говоритъ: „Такъ уже сдѣлалось, пойти назадъ невозможно"; поэтому онъ замѣчаетъ, что на насъ лежитъ обязанность: „распутать сложное и запутанное дѣло"; предвидитъ въ нашихъ трудахъ ошибки, которыя обѣщаетъ „поправить". Напротивъ, изъ словъ Государя видно, что Онъ предпринялъ освобожденіе крестьянъ не случайно, какъ думалъ князь Орловъ, а изъ желанія „блага Россіи". Онъ не зналъ насъ лично, но обо всѣхъ насъ слышалъ отъ нашего предсѣдателя, и, на основаніи сообщенныхъ ему свѣдѣній, „выборъ" Его „палъ" на насъ, слѣдовательно, также не случайно, но сознательно Онъ поручилъ дѣло людямъ либеральнаго направленія, потому что былъ увѣренъ, что мы „любимъ Россію", также какъ Онъ „ее любитъ". Онъ не намекалъ намъ на ошибки, но выражалъ надежду, что съ нами Онъ приведетъ дѣло „къ благополучному окончанію".

---

[1]) Слова Государя и князя Орлова тогда же были записаны Н. П. Семеновымъ и помѣщены въ его статьѣ, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 года: «Дѣятельность Я. И. Ростовцева», на которую я сейчасъ ссылался.
Я. С.

IV.

Первые три мѣсяца Коммисіи употребили на организацію работъ, на что было употреблено 17 засѣданій общаго присутствія Коммисій и по нѣскольку засѣданій каждаго изъ трехъ отдѣленій, на которыя раздѣлились Редакціонныя Коммисіи. Въ теченіе этого времени были приглашены и вступили въ составъ Коммисій бо́льшая часть членовъ-экспертовъ. Въ одно изъ упомянутыхъ 17-ти засѣданій были объявлены предсѣдателемъ Коммисій какъ Высочайшее повелѣніе объ образованіи Финансовой Коммисіи, такъ и списокъ членовъ этой Коммисіи. Но, кромѣ организаціи своихъ работъ, Коммисіи занимались разсмотрѣніемъ предложеній своего предсѣдателя, состоящихъ въ дальнѣйшемъ развитіи началъ, данныхъ въ руководство Коммисіямъ; а нѣкоторые члены, по приглашенію предсѣдателя, занимались извлеченіями изъ проектовъ частныхъ лицъ и журнальныхъ статей по предмету освобожденія крестьянъ. Я скажу о каждой изъ этихъ трехъ частей первоначальныхъ занятій Коммисій особо.

При первомъ приступѣ къ занятіямъ раздѣленіе Редакціонныхъ Коммисій на двѣ особыя Коммисіи—общихъ и мѣстныхъ положеній—оказалось неудобнымъ. Во первыхъ, устраненіе экспертовъ изъ первой изъ означенныхъ Коммисій лишило бы эту Коммисію мѣстныхъ представителей; въ составленномъ Земскимъ Отдѣломъ проектѣ разсмотрѣнія губернскихъ положеній этого недостатка не было. Во вторыхъ, по предположенію, какъ нашему, такъ и Я. И. Ростовцева, Коммисія общихъ положеній должна была выработать проекты какъ по юридическимъ, такъ и по административнымъ вопросамъ крестьянскаго дѣла, между тѣмъ какъ каждая изъ этихъ двухъ сторонъ дѣла составляла особый предметъ, точно такъ же, какъ и разрѣшеніе хозяйственныхъ вопросовъ. Въ третьихъ, въ обоихъ предположеніяхъ не предвидѣлось надобности въ соединеніи Коммисій въ одно общее присутствіе. Все это до такой степени представилось яснымъ, что исправленіе этихъ недостатковъ было принято, по предложенію предсѣдателя, единогласно, безъ малѣйшаго возраженія. Средство къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ заключалось въ Вы-

сочайшемъ повелѣніи 17-го февраля объ учрежденіи Коммисій. Въ одной изъ статей этого повелѣнія было сказано:

«Предсѣдателю обѣихъ Редакціонныхъ Коммисій предоставить право дать симъ Коммисіямъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію... Равнымъ образомъ предсѣдателю..... предоставить право соединять обѣ Коммисіи въ одинъ составъ или одно присутствіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ необходимо для разсмотрѣнія предметовъ, требующихъ общаго и совокупнаго обсужденія».

Согласно вышеизложенному, во второмъ же засѣданіи Коммисій, предсѣдатель предложилъ раздѣлить ихъ на три отдѣленія: 1) юридическое, 2) административное и 3) хозяйственное. Вмѣстѣ съ тѣмъ было положено, что отдѣленія будутъ: разсматривать проекты губернскихъ комитетовъ и составлять свои предположенія каждое спеціально по своему предмету, и затѣмъ вносить доклады на обсужденіе и утвержденіе общаго присутствія Коммисій. Финансовая Коммисія какъ бы составляла четвертое отдѣленіе Редакціонныхъ Коммисій. Члены этого четвертаго отдѣла были назначены и приглашены прямо въ означенную Коммисію. Что же касается до членовъ собственно Редакціонныхъ Коммисій, то каждый изъ нихъ выбралъ для себя то или другое отдѣленіе, согласно своему желанію и сообразно своей спеціальности. Нѣкоторые изъявили желаніе участвовать въ двухъ отдѣленіяхъ, а С. М. Жуковскій и я, какъ непремѣнные члены, вошли въ составъ всѣхъ трехъ отдѣленій. Распредѣленіе членовъ по отдѣленіямъ сдѣлалось безъ всякаго соображенія съ первоначальнымъ предположеніемъ о составѣ Коммисій; такъ, Коммисія общихъ положеній должна была состоять изъ однихъ представителей трехъ министерствъ (внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ). Замѣнившія эту Коммисію юридическое и административное отдѣленія: первое, кромѣ меня, не имѣло представителя отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но я присутствовалъ въ немъ какъ непремѣнный членъ, и имѣло въ своемъ составѣ одного члена-эксперта изъ помѣщиковъ (Апраксина). Второе, административное, отдѣленіе состояло изъ двухъ непремѣнныхъ членовъ и представителей только двухъ министерствъ (внутреннихъ дѣлъ и юстиціи), слѣдовательно—всего изъ четырехъ правительственныхъ членовъ; остальные члены, числомъ одиннадцать, принадлежали къ категоріи экспертовъ. Слѣдовательно, членовъ-экспертовъ изъ помѣщиковъ не присут-

ствовало въ административномъ отдѣленіи 7 человѣкъ (Апраксинъ, Галаганъ, П. Семеновъ, Тарновскій, графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ [1]). Въ хозяйственномъ отдѣленіи, замѣнившемъ Коммисію мѣстныхъ положеній, указанное представительство разныхъ вѣдомствъ было выдержано; но не было исполнено другое требованіе Высочайшаго повелѣнія 17-го февраля, по которому всѣ эксперты приглашались для участія въ составленіи мѣстныхъ положеній; четыре изъ нихъ (Апраксинъ, Булгаковъ, Желтухинъ и Позенъ) не присутствовали въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія. Большинство членовъ въ хозяйственномъ отдѣленіи, точно такъ же, какъ и въ административномъ, составляли члены-эксперты изъ помѣщиковъ; ихъ было 14 изъ общаго числа 21-го члена отдѣленія.

Предсѣдателемъ каждаго изъ отдѣленій, также какъ и общаго присутствія, по праву, былъ Я. И. Ростовцевъ; но онъ по одному или по два раза предсѣдательствовалъ въ хозяйственномъ отдѣленіи и Финансовой Коммисіи; въ дѣйствительности же предсѣдательство въ отдѣленіяхъ приняли на себя, согласно желанію остальныхъ членовъ, старшіе по служебному положенію; но при этомъ не было ни приглашенія со стороны предсѣдателя Коммисій, ни выборовъ. Въ одномъ только хозяйственномъ отдѣленіи Н. А. Милютинъ не удовольствовался общею словесною просьбою о принятіи имъ на себя обязанностей предсѣдателя, но потребовалъ баллотировки закрытыми записками, и былъ выбранъ остальными членами единогласно. Въ юридическомъ отдѣленіи предсѣдательствовалъ С. М. Жуковскій, а въ административномъ П. А. Булгаковъ [2]). Финансовая Коммисія не имѣла

[1]) Седьмой не названъ въ Запискахъ. Ред.

[2]) Привожу имена членовъ отдѣленій въ алфавитномъ порядкѣ, въ какомъ подписывались доклады отдѣленій; предсѣдательствовавшіе подписывались въ томъ же порядкѣ. Въ общемъ присутствіи, при подписи журналовъ, соблюдался тотъ же алфавитный порядокъ, за исключеніемъ предсѣдателя Коммисій, который подписывалъ журналы первымъ.

Юридическое отдѣленіе: В. Б. Апраксинъ, В. И. Булыгинъ, К. И. Домонтовичъ, С. М. Жуковскій, Н. В. Калачовъ, М. Н. Любощинскій и Я. А. Соловьевъ,—всего 7 человѣкъ.

Административное отдѣленіе: В. В. Апраксинъ, П. А. Булгаковъ, князь С. П. Голицынъ, К. И. Гечевичъ, А. К. Гирсъ, А. А. Гробянка, А. Д. Желтухинъ, С. М. Жуковскій, Б. Ф. Залѣсскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. П. Семеновъ, Я. А. Соловьевъ, А. Н. Татариновъ, князь В. А. Черкасскій и О. Ф. Ярошинскій,—всего 15 человѣкъ.

частыхъ засѣданій и тамъ, кажется, не было особаго заступающаго мѣсто предсѣдателя, хотя, на самомъ дѣлѣ, обязанности предсѣдателя по веденію дѣла исполнялъ всецѣло Н. А. Милютинъ, даже болѣе—чѣмъ въ хозяйственномъ отдѣленіи.

Затѣмъ, въ первыя же собранія отдѣленій были избраны члены-редакторы, принявшіе на себя разработку предстоящихъ къ разрѣшенію вопросовъ и составленіе докладовъ. По мѣрѣ прибытія членовъ-экспертовъ, число членовъ-редакторовъ увеличивалось. По юридическому отдѣленію редакторами были: К. И. Домонтовичъ, Н. В. Калачовъ и М. Н. Любощинскій. Въ административномъ отдѣленіи редакторскія обязанности приняли на себя: А. К. Гирсъ, Н. П. Семеновъ и А. И. Татариновъ.

Въ хозяйственномъ отдѣленіи редактированіемъ докладовъ занимались: Г. П. Галаганъ, князь С. П. Голицынъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, П. П. Семеновъ, я, В. В. Тарновскій и князь В. А. Черкасскій.

Редакціонныя работы въ Финансовой Коммиссіи производились Е. И. Ламанскимъ, частію А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, но преимущественно К. И. Домонтовичемъ.

Говоря о личномъ составѣ Редакціонныхъ Коммисій, въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что Я. И. Ростовцевъ, въ одно изъ первыхъ засѣданій, заявилъ, что, по его мнѣнію, весьма полезно было бы имѣть для присутствія въ отдѣленіяхъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, „нѣсколько помѣщиковъ небогатыхъ, достаточно образованныхъ“, распоряжавшихся лично своимъ хозяйствомъ. Это предложеніе, хотя и было принято Коммисіями, но осуществленіе его ограничилось приглашеніемъ, по моей рекомендаціи, бывшаго члена отъ правительства владимірскаго комитета по устройству быта крестьянъ А. П. Смирнова и приглашеніемъ старшихъ дѣлопроизводителей Земскаго Отдѣла Н. Колошина и П. А. Шульца [1]) въ засѣданія хозяйственнаго от-

---

Хозяйственное отдѣленіе: И. П. Арапетовъ, Г. П. Галаганъ, К. И. Гечевичъ, князь С. П. Голицынъ, А. А. Гробянка, К. И. Домонтовичъ, Н. И. Желѣзновъ, С. М. Жуковскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Б. Ф. Залѣсскій, Н. А. Милютинъ, Н. Н. Павловъ, князь Ѳ. И. Паскевичъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, П. П. Семеновъ, Я. А. Соловьевъ, В. П. Тарновскій, А. Н. Татариновъ, князь В. А. Черкасскій, графъ П. П. Шуваловъ и О. Ф. Ярошинскій, — всего 21 человѣкъ.

[1]) Бывшихъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ общихъ коммисіяхъ виленской и кіевской. Я. С.

дѣленія, въ которыхъ присутствовалъ и Смирновъ. Что же касается до другаго предложенія предсѣдателя—о выборѣ до десяти или управляющихъ имѣніями, или старостъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, для приглашенія ихъ въ отдѣленія по одиночкѣ, съ цѣлію отобранія отъ нихъ полезныхъ свѣдѣній, — то это предложеніе также было принято Коммисіями, но вовсе не осуществилось.

Для взаимныхъ соглашеній по установленію однообразнаго порядка въ работахъ отдѣленій, по предложенію предсѣдателя Коммисій, вслѣдъ за образованіемъ отдѣленій, наличные члены-редакторы имѣли экстренное засѣданіе [1]). Послѣ жаркихъ споровъ между П. П. Семеновымъ, защищавшимъ механическую выборку изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ посредствомъ вырѣзокъ параграфовъ и наклейку ихъ одинъ возлѣ другаго, и мной, предлагавшимъ систематическій сводъ по данной губернскимъ комитамъ программѣ посредствомъ обыкновенныхъ извлеченій и ссылокъ на проекты,—мы внесли наше мнѣніе на разрѣшеніе общаго присутствія, при чемъ я, кромѣ образца свода губернскихъ проектовъ, внесъ образецъ доклада отдѣленій. По моему предположенію, доклады отдѣленій должны заключать въ себѣ слѣдующія части: 1) содержаніе проектовъ губернскихъ комитетовъ, 2) обзоръ основаній, 3) отзывы начальниковъ губерній, 4) замѣчанія министерства внутреннихъ дѣлъ и членовъ Коммисіи при Главномъ Комитетѣ, 5) Высочайшія повелѣнія, данныя въ руководство по крестьянскому дѣлу, 6) соображенія отдѣленія и 7) заключенія.

Общее присутствіе, согласно съ предложеніемъ предсѣдателя, признало полезнымъ составлять своды изъ губернскихъ проектовъ въ томъ и въ другомъ видѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ утвердило образецъ докладовъ отдѣленій. Затѣмъ, по этому образцу составлялись доклады для всѣхъ отдѣленій до закрытія Редакціонныхъ Коммисій [2]). Работа по составленію свода посредствомъ наклеекъ „продолжалась недолго, потому что сдѣлалась на практикѣ совершенно безполезною“; а „систематическій сводъ проектовъ положеній, составленныхъ губернскими комитетами“ продолжался до конца и

---

[1]) Въ этомъ засѣданіи приняли участіе шесть редакторовъ: А. К. Гирсъ, Н. В. Калачовъ, М. Н. Любощинскій, Н. П. и П. П. Семеновы и я; кромѣ того присутствовали: В. И. Булыгинъ и С. М. Жуковскій.

[2]) Журналъ общаго присутствія 1-го апрѣля 1859 г., № 7. Я. С.

составилъ бо́льшую часть I-го и весь VII-й томъ „Перваго изданія матеріаловъ Редакціонныхъ Коммисій".

Была также составлена въ Земскомъ Отдѣлѣ и утверждена общимъ присутствіемъ „систематическая программа докладовъ юридическаго, административнаго и хозяйственнаго отдѣленій по вопросамъ, истекающимъ изъ программы для занятій губернскихъ комитетовъ" [1]).

По сношеніи предсѣдателя съ министромъ внутреннихъ дѣлъ были вытребованы изъ губерній подлинныя свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ, которыя, на основаніи программы для занятій губернскихъ комитетовъ, были представлены въ комитеты каждымъ помѣщикомъ. Для того, чтобы сдѣлать свѣдѣнія эти полезными для Коммисій, ихъ надо было разобрать и, сведя въ общія однообразной формы вѣдомости, напечатать. Эта работа послужила поводомъ къ приглашенію К. И. Домонтовича въ составъ Редакціонныхъ Коммисій, о чемъ было упомянуто выше. По представленному имъ соображенію оказалось, что на печатаніе всѣхъ свѣдѣній потребовались бы значительныя издержки и весьма много времени, ибо сводныя вѣдомости составили бы 700 печатныхъ листовъ. Положено было сдѣлать извлеченіе только изъ свѣдѣній объ имѣніяхъ съ населеніемъ въ 100 и болѣе душъ.

V.

Послѣ организаціи личнаго состава Коммисій, разъясненія—въ чемъ должны состоять труды Коммисій и установленія порядка самаго производства работъ, предстояло изыскать способы правильнаго и безостановочнаго исполненія возложеннаго на Коммисіи порученія. Положено было за правило, что отдѣленія приступаютъ къ разсмотрѣнію того или другаго изъ вопросовъ „систематической программы" не прежде, какъ по изготовленіи проекта доклада. Составленіе этихъ докладовъ, какъ видно изъ утвержденнаго образца, требовало немаловажнаго подготовительнаго труда, въ особенности по изложенію содержанія проектовъ и обзоровъ основаній, принятыхъ комитетами. Производство этой подготови-

---

[1]) См. въ «Русск. Вѣстн.» 1864 г. статью Н. П. Семенова: «Дѣятельность Я. И. Ростовцева». Я. С.

тельной работы самими членами-редакторами отняло бы у нихъ много времени и замедлило бы общій ходъ занятій. Хотя при Редакціонныхъ Коммисіяхъ была образована канцеляріи, но во главѣ этой канцеляріи стояли люди неопытные въ организаціи письменнаго производства по такому спеціальному предмету, какъ крестьянское дѣло; хотя членамъ-редакторамъ было предоставлено, въ помощь себѣ, приглашать, за извѣстное вознагражденіе, опытныхъ и способныхъ чиновниковъ, но всего этого было недостаточно при той массѣ работъ, которыя предстояли Редакціоннымъ Коммисіямъ. Въ видахъ устраненія этого затрудненія, я, съ разрѣшенія своего министра, предложилъ Я. И. Ростовцеву обратить занятія Земскаго Отдѣла на пользу Редакціонныхъ Коммисій, принявъ на себя организацію работъ и наблюденіе за ходомъ ихъ. Яковъ Ивановичъ съ радостію принялъ мое предложеніе. Въ Земскомъ Отдѣлѣ производились уже подготовительныя работы по докладамъ хозяйственнаго отдѣленія, какъ принятымъ мною на себя, такъ и по другимъ. Затѣмъ, усиливъ личный составъ Отдѣла новыми чиновниками на сумму, предоставленную мнѣ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммисій, я передалъ въ Земскій Отдѣлъ составленіе „Систематическаго свода проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ“; а сверхъ того, слѣдя за ходомъ работъ въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ, принималъ въ Земскій Отдѣлъ тѣ работы, которыя или замедлялись въ своемъ производствѣ, или вовсе оставались безъ движенія. Затѣмъ, время отъ времени, я доводилъ до свѣдѣнія общаго присутствія Коммисій о положеніи работъ, производившихся въ Земскомъ Отдѣлѣ, что также весьма было пріятно Якову Ивановичу [1]).

---

[1]) О содѣйствіи Земскаго Отдѣла Редакціоннымъ Коммисіямъ Н. П. Семеновъ въ своей статьѣ: «Дѣятел. Я. И. Ростовцева», описывая засѣданія 15-го и 29-го апрѣля, сообщаетъ слѣдующій не совсѣмъ точный разсказъ:

«. . . . Непремѣнный членъ, управляющій Земскимъ Отдѣломъ, доложилъ Якову Ивановичу, что министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ присоединить Земскій Отдѣлъ, въ отношеніи занятій, къ Редакціоннымъ Коммисіямъ на помощь и для однообразія въ дѣйствіяхъ, согласно тому, какое направленіе дѣятельности этого Отдѣла угодно будетъ дать предсѣдателю Коммисій. Это была особая любезность, за которую Яковъ Ивановичъ очень благодарилъ».

Неточность этого разсказа заключается въ томъ, что Земскій Отдѣлъ не былъ и не могъ быть присоединенъ къ Коммисіямъ. При томъ, министръ

Еще въ первое засѣданіе Коммисій предсѣдатель объявилъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ къ устройству при Коммисіяхъ библіотеки книгъ, статей, брошюръ и журналовъ, относящихся къ крестьянскому вопросу. Печатныхъ сочиненій, относящихся до крестьянскаго дѣла, набралось до 1,000; изъ нихъ на русскомъ языкѣ до 400. Въ составъ этой же библіотеки поступали, во все время существованія Редакціонныхъ Коммисій, проекты и записки: 1) изъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу (числомъ 124) и 2) тѣ, которые получались двумя предсѣдателями Редакціонныхъ Коммисій (Ростовцевымъ и графомъ Панинымъ, — числомъ 266); всѣхъ такихъ проектовъ и записокъ поступило въ библіотеку во все время существованія Коммисій 390 [1]).

Я. И. Ростовцевъ, искавшій повсюду разъясненія крестьянскаго вопроса, „находя, что, кромѣ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ, ... весьма важные для соображеній могутъ заключаться и въ мысляхъ частныхъ лицъ, по предмету освобожденія крестьянъ, предложилъ членамъ Коммисій заняться составленіемъ сводовъ также и изъ всѣхъ журнальныхъ статей, отдѣльныхъ сочиненій или брошюръ и вообще изъ всего, что доселѣ представляетъ по сему предмету литература отечественная и иностранная, какъ въ изданіяхъ печатныхъ, такъ и въ сочиненіяхъ рукописныхъ“. При этомъ Яковъ Ивановичъ прибавилъ: „Я долженъ сообщить вамъ, господа, что изъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по особому разрѣшенію, будутъ

внутреннихъ дѣлъ не отказывался и не могъ отказываться отъ своего права «направлять дѣятельность этого Отдѣла», тѣмъ болѣе, что, кромѣ содѣйствія Редакціоннымъ Коммисіямъ, Земскій Отдѣлъ имѣлъ много другихъ занятій, о которыхъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Далѣе Н. П. Семеновъ разсказываетъ:

«Управляющій Земскимъ Отдѣломъ, съ своей стороны, представилъ Якову Ивановичу отчетъ занятій по этому Отдѣлу. Предсѣдатель былъ видимо тронутъ этимъ вниманіемъ и особенно благодарилъ его, прося довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ (Ланскаго), съ какимъ чувствомъ принимаетъ онъ это вниманіе».

Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ также заключается неточность. Дѣйствительно, я сообщалъ о томъ, что дѣлается въ Земскомъ Отдѣлѣ, но не вообще, а единственно по содѣйствію Редакціоннымъ Коммисіямъ.

[1]) Скребицкаго: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II». Т. I, стр. 926—943. Я. С.

присылать въ Коммисіи одинъ экземпляръ „Колокола“, для того, чтобы мы все знали, что̀ будутъ писать о насъ за границей; я буду васъ просить, чтобы вы и изъ „Колокола“ заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть полезно и примѣнимо къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проекта положеній“ [1]). Такое заявленіе, со стороны предсѣдателя, не могло не произвести значительнаго впечатлѣнія на членовъ Коммисій: въ то время не только читать, но даже упоминать о „Колоколѣ“ и о его издателѣ Герценѣ было небезопасно. На возраженіе одного изъ членовъ Яковъ Ивановичъ отвѣчалъ: „Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться“.

Дѣлать извлеченія какъ изъ печатныхъ сочиненій, такъ и рукописныхъ проектовъ и записокъ, вызвались шесть членовъ: Арапетовъ, Булгаковъ, Галаганъ, князь Голицынъ, Милютинъ и Павловъ. Нашъ предсѣдатель до того увлекался мыслью найти въ хранившихся въ устроенной имъ библіотекѣ сочиненіяхъ что либо особенно важное и примѣнимое къ дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи, что въ одномъ изъ первыхъ засѣданій выразилъ свое намѣреніе: „предложить Ю. Ѳ. Самарину (онъ тогда еще отсутствовалъ) быть руководителемъ въ выборѣ изъ библіотеки всѣхъ статей полезныхъ присутствію и знакомить его самого съ содержаніемъ этихъ книгъ, такъ какъ Ю. Ѳ. Самаринъ много занимался литературой крестьянскаго вопроса“ [2]). Но дѣло кончилось тѣмъ, что члены Арапетовъ, Булгаковъ, Галаганъ и князь Голицынъ представили извлеченіе изъ нѣкоторыхъ рукописныхъ проектовъ и записокъ; такъ что изъ всѣхъ рукописей извлеченія были сдѣланы только изъ 47, но и тѣ не могли быть особенно полезны для Редакціонныхъ Коммисій, потому что на практикѣ дѣло созрѣло, развилось и опередило бо̀льшую часть предположеній, составленныхъ частными лицами. Тѣ же немногіе проекты, которые въ общемъ видѣ сходились съ правительственными предположеніями, заключали въ себѣ общія основанія, принятыя уже правительствомъ, а Коммисіямъ предстояло развитіе подробностей.

---

[1]) Семеновъ: «Дѣятельность Я. И. Ростовцева», стр. 501.

[2]) Тамъ же. Я. С.

Но извлеченія, дѣлаемыя изъ проектовъ по крестьянскому дѣлу, были полезны въ томъ отношеніи, что посредствомъ чтенія этихъ извлеченій Яковъ Ивановичъ укрѣплялся въ основныхъ началахъ будущихъ Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Его особенно поразила сообщенная ему министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Горчаковымъ Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Молдавіи (Mode de solution pour la question des paysans en Moldavie). Подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое произвело на него чтеніе этой Записки, онъ написалъ Государю слѣдующее письмо:

„Ваше Императорское Величество, я въ особенности теперь занятъ чтеніемъ и разсмотрѣніемъ различныхъ частныхъ сочиненій, книгъ и брошюръ о крестьянскомъ вопросѣ, пріобрѣтаемыхъ въ огромномъ числѣ Редакціонными Коммисіями. Имѣю счастіе представить вамъ только что мной прочитанное описаніе хода крестьянскаго вопроса въ Молдавіи. Сочиненіе это болѣе чѣмъ удивило меня: оно меня поразило и вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшило. Оно меня поразило чрезвычайнымъ сходствомъ съ ходомъ этого же вопроса и у насъ. И тѣ же главныя наши начала, и тѣ же опасенія, и тѣ же противодѣйствія;—а утѣшило меня потому, что тамъ совершается уже практически то, что у насъ зачинается совершаться только еще въ теоріи. Сочиненіе это до того кажется мнѣ важнымъ, что его полезно было бы имѣть настольною тетрадью для каждаго изъ насъ, сопричастныхъ обсужденію этого великаго и труднаго вопроса. Осмѣливаюсь просить Ваше Величество прочесть съ особеннымъ вниманіемъ это сочиненіе: я заранѣе убѣжденъ, что оно и васъ, Государь, такъ же поразитъ и утѣшитъ, какъ и меня. Прочесть это сочиненіе было бы очень полезно и противникамъ крестьянскаго освобожденія и выкупа крестьянами земли. Они убѣдились бы практическими данными, что и ихъ собственное и ихъ имѣній спасеніе заключается безусловно въ выполненіи этихъ неотложныхъ требованій“.

На этомъ письмѣ, помѣченномъ 30-мъ марта 1859 года, Государь написалъ карандашомъ: „Весьма любопытно и многое совершенно примѣнимо къ намъ“ [1]).

Между тѣмъ, внутренняя работа самого предсѣдателя Комми-

[1]) Тамъ же. Я. С.

сій надъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса продолжалась. Въ самомъ началѣ открытія Редакціонныхъ Коммисій, во второе засѣданіе ихъ, „предсѣдатель предложилъ на обсужденіе Коммисій извлеченныя изъ печатныхъ и литографированныхъ его мнѣній нѣкоторыя основныя мысли, которыя, по его убѣжденію, небезполезно было бы принять къ соображенію". Новаго въ этомъ предложеніи ничего не было,—это дѣйствительно было извлеченіе „основныхъ мыслей", до которыхъ додумался Яковъ Ивановичъ, начиная со „Всеподданнѣйшихъ писемъ" до послѣдней его записки: „Дополненіе къ статьѣ: Ходъ и исходъ крестьянскаго дѣла". Сущность этихъ „основныхъ мыслей" заключалась въ томъ, что полное освобожденіе крестьянъ можетъ послѣдовать не прежде какъ по выкупѣ крестьянами ихъ земельнаго надѣла. До того же времени крестьяне не могутъ быть вполнѣ свободны, и потому будетъ продолжаться срочно-обязанный періодъ, который необходимо сдѣлать возможно короткимъ; но такъ какъ обязательный выкупъ не можетъ быть допущенъ, то надо, по возможности, облегчить крестьянамъ тягость переходнаго времени и открыть какъ можно болѣе выходовъ для крестьянъ изъ срочно-обязаннаго положенія.

Въ этихъ видахъ, черезъ нѣсколько времени, онъ сдѣлалъ второе предложеніе Коммисіямъ, въ которомъ сообщалъ общему присутствію внушенную ему А. И. Левшинымъ мысль объ обращеніи „промысловыхъ или торговыхъ имѣній, въ которыхъ земледѣліе имѣетъ значеніе второстепенное", съ согласія помѣщиковъ и крестьянъ, „въ мѣстечки или посады", съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній. Крестьянамъ въ этихъ случаяхъ предоставлялись бы однѣ усадебныя земли, съ платой за нихъ разъ установленнаго неизмѣняемаго оброка или вѣчнаго чинша. Такое предположеніе основывалось на невѣрномъ предположеніи, что „въ такихъ имѣніяхъ выкупъ земель для крестьянъ былъ бы безполезенъ". На раздѣленіи труда между земледѣліемъ и промыслами основана вся наша кустарная промышленность и отхожіе промыслы, включая сюда и торговыя занятія.

По выслушаніи этихъ двухъ предположеній, члены Коммисій единогласно положили: по первому изъ нихъ „по изъявленіи полнаго сочувствія къ выраженнымъ предсѣдателемъ основнымъ соображеніямъ, какъ вполнѣ согласнымъ съ ихъ убѣжденіями",

внести „сіи соображенія въ журналъ для непремѣннаго руководства“; по второму предложенію, о мѣстечкахъ, „передать мнѣніе г. предсѣдателя для дальнѣйшаго развитія въ отдѣленія хозяйственное и административное“. Хотя предсѣдатель не встрѣтилъ препятствія ко внесенію перваго предложенія въ журналъ, но отклонилъ обязательность этого предложенія для членовъ, предоставивъ „каждому изъ членовъ высказывать искренно свои убѣжденія, если бы они были, въ чемъ бы то ни было, и не согласны съ его мыслями“.

Третье предложеніе предсѣдателя мотивировано было тѣмъ, что, „соображая отчетныя записки о занятіяхъ отдѣленій, онъ усматриваетъ, что труды Коммисій..... не могутъ подвигаться впередъ безъ точнаго опредѣленія какъ сущности, такъ и цѣли срочно-обязаннаго періода, и что только этимъ опредѣленіемъ предупредятся противорѣчія въ редакціи всѣхъ трехъ отдѣленій“. Содержаніе самаго предложенія состояло въ слѣдующемъ:

„Сообразно съ Высочайше утвержденнымъ журналомъ Главнаго Комитета въ декабрѣ, развивая основную мысль Государя Императора, я (т. е. предсѣдатель) полагаю возможнымъ опредѣлить срочно-обязанное или переходное время слѣдующимъ образомъ:

„Срочно-обязанный періодъ есть то время, въ которое крестьяне остаются еще къ помѣщику въ обязательныхъ отношеніяхъ. Въ обязательныхъ же отношеніяхъ крестьянское общество остается до тѣхъ поръ, пока цѣлое общество—

„1) не выкупитъ окончательно достаточнаго количества земли для обезпеченія своего быта и для уплаты повинностей, безъ содѣйствія правительства, или не приступитъ къ этому выкупу съ содѣйствіемъ правительства;

„или 2) не обратится въ городское сословіе при образованіи изъ промысловыхъ и торговыхъ селеній—мѣстечекъ;

„или 3) по соглашеніи съ помѣщикомъ, на основаніи установленныхъ правилъ, не переселится на землю, помѣщику непринадлежащую.

„Слѣдовательно, преимущественная цѣль правительства, при установленіи срочно-обязаннаго періода, есть пріобрѣтеніе крестьянами нѣкотораго количества обезпечивающей ихъ бытъ и осѣдлость поземельной собственности.

„Но какъ крестьянскія общества будутъ выходить изъ срочно-обязаннаго положенія не одновременно, то необходимо опредѣлить одинъ общій срокъ (напримѣръ, не болѣе 12-ти лѣтъ), по истеченіи котораго, правительство, для приведенія срочно-обязаннаго положенія къ окончанію, приметъ мѣры, согласныя съ обстоятельствами и потребностями того времени".

Въ это переходное время крестьяне будутъ находиться въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ помѣщика, такъ что срочно-обязанный періодъ будетъ „проявляться для помѣщичьихъ имѣній въ трехъ видахъ, представляющихъ различныя степени развитія личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянскаго сословія:

„1) Отъ объявленія личныхъ правъ до образованія сельскаго общественнаго управленія....

„2) Отъ образованія сельскаго общественнаго управленія до перехода издѣльнаго имѣнія съ барщины на оброкъ....

„3) Наконецъ, третій видъ срочно-обязаннаго періода продолжается отъ уничтоженія барщины до прекращенія всѣхъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику (или выкупомъ земель, или вступленіемъ въ другія сословія, или выходомъ въ другія мѣстности)...

„Основываясь на выше мной изложенномъ, я полагаю необходимымъ:

„1) При опредѣленіи правъ крестьянскаго сословія и устройствѣ сельскихъ обществъ, имѣть въ виду преимущественно періодъ окончательный, т. е. свободное сельское состояніе.

„2) Принять въ соображеніе упомянутые три вида срочно-обязаннаго положенія: а) вступительный, б) барщинный и в) оброчный.

„3) Сообразно съ отличительными свойствами этихъ формъ срочно-обязаннаго періода, сдѣлать необходимыя временныя ограниченія и измѣненія окончательныхъ правъ свободнаго сословія, такъ чтобы переходъ отъ одного вида къ другому представилъ строгую постепенность, какъ въ пріобрѣтеніи крѣпостнымъ сословіемъ правъ сословія свободнаго сельскаго, такъ и въ развитіи его самоуправленія.

„4) Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть постоянно въ виду, чтобы:

„а) повинности крестьянъ были съ самаго начала срочно-обязаннаго періода облегчены, и

„б) Размѣръ крестьянскаго надѣла былъ съ начала выкупа крестьянами земель сохраненъ, съ необходимыми только изъятіями и ограниченіями“ [1]).

Предложеніе это въ сущности не заключало въ себѣ ничего новаго. Это было ничто иное, какъ систематическое и болѣе отчетливое изложеніе тѣхъ мыслей, которыя были изложены въ прежнихъ запискахъ Якова Ивановича, въ особенности въ запискѣ „Дополненія къ статьѣ: Ходъ и исходъ крестьянскаго дѣла“. Но извлеченіе изъ тѣхъ записокъ было предложено Коммисіямъ во второе ихъ засѣданіе (5-го марта 1859 г.), когда Коммисіи находились въ составѣ однихъ правительственныхъ членовъ; кромѣ того, оно предложено было въ видѣ соображеній, а когда наличные въ то время члены просили принять эти соображенія „къ непремѣнному руководству“, тогда самъ предсѣдатель отклонилъ обязательность этихъ соображеній для членовъ. Напротивъ, приведенное сейчасъ предложеніе дѣлалось съ цѣлію „предупредить противорѣчія“ въ трудахъ Коммисій, слѣдовательно, обязательность его признавалась самимъ предсѣдателемъ, и при томъ оно было дано черезъ два мѣсяца (4-го—13-го мая 1859 г.), когда многіе изъ членовъ-экспертовъ разныхъ направленій были уже на лицо. Наконецъ, нельзя также не замѣтить, что не вполнѣ опредѣлительное соображеніе перваго предложенія съ третьимъ явилось въ формѣ положительныхъ правилъ. Поэтому третье предложеніе Якова Ивановича возбудило жаркія пренія, отчасти со стороны защитниковъ освобожденія крестьянъ съ землей, но въ особенности со стороны двухъ членовъ-экспертовъ, горячихъ защитниковъ безземельнаго освобожденія. Возраженія со стороны защитниковъ освобожденія происходили при предварительныхъ совѣщаніяхъ и кончились полнымъ соглашеніемъ; но несогласіе двухъ членовъ доходило до Высочайшаго разрѣшенія. Кромѣ того, диктаторскій тонъ предложенія и способъ защиты его со стороны предсѣдателя могъ испортить все дѣло, если бы за предсѣдателя и по предложенію не было огромнаго большинства. Предсѣдатель почти не допускалъ возраженій и это оскорбило многихъ членовъ, въ существѣ согласныхъ съ предложеніемъ.

[1]) Въ рукописи Записокъ Я. А. Соловьева, въ этомъ мѣстѣ, на полѣ, сдѣлана имъ помѣта времени, когда писаны эти страницы, а именно: «Парижъ. 29-го октября (10-го ноября) 1876».

Прежде внесенія предложенія въ общее присутствіе, предсѣдатель собралъ у себя на квартирѣ нѣкоторыхъ членовъ, на сочувствіе которыхъ онъ болѣе полагался [1]). При этомъ совѣщаніи было обращено вниманіе на два предмета: на сохраненіе власти помѣщика надъ крестьянами послѣ обнародованія Положенія и на выраженіе: „должны быть по возможности облегчены повинности".

По первому предмету было представлено, что, со времени обнародованія Положеній, крестьяне дѣлаются, по закону, свободными, а сохраненіе власти помѣщика будетъ продолженіемъ ихъ крѣпостной зависимости, и что въ этомъ нельзя не замѣтить явнаго противорѣчія дѣйствительности съ буквой и со смысломъ закона [2]). На такое возраженіе предсѣдатель замѣтилъ: „На это я согласиться не могу, потому что, не установивъ власти міра надъ крестьянами, нельзя еще уничтожить власти помѣщика и допустить совершенную анархію, хотя бы то было не только на годъ, но и на полгода, и на три дня: одна власть должна быть смѣнена другою, тотчасъ, немедленно" [3]). Разумѣется, что возраженіе не заключало въ себѣ мысли о допущеніи анархіи; а что оно было справедливо—это доказывается тѣмъ, что впослѣдствіи, при изданіи Положеній о крестьянахъ, съ момента обнародованія Положеній, власть помѣщиковъ прекращалась. Возраженіе не было поддержано другими членами и оно на этотъ разъ осталось безъ послѣдствій.

По второму предмету—объ уменьшеніи повинностей по возможности—возраженіе было сдѣлано со стороны нѣсколькихъ членовъ; само собой разумѣется, что я былъ въ числѣ ихъ. Завязался оживленный споръ, который кончился тѣмъ, что Яковъ Ивановичъ рѣшился вычеркнуть спорное выраженіе и призналъ возможнымъ допустить безусловное уменьшеніе въ повинностяхъ.

---

[1]) По свидѣтельству Семенова («Дѣят. Я. И. Ростовцева», «Русск. Вѣстн». 1864), въ этомъ совѣщаніи принимали участіе: Булыгинъ, Гирсъ, Жуковскій, Любощинскій, Милютинъ, Павловъ, оба Семеновы, Соловьевъ и кн. Черкасскій.

[2]) Семеновъ, передавая это возраженіе, говоритъ, что оно было сдѣлано «однимъ членомъ». Положительно теперь не помню, но болѣе чѣмъ вѣроятно что это возраженіе было сдѣлано мной. Я былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ оппонентовъ въ пользу крестьянъ, и это породило нѣкоторую холодность въ отношеніи ко мнѣ Якова Ивановича.

[3]) Тамъ же. Я. С.

Затѣмъ, придя къ соглашенію съ предсѣдателемъ, всѣ участвовавшіе въ предварительномъ совѣщаніи сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ защитниками его предложенія. Самая неточность понятія о власти помѣщика, послѣ дарованія крестьянамъ свободы, не могла стѣснить насъ въ дальнѣйшихъ работахъ, потому что въ самомъ предложеніи было указано, что „при опредѣленіи правъ крестьянскаго сословія и устройствѣ сельскихъ обществъ“ слѣдуетъ „имѣть въ виду преимущественно періодъ окончательный“... Возбуждался также между членами вопросъ, что не слѣдовало дѣлать подобное предложеніе, которое могло стѣснить дальнѣйшее свободное развитіе трудовъ Редакціонныхъ Коммисій, предрѣшая будущія постановленія Коммисій. При изложеніи судьбы настоящаго предложенія укажемъ на важное мѣсто, которое ему суждено было занять въ исторіи крестьянскаго дѣла.

Разсмотрѣнію упомянутаго предложенія было посвящено, кромѣ предварительнаго совѣщанія, четыре засѣданія (6-го, 8-го, 9-го и 13-го мая 1859 г.).

Въ первое засѣданіе, послѣ прочтенія предложенія самимъ предсѣдателемъ, водворилось глубокое молчаніе, которое не прерывалось до тѣхъ поръ, пока не началось вторичное чтеніе, и прич....

Примѣчаніе. На этомъ прерывается приведенный нами отрывокъ изъ Записокъ Я. А. Соловьева. Написаніе этого отрывка, какъ видно изъ помѣты Якова Александровича, начато: «9-го іюля 1876 г.», послѣднія страницы писаны 29-го октября (10-го ноября) того же года въ Парижѣ и нѣсколько дней позже, когда уже смерть витала надъ этимъ достопамятнымъ дѣятелемъ и вѣрнымъ слугою Государя и Россіи.

11-го декабря 1876 г. Якова Александровича Соловьева не стало.

Въ «Русской Старинѣ» своевременно была почтена память Якова Александровича Соловьева, очеркомъ его служебной дѣятельности («Рус. Стар.» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 379 и слѣд.). Мы считаемъ здѣсь умѣстнымъ напомнить нѣкоторыя событія изъ жизни этого замѣчательнаго дѣятеля, одного изъ преданнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ помощниковъ Верховнаго Вождя Россіи въ великомъ преобразованіи по освобожденію крестьянъ.

Питомецъ С.-Петербургскаго университета, Я. А. Соловьевъ, окончивъ въ немъ курсъ въ 1843 году, поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ и въ теченіе четырнадцати лѣтъ принималъ участіе, между прочимъ, въ одной изъ важнѣйшихъ задачъ этого министерства, по

отношенію къ бывшимъ въ его вѣденіи крестьянамъ: именно въ дѣлѣ уравненія взимаемыхъ съ подвѣдомственныхъ министерству государственныхъ имуществъ крестьянъ налоговъ. Послѣдовательно затѣмъ,—чиновникъ центральнаго кадастроваго учрежденія того же министерства;—начальникъ кадастровой коммиссіи, производившей работы въ губерніяхъ: Смоленской, Владимірской и Самарской,—Яковъ Александровичъ вынесъ изъ этого живаго дѣла такую массу практическихъ знаній условій быта народнаго, которая послужила ему неизсякаемымъ источникомъ данныхъ, въ высшей степени оказавшихся полезными при составленіи Положеній 19-го февраля. Только многолѣтнее изученіе экономическихъ и другихъ условій быта народа русскаго могло дать, въ послѣдствіи времени, Я. А. Соловьеву ту увѣренность, ту необыкновенную твердость и настойчивость, съ которыми проводилъ онъ свои мысли и убѣжденія..... Онъ скоро былъ замѣченъ и когда наступившая эпоха преобразованій потребовала новыхъ людей—Соловьевъ былъ поставленъ (въ концѣ 1857 г.) во главѣ Земскаго Отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ...

Приведенный выше обширный отрывокъ изъ Записокъ Якова Александровича достаточно подробно знакомитъ съ тѣмъ, какое участіе приняло министерство внутреннихъ дѣлъ въ великомъ трудѣ, предпринятомъ по волѣ Государя для освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости въ 1857—1861 гг. Беззавѣтная преданность своему долгу, твердость въ убѣжденіяхъ, далеко нечасто встрѣчаемая, энергія, трудолюбіе вполнѣ необыкновенныя — вотъ отличительныя качества Я. А. Соловьева какъ государственнаго мужа; а благородство, прямота, искренность и отвращеніе ко всѣмъ побочнымъ путямъ, хотя бы они и вели къ хорошимъ цѣлямъ,—вотъ свойства его нравственнаго характера... Пишущій эти строки, вскорѣ послѣ смерти Я. А. Соловьева—получилъ въ высшей степени трогательное выраженіе къ нему чувствъ одного изъ бывшихъ его подчиненныхъ. Неменьшею искренностью и задушевностію проникнуты отзывы о немъ всѣхъ вообще его сослуживцевъ и лицъ, его знавшихъ.

Въ 1864 году Я. А. Соловьевъ призванъ на одинъ изъ высшихъ постовъ государственной службы въ Царство Польское, въ званіи члена учредительнаго комитета, завѣдующаго дѣлами онаго; затѣмъ, на него возложено предсѣдательство въ центральной коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Царствѣ и проч.

Но мы не пишемъ біографію Якова Александровича; мы желаемъ лишь напомнить свѣтлый нравственный образъ этого человѣка, котораго заслуги почтены были благосклоннымъ вниманіемъ Государя Императора и вознаграждены по достоинству, и котораго глубоко уважали прочіе главнѣйшіе дѣятели эпохи преобразованій. Не перечисляя живыхъ, именуемъ лишь опочившихъ сномъ смерти: С. М. Жуковскаго, Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго... Все это были самые близкіе, самые, если можно такъ выразиться, задушевные друзья Якова Александровича...

—«Съ удовольствіемъ припоминаю иногда,—писалъ къ Соловьеву кн. В. А. Черкасскій, 23-го марта 1861 года, изъ своего тульскаго имѣнія, села Васильево,—припоминаю все пройденное нами вмѣстѣ, вкупѣ, всякія треволненія и наши съ вами споры. Не знаю какъ вы, а во мнѣ каждый такой споръ оставлялъ по себѣ лишь чувства большаго къ вамъ уваженія и, смѣю сказать, дружбы. Примите искренное увѣреніе отъ душевно вамъ преданнаго кн. В. Черкасскаго».

Сообщеніемъ приведеннаго отрывка изъ предсмертныхъ, довольно обширныхъ Записокъ Якова Александровича—редакція «Русской Старины» обязана вдовѣ покойнаго—Ольгѣ Алексѣевнѣ Соловьевой.

Выше, въ Запискахъ Я. А. Соловьева, неоднократно упоминается первый изъ двухъ непремѣнныхъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій Степанъ Михайловичъ Жуковскій. Читатели «Русской Старины» еще въ 1879 году получили портретъ этого государственнаго дѣятеля; біографія С. М. Жуковскаго тѣсно связана съ исторіей всего крестьянскаго дѣла въ Россіи за время съ 1857 по 1877 годъ,—вотъ почему она не могла и не можетъ явиться столь скоро, какъ бы мы того желали, требуя особенно-подробной и всесторонней разработки.

Въ настоящей книгѣ, однако, посвященной между прочимъ и воспоминанію о первыхъ святыхъ дняхъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, представимъ хотя краткую замѣтку о С. М. Жуковскомъ, положившемъ всю свою душу, свое знаніе, необыкновенный трудъ—во исполненіе предначертаній Царя Освободителя, какъ при составленіи Положеній 19-го февраля 1861 года, такъ и при разработкѣ длиннаго ряда законоположеній въ развитіе этихъ Положеній...

Вотъ его «послужной списокъ»:

Степанъ Михайловичъ Жуковскій, сынъ тайнаго совѣтника [1]), православнаго исповѣданія, родился въ Невельскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, въ 1818 году. Окончивъ образованіе въ Благородномъ пансіонѣ С.-Петербургскаго университета, онъ, въ 1835 году, началъ службу въ собственной канцеляріи Намѣстника Царства Польскаго. Спустя три года, а именно въ февралѣ 1838 г., Степанъ Михайловичъ перешелъ въ канцелярію комитета министровъ. Дослужившись здѣсь до чина коллежскаго ассесора, онъ, въ 1843 году, вышелъ

---

[1]) Михаилъ Степановичъ Жуковскій, представитель дворянской фамиліи Полтавской губерніи, малороссъ по происхожденію, исповѣданія православнаго,—началъ службу офицеромъ въ арміи въ 1787 г.; находился при фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ (1794—1795);—при графѣ Суворовѣ Рымникскомъ (1795—1796); въ 1801 году перешелъ въ гражданскую службу и былъ, между прочимъ, правителемъ канцеляріи при главнокомандующемъ русской арміи во время войны съ Турціей, И. И. Михельсонѣ (1806—1807). Михельсонъ видѣлъ въ Михаилѣ Степановичѣ Жуковскомъ не только своего помощника, но и сердечно-преданнаго ему друга; онъ подарилъ ему свой живописный портретъ, предосходная гравюра съ котораго, исполненная академикомъ И. П. Пожалостинымъ, приложена къ «Русской Старинѣ» изд. 1876 года, т. XV. Затѣмъ, мы видимъ М. С. Жуковскаго на довольно важномъ посту при гр. Витгенштейнѣ (1812—1814), графѣ Барклай-де-Толли (1815—1816), при гр. Паскевичѣ-Эриванскомъ, за Кавказомъ, во время войнъ Россіи сначала съ Персіей, а потомъ съ Турціей (1827—1829). Состоя по особымъ порученіямъ при намѣстникѣ Царства Польскаго кн. Паскевичѣ, М. С. Жуковскій умеръ въ Варшавѣ въ 1836 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника. Женатъ онъ былъ на псковской помѣщицѣ Л. А. Ратмановой, а потому пріобрѣлъ, въ сосѣдствѣ съ ея родиной, въ Витебской губерніи, село Канашово, гдѣ и родился у него, въ 1818 году, сынъ—Степанъ Михайловичъ.

Ред.

въ отставку, по случаю болѣзни ноги, для излеченія которой ему была сдѣлана Арендтомъ операція и онъ былъ отправленъ за границу. Спустя два года, Жуковскій опредѣленъ въ Государственную Канцелярію на вакансію старшаго помощника экспедитора. Съ этихъ поръ служба его болѣе не прерывалась. Назначенный въ 1847 году экспедиторомъ, Степанъ Михайловичъ спустя шесть лѣтъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, занимаетъ мѣсто помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта и управляетъ отдѣленіемъ дѣлъ государственнаго секретаря. Въ 1855 году, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и 1-го января 1856 года назначенъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго, при чемъ сохраняетъ за собою управленіе отдѣленіемъ государственнаго секретаря. 3-го января 1857 года состоялось назначеніе его въ помощь государственному секретарю по производству дѣлъ при Государственномъ Совѣтѣ учрежденнаго, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества, Комитета для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи, именованномъ впослѣдствіи Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу. Въ слѣдующемъ, 1858 году, Степанъ Михайловичъ управляетъ дѣлами Коммисіи, учрежденной при Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу. 17-го февраля 1859 года послѣдовало назначеніе его непремѣннымъ членомъ Высочайше учрежденныхъ, для составленія Положеній о крестьянахъ, Редакціонныхъ Коммисій, въ коихъ онъ оставался до окончанія порученнаго Коммисіямъ труда. Затѣмъ, Степану Михайловичу было поручено управленіе дѣлами Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, а въ 1861 году, 19-го февраля дѣлами Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, въ этотъ достопамятный день учрежденнаго. Произведенный въ томъ же году въ тайные совѣтники, онъ, завѣдывая дѣлами Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, управляетъ (временно, 1861 г.), дѣлами Кавказскаго и Сибирскаго комитетовъ, а въ 1862 году назначенъ, независимо отъ управленія дѣлами Главнаго Комитета, членомъ въ Высочайше учрежденную при министерствѣ финансовъ коммисію для пересмотра системы податей и сборовъ. Въ 1863 году Степанъ Михайловичъ пожалованъ въ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ при всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и съ возложеніемъ на него управленія по Особому Высочайше учрежденному Комитету для разсмотрѣнія представленныхъ статсъ-секретаремъ Милютинымъ проектовъ объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1864 году послѣдовало назначеніе его управляющимъ Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, а въ 1869 назначенъ членомъ и управляющимъ дѣлами Комитетовъ объ устройствѣ сельскаго состоянія и Царства Польскаго.

Исполняя съ обычною ревностью и усердіемъ всѣ означенныя въ высшей степени важныя, обязанности, Жуковскій не могъ не обратить на себя особеннаго Высочайшаго вниманія, которое и выразилось въ пожалованіи ему, въ теченіе его службы, многихъ почетныхъ наградъ, а въ 1872 году знаковъ ордена св. Александра Невскаго; спустя пять лѣтъ—тѣхъ же знаковъ съ алмазными украшеніями. Это была послѣдняя награда, такъ какъ 23-го сентября 1877 года Степана Михайловича не стало. Онъ скончался за границею, въ Швейцаріи, въ Базелѣ, вслѣдствіе болѣзни дыхательныхъ органовъ и отъ общаго упадка силъ, слѣдствія—многолѣтнихъ и усиленныхъ занятій.

Этотъ сжатый очеркъ служебной дѣятельности Степана Михайловича ничего не говоритъ о внутреннемъ ея содержаніи, а содержаніе это было

велико и многознаменательно. Еще въ 1859 году, при учрежденіи Редакціонныхъ Коммисій, Жуковскій до такой степени проявилъ государственныя способности, необыкновенную энергію и трудолюбіе, что кн. А. Ѳ. Орловъ, бывшій тогда предсѣдатель Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу—признавалъ возможнымъ указывать на него во всеподданнѣйшемъ докладѣ, какъ на лицо, способное къ занятію высокаго поста предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій. Выборъ Его Императорскаго Величества остановился на Я. И. Ростовцевѣ, но С. М. Жуковскій въ то же время Высочайшею волею былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Редакціонныхъ Коммисій.... Всѣмъ сколько нибудь прикосновеннымъ къ трудамъ этихъ Коммисій—хорошо извѣстно, что громаднѣйшая доля въ этихъ трудахъ выпала на Степана Михайловича. Ему же непосредственно принадлежитъ редакція множества законоположеній, выработанныхъ въ тѣхъ высшихъ учрежденіяхъ, комитетахъ и коммисіяхъ, созданіе которыхъ было вызвано преобразованіями Государя Императора, какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Хотя трудъ Степана Михайловича былъ поставленъ въ весьма благопріятныя условія, именно въ томъ отношеніи, что въ составѣ помянутыхъ комитетовъ и коммисій какъ нѣкоторые его члены, такъ и нѣкоторые предсѣдатели, были особенно проникнуты величіемъ возложеннаго на нихъ дѣла, всесторонне знакомы съ нимъ, всецѣло отдавались этому дѣлу и охраняли не только его основы, но и малѣйшія подробности,—тѣмъ не менѣе, такъ какъ на С. М. Жуковскомъ лежала отвѣтственность за редакцію вырабатываемыхъ въ этихъ учрежденіяхъ законовъ, то на него выпадалъ трудъ громадный, и этотъ трудъ наполнялъ всю его жизнь. За трудомъ онъ нашелъ себѣ небольшой кружокъ друзей и беззавѣтно преданныхъ ему почитателей. Скромный, въ высшей степени сдержанный, почти никогда не покидавшій своего рабочаго кабинета, Степанъ Михайловичъ отдавался дѣлу со всѣмъ пыломъ, не остывавшемъ въ немъ ни съ годами, ни съ измѣнявшимися иногда внѣшними обстоятельствами. Тотъ же пылъ искренняго, глубокаго убѣжденія сказывался въ немъ и въ преніяхъ, въ засѣданіяхъ комитетовъ если онъ встрѣчался съ мнѣніемъ, которое было невѣрно.

Да, это былъ одинъ изъ честнѣйшихъ слугъ Государя и Отечества, и имя его изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, перейдетъ, тѣсно соединенное съ величайшимъ дѣяніемъ новѣйшаго періода русской исторіи—освобожденіемъ и устройствомъ многомилліоннаго сельскаго населенія Имперіи Россійской и Царства Польскаго... И какое замѣчательное совпаденіе случайности: одному Жуковскому выпала счастливая доля быть насадителемъ и развивателемъ чувства любви къ человѣчеству вообще и русскому народу въ особенности въ сердцѣ будущаго Государя Россіи, другому Жуковскому довелось быть однимъ изъ усерднѣйшихъ исполнителей предначертаній Монарха, когда съ высоты трона раздалось слово освобожденія меньшихъ братій Русскаго народа...

Къ приведенному выше отрывку изъ Записокъ сенатора Соловьева присоединимъ нѣсколько страницъ, хотя бѣгло напоминающихъ о дальнѣйшемъ ходѣ трудовъ по составленію Положеній объ освобожденіи крѣпостнаго сельскаго населенія.

Результатомъ дѣятельности Редакціонныхъ Коммисій, менѣе чѣмъ черезъ четыре мѣсяца послѣ ихъ учрежденія, явились три объемистыхъ тома трудовъ 1-го періода ихъ занятій, которые Я. И. Ростовцевъ, 8-го сентября 1859 года, имѣлъ уже счастіе представить Государю Императору.

За симъ, мысль его все болѣе и болѣе сосредоточивалась на одномъ предметѣ: благополучно довершить, какъ онъ выражался, «святое дѣло»; но этому не удалось осуществиться при его жизни. Въ октябрѣ 1859 г. Яковъ Ивановичъ заболѣлъ простудой; въ это время (23-го октября) онъ обратился съ письмомъ къ Государю Императору,—возвратившемуся тогда изъ путешествія въ южную Россію,—въ которомъ представилъ обзоръ различныхъ мнѣній, которыя ходили тогда въ обществѣ между лицами, такъ или иначе принимавшими участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, при чемъ онъ старался указать—къ чему именно стремились Редакціонныя Коммисіи [1]). Между тѣмъ, хотя болѣзнь Якова Ивановича продолжала развиваться, тѣмъ не менѣе онъ не прерывалъ своихъ занятій, торопилъ сотрудниковъ скорѣйшимъ окончаніемъ 2-го періода работъ, состоявшаго въ пересмотрѣ и дополненіи прежнихъ заключеній Коммисій, на основаніи проектовъ губернскихъ положеній позднѣйшаго поступленія и словесныхъ сообщеній, сдѣланныхъ депутатами. Когда развившаяся болѣзнь не позволила уже ему выѣзжать, онъ собиралъ Коммисіи въ своей квартирѣ и, превозмогая себя, участвовалъ въ разсужденіяхъ, длившихся по нѣскольку часовъ. Наконецъ, присутствіе его въ Коммисіяхъ прекратилось; но ежедневно и во всѣ часы принималъ онъ нѣкоторыхъ членовъ Коммисій и во всей подробности слѣ-

---

[1]) Письмо это помѣщено въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1866 года, февраль, стр. 726—730.

дилъ за ихъ работами. Въ январѣ 1860 г. болѣзнь приняла угрожающій видъ и, не смотря на всѣ усилія медицинской науки, дѣлала быстрые успѣхи. Наступило полное истощеніе физическихъ силъ. Едва слышнымъ голосомъ говорилъ онъ съ ближайшими лицами о ходѣ крестьянскаго вопроса, требовалъ откровеннаго мнѣнія о трудахъ Коммисій, о возраженіяхъ людей несогласныхъ съ ихъ заключеніями, о возможности выполненія ихъ проектовъ. «Если я умру теперь,—говорилъ онъ,—то умру со спокойною совѣстью. Мы исполнили честно долгъ свой передъ Государемъ, дѣйствовали открыто, безъ всякой интриги, разъяснили вопросъ и, можетъ быть, подвинули впередъ святое дѣло. Въ твердости Государя я увѣренъ, а Богъ Россіи и святаго дѣла не оставитъ». Какъ бы чувствуя, что дни его сочтены, онъ еще въ началѣ своей болѣзни набросалъ планъ отчетной записки о всѣхъ заключеніяхъ, постановленныхъ Коммисіями по крестьянскому вопросу, съ изъясненіемъ по нѣкоторымъ предметамъ собственнаго взгляда и съ присовокупленіемъ указанія на то, что̀, по его мнѣнію, особенно подлежало еще пересмотру и новому обсужденію. Будучи уже не въ силахъ ея окончить, онъ поручилъ ея редакцію одному изъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ (Ѳ. П. Еленеву). Эта записка составляла его послѣднюю заботу въ жизни; онъ желалъ поскорѣе видѣть ее готовою, боясь, что будетъ уже не въ состояніи ее выслушать. «Заключенія Коммисій,—говорилъ онъ,—разбросаны въ журналахъ; я желаю представить Государю сжатое, но полное ихъ изложеніе. Это будетъ моя политическая исповѣдь, а быть можетъ, и мое послѣднее слово въ крестьянскомъ вопросѣ». Записка осталась, однако, не подписанною, такъ какъ онъ былъ уже не въ силахъ владѣть рукою свободно, но была удостовѣрена въ подлинности сыномъ его и скрѣплена завѣдывавшимъ дѣлами Редакціонныхъ Коммисій П. П. Семеновымъ. Въ такомъ видѣ она была представлена, въ день кончины Я. И. Ростовцева, 6-го февраля 1860 года, Государю, который, принимая ее, сказалъ:

— «Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ-бы завѣщаніе, которое должно быть для насъ священно»[1]).

---

[1]) Статья Н. П. Семенова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 г.: «Дѣятельность Я. И. Ростовцева».

Тогда же эта записка, съ Высочайшаго соизволенія, была напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для Членовъ Императорской фамиліи, Государственнаго Совѣта, Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, а также и для немногихъ другихъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ. Въ напечатанныхъ экземплярахъ дано ей заглавіе: «Всеподданнѣйшая записка предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій генерала Ростовцева, представленная Его Императорскому Величеству 6-го февраля 1860 г.». Этимъ предсмертнымъ трудомъ закончилась дѣятельность Я. И. Ростовцева по крестьянскому вопросу.

Редакціонныя Коммисіи, подъ предсѣдательствомъ графа В. Н. Панина, преемника Я. И. Ростовцева, окончили свои работы въ октябрѣ 1860 года, составивъ пять проектовъ общихъ и мѣстныхъ положеній объ устройствѣ крестьянъ; собраніе же всѣхъ вообще матеріаловъ—разработанныхъ, обсужденныхъ и составленныхъ Редакціонными Коммисіями,—заняло собою 35 печатныхъ томовъ.

При подробномъ обозрѣніи обширной работы Коммисій, Главный Комитетъ счелъ долгомъ отдать справедливость замѣчательному обилію собранныхъ ими матеріаловъ и примѣрной дѣятельности Коммисій. Трудясь постоянно въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ, Коммисіи успѣли въ это время разобрать во всей подробности 82 проекта губернскихъ комитетовъ, составить общій сводъ всѣхъ предположеній, въ этихъ проектахъ заключающихся, изложить свои соображенія и выводы по вопросамъ, касающимся крестьянскаго дѣла, разсмотрѣть эти вопросы въ совокупности, разобрать замѣчанія, сдѣланныя вызванными членами губернскихъ комитетовъ, повѣрить множество статистическихъ свѣдѣній и данныхъ и, наконецъ, послѣ такой предварительной работы,—составить окончательные проекты разныхъ положеній, обнимающихъ крестьянское дѣло во всей его полнотѣ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ, 17-го апрѣля 1861 года на имя графа Панина, Его Величество. въ день Своего рожденія, изъявилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ признательность членамъ Редакціонныхъ Коммисій за труды ихъ по крестьянскому дѣлу:

Предсѣдателю Редакціонныхъ Коммисій (Графу В. Н. Панину) [1].

„Графъ Викторъ Никитичъ. По окончаніи Губернскими Дворянскими Комитетами предварительныхъ, порученныхъ имъ по крестьянскому дѣлу работъ, Я призналъ полезнымъ, для приведенія въ единообразную систему представленныхъ сими Комитетами соображеній и для начертанія проектовъ общихъ для всего государства Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, учредить при Главномъ по крестьянскому дѣлу Комитетѣ особыя Редакціонныя Коммисіи, призвавъ въ составъ ихъ какъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, близко знающихъ состояніе и потребности сельскаго быта въ разныхъ краяхъ Россіи, такъ и опытныхъ чиновниковъ подлежащихъ вѣдомствъ.

„Сей важный трудъ исполненъ Коммисіями съ особеннымъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностію.

„Занимаясь постоянно и неутомимо въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ, Редакціонныя Коммисіи успѣли въ это время разсмотрѣть подробно проекты всѣхъ Губернскихъ Комитетовъ, составить общій сводъ ихъ предположеній, изложить, въ строгой послѣдовательности и ясности, свои соображенія по всѣмъ вообще вопросамъ, касающимся будущаго устройства крестьянъ и дворовыхъ людей, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, собрать множество статистическихъ данныхъ и, наконецъ, послѣ сей предварительной и многосложной работы, предначертать проекты законоположеній, обнимающіе дѣло объ улучшеніи состоянія помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей во всей его полнотѣ.

„Совершенная Редакціонными Коммисіями обширная работа облегчила окончательное разсмотрѣніе сего дѣла, какъ въ Главномъ Комитетѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

„За столь ревностные и полезные труды, Мнѣ пріятно изъявить Мое особое, вполнѣ заслуженное, благоволеніе всѣмъ вообще лицамъ, кои были призваны въ составъ Редакціонныхъ Коммисій. Проникнутые однимъ желаніемъ быть полезными святому дѣлу, нынѣ съ благословенія Всевышняго приведенному къ окончанію, члены сихъ Коммисій посвящали сему дѣлу все свое время, всѣ свои силы и способности, и, конечно, труды, ими подъятые, будутъ справедливо уважены и оцѣнены Отечествомъ. Я не сомнѣваюсь, что каждый изъ

---

[1]) Напечатанъ, между прочимъ, въ «Сборникѣ правительств. распоряж. по устройству крестьянъ». Спб., 1862 г., томъ II, часть 1, стр. 25—26.

нихъ на службѣ и въ частной жизни будетъ и впредь, какъ это Мною имъ изустно выражено, содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, дальнѣйшему успѣху преобразованія, предпринятаго Мною съ твердымъ упованіемъ на ревностное, единодушное стремленіе къ общественному благу всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ.

„При семъ случаѣ не могу не вспомнить и объ участіи, которое принималъ въ трудахъ Редакціонныхъ Коммисій покойный предсѣдатель ихъ генералъ-адъютантъ Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Приступивъ къ исполненію даннаго ему по особой Моей къ нему довѣренности порученія, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ пламеннымъ къ службѣ усердіемъ, далъ первоначальное направленіе работамъ Коммисій и подъ его предсѣдательствомъ ими разсмотрѣны всѣ важнѣйшіе въ дѣлѣ вопросы. Къ искреннему прискорбію Моему, смерть похитила его среди сихъ трудовъ въ то время, когда онъ съ новымъ напряженіемъ силъ посвящалъ имъ дни и ночи. Заслуги покойнаго Іакова Ивановича Ростовцева, въ столь важномъ для Россіи дѣлѣ, навсегда будутъ памятны Моему сердцу и, конечно, не будутъ забыты исторіею.

„Пребываю вамъ навсегда благосклонный". „Александръ".

Въ Санктпетербургѣ.
17-го апрѣля 1861 года.

Государь повелѣлъ положить на гробницу Якова Ивановича золотую медаль съ Своимъ изображеніемъ, учрежденную 17-го апрѣля 1861 года «за труды по освобожденію крестьянъ». На верхней сторонѣ надгробнаго памятника медаль эта вдѣлана въ углубленіе камня и покрыта стекломъ. [1]) Въ то же время супруга его, по Высочайшему повелѣнію, была возведена съ нисходящимъ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Высочайшій рескриптъ на имя графини В. Н. Ростовцевой изображенъ на бронзовой доскѣ, поставленной у могилы, по лѣвой сторонѣ надгробнаго камня. Приводимъ этотъ рескриптъ:

«Вѣра Николаевна! Вамъ извѣстно съ какимъ постояннымъ

[1]) Гробница его находится въ Ѳедоровской церкви Александро-Невской лавры. На правой сторонѣ отъ входа въ нишу этой церкви, подъ каменнымъ ея сводомъ, выложеннымъ бѣлымъ и сѣрымъ мраморомъ, поставленъ надъ могилой, на полу храма, камень чернаго гранита съ простою надписью: «Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ, родился 28-го декабря 1803 года, скончался 6-го февраля 1860 года». Въ глубинѣ свода, у стѣны, помѣщенъ бѣлый мраморный барельефъ, изображающій профиль Якова Ивановича Ростовцева—приношеніе чиновъ военно-учебныхъ заведеній.

усердіемъ, съ какою пламенною любовью къ службѣ Моей и отечества дѣйствовалъ вашъ покойный супругъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя были ему отъ Меня поручаемы, и особенно въ важнѣйшемъ изъ нихъ—по освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—дѣлѣ, въ коемъ онъ такъ вѣрно понималъ желанія Мои, мысли и предположенія, и такъ вѣрно и неуклонно онымъ слѣдовалъ, занимаясь имъ, помышляя о немъ до послѣднихъ минутъ своей жизни, даже и на самой смертной постелѣ. Нынѣ, когда уже приступлено къ приведенію сихъ предположеній въ исполненіе, Я призналъ за благо оказать предъ всѣми Мое уваженіе къ его памяти—знакомъ вниманія къ вамъ и семейству вашему, и указомъ, сего числа правительствующему сенату даннымъ, возвожу васъ съ нисходящимъ отъ покойнаго Якова Ивановича потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Извѣщая васъ о томъ, Я съ симъ вмѣстѣ повелѣлъ препроводить къ вамъ медаль, установленную въ воспоминаніе великаго событія уничтоженія крѣпостной въ отечествѣ Нашемъ зависимости. На ней вы увидите изображенное въ самомъ видномъ мѣстѣ слово: благодарю. Сіе слово обращается и къ умершему супругу вашему, какъ бывшему однимъ изъ ревностнѣйшихъ и главнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ исполнителей Моей воли. Такая медаль будетъ положена на гробницу его, а та, которая посылается къ вамъ, да сохранится навсегда въ семействѣ его и потомствѣ.

„Пребываю благосклонный къ вамъ.

Послѣ сихъ строкъ рукою Государя написано на подлинномъ: «И навсегда благодарный покойному мужу вашему

Александръ».

Въ С.-Петербургѣ.
23-го апрѣля 1861 года.

Послѣдняя признательность памяти умершаго была отдана ему со стороны бывшихъ членовъ Редакціонныхъ Коммисій, которые поставили, съ Высочайшаго соизволенія, въ залѣ ихъ бывшихъ собраній, въ прежнемъ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, бѣлый мраморный бюстъ Якова Ивановича, изваянный извѣстнымъ скульпторомъ барономъ Клодтомъ, позади мѣста, гдѣ Ростовцевъ садился во время засѣданій, и подъ самымъ портретомъ Государя.

Но возвратимся къ краткому очерку хода крестьянскаго дѣла до 19-го февраля 1861 года.

10-го октября 1860 г. труды Редакціонныхъ Коммисій внесены были, по Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу.

Открылся длинный рядъ самыхъ продолжительныхъ засѣданій этого Комитета. Съ небольшимъ въ два мѣсяца онъ имѣлъ сорокъ пять засѣданій.... Въ этихъ достопамятныхъ въ новѣйшей исторіи Россіи засѣданіяхъ предсѣдательствовалъ, по особому Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 25-го сентября 1860 г., Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Присутствовали члены Главнаго Комитета: гр. Блудовъ, гр. Адлербергъ, кн. П. Гагаринъ, д. т. сов. Ланской, гр. Панинъ, кн. В. Долгоруковъ, генералъ-отъ-инфан. М. Муравьевъ, генералъ-адъютантъ Чевкинъ и д. т. сов. А. Княжевичъ.

Приступивъ къ подробному разсмотрѣнію составленныхъ Редакціонными Коммисіями проектовъ, Главный Комитетъ призналъ нужнымъ заключающіяся въ сихъ проектахъ предположенія обсудить въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Права, кои должны быть дарованы крестьянамъ по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости.

II. Образованіе по этому случаю особыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

III. Порядокъ будущаго управленія крестьянскихъ обществъ и отношенія ихъ къ помѣщику.

IV. Повинности крестьянъ государственныя и общественныя.

V. Надѣлъ крестьянъ землею и повинности ихъ помѣщику за пользованіе этою землею.

VI. Порядокъ выкупа крестьянами усадебной осѣдлости и способы, кои могутъ быть предоставлены правительствомъ для содѣйствія крестьянамъ къ пріобрѣтенію въ собственность позе-мельныхъ угодій.

VII. Устройство дворовыхъ людей.

VIII. Примѣненіе общихъ положеній и изъятія изъ оныхъ по имѣніямъ: 1) мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ; 2) состоящимъ при частныхъ горныхъ заводахъ и соляныхъ промыслахъ; 3) тѣмъ, гдѣ учреждены фабрики; 4) состоящимъ въ землѣ войска Донскаго; 5) въ Ставропольской губерніи; 6) въ Сибири и 7) въ Бессарабской области.

IX. Порядокъ приведенія въ дѣйствіе новыхъ положеній; и

X. Порядокъ отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ и въ аренду населенныхъ помѣщичьихъ имѣній, по освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

По каждому изъ этихъ предметовъ Главный Комитетъ вошелъ въ весьма обширныя и многостороннія сужденія, и затѣмъ тѣ основанія, которыя окончательно были приняты Комитетомъ при подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ вообще работъ Редакціонныхъ Коммисій,—изложены были въ обширномъ Журналѣ. Печатный экземпляръ его составилъ книгу въ 429 страницъ, in folio.

Документъ этотъ—высокой исторической важности и, конечно, составитъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для исторіи крестьянскаго дѣла въ царствованіе Императора Александра II.

Составитель этой исторіи конечно всесторонне и подробно разсмотритъ какъ подготовительные труды Главнаго Комитета для его сужденій въ засѣданіяхъ по крестьянскому вопросу, такъ и самыя сужденія—вызывавшія весьма часто представленія обширныхъ Записокъ, справокъ и отдѣльныхъ мнѣній.

. . . . . .

14-го января 1861 г. было послѣднее, сорокъ пятое, засѣданіе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Общій журналъ всѣхъ этихъ засѣданій подписали: Великій Князь Константинъ Николаевичъ,—Графъ Дмитрій Блудовъ,—Графъ Владиміръ Адлербергъ,—Кн. Павелъ Гагаринъ,—Сергій Ланской,—Графъ Викторъ

Панинъ,—Князь Василій Долгоруковъ,—Михаилъ Муравьевъ,—Константинъ Чевкинъ,—Александръ Княжевичъ.

Журналъ Главнаго Комитета и выработанные Комитетомъ—обширные проекты общаго и мѣстныхъ Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и о поземельномъ ихъ устройствѣ, а также проекты Положеній: о мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ,—о выкупѣ,—о дворовыхъ людяхъ, и проекты Правилъ о крестьянахъ: мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ;—Пермскихъ горныхъ заводовъ;—помѣщичьихъ фабрикъ;—Земли войска Донскаго;—Ставропольской губерніи;—Сибири и Бессарабіи, наконецъ, проектъ Правилъ о приведеніи въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ—внесены были, по Высочайшему повелѣнію, въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта—28-го января 1861-го года [1]).

---

[1]) Достойно вниманія, что по двадцати девяти (29) вопросамъ, по которымъ возникли разногласія,—мнѣнія въ Главномъ Комитетѣ разбивались иногда, по одному и тому же вопросу, не только на два, но даже на три мнѣнія; при этомъ единолично оставались: въ большей части этихъ случаевъ кн. Гагаринъ иногда Муравьевъ, иногда гр. Панинъ; другое мнѣніе поддерживали двое или трое, напримѣръ, кн. В. Долгоруковъ и А. М. Княжевичъ; иногда къ нимъ присоединялся гр, В. Ѳ. Адлербергъ. Предсѣдатель и трое членовъ—гр. Блудовъ, Ланской и Чевкинъ—были, по всѣмъ рѣшительно вопросамъ этого громаднѣйшаго и необыкновенно сложнаго дѣла, всегда единодушны и единомысленны.

28-ое ЯНВАРЯ 1861 г.

28-ое января 1861-го года—день достопамятный въ исторіи царствованія Императора Александра II. Въ сей день въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, приступлено было къ разсмотрѣнію, внесенныхъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, журнала Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу и проектовъ законоположеній объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Его Величество изволилъ открыть это собраніе Государственнаго Совѣта слѣдующими словами:

— „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, Я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и Я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У Меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность Предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю, и это Моя непремѣнная воля, чтобъ дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя опасенія Дворянства, до нѣкоторой степени, понятны, ибо они касаются до самыхъ близкихъ и матеріальныхъ интересовъ каждаго, при всемъ томъ Я не забываю и не забуду, что приступъ

къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого Дворянства и Я счастливъ, что Мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ предъ потомствомъ. При личныхъ Моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями Дворянства и во время путешествій Моихъ по Россіи, при пріемѣ дворянъ, Я не скрывалъ Моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и говорилъ вездѣ, что это преобразованіе не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны и что все стараніе Мое заключается въ томъ, чтобъ пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для Дворянства. Я надѣюсь, господа, что при разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ, вы убѣдитесь, что все, что можно было сдѣлать для огражденія выгодъ помѣщиковъ, сдѣлано; если же вы найдете нужнымъ въ чемъ либо измѣнить или добавить представляемую работу, то Я готовъ принять ваши замѣчанія; но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только, и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

„Прежде чѣмъ приступить къ подробному разсмотрѣнію самаго проекта, хочу изложить вкратцѣ историческій ходъ этого дѣла. Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостнаго права. Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено Самодержавною властью и только Самодержавная власть можетъ уничтожить его, а на это есть Моя прямая воля.

„Предшественники Мои чувствовали все зло крѣпостнаго права и постоянно стремились если не къ прямому его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію произвола помѣщичьей власти.

„Съ этою цѣлью при Императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ; при Императорѣ Александрѣ, въ 1803 г., законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ; а при Родителѣ Моемъ, въ 1842 г., указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100,000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого Государя. Мысль была благая и если бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть и съ

умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствія, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда же во многомъ облегчило бы настоящее преобразованіе. Покойный Мой Родитель постоянно былъ занятъ мыслію освобожденія крестьянъ. Я, вполнѣ ей сочувствуя, еще въ 1856 г., передъ коронаціею, бывши въ Москвѣ, обратилъ вниманіе предводителей Дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ, присовокупивъ къ тому, что крѣпостное право не можетъ вѣчно продолжаться и что потому лучше чтобы преобразованіе это совершилось сверху, чѣмъ снизу. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1857 года, Я учредилъ, подъ личнымъ Моимъ предсѣдательствомъ, особый Комитетъ, которому поручилъ заняться принятіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ. Въ концѣ того же 1857 года поступило прошеніе отъ трехъ Литовскихъ губерній, просившихъ дозволенія приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Я принялъ это прошеніе, разумѣется, съ радостію и отвѣчалъ рескриптомъ 20-го ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ указаны главныя начала, на коихъ должно совершиться преобразованіе; эти главныя начала должны и теперь служить основаніемъ вашихъ разсужденій. Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщика, такъ и для Государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту Главнымъ Комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ преобразованіе совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое и только теперь, послѣ 40-ка лѣтъ, Намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То же было и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе чѣмъ прежнее крѣпостное право. Это вынудило покойнаго Родителя Моего издать въ 1846 году особыя

правила для опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и въ Царствѣ Польскомъ.

„Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генералъ-губернатору Назимову, начали поступать просьбы отъ Дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами, на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, подобнаго же содержанія съ первымъ. Въ этихъ рескриптахъ заключались тѣ же главныя начала и основанія и разрѣшалось приступить къ дѣлу на тѣхъ же указанныхъ Мною началахъ. Вслѣдствіе того были учреждены губернскіе комитеты, которымъ для облегченія ихъ работъ была дана особая программа. Когда, послѣ даннаго на то срока, работы комитетовъ начали поступать сюда, Я разрѣшилъ составить особыя Редакціонныя Коммисіи, которыя должны были разсмотрѣть проекты губернскихъ комитетовъ и сдѣлать общую работу въ систематическомъ порядкѣ. Предсѣдателемъ этихъ Коммисій былъ сначала генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, а по кончинѣ его графъ Панинъ. Редакціонныя Коммисіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ и, не смотря на всѣ нареканія, можетъ быть, отчасти и справедливыя, которымъ Коммисіи подвергались, онѣ окончили свою работу добросовѣстно и представили ее въ Главный Комитетъ.—Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Моего Брата, трудился съ неутомимою дѣятельностью и усердіемъ. Я считаю обязанностію благодарить всѣхъ Членовъ Комитета, а Брата Моего въ особенности, за ихъ добросовѣстные труды въ этомъ дѣлѣ.

„Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія Я выслушиваю охотно, но Я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали какъ государственные сановники, облеченные Моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, Я не скрывалъ отъ Себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, Я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ Отечества. Теперь съ Божіею помощію приступимъ къ самому дѣлу“.

Государственный Совѣтъ, въ Общемъ Собраніи, выслушавъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ слова Его Императорскаго Величества и принявъ къ точному исполненію Высочайшую Его

волю, въ томъ же засѣданіи приступилъ къ подробному обсужденію первыхъ 20-ти статей проекта Общаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

Первыя двѣ статьи этого проекта: 1, объ отмѣнѣ крѣпостнаго права на крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ; и 2, о дарованіи симъ крестьянамъ правъ свободнаго сельскаго состоянія, оставлены безъ измѣненія.

. . . . . .

Будущей исторіи освобожденія сельскаго населенія въ Россіи изъ крѣпостнаго состоянія принадлежитъ изложеніе всего хода разсмотрѣнія этого вопроса въ высшемъ законодательномъ учрежденіи. Не касаясь этого здѣсь, мы считаемъ себя счастливыми, что можемъ привести достопамятныя слова Того, Державною волею котораго свершилось это величайшее въ XIX вѣкѣ преобразованіе. Въ этихъ словахъ заключается весь очеркъ возникновенія и осуществленія святой мысли освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта присутствовали, 28-го и 29-го января, 1—4, 6—11, 13 и 17 февраля 1861 г., нижеслѣдующіе его члены:

Графъ Блудовъ.—Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Великій Князь Николай Николаевичъ.—Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.—Принцъ Петръ Ольденбургскій.—Графъ Нессельродъ.—Графъ Петръ Паленъ.—Графъ Рибопьеръ.—Князь А. Меншиковъ.—Графъ Клейнмихель.—Графъ Бергъ.—Графъ Владиміръ Адлербергъ.—Князь Павелъ Гагаринъ.—Александръ Кочубей.—Графъ Андрей Шуваловъ.—Сергій Ланской.—Баронъ Николай Корфъ.—Графъ Сумароковъ.—Графъ С. Строгановъ.—Николай Сухозанетъ.—Александръ Танѣевъ.—Густавъ Гасфортъ.—Баронъ Модестъ Корфъ.—Баронъ П. Мейендорфъ—Василій Мелиховъ.—Ѳ. Литке.—Графъ Панинъ.—Князь В. Долгоруковъ.—Михаилъ Муравьевъ.—Ѳедоръ Пряниишниковъ.—Н. Бахтинъ—Авраамъ Норовъ.—Графъ Армфельтъ.—Константинъ Чевкинъ.—Князь Александръ Горчаковъ.—Баронъ Врангель.—П. Брокъ.—Н. Анненковъ.—Евграфъ Ковалевскій.—Александръ Княжевичъ.—Павелъ Игнатьевъ.—Баронъ П. Рокасовскій.—Тымовскій.—Левъ Сенявинъ.

Скрѣпилъ журналы Совѣта Государственный Секретарь В. Бутковъ.

По разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ всѣ вышеназванные проекты законоположеній о крестьянахъ—Высочайше утверждены 19-го февраля 1861 г.

Въ этотъ же незабвенный день послѣдовалъ на имя бывшаго Предсѣдателя Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу нижеслѣдующій Высочайшій рескриптъ [1]):

[1]) «Сборникъ правительств. распоряженій по устройству крестьянъ». Изд. 1862 г., томъ II, часть I, стр. 22—23.

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу.

«Ваше Императорское Высочество! Подписавъ сего дня Манифестъ о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и утвердивъ разсмотрѣнные сначала, въ бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Вашимъ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, а потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, общія и мѣстныя Положенія и Правила, относящіяся къ крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, Я, и по влеченію сердца, и по долгу Моему, желаю въ этотъ самый достопамятный для Россіи день изъявить Вамъ Мою живѣйшую и глубокую признательность за точное, скорое и вполнѣ Моей волѣ и Моимъ ожиданіямъ соотвѣтствующее окончаніе сего государственнаго дѣла. Съ самаго назначенія Вашего, 15-го іюля 1857 года, членомъ Комитета, учрежденнаго для предпринимаемаго преобразованія, Вы принимали безпрерывно дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ онаго дѣйствіяхъ, и по окончаніи, въ октябрѣ 1860 года, состоявшими при семъ Комитетѣ Редакціонными Коммисіями порученныхъ имъ работъ, призывая Главный Комитетъ къ подробному представленныхъ ими проектовъ разсмотрѣнію, Я, по особому Моему Вамъ довѣрію, назначилъ Ваше Высочество предсѣдательствующимъ въ семъ Комитетѣ. Вы вполнѣ оправдали сіе довѣріе. Глубоко, тщательно изучивъ все относящееся къ важнымъ разнообразнымъ вопросамъ, долженствовавшимъ возникнуть при обсужденіи какъ сихъ предначертанныхъ уже, такъ и могущихъ служить къ ихъ усовершенствованію мѣръ, Вы, съ пламеннымъ ко благу общему усердіемъ, посвящали ежедневно трудамъ въ Главномъ Комитетѣ всѣ Ваши усилія, все Ваше время и, безъ сомнѣнія, благодаря въ особенности Вамъ, подробное разсмотрѣніе сего обширнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ, исправленіе и дополненіе проектовъ, разрѣшеніе всѣхъ представлявшихся при томъ сомнѣній, наконецъ, и составленіе нѣсколькихъ новыхъ Положеній приведены къ окончанію въ назначенное Мною время. За сіи доказательства неутомимой, примѣрной дѣятельности Главнаго по крестьянскому дѣлу Комитета, Я поручаю Вашему Высочеству передать членамъ онаго Мою искреннюю благодарность. Я не забуду и со Мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество и всѣ прочіе члены Главнаго Комитета. Будущее извѣстно единому Богу и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его Святой, всегда благостной

воли. Но Мы можемъ нынѣ же съ спокойною совѣстью сказать себѣ, что Нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти Нашей средства, и съ смиреніемъ уповать, что покровительствующее любезному Нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе Нашихъ намѣреній, коихъ чистота Ему извѣстна.

„При утвержденіи предположеній объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ и объ устройствѣ ихъ быта, Я призналъ необходимымъ принять мѣры къ устройству всего вообще сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ. Для сего Я учреждаю особый, подъ Моимъ непосредственнымъ вѣденіемъ, Комитетъ, въ который назначаю Ваше Императорское Высочество членомъ и предсѣдательствующимъ. Не сомнѣваюсь, что Вы, зная Мои по сему предмету мысли и желанія, съ обычнымъ Вашимъ неохлаждаемымъ ничѣмъ усердіемъ, дѣятельно приступите къ трудамъ по сему новому, но имѣющему тѣсную связь съ довершеннымъ уже, дѣлу.

„Пребываю навсегда

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Душевно Васъ любящій и благодарный Александръ".

Санктпетербургъ.
19-го февраля 1861 года.

По обнародованіи законоположеній о крестьянахъ во всей Россіи, Государь Императоръ, въ день Своего рожденія, 17-го апрѣля 1861 г., выразилъ Высочайшую признательность С. С. Ланскому и всѣмъ членамъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и общихъ коммисій.

Вотъ этотъ достопамятный актъ:

---

[1]) Сергѣй Степановичъ Ланской род. въ 1787 г. Въ 1808 г. камеръ-юнкеръ; въ 1817—1823 гг. въ сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, потомъ директоръ Коммисіи погашенія долговъ. По выходѣ въ отставку,—два трехлѣтія прослужилъ по выборамъ судьею Московскаго Совѣстнаго Суда. Въ 1830 г. поступилъ вновь на госуд. службу. Назначенъ губернаторомъ въ Кострому, потомъ переведенъ во Владиміръ; въ 1834 г. сенаторъ, а въ 1839 г. почетный опекунъ Спб. Опекунскаго Совѣта. Въ 1850 г. назначенъ членомъ Госуд. Совѣта, а въ 1855 г.—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Умеръ 26-го января 1862 г.

Поправка: На стр. 330-й строка 9-я снизу, напечатано: кн. П. П. Гагаринъ—читай: гр. В. Н. Панинъ.

Министру Внутреннихъ Дѣлъ (С. С. Ланскому) [1].

«Сергій Степановичъ. Утвержденныя Мною законоположенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, нынѣ уже повсемѣстно обнародованы и приняты всѣми сословіями съ тѣмъ чувствомъ преданности и довѣрія къ Престолу, которое всегда отличало любезный сердцу Моему народъ Русскій. Воздавая должное благодареніе Небесному Промыслу за сей новый знакъ Его къ намъ милости, Я съ удовольствіемъ обращаюсь и ко всѣмъ принимавшимъ дѣятельное участіе въ приготовительныхъ по сему дѣлу трудахъ.

«Первое онымъ основаніе положено учрежденными, по Моему повелѣнію, Губернскими Дворянскими Комитетами и Общими Коммисіями. Дѣйствуя съ безкорыстнымъ, постояннымъ усердіемъ, сіи Комитеты и Коммисіи, въ весьма краткое время, обсудили и разъяснили, во всѣхъ отношеніяхъ, представлявшіеся ихъ сужденію вопросы, успѣли собрать необходимыя—для предначертанія новаго устройства быта выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей—свѣдѣнія, извлеченныя изъ мѣстныхъ наблюденій, и замѣчаніями своими, основанными на практикѣ пріобрѣтенномъ знаніи, дали возможность, обнявъ во всей полнотѣ предлежащій окончательному разсмотрѣнію, столь же обширный, сколько и важный предметъ, установить порядокъ, равно безобидный и въ исполненіи удобный, какъ для землевладѣльцевъ, такъ и для жительствующихъ въ ихъ имѣніяхъ крестьянъ и дворовыхъ.

«Вамъ, какъ тому изъ Министровъ Моихъ, коему ввѣрено непосредственное вѣденіе дѣлъ Дворянскаго сословія, поручаю объявить предсѣдателямъ и членамъ Комитетовъ и Общихъ Коммисій Мое особенное благоволеніе за полезное ихъ содѣйствіе въ столь важномъ и представлявшемъ столь много трудностей государственномъ дѣлѣ. Да перейдутъ въ потомство имена вѣрныхъ Мнѣ въ этомъ дѣлѣ сподвижниковъ!

Пребываю вамъ навсегда благосклонный «Александръ».

Въ Санктпетербургѣ.
17-го апрѣля 1861 года.

---

[1]) См. «Сборникъ правит. распор. по устр. крестьянъ». Спб., изд. 1862 г., томъ II, ч. 1, стр. 24.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Имя этого великаго государственнаго дѣятеля неразрывно связано съ началомъ самоуправленія въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ, съ преобразованіемъ кредитной части, въ особенности же съ отмѣною крѣпостнаго права, съ устройствомъ земскихъ учрежденій, съ поземельнымъ устройствомъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ западныхъ губерній и, наконецъ, съ кореннымъ преобразованіемъ всего гражданскаго быта и строя Царства Польскаго. Н. А. Милютинъ родился 6-го іюня 1818 года, воспитывался въ Москвѣ, въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ; на службу поступилъ въ 1835 году, въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ тогда сосредоточивались дѣла по городскому хозяйству, приказамъ общественнаго призрѣнія и народному продовольствію. Въ 1842 г. ему поручено было учрежденное въ хозяйственномъ департаментѣ особое городское отдѣленіе, которому предстоялъ тогда трудъ ввести болѣе правильныя основанія въ управленіи городами и въ ихъ хозяйствѣ. Составленное при участіи и подъ руководствомъ Н. А. Милютина, новое городовое положеніе для С.-Петербурга было введено въ дѣйствіе въ 1846 году. Положеніе это, въ которомъ впервые были проведены начала самоуправленія въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ, послужило впослѣдствіи образцомъ для преобразованія устройства другихъ городовъ. Въ 1852—1854 годъ Н. А. Милютинъ, въ качествѣ члена Императорскаго Русскаго Географическаго общества, принималъ самое дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ отдѣленія статистики и совѣта этого общества. Вообще о собраніи и обработкѣ статистическихъ свѣдѣній о Россіи Н. А. Милютинъ заботился всегда весьма дѣятельно и впослѣдствіи, при увеличившихся служебныхъ его обязанностяхъ; въ статистикѣ онъ видѣлъ ключъ къ администраціи и посему всѣ его статистическія работы [1]) были направлены къ разъясненію и разслѣдованію вопро-

---

[1]) Вотъ краткій перечень статистическихъ работъ Н. А. Милютина: 1) «Число городскихъ и земледѣльческихъ поселеній въ Россіи съ картою населенности Европейской Россіи»; напечатано въ 1-й книгѣ изданнаго Императорскимъ Русскимъ Географическимъ обществомъ, въ 1851 году, «Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи». 2) «Очеркъ Нижегородской ярмарки», напечатанный въ 1852 году. Затѣмъ, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, были изданы: 3) Первые 2 тома обширнаго сборника, подъ заглавіемъ: «Городскія поселенія въ Россіи» (всего издано 8 томовъ), заключающіе въ себѣ свѣдѣнія о городахъ 20-ти губерній. 4) Подробныя свѣдѣнія о хозяйствѣ городовъ и ихъ финансовыхъ способахъ, за время съ 1838—1858 гг., изданы въ 1859 году, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Общественное устройство и хозяйство городовъ». 5) «Банковые долги, и проч. въ 1856 году». 6) «Свѣдѣнія о цѣнахъ на

совъ, ближе и непосредственно связанныхъ съ самою жизнію государства. Въ 1856 году Н. А. Милютинъ принималъ ближайшее участіе въ занятіяхъ учрежденнаго въ то время, по Высочайшему повелѣнію, особаго комитета для обсужденія ходатайствъ, поступавшихъ изъ многихъ губерній, объ оказаніи разныхъ общихъ льготъ и облегченій въ платежѣ казенныхъ и особенно банковыхъ долговъ, по случаю Восточной войны и, отчасти, бывшихъ неурожаевъ.

Въ началѣ 1859 года, когда были образованы, по Высочайшему повелѣнію, Редакціонныя Коммисіи для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ Общаго Положенія о крестьянахъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости, а равно и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся, Н. А. Милютинъ—какъ мы видѣли выше изъ Записокъ сенатора, тайн. сов. Я. А. Соловьева — былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи, занимавшейся составленіемъ мѣстныхъ положеній, и, кромѣ того, принялъ самое дѣятельное участіе въ занятіяхъ коммисій финансовой и административной. Съ этого времени онъ всецѣло посвятилъ себя, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, дѣлу освобожденія крестьянъ. Для этого дѣла въ немъ проявилась какъ бы особая вдохновляющая его сила, которую безошибочно можно назвать силою призванія. Поборникъ широкаго самоуправленія и самостоятельности крестьянской общины, Н. А. Милютинъ въ дѣлѣ крестьянской реформы, по всей справедливости, заслуживаетъ почетнаго мѣста на ряду съ историческими именами Я. И. Ростовцева, С. М. Жуковскаго, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго и другихъ лучшихъ исполнителей великаго дѣла, предпринятаго и предначертаннаго державною волею Верховнаго Вождя Россіи—освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

Бывъ вскорѣ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Милютинъ сдѣлался руководителемъ всѣхъ работъ по крестьянскому вопросу, сосредоточивавшихся въ этомъ министерствѣ. Все это время своей государственной дѣятельности онъ провелъ въ борьбѣ противъ тѣхъ притязаній, которыя были выражены въ мнѣніяхъ большинства губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. А борьба эта была не малая. Достаточно взглянуть на проекты губернскихъ комитетовъ, чтобы убѣдиться, что огромное большинство ихъ признавало освобожденіе крестьянъ лишь за печальную необхо-

---

земли, проданныя съ публичныхъ торговъ съ 1-го января 1854 года по 1-е января 1859 года». 7) «Свѣдѣнія о цѣнахъ на пустопорожнія земли въ вольной продажѣ съ 1856 — 1858 г.». 8) «Свѣдѣнія о приказахъ общественнаго призрѣнія», и 9) «Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ, по Высочайшему повелѣнію произведенныя подъ руководствомъ сенатора, статсъ-секретаря Милютина 1863—1864 гг».

димость, и въ то же время всѣми силами старалось продлить, хотя въ иной формѣ, власть помѣщика надъ крестьянами, разрушить самостоятельность крестьянскихъ обществъ и помѣшать выкупу крестьянами земли. Даже сдѣлана была попытка исказить мысль о надѣлѣ крестьянъ землею за опредѣленныя повинности, не смотря на то, что она была положена правительственною властью въ основаніе работъ комитетовъ: комитеты добивались обязательнаго установленія повинностей только на первое время, съ тѣмъ, чтобъ впослѣдствіи назначеніе этихъ повинностей было предоставлено соглашенію, вслѣдствіе чего надѣлъ крестьянъ, конечно, потерялъ бы всякое значеніе. Тѣхъ же воззрѣній держалось и большинство представителей губернскихъ комитетовъ, которые вызывались въ Петербургъ для личныхъ объясненій по проектамъ и имѣли совѣщанія съ Редакціонными Коммисіями.

Положеніе 19-го февраля 1861 года Высочайше утверждено. — Николай Алексѣевичъ Милютинъ на нѣкоторое время сошелъ съ поприща государственной дѣятельности и уѣхалъ за границу.

Въ 1863 году, когда вспыхнулъ мятежъ въ Польшѣ, Н. А. Милютинъ былъ вновь призванъ, въ качествѣ завѣдывающаго канцеляріей по дѣламъ Царства Польскаго и къ государственной дѣятельности въ Комитетѣ по устройству быта крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, и не прошло двухъ лѣтъ какъ дѣло это было окончено. Въ результатѣ его дѣятельности по этому предмету явились: прочное устройство быта крестьянъ западнаго края и секуляризація духовныхъ имѣній—мѣры, которыя ограничили власть дворянскаго и духовнаго сословія и положили залогъ для благоденствія Польши. Назначенный затѣмъ на должность статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго, Н. А. Милютинъ, какъ ревностный исполнитель Высочайшихъ предначертаній, повелъ дѣло постепеннаго сліянія Царства съ Имперіей. По его вчинанію мало по малу, безъ потрясеній, отдѣльныя части управленія Привислянскимъ краемъ перешли въ вѣденіе министерствъ Имперіи. Назначенный сенаторомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, Н. А. Милютинъ былъ постоянно самымъ горячимъ сторонникомъ проведенія лучшихъ законодательныхъ мѣръ; но эта дѣятельность его продолжалась не долго. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1866 года, въ домѣ государственнаго канцлера происходило засѣданіе по вопросу о конкордатѣ съ Римомъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ горячаго обсужденія этого вопроса, которымъ Н. А. Милютинъ занимался долго, не зная покоя и отдыха, онъ имѣлъ счастіе увидѣть свой трудъ удостоившимся Высочайшаго утвержденія. Упраздненіе конкордата съ папскимъ престоломъ было рѣшено. Но, по возвращеніи изъ этого засѣданія, Н. А. Милютинъ былъ пораженъ нервнымъ ударомъ. Съ этой минуты его уже не стало болѣе для государственной жизни Россіи.

Три года онъ прожилъ послѣ этого за границей и два года въ Москвѣ.

Здоровье его, по видимому, порой возстановлялось, но не въ такой степени, чтобы онъ могъ заниматься дѣлами. Въ это время друзья его ѣздили къ нему, нарочно чтобы видѣться съ нимъ, одни за границу, другіе въ Москву. А друзей у него было не мало. Можно даже сказать, что рѣдко кто у насъ изъ государственныхъ людей имѣлъ столькихъ преданныхъ, горячо привязанныхъ почитателей и друзей. Онъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ людей своею симпатичностью, искренностью, сердечною добротою. Рѣчь его была необыкновенно увлекательна и электризовала слушателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ политическимъ талантомъ, талантомъ усвоивать себѣ живую идею, соотвѣтствующую современнымъ потребностямъ общества, и вотъ почему все, что сочувствовало этой идеѣ, становилось подъ его знамя; вотъ почему лица съ высокими умственными дарованіями, съ характеромъ, подчинялись ему невольно. Трудно было найти кого либо, кто бы могъ сравниться съ нимъ въ пониманіи великихъ дѣлъ и въ искусствѣ разрѣшать самые сложные вопросы. Съ умомъ яснымъ, но необыкновенно живымъ, оборотливымъ и въ то же время точнымъ и нѣсколько рѣзкимъ, онъ соединялъ непоколебимую, ничѣмъ неподкупную гражданскую и политическую честность и строгость убѣжденій. Прямо, смѣло проводилъ онъ свои мысли. Онъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ сразу схватить суть дѣла, понять его живую практическую обстановку въ данную минуту и съ необыкновеннымъ искусствомъ вести его посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Николай Алексѣевичъ скончался въ Москвѣ 26-го января 1872 г., на 54-мъ году отъ рожденія.

На сколько тяжело отозвалась въ сердцахъ многихъ изъ почитателей Н. А. Милютина смерть его, это мы видимъ, между прочимъ, изъ письма сослуживца его, бывшаго предсѣдателя люблинской по крестьянскимъ дѣламъ коммисіи, въ 1864 — 1867 гг., М. И. Венюкова, которое было напечатано въ свое время въ газетѣ «Голосъ». Въ письмѣ этомъ авторъ, между прочимъ, такъ отозвался о Н. А. Милютинѣ: «Такой свѣтлый умъ, такая честность и прямота характера безъ оскорбительной рѣзкости, такое широкое пониманіе современныхъ историческихъ вопросовъ, соединенное съ искусствомъ приступать къ рѣшенію ихъ и проводить въ самую жизнь, наконецъ, такое умѣнье окружать себя сотрудниками, глубоко преданными идеямъ своего вождя,—составляютъ явленіе очень рѣдкое всюду, особенно утѣшительное у насъ. И если безвозвратная утрата такого дѣятеля должна отозваться грустно въ душѣ каждаго русскаго, то тѣмъ болѣе она отозвалась тяжело въ сердцахъ бывшихъ его сотрудниковъ по крестьянскому дѣлу въ Имперіи или по преобразованіямъ въ Привислянскомъ краѣ».

Покойный М. П. Погодинъ выразился о Николаѣ Алексѣевичѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ сдѣлалъ довольно. Богъ привелъ его имѣть близкое, непосредственное участіе въ исполненіи многихъ великихъ мѣръ, озна-

меновавшихъ нынѣшнее славное въ отечественной исторіи царствованіе. Крестьяне съ землей, городскія думы, земскія учрежденія, наконецъ, освобожденіе сельскаго сословія изъ-подъ шляхетскаго ига, которымъ Россія принесла столько добра Польшѣ на вѣки вѣковъ и искупила много грѣховъ, вынужденныхъ у нея исторіей и географіей—вотъ событія, съ которыми связано его имя!»

Н. А. Некрасовъ посвятилъ Николаю Алексѣевичу извѣстное стихотвореніе «Кузнецъ», вошедшее въ собранія сочиненій этого поэта.

Другое стихотвореніе, напечатанное въ газетѣ «Голосъ», посвящено авторомъ М. Р. памяти Н. А. Милютина.

Ты въ мірѣ не гремѣлъ побѣдными громами,
Но подвиги твои славнѣе всѣхъ побѣдъ.
Великій труженикъ, ты скромно между нами
Прошелъ, но по себѣ оставилъ вѣчный слѣдъ.

*
* *

И славный этотъ слѣдъ изъ памяти народной
Ни время, ни вражда, ни зависть не сотретъ,
И голосъ согражданъ, правдивый и свободный,
Надъ многими тебя высоко вознесетъ!

*
* *

Врачуя старыя отечества невзгоды,
Какъ доблестный боецъ за родину свою,
Подъ знаменемъ ея единства и свободы
Ты бился до конца — и палъ въ святомъ бою.

*
* *

Миръ праху твоему! Хвалы тебѣ нѣтъ краше,
Нѣтъ лучшей надписи для гроба твоего,
Какъ краткія слова: «Враги Россіи нашей
Всѣ были и враги заклятые его».

Московскій университетъ пожелалъ, чтобы послѣдній долгъ Николаю Алексѣевичу Милютину, какъ одному изъ его знатнѣйшихъ почетныхъ членовъ, былъ отданъ въ университетской церкви. Затѣмъ, тѣло его было предано землѣ, 29-го января 1872 года, въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Въ тотъ же день, въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, по немъ была отслужена заупокойная литургія и панихида, на которой, кромѣ многихъ высшихъ сановниковъ, присутствовалъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Великій Князь Константинъ Николаевичъ, почтившій память покойнаго своимъ участіемъ и вниманіемъ.

Три письма Н. А. Милютина.

I.

Ю. Ѳ. Самарину—въ Самару.

С.-Петербургъ. 9-го марта 1859 года.

«Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ! Въ дополненіе къ официальному приглашенію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостію исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всею душой. Коммисія, въ которую вы приглашаетесь членомъ, открылась на сихъ дняхъ; вотъ ея составъ: предсѣдатель Я. И. Ростовцевъ; отъ Главнаго Комитета Жуковскій; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Соловьевъ, Гирсъ и я; отъ министерства государственныхъ имуществъ Булыгинъ, и Павловъ (оба бывшіе члены (московскаго комитета); отъ министерства юстиціи Любощинскій и Семеновъ; отъ II-го Отдѣленія Калачовъ; наконецъ, члены изъ помѣщиковъ (эксперты, какъ у насъ называются): Шишковъ, кн. Черкасскій, Галаганъ, Тарновскій (послѣдніе два изъ черниговскаго комитета), Желѣзновъ (изъ новгородскаго) и вы. Вѣроятно, прибавится еще кой-кто, но вы видите, что избираются люди, искренно преданные дѣлу. Эксперты и министерскіе члены имѣютъ совершенно равныя права и обязанности. Депутаты-же, призываемые изъ губернскихъ комитетовъ, вѣроятно, будутъ имѣть голосъ лишь совѣщательный. Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостнаго узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода, вѣроятно, будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ Коммисію, я болѣе всего расчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій, я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ. Здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣлибо. Обнимаю васъ отъ всей души въ надеждѣ на радостное свиданіе.

«P. S. Къ работамъ мы еще не приступили, но мѣшкать нельзя. У насъ уже семь проектовъ, ожидаемъ еще нѣсколько. Надо тотчасъ начать ихъ

разработку и поставить вопросы, а вы знаете, какъ это важно. Передайте мой дружескій поклонъ Гроту. Соображеній нашихъ о полиціи и мировыхъ судьяхъ не могу вамъ послать, но спѣшу извѣстить, что они вполнѣ приняты. Всѣ сорныя травы вырваны, надѣюсь, окончательно».

II.

Весной 1861 года Н. А. Милютинъ писалъ слѣдующее, въ отвѣтъ на письмо изъ провинціи:

29-го апрѣля 1861 г. С.-Петербургъ.

«Спѣшу принести вамъ отъ всего сердца благодарность за добрыя строки. Мнѣ понятно чувство, которое ихъ внушило, и тѣмъ сильнѣе моя признательность за теплое участіе. Одобреніе людей, преданныхъ дѣлу освобожденія крестьянъ, будетъ самымъ свѣтлымъ и дорогимъ для меня воспоминаніемъ.—Послѣ трехъ лѣтъ тревожной дѣятельности, утомленный физически и нравственно, я принужденъ отъѣхать за границу, оставить на нѣкоторое время родную среду, къ которой принадлежу всѣми чувствами и помышленіями; но уношу съ собою прежнюю вѣру въ несокрушимость и живучесть великаго крестьянскаго дѣла. Наперекоръ той силѣ инерціи, которою, къ сожалѣнію, отличается наше общество, новый сельскій порядокъ, какъ я увѣренъ, водворится при пособіи людей честныхъ и правдивыхъ, людей мысли и слова, которые должны всѣми силами помогать общественному сознанію и возвышать общественную нравственность. По моему глубокому убѣжденію, теперь, болѣе чѣмъ когда либо, литература можетъ этому содѣйствовать. Она одна можетъ разсѣивать вѣковые предразсудки, разъяснять новый законъ, и постоянно напоминать высокія цѣли, столь легко забываемыя среди мелочей и дрязгъ вседневной жизни.

«Еще разъ благодарю васъ за доброе слово. Дай Богъ вамъ всего хорошаго.»

Почти въ то же время въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самаринy Николай Алексѣевичъ выражался, между прочимъ, такъ:

«Теперь истинная сила въ васъ, мѣстныхъ дѣятеляхъ, и вся надежда (на Промыселъ), который вывелъ насъ въ обѣтованную землю и, конечно, поможетъ въ ней укрѣпиться.

«Эта надежда даетъ мнѣ полное право предаваться безграничной радости: отдохнуть и освѣжиться».....

III.

Я. А. Соловьеву—въ Парижъ.

23-го марта 1864 г. Варшава.

«Надѣюсь, что вы получили, душевно уважаемый Яковъ Александровичъ, посланные мною съ Д* указы и матеріалы по польскому крестьянскому дѣлу. Это первый шагъ къ реформамъ, которыя должны получить теперь энергическое развитіе и коснуться всѣхъ частей управленія: финансовъ, народнаго образованія, полиціи и судовъ. Все это, разумѣется, должно совершиться въ томъ же духѣ и съ ясно-сознанною цѣлью: поднять и поставить на ноги угнетенную массу, противопоставивъ ее олигархіи, которою проникнуты до сихъ поръ всѣ польскія учрежденія. Съ радостію могу сказать, что таковы убѣжденія и твердое намѣреніе высшаго правительства. Могу также добавить, что съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ возможности выполнить эту программу. Современемъ въ самой Польшѣ можно будетъ найти дѣятельные элементы, чтобы на нихъ опереться. Но теперь, пока, нужны русскіе дѣятели, и они необходимы не только вслѣдствіе ненормальнаго положенія края, но и по причинѣ совершеннаго отсутствія организаторскихъ способностей самихъ поляковъ внѣ ихъ отжившихъ традицій. Эта способность проснется въ нихъ только тогда, когда связь съ этою традиціей порвется и явится на сцену новый, невѣдомый въ польской исторіи, дѣятель—народъ. Извините меня за эти чрезмѣрно-отвлеченныя разсужденія. Хотѣлось установить прежде всего исходную точку, а куда именно идетъ рѣчь—вы, вѣроятно, догадываетесь. Могу-ли я не вспомнить о васъ, осужденныхъ на бездѣйствіе въ то время, когда является такая настоятельная надобность въ сильныхъ и энергическихъ распорядителяхъ! Конечно, не съ сегодняшняго дня возникла у меня и у многихъ вашихъ пріятелей мысль посягнуть на вашу свободу. Но пока цѣль не была еще сознана и утверждена, пока не выяснилось еще положеніе, которое могли-бы вы занять въ Царствѣ,—я не рѣшался писать вамъ. Теперь позвольте объясниться прямо и со всею искренностію.

«Вы уже знаете, что здѣсь образованъ Учредительный Комитетъ. Его задача—не только вести и развивать крестьянское дѣло (въ этомъ отношеніи онъ будетъ играть роль русскаго Главнаго Комитета), но и разработать, а впослѣдствіи ввести всѣ прочія органическія преобразованія въ Царствѣ. Стало быть, кругъ дѣятельности обширный, а на сколько удастся захватить предметовъ въ этомъ обширномъ кругу — это будетъ зависѣть

отъ личнаго состава Комитета. Теперь, пока, онъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, только изъ двухъ лицъ: Арцимовича и князя Черкасскаго. Если бы вы согласились принять званіе члена Учредительнаго Комитета, то отъ васъ зависѣло бы повести все дѣло. Вы вѣрно замѣтили въ указѣ, что одинъ изъ членовъ завѣдуетъ дѣлами комитета. Въ нашихъ понятіяхъ, коллегіальное обсужденіе полезно только для важнѣйшихъ законодательныхъ и высшихъ административныхъ вопросовъ; распорядительная-же власть, какъ по крестьянскому дѣлу, такъ и по прочимъ преобразованіямъ, должна принадлежать члену, завѣдующему дѣлами Комитета. Конфликтовъ быть не можетъ, потому что Комитетъ есть важная инстанція въ Царствѣ, которой положительно подчинены коммисіи (министерства) и всѣ административныя власти. Въ канцелярскихъ средствахъ недостатка не будетъ. Теперь, пока, канцеляріею управляетъ Драшусовъ (бывшій членъ рязанскаго присутствія), но это не окончательно. Штатъ будетъ составленъ членомъ, который приметъ на себя завѣдываніе Комитетомъ. Что касается до мѣстныхъ его органовъ, то въ настоящее время формируется, въ видѣ опыта, 14 мѣстныхъ коммисій по крестьянскимъ дѣламъ, для которыхъ уже набрано 44 человѣка изъ Россіи. . . . . и 24 офицера изъ здѣшней арміи—юноши, которыхъ мы нашли болѣе развитыми. Для начала этого достаточно, а впослѣдствіи пополнить будетъ не трудно, тѣмъ болѣе, что рѣшено отнюдь не стѣсняться денежными средствами.

Вотъ вамъ полный отчетъ дѣла, на сколько можно умѣстить въ рамкахъ письма. Теперь подумайте и рѣшите. Я не взываю къ патріотическому чувству: оно, я увѣренъ, само заговоритъ. Смѣло могу сказать, что дѣло есть, и дѣло по-истинѣ великое, что положеніе ваше будетъ вполнѣ самостоятельное и независимое, и что, по моему убѣжденію, вы вѣрно не будете пенять на меня, если примете мое предложеніе.

Вы вѣрно спросите, отчего-же я самъ не принимаю этой роли? Не говоря о моемъ семейномъ положеніи, которое не позволяетъ мнѣ поселиться даже на годъ въ Варшавѣ, — Государю угодно было меня назначить въ Польскій Комитетъ, учрежденный при Немъ, и безъ котораго не могли бы осуществиться всѣ задуманныя преобразованія. Въ этомъ Комитетѣ управляющій дѣлами С. М. Жуковскій, и, вмѣстѣ съ нимъ, я надѣюсь быть полезнѣе самому Учредительному Комитету въ Петербургѣ, чѣмъ въ Варшавѣ. Здѣсь я нахожусь временно, и временно-же исправляю должность члена, завѣдующаго дѣлами Учредительнаго Комитета. Къ Святой долженъ вернуться въ Петербургъ, для окончательнаго рѣшенія всѣхъ личныхъ вопросовъ. Пожалуйста, отвѣчайте мнѣ до того времени. Не могу скрыть отъ васъ, что отказъ вашъ будетъ сильнымъ ударомъ для дѣла.

Время не позволяетъ мнѣ писать болѣе. Дружески жму вамъ руку. Не пугайтесь ни незнаніемъ польскаго языка, ни новостью мѣстныхъ обстоятельствъ. По опыту ручаюсь вамъ, что звѣрь не такъ страшенъ, какъ кажется издали. Многое могъ-бы сказать, чтобъ подкрѣпить свое предложеніе. Но повѣрьте, что оно сдѣлано въ полномъ убѣжденіи, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ и пользѣ дѣла, и вашимъ законнѣйшимъ интересамъ.

. . . . . .

Николай Милютинъ.

Примѣчаніе. Вышеприведенныя три письма весьма обязательно сообщены намъ Юріемъ Николаевичемъ Милютинымъ. Ред.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ И НОВЫЕ СУДЫ.

1862—1864 гг.

(Отрывокъ изъ историческаго очерка).

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, задолго еще до введенія у насъ судебной реформы, въ литературныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ стали появляться статьи о судахъ въ Англіи и во Франціи и печататься замѣчательные процессы по уголовнымъ дѣламъ, происходившіе въ иностранныхъ государствахъ.

Эти статьи и процессы съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особенно привлекали вниманіе читателей, знакомили ихъ съ гласностью судопроизводства, въ которомъ такую выдающуюся роль играли талантливые прокуроры и адвокаты иногда изъ первоклассныхъ юристовъ, и приводили ихъ къ заключенію о недостаткахъ нашего слѣдственнаго процесса, не допускавшаго ни публичности, ни преній въ судахъ. Съ другой стороны, профессора, преподававшіе въ нашихъ университетахъ уголовное право и судопроизводство, касались весьма часто въ своихъ лекціяхъ состоянія судовъ въ европейскихъ государствахъ и сообщали своимъ слушателямъ подробныя свѣдѣнія объ институтѣ присяжныхъ засѣдателей и обвинительномъ процессѣ, сравнивая его со слѣдственнымъ процессомъ, принятымъ у насъ. Съ первыхъ же годовъ настоящаго царствованія, русское общество значительно оживилось; въ немъ явилось сознаніе, что европейцы далеко опередили насъ въ наукѣ, литературѣ и общественномъ строѣ. Тогда наша литература приняла обличительное направленіе и старалась указать недостатки существующаго порядка вещей и идеалы, созданные европейскою цивилизаціей. Въ то время у насъ появились переводы Маколея,

Бокля, Шлоссера, историческія изслѣдованія Соловьева и Костомарова, критика Добролюбова, напомнившая Бѣлинскаго, стихотворенія Некрасова, повѣсти и романы Тургенева, Достоевскаго, «Губернскіе очерки» и повѣсти даровитѣйшаго нашего сатирика М. Е. Салтыкова (Щедрина). Окончательный же ударъ прежнему строю нашего общества нанесъ крестьянскій вопросъ, а за нимъ послѣдовали и другія реформы. Такимъ образомъ, мы можемъ заключить, что лучшая и интеллигентная часть русскаго общества была болѣе или менѣе подготовлена къ преобразованію судебной части, которое потомъ было совершено у насъ.

Работы по преобразованію судебной части были предприняты II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи еще въ 1843 году, когда графъ Блудовъ потребовалъ черезъ графа Панина мнѣнія прокуроровъ и предсѣдателей судовъ и палатъ о недостаткахъ русскихъ законовъ о судопроизводствѣ въ гражданскихъ судахъ, а получили онѣ дальнѣйшее движеніе въ 1848 г., вслѣдствіе извѣстной резолюціи Императора Николая I-го, послѣдовавшей 16-го ноября 1848 года, по дѣлу объ имѣніи и долгахъ Баташева. Эта плодотворная резолюція была выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Изложеніе причинъ медленности непомѣрной, съ которою производится сіе столь извѣстное дѣло, ясно выставляетъ всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства».

Тѣмъ не менѣе, только въ настоящее уже царствованіе Второе Отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи составило проекты новаго гражданскаго судопроизводства и положенія о присяжныхъ повѣренныхъ, а впослѣдствіи, въ 1860 г., и проекты устава уголовнаго судопроизводства и судоустройства. Всѣ проекты, относящіеся къ гражданскому судопроизводству и судоустройству, были въ Государственномъ Совѣтѣ переработаны и соглашены между собою, и въ 1859 году разосланы не только офиціальнымъ юристамъ-практикамъ, но и профессорамъ университетовъ, частнымъ повѣреннымъ и даже всѣмъ вообще лицамъ интересовавшимся этимъ дѣломъ. Такимъ образомъ этимъ проектамъ въ 1859 году дана была полная гласность. Доставленныя всѣми означенными лицами замѣчанія на проекты Государственнаго Совѣта составили драгоцѣннѣйшій матеріалъ для разработки основныхъ положеній судоустройства и судопроизводства. Этотъ трудъ былъ возложенъ на особую коммисію при Государственной канцеляріи, которая успѣшно его окончила, принявъ при этомъ во вниманіе нарочно собранныя мнѣнія практиковъ по судебной части. Наконецъ, 29-го сентября 1862 года основныя положенія удостоились Высочайшаго утвержденія. Объявленіе основныхъ положеній судебной

реформы во всеобщую извѣстность придало преобразованію судебной части широкую гласность въ Россіи и, конечно, принесло большую пользу послѣдующимъ работамъ редакціонной коммисіи, призванной къ составленію проектовъ судоустройства и судопроизводства.

Замѣтимъ, что при составленіи основныхъ положеній нашли необходимымъ разсмотрѣть и слѣдующія возраженія о невозможности привести судебную реформу въ исполненіе, потому «во 1-хъ, что общество къ тому не приготовлено; во 2-хъ, что правительство не можетъ располагать для сего достаточными денежными средствами, и въ 3-хъ, что въ государствѣ нѣтъ достаточнаго числа людей добросовѣстныхъ, знающихъ законы и могущихъ приводить ихъ въ дѣйствіе». Противъ перваго изъ этихъ возраженій было замѣчено: «Если законодательныя предположенія правильны, то они и благовременны. Трудно думать, чтобы люди гдѣ либо и когда либо были приготовлены къ дурному и не зрѣлы для хорошаго. Правильное образованіе судебныхъ учрежденій составляетъ вопросъ самой настоятельной необходимости въ Россіи; при томъ же разумный законъ никогда не сдѣлаетъ зла; можетъ быть, по какимъ либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона новаго, онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ истиннымъ его смысломъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубоко свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства». Второе изъ возраженій было очень удачно опровергнуто слѣдующими соображеніями: «Недостатокъ денежныхъ средствъ, коими можетъ располагать правительство, независимо отъ общихъ экономическихъ условій, происходитъ въ особенности отъ несовершенства основныхъ органовъ отправленія правосудія, составляющаго главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги безъ кредита не составляютъ капитала производительнаго, а кредита не можетъ быть при безпорядкѣ въ судебномъ вѣдомствѣ, и потому если дѣйствительно нѣтъ денегъ, то усовершенствованія судоустройства не только полезны, но необходимы, а самый недостатокъ денегъ составляетъ не возраженіе противъ усовершенствованій въ судебномъ вѣдомствѣ, а доказательство ихъ необходимости». Противъ третьяго возраженія, между прочимъ, было замѣчено: «Не слѣдуетъ преувеличивать недостатка собственно въ образованныхъ юристахъ. У насъ существуютъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ шесть университетовъ, четыре лицея и училище правовѣдѣнія. Число обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ юридическимъ наукамъ не можетъ быть незначительно. Если вообще до сихъ поръ въ судебномъ вѣдомствѣ было немного образованныхъ юристовъ, то явленіе это объясняется тѣмъ,

что доселѣ всѣ служебныя преимущества и законныя выгоды были не на сторонѣ судебнаго вѣдомства» [1]).

Обозрѣвая основныя положенія 29-го сентября 1862 года, по которымъ предполагалось отмѣнить существующій у насъ слѣдственный процессъ и ввести по уголовнымъ дѣламъ форму слѣдственно-обвинительнаго, а по гражданскимъ—состязательнаго процесса, мы находимъ въ нихъ слѣдующія главныя черты судебной реформы: 1) вообще отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной, и въ частности, по гражданскому судопроизводству—отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной, а по уголовному судопроизводству—власти судебной отъ обвинительной; 2) начало гласности въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ; 3) несмѣняемость судей; 4) устройство самостоятельной мировой юстиціи для маловажныхъ дѣлъ отдѣльно отъ общихъ судовъ; 5) устройство особой обвинительной власти или прокурорскаго надзора; 6) устройство офиціальной адвокатуры, а именно присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ совѣтовъ; 7) устройство присяжныхъ засѣдателей; 8) отмѣну теоріи формальныхъ доказательствъ въ уголовномъ процессѣ; 9) учрежденіе кассаціоннаго суда, и 10) учрежденіе нотаріата.

Эти начала, провозглашенныя въ основныхъ положеніяхъ, ясно свидѣтельствуютъ, что редакторы положеній безъ всякихъ колебаній и неумѣстныхъ опасеній, не прибѣгая къ полумѣрамъ, которыя обыкновенно не приносятъ пользы, рѣшились пересадить на русскую почву, въ силу преемственности прогресса, европейскій судъ со всѣми его превосходными формами, гарантирующими правильное отправленіе правосудія. Придерживаясь этого воззрѣнія, редакторы съ честью исполнили свою задачу, заложивъ прочный фундаментъ, на которомъ потомъ было воздвигнуто стройное зданіе судебныхъ уставовъ.

По утвержденіи основныхъ положеній, была образована особая коммисія для составленія проекта судебныхъ уставовъ; истребовавъ предварительно мнѣнія практиковъ по предметамъ судопроизводства, для того, чтобы согласовать проектъ съ началами и особенностями нашей гражданской жизни, коммисія составила судебные уставы, которые были Высочайше утверждены 20-го ноября 1864 г. Должно замѣтить, что обширныя работы, предпринятыя у насъ по преобразованію судебной части, составили до 50-ти печатныхъ фоліантовъ.

Для того, чтобы показать какимъ высокимъ духомъ стремленія къ общему благу были проникнуты члены редакціонной коммисіи составляя

---

[1]) Судебные Уставы. Изданіе Государственной Канцеляріи, т. III, стр. XXXIX.

проектъ новаго судопроизводства, упомянемъ, что въ средѣ коммисіи возникла мысль предоставить обвиняемымъ при предварительномъ слѣдствіи самыя широкія гарантіи, допустивъ участіе защиты при производствѣ слѣдствія. Это предложеніе, несогласное съ преданіями судопроизводства Западной Европы, не было принято коммисіей. Впослѣдствіи только, уже въ 1878 году, французскій министръ юстиціи Дюфоръ предположилъ, въ своемъ проектѣ объ отмѣнѣ инквизиціонной системы слѣдствія во Франціи, допустить адвокатовъ къ защитѣ обвиняемыхъ при предварительномъ слѣдствіи.

Разсматривая судебные уставы, мы находимъ въ нихъ слѣдующіе отдѣлы: а) учрежденіе судебныхъ установленій въ 420-ти статьяхъ; б) уставъ уголовнаго судопроизводства въ 1,254-хъ статьяхъ; в) уставъ гражданскаго судопроизводства въ 1,400-хъ статьяхъ, и г) уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ 181-й статьей. Впослѣдствіи, въ дополненіе къ судебнымъ уставамъ были изданы еще два законодательныхъ акта: а) судопроизводство охранительное, Высочайше утвержденное 14-го апрѣля 1866 года, въ 60-ти статьяхъ, и б) положеніе о нотаріальной части, Высочайше утвержденное тоже 14-го апрѣля 1866 года, въ 217-ти статьяхъ.

По судебнымъ уставамъ въ Россіи созданы двѣ системы судовъ: мировыя установленія для маловажныхъ дѣлъ и общія судебныя установленія для болѣе важныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Мировыя установленія состоятъ изъ двухъ инстанцій: суда мироваго судьи, который единолично отправляетъ правосудіе, и суда коллегіальнаго или съѣзда мировыхъ судей, который разсматриваетъ нѣкоторыя дѣла мировыхъ судей въ апелляціонномъ, а другія въ кассаціонномъ порядкѣ. Общія судебныя установленія состоятъ изъ двухъ инстанцій: окружнаго суда и судебной палаты, которая, въ качествѣ обвинительной палаты, рѣшаетъ вопросы о преданіи суду обвиняемыхъ или о прекращеніи дѣлъ по недостатку уликъ и, въ качествѣ апелляціоннаго суда, разсматриваетъ по существу дѣла, поступающія изъ окружнаго суда. Во главѣ же всѣхъ судовъ поставленъ кассаціонный сенатъ въ составѣ двухъ департаментовъ, уголовнаго и гражданскаго, для разсмотрѣнія дѣлъ, поступающихъ изъ общихъ и мировыхъ судовъ въ кассаціонномъ порядкѣ.

Въ настоящее время часто случается слышать вопросъ о томъ: откуда именно заимствованъ нашъ процессъ, изложенный въ судебныхъ уставахъ, т. е. изъ Англіи, Франціи или Германіи? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, что вообще нашъ процессъ (судоустройство и судопроизводство) не имѣетъ вовсе характера сколка съ какого-либо отдѣльно взятаго процесса: французскаго, англійскаго, или

германскаго. Редакторы основныхъ положеній и судебныхъ уставовъ заимствовали формы суда у народовъ, которые, въ силу историческихъ условій, раньше насъ вступили на путь прогресса, но эти формы получили въ предварительныхъ работахъ самостоятельную обработку, сохранивъ лишь сходство съ западно-европейскими судебными учрежденіями въ общихъ чертахъ, напримѣръ, въ системѣ слѣдственно-обвинительнаго процесса по уголовнымъ дѣламъ, и потому мы имѣемъ полное право утверждать, что Судебные Уставы получили своеобразный русскій характеръ. Для того, чтобъ доказать это положеніе, мы разсмотримъ институты присяжныхъ и мировыхъ судей, учрежденные въ Россіи, въ сравненіи съ такими же институтами за границей. Хотя отечествомъ суда присяжныхъ справедливо считается Англія, въ которой, по словамъ извѣстнаго англійскаго писателя Джемса Стифена [1]), уже въ XII вѣкѣ существовалъ судъ разъѣзжихъ судей съ присяжными, но нашъ судъ присяжныхъ не имѣетъ сходства съ англійскимъ судомъ присяжныхъ уже потому, что въ Англіи существуютъ два вида жюри: большое, которое рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду обвиняемыхъ, и малое, которое рѣшаетъ вопросъ о виновности подсудимыхъ, и притомъ единогласно, при постановленіи обвинительнаго вердикта; кромѣ того, тамъ иногда составляются списки спеціальныхъ жюри для рѣшенія дѣлъ, требующихъ научныхъ или техническихъ свѣдѣній. Затѣмъ, въ Англіи присяжнымъ засѣдателямъ не предлагаютъ вопросовъ о виновности подсудимаго, основанныхъ на результатахъ судебнаго слѣдствія, какъ это дѣлается въ нашихъ судахъ, а они произносятъ тамъ краткій вердиктъ, утверждая или отвергая обвинительный актъ; если же предсѣдательствующій въ ассизахъ судья найдетъ, что присяжные засѣдатели вынесли неправильный вердиктъ, то онъ имѣетъ право предложить присяжнымъ вновь обсудить дѣло или же представить это дѣло въ высшій судъ, не постановляя приговора по вердикту присяжныхъ. Введенный у насъ судъ присяжныхъ не похожъ и на французскихъ присяжныхъ, которые произносятъ свои вердикты единственно на основаніи внутренняго убѣжденія (conviction intime); по нашему же уставу уголовнаго судопроизводства такое право присяжныхъ засѣдателей нѣсколько ограничено, ибо предсѣдателю суда вмѣнено въ обязанность объяснять присяжнымъ засѣдателямъ общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, для того, чтобы предостеречь ихъ отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго. Относительно мироваго института, существующаго у насъ, слѣдуетъ замѣтить, что

[1]) Уголовное право Англіи, соч. Джемса Стифена.

это учрежденіе не имѣетъ сходства съ англійскими мировыми учрежденіями потому, что наши мировые судьи по судебнымъ уставамъ выбираются земскими собраніями и утверждаются сенатомъ, между тѣмъ какъ англійскіе мировые судьи назначаются правительствомъ изъ жителей графствъ, внесенныхъ въ списки шерифовъ; затѣмъ, англійскіе мировые судьи не получаютъ никакого содержанія ни отъ общинъ, ни отъ правительства, несутъ нѣкоторыя административныя обязанности по охраненію мира въ извѣстной территоріи и въ четвертныхъ сессіяхъ рѣшаютъ нѣкоторыя болѣе важныя дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, напримѣръ, дѣла о кражахъ. Изъ всѣхъ учрежденій, введенныхъ судебными уставами, кассаціонный судъ, образованный въ составѣ правительствующаго сената, составляетъ исключеніе въ томъ отношеніи, что устроенъ дѣйствительно по образцу французскаго кассаціоннаго суда, хотя большинство коммисіи при разработкѣ этой части уставовъ и употребляло всѣ свои силы для того, чтобы придать этому важному учрежденію чисто-русскій характеръ и удержать за нимъ значеніе нашего древняго суда съ головы. Впрочемъ, по словамъ одного изъ редакторовъ основныхъ положеній [1]), и нашъ кассаціонный судъ отличается отъ французскаго слѣдующими особенностями: «а) кассаціи могутъ подлежать только окончательные приговоры и рѣшенія, постановленные по существу дѣлъ, а отнюдь не частныя опредѣленія, хотя бы они состоялись въ послѣдней степени суда. Опредѣленія этого рода при разсмотрѣніи дѣла въ существѣ могутъ быть отмѣняемы и измѣняемы вслѣдствіе перемѣнившихся обстоятельствъ дѣла; б) предварительное разсмотрѣніе просьбъ о кассаціи въ особомъ департаментѣ кассаціоннаго суда признается излишнимъ; в) къ кассаціонному производству, какъ не требующему состязанія сторонъ, участвующіе въ дѣлѣ ни въ какомъ случаѣ не вызываются; г) кассація исключительно въ интересѣ охраненія закона, съ оставленіемъ участвующихъ въ дѣлѣ въ томъ положеніи, въ какомъ они находились при дѣйствіи отмѣненнаго рѣшенія, не признается необходимою и потому не установляется; д) въ разъясненіи точнаго разума закона судебное мѣсто, въ которое дѣло передается къ новому обсужденію, обязано подчиниться сужденію кассаціоннаго департамента сената, и е) по маловажнымъ дѣламъ, подлежащимъ окончательному рѣшенію мировыхъ судей, отмѣна приговоровъ и рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ предоставляется съѣздамъ мировыхъ судей».

---

[1]) Очерки судебныхъ порядковъ. Соч. Будковскаго. С.-ПБ., 1874, стр. 11.

При составленіи проектовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, почти всѣ иностранные кодексы были подъ руками членовъ коммисіи, но не для подражанія, а въ видахъ разъясненія общихъ вопросовъ съ теоретической точки зрѣнія, и возникавшія о введеніи той или другой статьи иностранныхъ кодексовъ предложенія обсуждались подробно и по бо́льшей части отвергались. Напримѣръ, при обсужденіи силы доказательствъ въ гражданскихъ дѣлахъ, предположено было ввести въ уставъ, на основаніи ст. 1347 французскаго кодекса, ученіе о неполныхъ письменныхъ доказательствахъ (commencement de preuve par écrit), или, по примѣненію къ ст. 1349—1353, также французскаго кодекса, ученія объ уликахъ или законныхъ предположеніяхъ (des présomptions), по примѣненію къ ст. 1356 того же кодекса о нераздробляемости признанія, о разспросѣ тяжущихся,—но всѣ эти предложенія отвергнуты (Судебн. Уст., изд. Госуд. Канц., ч. I, стр. 235—237, 242—243). Наконецъ, принятое судебными уставами ученіе о присягѣ (стр. 244—250) не имѣетъ ничего общаго съ ученіями иностранныхъ законодательствъ, не взирая на сильное настояніе нѣкоторыхъ членовъ коммисіи о введеніи въ наши законы правилъ, заключающихся въ ст. 1357—1369 французскаго гражданскаго кодекса; точно также отвергнуто предложеніе о введеніи нѣкоторыхъ формальностей по спору о подлогѣ акта на основаніи ст. 214—251 французскаго кодекса (Суд. Уст., изд. Госуд. Канц., ч. I, стр. 269; объясненіе на стр. 561).

Независимо высокихъ достоинствъ чисто-процессуальнаго свойства, русскіе судебные уставы имѣютъ великое значеніе въ смыслѣ общечеловѣческомъ. Слѣдуя въ порядкѣ времени за великимъ законодательнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, даровавшимъ свободу и гражданскія права милліонамъ крѣпостныхъ крестьянъ, судебные уставы создали прочныя обезпеченія вообще для человѣческой личности. Эти обезпеченія главнымъ образомъ содержатся въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ устава уголовнаго судопроизводства: а) ст. 9: «требованіе о взятіи кого либо подъ стражу подлежитъ исполненію лишь въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами настоящаго устава»; б) ст. 10: «каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержаніи кого либо подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно-лишеннаго свободы», и в) ст. 11: «судья или прокуроръ, до свѣдѣнія коего дошло, что въ предѣлахъ его участка или округа кто либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ

порядкѣ»[1]). Происхожденіе этихъ статей объясняется, между прочимъ, слѣдующими разсужденіями редакторовъ судебныхъ уставовъ: «Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ законодательство постановляетъ самыя строгія правила въ огражденіе личной свободы каждаго изъ членовъ общества. Всѣмъ извѣстенъ англійскій «Habeas corpus Act», по которому освобожденіе неправильно-арестованныхъ производится судомъ королевиной скамьи (Queen's Bench), но англійское право представляетъ еще болѣе простое средство отвращенія незаконныхъ арестовъ. Каждый судья въ Англіи, который имѣетъ право судить извѣстное лицо или предсѣдательствовать въ томъ судѣ, который долженъ его судить, въ правѣ отпустить арестованнаго подъ поручительство, если замѣтитъ, что противъ него нѣтъ никакого обвинительнаго акта или что онъ содержится не по силѣ такъ называемаго commitment—приговора объ отсылкѣ къ присяжнымъ, или же если судья клятвою обвиняемаго удостовѣрится въ незаконности ареста, или же изъ доказательствъ увидитъ неосновательность отказа въ поручительствѣ». Далѣе, въ разсужденіяхъ сказано: «Въ статьяхъ 9—11-й ясно и положительно опредѣляется, въ какомъ случаѣ задержаніе частнаго лица представляется неправильнымъ. Не касаясь причинъ, на коихъ можетъ быть основано задержаніе, статьи эти указываютъ: что оно должно быть во всякомъ случаѣ основано на постановленіи уполномоченныхъ къ тому закономъ властей и должно состояться въ установленномъ для сего закономъ мѣстѣ. За симъ, всякое произвольное задержаніе кого либо неподлежащею властью составляетъ преступное насиліе, пресѣченіе котораго должно лежать на обязанности каждаго судьи или лица прокурорскаго надзора, имѣющихъ къ тому возможность». Тѣ же общечеловѣческія чувства и заботливость объ охраненіи правъ человѣческой личности просвѣчиваютъ въ статьяхъ устава уголовнаго судопроизводства о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія (ст. 415—432); эти статьи устанавливаютъ извѣстныя правила и обрядности при временномъ ограниченіи правъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ съ тою цѣлью, чтобы устранить произволъ въ распоряженіяхъ судебныхъ слѣдователей, принимающихъ означенныя мѣры противъ обвиняемыхъ. По словамъ объясненій къ судебнымъ уставамъ [2]), «задержаніе подозрѣваемыхъ принадлежитъ къ важнѣйшимъ мѣрамъ уголовнаго производства, ибо, съ одной стороны, симъ обезпечивается дѣйствіе закона о наказаніяхъ, съ другой же—отъ взятія подъ стра-

[1]) Судебные Уставы. Изданіе Госуд. Канц., т. II, стр. 30.
[2]) Судебные Уставы. Изданіе Госуд. Канц, т. II.

жу, хотя бы и на самое короткое время, не только страдаетъ свобода и честь задержаннаго, но иногда зависитъ и самое благосостояніе цѣлыхъ семействъ. Посему при начертаніи новаго устава надлежитъ особенно стараться, чтобы по возможности предотвратить всякій въ семъ отношеніи произволъ».

Приведенныхъ замѣтокъ вполнѣ достаточно, дабы видѣть все великое значеніе основныхъ положеній судебной реформы и судебныхъ уставовъ, дарованныхъ Россіи Высочайшею волею ея Преобразователя.

Съ глубокою признательностью приняты они были всею Россіею. Выраженія этой признательности нашли себѣ мѣсто положительно во всѣхъ органахъ русской печати. «Наше новое судебное законодательство во всей совокупности,—писалъ одинъ изъ самыхъ консервативныхъ журналовъ,—есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ умственный памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею честью нашего времени. Посреди многихъ печальныхъ движеній нашей исторической эпохи, посреди заблужденій и увлеченій, по необходимости связанныхъ съ ея переходнымъ характеромъ, мы можемъ съ гордостію указать на этотъ законодательный актъ. Его достоинства, могущія свидѣтельствовать въ пользу цѣлой исторической эпохи, въ особенности выпуклы въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ, изданныхъ Государственнымъ Совѣтомъ; чтеніе этого изданіе чрезвычайно успокоительно дѣйствуетъ на умъ, встревоженный разными нравственными и умственными явленіями, сопровождающими современное броженіе нашего общества. Когда подъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны, отважныхъ и крикливыхъ, хотя и не многочисленныхъ, голосовъ, подвергающихъ вопросу самыя несомнѣнныя основы общежитія, съ другой—какъ будто мертвой и безпредѣльной пустыни, гдѣ иногда господствуютъ эти немногіе голоса,—со страхомъ и недоумѣніемъ осматриваемся и ищемъ болѣе отрадныхъ симптомовъ времени, тогда съ особеннымъ наслажденіемъ останавливаемся на произведеніяхъ современной законодательной дѣятельности, подобныхъ новымъ Судебнымъ Уставамъ («Рус. Вѣст.» за октябрь 1866 г., № 10, стр. 372 и 373).

Д. А. Саранчевъ.

О ХОДѢ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ

1855—1880 гг.

Коренныя государственныя реформы всегда находятся въ извѣстномъ отношеніи, въ связи, съ количествомъ политическихъ знаній, которыми владѣетъ общество. Отъ наличности этихъ знаній зависитъ какъ степень осуществимости проводимой реформы, такъ и удобство новыхъ путей, которые вслѣдствіе того пролагаются для дальнѣйшаго распространенія въ обществѣ политическихъ знаній. Историко-критическое изученіе государственныхъ реформъ совпадаетъ, потому ,съ анализомъ того матеріала политическихъ свѣдѣній, которымъ владѣло общество въ моментъ реформы.

Русская исторія занесла на свои страницы немало коренныхъ государственныхъ реформъ, и немало таковыхъ отмѣтила неосуществившимися.

Не подлежитъ сомнѣнію, что важнѣйшими изъ всѣхъ, когда либо поднимавшихся въ Россіи реформъ, будутъ признаны реформы нынѣшняго царствованія, двадцатипятилѣтіе котораго готовится чествовать Россія 19-го февраля нынѣшняго года.

Съ первыхъ дней царствованія Императора Александра Николаевича началось политическое обновленіе государства. Съ престола повѣяло тою любовью къ народу, тою политическою мудростію, которая сплотила лучшую часть русскаго общества, русскую интеллигенцію, для совершенно новаго политическаго служенія престолу и отечеству. „Вотъ Онъ“,—писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Погодинъ, привѣтствуя пріѣздъ Государя (10-го сен-

тября 1855 г.) въ Москву, — „вотъ Онъ, нашъ добрый, благодушный, милостивый,—вотъ Онъ, нашъ первенецъ, что родился въ Кремлѣ, подъ звономъ колоколовъ Ивана Великаго, что крещенъ въ Чудовомъ монастырѣ, предъ мощами Алексія Митрополита,—вотъ Онъ, смиренный Цесаревичъ, что двадцать лѣтъ ужъ служилъ Отечеству усердно и безукоризненно, такъ что нигдѣ, никогда и ни отъ кого не послышалось ни малѣйшей на Него жалобы,—вотъ Онъ, нашъ новый Царь, что, принявъ таинственное знамя изъ рукъ покойнаго Родителя, ободрилъ народъ въ первую минуту Своего царствованія любезными намъ именами Петра, Екатерины и Александра“ („Моск. Вѣд.“ 1855, № 109). И нравилось всѣмъ, и привѣтствовалось всѣми это привѣтствіе Погодина, потому что взоры всѣхъ съ надеждами были обращены къ престолу, занятому любимѣйшимъ изъ Монарховъ. И надежды общества были не напрасныя. Отъ верховной государственной власти получились тѣ громадныя реформы, которыя, составляя великую историческую славу двадцатипятилѣтняго царствованія Царя-Освободителя, возложили цѣлую массу новыхъ политическихъ обязанностей на все русское общество и особенно на его интеллигентную часть. Оттого не лишеннымъ интереса является вопросъ: какою степенью политическихъ знаній владѣло русское общество въ началѣ этого двадцатипятилѣтія и какіе пути создались вновь для распространенія этихъ знаній? Чѣмъ ближе обратиться къ изученію того, какъ осуществляется реформа, всегда требующая значительнаго времени и, слѣдовательно, участія нѣсколькихъ поколѣній, тѣмъ скорѣе можетъ быть понято значеніе той степени политическихъ знаній, которыми живетъ и руководится общество. Политическія знанія, какъ знанія государственнаго устройства и управленія государственнаго и мѣстнаго, пониманіе не только механизма государственной и политической жизни, но и тѣхъ экономическихъ началъ, по которымъ складывается общественная жизнь,—ростутъ въ каждомъ обществѣ съ извѣстною постепенностью, представляютъ безконечное разнообразіе въ степени и значеніи, но всегда стоятъ въ извѣстномъ отношеніи къ силѣ правительства, къ могуществу государства, какъ политическаго тѣла, и къ степени осуществимости проводимой государственной реформы.

Имѣются три общіе главные пути, по которымъ движется

распространеніе политическихъ знаній въ общество: практическій путь государственной политической дѣятельности; теоретическое изученіе политическихъ наукъ въ политическихъ факультетахъ университетовъ, и печать—особенно періодическая. Всѣ эти три пути находятся въ опредѣленной внутренней связи и взаимодѣйствіи. Самую связь и взаимодѣйствіе этихъ трехъ главныхъ дорогъ, ведущихъ къ политическому свѣдѣнію, можно подмѣчать при изученіи любаго періода политической жизни каждаго государства. Еще виднѣе эта связь только при самомъ зарожденіи этихъ путей въ государствахъ съ небольшимъ, бѣднымъ развитіемъ политической жизни, когда и правительство, иногда сильное и могучее по талантамъ государственныхъ дѣятелей, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно слабымъ и безпомощнымъ при проведеніи замышляемыхъ реформъ.

Если вспомнить, напримѣръ, время императора Петра Великаго, то нельзя не отмѣтить того поучительнаго историческаго факта, что недостаточность политическихъ знаній въ русскомъ обществѣ связала по рукамъ такого могучаго реформатора, какимъ является въ исторіи Петръ Великій, и вызвала вмѣстѣ съ тѣмъ его стремленіе создать, и какъ можно скорѣе, всѣ эти три пути: и гражданскую службу, какъ школу для пріобрѣтенія политическихъ знаній, и преподаваніе наукъ, и распространеніе политическихъ сочиненій. Какъ бы развернулся геній этого преобразователя, если бы ему приходилось не намѣчать только этихъ путей, а пользоваться ими для полученія разумнаго, дѣльнаго отпора его предначертаніямъ, нерѣдко фантастическимъ и совершенно неосуществимымъ. Не страшны были бы ему и подметныя письма, эти прокламаціи того времени, въ громадномъ количествѣ привозившіяся изъ-за границы, дававшія столько работы застѣнку и столько безполезныхъ хлопотъ Преображенскому приказу и Тайной канцеляріи. Но эти надлежащіе пути для распространенія политическихъ знаній—государственная служба, преподаваніе политическихъ наукъ и печать—образуются не вдругъ, протаптываются постепенно и требуютъ тщательныхъ попеченій: ихъ надобно долго лелѣять, чтобы можно было по нимъ двигаться безопасно.

Всего скорѣе, по видимому, государственная практическая дѣятельность, служба правительственная или выборная, можетъ

доставить запасъ политическихъ свѣдѣній ея дѣятелямъ. Это дѣйствительно первичный и потому болѣе ясный, а для многихъ и теперь представляющійся наиболѣе законнымъ путемъ для пріобрѣтенія государственныхъ знаній и для разсужденія о политическихъ интересахъ страны. Но исторія неумолимыми данными свидѣтельствуетъ, что этотъ путь, безъ точной связи съ двумя другими—преподаваніемъ политическихъ наукъ и надлежащимъ образомъ поставленной, свободной печати — есть путь не совсѣмъ безопасный: онъ ведетъ къ одностороннему, невѣрному пониманію задачъ государства и его политическаго призыва. Въ этомъ же убѣждаетъ и вся наша исторія и въ особенности всѣ мало-удавшіяся стремленія Петра Великаго схватиться за службу, между прочимъ, какъ за одно изъ средствъ доставить политическія знанія дворянству. Обязательность для дворянъ служить въ воєнной или гражданской службѣ всю жизнь, повелѣніе на важныя должности опредѣлять не иначе, какъ посредствомъ баллотированія въ сенатѣ, распоряженіе обучать молодыхъ дворянъ въ канцеляріяхъ коллегій (коллегіи юнкеровъ) [1]), установленіе смотра

[1]) . . . «Къ чему позволяется изъ шляхетства допущать, и быть имъ подъ управленіемъ секретаря, которой повиненъ ихъ опредѣлять и ко всякимъ дѣламъ, въ коллегіи сущимъ, и смотрѣть, дабы оные обучались какъ письму, такъ и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ во ономъ коллегіи, дабы современемъ могли производить въ вышніе чины по градусамъ: того ради сего фамиліямъ знатнымъ и шляхетскимъ въ укоризну не ставить: ибо кромѣ сего пути никто въ вышній градусъ и до министерскаго чина произведенъ быть не можетъ»... (гл. XXXVI Генер. регл. коллегій, 1-е П. С., № 3534). Такое пріобрѣтеніе юридическихъ и политическихъ знаній путемъ практическаго обученія въ коллегіяхъ положено было затѣмъ и въ основаніе производства въ дальнѣйшіе чины по табели о рангахъ. «Надлежитъ дворянскихъ дѣтей въ коллегіяхъ производить съ низу. А именно: перво въ коллегіи юнкеры, ежели ученые, и освидѣтельствованы отъ коллегіи, и въ сенатѣ представлены, и патенты получили; а которые не учились, а нужды ради и за оскудѣніемъ ученыхъ приняты: тѣхъ перво въ титулярные коллегіи юнкеры писать, и быть имъ тѣ годы безъ ранговъ, которымъ нѣтъ ранговъ до дѣйствительнаго коллегіи юнкерства... Капральскія и сержантскія лѣта зачитать тѣмъ, которые учились и выучился подлинно, что коллежскимъ правленіямъ надлежитъ. А именно, что касается до праваго суда, также торгамъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли Имперіи и экономіи, въ чемъ надлежитъ ихъ свидѣтельствовать. Которые обучаются вышеписаннымъ наукамъ, тѣхъ изъ коллегіи посылать въ чужіе края по нѣскольку, для практики той науки. А которые знатныя услуги покажутъ, тѣ могутъ за свои труды производиться ранги выше, какъ то чинится и въ воинской службѣ, кто покажетъ свою какую выслугу, но сіе чинить въ сенатѣ только, и то съ подписаніемъ Нашимъ» (П. 14 Табели о рангахъ, 1-е П. С., № 3890).

новиковъ съ шельмованіемъ нѣтчиковъ, желаніе создать изъ дворянъ богатую аристократію, которая бы дѣйствовала въ мѣстномъ управленіи (указъ о единонаслѣдіи 1714 г.), выборъ изъ дворянъ, какъ мѣстныхъ помѣщиковъ, важнѣйшихъ органовъ мѣстной администраціи, какъ, напримѣръ, земскихъ комиссаровъ,— все это и многое другое, предпринятое Петромъ, не оставшись совершенно безъ послѣдствій въ будущемъ для созданія практиковъ, принесло его времени немного пользы. Ему приходилось, для улучшенія рядовъ доморощенныхъ публицистовъ-практиковъ, вызывать иностранцевъ, въ правостяхъ искусныхъ, и позаботиться о томъ, чтобы важнѣйшія политическія сочиненія иностранныхъ ученыхъ сдѣлались извѣстны русскому обществу. Съ этою, очевидно, цѣлію была сдѣлана имъ резолюція на представленномъ ему иноземцемъ Фикомъ (11-го іюня 1718 года) докладѣ „О нетрудномъ воспитаніи и обученіи россійскихъ младыхъ дѣтей, чтобъ оныхъ въ малое время въ совершенство поставить“. Эта резолюція, какъ извѣстно, была начертана въ слѣдующихъ словахъ: „Сдѣлать академію, и нынѣ пріискать изъ русскихъ, кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи“ (1-е П. С., № 3208). Въ виду этой же цѣли, Петръ такъ старательно заботился о скорѣйшемъ напечатаніи сочиненія Пуфендорфа „О должностяхъ человѣка и гражданина“, о покупкѣ книгъ за границею, изъ которыхъ вмѣстѣ съ книгами, добытыми при завоеваніи Остзейскаго края, и составилась впослѣдствіи библіотека академіи наукъ. Въ задуманной Петромъ академіи наукъ, которая должна была имѣть значеніе не только академіи, но и университета, предположена была каѳедра права натуры и публичнаго купно съ политикою и этикою, и при поставленіи этой каѳедры въ уставѣ академіи наукъ (28-го января 1724 г.) сдѣлано такое указаніе: „Аще же при томъ экономія учена будетъ, то похвально и весьма полезно, ибо во общемъ жительствѣ ученіемъ ея великая прибыль и польза чинится“ (§ 9. 1-е П. С., № 4443).

Петру Великому не удалось, конечно, видѣть плодовъ своихъ стараній о скорѣйшемъ созданіи всѣхъ трехъ путей для распространенія политическихъ знаній. Напротивъ, Петръ много терпѣлъ отъ односторонняго практическаго образованія юристовъ: дьякъ и подъячій были главными врагами его нововведеній.

Но намѣченные Петромъ I пути стали довольно скоро расширяться. Послѣдовавшее разрѣшеніе дворянамъ выходить послѣ двадцатипяти лѣтъ службы въ отставку увеличило спросъ на количество служащихъ; созданіе при императрицѣ Екатеринѣ II органовъ самоуправленія сословія дворянскаго и городскаго значительно расширило путь практическаго ознакомленія съ государственными вопросами. Открывшійся (въ 1755 г.) университетъ въ Москвѣ былъ отвѣтомъ на потребность, сознававшуюся уже весьма многими, въ теоретическомъ изученіи всѣхъ отраслей наукъ, и между другими, и наукъ политическихъ. Московскій университетъ имѣлъ громадное вліяніе на распространеніе въ русскомъ обществѣ политическихъ воззрѣній, чему содѣйствовали и переводы на русскій языкъ иностранныхъ политическихъ сочиненій, жадно изучавшіеся нашимъ обществомъ въ XVIII столѣтіи и имѣвшіе сильное вліяніе на зародившуюся у насъ повременную печать. Всѣ сложные и важные политическіе вопросы, надъ трепетнымъ разрѣшеніемъ которыхъ трудилось столько мыслителей-публицистовъ въ XVIII столѣтіи въ западной Европѣ, не только были вопросами, интересовавшими высшее служилое общество въ Россіи, но ими захлебывались, политическими сочиненіями зачитывались. Само правительство императрицы Екатерины II желало быть либеральнѣе и прогрессивнѣе правительствъ западно-европейскихъ государствъ. Все это содѣйствовало расширенію политическихъ взглядовъ русскаго общества, и въ началѣ XIX ст., хотя политическою литературою весьма много интересовались, но знанія точныя, научныя, были удѣломъ еще небольшаго кружка лицъ. Открытіе новыхъ университетовъ по уставу 1804 года, положившему особый факультетъ нравственныхъ и политическихъ наукъ, создало новыя, несравненно прочнѣйшія, сравнительно съ прежнимъ, основанія для распространенія политическихъ знаній въ русскомъ обществѣ въ XIX столѣтіи.

Оттого, когда въ началѣ нынѣшняго царствованія возвѣщена была Монаршая воля приступить къ величайшей въ русской исторіи реформѣ—освобожденію крѣпостныхъ съ землею, на это дѣло съ сознательнымъ восторгомъ откликнулась значительная часть русской интеллигенціи и землевладѣльцевъ. Изъ ихъ же среды выдѣлилась и цѣлая фаланга мировыхъ посредниковъ, оказавшихся вполнѣ политически-подготовленными для совершенія

славнаго подвига—осуществленія въ дѣйствительности великаго акта 19-го февраля 1861 года. Чудное, прелестное время шестидесятыхъ годовъ!.....

Каждая коренная государственная реформа требуетъ для своего точнаго осуществленія—времени и созданія новыхъ путей для болѣе широкаго распространенія политическихъ знаній. Оттого привитіе реформы, заключая въ себѣ задатокъ государственнаго блага, рѣдко проходитъ безъ временныхъ замѣшательствъ и недоразумѣній. Такъ и освобожденіе крѣпостныхъ, повлекши за собою цѣлый рядъ реформъ, уяснило тѣсноту и недостаточность существовавшихъ тогда условій для распространенія знаній вообще и политическихъ въ особенности. Первое затрудненіе, которое вполнѣ вѣрно почувствовало правительство, коснулось неудовлетворительнаго положенія печати; второе—недостаточныхъ средствъ, предоставленныхъ дѣятельности университетовъ. Два пути, самые существенные для проведенія политическихъ знаній—печать и университеты—оказались неудовлетворяющими требованіямъ времени. Дѣйствительно, такой громадной реформѣ, какъ освобожденіе крѣпостныхъ, подцензурная печать того времени вовсе не могла бы оказать той поддержки, того содѣйствія, въ которомъ реформа нуждалась, если бы правительственные цензоры не подчинились общему, всѣхъ охватившему, порыву новыхъ стремленій и новыхъ идей и не впали бы въ полное недоумѣніе, что̀ можно и чего нельзя пропускать. Сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ, что подцензурная печать не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ правительства и общества. Не рѣшились перейти прямо къ свободной печати, но временными правилами (6-го апрѣля 1865 г.) признаны только нѣкоторые моменты системы свободной печати, съ вооруженіемъ учрежденнаго тогда въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ Главнаго управленія по дѣламъ печати широкими правами административныхъ взысканій относительно періодическихъ изданій, что̀ потомъ значительно распространилось и на книги. Недолгая, пятнадцатилѣтняя дѣятельность этого новаго учрежденія—Главнаго управленія по дѣламъ печати—представляетъ уже довольно поучительную исторію. Безпристрастный историкъ несомнѣнно выведетъ изъ нея слѣдующія данныя: 1) Русская повременная печать, за немногими исключеніями, предста-

вила замѣчательную умѣренность въ политическомъ отношеніи. Этотъ фактъ несомнѣнно получается при разсмотрѣніи всѣхъ случаевъ административныхъ взысканій и сопоставленіи ихъ съ основаніями и поводами, вызывавшими эти взысканія. 2) Въ дѣлѣ распространенія политическихъ знаній повременная печать, по двумъ главнымъ проявившимся въ ней направленіямъ, консервативному и прогрессивному, приняла методъ, создавшійся и въ западно-европейской печати — популяризировать основанія и доводы современной политической науки. 3) Борьба этихъ направленій повременной печати не имѣетъ еще достаточной свободы, а потому и не даетъ достаточно благотворныхъ послѣдствій; напротивъ, нерѣдко заостряется до характера личныхъ, мало полезныхъ въ политическомъ отношеніи, пререканій. 4) Столичныя газеты получили преобладаніе надъ мѣстными, между прочимъ, и по причинѣ неблагопріятныхъ подцензурныхъ условій мѣстной повременной печати. 5) Недостаточное развитіе мѣстной повременной печати служитъ объясненіемъ недостаточности извѣстій и въ столичныхъ газетахъ о явленіяхъ общественной жизни, сообщаетъ этимъ даннымъ характеръ отрывочности и случайности, недозволяющій дѣлать обобщеній и создавать политическое свѣдѣніе. 6) Не смотря на нѣкоторое развитіе газетнаго дѣла въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, размѣры этого развитія нельзя не признать крайне недостаточными для распространенія политическихъ знаній: выпускъ наиболѣе распространенныхъ и почтенныхъ газетъ не превышаетъ 25-ти тысячъ экземпляровъ, а это изумительно-бѣдно для такого громаднаго государства. 7) Спеціальные научные періодическіе органы, хотя и ограничивающіеся сотнями подписчиковъ, не перестаютъ нарождаться, что свидѣтельствуетъ о начинающемся прогрессивномъ движеніи мысли. 8) Ежемѣсячные политическіе журналы, обнаруживъ, подобно газетамъ, умѣренность и сдержанность, завоевали себѣ, послѣ освобожденія отъ цензуры, весьма почетное мѣсто въ области распространенія политическихъ знаній въ русскомъ обществѣ. За пятнадцать лѣтъ въ нашихъ журналахъ собралась весьма цѣнная, богатая политическая литература, которая, вмѣстѣ съ массою отдѣльныхъ историческихъ и политическихъ сочиненій, вышедшихъ въ этотъ періодъ, немало послужила распространенію политическихъ свѣдѣній въ Россіи и оказала немалое содѣйствіе правительству въ про-

водимыхъ имъ реформахъ. Само правительство сочло нужнымъ прямо объ этомъ заявить. Въ мотивахъ къ закону 1872 г., установившему новыя правила заарестованія книгъ административнымъ порядкомъ, изложено, что хотя были случаи изданія книгъ, признанныхъ правительствомъ вредными, но нельзя не признать многихъ произведеній печати полезными. „Изъ представленныхъ нынѣ на усмотрѣніе государственнаго совѣта данныхъ видно, что въ послѣдніе годы, на ряду со многими полезными произведеніями печати“ и т. д. (Сб. Узак. 1872, № 457). 9) Вслѣдствіе обширнаго развитія административныхъ взысканій по дѣламъ печати случаи судебныхъ преслѣдованій бывали весьма рѣдки, отчего трудно вывести начала нашей судебной практики относительно признанія права и обязанности публицистики разъяснять тѣмъ или другимъ методомъ политическіе вопросы страны. 10) При точномъ и безпристрастномъ сопоставленіи всѣхъ данныхъ, представляемыхъ нашею печатью за послѣднія пятнадцать лѣтъ, нельзя не придти къ тому выводу, что и у насъ печать начинаетъ составлять одинъ изъ вѣрныхъ путей къ распространенію политическихъ знаній. Будучи, по справедливому замѣчанію Л. Штейна, воплощеніемъ и фактическимъ осуществленіемъ совокупной жизни духа, печать есть могущественная власть, потому что она есть власть имѣющаго создаться будущаго надъ настоящимъ, и требуетъ вездѣ вѣрныхъ, точныхъ къ себѣ отношеній со стороны правительства. Особенно въ Россіи, гдѣ политическія истины распространяются весьма медленно, гдѣ еще въ сильномъ ходу политическіе предразсудки, отношеніе къ печати должно быть весьма бережное. Самому правительству выгодно лелѣять политическую печать, потому что въ ней—свободной печати—главнѣйшее средство сберечь и развить исконныя политическія начала русской общественной жизни. Чѣмъ менѣе свободна печать, тѣмъ скорѣе, какъ точно свидѣтельствуетъ наша исторія, возникаетъ печать подпольная, могущая волновать недовольныхъ. А въ каждомъ политическомъ складѣ есть мѣста больныя, требующія исцѣленія, а не распространенія заразы. Весь призывъ политической печати—тѣми многообразнѣйшими средствами, которыми она, и только она одна, владѣетъ—обнаруживать эти больныя мѣста точнымъ діагнозомъ и, вѣрнымъ сопоставленіемъ съ мѣстами здоровыми, отыскать леченіе, спасти отъ заразы. Дѣло подпольной печати

иное: напирать только на больныя мѣста, но не для леченія ихъ, а для раздраженія и бо̀льшей заразы. Оттого чѣмъ шире пу̀ть свободной печати, тѣмъ болѣе простора развернуться истинѣ политической науки и заглушить политическіе предразсудки.

Другой путь — столь же важный и стоящій въ тѣсной связи съ печатью, это — университетское преподаваніе политическихъ наукъ. При началѣ послѣдняго двадцатипятилѣтія, въ Россіи хотя и дѣйствовали уже по уставу 1835 года пять русскихъ университетовъ, не считая Дерптскаго и Гельсингфорскаго, но положеніе ихъ вообще и преподаваніе политическихъ наукъ въ особенности было недостаточно. По самому уставу 1835 г., важнѣйшая изъ политическихъ наукъ—государственное право—не имѣла самостоятельной каѳедры, а была пристегнута къ каѳедрѣ энциклопедіи; политическая экономія была не въ юридическомъ, а въ историко-филологическомъ факультетѣ. Весь складъ университета, какъ на основаніи устава 1835 г., такъ и особенно вслѣдствіе его дополненій и толкованій, начавшихся съ 1848 г., на столько былъ надорванъ началами формализма и надзора, что повелъ университеты къ паденію: каѳедры стали пустѣть, сильно порѣдѣли ряды молодыхъ ученыхъ, всегда выростающихъ возлѣ самостоятельно живущихъ университетовъ, надзирающіе стали сомнѣваться въ благонадежности надзираемыхъ, а послѣдніе потеряли всякую вѣру въ состоятельность надзора. Въ такомъ разшатанномъ положеніи оказались университеты въ моментъ проведенія величайшей исторической—крестьянской реформы 1861 года. Казалось многимъ, что уже спасти университетовъ невозможно, что свободное преподаваніе науки, доставившее такое значеніе Германіи, неумѣстно въ Россіи, что выгоднѣе замѣнить университеты отдѣльными школами и т. п. [1]). Одно было несомнѣнно: положеніе университетовъ не соотвѣтствовало требованіямъ времени; требовалась реформа полная, а не отдѣльныя поправки, которыми сначала предполагали доставить улучшеніе. И такая глубокая, дѣйствительная реформа явилась, когда управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія было Высочайше ввѣрено А. В. Головнину. Разшатанное и, по видимому, исчезавшее было въ нѣсколько мѣсяцевъ возстановлено и

[1]) Ср. мою статью «О значеніи университетовъ въ государственномъ, ученомъ и учебномъ отношеніяхъ», помѣщ. въ Прил. къ № 1 журналовъ засѣданій ученаго комитета по проекту общаго устава рос. университетовъ. Спб. 1863 г.

поднято методомъ талантливаго государственнаго мужа. Не ограничившись доставленіемъ успокоенія, безъ котораго немыслимы ученыя работы, поведена реформа университетовъ такимъ пріемомъ, который никогда до тѣхъ поръ не практиковался въ Россіи: предложено было профессорамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и множеству лицъ просвѣщенныхъ, интересовавшихся развитіемъ научнаго дѣла въ Россіи, доставить въ министерство ихъ мнѣнія по поводу составленнаго прежнимъ министерствомъ проекта новаго университетскаго устава. Всѣ эти мнѣнія были напечатаны, что составило весьма любопытный сборникъ въ двухъ частяхъ, заключающій въ себѣ матеріалъ чрезвычайной исторической важности: мнѣнія русской интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ о значеніи университетовъ и условіяхъ ихъ дѣйствительнаго процвѣтанія. Этимъ обширнымъ матеріаломъ ученый комитетъ главнаго правленія училищъ, которому поручено было составленіе новаго проекта университетскаго устава, воспользовался самымъ добросовѣстнымъ способомъ: по каждому отдѣльному вопросу были подбираемы всѣ мнѣнія изъ напечатанныхъ въ сборникѣ, подвергаемы тщательному обсужденію, и плодомъ преній возникалъ каждый параграфъ новаго проекта университетскаго устава [1]). Оттого и явившійся послѣдствіемъ этихъ работъ, разсмотрѣнный государственнымъ совѣтомъ и Высочайше утвержденный въ 1863 г., новый общій уставъ россійскихъ университетовъ составляетъ законодательный актъ чрезвычайной важности. Немного законодательныхъ работъ въ исторіи права могутъ посоперничать съ этимъ уставомъ по зрѣлости мотивовъ, вѣрному пониманію потребностей и условій общественной жизни. Этотъ уставъ столько же важенъ по его началамъ, сколько и по практическимъ его послѣдствіямъ, по тому обновленію университетовъ, которому онъ далъ первые и вѣрные толчки. Нельзя не согласиться съ словами бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета В. В. Григорьева, выражавшаго отъ имени университета „горячую признательность къ патріотической дѣятельности нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А.

---

[1]) См. Журналы засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Имп. Рос. университетовъ. Спб. 1862 г.

Толстаго, не жалѣющаго заботъ и усилій, чтобы уставъ этотъ не оставался мертвою буквою, а приносилъ всѣ плоды свои“ [1]).

Закипѣла научная работа въ обновленныхъ, оживившихся университетахъ. Какъ и другія отрасли наукъ, политическія науки, поставленныя самостоятельно, вызвали работы множества лицъ. Нѣкоторые университеты нашли даже возможнымъ открыть особыя политическія (административныя) отдѣленія юридическихъ факультетовъ. Въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія преподаваніе политическихъ наукъ во всѣхъ русскихъ университетахъ поднялось неизмѣримо выше прежняго. Требованія отъ магистерскихъ и докторскихъ трудовъ во всѣхъ университетахъ все возвышаются. Сколько издано учебниковъ по политическимъ наукамъ, сколько вышло самостоятельныхъ изслѣдованій, которыми интересуются и западно-европейскіе ученые, сколько было ученыхъ диспутовъ! Этотъ ростъ университетскаго преподаванія политическихъ наукъ не остался безъ вліянія на нашу повременную печать, безъ сомнѣнія, значительно поднимающуюся, и не можетъ не повліять на образованіе дѣятелей на различныхъ поприщахъ государственной службы. Если и не изъ прямаго желанія обременить себя научными свѣдѣніями, то во всякомъ случаѣ по чувству приличія, многимъ органамъ необходимо заглянуть въ печатаемые курсы политическихъ наукъ, чтобы узнать, что̀ требуется въ университетахъ отъ подвергающихся тамъ въ этихъ наукахъ испытанію, дабы убѣдиться, что̀ можно потребовать отъ университетскихъ слушателей на поприщѣ государственной службы. Истина доказанная, разъясненная, дѣлается, хотя и незамѣтно, убѣжденіемъ, становится достояніемъ общества и мало по малу подчиняетъ себѣ и тѣхъ, которые энергически отстаиваютъ свою умственную неприкосновенность. Чѣмъ болѣе проникаютъ свѣдѣнія въ сферу государственной службы, тѣмъ болѣе является спроса на свѣдущихъ людей. Вездѣ этотъ процессъ совершается весьма медленно, но тѣмъ не менѣе его можно повсюду подмѣтить. Различныя искусственныя средства были предпринимаемы, да и теперь еще предпринимаются (напримѣръ, государственные экзамены) для поднятія уровня политическаго образованія лицъ, дѣйствующихъ на по-

[1]) См. Извлеченіе изъ исторической записки о С.-Петербургскомъ университетѣ за первыя пятьдесятъ лѣтъ его существованія, помѣщ. въ юбилейномъ актѣ 1869 г., стр. 102.

прищѣ государственной службы. И подобныя мѣры, въ цѣлой ихъ совокупности, свидѣтельствуютъ, что по мѣрѣ развитія университетскаго преподаванія политическихъ наукъ получается спросъ и въ области государственной службы на свѣдущихъ людей въ политическихъ вопросахъ.

Но такіе свѣдущіе люди столь же необходимы и на поприщахъ дѣятельности органовъ самоуправленія и союзнаго строя, дѣйствующихъ параллельно съ правительственными органами и раздѣляющими съ ними труды по достиженію государственныхъ цѣлей. Это поприще, подобно государственной службѣ, составляетъ уже само по себѣ практическую школу для пріобрѣтенія политическихъ знаній, но эта школа дѣлается тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ съ бо̀льшимъ политическимъ подготовленіемъ вступаютъ въ нее дѣятели. Несомнѣнно, что поднятіе общаго уровня политическихъ свѣдѣній правительственныхъ органовъ вызываетъ спросъ на бо̀льшее политическое образованіе органовъ самоуправленія. И наоборотъ, большой запасъ политическихъ свѣдѣній въ органахъ самоуправленія дѣлаетъ для правительства неудобнымъ имѣть рядомъ съ ними собственныхъ органовъ, недостаточно разумѣющихъ политическія истины. Въ этой общей дѣятельности органовъ правительственныхъ, самоуправляющихся тѣлъ и союзнаго строя нельзя не видѣть того взаимодѣйствія, которое составляетъ отдѣльный путь распространенія политическихъ знаній.

Самостоятельно, исторически, въ силу жизненной необходимости возникшія политическія тѣла, напримѣръ, мѣстнаго самоуправленія, признанныя затѣмъ правительствомъ какъ необходимое историческое явленіе страны, заключаютъ уже въ своемъ существѣ, подобно союзному строю, ту совокупность политическихъ началъ, которая имъ въ точности извѣстна—составляетъ ихъ жизненное убѣжденіе. Сама политическая наука, посредствомъ сопоставленія такихъ историческихъ явленій разныхъ странъ, дѣлаетъ выводы о потребностяхъ и средствахъ мѣстнаго управленія,—выводы, получающіе значеніе политическихъ истинъ. Точное изученіе таковыхъ разъясняетъ существо, характеръ, значеніе, политическую силу такихъ самоуправляющихся тѣлъ и то отношеніе, въ которое могутъ стать къ нимъ правительственные органы, проникшіе въ идею какъ этихъ политическихъ тѣлъ, такъ и въ политическій призывъ государства, какъ политическаго цѣлаго,

заключающаго въ себѣ цѣлую совокупность такихъ отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ. Понятно, что сами органы такихъ исторически-создавшихся самоуправляющихся тѣлъ, безъ особаго изученія политическихъ наукъ, владѣютъ знаніемъ необходимыхъ для ихъ дѣятельности политическихъ истинъ. Конечно, при изученіи политической науки, эти истины усвоиваются ими сознательно и взглядъ ихъ на отношеніе къ государству и къ другимъ подобнымъ политическимъ тѣламъ можетъ сдѣлаться болѣе правильнымъ.

Но такіе органы мѣстнаго самоуправленія не вездѣ возникали одинаково, не вездѣ являлись продуктомъ самостоятельнаго творчества общинной жизни. Напротивъ, исторія представляетъ немало формъ болѣе искусственнаго происхожденія такихъ самоуправляющихся тѣлъ. Именно, вслѣдствіе распространенія той политической истины, что интересы государства могутъ быть достигаемы только при существованіи самостоятельнаго мѣстнаго самоуправленія, знающаго мѣстныя потребности,—сами правительства, своею государственною властію, стали создавать въ той или другой формѣ самоуправляющіяся политическія тѣла, которымъ стали ввѣрять ту или другую отрасль мѣстнаго управленія, или и все управленіе мѣстности. Понятно, что у лицъ, хотя и выборныхъ такимъ созданнымъ политическимъ тѣломъ, запасъ политическихъ свѣдѣній можетъ явиться, особенно въ первое время, совершенно иной сравнительно съ тѣмъ, практически добытымъ, складомъ политической дѣятельности, который принадлежитъ исторически-создавшимся общинамъ. Да и самый объемъ ихъ дѣятельности опредѣляется здѣсь не исторически-нароставшими потребностями, но тѣмъ количествомъ работъ и дѣлъ, которыми поступится въ пользу ихъ правительство. Правда, что въ теченіе времени, болѣе или менѣе продолжительнаго, такія созданныя правительствомъ самоуправляющіяся тѣла могутъ дойти до характера и значенія настоящихъ, исторіею выдвинутыхъ тѣлъ, но для этого требуются продолжительное время и благопріятныя условія. Къ такимъ благопріятнымъ условіямъ относятся главнымъ образомъ два слѣдующія: во первыхъ, высокое политическое образованіе тѣхъ правительственныхъ органовъ, которымъ ввѣряется наблюденіе за дѣятельностію такихъ, правительствомъ созданныхъ, самоуправляющихся тѣлъ, и, во вторыхъ, возможность для самихъ органовъ, дѣйствующихъ въ управ-

ленiи этихъ тѣлъ, пріобрѣтать политическое образованiе и идти постоянно впередъ въ пониманiи политическихъ истинъ.

Къ созданiю подобныхъ самоуправляющихся тѣлъ для обезпеченiя мѣстнаго управленiя нашло необходимымъ прибѣгнуть и русское правительство. Среди реформъ нынѣшняго царствованiя является реформа мѣстнаго управленiя созданiемъ земскихъ учрежденiй. Хотя у насъ и въ XVIII столѣтiи уже, по инiцiативѣ же правительства, создались нѣкоторые органы мѣстнаго самоуправленiя, но они являлись какъ органы сословные, напримѣръ—дворянства, ремесленниковъ, или скоро захудали, какъ напримѣръ—учрежденныя при императрицѣ Екатеринѣ II городскiя думы. Только выросшiя на собственномъ корню сельскiя общины—сельскiй міръ, не смотря на массу встрѣченныхъ имъ затрудненiй въ московскомъ періодѣ и въ XVIII столѣтiи, дожилъ до великой реформы 19-го февраля 1861 г., и Положенiе 19-го февраля дало указанiя для дальнѣйшаго развитiя крестьянскаго самоуправленiя. Но въ 1864 г. правительство создаетъ новыя административныя единицы мѣстнаго самоуправленiя—уѣздныя и губернскiя земскiя учрежденiя, для завѣдыванiя дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ губернiи или уѣзда. Появленiе такихъ новыхъ административныхъ единицъ, въ которыхъ не по собственному почину, но по повелѣнiю правительства стали дѣйствовать выборные отъ всѣхъ сословiй уѣзда, согласно начертанному въ положенiи цензу, создало опять новую практическую школу для пріобрѣтенiя государственныхъ политическихъ знанiй. Хотя выдѣленная земскимъ учрежденiемъ компетенцiя весьма скромно ограничиваетъ ихъ заботы дѣлами мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, но эти дѣла весьма въ тѣсной связи съ общимъ финансовымъ законодательствомъ страны, съ дѣломъ народнаго образованiя, народнаго здоровья, народной экономiи, словомъ—со всею совокупностью дѣлъ и вопросовъ, составляющею предметъ государственныхъ политическихъ знанiй. Нѣтъ ничего удивительнаго, что собравшiеся, на основанiи Положенiя 1864 г., въ первый разъ земскiя собранiя, не имѣя предъ собою никакого прошедшаго, никакого опыта, Поставили для своего разрѣшенiя цѣлую массу вопросовъ, на разъясненiе которыхъ у нихъ не было ни средствъ, ни времени. Этимъ, можетъ быть, многiе постараются объяснить недостаточную подготовку земскихъ представителей для труднаго

дѣла, переданнаго имъ отъ правительства, но это рвеніе первыхъ земскихъ представителей находитъ себѣ и другое объясненіе. Нужно было осмотрѣть всю широкую область, въ которой придется дѣйствовать и гдѣ необходимо почти все создавать, такъ какъ изъ полученнаго—вполнѣ готоваго и удовлетворительнаго было весьма немного. Чрезвычайный интересъ представляютъ журналы первой сессіи нашихъ земскихъ собраній: въ нихъ можно видѣть уровень того политическаго образованія, которымъ владѣли первые земскіе представители. И безпристрастный изслѣдователь несомнѣнно долженъ будетъ признать стремленія громаднаго большинства первыхъ земскихъ представителей—какъ приступить къ изученію порученнаго имъ дѣла, такъ и положить труды къ разрѣшенію потребностей, казавшихся имъ неотложными. Отмѣчая далѣе чрезвычайное разнообразіе въ личныхъ силахъ различныхъ земскихъ собраній, нельзя не констатировать того важнаго, въ смыслѣ распространенія политическаго знанія, явленія, что достигнутое какимъ либо земствомъ предпріятіе особой важности, на починъ и развитіе котораго оказались въ данномъ земствѣ просвѣщенныя силы, вызываетъ подражаніе со стороны другихъ земскихъ собраній. Такимъ способомъ не только выдвинулись въ земскихъ собраніяхъ, но и стали болѣе или менѣе разрѣшаться два вопроса существенной важности—народная школа и санитарное дѣло. Чрезвычайно важенъ какъ для самихъ земскихъ собраній, такъ и для правительства, вопросъ: поднимается-ли и на сколько поднимается уровень политическихъ свѣдѣній земскихъ дѣятелей въ теченіе этихъ пятнадцати лѣтъ дѣятельности земскихъ учрежденій? Поднятіе уровня можно ожидать какъ отъ 15-ти лѣтняго опыта практической дѣятельности, такъ и отъ того, что развившаяся въ эти годы какъ европейская, такъ и русская политическая литература не осталась же вполнѣ неизвѣстною земскимъ дѣятелямъ. Имѣются и средства для сравненія политическихъ воззрѣній нынѣшнихъ земскихъ дѣятелей съ первыми представителями 1865 года—въ разсмотрѣніи ихъ журналовъ, куда заносятся какъ разсужденія земцевъ, такъ и описанія мѣропріятій, совершенныхъ земскими собраніями. Безпристрастный изслѣдователь опять придетъ къ выводу, что, не смотря на нѣкоторыя неблагопріятныя условія, въ которыхъ находятся земскія учрежденія въ послѣднее время, что многіе изъ опытныхъ земскихъ дѣятелей

начинаютъ уклоняться отъ участія въ земскихъ собраніяхъ,—въ общемъ замѣтенъ постоянный прогрессъ. Сопоставленіе самыхъ журналовъ земскихъ собраній за нѣсколько лѣтъ, да и разсмотрѣніе ихъ за отдѣльный годъ, начинаетъ представлять, однако, чрезвычайную трудность вслѣдствіе подавляющей массы земскихъ изданій. Между тѣмъ, матеріалъ земскихъ работъ въ высшей степени важенъ, какъ для политическихъ наукъ, могущихъ только въ этихъ трудахъ найти жизненныя данныя, требующія сопоставленій и анализа, такъ и для государственной политики. Прямой интересъ правительства—знать самымъ точнымъ образомъ, что дѣлается цѣлою совокупностью земскихъ учрежденій, какими политическими началами руководится страна, какъ великъ ростъ политическихъ знаній, распространяющихся въ обществѣ. Безъ этого, правительство не въ состояніи судить ни о томъ, на сколько удовлетворяютъ его цѣли имъ же созданныя административныя единицы мѣстнаго самоуправленія, ни о томъ, какъ поднимать свою собственную администрацію и какія обязанности принимать прямо на себя. Великую услугу въ этомъ отношеніи совершаетъ Императорское Вольное Экономическое общество, предпринявшее изданіе „Земскаго Ежегодника“ [1]). Если, что весьма вѣроятно, у этого ученаго общества не окажется средствъ для продолженія столь дорогаго изданія, еще мало окупающагося, такъ какъ дѣйствительная потребность въ немъ будетъ понята только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда уже безъ посредства „Ежегодника“ невозможно будетъ собрать справокъ о тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ земскихъ собраній,—за продолженіе этого дѣла придется приняться самому правительству. Будетъ, конечно, невыгодно, если произойдетъ перерывъ изданія: собрать упущенное будетъ и труднѣе и дороже. Но что придется продолжать изданіе, въ этомъ я нимало не сомнѣваюсь. Земскія собранія въ цѣлой ихъ совокупности составятъ такую истинно-политическую силу Россіи, съ присущимъ имъ консервативнымъ направленіемъ, которое все болѣе и болѣе будетъ обращаться въ просвѣщенный консервативный элементъ страны, что имѣть о ихъ дѣятельности точнѣйшія свѣдѣнія составитъ дѣло наибольшаго правительственнаго интереса.

---

[1]) Недавно изданъ второй выпускъ «Земскаго Ежегодника», за 1877 г., подъ редакціею Ф. И. Шмигельскаго.

Начало дѣятельности земскихъ учрежденій, признанной со стороны правительства полезною и болѣе обезпечивающею хозяйственныя пользы и нужды губерніи и уѣзда, чѣмъ прежнія правительственныя учрежденія, побудило его привлечь къ подобному же самоуправленію и городскія общины, самостоятельный характеръ которыхъ, созданный законодательствомъ императрицы Екатерины II, уже значительно захудалъ. Новое городовое положеніе 1870 года, еще недавно начавшее примѣняться, открываетъ опять новое широкое поприще для общественной служебной дѣятельности городскихъ гласныхъ—поприще, на которомъ потребуется практически ознакомиться съ массою политическихъ вопросовъ, и прибѣгнуть тѣмъ или другимъ способомъ къ уясненію себѣ политическихъ истинъ. Правда, что въ дѣлѣ способности воспользоваться положеніемъ и выполнить то, что̀ правительство возложило теперь на городскія думы, наши города представляютъ большое разнообразіе. Но нельзя не имѣть въ виду того проявившагося уже явленія, что совершаемое въ дѣлѣ улучшенія безопасности и благосостоянія большими городами, важнѣйшими нашими умственными центрами, вызываетъ подражанія со стороны менѣе богатыхъ и развитыхъ городовъ: до чего они не могутъ додуматься собственными средствами, то они берутъ какъ поучительный примѣръ отъ другихъ, имѣющій для нихъ значеніе политической истины, начинающей руководить и ихъ общественность.

Нельзя къ этому не присоединить, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе много расширился и еще одинъ практическій путь пріобрѣтенія политическихъ знаній—дѣятельность органовъ союзнаго строя. Какая масса компаній, союзовъ, ассоціацій выростаетъ и дѣйствуетъ въ послѣднія двадцатьпять лѣтъ,—и каждая имѣетъ свое выборное управленіе, массу служащихъ, свою бухгалтерію, контроль и т. п. Если остановиться на обществахъ желѣзныхъ дорогъ, протянувшихся въ это царствованіе на десятки тысячъ верстъ, посмотрѣть на эти массы служащихъ, на эти сложные милліонные отчеты, на разсужденія государственной важности, открывающіяся на ихъ общихъ съѣздахъ, на экономическія и политическія сочиненія, явившіяся уже продуктомъ ихъ общихъ работъ, и т. п., то нельзя не убѣдиться, что эти учрежденія—по своему существу уже—проводники политическихъ знаній. То же пред-

ставляютъ и компаніи банковыхъ дѣлъ, начавшія у насъ нарождаться съ такою лихорадочною поспѣшностію, что правительству пришлось умѣрить энергію учредителей. Нечего и говорить, что въ меньшей степени, но также предъявляютъ спросъ на лицъ съ экономическимъ и политическимъ образованіемъ акціонерныя промышленныя компаніи, громадный списокъ которыхъ составился въ послѣднія 25 лѣтъ. Но не меньшую важность, въ смыслѣ развитія политическихъ знаній, сравнительно съ промышленными компаніями, имѣютъ союзы и ассоціаціи какъ самопомощи, такъ и оказанія пособія другимъ. И нарожденіе такихъ нельзя не привѣтствовать въ Россіи въ послѣднее время; между ними важнѣйшее мѣсто занимаютъ союзы благотворительные и ссудосберегательныя товарищества.

Наконецъ, ученыя общества, преслѣдуя свои спеціальныя научныя цѣли, составляютъ своимъ появленіемъ и дѣятельностью новый путь для распространенія политическихъ знаній, такъ какъ ихъ спеціальность имѣетъ непремѣнно извѣстное отношеніе къ наукамъ государственнымъ, вызываетъ уваженіе общества къ научному труду и убѣжденіе въ возможности получить помощь и руковожденіе въ важнѣйшихъ случаяхъ практической жизни. Тѣ же ученыя общества, которыя заняты разработкою вопросовъ экономическихъ, юридическихъ, политическихъ, даютъ прямой источникъ для распространенія въ обществѣ политическихъ знаній. А въ теченіе нынѣшняго царствованія немало образовалось новыхъ ученыхъ обществъ и успѣли значительно окрѣпнуть образовавшіяся прежде.

Подводя итоги ко всему сказанному о ходѣ распространенія въ русскомъ обществѣ политическихъ знаній въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, получаемъ слѣдующіе выводы:

1) Въ Россіи имѣются уже тѣ три пути, о которыхъ мечталъ Петръ Великій: преподаваніе политическихъ наукъ, политическая литература и практическая служебная дѣятельность органовъ правительственныхъ, общинныхъ и союзнаго строя.

2) Реформы нынѣшняго царствованія вызвали извѣстное расширеніе каждаго изъ этихъ путей.

3) Доставленное этимъ путямъ извѣстное расширеніе оказало

уже содѣйствіе ихъ взаимному другъ на друга вліянію и взаимной помощи.

4) Распространеніе политическихъ свѣдѣній въ русскомъ обществѣ дѣлаетъ несомнѣнные, хотя и недостаточные еще успѣхи.

5) Степени ихъ распространенія будетъ соотвѣтствовать успѣхъ дѣйствительнаго осуществленія великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, развитіе администраціи правительственной, общинной и союзнаго строя, и торжество изстаринныхъ политическихъ началъ Русской земли.

6) При несомнѣнности поднимающагося уровня политическихъ знаній русскаго общества, обезпечивающаго развитіе его консервативныхъ элементовъ, временныя замѣшательства не представляютъ особаго страха и не мѣшаютъ смотрѣть свѣтло на будущее: съ направленіемъ, даннымъ странѣ Царемъ-Освободителемъ, съ необходимымъ полнѣйшимъ развитіемъ положенныхъ Имъ реформъ, политическія истины могутъ дѣлаться все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ достояніемъ русскаго общества.

И. Е. Андреевскій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

1855—1880 гг.

До настоящаго царствованія отечественная исторія не обладала тѣми многочисленными средствами для своей обработки, какими она располагаетъ нынѣ. Это зависѣло отчасти отъ общаго положенія общественныхъ наукъ въ Россіи въ предшествовавшій періодъ, а въ особенности въ исходѣ его; отчасти отъ самаго предмета, тѣсно связаннаго съ вопросами внутренней политики. Чтобы судить, въ какомъ положеніи была литература общественныхъ вопросовъ въ то время, достаточно сказать, что хозяйственное обозрѣніе Оренбургской губерніи, прежде своего выхода въ свѣтъ, должно было поступить на просмотръ девяти отдѣльныхъ вѣдомствъ, а вообще существовало 22 цензуры подобнаго рода! «При такихъ требованіяхъ,—писалъ въ 1858 г. министръ народнаго просвѣщенія Норовъ,—невозможно изученіе ни исторіи, ни законодательства, ни статистики. Между тѣмъ, слѣдя, хотя бы только поверхностно, за ходомъ ученой журналистики, нельзя не признать, что въ послѣднее время появились нѣкоторыя весьма дѣльныя статьи».

«Когда умы заняты важными современными вопросами, здоровая пища нужна для ихъ возбужденнаго вниманія и дѣятельности. Литература должна содѣйствовать и помогать обществу въ уразумѣніи и присвоеніи побѣдъ, одержанныхъ наукою и просвѣщеніемъ въ пользу правительствъ и управляемыхъ. Въ эту среду сами собою врываются вопросы промышленности, торговли, финансовъ, законодательства, всего государственнаго хозяйства»... «Нельзя безъ грусти видѣть, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ великимъ интересамъ религіи,—замѣчалъ одинъ изъ издателей возникавшаго въ то время и многоизвѣстнаго потомъ журнала:—это слѣдствіе

тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно выдѣлить высшіе интересы отъ живой мысли и живаго слова образованнаго русскаго общества. Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія». Политика не составляла принадлежности даже большихъ журналовъ (какъ «Отечественныя Записки» до 1859 года). Правомъ обсужденія ея пользовались лишь офиціальныя и полуофиціальныя изданія. Само собою понятно, что подобное положеніе вещей вполнѣ отражалось какъ на научныхъ изданіяхъ вообще, такъ и въ частности—на историческихъ трудахъ. Даже учебники Лоренца и Устрялова не считались вполнѣ безукоризненными. Собираніе нѣкоторыхъ этнографическихъ свѣдѣній о Россіи и суевѣріяхъ народа (напримѣръ, въ Этнографическомъ сборникѣ Русскаго Географическаго общества и Архивѣ Калачова)—признавалось «неимѣющимъ въ ученомъ отношеніи никакого значенія»; изслѣдованія объ общинномъ бытѣ въ древнѣйшій періодъ русской исторіи—лишенными всякаго основанія; обсужденіе существующихъ учрежденій и дѣйствующаго законодательства было значительно стѣснено [1]). «Не могу не выразить того чувства радости, съ которымъ я издаю эту книгу,—писалъ профессоръ Чичеринъ въ своемъ сочиненіи «О представительствѣ» въ 1866 г.—Я невольно вспоминаю, что 10 лѣтъ назадъ я издавалъ диссертацію объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ—сочиненіе чисто-научнаго содержанія, въ которомъ не было ни единаго политическаго намека; а между тѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ факультетская цензура затруднялась ее пропускать... таково было тогдашнее настроеніе. Уже въ 1856 г., когда русской литературѣ предоставлено было болѣе свободы, я могъ ее напечатать, и то благодаря либеральному цензору, который въ то время былъ прибѣжищемъ злополучныхъ писателей [2]). Теперь же, безъ цензуры, не опасаясь произвола, издаю въ свѣтъ сочиненіе, гдѣ свободно обсуждаются коренные, самые животрепещущіе политическіе вопросы, о которыхъ прежде и заикнуться нельзя было».

Археографическая коммисія, въ теченіе предыдущаго періода, издала нѣсколько томовъ лѣтописей (I—VI) и болѣе 10-ти томовъ актовъ историко-юридическаго содержанія; но изданіе другаго рода памятниковъ исторіи было болѣе или менѣе затруднительно. По

---

[1]) Печальную іереміаду по поводу такого состоянія литературы въ то время находимъ въ недавно напечатанныхъ письмахъ А. С. Хомякова, «Русск. Арх.» 1879 г., тетрадь 11). В. И.

[2]) Достойнѣйшій Николай Ѳедоровичъ Крузе.

словамъ Устрялова, предпринятое имъ въ началѣ 1830-хъ годовъ изданіе сочиненій князя Курбскаго казалось героическимъ подвигомъ [1]), а изданіе Маржерета и Бера (Буссова) не обошлось безъ болѣе существенныхъ препятствій. Записки Манштейна, имѣвшія три изданія въ теченіе первой четверти XIX столѣтія (1810—два изданія и 1824 г.), будучи изъяты изъ обращенія, сдѣлались потомъ библіографическою рѣдкостью и лишь въ 1875-мъ г. изданы вновь редакціею «Русской Старины», въ переводѣ съ подлинной рукописи, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу.

Въ 1848 г. были прекращены «Чтенія Московскаго общества исторіи и древностей» за помѣщеніе въ нихъ перевода сочиненія Флетчера о Россіи; а нѣкоторыя весьма цѣнныя изслѣдованія, написанныя въ этотъ періодъ, какъ «Исторія Петра Великаго» Устрялова (1847—1851 г., I—III томы) и сочиненіе В. А. Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи», удостоенное степени магистра въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1850 г., появляются въ печати гораздо позже (въ 1858 и 1859 гг.).

Съ восшествіемъ на престолъ Государя Императора Александра Николаевича, таковое положеніе вещей постепенно существенно измѣняется. Движеніе, обнаружившееся въ нашей литературѣ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, постепенно распространяется и на другіе вопросы внутренней политики (каковы гласный судъ, финансовые и административные вопросы); ежемѣсячныя обозрѣнія иностранной политики дѣлаются необходимою принадлежностью періодической печати, дѣятельность которой также получаетъ значительное развитіе (въ 1860 г. изъ 50-ти просьбъ о разрѣшеніи изданій было удовлетворено до 30-ти); въ университетахъ возстанавливаются прежнія каѳедры и учреждаются новыя, имѣющія своимъ предметомъ исторію мысли и государственнаго устройства (философія, государственное право и исторія всеобщей литературы, въ 1858—1860 гг.). Въ прежнихъ («Отеч. Зап.», «Библ. для Чтенія» и др.) и новыхъ изданіяхъ («Рус. Вѣст.» и «Рус. Бесѣда» съ 1856 г., «Русское Слово» съ 1859 г. и др.) появляется рядъ статей и изслѣдованій, посвященныхъ еще нетронутымъ вопросамъ отечественной исторіи, преимущественно новому періоду ея, считавшимся до тѣхъ поръ почти недосягаемыми, а также появляются отдѣльныя капитальныя произведенія въ этой области. Въ началѣ 1860-хъ годовъ свободное изслѣдованіе отече-

[1]) «Курбскій имѣлъ такую славу, что и говорили о немъ осторожно, съ оглядкою,—а издать его въ то время считалось дѣломъ слишкомъ отважнымъ».

В. И.

ственной исторіи было расширено до времени Петра Великаго включительно; но вскорѣ изданіе матеріаловъ и пользованіе архивными источниками сдѣлало возможнымъ научную обработку и дальнѣйшихъ періодовъ ея, особенно съ изданія закона о печати въ 1865 г. Такимъ образомъ, въ значительной степени могли быть освѣщены историческою критикою эпохи Елисаветы и Екатерины II, а покойный графъ Корфъ, своимъ трудомъ о Сперанскомъ, положилъ основаніе разработкѣ времени Александра I, между тѣмъ какъ еще въ 1850-хъ годахъ историческая литература не могла вовсе касаться катастрофы—ссылки Сперанскаго.

Съ другой стороны, на помощь историческимъ изслѣдованіямъ являются періодическія изданія, посвященныя отечественной исторіи, и новыя историческія общества. Имѣя въ виду представить далѣе очеркъ успѣховъ исторической дѣятельности въ Россіи за послѣдній періодъ, мы разсмотримъ:

I. Періодическія и спеціальныя изданія;

II. Дѣятельность историческихъ обществъ и ученыхъ учрежденій, и

III. Важнѣйшіе труды по разнымъ отдѣламъ отечественной исторіи.

I.

Разсматривая періодическія изданія прошлаго періода («Сынъ Отеч.», «Библ. для Чтенія», «Отеч. Зап.», «Москвитянинъ» и друг.), нельзя не замѣтить, что въ нихъ преобладаютъ археологическіе и историко-юридическіе матеріалы и изслѣдованія преимущественно древнѣйшаго періода исторіи; матеріалы же и изслѣдованія, относящіеся къ новѣйшимъ періодамъ—представляются весьма рѣдкими и совершенно отрывочными; многіе важные вопросы, касающіеся государственнаго строя или исторіи церкви (ереси, расколъ, даже дѣло Никона, не говоря о болѣе позднихъ), оставались мало изслѣдованными или вовсе незатронутыми [1]). Издательская дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ въ трудахъ офиціальныхъ коммисій и ученыхъ обществъ (археографической, временной коммисіи въ Кіевѣ, моск. общ. исторіи, одес. общ. исторіи, археологическаго общества и др.).

[1]) Нѣкоторые матеріалы и сказанія иностранцевъ о Россіи хотя и были напечатаны, но весьма часто съ пропусками, а потому понадобилась, въ новѣйшее уже время, перепечатка ихъ. Еще въ 1859 г. цѣлыя главы въ переводѣ Олеарія (касающіяся религіи русскихъ въ XVII вѣкѣ) были опущены въ «Архивѣ историческихъ и практич. свѣд. о Россіи» Калачова, но нѣсколько позже были напечатаны вполнѣ, въ «Чтеніяхъ Моск. общ. исторіи». В. И.

Въ концѣ 1850-хъ и въ 1860-хъ годахъ наши періодическія изданія оказали весьма существенную услугу разработкѣ отечественной исторіи, помѣстивъ на страницахъ своихъ изданій цѣлый рядъ статей и изслѣдованій, посвященныхъ новому періоду русской исторіи.

Вотъ какъ привѣтствовались въ то время первыя попытки въ этомъ родѣ: «Въ январьскихъ нумерахъ трехъ русскихъ журналовъ («Отеч. Зап.», «Рус. Вѣст.» и «Атеней» 1858 г.) и одной газеты («Москов. Вѣд.») появились статьи, имѣющія своимъ предметомъ исторію Россіи въ XVIII-мъ столѣтіи [1]). Такое совпаденіе явленій намъ кажется менѣе всего дѣломъ случая. До сихъ поръ—и должно сказать, не безъ причины—русскіе ученые мало обращали вниманія на близкую къ намъ исторію XVIII-го столѣтія; имъ какъ-то привольнѣе сосредоточивать свои занятія на древней, до-Петровской Россіи. Къ ней привлекаетъ и та огромная масса историческаго матеріала, раскрытаго предъ изслѣдователями, которая въ различныхъ изданіяхъ растетъ съ каждымъ годомъ, и та свобода изслѣдованій, которая рѣдко возмущается посторонними вліяніями. Результаты этого самые странные: государственная жизнь Россіи XVII вѣка намъ, можно сказать, болѣе извѣстна, нежели близкая къ намъ жизнь XVIII вѣка. Она представляется намъ обыкновенно въ какомъ-то полусвѣтѣ; легендарныя сказанія въ большинствѣ даже образованныхъ людей занимаютъ мѣсто едва-ли не болѣе важное, чѣмъ точная историческая истина. Возбужденія къ занятіямъ исторіей этой эпохи до сихъ поръ было какъ-то мало. Даже тотъ огромный юридическій матеріалъ, который заключенъ въ «Полномъ Собраніи Законовъ», почти не подвергся ученой разработкѣ; только литературѣ XVIII вѣка постоянно суждено было слегка поддерживать интересъ къ этой эпохѣ, да развѣ громъ русскаго оружія на Дунаѣ, на Балканахъ, на берегахъ По и въ ущельяхъ Альповъ—время отъ времени вызывалъ дѣятельность военнаго историка. Мемуарами для государственной и общественной жизни новой Россіи наша литература слишкомъ бѣдна; немногіе напечатанные успѣли уже сдѣлаться библіографическою рѣдкостью. Иностранная литература, правда, могла бы помочь намъ и въ этомъ дѣлѣ; но иностранныя сочиненія о Россіи у насъ мало извѣстны, мало оцѣнены по достоинству, мало подвергнуты критикѣ. А между тѣмъ источникъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія русскаго ученаго; заблужденій, ошибочныхъ показаній иностранцевъ

[1]) Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, по поводу книги Гирда; О Россіи, какою ее оставилъ Петръ В., Щебальскаго; О поврежденіи нравовъ въ Россіи, статья Ешевскаго; Графъ Яковъ-Іоганнъ фонъ-Сиверсъ, по поводу соч. Блюма въ Allgem. Zeitung. В. И.

намъ бояться, кажется, нечего, пусть-бы только наша ученая дѣятельность отнеслась къ нимъ критически. При господствующемъ же направленіи въ нашей исторической наукѣ не можетъ и быть другаго отношенія къ историческому матеріалу. Въ настоящее время множество живыхъ вопросовъ, поднятыхъ въ нашемъ обществѣ, для разрѣшенія своего необходимо требуютъ историческихъ розысканій; потребность всесторонняго знакомства съ болѣе близкою къ намъ эпохою растетъ ежеминутно. Вотъ почему намъ кажется, что XVIII-й вѣкъ долженъ въ скоромъ времени вызвать у насъ серьезныя работы» («Отеч. Зап.» 1858 г., № 4-й, Нов. наукъ, искусствъ и литер., 80—81).

Вскорѣ затѣмъ открылся рядъ статей по исторіи XVIII вѣка, вызванныхъ отчасти появленіемъ «Исторіи царствованія Петра Великаго» Устрялова (П. П. Пекарскаго, С. М. Соловьева, А. Зернина, М. П. Погодина, Г. В. Есипова, Н. А. Попова, М. И. Семевскаго и др.), дополнявшихъ его трудъ и, въ свою очередь, вызвавшихъ полемику о значеніи реформы и дѣятельности Петра (напомнимъ «Опытъ историческаго оправданія Петра I-го противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей» К. Задлера. Спб. 1861 г., и статьи по поводу этой книги извѣстнаго въ свое время писателя І. И. Шишкина, въ «Рус. Словѣ» 1861 г., № 6, 7, 8, 9 и 10; другія статьи въ «Отеч. Зап.», «Современ.», «Русской Рѣчи» и др.), отчасти же представляющихъ дальнѣйшую разработку новаго періода русской исторіи. Всѣмъ памятно, съ какимъ вниманіемъ прочитывались тогда въ журналахъ новые матеріалы о вступленіи на престолъ Анны Ивановны («Рус. Вѣстникъ»), біографія Волынскаго (І. Шишкина, въ «Отеч. Зап.»), очерки М. И. Семевскаго царствованія Елисаветы Петровны (въ «Рус. Словѣ» 1859 и 1860 гг. и «Русскомъ Вѣстникѣ» 1860 г.) очерки изъ исторіи раскола XVIII вѣка, (Есипова, въ «Отеч. Зап.», «Рус. Словѣ» и «Рус. Рѣчи» 1860—1861 гг.), біографія Е. Р. Дашковой (Д. И. Иловайскаго въ «Отеч. Зап.» 1859 г.), Записки Державина («Рус. Бесѣда» 1859 г.), Энгельгардта («Рус. Вѣстникъ» 1859 г.), знакомящія преимущественно съ эпохою Екатерины II-й; изслѣдованія и матеріалы о Новиковѣ и масонствѣ въ XVIII вѣкѣ («Рус. Вѣст.» 1857—1859 гг.), о самозванкѣ Таракановой («Рус. Вѣст.» 1859 г., «Рус. Бесѣда» 1859 г.), о Радищевѣ («Рус. Вѣстникъ» 1858 г.) и пр.[1]) Въ сборникѣ Погодина «Утро» (1859 г.) есть матеріалы, относящіеся ко вступленію на престолъ императрицы Анны Ивановны.

[1]) Перечень статей см. у Межова, Литер. рус. исторіи, т. I, 1866 г., стр. 301—302. В. И.

Уже въ 1859 г., на страницахъ «Русскаго Вѣстника» появилась обстоятельная статья (№№ 19 и 20) о графѣ Сперанскомъ Лонгинова, а затѣмъ (въ 1861 г.) и объемистый трудъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа (2 ч.), посвященный его жизни и вызвавшій рядъ замѣтокъ и дополненій на страницахъ большихъ и малыхъ, свѣтскихъ и духовныхъ журналовъ и газетъ. «Книга графа Корфа—лучшее пріобрѣтеніе нашей литературы въ 1861 г. Чего вполнѣ не освѣтила эта книга, то дала почувствовать, и за это мы благодарны барону Корфу» («Отеч. Зап.» 1861 г., № 10, Рус. лит., стр. 93). «Такія книги рѣдкость въ нашей литературѣ, и мы еще находимся подъ ея впечатлѣніемъ» («Рус. Вѣст.» 1861 г., № 10, Литер. обозр., 113),—говорилось тогда въ нашей печати по поводу этого сочиненія. Съ тѣхъ поръ много было писано о Сперанскомъ и его времени; цѣлые томы посвящались его біографіи или нѣкоторымъ вопросамъ его дѣятельности. Можно сказать, что царствованіе Александра I въ послѣднее время заняло видное мѣсто въ нашей исторіографіи. Между тѣмъ какъ въ періодической печати, всегда игравшей важную роль въ исторіи нашего просвѣщенія, все чаще посвящались труды и изслѣдованія XVIII-му и первой половинѣ XIX-го столѣтій;—на помощь отечественной наукѣ явились спеціальныя историческія изданія, сообщившія въ послѣднее время чрезвычайно много матеріаловъ по новой исторіи и литературѣ, и въ свою очередь расширившія область изслѣдованія означеннаго періода.

Еще въ началѣ 1858 г. возобновилось изданіе «Чтеній Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ», подъ редакціею прежняго секретаря общества—О. М. Бодянскаго. Въ свое первое редакторство Бодянскій много сдѣлалъ для русской исторіи. Такъ, на страницахъ «Чтеній» были помѣщены многія сочиненія иностранныхъ писателей о Россіи XVI—XVII вв.; памятники древняго періода русской исторіи (какъ повѣсть о походѣ Стефана Баторія на Псковъ, сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ, продолженіе исторіи Татищева, матеріалы, относящіеся къ исторіи ересей въ XV и XVI стол., акты соборовъ и т. п.); изслѣдованія о нихъ; матеріалы по исторіи Малороссіи (въ томъ числѣ и сочин. мнимаго Конисскаго), а также по новому періоду русской исторіи. «Временникъ», выходившій съ 1849 г. подъ редакціей И. Д. Бѣляева (25 книгъ), не отличался уже такимъ разнообразіемъ: въ немъ значительно преобладаютъ историко-юридическіе матеріалы. «Чтенія» второй редакціи стали выходить по четыре книги въ годъ; они получили прежній характеръ, а историческая часть въ нихъ была еще болѣе расширена. Въ этомъ отношеніи, Бодянскому, какъ редактору, слѣдуетъ отдать полную

справедливость: занимаясь вопросами, слишкомъ отдаленными отъ нашего времени, онъ никогда не пренебрегалъ матеріалами и трудами, относящимися къ позднѣйшимъ періодамъ исторіи. Благодаря ему, явилась возможность изслѣдованія вопросовъ и эпизодовъ изъ новой русской исторіи, еще не тронутыхъ въ нашей литературѣ (напримѣръ, о судьбѣ Волынскаго). По прежнему, онъ продолжалъ печатать важнѣйшихъ иностранныхъ писателей о Россіи, преимущественно XVI—XVIII стол. (Шиль, Главиничъ, Бухау, Кобенцель, Мейербергъ, Петрей, Олеарій, Корбъ—(изданъ подъ ред. М. И. Семевскаго,—де-Бруинъ, Седербергъ, Рондо; изъ болѣе древнихъ имъ былъ изданъ Марко Поло); матеріалы по древней русской исторіи (дѣло дьяка Висковатова; синодикъ ц. Ивана Васильевича; акты о бытѣ помѣщиковъ и крестьянъ XVI и XVII вв.; переписка между Россіей и Польшею 1468—1645 гг.; патріаршіе выходы, описи церковныхъ библіотекъ и имущества и т. п.); переводы сочиненій, относящихся къ исторіи Россіи (Кюльба, Стрингольма); изслѣдованія по исторіи церкви (по исторіи іерархіи, уніи, церковнаго суда, религіознаго быта въ XVI и XVII стол.) и, между прочимъ, соч. В. А. Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи»; цѣлые сборники народныхъ пѣсенъ, былинъ, пословицъ (Шейна, Головацкаго, Даля и др.). Но въ особенности новыя «Чтенія» отличались подъ редакціей Бодянскаго большимъ собраніемъ матеріаловъ и изслѣдованій по новому періоду русской исторіи, мало извѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ до того времени: дѣло царевича Алексѣя Петровича, Ѳеофана Прокоповича, Ѳеофилакта Лопатинскаго, Сальникѣева, Артемія Волынскаго, Бирона, Брауншвейгской фамилій, Арсенія Мацѣевича, Новикова, Радищева, Пугачева, Таракановой, матеріалы о коммисіи уложенія, о Сибири въ XVIII в., о раздѣлахъ Польши, о состояніи Ливоніи, переписка Екатерины II и гр. Панина, сочиненія князя Щербатова, архивъ гр. П. А. Румянцева—обширное собраніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи первой турецкой войны и управленія Малороссіею при Екатеринѣ II; матеріалы по исторіи академіи наукъ въ XVIII стол., дѣло Верещагина, дѣло Спб. университета при Александрѣ I, матеріалы о Сперанскомъ; весьма обширное собраніе свѣдѣній и матеріаловъ по исторіи ересей и расколовъ въ Россіи—И. А. Чистовича, Н. А. Попова, В. С. Толстаго, П. И. Мельникова и др.; коллекція русскихъ журналовъ и записокъ XVIII и XIX стол. — Кречетникова, Безбородка (о Станиславѣ Понятовскомъ), Ростопчина, Храповицкаго, Лопухина, Ермолова, Стурдзы (о Каподистріи), Паскевича (о 1831 г.) и др.; бумаги, относящіяся къ Державину, Бецкому; переписка Калайдо-

вича и протоіерея Григоровича, важная для русской исторіографіи въ XIX в.; мнѣнія членовъ Госуд. Совѣта Мордвинова, Румянцева, Шишкова, Трощинскаго и др.; матеріалы, относящіеся къ исторіи крестьянскаго вопроса въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Представляя собою весьма цѣнный вкладъ въ историческую науку, «Чтенія» всегда будутъ служить необходимымъ прибѣжищемъ для изслѣдователя отечественной исторіи. Но эта заслуга историческаго изданія дѣлается особенно почтенною, если мы припомнимъ, что долгое время оно оставалось, можно сказать, единственнымъ «архивомъ» въ этомъ родѣ. Поэтому Бодянскій былъ вполнѣ правъ, говоря о своей дѣятельности въ 1868 г. такъ: «Сдѣлавъ свое, сослуживъ службу Обществу, желаю, чтобы и другіе хоть также искренно, также любовно къ нему отнеслись послѣ меня, какъ я относился во все мое многолѣтнее и не легкое служеніе ему. Статься можетъ, помянутъ когда нибудь и того чудака, что, почти безъ всякихъ средствъ, съумѣлъ, однако же, всѣми забытое Общество, спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудить къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученыхъ обществъ, не задолжавъ никому ни гроша и не получая за всѣ свои труды и подвизанія также ни гроша» («Рус. Стар.» изд. 1879, томъ XXV, стр. 216: Письмо О. М. Бодянскаго къ М. И. Семевскому).

Въ двухъ, преимущественно историко-литературныхъ изданіяхъ, возникшихъ современно возобновленію «Чтеній Московскаго общества исторіи»,—«Библіографическихъ Запискахъ» (изд. Н. Щепкинымъ, за 1858, 1859 и 1861 гг., три тома) и «Лѣтописяхъ русской литературы» (Н. С. Тихонравова), выходившихъ въ Москвѣ (пять томовъ 1859—1863 гг.) было помѣщено нѣсколько весьма цѣнныхъ матеріаловъ и статей по исторіи раскола (автобіографія Аввакума, челобитная Саввы Романова, обличенія на Никона, раскольническая библіографія П. Любопытнаго, собран. въ 1829 г., свѣдѣнія о духоборцахъ), по литературѣ XVIII и XIX стол., имѣющихъ историческій интересъ (матеріалы о Стоглавѣ и Степанѣ Медвѣдевѣ, біографическія свѣдѣнія и матеріалы о Новиковѣ и масонахъ, о Радищевѣ, о политическихъ памфлетахъ, вышедшихъ за границею въ XVIII в. и относящихся къ Россіи, публицистическія сочиненія, письма и сатира князя Щербатова, письма Чаадаева, многія сообщенія П. А. Ефремова, преимущественно къ исторіи отечественной литературы XVIII и начала XIX вв., и др.). Нѣсколько историческихъ матеріаловъ находимъ и въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній», издававшемся (1859—1861, 11 книгъ) Н. В. Калачовымъ (краткая редакція Стоглава, иностран. сочин. о смутномъ времени, матеріалы о патр. Ни-

конѣ, ближніе люди императрицы Елисаветы въ письмахъ къ ней—сообщеніе М. И. Семевскаго, дополненіе къ Запискамъ Порошина; о запискахъ Лопухина).

Но уже въ 1863 г. возникаетъ въ Москвѣ новое (ежемѣсячное) историческое изданіе, посвященное изученію XVIII и XIX столѣтій—мы говоримъ о «Русскомъ Архивѣ», выходящемъ подъ ред. П. И. Бартенева. Вмѣстѣ съ этимъ изданіемъ слѣдуетъ назвать «Сборники» матеріаловъ по XVIII (четыре тома) и XIX столѣтіямъ (два тома), изданные въ видѣ дополненій къ «Русскому Архиву», и «Архивъ князя Воронцова», возникшій при непосредственномъ участіи г. Бартенева. По поводу выхода перваго года изданія «Архива» вторымъ тисненіемъ, издатель его могъ уже замѣтить: «Вниманіе это дорого намъ главнѣйше потому, что оно свидѣтельствуетъ о возрастающемъ желаніи знакомиться съ отечественною, не слишкомъ давнею стариною, служащею непосредственнымъ основаніемъ для современной жизни, а такое знакомство есть одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ народному, столь желанному, самопознанію» («Русскій Архивъ» 1863 г., 2-ое изд.). Доказательствомъ такого вниманія къ близкому прошлому отечественной исторіи служитъ появленіе въ С.-Петербургѣ, также ежемѣсячнаго, историческаго изданія—«Русской Старины» (съ 1870 г., по 12 книгъ въ годъ; всего вышло 122 книги), предпринятаго М. И. Семевскимъ. Назовемъ главнѣйшіе матеріалы, помѣщенные въ нихъ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» и его «Сборникахъ» были изданы Записки иностранцевъ и русскихъ людей, нѣкоторые въ отрывкахъ и извлеченіяхъ, другіе же цѣликомъ: Бассевича, Вебера, Фокеродта, герцога Лирія, Мессельера, Теге, Гердта, Мальмсбюри, Хржонщевскаго, графа М. Огинскаго, Оже, графа Зенфта, И. И. Неплюева, Н. Б. Долгоруковой, графа Комаровскаго, И. П. Елагина—о масонахъ, Винскаго, графа С. Р. Воронцова, И. О. Лукина, Д. Б. Мертваго, графа Самойлова, графа Рибопьера, графа С. П. Румянцева, В. С. Хвостова, Порошина, О. П. Лубяновскаго, Н. А. Саблукова, князя Н. В. Репнина (1797 г.), Греча, адмирала Чичагова, А. Я. Булгакова, граф. А. Д. Блудовой, Пржецлавскаго, И. Б. Пестеля, И. О. Тимковскаго, архимандрита Фотія, А. Н. Оленина, А. Г. Гебеля, П. Н. Свистунова, И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина и другихъ; о польскомъ возстаніи 1830 и 1863 гг., о крымской войнѣ, и т. п.; автобіографическія Записки сенатора Е. О. ф.-Брадке, графа Граббе, польскаго епископа Буткевича, и нѣкоторые другіе; документы, относящіеся къ разнымъ событіямъ русской исторіи: приходорасходная книга Екатерины I, дѣло Ѳеодосія Яновскаго, дѣло о князѣ А. А. Черкасскомъ, бумаги по дѣлу Спиклера, матеріалы о Салтычихѣ, бумаги, относящіяся къ прибытію Екатерины II въ Россію и первымъ днямъ ея царствованія, ея переписка; переписка графа Ростопчина и графа С. Р. Воронцова; бумаги графа А. Г. Бобринскаго; матеріалы, относящіеся къ исторіи библейскихъ обществъ; записка объ освобожденіи крестьянъ, составленная въ 1818 г. графомъ Канкринымъ;

бумаги князя Васильчикова о семеновской исторіи; записка о тайныхъ обществахъ 1821 г. Сочиненія прошлаго времени: Антидотъ и рядъ записокъ Екатерины II по разнымъ вопросамъ; объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи, разсужденіе А. Я. Полѣнова; житіе О. Ушакова, А. Н. Радищева; записка Карамзина о древней и новой Россіи и др. Изслѣдованія, обнимающія преимущественно XVIII и XIX столѣтія: первоначальное образованіе Петра Великаго по новооткрытымъ бумагамъ, Н. П. Астрова; Петръ Великій въ Парижѣ, М. П. Полуденскаго; изъ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи, Германа; семейство Разумовскихъ, монографія князя А. А. Васильчикова; Ванька-Каинъ, по подлиннымъ документамъ, Г. В. Есипова; политика Фридриха II въ 1763—1775 гг., князя П. П. Вяземскаго; біографія канцлера Безбородко, Н. И. Григоровича; князь Г. Г. Орловъ, А. Н. Барсукова; А. Я. Полѣновъ—русскій законовѣдъ XVIII в., Д. В. Полѣнова; изслѣдованія о книгѣ Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», Лонгинова и Шугурова; Яицкое войско, В. Н. Витевскаго; біографія графа С. Р. Воронцова, Д. Д. Рябинина; о Запискахъ графа Сегюра, М. О. Шугурова; послѣдній король польскій въ Гроднѣ, М. О. де-Пуле; обозрѣніе жизни и царствованія Александра I, Н. В. Путяты; черты русской политики 1819 г., съ приложеніемъ дипломатическихъ бумагъ, М. О. Шугурова; Москва въ 1812 г., А. Н. Попова; статьи о Сперанскомъ, О. М. Дмитріева, М. П. Погодина и Я. К. Грота; Н. И. Второвъ—Черты областной умственной жизни въ Россіи, М. О. де-Пуле—частью въ «Русскомъ Архивѣ», а частію въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и др. п.

Въ «Русской Старинѣ» 1870—1880 гг. были помѣщены слѣдующія статьи:

Записки русскихъ и иностранныхъ людей о Россіи:

Профессора Айвазовскаго.—Контръ-адмирала Арбузова.—Ген.-лейт. Я. П. Бакланова (Моя боевая жизнь;—Осада Карса въ 1854;—Служба при М. Н. Муравьевѣ въ Литвѣ). — Д. Н. Баптыша-Каменскаго. — М. А. Бестужева (14-е декабря;—Пребываніе въ Сибири).—А. Т. Болотова (1738—1794, четыре тома).—М. Ѳ. Бороздина (1853—1855).—Прелата Буткевича (1812—1831).—Вадковскаго (1820—1822).—Валевскаго.—М. И. Венюкова (Заселеніе Амура, 1857—1858).—А. И. Вертпина (1828).—Протоіерея Виноградова.—Варнгагена-фонъ-Энзе (1847 — 1848).—Академика А. Л. Витберга (1810—1839).—Воспоминанія княгини З. А. Волконской.—Разсказы кн. П. М. Волконскаго.—Записки Принца Е. Виртембергскаго (1828).—Гарновскаго (Императрица Екатерина II и ея дворъ).—Гаклендера (1846).—А. Д. Галахова.—Доктора А. А. Генрици (1853—1855).—Грелле-де-Мобилье (1818—1819). — М. И. Глинки (1804—1855, четыре части).—И. А. Голышева (1838—1878).—Гриббе (Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія). — Пастора Губера (1830). — Партизана Дениса Давыдова (Польская война 1831).—П. М. Дарагана.—Княгини Е. Р. Дашковой.—Атамана Адріана Денисова (1763—1841).—Добрынина (три части).—Доктора Европеуса (1826—1831). — И. С. Жиркевича (1810 — 1836).—Пастора Зейдера (1800—1801).—В. Н. Зиновьева (1784—1790). — В. А. Инсарскаго (1840—1850). — Казанова (1765—1766).—П. А. Каратыгина (1805—1855).—А. П. Керн (Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ I, А. С. Пушкинѣ и проч.).—Клугенау (1818—

1850).—Уильяма Кокса (XVIII в.).—Адмирала П. А. Колзакова и ген.-маіора К. П. Колзакова.—Кн. Б. И. Куракина (1697—1699).—В. К. Кюхельбекера.—Лагарпа.—Лаферміера (1761).—П. С. Лебедева (Записки о польскомъ возстаніи 1863—1864).—Левшина (1788—1804).—Де-Лирія (1727—1730).—Маевскаго (1779—1831).—Манштейна (1727—1744, два тома).—Меньшаго (1806—1822).—Ивана Мигрина (1770—1850).—Фельдмаршала Миниха (1721—1764).—Я. Л. Морошкина (объ архим. Фотіи).—Артистки Л. П. Никулиной-Косицкой.—М. Ѳ. Орлова (сдача Парижа въ 1814 г.).—Барона Л. П. Николаи (1849).—А. А. Панаева (Воспоминанія о кн. А. С. Меншиковѣ и оборонѣ Севастополя).—Гр. П. И. Панина (Замѣч. на Записки Манштейна).—Т. П. Пассекъ (1810—1861, два тома).—Придворнаго брилліанщика Позье (1737—1766).—А. Е. Попова (Севастополь въ 1854 г.).—О. А. Пржецлавскаго (1820—1864).—П. Г. Пржецлавскаго (Шамиль въ Калугѣ).—Л. И. Рикордъ (1830).—Лэди Рондо (1730—1740).—Профес. Д. И. Ростиславова.—Сенатора Рунича (о Пугачевскомъ бунтѣ).—Артиста В. В. Самойлова.—Академ. архитектуры И. И. Свіязева.—Сельскаго священника (Питомцы Воспитательнаго дома.—Объявленіе Манифеста 19-го февраля 1861 г. и очерки быта помѣщиковъ).—К. С. Сербиновича (о Н. М. Карамзинѣ).—Профессора живоп., археолога Ѳ. Г. Солнцева (1801—1876).—Э. И. Стогова (1820—1840).—И. О. Сухозанета (о 14 декабрѣ).—А. Н. Струговщикова (1839—1847).—А. С. Стурдзы.—Акад. гравера Сѣрякова (1824—1875).—Лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова (Александръ I и его дворъ).—Гр. Ѳ. П. Толстаго—вице-президента академіи художествъ.—Ѳ. М. Толстаго.—Фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго.—Академика Тьебо (1765—1785).—В. И. Фелькнера.—Графа Г. П. Чернышева (1672—1745).—Н. П. Чернышевой (1828).—Графини Шуазель-Гуфье (1810—1825), и друг.

Очерки и изслѣдованія по исторіи Россіи, преимущественно въ XVII—XIX столѣтіяхъ:

Профес. Н. И. Барсовъ—Анна Ягужинская (1722—1725).—Протоіерей Павскій.—Профес. Н. В. Бергъ—Біограф. очеркъ оріенталиста Петрова.—Польское возстаніе въ 1863—1864.—Ад. П. Берже—Посольство Ермолова въ Персію.—А. С. Грибоѣдовъ какъ дипломатъ (1827—1828).—Принцъ Хосров-Мирза.—Смерть Грибоѣдова (1829 г.).—Намѣстничество Н. Н. Муравьева на Кавказѣ.—Самсон-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи (1806—1853).—Н. П. Колюбакинъ (1810—1868).—Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія (1840).—Профес. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ—Значеніе «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева.—Профес. М. И. Богдановичъ—Изъ исторіи обороны Севастополя.—Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ, 1854—1856.—Профес. А. Г. Брикнеръ—Петръ I въ Дрезденѣ.—Вскрытіе писемъ при Екатеринѣ II.—Баронъ Бюллеръ—о герцогѣ Биронѣ.—А. А. Волоцкой—Фрейтагъ и его боевые товарищи на Кавказѣ (1843).—Н. М. Востоковъ—Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—П. П. Гецъ—Карлъ-Леопольдъ, герцогъ Мекленбургскій—дѣдъ императора Іоанна Антоновича (разсказъ Эйхгольца).—Кн. Н. С. Голицынъ—Гр. Киселевъ въ 1829—1834 гг.—Акад. Я. К. Гротъ—Дѣти правительницы Анны Леопольдовны.—Различныя историческія замѣтки.—Біографія И. И. Хемницера.—Екатерина II и Густавъ III.—Профес. М. И. Драгомировъ—Фран-

цузская армія предъ войною съ Россіею, въ 1808 г., переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями.—Н. П. Дуровъ—Каржавинъ—его жизнь и похожденія (1745—1812). — А. И. Есиповъ—Очеркъ цензорской дѣятельности Красовскаго и его характеристика.—П. Е. Ефименко—Кольнишевскій—послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи.—И. Е. Забѣлина—Посольства въ Турцію въ XVII в.—Профес. Д. И. Иловайскій—Къ вопросу о началѣ Руси. — Тмутараканская Русь. — О критикѣ историка Германа.—Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. — По поводу книги Гедеонова: Варяги и Русь.—Калкское побоище. —Къ вопросу о болгарахъ [1]).—В. М. Зотовъ—Кавалеръ д'Эонъ. — Ф. В. Каразинъ—Василій Каразинъ—основатель Харьковскаго университета (1803 — 1804). — Е. П. Карновичъ—О Полномъ Собраніи законовъ Россійской Имперіи.—Архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій. — Біографія цесаревича Константина Павловича.—Марія Терезія.—Угрюмова, очеркъ (1782—1785).—Герцогиня Кингстонъ.—П. Ѳ. Карабановъ — Біографическіе очерки статсъ-дамъ и фрейлинъ русскаго двора (XVIII и XIX вв.).—Историческіе и біографическіе разсказы (XVIII и XIX вв.).—О. И. Константиновъ—Штурмъ Малахова кургана. — Профес. Н. И. Костомаровъ — Лжедмитрій. — Черты сопротивленія власти при Петрѣ Великомъ. — Павелъ Полуботокъ, историческій очеркъ.—Критическая статья объ историч. трудахъ: Иловайскаго, Забѣлина и Гедеонова. — Малорусскія народныя преданія и разсказы по поводу книги Драгоманова. — О казакахъ, историко-критическій очеркъ. — Великій Новгородъ (по поводу книги Никитскаго). — П. А. Кулишъ — Турецкая неволя. — Профес. П. С. Лебедевъ—Русская армія въ 1796—1801 гг.—Арх. Леонидъ—Юшковы и Самарины.—Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій—Генеалогическія замѣтки и статьи,—родословія.—Очеркъ жизни кн. Лопухина.—А. И. Макшѣевъ—Хивинскій походъ въ 1839 г.—Герардъ Миллеръ—Примѣчанія къ письмамъ лэди Рондо (1725—1740). — Профес. О. Ѳ. Миллеръ—Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому. — Профес. А. И. Никитскій—Великій Новгородъ (XI—XIV в.).—Гедиминъ (XIV в.).—Кн. Д. А. Оболенскій — Ю. Ѳ. Самаринъ. — М. Я. Ольшевскій — Кавказъ и кавказцы.—Ог. С. И. Опатовичъ — Смоленское кладбище въ С.-Петербургѣ (XVIII и XIX вв.).—Ганнибалъ. — И. И. Ореусъ—Михельсонъ—побѣдитель Пугачева.—К. В. Чевкинъ (до 1834 г.). — Штурмъ, блокада и взятіе Карса въ 1855 г. — Н. М. Орловъ—Генералъ Раевскій и его сыновья въ 1812 г.—П. Н. Петровъ—Очеркъ жизни и дѣятельности А. Г. Венеціанова.—Изслѣдованія: о составителяхъ «Журнала 1697—1699» и «Замѣчаній на Записки Манштейна».—А. Н. Поповъ—Отечественная война 1812 г. (обширное изслѣдованіе по новымъ источникамъ). — Н. А. Поповъ — Къ біографіи О. М. Бодянскаго.—М. М. Поповъ—Ссылка Сперанскаго (по новымъ источникамъ).—А. Г. Пупаревъ—Левъ Измайловъ, помѣщикъ.—А. И. Пятковскій — Исторія С.-Пб. Воспитательнаго Дома.—Д. Д. Рябининъ — Княгиня Козловская. — Принцесса Шарлотта.—Гр. А. И. Чернышева.—Ма-

---

[1]) Къ перечню нѣкоторыхъ историческихъ монографій, помѣщенныхъ на страницахъ «Русской Старины» считаемъ необходимымъ присоединить упоминаніе объ обширномъ трудѣ профессора В. С. Иконникова: «Арсеній Мацѣевичъ».

Ред.

сонъ и его Записки о Россіи.—Высылка братьевъ Масоновъ изъ Россіи въ 1799 г.—Г. К. Рѣпинскій—Цензура въ Россіи въ 1797—1799 гг.—Н. Ѳ. Самаринъ—Историческіе разсказы изъ времени Петра Великаго.—Н. Н. Селифонтовъ—Бошнякъ (1774).—К. В. Чевкинъ (1855—1862).—В. И. Семевскій—Княгиня Дашкова: ея характеристика и значеніе въ исторіи царствованія Екатерины II.—Сельское населеніе въ царствованіе Екатерины II (крестьяне крѣпостные и казенные).—Сельскій священникъ въ XVIII-мъ вѣкѣ.—А. С. Сгибневъ—Бунтъ Бепьевскаго въ Камчаткѣ, 1771 г.—Академ. С. М. Соловьевъ—Императорскіе Совѣты въ Россіи въ XVIII в.—Москва въ 1770—1771 гг.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—В. В. Стасовъ—Біографія гр. М. А. Корфа.—П. А. Степановъ—Осада Варны въ 1828 г.—Г. И. Студенкинъ—Заплечные мастера въ Россіи въ XVII—XIX вв.—Салтычиха.—Разсказы изъ прежней судебной практики.—Академ. М. И. Сухомлиновъ—Академія въ 1776 и 1826 гг.—Ад. П. Чеботаревъ—Очерки служебной дѣятельности и характеристики донскихъ атамановъ: гр. Платова; — Власова; — Иловайскаго. — Донъ и донцы XVI—XIX вв.—Г. С. Чприковъ—Біографія ректора Харьковскаго университета Осиповскаго.—Профес. Я. А. Чпстовичъ—Біографія Буяльскаго.—К. Н. Шварцъ—Біографія ученаго и адмирала барона Врангеля.—Н. К. Шильдеръ—Кн. Паскевичъ въ войну 1853—1855 гг.—Очерки и матеріалы къ войнѣ 1853—1856 гг.—Генералъ Карлъ Шильдеръ, 1785—1854 гг.—Е. И. Якушкинъ—Съѣздъ членовъ Союза благоденствія.—В. Ѳ. Раевскій, и проч.

Политическія Записки; современныя сочиненія, относящіяся къ Россіи; мнѣнія по разнымъ вопросамъ:

Кн. М. М. Щербатова—О поврежденіи нравовъ въ Россіи.—Письмо къ вельможамъ, 1788 г.—Д. Н. Бантыша-Каменскаго—О Брауншвейгской фамиліи.—Екатерины II—О тюрьмахъ въ Россіи.—Бесѣды съ Даламъ о различныхъ государственныхъ вопросахъ, 1772—1777.—М. В. Ломоносова—О сохраненіи и размноженіи Россійскаго народа (1761).—Штрандмана—Сибирь и ея нужды (1801).—Различныхъ лицъ: Къ исторіи тюремъ и ссылки въ Россіи (1805—1820).—Графа Н. С. Мордвинова, гр. М. М. Сперанскаго, В. Н. Каразина—мнѣнія и записки по различнымъ вопросамъ.—Сенатора Кушелева—Обширныя Записки по поводу масонскихъ ложъ въ Россіи, вслѣдствіе которыхъ онѣ закрыты.—Меттерниха—одна изъ обширныхъ политическихъ его Записокъ.—Императора Николая Павловича—Записки о Прусскихъ дѣлахъ (1847—1848).—Планы, предначертанія, Записки и переписка, до восточныхъ войнъ 1828—1829 и 1853—1855 гг. относящіяся.—Митрополита Московскаго Филарета—Записки, до разныхъ вопросовъ относящіяся (о Государственномъ гербѣ Россіи;—О театральныхъ зрѣлищахъ и проч.).—Кн. Паскевича—Мысли (предсмертная записка) по поводу обороны Севастополя (1856).—М. П. Погодина—Записки о внѣшней политикѣ Россіи (1853—1854), и проч.

Документы и составленныя на основаніи ихъ статьи:

Бутурлины и Юшковы.—Егоръ Столѣтовъ (1724—1836).—Статсъ-дама Наталья Лопухина (1699—1763).—Іоаннъ Антоновичъ (1740—1764).—Тайная канцелярія въ царствованіе Елисаветы Петровны (1741—1761).—Дмитрій Васильевичъ Волковъ (1718—1785).—Пугачевъ и главнѣйшіе его пособники (по розыскнымъ о нихъ дѣламъ).—Кн. Потемкинъ.—Кн. Суворовъ.—Графъ Платонъ Зубовъ.—Гр. Н. П. Паниннъ.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ до восшествія своего на престолъ.—Братья Грузиновы (1800).—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.—В. Н. Каразинъ.—А. Н. Олениннъ.—Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—А. П. Ермоловъ.—А. С. Грибоѣдовъ.—Восточная война 1853—1855 гг. по письмамъ: кн. Паскевича, кн. М. Д. Горчакова и кн. А. С. Меншикова и проч. Не менѣе важны донесенія и письма современниковъ, относящіяся до Россіи—впервые, какъ и все предыдущее, изданные: собраніе подлинныхъ писемъ Петра Великаго (къ Скорнякову-Писареву; Ив. Ан. Толстому; Пальчикову, и проч.).—Кейзерлинга (1707).—Пикара (1782).—Переписка императора Петра III съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II (1762).—Обширныя собранія писемъ Екатерины II о всевозможныхъ вопросахъ, до внутренней и внѣшней политики Россіи относящихся: съ графомъ Стакельбергомъ (1773—1793); съ П. С. Потемкинымъ по дѣламъ до Пугачевщины (1774); съ Д. В. Волковымъ (1771—1779); съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгинею Маріею Ѳеодоровною, до дѣлъ фамильныхъ относящихся; съ герцогомъ Зюдерманландскимъ (1792—1794). Замѣтки и собственноручные указы этой государыни (1762—1796). Собраніе секретно вскрытыхъ въ царствованіе Екатерины II писемъ (мартинистовъ и другихъ общественныхъ дѣятелей и писателей, 1780—1790).—Обширное собраніе писемъ, указовъ и резолюцій императора Павла Петровича.—Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Кн. Кутузова Смоленскаго.—Атамана Платова.—Императора Александра Павловича.—Императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Императора Николая Павловича.—Переписка кн. Васильчикова съ кн. Волконскимъ (1820 и 1821), и проч., и проч. [1]).

---

[1]) Въ этотъ перечень Записокъ (мемуаровъ), изслѣдованій, собраній матеріаловъ и составленныхъ по нимъ статей, наконецъ Записокъ (по отдѣльнымъ вопросамъ) и обширныхъ собраній писемъ Августѣйшихъ лицъ и государственныхъ дѣятелей, впервые появившихся въ печати въ «Русской Старинѣ», вовсе не вошли два весьма обширныхъ отдѣла нашего изданія: «Исторія Русской Словесности» и «Исторія Художествъ и Искусствъ въ Россіи». По этимъ двумъ отдѣламъ наше изданіе представило и представляетъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, множество монографій, біографическихъ очерковъ, литературныхъ произведеній—почему либо въ свое время не появившихся въ свѣтъ или нѣкогда искаженныхъ въ печати, также писемъ, замѣтокъ и пр., и проч. Подробный перечень всего, что напечатано въ «Русской Старинѣ» къ первое десятилѣтіе этого изданія (1870—1879 гг.), будетъ изданъ въ теченіе 1880-го года. Литературный и художественный отдѣлы не относятся къ предмету настоящаго обозрѣнія профессора В. С. Иконникова, а потому о нихъ имъ и не упомянуто. Ред.

Вообще «Русскій Архивъ» и «Русская Старина» вызвали на свѣтъ множество мемуаровъ, остававшихся до тѣхъ поръ неизвѣстными, обширныя коллекціи офиціальной и частной переписки, матеріалы, хранившіеся въ частныхъ архивахъ; наконецъ, въ нихъ помѣщено множество произведеній русскихъ писателей XVIII и XIX столѣтій или были сообщены о нихъ новыя свѣдѣнія и матеріалы. Многіе изъ нихъ впервые явились на страницахъ этихъ изданій.

Между тѣмъ, накопленіе новыхъ матеріаловъ въ нашей литературѣ и интересъ, вызванный ими къ отечественной исторіи (нѣкоторые годы «Русскаго Архива» и «Русской Старины» вышли вторымъ и даже третьимъ изданіемъ, (при чемъ «Русская Старина» въ послѣдніе годы печатается уже въ количествѣ отъ 5,500 до 6,000 экземпляровъ), содѣйствовали появленію новыхъ историческихъ журналовъ: «Древней и Новой Россіи» (съ 1875 г.), «Исторической Библіотеки» и «Историческаго Вѣстника» (съ 1880 г.) [1]). Въ первомъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ иногда разработку вопросовъ, служившихъ уже предметомъ изслѣдованія, но основанныхъ на новыхъ матеріалахъ, накопившихся въ послѣднее время (какъ обширная біографія Волынскаго,—г. Корсакова, Гр. П. А. Толстой,—Н. А. Попова, и др.). Не менѣе интересны матеріалы по исторіи XVIII и XIX столѣтій (депеши прусск. послан. Мердефельда, 1740 г., Воспоминанія объ Аракчеевѣ,—Отто); изслѣдованія по исторіи просвѣщенія и литературы XIX столѣтія (Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева,—проф. Романовича-Славатинскаго, статьи М. И. Сухомлинова, относящіяся къ исторіи университетовъ въ 1840-хъ годахъ).

Но и въ общихъ журналахъ, въ теченіе этого періода, продолжали печататься историческіе матеріалы, очерки и изслѣдованія (въ «Рус. Вѣстникѣ» были помѣщены Записки Греча, С. Глинки, Вигеля, Лажечникова; матеріалы для біографіи Ермолова, матеріалы по исторіи освобожденія крестьянъ; очерки и изслѣдованія о самозванцахъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи, о бунтѣ Пугачева,—Щебальскаго, Анучина и др.; по новѣйшей исторіи раскола; статьи о масонахъ, о Магницкомъ (1857 и 1864 гг.) и т. п.; въ «Отеч. Зап.»—иностранныя извѣстія о Россіи въ XVI—XVIII столѣтіяхъ; статьи о земскихъ соборахъ—гг. П. В. Павлова и А. П. Щапова; очерки царствованія Петра III и очеркъ: «Іоаннъ Антоновичъ» — М. И. Семевскаго,

[1]) Одновременно съ тѣмъ стали все чаще появляться и отдѣльныя изданія Записокъ и воспоминаній XVIII и XIX столѣтій (русскихъ и иностранцевъ): Миниха, Шетарди, Рондо, Сегюра, Марковича, Храповицкаго, Яна Охотскаго, Неелова (о 1831 г.), И. И. Панаева, Н. Н. Муравьева (Война за Кавказомъ въ 1855 г.) и многихъ другихъ. В. И.

обширныя Записки Розена, относящіяся къ 14-му декабря и къ послѣдующему періоду; въ «Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія» Замысловскаго—продолженіе его изслѣдованія о Герберштейнѣ; Матеріалы для исторіи просвѣщенія при Александрѣ I-мъ—М. И. Сухомлинова; Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ отечественною войною—А. Н. Попова; въ «Отеч. Зап.», «Библ. для Чтенія» и «Основѣ»—рядъ изслѣдованій по исторіи Малороссіи, Н. И. Костомарова, В. И. Семевскаго—о крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ при Екатеринѣ II (въ «Отеч. Запискахъ») и др. Значительное собраніе матеріаловъ по новому періоду русской исторіи было напечатано въ журналѣ «Заря», которые составили потомъ три отдѣльныхъ тома, вышедшихъ подъ заглавіемъ: «Памятники новой русской исторіи» (1871—1873).

Съ 1866 г., въ память столѣтняго юбилея Карамзина, возобновилось изданіе «Вѣстника Европы», въ 1802 и 1803 гг. выходившаго подъ его редакціей, въ которомъ отдѣлъ отечественной исторіи занялъ весьма видное мѣсто. Такъ, здѣсь были помѣщены: воспоминанія В. И. Панаева, Погодина, Сушкова, записка графа Строганова о неофиціальномъ комитетѣ при Александрѣ I, Грибоѣдовская Москва—въ письмахъ Волковой къ Ланской, Аракчеевская переписка, воспоминанія Тургенева и др.; драгоцѣнные матеріалы о В. Г. Бѣлинскомъ, собранные и обработанные А. Н. Пыпинымъ, Записки Е. А. Хвостовой (сообщ. М. И. Семевскимъ). Бо́льшая часть историческихъ изслѣдованій, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы», вышли потомъ отдѣльными книгами, какъ Исторія смутнаго времени Московскаго государства и Исторія послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой, Н. И. Костомарова; Общественное движеніе при Александрѣ I и характеристика литературныхъ мнѣній съ 1820—1850 гг., А. Н. Пыпина; Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Трачевскаго; Эпоха коалиціи и конгрессовъ, С. М. Соловьева; Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи, А. Н. Попова. Другія представляютъ очерки отдѣльныхъ явленій и событій изъ послѣднихъ періодовъ русской исторіи (Очерки и матеріалы по исторіи масонства и библейскихъ обществъ А. Н. Пыпина; Возсоединеніе уніи М. Я. Морошкина; О Коммисіи Уложенія, В. И. Сергѣевича, О крестьянахъ при Екатеринѣ II—В. И. Семевскаго).

Въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», выходящемъ съ 1874 г. (VII томовъ), помѣщались статьи по русскому государственному праву, по исторіи печати и др., а въ библіографическомъ отдѣлѣ значительное мѣсто было отведено историческимъ трудамъ. Напом-

нимъ также о другихъ сборникахъ, имѣющихъ историческій интересъ: князя Хилкова, 1879 г. (матеріалъ для исторіи XVI и XVII столѣтій); «Пермскій Сборникъ» (2 книги, 1859—1860 гг.), важный для мѣстной археологіи и исторіи; «Бѣлевская Вивліоѳика» (2 т., 1858 г.); письма ц. Алексѣя Михайловича, изд. Бартеневымъ (Москва, 1856 г.); «Прибалтійскій Сборникъ» (2 книги 1878 и 1879 гг.), заключающій въ себѣ переводы лѣтописей и сочиненій, относящихся къ исторіи края, и русскіе матеріалы. «Россія и Англія» (1875 г.)—матеріалы, касающіеся сношеній ихъ въ XVI вѣкѣ (собр. Ю. Толстымъ); «Сборникъ» Муханова (изд. 1866 г.), заключающій матеріалы для исторіи западной и московской Руси и Россіи до половины XVIII столѣтія; «Севастопольскій Сборникъ»—матеріалы, собранные Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, относящіеся къ исторіи Крымской войны (3 тома, 1872—1873 гг.); «Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ» (т. I, Спб. 1876 г.); Древнія церковныя грамоты Сибирскаго края 1653—1726 гг. и свѣдѣнія о «Даурской миссіи», архим. Мелетія (Каз. 1875 г.); «Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія», изд. ред. «Братскаго Слова» (т. I—III, 1855—1877 гг.); матеріалы для исторіи русскаго флота (6 т.); этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю, М. Н. Галкина (Спб. 1869 г.); Бумаги флорентійскаго архива, касающіяся Россіи, издан. граф. Бутурлинымъ (1871 г.); Договоры Россія съ Востокомъ, Т. Юзефовича (Спб. 1869 г.); Матеріалы для исторіи заселеній по берегамъ Восточнаго океана (4 т. 1861 г.); «Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей» (1801—1825 гг.) и «Русская родословная книга» (2 т.), изд. ред. «Русской Старины».

Въ нѣкоторыхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ (владимірскихъ, вологодскихъ, донскихъ, архангельскихъ, казанскихъ, саратовскихъ, орловскихъ, кіевскихъ, подольскихъ, волынскихъ, черниговскихъ, холмскихъ и др.) помѣщались отъ времени до времени матеріалы, относящіеся къ исторіи мѣстной администраціи и церкви. Въ «Военномъ и Морскомъ Сборникахъ» находимъ очерки, воспоминанія и записки, касающіеся военныхъ событій.

Въ духовныхъ журналахъ, возникшихъ въ разсматриваемый періодъ («Правосл. Собесѣдникъ» съ 1855 г., «Правосл. Обозр.» и «Труды К. Д. академіи» съ 1860 г., «Духовный Вѣстникъ» — въ Харьковѣ), печатались изслѣдованія и матеріалы по исторіи ересей, сектъ и раскола въ Россіи; по исторіи іерархіи и церковной

литературы, а въ «Православномъ Собесѣдникѣ», кромѣ того, было напечатано значительное количество весьма важныхъ памятниковъ древней русской и славянской письменности, какъ: «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго, «Истины показаніе» Зиновія Отенскаго, сочин. Максима Грека (3 тома) и Вассіана-Патрикѣева-Косаго, «Стоглавъ», посланія Игнатія митрополита тобольскаго, «Мечецъ духовный» сочин. Лихудовъ, Остенъ, «Проскинитарій» Арсенія Суханова, «Сборникъ древностей казанской епархіи» Платона Любарскаго, Записки Верховскаго, относящіяся къ расколу (1845—1848 гг.), древнія житія, рукописная «Кормчая» XV вѣка, посланія XI—XVII вѣковъ, новые списки церковныхъ уставовъ (Владиміра св., Ярослава, Всеволода Мстиславича) и др. церковныя постановленія; бесѣда Козьмы пресвитера болгарскаго на богомиловъ (X—XI вѣка).

Переходимъ къ обозрѣнію дѣятельности ученыхъ обществъ и учрежденій на поприщѣ разработки русской исторіи.

II.

Спеціальной цѣли изданія памятниковъ и матеріаловъ по русской исторіи до XVIII столѣтія служитъ Археографическая Коммисія. Въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія она напечатала: 7, 8, 9 и 15-й томы «Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей» (воскресен., начало никоновской и тверскую) и вновь издала лаврентьевскій и ипатьевскій списки, нѣкоторыя новгородскія лѣтописи, а фото-литографическимъ способомъ списки: лаврентьевскій, ипатскій и синодальный—новгородской лѣтописи; продолжала изданіе актовъ (дополненія къ «Актамъ историческимъ», томы XI—XII, 1676—1699 гг.; «Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи», томы I—XI, 1361—1674 гг.; «Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи», 2 тома, XIII—XVII столѣтій; писцовыя книги новгородской земли, три тома, и ижорской земли; русско-ливонскіе акты; грамоты, касающіяся сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами въ XII—XIV столѣтіяхъ; дневникъ люблинскаго сейма 1569 г.; документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ, съ картами и историческимъ введеніемъ; сказанія иностранныхъ писателей о Россіи; Великія минеи-четьи, списки іерарховъ и настоятелей монастырей, собранные П. И. Строевымъ, путешествія игумена Данінла во Святую Землю и новгород-

скаго архіепископа Антонія въ Царьградъ; матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи, указатели къ «Полному Собранію русскихъ лѣтописей» и дополненіямъ къ «Актамъ историческимъ»; лѣтопись занятій Археографической Коммисіи I—VI томы). Въ послѣднее время коммисія предприняла новое изданіе, въ видѣ сборника, подъ заглавіемъ «Историческая библіотека» (5 т.), въ который вошли русскіе и иностранные памятники смутнаго времени, акты, не вошедшіе въ прежнія собранія, историческія сказанія и церковные уставы, акты валдайскаго Иверскаго монастыря, важные по отношенію этого монастыря къ патріарху Никону, александро-невскій лѣтописецъ, относящійся къ эпохѣ опричнины, памятники западно-русской полемики.—Археографическія коммисіи кіевская и виленская пользовались матеріалами, хранящимися въ мѣстныхъ центральныхъ и частныхъ архивахъ. Кіевская коммисія издала одинъ томъ «Памятниковъ» (томъ IV, 1859 г.) и 13 томовъ актовъ (Архивъ 1859 г.), посвященныхъ исторіи казачества, церкви, шляхетства, городовъ и крестьянъ юго-западной Россіи, начиная съ XVI по XVIII вѣкъ включительно, съ изслѣдованіями, объясняющими ихъ; лѣтопись С. Величка (IV томъ, 1863 г.); сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и окрестностей (1874 г.); лѣтопись Самовидца съ приложеніями (1878 г.) и указатель къ изданіямъ коммисіи (1878 г.). Виленская коммисія съ 1865 г. по настоящее время издала десять томовъ актовъ (акты гродненскаго и брестскаго гродскихъ судовъ, виленскаго земскаго суда и др.), писцовую книгу пинскаго староства 1561—1566 гг. (2 тома) и др., а виленскій учебный округъ, такъ много содѣйствовавшій въ лицѣ своихъ попечителей—И. П. Корнилова, П. Н. Батюшкова—собранію мѣстныхъ матеріаловъ и описанію памятниковъ древности, напечаталъ: 1) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западнаго края (съ 1867 г. 10 томовъ); 2) Достопримѣчательности сѣверо-западной Руси (палеографическое изданіе); 3) Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго и проч.

Къ настоящему періоду (1855—1880 г.) относится возникновеніе Кавказской археографической коммисіи (1864 г.). Съ 1866 года она издала 8 громаднѣйшихъ томовъ актовъ, чрезвычайно важныхъ для исторіи этого края и отношеній его къ Россіи, съ начала XIX столѣтія. Изданіе это, выходящее подъ редакціею извѣстнаго оріенталиста и ученаго Ад. П. Берже, снабжено прекрасными портретами, снимками, картами и выполнено, на мѣстѣ, весьма роскошно.

Интересъ къ изученію отечественной исторіи и памятниковъ старины, въ теченіе разсматриваемаго періода, выразился не только въ обнародованіи многочисленныхъ архивныхъ матеріаловъ спеціальными коммисіями, но также въ изданіи систематическихъ описей государственныхъ и частныхъ архивовъ, извлеченіи матеріаловъ изъ этихъ архивовъ въ видѣ отдѣльныхъ изданій, въ образованіи музеевъ отечественныхъ и мѣстныхъ древностей. Сюда относятся слѣдующія изданія: 1) Архивъ государственнаго совѣта (за царствованіе Екатерины II и Александра I, 6 томовъ); 2) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. синода (2 тома); 3) Сборникъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ I Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи (томъ I); 4) Описаніе архива морскаго министерства (два тома); 5) Описаніе указовъ и повелѣній, хранящихся въ архивѣ сената, сост. Барановымъ (три тома до царствованія Петра III); 6) Описаніе московскаго архива министерства юстиціи (2 тома); 7) Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, сост. завѣдующимъ архивомъ Оружейной палаты Викторовымъ; 8) Описи разныхъ дѣлъ (аптекарскаго приказа, относящихся до Сибири, и др.) и библіотеки московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и письма русскихъ государей, изданныя Коммисіею изданія государственныхъ грамотъ, состоящею при немъ (4 вып.); 9) Матеріалы Военно-ученаго архива главнаго штаба; 10) Историко-юридическіе матеріалы Витебскаго центральнаго архива (10 томовъ); 11) Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства; 12) Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки; 13) Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки, сост. архим. (нынѣ еписк.) Саввою (М. 1858); 14) изданія Императорской публичной библіотеки (матеріалы о Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ II, графѣ Сперанскомъ; описаніе сборниковъ, изд. А. Ѳ. Бычковымъ; каталоги иностранныхъ сочиненій о Россіи и Петрѣ Великомъ, находящихся въ Императорской публичной библіотекѣ); 15) «Архивъ князя Воронцова», представляющій достойный подражанія примѣръ систематическаго изданія фамильныхъ бумагъ, болѣе или менѣе значительныя коллекціи которыхъ печатались и въ названныхъ нами историческихъ изданіяхъ, но не въ такомъ полномъ объемѣ, какъ собраніе князя Воронцова, весьма важное для исторіи царствованій Елисаветы, Екатерины II, Павла I и Александра I (14 томовъ).

Въ интересѣ сохраненія памятниковъ древности постепенно устраиваются музеи. Первое мѣсто между ними, безъ сомнѣнія, займетъ

музей Наслѣдника Цесаревича въ Москвѣ; другіе возникаютъ при ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ (напримѣръ, церковно-археологическіе при Кіевской и С.-Петербургской духовныхъ академіяхъ) или при статистическихъ комитетахъ (Олонецкомъ, Тверскомъ, Владимірскомъ и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ издаются описанія и снимки самыхъ памятниковъ (напримѣръ, памятники западной Россіи, изд. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 6 вып., памятники псков. древностей, изд. статистическимъ комитетомъ). Но весьма важнымъ подспорьемъ какъ и въ дѣлѣ розысканія историческихъ матеріаловъ и обнародованія ихъ, такъ и сохраненія памятниковъ древностей, служатъ ученыя общества.

Мы упоминали уже о дѣятельности Московскаго общества исторіи, такъ много содѣйствовавшаго возбужденію научнаго интереса въ дѣлѣ разработки отечественной исторіи въ настоящій періодъ. Другое старѣйшее историческое общество—Одесское. Общество основано въ 1839 году. Въ обозрѣваемое двадцатипятилѣтіе оно издало съ 1856 года IV, V, VI, VII, VIII, IX, X и XI томы (in 4°) Записокъ, содержащихъ замѣчательные труды членовъ: Г. Спасскаго, князя А. Сибирскаго, Н. Мурзакевича, Ф. Бруна, З. Аркаса, П. Беккера, архимандрита Антонина, В. Юргевича, епископа Порфирія, архіепископа Г. Аѳазовскаго, П. Бурачкова; сверхъ сего, множество важныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ князя Потемкина Таврическаго, князя М. С. Воронцова, Адмиралтейскаго Николаевскаго и многихъ частныхъ лицъ. Находящіяся въ Новороссійскомъ краѣ древнія надписи: эллинскія, латинскія, генуэзскія, арабскія, турецкія, армянскія и др. Общество всегда помѣщало оригиналы надписей съ русскимъ переводомъ и историческими примѣчаніями. Сверхъ сихъ трудовъ общество устроило мѣстный музей древностей, обогащенный замѣчательными предметами, монетами, рукописями и мѣстными картами. Кромѣ Записокъ издавало и отдѣльные труды гг. членовъ (См. списокъ ихъ на обверткѣ XI тома). Но самымъ выдающимся явленіемъ въ этомъ отношеніи было, безъ сомнѣнія, учрежденіе Русскаго Историческаго общества, утвержденнаго въ 1866 г., подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, и издавшаго по настоящее время 26 томовъ «Сборника». Труды этого общества посвящены главнымъ образомъ исторіи Россіи XVIII и XIX столѣтій и объемлютъ полныя серіи матеріаловъ, извлеченныхъ изъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и частныхъ архивовъ. Весьма большое количество сообщено обществу изъ

государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и государственныхъ архивовъ—саксонскаго, прусскаго, вѣнскаго, англійскаго и нидерландскаго. Важнѣйшіе изъ нихъ составляютъ бумаги Екатерины II (три тома); донесенія австрійскихъ, саксонскихъ, прусскихъ и англійскихъ пословъ и посланниковъ, начиная со времени Петра Великаго до Екатерины II включительно; донесенія нидерландскихъ посланниковъ 1615 и 1616 гг. (особый томъ), переписка Екатерины II съ Фридрихомъ II, письма Екатерины II къ Жоффренъ и Гримму, бумаги о Тараканової, донесенія А. И. Чернышева и князя А. Б. Куракина Императору Александру I и графу Н. П. Румянцеву 1810—1812 гг.; дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ началѣ царствованія Александра I; записка графа Каподистріа о его служебной дѣятельности. Прочіе матеріалы заимствованы изъ сенатскаго архива (бумаги Петра Великаго), архива II Отдѣленія (свѣдѣнія о Екатерининской коммисіи, три тома), бумаги архивовъ разныхъ вѣдомствъ и публичной библіотеки; семейныхъ архивовъ (гр. Шереметева—переписка Петра Великаго съ гр. Б. П. Шереметевымъ; князя Вяземскаго—документы по дѣлу Новикова; кн. Репнина—бумаги кн. Н. В. Репнина за время его посольства въ Польшѣ и Турціи и управленія Литвою; гр. Панина—бумаги П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ; семейства Лагарпъ—письма Александра I и др. особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу, и др.).

Обратимся къ археологическимъ обществамъ.

Императорское Русское Археологическое общество, дѣйствующее съ 1846 г., напечатало рядъ матеріаловъ и изслѣдованій по нумизматикѣ, археологіи, древнему искусству, памятниковъ письменности и историческихъ матеріаловъ (въ своихъ изданіяхъ «Записки», VIII—XIV т., «Извѣстія», «Труды восточнаго отдѣленія», въ которые вошли изслѣдованія и сообщенія гр. Уварова, Д. Ровинскаго, П. С. Савельева, И. Е. Забѣлина, В. П. Вельяминова-Зернова, арх. Макарія, П. И. Соловьева, П. И. Савваитова, И. И. Срезневскаго, А. Н. Попова, И. Н. Березина, Д. Прозоровскаго и мн. др.; «Записки русской и славянской археологіи», т. II, гдѣ помѣщены весьма важные документы, относящіеся къ патр. Никону, и опись дѣламъ приказа тайныхъ дѣлъ 1713 г., извлеченные В. И. Ламанскимъ изъ государственнаго архива). Описаніе древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Русскаго Археологическаго общества, составленное Д. Прозоровскимъ, издано обществомъ въ 1879 году.

Весьма успѣшныя раскопки на югѣ Россіи заставили обратить вниманіе на систематическое веденіе и описаніе ихъ, и въ этомъ отношеніи богатые матеріалы представляютъ труды Императорской Археологической Коммисіи (Древности Геродотовой Скиѳіи, Сборникъ описанія археологическихъ раскопокъ и находокъ въ Черноморскихъ степяхъ, съ атласомъ, Спб. 1866; отчеты Археологической Коммисіи, съ 1859—1876 гг., со множествомъ рисунковъ).

Въ 1865 г. возникло Московское Археологическое общество по иниціативѣ гр. А. С. Уварова, которому принадлежитъ и значительная доля участія въ трудахъ этого общества. При обществѣ находится собраніе древностей и библіотека. Въ теченіе этого времени общество издавало «Археологическій Вѣстникъ» (1867—1868 гг.) и «Труды Московскаго Археологическаго общества», продолжающіеся до сихъ поръ (по 3 вып. въ годъ). Въ нихъ сообщались свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, о мѣстныхъ древностяхъ и музеяхъ, о текущей археологической литературѣ, изслѣдованія и матеріалы для археологическаго словаря, снимки съ предметовъ древности, при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ картина пріема польскихъ пословъ Дмитріемъ Самозванцемъ въ 1606 г. Кромѣ того, общество напечатало 2-е изданіе Описанія Кіева, Закревскаго, въ двухъ томахъ, съ атласомъ.

Московское Археологическое общество принимало дѣятельное участіе въ образованіи музея Цесаревича и ему же принадлежитъ иниціатива въ устройствѣ археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, которыхъ было по настоящее время четыре: въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ и Казани. Съѣзды эти много содѣйствовали разработкѣ мѣстной археологіи и объединенію ученыхъ силъ. До сихъ поръ изданы труды съѣздовъ московскаго (2 тома) [1]), с.-петербургскаго (1 томъ и атласъ), кіевскаго (2 тома), Извѣстія казанскаго съѣзда (труды печатаются). На археологическихъ же съѣздахъ подвергался обсужденію вопросъ объ устройствѣ архивовъ въ Россіи и сохраненіи памятниковъ древности. Пренія эти привели къ нѣкоторымъ существеннымъ результатамъ. Такъ, въ 1877 г., былъ открытъ въ Петербургѣ, по иниціативѣ и на средства извѣстнаго ученаго юриста, сенатора Н. В. Калачова, Археологическій институтъ (съ 1877 г.), имѣющій цѣлью приготовить опытныхъ архивистовъ и

[1]) Укажемъ при этомъ на большой трудъ гр. А. С. Уварова: «Меряне и ихъ бытъ», съ атласомъ древностей. В. И.

издавшій два тома «Археологическаго Сборника» (1878 и 1879), въ которомъ помѣщаются свѣдѣнія о русскихъ архивахъ и занятіяхъ въ архивахъ слушателей института (между прочимъ о розысканіяхъ, относящихся къ Уложенію ц. Алексѣя), о раскопкахъ, произведенныхъ ими, наконецъ, историческіе матеріалы; послѣдніе относятся къ царствованію Александра I.

Въ 1879 г. были произведены членами Московскаго Археологическаго общества предварительныя розысканія для предстоящаго археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ (въ 1881 г.), гдѣ, впрочемъ, еще ранѣе было обращено вниманіе на мѣстныя древности («Кавказъ въ археологическомъ отношеніи», Ад. П. Берже, 1874; отчетъ Д. Бакрадзе въ «Запискахъ академіи наукъ») и образовалось общество любителей Кавказской археологіи, издающее свои «Записки» (кн. I, 1875, Тифлисъ). Въ связи съ дѣятельностью археологическихъ обществъ упомянемъ и объ обществѣ древне-русскаго искусства, существующемъ въ Москвѣ съ 1864 г. и издавшемъ «Сборникъ древне-русскаго искусства» (2 тома) и «Вѣстникъ древне-русскаго искусства».

Одновременно съ Археологическимъ обществомъ, въ Петербургѣ возникло Русское Географическое общество, дѣятельность котораго въ разсматриваемый періодъ (съ 1855-го по 1880-й годъ) проявилась во многихъ трудахъ, имѣющихъ весьма важное значеніе для исторіи. Изъ нихъ укажемъ на «Этнографическій Сборникъ» (III—VI т.), «Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи» (5 т.), «Записки по отдѣлу этнографіи» (8 т., съ 1867 г.), «Извѣстія Географическаго общества» (съ 1865 г.), «Землевѣдѣніе Азіи» Риттера (8 т., съ 1859 г.) съ значительными дополненіями русскихъ ученыхъ—П. П. Семенова, В. В. Григорьева, Н. Н. Ханыкова, Г. Потанина. Въ своихъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ общество обратило вниманіе на изученіе и собраніе матеріаловъ по обычному праву. Оно собрало и издаетъ матеріалы своихъ ученыхъ экспедицій, которыя были отправлены, съ этнографическою цѣлью, въ сѣверо-западный и юго-западный край. Кромѣ того, издавались Записки другихъ отдѣловъ общества—Кавказскаго, Сибирскаго, Оренбургскаго. Въ послѣднее время Географическое общество приступило къ изданію «Писцовыхъ книгъ Московскаго государства», подъ ред. Н. В. Калачова (т. I-й, 1877 г.).

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ ученыхъ обществахъ, имѣвшихъ въ теченіе этого времени изданія, относящіяся къ области исторіи,—какъ русскихъ («Бесѣды въ Московскомъ обществѣ любителей рус-

ской словесности» и «Чтенія въ Московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», въ которыхъ, между прочимъ, была помѣщена «Исторія московскаго епархіальнаго управленія», въ пяти частяхъ, Н. П. Розонова, 1869 г.), такъ и нѣмецкихъ—въ Прибалтійскомъ краѣ (Ученое—въ Дерптѣ, Курляндское и Эстляндское общества, вновь образовавшееся Общество Литературы и Наукъ въ Ригѣ); труды послѣднихъ посвящены были мѣстной исторіи. Въ Гельсингфорсѣ появилось прекрасное изданіе по археологіи и этнографіи финскаго міра, принадлежащее И. Р. Аспелину:—Antiquités du Nord finno-ougrien (3 вып. 1877—1879 гг.), съ рисунками, многіе изъ которыхъ сняты съ предметовъ, хранящихся въ русскихъ музеяхъ, или добытыхъ на мѣстѣ изслѣдованія.

Желая содѣйствовать скорѣйшему выходу въ свѣтъ болѣе важныхъ рукописей древне-русской письменности, а важнѣйшихъ изъ нихъ—въ точной передачѣ самыхъ оригиналовъ, въ 1878 г. образовалось въ Петербургѣ Общество любителей древней русской письменности и тогда же приступило къ выполненію своей задачи. Такимъ образомъ, по настоящее время имъ были изданы: житіе митрополита Алексѣя, сказанія о чудотворныхъ иконахъ Богородицы, Стефанитъ и Ихнилатъ, Римскія дѣянія, старинныя русскія азбуки съ собственноручными поправками Петра Великаго, челобитная дьяка Всполохова царю Алексѣю Михайловичу, древній синодикъ съ изображеніями мытарствъ, судъ Шемяки и др. и приготовляются къ изданію: «Сборникъ Святослава», «Кенигсбергская лѣтопись» съ изображеніями, «Царствен. лѣтописецъ» съ картинами, житія, хронографы (Г. Амартола), космографіи и т. д.

Старѣйшее изъ русскихъ ученыхъ учрежденій—Академія Наукъ и университеты принимали весьма дѣятельное участіе въ разработкѣ отечественной исторіи и другихъ наукъ, тѣсно связанныхъ съ нею. Въ своихъ «Извѣстіяхъ» (1856—1863 г., томъ V—X), «Ученыхъ Запискахъ II отдѣленія» (II—VII, 1856—1861), «Запискахъ Академіи Наукъ» (съ 1862 г. по настоящее время), «Сборникѣ» (съ 1867 г. 18 томовъ), «Мемуарахъ» (съ VIII тома), «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches», «Бюллетеняхъ», «Отчетахъ» и отдѣльныхъ изданіяхъ (труды гг. Билярскаго, А. А. Куника, Пекарскаго, И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, Броссе, Шегрена, Кастрена, Дорна, Кеппена, Радлова, Ширрена, Ворсо, Гамеля, Гильтебранда, Кеневича, письма Вольфа, бумаги Лейбница, собр. В. Герье, мате-

ріалы для исторіи Кавказа П. Г. Буткова, хронологическія изслѣдованія въ области русской и литовской исторіи А. Энгельмана; Rus. Livl. Chronol. Бонеля, составл. по мысли Куника (1562 г.), о русско-византійскихъ монетахъ—Куника (1860 г.); Списки памятниковъ—И. И. Срезневскаго; письма Карамзина, матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта Я. К. Грота, дневникъ похода Баторія' сочиненія Державина, I—VII томъ, съ рисунками, портретами и снимками; бумаги академ. Арсеньева, автобіографія Шлецера; переписка митрополита Евгенія и Востокова—въ Сборникѣ),—Академія Наукъ представила рядъ изданій древнихъ памятниковъ словесности и исторіи, матеріаловъ и изслѣдованій по этнографіи и исторіи инородцевъ; свѣдѣній объ архивахъ русскихъ и иностранныхъ, важныхъ для исторіи Россіи; по исторіи наукъ и литературы XVIII и XIX столѣтій; по исторической библіографіи (трудъ Ламбиныхъ, за 1855—1873 гг., и печатается 2-я часть Указателя Межова, за 1865—1875 гг.), а въ особенности много важныхъ матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи Академіи Наукъ (Исторія Академіи Наукъ—П. П. Пекарскаго; Исторія Россійской Академіи—М. И. Сухомлинова). Въ изданіяхъ университетовъ—Казанскаго, Кіевскаго, Новороссійскаго, Варшавскаго, Московскаго и Петербургскаго (подъ заглавіемъ «Записокъ» и «Извѣстій») помѣщались матеріалы (напримѣръ, въ кіевскихъ—христоматія по исторіи русскаго права, Владимірскаго-Буданова—собраніе важнѣйшихъ памятниковъ съ комментаріями, 2-е пополненное изданіе; грамоты литовскихъ князей; права, по которымъ судится малороссійскій народъ—обширный памятникъ времени Елисаветы. Въ казанскихъ—сводный текстъ уставныхъ грамотъ, г. Загоскина; матеріалы, относящіеся къ Ивану Грозному, Ю. Крижаничу и др.; матеріалы по археологіи и этнографіи Россіи); изслѣдованія (въ казанскихъ: исторія Ростовскаго княжества—Корсакова, инородцы сѣверо-восточной Россіи и колонизація—Н. А. Ѳирсова; древніе города и памятники въ Казанской губ.—Шпилевскаго; о служилыхъ людяхъ Москов. госуд. и исторія права Моск. госуд.—Загоскина; очерки исторіи Казанскаго университета—Булича. Въ кіевскихъ: о Русской Правдѣ и Литовскомъ статутѣ—Леонтовича, исторія Литовскаго княжества — Антоновича; о Даніилѣ Галицкомъ, князѣ Курбскомъ; очерки внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII в. и др. Въ новороссійскихъ: изслѣдованія по исторіи церковнаго права; Черноморье—сборникъ изслѣдованій по древней исторіи края, Бруна. Въ варшавскихъ: Юрій Крижаничъ—А. Маркевича; свѣдѣнія объ иностранныхъ архивахъ,

важныхъ для исторіи Польши и Россіи; изслѣдованіе о древнихъ вѣчахъ и др.; въ «Запискахъ С.-Петербургскаго университета» — О торговлѣ древней Руси съ Ганзою, г. Бережкова [1]).

При нѣкоторыхъ университетахъ въ послѣднее время возникли ученыя общества: при университетѣ св. Владиміра — Историческое общество Нестора лѣтописца, издавшее въ 1879 г. I томъ «Чтеній» за 1873—1877 гг.; при Казанскомъ университетѣ — Общество исторіи, археологіи и этнографіи, печатающее свои «Извѣстія» въ «Запискахъ» университета, и «Общество естествоиспытателей, издающее «Труды». Изслѣдованія этихъ обществъ посвящены мѣстной исторіи, археологіи и этнографіи, а труды послѣдняго, между прочимъ, изученію инородческихъ племенъ восточной Россіи. Общество естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящее при Московскомъ университетѣ, съ 1864 г. по настоящее время, издало 37 томовъ «Извѣстій», въ числѣ которыхъ до семи томовъ посвящено антропологическимъ и этнографическимъ изслѣдованіямъ или матеріаламъ о Россіи. Въ 1867 г. Московское общество устраивало этнографическую выставку; въ 1879 г.—антропологическую, на которыхъ была представлена богатая коллекція этнографическихъ данныхъ. Подробное описаніе послѣдней, съ фотографическими снимками, выходитъ особымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ «Антропологическая выставка».

Въ заключеніе этого отдѣла упомянемъ о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ изданіяхъ разныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ историческій, этнографическій или археологическій интересъ, каковы: «Матеріалы для географіи и статистики Россіи», изданные генеральнымъ штабомъ (болѣе 30 томовъ), и «Военно-статистическій сборникъ» (т. IV— Россія, Спб. 1871 г.), подъ редакціею Н. Н. Обручева; «Списки населенныхъ мѣстъ Россіи», изд. Центральн. статистич. комит. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (до 40 томовъ), въ числѣ которыхъ описанія нѣкоторыхъ губерній принадлежатъ извѣстному этнографу А. И. Артемьеву; «Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами» (IV—X, 1856 и т. д.), заключающіе въ себѣ сношенія съ Австріею и италіанскими государствами по

[1]) Историко-филологическій институтъ въ Нѣжинѣ и Демидовскій лицей въ Ярославлѣ также издавали Записки (первый «Извѣстія», 4 тома, второй «Временникъ», 9 томовъ). **В. И.**

1699 г., при II Отдѣленіи Его Императорскаго Величества канцеляріи; «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами», составленное по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ профессоромъ Ф. Мартенсомъ (трактаты съ Австріею, т. I—IV, 1648—1878 гг.); «Собраніе постановленій и распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія за царствованіе Императоровъ Александра I, Николая I и нынѣ царствующаго Императора», весьма важное для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ XIX ст.; Замѣчанія на проекты уставовъ университетовъ (1863 г., 2 тома) и гимназій (нѣсколько томовъ); сборники матеріаловъ, изданные Императорскою публичною библіотекою (письма Петра Великаго и Екатерины II, Въ память графа Сперанскаго; четыре сказанія о Лжедмитріѣ и др.); Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720—1862 г. Спб. 1862 г.; Историческія свѣдѣнія о цензурѣ, Спб. 1862 г. (изданіе министерства народнаго просвѣщенія); Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, Н. Варадинова, 8 томовъ (Спб. 1858—1863 гг.); Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества съ краткими историческими свѣдѣніями, Е. Пеликана (2-е изданіе, Спб. 1875 г.); Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи (I—IV томъ, 1869—1876 гг., за 1721—1725 гг.); «Павловскъ»—очеркъ исторіи и описаніе, составлен. по порученію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича (Спб. 1877 г.); изданія губернскихъ статистическихъ комитетовъ: «Воронежъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ» г. Веселовскаго (1866 г.); «Новгородскій сборникъ», I—V кн. 1865—1866 г.; «Нижегородскій сборникъ», I—VI кн. 1867—1877 гг.; «Труды» (10 книгъ) и «Ежегодникъ» (3 книги) Владимірскаго статистическаго комитета; Труды Астраханскаго статистическаго комитета (1869—1875 гг.); «Симбирскій сборникъ»; Труды областнаго войска Донскаго статистическаго комитета (I—II, 1867—1874 гг.) и «Историческое описаніе земли войска Донскаго» (2 тома, 1869 и 1872 гг.); Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи (1867—1875 гг., 3 книги. Черниговъ); Труды Одесскаго статистическаго комитета (I—V книги); Труды Курскаго статистическаго комитета; Орловская старина и матеріалы для исторіи и статистики Орловскаго края, собран. А. Пупаревымъ (1875 г.); Описаніе и снимки псковскихъ древностей и «Сборникъ», изданный Псковскимъ статистическимъ комитетомъ; Памятники старины Витебской губ., А. Сементовскаго (Спб. 1867 г.); Труды Архангельскаго статистическаго комитета; Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ.

изд. подъ редакціею главнаго редактора статистическаго комитета Н. Зейдлица (съ 1871 г.), и сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ (до 10 книгъ, изд. горскимъ управленіемъ) и др.; епархіальныхъ комитетовъ: Истор.-статист. описаніе С.-Петербургской епархіи (I—V томъ. Спб.); Труды для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи (1877 г.); исторія Черниг. епархіи, 5 томовъ—Филарета (1857); изданія нѣкоторыхъ земствъ и городовъ: «Географическій и статистическій словарь Пермской губ.», составленный Н. Чупинымъ (I, 1873, 577 стр. А—И); Источники и пособія для изученія Пермскаго края, Д. Смышляева (Пермь. 1876 г.); матеріалы для исторіи Тверской губ.; Опытъ древней исторіи города Опочки, составлен. И. П. Бутырскимъ и изд. Н. И. Кукольникомъ (Псковъ, 1879 г.) и т. п.

1880 г. В. С. Иконниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

А. СКРЕБИЦКАГО. Боннъ на Рейнѣ, 1862—1868.

Четыре тома въ пяти книгахъ, весьма убористой печати. Томъ I—cxx и 968 стр.; томъ II: xx и 1,624 стр.; томъ III—xxii и 1,296 стр., и томъ IV: viii и 1,263 стр. Цѣна 20 р.

Какъ ни важна, въ исторіи развитія нашего отечества, по своимъ послѣдствіямъ реформа, уничтожившая у насъ крѣпостную зависимость, она не вызвала до сихъ поръ ни одного труда, кромѣ поименованнаго, въ которомъ было бы собрано, въ такой полнотѣ, все относящееся до дѣятельности ея участниковъ. Располагая офиціальными матеріалами, доставленными извѣстному изслѣдователю быта нашей родины барону Гакстгаузену Я. И. Ростовцевымъ, авторъ разработалъ ихъ (на 5,382 стр.), по отзыву компетентнаго рецензента Академіи Наукъ, вполнѣ добросовѣстно и чрезвычайно точно.

Составляя, по заключенію Академіи, единственно вѣрный ключъ къ исторической обработкѣ уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи, трудъ г. Скребицкаго, удостоенный 25-го сентября 1871 г. преміи гр. Уварова, представляетъ не только интересъ для всѣхъ принимавшихъ участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ: членовъ губернскихъ комитетовъ, начальниковъ губерній, членовъ Редакціонныхъ Коммисій, депутатовъ, мнѣнія которыхъ изложены во всей полнотѣ, но составляетъ историческій комментарій на Положеніе 19-го февраля 1861 г., ничѣмъ незамѣнимый, какъ настольная и справочная книга для лицъ, призванныхъ, по роду своей служебной дѣятельности, примѣнять законоположенія 19-го февраля къ жизни. Помимо этого личнаго, для бывшихъ участниковъ великой реформы, интереса, и дѣловаго, для практическихъ ея исполнителей,—за трудомъ г. Скребицкаго упроченъ, по единогласному отзыву русской и ино-

странной критики, интересъ непреходящій а общій—единственнаго, по полнотѣ разработанныхъ и исчерпанныхъ въ немъ матеріаловъ, литературнаго памятника по одной изъ самыхъ коренныхъ реформъ настоящаго царствованія. Этою стороною названнаго труда обусловливается важность и значеніе его для отечественныхъ библіотекъ, частныхъ и общественныхъ.

Выписывающіе изданіе изъ склада (Петербургъ, Литейная, № 62), адресуя деньги на имя Александра Ильича Скребицкаго, присылаютъ по двадцати рублей, съ пересылкою на всѣ разстоянія. Точно также желающіе пріобрѣсти это изданіе могутъ обращаться въ редакцію «Русской Старины» (С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7) или въ книжный складъ Стасюлевича (С.-Петербургъ, 2-я линія Васильевскаго острова, д. № 7). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ изданіе г. Скребицкаго высылается за 20 руб. съ пересылкою.

1-го ЯНВАРЯ ВЫШЛА I-я (ЯНВАРЬСКАЯ) КНИЖКА ЖУРНАЛА

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“

[ГОДЪ XII].

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Законодательство. 2) Научныя основы обученія по Бену. **Барона Н. Корфа.** 3) Школа и жизнь. **Д. Тихомирова.** 4) Обязательность и безплатность обученія въ заграничныхъ народныхъ школахъ. **Я. Михайловскаго.** 5) Національное педагогическое бюро въ Сѣверной Америкѣ. **В. Миропольскаго.** 6) Педагогическая хроника (Финансовыя затрудненія при введеніи у насъ обязательнаго обученія. Сожженіе колдуньи, какъ результатъ невѣжества массы, и пр., и пр.) **А. Пятковскаго.** 7) Разныя извѣстія (Статистика заграничныхъ школъ и пр.). 8) Ратное дѣло въ древней Руси **Е. Карновича.** 9) Табель на 1880 г.

Подписка принимается: Спб., Васильевскій островъ, 6-я линія, д. № 25. Годовая цѣна **четыре руб. пятьдесятъ коп.** съ пересылкою и доставкою. По той же цѣнѣ выписываются полные экземпляры журнала за 1878—1879 г. (новой редакціи).

Редакторы-издатели: **В. ЕВТУШЕВСКІЙ. А. ПЯТКОВСКІЙ.**

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

VII [1]).

Изъ села Б. мы поѣхали въ большую слободу С., имѣніе князя Г. Самъ князь жилъ постоянно въ Петербургѣ, а имѣніемъ его управлялъ нѣмецъ Кан... До поступленія въ управляющіе имѣніемъ князя, Кан... былъ въ Петербургѣ сапожникомъ. Полюбился сапожникъ барину, онъ и послалъ его управлять имѣніемъ своимъ, душъ въ 3,000 и въ 30,000 десятинъ земли. Можетъ судить всякій, на сколько могъ быть свѣдущимъ въ сельскомъ хозяйствѣ петербургскій сапожникъ, весь вѣкъ свой гнувшій спину надъ сапожною колодкой,—онъ не имѣлъ о немъ и понятія, не понялъ его и на мѣстѣ; но за то съ разу понялъ барина. Говорятъ вѣдь, что нѣмецъ обезьяну выдумалъ. Правда это или нѣтъ—это знаетъ одинъ нѣмецъ; а что нѣмцы изъ людей дѣлаютъ обезьянъ, такъ это знаю и я. Не правда-ли, что нѣмецъ изъ князя сдѣлалъ обезьяну? Въ первый же годъ онъ князю отписалъ, что кустарники и маленькіе лѣсные участки, десятинъ 5—10, находящіеся между посѣвными полями, не даютъ ему возможности устроить правильное, организованное хозяйство, и просилъ дозволить ему очистить поля отъ кустарника, не приносящаго никакого доходу, и вырубить небольшіе „клочки“ лѣсу; что лѣсъ этотъ хоть и крупный, но онъ „мѣшаетъ хозяйству“, самъ не годенъ, а между тѣмъ земля изъ-подъ лѣсу будетъ приносить огромный доходъ. Я заношу въ мои замѣтки донесеніе нѣмца почти буквально. Князь

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562; томъ XXVI, стр. 433—460. Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78.

видитъ, что онъ нашелъ кладъ, что нѣмецъ его—золото, что сейчасъ ужъ толкуетъ объ организаціи, тогда какъ до него никто объ этомъ и не подумалъ,—и поля очистить отъ лѣсу дозволилъ. Нѣмецъ пригласилъ землемѣра, разбилъ всѣ огромные и прекрасные лѣса на мелкіе участки и сталъ распродавать за безцѣнокъ (конечно—для барина), какъ никуда негодные. Въ отчетахъ онъ доносилъ: „Очищено поле въ 5 десятинъ отъ кустарника; очищено поле отъ стараго, гнилаго лѣсу, подъ посѣвъ проса, въ 8 десят., въ 3 дес.“ и под. И такимъ образомъ въ пять лѣтъ очистилъ почти все,—онъ уничтожилъ огромные и прекрасные, преимущественно березовые и дубовые, лѣса. Въ пять лѣтъ князю даже въ голову не пришло подвести итоги этимъ 8-ми, 5-ти, 3-мъ и подоб. десятинамъ и взглянуть на планъ. Если не ревизора, то хоть бы ближайшаго помѣщика попросилъ взглянуть, что дѣлаетъ его нѣмецъ,—нѣтъ, послалъ и дѣлу конецъ. А нѣмецъ сидитъ себѣ въ С., да втихомолку обдѣлываетъ князя, какъ опойковую шкуру, на свою колодку. Говорили, что заскрипѣла бы княжеская шея пуще любаго сапога, еслибъ нѣмецъ скоро не умеръ. Хохловъ-крестьянъ онъ душилъ.

Кан... былъ высокій, здоровенный, дебелый мужчина. Именуясь курляндскимъ гражданиномъ и управляя огромнымъ имѣніемъ извѣстнаго богача и, вдобавокъ, князя Г., онъ принятъ былъ во всѣхъ лучшихъ домахъ города С. Домъ — дворецъ, лакеи, повара, лошади, экипажи и пр., и пр., что, навѣрное, и половины не было у самого князя въ Петербургѣ того, какая обстановка и выѣздъ были у этого нѣмца. Осанка, поступь—князь да и только!

До чтенія манифеста мы заѣхали къ нему. Онъ былъ блѣденъ, лицо осунулось, трясся какъ въ лихорадкѣ, безсмысленно метался во всѣ стороны, останавливался на полусловѣ; нѣсколько разъ отзывалъ исправника и все что-то толковалъ съ нимъ. Я хорошо зналъ, что исправникъ получалъ и отъ этого имѣнія аренду. Онъ подсмѣивался и успокаивалъ его. Къ Кан...у, также, какъ и къ И. И—чу Б. въ селѣ С., собралось много военныхъ-бутырцевъ. На огромной церковной площади собралось множество народу, а въ сторонѣ стояло сотни три солдатъ съ ружьями. Исправникъ спросилъ одного изъ военныхъ, что постарше: зачѣмъ тутъ собрали солдатъ и съ ружьями?

— А вотъ изволите видѣть: нѣмецъ думаетъ, что его вотъ-вотъ сейчасъ убьютъ, какъ только объявятъ волю. Чѣмъ свѣтъ прислалъ за мной и, чуть не плачетъ, проситъ, чтобы я оцѣпилъ солдатами его домъ. Убивать, конечно, его никто и не думаетъ, хотя поколотить малую толику слѣдовало бы. Оцѣплять дома я не сталъ, да и не имѣлъ на это права; кромѣ того, это значило бы подать мужикамъ мысль, о чемъ они, по всей вѣроятности, и не думали, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обидѣть ихъ. А нѣмецъ чуть не валяется въ ногахъ. Я и велѣлъ сдѣлать сборъ для смотра. Стало быть, нѣмецъ будетъ доволенъ, думаю, и насъ угоститъ хорошимъ обѣдомъ, да и солдатамъ дастъ на водку.

Во время чтенія манифеста, народъ, послѣ каждаго непріятнаго для нихъ слова, волновался. Изъ церкви мы вышли, когда всѣ крестьяне ушли. Исправникъ не объяснялъ имъ ничего. Крестьяне собрались кучами и долго толковали. Потомъ всею массою двинулись къ господскому дому. Какъ увидѣлъ это Кап..., такъ и помертвѣлъ. Старикъ военный захохоталъ: „Что, трусишь? Это они за тобой идутъ“.

Крестьяне подошли къ дому, скинули шапки и вызвали исправника и меня. „Растолкуйте,—говорятъ,—намъ, ваше высокоблагородіе, что намъ вычитывали въ церкви“.

— Вамъ священникъ читалъ вслухъ, ну и слушали бы.

— При такомъ народѣ ничего не разберешь, мы не поняли ничего.

— Такъ стояли бы смирнѣй, да слушали бы.

— Всѣхъ не уймешь, вѣдь не одна тысяча народу. Скажите намъ: барскіе мы, или вольные?

— Барскіе, и работайте, какъ работали, а черезъ два года будете вольными.

— А волю вычитывали! Какъ же это такъ? Отецъ благочинный! скажите намъ, ради Бога, вѣдь мы сами не знаемъ теперь, что намъ дѣлать. Не идти на работу—скажутъ: не повинуются, будемъ виноваты; а идти,—можетъ, мы уже вольные, это тоже не годится.

Исправникъ видитъ, что онъ потерялъ довѣріе крестьянъ, что вертѣться тутъ нельзя, что я ни молчать, ни врать не буду, что его заподозрѣваютъ въ скрытіи воли,—дѣло можетъ принять серьезный характеръ и кончиться дрючками и камнями,—не давши мнѣ

сказать слова, началъ: „Вы теперь вольные совсѣмъ, но два года должны еще работать; въ эти два года вамъ отведутъ усадьбу и полевую землю“.

— Ну, благодаримъ покорно!

— Въ эти два года малолѣтковъ и стариковъ на барщину гонять не будутъ.

— Благодаримъ покорно!

— Никакихъ другихъ повинностей отправлять не будете, т. е. не будутъ съ васъ брать ни барановъ, ни яицъ, ни масла, ничего.

— Благодаримъ покорно!

— Дочерей своихъ можете отдавать замужъ куда угодно, хоть за барина, никого не спрашиваясь.

— Благодаримъ покорно!

— Но два года работайте.

— А сѣчь станутъ?

— И сѣчь не станутъ, только работайте.

— Благодаримъ покорно! Два года какъ нибудь промаемся; много мучались, а два года потерпимъ. А гдѣ намъ найти всѣ эти законы? А то вы уѣдете, а насъ опять погонятъ на барскую работу и стараго и малаго.

— Вамъ вышлютъ.

— Благодаримъ покорно!

Въ передней насъ встрѣтилъ Кан...: „Что, бунтуютъ?“

— Нѣтъ, ничего, только ужъ не сѣките ихъ. Я имъ сказалъ, что вы сѣчь ихъ не будете.

— Чортъ съ ними! Куда тутъ сѣчь, пожалуй, и самого приколотятъ.

— Да, пожалуй. Стариковъ и малолѣтковъ на работы не посылайте, я сказалъ, что посылать не будутъ. Кто не будетъ васъ слушать, то пишите мнѣ, а сами не трогайте.

Нѣмецъ повеселѣлъ. Бутырскіе офицеры отнеслись къ дѣлу почти безучастно. Правда, они не были веселы, но и того азарту, какъ у И. И—ча Б., не было и помину. За завтракомъ всѣ немного оживились, а нѣмецъ забылъ и хохловъ и бунтъ, и опять, что̀ твой остзейскій баронъ, поднялъ рыло! Закусывая, онъ взялъ яйцо и говоритъ: „Вотъ у насъ, въ Петербургѣ, совсѣмъ не то, что здѣсь: у насъ тамъ яйцо имѣетъ какой-то особенный ароматъ, а здѣсь—трава-травой! Вы, отецъ благочинный, бывали у насъ въ Петербургѣ?“—Думаю: ишь, сапожникъ, совсѣмъ зазнался.

— Да вы въ Петербургѣ-то, не бойсь, купите яичко, да и обнюхиваете его со всѣхъ сторонъ, съ которой бы стороны начать ѣсть-то его; а здѣсь-то у васъ ихъ тысячи, вотъ они и трава-травой.

Всѣ засмѣялись, а старикъ военный: „Да какъ еще тухлое, вотъ оно ему и поддаетъ аромату-то“.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ѣлъ ихъ тамъ много, много, ухъ, какъ много! Пріѣдешь, бывало, къ князю Куракину, у него всегда за завтракомъ яйца.

— А повыше Куракина—тоже яйцами угощали?

— Ну, вы все шутите!

Прощаясь, онъ все жалъ руку исправнику и просилъ: „Пожалуйста, пожалуйста!“... Исправникъ мнѣ сказалъ потомъ, что Кап... просилъ его чаще пріѣзжать къ нему, что онъ боится, какъ бы хохлы не вздули его.

VIII.

Въ слѣдующемъ селѣ, Алек—кѣ, помѣщикомъ былъ Пан..., служившій губернаторомъ въ С. Вся земля, со всѣми угодьями, была отдана крестьянамъ, за которую они платили только небольшой оброкъ и жили богато. Волѣ сначалѣ крестьяне обрадовались; но когда разъяснили имъ, что имъ отдадутъ только часть земли, что они эту часть должны будутъ выкупить, а остальная земля отойдетъ къ барину, но что баринъ, можетъ быть, имъ же отдастъ въ аренду, крестьяне задумались.

— Да что же это будетъ за воля, безъ земли, безъ лѣсу?

— Вамъ отведутъ часть, безъ земли не будете.

— Отведутъ, а много-ли отведутъ-то? Мы теперь ее засѣваемъ всю, а тогда куда дѣваться-то? Нѣтъ, ваше в—діе, ужъ лучше по прежнему. Кому нужна воля—на тебѣ волю, а кому не надо—ну, и не надо. Вы спросили бы сперва насъ: надо вамъ волю, аль нѣтъ? мы бы и сказали вамъ: бери ее, кто хочетъ, а намъ не надо.

— Дана воля всѣмъ барскимъ крестьянамъ. Для васъ другаго закона писать не будутъ. Этакъ тотъ запроситъ того, другой—другаго, что и не разберешь.

Много было толковано въ этомъ родѣ, но крестьяне остались съ большимъ горемъ.

IX.

Слѣдующее село О. было имѣніе помѣщика Стол. Помѣщикъ былъ человѣкъ очень богатый: имѣлъ нѣсколько тысячъ крестьянъ, винокуренные заводы, снималъ на откупъ винную продажу, или, какъ говорилось тогда, былъ откупщикомъ, и бывалъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Баринъ былъ, не говоря о другихъ его добродѣтеляхъ, сквернословъ ужаснѣйшій. Самая площадная ругань у него была дѣломъ совершенно обыкновеннымъ. Въ самыхъ обыкновенныхъ разговорахъ такъ хватитъ, что не успѣешь и ушей зажать. Но барыня, изъ рода І., была кроткая, добрая и набожная дама. Зимою, живя въ С., она нерѣдко приглашала изъ архіерейскаго дома іеромонаха служить всенощныя. Служатъ, барыня молится, а баринъ встанетъ въ дверяхъ съ длиннѣйшею трубкой, привалится къ косяку, цѣдитъ и баситъ: „Ну, скорѣй, скорѣй, батька, скорѣй!“ Жена только взглянетъ, и грустно опуститъ голову. Псарь онъ былъ страстный. Кромѣ тѣхъ собакъ, которыхъ держалъ онъ по деревнямъ, онъ держалъ огромную псарню въ С.

Въ селѣ, куда мы пріѣхали, священникомъ былъ одинъ хорошій мой знакомый, В**. Сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, онъ получалъ отъ барина по 300 р. и по сколько-то хлѣба въ годъ. Однажды ему чѣмъ-то досадилъ одинъ мужикъ; онъ въ-сердцахъ и сказалъ: „Собачникъ!“ Мужикъ пожаловался барину, а баринъ: „Не давать попу жалованья!“ Прошло три года. По зимамъ баринъ жилъ въ городѣ, а лѣтомъ, до глубокой осени, въ деревнѣ, гдѣ у него была и великолѣпная усадьба, и охота. Священникъ былъ человѣкъ и кроткій, и умный. Къ барынѣ, на ея половину, онъ ходилъ, а отъ барина бѣгалъ, боясь, чтобъ тотъ не обругалъ его по-своему. Священникъ просваталъ дочь и, по обыкновенію, нуждался въ деньгахъ. Разъ приходитъ къ нему управляющій имѣніемъ К. и говоритъ: „Вы, батюшка, я слышалъ, просватали дочку и, разумѣется, деньжонки нужны. Ступайте къ барину, онъ теперь веселъ, и велитъ выдать вамъ за всѣ года, а пожалуй, и прибавитъ. Вѣдь вы знаете его: разсердится—бѣги, а веселъ—предобрѣющій человѣкъ. Но только вотъ какъ это мы съ вами сдѣлаемъ: онъ купилъ двухъ щенковъ, заплатилъ шесть тысячъ

рублей; похвалите ихъ, вотъ вамъ и жалованье. Щенки породы.... а коль этой породы, то“.... и началъ перечислять: морда должна быть... грудь... хвостъ... и пр., и пр. „Вотъ если все это у собаки есть, то господа и цѣны имъ не знаютъ. Этакихъ-то баринъ и купилъ, заплатилъ шесть тысячъ и думаетъ, что еще дешево“. Священникъ отправился къ барынѣ; приходитъ туда и баринъ, чего прежде не бывало.

— Поди-ко посмотри, батька, мою покупку!

Смотритъ священникъ, въ гостиной на коврикѣ лежатъ два щенка, двѣ падали—шкура да кости.

— А что, каковы? Чего, по твоему, стоютъ?

Священникъ поворочалъ, посмотрѣлъ, подумалъ и говоритъ: „Для меня—попа, они не стоютъ и гривенника; а для охотника и знатока—имъ цѣны нѣтъ.

— Почему?

— А вотъ видите: грудь... носъ... хвостъ...

Словомъ, разсказалъ все, что говорилъ ему управляющій.

— Ты не дуракъ! А какъ ты думаешь, что я заплатилъ за нихъ?

— Да, я думаю, что не меньше десяти тысячъ.

— Нѣтъ, батя, нѣтъ! Всего только шесть! Нѣтъ, меня не надуютъ. Я не попъ, толкъ знаю. Будь у тебя деньги, съ тебя десять содралъ бы, а съ меня—погодишь!

— Да вѣдь имъ всего мѣсяца четыре. Развѣ они шести будутъ стоить?

— Ага, понялъ?!

Барыня догадалась, чьи тутъ штуки, улыбнулась и взглянула на управляющаго. Тотъ слегка улыбнулся.

— Попъ-то ты умный, да болтаешь много съ мужиками. Зачѣмъ NN. обругалъ псаремъ? Да я самъ, коль ты хочешь, первый псарь!.. Ты, слышь, дочь просваталъ и деньги, чай, нужны?

— Конечно, нужны.

— Василій! (управляющій) выдай ему за всѣ года; ну, пожалуй, прибавь ему тамъ что нибудь, сотни три—четыре. Пойдемъ къ барынѣ чай пить.

За чаемъ барыня украдкой отъ мужа сказала: „Молодецъ у насъ Василій, какъ онъ изучилъ характеръ мужа. Просто, иногда, смѣхъ“.

X.

Слѣдующее село было Л.-г., село небольшое, моя родина. Здѣсь мой батюшка былъ священникомъ. Помѣщиковъ тамъ было тьма-тьмущая, имъ же нѣсть числа. Изъ нихъ одинъ только имѣлъ душъ 200, а прочіе—кто десять дворовъ, кто пять, а кто и два. Изъ этого легіона Лачиновъ, Ч..., К..., К** и Б... стоятъ исторіи и потому я скажу о нихъ по нѣскольку словъ.

1. Лачиновъ. Кто онъ былъ по происхожденію и по службѣ—я этого не знаю, но знаю, что онъ въ С. гдѣ-то служилъ. Въ селѣ нашемъ онъ никогда не бывалъ; но жена его имѣла въ Л.-г. четыре двора крестьянъ, часто бывала тамъ и жила по-долгу; бывала у насъ въ домѣ и потому я зналъ ее хорошо. Это была добрая, кроткая и больная женщина. Мужъ ея, здоровенный мужчина, въ С. напьется пьянъ, расходится, вытащитъ барыню зимой на дворъ къ колодцу, раздѣнетъ донага, да и начнетъ обливать водой. Потомъ, полуживою и совершенно нагою, втащитъ въ конюшню, заставитъ кучера и лакея держать, а самъ и примется пороть розгами. Поретъ, а самъ приговариваетъ: „Вотъ я тебя нагрѣю, вотъ я тебя нагрѣю!“... Потомъ велитъ перевернуть, да еще!.. Натѣшившись до-сыта, втащитъ ее въ домъ и уложитъ подъ перину. Или: изорветъ на ней все дочиста, втащитъ за волосы въ конюшню, привяжетъ къ столбу, да и примется съ кучеромъ въ двѣ розги!... Иногда привязывалъ къ столбу задомъ, и сѣкъ по открытымъ частямъ. Если увидитъ, что кучеръ сѣчетъ легко, то и начнетъ хлестать его комлемъ розги по рылу. Сорвавши и на ней и на кучерѣ зло, отвяжетъ и погонитъ, также нагою, въ домъ. Несчастная споткнется, упадетъ, а онъ и кучеръ и начнутъ ее подстегивать съ обѣихъ сторонъ, пока она, на четверенькахъ, не доползетъ до жилья.

Въ тридцатыхъ годахъ староста приносилъ моему батюшкѣ читать барскіе приказы. Приказы эти я видѣлъ и читалъ ихъ. На клочкѣ бумаги баринъ писалъ: „Старостѣ Ванькѣ и всѣмъ вѣрноподданнымъ моимъ подлецамъ. Привезите 20 паръ вѣниковъ, да скорѣй“. или: „Подлецы. Скорѣй убирайте рожь и везите ко мнѣ“. Эти два приказа я помню хорошо. Всѣ и другіе барскіе приказы были такого же рода. Но и то, впрочемъ, нужно

сказать: много ли, въ то время, было не Лачиновыхъ? Всѣ почти помѣщики были Лачиновыми, если не по отношенію къ женамъ, то непремѣнно по отношенію къ крестьянамъ. А много было даже и почище его, хоть, напримѣръ, сосѣдъ его по имѣнію—К...

Что за времена были!—Лачиновъ, напримѣръ, жилъ и истязалъ жену свою не въ деревнѣ гдѣ нибудь, въ родѣ Л.-г., нѣтъ, а въ губернскомъ городѣ, въ центрѣ его и почти на открытой площади, среди бѣлаго дня. Я хорошо зналъ домъ его. Это мѣсто теперь застроено. Дворовое мѣсто дома было угловое; въ обѣ улицы тянулись долгіе и низенькіе заборы, уголъ былъ пустой, а самый домъ стоялъ въ сторонѣ,—рядомъ съ домомъ сосѣда; въ срединѣ двора былъ колодезь. Домъ—въ первомъ кварталѣ отъ собора, въ одномъ кварталѣ съ бывшимъ тогда домомъ губернатора, рядомъ съ кварталомъ, гдѣ архіерейскій домъ,—центръ города. И ничего, какъ будто такъ и быть подобало. Невозможно, чтобы сотни народу не смотрѣли на эту картину, и городское начальство не знало всего этого. Чудныя были времена, и давно-ли?

2. К... Это былъ богатый старикъ. Въ селѣ, гдѣ былъ мой батюшка, крестьянъ у него было дворовъ пять, потомъ въ деревнѣ этого же прихода дворовъ 50, и еще въ другихъ мѣстахъ, по многу.

Мой родной дядя, служившій въ гражданской палатѣ, однажды сдѣлалъ какое-то очень важное для К... дѣло и надѣялся получить отъ него нѣсколько сотъ рублей. Обдѣлалъ дядя дѣло и привозитъ къ К... Тотъ заметался во всѣ стороны: „Отецъ мой! Благодѣтель мой! Чѣмъ могу отблагодарить тебя!?“ Мечется во всѣ стороны, не знаетъ, гдѣ и усадить дядю, чѣмъ вознаградить за услугу. Потомъ схватилъ бумаги и вскрикнулъ: „э! знаю!“... И убѣгъ изъ комнаты. У К... въ С. при домѣ былъ садъ. Минуты черезъ двѣ К... вбѣгаетъ въ комнату къ дядѣ, подаетъ ему яблоко и кричитъ: „благодѣтель мой! Деньгами я стыжусь благодарить васъ; а вотъ вамъ яблоко съ любимой моей яблони, сама Марья Васильевна сорвала для васъ!“ И положилъ передъ дядей. Дядя вскочилъ, схватилъ яблоко: подлецъ,—говоритъ, хватилъ имъ К... и маршъ изъ дому. А К... вслѣдъ ему: ха, ха, ха!

Марья Васильевна тоже была штука! И у себя въ домѣ и въ церкви она усердно и по-долгу молилась на колѣняхъ. Стоитъ барыня дома на колѣняхъ, выкладываетъ кресты, закинетъ глаза

подъ лобъ, и вдругъ увидитъ, что какая нибудь Малашка сдѣлала что нибудь не такъ, какъ хотѣлось бы барынѣ, напримѣръ, стулъ поставила не такъ, нечисто смела, и т. п. что нибудь въ этомъ родѣ. Стоитъ барыня на колѣняхъ, занесетъ руку ко лбу, и вдругъ вскочитъ: „Малашка, ..., что ты дѣлаешь?“ И... бацъ, бацъ, по лицу, и—опять на колѣна: „Господи! Соблазнила меня эта . . . . ., помилуй меня!“ Или стоитъ на колѣняхъ барыня и молится, а въ это время горничная убираетъ ея комнату. Сердечныя изліянія барыня всегда выражала вслухъ. „Господи! Прости мнѣ, я вчера осудила!... А ты, Варька, нынѣ молилась?“

— Молилась, сударыня.

— Ужъ я думаю, что молилась! Чай, молилась, а сама на Ѳедьку глаза пялила. Господи! не оставь дѣтей моихъ, спаси и ихъ!...

Самъ баринъ своихъ барскихъ рукъ о мужицкое рыло не поганилъ. Когда онъ бывалъ въ деревняхъ, а онъ жилъ тамъ бо́льшею частію, за нимъ два кучера съ кнутьями, какъ тѣнь, слѣдили всюду: баринъ въ поле, кучера за нимъ; баринъ на мельницу, кучера за нимъ; баринъ на гумно, въ лѣсъ на охоту съ ружьемъ и пр. и пр.—кучера неотлучно. Лишь чуть что замѣтитъ баринъ неисправнаго—кучера и въ кнутья!

Однажды, онъ пріѣзжаетъ въ деревню батюшкина прихода, послѣ уборки сѣна, призываетъ старо́сту и спрашиваетъ:

— Что, убралъ сѣно?

— Убралъ, батюшка Е. А.

— Хорошо сѣно-то?

— Хорошо, батюшка Е. А.

— Зелено?

— Зелено, батюшка Е. А.

— Кнутьевъ!

Разложили старосту и принялись въ два кнута, а баринъ сидитъ, да приговариваетъ: „не коси траву рано, не коси!... Вѣдь она еще росла бы, росла бы; сѣна-то было бы больше, больше... Лупи его, шельму! Позвать его отца!“ Пришелъ отецъ старосты, старикъ лѣтъ 80-ти.

— Кнутьевъ!

Разложили старика и принялись полосовать, а баринъ: „учи сына, учи! Вѣдь трава-то, послѣ дождей, еще бы росла! А тебѣ,

староста, я завтра еще задамъ". Но, въ эту ночь, староста удавился... У себя подъ сараемъ онъ повѣсился.

Сѣченыхъ К... приказывалъ всегда поливать соленою водкой.

Вечеромъ, послѣ работъ, десятникъ ходитъ, бывало, по окнамъ, дѣлаетъ нарядъ и кричитъ во всю улицу: „завтра, Иванъ Митричъ, выходи на ригу, пшеницу молотить, а Ѳедосью сейчасъ (дочь-дѣвушку) посылай къ барину!" На завтра десятникъ стучитъ подъ слѣдующимъ окномъ и кричитъ: „завтра, Иванъ Кузьмичъ, ступай вѣять пшеницу, а Арину (жену) посылай сейчасъ къ барину". И такъ каждый вечеръ! Но двѣ дѣвушки, изъ прихода моего батюшки, такъ-таки и отбились: одна—утопилась, а другую онъ велѣлъ притащить къ себѣ и своеручно избилъ палкою. Несчастная почахла недѣли двѣ и умерла.

Объ этомъ господинѣ я могъ бы написать цѣлую книгу, потому что бездна была ужасовъ еще бо̀льшихъ. Но вспоминать обо всемъ беретъ омерзѣніе и отвращеніе, и писать нѣтъ болѣе охоты.

З. Ч... До поступленія моего батюшки въ это село (въ 1827 г.) лѣтъ за пять, Ч... уѣхалъ въ Казанскую губ. Но батюшка мой жилъ, до этого, въ трехъ верстахъ отъ Л.-г. и зналъ Ч. лично и хорошо. Многое слышалъ я о Ч... и отъ батюшки, а еще больше отъ крестьянъ.

Ч... служилъ на уральскихъ заводахъ. Съ небольшимъ чиномъ, но съ большими деньгами онъ пріѣхалъ въ Л.-г. и купилъ самую крупную часть села. Бывши холостымъ, онъ вывезъ съ Урала дѣвку-казачку, Аришу. У Ариши здѣсь родились двѣ дочки—Параша да Наташа. Когда Парашѣ минуло 9 лѣтъ, а Наташѣ 7, Ч... съ Аришей повѣнчался. Двѣ барышни, Параша да Наташа, въ бѣленькихъ платьицахъ, смотрѣли въ церкви какъ вѣнчались ихъ папаша съ мамашей. Повѣнчалась Ариша, и стала Ариша—Ариной Петровной, барыней.

Ч... какъ и К..., своихъ рукъ не маралъ о мужицкое рыло, но и не отвлекалъ, какъ тотъ, своихъ кучеровъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей. Расправу съ крестьянами онъ дѣлалъ еще проще: онъ надрессировалъ свою лягавую собаку такъ, что она рвала всякаго, на кого онъ притравитъ, и рвала такъ, какъ онъ скажетъ,—кого за икры, а кого повыше. Лишь только какое нибудь преступленіе—сейчасъ собака рвать: пашетъ мужикъ мелко—собака; коситъ не чисто—собака; укралъ что нибудь мужикъ у

барина—собака. Но если случались важныя преступленія, возбуждающія весь барскій гнѣвъ, тогда онъ поролъ, а собака уже на загладку. Однажды одинъ изъ дворовыхъ его людей, и вдобавокъ живописецъ, уѣхалъ въ сосѣднее село на базаръ, не спросясь барина. Баринъ велѣлъ раздѣть его донага, вывести на средину двора, подать себѣ кресло и начать сѣчь... И плечи, и руки, и ноги, и спина—все было изсѣчено; человѣкъ весь облитъ былъ кровью. Баринъ велѣлъ перестать сѣчь и заставилъ его идти домой. Едва живой, поплелся, было, несчастный, но баринъ натравилъ собаку, и та, тутъ же на мѣстѣ, изорвала его до смерти. Священникъ не сталъ хоронить.

При Ч... былъ священникомъ нѣкто Аѳанасій Ремезовъ. Мужчина Ремезовъ былъ здоровенный, силачъ и озарникъ, какихъ мало. Впослѣдствіи, за то, что онъ разбивалъ кабаки и дѣлалъ фальшивыя деньги, его сослали въ каторгу. Три раза онъ оттуда бѣгалъ, пойманъ былъ на разбоѣ и винился въ душегубствѣ. Не задолго передъ тѣмъ временемъ, какъ Ч... затравилъ человѣка, Ремезовъ былъ переведенъ въ сосѣднее село. Услышавши, что баринъ въ несчастіи, что попъ не хоронитъ загрызеннаго собакой, онъ пріѣзжаетъ въ Л.-г. и отправляется къ барину.

— Вы засѣкли Митьку? Андрей (священникъ) не хоронитъ? Хочешь, баринъ, коль Андрей не хоронитъ, такъ старый твой другъ Аѳанасій похоронитъ?

— Сдѣлай милость, схорони! Что возьмешь?

— Сто рублей.

А сто рублей тогда стоили много больше, чѣмъ нынѣшняя тысяча. Баринъ зналъ, что Аѳанасій молодецъ на всѣ руки, радъ случаю избавиться отъ бѣды, не долго думая и вынесъ ему мѣшокъ цѣлковыхъ. Аѳанасій взялъ деньги и говоритъ: „кладите въ гробъ, а я сейчасъ пойду возьму ризы и кадило“. Положили покойника въ гробъ, собрался народъ, пришелъ баринъ, ждутъ попа, а попа нѣтъ. Ждали—ждали, наконецъ баринъ посылаетъ за нимъ на постоялый дворъ. Но хозяинъ двора говоритъ, что попъ Аѳанасій давнымъ-давно уѣхалъ; что онъ, какъ пришелъ отъ барина, то не входилъ и въ избу,—сейчасъ запрягъ лошадь, да и съѣхалъ задними воротами и, чай, давно ужъ пьянствуетъ въ своемъ кабакѣ. Такъ 100 р. и пропало. Собаку баринъ до

того любилъ и такимъ считалъ ее охранителемъ, что не разставался съ ней ни днемъ, ни ночью.

Затянулось слѣдствіе. Слѣдователи велѣли барину убить собаку. Раззорился баринъ, но все-таки оправдался. Послѣ этого баринъ сѣкъ, накрывши сперва людей тонкимъ мокрымъ полотномъ. Но, черезъ годъ, опять засѣкъ. На этотъ разъ свидѣтели дали такое почти показаніе, что мужикъ самъ себя засѣкъ, и баринъ остался совершенно чистъ. Немного спустя, онъ засѣкъ третьяго. Но тутъ онъ вину свалилъ на старосту; старосту сослали въ Сибирь, и баринъ остался правъ.

Жена его Арина Петровна была тоже ягода!—На каждомъ шагу, каждую минуту она шпѣла, щипала и рвала дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Иногда она разозлится, шлепнется на стулъ, протянетъ ногу и кричитъ: „разувай, дай башмакъ, становись на колѣна, заложь руки назадъ!“ и начнетъ башмакомъ хлестать по лицу! Видъ крови приводилъ ее въ совершенное бѣшенство: какъ только увидитъ, что изъ носу, изо рта или ушей полила кровь,—она вскочитъ и, уже безъ памяти, рветъ щеки, и губы, и волосы; повалитъ и, какъ звѣрь, начнетъ и мять и рвать все, что подъ ней: щиплетъ, хлещетъ, рветъ,—сама растреплется, раскосматится, въ возѣ изорветъ все и на себѣ, у рта пѣна, слюни брызжутъ,—полнѣйшее бѣшенство! Оторвется ужъ только тогда, когда сама выбьется совсѣмъ изъ силъ и упадетъ на стулъ совсѣмъ обезсилѣвши. Откинется на стулъ, а сама только: а! а! а!... Въ подобномъ состояніи мнѣ не разъ приводилось видѣть любителей париться: наподдастъ иной такой въ банѣ чуть не до воспламененія, залѣзетъ на полокъ и лупитъ себя вѣникомъ до неистовства; свалится, потомъ, на полъ или лавку, охаетъ и мечется во всѣ стороны. Такъ бывало и съ Ариной Петровной. Въ такой именно моментъ пришла, однажды, къ ней моя матушка. Арина Петровна, растрепанная, съ оторваннымъ у платья бокомъ, раскинулась и, въ совершенномъ изнеможеніи, охаетъ: „охъ! а! измаялась я съ тобой!“... А въ сторонкѣ стоитъ женщина, коровница Пелагея, вся изорванная, и надрывается—плачетъ.

Послѣ третьяго забитаго мужика Ч... уѣхалъ въ Казань покупать другое имѣніе. Безъ него его барыня сѣкла мужика до того, что онъ не всталъ и съ мѣста,—такъ подъ розгами и померъ.

Порастрясли суды и барыню, но все-таки оправдали. При мосмъ уже батюшкѣ она предана была церковному покаянію.

Баринъ уѣхалъ въ Казань, купилъ тамъ деревню крестьянъ и болѣе въ Л.-г. не возвращался, оставивши свою дражайшую половину навсегда. Онъ отдѣлилъ ей седьмую часть, а остальное отдалъ дочерямъ. Но старшая вскорѣ померла, а младшая вышла замужъ за коллежскаго ассесора, нѣкоего Петра Ивановича К**. Такимъ образомъ все имѣніе перешло къ Натальѣ Павловнѣ, и сдѣлалась настоящею барыней Наталья Павловна! Но это яблочко недалеко упало отъ своей яблоньки: дочка была сколокъ съ своей мамаши!

Мамаша и дочка скоро разошлись по разнымъ домамъ. Дочь осталась жить въ старомъ домѣ, а мамаша выстроила себѣ другой, на другомъ концѣ села. Арина Петровна не долго управляла своею частью: лѣтъ черезъ пять—шесть она пропила все, и дочка не принимала ее даже въ домъ. Когда у моего батюшки сгорѣлъ домъ, а Аринѣ Петровнѣ нечего уже было пропивать, то она продала свой домъ батюшкѣ, а сама стала скитаться по мужицкимъ избамъ, и страшно бѣдствовала: ей пришлось проводить день и ночевать тамъ, гдѣ ее примутъ; поѣсть то, что ей дадутъ; лечь спать въ мужицкой, душной, грязной и тѣсной избѣ тамъ, гдѣ ей укажутъ бывшіе ея крестьяне, которыхъ она прежде чуть не грызла зубами. Добръ русскій простой народъ, зла не помнитъ! Послѣ многихъ уже лѣтъ такого скитанья дочь дозволила своей мамашѣ жить въ одномъ изъ маленькихъ флигельковъ своего двора, давши ей въ услуженіе ту женщину, у которой она засѣкла мужа.

XI.

Барскій домъ Натальи Павловны былъ расположенъ на полугорѣ, съ садомъ къ низу; передъ балкономъ къ саду было нѣсколько кустовъ мальвы, по одну сторону гряды крыжевнику и смородины, по другую—капусты, моркови и пр. Вы входите въ домъ. Переднею служитъ долгій и совершенно темный корридоръ; здѣсь васъ встрѣтитъ, какъ огородное пугало, босоногій, въ курткѣ и дубленыхъ, толстыхъ холщевыхъ панталонахъ, съ взъерошенными космами, мальчишка—лакей. Налѣво дверь въ большую комнату. Тутъ

стоитъ ткацкій станокъ, за которымъ сидитъ испитой труженикъ, долговязый Павелъ, и ткетъ, поурочно, барскія полотна. Въ сторонѣ отъ него, въ одномъ углу, сидитъ Кириллъ-сапожникъ и точаетъ господамъ обувь; если обуви самимъ господамъ не нужно, то онъ работаетъ имъ на продажу. Въ другомъ углу сидитъ полуслѣпой Иванъ Григорьевъ, старикъ лѣтъ 70-ти, и шьетъ господамъ мужское и женское платье. Всѣмъ этимъ вѣчнымъ труженикамъ работа давалась на урокъ, за которымъ они просиживали и дни и ночи, не зная себѣ праздника во всемъ году, развѣ только св. Пасхи. Направо дверь въ билліардную. Въ концѣ корридора входъ въ залу. Рядомъ, объ стѣнку съ мастерской,—дѣтская, въ которую нужно проходить чрезъ дѣвичью, съ другаго крыльца. Дѣтская, такимъ сбразомъ, находилась между двумя рабочими комнатами. Въ дѣвичьей сидѣло дѣвокъ 15—20 и постоянно, поурочно, плели кружево и вышивали. Эти тоже сидѣли и день и ночь, до проспдней, съ подбитыми глазами и спняками отъ щипковъ по всему тѣлу.

Въ барскомъ семействѣ были: баринъ Петръ Ивановичъ, барыня Наталья Павловна и дѣточки,—молодые господа, какъ ихъ велѣно было звать,—Пашенька, Аполлонушка, Ростинька и Мишенька. Петръ Ивановичъ былъ страшно толстъ. Весь свой вѣкъ онъ сидѣлъ съ трубкой,—зимой у окна, а лѣтомъ на балконѣ. Я не видывалъ, чтобъ онъ когда нибудь прошелся и что нибудь взялъ въ руки—газету, книгу или что нибудь,—сидитъ себѣ, и только. Церковь въ Л.-г. маленькая. Какъ придетъ, бывало, зимой Петръ Ивановичъ въ церковь въ своей медвѣжьей шубѣ,—такъ всю церковь и займетъ. Кромѣ того, что онъ пройдетъ по церкви, а дома—отъ постели къ окну, отъ окна къ шкапчику, отъ него опять къ окну, а тамъ въ столовую и до постели, онъ едва-ли прошелъ и 20 верстъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, какъ я зналъ его. Сидитъ себѣ съ трубкой, пыхтитъ,—и больше ничего. Въ домѣ нѣтъ ни газеты, ни единой книжонки,—ровно ничего, кромѣ грошовыхъ азбукъ для своихъ „молодыхъ господъ“. Бывало, смотришь на него и думаешь: чѣмъ занята его голова, о чемъ онъ думаетъ? Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ онъ даже и не думалъ ни о чемъ. Сидитъ Петръ Ивановичъ, и расползается во всѣ стороны!

Идетъ садовникъ съ бабами мимо барина.

— Ты куда идешь, капусту поливать, аль морковь?

— Капусту, сударь.

— Ну, ступай!

И выпуститъ густой клубъ дыму. Я знаю, и никогда не могу забыть, одно только его путешествіе, гдѣ онъ обошелъ всѣхъ своихъ крестьянъ и побывалъ во всѣхъ ихъ амбарахъ и перешарилъ всѣ хлѣвы и овины. Однажды былъ страшно-бѣдственный, голодный годъ. Голодъ былъ вотъ каковъ: моя матушка насыплетъ утромъ рѣшето сухарей, да и даетъ, потомъ, по одному сухарю каждому нищему. И рѣшета на день не доставало. Значитъ, что нищихъ приходило къ ней болѣе 200 человѣкъ въ день. Еще осенью, въ это страшно-голодное время, баринъ и пошелъ осматривать всѣ крестьянскіе дома и обшаривать всѣ ихъ уголки.

Какъ вы думаете, читатели, зачѣмъ баринъ обшаривалъ всѣ крысиныя норки? Думаю, что вы догадались, и прямо отвѣтите безъ запинки—чтобы помочь въ нуждѣ несчастнымъ и болѣе другихъ нуждающимся дать хлѣбъ? Но я скажу вамъ, что вы немного не отгадали—затѣмъ, чтобы у всѣхъ отнять послѣднее!.... Онъ отобралъ у всѣхъ пшеницу. По селу поднялся плачъ, вой, визгъ!.. Батюшка мой, на другой день, пошелъ къ нему и говоритъ: „Что вы сдѣлали, Петръ Ивановичъ?! Вы отобрали у крестьянъ пшеницу, но вѣдь они теперь же умираютъ съ голоду, что же они будутъ дѣлать зимой, что будутъ сѣять весной? У нѣкоторыхъ вы отобрали столько, что имъ на всю семью стало бы на ползимы. Теперь, что они будутъ дѣлать?“

— Вы, батюшка, ничего не знаете! Еще мужику въ голодъ ѣсть пироги! Пшеничнаго-то хлѣба нужно по хлѣбу въ день на каждаго, а ржанымъ однимъ хлѣбомъ они всѣ наѣдятся. При томъ: съ ржанаго мужикъ бываетъ сильнѣй. Я имъ всѣмъ выдамъ, вмѣсто пшеницы, ржи, и выдамъ безобидно: сколько у кого взялъ, столько и отдамъ. Вы, батюшка, не видѣли у насъ подъ садомъ въ кручѣ розовую глину? Сырая она—настоящее тѣсто; я жевалъ ее, она очень питательна, изъ нея можно хлѣбы печь. Я велю крестьянамъ брать ее. Гдѣ есть такая глина, тамъ съ голоду не умруть,—это, просто, кладъ.

На другой день баринъ призвалъ старосту и велѣлъ ему приказать крестьянамъ брать подъ садомъ „питательную глину“. Пошли бабы, набрали „питательной глины“, замѣсили по лепеш-

кѣ, бросили въ печь,—изъ мокрой глины вышла сухая глина. Прибавили мучки—опять стала глина; прибавили муки, сдѣлали попаламъ съ мукой,—все-таки глина. Такъ-таки глина глиной и осталась, какъ ни ухитрялись бабы. Между тѣмъ пшеницу отобрали, а ржи не выдали.

Баринъ, какъ я сказалъ, былъ необыкновенно толстъ, за то барыня—маленькая, худенькая, щедушненькая, но съ вострыми, змѣиными глазами. Она безустанно цѣлый день вездѣ шныряла, на всѣхъ шипѣла и щипала. Первымъ дѣломъ барыни, какъ только встанетъ, было идти въ скотную избу и смотрѣть какъ скотница снимаетъ сливки и сметану. Барыня сама перемѣритъ, взвѣситъ и отдастъ бить масло. Сыворотку и масло снова перемѣритъ, взвѣситъ и спрячетъ. Отъ птичницы приметъ яйца и уложитъ; побываетъ въ амбарахъ, кладовыхъ, на птичномъ и скотномъ дворахъ, въ рабочей у ткача, смѣритъ выполнилъ-ли онъ урокъ; посмотритъ, что сдѣлали портной и сапожникъ; посмотритъ и перемѣритъ сдѣлали-ли урокъ дѣвки, перещиплетъ, переколотитъ и, потомъ уже, убравшись совсѣмъ, малую толику выпьетъ, закуситъ и сядетъ пить чай.

За обѣдомъ стояло всегда, за каждымъ стуломъ, по босоногому мальчишкѣ или босоногой дѣвчонкѣ и, кромѣ того, лѣтомъ кто нибудь и отмахивалъ большою вѣткой мухъ отъ всего стола. Случалось при насъ, что кто нибудь изъ прислуги уронитъ тарелку и она, конечно, разлетится въ дребезги. Хлопнетъ тарелка, и всѣ: ахъ! повыскочатъ изъ-за стола, стоятъ кружкомъ и смотрятъ на черепки. При такомъ страшномъ событіи не удержится и самъ Петръ Ивановичъ: пыхтя вылѣзетъ изъ кресла, станетъ надъ черепками и смотритъ: „вотъ, шельма, разбила? Ну, теперь и покупай!“ Долго толкуютъ господа надъ черепками и потомъ, мало по малу, усядутся снова и начнутъ трапезовать. Очень нерѣдко случалось, что придетъ къ моей матушкѣ дѣвчонка и валяется въ ногахъ: „матушка, дай Христа ради тарелочку, я разбила барскую, велятъ кушить, а я откуда возьму денегъ!“ Сжалится матушка, дастъ. Случалось, что придетъ матушка къ барынѣ, а она и подаетъ ей чаю, или сама пьетъ—изъ матушкиной чашки, которую матушка дала дѣвчонкѣ, не стыдясь нимало, потому что убыли ни въ чемъ барскомъ не полагалось. Весной, напримѣръ, вывелись цыплята, утята, гусята,—барыня пересчитаетъ, запишетъ, и

осенью птичницы должны представить барынѣ все, какъ у ней записано. Сдохъ цыпленокъ или утенокъ—значитъ птичница плохо ухаживаетъ,—подай; утащилъ ястребъ—значитъ плохо смотрѣли, прозѣвали,—подай. Пропадетъ что нибудь—ну, птичницы и шныряютъ, чтобы украсть гдѣ нибудь. Моя матушка сначала водила и утокъ и гусей, но потомъ все бросила. Барскія стада птицы большія и, навѣрное, убыли должно быть больше, чѣмъ все наше стадо. Ну, къ осени и покрадутъ все. А у мужиковъ, бывало, барскіе пастухи безпрестанно крадутъ то ягнятъ, то овецъ, чтобъ пополнить барское стадо.

Барскими работами крестьяне были задавлены; но кромѣ того, что они ходили по три дня на барскія работы, они часто отрабатывали барскіе уроки въ свои дни. Прикажутъ, напримѣръ, сжать столько-то; крестьяне сдѣлать этого никакъ не могли въ три барщинскіе дни, ну, и доработывай въ свои; прикажутъ обмолотить, вспахать и пр. извѣстное количество; крестьяне не смогутъ, ну, и пашутъ и молотятъ въ свои дни. Кромѣ этого, мужикъ былъ обязанъ давать каждогодно по яркѣ и барану, а если этого нѣтъ, то телку; нѣтъ этого—хоть укради, а давай. Женщинѣ выдавалось 10 ф. льну, а она должна была представить 10 ф. самыхъ тонкихъ нитокъ, для барскихъ полотенъ; льну не хватало и на половину, но барыня знать этого не хотѣла—она выдала льну 10 ф. Должна представить 50 шт. яицъ, 5 ф. коровьяго масла, 5 ф. овечьей шерсти, 2 ф. ядеръ степныхъ бобовъ, 10 ф. ежевики или клубники и два ведра грибовъ. Все это барыня сама взвѣшивала и принимала.

Предъ каждыми крестинами барыня присылала моему батюшкѣ записку, какъ назвать ребенка. Это для того, чтобы батюшка не далъ крестьянскому ребенку имени членовъ господскаго семейства.

— „Я вовсе не хочу,—говорила барыня,—чтобы мужики искажали мое имя, или имя моихъ дѣтей. Мужики Наталью зовутъ Наташкой, Петра—Петькой. Я этого не желаю“.

Въ нашемъ же селѣ былъ, и жилъ возлѣ церкви, генералъ Б..., имѣвшій крестьянъ дворовъ 10—15. Послѣ обѣдни батюшка, прежде, подавалъ крестъ то Б..., то К**, кто поближе стоялъ. Но вотъ въ одно время К** и его семейство не стали подходить къ кресту. Батюшка мой не могъ понять, что это зна-

читъ. Однажды онъ приходитъ къ К**; тотъ ему и говоритъ: „Б... — генералъ на войнѣ, а я — генералъ здѣсь. Б... имѣетъ 10 дворовъ крестьянъ, а я 250. Поэтому вы должны всегда предпочесть меня передъ нимъ во всемъ, а также и въ томъ, чтобы въ церкви крестъ подавать сперва мнѣ и дѣтямъ, а тамъ ужъ кому знаете. Если вы, хоть разъ, подадите крестъ сперва Б..., а мнѣ послѣ него, то я не буду подходить никогда и запрещу крестьянамъ служить молебны по домамъ на св. Пасху и праздники, да и самъ не буду принимать васъ". Батюшка мой сказалъ объ этомъ Б... Тотъ: „сдѣлайте милость, давайте ему! Мнѣ это рѣшительно все равно. А на св. Пасху идите сперва къ нему, потомъ обойдите всѣхъ его крестьянъ, а тамъ милости просимъ и ко мнѣ. Чтожъ онъ давно этого не сказалъ!"

Послѣ обѣда полягутся всѣ господа спать. Во все время, пока спятъ баринъ, барыня и мальчишки-дѣти, дѣвочки стоятъ у кроватей и отмахиваютъ мухъ зелеными вѣтками, стоя и не сходя съ мѣста. По ночамъ у барыни и у всѣхъ дѣтей были сказочницы. Ляжетъ барыня спать, а на полу сядетъ старуха и затянетъ Еруслана Лазаревича, Бову Королевича. И это: одно и то же, одно и то же, каждую ночь,—недѣлю, мѣсяцъ, годъ, два... Не это-ли, можетъ быть, и усыпляло барыню: нынѣ Еруславъ, завтра Еруславъ—весь вѣкъ? Не правда-ли, что это хуже всякой пытки? Но для людей такого рода, Еруславъ, Еруславъ и Еруславъ—были одуряющими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усыпляющими средствами.

У мальчиковъ-дѣтей: одна дѣвочка вѣткой отмахивала мухъ, другая говорила сказки, третья гладила пятки. Удивительно, какъ было распространено это, — и сказки и пятки, — и передавалось изъ столѣтія въ столѣтіе! Читая мои разсказы, всякій имѣетъ полное право заподозрѣть меня во лжи,—что я сочиняю и разсказываю вычитанныя гдѣ нибудь старыя сказки, разсказываю—чего, на самомъ дѣлѣ, не было. А между тѣмъ я говорю совершеннѣйшую правду. Кто изъ людей пожилыхъ возьметъ на себя трудъ передать новымъ поколѣніямъ то, чему онъ былъ очевидцемъ въ молодости, то сочинять ему совсѣмъ нѣтъ нужды. Наша матушка-старина богата, даже съ избыткомъ, такими фактами, о которыхъ нынѣшнему поколѣнію не придетъ въ голову и

во снѣ. Есть о чемъ написать, была бы охота сохранить это старое для новыхъ поколѣній.

Когда барчуки подросли, то имъ приставлялись только сказочницы. Сидитъ дѣвочка на краю кровати и тянетъ: И-ва-нъ Ца-ре-ви-чъ.... И барчукъ лежитъ и выдѣлываетъ съ ней штуки... Наконецъ, „молодой баринъ“ засопѣлъ. Дѣвочка перестала говорить и тихонько привстала. Барчукъ вскочитъ, да бацъ въ лицо!... „Ты думаешь, что я уснулъ? Я это нарочно—обмануть тебя“. Дѣвочка, въ слезахъ, опять затянетъ: И-ва-нъ Ца-ре-ви-чъ.....

Село Л.-г. при большой рѣкѣ, между горъ и лѣсовъ. Надъ селомъ возвышается высокая гора, съ обрывомъ къ селу и покрытая лѣсомъ; въ горѣ множество глубокихъ овраговъ. Эта мѣстность, по преданію, служила притономъ разбойникамъ. Но и въ то время, когда К** были помѣщиками, разбойники появлялись большими шайками и грабили К** чуть не каждое лѣто. Проносится вдругъ слухъ, что на горѣ въ лѣсу видѣли двоихъ или троихъ съ бритыми головами, значитъ — бѣжавшихъ изъ остроговъ. Господа призадумаются. Пойдутъ бабы за грибами или орѣхами, бѣгутъ оттуда къ господамъ какъ сумасшедшія, размахиваютъ руками и кричатъ, что онѣ видѣли человѣкъ 10 бритыхъ съ ружьями, съ ножами, что они всѣ бросились за бабами и что онѣ насилу убѣгли отъ нихъ. Господа начнутъ припрятывать все лишнее подальше. Пріѣзжаетъ, прямо изъ лѣсу, полѣсовщикъ и докладываетъ господамъ: „ѣду я по тропинкѣ, вдругъ изъ-за куста бросились на меня двое, схватили лошадь подъуздцы и потащили. Я испугался и говорю: пустите, братцы, Христа ради! я вамъ не помѣха; а они говорятъ: иди, куда ведутъ. Вотъ и привели меня въ козій оврагъ. Тамъ ихъ человѣкъ 15, и все въ красныхъ рубахахъ, головы до половины у всѣхъ бритыя, сидятъ и пьютъ вино. А ужъ этихъ ружьевъ, пистолетовъ, ножей,— страсти Божьи! Одинъ, видно—нàбольшій, и говоритъ: такъ и такъ, ты чьей барщины? я говорю, что-молъ—господъ К**. А самъ трясусь, какъ осиновъ листъ,—зарѣжутъ, думаю, разбойники! Ты, говоритъ, насъ не бойся, съ тебя намъ взять нечего, а вотъ господамъ своимъ скажи, что мы скоро придемъ къ нимъ въ гости. Поднесли и мнѣ стаканчикъ. Винюсь вашей милости, выпилъ. Ну, говоритъ, теперь ступай домой, и господамъ своимъ скажи“.

Тутъ господа начнутъ прибирать все ужъ не на шутку: двери

заколачиваютъ, ставни забиваютъ, сундуки прячутъ, серебро и лучшія вещи въ подвалъ, на подволоку. Побросаютъ свою работу и ткачъ, и сапожникъ, и дѣвки; господа суетятся, мечутся изъ угла въ уголъ, домъ опустѣетъ совсѣмъ, приберутъ все, и ждутъ... Проходитъ недѣля, двѣ,—ничего нѣтъ. Въ это время двадцать разъ позовутъ и бабъ, и полѣсовщика, и двадцать разъ переспросятъ, что̀ они видѣли и слышали. Но вотъ, въ одну темную ночь, съ обрыва горы, изъ ружей бацъ, бацъ, пять, десять, пятнадцать!... А барскій домъ отъ обрыва всего сажень 300. Караульные бѣгутъ изъ саду и въ испугѣ докладываютъ господамъ, что „съ горы сходятъ разбойники, и что ихъ видимо-невидимо!“ Всѣ бросаются въ залъ, баринъ командуетъ: „ты, Петька, возьми ружье, и ты, Васька“... Вооружится и самъ. „Бѣгите на колокольню, бейте въ набатъ. Заколотить всѣ двери, окна!“ Всѣ стоятъ, и господа и прислуга, кто съ чѣмъ, и ни живы, ни мертвы. На колокольнѣ забили въ набатъ, а стрѣльба все ближе да ближе!... Страхи!... Народъ зашумѣлъ около барскаго дому, обступилъ садъ, но въ садъ идти боится. А разбойники то тутъ выпалятъ изъ ружья, то тамъ, то въ третьемъ мѣстѣ,—по всему саду. Народъ шумитъ, оретъ, а имъ и горя мало. Въ домѣ ждутъ каждую минуту, что вотъ-вотъ начнутъ ломать окна и двери, души ни у кого нѣтъ! Проходитъ часъ и два... Наконецъ, стрѣльба стала дальше и дальше. Залпъ съ обрыва, и все утихло. Оживутъ всѣ, баринъ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобъ караульные обступили весь домъ. А народъ потолпится, потолкуетъ и разойдется.

Въ то время, какъ идетъ стрѣльба, бьютъ въ набатъ и все село суетится около дома К**, генералъ Б.... сидитъ съ женой у себя на крыльцѣ, покуриваетъ свою дорогую сигару и посмѣивается. Б.... былъ человѣкъ съ хорошими средствами. Онъ жилъ въ Л.-г. потому, что тутъ хороша мѣстность; но у него была хорошая суконная фабрика въ другой губерніи..... Такъ вотъ онъ, въ такое страшное для всѣхъ въ Л.-г. время, сидитъ да посмѣивается.

Утромъ докладываютъ К**, что въ саду не осталось ни одного яблочка, амбаръ разбитъ, мука и крупа вытащены, кладовая и подвалъ, что въ саду, разбиты, и ни масла, ни окороковъ, ни наливокъ, ровно ничего нѣтъ. Пойдутъ сами господа и, какъ послѣ пожара, хоть бы яблочко, хоть бы бутыль съ наливкой,

хоть бы одинъ окорочокъ,—все пусто. Въ амбарѣ: мука разсыпана по полу, разсыпана крупа, пшено, горохъ, насыпано всего и около амбара, просто жалость: все пусто! На многихъ возахъ увезено все это!

Сейчасъ за становымъ. Становой всѣхъ переспроситъ. Тотъ показываетъ, что его разбойникъ ударилъ коломъ; другой, что его чуть не зарѣзалъ; третій, что его совсѣмъ, было, застрѣлили. Ужасти, да и только! Соберетъ становой всѣхъ К**—скихъ мужиковъ и пойдетъ съ ними въ горы ловить разбойниковъ. Ходятъ-ходятъ, исходятъ всѣ и горы и овраги, а разбойниковъ нѣтъ да и только. Наконецъ, гдѣ нибудь въ оврагѣ найдутъ ихъ станъ. Тамъ объѣдки арбузовъ, дынь, яблоковъ, разсыпана мука, крупа, пшено... но ничего путнаго нѣтъ, все прибрано. Посмотрятъ, потолкуютъ, подивятся, да и пойдутъ домой. Становой получитъ отъ господъ за труды и уѣдетъ.

Но всѣ эти страсти были такого рода: согласятся К**—скіе крестьяне порастрясти господъ и уладятъ дѣло. Всѣ это знаютъ, всѣ до единаго—и старый, и малый, и дворня,—знаютъ всѣ, кромѣ господъ. Вотъ и начнутъ подводить по немногу: бѣжитъ изъ лѣсу баба и кричитъ, что видѣла бѣглыхъ, а сама ихъ съ роду и не видывала. Бѣгутъ изъ лѣсу 20 бабъ и дѣвокъ и разсказываютъ господамъ ужасти про бритыя головы, а сами и въ лѣсъ-то не ходили. Скачетъ полѣсовщикъ и разсказываетъ то, чего ему и во снѣ не бредилось. А господа все трусятъ, да трусятъ и все больше и больше. Наконецъ, видятъ крестьяне, что господа страху набрались, соберется человѣкъ 15 съ ружьями, войдутъ на гору и примутся стрѣлять. Забили въ набатъ, сбѣгутся всѣ, да и примутся кто за что: кто за яблоки, кто въ амбаръ, кто въ кладовую,—кто куда, лишь бы поскорѣе. А другіе только стоятъ около дому да орутъ. Разграбятъ все, да и въ оврагъ—дѣлить. Дѣлежъ былъ круговой и самый вѣрный: возьмутъ тѣ, которые брали, дадутъ и тѣмъ, которые только кричали; попрячутъ по овинамъ, по гумнамъ, и пойдетъ, втихомолку, пиръ на весь міръ!....

Объ этихъ продѣлкахъ знали всѣ, зналъ и генералъ Б...; поэтому-то онъ сидѣлъ, да посмѣивался. Что всего тутъ удивительнѣе, такъ это то, что хотя бы разъ случилось, чтобъ одинъ кто нибудь выдалъ. Удивительное, даже непонятное, у всѣхъ было единодушіе. Единодушіе это можно объяснить только общею

и крайнею ненавистью. При томъ, при такомъ всеобщемъ единодушіи, выдавать было и не безопасно, для кого бы то ни было, хотя-бы даже для самого генерала Б...

Разбойники нападали, такимъ образомъ, на К** чуть не каждый годъ, а бахчи,—такъ это опустошали непремѣнно каждое лѣто. Какъ только созрѣютъ дыни и арбузы, смотрятъ, а караульщикъ и ползетъ къ барскому дому со связанными руками и ногами и съ тряпкой во рту. Освободятъ несчастнаго отъ веревокъ и тряпки, онъ и разсказываетъ ужасти: „пріѣхали, — говоритъ,—человѣкъ пятнадцать, избили меня, связали и руки и ноги, всунули мнѣ въ ротъ тряпку, чтобъ я не кричалъ, обобрали всѣ бахчи и уѣхали. Чьи это были люди, я не знаю, должно быть—чьи нибудь дальніе". Но на самомъ дѣлѣ было такъ: пріѣдутъ свои однобарщенники, оберутъ, вмѣстѣ съ караульнымъ, барскія бахчи, да и уѣдутъ. А караульный, потомъ, подойдетъ съ ними къ барскому дому, пока господа еще спятъ, тутъ свяжутъ ему и руки и ноги, бросятъ ему тряпку, онъ и стоитъ. Какъ только господа встанутъ, то кто нибудь изъ дворни подойдетъ къ нему, всунетъ въ ротъ тряпку, и поведетъ къ нимъ. Господа суетятся, охаютъ, ахаютъ, а все село ѣстъ арбузы, потихоньку, на доброе здоровье.

Село Л.-г. построено въ два порядка. На К** работали ихъ крестьяне: первые три дня одинъ порядокъ, вторые три — другой. Во время возки съ поля сноповъ и поѣдутъ всѣ крестьяне за снопами, одни за барскими, другіе за своими. Но они ѣздили такъ: въ то время, когда одни возвращаются съ барскими снопами, другіе ѣдутъ за своими и встрѣчаются на дорогѣ въ полѣ. Ѣдущіе съ барскими снопами и бросаютъ и бросаютъ по снопику каждому встрѣчному въ его телѣгу. Пока мужики разъѣдутся, то и у встрѣчныхъ будетъ по полвозу и у бросающихъ, барскихъ сноповъ, будетъ по полвозу. Въ слѣдующіе три дня—обратная скидка сноповъ. Такимъ образомъ у барина останется только половина сноповъ, а стало быть, и половина всего его посѣва. Скидка сноповъ, какъ грабежъ сада и кладовыхъ,—общая: тутъ старостины и братья, и дѣти, и вся его родня. Выдавать и доносить некому. При этомъ и опять повторю: доносить было и не безопасно. Въ то время, когда барыня и рветъ и щиплетъ изъ-за копѣйки,—въ полѣ пропадали сотни, если не тысячи, рублей.

Не всегда, однакожъ, К** поглощены были хозяйствен-

ными дѣлами и заботами о своемъ благосостояніи и спокойствіи. Бывали нерѣдко и отрадныя минуты,—минуты безъ заботъ, безъ хлопотъ, когда они, послѣ дневныхъ тревогъ, могли вполнѣ удовлетворять своему эстетическому чувству. Видъ съ балкона великолѣпный: вы смотрите—предъ вами садъ, за нимъ обрывъ высокой-высокой горы, покрытой строевымъ лѣсомъ; рядомъ съ обрывомъ глубокая разсѣлина съ множествомъ огромныхъ норъ филиновъ, этихъ ночныхъ пугаловъ, и тысячами норъ стрижей; по другой бокъ обрыва—широкая рѣка, съ множествомъ острововъ, островковъ, заливовъ, заливчиковъ; за нею крупный лѣсъ съ множествомъ озеръ и озерковъ; за ними то тутъ виднѣется церковь, то тамъ, а далѣе—синія высокія-высокія горы. Тутъ можно заглядѣться. Но такъ какъ и самыя лучшія картины природы постоянному жителю кажутся ничтожными и онъ не обращаетъ на нихъ вниманія, то и К** нужны были болѣе возбуждающія средства къ удовлетворенію ихъ эстетическаго чувства. Въ Л.-г. былъ слѣпой Алексѣй. Онъ самъ дѣлалъ деревянныя дудки и очень недурно игралъ на нихъ. Лѣтнимъ вечеромъ, выйдутъ господа на балконъ, велятъ накрыть столъ, подать наливочки сортовъ трехъ, поставятъ Алексѣя передъ балкономъ, и заставятъ его играть пѣсни. Иногда, и очень нерѣдко, при этомъ перепоятъ мальчишекъ—дѣтей своихъ, да и любуются, какъ они валяются, дерутся, падаютъ, шатаются изъ стороны въ сторону. Упадетъ мальчишка, а папаша-то хохочетъ всѣмъ животомъ! Мамаша-то надрывается, взвизгивая на весь садъ! Надрываются родители и подтравливаютъ: „а ну-ко, Аполлоша, повали Пашу! Эхъ, Мишка, упалъ, много царя забралъ въ голову, вставай, братецъ, вставай!“

Мать барыни, Арина Петровна, еще не очень старая женщина, ослѣпла совсѣмъ и жила, какъ я говорилъ, въ одномъ изъ флигельковъ барскаго двора. Выйдутъ иногда вечеркомъ господа на балконъ, и пошлютъ своихъ птенчиковъ позабавиться съ бабушкой. Изъ нихъ старшему было лѣтъ за 12, младшему лѣтъ 6. Внучки бѣгутъ и кричатъ: „бабушка, иди къ намъ! Бабушка, тебя мамаша на балконъ зоветъ!“ Выведутъ старуху на середину большаго двора, сдѣлаютъ съ ней нѣсколько круговъ, чтобъ она не нашла направленія къ дому, да и отбѣгутъ. Та ругается, кричитъ, машетъ палкой, гоняется за ними, а дѣтки-то на балконѣ хохочутъ, внучатки-то увиваются, вертятся и дергаютъ

ее со всѣхъ сторонъ! Дворня-то хохочетъ! Всѣмъ потѣха! Кто нибудь изъ внучатокъ возьметъ, да и подставитъ ногу или подложитъ чурбанъ,—старуха бацъ о землю!—Всѣ такъ и разразятся самымъ искреннимъ хохотомъ! Ну, значитъ, и развлеченіе...

Подросли барчуки. Старшаго 13-ти лѣтъ отдали въ С. гимназію. На другой годъ онъ укралъ у товарища калоши, и его выгнали. Втораго въ гимназіи держали только два года, но за гадости исключили и того. Двое младшихъ были въ кадетскомъ корпусѣ, не удержались, поступили въ военную службу, а старшіе—въ канцелярію губернатора. Отецъ вскорѣ померъ, мать спилась. Старшій получилъ чинъ, вышелъ въ отставку, спился и померъ. Второй получилъ чинъ, вышелъ въ отставку и пьяный дома утонулъ. Младшіе съ чиномъ корнета вышли въ отставку. Четвертый померъ отъ истощенія силъ. Остался хозяиномъ и наслѣдникомъ всего одинъ третій.

Молодой хозяинъ не разлучался съ плетью. Пойдетъ утромъ рано на гумно, да и станетъ у воротъ. Лишь только кто немного запоздаетъ, онъ и примется лупить съ плеча, а самъ мужичина высокій, здоровенный, толстый и уже выпивши. Баба, можетъ быть, прибирала ребятишекъ, замѣшкалась у печки, запоздала,—баринъ встрѣтитъ ее, и хватитъ плетью. Та упадетъ, а онъ не дастъ ей встать, и полосуетъ съ плеча, пока она не доползетъ на четверенькахъ до риги.

Не задолго до манифеста померла Наталья Павловна, но Арина Петровна осталась въ живыхъ, хотя подряхлѣла совсѣмъ.

Мы пріѣхали читать манифестъ. Къ этому времени изъ всего множества помѣщиковъ остался почти одинъ, третій сынъ К**. Въ церковь онъ не пошелъ. Крестьяне и встрѣчали насъ и стояли въ церкви веселыми до крайности. На тѣ слова манифеста, которыя возмущали другихъ, они не обращали вниманія. Первый и второй день манифестъ и интересовалъ и волновалъ вообще всѣхъ; но далѣе, день-ото-дня, его слушали равнодушнѣе и равнодушнѣе. Это потому, что содержаніе манифеста далеко летѣло впередъ насъ и всѣ уже успѣли и ознакомиться съ нимъ, и обдумать его. Когда исправникъ, послѣ чтенія, сказалъ имъ, что они теперь вольные, но что два года должны все-таки работать,—крестьяне закричали въ одинъ голосъ:

— Десять проработаемъ, весь вѣкъ проработаемъ, лишь бы дѣти наши были вольными! За два года и стоять никто не станетъ. Много маялись, а два года,—это все равно, что плюнуть.

Исправникъ сказалъ: „теперь съ васъ не будутъ брать ни барановъ, ни шерсти, ни ягодъ,—ничего ровно".

— Мы согласны эти два года по пяти барановъ дать; своихъ у кого нѣтъ—купимъ. Берите, что хотите, и работать будемъ, лишь бы мы знали, что будемъ когда нибудь вольными, что будетъ всему этому когда нибудь конецъ!

— И бить васъ не будутъ, и сѣчь не будутъ.

— Вотъ на этомъ благодаримъ васъ покорно! Этого мы откладывать на два года не согласны.—Всѣ засмѣялись.

— Но если вы не будете слушаться, не будете ходить на работы, васъ будутъ сѣчь, но только не баринъ, а полиція—или становой, или я!

— О работѣ и толковъ не будетъ, работать будемъ, мы сказали.

— Ребятъ не станутъ посылать на барщину, стариковъ.

— Стариковъ-то такъ, а ребята-то, пожалуй, и соскучатся, какъ долго не станутъ колотить ихъ.

И всѣ захохотали.

XII.

Я не сказалъ, какое вліяніе произвелъ манифестъ на крестьянъ села О., имѣнія А. А. С.—С. имѣлъ крестьянъ нѣсколько тысячъ; крестьянъ работами не обременялъ и они жили очень справно, были даже очень богатые; пользовались вдоволь и землей и лѣсомъ. Манифестъ произвелъ на нихъ скорѣе непріятное чувство, чѣмъ радость. За богатымъ, сильнымъ и добрымъ бариномъ своимъ они согласны бы прожить весь вѣкъ. Поэтому они слушали и манифестъ и разъясненія исправника совершенно хладнокровно, просто—почти безучастно. Ни одинъ изъ нихъ ни полусловомъ не выразилъ ни того, что они желаютъ воли, и ни того, что не желаютъ. Просто: пришли, выслушали и разошлись.

Помѣщикъ села О., А. А. С. любилъ псовую охоту до страсти. Но не менѣе страстнымъ охотникомъ былъ, тоже богатый помѣщикъ, Араповъ. Выѣздовъ на охоту С. я не видѣлъ; но Арапова мнѣ однажды видѣть привелось.

Араповъ держалъ огромную псарню. Выѣзды его были,—это выѣзды Донскаго на Мамая: самъ онъ, какъ великій князь, съ огромнымъ войскомъ, а около него увиваются удѣльные,—мелкота, кто съ одной сворой, кто съ двумя, а кто и такъ, ради чести. Въ мѣста, куда онъ намѣревался ѣхать, посылались люди впередъ. Тамъ, сперва, за нѣсколько ведеръ водки, покупалось право охоты, если это были не помѣщичьи крестьяне. У крестьянъ скупалось три—четыре избы, которыя очищались отъ лавокъ, палатей и пр., и оклеивались шпалерами. Въ одной изъ избъ складывалась печка и укладывалась поварская плита. Отправляется баринъ. За день впередъ ѣдутъ повара, воза съ провизіей, съ ящиками винъ; затѣмъ гонится стадо гончихъ, ѣдутъ борзятники съ борзыми, наконецъ, самъ баринъ.

Однажды мнѣ случилось быть на берегу Волги, въ селѣ С., гдѣ охотился тогда Араповъ. Утромъ рано затрубили, я вышелъ къ воротамъ. Мимо меня прогнали стадо гончихъ; далѣе ѣдутъ по два въ рядъ, въ лакированныхъ пальто и фуражкахъ, съ кинжалами за поясомъ и плетьми, каждый со сворой въ рукахъ, и всѣ ѣдутъ молча. Я не зналъ—кто охотится, и спрашиваю: кто это охотится? Всѣ молчатъ. Пропустивши паръ 15, я спрашиваю опять,—никто не шевельнулся, не моргнулъ и не отвѣтилъ мнѣ. Пропускаю паръ 10 еще, опять спрашиваю,—ни слова. Ѣхавшій сзади баринъ услышалъ, что я спрашиваю, величественно пробасилъ: „Скажи!“ Одинъ изъ доѣзжачихъ скинулъ фуражку, очень вѣжливо, съ поклономъ, отвѣтилъ мнѣ: „Господинъ Араповъ!“ Тутъ только и понялъ я, почему никто не отвѣчалъ мнѣ: значитъ, на службѣ, ни между собой, ни съ посторонними говорить не полагалось,—служба дѣло великое. За псарями слѣдовали сами господа. Ихъ ѣхало человѣкъ двадцать или больше, верхомъ, и всѣ въ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ фантастическихъ костюмахъ: тутъ были и венгерки, и польки, и казакины, и просто куртки со всевозможными вышивками, петлями и пуговицами,—и наряды народовъ, никогда не существовавшихъ... А короткій мой знакомый, помѣщикъ В. Н. Григорьевъ, любившій чисто ходить, какъ и теперь ѣхалъ, представлялъ изъ себя стараго русскаго боярина: онъ былъ въ парчевомъ, самомъ свѣтломъ кафтанѣ, въ красной шелковой рубахѣ, съ вѣчно-открытою косматою грудью, въ высокой бобровой шапкѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ. За

ними ѣхалъ мужикъ этого села. Далѣе, простыя телѣги, фургоны и фуры, запряженныя въ одну, двѣ и три лошади: съ кухней, ящиками, воза, вѣроятно, съ овсянкой, съ корытами, съ палатками,—всего подводъ болѣе 10-ти. Тутъ же тащились двѣ клячи, должно быть—на убой для собакъ. Затѣмъ ѣхалъ фаэтонъ съ двумя здоровенными псами, вѣроятно, волкодавами и, наконецъ, четыре кареты, изъ которыхъ выглядывали востроглыя морды. Въ этихъ каретахъ возились лучшія собаки, чтобъ онѣ не отбили ногъ, идя до мѣста гонки. Кареты эти были похожи на обыкновенныя кареты, только много ниже ихъ, такъ что человѣку сидѣть въ нихъ было неудобно, и съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ. Всѣхъ верховыхъ, по всей вѣроятности, было болѣе ста. Послѣ я узналъ, что Араповъ съ псарней занялъ чуть не четверть села, хотя село очень большое. Четыре дома были сняты подъ господъ. Изъ этихъ домовъ были выломаны палати, лавки и стѣны оклеены обоями; привезена была мебель, игорные карточные столы; въ одной, пятой, сложенъ очагъ и уложена плита для кухни; въ нѣсколькихъ десяткахъ дворовъ размѣщены экипажи, телѣги, фуры, фургоны, корыта, цѣлый обозъ овсянки, лошади, псари, псы... Жителямъ села вдругъ открылась оживленная торговля овсомъ, сѣномъ, птицей, яйцами, масломъ и пр., и пр. За дозволеніе охоты въ мѣстахъ, принадлежащихъ крестьянамъ, они получили 50 р. деньгами и ведеръ 5 водки. Крестьянинъ, мѣстный охотникъ, вызвавшійся указывать лучшія мѣста, получилъ въ подарокъ лошадь, на которой я и видѣлъ его ѣдущимъ позади господъ. Кромѣ того, было условлено платить крестьянамъ за всѣ потоптанныя поля и сѣнокосъ. Въ С. Араповъ прожилъ три дня.

Въ этотъ же день я уѣхалъ въ село П., но тамъ уже были, посланные впередъ, и управляющій для закупокъ и договоровъ съ крестьянами, и печникъ, и обойщики, и плотники, и дѣло уже кипѣло.

Когда псари и псарня разставятся по мѣстамъ, то, по занятому ими полю, или мѣстамъ, назначеннымъ для гонки, не проходи уже и не проѣзжай никто,—запорютъ кнутьями. Знали-ли вы, не знали-ли,—это все равно. Это была уже не компанія благородныхъ людей, дворянъ-охотниковъ, а неистовствующая шайка охальниковъ и разбойниковъ. Проѣзжайте мирно, ничего не подозрѣвая, вашею дорогой, но если вы ѣдете между островами, на-

значенными къ гонкѣ звѣря, то самъ же Араповъ налетитъ на васъ. Если вы лицо привиллегированное, то онъ выбранитъ васъ какъ нельзя хуже, а если нѣтъ, то, безъ всякихъ разговоровъ, въ кнутья. Какъ только началась охота, то всѣ были безъ чиновъ, — и баринъ и лакей были равны. Пропуститъ баринъ какого нибудь русака, а псарь и пушитъ его, въ азартѣ, какъ послѣднюю шельму: „Да чего ты смотрѣлъ, пьяница! Я гналъ на тебя, а ты ротъ разинулъ!“... Баринъ видитъ свою вину, и только: „Ну, молчи, молчи, не ругайся!“ Псари наэлектризовывались охотой больше еще, кажется, господъ.

Мнѣ случалось не разъ бывать въ компаніи помѣщиковъ тотчасъ послѣ пріѣзда ихъ съ охоты. Посмотрѣть есть на что. Говорятъ, что никто на свѣтѣ не вретъ больше, какъ охотникъ. Это, по всей вѣроятности, сущая правда. Но замѣчательно: иной вретъ до того, что навѣрное и бабушкѣ его во снѣ не грезилось; и никто никогда не поперечитъ ему ни даже полусловомъ. Тотъ вретъ, что и самъ не помнитъ, что̀ говоритъ онъ; всѣ слушаютъ его и всѣ хорошо знаютъ, что онъ вретъ, знаетъ и онъ самъ, что ему никто не вѣритъ,—и все-таки вретъ,—и никто не поперечитъ ни полусловомъ. Это значитъ: ври, братецъ, ври, но не мѣшай и мнѣ, когда развернусь я.

Тутъ же начиналась оцѣнка псовъ, псарей и лошадей, и совѣтъ, кому ѣхать завывать волковъ къ завтрашнему дню. Изъ той компаніи, въ которой приводилось бывать мнѣ, эту честь всегда бралъ на себя полковникъ Т... Завывать волковъ — значитъ ѣхать ночью въ лѣсъ и выть по волчьи; гдѣ волки отзовутся и тоже завоютъ, то утромъ въ то мѣсто отправлялись на охоту.

XIII.

Въ этотъ-то періодъ,—періодъ разгула и полнѣйшей свободы дѣйствій помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ,—послѣдовалъ манифестъ 19-го февраля 1861 года. Говорятъ обыкновенно, что крестьяне не были подготовлены къ самостоятельной жизни и самостоятельному труду. Можетъ быть, это и вѣрно; но къ этому не были подготовлены и помѣщики. Крестьяне обрадовались волѣ, а помѣщики упали духомъ и ни тѣ, ни другіе не

знали, что̀ дѣлать. Дано было два года сроку на приготовленія тѣмъ и другимъ къ своему будущему положенію, но они прошли въ общемъ броженіи: многіе крестьяне думали, что они, работая весь свой вѣкъ на господъ, заработали уже имъ за всю землю, и что вся земля поэтому должна отняться отъ господъ и перейти къ нимъ. Но многіе и помѣщики, купивши земли съ крестьянами за какой нибудь годъ, и даже полгода, и заплативши чистыми денежками, не хотѣли разстаться и съ самыми крестьянами, не только что съ частью земли. Потому многіе крестьяне перестали-было исполнять господскія работы, стали грубить господамъ своимъ, и бросаться косить и пахать господскія поля; а помѣщики, съ своей стороны, начали допекать ихъ усиленными работами. Большинство мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, какъ въ предсмертныхъ судорогахъ, ухватилось за уходившую отъ нихъ даровую рабочую силу и въ эти два года хотѣло наверстать за все, хотѣло сдѣлать все, что возможно сдѣлать. Но, не будучи подготовлено ни къ какому раціональному труду по хозяйству, бросилось истреблять свои собственные лѣса, т. е. они не надумали ничего лучшаго, какъ заставить мужиковъ, пока есть возможность заставлять, даромъ вырубить имъ ихъ лѣса. И, дѣйствительно, въ эти два года сдѣлано страшное истребленіе лѣсовъ. Бывши въ извѣстной мѣстности до объявленія манифеста и потомъ проѣзжая тамъ чрезъ два года,—послѣ объявленія его,—не узнаешь мѣста: все порублено, очищено, а въ большинствѣ случаевъ—все раскидано или свалено въ кучи и гнило. Многіе лѣса, не имѣя сбыта, порублены безъ всякой нужды и потомъ погнили или разворованы. Особенно жалко смотрѣть на правый берегъ Волги. Бывало, ѣдешь по Волгѣ и любуешься огромнымъ дубнякомъ и осокорями въ $1^1/_2$ арш. въ діаметрѣ, а тутъ все порублено, сложено въ пятерики, и по порубкѣ пасется скотъ.

По прочтеніи манифеста, всѣ помѣщики точно исполняли урочное положеніе и лишняго отъ крестьянъ не требовали. Но нѣкоторые, какъ напримѣръ Г., помѣщикъ деревни Ѳедоровки, за каждую дѣвку, выходившую въ замужство въ другую барщину, бралъ съ отцовъ ихъ по 10 р. Были и такіе случаи, что владѣльцы никакъ не хотѣли допустить даже мысли, что крестьяне отойдутъ отъ нихъ. Слухъ о волѣ только ожесточилъ ихъ противъ крестьянъ и они заставляли ихъ дѣлать самыя непосильныя работы.

Въ селѣ Гл. была помѣщица, нѣкто Е. А. Г**. Въ тотъ годъ, какъ былъ объявленъ манифестъ, она однажды присылаетъ за мной лошадей и проситъ тотчасъ пріѣхать къ ней,—что приходскій священникъ взбунтовалъ ея крестьянъ и они вышли изъ ея повиновенія. Въ то же время она послала за становымъ приставомъ, жалуясь ему па крестьянъ и, въ особенности, на наемнаго своего управляющаго,—что крестьяне вышли изъ повиновенія, а управляющій потворствуетъ имъ. Не успѣлъ я выйти изъ экипажа, какъ барыня, растрепанная, взволнованная до истерики, бросается ко мнѣ и кричитъ: „Отецъ благочинный! спасите, на васъ вся надежда! Попъ взбунтовалъ крестьянъ, запретилъ имъ повиноваться, толкуетъ имъ о волѣ; управляющій съ нимъ заодно. Крестьяне удушатъ меня, зарѣжутъ, спасите, спасите, отецъ мой, спасите!“... Я давно былъ знакомъ съ ней, зналъ хорошо, что это за птица, и, на сколько было можно, успокоилъ ее. Когда барыня немного поутихла, я призвалъ священника и спрашиваю: что онъ говорилъ съ крестьянами о волѣ?

— Да я, собственно, не говорилъ ничего. Е. А. дала крестьянамъ жать рожь, на урокъ, по четыре человѣка на десятину, а рожь такая, что ее не сжать и восьмерымъ; и они жнутъ урокъ въ свои дни и еще не сжинаютъ. И вотъ ужъ они жнутъ и день и ночь три недѣли. Свой хлѣбъ бросили и его выбиваетъ вѣтромъ. Третьяго дня шелъ я исповѣдывать больнаго; попадаются мнѣ человѣкъ 10 и говорятъ, что барыня совсѣмъ замаяла ихъ работой. Я и говорю: ну, немного ужъ потрудиться-то, всего одинъ годъ. Больше ничего я не говорилъ, хоть спросите крестьянъ. А что я сказалъ правду, т. е. что имъ осталось работать одинъ годъ, такъ это читалось въ церкви. И это дѣйствительно такъ: черезъ годъ крестьяне не будутъ работать и трехъ часовъ въ годъ. Тутъ барынѣ сердиться на меня не за что; сердись на того, кто повыше насъ съ ней. Я сказалъ все и надѣюсь, отецъ благочинный, что мнѣ больше здѣсь дѣла нѣтъ и могу уйти?

— Нѣтъ, и можете идти.

— Вонъ, вонъ, вонъ изъ моего дому, бунтовщикъ!..

— Хоть я и въ вашемъ домѣ, но меня призвалъ мой начальникъ. Дѣла наши съ нимъ кончены, и я уйду сейчасъ безъ вашего „вонъ“. А крестьяне-то все-таки черезъ годъ будутъ воль-

ными и отъ васъ уйдутъ; а вы ихъ, въ благодарность за вѣрную ихъ службу, земелькой надѣлите!

— Отецъ благочинный! вы потакаете ему! видите, что̀ онъ говоритъ, даже при васъ!..

И истерически начала метаться: то бросится на диванъ, то подниметъ руки и подбѣжитъ къ окну, заливается слезами и кричитъ: „Боже мой, Боже мой! меня грабятъ, хотятъ удушить, зарѣзать, ни отъ кого нѣтъ защиты!.. А, а, а!“ И убѣжала въ другую комнату.

Подъѣхалъ становой. Съ нимъ мы были давно знакомы и я разсказалъ, что̀ выдѣлывала барыня. Изнеможенная, болѣзненная, убитая горемъ, барыня пришла, сѣла на диванъ, закрыла глаза и опустила на грудь голову. Мы молчали и ждали, что̀ будетъ. Минуты черезъ двѣ общаго молчанія, барыня, обратясь къ становому и едва слышно, начала: „Попъ взбунтовалъ крестьянъ, они не хотятъ теперь и знать меня, управляющій съ ними заодно. Я побезпокоила васъ, послала за вами, и прошу вашей помощи“. Опять закрыла глаза и опустила голову. Становой послалъ за управляющимъ; тотъ, минутъ чрезъ пять, явился и говоритъ: „Е. А. велѣла, чтобы четыре человѣка сжинали десятину ржи, а ее не сожнутъ и восьмеро. Я говорю ей, что надо ставить по девяти человѣкъ. Три недѣли крестьяне жнутъ и въ барскіе и въ свои дни, и все-таки не сжинаютъ. Барыня кричитъ на меня, что я потакаю. Я говорю ей, что урокъ тяжелъ. Но она схватила меня за воротъ, да въ шею и вытолкала. Такъ ужъ Богъ меня удержалъ: такъ вотъ совсѣмъ-было самъ ее дернулъ. Послѣ ужъ думаю: ну, слава Богу, что стерпѣлъ, а то, пожалуй, съ сердцовъто, такъ на мѣстѣ и уложилъ бы. Вещи мои всѣ повыкидала, переломала, переколола.

Какъ вскочитъ барыня!—„Какъ, ты меня хотѣлъ убить?!. Вонъ, вонъ!“... И, при насъ, надавала ему плюхъ и вытолкала на дворъ.

— „Что это, меня хотятъ убить, зарѣзать, удушить и это говорятъ при всѣхъ и... мнѣ нѣтъ защиты! Господинъ приставъ! я призвала васъ защитить меня, а между тѣмъ при васъ говорятъ, что меня убьютъ, и вы ни слова!“

Ужъ она его, ужъ она его! Раскричалась, расплакалась, подниметъ руки: „о! еслибъ были живы мой отецъ и мой покойникъ! Допустили-ли бы они, чтобъ меня такъ мучили? Всѣ знаютъ, что

сиротѣ нѣтъ защиты, и всѣ готовы душить ее". Расхлѣбалась на весь домъ и, истерически: „А, а, а!" ушла отъ насъ. Становой: „Что съ ней дѣлать-то? Она и такъ-то вѣдьма-вѣдьмой, а теперь ужъ и вовсе. Вѣдь она, пожалуй, и меня приколотитъ. Я, братъ, натравлю ее на тебя. Попа-то не прибьетъ".

Долго хлѣбала барыня въ сосѣдней комнатѣ, наконецъ унялась и пришла къ намъ. Становой и говоритъ: „А всему виной все-таки попъ: онъ взбунтовалъ крестьянъ, и благочинный ему ни слова. Попа сейчасъ нужно сковать и отослать въ острогъ".

— „Да, да, да! Въ острогъ его, въ острогъ! Сковать его и въ острогъ! Вы, отецъ благочинный, потакаете попу"... и пошла, и пошла!.. Разрыдалась и опять ушла. Мнѣ не дала сказать и слова. Я говорю становому: „Ну, жди же, теперь тебѣ не то будетъ: я напущу ее на тебя". Унялась барыня, пришла и, въ изнеможеніи, упала на диванъ. Я и говорю: „извольте, Е. А., попа я завтра же заберу въ острогъ. А становой правъ? При немъ управляющій говоритъ, что убьетъ васъ, и онъ ему хоть бы словечко! Крестьяне бунтуютъ, а становой не только что не забралъ ихъ въ острогъ и не перепоролъ, но даже и не призвалъ къ себѣ ни одного. Васъ, стало быть, будутъ душить, а становой будетъ смотрѣть?!" Какъ броситься барыня на становаго!.. Тутъ ужъ, дѣйствительно, чуть не избила его. И, такимъ образомъ, мы, грѣшные люди, перемѣнялись ролями раза по три, если не больше; а барыня то меня примется пронимать, то становаго. Буквально—съ пѣной у рта, она каждый разъ готова была изорвать насъ въ клочья. Наконецъ, намъ надоѣла вся эта исторія, я и говорю ей: „что вы, Е. А., такъ безпокоитесь? Да вѣдь крестьяне на волю не отойдутъ".

— Не отойдутъ, не отойдутъ? И вы это знаете? Знаете?

— Кто же смѣетъ отнять отъ васъ вашу собственность?

— А! такъ я же ихъ! Я имъ задамъ волю, я имъ...

— Нѣтъ, не трогайте и пальцемъ. Дайте утихнуть.

Мы начали, вдвоемъ съ становымъ, уговаривать ее, чтобъ она никого не била; что это теперь, дѣйствительно, опасно; чтобъ она облегчила работы,—поставила по 9-ти человѣкъ на десятину; дала имъ время убрать свой хлѣбъ; отдала жалованье выгнанному ею управляющему и пр. Барыня слушала спокойно и на все согласилась. Для бо́льшей пристрастки мы сказали ей, что ни попа, ни управляющаго и ни одного изъ крестьянъ брать въ острогъ

нельзя; что этимъ непремѣнно озлобимъ мужиковъ и можетъ выйти очень плохо... Барыня вздохнула: „Да, дѣйствительно, отцовъ заберутъ, а дѣти въ первую ночь убьютъ! Надо, вѣрно, все покончить!“

Послѣ этого, барыня была совершенно покойна, смѣялась, шутила, и мы мирно пообѣдали и разъѣхались друзьями.

Слышно было, что чрезъ нѣсколько дней барыня страшно воевала, но за нами ужъ не присылала. По отпускѣ крестьянъ она тотчасъ уѣхала, сперва въ С., а потомъ въ Москву, и я больше не видѣлъ ее.

XIV.

Манифестъ объ отпускѣ крестьянъ на волю, на первыхъ порахъ, ошеломилъ всѣхъ—и помѣщиковъ и крестьянъ; но потомъ многіе помѣщики додумались до дѣла, додумались многіе и крестьяне; но только и тѣ и другіе додумались въ ущербъ одни другимъ. Многіе помѣщики, особенно крупные владѣльцы, стали употреблять всѣ способы, чтобы дать земли крестьянамъ только по одной десятинѣ.

Родоначальникомъ однодесятинниковъ, такъ называемаго гагаринскаго надѣла, въ С.—й губерніи почитается Щ. Онъ пріѣхалъ въ одно изъ своихъ селъ, перепоилъ мужиковъ и бабъ водкой; одѣлилъ ихъ поясками, платочками, фартучками, и размазалъ имъ, что онъ такъ доволенъ ихъ вѣрною службой, что по десятинѣ на каждую душу земли имъ даритъ. Растолковалъ имъ, что принять отъ него по одной десятинѣ въ подарокъ—для нихъ, не заплативши ему ни даже единой копѣйки, не въ примѣръ выгоднѣе, чѣмъ взять полный надѣлъ и закабалить себя на 50 лѣтъ; что съ полнымъ надѣломъ имъ будетъ хуже тогда, чѣмъ на барщинѣ.

Мужики видятъ, что баринъ и рѣчи сладкія ведетъ, и поясками даритъ, и водкой поитъ,—значитъ добра имъ желаетъ,—приняли барскій подарокъ, согласились взять по одной десятинѣ. По примѣру этого села, крестьяне другаго взяли по десятинѣ, третьи по десятинѣ, и такимъ образомъ всѣ его крестьяне сошли на десятину. Съ крестьянъ Щ. взяли примѣръ крестьяне другихъ помѣщиковъ, и пошла писать... Но въ первую же весну, какъ только написались уставныя грамоты, какъ пошли крестьяне въ конторы снимать у своего отца-благодѣтеля землю, такъ и узнали, что

сладкія барскія рѣчи злѣе змѣинаго яду, а дареные пояски связали имъ руки крѣпче всякой цѣпи, но ничего уже не подѣлаешь.

Додумались многіе и мужики; они поняли, что съ одной десятиной не сдѣлаешь ничего: и сиди на ней, и паши ее, и коси ее, и скотъ паси на ней; они поняли, что землю придется снимать у барина, а баринъ спуску не дастъ, будетъ брать за нее втридорога,—и оттягали полный надѣлъ, при всемъ стараніи помѣщиковъ спихнуть ихъ на одну десятину.

Впрочемъ, нельзя не отдать полной благодарности нѣкоторымъ и помѣщикамъ. Крестьяне, напримѣръ, нѣкоего г. Ж. хотѣли непремѣнно взять по одной десятинѣ; но старикъ-баринъ разъяснилъ имъ дѣло, убѣдилъ ихъ принять полный надѣлъ и далъ имъ лучшую землю. Правда, что я знаю такой примѣръ только одинъ; но если и одинъ, то все же сказать можно, что радѣвшіе о благополучіи крестьянъ помѣщики были.

XV.

Прошли переходные два года. Въ началѣ моихъ Записокъ я говорилъ, что въ селѣ С. крестьяне И. И. Б., послѣ чтенія манифеста, становились на колѣна и просили его, чтобы онъ отписалъ Царю, что они воли не хотятъ и что, за такую любовь къ нему, Б. поилъ ихъ водкой [1]). Но какъ только кончились переходные года и крестьяне получили полную свободу, то у Б. не остался служить ни одинъ, ни за какую цѣну,—вдругъ ушли всѣ до единаго. Лѣтомъ, на уборку хлѣба, къ нему не пошли не только ни одинъ изъ бывшихъ его крестьянъ, но не пошелъ никто даже изъ сосѣдей. Крестьяне же его даже на своемъ сельскомъ базарѣ подбили всѣхъ постороннихъ, чтобы не шелъ никто и, дѣйствительно, никто не пошелъ, такъ что онъ долженъ былъ ѣхать за рабочими въ С. Съ недѣлю у него не было даже кучера и онъ вынужденъ былъ убирать лошадей самъ, и когда нужно было ѣхать, то самъ запрягалъ и самъ правилъ. Недавно онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Вѣчная ему память! А озорникъ былъ!..

Какъ только отошли крестьяне на волю, то одинъ изъ помѣщиковъ моей родины, К.—„не хочу и дѣла никакого имѣть съ подлецами,—говоритъ,—глаза мои не могутъ смотрѣть на нихъ!“

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 51—55.

И тотчасъ продалъ всю землю по 10-ти р. за десятину, съ разсрочкою на 10 лѣтъ, и уѣхалъ въ С. Чрезъ годъ ему встрѣтилась какая-то надобность пріѣхать въ бывшее свое имѣніе. Пріѣхалъ, но люди уже не его, земля не его, домъ, гдѣ родился и выросъ, не его,—у него уже не было ни земли, ни дома, ни сада и ни денегъ; онъ, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ, былъ бѣднѣе нищаго. Въѣхать въ свой прежній домъ ему не хотѣлось и онъ въѣхалъ на постоялый дворъ, къ бывшему своему крестьянину. Только переступилъ порогъ въ избу, да какъ зареветъ! Упалъ на лавку и долго-долго—говорятъ—рыдалъ неутѣшно.

Однажды, года черезъ два послѣ отпуска крестьянъ, мнѣ случилось пріѣхать въ село Х. часовъ въ 8 утра. Генералъ Ш.[1]) въ это время былъ въ селѣ. Увидѣвши меня, онъ пришелъ къ священнику и настоятельно просилъ насъ съ священникомъ, къ которому заѣхалъ я, ѣхать къ нему пить чай. Ш. пришелъ въ сѣренькомъ казакинѣ и, по обыкновенію, со всѣми орденами. Семейство его было въ городѣ и онъ былъ одинъ. Послѣ чаю и закуски, онъ сѣлъ на диванъ, опустилъ голову и сильно взволнованнымъ голосомъ началъ: „Знаете-ли, что вчера со мной было? Встаю я, а въ домѣ Богъ знаетъ что: соръ, накидано бумаги, наплевано,—не взглянешь! Я говорю Димитрію, почему онъ не убралъ комнатъ? Нѣтъ,—говоритъ,—убиралъ.—Это наплевано?—Говоритъ: наплевано. — Это бумаги? — Бумаги. — Стало быть, не убиралъ?—Нѣтъ, убиралъ.—Я пьянъ?—Нѣтъ, не пьяны.—Стало быть, я говорю правду?—Нѣтъ, неправду: въ домѣ все хорошо. Да что, баринъ, много толковать-то! Коль я не хорошъ, убираю не по вашему, такъ и разочтите меня, отдайте мнѣ жалованье, да сами, какъ знаете, и убирайте; и бумажки всѣ подберите, и харкотину свою всю подотрите, и сердиться будетъ не на кого. И это говоритъ мнѣ Димитрій!... Димитрій, котораго я любилъ какъ сына; котораго ребенкомъ носилъ на рукахъ, бралъ съ собой за границу, довѣрялъ ему все... И это говоритъ мнѣ мальчишка!“... Да какъ зареветъ на весь домъ! Долго и неутѣшно рыдалъ Алексѣй Александровичъ. „Зачѣмъ я не умеръ три года

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 46—51.

тому назадъ! Всякій мальчишка грубитъ мнѣ"... Мы съ священникомъ едва могли развлечь его упросивши идти въ садъ. Жаль было старика!

Господа и рабы, эти двѣ діаметрально противоположныя силы, могли уживаться вмѣстѣ только при самыхъ сильныхъ, связующихъ ихъ, узахъ. Право повелѣвать рабами за дворянами утверждено было закономъ; право это было за ними вѣка; съ этимъ правомъ они родились, воспитывались и потомъ жили весь свой вѣкъ. Они были убѣждены, поэтому, что они вольны располагать судьбою раба по своему произволу; они были убѣждены, что всякая прихоть ихъ, какого бы рода она ни была, для раба должна быть закономъ. Это убѣжденіе впилось въ плоть и кровь ихъ. А при такомъ правѣ и при такомъ убѣжденіи злоупотребленія властью, конечно, неизбѣжны. И они были.

Крестьяне же, напротивъ, самыхъ строгихъ помѣщиковъ, не смотря ни на какія самыя жестокія наказанія, лгали имъ на каждомъ словѣ; тащили ихъ добро, при первой къ тому возможности; считали господъ своими притѣснителями, тиранами; работали только изъ-подъ палки; грабили ихъ, поджигали, убивали и, своими ложью, лѣнью и воровствомъ, выводили изъ терпѣнія самыхъ кроткихъ и самыхъ терпѣливыхъ.

Такимъ образомъ, нравственное состояніе тѣхъ и другихъ было неестественно. Но осуждать тѣхъ или другихъ было бы не справедливо. Повелѣвать и желать, чтобы другіе исполняли всѣ наши прихоти,—это общее свойство каждаго. Господинъ повелѣвалъ рабомъ; мужикъ-староста былъ первымъ тираномъ своихъ собратій; забитый мужикъ и былъ, и есть до сихъ поръ, тираномъ своей жены; неряха-жена всегда вѣдьма-вѣдьмой къ своимъ снохамъ; сноха—это уже послѣдняя ступень тиранства, но она не мудритъ ни надъ кѣмъ потому только, что ниже ея нѣтъ никого.

Дворяне покупали рабовъ отъ другихъ дворянъ, вмѣстѣ съ ихъ землей, домами, скотомъ, собаками и пр., и пр. При покупкѣ и люди, и скотъ, и послѣдняя собака ставились въ одинъ списокъ и деньги отдавались за все подъ одно,—все было одинаковымъ продажнымъ товаромъ. Естественно, поэтому, что купившій могъ составить себѣ понятіе, что онъ имѣетъ полное право рас-

полагать рабомъ по своему желанію, какъ и всякою другою своею покупкой. Такъ смотрѣли на рабовъ всегда. Знаменитый нѣкогда Морозовъ писалъ своему управляющему: „не убивай раба, потому что ты чрезъ это лишаешься работника". Стало быть: что быкъ, что мужикъ—для помѣщика-господина были одинаковы, т. е. не болѣе, какъ рабочая сила. При такомъ взглядѣ на раба, лучшихъ отношеній, чѣмъ къ скотинѣ, и ждать нельзя [1]).

Надобно принять во вниманіе духъ того времени. Извѣстно, что, до временъ манифеста о свободѣ крестьянъ, церемониться съ низшими себя, вообще, не было въ обычаѣ. При томъ: дворяне не ангелы, а такіе же люди и съ такими же слабостями, какъ и всѣ. Осуждать же слабость другихъ хоть и легко, но поставь насъ самихъ на мѣсто того, кого мы осуждаемъ, мы будемъ, можетъ быть, въ тысячу разъ хуже тѣхъ, кого осуждаемъ мы. Если я и говорю что нибудь о жестокостяхъ прежнихъ помѣщиковъ, то это отнюдь не есть осужденіе; это есть только желаніе передать грядущимъ поколѣніямъ о старомъ былomъ, чего теперь уже нѣтъ и чего уже и быть не можетъ;—я передаю только факты, безъ всякихъ предубѣжденій.

Крестьяне враждебно относились къ господамъ своимъ. Но, послѣ того, какъ сами господа относились къ крестьянамъ, лучшихъ отношеній отъ крестьянъ къ господамъ и требовать невозможно.

При такомъ-то положеніи дѣла послѣдовалъ манифестъ 19-го февраля 1861 года. Естественно, что помѣщики не могли разомъ оторваться отъ вѣковыхъ своихъ привычекъ; не могли, конечно, и крестьяне вдругъ переродиться. Освободившись изъ-подъ тяжелаго гнета, они всю ненависть свою къ господамъ своимъ стали выражать грубостью имъ. Поэтому, на первое время, и было мно-

---

[1]) Лѣтъ пять тому назадъ мнѣ попался одинъ старичокъ изъ Саратовской губ. Петровскаго уѣзда, села П., и разсказалъ мнѣ о старомъ своемъ житьѣ-бытьѣ: «бывало, говоритъ, наша барыня отберетъ парней да дѣвокъ человѣкъ тридцать, мы посажаемъ ихъ на тройки, да и повеземъ на Урюпинскую ярмарку продавать. Я былъ въ кучерахъ. Сдѣлаемъ тамъ, на ярмаркѣ, палатку да и продаемъ ихъ. Больше все покупали армяне. Коль подойдетъ кто изъ начальства, то барыня говорила, что она отдаетъ въ наймы. Каждый годъ мы возили. Ужъ сколько вою бывало на селѣ, какъ начнетъ барыня собираться въ Урюпино».

Сельскій священникъ.

жество столкновеній помѣщиковъ съ крестьянами, особенно съ домашней прислугой. Изъ множества извѣстныхъ мнѣ случаевъ разскажу два—три, которые хорошо характеризуютъ это время.

Хорошій мой знакомый, помѣщикъ Л., закричитъ, бывало, на весь домъ: „человѣкъ, подай платокъ!“ Платокъ лежитъ на другомъ концѣ стола, за которымъ онъ сидитъ. Лакей не шелохнется. Посидитъ немного баринъ и опять закричитъ, но уже много-много тише. Лакей ни съ мѣста. Догадался баринъ, въ чемъ тутъ дѣло, да и передъ постороннимъ стыдно, и говоритъ обыкновеннымъ человѣческимъ говоромъ: „человѣкъ, платокъ подай!“ Тотъ подходитъ и подаетъ. Дѣвица, дочь Ж., обуваясь, однажды разсердилась на горничную, что та неловко надѣвала башмакъ, и ткнула ее ногой въ лицо. Горничная: „да ты что брыкаешься, какъ коза? Вѣдь я ужъ твоя не крѣпостная!“ пихнула ногу и сейчасъ потребовала расчета.

Самъ Ж., какъ я говорилъ уже, убѣдилъ своихъ бывшихъ крестьянъ принять полный надѣлъ и отвелъ имъ лучшую землю. Но этой же весной, когда онъ попросилъ мужиковъ набить ему ледникъ, то ни одинъ изъ нихъ не поѣхалъ, и только тогда согласились набить, когда онъ выдалъ имъ впередъ 50 рублей.

И. Г. Б. выдавалъ замужъ свою дочь, и ко дню свадьбы, въ помощь своему повару, пригласилъ двоихъ изъ С. Въ самый день свадьбы приглашенные повара напились до полусмерти, а свой и остальная прислуга, начиная отъ горничной до кучера, пришли къ барину и потребовали или прибавки жалованья по 5 рублей въ мѣсяцъ и выдачи впередъ всего жалованья за три мѣсяца, или немедленнаго расчета. Прибавки жалованья и расчета потребовала вся прислуга,—до единаго. Сколько ни бился Б., но вынужденъ былъ выдать деньги.

Года черезъ два, по отпускѣ на волю крестьянъ, нельзя было узнать ни барскихъ домовъ, ни крестьянскихъ гуменъ. Господа опустили руки; почти всѣ они уѣхали въ города, дома побросали; все, что было можно продать, распродали; остальное все развалилось. Ѣдешь мимо барской усадьбы и видишь: домъ пустой, стекла перебиты, ворота полурастворены или упали, конюшни, хлѣва, овчарни, риги,—все покосилось, крыша свалилась совсѣмъ,—ну, точно домъ брошенъ 10—15 лѣтъ. Ѣдете въ слѣдующую деревню—

то же самое; ѣдете дальше—то же, и такъ почти вездѣ! Очень многіе тотчасъ продали свои имѣнія за ничто. Нѣкто, купецъ А., объявилъ, что онъ даетъ деньги подъ залогъ земли, и многіе бросились къ нему. Онъ, дѣйствительно, и сталъ давать отъ 10 до 15 р. за десятину; но давалъ только тѣмъ, кого зналъ, что тотъ долга уплатить не можетъ, и при этомъ съ условіемъ, что, въ случаѣ неуплаты въ срокъ денегъ, земля остается за нимъ. Такимъ образомъ въ короткое время онъ оттягалъ болѣе 100,000 десятинъ.

Впрочемъ, отпускъ крестьянъ только ускорилъ продажу земли. Всѣ эти господа и безъ того не надолго бы намотались, какъ, напримѣръ, Сл—вы, Ком—вы и другіе. Люди солидные были солидными, солидными и остались, и мы видимъ теперь, что многіе помѣщики хозяйство свое значительно улучшили.

Сельскій священникъ.

ПРОТОІЕРЕЙ ГЕРАСИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАВСКІЙ.

(Очеркъ его жизни по новымъ матеріаламъ).

1787—1863.

III [1]).

Съ началомъ общественной дѣятельности начались для Павскаго и невзгоды, не прекращавшіяся во всю жизнь, съ которыми онъ, однако, благодаря своему кроткому и уживчивому характеру, умѣлъ управляться. Вотъ какъ говоритъ онъ самъ объ этомъ въ своей автобіографіи: «Спаситель сказалъ: «будите мудри, яко змія, и цѣли, яко голубіе». Половина жизни моей (учебная) соотвѣтствовала сей заповѣди: будите цѣли яко голубіе. Тогда я ни о чемъ не думалъ, какъ кроткій голубь. Училъ уроки, исполнялъ приказанное, ни въ чемъ не противился начальству, велъ себя осторожно. Но когда наступила самостоятельная моя жизнь, тогда не достало у меня зміиной мудрости, то есть гибкости и увертливости предъ тѣми, которые любятъ зміинную мудрость. Страшно было для меня имя зміи, а между тѣмъ оказалось, что я среди змѣй живу, и если бы хотѣлъ добра мірскаго (да будетъ оно проклято!), то долженъ бы и подражать всему міру, который весь возлѣ лежитъ». «Вся жизнь моя (сначала) шла хорошо,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ той же автобіографіи. — Съ нравственной стороны я велъ себя осторожно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Богъ вложилъ въ меня духъ правъ и сердце робкое. На дѣла буйныя я не пускался, съ товарищами дерзкими я не дружился. А это въ нашихъ монашескихъ училищахъ считается отличнымъ дѣломъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Богъ вложилъ въ меня духъ правоты. И съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ понимать себя, всегда

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, кн. I, стр. 111–128, и кн. II.

старался говорить правду, какъ въ наукахъ, такъ и въ поступкахъ, и эта-то правда и повредила мнѣ въ жизни. Впрочемъ, предъ Богомъ и совѣстію не считаю себя потерявшимъ что нибудь: чистота совѣсти дороже всего на свѣтѣ. Мое правдолюбіе состояло въ томъ, что кто бы ни дѣлалъ что-либо худо, кто бы ни говорилъ что-либо дурно, я всегда осуждалъ открыто». Правдолюбіе это выражалось и въ научной дѣятельности: онъ всегда высказывалъ то, что̀ думалъ о предметахъ богословскихъ, высказывалъ прямо и открыто тѣ научно-богословскія убѣжденія, какія добылъ самостоятельнымъ мышленіемъ, самостоятельнымъ филологическимъ изученіемъ библіи. Убѣжденія эти—повторяемъ—отнюдь не противорѣчили символическому ученію церкви и не отрицали его; но этихъ убѣжденій не было выражено въ тогдашнихъ школьныхъ системахъ богословія, передѣланныхъ съ латинскихъ католическихъ учебниковъ, въ Кіевѣ; они были новымъ словомъ въ богословіи и потому—людьми рутины, безжизненными доктринерами схоластики, выдававшими себя за представителей православія—провозглашены ересью.

Занятія по преподаванію еврейскаго языка вызвали Павскаго на составленіе трехъ руководствъ по этому предмету: грамматики, христоматіи и еврейско-русскаго лексикона. Это были первые учебники по этому предмету, составленные русскимъ ученымъ. Грамматика и христоматія были напечатаны и служили учебными пособіями въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ до позднѣйшаго времени; лексиконъ остался ненапечатаннымъ,—неизвѣстно почему, хотя рукопись лексикона была уже просмотрѣна цензоромъ и одобрена къ печати. Путемъ преподаванія въ классѣ (съ 1814—по 1834 г.) и посредствомъ учебниковъ Павскій прочно поставилъ изученіе еврейскаго языка въ академіи и подготовилъ нѣсколькихъ хорошихъ русскихъ гебраистовъ и цѣлыя поколѣнія серьезныхъ преподавателей для семинарій. Изъ первыхъ извѣстенъ С. К. Сабининъ, бывшій сначала священникомъ въ Копенгагенѣ, потомъ протоіереемъ въ Веймарѣ, воспитанникъ IV-го курса Спб. академіи, извѣстный многими учеными трудами (между прочимъ по русскимъ древностямъ), напечатанными въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ другихъ изданіяхъ. У насъ въ настоящее время подъ руками многоученый трудъ его—переводъ съ еврейскаго книги пророка Исаіи, съ обширными историческими и филологическими примѣчаніями, не безъизвѣстный въ свое время спеціалистамъ, но по цензурнымъ условіямъ стараго времени оставшійся ненапечатаннымъ. Придерживаясь методы Павскаго, т. е. руководясь главнымъ образомъ подлиннымъ еврейскимъ текстомъ, удерживая еврейское раздѣленіе на главы, а также надписанія подлинника, онъ, однако же, работалъ

совершенно самобытно, при пособіи иностранныхъ сочиненій, относящихся къ предмету. Въ своихъ письмахъ къ Павскому, Сабининъ прямо говоритъ, что побужденіемъ, вызвавшимъ его на этотъ трудъ, были слова Павскаго, сказанныя по поводу сдѣланнаго Сабининымъ перевода книги Іова: «Желаю, чтобы сіе начало повело васъ къ дальнѣйшему изслѣдованію другихъ книгъ священныхъ». Онъ проситъ вниманія и участія Павскаго къ его новому труду, совершенному по его иниціативѣ.

Съ самаго начала своей службы въ академіи—съ 1814 года—Павскій былъ членомъ академической конференціи и въ этомъ званіи имѣлъ возможность оказывать просвѣщенное и благотворное свое вліяніе на общій ходъ преподаванія въ академіи. Между прочимъ, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія взглядъ Павскаго на преподаваніе философіи въ академіи, выраженный имъ по поводу возникшаго вопроса о пользѣ преподаванія этого предмета въ академіи и о размѣрѣ академическаго его курса. «Если бы подъ именемъ философіи разумѣлось то, что называли философіею у французовъ въ XVIII столѣтіи, т. е. такое грубое ученіе, которое допускало только то, что можно видѣть, слышать и осязать, и отвергало бытіе всего неподлежащаго чувствамъ, то такая безбожная философія никакъ не могла бы быть терпима въ духовныхъ училищахъ. Но если подъ именемъ философіи разумѣть знаніе законовъ натуры тѣлесной и духовной и приложеніе сего знанія къ жизни, то сія философія необходима для человѣка и, слѣдовательно, для воспитанниковъ духовныхъ училищъ. Между богословіемъ и философіей нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія. Для богослова философское знаніе необходимо уже потому, что богословіе есть изложеніе истинъ религіи въ возможноясныхъ для разума положеніяхъ». «Тогдашнее состояніе философіи, по мнѣнію Павскаго, представляетъ эпоху ея мужества, — для нея миновали уже лѣта дѣтства и юношества, въ которыя предавалась мечтамъ воображенія или служила страстямъ. Прежніе философы искали истины, но не обрѣтали ея, потому что или слѣдовали болѣе воображенію, нежели разсудку, или ничего не допускали выше разсудка, а наипаче блуждали потому, что не имѣли такого большаго запаса открытій физическихъ, астрономическихъ и математическихъ, какими пользуется нашъ вѣкъ». Кантъ, по мнѣнію Павскаго, лучшій философъ, давшій своей наукѣ истинное направленіе. Эти сужденія о философіи, высказанныя священникомъ, профессоромъ духовной академіи, въ вѣкъ гоненія на философію даже въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ эпоху Рунича и Магницкаго, вызванныя вопросомъ, на который желали и ожидали, можетъ быть, отвѣтъ от-

рицательный, — фактъ замѣчательный по отношенію къ характеристикѣ Павскаго, фактъ гражданской доблести. Можно сказать безъ преувеличенія, что Павскій своимъ энергическимъ и компетентнымъ отзывомъ спасъ философію для духовныхъ академій, чего не могли въ то время сдѣлать или не хотѣли—для университетовъ.

IV.

Переходимъ къ фактамъ дѣятельности и жизни Павскаго внѣакадемической. Въ 1815 году Павскій сдѣланъ былъ священникомъ къ Казанскому собору, при чемъ предварительно, разумѣется, вступилъ въ бракъ, который представляетъ ту особенность, что это не былъ бракъ импровизованный, какъ въ то время въ духовенствѣ случалось нерѣдко, но бракъ по любви, на дѣвушкѣ, съ семействомъ которой онъ былъ знакомъ давно, еще со времени студенчества, именно Евѳиміи Андреевнѣ Граціанской, дочери священника церкви св. Николая, что на Захарьевской улицѣ.

Радости семейной жизни освѣжающимъ образомъ, благотворно вліяли на его умственную жизнь и общественную дѣятельность, въ которую—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—погружался Павскій. Превосходный мужъ и примѣрный отецъ семейства (о чемъ свидѣтельствуютъ его фамильныя письма), человѣкъ безупречно-святой жизни, онъ воодушевлялся все бо̀льшею и бо̀льшею энергіей къ труду. Въ 1818 году къ званію профессора академіи и члена академической конференціи,—которая въ то время вѣдала учебныя дѣла не только академіи, но и семинарій петербургскаго духовно-учебнаго округа, и, кромѣ того, обязана была исполнять многочисленныя и разнообразныя порученія св. синода по ученымъ и педагогическимъ вопросамъ,—для него присоединилась должность члена комитета духовной цензуры, которую онъ занималъ до 1827 года. Въ 1819—1820 годахъ онъ состоялъ членомъ комитета, образованнаго для составленія дополнительныхъ правилъ устава духовной цензуры. И въ званіи члена цензурнаго комитета Павскій проявилъ особенность, ему одному свойственную: сочиненія, которыя могли бы, по цензурнымъ правиламъ, быть оставлены безъ разсмотрѣнія и не пропущены въ печать, какъ по характеру содержанія, такъ и по причинѣ недостатковъ стилистическихъ и грамматическихъ, онъ нерѣдко исправлялъ самъ или по просьбѣ авторовъ и они являлись на свѣтъ Божій. Нѣкто Покровскій перевелъ съ англійскаго проповѣдь Блэра о причащеніи, содержавшую мѣста, неудобныя въ печати съ православной точки зрѣнія.

По просьбѣ переводчика, вслѣдствіе указаній, сдѣланныхъ ему Павскимъ, Герасимъ Петровичъ, выпустивъ часть проповѣди, содержавшую протестантскія воззрѣнія, замѣнилъ ее собственнымъ православнымъ разсужденіемъ о томъ же предметѣ, и никто и не подозрѣвалъ, какой метаморфозѣ подверглось сочиненіе Блэра въ цензурномъ комитетѣ [1]). Знаменитый проповѣдникъ своего времени, протоіерей Маловъ, почетный членъ Россійской академіи, представляя Павскому, какъ цензору, одно изъ своихъ изданій, въ рукописи, просилъ его на поляхъ тетради сдѣлать свои замѣчанія, примѣнительно къ которымъ могъ бы, предварительно печатанія, сдѣлать нужныя исправленія. Это, конечно, не входило въ кругъ обязанностей цензора, тѣмъ не менѣе Павскій исполнилъ просимое, и книга Малова вышла въ свѣтъ не только съ цензурнаго разрѣшенія, но и подъ редакціей Павскаго, со всѣми исправленіями, сдѣланными имъ въ рукописи. Такихъ фактовъ извѣстно нѣсколько изъ цензорской дѣятельности Герасима Петровича.

Въ 1817 году Павскій временно преподавалъ законъ Божій въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, по причинѣ отсутствія изъ столицы его штатнаго законоучителя, протоіерея Николая Васильева, командированнаго въ Берлинъ для приготовленія къ священному муропомазанію великой княжны Александры Ѳеодоровны. Черезъ полгода Павскій отказался отъ этой должности, вслѣдствіе отдаленности лицея, который въ то время, какъ извѣстно, находился въ Царскомъ Селѣ, отъ мѣста его жительства; тѣмъ не менѣе, онъ оставилъ наилучшее впечатлѣніе въ лицахъ, тамъ начальствовавшихъ, по представленію которыхъ ему пожалованъ былъ брилліантовый перстень, и учащихся,—что проложило ему путь къ занятію каѳедры профессора богословія въ университетѣ, въ 1819 году, въ февралѣ. Графъ Уваровъ, попечитель Петербургскаго учебнаго округа, знавшій и уважавшій Павскаго въ качествѣ гебраиста и знатока литературъ Востока—предмета, въ которомъ, между прочимъ, онъ и себя считалъ спеціалистомъ,—пригласилъ Герасима Петровича занять каѳедру во вновь открытомъ университетѣ. Лекціи Павскаго въ университетѣ привлекали громадное количество слушателей. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи ни одного полнаго экземпляра университетскихъ лекцій Павскаго, и не можемъ подробно изложить ихъ содержаніе и характеръ. Извѣстно только, что онъ читалъ, совмѣстно или одинъ за другимъ, три богословскихъ предмета: богословіе догмати-

---

[1]) См. «Очеркъ» Протопопова, стр. 30—31.

ческое, богословіе нравственное и «исторію развитія религіозныхъ идей въ человѣческомъ обществѣ». Нельзя не предположить, что лекціи Павскаго должны были обладать весьма солидными достоинствами, если въ состояніи были заинтересовать свѣтскую молодежь. Особенно въ этомъ отношеніи долженъ былъ имѣть интересъ третій курсъ Павскаго — «исторія развитія религіозныхъ идей въ человѣческомъ обществѣ». Судя по заглавію, это должно было быть нѣчто среднее между такъ называемымъ основнымъ богословіемъ, которое, какъ особая наука, не преподавалось въ то время даже въ духовныхъ академіяхъ (здѣсь она появилась, кажется, не раньше Иннокентія, впослѣдствіи извѣстнаго архіепископа одесскаго, знаменитаго проповѣдника), и философіей религіи, также неизвѣстной въ то время. Судя по отрывкамъ изъ этихъ лекцій, приводимымъ въ брошюрѣ о. Протопопова, нужно заключать, что Павскій старался въ своихъ лекціяхъ, такъ сказать, раціонализировать религіозное ученіе, сопоставить его съ общечеловѣческимъ міросозерцаніемъ научнымъ и доказать состоятельность его предъ запросами раціоналистическаго отрицанія. Этой цѣли профессоръ достигалъ, стараясь, — по словамъ о. Протопопова,—каждое явленіе религіозной жизни человѣчества объяснить такимъ образомъ, чтобы оно представлялось слушателямъ, какъ необходимое слѣдствіе законовъ естественныхъ и откровенныхъ. Такъ, происхожденіе жертвъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ искать въ чувствѣ преданности и благоговѣнія, какое низшій оказываетъ высшему. Оттого жертвы столько-же древни, какъ древенъ родъ человѣческій, и столько же всеобщи, какъ всеобще въ людяхъ чувство благоговѣнія къ Существу Высочайшему. Различіе въ жертвахъ произошло отъ различія климатовъ, обыкновеній и нравовъ; но всѣ народы, во всѣхъ земляхъ, жертвами выражаютъ одну мысль, что есть выше человѣка Существо, отъ котораго все исходитъ.—Переходя затѣмъ къ богооткровенной религіи іудеевъ, Павскій говоритъ, что въ ветхозавѣтное жертвоприношеніе Богъ вложилъ понятія, сообразныя откровеннымъ истинамъ, и такимъ образомъ это жертвоприношеніе, питая нравственныя чувства, внушая законы, вмѣстѣ съ тѣмъ отклоняло сердца евреевъ отъ идолослуженія къ единому истинному Богу. Но единственною вполнѣ умилостивительною жертвою,—прибавляетъ православный лекторъ,—была жертва, принесенная Іисусомъ Христомъ за грѣхи всего міра. Подобнымъ образомъ, необходимость откровенія доказывается всеобщимъ желаніемъ и вѣрованіемъ въ откровеніе. «Отъ самой глубокой древности, у народовъ просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ, видимъ прорицалища—еивское, аммонское, додонское и пр., къ которымъ стекались простолюдины и мудрецы, цари и

вельможи—просить совѣта въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ. Уваженіе, оказываемое сибилламъ, гадателямъ, прорицателямъ, жрецамъ, не было бы такъ всеобщимъ, если бы не основывалось на истинномъ и всеобщемъ внутреннемъ вѣрованіи, что на землѣ человѣкъ безъ высшаго вліянія небесныхъ силъ не все видитъ, не такъ мыслитъ, не то дѣлаетъ, не столько знаетъ, сколько долженъ видѣть, знать и дѣлать истинный человѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что суевѣріе, хитрость, корыстолюбіе, невѣжество—много способствовали къ подкрѣпленію сего вѣрованія, но положить въ сердце основаніе сему вѣрованію не могли никакіе мудрецы, ни волхвы персидскіе, ни гимнософисты индійскіе, ни шаманы тибетскіе, ни друиды галльскіе, ни гвебры Зороастровы». «Въ основѣ этой вѣры лежитъ преданіе объ истинной религіи, первоначально общей всему человѣчеству. Отъ самаго сотворенія міра и человѣка до нашего времени есть непрерывающаяся струя Божія слова, научающаго людей истинѣ и добродѣтели. Прошедшее ручается за будущее, и потому мы вѣримъ и знаемъ, что слово Божіе не умолкало и не умолкнетъ во всѣ вѣка». Эти двѣ выдержки изъ лекцій Павскаго, мало знакомя съ содержаніемъ ихъ въ ихъ цѣломъ составѣ, тѣмъ не менѣе даютъ нѣкоторое понятіе объ усвоенномъ имъ методѣ богословскаго изслѣдованія. Это — методъ историко-сравнительный, дополняемый и вспомоществуемый данными и соображеніями, заимствованными изъ философіи религіи. Нельзя не пожалѣть, что авторъ «Очерка», имѣвшій у себя подъ руками эти лекціи Павскаго, не счелъ, однако, своимъ правомъ подробнѣе изложить ихъ содержаніе и привести еще нѣсколько выдержекъ изъ нихъ. Будемъ надѣяться, что когда нибудь эти лекціи будутъ напечатаны, и исторія русскаго богословія будетъ имѣть возможность сдѣлать болѣе обстоятельную оцѣнку этихъ трудовъ одного изъ замѣчательныхъ нашихъ богослововъ. Мы же, съ своей стороны, можемъ здѣсь лишь привести отзывъ объ этихъ лекціяхъ лица, компетентность котораго нельзя не признать. «Я имѣлъ счастіе,—говорилъ въ торжественномъ собраніи академіи наукъ, 29-го декабря 1863 г., академикъ А. В. Никитенко,—быть однимъ изъ учениковъ Павскаго, и не могу произнести имени его безъ глубокаго уваженія и благодарности. Я увѣренъ, что всѣ, подобно мнѣ обязанные Павскому частію своего образованія, всѣ университетскіе его слушатели, до кого достигнетъ это слово, живо воскресятъ въ своей памяти черты, отличавшія духъ его ученія и служившія живымъ отпечаткомъ его ума, знанія и сердца. Курсъ его былъ очень обширенъ и богатъ содержаніемъ.... Въ чтеніяхъ Павскаго было что-то совершенно своеобразное, ему одному свойственное, важность и почти

младенческое добросердечіе, сила и простота, соединенная съ глубокостію воззрѣній и удивительнымъ богатствомъ знанія, и дѣйствіе этихъ чтеній содержало въ себѣ такъ много связующаго душевныя силы слушателей его съ предметомъ ученія, что для нихъ становилось однимъ и тѣмъ-же—знать, убѣждаться и чувствовать» [1]). Таковъ отзывъ о его лекціяхъ одного изъ университетскихъ его слушателей. А вотъ отзывъ и одного изъ слушателей его лекцій академическихъ. Въ 1830 году профессоръ философіи въ Рязанской семинаріи, Алексѣй Дроздовъ (не родственникъ-ли митрополита Филарета?), препроводилъ на имя Павскаго въ рукописи свое сочиненіе: «Черты нравственной философіи», посвящая это сочиненіе ему, какъ своему дорогому и любимому наставнику; въ этомъ посвященіи авторъ говоритъ: «Годъ тому назадъ, я, бывши студентомъ С.-Петербургской духовной академіи, имѣлъ счастіе знать васъ столько, сколько знаетъ воспитанникъ своего бывшаго наставника. Ссылаюсь на всѣхъ товарищей моихъ, что ваши обширныя свѣдѣнія и особенно ваши истинно-наставническія чувствованія были причиною нашей любви и уваженія къ вамъ. Надобно не имѣть сердца, чтобы не быть признательнымъ къ человѣку, подобному вамъ. Непрестанное пріятное воспоминаніе о васъ, доброе, искренное слово, сказанное кое-гдѣ о усердіи, съ какимъ вы принимаете участіе въ образованіи духовнаго юношества, о привязанности къ вамъ всѣхъ студентовъ академіи, о томъ, что любятъ и уважаютъ васъ всѣ образованные жители столицы—были до сего времени небольшою данію, которую я приносилъ уму, добродушію и познаніямъ особы, имѣющей право на почтеніе всякаго, кто только можетъ видѣть и цѣнить истинное достоинство человѣка. Но могла-ли благодарная душа юноши, по природѣ чувствительнаго, насытиться одними сладкими воспоминаніями о васъ?» Кстати замѣтимъ, что сочиненіе Дроздова, очень не дурное для своего времени, осталось въ рукописи и сохранилось въ единственномъ экземплярѣ въ бумагахъ Павскаго.

V.

Въ 1821 году, ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, архимандритомъ Григоріемъ (впослѣдствіи митрополитомъ с.-петербургскимъ), основанъ былъ при академіи ежемѣсячный журналъ—«Христіанское Чтеніе» (существующій и доселѣ). Это былъ первый органъ русской духовной учености: члены академической ученой корпораціи, а равно бывшіе воспитанники академіи, горячо принялись

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1864 г., № 9.

сотрудничать въ этомъ изданіи. Имѣлось въ виду противодѣйствовать распространенію въ обществѣ мистическихъ и масонскихъ ученій чрезъ изложеніе истинно-христіанскаго, символически-православнаго ученія о тѣхъ предметахъ, которые трактовались или отчасти затрогивались въ сочиненіяхъ Бема, Эккартсгаузена, Штиллинга, г-жи Гіонъ и другихъ. Павскій былъ изъ числа первыхъ и главныхъ сотрудниковъ журнала. По усвоенному редакціей правилу, статьи въ журналѣ печатались безъ подписей авторовъ, и въ настоящее время нѣтъ возможности указать всѣхъ статей въ этомъ журналѣ, принадлежащихъ перу Павскаго, такъ какъ и въ архивѣ редакціи не сохранилось всѣхъ необходимыхъ указаній по этому предмету; по крайней мѣрѣ намъ, при составленіи «Систематическаго указателя къ «Христіанскому Чтенію» (С.-Петербургъ, 1872 г.), не удалось отыскать такихъ указаній. По бумагамъ Павскаго извѣстно, что ему принадлежатъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» слѣдующія статьи: «О религіи» (изъ университетскихъ лекцій, напечатано въ 1821 г.), шесть статей о богословіи св. Григорія Богослова (1828 г.), рядъ статей «О таинственной вечери І. Христа у христіанъ при апостолахъ и послѣ апостоловъ» (также изъ университетскихъ лекцій); «О цѣли говѣнія и порядкѣ благоговѣйныхъ занятій христіанина, приготовляющагося къ св. причащенію» изъ уроковъ Наслѣднику Цесаревичу (напеч. въ 1833 г.); объясненіе притчей: о талантахъ, о пшеницѣ и плевелахъ, о гостяхъ, званныхъ на вечерю, о брачномъ пирѣ и о званныхъ на пиръ, о виноградникахъ, о смоковницѣ. Кромѣ оригинальныхъ статей, перу Павскаго въ «Христіанскомъ Чтеніи» принадлежитъ бо́льшая часть переводовъ святоотеческихъ твореній, напечатанныхъ отъ начала изданія до 1839 года включительно. Изъ найденныхъ нами въ бумагахъ Павскаго протоколовъ редакціи мы узнаемъ, что ему же поручено было преосв. Григоріемъ, основателемъ журнала, завѣдываніе всею переводною частію журнала—пересмотръ переводныхъ статей какъ съ древнихъ, такъ и новыхъ языковъ, и окончательное одобреніе ихъ къ напечатанію[1]). Не ограничиваясь сотрудничествомъ въ «Хри-

[1]) Во время печатанія настоящей статьи, мы, разобравъ бумаги архива редакціи «Хр. Чтенія», нашли, что сотрудничество Павскаго въ этомъ журналѣ имѣло гораздо большіе размѣры, нежели какъ принято это думать. За одни первыя пять лѣтъ журнала списокъ статей, принадлежащихъ перу Павскаго, занялъ бы нѣсколько страницъ. Между прочимъ замѣчательно, что ему принадлежитъ переводъ почти всѣхъ святоотеческихъ твореній, напечатанныхъ въ «Хр. Чтеніи» за эти годы,—обстоятельство весьма важное въ виду обвиненія нашего автора въ неологизмѣ. Если собрать въ одно изданіе всѣ статьи Павскаго, напечатанныя въ «Хр. Чтеніи», то составилось бы не менѣе 10—12 объемистыхъ томовъ. Н. Б.

стіанскомъ Чтеніи», Павскій печаталъ свои статьи историческаго содержанія въ свѣтскихъ журналахъ: въ «Библіотекѣ для Чтенія» за первые годы ея изданія, въ «Лѣтописи факультетовъ», издававшейся Галичемъ и Плаксинымъ («О состояніи россійской церкви подъ управленіемъ патріарховъ»), позже—въ «Извѣстіяхъ II-го отдѣленія академіи наукъ» (записка «О новомъ изданіи русскаго словаря»). Исчисленными статьями, конечно, далеко не исчерпывается весь итогъ литературно-ученой дѣятельности Павскаго. Въ бумагахъ его сохранились отрывки изъ обширнаго, по видимому, «разбора русской грамматики Греча, гдѣ онъ пытается установить, вопреки этой грамматикѣ, новыя начала формъ глагола и такъ называемыхъ частицъ рѣчи. Здѣсь же мы нашли, сдѣланный Павскимъ, «Переводъ Слова о полку Игоревѣ»; о достоинствѣ этого перевода, помѣщаемаго ниже, въ приложеніяхъ, читатели могутъ судить сами. О главномъ ученомъ трудѣ его по русской филологіи, «Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка», мы скажемъ ниже.

Разгромъ, постигшій Петербургскій университетъ при Руничѣ, отозвался и на Павскомъ. Руничъ, сначала нѣсколько благоволившій къ Павскому, нашелъ зловредными его лекціи по «исторіи постепеннаго развитія религіозныхъ идей въ человѣческомъ обществѣ» и вмѣнилъ ему въ обязанность читать студентамъ университета вмѣсто этого курса церковную исторію по руководству, изданному для духовныхъ училищъ, и «объясненіе св. писанія» при пособіи извѣстной книги, составленной митрополитомъ Амвросіемъ. Не раньше какъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова, когда въ университетѣ возстановлено было преподаваніе забракованныхъ Руничемъ профессоровъ, и Павскій получилъ возможность возобновить свои лекціи по «исторіи развитія религіозныхъ идей въ человѣческомъ обществѣ».

Приведемъ, въ заключеніе этой части біографіи Павскаго, слѣдующія слова одного изъ его некрологовъ.

«Никогда и нигдѣ Павскій не былъ ни механическимъ исполнителемъ своихъ обязанностей, ни сухимъ излагателемъ затверженныхъ формулъ. Живя самъ полною внутреннею жизнію, онъ вносилъ жизнь во все, чего ни касался. У него все жило. Всякое понятіе, прошедшее чрезъ его мысль, облекалось плотію и кровію и изъ отвлеченнаго образа ума превращалось въ живое и органическое начало, питательно дѣйствовавшее на умы слушателей. Онъ не былъ краснорѣчивъ; но въ каждомъ его словѣ было что-то такое, что дѣлало его своеобразнымъ. Скажетъ будто простую вещь, а между тѣмъ такъ, какъ никто другой не скажетъ, и заставитъ задуматься. Онъ никогда не возбуждалъ удивленія въ слушателяхъ, но всегда пользовался ихъ глубокимъ вниманіемъ. Въ академіи, въ лицеѣ и въ университетѣ аудиторія его была всегда полна»[1].

[1]) «Странникъ» 1863 г. Хроника, стр. 66.

VI.

Время выступленія Павскаго на поприще общественной дѣятельности было временемъ развитія масонства въ Россіи. Нѣкоторыя масонскія ложи въ Петербургѣ пытались завербовать къ себѣ Павскаго. Не смотря на все свое уваженіе къ Фесслеру,—одному изъ главныхъ представителей масонства въ Россіи, за познанія въ еврейскомъ языкѣ, отъ него пріобрѣтенныя,—Павскій уклонился отъ этихъ домогательствъ. «И меня звали въ массоны,—говорилъ онъ,—да я не пошелъ. Не люблю кривыхъ дорогъ. Я бранивалъ за это и товарищей своихъ, которые любили закоулки». Мистицизмъ масонства въ толкованіи св. писанія былъ діаметрально противоположенъ тому методу священнаго экзегезиса, которому слѣдовалъ Павскій въ своихъ лекціяхъ по еврейской литературѣ—методу, какъ мы видѣли, строго научному, критическому. За то совершенно иначе отнесся Павскій къ «библейскому обществу», открытому въ Россіи въ 1812 году. Общехристіанскія задачи общества, состоявшія въ томъ, чтобы дать возможность всѣмъ вѣрующимъ читать слово Божіе на понятномъ для всѣхъ языкѣ, и чисто научный методъ веденія дѣла перевода библіи на русскій языкъ—возбудили живѣйшія симпатіи ученаго богослова, чуждаго предубѣжденій національности. Мы не будемъ распространяться объ этомъ весьма характеристичномъ явленіи въ исторіи русскаго общества и русской церкви: о немъ писано у насъ довольно (между прочимъ и въ «Русской Старинѣ»). Павскій вступилъ въ это общество въ званіи директора въ 1814 году, т. е. при самомъ началѣ своей учебной службы. Когда въ «обществѣ» рѣшено было, по мысли Государя, издать русскій переводъ библіи, на долю Павскаго, какъ лучшаго спеціалиста этого дѣла по профессіи, естественно выпала одна изъ главныхъ ролей. Св. синодъ поручилъ коммисіи духовныхъ училищъ избрать въ Петербургской духовной академіи способныхъ къ этому дѣлу лицъ и имъ поручить изготовленіе на первый разъ русскаго перевода четвероевангелія. Переводъ евангелія отъ Матѳея взялъ на себя Павскій, ректоръ Петербургской семинаріи архимандритъ Поликарпъ перевелъ евангеліе отъ Марка, баккалавръ академіи архимандритъ Моисей перевелъ евангеліе отъ Луки, Филаретъ взялъ на себя переводъ евангелія отъ Іоанна. Всѣ четверо были компетентные спеціалисты дѣла, взялись за него горячо и съ энергіей, и въ 1818 году четвероевангеліе въ русскомъ переводѣ было уже отпечатано. Вскорѣ за тѣмъ появился переводъ и остальныхъ новозавѣтныхъ книгъ, оканчивая апокалипсисомъ.

Имя Павскаго въ числѣ переводчиковъ этихъ книгъ не значится; но изъ протоколовъ библейскаго общества извѣстно, что ему, въ качествѣ директора библейскаго общества, былъ порученъ окончательный просмотръ и провѣрка перевода прежде одобренія его къ напечатанію. Эта провѣрка дѣлалась Павскимъ съ замѣчательною тщательностію и осмотрительностію, и стоила самостоятельнаго перевода: онъ влагалъ въ этотъ трудъ всю свою душу, всю энергію, и работалъ тѣмъ усерднѣе, что это было его любимое занятіе, съ которымъ онъ успѣлъ свыкнуться и сродниться на академической каѳедрѣ. При переводѣ книгъ ветхозавѣтныхъ, который былъ предпринятъ обществомъ съ 1820 года, Павскій принялъ на себя главный трудъ и всю отвѣтственность: онъ былъ главнымъ редакторомъ изданія, на обязанности котораго было приготовить непремѣнно въ окончательномъ видѣ часть перевода къ каждому засѣданію общества. Редактированіе состояло главнымъ образомъ въ сличеніи изготовляемаго другими членами коммисіи перевода съ еврейскимъ подлинникомъ и греческимъ переводомъ LXX-ти. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣнить, что не весь ветхій завѣтъ, а лишь книги историческія, оканчивая первою книгою царствъ, изданы были подъ редакціей Павскаго. Еще раньше этого труда Павскій изготовилъ самъ переводъ своей любимой книги св. писанія—книги псалмовъ, предмета его спеціальныхъ занятій еще на студенческой скамьѣ. Переводъ этотъ онъ представилъ въ комитетъ, который одобрилъ его безусловно, безъ исправленія, и напечаталъ. Впрочемъ, этою редакціонною работой не завершился трудъ Павскаго для св. писанія. Онъ былъ продолженъ имъ на классахъ еврейскаго языка въ академіи,—о чемъ мы скажемъ ниже. Здѣсь замѣтимъ, что этотъ трудъ, въ своей совокупности, то есть одна часть его, совершенная въ качествѣ директора библейскаго общества, другая—въ качествѣ преподавателя еврейскаго языка въ академіи—составляетъ трудъ по-истинѣ колоссальный, монументальный, котораго одного вполнѣ достаточно для того, чтобы увѣковѣчить память Павскаго въ русской исторіи. Здѣсь одинъ человѣкъ, и притомъ первый, совершилъ то, что впослѣдствіи, уже на основаніи и при помощи его труда, сдѣлано было цѣлыми коммисіями, избранными изъ академическихъ корпорацій, по частямъ. Такъ какъ труды Павскаго по переводу библіи на русскій языкъ для библейскаго общества совершены были по порученію академіи, то академія сочла себя обязанною—ходатайствовать и о награжденіи труженика за нихъ: онъ былъ произведенъ (въ 1818 г.) изъ баккалавровъ въ профессоры, возведенъ на степень доктора богословія (по представленію Филарета и Григорія—замѣ-

нявшаго Филарета въ званіи ректора—двухъ докторовъ богословія). Это была высшая награда, какую могла присудить академія. Кромѣ того, Павскій былъ Высочайше пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени,—награда, которая въ его время въ бѣломъ духвенствѣ была рѣдкою, исключительною.

VII.

Въ 1824 году Павскаго постигло величайшее горе, какое, по его сознанію, ему довелось знать въ жизни: онъ лишился своей нѣжнолюбимой супруги, Евфиміи Андреевны. Добродѣтельный священникъ во всю остальную жизнь свою не могъ достаточно оплакать это горе, горе для всякаго, но величайшее—для православнаго священника. Незадолго до его смерти намъ приходилось видѣть слезы на его глазахъ при воспоминаніи объ этой утратѣ. Письма Павскаго къ женѣ прекрасно обрисовываютъ его какъ семьянина, мужа и отца. Самая нѣжная и трогательная, можно сказать—идиллическая любовь выражается въ этихъ письмахъ знаменитаго ученаго. Тонъ писемъ иногда шутливый, иногда скорбный: супруга Павскаго часто хворала. Позволимъ себѣ привести одно письмо для характеристики его, какъ семьянина.

«Душенька, я долго еще къ тебѣ не буду. Не ранѣе пятницы, да и то не знаю. Во вторникъ кончится экзаменъ. Въ четвертокъ будетъ собраніе въ библейскомъ обществѣ, гдѣ мнѣ, какъ директору и въ первый разъ, непремѣнно быть надобно. Ты думаешь—мнѣ не скучно? Я безъ тятеньки и маменьки. А ты не скучай: ты съ тятенькой и съ маменькой. Праздникъ нашъ вотъ уже и проходитъ. Гостятъ у меня только волковскіе (т. е. священникъ съ Волковскаго кладбища съ женой, родственники Павскаго). А кто еще придетъ—всѣхъ употчую: вина много. Кофею нѣту. Сахару немножко. Скажу—не осудите: душеньки нѣту, а безъ душеньки и ничего нѣту. Не скучай, миленькая. Кушай ягодки. Или въ пятницу или въ субботу непремѣнно пріѣду... Безъ тебя я все въ Невскомъ обѣдаю. Въ четвертокъ поминали Строганова, въ пятницу послѣ экзамена у митрополита обѣдали, въ субботу у о. ректора, въ воскресенье закусками сытъ. А кабы съ Фименькой быть (жену Павскаго звали Евфимія Андреевна), то всего бы было лучше. Послѣ пятницы ежели что будетъ держать—все брошу, да уѣду къ тебѣ. Я знаю, что тебѣ скучнѣе моего. Я мужчина, а ты—женщина. И я не безъ слезъ иногда, а ты, я думаю, и вдвое. Прощай. Кланяйся отъ меня батюшкѣ и матушкѣ, пусть поберегутъ тебя».

«Полно скучать, матушка,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ женѣ, отъ 6-го іюля 1821 года.—Плюнь на всѣ бѣды, да живи весело. По записочкѣ твоей мы все исполнили. Праздникъ праздную весело, позови своихъ и пируй, какъ будто у Казанской. Въ гостинцы посылаю тебѣ десятокъ безъ одного апельсиновъ, да небольшую дыню.—У васъ садъ подлѣ, купите еще ягодъ. Я думаю, вина у васъ нѣтъ. Такъ я послалъ бутылку бишофу, да бутылку мадеры». «Не скучай, миленькая. Я буду какъ можно скорѣе поспѣшать къ тебѣ. Въ гостяхъ были у меня волковскіе, Якимъ Семенычъ и Иванъ Андреичъ. Пажескіе пришли было безъ меня во время вечерни, да узнавъ, что тебя нѣтъ дома, ушли. Коли не будешь скучать, то я тотчасъ пріѣду. А будешь, такъ и не скоро буду.

Что ты писала, я все исполню, душенька. У тебя все есть, и тятенька и маменька, и ягодки, и цвѣточки, и хорошій воздухъ. А у меня только дыня, да десятокъ апельсиновъ, которые теперь принесли изъ Милютиныхъ, да вина много, а мнѣ что въ немъ? Прощай, дорогая моя охапочка».

Можно ли было ожидать такихъ нѣжныхъ сонетовъ отъ глубокаго мыслителя и ученаго, погруженнаго въ сухія филологическія изслѣдованія? Дѣло въ томъ, что Павскій былъ натура цѣльная, жившая не только головою, но и сердцемъ, всею полнотою духовно-нравственной жизни. Такихъ писемъ, какъ предыдущія, къ его женѣ сохранилось въ его фамильныхъ бумагахъ не мало. Отправивъ ее, по совѣту врача Грина, въ деревню, къ своему отцу, Павскій постоянно пишетъ ей, успокоиваетъ ея тревоги, высказываетъ заботливость о ея недугахъ,—и всегда письма эти дышатъ тою трогательною нѣжностью, какою отличаются письма, нами приведенныя. Да и сама жена Павскаго была женщина рѣдкая по своимъ нравственнымъ качествамъ. Вотъ, напримѣръ, какое письмо къ своей сестрѣ она диктуетъ своему мужу за полтора мѣсяца до своей кончины (19-го сентября 1824 года).

«Любезнѣйшая сестрица Анна Андреевна. Давно я собиралась вамъ писать. Но какъ знаю, что больно это слышать для васъ, то и отлагала день за день, да и мѣсяцы прошли. Я больна пятый мѣсяцъ. Я примѣчаю въ себѣ, что я послѣдніе дни отживаю. Любезнѣйшая сестрица! Я знаю, что вы меня любили, такъ вѣрно и дѣтей моихъ будете любить. Я надѣюсь, что вы будете въ Петербургѣ, и тогда-то не откажетесь заступить мѣсто матери моимъ дѣтямъ. Въ той надеждѣ буду умирать, что не откажете въ моей просьбѣ. Любезнѣйшій Ермолай Ивановичъ. Не откажите въ моей просьбѣ, постарайтесь возвратиться сюда. Сестрица, вы не печальтесь очень. Я вѣдь еще жива. А что отчаянна, такъ вѣдь люди не Богъ. Отецъ духовный сказалъ мнѣ: Богъ и изъ мертвыхъ воскрешаетъ. Прощайте, любезная сестрица. Прощайте, любезнѣйшій Ермолай Иванычъ. Прощай, милая Пашенька. Поучи моихъ дѣвчонокъ тому, что ты сама знаешь, чтобы были такъ же скромны и учтивы, какъ ты».

Узнавъ о болѣзни жены Павскаго, къ нему (25-го октября 1824 г.) пишетъ А. Н. Оленинъ:

«Вчера отецъ Михаилъ (Логановскій), бесѣдуя со мною, извѣстилъ меня, что супруга почтеннаго моего Герасима Петровича очень нездорова, а потому онъ находится въ горе (sic) и печали,—что я умѣю чувствовать, ибо долгое время также страдалъ, смотря на страданія моей жены. Но Богъ милостивъ, и ее спасъ. Надо надѣется (sic), что Онъ не менѣе милостивъ будетъ и для Герасима Петровича. Между тѣмъ, дабы разбить хоть несколько (sic) мрачныя его мысли, я посылаю ему двѣ книги, сочиненіе г-на Фабра д'Оливета (если онѣ почтенному Герасиму Петровичу неизвѣстны). Въ нихъ онъ найдетъ много мудростей касательно еврейскаго языка, а, можетъ быть, что нибудь и хорошее, коп во всякомъ враніе (sic) бываетъ. Герасимъ Петровичъ можетъ это сочиненіе у себя держать сколько ему будетъ угодно. Затѣмъ отъ души желаю ему здоровья и спокойствія».

Павскій чрезвычайно любилъ поэзію Жуковскаго, отличавшуюся столь сочувственнымъ нашему богослову романтическо-религіознымъ характеромъ. Подъ вліяніемъ, можетъ быть, этой поэзіи онъ и самъ дѣлалъ опыты излагать свои чувствованія въ стихахъ. Въ бумагахъ его сохранился черновой набросокъ дѣтскаго стихотворенія, написаннаго имъ, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ кончины его жены для его дѣтей—двухъ дѣвочекъ-малютокъ. Вотъ это стихотвореніе.

Маменька милая!
Рано кидаешь насъ.
Дочечкамъ маленькимъ
Худо безъ маменьки.
Кто намъ дастъ куколку
Въ день именинъ?
Кто дастъ обновочку
Къ свѣтлому дню?
Кто насъ нарядитъ,
Что любо глядѣть?
Маменька милая,
Рано кидаешь насъ!
Кто насъ поучитъ,
Когда подрастемъ?
Тятенька—съ книжками
Любитъ сидѣть,
Тятенька мальчиковъ
Ходитъ учить.
Дѣвочекъ маменьки
Учатъ вездѣ...
Маменька милая,
Рано кидаешь насъ!

Узнавъ о потерѣ Павскимъ жены, ректоръ академіи снова приступилъ къ нему съ убѣжденіемъ вступить въ монашество. Павскій энергически опять отказался. Причину своего отказа онъ теперь прежде всего указываетъ въ своемъ взглядѣ на монашество, который онъ вынесъ изъ изученія церковной исторіи: «Монашество,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—я понимаю дѣломъ нечистымъ и противнымъ закону натуры и, слѣдовательно, закону Божію, въ чемъ увѣрила меня и церковная исторія. Церковная исторія учитъ, что въ духѣ христіанской церкви и въ практикѣ ея не было монашества; было скитничество, отшельничество, но въ такомъ смыслѣ, въ какомъ утвердилось нынѣ, считалось богопротивнымъ». Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку этого мнѣнія Павскаго; но мы должны сказать, что съ строго-научной точки зрѣнія его нельзя принять безусловно. Институтъ монашества въ его идеальной формѣ во всѣхъ его видахъ, а

не въ видѣ только скитничества, есть учрежденіе несомнѣнно христіанское, церковное, каноническое. Но кромѣ убѣжденія въ неправотѣ монашества, образовавшагося въ немъ, можетъ быть, дѣйствительно, не безъ вліянія протестантской богословской литературы, изученіемъ которой онъ такъ усердно занимался, было другое побужденіе, почему отказался отъ него Павскій. Онъ боялся, что «ненавидѣвшіе» его, по его словамъ, монахи-іерархи, особенно митрополитъ Серафимъ, пріѣзжавшій изъ Москвы «постоянно съ злымъ на него сердцемъ», и Филаретъ, съ поступленіемъ Павскаго въ монашество получивъ власть, въ силу его монашескихъ обѣтовъ, безусловно, по своему усмотрѣнію, распоряжаться его судьбой, «могутъ загнать его въ какое нибудь захолустье». Онъ откровенно высказалъ Филарету это свое опасеніе. Филаретъ напрасно успокоивалъ его, увѣряя, что не только не загонятъ его, но выдвинутъ на болѣе видное мѣсто.

«Что было причиною уговаривать меня поступить въ монашество,—продолжаетъ Павскій въ своей автобіографіи,—отгадать не трудно. Имъ хотѣлось все прибрать въ свои руки. Съ того времени какъ Государи стали избирать и въ законоучители для своихъ дѣтей, и въ духовники—лицъ бѣлаго духовенства, монахамъ-іерархамъ показалось, что власть (въ церкви) отъ нихъ отходитъ, и слѣдовательно переходитъ къ бѣлому духовенству, а это—убійство для нихъ. И точно, въ моемъ опредѣленіи въ законоучители Наслѣдника престола видно было удаленіе Государя отъ монашескихъ происковъ».

Приводя эти слова изъ автобіографіи Павскаго, мы считаемъ излишнимъ прибавлять, что они, очевидно, сказались автобіографомъ подъ вліяніемъ его личныхъ обстоятельствъ и отношеній, и требуютъ значительныхъ ограниченій и исправленій.

Н. И. Барсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

ПЕРЕПИСКА 1828—1830 ГГ. [1]).

1828 г.

Дибичъ—Императору Николаю.

Au camp de Schoumla, ce 7 Août.

Sire! Au moment même où j'éxpedie le gensd'arme je viens de recevoir Votre lettre du 1-r Août, Sire. Je prie Votre Majesté Impériale de bien vouloir recevoir l'expression de la reconnaissance la plus sincère pour ce que Vous me daignez y dire, et le soin que vous veuillez bien prendre à ma santé.—Je me soumets à toutes les ordonnances des medecins, mais avec tout cela mon retablissement va lentement; je crois que plusieures journées froides et pluvieuses que nous avons eu depuis 3 jours ont contribué à retarder ma guérison, qui avance pourtant, mais de bien peu. J'espère pouvoir écrire à Votre Majesté plus en détail, sur les affaires d'ici, Jeudi, par l'aide de camp Friderichs. Je ne crois pas que jusqu'à l'arrivée de la Garde nous puissions entreprendre quelque chose sur Dschoumaya, ayant 12 brigades bien faibles d'infanterie et un contour de 50 verstes; mais, comme l'ennemi ne change en rien sa position, j'espère que l'arrivée de la Garde doit avoir les suites les plus décisives; car, gardant les retranchemens avec 20 m. hommes, et marchant avec le reste droit par la route de Dschoumaya, le Seraskir ne trouvera plus aucune ressource, et nous pouvons nous flatter de la ruine entière de presque tout le noyau de l'armée turque,—ce qui sera d'autant plus décisif, que, d'après les excellentes nouvelles que V. M. a daigné me communiquer de Paris et Londres, ces grands coups se portent à peu près en même temps.

Nous sommes tous bien enchantés de la prise de Poti. Cette place est de la plus grande importance pour notre commerce futur. Demain on chantera le Tedeum.—Le Maréchal se met aux pieds de Vos Majestés Impériales; j'ose de même mettre aux pieds de S. M. l'Impératrice ma plus profonde reconnaissance pour Son auguste souvenir, et supplie V. M. I. de daigner agréer les sentimens de la fidelité et du devouement les plus profondes, avec lesquels j'ai le bonheur d'être, Sire, de V. M. I. le très fidèle et très soumis serviteur C-te Diebitch.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110.

Лагерь подъ Шумлою, 9-го августа, 5 ч. пополудни.

(Переводъ). Ни третьяго дня, ни вчера, ни сегодня, до настоящаго часа, не происходило никакихъ событій; но мы получили прискорбное извѣстіе, что Ваше Величество лишились одного изъ самыхъ вѣрныхъ и прямодушныхъ слугъ, а мы всѣ—товарища, пользовавшагося общими любовью и уваженіемъ. Достойный Константинъ Бенкендорфъ, послѣ долгихъ страданій, скончался 6-го числа сего августа, въ полночь. Мадатовъ [1]) пишетъ, что онъ принялъ всѣ мѣры для положенія бренныхъ останковъ его въ свинцовый гробъ; а я прошу Деллингсгаузена [2]) распорядиться послѣдующею ихъ перевозкою до Коварны.

Здѣшнимъ нашимъ больнымъ полегче; особенно у Сухтелена силы возстановляются; но на него чувствительно подѣйствовала кончина нашего достойнаго Бенкендорфа. Потаповъ еще очень слабъ, но безъ лихорадки. Жомини страдаетъ нѣсколькими болѣзнями одновременно и похожъ на мертвеца. Ивановъ здоровъ и сохранилъ всю свою обычную веселость. Мои силы возстановляются лишь весьма медленно и докторъ еще не хочетъ, чтобы я выходилъ или ѣлъ что либо иное, кромѣ супа съ цыпленкомъ. Не нахожу, чтобы это очень подкрѣпляло, но покоряюсь, дабы потомъ меня не въ чемъ было попрекнуть.

Повелѣнія, которыя Вашему Величеству благоугодно было отдать относительно остановки гвардіи въ Коварнѣ и относительно морскаго экипажа, будутъ въ высшей степени полезны для продовольственной части. Фельдмаршалъ, съ своей стороны, принимаетъ всевозможныя мѣры для замѣщенія воловъ, павшихъ въ Молдавіи. Слава Богу, болѣзни ихъ, кажется, уменьшаются при болѣе прохладномъ, августовскомъ воздухѣ.

Надѣюсь, что Базарджикскій госпиталь сравняется съ прочими, особенно послѣ того, какъ водѣ возвратились ея прежнія, благопріятныя для здоровья, качества. Впрочемъ, госпиталю, устроенному въ пустынной мѣстности, на 600—1,000 чел. больныхъ, невозможно быть въ хорошемъ состояніи, когда число этихъ больныхъ вдругъ доходитъ до 3,000. Однако, больныхъ хорошо кормятъ, — а это весьма

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ назначенъ былъ, вмѣсто Бенкендорфа, начальникомъ Праводскаго отряда.

[2]) Флигель-адъютантъ полковникъ Деллингсгаузенъ состоялъ при генералъ-адъютантѣ Бенкендорфѣ.

важно. Что всего хуже, это—недостатокъ въ докторахъ. Хотя число ихъ удвоили, но и того слишкомъ мало, если не будутъ стараться, на сколько то возможно, увозить больныхъ изъ Базарджика къ морю. Весьма умѣренная смѣртность говоритъ, по видимому, въ пользу госпиталей; но надо, конечно, подождать зимнихъ мѣсяцевъ. Перемѣна дороги черезъ Дервентъ на Козлуджи кажется мнѣ дѣломъ нѣсколько рискованнымъ, пока не находится въ нашей безусловной власти правый берегъ Дѣвненскаго лимана, во многихъ мѣстахъ переходимаго вбродъ. Каждый транспортъ потребовалъ бы сильныхъ прикрытій, которыхъ ни Меншиковъ, ни Мадатовъ не могутъ доставлять; этапы же, имѣющіе довольно силы для обезпеченія отъ нападеній вооруженныхъ жителей, будутъ недостаточны противъ сильныхъ партій, высылаемыхъ со стороны лимана. Посему мнѣ кажется, что, пока мы не будемъ владѣть берегами Камчика, дорога эта,—какъ бы хороша она ни была и какихъ бы преимуществъ, во многихъ отношеніяхъ, ни имѣла,—можетъ быть очень пригодною для передвиженія значительныхъ массъ войскъ, направляемыхъ изъ Коварны въ Шумлу, но не для перевозки транспортовъ. Тѣмъ не менѣе, всякаго рода рекогносцировки будутъ произведены и, какъ только обстоятельства дозволятъ, линія передвиженій будетъ перенесена туда.

Фельдмаршалъ, посѣтивъ раненыхъ въ послѣднемъ дѣлѣ, которое было у Ридигера [1]), и разспрашивая ихъ о всѣхъ подробностяхъ, услыхалъ, что Азовскій полкъ—въ особенности же одинъ баталіонъ—выказалъ колебаніе въ исполненіи общихъ распоряженій. Такъ какъ слухъ этотъ (по крайней мѣрѣ—отчасти) былъ подтвержденъ самимъ раненымъ начальникомъ дивизіи, который былъ недоволенъ недостаткомъ рвенія въ Азовскомъ полку, и такъ какъ полкъ этотъ попалъ на мое замѣчаніе при началѣ осады Браилова, то фельдмаршалъ приказалъ принцу Виртембергскому объявить полку, что онъ будетъ раскассированъ при первомъ же случаѣ, гдѣ не покажетъ себя достойнымъ славы служить подъ русскими знаменами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ произвести слѣдствіе надъ нѣкоторыми изъ старшихъ офицеровъ. Вся остальная пѣхота, артиллерія и особенно егерская бригада сражались съ величайшею храбростью.

Не понимаю я, почему такъ слабъ составъ резервныхъ баталіоновъ. Гдѣ же остались выздоровѣвшіе?—Въ Россіи осталось 5,000 чел. больныхъ изъ 2-й арміи и болѣе 3,000 изъ 3-го корпуса; это старые солдаты, которые, если они слишкомъ стары, то могли бы оставаться

---

[1]) При движеніи на с. Кѣтешъ, къ югу отъ Шумлы. Въ этомъ дѣлѣ тяжело раненъ начальникъ 19-й дивизіи, генералъ Ивановъ.

при кадрахъ; если же они свѣжи силами, то тѣмъ болѣе должны быть включены въ маршевые баталіоны. Если, вслѣдствіе ошибокъ или расчетовъ господъ баталіонныхъ командировъ внутренней стражи, они попали въ оную, то ихъ надо добыть оттуда. Съ первымъ же курьеромъ я напишу объ этомъ Витту. Такъ какъ тѣ 2,000 чел., которые назначены для 7-й и 10-й дивизій, посылаются Вашимъ Величествомъ прямо въ Варну, то 600 чел., принадлежащіе 8-й и 9-й дивизіи (которыя тоже весьма ослабѣли), не должны уже быть, какъ я полагаю, отнимаемы отъ своихъ полковъ; поэтому я прикажу имъ продолжать идти къ Шумлѣ.

Дѣло о преступникѣ Филипповѣ, изъ Перми, которое я имѣю честь представить Вашему Императорскому Величеству, кажется мнѣ не заслуживающимъ никакого вниманія: человѣкъ этотъ дѣлаетъ доносы почти на всѣ губернскіе города и говоритъ о никогда не существовавшемъ заговорѣ 1817 года, въ Полтавѣ, съ невѣроятною наглостью и безъ всякихъ доказательствъ. Прошу простить меня, Государь, что я распечаталъ бумагу отъ губернатора; но такъ какъ она была съ бумагами на мое имя, то я полагалъ ее адресованною мнѣ.

Прилагаю при семъ краткую записку о томъ, что, по моему мнѣнію, остается еще сдѣлать у Шумлы, послѣ прибытія гвардіи; прошу васъ, Государь, простить меня, что записка эта написана нескладно и не довольно ясно; недостатокъ этотъ въ ней мнѣ самому замѣтенъ, но, къ несчастію, я сознаю также, что не могу еще работать такъ, какъ бы хотѣлъ.

Надѣюсь, что Богъ даруетъ мнѣ силы, потому что весьма было бы горько для меня, если бы я не могъ посвятить ихъ всецѣло на службу Вашего Величества — въ такую минуту, когда я желалъ бы, чтобы онѣ удвоились.

Фельдмаршалъ проситъ меня повергнуть его благоговѣйныя чувства къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества; я также дерзаю просить повергнуть меня къ стопамъ Ея Величества Императрицы и принять увѣреніе въ несокрушимой вѣрности и глубокой преданности, съ которыми имѣю счастіе пребыть.

Au camp devant Schoumla, ce 9 Aout, à 5 h. après diner.

Les journées d'avant hier, d'hier et d'aujourd'hui se sont passé jusqq'à cette heure sans le moindre événement; mais nous avons eu la triste nouvelle que V. M. a perdu un de ses plus fidèles et loyals serviteurs et nous autres—un camarade généralement chéri et éstimé. Le brave Constantin Benkendorf a succombé à ses longues souffrances le 6 de ce mois, à minuit. Madatof écrit qu'il a pris toutes les mesures pour faire mettre ses restes terrestres dans un cercueil de plomb, et je prie Dellingshausen d'arranger le transport ultérieur, vers Kovarna.

Nos malades d'ici vont mieux; surtout Souchtelen reprend des forces, mais la mort de notre bon Benkendorf l'a sensiblement attaquée.—Potapof est bien faible encore, mais sans fièvre; Jomini souffre de plusieurs maladies et a l'air d'un mort; Ivanof va bien et a gardé toute se gaité habituelle. Mes forces ne se relèvent que bien lentement et le medecin ne veut pas encore que je mange autre chose que de la souppe avec du poulet; je ne trouve pas que cela restaure beaucoup, mais je me soumets avec patience, pour ne pas avoir de reproches.

Les ordres que V. M. a bien voulu donner pour l'arrêt des Gardes à Kovarna et pour l'Équipage de la marine seront de la plus grande utilité pour les vivres. Le Maréchal a pris, de son côté, toutes les mesures possibles pour remplacer autant que possible les boeufs perdus, de Moldavie. Dieu merci, leurs maladies paraissent diminuer avec l'air plus frais du mois d'Aôut.

J'éspère que l'hôpital de Basardjik ira d'égal avec les autres, surtout depuis que l'eau a repris sa première et solubre qualité. Au reste est-il impossible qu'un établissement, fait pour 600—1,000 malades, dans un pays desert, quand tout d'un coup le nombre monte jusqu'à 3,000—soit bien; mais les malades sont bien nourris, et c'est un point bien important. Ce qu'il y avait de plus mauvais, est le manque de medecins; on a doublé le nombre, mais cela ne suffirerait pas, si on ne cherchait à évacuer Basardjik, autant que possible, sur la mer. La mortalité très mesurée parait, généralement, parler pour l'état des hôpitaux, mais il faudra certainement attendre les mois d'hiver.—Le changement de route par Dervent à Kosloudji me parait un peu risqué, autant que nous ne sommes pas maîtres decidés du bord droit du Liman de Dévno, qui est guéable à plusieurs endroits. Chaque transport demanderait des escortes fortes, que ni Menchikof, ni Madatof ne pourraient fournir, et les étappes, assez forts pour les couvrir contre des habitans, ne suffiraient pas contre les parties fortes, envoyées de l'autre côté du Liman.—Il me parait donc, qu'autant que nous ne sommes pas maîtres des bords du Kamczik, cette route, toute excellente et préférable qu'elle est sous beaucoup de rapports, pourra bien servir pour la marche des trouppes en masse, qui seportent de Covarna à Schoumla, mais non pour une route de transport; on fera néanmoins toutes les reconnaissances et, dès que les circonstances le permettent, on l'y mettra de suite.

Le marechal, ayant visité les blessés de la dernière affaire de Rudiger, en entrant dans tous les détails avec eux, a entendu que le régiment d'Azof, et surtout un bataillon, avait montré de la hesitation à remplir les ordres généraux, et quelques officiers supérieurs n'avaient pas été franchement (sic). Ce bruit lui ayant été confirmé, au moins en partie, par le divisionnaire blessé, qui était mécontent du peu de zéle du régiment d'Azof,—et ce régiment, ayant été remarqué par moi au commencement du siège de Brailof,—le maréchal a chargé le Prince de Vurtemberg de lui déclarer qu'il sera cassé à la première occasion ou il ne se montrerait pas dorénavant digne de la gloire de servir sous les drapeaux russes; il a ordonné aussi de faire une enquête sur la conduite des officiers supérieurs sus-mentionnés.—Tout le reste de l'infanterie et l'artillerie, mais surtout la brigade de chasseurs, a combattu avec la plus grande bravoure.

Je ne conçois pas l'état faible des bataillons de réserves; où sont donc resté tous les reconvalescents? Il est resté 5,000 malades de la seconde armée en Russie et plus de 3,000 du 3-me corps; ce sont de vieux soldats qui, s'ils sont trop vieux, peuvent rester dans les cadres; s'ils sont frais—de raison ils

doivent entrer dans les bataillons de marche; si, par des fautes ou des calculs de m-rs les commandants des bataillons de la garde sédentaire, ils sont entré dans ces bataillons—il faudra les repêcher. J'écrirai de tout cela à Vitt avec le premier courrier, car je reçois son rapport dans le moment même de l'expédition, qui est chez nous très scrupulleuseument pésé et doit l'être.—Comme V. M. envoit les 2,000 hommes pour les 7-me et 10-me divisions directement à Varna, alors je crois que les 600 hommes de la 8 et 9-me divison, qui sont devenu bien faibles aussi, ne devront plus être detournés de leurs régimens; je leur ferai donc continuer leur route sur Schoumla.

L'affaire du malfaiteur Filipoff de Perm, que j'ai l'honneur de présenter à V. M. I., ne me parait mériter aucune attention; car cet homme fait des donosы à chaque ville de Gouvernement à peu près, et parle d'une conjuration à Poltawa en 1817, qui n'a jamais existé, avec une effronterie incroyable et sans aucune preuve. Je demande mille pardons, Sire, d'avoir décacheté le papier du Gouverneur; mais, comme il était avec les papiers en mon nom, je l'avais cru adressé à moi.

Je joins ici un petit mémoire sur ce qui me parait rester faire à Schoumla après l'arrivée de la Garde; je vous demande pardon, Sire, qu'il est écrit avec confusion et pas assez de clarté—défauts que j'y remarque moi même, mais je sais malheureusement aussi, que je ne suis pas encore travailleur comme je le voudrais.

J'espère en Dieu, qu'Il me donnera des forces, car il serait bien cruel pour moi que je ne puisse les vouer toutes au service de V. M., dans ce moment où je voudrais bien les pouvoir doubler.

Le Maréchal me prie de porter ses hommages aux pieds de V. M. I.; j'ose de même supplier V. M. de mettre les miennes aux pieds de S. M. l'Impératrice et d'agréer la fidelité inviolable et le profond dévouement avec lesquels j'ai le bonheur d'être, Sire, de V. M. I. le plus fidèle et soumis serviteur

Diebitch.

Императоръ Николай—Дибичу.

Одесса, 9-го августа.

(Переводъ). Сухозанетъ пріѣхалъ вчера одинъ и привезъ ваши депеши, такъ какъ Лобановъ захворалъ и остался въ Базарджикѣ. Видя, что̀ дѣлается у васъ, и одобривъ, на первый случай, предполагаемое движеніе 2-го корпуса, я много думалъ о томъ, что̀ бы намъ можно было еще сдѣлать до наступленія дурнаго времени года, когда становятся невозможными всякаго рода дѣйствія, особенно же—движеніе транспортовъ. Я полагаю, что необходимо нужно поспѣшить овладѣніемъ Айдоса, угрожая въ то же время, со стороны моря, какому либо пункту въ Бургасскомъ заливѣ. Если бы Варна пала ранѣе, нежели откроется возможность предпринять это движеніе, то однимъ облегченіемъ было бы болѣе, хотя изъ-за продолжительнаго сопротивленія Варны не слѣдуетъ отказываться отъ движенія на Айдосъ.

И такъ, я полагаю, что цѣли этой легко можно бы было достигнуть, если ограничить дѣйствія подъ Шумлою простымъ наблюденіемъ, назначивъ для сего одинъ изъ двухъ корпусовъ, съ дивизіею кавалеріи и нѣсколькими резервными батареями, и поручивъ ему, въ особенности, удерживать—во что бы то ни стало—енибазарскую позицію и дорогу на Праводы; другой же корпусъ двинуть по дорогѣ изъ Маковщины на Кривно и Еникёй, гдѣ присоединилась бы къ нему бригада 10-й дивизіи, находящаяся въ Праводахъ,—если только не предпочтутъ двинуть его къ Варнѣ, чтобы довершить ея обложеніе. Въ томъ и другомъ случаяхъ, гвардія пойдетъ по дорогѣ на Праводы, кавалерія же обоихъ корпусовъ, съ резервною артиллеріею (за исключеніемъ лишь крайне необходимаго числа) составляла бы аріергардъ у Праводъ, пока дефиле не будетъ совершенно свободно. Когда дойдутъ до Ченче, то надо будетъ оставить одну бригаду для наблюденія за дорогою въ Чаликавакъ. Дойдя до Курюкдере, корпусъ (3-й, какъ я предполагаю) пойдетъ далѣе двумя колоннами: одна (за которою послѣдуетъ гвардія)—прямо на Айдосъ; другая же своротитъ влѣво и направляется на Варакли и Акадербендъ; голова колонны, достигнувъ Айдоса, немедленно отдѣляетъ одну бригаду, съ нѣкоторымъ числомъ кавалеріи, на Карнабадъ; остальная же часть, вмѣстѣ съ гвардіею, направляется влѣво, долиною Сулиликёй, на Бургасъ, между тѣмъ, какъ дивизія, шедшая черезъ Акадербендъ, дополняла бы это движеніе, наблюдая за Мисеври и Ахіоло, или овладѣвъ этими пунктами, если они укрѣплены; при этомъ, флотъ долженъ помогать своимъ огнемъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ таковой можетъ оказать какое либо дѣйствіе. Если бы Варна пала прежде, чѣмъ откроется возможность приступить къ этимъ операціямъ, то у насъ было бы почти цѣлою дивизіею болѣе.

По моему расчету, движеніе, о которомъ я говорю, можетъ начаться, по крайней мѣрѣ, около 5-го сентября, такъ какъ гвардіи понадобится десять дней для перехода отъ Коварны, черезъ Варну, въ Праводы; оттуда же надо три дня, чтобы прибыть въ Бургасъ тою дорогою, на которую я указываю. Я не полагаю, чтобы корпусъ, поставленный передъ Шумлою, или, вѣрнѣе—наблюдающій за нею, подвергался опасности, потому что 15,000 человѣкъ ничѣмъ не рискуютъ, имѣя противъ себя 40,000 турокъ въ открытомъ полѣ. Легко бы было даже укрѣпить всѣ обороняемые посты, или нѣсколько окопаться. Не опасаюсь я также и атаки со стороны какого нибудь отряда, который покусился бы пройти на Ченче черезъ Чаликавакъ. Одно неудобство, мною предвидимое, это—перевозка всякаго

рода транспортовъ, которая можетъ остановиться; вотъ почему слѣдовало бы какъ можно менѣе прибѣгать къ перевозкѣ сухимъ путемъ, а завладѣть первымъ доступнымъ пунктомъ на берегу, т. е. Мисеври, Иніадой, или Ахіоло, или даже Кимлой(?), и обратить его тотчасъ же въ выгрузочный пунктъ. Вотъ вамъ, любезный другъ, моя исповѣдь. Разъ попавъ въ Айдосъ и Карнабадъ, намъ, я полагаю, нечего будетъ опасаться турецкой арміи, если бы она вознамѣрилась дебушировать отъ Карнабада или Казана, или броситься на насъ, выйдя изъ Шумлы. Само собою понятно, что надо будетъ тотчасъ же позаботиться о томъ, чтобы укрѣпиться и стать твердою ногою на тѣхъ пунктахъ, гдѣ окажется нужнымъ. Судя по картѣ, пунктами этими,—какъ мнѣ кажется—должны быть: Айдосъ, для праваго крыла, а Буссо-Ластро и Кимла, близъ озера Аріонго, для фронта и головы колонны. Все это можетъ быть окончено къ 15-му или 20-му сентября. Если въ это время мы узнаемъ, что турецкая армія идетъ противъ насъ, надо принять сраженіе и разбить ее,—что, при помощи Божіей, и можетъ совершиться съ тѣми войсками, которыя будутъ при насъ. Если же турки противъ насъ не выйдутъ, то я того мнѣнія, что лучше оставаться въ продолженіе дождливаго времени на этой позиціи и выжидать, когда 6-й корпусъ придетъ на смѣну 7-го, передъ Шумлою; 7-й же корпусъ присоединится къ намъ, и тогда мы можемъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Затѣмъ—разсматривайте, обсудите, взвѣсьте и, по возможности скорѣе, присылайте мнѣ вашъ отвѣтъ прямо въ Варну, гдѣ я найду его по пріѣздѣ моемъ, или же—онъ можетъ мнѣ быть пересланъ оттуда. Если вы согласитесь со мною, то слѣдуетъ немедленно приготовить и средства для исполненія, а именно: 1) отослать осадную артиллерію (т. е. излишнюю) въ Варну, равно какъ и инженерный паркъ; 2) всѣхъ неизлѣчимо-больныхъ, а также «неспособныхъ», могущихъ выдержать перевозку, отослать изъ Енибазара въ Варну, гдѣ слѣдуетъ предупредить Грейга [1]), чтобы онъ помѣстилъ ихъ на корабли и доставилъ сюда. Вопросъ же объ отсылкѣ тѣхъ людей, которые подаютъ надежду на скорое выздоровленіе, можно рѣшить тогда, когда мы рѣшимъ какъ будемъ наблюдать за Шумлою: вблизи или издали? Въ случаѣ, если понадобится ихъ отослать, слѣдуетъ направлять ихъ въ Варну и Коварну, и какъ можно менѣе—въ Базарджикъ; оставить же на мѣстѣ надо только тѣхъ, которые не могутъ вынести перевозки; 3) пополнить всѣ артиллерійскіе ящики; отправить всѣ ненужные парки въ Варну, Коварну и

[1]) Начальникъ черноморскаго флота.

далѣе, оставивъ только то, что̀ крайне необходимо; 4) для корпуса, назначеннаго къ выступленію, и для гвардейскаго корпуса сформировать провіантскій паркъ, выбравъ лучшихъ воловъ, такъ, чтобы кромѣ фурштата имѣть еще на 10 дней провіанта; 5) если изъ артиллерійскихъ лошадей большое количество окажется непригоднымъ, то слѣдуетъ уменьшить число орудій въ батареяхъ 7-й бригады, изъ которой лошадей взять для укомплектованія батарей, состоящихъ при дивизіяхъ. Тоже и въ конной артиллеріи привести батареи въ 10-ти орудійный составъ, а излишнія пушки отправить, съ порожними транспортами, въ Коварну, куда можно направлять всѣ резервы артиллеріи—какъ людей, такъ и лошадей; 6) наконецъ, по возможности уравнять числительную силу баталіоновъ въ бригадахъ, имѣя при этомъ въ виду резервы наиболѣе близкіе, которые скоро могутъ быть присоединены къ своимъ полкамъ. Вотъ, что я придумалъ на первый случай. Остальное будетъ зависѣть отъ вашей опытности, и я на нее полагаюсь.

Я хочу отдать приказаніе Грейгу, чтобы онъ послалъ сметливаго офицера осмотрѣть берега Бургасскаго залива, что̀ можетъ быть исполнено скоро и легко. Вы можете также направить резервы и все, идущее вслѣдъ за арміею, согласно этому новому плану—если вы его примете. Бѣдный мой Адлербергъ, съ нынѣшняго утра, тоже захворалъ лихорадкою, такъ что я, въ настоящую минуту, совсѣмъ одинъ; меня увѣряютъ, впрочемъ, что эта болѣзнь не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. Такъ какъ три дивизіи 2-го корпуса переходятъ черезъ Дунай, то слѣдуетъ подумать о сформированіи для нихъ резервовъ; о формированіи оныхъ для пѣхоты уже отдано приказаніе; но для 2-й гусарской дивизіи ничего еще не сдѣлано. Слѣдуетъ немедленно приказать сформировать седьмые эскадроны, въ 20 рядовъ каждый, купить лошадей и отдѣлить рекрутовъ отъ тѣхъ людей, которые состоятъ въ резервѣ, для укомплектованія ихъ. Распорядитесь отдать приказанія по сему предмету.

10-го числа. Адлербергъ все еще болѣнъ; всю ночь у него была лихорадка. Если вы не примете моихъ предложеній относительно Айдоса, то надо, по крайней мѣрѣ, не терять времени подъ Шумлою. Постарайтесь, если возможно, занять Кѣтешъ, дабы имѣть возможность оттуда подняться на высоты; вмѣстѣ съ тѣмъ, можно бы было потревожить турокъ, поставивъ нѣсколько мортиръ въ редутахъ «Фельдмаршала» и «Кимлы» и заставляя ихъ предполагать, что мы замышляемъ настоящую осаду. Однимъ словомъ—не давать имъ покоя, и также войскъ не оставлять въ бездѣйствіи. Я думалъ даже, что если бы можно было выманить турокъ на вылазку, то это,

пожалуй, было бы хорошо; но не рѣшаюсь сего предлагать, потому что было бы стыдно оставить укрѣпленія свои, которыми турки, хотя на минуту, воспользовались бы противъ насъ же. Противные вѣтры задерживаютъ корабли и транспортныя суда, назначенные для перевозки остальныхъ баталіоновъ 7-й и 10-й дивизій. Надѣюсь, что въ настоящее время вы уже поправились; но не перестану повторять вамъ: берегите себя, берегите ваши силы къ моему возвращенію. Прощайте, дорогой другъ, вѣрьте дружбѣ любящаго васъ N.

Мой поклонъ фельдмаршалу и всѣмъ нашимъ.

Odéssa, le 9 Août 1828.

Souchosanet est arrivé hier soir seul, porteur de vos dépèches, Lobanof étant resté malade à Basardjik. Voyant ce qui se passe chez vous et ayant approuvé, au préalable, les mouvemens, projetés pour le 2-me corps, j'ai beaucoup pensé à ce que nous pouvions faire encore avant que la mauvaise saison ne rende toute opération impossible, et surtout le mouvement des transports. Je crois donc qu'il faut, de nécéssité, hâter le plustôt possible, le moment de saisir le point d'Aydos, en menaçant en même temps par mer un point quelconque du golfe de Bourgas.—Si Varna tombait plustôt que ce mouvement ne pouvait commencer,—ce serait une facilité de plus, sans que, pour la résistance prolongée de Varna, il faille abandonner la marche sur Aydos.—Je suppose donc, qu'en bornant les operations devant Schoumla à une simple obsérvation et destinant à cet effet l'un des deux corps, avec une division de cavallerie et quelques batteries de réserve, et en le chargant surtout de garder à toute outrance la position de Enibazar et la route de Pravody, ce but serait aisément atteint.—Faire marcher alors l'autre corps disponible par la route de Маковщина sur Кривно et Enikioy; là se joindrait à lui la brigade de la 10-me division qui se trouve à Pravody, à moins qu'on ne trouve préférable de la faire marcher sur Varna, pour en completter l'investissement.—Dans l'un ou l'autre cas, la garde suivrait la route sur Pravody; la cavallerie des deux corps, avec l'artillerie de réserve,—excepté le stricte nécéssaire—ferait l'arrière-garde près de Праводы, jusqu'à ce que le défilé fut tout-à-fait libre.—Parvenus à «Ченче», il faudrait laisser une brigade observer la route de Чаликавакъ.—Parvenus à Курюкдере, le corps, que je suppose être le 3-me, marcherait sur deux colonnes: l'une irait droit sur Aydos, suivie de la garde; l'autre tournerait à gauche, pour marcher par Varakly et Akaderbend; la tête, arrivée à Aydos, détacherait immédiatemeut une brigade et de la cavallerie vers Karnabat; le reste, avec la garde, marcherait sur la gauche, par la vallée de Сулиликіой, sur Bourgas, tandis que la division qui a marché par Akaderbend, completterait ce mouvement en observant Мисеврп et Axiolo, soit en enlevant ces postes, s'ils sont fortifiés; c'est là que la flotte devra coopérer par son feu, partout ou il peut être de quelque effet.—Si Varna tombait avant le moment où cette opération peut commencer, nous aurions presque une division de plus.

Je calcules que le mouvement dont je parle peut commencer, pour le moins, vers le 5 Septembre, la garde ayant six jours de marche depuis Kovarna par Varna à Праводы; il faut de là trois jour de marche pour arriver, par le chemin que j'indique, à Bourgas.—Je ne crois pas que le corps placé devant ou, plustôt—pour observer Schoumla, soit exposé, car 15,000 hommes ne risquent rien devant 40,000 Turcs en rase campagne; il serait même facile de rendre les postes à garder très fort, en remuant un peu la terre. Je ne craindrais non plus l'attaque d'un corps qui voudrait pousser par Чаликавакъ sur Чепче; le seul inconvénient que je prévois, sera celui des transports de tout genre, qui pourront être bouchés; voila pourquoi il faudra le moins possible s'en servir par terre et enlevant le premier point, ou ce sera possible, sur la côte, c. à d. Мизеврп, Иніада ou Ахіоло et même Кимла, en faire de suite le lieu de nos débarquements.—Voilà, mon cher ami, ma confession.—Parvenus à Айдосъ et Карнабадъ, je crois que nous n'avons rien à craindre d'une armée Turque qui voudrait déboucher, ou de Карнабадъ ou de Kasan, ou même se rabattre sur nous, en revenant de Schoumla.—Il faudra, comme de raison, tout de suite songer à se retrancher et à s'établir de pied ferme sur les points qui importeront et qui, d'après l'inspection de la carte, me paraissent devoir être: Айдосъ pour la droite et Bousso-lastro et Кимла près le lac d'Аріонго, pour le front et la tête. Tout cela peut être terminé pour le 15 ou le 20 Septembre. Si dans ce temps nous apprenons qu'une armée Turque marche contre nous, il faut accepter le combat et les battre; ce qui, avec l'aide de Dieu pourra se faire avec les trouppes que nous aurons avec nous; s'il ne s'en présente pas, alors je suis d'avis de laisser passer le temps des pluies dans cette position et attendre que le 6-me corps vienne relever le 7-me devant Шумла, qui viendrait alors nous rejoindre et avec lesquels nous pourrons agir selon les circonstances.—Maintenant, voyez, jugez, pesez et consultez, et envoyez moi votre réponse le plustôt possible droit à Varna, où je la trouverais en arrivant, ou bien, d'où elle peut m'être envoyée.—Maintenant, si vous êtes d'accord avec moi, il faut dé suite préparer les moyens d'éxécution, qui sont: 1) le renvoy de l'artillerie de siège—c.àd. de celle superflue—à Varna; de même du parc du génie; 2) le renvoy de Enibazar de tous les blessés incurables ou «неспособные», en état d'être transportés pour Varna, ou il faut prevenir Greig de les faire embarquer et envoyer içi; le renvoy de ceux qui promettent une prompte guérison peut se decider quand il sera dit, comment l'on veut observer Schoumla: de près ou de loin. Dans le cas ou il faille les faire partir, il faut aussi le faire sur Varna, à Kowarna, et le moins possible à Basardjik, et ne laisser que ceux qui sont hors d'état de pouvoir l'être; 3) de mettre au complet tous les charets de l'artillerie et de renvoyer tous les parcs inutiles à Varna, Kowarna et au delà, et de ne garder que le stricte necessaire; 4) organiser pour le corps qui doit marcher et celui de la garde un parc de vivres, en faisant choix des meilleurs boeufs, de façon à avoir, outre le фурштатъ, pour 10 jours de vivres; 5) Si beaucoup de chevaux de l'artillerie sont hors d'état de service,—reduire les batteries de la 7-me brigade au nombre de pièces qui peuvent rester attellées, après avoir pris les chevaux de cette brigade pour completter les batteries attachées aux divisions. De même, de l'artillerie à cheval; réduire les batteries à 10 pièces et renvoyer les canons, par les transports vidés, à Kovarna ou l'on peut diriger toutes les réserves d'artillerie, tant hommes que

chevaux; 6) enfin, égaliser tant que possible les bataillons dans les brigades, pour la force, ayant égard aux réserves les plus rapprochées et qui peuvent joindre bientôt leur régiments. Вотъ, что я придумалъ на первый разъ. Le reste dépendra de votre expérience et je m'y rapporte.

Je m'en vais donner l'ordre à Greig, d'envoyer un officier intelligent, reconnaitre l'état des côtes du golfe de Bourgas; ce qui peut se faire vite et aisément.—Vous pouvez aussi faire diriger les réserves et tout ce qui joint l'armée, selon ce nouveau plan,—si vous l'acceptez.—Mon pauvre Adlerberg a aussi pris la fièvre depuis ce matin, de façon que me voilà tout seul pour le moment; mais l'on m'assure que ce ne sera rien.—Comme trois divisions du 2-me corps passent le Danube, il faut penser à la formation de leurs réserves; celles de l'infanterie sont déja ordonnées, mais il n'y a rien de fait pour la 2-de de hussards. Il faut ordonner, de suite, de former les 7-mes escadrons, à 20 files, acheter les chevaux et détacher les recrues de ceux qui sont en reserve, pour les completter. Faites donner les ordres à cet effet.

le 10-me.

Adlerberg est toujours malade, et toute la nuit il a eu de la fièvre.—Si vous n'acceptez pas mes propositions pour Aydos, il faut du moins que nous ne perdions pas le temps devant Schoumla. Tachez, s'il est possible, de prendre poste à Кётешъ pour qu'il soit possible de là de gravir les hauteurs, tandis que l'on pourrait inquiéter les Turcs en établissant quelques mortiers dans les redouttes du Maréchal et de Кимла, et leur faire croire que nous pensons à un siège en forme; enfin—ne pas leur donner de repos, et non plus laisser les trouppes dans l'inaction. J'ai même pensé que si l'on pouvait attirer les Turcs à sortir, ce serait peut-être bon; mais la honte d'abandonner des retranchemens, qu'ils tourneraient, quoique momentanément, contre nous, m'arrête à le proposer.—Les vents contraires retiennent les vaisseaux et les bâtimens de transport destinés pour faire passer le reste des bat. de la 7-me et celui de la 10-me. J'espère qu'à l'heure qu'il est, vous êtes déja retabli; mais je vous le répéte toujours: ménagez vous et gardez vos forces pour mon retour. Adieu, mon cher ami; croyez à l'amitié de votre affectionné N.

Mille choses au Maréchal et à tous les notres.

Корабль «Утѣха», 14-го августа.

(Переводъ). Я только что собирался отправиться инспектировать войска въ Николаевѣ, какъ адъютантъ мой Корсаковъ привезъ мнѣ горестную вѣсть о страшной ранѣ, полученной бѣднымъ Меншиковымъ[1]). Я въ отчаяніи отъ этого. Онъ (Корсаковъ) не могъ мнѣ въ точности сообщить, въ какомъ положеніи князь и, не отнимая у меня надежды,

[1]) Кн. А. С. Меншиковъ, получивъ начальство надъ осаднымъ корпусомъ подъ Варною, былъ опасно раненъ ядромъ въ обѣ ноги, 9-го августа 1828 г.

сказалъ, что доктора были недовольны послѣ снятія первой перевязки и что самъ онъ (Меншиковъ) очень слабъ, хотя, однако, желалъ сохранить за собою начальство надъ войсками. Это, конечно, только иллюзія съ его стороны. Пришлите немедленно Вилліе [1]), чтобы осмотрѣлъ его и подробно донесъ мнѣ о его положеніи и о томъ, въ какой мѣрѣ я могу сохранить надежду на его выздоровленіе. Я узналъ, что, покамѣстъ, именемъ князя, командуетъ, конечно—Перовскій [2]) и, какъ мнѣ передавалъ Грейгъ,—исполняетъ это на сколько возможно хорошо: но этому нельзя ни продолжаться, ни оставаться такъ. Посему я назначилъ начальникомъ осады князя Воронцова [3]), приказавъ ему ѣхать тотчасъ же, что̀, какъ надѣюсь, и будетъ исполнено сегодня или завтра. Это тѣмъ болѣе нужно, что фельдмаршалъ сдѣлалъ глупость послать туда Шепелева, не предупредивъ Меншикова зачѣмъ и въ качествѣ чего онъ (Шепелевъ) тамъ находится,—и, кромѣ того, потому что Свѣчинъ и Ушаковъ поведеніемъ своимъ не удовлетворяли Меншикова. И такъ, прежде всего, надо, чтобы этому положенъ былъ конецъ. Поручаю вамъ сказать фельдмаршалу, что я весьма недоволенъ, что онъ осмѣлился послать Шепелева въ отрядъ, находящійся у Варны, не предупредивъ о томъ меня, да еще когда мой начальникъ штаба руководитъ осадою. Вообще, неспособность и безпечность фельдмаршала проглядываютъ во всемъ, и ваша болѣзнь, любезный другъ, открыла ему совершенный просторъ для полнаго обнаруженія своей неспособности. Я трепещу при мысли о томъ, что̀ можетъ случиться у Варны въ продолженіе этого междуцарствія, и тороплюсь отъѣздомъ, дабы прибыть туда какъ можно скорѣе. О состояніи госпиталей въ Валахіи и Гирсовѣ я имѣю самыя печальныя извѣстія. Посылаю туда Шереметева, давъ ему полномочія и приказаніе все осмотрѣть, все привести въ порядокъ и донести вамъ. Повсюду, гдѣ нѣтъ увѣренности, что васъ увидятъ, повторяется то же самое; а фельдмаршалъ не знаетъ ничего и не заботится ни о чемъ.

Правда ли, что бѣдный Бенкендорфъ скончался?—меня извѣщаютъ объ этомъ изъ-подъ Варны. Бѣдный мой Эдуардъ (Адлербергъ) очень безпокоитъ меня; у него начало гастрической желчной лихорадки и ему совершенно невозможно работать. Опасаюсь, что онъ не скоро въ состояніи будетъ за мною послѣдовать. Я—одинъ, совсѣмъ

---

[1]) Главный по арміи медицинскій инспекторъ.

[2]) Начальникъ штаба осадныхъ войскъ.

[3]) Кн. Мих. Сем. Воронцовъ—въ то время генер.-губернаторъ Одессы.

одинъ, что̀ очень меня затрудняетъ въ дѣлахъ, изъ коихъ самыя спѣшныя мнѣ приходится исполнять самому.

Посылаю приказаніе Михаилу: немедленно отправить Сазонова и гвардейскихъ саперовъ на осаду Варны, гдѣ надо вести дѣло настойчиво.—16-го числа отправляется изъ Одессы, моремъ, сводный баталіонъ 10-й дивизіи, силою въ 1,500 человѣкъ. Не могу сказать, чтобы онъ былъ хорошъ; въ особенности, одѣтъ онъ прескверно, и у него недостаетъ многихъ предметовъ вещеваго довольствія, напримѣръ, чешуй на киверахъ; я уже кое-какъ распорядился сборомъ и укомплектованіемъ недостающаго.—Мы нашли средство посылать водою сѣно для арміи; одно судно можетъ вмѣщать до 6,000 пудовъ, т. е. восьми-дневную пропорцію, приблизительно, для одной дивизіи кавалеріи, считая по 10 фунтовъ на раціонъ,—что̀ много. Опытъ я сдѣлаю немедленно; это будетъ для насъ огромнымъ подспорьемъ.

Нашъ храбрый Паскевичъ опять одержалъ блестящіе успѣхи: Ахалкалаки взяты штурмомъ, однимъ баталіономъ Ширванскаго полка, а Гертвисъ 20-ю нашими татарами, подъ начальствомъ Боевскаго(?). Я даю Паскевичу Ширванскій полкъ: они достойны другъ друга. Да даруетъ намъ Богъ послѣдній, тамъ, успѣхъ—овладѣніе Ахалцыхомъ; тогда мы тамъ огромно, много сдѣлали.

Я направилъ резервные баталіоны 19-й дивизіи на Кистенджи. Я рѣшилъ привести всѣхъ рекрутовъ 18-й и 19-й дивизій въ Одессу, дабы избавить ихъ, на сколько то возможно, отъ похода на Дунай и за Кистенджи. Поэтому вы немедленно можете отдать приказаніе резервному баталіону 19-й дивизіи идти далѣе; 1-й бригадѣ въ Мангалію, а 2-й и 3-й бригадамъ этой дивизіи—до Коварны; но ни далѣе, ни въ Базарджикъ. Полкъ 4-й дивизіи, который черезъ это освободится, долженъ идти въ Варну. Вотъ что, на этотъ разъ, я имѣю сказать вамъ, любезный другъ.—Еще одно слово: такъ какъ 2-я гусарская дивизія должна перейти за Дунай, то хорошо бы было переформировать ее тоже въ 4-хъ эскадронный составъ, отославъ кадры двухъ остальныхъ въ наши предѣлы и подчинивъ ихъ графу Витту. Вашъ навсегда N.

A bord de l'Утѣха, le 14 d'Août 1828.

C'est au moment de partir pour aller faire une course d'inspection à Nicolaef, que mon aide-de-camp Корсаковъ m'a porté la nouvelle désolante de la terrible blessure qu'a reçu le pauvre Меншиковъ; j'en suis au désespoir. Il n'a pu m'annoncer quel état était positivement celui du Prince, et tout en me conservant de l'espoir, il m'a dit que les médecins n'étaient pas satisfaits après la levée du premier appareil, et que lui même etait très faible; cependant il désirait encore conserver le commandement,—ce qui n'est qu'une illusion qu'il se fait. Envoyez de suite Vylly pour le voir et me faire un rapport exacte sur son état et sur l'espoir que je puis conserver sur son retablissement.—En attendant, j'apprend que Pérofsky, comme de raison, commande au nom du Prince et, à ce qui me dit Greig, s'en acquitte aussi bien que possible; mais cela ne peut ni durer, ni rester ainsi. Aussi ai-je designé le Comte Woronzof pour diriger le siège, avec l'ordre de partir de suite—ce que, j'éspère, sera fait aujourd'hui ou demain; c'est d'autant plus nécessaire, que le Maréchal a fait la bétise d'envoyer Schépélef pour être là, sans que Меншиковъ aye été prévenu, pourquoi et sur quel pied il y etait,—et que Svétschine et Ouchakof se sont conduits de façon à pas contenter Меншиковъ. Il faut donc que cela cesse d'abord; et je vous charge de dire au Maréchal que je suis fort mécontent qu'il aye osé envoyer Schepelef au corps près de Varna, sans m'en dire gare, et tandis que c'est mon Chef d'Etat-Major qui dirige le siège.—En général la bêtise et l'insouciance du Maréchal se fait voir en tout, et votre maladie, mon cher ami, lui a donné beau jeu pour faire voir son inéptie en plein. Je tremble quand je pense à ce qui peut arriver à Varna durant cet interrégne, et je hâte mon départ pour y être le plustôt possible.—J'ai les plus tristes nouvelles sur l'état des hôpitaux de la Valachie et de Hirsova; aussi, j'y envois avec plein pouvoir Schérémetef, avec ordre de tout voir, tout remettre en état et de vous en faire son rapport.—Partout ou l'on n'est pas sûr de vous voir, c'en est de même, et le Maréchal ne sait rien et ne se soucie de rien.—Est-ce vrai que le pauvre Benkendorf est mort; l'on me le mande de Varna.—Mon pauvre Edouard me donne de vives inquiétudes: il a le commencement d'une fièvre gastrique billeuse et il est tout-à-fait hors d'état de s'occuper, et je crains qu'il ne pourra pas me suivre de sitôt; aussi suis-je seul et totalement seul—ce qui me gène beaucoup pour les affaires; et le plus pressé, il faut que je le fasse moi même.

J'envois l'ordre à Michel de faire marcher de suite Sasonof et les sapeurs de la garde pour le siège de Varna, ou il faut pousser les choses vigoureusement. Le 16 part d'Odessa, par mer, un bat. réuni de la 10-me division, fort de 1,500 hommes. Je ne puis dire qu'il soit beau; surtout—indignement mal habillé et manquant de plusieurs objets de munition, p. éx. de чешуи au schakos; c'est tant bien que mal, que j'en ai fait ramasser et completter ce que manquait.—Nous avons trouvé moyen d'envoyer par eau du foin à l'armée; un bâtiment pourra porter jusqu'à 6,000 pouds c. à d. la proportion de huit jours pour à peu près une division de cavallerie en comptant 10 livres pour une ration—ce qui est beaucoup, et j'en vais faire l'épreuve de suite; cela nous sera d'un immense secours.

— Notre brave Paskévitsch a eu de nouveau de brillants succés: Achalkalaky pris d'assaut par un bat. de Schirvan, et Гертвисъ par 20 tartares à nous, sons les ordres de Bojefsky.—Je donne à Paskévitsch le régiment de Schirvan: ils sont dignes l'un de l'autre. Que Dieu nous accorde là bas le dernier succés, celui de la prise d'Achaltzych, et alors nous aurons immensement fait là-bas.—J'ai fait diriger les bat. de résérve de la 19-me sur Kistenji; j'ai décidé de faire venir à Odessa tous les recrus destinés pour les bat. de la 18 et 19 divisions, pour leur épargner tant que possible la marche pour le Danube et au delà de Kistenji; vous pouvez donc ordonner de suite au bat. de résérve de la 19-me d'avancer: ceux de la 1-re brigade à Mangalia et ceux de la 2 et 3-me brigades de cette division—jusqu'à Kowarna, mais ni au delà, ni à Basardjik: le regiment de la 4-me, qui par là sera épargné, devra marcher à Varna. — Voilà pour le moment ce que j'ai à vous dire, mon cher ami. Encore un mot: comme la 2-me de hussards doit passer les Danube, il serait bon de la faire réformer aussi à 4 escadrons, en renvoyant les cadres des 2 autres dans nos frontières et les soumettre au Comte Vitt.

Tout à vous pour la vie N.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТУРЕЦКІЙ ПОХОДЪ 1828 ГОДА

И СОБЫТІЯ, ЗА НИМЪ СЛѢДОВАВШІЯ.

Записки Принца Виртембергскаго [1]).

Нѣсколько дней спустя, Дибичъ рѣшилъ ознаменовать свое присутствіе въ арміи какимъ нибудь блистательнымъ подвигомъ и вынудилъ фельдмаршала Витгенштейна, находившагося подъ его вліяніемъ, отдать генералу Ридигеру приказаніе двинуться съ горстью людей къ посту Котешъ (въ тылу турецкаго лагеря, на пути изъ Шумлы въ Адріанополь), взять его и укрѣпиться въ немъ. Не смотря на то, что генералъ Ридигеръ былъ подчиненъ мнѣ, однако порученіе это было сообщено ему непосредственно. Онъ немедленно извѣстилъ объ этомъ меня и, двинувшись съ войскомъ къ указанному пункту, просилъ меня протестовать противъ столь нелѣпаго предпріятія.

Не имѣя передъ глазами карты войны, быть можетъ, трудно будетъ представить себѣ всю несообразность подобнаго движенія, поэтому надѣюсь, читатель повѣритъ мнѣ на слово, что горный проходъ Котешъ, отстоящій отъ Шумлы не болѣе какъ на разстояніи одной мили, сообщаясь съ крѣпостью непосредственно узкими лощинами и доступный лишь со стороны примыкающаго къ нему густаго лѣса, могъ быть довольно легко занятъ нами, но за то удержать его за собою со слабыми силами не было никакой возможности, такъ какъ турецкія войска не только легко могли снова овладѣть имъ, но туркамъ ничего не стоило бы даже зайти нашимъ войскамъ въ тылъ окольными путями черезъ Буланларъ.

Представить эти возраженія въ главную квартиру было уже поздно, но несомнѣнная опасность, которой подвергался генералъ Ридигеръ, побудила меня тотчасъ послать ему для подкрѣпленія четыре баталіона изъ моего лагеря.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, 79—94.

Объ этомъ распоряженіи я донесъ графу Витгенштейну, стараясь навести его на мысль о вѣроятной неудачѣ этого предпріятія и доказать ему необходимость съ моей стороны принять подобное рѣшеніе не дожидаясь его приказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ графа временно усилить мой отрядъ близь-стоящимъ резервомъ, а самъ поскакалъ немедленно по направленію къ Котешу. На полупути, меня встрѣтилъ поручикъ Лопухинъ, съ извѣстіемъ, что генералъ Ридигеръ на разсвѣтѣ напалъ на турецкій постъ близь Котеша, взялъ въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, завладѣлъ двумя орудіями и готовится тамъ укрѣпиться.—«Тогда онъ скоро полетитъ къ чорту»,—рѣзко и угрюмо возразилъ я въ отвѣтъ на это извѣстіе о побѣдѣ; удивленный поручикъ тогда только вынулъ изъ кармана пакетъ, врученный ему на мое имя изъ главной квартиры.

Взглянувъ на него и поспѣшно распечатавъ, я бросился доброму Лопухину на шею и горячо обнялъ его; письмо изъ Карлсруэ, отъ Елены, начиналось извѣстіемъ о ея счастливомъ разрѣшеніи отъ бремени. Успокоенный этимъ, я спряталъ письмо въ карманъ, гдѣ оно пролежало нечитанное цѣлыя сутки. Затѣмъ я сталъ прежде всего обдумывать положеніе генерала Ридигера.

Не успѣлъ я проѣхать и три четверти пути къ Котешу, какъ меня нагнали гонцы отъ Витгенштейна. Онъ сообщалъ мнѣ, что противъ наружныхъ укрѣпленій Шумлы собираются предпринять серьезное нападеніе, которое потребуетъ теперь моего особеннаго вниманія; резервомъ теперь нельзя располагать, а моя чрезвычайно важная позиція не можетъ оставаться безъ защиты, поэтому слѣдуетъ немедленно вернуть мои четыре баталіона; генералъ же Ридигеръ имѣетъ достаточно войска, и тому подобное.

Изъ всѣхъ этихъ отговорокъ я могъ безошибочно заключить, что Дибичъ боялся какъ бы мнѣ не представился случай совершить какой нибудь удачный подвигъ.

Прямаго приказанія нельзя было обойти. Моя вспомогательная колонна повернула назадъ, я же послалъ къ Ридигеру новыхъ гонцовъ, совѣтуя ему дѣйствовать осторожно, и затѣмъ медленно поѣхалъ обратно въ свой лагерь.

Ночью меня разбудилъ Лопухинъ; онъ стоялъ передо мною съ грустнымъ, вытянутымъ лицомъ, держа свѣчу; возлѣ него былъ генералъ Нагель съ только что распечатаннымъ донесеніемъ въ рукахъ.

—Ваше высочество,—сказалъ онъ,—вы дурной пророкъ: Ридигеръ окончательно разбитъ.

—То есть,—перебилъ я, взглянувъ на Лопухина,—буквально, какъ

я сказалъ, всѣ три баталіона пошли къ чорту; болѣе вѣдь ему нечего было терять. А онъ самъ?

—Здоровъ,—возразилъ адъютантъ,—но генералъ Ивановъ тяжело раненъ, половина Азовскаго полка вырѣзана и потеряла двѣ пушки.

Прочитавъ печальное донесеніе Ридигера, я передалъ его поручику Лопухину, сказавъ:

— Передайте это фельдмаршалу; скажите ему, что я съ своей стороны ничего не имѣю присовокупить; если же будетъ случай говорить съ нимъ безъ свидѣтелей, то передайте ему въ точности нашу утреннюю встрѣчу.

Генералу Нагелю я замѣтилъ: «Знаете-ли въ чемъ кроется причина всего этого? Любезный Дибичъ захотѣлъ устроить мнѣ непріятность».

— Но выборъ (меня какъ) шпіона (за вами) оказался неудачнымъ,—возразилъ генералъ.

Событіе, котораго я коснулся здѣсь, произошло слѣдующимъ образомъ. Генералъ Ридигеръ двинулся къ Котешу съ двумя баталіонами Азовскаго полка и однимъ баталіономъ Украинскаго, восемью эскадронами гусаръ, нѣсколькими сотнями казаковъ и восемью пушками. Остальная часть отряда, бывшаго подъ его командою, осталась въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, частью для прикрытія его лагеря въ Эски-Стамбулѣ, частью для наблюденія за его флангами. Этимъ неожиданнымъ нападеніемъ Ридигеру удалось выбить изъ лагеря и разсѣять три тысячи турокъ, стоявшихъ въ Котешѣ; но затѣмъ побѣдители начали укрѣпляться, что заняло ихъ до полудня. Когда Ридигеръ увидѣлъ наконецъ, что всѣ сосѣднія горы покрываются войскомъ и что ему скоро придется имѣть дѣло съ цѣлою непріятельскою арміей, то онъ далъ приказаніе отступать, но было уже поздно; тѣснимый со стороны Котеша, онъ подвергся еще при проходѣ черезъ лѣсъ нападенію непріятельской колонны, нагнавшей его изъ Буланлара. Ридигеръ и Ивановъ употребили всѣ свои усилія, чтобы пробиться съ значительною частью отряда. Одинъ только Азовскій баталіонъ, слѣдовавшій въ аріергардѣ, попалъ въ горячую схватку, потерялъ орудіе и много людей. Хуже всего, что слава Азовскаго полка была такъ поколеблена этимъ неудачнымъ дѣломъ, что впослѣдствіи одинъ солдатъ, на вопросъ Комаровскаго: не Азовскаго-ли онъ полка?—съ озлобленіемъ отвѣчалъ: «Упаси Господи».

Къ сожалѣнію, генералъ-лейтенантъ Ивановъ умеръ отъ полученныхъ имъ ранъ.

Предполагаемыя серьезныя дѣйствія противъ Шумлы ограничились нѣсколькими ночными демонстраціями, которыя, разумѣется, ни къ

чему ни привели. Между тѣмъ какъ недостатокъ фуража становился все болѣе и болѣе ощутителенъ, а кавалерія наша была совершенно обезсилена и войска, отправлявшіяся въ окрестности на фуражировку, постоянно имѣли довольно серьезныя схватки съ разъѣзжавшими партіями непріятелей,—число безполезныхъ и безъ того уже многочисленныхъ редутовъ было еще увеличено и седьмой корпусъ часто не имѣлъ по ночамъ отдыха, оберегая эти кротовыя норы. Наконецъ, большое скопленіе непріятельскихъ войскъ близь Котеша и возобновлявшіяся ежедневно со стороны генерала Ридигера представленія о безцѣльности и опасности его стоянки при Эски-Стамбулѣ—вызвали со стороны главнокомандующаго распоряженіе не отзывать его оттуда (какъ слѣдовало ожидать), а мнѣ подвинуться еще къ этому пункту съ моею частью 18-ой дивизіи; такимъ образомъ наша безъ того уже растянутая линія окоповъ была еще болѣе ослаблена.

Всѣ эти мѣры очевидно не имѣли иной цѣли, какъ поставить на карту безопасность арміи, ибо нельзя упустить изъ виду, что сообщеніе турокъ съ Рущукомъ, Трновымъ и Адріанополемъ было совершенно свободно и, слѣдовательно, не могло быть и рѣчи о стѣсненіи подвоза къ нимъ съѣстныхъ припасовъ. Напротивъ того, гарнизонъ Шумлы безпрепятственно высылалъ отряды кавалеріи, которые преслѣдовали отдѣльные отряды нашей конницы въ тылу арміи.

Поэтому и я съ своей стороны постоянно посылалъ изъ своего лагеря подъ Марашемъ новые рапорты, описывая наше положеніе самыми мрачными красками. «Если на меня здѣсь нападутъ», писалъ я генералу Киселеву, «то Ридигеръ не будетъ въ состояніи придти мнѣ на помощь, такъ какъ онъ стоитъ слишкомъ далеко отъ меня; если же онъ, въ свою очередь, подвергнется нападенію, то его могутъ совершенно разбить прежде нежели я двинусь съ мѣста. Кромѣ того, собственно моя позиція совершенно невыгодна и безцѣльна, такъ какъ, располагая едва тремя тысячами человѣкъ, я стою напротивъ Чифлыкскихъ шанцевъ, на которые весьма легко могутъ напасть турки, и долженъ въ то же время охранять большой госпиталь въ Марашѣ, довольно значительное число военныхъ обозовъ и собственный мой лагерь, гдѣ въ настоящее время даже кавалерійскіе пикеты ходятъ пѣшкомъ, такъ какъ лошади не въ состояніи болѣе двигаться».

Генералъ Ридигеръ выражался еще рѣшительнѣе, говоря, подобно фельдмаршалу Кейту при Гохкирхенѣ: «Непріятель будетъ достоинъ висѣлицы, если упуститъ подобную добычу».

Добрый Киселевъ отлично понималъ все это, но ему не оставалось ничего дѣлать, какъ исполнять данныя ему приказанія. Между

тѣмъ Дибичъ заболѣлъ горячкою и сдѣлался вдругъ со мною крайне любезенъ; казалось, въ немъ заговорила совѣсть. Не могу пройти здѣсь молчаніемъ этого эпизода—такъ долженъ я, по справедливости, назвать происшедшую въ немъ на короткое время перемѣну.

Я былъ озлобленъ всѣмъ случившимся при Котешѣ и, въ присутствіи фельдмаршала, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ по этому поводу свое мнѣніе начальнику императорскаго главнаго штаба, и прямо заявилъ ему, что считаю его измѣнникомъ; подкрѣпивъ эти слова нѣкоторыми доказательствами, я присовокупилъ, что нимало не забочусь теперь о немилости ко мнѣ моего царственнаго родственника и рѣшился оставить его—чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше; но при прощаньи намѣренъ оказать ему послѣднюю услугу, раскрывъ передъ нимъ всю истину.

Я былъ внѣ себя отъ гнѣва, что случается со мною всякій разъ, когда я чѣмъ нибудь сильно взволнованъ. Покуда я говорилъ сдержанно, Дибичъ выражалъ свой гнѣвъ одними жестами; теперь же онъ стоялъ какъ ошпаренный. Если бы сцена эта не была такъ глубоко серьезна, то она могла бы послужить прекраснымъ сюжетомъ для каррикатуры.

Однако, надобно отдать справедливость Дибичу—въ этомъ случаѣ онъ держалъ себя чрезвычайно благоразумно.

— «Я честный человѣкъ», — восклицалъ онъ безпрестанно, повторяя это увѣреніе такъ настойчиво, вѣроятно, потому, что самъ болѣе всего въ немъ сомнѣвался. «Вы королевскій принцъ»,—началъ онъ...

— «И забіяка, какъ извѣстно,—перебилъ его Витгенштейнъ.—Оба вы хорошіе люди. Примиритесь же изъ любви къ дѣлу и изъ уваженія къ императору!»

Дибичъ протянулъ мнѣ руку, передернулъ плечами по своей привычкѣ и, пробормотавъ что-то, бросился въ мои объятія.

Расчетъ его былъ вѣрный. Донесеніе съ моей стороны императору, подтвержденное фельдмаршаломъ и оправдываемое неопровержимыми фактами, могло окончательно погубить его или, во всякомъ случаѣ, сильно повредило бы ему, тѣмъ болѣе, что въ свитѣ монарха, какъ онъ зналъ, у него не было друзей, а въ арміи были одни непримиримые враги.

Поэтому, посредничество Витгенштейна было для него какъ нельзя болѣе кстати, и онъ, вѣроятно, едва расчитывалъ на него, не смотря на доброту, снисходительность и незлобивость стараго фельдмаршала. Теперь же Дибичъ, вѣроятно, думалъ: «если бы только принцъ и фельдмаршалъ не жаловались; я вѣдь каждый день пишу въ Одессу и никто не угадаетъ моихъ намѣреній».

Однако, Дибичу не пришлось писать не только нѣсколько дней, но даже нѣсколько недѣль, и старый грѣшникъ не разъ подумывалъ о смерти; правда, въ томъ климатѣ она часто является совершенно неожиданною гостьей.

Я честно отнесся къ нашему примиренію и, получивъ извѣстіе о его болѣзни, почти съ искреннимъ участіемъ посылалъ Кушелева освѣдомиться о его здоровьи всякій разъ какъ не могъ лично навѣстить его. Это вниманіе тронуло Дибича и вызвало съ его стороны нѣкоторыя признанія, убѣдившія меня несомнѣнно въ томъ, что онъ (подобно отцу своему) человѣкъ отъ природы не злой и не фальшивый, но проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что интрига составляетъ въ Россіи ремесло; и эти-то принципы свои онъ, вѣроятно, желалъ завѣщать мнѣ передъ смертью. Однако, онъ поправился и сознаніе сдѣланныхъ имъ признаній еще болѣе усилило въ немъ желаніе какъ нибудь устранить меня съ своего пути.

Я употребилъ нѣсколько дней на тщательное изслѣдованіе окрестностей Эски-Стамбула и Мараша, и эти поѣздки еще болѣе убѣдили меня въ основательности высказанныхъ мною опасеній; наконецъ, я пересталъ дѣлать совершенно безполезныя донесенія мои въ главную квартиру и, позаботившись о собственной моей безопасности, приказалъ обнести весь нашъ лагерь при Марашѣ валомъ со рвомъ, которые, по крайней мѣрѣ, предохранили бы насъ отъ неожиданнаго вторженія конницы. Въ палаткахъ высшаго начальства посмѣялись надъ этою мѣрою предосторожности, говоря, что «прежній смѣльчакъ сдѣлался черезчуръ осторожнымъ». Вслѣдъ затѣмъ появился дневной приказъ, предписывавшій отдѣльнымъ начальникамъ не утомлять войска и не пугать ихъ педантическими мѣрами предосторожности.

На другой день послѣ этого, я вошелъ неожиданно въ палатку Киселева, гдѣ, сколько мнѣ помнится, находился въ то время и фельдмаршалъ, и объявилъ ихъ обоихъ своими плѣнниками.

— Да, да!—вскричалъ я изумленнымъ слушателямъ,—я становлюсь на мѣсто турецкаго паши, ибо я только что въѣхалъ въ лагерь со всею моею свитой и не былъ опрошенъ ни однимъ часовымъ. Такимъ образомъ я проникъ до палатки главнокомандующаго и требую теперь—не головы его, но только его ушей, т. е. его вниманія на нѣсколько словъ, заслуживающихъ, чтобы ихъ выслушали.

Все, что́ я затѣмъ высказалъ, сводилось къ изложеннымъ уже мною соображеніямъ; но Киселевъ и фельдмаршалъ чистосердечно увѣряли меня, что начальство въ главнѣйшемъ совершенно согласно со мною, но не можетъ уклониться отъ исполненія точнаго приказанія государя—удержать прежнюю позицію при Шумлѣ до его возвраще-

нія. Выслушавъ эта заявленіе, я возвратился въ Марашъ, и когда насыпь около лагеря была окончена, я, послѣ долгаго времени, первый разъ раздѣлся и легъ въ постель.

14-го (26-го) августа, послѣ полуночи, генералъ Нагель появился неожиданно въ моей палаткѣ, воскликнувъ: «турки!» Я поспѣшилъ натянуть сапоги и едва успѣлъ накинуть плащъ, какъ близкіе ружейные выстрѣлы подтвердили уже его слова. Бросившись изъ палатки, я чуть не споткнулся на князя Хандчери (Handscheri), грека, совѣтника при русскомъ посольствѣ (состоявшаго переводчикомъ при моемъ штабѣ), лежавшаго тутъ ничкомъ. «Que faites-vous là?» — спросилъ я улыбаясь. Онъ пробормоталъ нѣсколько словъ по турецки, какъ будто прося пощады; тогда я провелъ рукою по его шеѣ, при чемъ бѣдняга неистово закричалъ, и въ довершеніе крикнулъ ему на ухо: Аллахъ! Эта шалость была естественнымъ послѣдствіемъ той увѣренности и безопасности, какую я почувствовалъ, увидавъ, что во рву (предъ валомъ, съ внутренней его стороны) уже выстроились и стояли подъ ружьемъ полки Казанскій и Уфимскій. Такимъ образомъ нападенія уже нечего было опасаться. Затѣмъ я тотчасъ отправился на батарею, возвышавшуюся надъ окопами у самой моей палатки, и приказалъ выстрѣлить изъ ближайшаго орудія. При блеснувшемъ свѣтѣ мы разглядѣли вблизи цѣлую массу турецкой конницы; тогда изо всѣхъ орудій грянули картечью по этимъ безсовѣстнымъ нарушителямъ нашего спокойствія и поле было очищено отъ нихъ въ нѣсколько минутъ. Хандчери поднялся съ земли, а я побѣжалъ въ палатку натянуть брюки.

Затѣмъ мы выслали патруль на развѣдки; вблизи не оказалось ни одного турка. Наконецъ-то мнѣ удалось привести въ порядокъ свой туалетъ.

Однако, на разсвѣтѣ мы могли убѣдиться, что турки не удовлетворились полученнымъ урокомъ, ибо на далекомъ горизонтѣ обрисовывались темныя, еще неясныя очертанія многочисленныхъ отрядовъ непріятельскаго корпуса. Я приказалъ снять лагерь, поручилъ охрану вагенбурга и всего нашего обоза двумъ ротамъ Пермскаго полка; двѣ другія роты того же полка послалъ въ деревню Марашъ, лежавшую влѣво отъ насъ, для того, чтобы вмѣстѣ съ седьмымъ піонернымъ баталіономъ прикрыть госпиталь, и отправилъ гонцовъ въ ближайшіе посты призвать гусаръ Витгенштейна и полка принца Оранскаго и одинъ баталіонъ 35-го егерскаго полка. Я же, съ семью баталіонами Казанскаго, Уфимскаго, Вятскаго и Пермскаго полковъ и одиннадцатью пушками, хотѣлъ отступить на ближайшія высоты, чтобы самому произвести нападеніе; но непріятель предупредилъ меня

и мнѣ пришлось только послать одинъ баталіонъ Уфимскаго полка на холмъ, возвышавшійся въ концѣ деревни, и гдѣ уже ранѣе стояло пять пушекъ. Маіоръ Герцигъ, командовавшій этимъ баталіономъ, убѣдительно просилъ дать ему орудіе.

— «Вы найдете ихъ на мѣстѣ,—сказалъ я,—впрочемъ, возьмите, пожалуй, еще одну пушку, тогда въ вашемъ распоряженіи будетъ полъ-батареи».

Молоствовъ принялъ командованіе надъ баталіономъ, которому предстояло охранять мой лѣвый флангъ.

Между тѣмъ, къ намъ подвигалась сильная колонна турецкой пѣхоты. «Будетъ потѣха», подумалъ я, и приказалъ моимъ артиллеристамъ молчать. Иной непріятель возвелъ бы батареи и затѣмъ уже вступилъ бы въ битву, но честные турки не считали нужною столь безполезную трату пороха. Когда колонна достаточно приблизилась, то мы, къ величайшему удовольствію нашему, узнали вновь испеченыя регулярныя войска въ свѣтло-голубомъ мундирѣ, съ красною феской на головѣ, съ мушкетомъ со штыкомъ въ рукахъ и лядункою на бѣлой перевязи черезъ плечо. Шагахъ въ четырехъ стахъ отъ насъ колонна вдругъ остановилась и произвела передъ нами деплояду. Едва сдерживаясь отъ смѣха при видѣ этого оригинальнаго примѣненія вновь усвоеннаго тактическаго искусства, я закричалъ своимъ адъютантамъ: «гусары должны врубиться первые!» Дѣйствительно, справа отъ моего лагеря прибыло два эскадрона Витгенштейна подъ начальствомъ генерала фонъ-Бринкена и сотня казаковъ съ четырьмя орудіями. Весь мой штабъ, въ томъ числѣ и маркизъ, съ неистовымъ крикомъ бросились на встрѣчу нападающимъ. Въ то же время я приказалъ выстрѣлить изъ орудій и наши турецкіе тактики, подобно своимъ ночнымъ предшественникамъ, въ мигъ были разсѣяны. Однако, слѣдуетъ отдать имъ справедливость—они бѣжали лучше нашихъ гусарскихъ лошадей, которыя положительно не могли двинуться съ мѣста; даже казаки едва нагоняли непріятеля, и это не покажется удивительнымъ, если взять во вниманіе, что въ ночь наши разъѣзды пѣшкомъ принесли въ лагерь извѣстіе о приближеніи непріятеля, бросивъ на пути своихъ лошадей, чтобы скорѣе доставить намъ эту печальную вѣсть. Поэтому главная роль въ борьбѣ съ двумя тысячами бѣгуновъ выпала на долю моей свиты. Александръ и Эрнстъ помчались впередъ, за ними слѣдомъ генералъ Беттихеръ, ихъ наставникъ и воспитатель, затѣмъ маркизъ, Фицнеръ, Лугининъ, Лопухинъ и цѣлая масса ординарцевъ съ эполетами и безъ оныхъ. У нашего француза лошадь была быстрая, поэтому-то, вѣроятно, онъ и вернулся первый, и привезъ мнѣ извѣстіе о томъ,

что сто турокъ убито и двадцать взято въ плѣнъ. Дѣйствительно, даже съ помощью зрительной трубы, я не могъ разглядѣть ни одного противника на разстояніи 1,500 шаговъ, а генералъ фонъ-Бринкенъ, благодаря своимъ четыремъ пушкамъ, держалъ въ острасткѣ остальныхъ. Турки, съ своей стороны, совершенно безъуспѣшно стрѣляли по немъ изъ пушекъ, а я между тѣмъ двинулся, какъ было условлено, съ мѣста нашей стоянки на близь-лежащія высоты.

Однако, радость, вызванная нашею легкою побѣдой, вскорѣ омрачилась извѣстіемъ о большомъ несчастіи, постигшемъ другую часть войска. Иррегулярные турецкіе полки знали свое дѣло лучше вновь испеченыхъ героевъ, и въ то время, какъ послѣдніе подходили къ намъ церемоніальнымъ маршемъ, тысячъ около пятидесяти иррегулярнаго войска спустилось въ долину, простиравшуюся влѣво отъ насъ отъ Чифлыка къ деревнѣ Марашъ. Изъ этой долины нѣсколько тысячъ солдатъ взобрались на холмы, возвели батарею и стали обстрѣливать съ нея нашъ лѣвый флангъ, готовясь въ то же время къ защитѣ. Вскорѣ между ними и однимъ баталіономъ Уфимскаго полка завязалась жаркая перестрѣлка; однако, наши десять пушекъ не только заставили смолкнуть непріятельскую артиллерію, но и очистили всю окрестную мѣстность отъ турокъ, искавшихъ убѣжища въ долинѣ.

Въ это время Комаровскій замѣтилъ мнѣ, что другой баталіонъ Уфимскаго полка, подъ командою маіора Герцига, стоитъ подъ адскимъ огнемъ.

— «Э!—возразилъ я,—онъ навѣрно съумѣетъ защититься», и, дѣйствительно, я вскорѣ съ удовольствіемъ услышалъ, что непріятель растягиваетъ свои силы по долинѣ влѣво на Марашъ, подвергая тѣмъ опасности свое сообщеніе съ Чифлыкомъ и Шумлою, и давая намъ случай нагнать его во время отступленія. Но такъ какъ, во всемъ случавшемся со мною, дѣло не могло обойтись безъ какихъ нибудь странностей и недоразумѣній, то и въ этомъ случаѣ вышеупомянутый баталіонъ со своею единственною пушкой, безъ моего вѣдома, двинулся въ совершенно иномъ направленіи и дрался въ другомъ пунктѣ, нежели я предполагалъ.

Поэтому, не успѣлъ я еще послать ему подкрѣпленія, спѣша самъ двинуться впередъ, чтобы отплатить непріятелю за его нападеніе, какъ Молоствовъ возвратился уже съ весьма тревожными извѣстіями.

На пути встрѣтился ему артиллерійскій генералъ Черемисиновъ и спросилъ: куда онъ ведетъ баталіонъ? Получивъ отвѣтъ, онъ продолжалъ: «Тамъ онъ совершенно лишній. Пойдемъ, братъ, я укажу тебѣ лучшее мѣсто».

— Я дѣйствую по приказанію принца.

— Ничего, я беру все на себя! Видишь-ли вонъ тотъ курганъ (небольшой конусообразный холмикъ) посреди долины? Вотъ вашъ постъ, съ него можно обстрѣливать всю долину.

Къ сожалѣнію, Молоствовъ послушалъ его и, такимъ образомъ, баталіонъ его стоялъ далеко и совершенно изолированно, а пять остальныхъ пушекъ безо всякой пользы остались въ деревнѣ.

Я совсѣмъ не расчитывалъ запирать отъ турокъ долину и когда это случилось столь не кстати, то эта нецѣлесообразная мѣра вскорѣ принесла свои плоды. Нашъ несчастный баталіонъ былъ обойденъ на противоположномъ намъ концѣ долины и нѣсколько тысячъ непріятеля окружили его со всѣхъ сторонъ; при этомъ наши въ короткое время потеряли много людей и Молоствовъ съ опасностью жизни пробился сквозь строй турецкихъ всадниковъ, чтобы извѣстить меня объ отчаянномъ положеніи баталіона. Я немедленно послалъ его на помощь къ своимъ съ двумя ротами Казанскаго полка; между тѣмъ генералъ Беттихеръ, пройдя черезъ деревню съ Пермскимъ полкомъ и четырьмя пушками, долженъ былъ прогнать турокъ съ той стороны долины; полковникъ Плаутинъ двинулся вправо отъ Мараша съ двумя эскадронами гусаръ принца Оранскаго полка, а князь Горчаковъ, сдѣлавъ эволюцію влѣво, подвинулся къ выходу изъ долины съ остальными шестью ротами Казанскаго полка, съ Вятскимъ полкомъ, однимъ баталіономъ 35-го егерскаго полка и десятью орудіями.

Къ сожалѣнію, всѣ эти распоряженія ни къ чему не повели, такъ какъ баталіонъ, окруженный непріятелемъ, слишкомъ долго и совершенно безполезно держался на своемъ посту, тогда какъ быстрымъ и своевременнымъ отступленіемъ онъ легко могъ бы избѣгнуть всякой опасности; положеніе баталіона было самое отчаянное, когда слабые остатки его рѣшились, наконецъ, отступить въ Марашъ; да надобно думать, что они продолжали бы держаться еще долѣе, если бы артиллерійскія лошади, предоставленныя самимъ себѣ вслѣдствіе смерти ѣздоваго, не проскакали сквозь маленькій отрядъ, умчавшись къ непріятелю. Воспользовавшись происшедшею суматохою, турецкая конница врѣзалась въ нашъ отрядъ, но была снова отбита нашими солдатами, которые перетащили затѣмъ пушку, вмѣстѣ съ ранеными, почти въ самой деревнѣ. Но ровъ, бывшій на пути, помѣшалъ имъ увезти далѣе орудіе, которое попало въ руки турецкихъ всадниковъ; съ этою добычею вся шайка помчалась обратно вдоль долины, сначала по направленію къ горамъ, а затѣмъ по дорогѣ въ Чифлыкъ, и наши утомленные центавры и быстроногіе пѣхотинцы не могли уже ихъ нагнать.

Геройство Уфимскаго баталіона было предметомъ всеобщаго удивленія, но надобно сознаться, что подобные случаи могутъ встрѣтиться лишь въ турецкой войнѣ; во всякой европейской войнѣ полки, тѣснимые подобнымъ образомъ, тотчасъ произвели бы отступленіе; тутъ же считалось заслугою относиться къ непріятелю съ пренебреженіемъ и доставлять ему успѣхи своимъ незнаніемъ. Мы уже видѣли какимъ образомъ турки воспользовались одержанною здѣсь побѣдою.

Во всемъ этомъ дѣлѣ я былъ наказанъ болѣе всѣхъ. Слѣдовало-ли мнѣ привлечь къ отвѣтственности генерала Черемисинова? Онъ сдѣлалъ ошибку, это правда, но сдѣлалъ ее безъ дурнаго умысла. Приходилось-ли упрекать маіора Герцига за то, что онъ не отступилъ ранѣе и не захватилъ остальныхъ пяти пушекъ? Но онъ былъ прострѣленъ въ грудь.—Мнѣ слѣдуетъ винить самого себя,—подумалъ я, наконецъ,—за то, что я такъ легко принялъ первое донесеніе Комаровскаго и хотя, сообразивъ всѣ обстоятельства, я и чувствовалъ себя отнюдь невиновнымъ, однако, въ душѣ согласился съ мнѣніемъ Дибича, что я напрасно жертвую людьми и не умѣю держать войска въ повиновеніи.

Въ дополненіе всего сказаннаго, я долженъ привести здѣсь еще нѣкоторыя подробности этого сраженія. Едва успѣлъ Молоствовъ съ своими двумя ротами достигнуть конца деревни, какъ его нагнала турецкая конница; внизу піонеры и Пермскій полкъ отразили непріятеля, и даже больные въ полевомъ госпиталѣ взялись за оружіе и стрѣляли не умолкая.

Когда я вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ въ деревню, то вокругъ меня со всѣхъ сторонъ раздавались выстрѣлы; въ эту минуту привѣтствовалъ меня поручикъ Шторхъ, тотъ самый мнимый заговорщикъ, который былъ захваченъ 14-го (26-го) декабря и, приведенный къ императору, смутился до того, что призналъ себя во всемъ виновнымъ. Изъ офицеровъ Уфимскаго баталіона уцѣлѣли только этотъ поручикъ, да еще одинъ храбрый молодой капитанъ, фамилію котораго—стыдно сказать—я позабылъ; за ними слѣдовало 120 человѣкъ солдатъ, способныхъ еще владѣть оружіемъ, и столько же человѣкъ раненыхъ, обагренныхъ кровью. Остальная часть баталіона легла на полѣ битвы; всего было потеряно убитыми и ранеными до 300 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ восемь офицеровъ и баталіоннаго командира. Обратившись къ Комаровскому, я поручилъ ему извѣстить графа Витгенштейна обо всемъ видѣнномъ.

— Ваши приказанія для меня священны,—возразилъ адъютантъ,—но пули еще свищутъ и мнѣ не хотѣлось бы оставлять васъ прежде нежели минуетъ опасность.—«А я,—перебилъ его маркизъ,—не об-

суждаю распоряженій начальства, а слѣпо ѣду туда, куда оно приказываетъ».

— Не споткнитесь,—закричалъ ему вслѣдъ генералъ Нагель, когда маркизъ, повернувъ лошадь, помчался во весь опоръ.

Потрясающее зрѣлище представляло поле сраженія Уфимскаго полка; на немъ лежало болѣе ста убитыхъ, головы которыхъ были отрублены и увезены турками, и около 80-ти живыхъ еще мучениковъ съ прострѣленными членами; варвары почти у всѣхъ отрубили уши.

Кромѣ этой потери, понесенной нами въ этомъ дѣлѣ, мы насчитывали не болѣе десяти раненыхъ, не смотря на то, что ночью три пули пролетѣли сквозь собственную мою палатку; турки подъ залпами нашей картечи потеряли около двухъ или трехъ сотъ человѣкъ.

Маркизъ привелъ главную квартиру не только въ смятеніе—ибо оно господствовало тамъ давно—но положительно въ отчаяніе. Имя его чуть не сдѣлалось знаменитымъ въ исторіи Россіи. Въ лѣтописяхъ нашихъ было бы сказано, что «передъ однимъ французомъ вся русская армія обратилась въ бѣгство», и въ Парижѣ этому извѣстію, конечно, повѣрили бы, точно такъ, какъ повѣрили одной газетной статьѣ, въ которой говорилось приблизительно слѣдующее:

«Да,—писалъ одинъ извѣстный легитимистъ, поэтъ и благочестивый католикъ, которому духъ святаго Людовика являлся сто разъ въ день и полтораста ночью,—да, многіе изъ нашихъ молодыхъ пэровъ покоятся безпечно на своихъ пуховыхъ постеляхъ, въ то время какъ только одинъ человѣкъ, достойный своихъ высокихъ предковъ, унаслѣдовавъ ихъ древне-дворянскую, чисто монархическую кровь, подобно вѣнценосному герою былыхъ временъ, вырываетъ первое знамя изъ рукъ невѣрныхъ и повергаетъ его, обагренное своею кровью, къ ногамъ императора Николая».

— Ого-го! и ха, ха, ха!—раздалось въ главной квартирѣ подъ Базарджикомъ, когда эта парижская газета переходила у насъ изъ рукъ въ руки. Какъ бы то ни было, нашъ маркизъ дѣйствительно повергъ къ ногамъ государя первое знамя изъ крѣпости Исакчи, сдавшейся на капитуляцію безъ единаго выстрѣла, и дѣйствительно вырвалъ его, только—изъ рукъ казацкаго унтеръ-офицера.

Возвратимся, однако, къ нашему разсказу.

Въ тотъ же день турки попытали счастіе и подъ Шумлою, и надобно сказать—съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Узнавъ, вѣроятно, отъ татаръ-перебѣжчиковъ о безпечности нашихъ войскъ, они, также ночью, напали на одинъ редутъ и взобрались на него, не потревоживъ даже и сна гарнизона. Однако, этотъ разъ они были менѣе любезны чѣмъ на-дняхъ съ Витгенштейномъ, ибо такъ быстро и ловко отрубили

голову генералъ-маіору барону Вредену, что на слѣдующій день тѣло его нашли въ томъ самомъ положеніи, съ книгою въ рукахъ, въ какомъ его застигъ смертельный ударъ. Онъ погибъ жертвою дисциплины, слѣпо исполняя приказъ того дня; вмѣстѣ съ нимъ погибло 400 человѣкъ егерей, оставивъ въ добычу невѣрнымъ шесть пушекъ.

На утро съ нашей стороны было произведено нападеніе на непріятеля, защищавшаго захваченную имъ добычу, но мы были нѣсколько разъ отбиты, такъ какъ турки хорошо держатся въ окопахъ. Эта неудача привела наше начальство въ весьма дурное расположеніе духа; поэтому можно себѣ представить съ какими гримасами былъ встрѣченъ маркизъ, когда онъ, примчавшись во весь опоръ, чуть не сбилъ съ ногъ фельдмаршала и, не переводя дыханія, сообщилъ ему свою непріятную вѣсть. Я не знаю въ точности, въ какихъ словахъ онъ передалъ о случившемся, только разсказъ его произвелъ на слушателей такое сильное впечатлѣніе, что до насъ даже дошли слухи о страхѣ и тревогѣ, поднятой имъ. Къ счастію, турки и тамъ добровольно оставили свою добычу, предварительно припрятавъ хорошенько всѣ шесть орудій. Съ нашей стороны утѣшали себя тѣмъ, что въ этотъ день было убито подъ Шумлою всего 800 человѣкъ, что, вмѣстѣ съ 300 убитыми подъ Марашемъ, все-таки могло считаться достаточною платою за пріобрѣтенное нами, наконецъ, убѣжденіе въ безполезности и опасности нашей стоянки въ этомъ пунктѣ.

Во всякомъ случаѣ, мы не имѣли права сказать теперь: «Nous avons tout perdu, hors l'honneur», такъ какъ въ этомъ дѣлѣ именно честь наша пострадала болѣе всего.

Вся эта передряга имѣла по крайней мѣрѣ одинъ хорошій результатъ, именно тотъ, что русскіе оставили съ полдюжины ничтожныхъ укрѣпленій, и мы съ Ридигеромъ были отозваны изъ Эски-Стамбула и Мараша, и присоединились къ лѣвому флангу третьяго корпуса, стоявшаго подъ Шумлою. Однако, эти распоряженія нисколько не соотвѣтствовали моимъ ожиданіямъ. Опираясь на мои прежнія пророчества и на печальныя событія, случившіяся потому, что моими предостереженіями пренебрегли, я сталъ громче высказывать свое мнѣніе, говоря: «Что́ мы будемъ здѣсь дѣлать?—Наблюдать за Шумлою?—Мудрено наблюдать подъ носомъ у непріятеля!—Да и къ чему приведетъ это наблюденіе, если мы точно прилипли къ этому мѣсту и не въ состояніи двинуться ни въ какую сторону? Намъ слѣдуетъ вернуться въ Енибазаръ, тогда мы будемъ ближе къ осажденной Варнѣ, и если турки выйдутъ изъ Шумлы, то мы немедля воспользуемся этою глупостью съ ихъ стороны».

Замѣчательно, что этотъ разъ Дибичъ былъ одного мнѣнія со мною. Уже не думалъ-ли онъ снова умирать? Какъ бы то ни было, но онъ, по видимому, былъ сильно потрясенъ всѣмъ случившимся. Такъ, напримѣръ, онъ привлекъ инженернаго генерала Труссона къ отвѣтственности за редутъ, построенный имъ и который былъ чрезвычайно легко захваченъ турками. «Боже мой!—сказалъ Труссонъ,—вѣдь наши егеря думали же, что онъ страшно укрѣпленъ, когда ихъ послали отнять его у турокъ». Дибичъ сталъ выговаривать ему грубо, Труссонъ обидѣлся; Дибичъ разсердился, Труссонъ остался серьезенъ и непреклоненъ; наконецъ, Дибичу сдѣлалось дурно, но Труссонъ и тутъ не растерялся. Онъ стоялъ спокойно передъ поблѣднѣвшимъ генераломъ и когда тотъ очнулся, онъ продолжалъ невозмутимо: «Мы остановились на редутѣ».....—«Оставимъ редутъ,—сказалъ Дибичъ слабымъ голосомъ,—пошлите за Шлегелемъ!» (штабнымъ врачомъ).

И такъ, предложеніе возвратиться къ Енибазару было принято; но, быть можетъ, Дибичъ говорилъ намъ одно, а въ своихъ донесеніяхъ государю писалъ совсѣмъ другое, или кто нибудь изъ приближенныхъ монарха старался разстроивать всѣ мои планы; какъ бы то ни было, наше желаніе не было одобрено императоромъ, и намъ было приказано по прежнему оставаться подъ Шумлою.

Вслѣдствіе этого, кавалерія наша истощилась до такой степени, что въ обѣихъ дивизіяхъ, генераловъ Ридигера и Орлова—этотъ послѣдній заступилъ мѣсто Загряжскаго—каждую ночь падало отъ 60-ти до 80-ти лошадей, и турецкіе патрули, расхаживавшіе по окрестности, выказывали такую смѣлость, которая приводила насъ не только въ отчаяніе, но даже въ ужасъ. Въ самой Шумлѣ турки становились бодрѣе и мы слышали отъ нѣкоторыхъ перебѣжчиковъ, что послѣ послѣдней удачной экспедиціи они изъявляютъ ненасытную жажду къ головамъ русскихъ генераловъ. Не удивительно! извѣстно, что l'appetit vient en mangeant.

Насъ также нельзя было упрекать за то, что мы желали сохранить свои головы, и хотя изъ Одессы и Варны намъ постоянно твердили: «вы потеряли всякую бодрость, вы упали духомъ и боритесь съ призраками!»—и почти то же самое говорили и мы другъ другу, однако, каждый изъ насъ принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры для охраненія войска и нашего собственнаго лагеря, необерегаемаго болѣе ни однимъ коннымъ пикетомъ. Баталіоны располагались на ночь въ каре; каждый солдатъ, за неимѣніемъ иной подруги, спалъ крѣпко обнявъ заряженное ружье; наши отряды были окружены тройною цѣпью часовыхъ, и передъ палатками всѣхъ высшихъ на-

чальниковъ, которые сами теперь никогда не раздѣвались и не снимали оружія, стояли цѣлые ряды пѣхотныхъ солдатъ, готовыхъ каждую минуту вступить въ бой. Не смотря на всѣ эти мѣры предосторожности, мы всегда находились подъ вліяніемъ страха и даже ночью чутко прислушивались къ малѣйшему шороху. Я не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія и поспѣшно вскочилъ со своей походной кровати, когда генералъ Черемисиновъ однажды ночью вбѣжалъ снова въ мою палатку, воскликнувъ: «стрѣляютъ!» Возгласъ этотъ мигомъ облетѣлъ палатки и вскорѣ весь лагерь былъ на ногахъ и подъ оружіемъ. Издалека доносился выстрѣлъ за выстрѣломъ.—Должно быть, направо конные егеря подверглись нападенію,—подумали мы, и ординарцы поскакали въ этомъ направленіи. Это былъ чисто бѣглый огонь, но выстрѣлы были слышны только возлѣ самой палатки Черемисинова. Удивительно!—Много любопытныхъ собралось тутъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Наконецъ, объяснилась загадка. Нѣсколько толстыхъ веревокъ бились вѣтромъ объ туго-натянутый холстъ, производя столь естественный глухой шумъ, что самое опытное ухо артиллериста могло принять его за отдаленный гулъ пушечныхъ выстрѣловъ! При подобныхъ ночныхъ тревогахъ мы всѣ порядочно поизмучились и, желая возвратиться къ Енибазару, надѣялись даже склонить къ тому императора, который между тѣмъ оставилъ Одессу и, находясь на кораблѣ «Парижъ», слѣдилъ за событіями подъ Варною. Но вдругъ Дибичъ снова совершенно измѣнился послѣ одного дѣла, которое, не смотря на нѣкоторыя блестящія его стороны, я не могу назвать счастливымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Турки ошиблись на счетъ нашей бдительности и, предпринявъ съ большими силами ночное нападеніе на нашъ шанцъ № 11, были отбиты, потерявъ до тысячи человѣкъ, а на слѣдующее утро ихъ кавалерія была отброшена генераломъ Ридигеромъ отъ Чингелькью (Tschingelkieu), при чемъ дѣло, сверхъ ожиданія, обошлось нѣсколькими пушечными выстрѣлами, но, главное, Дибичъ не нуждался болѣе въ Шлегелѣ, стоялъ твердо на ногахъ передъ Трусономъ и помышлялъ о новыхъ интригахъ, какъ будто онъ давно уже позабылъ о смерти. Любимая мысль окружить непріятеля была снова на очереди, и ничтожные остатки измученныхъ гусаръ Ридигера должны были опять отправиться въ походъ, между тѣмъ какъ въ каждомъ полку оставалось не болѣе двухъ эскадроновъ и насчитывали едва 250 лошадей. По поводу этого предпріятія Дибичъ имѣлъ съ генераломъ Нагелемъ подобнаго же рода свиданіе какъ и со мною, и у него также нашлись уважительныя причины, чтобы отклонить

всѣ предложенія, сдѣланныя генераломъ, и отпустить его съ дружескимъ рукопожатіемъ.

Генералъ Ридигеръ и не видалъ непріятеля, но потерялъ въ этомъ торжественномъ шествіи до 300 лошадей.

Одинъ развитой, умный и доброжелательный человѣкъ, котораго я зналъ еще молодымъ офицеромъ, въ прежніе походы, предостерегъ меня подъ рукою черезъ моего друга Горчакова противъ новыхъ козней Дибича, но я былъ слишкомъ озлобленъ всѣмъ случившимся и не могъ долѣе сдерживаться. Между нами произошло новое столкновеніе и этотъ разъ Витгенштейну было труднѣе помирить насъ.

— «Этотъ дьяволъ еще погубитъ насъ,—прошепталъ онъ мнѣ на ухо,—гордость обуяла и обезобразила его. Къ тому же онъ топитъ по вечерамъ всѣ свои дурные помыслы въ грогѣ и ложится спать не ранѣе какъ совершенно напившись».

Тысячью проклятій напутствовали начальника императорскаго главнаго штаба, когда онъ, наконецъ, уѣхалъ, чтобы присоединиться къ свитѣ государя.

Наши донесенія о послѣднихъ событіяхъ были приняты подъ Варною весьма милостиво, и проектъ о нашемъ отступленіи былъ вполнѣ одобренъ. Въ то же время императоръ старался ободрить насъ, возбудивъ въ насъ соревнованіе; его рескриптъ фельдмаршалу сопровождался цѣлымъ спискомъ геройскихъ подвиговъ подъ Варною. Мы были далеки отъ того, чтобы сомнѣваться въ нихъ, но солдаты наши отъ этого не спали лучше подъ Шумлою, а лошади не были сытѣе.

Въ это время случилось одно обстоятельство, какъ нельзя болѣе кстати, чтобы дать всѣмъ нашимъ дѣламъ благопріятный оборотъ, а быть можетъ, и покончить войну однимъ ударомъ. Конечно, еслибы армія во-время отступила къ Енибазару, то мы могли бы дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ бо́льшими силами, но и теперь еще можно было расчитывать на полный успѣхъ, если бы были приняты всѣ тѣ мѣры, которыя я предложилъ и которыя графъ Витгенштейнъ тотчасъ одобрилъ и сообщилъ императору.

Турки въ это время выслали для освобожденія Варны отрядъ войска отъ Балканъ на узкую полосу земли, которая ограничивается съ юга рѣкою Камчикомъ, съ востока Чернымъ моремъ, съ сѣвера Варною и рѣкою, орошающею эту крѣпость, наконецъ, съ запада тою же рѣкою и нѣсколькими небольшими озерами, по которымъ она протекаетъ. Изъ Шумлы выступило, между тѣмъ, около тысячи четырехъ сотъ человѣкъ съ намѣреніемъ окольными путями подойти

къ этому отряду и усилить его. Зная какъ неблагоразумно турки поступаютъ обыкновенно при освобожденіи своихъ крѣпостей, можно было тотчасъ составить планъ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ, двинувшись отъ Шумлы черезъ Енибазаръ, Праводы и Девно, мы легко могли дня черезъ три атаковать съ фланга непріятеля, шедшаго впередъ совершенно безпечно, и разбить его окончательно, прежде нежели онъ успѣлъ бы переправиться обратно черезъ Камчикъ.

И такъ, было рѣшено, что я двинусь изъ-подъ Шумлы съ полками Азовскимъ и Днѣпровскимъ, съ 37-мъ и 38-мъ егерскими полками и двѣнадцатью орудіями и по пути захвачу князя Мадатова, стоявшаго въ Праводахъ (на мѣстѣ покойнаго Константина Бенкендорфа) съ сохранившими свою числительность Полоцкимъ и Витебскимъ полками и двѣнадцатью пушками; далѣе, при Девно я долженъ былъ соединиться съ генералами Деллингсгаузеномъ и Симанскимъ, командовавшими Одесскимъ, Украинскимъ и Кременчугскимъ полками, и съ 20-мъ егерскимъ полкомъ, тремя эскадронами Бугскихъ уланъ, двумя эскадронами конныхъ піонеровъ, взявъ съ собою ихъ восемнадцать орудій. Кромѣ того, просили Государя немедленно послать въ Девно и отдать въ мое распоряженіе конно-гвардейцевъ (die Garde Cavallerie), стоявшихъ безъ всякой пользы подъ Варною. Такимъ образомъ въ моемъ распоряженіи было бы 20 баталіоновъ, 25 эскадроновъ и болѣе 40 орудій и этого было слишкомъ доста точно, чтобы двинуться между двумя турецкими отрядами, которые еще не успѣли соединиться, и разбить ихъ поодиночкѣ.

Но предложеніе это не увѣнчалось успѣхомъ. Фельдмаршалу отвѣчали, что «дѣла подъ Варною приняли самый счастливый оборотъ и тамъ не нуждаются въ посторонней помощи». Это значило, что князь Меншиковъ подготовилъ тамъ все самымъ превосходнѣйшимъ образомъ—это, между прочимъ, одно только и было справедливо—и крѣпость неизбѣжно должна сдаться. Изъ другаго источника мы узнали, что князь Меншиковъ раненъ; суда не могутъ подойти довольно близко, чтобы съ успѣхомъ обстрѣливать Варну; нѣсколько наружныхъ укрѣпленій ея взяты приступомъ, при чемъ 13-й и 14-й егерскіе полки замѣчательно отличились; не смотря на это, осадныя работы подвигались не особенно быстро и изъ Одессы призванъ графъ Воронцовъ, которому поручено руководить ими далѣе.—Навѣрно,—подумалъ я,—выборъ этотъ, какъ и все хорошее, сдѣланъ не Дибичемъ. Въ офиціальной депешѣ говорилось еще, что къ успѣху блокады приняты всѣ мѣры, а въ непріятельскомъ корпусѣ, высланномъ къ

Варнѣ, насчитываютъ около двухъ тысячъ человѣкъ и есть основаніе думать, что число это возрастетъ до семи тысячъ.

Я расчитывалъ, что Дибичъ и впредь умышленно будетъ устранять меня отъ всякаго столкновенія съ непріятелемъ, поэтому приказалъ выстроить себѣ землянку и, подобно фрейлинамъ королевы въ «Волшебной флейтѣ», сталъ покорно и сложа руки смотрѣть на возрастающіе безпорядки въ нашемъ войскѣ.

Вспомнивъ однажды о моемъ царственномъ родственникѣ, о его славѣ, блестящихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, на которыя онъ лично имѣлъ полное право расчитывать, я невольно пропѣлъ: «Ich kann nichts thun, als Dich beklagen, weil ich zu schwach zum Helfen bin!» (Мнѣ остается только пожалѣть тебя, такъ какъ я не въ силахъ помочь тебѣ).

Вдругъ вѣтеръ подулъ въ другую сторону, и прежнее спокойное, миролюбивое настроеніе смѣнилось всеобщею тревогою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА.

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18-го февраля 1877 г.

Глава III-я [1]).

О домашней жизни деревенскихъ жителей, особенно же духовныхъ лицъ.

Не только во время моего дѣтства, но и вскорѣ послѣ него, духовныя лица самою бо́льшею частію жили почти такъ же, какъ и крестьяне. Опишу эту жизнь, впрочемъ, не во всѣхъ отношеніяхъ.

Изба и у крестьянъ и у духовныхъ состояла изъ четырехстѣннаго зданія и раздѣлялась на двѣ части. Одна, занимавшая болѣе половины, иногда почти двѣ трети зданія, была въ одно и то же время прихожею, залою, гостиною, спальнею, дѣтскою, столовою и пр. Въ остальной части помѣщалась огромная русская печь, которая начиналась отъ задней стѣны, близь самой двери въ первую комнату; затѣмъ, отъ печи тянулась досчатая перегородка до передней стѣны; отдѣленное такимъ образомъ пространство, извѣстное подъ именемъ чулана, было кухнею. Надъ тою частью печи, въ которой горѣли дрова, выстилалась площадка, отстоявшая отъ потолка аршина на полтора; ее называли тоже печью или печкою; послѣднее слово я вездѣ буду употреблять для обозначенія ея. На сторонѣ, обращенной къ первой комнатѣ, въ печи, немного пониже печки, оставались пустыя мѣста, называвшіяся печурками, и затѣмъ, 10—14 вершками ниже печки, лежанка, тоже кирпичная площадка, но уже гораздо менѣе печки.

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 1—38.

Впрочемъ, въ деревняхъ у крестьянъ лежанку рѣдко можно было встрѣчать, ее замѣняла казенка—деревянная площадка. Въ первой, большой комнатѣ, начиная отъ двери почти до половины ея, устраивались палати на половину, или, много, на три четверти аршина отъ потолка; на палати взлѣзали съ лежанки или казенки.

Противъ избы, черезъ сѣни, въ которыхъ находился одинъ или два чулана, устраивалась почти вездѣ горница, раздѣлявшаяся, подобно избѣ, на двѣ части; въ первой—преимущественно помѣщались съѣстные припасы, иногда и сундуки, а вторая состояла изъ двухъ чулановъ, служившихъ кладовыми для цѣнныхъ вещей; тутъ хранилось не только платье, но и деньги. Горница была почти всегда холодною, и потому въ ней спали преимущественно хозяинъ и хозяйка только лѣтомъ, для чего придѣлывалась къ стѣнѣ, у двери, неподвижная кровать. А затѣмъ зимою вся семья, состояла-ли она изъ пяти, десяти и даже болѣе человѣкъ, проводила и день и ночь въ избѣ. Для хозяина и хозяйки устраивалась постель на куткѣ, т. е. лавка изъ нѣсколькихъ досокъ, придѣланныхъ къ задней стѣнѣ избы; между куткомъ и печью обыкновенно все пространство занималось вхожею дверью. Прочіе члены семейства спали ночью—старики и старухи на печкѣ, на лежанкѣ, на казенкѣ,—другіе кто на палатяхъ, кто на лавкахъ, на скамьяхъ, а въ случаѣ многолюдства — на полу. Можно судить, что́ за воздухъ былъ въ такой избѣ, но къ порчѣ его способствовало множество другихъ обстоятельствъ.

Во время моего дѣтства, у многихъ лицъ духовенства, печи устраивались съ дымовыми трубами—избы съ такими печами назывались бѣлыми; но у крестьянъ, равно какъ и у нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, избы были черныя, въ которыхъ печь не имѣла трубы; поэтому во время ея топки вхожая дверь отворялась зимою и лѣтомъ настежь, и кромѣ того открывалось вверху избы, близко къ потолку, окно. Не смотря на то, во время топки болѣе половины комнаты наполнялось дымомъ; нечего и говорить о томъ, что въ зимнее время былъ въ такомъ случаѣ почти такой-же холодъ, какъ и на открытомъ воздухѣ; даже крестьяне не только одѣвались въ шубы и тулупы, но надѣвали и шапки. По окончаніи истопеля, т. е. времени, въ теченіе котораго дрова, положенныя въ печь, обратятся въ угли, затворяли въ черныхъ избахъ сначала дверь, а потомъ и окно вверху около потолка.

Изъ желанія поскорѣе согрѣться и изъ экономіи относительно дровъ, то и другое дѣлалось прежде, нежели угли покрывались пепломъ, отчего зеленоватый чадъ даже видимымъ образомъ наполнялъ до половины комнаты, ѣлъ, какъ выражались, глаза, т. е. производилъ въ нихъ не только зудъ, но и боль и, кромѣ того, разумѣется, угаръ. Изъ тѣхъ, которые не могли выходить изъ избы въ это время, рѣдкій не угоралъ, а глаза даже ранѣе старости бо̀льшею частію притуплялись, гноились и отказывались служить. Наконецъ, проходилъ и чадъ, но запахъ отъ горшковъ и чугуновъ, стоявшихъ въ печи, съ пищею, долго еще наполнялъ избу.

Независимо отъ этого, разныя благовонія, или, прямѣе сказать, зловонія поддерживались въ избѣ отъ другихъ причинъ. Въ зимнее время домашнія животныя производятъ на свѣтъ свое потомство, или, какъ говорятъ, корова телится, овца ягнится, гуси и куры начинаютъ нести яйца, а первые къ концу холоднаго времени иногда и выводятъ цыплятъ. Хлѣвы въ то время, бо̀льшею частію холодные, даже поставленные на мху, могли убійственно дѣйствовать на новорожденныхъ животныхъ: о скотныхъ избахъ и понятія даже не имѣли въ деревняхъ. И вотъ, теперь, въ той же избѣ, гдѣ живетъ 5—15 человѣкъ людей, помѣщаютъ свинью съ поросятами, овцу съ ягненкомъ, теленка, стелютъ соломы, на которой бы они могли лежать, ставятъ лукошки, или котелки для гусынь и куръ. Конечно, не всѣ эти жильцы живали въ избѣ въ одно время, но въ теченіе зимы немного насчитывалось дней, когда бы въ ней кто либо не хрюкалъ, не блеялъ, не мычалъ, не гагакалъ, не кудахталъ, а иногда чуть не всѣ эти артисты могли давать общій концертъ. Затѣмъ, особенно во время истопеля, вводились недавно отелившіяся коровы, чтобы покушать приготовленное имъ мѣсиво, т. е. мякину или колосья, пересыпанныя ржаною мукой и облитыя теплою водой, и чтобы покормить своимъ молокомъ новорожденнаго теленка. Свиньѣ и овцѣ долго не позволяли жить въ избѣ, но поросята и ягнята оставались на недѣлю и на двѣ въ ней, а къ нимъ по нѣсколько разъ въ день впускались ихъ матери. Иногда овцы, найдя отворенныя въ сѣняхъ и избѣ двери, дѣлали цѣлымъ своимъ міромъ и обществомъ партизанскій набѣгъ; конечно, ихъ скоро выгоняли, но частенько онѣ успѣвали оставить не очень благовонные слѣды своего визита. Собаки же, особенно у крестьянъ,

даже имѣли привиллегію днемъ полежать часочекъ—другой подъ лавкою въ избѣ. И вотъ, къ воздуху, который портился отъ 5—15-ти человѣкъ, къ дыму и чаду отъ печи, прибавлялось еще зловоніе отъ изверженій всѣхъ домашнихъ животныхъ, временно помѣщавшихся съ своими хозяевами. Что-же это былъ за воздухъ? Къ сожалѣнію, ни одинъ химикъ не пытался разложить его.

За то домохозяева принимали какъ будто нарочно мѣры для того, чтобы сохранить этотъ воздухъ въ полной его чистотѣ, или, лучше—нечистотѣ. Объ улучшеніи его искусственными средствами и не думали, да и теперь не слишкомъ заботятся; даже отъ вліянія свѣта старались предохранить его. Я еще очень хорошо помню, что въ деревенскихъ избахъ окна были двухъ сортовъ: красныя и волоковыя; первыя состояли изъ болѣе или менѣе высокихъ и широкихъ оконныхъ рамъ со стеклами, а вторыя имѣли такую почти только величину, чтобы въ нихъ можно было свободно просунуть большую голову. Послѣднія закрывались двоякимъ образомъ: или деревянною затворкою изъ довольно толстой доски, или рамкою со стекломъ четверти въ двѣ длины и четверти полторы вышины; затворки задвигались ночью, а днемъ отодвигались въ бокъ по устроеннымъ для этого пазамъ и замѣнялись рамкою. Такимъ образомъ при волоковыхъ окнахъ ночью въ избу никакъ не могъ попасть свѣтъ, но и днемъ, когда даже окно закрывалось стеклянною рамкою, свѣтъ входилъ чрезъ нее въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Кромѣ того, надобно еще сказать, что въ рамкахъ стекло часто замѣнялось бычачьимъ или коровьимъ пузыремъ, или промасленною толстою бумагой.

Въ ночное время освѣщеніе прибавляло новый элементъ для порчи воздуха. О сальныхъ свѣчахъ тогда слишкомъ мало заботились; у самыхъ богатыхъ крестьянъ онѣ бывали рѣдкостью, и употреблялись въ экстренныхъ случаяхъ. Обыкновенно освѣщеніе происходило при помощи лучины. Для этого запасались толстыми березовыми полѣньями, высушивали ихъ какъ можно лучше и раскалывали, или разщепливали, на очень тонкія, шириною не болѣе дюйма, длинныя полоски, называвшіяся лучиною, лучинкою. Эту-то лучину и употребляли для освѣщенія комнатъ, зажигая одну за другою. Подсвѣчникомъ, такъ сказать,—подлучинникомъ служилъ свѣтецъ, т. е. деревянная подставка аршина два вышины; нижній конецъ его утверждался

въ двухъ перекрещенныхъ между собою деревянныхъ пластинкахъ, а въ верхній конецъ вставлялся желѣзный съ тремя или четырьмя рожками гвоздь. Сюда-то однимъ концомъ вставлялась горящая лучина. Очевидно, что такого рода освѣщеніе производило сильный чадъ и копоть, и безъ того дурной воздухъ дѣлался еще хуже, даже и въ привычномъ человѣкѣ производя угаръ.

Въ селахъ у духовенства, какъ я уже сказалъ, избы были уже бо́льшею частію бѣлыя, но встрѣчались нерѣдко черныя и съ волоковыми окнами.

Имѣя уже 15—16 лѣтъ и возвращаясь изъ Рязани на святки въ Тулу къ празднику Рождества Христова, я, въ селѣ Клишкахъ, ночевалъ у причетника Герасима Семенова. Насъ уложили на полу спать; ночь мы пролежали спокойно, но поутру отъ холоду насъ не спасли ни тулупы, ни одѣяла; дѣло состояло въ томъ, что изба была черною, и когда ее начали топить во время еще нашего сна, дверь отворили. У крестьянъ-же бѣлыя избы или черныя, но съ красными окнами, были настоящею рѣдкостью. Въ тумскомъ приходѣ, кромѣ деревни Спирина, бѣлыя избы были наперечетъ, можетъ быть, дворахъ въ 600—не болѣе двухъ или трехъ десятковъ. Равнымъ образомъ, когда я, имѣя уже 20 лѣтъ, поѣхалъ въ духовную академію, то половина крестьянскихъ избъ были еще съ волоковыми окнами, или имѣли одно красное окно. Русскій человѣкъ издавна не любилъ свѣта; оставаться во тьмѣ ему очень нравилось. Просвѣтился-ли онъ при васъ, г. читатель?

Мой батюшка, будучи еще семинаристомъ, былъ довольно коротко знакомъ съ семействомъ помѣщиковъ братьевъ Ивановыхъ, проживавшихъ въ тумскомъ приходѣ въ деревнѣ Снохинѣ, особенно съ однимъ изъ братьевъ—Алексѣемъ Васильевичемъ. Отъ нихъ онъ позаимствовался пріемами и привычками, чуждыми духовенству, даже познакомился съ распространявшимися по Россіи идеями французскаго либерализма XVIII столѣтія; по крайней мѣрѣ, я не одинъ разъ отъ него слыхалъ, что онъ у Алексѣя Иванова бралъ и читалъ переводы нѣкоторыхъ Вольтеровыхъ сочиненій, напримѣръ, Кандида. Между же семинаристами—современниками моего батюшки—либеральныя идеи, даже атеистическія, хоть изрѣдка бывали въ ходу. Такъ, напримѣръ, онъ разсказывалъ про одного своего товарища, который, во время грозовыхъ тучъ, вышедши

на крыльцо и раскрывши свою грудь, кричалъ вслухъ, смотря на небо: „ну, если ты (т. е. Богъ) дѣйствительно существуешь, то рази меня“. Затѣмъ, какъ я уже выше замѣтилъ, батюшка, рѣшившись было поступить въ медицинскую академію, тѣмъ самымъ показалъ, что онъ не очень былъ доволенъ жизнью духовенства. Сдѣлавшись священникомъ, онъ, по моему мнѣнію, сдѣлался набожнымъ безъ ханжества и фанатизма, и въ дѣтствѣ своемъ, и въ возмужаломъ возрастѣ, и потомъ въ его старости и при смерти я видѣлъ множество доказательствъ его нелицемѣрныхъ, христіанскихъ чувствованій. При всемъ томъ, въ современномъ ему сельскомъ духовенствѣ, съ 1809 года и далѣе, онъ могъ считаться прогрессистомъ, передовымъ человѣкомъ.

Но во внѣшней своей жизни онъ, по господствовавшимъ тогда понятіямъ и сообразно съ финансовыми средствами, принужденъ былъ вести себя почти такъ же, какъ и всѣ другія духовныя лица. Въ Палищахъ онъ, какъ я выше сказалъ, купилъ и занялъ домъ своего предшественника. Въ домѣ была только одна теплая изба, конечно, бѣлая и съ красными окнами, а черезъ сѣни, по заведенному порядку—холодная горница. Это продолжалось едва-ли не до шестаго года моего возраста, когда наконецъ горницу сдѣлали теплою и склали въ ней такъ называемую голландскую печь, которая были первою въ селѣ Палищахъ. Но и послѣ того вся семья бо̀льшею частію проводила время въ избѣ; въ горницѣ спали почти одни батюшка и матушка, да принимали почетныхъ гостей. А затѣмъ всѣ днемъ и ночью сидѣли и лежали, обѣдали и ужинали, занимались дѣломъ и бездѣльемъ и пр.—въ избѣ. Даже въ экстренныхъ случаяхъ, когда-бы слѣдовало насъ—маленькихъ дѣтей—выводить изъ избы, оставляли въ ней. Такъ, напримѣръ, моя матушка родила одну изъ своихъ дочерей—Марью или Александру, не припомню—въ избѣ на печи. Я въ это время сидѣлъ на лавкѣ въ переднемъ углу и никакъ не могъ понять, отчего это полилась вдругъ кровь съ печи и потомъ снесли оттуда младенца и пр. И въ нашу избу, по деревенскимъ обычаямъ, вносили, вводили или допускали домашнихъ животныхъ; въ ней не только корова ѣла свое мѣсиво, но проводили по нѣскольку сутокъ поросята съ своею маменькою, ягнята, телята, гусыни и пр. Мы, дѣти, особенно любили ягнятъ и отчасти поросятъ, съ которыми даже заводили игры; но гусынь мы ужасно боялись, потому что

онѣ во время вывода дѣтей бываютъ очень злы, а потому намъ, дѣтямъ, приходилось знакомиться съ ихъ клювами.—Далѣе, и у насъ ночью бо́льшею частію освѣщеніе происходило при помощи лучины; только въ особыхъ случаяхъ, когда бывали почетные гости или батюшкѣ надобно было что либо писать, зажигалась сальная свѣча. Хорошъ-ли или плохъ былъ воздухъ—я тогда не понималъ; помню только, что иногда открывали трубу и даже отворяли немного и не надолго дверь, чтобы освѣжить его; о форточкѣ не знали даже и по названію. И полъ не могъ отличаться чистотою, тѣмъ болѣе, что въ избу приходили, особенно въ воскресные и праздничные дни, мужики и бабы въ большомъ количествѣ. Но смѣю увѣрить, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, наша изба, по чистотѣ и опрятности, несравненно была лучше всякой крестьянской избы. Бывало, возвратившись не только изъ деревни, но и отъ котораго либо дьячка или дьякона, находишь свою избу, какъ мы тогда выражались, настоящею горницею. Чтобы поддержать чистоту въ избѣ, или по крайней мѣрѣ чтобы она не была черезчуръ постоянно грязною, мыли полы и лавки (я и забылъ сказать, что въ ней не было никакихъ стульевъ, креселъ и т. п., а вдоль стѣнъ придѣланы были лавки, да еще стояли двѣ или три скамьи,—въ горницу-же, когда ее сдѣлали теплою, куплено было до дюжины стульевъ). Мытье самое усердное происходило предъ святками, Пасхою и Христовыми праздниками: Троицынымъ днемъ, Ильей пророкомъ (20-го іюля) и Покровомъ (1-го окт.); тутъ-то бывало бо́льшею частію устилали полъ свѣжею соломою, на которой мы съ наслажденіемъ играли и валялись. Кромѣ того, очень нерѣдко мывали полъ въ субботу.

Прислуга въ домѣ моего батюшки была, разумѣется, немногочисленна, особенно въ началѣ его семейной жизни. Имѣли обыкновенно такъ называемую работницу, простую деревенскую бабу, которая исправляла бо́льшую часть черныхъ работъ. Затѣмъ, нанимался какой либо не очень дѣльный и ловкій крестьянинъ, подъ названіемъ работника, для ухода за лошадью, для пашни, сѣнокоса, для рубки дровъ и пр. Но, кажется, зимою, во время моего дѣтства, работникъ не всегда бывалъ. Послѣ, когда число дѣтей стало увеличиваться, батюшка вызвалъ изъ города Елатьмы двоюродную свою сестру Палагею Никифорову, дочь дѣдушкиной сестры Анны; она-то и была нашею нянькою и гувер-

нанткою. Наконецъ, на пятомъ или на шестомъ году моего возраста батюшка рѣшился имѣть такъ называвшихся купленныхъ людей. Для объясненія такого названія, напомню г. читателю, что въ описываемое мною время крѣпостное право было во всей силѣ. Изъ подражанія помѣщикамъ, духовныя лица, купцы, такъ называемые личные дворяне, а иногда даже мѣщане и казенные крестьяне—тоже желали имѣть крѣпостную прислугу. Но законы не позволяли имъ закрѣплять за собою или, какъ тогда говаривали, записывать на свое имя крѣпостныхъ людей; разумѣется, нашли способъ обходить законы. Помѣщикъ продавалъ то или другое лицо изъ его крѣпостныхъ священнику, купцу и пр., но проданный продолжалъ числиться за прежнимъ бариномъ по ревизіи; а баринъ давалъ честное слово не присвоивать себѣ его. Бывали, разумѣется, и обманы. Чтобы обезпечить себя отъ нихъ, покупщикъ заключалъ контрактъ, по которому продавецъ, по предоставленной ему закономъ власти, отдавалъ яко-бы въ услуженіе на болѣе или менѣе опредѣленный срокъ крестьянина или крестьянку; контрактъ этотъ возобновлялся, но часто даже не соблюдалось и этой формальности; одинъ продавалъ, другой покупалъ и увозилъ купленный человѣчій товаръ, обходился съ нимъ уже какъ баринъ; случалось, что такой товаръ пропускался даже и въ ревизіи.

Подражая этому обычаю, и мой батюшка купилъ у короткаго своего знакомаго—помѣщика Касимовскаго же уѣзда, деревни Ужищевой, Карла Васильевича Кронштейна,—пожилую ужъ женщину Прасковью и двухъ ея внукъ, дѣвочекъ 7—10-ти лѣтъ, Татьяну и Наталью. Помню какъ ихъ привезли къ намъ. Я сидѣлъ у стола, въ переднемъ углу; женщина ушла въ чуланъ, а дѣвочки сѣли на куткѣ и съ боязливымъ любопытствомъ осматривались. Женщина была глупая, лѣнивая баба, большая сплетница; старшая изъ сестеръ, Татьяна—умная, смѣтливая, услужливая дѣвушка; за то младшая, Наталья, во многомъ походила на свою бабушку. Въ зимніе вечера, сидя за гребнемъ, т. е. занимаясь пряденьемъ нитокъ изъ льна, или за другою работой, она, бывало, постоянно дремлетъ; иногда и днемъ то же самое дѣлала.

Кромѣ купленныхъ, у насъ почти всегда, какъ я уже выше сказалъ, бывалъ работникъ изъ мужчинъ; такимъ образомъ, прислуга почти до самаго моего отъѣзда въ Петербургъ состояла изъ

четырехъ человѣкъ. Не смотря, впрочемъ, на это, и батюшка и матушка мои, подобно всѣмъ духовнымъ лицамъ, не любили, по пословицѣ, сидѣть сложа руки, особенно въ Палищахъ относительно домашнихъ и полевыхъ занятій и работъ. Какъ хозяйка дома, матушка не только смотрѣла за приготовленіемъ пищи, но, правильнѣе сказать, сама ее приготовляла при помощи прислуги. Ужъ подъ старость, при слабомъ ея здоровьѣ, она иногда отказывалась отъ этого. Въ Палищахъ же горшки и чугуны ставила въ печь и вынимала оттуда, мыла говядину, чистила рыбу, мѣсила и валяла хлѣбы и пр., и пр., словомъ—исполняла всѣ обязанности стряпухи. Даже воду изъ колодезя въ ушатѣ носила. Когда я уже былъ профессоромъ, то, бывши однажды въ каникулы у своихъ родителей, я увидѣлъ какъ моя матушка и работница вышли къ колодезю съ ушатомъ за водою; но я не допустилъ ее нести полный ушатъ въ кухню отъ колодезя; подошелъ къ нимъ, поднялъ и отнесъ ушатъ съ помощью работницы; покойница матушка насилу согласилась на это. Она не была свободна и отъ ухода за домашнею скотиною. Видалъ я много разъ, какъ она и сѣно носила въ хлѣвы, и мѣсиво дѣлала въ избѣ, и коровъ доила, и къ свиньямъ выносила помои. Уже послѣ того, какъ купленныя дѣвки повыросли, она рѣдко бралась за эти работы. Столовую посуду даже, хоть изрѣдка, полы въ избѣ и горницѣ сама тоже мывала. Что же касается до такъ называемыхъ женскихъ работъ, то покойница была большая мастерица и даже, какъ мнѣ казалось, охотница. Въ осеннее и зимнее время очень долго сиживала за гребнемъ и пряла, лѣтомъ сама ткала и послѣ бѣлила холстъ, шила бѣлье, словомъ сказать—она сама, прежде нежели стали помогать ей дочери, приготовляла весь холстъ, нужный для бѣлья себѣ, батюшкѣ и дѣтямъ, даже имѣла много холстинъ въ запасѣ. Да, забылъ было сказать, что черное бѣлье сама бучила и мыла, и даже въ зимнее время ѣзжала съ нимъ на рѣчку.

Батюшка мой былъ тоже занятъ по домашнимъ хлопотамъ. Когда было нужно, самъ запрягалъ и распрягалъ лошадь, подмазывалъ колеса въ телѣгѣ, ѣзжалъ, кажется, хоть изрѣдка, и за дровами; но особенно любилъ самъ лично ѣздить въ лѣсъ срубать строевыя деревья и привозить ихъ домой; это онъ дѣлывалъ, будучи уже благочиннымъ и въ преклонныхъ лѣтахъ. Въ экстрен-

ныхъ случаяхъ онъ принималъ участіе въ уходѣ за домашними животными. Такъ какъ около Палищъ было множество болотъ, то домашняя скотина, особенно коровы, увязали въ нихъ, отчего вечерами, а иногда и ночью, приходилось ихъ отыскивать и послѣ вытаскивать изъ болотной тины; въ послѣднемъ случаѣ батюшка былъ чуть-ли не первымъ работникомъ. Но особенныя хлопоты доставались на его долю отъ свиней. Въ Палищахъ у него была очень крупная порода этихъ животныхъ. Въ лѣтнее время онѣ, вышедши на свободныя пастбища, не любили возвращаться домой и поселялись въ лѣсу, даже тамъ и поросились. Пробывши на свободѣ долгое время, онѣ почти дичали и даже, при наступленіи холода, не всегда возвращались домой сами собою съ своимъ потомствомъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно отправлялось нѣсколько человѣкъ къ тому мѣсту, гдѣ свиньи находились, перелавливали какимъ либо образомъ молодое поколѣніе въ кузовья и потомъ отправлялись въ село. Иногда это обходилось безъ бѣды—свинья и боровъ слѣдовали, хоть и съ безпокойствомъ и съ хрюканьемъ, до двора. Но бывали и опасности. Старыя животныя не позволяли переловить свое потомство; нужно было употребить какую либо хитрость или насиліе, чтобы ихъ на время отвлечь. Батюшка мой въ этихъ случаяхъ, посадивши поросятъ въ кузовъ, отправлялся домой; свинья, замѣтивъ похищеніе, догоняла его и нужно было имѣть толстую палку и крѣпкую руку, чтобы отбиваться отъ нее. Однажды такая четвероногая мама такъ разсвирѣпѣла, что не побоялась палки, бросилась на батюшку и укусила его въ лѣвый бокъ; я самъ видѣлъ слѣды этого укушенія. Помню, что батюшка, вбѣжавши послѣ этой экскурсіи на дворъ, бросилъ на землю кузовъ съ поросятами и поспѣшно укрылся въ сѣни, затворивъ дверь ихъ. Свинья, разсвирѣпѣвшая, долго ломилась въ дверь; но потомъ занялась своимъ потомствомъ и отправилась въ хлѣвъ. Изъ окна, въ сѣняхъ, я смотрѣлъ на всю эту сцену, которая почему-то меня очень занимала.

Отъ работъ, относящихся къ земледѣлію и огородничеству, духовныя лица того времени и ихъ семейства еще менѣе были свободными, нежели отъ домашнихъ хозяйственныхъ заботъ и хлопотъ. И нынѣ (1870 г.) развѣ рѣдкій изъ сельскихъ священниковъ живетъ, какъ говорится, бариномъ, не занимается ни огородомъ, ни полемъ, или всѣ работы на нихъ возлагаетъ на

работниковъ, а себѣ предоставляетъ только трудъ имѣть надзоръ за ними. Дьяконы и причетники сами и пашутъ, и косятъ, и навозъ вывозятъ, и молотятъ, и пр., и пр., словомъ—въ лѣтнее время они и ихъ семейства ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличаются отъ крестьянъ; сами священники, конечно, не всѣ пашутъ или косятъ, но развѣ рѣдкій не молотитъ, не сгребаетъ сѣно и не занимается другими, не очень трудными и черными работами; изъ женъ ихъ и изъ дѣтей, особенно дѣвицъ, уже есть многія, которыхъ называютъ бѣлоручками, т. е. которыя сельскими работами вовсе не занимаются. Во время же моего дѣтства—и причетникъ, и дьяконъ, и священникъ работали, право, почти такъ же, какъ крестьянинъ, и не позволяли своимъ домашнимъ сидѣть сложа руки. Мои родители были въ такомъ же положеніи. Впрочемъ, сколько помню, батюшка едва-ли когда самъ брался за косу и соху, а матушка рѣденько за серпъ; но отъ всѣхъ прочихъ работъ, не исключая молотьбы и возки навоза со двора на нивы, они не увольняли себя. Покойная моя матушка была большая мастерица стоять на стогахъ и укладывать сѣно такъ, чтобы стоги были прямы, не наклонялись ни на какую сторону; и батюшка, по крайней мѣрѣ въ Палищахъ, почти всегда самъ въ такихъ случаяхъ вилами подавалъ сѣно,—работа весьма трудная.

Такъ какъ мои родители сами много заняты были домашними и полевыми работами, такъ какъ прислуга ихъ, особенно во время первыхъ годовъ моей жизни, была очень недостаточна, то и уходъ за мною и за ближайшими ко мнѣ по рожденію сестрами былъ не очень большой. Покойная моя матушка сама не одинъ разъ мнѣ разсказывала, что, когда я еще не очень твердъ былъ на ногахъ, она, уходя въ поле на цѣлый день для работы, меня одного оставляла въ избѣ и затѣмъ запирала какъ ее, такъ и ворота, поручая надзоръ за дѣтьми одной только очень злой дворняжкѣ. Самого меня сажала на полъ, раскрывала сундукъ съ мѣдными деньгами, которыя я любилъ вынимать и класть въ подолъ своей рубахи, а потомъ опять перекладывать въ сундукъ. Затѣмъ, чтобы я не страдалъ отъ голода, около меня ставили пищу, которую я, смотря по аппетиту, и ѣлъ. Покойница матушка прибавляла, что, возвратясь къ вечеру, нерѣдко находила меня уснувшимъ на полу. Когда же насъ, дѣтей, стало побольше числомъ, да и мы сдѣлались повзроѣлѣе, то съ нами ужъ кто нибудь оставался дома,

а иногда нѣкоторыхъ изъ насъ бирали въ поле и на луга, гдѣ намъ было раздолье бѣгать и собирать цвѣты. Но и дома оставшись, мы мало покоя давали своимъ ногамъ; а я, въ качествѣ мальчика, вмѣстѣ съ другими своими сверстниками, часто уходилъ въ лѣсъ, чтобы тамъ или ягоды ѣсть, или просто походить и погулять; о волкахъ мы и не думали; замѣчательно, что, не смотря на огромные лѣса, мы, сколько я помню, всегда находили дорогу въ село.

Не очень баловали насъ и относительно одежды. Я въ дѣтствѣ не имѣлъ ни одной рубахи изъ ситцу или другой бумажной матеріи,—все мое бѣлье приготовлялось изъ домашняго льнянаго холста, выпряденнаго, сотканнаго, выбѣленнаго моею матушкою. Для подштанниковъ же, или, какъ ихъ называютъ въ деревняхъ, для портковъ употреблялся особаго рода домашній холстъ, называвшійся тяжовымъ. Это была полосатая матерія, которой одна часть нитокъ была бѣлая, а другая окрашенная въ синій цвѣтъ. Матерія ткалась въ четыре цѣпка, и потому была необыкновенно плотна, толста и, слѣдовательно, крѣпка. Подштанники, сшитые изъ нея, съ перваго раза, какъ мы говаривали, стояли коломъ и даже казались жесткими для нашего, вовсе неизнѣженнаго тѣла. Тяжовые подштанники были въ употребленіи не во всей Рязанской губерніи, и составляли отличительную принадлежность жителей той части ея, которая называлась Мещорою. Въ такомъ-то бѣльѣ, мы, мальчики, лѣтомъ разгуливали свободно; фуражекъ мы не носили, обувь надѣвали въ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ, отправляясь въ праздникъ къ обѣднѣ въ церковь; во все же прочее теплое или, лучше—не холодное время и я ходилъ босоногимъ, на-легкѣ; по-истинѣ сказать, мы и не любили сапоговъ: они намъ препятствовали свободно и быстро бѣгать. Правда, не только ходя по лѣсамъ, но и бѣгая по улицѣ, мы накалывали себѣ ноги; опасаясь, что намъ съ больною ногою не позволятъ разгуливать, мы почти всегда молчали объ уколахъ, разрѣзахъ и другихъ поврежденіяхъ въ ногахъ, пока уже нельзя было не замѣтить, что мы храмлемъ. Кромѣ того, была у насъ на икрахъ ногъ одна болѣзнь, называвшаяся цыпками. Она происходила отъ того, что кожа на икрахъ—отъ грязи, отъ жара, отъ тренія подштанниковъ—трескалась и производила чрезвычайно непріятный зудъ, а иногда и боль. Кожа на ничѣмъ не покрытой

шеѣ дѣлалась тоже черною, загорѣлою; а нерѣдко на ней появлялись лишаи, нѣчто въ родѣ накожнаго воспаленія. И въ зимнее время сапогамъ у меня и башмакамъ у сестеръ немного было работы; въ избѣ мы почти всегда сидѣли босикомъ; на улицу насъ выпускали не часто. Кромѣ того, не скрываю, что я носилъ въ Палищахъ и лапти, даже предпочиталъ ихъ сапогамъ. И потому въ началѣ весны, едва, бывало, очистится достаточное мѣстечко отъ снѣга на улицѣ и насъ выпустятъ изъ дома, какъ мы, мальчики, уже принимались и сидѣть и играть разутыми; находили даже удовольствіе въ томъ, чтобы ходить босыми ногами по оставшемуся снѣгу: простуды не знали, по крайней мѣрѣ не боялись. Однажды въ Пасху, когда отцы наши ходили по приходу съ иконами, а матери сидѣли дома, мы цѣлою компаніей, въ которой никого не было старѣе 8—9-ти лѣтъ, отправились въ лѣсъ, залитый на небольшую глубину водою, подъ которою лежалъ еще слой нерастаявшаго льда. Мы, снявши съ себя подштанники и поднявши рубашонки, чтобы не мочить ихъ, ходили въ этой водѣ по льду босыми ногами. Конечно, ногамъ нашимъ не было тепло, но ходить въ водѣ, по лѣсу, чуть не по поясъ—да это такое наслажденіе, отъ котораго мы ни за что не хотѣли отказаться.

Глава IV-я.

О тѣлесныхъ наказаніяхъ, которымъ при домашнемъ очагѣ подвергали дѣтей, преимущественно духовнаго званія.

Въ описываемое мною время, въ деревняхъ, даже и въ городахъ Русскаго царства, не были извѣстны тѣ гуманныя идеи, на основаніи которыхъ нынѣ находятъ нужнымъ обращаться съ дѣтьми, отучать ихъ отъ шалостей при помощи кроткихъ мѣръ. Люди и тогда едва-ли были менѣе человѣколюбивы, нежели нынѣ, но они думали, что для ребенка полезна не только строгость, но даже суровость. За битаго двухъ небитыхъ даютъ, или одною ласкою ничего изъ дѣтей не сдѣлаешь, и другія подобныя этимъ поговорки считались тогда аксіомами. Теперь понятія быстро измѣняются относительно обращенія съ дѣтьми не только въ школахъ, но и при домашнемъ очагѣ; лѣтъ чрезъ

пятьдесятъ, даже ранѣе того, можетъ быть, и по преданію не будутъ знать о господствовавшей системѣ воспитанія въ первой половинѣ XIX столѣтія въ Россіи, особенно въ низшихъ классахъ и въ духовенствѣ. Вотъ почему я и хочу поподробнѣе поговорить объ употреблявшихся тогда исправительныхъ мѣрахъ и дома, и въ школѣ, надъ дѣтьми и взрослыми. Описаніе ихъ, конечно, не очень пріятно, не доставитъ и читателю удовольствія, даже иногда будетъ отвратительно и не совсѣмъ пристойно. Но надобно же, какъ я уже сказалъ въ предисловіи, знать потомству то, что̀ съ нами дѣлалось. Теперь пока скажу о домашнемъ воспитаніи, а потомъ, въ другихъ мѣстахъ, о школѣ и объ исправительныхъ и карательныхъ законахъ.

Дѣтей рѣдко отучали отъ шалостей выговорами, наставленіями и т. п. Если ограничивались словами, то не очень любили отличаться деликатностью въ выборѣ ихъ: дуракъ, скотина, шельма, мерзавецъ, негодный, скверный и т. п. любезности приходилось слушать о себѣ не только взрослымъ, но и малымъ дѣтямъ. Ставить въ уголъ, или на колѣни, надѣвать дурацкія шапки и пр. тоже не любили; бо́льшею частью подвергали дѣтей, и мальчиковъ и дѣвочекъ, тѣлесному наказанію. За неважныя шалости, особенно люди нетерпѣливые, тотчасъ давали волю рукамъ своимъ; щелкушки, щипки, оплеухи, пощечины, подзатыльники, таска за волосы—вотъ самыя скорыя мѣры, не требовавшія никакихъ приготовленій или прибавленій, и наказываемому и наказывающему можно было оставаться на своихъ мѣстахъ; развѣ только, когда находили нужнымъ задать хорошую таску, наказывающій, ухватившись обѣими руками за волосы, особенно густые, вытаскивалъ наказываемаго изъ-за стола или съ лавки на просторъ, на средину комнаты, и—тутъ начиналась потасовка; волосы вырывались клочками, не только голова, но и все туловище передвигалось изъ стороны въ сторону; иногда чуть не по воздуху ноги летали. Но съ малыми дѣтьми такъ поступали очень немногіе. Самая наибольшая часть прибѣгала къ сѣченью.

Для сѣченья употреблялись преимущественно розги въ разныхъ видахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я жилъ, вѣники, которыми подметали соръ въ избахъ, были двухъ сортовъ; одни нарѣзывались лѣтомъ, когда береза покрывалась листьями, для бани, и были длиною въ аршинъ и менѣе; послѣ бани ихъ приносили въ

избу и употребляли для выметанья половъ. Другіе изготовлялись осенью и даже зимою, когда уже листья спадали съ березы. Эти вѣники, называвшіеся голиками, назначайся для зимы, для снѣгу, состояли изъ болѣе толстыхъ и вѣтвистыхъ прутьевъ, и были гораздо длиннѣе нежели банные. Когда нужно было высѣчь мальчика или дѣвочку, изъ этихъ вѣниковъ вырывали прутъ, два и болѣе, смотря по тому, какъ думали наказать. Иные же считали нужнымъ лучше сходить въ огородъ или въ садъ, и тамъ, сломивши или срѣзавши свѣжія, жидкія вѣтви, употребляли ихъ для сѣченья. Разумѣется, на прутьяхъ, вырванныхъ изъ банныхъ вѣниковъ, и на срѣзанныхъ вѣтвяхъ тщательно обрывали всѣ листья и даже почки. Другіе отцы, особенно въ духовенствѣ, во избѣжаніе хлопотъ съ вѣниками, приготовляли сами или покупали ременныя плетки съ двумя и тремя хвостами. Плетки обыкновенно висѣли въ избѣ на виду, на какомъ либо крючкѣ или гвоздѣ; равнымъ образомъ, прутья, употребленные въ качествѣ розогъ, но еще годные для той же операціи, втыкались въ щель какого нибудь бревна стѣны и на виду. И потому иной гость, увидѣвши ихъ, обращался къ дѣтямъ и спрашивалъ: это тебя, или васъ—угощали? Съ другой стороны, и сами дѣти, разсматривая прутья, могли видѣть, какъ они болѣе или менѣе были уже обломаны объ ихъ тѣло.

Дѣти, бо́льшею частію, дома сиживали въ однѣхъ рубашонкахъ, поэтому и прутьями, особенно изъ голика, и плеткою можно было произвести сильную боль, стегая ими по рубахѣ; и при этомъ условіи оставались на тѣлѣ, особенно при рубахѣ изъ тонкаго полотна или изъ ситца, синіе и красные рубцы. Но такъ поступали рѣдко, бо́льшею частью только въ видѣ угрозы, для устрашенія, чтобы дитя созналось въ какой либо недоказанной еще шалости.

Для родительской заботливости о благѣ своихъ дѣтей не всегда казались удобными описанныя здѣсь методы сѣчь. Иные нѣжные родители замѣняли ихъ методою сѣчь въ мѣшкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ стараніи сѣкущаго о томъ, чтобы лоза падала на обнаженныя части тѣла, иногда являлись препятствія этому. Привязывать наказываемаго къ скамейкѣ было некогда, или не хотѣлось, держателей также недоставало, а между тѣмъ наказываемый старается защитить разрисовываемыя лозою части

тѣла то руками, то рубахою, и пр. Наказывающій долженъ былъ останавливаться, отводить руку, поднять рубаху,—хлопотъ много, да и часто повторялись. Чтобы избѣжать ихъ, употребляли методу сѣчь въ мѣшкѣ. Для этого вовсе не нуженъ былъ настоящій мѣшокъ, въ который насыпается зерновой хлѣбъ: мѣшокъ составлялся изъ рубахи. Дѣти, какъ извѣстно, носятъ всегда почти пояса; а если пояса не было, то наказываемаго подпоясывали платкомъ, или чѣмъ либо другимъ; жилетка же, разумѣется, замѣняла поясъ. Тогда поднималась рубаха выше головы, такъ что въ нее скрывались и голова и руки; одни брали подолъ рубахи въ лѣвую руку, а другіе, болѣе предусмотрительные, завязывали его чѣмъ либо; въ обоихъ случаяхъ голова, руки, плечи и верхняя часть спины и груди дѣйствительно скрывались въ чемъ-то похожемъ на мѣшокъ. Тутъ уже былъ полный просторъ для наказывающаго: поворачивайся наказываемый какъ хочешь, но удары всегда попадутъ на обнаженное тѣло, — держи только въ рукѣ подолъ рубахи. Семинаристы еще и тутъ придумали, какъ послѣ я скажу, разныя усовершенствованія. Но и безъ этихъ усовершенствованій, кажется, трудно представить что либо болѣе отвратительное. Все почти тѣло, особенно у дѣвочекъ, нагое, только ни рукъ, ни головы не видно; изъ мѣшка раздается крикъ и плачъ, удары сыплются часто куда ни попало и пр., а между тѣмъ дѣйствительно въ мѣшкѣ сѣкли и малыхъ и большихъ дѣтей. Въ первый разъ я услышалъ о мѣшкѣ, обучаясь уже въ Касимовѣ. Однажды, стоя на берегу р. Оки, близъ какихъ-то женщинъ, мывшихъ бѣлье, я вслушивался отъ нечего-дѣлать въ ихъ разговоръ. Тутъ одна бойкая баба сказала: „ну, ужъ вчера досталось отъ меня моей Машуткѣ; я ее такъ славно высѣкла въ мѣшкѣ, что чудо! Да и какъ хорошо сѣчь было; ужъ не вывернется“. Я сначала подумалъ, что дѣйствительно она посадила свою Машутку въ настоящій мѣшокъ; только не могъ понять: какъ же тутъ славно высѣчь, когда дерюга, изъ которой сшитъ мѣшокъ, будетъ защищать наказываемаго? Ужъ послѣ разъяснили мнѣ это мои товарищи. Эта варварская метода была въ употребленіи даже въ концѣ 1850-хъ годовъ, какъ я читалъ тогда. Однажды была въ какой-то газетѣ помѣщена корреспонденція изъ какого-то уголка Россіи, гдѣ говорилось, что нѣкоторыя помѣщицы наказываютъ

своихъ дѣтей именно такъ, какъ я сейчасъ описалъ. Потомъ читалъ еще чей-то разсказъ. Въ немъ, между прочимъ, описана слѣдующая сцена. Няня сидитъ у кроватки своей питомицы, дочери какого-то помѣщика; дѣвушка лежитъ раздѣтая уже въ постелѣ и горько съ няней плачетъ, потому что мама ей велѣла именно въ постелѣ ждать ее, а между тѣмъ тутъ же лежитъ вблизи приготовленная розга. Входитъ мама, и няня, по приказу барыни, заворачиваетъ на барышнѣ рубаху, какъ слѣдуетъ, для мѣшка; дочь, совершенно почти обнаженная, ложится ницъ лицомъ въ своей постелѣ, а затѣмъ, разумѣется, посыпались удары розги; не припомню только, сама-ли мама, или горничная сѣкла барышню. Только въ статьѣ прибавлено было, что барыня всегда наказывала своихъ дѣтей такимъ образомъ. Когда-бы кто изъ дѣтей ни сдѣлалъ проступокъ, взысканіе за него отлагалось до вечера, до сна. Приказывалось идти спать, улечься совсѣмъ на постель, даже подъ одѣяло, но только не спать, а дожидаться мамаши. Мамаша приходила и затѣмъ происходила расправа. Вотъ тутъ ужъ точно сбывался смыслъ русской пословицы: мягко стелетъ, да жестко спать. Постели были мягкія, барскія, но лежать на нихъ съ мѣшкомъ на головѣ вовсе не было мягко. Обыкновенно же наказывающій, вооружившись розгою или плеткою, подходилъ къ виновному, бралъ его за голову или плечо лѣвою рукой, ущемлялъ голову между своими колѣнами, или вмѣсто того клалъ на скамью, лавку и т. п. Потомъ заворачивалъ рубаху, и съ мальчика, кромѣ того, снималъ подштанники, и на обнаженное такимъ образомъ тѣло начиналъ сыпать удары. Если дитя было очень мало, то, особенно матери, употребляли въ такомъ случаѣ только ладонь своей руки. Но если наказываемый былъ уже довольно взрослымъ, и наказывающему хотѣлось его побольнѣе высѣчь, то бѣдняжку укладывали на полъ или на скамью, держали, одинъ за голову и руки, а другой за ноги, третій сѣкъ,—иногда даже привязывали къ скамьѣ. Нельзя было оставаться спокойнымъ, если наказывающій одинъ и держалъ и наказывалъ; удары по обнаженнымъ частямъ нѣжнаго, еще не загрубѣвшаго тѣла производили сильную боль; но тутъ наказываемый все-таки могъ имѣть движеніе, отчего удары не вполнѣ падали на него, да и наказывающій только одну, такъ сказать, часть своей силы употреблялъ на розгу или плетку, а другая

ему нужна была для того, чтобы держать виновнаго. Когда же послѣдняго держали двое за руки и ноги, или привязывали къ скамьѣ, тогда удары падали на него со всею силою, такъ сказать, систематически, съ расчетомъ направлялись на тѣ обнаженныя части, на которыя наказывающій хотѣлъ направить; наказываемый не могъ двигаться и особенно увертываться, прикрываться рукою или рубахою, иногда не могъ даже шевельнуться. Непривычному человѣку непріятно было смотрѣть на подобныя сцены; у мальчика немного частей тѣла обнажалось, подштанники прикрывали еще бо́льшую часть или хоть половину ногъ; но у дѣвочекъ и болѣе половины тѣла обнажалось.

Смѣшно сказать, что розги и плетка принадлежали какъ будто къ цивилизованнымъ исправительнымъ мѣрамъ, употреблялись въ деревняхъ и селахъ духовенствомъ, помѣщиками, купцами и пр. Крестьяне же не всѣ къ нимъ прибѣгали, за то наказывали дѣтей чѣмъ ни попало, по русской поговоркѣ: попалась подъ руку палка, хотя бы очень толстая, веревка или ремень, хоть бы въ родѣ возжей, лошадиная плеть и пр.,—принимай на себя тѣло виновнаго все это; удары сыпались иногда тоже какъ и куда попало; обнажить тѣло не доставало терпѣнія. Наказывающій розгою и плеткою по обнаженному тѣлу, видя слѣды нанесенныхъ ударовъ, скорѣе смягчался, чѣмъ крестьянинъ, который веревкою или палкою колотилъ по плечамъ, спинѣ и пр. и не замѣчалъ сквозь рубаху синяковъ, которые появлялись на тѣлѣ. Поэтому крестьянскихъ дѣтей, можетъ быть, сѣкли, въ собственномъ значеніи слова, со всѣми предварительными приготовленіями и церемоніями, рѣже, нежели дѣтей изъ другихъ сословій, за то ихъ били, колотили, даже изувѣчивали.

Относительно возраста, въ который дѣти подвергались тѣлесному наказанію отъ своихъ родителей, все зависѣло отъ произвола и личнаго характера послѣднихъ. Еще и теперь въ сводѣ законовъ Россійской имперіи существуетъ статья, на основаніи которой родители имѣютъ право подвергать дѣтей домашнимъ исправительнымъ наказаніямъ, и въ этомъ случаѣ даже не указано никакого срока, когда это право отнимается отъ нихъ. Во время же моего дѣтства сочтено было бы даже вольнодумствомъ, если бы кто сталъ говорить, что отецъ или мать не могутъ сѣчь за шалость своихъ дѣтей даже и очень взрослыхъ. На основаніи

обычая, вступленіе въ бракъ или лѣта возмужалости считались, такъ сказать, патентомъ, избавляющимъ дѣтей отъ розги и плетки: тутъ-де самъ или сама уже, нажившіи дѣтей, имѣетъ право ихъ сѣчь. Но потасовки, таски, оплеухи и т. п. въ крестьянскомъ быту употреблялись относительно даже пожилыхъ дѣтей. Затѣмъ, всякій сынъ или дочь, до своей свадьбы или до 18—20-ти лѣтъ, едва-ли могъ считать себя вполнѣ свободнымъ отъ сѣченья, если бы только отецъ или мать захотѣли это сдѣлать; общественное, деревенское или сельское, мнѣніе было безъ всякаго ограниченія въ защиту родительской власти. Я много знаю случаевъ, когда сѣкли очень взрослыхъ не только сыновей, но и дочерей-дѣвицъ, при томъ нерѣдко возмутительнымъ образомъ. Помню я тумскаго мѣщанина Давыда Степанова Смирнова; у него была дочь Марья 16—18-ти лѣтъ, довольно недурная, неглупая дѣвушка. Какъ-то она полюбезничала съ однимъ молодымъ парнемъ, такъ что пошли объ этомъ толки и сплетни по селу. Старикъ былъ крутаго нрава и нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы отбить охоту у дочери и другихъ дѣтей любезничать съ лицами другаго пола. Заперши у себя ворота, онъ вышелъ со всею своею семьею на дворъ, сдѣлалъ приличное поученіе своей дочери, затѣмъ привязалъ ее въ стоячемъ положеніи къ столбу, обнажилъ все тѣло ниже поясницы, даже часть спины, и приготовленными ужъ заранѣе пучками розогъ изъ свѣжихъ прутьевъ жестоко сѣкъ ее, но съ паузами. Остановившись, онъ принимался читать поученія, а кстати уже кому либо изъ стоявшихъ тутъ дѣтей влѣпивши нѣсколько ударовъ розгою, онъ принимался сѣчь привязанную къ столбу дочь. Сцена была тѣмъ болѣе отвратительна, что сквозь щели забора смотрѣли на нее сбѣжавшіяся не только дѣти, но и взрослыя лица. По тогдашнему выраженію, съ виновной была спущена шкура или кожа, кровь не только выступала на тѣлѣ каплями, но разлеталась брызгами и текла струйками по обнаженнымъ ногамъ. Помню даже тогдашнія сужденія объ этомъ. Большинство похваливало Давыда Степановича; нѣкоторые полагали только, что экзекуцію слѣдовало бы произвести въ избѣ или горницѣ; репутаціи самой дѣвицы, кажется, не много повредила эта сцена, потому что она вскорѣ была выдана за дьяконскаго сына, который поступилъ въ мѣщане и потомъ въ Рязани былъ купцомъ. Другой случай

относится къ причетнику Спасскаго или Сапожковскаго уѣзда, не припомню. Онъ самъ занимался плетеніемъ корзинокъ изъ ивовыхъ прутьевъ, которые для этого выбираются возможно длинными и бываютъ рѣдко короче двухъ аршинъ, при томъ должны быть вполнѣ свѣжими, иначе, немного даже засохнувъ, они не гнутся, а ломаются. У причетника былъ сынъ семинаристъ, величайшій проказникъ и негодяй. Въ случаѣ какой либо большой шалости и гадости сына, отецъ, подобно Давыду Степановичу, привязывалъ его на дворѣ къ столбу, иногда вполнѣ всего напередъ обнаживши, т. е. снявши совсѣмъ рубаху и подштанники, и, взявши въ руку пучокъ свѣжихъ, гибкихъ, чуть не двухъ-аршинныхъ ивовыхъ прутьевъ, сѣкъ его по всѣмъ заднимъ частямъ, чуть не въ буквальномъ смыслѣ съ головы до пятокъ. Бывали примѣры, что отецъ, узнавши напередъ о проказахъ своего сына въ духовномъ училищѣ, старался, при возвращеніи домой на лѣтнія каникулы, встрѣтить его на дворѣ и, поздоровавшись съ нимъ, тутъ дѣлалъ ему допросъ; найдя виновнымъ, тотчасъ же приказывалъ ему раздѣться, привязывалъ его къ столбу и пускалъ въ ходъ ивовые прутья; это называлось попарить въ банѣ; послѣ бани позволялъ сыну идти въ избу. Третій случай относится къ священнику Петербургской епархіи Шлиссельбургскаго уѣзда. Его сынъ, ученикъ высшаго отдѣленія уѣзднаго духовнаго училища, значитъ 14—15-ти лѣтъ, а можетъ быть, и постарше, вздумалъ самовольно убѣжать предъ масляницею изъ училища домой; подобныя вещи дѣлывалъ онъ и прежде. Отецъ рѣшился радикально вылѣчить его отъ такой привычки. Въ день свиданія онъ съ нимъ ничего не сдѣлалъ; но поутру, когда сынъ проснулся, умылся и помолился, отецъ повелъ его на кухню и, положивъ на скамейку, высѣкъ его приготовленною уже хорошею розгою. Сынъ полагалъ, что этимъ все дѣло и покончится; конечно, было больненько, только не очень продолжительно, но онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. На слѣдующій день онъ опять въ то же самое время былъ высѣченъ, на третій—случилось то же самое. Сынъ началъ поутру прикидываться спящимъ долѣе, нежели какъ было прежде. Но отецъ, въ извѣстный часъ разбудивши его, говаривалъ: „поди, умойся и помолись Богу“. Когда это исполнялось, то отецъ бралъ сына за руку, велъ на кухню, клалъ на скамью и на прежнія, уже больныя, мѣста, или на зажившія, которыя

отыскивались, сыпались новые удары. Такъ продолжалось во весь Великій постъ; въ Пасху, кажется, далъ отдохнуть, но на Ѳоминой недѣлѣ, когда нужно было ѣхать въ училище, задалъ уже такую баню, которая вознаградила пасхальный недочетъ. Разсказъ этотъ я слышалъ отъ бывшаго моего сослуживца, бакалавра Делоцкаго, вскорѣ послѣ того, какъ отецъ,—дальній его родственникъ,—самъ обо всемъ ему разсказалъ.

Въ предыдущихъ примѣрахъ, съ исправительною отческою баней приходилось знакомиться почти-что записнымъ лѣнтямъ, или плохо учившимся, или вовсе не желавшимъ учиться, при томъ ученикамъ низшихъ училищъ; между тѣмъ и хорошіе по успѣхамъ, даже отличные ученики семинаріи, не только риторы, даже философы и богословы, и—зачѣмъ таить? даже академисты не могли себя считать вполнѣ застрахованными отъ розги; при томъ дѣти не какихъ либо сельскихъ причетниковъ или поповъ, а и городскихъ, даже столичныхъ іереевъ и протоіереевъ. Былъ, напримѣръ, въ Петербургѣ знаменитый въ свое время протоіерей Петропавловскаго собора, ординарный профессоръ духовной академіи, не только магистръ, а и докторъ богословія, Кочетовъ, о которомъ мнѣ придется много разъ говорить. Его старшій сынъ Владиміръ, бывшій послѣ ректоромъ Харьковскаго университета, отличался съ дѣтства степеннымъ характеромъ и отличными успѣхами—былъ, можно сказать, примѣрный мальчикъ. Но когда онъ былъ въ семинаріи и уже довольно виднымъ молодцомъ, ему вздумалось въ праздничный день поторопиться отправиться къ папашѣ и мамашѣ, не отстоявши обѣдни. Отецъ объ этомъ узналъ, равнодушно переспросилъ его; не сдѣлалъ при этомъ ни выговора, ни замѣчанія; только при возвращеніи Лени въ семинарію вручилъ ему письмо къ инспектору ея, сказавши: „отдай его тотчасъ же, какъ пріѣдешь туда“. Сынъ, ничего не подозрѣвая, явился съ письмомъ къ отцу-инспектору, который, прочитавши его, улыбнулся, сказалъ письмоподателю: „подожди немного“, шепнулъ что-то на ухо своему служителю, и самъ ушелъ въ другую комнату. Чрезъ нѣсколько минутъ вошли три служителя и между ими одинъ—грозный секуторъ съ лозою. Молодой Кочетовъ, не видя никого въ комнатѣ кромѣ себя самого, вмѣстѣ съ тѣмъ не считая себя ни въ чемъ виновнымъ, недоумѣвалъ—надъ кѣмъ будетъ производиться экзекуція. Но вотъ входитъ о. инспекторъ, спра-

шиваетъ его, почему онъ не былъ у обѣдни, показываетъ письмо папаши съ покорнѣйшею просьбою высѣчь хорошенько небогомольнаго сына. Сдѣлавъ приличное увѣщаніе преступнику, о. инспекторъ подалъ знакъ служителямъ, которые быстро и рѣшительно приступили къ экзекуціи, и молодцоватый, красивый, довольно уже взрослый Кочетовъ, подобно всякому деревенскому поповичу, былъ растянутъ на полу; двое служителей обнажили его и крѣпко прижали, а третій началъ отсчитывать крѣпкіе удары. Слышалъ я отъ достовѣрныхъ людей, что молодой Кочетовъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ говаривалъ: „никогда я не прощу отцу своему этой экзекуціи“.

Слыхалъ я также разсказъ одного студента духовной академіи, по которому отцовская розга разгуливала слишкомъ часто въ то время, когда онъ былъ очень уже взрослымъ молодцомъ. Папа его былъ священникомъ въ Т..... соборѣ, имѣлъ трехъ, кажется, сыновей съ замѣчательными способностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при живости характера, очень наклонныхъ къ шалостямъ. Старшій изъ нихъ, поступивши въ Петербургскую духовную академію студентомъ, самъ мнѣ разсказывалъ, что онъ и не сосчитаетъ сколько разъ во время обученія его въ реторикѣ и философіи былъ высѣченъ; но и званіе богослова не защищало его. Когда уже былъ назначенъ въ академію и его приготовляли къ отправкѣ въ Петербургъ, онъ, увлеченный живостью характера, а можетъ быть, и надеждою ненаказанности, что-то напроказничалъ. Отецъ сталъ ему выговаривать; сынъ, помня, что онъ уже не семинаристъ какой нибудь, а почти студентъ академіи, не совсѣмъ остороженъ былъ въ своихъ объясненіяхъ, и даже счелъ за нужное напомнить объ этомъ своему папашѣ. Отецъ посмотрѣлъ на него, всталъ и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты. Сынъ торжествовалъ свою побѣду, но, увы! скоро наступило разочарованіе; отецъ входитъ съ розгою изъ свѣжихъ, только что срѣзанныхъ прутьевъ въ саду. При взглядѣ на розгу, сынъ потерялъ самоувѣренность и понялъ, что будущее студенчество служитъ ненадежною ему защитою, сталъ умаливать, упрашивать папашу, но долженъ былъ раздѣться, лечь и покушать березовую горячую кашу.

Чрезъ годъ сынъ пріѣхалъ на каникулы домой настоящимъ уже студентомъ академіи. Старикъ зналъ объ отличныхъ его

успѣхахъ и принялъ его самымъ привѣтливымъ образомъ. Но и тутъ не обошлось безъ бѣды; опять живой характеръ увлекъ сына ко многимъ проступкамъ. Отецъ смотрѣлъ, говорилъ, выговаривалъ, но замѣтивъ, что проказы повторяются, досталъ изъ сада лозу; сынъ тотчасъ испыталъ, что боль отъ нея ощущается такая же, какую онъ испытывалъ будучи семинаристомъ. Не считайте, г. читатель, отца человѣкомъ жестокимъ, безалабернымъ, а сына какимъ либо неисправимымъ негодяемъ. Нѣтъ, отецъ очень любилъ сына и дѣлалъ все, что̀ считалъ нужнымъ для его пользы; сынъ былъ, конечно, живая голова, но умный, даровитый человѣкъ, любилъ тоже своего отца, и только по живости характера часто предавался дѣтскимъ шалостямъ. Но отецъ, по господствовавшимъ понятіямъ, убѣжденъ былъ, что когда слова плохо дѣйствуютъ на сына, то нужно прибѣгать къ лозѣ, чтобы отучить уже взрослаго сына отъ шалостей.

Но я говорилъ въ своихъ примѣрахъ о сыновьяхъ; надобно сказать, что и взрослыя дочери, даже замужнія, испытывали розгочныя родительскія наставленія. Одинъ изъ такихъ случаевъ былъ съ женою моего товарища по академіи Г. С. Д—аго. Жена его была дочерью протоіерея Исакіевскаго петербургскаго собора, но, будучи красавицею и видя около себя много—если не поклонниковъ своей красоты, то комплиментеровъ, очень желала бы имѣть мужемъ своимъ не какого либо неповоротливаго и неловкаго студента академіи, а кого либо изъ гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми и любила танцовать. Между тѣмъ, судьба устроила дѣло иначе. Отецъ ея въ то время былъ боленъ, почти потерявъ отъ прилива крови къ мозгу сознаніе; вмѣсто него командовала въ семействѣ его жена Е. В., которую называли бабой изъ бабъ, прелютою бабой. Она умѣла достать священническое мѣстечко для своей дочери въ Коммерческомъ училищѣ, т. е. не дочь должна была священствовать, а будущій ея супругъ; эта честь и досталась Д—му. Надобно сказать, что онъ не отличался ловкостью и развязностью; невѣста его, влюбленная въ офицерскіе эполеты, не хотѣла-было идти замужъ, но мать и слышать не хотѣла объ этомъ. Дочь покорилась необходимости, но сказала: „маманя, я выхожу по вашему желанію за Д—аго, но любить его, какъ вамъ угодно, не стану“. Мамаша отвѣчала: „ступай-ка, ступай, а тамъ увидишь еще, что̀

будетъ". Повѣнчались; я былъ и на свадьбѣ; невѣста во весь вечеръ занималась только офицерами и другими ловкими танцорами; на мужа и смотрѣть не хотѣла. И когда онъ, собравшись съ духомъ, рѣшился сказать какой-то комплиментъ на счетъ ея обручальнаго кольца, то она сняла его и бросила на полъ, прибавивъ, что онъ жметъ ея палецъ. Такой непривѣтливый, даже неприступный характеръ она рѣшилась выказывать и въ слѣдующіе дни, словомъ—знать не хотѣла мужа. Въ одинъ день теща сказала ему: „что это ты сидишь все дома? Сходи куда нибудь къ товарищамъ, поразгуляйся", и онъ пошелъ къ нашему общему товарищу Смирягину, бывшему тогда наставникомъ въ Петербургской семинаріи, и разсказалъ ему со слезами о своемъ горѣ. „Ей Богу, не знаю, что и дѣлать",—говорилъ не разъ несчастный мужъ. Разстались товарищи, но когда дня черезъ два увидѣлись снова, то Смирягинъ нашелъ своего бывшаго собесѣдника въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. „Что съ тобою сдѣлалось?—спросилъ Смирягинъ,—ты, кажется, на седьмомъ небѣ!"—„Да что,—отвѣчалъ Д—й,—жена моя стала шелковою съ того дня, какъ я у тебя былъ; не нарадуюсь ею; право, не понимаю, отчего съ нею сдѣлалась такая перемѣна". Между тѣмъ все объяснялось очень просто. Мать видѣла холодность и даже презрѣніе дочери къ мужу. „Что это, Маша,—говорила не разъ старуха,—такъ обращаешься съ Г. С.! Вѣдь онъ твой мужъ; полно дурачиться, полюби его".—„Я вѣдь говорила вамъ,—отвѣчала дочка,—что его не могу и не буду любить". На что мама возражала: „Ну, полно—что тамъ толковать! Полюби, говорю тебѣ, а то смотри, вѣдь я твоя мать". Но дочь не хотѣла послушаться словъ мамаши. Эта—въ тотъ день, какъ услала своего зятя къ товарищамъ—распорядилась такъ, что вечеромъ осталась дома одна съ дочерью и горничною. Тогда приступила къ своей дочери съ словами: „Ты, Маша, все не оставляешь своихъ глупостей; ну, такъ я вотъ тебя поучу уму-разуму. Эй,—крикнула горничной,—неси-ка сюда, что ты приготовила". Горничная явилась съ розгою, и гордая красавица, мечтавшая быть женою гвардейскаго офицера, была больно высѣчена. „Да смотри,—прибавила мать,—полюби, а то ты знаешь меня, опять не такъ-то еще высѣку", хотя и отъ описанной операціи, какъ гласила потомъ молва, дѣйствительно нѣжное тѣло красавицы было разрисовано не хуже того

какъ разрисовывали насъ, семинаристовъ, секуторы по приказу учителей! Послѣ мужъ и жена жили въ полномъ согласіи.

Но вотъ еще случай, гдѣ тоже замужняя дочь петербургскаго протоіерея была высѣчена хоть и своимъ мужемъ, но съ разрѣшенія отца. Тотъ самый Кочетовъ, который, какъ я сейчасъ говорилъ, доставилъ своему сыну сюрпризъ быть высѣченнымъ, женатъ былъ на дочери знаменитаго въ свое время протоіерея Вещуѣрова. Молодая жена тоже не взлюбила своего мужа. Этотъ потерпѣлъ нѣсколько времени, потомъ разсказалъ все своему тестю. Посовѣтовались между собою—какъ дѣло поправить, и вотъ зять говоритъ тестю: „вы ужъ позвольте мнѣ дома поучить ее по русски“. Тесть, какъ истинно-русскій человѣкъ, нашелъ, что русское ученье для его упрямой дочери будетъ пригодно. Мужъ не преминулъ воспользоваться разрѣшеніемъ тестя, и упрямица, получивъ достодолжное русское назиданіе, принуждена была сдѣлаться покорною женою.

Конечно, приведенные здѣсь примѣры отческаго обращенія съ дѣтьми были не всеобщими, но никакъ нельзя сказать, чтобы они были и рѣдкими. Я выставилъ только тѣ, которые особенно выдаются, такъ сказать, на показъ.

Незачѣмъ скрывать того, что и по мнѣ, какъ выражались, похаживали и розги и плетки; и я, сидя на лавкѣ, или забравшись въ уголъ, видѣлъ, какъ снимали съ крюка плетку, или вырывали изъ вѣника прутъ, очищали его отъ листьевъ, какъ потомъ шли ко мнѣ, и потомъ ощущалъ, какъ меня брали за плечо, снимали съ лавки и пр.... и мнѣ приходилось повертываться во всѣ стороны, силиться освободить свою ущемленную между ногами голову.... все бывало, и не рѣдко... то же самое случалось и съ моими сестрами. Но, кажется, мнѣ чаще всѣхъ доставалось; я былъ очень шаловливъ и рѣзвъ, и не очень прилеженъ къ ученію, даже лѣноватъ; естественно, что за все это мнѣ приходилось отдѣлываться своимъ тѣломъ. Но жестокихъ наказаній мы не испытывали отъ отца и матери. Если нужно было высѣчь, то насъ не привязывали къ скамьямъ, даже не клали на нихъ или на полъ, никогда никого не заставляли держать за руки и ноги; кто наказывалъ—тотъ насъ и придерживалъ; при такой методѣ сѣчь не высѣчешь больно; съ держаньемъ во время сѣченія, съ привязываньемъ къ скамьямъ я ознакомился послѣ поступленія

въ училище. Только три раза меня до того времени высѣкли довольно больно. Однажды мы съ матушкою и еще съ кѣмъ-то пошли провожать ея мать, а мою бабушку; отшедши отъ села съ версту, матушка велѣла мнѣ возвратиться назадъ и идти непремѣнно домой; мнѣ очень не хотѣлось исполнить этотъ приказъ, но, дѣлать нечего, ушелъ; только, вѣроятно, съ досады или по шаловливости, я не пошелъ домой, а проигралъ вдали отъ него съ сверстниками. Потомъ ужъ, къ вечеру, вспомнивъ, что мною еще не вполнѣ исполненъ приказъ матушки, я забрался въ сарай, стоявшій на гумнѣ, съ сѣномъ и тамъ расположился ночевать. Меня ужъ ночью принялись искать; матушка, проходя мимо сарая, вздумала заглянуть туда, но, отъ темноты не видя ничего, сказала: „Митя, Митя, здѣсь ты?“ Я зашевелился; меня взяли и повели домой; покойный батюшка за ужиномъ побранилъ меня и приказалъ не дѣлать подобныхъ вещей. Но мнѣ почему-то подобная игра въ жмурки понравилась. Вскорѣ послѣ того, утромъ, вставши поранѣе, я вышелъ изъ горницы и спрятался на дворѣ за кадушкою, стоявшею въ углу подъ сараемъ. Опять принялись искать меня; я изъ-за кадушки все слышалъ, но мнѣ очень нравилось сидѣть въ своей засадѣ. Наконецъ, жившій тогда у насъ мой дядя Иванъ Мартыновичъ отыскалъ меня и привелъ въ избу. Ну, тутъ досталось мнѣ порядочно; прутья изъ баннаго вѣника сочли недостаточными, достали изъ голика и постегали ими больненько; съ тѣхъ поръ я отвыкъ играть въ свои жмурки. Въ другой разъ меня посадили за столъ читать что-то, а мнѣ очень хотѣлось играть на улицѣ. Я, досадуя на то, что меня лишаютъ удовольствія, читалъ плохо, смотрѣлъ безпрестанно на улицу, или разсказывалъ разныя разности. Покойная матушка, ткавшая въ то время холстину, долго и много разъ напоминала мнѣ о томъ, чтобы я пересталъ шалить и читалъ книгу. Матушка моя любила работу; зная это, я, кажется, расчитывалъ, что она не броситъ своего тканья, и продолжалъ ничего не читать, а балагурить и зѣвать на улицу. Наконецъ матушка не выдержала, вышла изъ-за ткацкаго стана и прутомъ изъ вѣника заставила меня заняться чтеніемъ. Въ третій разъ, когда мнѣ былъ ужъ девятый годъ, меня къ вечеру послали къ кому-то въ селѣ. Разыгравшись на дворѣ, я не хотѣлъ идти и настаивалъ, чтобы купленная нами дѣвица Татьяна сходила, а у нея свои дѣла были. Много разъ

было повторено мнѣ приказаніе, но я продолжалъ играть. Тогда матушка, выведенная изъ терпѣнія, посѣкла меня немного и велѣла непремѣнно сходить куда меня посылали. Ужъ не припомню, почему мнѣ вновь захотѣлось поупрямиться; матушка рѣшилась еще меня посѣчь, но я не сталъ ей даваться; въ это время батюшка вошелъ въ избу и, узнавши о всѣхъ моихъ проказахъ, очень убѣдительно и чувствительно плеткою доказалъ мнѣ, что надобно слушаться тѣхъ, кто постарше меня. Кромѣ этихъ трехъ случаевъ, я не помню, чтобы меня, до поступленія моего въ училище, больно наказывали мои родители; они меня любили и потому были ко мнѣ снисходительны, особенно матушка. Но за то со мною, въ отсутствіе ихъ, слишкомъ жестоко обращалась жившая у насъ, какъ я выше сказалъ, елатомская мѣщанка, родственница Пелагея. Оставаясь безъ матушки и батюшки полною хозяйкой и командиршей въ дому, она не жалѣла прутьевъ и плетки, не щадила нашего тѣла; я ее ужасно какъ боялся. Когда мнѣ было ужъ около 45-ти лѣтъ, она увидѣлась со мною въ домѣ батюшки, и сама разсказывала, какъ она меня жестоко и часто наказывала. Къ счастью моему, послѣ того, какъ пріобрѣтены были купленныя, Пелагею вскорѣ отослали въ Елатьму; мы, особенно я, тогда вздохнули свободно.

Довольно строгое воспитаніе мое въ дѣтствѣ, даже жестокость Пелагеи, кажется, не имѣли на меня неблагопріятнаго вліянія. Я не принадлежалъ къ числу застращенныхъ, забитыхъ людей; удержалъ независимость въ характерѣ и въ образѣ мыслей; можетъ быть, былъ болѣе смѣлъ и самостоятеленъ, нежели сколько это нужно для моего благосостоянія, для удачъ по службѣ, для пріобрѣтенія благосклонности начальниковъ. Мои родители меня, какъ я ужъ говорилъ, любили; батюшка, правда, былъ холоденъ, даже иногда суровъ по временамъ, когда мои первые успѣхи въ духовномъ училищѣ были недостаточны. Но когда я пошелъ, какъ говорится, въ гору, то ко мнѣ даже были иногда излишне снисходительны; за многія мои шалости можно было бы ко мнѣ быть повзыскательнѣе.

Сохранивши самостоятельность и независимость въ мысляхъ и характерѣ, я былъ очень смѣлъ и развязенъ въ обращеніи съ крестьянами, съ духовными лицами, съ своими учителями и наставниками, особенно же съ своими товарищами; въ послѣднемъ

случаѣ я почти всегда былъ главнымъ затѣйникомъ игръ, душою разговора и пр. За всѣмъ тѣмъ, оставался долго, даже очень долго, крайне застѣнчивымъ съ дворянами и съ женщинами или дѣвицами, даже духовнаго званія.

Первое, кажется, еще можно объяснить. Въ Палищенскомъ приходѣ жила, когда я сталъ выростать, только одна помѣщица въ деревнѣ Овинцахъ (голваревскаго помѣщика, о которомъ выше говорено, я вовсе не видѣлъ: онъ выѣхалъ или умеръ на второмъ или на третьемъ году моей жизни). У этой помѣщицы мои родители были любимыми гостями; бирали и меня туда съ собою; но мнѣ тамъ не нравилось. Дѣтей маленькихъ у барыни не было, поиграть не съ кѣмъ; сидишь, бывало, да и велятъ сидѣть гдѣ либо на стулѣ; я даже послѣ находилъ причины и не ѣздить къ барынѣ. Когда она съ своею дочерью-вдовою бывала у насъ, то я рѣдко сидѣлъ съ ними въ горницѣ; мнѣ не нравилось обуться, одѣться и сидѣть молча, да и по господствовавшимъ тогда понятіямъ не находили нужнымъ, чтобы дѣти сидѣли вмѣстѣ съ почетными гостями. Послѣ я, слыша о притѣсненіяхъ, какія дѣлались помѣщиками надъ крестьянами, возненавидѣлъ бояръ и боярынь; всѣ они мнѣ казались дурными людьми.—Но уже плохо понимаю, почему я избѣгалъ случаевъ говорить и даже сидѣть вмѣстѣ съ женщинами и дѣвицами, даже изъ духовнаго званія, даже съ родственницами. А между тѣмъ это было такъ. Я былъ уже лѣтъ шести, если не болѣе, какъ пріѣхала къ намъ моя родная тетка и крестная мать Анна Мартыновна. Она очень меня любила и захотѣла поскорѣе расцѣловать меня. Я сидѣлъ въ переднемъ углу за столомъ. Догадавшись о ея намѣреніи, когда она подошла къ столу съ одной стороны и протягивала уже руки, чтобы обнять и поцѣловать меня, я всталъ на лавкѣ и, по другой сторонѣ стола быстро пробѣжавъ, спрыгнулъ на полъ и потомъ, взлѣзши на печку, помѣстился тамъ и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ оттуда слѣзать. Послѣ, конечно, я подобныхъ вещей не дѣлывалъ, но всегда почти, даже до очень зрѣлыхъ лѣтъ, я чувствовалъ себя неловкимъ и неразвязнымъ въ обращеніи съ женщинами и дѣвицами. Не имѣли-ли вліянія на мой разсудокъ аскетическія мнѣнія о женщинахъ, какъ соблазнительницахъ? Право, не знаю.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ ОТМѢНЫ ВИННЫХЪ ОТКУПОВЪ ВЪ РОССІИ.

(Изъ Записокъ Тайн. Сов. А. Д. Крылова).

1858—1862 гг.

Редакція «Русской Старины», въ постоянномъ стремленіи воспроизводить на страницахъ журнала: несомнѣнные документы, монографіи и вообще Записки, относящіяся къ историческому ходу развитія нашей общественной жизни, имѣла возможность ознакомиться съ нѣкоторыми отдѣлами Записокъ А. Д. Крылова. Получивъ согласіе автора на напечатаніе одной изъ главъ, относящейся къ исторіи отмѣны откуповъ въ Россіи, этого важнаго источника государственныхъ доходовъ, редакціи предоставлено было ознакомиться и съ подлинными документами, а равно и съ собственноручными, по этому предмету, письмами, сохранившимися у А. Д. Крылова. Съ цѣлію придать этой статьѣ значеніе историческаго матеріала, редакція всѣ выпущенныя авторомъ, изъ приводимыхъ имъ документовъ, мѣста, лично до него относящіяся, возстановляетъ съ буквальною точностью. Для характеристики времени, въ которое совершилась эта важная реформа, и для того, чтобы вѣрнѣе представить необыкновенныя трудности къ достиженію отмѣны откуповъ, редакція напомнитъ фактъ, извѣстный весьма многимъ въ Петербургѣ.

Управлявшій двадцать лѣтъ тому назадъ дѣлами комитета министровъ NN., съ директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ Г—мъ, чрезъ подставное лицо изъ промотавшихся откупщиковъ, содержали винный откупъ, въ одной изъ приволжскихъ губерній. Для бо́льшаго успѣха въ дѣлѣ, они добились назначенія въ эту губернію губернаторомъ друга ихъ г. О., а предсѣдателемъ казенной палаты—своего человѣчка Кон..... Но такъ какъ откупъ этотъ достался имъ на послѣднее двухлѣтіе и въ то время, когда сдѣлалось уже извѣстнымъ о намѣреніи Государя отмѣнить откупа, то они получили его съ большою наддачей.

Какъ эта причина, такъ и плутни повѣреннаго, принесли имъ значительные убытки. Къ этому же сдѣлались извѣстными вопіющія продѣлки и несправедливости губернатора и предсѣдателя казенной палаты по покровительству откупа, вслѣдствіе чего послѣдовала ихъ смѣна. Конецъ этого предпріятія былъ по-истинѣ трагическій. По полученіи извѣстія, что повѣренный бѣжалъ, похитивъ остальныя собранныя имъ деньги, управлявшій дѣлами комитета министровъ былъ пораженъ внезапно апоплексическимъ ударомъ. а директоръ департамента Г—въ заболѣлъ психически; везомый въ деревню по Николаевской желѣзной дорогѣ, незамѣтно, ночью, вышелъ онъ изъ вагона и бросился на рельсы. Его нашли уже обезглавленнымъ. Ред.

Многіе изъ людей государственныхъ и историческихъ писателей нашихъ—того убѣжденія, что крымская кампанія, указавъ на многіе изъ недуговъ нашихъ, снявъ покрывало съ язвъ, незамѣтно точившихъ Россію, пробудила насъ къ живительной дѣятельности и вызвала тѣ реформы по всѣмъ отраслямъ государственной жизни, которыя навсегда останутся великимъ памятникомъ славнаго царствованія Государя Императора.

Реформамъ этимъ подпалъ и одинъ изъ важныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ — винный откупъ. Литература, не смотря на существовавшія стѣснительныя цензурныя условія, еще до кампаніи, при всякомъ удобномъ случаѣ, разоблачала гнусныя дѣйствія откупщиковъ; въ обществѣ много говорилось объ ихъ незаконномъ обогащеніи, объ ихъ плутняхъ, а также объ огромныхъ недоимкахъ, за откупщиками числившихся. Постоянное возрастаніе этихъ недоимокъ, возможность, безъ затрудненія, испрашивать разсрочки на долгіе сроки и безъ процентовъ—наводили на мысль о злоупотребленіяхъ по этой части. Побѣгъ же извѣстнаго откупщика Гарфункеля за границу съ неуплаченною имъ двѣнадцати-милліонною недоимкою; извѣстіе о покупкѣ этимъ евреемъ богатыхъ помѣстій во Франціи, нѣсколькихъ домовъ въ Парижѣ, оставшемся безъ всякаго преслѣдованія, возмущали общественное мнѣніе. Но оно было безсильно, потому что многіе изъ вліятельныхъ лицъ получали отъ откупщиковъ жалованье, что даже было извѣстно императору Николаю Павловичу.

Занимая одно время должность директора канцеляріи главнокомандующаго Крымскою арміей, мнѣ довелось имѣть дѣло по служебнымъ обязанностямъ съ севастопольскимъ откупщикомъ, мелкой руки, въ полу-еврейской одеждѣ, Гинцбургомъ. Страшная

распутица и неимѣніе въ Крыму шоссе затрудняли подвозъ къ арміи всѣхъ вообще продуктовъ—до невѣроятности. Были мѣсяцы, въ которые возщики не брали и рубля съ пуда за перевозку кладей на разстояніи 65-ти верстъ, отъ Симферополя до Севастополя. Гинцбургъ, обязанный условіями откупа удовлетворять всѣ требованія по снабженію виномъ свой городъ, превысившій въ то время народонаселеніе всей Таврической губерніи, не имѣя достаточныхъ средствъ, просилъ какъ милости о разрѣшеніи ему подвозить не полугаръ, а 100° спиртъ и на мѣстѣ уже его разсыропливать. Неизбѣжная необходимость въ винѣ, въ особенности для нижнихъ чиновъ, проводившихъ всѣ ночи въ возведеніи земляныхъ укрѣпленій, въ противодѣйствіи непріятелю по проведенію траншей, наконецъ, постоянныя, каждую ночь, вылазки, вынуждали главнокомандующаго, въ видахъ поддержанія здоровья и силъ нижнихъ чиновъ, оказывать возможное содѣйствіе Гинцбургу, по доставкѣ вина. То, что въ то время составляло для Гинцбурга громадные, по его словамъ, заботы, страхъ и раззореніе, послужило впослѣдствіи, напротивъ, къ его громадному обогащенію, къ пріобрѣтенію титла барона и къ образованію имъ и его дѣтьми нѣсколькихъ банкирскихъ домовъ, пользующихся понынѣ большою извѣстностью въ Европѣ.

По окончаніи кампаніи, состоя при военномъ министерствѣ, я ежедневно имѣлъ сношенія съ исполнявшимъ тогда должность директора канцеляріи военнаго министерства, генералъ-адъютантомъ княземъ В. И. Васильчиковымъ, впослѣдствіи товарищемъ военнаго министра и исполнявшимъ его обязанности по случаю болѣзни и отсутствію министра. При этихъ свиданіяхъ неоднократно приходилось вспоминать о времени, проведенномъ нами въ Севастополѣ, и однажды, разсказавъ ему о евреѣ Гинцбургѣ, уже сдѣлавшемся богачомъ, я выразилъ удивленіе: почему милліоны, положенные Гинцбургомъ въ карманъ, не поступили въ государственную казну, тогда какъ этого не только слѣдовало желать, но и осуществить, кажется, было бы не трудно?

Мысль эта и вообще разговоръ объ откупщикахъ, какъ оказалось, не остались безслѣдными. Прошло нѣсколько дней; князь, встрѣчая меня улыбкой, сказалъ мнѣ:—„а разсказъ вашъ о Гинцбургѣ не выходитъ у меня изъ памяти. Знаете, что̀ я задумываю? ввести свободную продажу вина въ войскѣ Донскомъ, о

чемъ я уже докладывалъ Государю Императору, и по окончаніи срока нынѣшнихъ откуповъ, не допускать уже болѣе туда откупщиковъ". „Возьмитесь,—сказалъ онъ мнѣ,—написать проектъ о вольной продажѣ вина; я доставлю вамъ свѣдѣнія изъ управленія иррегулярныхъ войскъ—какъ дѣло это велось на Дону до откупщиковъ, при хозяйственномъ управленіи, и пришлю молодаго человѣка, случайно мнѣ сдѣлавшагося извѣстнымъ, служившаго по найму у откупщика Б., хорошо знакомаго со всѣми ихъ плутнями".

Кто зналъ близко князя Виктора Илларіоновича, этого рыцаря чести, русскаго душой, для котораго благо отечества было выше всего, тотъ не могъ усомниться, что онъ или осуществитъ задуманное, или погибнетъ въ борьбѣ. Терять время было невозможно, тѣмъ болѣе, что князь безпрестанно заѣзжалъ и лично слѣдилъ за успѣхомъ работы.

Вскорѣ главныя основанія проекта были готовы, всѣ необходимыя справки собраны и мы остановились на предположеніи продажи вина на Дону чрезъ посредство коммисіонера, съ дозволеніемъ открывать питейныя заведенія частнымъ лицамъ безъ стѣснительнаго контроля, въ полной увѣренности, что конкуренція вызоветъ продажу вина лучшаго качества и по умѣреннымъ цѣнамъ. 10-го августа 1858 г. я уже получилъ предписаніе, за № 717, немедленно отправиться въ Новочеркасскъ, для совѣщанія съ наказнымъ атаманомъ по устройству продажи вина на Дону и составленія подробнаго о томъ положенія, по проекту, предварительно одобренному управлявшимъ военнымъ министерствомъ.

Генералъ-адъютантъ Хомутовъ, наказный атаманъ войска, хотя и выразилъ мнѣ совершенное свое сочувствіе къ означенному предположенію, но предупредилъ меня, что онъ не беретъ на себя отвѣтственность—имѣя въ виду бывшее раззорительное на Дону хозяйственное управленіе питейными сборами, при Озно-бишинѣ. Назначивъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ войска депутатовъ, онъ не ручался также за сочувствіе ихъ къ проекту. Бывшій же тогда начальникомъ штаба, нынѣ генералъ-адъютантъ, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ всею душою предался мысли объ уничтоженіи на Дону откуповъ и употребилъ всѣ силы къ убѣжденію противодѣйствующихъ проекту лицъ.

Но трудности, которыя предстояло преодолѣвать въ Новочер-

касскѣ, при утомительной двухъ-мѣсячной работѣ, были ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя пришлось испытать въ Петербургѣ.

Привезенный мною проектъ предварительно разсматривался въ министерствѣ финансовъ. Безчисленныя возраженія посыпались отъ министерства. Указывалось на громадные расходы на корчемную стражу, которою министерство финансовъ требовало оцѣпить землю войска Донскаго, какъ зачумленный край. Говорилось, что вольная продажа вина на Дону подастъ поводъ сосѣднимъ откупщикамъ не выбирать изъ казны условленнаго количества вина, уменьшитъ чрезъ это доходъ казны въ этихъ губерніяхъ и пагубно отзовется вообще на эту важную статью государственнаго дохода.

Много потрачено было труда на ежедневныя опроверженія, словесныя и письменныя, противу приводимыхъ устрашающихъ доводовъ министерства финансовъ; время близилось къ 1859 г., т. е. къ концу срока откуповъ, и нетерпѣливый князь Васильчиковъ не оставлялъ въ покоѣ министра финансовъ.

Наконецъ, проектъ, съ заключеніемъ, не вполнѣ удовлетворительнымъ, министерства финансовъ, былъ внесенъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Онъ разсматривался въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и послѣ каждаго засѣданія лицо князя В. И. Васильчикова дѣлалось все болѣе и болѣе мрачно. Здоровье князя, и безъ того надорванное, ежедневно ухудшалось. Онъ жилъ все это время мыслью о задуманной реформѣ, единственно изъ безграничной любви своей къ отечеству и въ полномъ сознаніи, что откупъ, какъ онъ говорилъ—разбой. При всѣхъ его достоинствахъ, онъ имѣлъ одинъ несомнѣнный недостатокъ: князь не былъ подготовленъ къ публичнымъ преніямъ. Имѣя массу доказательствъ въ защиту предполагаемаго измѣненія въ сборѣ этихъ косвенныхъ налоговъ, онъ не воспользовался ими, можетъ быть, по врожденной застѣнчивости.

Не забуду того вечера, когда онъ, возвратясь изъ окончательнаго совѣщанія въ комитетѣ министровъ, прислалъ за мной. Совершенно больной, онъ объявилъ мнѣ, что комитетъ если не вполнѣ отвергъ предложенный имъ способъ продажи вина на Дону, то потребовалъ введенія въ проектъ такихъ положеній—о запечатанной посудѣ, объ ограниченіи вольной продажи—на которыя согласиться невозможно, развѣ при условіи подорвать глав-

ныя основанія системы и, слѣдовательно, отказаться отъ ожидаемаго успѣха. „Что теперь дѣлать?“—сказалъ князь.—„Если вы убѣждены въ правильности вашихъ воззрѣній, то рѣшитесь еще разъ доложить въ подробности лично Государю Императору и испросите Его соизволенія взять на вашу отвѣтственность предлагаемый, въ замѣнъ откуповъ, новый способъ питейныхъ сборовъ на Дону. Вотъ, по моему, единственный остающійся теперь путь“.—Но при этомъ я присовокупилъ, что „въ такомъ состояніи духа, а тѣмъ болѣе здоровья, вы не можете докладывать Государю“. Князь задумался. Мы разстались.

Князь Васильчиковъ рѣшился на изложеніе всего хода дѣла во всеподданнѣйшемъ докладѣ. Объемъ моей записки не дозволяетъ привесть цѣликомъ этотъ замѣчательный докладъ. Князь Васильчиковъ высказалъ въ немъ своему Государю всю горечь наболѣвшей души. Онъ говорилъ, что въ теченіе минувшей кампаніи, во время кровавой осады Севастополя, онъ убѣдился, что откупъ служитъ къ обогащенію лишь нѣсколькихъ только лицъ, въ ущербъ всего народонаселенія, вынужденнаго безмолвно терпѣть раззореніе. Монополисты же, сосредоточивая въ рукахъ своихъ всю торговлю виномъ и владѣя огромными капиталами, не только могутъ ограждать себя отъ законнаго преслѣдованія, но и пользуются даже особымъ покровительствомъ властей вслѣдствіе представляемыхъ ими угрозъ, что они не выплатятъ правительству откупныхъ суммъ.—„Гинцбургъ,—говорилъ въ своемъ докладѣ князь,—пріобрѣвшій несмѣтныя богатства, заставлялъ русскаго солдата, изнемогавшаго въ трудахъ и проливавшаго кровь за Царя и отечество, употреблять, вмѣсто подкрѣпительнаго вина, омерзительную смѣсь водки низшаго достоинства съ мутною водою“. Исполненный негодованія къ откупщикамъ и убѣжденный въ громадномъ вредѣ, приносимомъ ими Россіи, князь испрашивалъ соизволенія Государя на введеніе на Дону предложенной имъ системы, къ чему представлялся удобный случай, такъ какъ и наказный атаманъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ откуповъ на Дону.

Государь Императоръ,—какъ разсказывалъ мнѣ князь Васильчиковъ,—съ полнымъ и милостивымъ вниманіемъ прочелъ этотъ объемистый докладъ; соизволивъ дать на него свое согласіе,

тутъ же рѣшилъ о необходимости замѣнить откупную систему и во всей Россіи.

Кто слѣдилъ за ходомъ винной операціи въ Россіи, кто обладалъ способностью наблюдать за тѣмъ вредомъ и растлѣніемъ нравовъ, которые въ продолженіе долгаго періода времени намъ приносили откупа, тотъ только въ состояніи оцѣнить заслугу князя В. И. Васильчикова. Описывать о продѣлкахъ въ это время откупщиковъ-тузовъ В. и Б., содержавшихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ откупъ на Дону; говорить о предложеніяхъ обольстительныхъ, откупщиками дѣланныхъ, съ достоинствомъ отвергнутыхъ кѣмъ слѣдуетъ,—считаю непристойнымъ. Все это было такъ пошло и низко, что и вспоминать объ этомъ омерзительно. Князь Васильчиковъ, взявъ это дѣло на свою личную отвѣтственность, не могъ и не рѣшался пустить его съ торговъ, въ чемъ его нѣкоторые упрекали. Онъ опасался въ особенности подставныхъ на торгахъ отъ откупщиковъ лицъ, которыя могли объявить самыя низкія цѣны опредѣляемаго коммисіонеру вознагражденія за продажу каждаго ведра вина, и, конечно, не затруднились бы съ умысломъ уронить все дѣло и значительно уменьшить съ этой статьи доходъ войска. Княземъ Васильчиковымъ былъ избранъ въ коммисіонеры нѣкто Джуричъ, молодой человѣкъ, знавшій хорошо порядки откупной системы.

Результатъ введенія коммисіонерства на Дону за первый, 1859-й, годъ былъ слѣдующій:

Откупщики обязательно выбирали изъ казны ежегодно всего 300,000 ведеръ вина, получая за это извѣстное вознагражденіе; продажа вина сверхъ этой пропорціи, за пріобрѣтеніемъ его изъ казны, обращалась вся въ ихъ пользу, при чемъ количество этого послѣдняго откупщики тщательно скрывали, прибѣгая къ пособію воды. Самый бо́льшій доходъ съ винной операціи при Воронинѣ не превышалъ 700,000 руб. въ годъ.

Первый годъ коммисіонерства показалъ, что дѣйствительное потребленіе вина на Дону не 300,000, а 850,000 ведеръ, и доходъ войска по питейнымъ сборамъ возросъ до 1.150,000 руб. По окончаніи втораго года коммисіонерства, министерство финансовъ, въ видахъ единства завѣдыванія во всей Россіи питейными сборами, сдѣлало предложеніе военному министерству взять питейные сборы въ свое вѣденіе съ обязательствомъ уплачивать войску

по 1.239,000 руб. ежегодно. Сумма эта до сего времени поступаетъ аккуратно въ войсковую казну съ 1861 года. И такъ, доходы войска Донскаго со времени отмѣны откуповъ увеличились болѣе нежели на десять милліоновъ рублей.

Князю В. И. Васильчикову не довелось, въ качествѣ управлявшаго военнымъ министерствомъ, дождаться этихъ блистательныхъ результатовъ по дѣлу, которое онъ съ такою энергіею и самоотверженіемъ проводилъ. Князь тяжело захворалъ и былъ отпущенъ за границу, для пользованія въ болѣе благопріятномъ климатѣ, въ безсрочный отпускъ. Разставаясь съ мною, онъ взялъ съ меня слово, что я ему буду сообщать о дальнѣйшемъ ходѣ операціи, которую я въ землѣ войска Донскаго вводилъ и по требованію его ревизовалъ.

Излагая въ письмахъ вкратцѣ объ этой операціи, я писалъ, между прочимъ, князю, что не въ состояніи болѣе ѣздить по этому дѣлу на Донъ, что я не въ силахъ болѣе таскаться по кабакамъ и питейнымъ подваламъ и быть иногда свидѣтелемъ отвратительныхъ сценъ.

Князь В. И. Васильчиковъ, изъ Парижа, отъ 7-го августа 1859 года, отвѣчалъ мнѣ: „Напрасно полагаете вы, А. Д., что болѣзнь или созерцаніе южной природы могутъ имѣть какое либо вліяніе на то вниманіе, на то постоянное чувство удовольствія, съ которымъ я привыкъ читать ваши письма и читать повѣствованія о всегда успѣшномъ исполненіи предпринимаемаго вами дѣла. Изъ вашего письма отъ 22-го іюля я вижу, что ваша донская кампанія не менѣе блестяща какъ послѣдняя италіанская, но миръ, вами заключенный, имѣетъ то преимущество надъ Сольферинскимъ, что онъ логическое и полезное заключеніе дѣла, тогда какъ послѣдній—миѳъ и непрочное созданіе. Слава Богу и хвала вамъ! Что же касается трудностей, непріятностей и горестно-отвратительныхъ сценъ, встрѣченныхъ на пути исполненія этого порученія, я ихъ предвидѣлъ, предчувствовалъ и умѣю оцѣнить настоящею цѣною, что доказывается именно тѣмъ, что просилъ васъ принять на себя эту тяжкую обузу, какъ человѣка способнаго на подобное самопожертвованіе и могущаго облагородить дѣло, до васъ въ благородныхъ рукахъ не бывалое. Вы сами знаете, есть ли въ этомъ вопросѣ хотя тѣнь эгоистическаго съ моей стороны побужденія. Нуженъ былъ Россіи опытъ,

доказывающій, что обильная продажа хорошаго вина не есть развратъ, что откупъ—разбой, что доходы отъ акциза не могутъ быть менѣе откупныхъ. Это, по видимому, доказывается опытомъ, слава Богу, хвала вамъ!“ [1]).

Наказный атаманъ, въ концѣ 1859 года, донося военному министру объ успѣхѣ введенія коммисіонерства, между прочимъ писалъ: „Всѣ выручаемыя за продажу вина суммы поступаютъ аккуратно и хранятся въ войсковомъ и окружномъ казначействахъ, слѣдовательно, недоимокъ и отсрочекъ теперь быть не можетъ. При быстро развившейся промышленности, весьма утѣшительнымъ фактомъ служитъ то обстоятельство, что пьянство въ войскѣ не увеличилось и случаевъ, которые свидѣтельствовали бы о чрезмѣрномъ употребленіи вина, рѣшительно не встрѣчалось. На всемъ пространствѣ земли войска Донскаго продается одно пѣнное вино—высшаго качества, нежели это было при откупщикахъ. Худаго вина и по высокой цѣнѣ, при вольной продажѣ, быть не можетъ, ибо пожелавшіе бы торговать таковымъ остались бы безъ покупателей. Нельзя при этомъ не замѣтить, что и самое правительство, при новой системѣ питейныхъ сборовъ, не вынуждено покровительствовать или казаться равнодушнымъ къ тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя такъ неизбѣжны были при откупномъ содержаніи“.

Свѣдѣнія эти совершенно совпадали съ тѣми, которыя я излагалъ въ отчетной запискѣ моей, въ концѣ 1860 года, по обревизованіи питейныхъ сборовъ въ землѣ войска Донскаго. Записка эта военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Н. О. Сухозанетомъ была повергнута на Всемилостивѣйшее воззрѣніе и Государь Императоръ соизволилъ повелѣть передать ее въ комитетъ министровъ, для принятія въ руководство, какъ подкрѣпленную опытомъ, при обсужденіи вопроса о будущихъ питейныхъ сборахъ во всей имперіи.

Затѣмъ, въ 1862 году, по Высочайшему повелѣнію, была образована особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секре-

---

[1]) Князь заканчивалъ письмо извѣщеніемъ о своемъ здоровьѣ и увѣреніемъ въ своей признательности и душевномъ уваженіи: Сбоку письма слѣдующая приписка: «Вы пишете о барышахъ Джурича. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ ихъ имѣетъ, но мы при откупщикахъ опредѣлить ихъ не могли, а теперь знаемъ и можемъ учесть». Ред.

таря А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, для составленія новыхъ правилъ о питейныхъ сборахъ въ имперіи на предстоящее время. Я удостоился быть назначеннымъ членомъ въ эту коммисію, которая окончательно похоронила откупа.

Государственный совѣтъ, по разсмотрѣніи дѣла о введеніи съ 1863 года акцизной системы взиманія питейнаго сбора въ имперіи въ замѣнъ откуповъ, обратилъ вниманіе на трудъ коммисіи, заслужившій, по мнѣнію государственнаго совѣта, „особую признательность со стороны правительства“, и коммисія удостоилась особаго благоволенія Государя Императора.

Питейные доходы во всей имперіи въ 1862 году, при откупщикахъ, не превышали 123.000,000 руб. въ годъ, изъ которыхъ слѣдуетъ еще исключить значительныя недоимки, остававшіяся за ними, и другіе значительные расходы.

Доходъ по этой статьѣ въ 1878 году бездоимочно составлялъ 192,544,000 руб.

И такъ, съ отмѣною откуповъ, государственный доходъ съ питейныхъ сборовъ ежегодно возросъ, за исключеніемъ недоимокъ и другихъ расходовъ, конечно, болѣе нежели на 80.000,000 руб. въ годъ. Изъ этого ясно видно, какую почтенную цифру откупщики обращали въ свою пользу, ибо условія жизни потребителей почти не измѣнились. Цифра эта указываетъ и на то, что они могли бы, и безъ значительнаго разсыропливанія вина водой, ограничиться для своего обогащенія означенными милліонами и изъ нихъ безъ стѣсненія производить незаконныя выдачи.

Сообщая свѣдѣнія о тѣхъ затрудненіяхъ, о тѣхъ препятствіяхъ, которыя предстояло преодолѣть, чтобы добиться отмѣны ненавистныхъ откуповъ хотя въ одной землѣ войска Донскаго, нельзя не сознать сколь велика была заслуга князя В. И. Васильчикова. Вспоминая противодѣйствія со стороны лицъ вліятельныхъ, которыя, казалось, какъ-бы были лично заинтересованы въ этомъ дѣлѣ; вспоминая о томъ ложномъ страхѣ о дефицитѣ въ государственномъ бюджетѣ если откупа будутъ отмѣнены, въ которомъ министерство финансовъ настойчиво держало правительственныя сферы—можно съ утвердительностію сказать, что если бы не была введена акцизная система на Дону въ 1859 году, такъ блистательно себя

оправдавшая,—Россія надолго оставалась бы подъ растлѣвающимъ гнётомъ откупщиковъ.

Знакомя съ замѣчательно-энергическимъ рвеніемъ князя В. И. Васильчикова — нанесть окончательный ударъ откупамъ; знакомя съ его кипучею дѣятельностію, гибельно повліявшею на его здоровье и сведшую его въ преждевременную могилу, я проникнутъ былъ однимъ желаніемъ, чтобы заслуги его въ этомъ отношеніи не остались безслѣдными для благодарнаго потомства. Вся закулисная сторона этого дѣла была извѣстна только мнѣ одному. Документы въ архивахъ могутъ представить только сухой матеріалъ: что въ такомъ-то году откупная система была замѣнена на Дону акцизною, что войсковая казна пріобрѣла чрезъ это выгоды на столько-то. Я полагаю, что для будущаго историка Россіи недостаточно будетъ этихъ данныхъ для представленія характеристики общества и правительственныхъ сферъ въ моментъ совершившейся важной реформы. Передавая съ педантическою точностью и въ хронологическомъ порядкѣ весь ходъ дѣла, я по необходимости долженъ былъ упомянуть о себѣ. Я вынужденъ былъ привесть въ цѣлости хранящееся у меня лестное письмо князя Васильчикова изъ Парижа, которое онъ писалъ на одрѣ болѣзни, потому, что изъ него ясно видно какъ близокъ ему былъ этотъ вопросъ, на сколько онъ сознаваль вредъ для Россіи отъ откуповъ, какъ высоко онъ ставилъ интересы своего отечества. Тутъ не было, какъ онъ выразился, и тѣни съ его стороны эгоистическаго побужденія, и, дѣйствительно, князь В. И. Васильчиковъ, сойдя со сцены служебной, удалясь въ деревню, могъ только утѣшать себя мыслію, что его труды, за которые онъ поплатился здоровьемъ и жизнью, принесли громадную въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи пользу Россіи.

Изъ современниковъ, вполнѣ сознававшихъ важность достигнутой княземъ В. И. Васильчиковымъ реформы, сколько мнѣ извѣстно, былъ одинъ только генералъ-адъютантъ Хомутовъ. Въ письмѣ его къ князю, уже удалившемуся отъ дѣлъ, Михаилъ Григорьевичъ писалъ: „Ваше теплое попеченіе о ввѣренномъ мнѣ краѣ осуществилось. На мнѣ лежитъ священный долгъ засвидѣтельствовать вамъ и за себя и за все войско глубочайшую и чувствительнѣйшую благодарность. Намъ не могутъ не быть вполнѣ понятны всѣ тѣ чувства и ощущенія, которыя, во время

затруднительнаго хода этого дѣла, вы принуждены были испытать. Борьба—неожиданная и неслыханная—не могла не нарушить вашего душевнаго покоя, не потрясти и самаго здоровья; но вы, въ увлеченіи благороднѣйшихъ чувствъ, въ порывѣ чистѣйшаго служенія отечеству, забыли себя, пренебрегли отношеніями, стали за правду лицомъ къ лицу—соединенному противодѣйствію государственныхъ людей. Не многіе рѣшатся на подобный подвигъ. Безкорыстная чистота вашихъ намѣреній не могла укрыться отъ нелицепріятнаго взора Августѣйшаго Монарха, и ваше сіятельство вышли съ полнымъ торжествомъ изъ неравнаго боя, къ истинному утѣшенію всѣхъ честныхъ сыновъ Россіи“ [1]).

Если мы припомнимъ строй нашей провинціальной жизни двадцать пять лѣтъ тому назадъ; положеніе откупщика, которое онъ занималъ въ губернской іерархіи; развращающее нравы значеніе, которымъ онъ пользовался,—то, конечно, не затруднимся опредѣлить всю важность реформы, не только съ одной матеріальной, но и нравственной стороны. Трудно забыть то подавляющее чувство, которое приходилось испытывать хотя бы при воспоминаніи продѣлокъ у заставъ нѣкоторыхъ городовъ, гдѣ допускалась такъ называемая вольная продажа вина: появленіе предъ вами корчемной стражи, съ длиннымъ металлическимъ щупомъ, ея безцеремонный осмотръ и ощупываніе вашихъ вещей не смотря на часы дня, положеніе ѣхавшаго, присутствіе семьи, состояніе здоровья. Жалобы, тогда приносившіяся земской и городской полиціямъ на откупщиковъ, ихъ повѣренныхъ, на корчемную стражу—были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.—Трудно забыть также то унизительное положеніе, въ которомъ иногда находился губернаторъ, это, такъ называемое, первое лицо въ губерніи, по отношеніямъ къ откупщику: страхъ получить замѣчаніе отъ министерства финансовъ за мнимое будто-бы притѣсненіе откупщика,

---

[1]) Редакція, которая разсмотрѣла, между другими подлинными документами, и письмо ген.-ад. Хомутова, считаетъ необходимымъ привесть въ подлинныхъ выраженіяхъ и конецъ этого письма: «Позвольте еще принести искреннѣйшую мою признательность за присылку къ намъ Александра Дмитріевича К р ы л о в а. Его здравый взглядъ и знаніе дѣла дали намъ возможность руководствоваться его совѣтами. Сверхъ того, его личные и неусыпные труды много намъ способствовали къ успѣшному составленію многосложнаго проекта хозяйственнаго управленія винной операціи». Ред.

могущаго отказаться выплатить откупную сумму, а иногда и смѣна вслѣдствіе этого губернатора,—я не говорю уже объ опасеніи лишиться получаемаго имъ самимъ отъ откупщика жалованья. Кромѣ этихъ возмутительныхъ воспоминаній, уголовная статистика наша, если бы она была на высотѣ своего призванія, представила бы, конечно, еще болѣе осязательныя данныя къ сознанію всего того, что общество и государство, съ отмѣною откуповъ, пріобрѣло.

Однако, было бы несправедливо описываемыя затрудненія, которыя пришлось извѣдать князю Васпльчикову, относить, къ какой либо недобросовѣстности вліятельныхъ въ государствѣ лицъ, которыя, впрочемъ, не могли не знать о всемъ вредѣ, приносимомъ откупами. Нѣтъ, я далекъ отъ этой мысли; имена и дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ навсегда останутся въ благодарной памяти потомства. Но полагать должно, что бо́льшая часть лицъ разсматривавшихъ проектъ новой системы, не изучивъ въ подробности, не будучи вполнѣ знакомы съ обсуждаемымъ ими предметомъ, находились подъ вліяніемъ постоянно возраставшихъ дефицитовъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ и опасенія, что никакой другой способъ не можетъ столько дать, какъ откупа. Если это соображеніе можетъ послужить имъ въ оправданіе, то—да будетъ такъ. Но это указываетъ намъ сколь безпредѣльна должна быть благодарность Россіи къ Монарху, рѣшившему этотъ важный государственный вопросъ окончательно, безповоротно—въ смыслѣ противоположномъ заявленнымъ мнѣніямъ. Событіе—пріобрѣтающее особенное значеніе, если мы припомнимъ при какихъ условіяхъ совершилась эта реформа. Князь Васильчиковъ, дѣятель на военномъ поприщѣ, герой Севастополя, но молодой еще человѣкъ, не имѣвшій возможности заявить себя дѣятелемъ государственнымъ или финансистомъ, съ свойственною ему прямотой представляетъ Государю картину зла отъ откуповъ и проситъ о замѣнѣ ихъ проектируемою имъ системою питейныхъ сборовъ. Комитетъ министровъ, предварительно разсматривавшій проектъ, почти отвергаетъ его, ибо требуетъ такихъ въ немъ измѣненій, которыя равносильны признанію его непригодности, а нѣкоторые изъ членовъ не допускаютъ и возможности вольной продажи вина. Министръ финансовъ, присоединяясь къ мнѣнію комитета, возбуждаетъ при этомъ опасеніе лишиться, съ отмѣною откуповъ, ста

двадцати-милліоннаго государственнаго дохода. Финансовое положеніе наше было затруднительно; расходы постоянно превышали доходы и правительство уже вело переговоры съ англійскимъ банкирскимъ домомъ Томсонъ, Бонаръ и К° о займѣ 12.000,000 ф.ст., который и состоялся на весьма невыгодныхъ для насъ условіяхъ, на что имѣла большое вліяніе италіанская война.

Но Государь Императоръ, убѣдясь въ громадности вреда, приносимаго откупами, впервые, можетъ быть, представляемаго Его воззрѣнію въ томъ вѣрномъ и ужасающемъ свѣтѣ, какъ это сдѣлалъ князь Васильчиковъ, не колеблясь изрекаетъ Свою непреложную волю о немедленной отмѣнѣ ихъ въ землѣ войска Донскаго, а затѣмъ, получивъ удостовѣреніе, что новая система питейныхъ сборовъ увеличила почти вдвое доходъ войска, съ 1863 г. повелѣлъ отмѣнить откупа и во всей Россіи.

Вѣсть объ этомъ пронеслась какъ громовой ударъ по дворцамъ владѣтельныхъ откупщиковъ. Они, взвѣсивъ все, чего лишаются, собрались сонмомъ въ Петербургъ и не поскупились на предложенія, какъ, напримѣръ, о постройкѣ на свой счетъ большой линіи желѣзныхъ дорогъ, по указанію правительства, лишь бы удержать за собою откупа. Но Государь Императоръ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи, какъ былъ непоколебимъ во всѣ историческіе моменты Своего славнаго царствованія.

А. Д. Крыловъ.

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО

1814—1861 гг.

I.

Гордость Украйны, одинъ изъ ея любимѣйшихъ сыновъ, поэтъ и талантливый художникъ, Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, сынъ крѣпостнаго крестьянина, родился 25-го февраля 1814 года въ селѣ Кириловкѣ, Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда. Отца и матери онъ лишился на восьмомъ году и нашелъ себѣ пріютъ въ школѣ у приходскаго дьячка, въ видѣ школяра «попихача». Эти школяры, по объясненію Шевченки въ его автобіографіи, поступая къ дьячкамъ, становились ихъ полными рабами. Въ этой кабалѣ Шевченко провелъ два года, въ теченіе которыхъ прошелъ «Грамотку», «Часловець» и «Псалтирь». Выучивъ Тараса грамотѣ, дьячокъ посылалъ его, вмѣсто себя, читать надъ покойниками, выдавая чтецу за его трудъ десятую копѣйку въ видѣ поощренія. Остальныя деньги дьячокъ пропивалъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Іоною Лимаремъ. Съ Тарасомъ и съ прочими учениками этотъ наставникъ обходился жестоко. Терпѣніе мальчика истощилось и однажды, пользуясь безчувственно-пьянымъ состояніемъ своего мучителя, Тарасъ высѣкъ его немилосердно и, захвативъ изъ имущества дьячка давно ему понравившуюся книжку съ картинками, бѣжалъ въ мѣстечко Лисянку. Здѣсь онъ поступилъ-было въ ученики къ маляру-діакону, но не ужился и съ нимъ и черезъ три дня бѣжалъ въ село Тарасовку, къ дьячку-маляру, особенно славившемуся въ околодкѣ своимъ мастерствомъ писать иконы великомученика Никиты и Іоанна Воина. Маленькій бѣглецъ, уже тогда чувствовавшій призваніе къ живописи, просилъ маляра обучить его своему искусству, но дьячокъ-Рафаэль объявилъ Тарасу, внимательно осмотрѣвъ его

лѣвую руку, что въ немъ нѣтъ способности не только къ живописи, но даже къ шевству или къ бондарству (ремесламъ портняжному и купорному). Тарасъ, потерявъ надежду быть маляромъ, побрелъ въ родное село, расчитывая попасть хоть въ пастухи; вмѣсто того, былъ взятъ въ «казачки» въ домъ къ помѣщику. Казачки въ дворняхъ украинскихъ помѣщиковъ, помимо лакейской должности, были пѣвцами и плясунами; но баринъ Шевченки, обрусѣвшій нѣмецъ, былъ не охотникъ ни до пѣсень, ни до плясокъ, и обязанность Тараса ограничивалась лишь комнатными услугами. Стоя на часахъ въ передней, мальчикъ напѣвалъ унылыя гайдамацкія пѣсни, а въ отсутствіе хозяина карандашомъ срисовывалъ картины, украшавшія стѣны барскихъ покоевъ.... И карандашъ-то—по добродушному сознанію поэта—былъ имъ украденъ у конторщика.

Сопровождая своего барина въ его разъѣздахъ въ Кіевъ, въ Вильну, въ Петербургъ, Тарасъ, при удобномъ случаѣ, увозилъ тайкомъ съ постоялыхъ дворовъ лубочныя картинки, единственно ради непреодолимаго желанія ихъ копировать.... За эту любовь къ живописи, зимою 1829 года, Тарасъ, по повелѣнію пана, былъ жестоко «выпоротъ». Жизнь въ лакеяхъ, по его сознанію, казалась ему впослѣдствіи «какимъ-то дикимъ, несвязнымъ сномъ». Въ 1832 году, баринъ Шевченки, склонясь на неотступныя просьбы своего слуги, законтрактовалъ его на четыре года къ цеховому маляру Ширяеву, въ Петербургѣ. Разсказъ о пребываніи поэта у этого учителя, до поступленія въ академію художествъ, приводимъ изъ его автобіографіи:

«Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другаго дьякона-хиромантика; но, не смотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, въ свѣтлыя весеннія ночи, бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй, украшающихъ сіе прямолинейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ, познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ, съ которымъ и до сихъ поръ (въ 1860 г.) нахожусь въ самыхъ искреннихъ, братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка, я началъ пробовать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ, грязныхъ пробъ, терпѣливо служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, казакъ Иванъ Ничипоренко, дворовый человѣкъ нашего помѣщика. Однажды помѣщикъ увидалъ у Ничипоренка мою работу и она ему до того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ рублемъ серебра.

«Въ 1837 году Сошенко представилъ меня конференцъ-секре-

тарю академіи художествъ В. И. Григоровичу, съ просьбой освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брюллова написать съ него, Жуковскаго, портретъ съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Жуковскій, съ помощью графа М. Ю. Вьельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2,500 р. ассигнаціями и этою цѣною куплена была моя свобода, въ 1838 году, апрѣля 22-го [1]). Съ того же дня началъ я посѣщать классы академіи художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюллова. Въ 1844 году удостоился я званія свободнаго художника».

О времени пребыванія Т. Г. Шевченки въ академіи, приводимъ ненапечатанныя еще Воспоминанія бывшаго его товарища Ѳ. П. Пономарева (сообщенныя редакціи «Русской Старины» 25-го августа 1879 года).

— «Я былъ съ Шевченко самый близкій другъ. Въ концѣ 1830-хъ и въ началѣ 1840-хъ годовъ мы были неразлучны почти ежедневно. Онъ жилъ на Острову, въ 5-й линіи, домъ Аренста, а я въ академіи художествъ, гдѣ имѣлъ мастерскую, данную мнѣ за успѣхи въ рисованіи и лѣпкѣ. Эта мастерская (бывшая старая церковная ризница) состояла изъ одной комнаты съ антресолями. На этихъ антресоляхъ, мой бѣдный Тарасъ помѣщался во время тяжкой своей болѣзни, поглощавшей наши скудныя средства. Въ это самое время онъ написалъ съ себя масляными красками портретъ (рисунокъ съ него, исполненный К. О. Брожемъ на деревѣ и гравированный академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, приложенъ къ настоящей книгѣ «Русской Старины») и подаренный мнѣ торсъ св. Севастіана съ натуры, въ классахъ академіи. Рядомъ съ моею мастерской находилась мастерская художника Петра Степановича Петровскаго, работавшаго надъ программою «Агарь въ пустынѣ» [2]). Мы съ Тарасомъ, подобно Петровскому—ученики Брюллова, часто посѣщали его, наблюдая за его работою. Однажды Петровскій слезно жаловался намъ на затрудненіе къ окончанію картины: оно заключалось въ пріисканіи большой птицы для скопированія крыльевъ ангела. Гдѣ ее найти? Мы съ Шевченко искренно сочув-

[1]) Замѣтка о портретѣ В. А. Жуковскаго, сообщенная Н. Д. Быковымъ, была напечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 года, томъ XX, стр. 534.

[2]) За эту картину Петровскій былъ посланъ на казенный счетъ въ Италію и здѣсь умеръ. Ѳ. П.

ствовали горю товарища, но отъ нашихъ сѣтованій ему легче не было и ангелъ-утѣшитель Агари оставался безъ крылъ. Помимо этого общаго, такъ сказать, горя, мы всѣ трое тужили на пустоту нашихъ желудковъ, такъ какъ сидѣли буквально безъ куска хлѣба, не имѣя ни гроша наличныхъ и ни на полушку кредита. Петровскій предложилъ намъ идти съ нимъ обѣдать къ его старушкѣ-матери, на Пески. Предложеніе заманчивое; но путешествіе съ Острова на Пески и обратно, занявъ у насъ время, могло заставить насъ опоздать къ вечернимъ рисовальнымъ классамъ, которые начинались въ 5 часовъ вечера. Отказались мы отъ радушнаго приглашенія Петровскаго; онъ отправился одинъ, а мы съ Тарасомъ, оставшись у него въ мастерской, съ голодухи принялись «спѣвать» малороссійскія пѣсни, вопреки словамъ дѣдушки Крылова: «кому-же въ умъ прійдетъ на желудокъ пѣть голодный!» Отъ матери Петровскій возвратился сытый, да еще и съ рублемъ серебра въ карманѣ: старушка отдала ему послѣднія свои деньги на покупку живаго гуся, для копированія крыльевъ ангела. Проголодавшемуся Тарасу пришла въ голову злая мысль: мигнувъ мнѣ запереть двери и держать Петровскаго за руки, онъ моментально вынулъ у него изъ кармана завѣтный цѣлковый!.. Взявъ фуражки, мы пустились бѣгомъ по академическимъ корридорамъ; Петровскій за нами, умоляя возвратить ему отнятыя деньги! Такъ и пробѣжали мы до 6-й линіи, прямехонько въ трактиръ «Римъ». Здѣсь Шевченко, скомандовавъ подать себѣ рюмку «горилки», заказалъ двѣ порціи бифстексу и бросилъ рубль буфетчику. Бѣднякъ Петровскій, волей-неволей, но закусилъ съ нами, а тамъ мы отправились въ наши рисовальные классы.

«По возвращеніи изъ нихъ, сидя вечеромъ въ моей мастерской, мы съ Шевченко толковали чѣмъ-бы помочь Петровскому. Вдругъ Тарасъ громко захохоталъ:

— Чего ты, дурень, такъ зѣваешь?—сказалъ онъ.—Ходимъ на охоту, да Петровскому поможемъ!

— Какъ такъ?

— Увидишь. Да ходимъ-же сейчасъ.

«Дѣло въ томъ, что у помощника полиціймейстера академіи, Соколова, былъ, на заднемъ дворѣ, небольшей табунокъ гусей. Мы съ Шевченкой, накрывъ одного шинелью и зажавъ ему клювъ, потащили его въ мастерскую Петровскаго. Уморительно вспомнить, какъ мы очередовались зажимать клювъ гусю, чтобы некричала эта неспокойная птица;—у Петровскаго же дверь мастерской заперта. Когда онъ явился, мы къ нему—въ мастерскую гуся, который радуясь свободѣ и распустивши крылья съ крикомъ вбѣжалъ въ ком-

нату. Петровскій ошалѣлъ отъ изумленія: гусь-то и нуженъ былъ ему! Крылья Ангелу были живо написаны, а гуся солдатъ-истопникъ сварилъ для насъ въ самоварѣ на тризну.

«Петровскій представилъ картину на судъ профессоровъ и отправленъ въ Италію.—Шевченко вскорѣ разбогатѣлъ такъ, что по уплатѣ Соколову за гуся рубля, осталось у него еще столько же. К. П. Брюлловъ долго смѣялся нашей продѣлкѣ. Тараса онъ любилъ, хотя нерѣдко журилъ»....

Приводимъ изъ Воспоминаній А. Чужбинскаго нѣкоторыя черты къ характеристикѣ поэта [1]): «я впервые встрѣтился съ Шевченко, въ Полтавской губерніи, въ домѣ Т. Г. В—ской, 29-го іюня 1843 года, когда поэтъ уже пользовался извѣстностью, вскорѣ послѣ изданія своего «Кобзаря». Шевченко пріѣхалъ вмѣстѣ съ Е. П. Гребенкою и съ перваго же взгляда расположилъ Чужбинскаго въ свою пользу: «Онъ былъ средняго роста, плотный; на первый взглядъ лицо его казалось обыкновеннымъ, но глаза свѣтились такимъ умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что невольно я обратилъ на него вниманіе. Поэту былъ оказанъ радушный пріемъ, видимо его тронувшій; онъ былъ видимо въ духѣ и говорилъ на родимомъ украинскомъ нарѣчіи». При всей своей разговорчивости и любезности, поэтъ, по замѣчанію Чужбинскаго, не любилъ высказываться и вообще въ немъ была замѣтна нѣкоторая скрытность. Помѣщики наперерывъ приглашали къ себѣ пѣвца Украйны. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, житель уѣзднаго городка Л. (Лубенъ?). «Мы пришли довольно еще рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію, хозяинъ выглянулъ въ дверь и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Тарасъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться. Господинъ не остался впослѣдствіи въ долгу: темная эта личность, дѣйствуя во мракѣ, приготовила немало горя нашему поэту. Мысль о тогдашнемъ положеніи простолюдина постоянно мучила Шевченка и нерѣдко отравляла лучшія минуты».

Черезъ три года (именно въ 1846) авторъ Воспоминаній опять встрѣтился съ поэтомъ и тѣснѣе прежняго сблизился съ нимъ. Изъ Лубенъ они вмѣстѣ поѣхали въ Нѣжинъ. На станціи въ Прилукахъ они замедлили въ ожиданіи лошадей и въ это время загорѣлась убогая лачуга какого-то еврея; единовѣрцы помогали ему, но мѣстные жители-христіане отнеслись къ этому несчастію съ полнымъ равно-

[1]) Эти Воспоминанія были напечатаны въ «Русскомъ Словѣ» 1861 г., потомъ изданы отдѣльною брошюрою: Спб., типографія Тиблена и К°, 39 стр. въ 8 д. л.

душіемъ. «Шевченко бросился спасать имущество погорѣльцевъ и по окончаніи пожара держалъ рѣчь къ христіанскому населенію, которое какъ-то неохотно дѣйствовало, на томъ основаніи, что горѣлъ жидъ. При всей нелюбви своей къ этому племени, что неудивительно было тогда не только въ простомъ украинцѣ, но и въ высшихъ классахъ общества,—Шевченко горячимъ словомъ упрекалъ предстоявшихъ въ равнодушіи, доказывая, что человѣкъ въ нуждѣ и бѣдѣ, какой бы ни былъ онъ націи, какую ни исповѣдывалъ бы религію, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ».

Однажды на пути Шевченко встрѣтилъ въ гостинницѣ какого-то юнкера, который замѣтно сталъ за нимъ увиваться и навязываться въ знакомство; Чужбинскій, завѣдывавшій казною Шевченки [1]), заподозрѣлъ плутню со стороны юнкера: оно такъ и было! Юнкеръ со слезами признался Шевченкѣ, что проигралъ казенныя деньги, и поэтъ далъ ему три цѣлковыхъ, не взирая на явный обманъ. «Онъ никогда не отказывалъ просящимъ. Участіе къ нуждамъ и бѣдѣ другихъ приводили его иногда къ самымъ наивнымъ сценамъ». Эксплуатируя его доброту, Шевченку нагло обманывали. Знакомые предостерегали его.

— «Я и самъ знаю,—отвѣчалъ поэтъ,—та нехай лучше тричі одурять мене, а все-таки у четверте подамъ тому, хто справді не бачивъ може шматка хліба» (я самъ знаю, но пусть лучше три раза обманутъ меня, а все-таки въ четвертый подамъ тому, кто дѣйствительно не видалъ, можетъ быть, куска хлѣба).

«Любилъ онъ и уважалъ природу. Блуждая съ нимъ по лѣсамъ надъ Сулой и Слѣпоротомъ, мы, бывало, просиживали у норки какого нибудь жучка и изучали его незатѣйливые нравы и обычаи.—Къ животнымъ, вообще, Шевченко былъ безгранично жалостливъ; при видѣ истязаній птицы, кошки, собаки или домашней скотины, онъ всегда заступался и усовѣщевалъ мучителей, въ особенности если это, по неразумію, дѣлали ребятишки. Къ дѣтямъ вообще онъ питалъ глубокую нѣжность. Бывая въ деревнѣ, Тарасъ Григорьевичъ собиралъ кругъ себя крестьянскихъ ребятишекъ, разсказывалъ имъ сказки, пѣлъ дѣтскія пѣсни, которыхъ зналъ множество, серьезно дѣлалъ пищалки и вскорѣ пріобрѣталъ привязанность всѣхъ ребятишекъ».

Первая искра творческаго поэтическаго огня заронилась въ сердце Шевченки не на родинѣ, подъ синимъ небомъ Украйны, но въ холодномъ Петербургѣ. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ автобіографіи.

---

[1]) По природѣ безкорыстный, Шевченко свои карманныя деньги отдавалъ въ распоряженіе товарищей.

«О первыхъ литературныхъ моихъ опытахъ скажу только, что они начались въ томъ-же Лѣтнемъ саду, въ свѣтлыя, безлунныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою, она—спасибо ей—обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ саду, напечатана только одна баллада «Причинна».

Ко времени сочиненія «Кобзаря» и приготовленія къ печати поэмы «Гайдамаки» относится слѣдующее письмо Шевченки къ извѣстному писателю Григорію Квиткѣ (Грицко Основьяненко) [1]):

«С.-Петербургъ, 28-го марта 1842 г.

«Надруковавъ, бодай ёму очи повылазылы» — отакъ вы скажете якъ зачныте читать мои Гайдамаки; а що скажете якъ прочитаете— не знаю. Не лайте дуже колы найдете що небудь не до ладу, бо и написано и надрюковано навмання—то я ще и доси не знаю чи получилы вы мого Утоплену що я послався вамъ черезъ Корсуна и билеты на Гайдамаки.—Колы маете субскрибентивъ то напишить до мене швыдче, бо вмене тилько сто экземпляривъ осталось. То якъбы вы не полиновалысь прислать мени свои сочиненія хочъ пивъ экземпляра, такъ на память, то велыке спасиби вамъ сказавъ-бы. Т. Шевченко.

«Поцилуйте любого Гулака-Артемовского [2]) и отдайте ему книжку, а другу не цикуючи отдайте Корсуну».

Изъ многочисленныхъ поэтическихъ произведеній напечатана, въ переложеніи на русскій языкъ, самая малая часть въ сборникѣ «Кобзарь Тараса Шевченко», изданномъ Н. В. Гербелемъ [3]). Въ составъ его вошли—думы, пѣсни, баллады, мелкія стихотворенія, поэмы и повѣсти; именно: «Катерина», «Батрачка» и «Гайдамаки».

---

[1]) Сообщено редакціи въ подлинникѣ въ 1878 г.—М. А. Левенцовымъ.

[2]) Семенъ Степановичъ Гулакъ-Артемовскій (умершій въ Москвѣ лѣтъ пять тому назадъ)—оперный пѣвецъ и добрый пріятель Шевченки. У него было большое собраніе писемъ, рукописей и рисунковъ поэта.

[3]) Спб. 1876 г. 334+2 стр. въ 8 д. л.

Въ своихъ Воспоминаніяхъ Чужбинскій говоритъ о читанныхъ ему Шевченкою поэмѣ «Іоаннъ Гусъ» и «Мистеріи безъ названія». Поэтъ говоритъ, что для первой онъ прочелъ всѣ источники о гусситахъ и эпохѣ имъ предшествовавшей, какіе только можно было достать, а чтобы не надѣлать промаховъ противъ народности, не оставлялъ въ покоѣ ни одного чеха, встрѣчавшагося въ Кіевѣ или другихъ мѣстахъ, у котораго разспрашивалъ топографическія и этнографическія подробности. Нѣсколько разъ принимался онъ переводить лирическія піесы Мицкевича, но никогда не оканчивалъ и разрывалъ на мелкіе куски, чтобы и памяти не осталось. Иные стихи выходили чрезвычайно удачно, но чуть какой нибудь казался Шевченкѣ тяжелымъ или невѣрнымъ, онъ бросалъ и уничтожалъ всѣ предыдущія строфы. «Мабуть сама доля не хоче,—говаривалъ онъ,—щобъ я передававъ лядьскі пісні» (вѣроятно, сама судьба не хочетъ, чтобы я переводилъ польскія пѣсни).

Покойный А. А. Григорьевъ, критикъ-энтузіастъ, но, не смотря на свою страстность, правдивый и добросовѣстный, оцѣниваетъ значеніе Шевченки такимъ образомъ [1]):

«Значеніе утраты, которую малороссійская литература понесла въ Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ, если не равносильна съ утратами, понесенными славянскими литературами въ Пушкинѣ и Мицкевичѣ — представителяхъ славянства передъ цѣлымъ человѣчествомъ,—то во всякомъ случаѣ не меньше значенія утраты Гоголя и Кольцова.

«Что Тарасъ Шевченко былъ великій поэтъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но, что, съ другой стороны, Тарасъ Шевченко былъ только заря, великій поэтъ только что начинающейся литературы, поэтъ исключительно народный, поэтъ, о которомъ трудно сказать—послѣдній-ли это изъ слѣпыхъ кобзарей, или первый изъ мастеровъ и художниковъ: такъ наивна его красота и вмѣстѣ такъ артистична,—это тоже, кажется, не подлежитъ спору. По красотѣ и силѣ многіе поставляли его наравнѣ съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ; мы готовы идти даже дальше въ этомъ: у Тараса Шевченки есть та нагая красота выраженія народной поэзіи, которая развѣ только искрами блистаетъ въ великихъ поэтахъ-художникахъ, каковы Пушкинъ и Мицкевичъ, и которая на каждой страницѣ «Кобзаря» поразитъ васъ у Шевченки.... Шевченко еще ничего условнаго не боится; нужны ему младенческій лепетъ, народный юморъ, страстное воркованье, онъ ни передъ чѣмъ не остановится—и все это выйдетъ

[1]) «Время», апрѣль 1861 г., стр. 636—637.

у него свѣжо, могуче, наивно, страстно, или жартно какъ самое дѣло. У него дѣйствительно есть и уносящая, часто необузданная страстность Мицкевича, есть и прелесть Пушкинской ясности—такъ что дѣйствительно, по даннымъ, по силамъ своего великаго таланта, онъ стоитъ какъ-бы въ серединѣ между двумя великими представителями славянскаго духа. Натура его поэтическая шире своею многосторонностью натуры нашего могучаго, но односторонняго какъ сама его родина — представителя русской Украйны, Кольцова; свѣтлѣе, проще и искреннѣе натуры Гоголя, великаго поэта Малороссіи, поставившаго себя въ ложное положеніе быть поэтомъ совершенно чуждаго ему великорусскаго быта... Да! Шевченко—послѣдній кобзарь и первый великій поэтъ новой великой литературы славянскаго міра».

Въ 1847 году Шевченко былъ сосланъ рядовымъ, съ выслугою, въ Оренбургскій край: сначала въ самый Оренбургъ, затѣмъ въ Орскую крѣпость, наконецъ въ Новопетровскую крѣпость, гдѣ и находился до марта 1858 г. Въ чемъ заключалась его вина? На это найдется отвѣтъ лишь въ слѣдственномъ дѣлѣ о его ссылкѣ... покуда скажемъ, что Шевченко пострадалъ за сатиру, имъ написанную ... «Преступленіе мое велико—я это сознаю въ душѣ,—писалъ онъ графинѣ Анастасіи Ивановнѣ Толстой (отъ 22-го апрѣля 1856 г.),—но и наказаніе безгранично». [1]).

Въ Воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ [2]) были напечатаны пять писемъ Т. Г. Шевченки къ графинѣ Анастасіи Ивановнѣ Толстой. Писанныя въ 1856—1858 гг., они относятся къ великому дѣлу освобожденія Шевченки отъ тяжкой кары, постигшей его съ 1847 года [3]).

Прощенный Шевченко въ 1858 г. возвратился на родину—но десять лучшихъ лѣтъ жизни, проведенные въ арестантскихъ ротахъ, убійственно повліяли на поэта физически и морально: силы его рановременно одряхлѣли; веселость и общительность смѣнились грустью и недовѣрчивою сдержанностью. Изъ-подъ «красной шапки» убѣленная сѣдинами голова поэта попала подъ лавры—свѣжіе, но

---

[1]) «Русская Старина» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 287—288.

[2]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 года, томъ XX, стр. 286—292.

[3]) Въ замѣткѣ о жизни Шевченки, въ Воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ (на стр. 287) вкралась неточность въ годахъ: поступленіе въ академію означено 1844 г. (вмѣсто 1838 г.), а полученіе званія свободнаго художника—1848-мъ (вмѣсто 1844 г.). Ссылка его въ арестантскія роты послѣдовала въ 1847 году: въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1856 года онъ самъ говоритъ: «уже девять лѣтъ какъ казнюся я за грѣшное увлеченіе моей безтолковой молодости».

запоздалые; они не успѣли поблекнуть и тотъ-же вѣнокъ осѣнилъ могилу Шевченки.

Въ 1860 году, по желанію одного изъ редакторовъ журнала «Народное чтеніе», Тарасъ Григорьевичъ написалъ свою автобіографію. Проникнутая искренностью, она вмѣстѣ съ тѣмъ отличается тихою грустью по загубленнымъ годамъ молодости....

«Краткая исторія моей жизни,—говоритъ онъ,—обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими усиліями не погибнуть? Едва-ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно! Оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ тяжело было вспомнить въ своемъ разсказѣ, до сихъ поръ—крѣпостные! Да, милостивый государь, они крѣпостные до сихъ поръ!»

Автобіографія подписана 18-мъ числомъ февраля 1860 года: этотъ вопль исторгся изъ глубины измученной души поэта, за годъ до святаго дня освобожденія Россіи отъ ига крѣпостнаго права! Первый поэтъ Украйны, послѣдній ея кобзарь, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ—послѣднимъ талантомъ, вышедшимъ изъ унизительнаго для человѣчества крѣпостнаго состоянія. На смертномъ одрѣ, полупотухшій взоръ Шевченки привѣтствовалъ зарю освобожденія Россіи, и поэтъ, мысленно обращаясь къ Освободителю, могъ сказать слова Симеона-богопріимца:

«Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣсте очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей!»

Шевченко скончался 26-го февраля 1861 года....

Освобожденья мигъ, тобой давно желанный,
Совпалъ съ кончиною твоей—
И умеръ ты, какъ, древле, Моисей,
На рубежѣ земли Обѣтованной!

II.

Письмо Н. И. Костомарова къ изд.-редактору «Русской Старины» М. И. Семевскому.

«Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Вы просили меня сообщить вамъ о моемъ знакомствѣ съ Т. Г. Шевченкомъ въ предположеніи, съ вашей стороны, близости моей къ покойному поэту. Хотя мнѣ случалось уже печатно говорить о немъ, но и теперь, по вашему желанію, я изложу вамъ искреннюю и правдивую исторію моего знакомства съ этою личностію, предоставляя вамъ сдѣлать какое вамъ будетъ угодно употребленіе изъ написаннаго мною. Вообще тотъ ошибся бы, кто бы сталъ думать, что я былъ особенно съ нимъ близокъ и друженъ; напротивъ, моя дружба съ нимъ обнимала незначительное время въ нашей жизни и, какъ оказалось впослѣдствіи, многое изъ случавшагося съ нимъ оставалось для меня неизвѣстнымъ и я узналъ о томъ отъ другихъ его друзей: со мной онъ гораздо менѣе былъ друженъ и откровененъ, чѣмъ со многими иными. Близость моя съ нимъ была почти исключительно литературная, тогда какъ нѣкоторые были къ нему близки, не какъ къ малорусскому поэту, а просто какъ къ человѣку. Познакомился я съ Тарасомъ Григорьевичемъ въ Кіевѣ въ 1846 году. До того я зналъ о немъ какъ о поэтѣ, чрезвычайно цѣнилъ его талантъ, но никогда не видалъ въ глаза. Весною 1846 года жилъ я въ Кіевѣ на Крещатикѣ, на углу Бессарабской площади, въ домѣ Сухоставскаго; напротивъ моей квартиры, на другой линіи Крещатика, былъ трактиръ съ нумерами, а въ одномъ изъ этихъ нумеровъ появился тогда Шевченко: незадолго до того перебрался онъ изъ Петербурга въ Малороссію, зимою гостилъ гдѣ-то у помѣщиковъ Черниговской и Полтавской губерній, а наконецъ поселился въ Кіевѣ. Около мѣсяца я зналъ, что напротивъ меня живетъ знаменитый украинскій поэтъ, но случая не представлялось съ нимъ встрѣтиться, а я былъ слишкомъ занятъ, дорожилъ временемъ и день ото дня откладывалъ начало знакомства съ нимъ. Въ апрѣлѣ, послѣ Пасхи, не помню теперь кто изъ моихъ знакомыхъ явился ко мнѣ съ Тарасомъ Григорьевичемъ. Съ перваго же раза произвелъ онъ на меня такое пріятное впечатлѣніе, что достаточно было поговорить съ этимъ человѣкомъ часъ, чтобы вполнѣ сойтись съ нимъ и почувствовать къ нему сердечную привязанность. Я всегда очень любилъ умнаго малорусса-простолюдина: его простодушіе въ соединеніи съ проницательностію, его добросердечный юморъ и беззаботную веселость, смѣшанные съ грустью, его

идеализмъ съ практическою разсудительностію, его готовность любить до самоотверженія вмѣстѣ съ тонкимъ умѣньемъ распознавать искренность отъ притворства, — но эти качества въ Тарасѣ Григорьевичѣ, какъ-то сразу выказываясь, оттѣнялись тѣмъ признакомъ поэзіи, какой присущъ только такимъ натурамъ, какъ его. Достаточно того, что я полюбилъ тогда же Тараса Григорьевича. Въ другой разъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ перваго свиданія, Шевченко посѣтилъ меня снова, и мы сидѣли въ садикѣ, находившемся при дворѣ Сухоставскихъ. Былъ очаровательный весенній день, цвѣли въ полномъ цвѣту вишни и сливы, расцвѣтать начинала сирень, завязывались цвѣточныя почки на яблоняхъ и грушахъ, пѣли птицы,— никогда не забуду я этого дня. Шевченко принесъ съ собою въ карманѣ нешитую тетрадь своихъ нигдѣ еще не напечатанныхъ стихотвореній, читалъ ихъ, довелъ меня до совершеннаго восторга и оставилъ свои произведенія у меня. Съ тѣхъ поръ до іюня мѣсяца нѣсколько разъ бывалъ у меня Шевченко по вечерамъ и приводилъ меня тогда въ удивленіе тѣмъ, что выпивалъ одинъ за другимъ болѣе десяти стакановъ крѣпкаго чая съ значительнымъ приливомъ туда ямайскаго рома, и это совершенно не дѣлало никакого вліянія на его голову; всякій другой, казалось мнѣ, выпивши столько, лежалъ бы нѣсколько часовъ безъ чувствъ. Я это обстоятельство привожу здѣсь для того, чтобы показать, какъ не совсѣмъ справедливы распространявшіеся слухи о его пьянствѣ: онъ дѣйствительно много могъ выпивать и любилъ выпивать, но въ безобразномъ отъ пьянства видѣ я не видалъ его ни въ это первое время моего съ нимъ знакомства, ни послѣ, до послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни. Онъ пилъ такъ же, какъ пьетъ множество другихъ господъ, только могъ принимать такія пропорціи, которыя для другихъ были бы крайне вредны, для него же—нимало; даже незамѣтно было, чтобъ онъ былъ, какъ говорится, въ подпитіи. Въ то время всю мою душу занимала идея славянской взаимности, общенія духовнаго народовъ славянскаго племени, и когда я навелъ разговоръ съ нимъ на этотъ вопросъ, то услыхалъ отъ него самое восторженное сочувствіе и это болѣе всего сблизило меня съ Тарасомъ Григорьевичемъ.

«Въ первыхъ числахъ іюня 1846 г. меня избрали единогласно на каѳедру русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, заставивши прочитать пробную лекцію по заданному указанію. То былъ для меня радостный и приснопамятный день; подѣлиться своимъ удовольствіемъ пришлось мнѣ съ первымъ Тарасомъ Григорьевичемъ. Выходя изъ университета, на пустырѣ, отдѣлявшемъ тогда университетъ отъ Стараго Города, я встрѣтилъ Тараса Григорьевича; мы пошли съ

нимъ вдвоемъ по городу и Шевченко, заявивши мнѣ свою радость о томъ, что радовало меня тогда, запѣлъ пѣсню о казакѣ, который повѣнчался съ дѣвушкой, не узнавши, что эта дѣвушка была его сестра, и потомъ оба превратились въ двухцвѣтный цвѣтокъ, называющійся по малорусски: «братъ съ сестрою», а по великорусски «Иванъ да Марья». Мимо насъ проходила публика, а Шевченко, не обращая вниманія на то, что вокругъ него происходило, закатывалъ свою пѣсню чуть не во все горло. Это былъ пароксизмъ чудачества, напоминавшаго старинныхъ запорожцевъ и проскакивавшаго у нашего поэта, впрочемъ, довольно рѣдко. Чрезъ сутки послѣ того я уѣхалъ изъ Кіева въ Одессу на морское купанье, а Тарасъ Григорьевичъ отправился съ профессоромъ Иванишевымъ раскапывать какой-то курганъ. По возвращеніи изъ Одессы, въ сентябрѣ, я перемѣнилъ квартиру, перешедши на Старый Городъ. Возвратился изъ своей поѣздки и Шевченко, и явился ко мнѣ на новоселье съ подаркомъ: то былъ старый, но сохранившійся вполнѣ черепъ изъ разрытаго кургана. Я поставилъ его у себя на полкѣ книжнаго шкафа. Осенью 1846 года мы видались не такъ часто, какъ прежде, потому что я былъ сильно занятъ составленіемъ читаемыхъ мною въ университетѣ лекцій, да и Тарасъ Григорьевичъ, помѣстившись гдѣ-то не близко отъ меня съ однимъ своимъ товарищемъ, кажется, Сошенкомъ, художникомъ, былъ занятъ своею спеціальностію. Такъ было до зимнихъ вакацій, когда прекращеніе университетскихъ лекцій дало мнѣ временно болѣе свободы отъ занятій. Въ первый день праздника Рождества Христова случилось событіе, имѣвшее печальныя послѣдствія на судьбу мою и Шевченка. Вечеромъ въ этотъ день сошлись мы у одного нашего общаго пріятеля Николая Ивановича Гулака, молодаго человѣка очень образованнаго и необыкновенно симпатичнаго. Кромѣ насъ былъ у него еще одинъ помѣщикъ Полтавской губерніи, бывшій когда-то воспитанникъ Харьковскаго университета, посѣтившій Кіевъ проѣздомъ на пути въ чужіе края. Разговоръ у насъ шелъ о дѣлахъ славянскаго міра, высказывались надежды будущаго соединенія славянскихъ народовъ въ одну федерацію государственныхъ обществъ, и я, при этомъ, излагалъ мысль о томъ, какъ было бы хорошо существованіе ученаго славянскаго общества, которое бы имѣло широкую цѣль установить взаимность между разрозненными и мало другъ друга знающими славянскими племенами. Мысль эта, не разъ уже повторяемая всѣми нами, и въ этотъ разъ возбуждала у всѣхъ восторженное одобреніе. Разговоръ нашъ объ этомъ прекратился и потомъ завелся новый объ исторіи Малороссіи, особенно объ эпохѣ Хмельницины, которою я тогда занимался уже въ продолже-

ніе многихъ лѣтъ съ ряду. Между тѣмъ за стѣною квартиры Гулака была другая квартира, изъ которой черезъ стѣну слушалъ наши бесѣды какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ, и потомъ постарался написать и послать куда слѣдуетъ сообщеніе о насъ, сбивъ чудовищнымъ способомъ въ одно цѣлое наши разговоры о славянской взаимности и объ исторіи Малороссіи и выводя отсюда существованіе тайнаго политическаго общества. Не зная о готовившемся противъ насъ подкопѣ, я имѣлъ намѣреніе купить недалеко отъ Кіева дачу и узнавши, что въ мѣстечкѣ Броварахъ продается участокъ земли, десятинъ во сто, съ господскою усадьбою, отправился туда, пригласивши съ собой Шевченка. Мы нашли въ усадьбѣ, помѣщавшейся въ самомъ вышеозначенномъ мѣстечкѣ, двухъ пожилыхъ барынь, изъ которыхъ одна оказалась хозяйкою и владѣлицею продаваемаго участка. Мы провели тамъ полдня до сумерокъ. Уголокъ этотъ мнѣ понравился и я тогда же сговорился въ цѣнѣ, но, не помню, по какимъ-то вопросамъ, возникавшимъ изъ документовъ на владѣніе, оказалось нужнымъ отложить совершеніе купчей крѣпости до весны. Возвращаясь назадъ въ Кіевъ, мы чуть было не утонули. Пустились мы напрямикъ по льду черезъ Днѣпръ, а передъ тѣмъ стояла продолжительная оттепель и ледъ мѣстами сталъ покрываться водою. Было темно и мы, сбившись съ дороги, попали было въ полынью, но, къ счастію, тамъ была отмель и мы ограничились тѣмъ, что страшно обмокли, и прибыли домой чуть двигаясь отъ холода. Только молодость и привычка къ воздушнымъ перемѣнамъ, чѣмъ отличались мы оба, спасли насъ отъ горячки. Шевченко скоро послѣ того уѣхалъ въ Черниговскую губернію къ знакомымъ помѣщикамъ.

«Между тѣмъ, устроенный подъ нами подкопъ произвелъ свое дѣйствіе. 31-го марта 1847 года меня отправили въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Шевченко возвращался въ Кіевъ со своей поѣздки въ Черниговскую губернію и едва вступилъ на паромъ, ходившій подъ Кіевомъ по Днѣпру во время разлива отъ одного берега до другаго, вдругъ неожиданно задержалъ его полицейскій чиновникъ. Тарасъ Григорьевичъ, впослѣдствіи, въ видѣ шутки, говорилъ, что съ дѣтства, самъ не зная отъ чего, не любилъ онъ косыхъ и не выносилъ спокойно встрѣчи съ ними, и вотъ, какъ бы въ оправданіе такого предчувствія, арестовавшій его полицейскій чиновникъ былъ косъ. Не знаемъ, оставался ли Шевченко сколько нибудь времени въ Кіевѣ или тотчасъ съ парома былъ повезенъ въ Петербургъ. Но видѣвшіе его на дорогѣ отъ Кіева до Петербурга, куда онъ слѣдовалъ подъ наблюденіемъ полицейскаго чиновника, говорили, что онъ былъ чрезвычайно веселъ, безпрестанно шутилъ, хохоталъ, пѣлъ

пѣсни и такъ вообще держалъ себя, что на одной станціи смотритель, записывая подорожную, въ которой значился чиновникъ съ арестованнымъ лицомъ, замѣтилъ, что трудно узнать по виду, кто изъ ѣдущихъ арестованъ, а кто везетъ арестованнаго. Во все время производства слѣдствія Тарасъ Григорьевичъ былъ неизмѣнно бодръ, казался спокойнымъ и даже веселымъ. Передъ допросомъ какой-то жандармскій офицеръ сказалъ ему: «Богъ милостивъ, Тарасъ Григорьевичъ: вы оправдаетесь, и вотъ тогда-то запоетъ ваша муза». Шевченко отвѣчалъ по малорусски: «Не якій чортъ насъ усѣхъ сюды занѣсъ, коли не ся бѣсова муза!» (Не какой чортъ насъ всѣхъ сюда занесъ, какъ не эта проклятая муза). Послѣ допроса возвращаясь въ свой нумеръ и идя рядомъ со мною, Тарасъ Григорьевичъ произнесъ ко мнѣ по малорусски: «Не журися, Миколо: доведеться ще намъ укупѣ жити» (Не унывай, Николай, еще доведется намъ жить вмѣстѣ). Эти послѣднія слова, слышанныя тогда отъ Шевченка, оказались впослѣдствіи, по отношенію къ намъ обоимъ, пророческими. Чрезъ нѣсколько дней, именно 30-го мая, взглянувши въ окно моего нумера, я увидалъ какъ вывели Шевченка и посадили въ экипажъ: его отправляли для передачи въ военное вѣдомство. Увидя меня, онъ улыбнулся, снялъ картузъ и привѣтливо кланялся. Тарасъ Григорьевичъ былъ отправленъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны рядовымъ, съ воспрещеніемъ писать и рисовать. Онъ, главнымъ образомъ, пострадалъ за свои стихи, ходившіе въ спискахъ по рукамъ и ставшіе извѣстными правительству. Онъ выслушалъ надъ собою приговоръ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, заявилъ, что чувствуетъ себя достойнымъ кары и сознаетъ справедливость высочайшей воли.

«Прошло послѣ того лѣтъ не мало. Съ восшествіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора многое измѣнилось. Я былъ уволенъ отъ обязательнаго пребыванія въ Саратовѣ и въ 1857 году уѣхалъ за границу. По возвращеніи въ отечество, я узналъ, что Шевченко, освобожденный изъ Петровскаго укрѣпленія на берегу Каспійскаго моря, гдѣ находился въ военной службѣ, плылъ на пароходѣ по Волгѣ, останавливался въ Саратовѣ, заѣзжалъ къ моей матери, жившей тогда въ этомъ городѣ, и пробылъ у нея нѣсколько часовъ. Здѣсь онъ передалъ ей обращенное къ моему имени стихотвореніе, написанное имъ во время нахожденія подъ слѣдствіемъ, по тому случаю, что онъ неожиданно увидалъ изъ окна комнаты, въ которой сидѣлъ арестованнымъ, мою мать, проходившую мимо. Вотъ это стихотвореніе, безспорно одно изъ лучшихъ между произведеніями поэта:

Николаю Ивановичу Костомарову.

Весеньнѣ сонечко ховалось
Въ широкихъ хмарахъ весняныхъ.
Гостей зачинсныхъ своихъ
Холоднымъ чаемъ напувалы,
И часовыхъ переминялы,
Сынѣмундприхъ часовыхъ.
И до дверей на ключъ замкнутыхъ
И до рышотки на викни
Привыкъ я трохи, и мени
Не жаль було давно отбутыхъ,
Давно похованыхъ забутыхъ
Моихъ тяжкихъ кровавихъ слйозъ,
А ихъ чимало розлилось
На марне-поле... хочъ бы рута,
А то ничого не зійшло...
И я згадавъ свое село,
Кого я тамъ колы покинувъ?
Й батько й мати въ домовини,
И сердце тяжко запеклось
Що никому мене згадаты...
Дывлюсь, ажъ, брате, твоя маты,
Чорнише чорной земли
Иде, зъ Хреста неначе знята...
Молюся! Господы молюсь!
Хвалыть тебе не перестану!
Що я ни съ кимъ не подилю
Мою тюрму, мои кайданы![1])

1847 г.
Мая 19-го.

«Онъ слѣдовалъ тогда съ намѣреніемъ достигнуть Петербурга, но принужденъ былъ остановиться на неопредѣленное время въ Нижнемъ Новгородѣ до полученія разрѣшенія на право въѣзда въ обѣ столицы, и мнѣ увидѣться съ поэтомъ не довелось ранѣе августа 1858 года.

«Въ это время, живучи въ Петербургѣ и безпрестанно работая въ Публичной библіотекѣ, узналъ я, что Шевченко въ Петербургѣ, живетъ въ академіи художествъ, гдѣ ему дали мастерскую, какъ художнику академіи. И вотъ, однажды, послѣ своего обычнаго купанья въ Невѣ, въ семь часовъ утра, зашелъ я въ академію и нашелъ помѣщеніе Шевченка. Я засталъ его за работою. «Здоровъ бувъ, Тарасе!» крикнулъ я, входя въ комнату. Шевченко, отступивши шага два назадъ, съ недоумѣніемъ окидывалъ меня глазами съ головы до

[1]) Оставляется со всѣми неправильностями въ правописаніи, допущенными въ подлинной рукописи поэта.

ногъ и сказалъ: «Позвольте узнать, кого имѣю честь видѣть?»— Развѣ не узнаёшь?—спрашивалъ я.—«Нѣтъ»,—былъ отвѣтъ.—Не можетъ быть,—упорно продолжалъ я,—приглядись хорошенько, прислушайся къ голосу. Вспомни прошлое: Кіевъ, Петербургъ, Цѣпной мостъ!—Шевченко сталъ оглядывать меня со всѣхъ сторонъ и наконецъ, пожимая плечами, произнесъ: «Нѣтъ, извините, не могу узнать!» Я еще нѣсколько времени побуждалъ его узнать меня, но онъ, переходя отъ холодно-вѣжливаго тона къ дружески-фамиліарному, сталъ просить не мучить его долѣе и назвать себя. Я произнесъ свою фамилію. Тогда Шевченко, неожиданно для меня, разразился плачемъ и дружески обнималъ и лобызалъ меня. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе двухъ недѣль мы видались каждый день, особенно вечерами, въ трактирѣ Старопалкинскомъ, куда я, по условію съ нимъ, приходилъ, окончивши дневныя свои занятія въ Публичной библіотекѣ. Въ одинъ изъ этихъ дней я увидалъ за нашимъ почтеннымъ поэтомъ такую же выходку запорожскаго чудачества, какою показалось мнѣ когда-то его громкое пѣніе пѣсни на улицѣ въ Кіевѣ. Условившись со мною идти къ бухнисту искать рѣдкой книги, онъ явился и шелъ со мною по Невскому проспекту, одѣтый въ бѣлую полуизорванную и сильно испачканную красками блузу, въ худой обуви, въ поношенномъ и истерзанномъ картузѣ на головѣ, такъ что фигура его напоминала казака Голоту въ малорусской думѣ, или спившагося съ круга и выгнаннаго со службы чиновника, обращающагося къ прохожимъ съ восклицаніемъ: пожертвуйте бѣдному дворянину. Что это было своеобразное чудачество, показываетъ то, что ни прежде ни послѣ Шевченко такъ не ходилъ по улицамъ.

«Въ концѣ того же августа 1858 года я уѣхалъ въ Саратовъ, куда былъ приглашенъ въ должность дѣлопроизводителя въ комитетъ по освобожденію крестьянъ, и вернулся въ Петербургъ уже въ маѣ 1859 года. Въ этомъ самомъ мѣсяцѣ Шевченко уѣхалъ въ Малороссію, откуда вернулся уже осенью.

«Весною 1859 года, я получилъ приглашеніе занять каѳедру русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ и былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора въ октябрѣ того же года. Я помѣщался тогда рядомъ съ Публичною библіотекой, въ домѣ Балабина, въ просторной и свѣтлой комнатѣ съ перегородкою для постели: комната эта отдавалась отъ находившагося въ томъ же домѣ трактира. Помѣщеніе мое было не совсѣмъ удобно: за стѣною, отдѣлявшею мою комнату отъ трактирнаго заведенія, безпрестанно раздавались звука органа и чаще всего терзали мой слухъ аріи изъ Риголетто, Трубадура и Травіаты. Но занимаясь каждодневно съ

утра до сумерокъ въ Публичной библіотекѣ и другихъ книгохранилищахъ, я приходилъ въ свое помѣщеніе только къ ночи спать, и боялся тратить драгоцѣнное время на пріисканіе болѣе удобнаго помѣщенія, а потому цѣлый годъ терпѣлъ надоѣдливую музыку. Шевченко посѣщалъ меня по одному, а иногда и по два раза въ недѣлю. Я слышалъ стороною, что во время его послѣдней поѣздки въ Малороссію съ нимъ случилась какая-то непріятность, что къ нему придиралась гдѣ-то полиція, что на него былъ посланъ какой-то доносъ и, вслѣдствіе этого, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Малороссіи ранѣе, чѣмъ бы ему самому хотѣлось. Но сколько я ни пытался узнать объ этомъ отъ него самого, онъ отдѣлывался ничего незначущими фразами, признаваясь, однако, что дѣйствительно были къ нему придирки отъ какого-то становаго пристава, но не имѣли важныхъ послѣдствій. Видя, что онъ на счетъ этого не хочетъ быть со мною откровеннымъ, я не сталъ болѣе допрашиваться, а онъ во всѣ свои посѣщенія самъ не заводилъ объ этомъ рѣчи. Подсмѣиваясь надъ моимъ помѣщеніемъ, онъ говорилъ, что моя квартира истинно гусарская, а ужъ никакъ не профессорская, и въ ней приличнѣе было бы встрѣтить груду опорожненныхъ бутылокъ вмѣсто ученыхъ книгъ и бумагъ. Однажды устроилъ онъ мнѣ, по поводу моей квартиры, такую шутку. Пришедши ко мнѣ вечеромъ и услыхавши отъ меня, что я сильно занятъ приготовленіемъ къ завтрашней лекціи и долженъ буду проработать половину ночи, онъ ушелъ въ трактиръ, засталъ тамъ какихъ-то своихъ знакомыхъ и усѣлся за чай, а половымъ приказалъ завести органъ и играть тѣ именно аріи, которыя, какъ онъ слышалъ отъ меня, мнѣ особенно надоѣли. Часа два съ ряду мучила меня эта музыка, наконецъ не стало терпѣнія: понимая, что это Шевченко нарочно дразнитъ меня, я вбѣжалъ въ трактиръ, и умолялъ его, ради человѣколюбія, перестать терзать меня такою пыткою. «А вольно тебѣ помѣститься въ застѣнкѣ,—сказалъ онъ, — за то и терпи теперь нытки!» Другіе собесѣдники, слышавшіе нашъ разговоръ, приказали половымъ перестать играть, но Шевченко кричалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Валяйте изъ Трубадура, Риголетто и Травіаты, я это очень люблю!»—Съ тѣхъ поръ, однако, онъ не приходилъ ко мнѣ иначе, какъ по моему приглашенію, зная навѣрное, что я буду свободенъ, и тогда, ожидая гостя, для меня любезнаго и дорогаго, я припасалъ бутылку рома къ чаю. Шевченко опорожнивалъ ее въ одинъ присѣстъ и при этомъ говорилъ: «Ты для меня не подавай цѣлой бутылки, а отливай половину и прячь до другаго раза, когда я пріѣду къ тебѣ. А то, сколько бы ты ни подалъ—я все выпью. Поставишь ведро, я и ведро ухлопаю, а поставишь полубутылку—я и тѣмъ до-

воленъ буду». Пьянымъ и въ это время я не видалъ его ни разу, какъ и прежде. Въ разговорахъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ онъ былъ со мною сообщительнѣе, чѣмъ о своихъ прошлыхъ житейскихъ приключеніяхъ; онъ часто и охотно дѣлился своими стихотвореніями, еще не видавшими свѣта, иное произносилъ на-память, другое читалъ по собственноручной рукописи, и самую рукопись, по моему желанію, оставлялъ у меня на время. Между прочимъ показывалъ онъ мнѣ тогда маленькую переплетенную книжечку, въ которой написаны были произведенія того горькаго времени, когда онъ находился въ военной службѣ. Ему тогда запрещено было писать и онъ держалъ эту книжечку не иначе какъ въ сапогѣ на своей ногѣ, и, по собственнымъ словамъ его, если бы у него нашли эту книжечку, то подвергся бы онъ жесточайшей отвѣтственности уже за одно то, что осмѣлился писать, вопреки высочайшему запрещенію, не говоря о томъ, что бо́льшая половина стихотвореній, написанныхъ его рукою въ этой книжечкѣ, была, по содержанію, нецензурнаго свойства. Кромѣ того, въ это время нерѣдко видались мы у покойнаго графа Ѳедора Петровича Толстаго. Какъ покойный графъ, престарѣлый художникъ, такъ и его супруга и все семейство очень ласкали Шевченка и любили его, столько же высоко цѣня его двойной талантъ—художника и поэта, сколько за его прекрасную, чистую душу, просвѣчивавшуюся во всѣхъ его рѣчахъ и поступкахъ.

«Весною 1860 года, перебралась въ Петербургъ моя покойная мать, и мы наняли квартиру въ 9-й линіи Васильевскаго острова. Теперь я сталъ жить недалеко отъ Шевченка, продолжавшаго оставаться въ своей мастерской въ академіи художествъ. Онъ приходилъ ко мнѣ каждую недѣлю по вторникамъ, когда у меня былъ назначенъ одинъ вечеръ въ недѣлю для пріема знакомыхъ, но иногда заходилъ и въ другіе дни. Осенью того же года Тарасъ Григорьевичъ сталъ бывать у меня рѣже. Поводомъ къ этому, какъ оказалось послѣ, было то, что онъ намѣревался жениться и время его поглощалось на ознакомленіе съ избранною особою. Но онъ почему-то отъ меня какъ-будто скрывалъ свое намѣреніе, и я слыхалъ о немъ отъ другихъ, какъ равно услыхалъ, что его планъ жениться—разстроился. Тогда встрѣтилъ я Тараса Григорьевича, давно уже передъ тѣмъ у меня небывавшаго, въ Большомъ театрѣ, на представленіи «Вильгельма Теля», а онъ—замѣчу мимоходомъ—чрезвычайно любилъ эту оперу и приходилъ въ дѣтскій восторгъ отъ пѣнія Тамберлика и де-Бассини, имѣя привычку при этомъ восклицать по малорусски: «Матерѣ его сто копанокъ чортѣвъ, якъ-же славно!» (Чортъ побери, какъ хорошо!).—Чи ты, Тарасе, справдѣ женишься?—

спросилъ я его.—«Мабуть (вѣрно) оженюсь тогдѣ якъ и ты!» — отвѣчалъ Шевченко. Съ того вечера опять сталъ Тарасъ Григорьевичъ навѣщать меня, но о своихъ романическихъ похожденіяхъ не говорилъ ни слова. Въ концѣ декабря 1860, а можетъ быть, въ январѣ 1861 года (навѣрное не припомню), Шевченко явился ко мнѣ во вторникъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ Якушкинымъ, извѣстнымъ собирателемъ народныхъ великорусскихъ пѣсенъ. Оба были пьяны до безобразія, особенно Якушкинъ; Шевченко все-таки держалъ себя приличнѣе. Отведя его въ сторону, я ему замѣтилъ, указавши на многихъ гостей у меня, что о немъ будутъ распространяться дурные слухи. Это былъ, однако, первый и послѣдній разъ, когда я увидалъ Шевченка положительно пьянымъ. Кто знаетъ, можетъ быть, причину тому надобно искать въ той сердечной трагедіи, которая съ нимъ недавно передъ тѣмъ разыгралась и которой касаться я не считаю себя въ правѣ, такъ какъ знаю о ней мало и то по неяснымъ слухамъ, но самъ онъ до конца своей жизни мнѣ о томъ не говорилъ ничего. Какъ бы то ни было, видѣвши Шевченка пьянымъ только одинъ разъ, но видѣвши его много разъ пьющимъ; я остаюсь при томъ убѣжденіи, что слухи о его порочной преданности пьянству произошли отъ его многопитія, невредившаго, однако, его духовнымъ силамъ, и во всякомъ случаѣ неправы тѣ, которые, благоговѣвши при жизни поэта предъ его музою чуть не до идолопоклонства, послѣ смерти Шевченка стали презрительно называть эту музу пьяною.

«Не могу теперь припомнить: былъ ли еще хоть разъ у меня Тарасъ Григорьевичъ послѣ прихода его ко мнѣ съ Якушкинымъ, или то было послѣднее его посѣщеніе. Несомнѣнно помню, что скоро послѣ того онъ заболѣлъ или, правильнѣе сказать, усилилась и приняла острый характеръ болѣзнь, которая уже прежде подрывала его здоровье. Въ февралѣ 1861 года я отправился къ нему узнать о состояніи его здоровья. Онъ сидѣлъ за столомъ, кругомъ его были неоконченныя работы. Онъ сказалъ, что его здоровье значительно поправляется и на будущей недѣлѣ онъ непремѣнно придетъ ко мнѣ. Между прочимъ, тогда показалъ онъ мнѣ золотые часы, недавно имъ купленные. То были первые часы, которые готовился онъ носить: до тѣхъ поръ скудость средствъ не дозволяла ему думать о такой роскоши. Тарасъ Григорьевичъ относился къ этимъ часамъ съ какимъ-то дѣтскимъ удовольствіемъ. Я простился съ нимъ, взявши съ него обѣщаніе придти ко мнѣ на будущей недѣлѣ, а если не будетъ въ силахъ, то увѣдомить меня, и я самъ приду къ нему. Это было въ пятницу. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье его не стало. Обстоятельства его кончины и погребенія подробно были разсказаны въ «Ос-

новѣ» въ оное время. Мой взглядъ на Шевченка какъ на поэта былъ уже выраженъ отчасти въ «Основѣ», отчасти же въ книгѣ Гербеля «Поэзія славянъ».

«Въ заключеніе сообщу слѣдующее и при томъ такое, что для большинства почитателей памяти поэта остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. Уже послѣ его кончины сообщены были мнѣ его сочиненія, собственноручно писанныя по русски. Изъ нихъ можно видѣть, что Тарасъ Григорьевичъ никакъ не можетъ подвергаться подозрѣніямъ въ крайней исключительности, доводящей любовь къ своей мѣстной родинѣ до нерасположенія къ остальному русскому отечеству, а въ этомъ, какъ извѣстно, обвиняли писавшихъ народною рѣчью малодумающіе ревнители общерусскаго единства. Тарасъ Григорьевичъ любилъ русскій языкъ, самъ, какъ оказывается, писалъ на немъ и желалъ печатать написанное, но не рѣшался на это по скромности, не надѣясь на достаточное знаніе русскаго языка и на достаточность собственнаго образованія, такъ какъ судьба для него съ колыбели до гроба была злою, жестокою мачихою и всю жизнь постоянно то тѣмъ, то другимъ ставила его въ невозможность расширить умственный свой горизонтъ, сообразно его блестящимъ способностямъ. Въ числѣ оставшихся послѣ него русскихъ сочиненій, есть нѣсколько разсказовъ или повѣстей съ тѣмъ самымъ содержаніемъ, которое встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ его малорусскихъ стихотвореніяхъ большаго размѣра, вошедшихъ въ собраніе сочиненій Шевченка, изданное подъ названіемъ «Кобзарь». Вниманіе читавшихъ «Кобзарь», конечно, останавливалось на прекрасной поэмѣ «Наймичка», гдѣ изображается мать, которая, подбросивъ богатымъ хозяевамъ своего ребенка, потомъ нанимается у этихъ хозяевъ работницею, сходится съ ними и сживается до того, что уже какъ будто сама принадлежитъ къ ихъ семьѣ, съ нѣжнѣйшею материнскою любовью заботится о своемъ сынѣ, живущемъ у хозяевъ въ качествѣ ихъ собственнаго роднаго сына, оставляя его въ полномъ невѣдѣніи относительно себя, и открываетъ ему тайну только предъ своею смертію. Между русскими писаніями Шевченка мы встрѣтили разсказъ того же содержанія, съ нѣкоторыми, однако, частностями, которыхъ нѣтъ въ малорусскомъ произведеніи, и съ превосходно изображенными чертами народнаго быта и жизни. Повѣсть эта такъ хорошо написана, что если бы напечатана была до появленія въ свѣтъ ея малорусской стихотворной редакціи, то была бы привѣтствована публикою какъ выходящее изъ ряду явленіе. Точно также видѣли мы въ бумагахъ покойнаго поэта двѣ повѣсти: «Княгиня» и «Варнакъ», такого же содержанія, какъ и стихотворенія, напечатанныя по мало-

русски въ «Кобзарѣ» подъ тѣми же названіями. Видно, Шевченко иногда на одну тему писалъ и по малорусски стихами, и по русски прозою. Затѣмъ, въ бумагахъ его оказались: 1) Близнецы—разсказъ изъ быта малорусскихъ помѣщиковъ средней руки послѣдней половины XVIII вѣка, гдѣ между прочимъ замѣчательно живо и интересно, кромѣ другихъ чертъ мѣстной жизни, представлены пріемы воспитанія. 2) Музыкантъ, гдѣ изображена судьба крѣпостнаго человѣка у знатнаго малороссійскаго барина: этотъ человѣкъ съ необыкновенными способностями къ музыкѣ, но терпитъ отъ путъ крѣпостной зависимости до того, что изъ Петербурга въ Малороссію препровождается, по требованію новаго господина, по этапу; однако, при помощи добродѣтельнаго нѣмца Антона Карловича получаетъ, за деньги, отъ помѣщика свободу и женится на благородной дѣвицѣ, живущей у его благодѣтеля. 3) Художникъ, гдѣ представленъ другой крѣпостной человѣкъ иной профессіи, чѣмъ прежній—живописецъ, отданный мальчикомъ въ маляры, спасенный благодѣтельнымъ художникомъ и выкупленный на волю при посредствѣ знаменитаго Брюллова. Очевидно, поэтъ, приступая къ написанію повѣсти, имѣлъ въ виду собственную судьбу, такъ какъ все вначалѣ разсказываемое въ повѣсти находится въ автобіографіи Шевченка и относится къ его собственной личности. Но этимъ только ограничивается сходство повѣсти съ автобіографіею. Далѣе въ повѣсти съ художникомъ происходятъ иныя событія: онъ случайно сходится съ рѣзвою дѣвушкою, сначала шутитъ съ нею, потомъ влюбляется и женится, тогда какъ она уже беременна отъ какого-то мичмана; наконецъ, умираетъ въ домѣ умалишенныхъ. Изъ этого видно, что Шевченка постоянно занимали воспоминанія о своей собственной прошедшей судьбѣ и онъ не разъ, то такъ, то иначе, обращался къ нимъ и принаровлялъ ихъ къ разнымъ вымышленнымъ героямъ своихъ повѣстей въ разныхъ видахъ. 4) Несчастный—повѣсть, написанная авторомъ во время его пребыванія въ ссылкѣ, послѣ встрѣчи съ загадочнымъ человѣкомъ. Вдовецъ, провинціальный помѣщикъ, пріѣхавши въ Петербургъ, женился на особѣ сомнительнаго свойства и скоро послѣ того умеръ, убившись на охотѣ. Вдова—искусная лицемѣрка, сдѣлавшись полною госпожою, всю задачу своей жизни поставляетъ въ томъ, чтобы, для пользы своего сына, оттереть дѣтей своего мужа отъ перваго брака. Изъ нихъ сынокъ ослѣпъ въ дѣтствѣ, а дѣвочку мачиха везетъ въ Петербургъ, распуская слухъ, что намѣрена помѣстить ее въ институтѣ, а на самомъ дѣлѣ помѣщаетъ сироту у своей давней пріятельницы-нѣмки, которая держитъ швейное заведеніе, беретъ дѣвочекъ для обученія ремеслу, а на самомъ дѣлѣ для другихъ, болѣе непозво-

лительныхъ цѣлей. Черезъ нѣсколько времени эта госпожа пріѣзжаетъ въ Петербургъ снова съ своимъ сыномъ, чтобы докончить его воспитаніе, полученное въ деревнѣ отъ крѣпостныхъ наставниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ падчерицы. Сынъ, избалованный матерью шалопай, дѣлается вполнѣ развратнымъ негодяемъ, обкрадываетъ и оскорбляетъ мать, и раздражаетъ ее до того, что она, при посредствѣ правительства, засылаетъ его, ради исправленія, въ Орскую крѣпость, гдѣ авторъ и увидалъ его, и гдѣ этотъ потерянный юноша играетъ роль жалкаго шута между солдатами, и сталъ извѣстенъ тамъ всѣмъ подъ именемъ несчастнаго. Но и злую мать постигаетъ заслуженная кара. Нѣмка, у которой мачиха помѣстила свою падчерицу подъ вымышленнымъ именемъ своей крѣпостной Акульки, принимаетъ отъ госпожи посулъ и порученіе выдать мнимую Акульку за какого нибудь посѣтителя веселаго дома, который бы соблазнился нѣкоторымъ приданымъ; но нѣмка сочла за лучшее открыть падчерицѣ и ея жениху всю подноготную и побудить ихъ преслѣдовать закономъ злодѣйку-мачиху. Дѣло кончается тѣмъ, что падчерица вступаетъ во всѣ права своего состоянія, похищенныя у ней обманомъ, а мачиху ссылаютъ въ монастырь на покаяніе. Художественная выдержка характеровъ, трогательныя, глубоко-потрясающія душу читателя сцены, чрезвычайно занимательное изложеніе—все это дало бы этой повѣсти почетное мѣсто между лучшими произведеніями нашихъ беллетристовъ, еслибъ она была напечатана. 5) Повѣсть о бѣдномъ Петрусѣ переноситъ читателя въ ту эпоху, когда казацкіе старшины, преобразованные въ русскіе чины и получившіе вмѣстѣ съ ними потомственное дворянское достоинство, совершали крайнія самоуправства, пользуясь крайнею продажностью и мелкодушіемъ судей. Къ сожалѣнію, авторъ наложилъ безъ-удержу слишкомъ много густыхъ черезчуръ красокъ, что вредитъ силѣ впечатлѣнія, производимаго на читателя, и строгой исторической вѣрности. 6) Капитанша. Содержаніе этого разсказа таково: еще во время пребыванія русскихъ войскъ во Франціи (1814—1815 гг.), офицеръ увезъ оттуда въ Россію дѣвушку, держалъ по мужски какъ деньщика, а когда она сдѣлалась беременною, уѣхалъ, оставя ее на попеченіи барабанщика. Француженка умерла, а новорожденную ея дочь держалъ у себя одинокій барабанщикъ до 16-ти лѣтъ, когда въ городѣ Муромѣ капитанъ-женолюбецъ насильно увезъ ее, но она отъ него убѣжала, очутилась, какъ бродяга, въ тюрьмѣ и была тамъ отыскана барабанщикомъ съ рожденною ею отъ капитана дочерью. Барабанщикъ женился на невинной жертвѣ гнуснаго насилія, пріютился близъ Глухова, содержалъ тамъ корчму, а вырос-

шая дочь жены его вышла за мѣстнаго помѣщика, пріятеля автора. Замѣчательно, что какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ другихъ, и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ произведеніяхъ, авторъ избираетъ для сюжета судьбу простолюдинки, соблазненной или изнасилованной развратникомъ изъ высшаго класса. Тема эта, какъ видно, почти такъ же занимала Шевченка, какъ и судьба человѣка, выбивающагося съ большими затрудненіями изъ-подъ крѣпостнаго гнета. Послѣднее для насъ объясняется близостію къ судьбѣ самого автора. Не было ли въ жизни автора, или въ близкомъ къ нему кругу, чего нибудь такого, что въ равной степени сдѣлало близкою къ его сердцу судьбу простонародныхъ жертвъ барскаго сластолюбія, или же это только плодъ его постоянной скорби объ униженіи человѣка—не знаемъ.

«Въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ, писанныхъ по русски, Шевченко впадаетъ въ мелодраматичность, а нерѣдко и въ растянутость. Редакція русскихъ сочиненій Шевченка въ томъ видѣ, какъ они оставлены, сильно страдаетъ небрежностью. Попадаются то недомолвки, то излишнія повторенія, то явные анахронизмы, вообще такія ошибки, которыя несомнѣнно были бы самимъ авторомъ исправлены, еслибъ онъ приготовлялъ эти сочиненія уже къ изданію. Теперь—они болѣе наброски, чѣмъ оконченныя сочиненія, и въ настоящемъ видѣ похожи на драгоцѣнные камни въ уродливой оправѣ. Среди всѣхъ недостатковъ и недодѣлокъ, въ нихъ, однако, повсюду свѣтятся признаки громаднаго дарованія автора: вѣрность характеровъ, глубина и благородство мыслей и чувствъ, живость описанія и богатая образность—послѣднему качеству, какъ видно, способствовало и то, что авторъ былъ живописецъ по профессіи.

«Истинно уважающій васъ и глубоко преданный

Н. Костомаровъ.

9-го декабря 1879 г.

ПО ПОВОДУ 500-го ПРЕДСТАВЛЕНІЯ „ЖИЗНИ ЗА ЦАРЯ“

27-го ноября 1879 г.

Воспоминанія А. Я. Петровой, рожденной Воробьевой.

500-е представленіе «Жизни за Царя»,—какъ ни скромно отпраздновано оно было 27-го ноября 1879 года,—событіе, тѣмъ не менѣе, вполнѣ историческое, и мы съ величайшимъ удовольствіемъ присоединяемъ нынѣ ко множеству драгоцѣнныхъ матеріаловъ для біографіи великаго генія отечественной музыки М. И. Глинки—напечатанныхъ на страницахъ «Русской Старины»—еще новый матеріалъ: это весьма интересныя, хотя, къ сожалѣнію, очень краткія, Воспоминанія А. Я. Петровой-Воробьевой, супруги незабвеннаго О. А. Петрова, о первыхъ представленіяхъ «Жизни за Царя». Воспоминанія эти написаны знаменитою артисткою, именно по случаю юбилейнаго представленія, для Л. И. Шестаковой, рожд. Глинки, сестры Михаила Ивановича,—столь неутомимо, съ энергіею заслуживающею глубокаго уваженія—сдѣлавшей все, что только служитъ къ сохраненію музыкальныхъ твореній, его славы, а слѣдовательно своего брата, и славы русскаго искусства. Ред.

«Воспоминаніямъ» своимъ А. Я. Петрова-Воробьева предпосылаетъ слѣдующее письмо къ Людмилѣ Ивановнѣ:

«Многоуважаемая Людмила Ивановна! Доживъ до великаго дня, когда опера вашего брата исполнится въ 500-й разъ, я невольно перенеслась мыслію за 43 года назадъ, къ первому представленію «Жизни за Царя». Вспомни-

лись мнѣ и общіе наши съ авторомъ труды, и все прожитое нами славное время. Грустно мнѣ, что Оспну Афанасьевичу не довелось дожить до этого дня, чтобы привѣтствовать васъ вмѣстѣ со мною! Вы не разъ выражали желаніе узнать отъ меня подробности о томъ, какъ я познакомилась съ Михаиломъ Ивановичемъ, и о первомъ представленіи его оперы.

«Позвольте же мнѣ, въ этотъ знаменательный для всѣхъ насъ день, подѣлиться съ вами дорогими для меня воспоминаніями. Примите ихъ какъ посильную дань памяти вашего геніальнаго брата и какъ выраженіе глубокаго къ вамъ уваженія искренно преданной вамъ А. Петровой-Воробьевой. 27 ноября 1879 г.».

Въ 1836 году, во время Великаго поста, прошелъ слухъ въ нашемъ закулисномъ мірѣ, что появился русскій композиторъ Глинка, написавшій большую оперу на сюжетъ „Иванъ Сусанинъ“. Это, конечно, всѣхъ насъ заинтересовало. Потомъ слухи замолкли. Вдругъ, въ какомъ-то концертѣ, наша примадонна Степанова объявляетъ мнѣ, что она на-дняхъ познакомилась съ новымъ композиторомъ Глинкой, который завтра къ ней пріѣдетъ, чтобы показать арію изъ его новой оперы, что Глинка очень желаетъ познакомиться со мной, спрашивалъ мой адресъ и просилъ узнать, когда я могу его принять. Вмѣстѣ съ тѣмъ она спросила, не будетъ ли для меня удобнѣе пріѣхать завтра вечеромъ къ ней и тамъ познакомиться съ Глинкой. Я очень обрадовалась ея предложенію, потому что получала въ то время 1,200 рублей ассигнаціями (около 350 р. сер.) и для меня было бы очень стѣснительно принять у себя незнакомаго композитора при моей болѣе чѣмъ скромной обстановкѣ. На другой день ѣду къ Степановой, жду чего-то необыкновеннаго, думаю встрѣтить что-то гордое, величественное; воображеніе-то у меня очень разыгралось. Вхожу, и вижу господина очень маленькаго, худенькаго, черненькаго; лицо блѣдное, волосы темные, прямые; сѣрые маленькіе глазки, только въ нихъ мелькаютъ искорки. Я такъ и опѣшила: такая противоположность съ тѣмъ, чего я ожидала, совсѣмъ меня озадачила, и я едва овладѣла собой, чтобы скрыть мое изумленіе.

Послѣ обычныхъ представленій, Глинка сѣлъ за рояль и пропѣлъ романсъ Антониды „Не о томъ скорблю, подруженьки“ и этимъ съ перваго раза совсѣмъ меня покорилъ. Голосъ у него былъ небольшой, довольно пріятный, много было чувства и умѣнья; владѣлъ онъ голосомъ чудесно, и я тутъ-же подумала: какимъ бы онъ могъ быть безподобнымъ учителемъ. Послѣ романса онъ попросилъ Степанову просмотрѣть съ нимъ начало первой аріи; оно мнѣ показалось очень ново, оригинально и совсѣмъ въ русскомъ духѣ. Послѣ аріи Глинка обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— „М-lle Воробьева, я долженъ вамъ признаться, что я врагъ италіан-

ской музыки; я слышу въ ней на каждомъ шагу фальшь; и потому, по пріѣздѣ въ Петербургъ, я ни разу не былъ въ русской оперѣ, хотя знаю, что вы недавно поставили „Семирамиду“ съ большимъ успѣхомъ. Я ото всѣхъ слышу, что у васъ настоящій контральтъ и что у васъ бездна чувства. Въ виду этого—пѣсенку изъ моей оперы, которую я принесъ, я попрошу васъ пѣть безъ всякаго чувства“.

Это меня нѣсколько изумило, и я сказала ему: „Михаилъ Ивановичъ, я бы очень хотѣла исполнить ваше желаніе, но я на сценѣ привыкла давать себѣ ясный отчетъ—почему я пою какую нибудь вещь такъ, а не иначе; и потому прошу объяснить мнѣ, чѣмъ вызывается въ Ванѣ такая безучастность въ этой пѣсенкѣ?“

Онъ мнѣ на это сказалъ: „Я это объясню вамъ, Анна Яковлевна, тѣмъ, что Ваня—сиротка, живущій у Сусанина, сидитъ въ избѣ одинъ, за какою нибудь легкою работой, и напѣваетъ про себя пѣсенку, не придавая никакого значенія словамъ, а обращая болѣе вниманія на свою работу“.

Этого было для меня довольно. Я пропѣла пѣсню и Глинка сказалъ: „пойдетъ прекрасно“; но я не была довольна, и дала ему слово, что хотя мнѣ это и трудно, но къ будущему свиданію я добьюсь того, чего онъ хочетъ (и добилась!). Послѣ Глинка спросилъ меня: какимъ діапазономъ я владѣю на сценѣ совершенно свободно? Я говорю: двумя октавами отъ sol до sol.

—„А можете взять и выше и ниже?“

— Да, вверхъ la, а внизъ fa, но только какъ ноты проходящія.

Видно было, что молодой композиторъ какъ-бы ощупывалъ мои средства. Послѣ этого разговора мы разстались. Я потому описала такъ подробно мой первый разговоръ съ Глинкой, что если когда нибудь какой нибудь будущій «Ваня» прочтетъ эти строки, то будетъ знать, чего хотѣлъ Глинка отъ этой пѣсенки; главное—онъ хотѣлъ натуры и простоты, но отнюдь не италіанской мелодрамы.

Не помню, какимъ образомъ и черезъ кого было предложено театральной дирекціи принять оперу „Жизнь за Царя“. Въ первое время дирекція рѣшительно отказалась ставить оперу, ссылаясь на то, что постановка будетъ дорого стоить, а дирекція и безъ того много потратилась на постановку „Баядерки“, „Семирамиды“ и еще не помню чего. Но когда со всѣхъ сторонъ стали хвалить оперу, и многія изъ вліятельныхъ лицъ приняли въ этомъ участіе, то директоръ театровъ, А. М. Гедеоновъ, велѣлъ доставить оперу къ нашему учителю и дирижеру К. А. Кавосу, для просмотра. Между тѣмъ, нашлись недобрые люди, которые увѣрили Глинку, что его оперу не примутъ, потому что Кавосъ будетъ противъ него интриговать, тѣмъ болѣе, что есть опера „Иванъ Сусанинъ“, сочиненная тѣмъ же Кавосомъ. Глинка, не

зная что́ за человѣкъ Кавосъ, вѣрилъ этимъ сплетнямъ. Наконецъ, просмотрѣвъ и оцѣнивъ достоинства новой оперы, Кавосъ явился къ директору Гедеонову и сказалъ, что „Жизнь за Царя“ имѣетъ несомнѣнныя достоинства какъ въ музыкальномъ, такъ и въ драматическомъ отношеніи, и что ее слѣдуетъ принять и немедленно заняться постановкой. Директоръ и удивился и разсердился: онъ никакъ не ожидалъ, со стороны Кавоса, такого отзыва. Ставить оперу онъ все-таки отказался, говоря, что на постановку денегъ нѣтъ; а Кавосъ увѣрялъ, что какъ бы постановка дорого ни стоила, она не только скоро окупится, но даже долго будетъ давать большіе сборы. Долго они спорили; ни одинъ не уступалъ, а надо замѣтить, что Кавосъ умѣлъ спорить чрезвычайно деликатно, но и очень настойчиво. Наконецъ, директоръ, выйдя изъ терпѣнія, сказалъ:

— „Да что вы такъ хлопочете объ этой оперѣ, вѣдь у насъ есть ваша опера на тотъ же сюжетъ!“

На это благородный старикъ Кавосъ заявилъ, что, если поставятъ „Жизнь за Царя“, онъ свою оперу давать не позволитъ.

Наконецъ, директоръ уступилъ и вслѣдъ за этимъ начались переговоры съ авторомъ, который отдавалъ свой трудъ безъ всякаго вознагражденія, и опера была принята. Кавосъ же сдержалъ свое слово: пока онъ былъ живъ, его собственная опера сошла съ репертуара. Зналъ-ли Глинка этотъ честный поступокъ Кавоса, мнѣ неизвѣстно [1]), но знаю только то, что не будь Кавосъ такимъ честнымъ и безпристрастнымъ человѣкомъ, не люби онъ такъ горячо русскую оперу, долго-бы пришлось нашей публикѣ ждать постановки „Жизни за Царя“; а если она ее услышала въ 1836 году, то обязана этимъ одному Кавосу.

Весной начали расписывать наши партіи. Между тѣмъ мы, будущіе исполнители новой оперы, ближе познакомились съ Глинкой; онъ приносилъ кому нибудь изъ насъ то одинъ №, то другой, и мы исподоволь разучивали наши роли подъ его руководствомъ.

Онъ чрезвычайно ясно и кратко объяснялъ, чего бы онъ желалъ отъ исполнителей; говорить онъ былъ большой мастеръ и иногда въ двухъ—трехъ словахъ выразитъ, что́ онъ хочетъ, а мы, какъ народъ бывалый на сценѣ, ловили на-лету его замѣчанія; вообще говоря, Глинка въ то время былъ артистами очень доволенъ. Новую оперу дирекція хотѣла поставить для открытія Большаго театра, который тогда передѣлывался.

---

[1]) См. Записки М. И. Глинки въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ II, стр. 305—306, и въ отд. изданіи Записокъ Глинки стр. 87.

Ред.

Въ сентябрѣ Глинка познакомилъ насъ, т. е. Степанову, Леонова, Петрова (впослѣдствіи моего мужа) и меня со своею молодою женой и съ его родными.

У него въ домѣ мы иногда спѣвались, т. е. пѣли тріо, дуэты и квартетъ; дѣлалось это семейнымъ образомъ, потому что въ театрѣ репетиціи еще не начинались, а разучивались только хоры и вывѣрялся оркестръ. Я живо помню первую оркестровую репетицію: увертюру и первые №№ оперы музыканты играли и слушали музыку очень внимательно; но когда стали играть хоръ гребцовъ, въ которомъ оркестровка струнныхъ инструментовъ такъ натурально изображаетъ игру нѣсколькихъ балалаекъ, то музыканты пришли въ неописанный восторгъ, что̀ и выразили автору единодушными аплодисментами; краковякъ произвелъ тоже сильное впечатлѣніе.

Въ половинѣ октября начались уже въ Большомъ театрѣ общія спѣвки, а потомъ репетиціи съ оркестромъ, прежде въ залѣ, а потомъ на сценѣ. Не могу умолчать о впечатлѣніи, произведенномъ на меня первымъ хоромъ въ интродукціи, когда на сцену выходятъ женщины; меня страшно поразила реальность этого хора: во время спокойнаго напѣва мужскихъ голосовъ, кучка бабъ тараторятъ, какъ трещетки. Послѣ италіанской музыки это было такъ ново и натурально, что у меня, отъ восторга, даже захватило духъ.

Не знаю, по какой причинѣ открытіе Большаго театра было назначено непремѣнно 27-го ноября. Репетиціи у насъ шли очень усердно, а внутренняя отдѣлка театра была еще не готова, и мы дѣлали репетиціи на сценѣ съ двойнымъ акомпаниментомъ: внизу играетъ оркестръ, а во всѣхъ ложахъ обойщики стучатъ молотками, обивая бархатомъ ложи и навѣшивая драпри. На одной изъ репетицій съ оркестромъ на сценѣ, нашъ теноръ Леоновъ прислалъ записку, что по нездоровью онъ не можетъ быть на репетиціи; Михаилъ Ивановичъ былъ тутъ же на сценѣ и, узнавъ въ чемъ дѣло, говоритъ: „ну, ничего, я за него спою“. Начали репетицію, а Глинка похаживаетъ по сценѣ да руки потираетъ; наконецъ наступаетъ выходъ Сабинина. Глинка очень храбро подходитъ къ рампѣ, открываетъ ротъ, чтобы пропѣть первую фразу: „Радость безмѣрная“, но, произнеся слогъ ра.... остановился; оркестръ тоже замолчалъ; всѣ смотрятъ на него съ недоумѣніемъ. Мы говоримъ ему: „Михаилъ Ивановичъ, что-же вы? продолжайте“.

А онъ сконфуженно отвѣчаетъ: „не могу, оробѣлъ“.

Мы всѣ стали его успоканвать, а онъ повторяетъ: „не могу... посмотрите и руки похолодѣли, и сердце бьется... Ахъ, чортъ возьми, я и не ожидалъ, чтобы такъ страшно было пѣть на этихъ доскахъ“. Репетицію стали продолжать безъ него, мы-же много этому смѣялись, и впослѣдствіи иногда напоминали ему неудачный дебютъ. Онъ и самъ этому смѣялся.

Наконецъ, настало первое представленіе. Какъ прошла первый разъ опера и какой имѣла успѣхъ—ни одинъ изъ участвовавшихъ не могъ

въ тотъ день дать яснаго отчета. Всѣ мы взволнованы, всѣ робѣемъ и за себя и за оперу, всѣ какъ въ туманѣ... слышимъ, что кому-то и за что-то аплодируютъ, кого-то публика вызываетъ, и по окончаніи спектакля всѣ какъ во снѣ; только послѣ втораго представленія мы поняли, что опера имѣла блестящій успѣхъ. Публикѣ особенно нравились въ 1-мъ актѣ хоръ съ балалайками и тріо: „Не томи, родимый". 2-й актъ былъ принятъ холодно, не смотря на чудесную музыку (кромѣ pas de quatre) и безподобную оркестровку. Публика того времени если смотрѣла танцы, то ужъ на музыку не обращала вниманія, танцы же поставлены были отвратительно. Балетмейстеромъ тогда былъ Титюсъ, человѣкъ страшно самонадѣянный и совершенно бездарный. Впослѣдствіи pas de quatre было выпущено, а польскій, краковякъ и мазурка были вновь поставлены нашими артистами—Гольцемъ и Дидье; съ тѣхъ поръ публика и танцы полюбила, да и музыку, что называется—раскусила.

Въ 3-мъ актѣ пѣсня Вани, дуэтъ, квартетъ и вся сцена съ поляками произвели совершенный фуроръ. 4-й актъ тоже очень нравился публикѣ, т. е. анданте „Ты взойдешь, моя заря" и конецъ во время бури; но чудесные речитативы Сусанина не были поняты. Ужъ слишкомъ это шло въ разрѣзъ съ италіанщиной; многіе находили ихъ скучными. Много прошло времени, пока наша публика поняла и оцѣнила всѣ красоты этихъ речитативовъ. Эпилогъ произвелъ положительный фуроръ, какъ арія Вани: „Ахъ не мнѣ, бѣдному сиротинушкѣ", такъ и финалъ „Славься". Стало быть, въ общемъ итогѣ, опера имѣла громадный успѣхъ. Послѣ пяти или шести представленій, авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя сокращенія, т. е. выпущенъ былъ одинъ № танцевъ, дуэтъ Сабинина съ Антонидой и арія теноровая въ послѣднемъ актѣ. Сокращенія Глинка дѣлалъ не по совѣтамъ любителей и пѣвцовъ-меломановъ, но по совѣту Кавоса, какъ человѣка опытнаго и прекрасно знающаго сцену. Съ тѣхъ поръ опера „Жизнь за Царя" идетъ въ такомъ видѣ и до настоящаго времени.

Въ 1837 г., въ концѣ лѣта, я вышла замужъ за Осипа Афанасьевича Петрова.—16-го августа, для открытія спектаклей, была назначена опера „Жизнь за Царя", и я въ ней явилась передъ публикой подъ новою фамиліей: Петрова-Воробьева. Я почему-то страшно робѣла, но публика приняла молодыхъ супруговъ, просто—восторженно. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Осипа Афанасьевича очень озабочивала мысль, что̀ ему дать въ бенефисъ, назначенный 18-го октября. Лѣтомъ, за свадебными хлопотами, онъ совсѣмъ забылъ объ этомъ днѣ.

Въ тѣ времена ассюрированныхъ бенефисовъ не было, а каждый артистъ долженъ былъ самъ заботиться о составленіи спектакля; если же онъ ничего новаго не придумаетъ, а стараго дать не захочетъ, то рисковалъ и совсѣмъ лишиться бенефиса (что я на себѣ однажды испытала),—таковы

были тогда правила. 18-е октября не за горами, надо на что нибудь рѣшиться. Толкуя такимъ образомъ, мы пришли къ мысли: не согласится-ли Глинка прибавить къ своей оперѣ еще одну сцену для Вани. Въ 3-мъ актѣ Сусанинъ посылаетъ Ваню на барскій дворъ, такъ нельзя-ли будетъ прибавить, какъ Ваня прибѣгаетъ туда? Мужъ сейчасъ-же отправился къ Нестору Васильевичу Кукольнику разсказать о нашей идеѣ. Кукольникъ выслушалъ очень внимательно, да и говоритъ: „приходи, братецъ, вечеркомъ; Миша у меня сегодня будетъ и мы потолкуемъ“.

Въ 8-мъ часу вечера Осипъ Афанасьевичъ отправился туда. Входитъ видитъ, что Глинка сидитъ за роялемъ и что-то напѣваетъ, а Кукольникъ расхаживаетъ по комнатѣ и что-то бормочетъ. Оказывается, что у Кукольника уже сдѣланъ планъ новой сцены, слова почти готовы, а у Глинки разыгрывается фантазія. Оба они съ удовольствіемъ ухватились за эту идею и обнадежили Осипа Афанасьевича, что къ 18-му октября сцена будетъ готова. На другой день, часовъ въ 9 утра, раздается сильный звонокъ; я еще не вставала; ну,—думаю,—кто это такъ рано пришелъ? Вдругъ кто-то стучитъ въ дверь моей комнаты, и слышу голосъ Глинки:

— „Барынька, вставайте скорѣй, я новую арію принесъ!“

Въ десять минутъ я была готова. Выхожу, а Глинка ужъ сидитъ за роялемъ и показываетъ Осипу Афанасьевичу новую сцену. Можно вообразить мое удивленіе, когда я услыхала ее и убѣдилась, что сцена почти совсѣмъ готова, т. е. всѣ речитативы, анданте и аллегро. Я просто остолбенѣла. Когда успѣлъ онъ ее написать? Вчера только о ней и рѣчь-то зашла! Ну, Михаилъ Ивановичъ,—говорю я,—да вы просто колдунъ. А онъ только самодовольно улыбается, да говоритъ мнѣ:

— „Я, барыня, принесъ вамъ черновую, чтобы вы попробовали по голосу-ли и ловко-ли написано“.

Я пропѣла и нашла, что ловко и по голосу. Послѣ этого онъ уѣхалъ, но далъ обѣщаніе скоро прислать арію, а къ началу октября оркестровать сцену.

18-го октября, въ бенефисъ Осипа Афанасьевича, шла опера „Жизнь за Царя“ съ добавочною сценой, которая имѣла громадный успѣхъ; много вызывали автора и исполнительницу. Съ тѣхъ поръ, эта добавочная сцена вошла въ составъ оперы и въ такомъ видѣ она исполняется до настоящаго времени.

А. Я. Петрова, рожденная Воробьева.

27-го ноября
1879 г.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Помѣщаемъ одно изъ множества писемъ добросердечнаго, всегда бывшаго готовымъ на помощь ближнему, В. А. Жуковскаго: это ходатайство за одного бѣдняка живописца. Письмо, кажется, относится къ 1838 или 1839 г. Ред.

«Здѣсь есть живописецъ Фридрихъ, котораго картины Вамъ извѣстны, между прочимъ двѣ большія (лунная ночь и туманъ на горахъ) въ Александріи. Этотъ бѣднякъ уже года четыре какъ въ параличѣ, писать не можетъ и терпитъ бѣдность. Государь былъ у него въ 1820 г.; тогда онъ сказалъ ему: «Фридрихъ, если будешь въ нуждѣ, дай мнѣ знать, я тебѣ помогу». Фридрихъ хотѣлъ воспользовать(ся) этимъ теперь, когда въ самомъ дѣлѣ нужда настала; онъ отдалъ Люцероде какіе то рисунки для доставленія Государю и для приведенія Его Величеству на память давнишняго обѣщанія. Люцероде кому то послалъ рисунки, но кому именно, забылъ; къ Государю же они не доходили, иначе Фридрихъ получилъ бы желаемую помощь. Жалѣю, что я объ этомъ узналъ только теперь; Фридрихъ самый добрый и достойный человѣкъ; онъ по несчастію пережилъ свое дарованіе; заступите теперь мѣсто Государя и помогите ему. Позвольте мнѣ именемъ Вашимъ (если сами не найдете времени) взять у него на одну или двѣ тысячи (рублей) рисунковъ и картинъ, чего найдется. Это будетъ доброе дѣло. Прошу Ваше Высочество на этой записочкѣ выставить Вашу отмѣтку. Жуковскій.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

1855—1880 гг.

III [1]).

Выше мы разсмотрѣли издательскую дѣятельность въ истекшее двадцатипятилѣтіе (1855—1880 гг.) преимущественно по части матеріаловъ отечественной исторіи; теперь намъ остается сказать о важнѣйшихъ трудахъ, посвященныхъ ея разработкѣ. Во главѣ ихъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ поставить труды недавно скончавшагося историка Россіи—С. М. Соловьева. Хотя дѣятельность его началась задолго до обозрѣваемаго нами періода, но бо́льшая часть его капитальнаго произведенія, обнимающаго общую исторію Россіи, появилась въ этотъ періодъ (VI—XXIX томы, 1856—1880 гг.). Въ предѣлахъ означенныхъ томовъ покойный историкъ представилъ цѣлый рядъ историческихъ монографій, какъ исторія царств. Ивана IV, исторія смутнаго времени, время Алексѣя Михайловича, переходная эпоха и исторія царствованія Петра Великаго (13—18 т.), время Елисаветы (21—24) и Екатерины II (25—29), оставшееся неоконченнымъ. Такой объемъ труда С. М. Соловьева придаетъ болѣе важнымъ отдѣламъ его исторіи характеръ спеціальныхъ изслѣдованій, а матеріалы, вошедшіе въ него, еще долго останутся для историковъ незамѣнимымъ источникомъ. До Карамзина русскіе историки все свое вниманіе и трудъ должны были положить на собираніе и приведеніе въ порядокъ матеріаловъ; Карамзинъ своимъ художественнымъ произведеніемъ заставилъ читать русскую исторію, а его смѣлая нравственная проповѣдь надолго создала автору множество поклонниковъ. Иначе отнеслась къ этой сторонѣ его исторіи скептическая школа, искавшая прежде всего достовѣрности, и на сколько она была права въ своемъ требованіи,—достаточно сказать, что и

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 423—452.

самому Карамзину нѣкоторые дѣятели русской исторіи не всегда представлялись въ одинаковомъ свѣтѣ, напримѣръ—Борисъ Годуновъ, Петръ Великій....

Къ этой же школѣ, до извѣстной степени, примыкалъ и авторъ «Исторіи Россіи», бывшій самъ ученикомъ Каченовскаго и Погодина, но болѣе склонявшійся на сторону перваго: припомнимъ его статьи о Шлецерѣ и анти-историческомъ направленіи, біографію Каченовскаго, рядъ статей объ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина.... Въ основаніе исторіи Соловьева была положена опредѣленная теорія,—а именно, что «исторія есть народное самосознаніе», а потому историкъ долженъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ народа. Такимъ образомъ, отдѣльныя личности являются только представителями этого самосознанія, а такой взглядъ существенно измѣняетъ характеръ историческаго изслѣдованія. Авторъ вездѣ относился къ источникамъ критически; для тѣхъ періодовъ, которые богаты документальными данными, онъ старался воспользоваться архивнымъ матеріаломъ; его не подкупаетъ художественная картина въ ущербъ фактамъ; онъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ относится и къ своимъ и къ чужимъ дѣятелямъ прошлаго. Благодаря такому отношенію къ источникамъ, онъ съумѣлъ уже иначе отнестись къ эпохѣ Ивана IV и смутному времени; Петръ Великій является органически связаннымъ съ предшествовавшею эпохою, а время Екатерины II представляется, въ извѣстной степени, продуктомъ предшествующей эпохи. «Люди западной Европы,—говоритъ историкъ,– смотря на удивительныя явленія, происходившія въ первой четверти XVIII вѣка въ Европѣ восточной, говорили, что всѣ эти преобразованія суть слѣдствія одной личной воли царя, со смертью котораго все введенное имъ рушится и возстановится старый порядокъ вещей. Теперь преобразователь былъ во гробѣ и наступило время повѣрки — проченъ-ли установленный порядокъ. Желѣзной руки, сдерживавшей враговъ преобразованія, не было болѣе. Петръ Великій не распорядился даже на счетъ своего преемника; русскіе люди могли теперь свободно распорядиться, свободно рѣшить вопросъ—нуженъ-ли имъ новый порядокъ—и ниспровергнуть его въ случаѣ рѣшенія отрицательнаго. Но этого не случилось: новый порядокъ вещей остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворотъ со всѣми его послѣдствіями, какъ необходимо вытекавшій изъ условій предшествовавшаго положенія русскаго народа. Время отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II обыкновенно разсматривалось какъ время печальное, непривлекательное, время мало способныхъ правителей,

дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимцевъ. Но мы не можемъ раздѣлять этихъ взглядовъ. Названное время имѣетъ высокій интересъ для историка, именно потому, что здѣсь русскіе люди были предоставлены самимъ себѣ въ виду громаднаго матеріала, даннаго преобразованіемъ. Какъ они распорядятся этимъ матеріаломъ—вотъ вопросъ, съ которымъ историкъ обратится къ своимъ источникамъ. Они должны ему сказать было-ли названное время временемъ застоя или движенія, а вторая половина XVIII вѣка въ Россіи, царствованіе Екатерины II—было-ли результатомъ этого движенія, и въ какомъ смыслѣ? Идеи и люди екатерининскаго царствованія явились-ли по мановенію знаменитой императрицы, или приготовлены прежде, состоятъ въ необходимой связи съ движеніемъ, совершившимся въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго?» (т. XVIII, 263—264). И, объясняя значеніе царствованія Елисаветы, авторъ говоритъ: «Воздавая должное Екатеринѣ II, не забудемъ, какъ много, внутри и внѣ, было приготовлено для нея Елисаветою» (XXIV, 424). Въ другомъ мѣстѣ онъ опять замѣчаетъ: «Всякій историческій дѣятель, въ извѣстной степени, есть произведеніе своего вѣка, и значеніе его дѣятельности опредѣляется тѣмъ, какъ онъ содѣйствовалъ рѣшенію задачъ своего времени относительно своего народа и относительно другихъ народовъ, въ обществѣ которыхъ его народъ живетъ, ибо эти двѣ стороны неразрывно связаны» (Императоръ Александръ I, 1877, 558).

Но автору не привелось довести своей исторіи до конца, хотя въ своихъ монографіяхъ онъ не разъ касался уже послѣдующихъ событій: назовемъ его Исторію паденія Польши (1863 г.); Европа въ концѣ XVIII вѣка («Рус. Вѣстн.» 1862 и 1863 гг.); Императоръ Александръ I—политика и дипломатія (1877 г.); Поццо-ди-Борго и Франція («Вѣстн. Европы» 1879 г., № 3 и 5) и нѣкотор. др. [1]).

Коснувшись значенія и общаго направленія труда С. М. Соловьева, мы должны упомянуть о прекрасной статьѣ К. Д. Кавелина: «Мысли и замѣтки о русской исторіи» («Вѣстникъ Европы» 1866 г., кн. II, 325—404), въ которой разсмотрѣны, съ философской точки зрѣнія, важнѣйшіе вопросы послѣдней по поводу трудовъ Устрялова и Соловьева о реформѣ Петра Великаго, мнѣній котораго не разъ и прежде касался авторъ при разборѣ сочиненій послѣдняго. Изъ другихъ сочиненій, посвященныхъ изложенію общей исторіи Россіи, напомнимъ слѣдующія: «Древняя русская исторія

[1]) Списокъ сочиненій С. М. Соловьева (1842—1879 гг.), составленный профессоромъ Н. А. Поповымъ, вышелъ въ 1880 г. и занимаетъ 16 стр.

до монгольскаго ига» М. П. Погодина (2 тома текста и атласъ. Москва. 1871 г.); она представляетъ переработку его изслѣдованій и лекцій; «Разсказы изъ русской исторіи» И. Д. Бѣляева (1861—1872 гг.), въ основаніе которыхъ положенъ авторомъ этнографическій элементъ (кн. I—Первоначальная исторія южной Россіи и Суздальщина; кн. II—Новгородъ, III—Псковъ; IV—первая часть исторіи Полотска и великаго княжества Литовскаго); «Пособіе къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ» И. В. Лашнюкова (Кіевъ. 1874 г.), до конца XVI вѣка, съ очерками русской исторіографіи; «Русская исторія» (2 тома, до начала XVIII столѣтія) и «Монографіи» Н. И. Костомарова (Очерки и характеристики изъ древней исторіи; Исторія смутнаго времени; Бунтъ Стеньки Разина; «Очерки торговли Московскаго государства», «Нравовъ великорусскаго народа»; «Сѣверорусскія народоправства», 2 т.; Послѣдніе годы рѣчи Посполитой; статьи въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Старинѣ», «Древней Россіи» и др.), главная сила которыхъ, по справедливому выраженію одного изъ современныхъ историковъ, заключается въ высокомъ художественномъ талантѣ автора; «Исторія Россіи» Д. И. Иловайскаго (ч. I, Кіевскій періодъ, 1876 г.), простота и ясность изложенія которой тѣсно связаны съ строго-научнымъ изложеніемъ предмета; «Исторія русской жизни» И. Е. Забѣлина (ч. I, 1876, ч. II, 1879),—доведенная пока до Ярослава I, заслуживаетъ вниманія по бытовымъ очеркамъ и археологическимъ даннымъ, въ обиліи внесеннымъ авторомъ въ свой трудъ; «Русская исторія» К. Н. Бестужева-Рюмина (Спб. 1872 г., ч. I) отличается прекраснымъ выборомъ и группировкою матеріала, а въ обширномъ введеніи къ этому труду впервые представлены полный сводъ источниковъ и очеркъ разработки русской исторіи до послѣдняго времени (дополненный въ нѣмецкомъ изданіи до 1876 г.). Всѣ интересующіеся отечественною исторіею съ нетерпѣніемъ ожидаютъ продолженія этого превосходнаго труда.

Монографическая разработка отечественной исторіи сдѣлала въ этотъ періодъ значительный успѣхъ. Прежде всего укажемъ на труды по исторической географіи; сюда относятся: 1) Матеріалы для историко-географическаго словаря, составлен. Барсовымъ (Вильна, 1865 г.); «Очерки русской исторической географіи» Барсова (Варшава, 1873 г.; рецензіи на этотъ трудъ Л. Н. Майкова и Е. Е. Замысловскаго въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» [1]) и «Отч. Академіи Наукъ»); 3) «Историко-

[1]) Необходимо замѣтить, что въ «Журналѣ мин. народн. просвѣщ.»

географическіе этюды» А. Щапова (въ «Русск. Словѣ», «Библ. для Чтенія», «Дѣлѣ», «Запискахъ Сибир. отдѣл. Географическаго общества»); 4) О книгѣ большаго чертежа—Е. К. Огородникова (въ «Записк. Географическаго общества» по отдѣлу этнографіи); 5) «Черноморье», сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи, Ф. К. Бруна (1852—1877 гг., ч. I, Одесса, 1879 г.) и др. труды членовъ Одесск. общества исторіи (въ «Записк. общества», «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»); 6) Сообщенія по исторической географіи въ Трудахъ археологическихъ съѣздовъ; 7) «Географическія извѣстія Герберштейна о Московской Руси» Е. Е. Замысловскаго («Древн. Россія» 1876 г. и продолженіе статей въ «Журн. минист. народнаго просвѣщенія» [1]); 8) «Обозрѣніе трудовъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества по исторической географіи», А. И. Артемьева. Спб. 1873, и др. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести и тѣ сочиненія по географіи и статистикѣ Россіи (генеральнаго штаба, Списки населенныхъ мѣстъ Центральн. статистич. комит.), которыя мы указали выше, а также этнографическія карты Риттиха, атласъ народонаселенія западно-русск. края, изд. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. 1864, и т. п.

Снова былъ поднятъ старый вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси и хотя едва-ли когда либо можно предвидѣть полюбовное разрѣшеніе его, но въ новой полемикѣ были указаны и нѣкоторыя новыя черты, имѣющія значеніе въ исторіи самаго вопроса. Не говоря о полемикѣ Н. И. Костомарова и Погодина, вызвавшей цѣлую литературу по этому вопросу въ началѣ 1860-хъ годовъ, назовемъ болѣе полные труды: «Варяги и Русь» С. Гедеонова, Спб. 1876 г., 2 т., «Разысканія о началѣ Руси» Д. И. Иловайскаго, М. 1876 г., «Исторія русской жизни» И. Е. Забѣлина, въ I томѣ; замѣч. А. А. Куника къ соч. Дорна «Каспій», 1875, Спб., изслѣдованія В. Г. Васильевскаго въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», «Зап. Ак. Н.», статьи М. П. Погодина въ «Зап. Ак. Наукъ» и «Русскомъ Архивѣ», статьи Костомарова и Иловайскаго въ «Рус. Старинѣ» и «Др. и Нов. Рос.» «Труды II археологическаго съѣзда» и др. [1]). Появилось немало изслѣдованій по исторіи отдѣльныхъ

вообще помѣщено въ 1859—1880 гг. нѣсколько имѣющихъ значеніе историческихъ монографій.

[1]) Недавно этотъ вопросъ нашелъ отзвукъ и въ иностранной литературѣ: «Der Ursprung des Russischen Staats, Drei Vorlesungen v. D-r W. Thomsen, Profes. der Vergleich. Sprachvorschung in Kopengagen», перев. съ датскаго, Гота, 1879. В. И.

княжествъ и городовъ: 1) Исторія Рязанскаго княжества, Д. И. Иловайскаго, М. 1858; нѣсколько сочиненій по исторіи Новгорода и Пскова (Н. И. Костомарова, И. Д. Бѣляева, А. И. Никитскаго); исторія княжествъ—Ростовскаго, Д. Корсакова (Казань, 1872), Тверскаго, В. С. Борзаковскаго (1876, Спб.); Краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода, Храмповскаго (1857); Исторія Вятскаго края съ древнихъ временъ, С. Васильева и Н. Бехтерева (Вятка, 1870); Очеркъ исторіи вел. княж. Литовскаго, В. Б. Антоновича (ч. I, 1878); княжества Галицкаго («Данилъ Галицкій»), Н. П. Дашкевича, К. 1872; Очеркъ исторіи Московскаго княжества, П. В. Полежаева (Спб. 1878); 2) Изслѣдованія по исторіи юго-западной Руси («Богданъ Хмельницкій», три тома); очерки изъ исторіи юго-западной Россіи, Н. И. Костомарова въ его монографіяхъ и «Вѣстникѣ Европы» 1879 г.; изслѣдованія В. Б. Антоновича въ «Архивѣ юго-западной Россіи»; объ источникахъ по исторіи Малороссіи, Г. Ѳ. Карпова; матеріалы и очерки А. Лазаревскаго въ «Русскомъ Архивѣ» и др. Исторія возсоединенія Руси (I—III т. 1874 г.), П. А. Кулиша; Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в., О. И. Левицкаго и др. 3) Монографіи по отдѣльнымъ эпохамъ и важнѣйшимъ событіямъ русской исторіи: Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи и общество и государство въ царскій періодъ руской исторіи (Спб. 1869 и 1872 гг.), Н. И. Хлѣбникова; О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ при Чингисханѣ и Тамерланѣ, М. Иванина (1875 г.); Изслѣдованія по исторіи смутнаго времени (Н. И. Костомарова, 3 тома), статьи И. Е. Забѣлина (въ «Русскомъ Архивѣ»); Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, Е. Е. Замысловскаго (ч. I, 1870 г., обзоръ источниковъ); Московскія смуты въ правленіе ц. Софіи, Аристова (Варшава, 1871 г.); Исторія цар. Петра Великаго (Устрялова, 6 кн., изслѣдованія: Погодина, А. Г. Брикнера, издавшаго на нѣмецкомъ языкѣ исторію цар. Петра Великаго, біографію царевича Алексѣя и соч. о Посошковѣ, напечатанное на русскомъ языкѣ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»); Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру, В. Герье, 1871 г.; Очерки морской исторіи, ч. I, Ѳ. Ѳ. Веселаго; Очерки исторіи цар. Елисаветы Петровны, Ешевскаго (Соч., т. II); И. И. Неплюевъ и Оренбургъ, В. Витевскаго, 1876 г.; Исторія войнъ при Екатеринѣ II съ Турціею, польскими конфедератами и Швеціею, А. Н. Петрова и А. Г. Брикнера; Самозванцы и понизовая вольница въ XVIII в., Д. Л. Мордовцева; Союзъ кня-

зей и нѣмецкая политика Екатерины II, Іосифа II и Фридриха II (Спб. 1877 г.), А. Трачевскаго; Исторія войны 1799 г., Д. А. Милютина; Исторія цар. Александра I, 6 т., и Исторія войнъ 1812—1814 гг., соч. М. И. Богдановича; сочиненія о гр. Сперанскомъ: М. Корфа и В. Вагина; Гр. Блудовъ и его время, Е. П. Ковалевскаго; Жизнь М. Н. Муравьева въ связи съ событіями его времени, Д. А. Кропотова (Спб. 1874 г.); Матеріалы для біографій Ермолова и Карамзина, М. П. Погодина; рядъ очерковъ и историческихъ монографій А. Н. Пыпина, частью названныхъ нами выше; Россія и Сербія, съ 1806—1856 г., Н. А. Попова, 2 т., и очерки нѣкоторыхъ событій позднѣйшаго времени, какъ исторія Восточной войны, Е. Кавалевскаго, М. И. Богдановича (4 т.) и Н. Ѳ. Дубровина (1878 г.); La Russie et la Turquie depuis le commencement des leurs relations politiques jusqu'à nos jours (Paris, 1876 г.), соч. Бухарова, перевед. въ «Исторической библіотекѣ» 1878 г., и обширный сводъ матеріаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ («Крестьянское дѣло въ цар. Императора Александра II»), А. Скребицкаго (Боннъ, 1868 г.); Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ, Н. Веселовскаго (Спб. 1877 г.); Описаніе польской смуты 1861—1863 гг. (Ратча, П. С. Лебедева, Н. В. Берга, А. Подвысоцкаго и др.); «Десять лѣтъ реформъ» А. А. Головачова (Спб. 1873 г. и въ «Вѣстникѣ Европы»); О самоуправленіи (3 тома. Спб. 1871 г.), и «Земледѣліе и землевладѣніе (2 тома. Спб. 1876 г.) въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ» кн. А. И. Васильчикова; «Десятилѣтіе русскаго земства», Д. Л. Мордовцева (Спб. 1877 г.). Вышло также нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ трудовъ по исторіи взаимныхъ отношеній Польши и Россіи въ прежнее время («Польское безкоролевье», А. Трачевскаго; по исторіи XVII вѣка—сочин. Павлищева (Спб. 1878); «Борьба за польскій престолъ въ 1733 г.» В. Герье; по исторіи послѣднихъ лѣтъ независимости Польши—труды Соловьева, Иловайскаго, Костомарова, Смитта; по исторіи польскаго возстанія 1830—1831 гг.—сочиненія послѣдняго переведены съ нѣмецкаго на русскій языкъ).

Въ разсматриваемый періодъ пріобрѣтаетъ особый интересъ бытовая исторія и наши изслѣдователи все чаще посвящаютъ ей свои труды. Сюда относятся слѣдующія сочиненія: «О бытѣ и нравахъ славянъ», В. Макушева; «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» (М. 1868 г.), и «Древности права балтійскихъ славянъ» (Прага, 1875 г.), А. А. Котляревскаго; «Опыты изученія русской исторіи и древностей», 2 тома; «Бытъ русскихъ царей» (спа-

чала въ «Отечественныхъ Запискахъ», а потомъ отдѣльно) и «Бытъ русскихъ царицъ» (1872 г., 2 тома); «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ», И. Е. Забѣлина («Вѣстникъ Европы» 1871 г., №№ 1 и 2); «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», В. Ключевскаго; «Очерки нравовъ и торговли великорусскаго народа», Н. И. Костомарова (важныя замѣчанія на это сочиненіе Ѳ. И. Буслаева въ «Отчетѣ Академіи Наукъ»); «Религіозный бытъ русскихъ по сказаніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII ст.», Л. В. Рущинскаго (въ «Чтен. Моск. общества исторіи» 1871 г. и отдѣльно); «Промышленность древней Руси» Н. Я. Аристова (Спб. 1866 г.); «Очеркъ торговли Московскаго государства», Н. И. Костомарова (Спб. 1862 г.); «Металлы и металлическія издѣлія въ древней Россіи», М. Д. Хмырова (1875 г.); «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи», экономическо-историческое изслѣдованіе Е. П. Карновича (Спб. 1874 г.); «Русскія женщины», біографическіе очерки Д. Л. Мордовцева (до XIX вѣка включительно, Спб. 1874 года).

Еще покойный Ешевскій, вслѣдъ за Грановскимъ, указывалъ на важность этнографическаго элемента въ исторіи и въ такомъ смыслѣ касался этнографіи среднихъ вѣковъ и Россіи, въ связи съ исторіею ея колонизаціи (см. Собраніе сочиненій Ешевскаго, томъ III). Вслѣдъ за нимъ съ особеннымъ интересомъ останавливался на изслѣдованіи этого вопроса А. П. Щаповъ, занимавшійся преимущественно исторіею колонизаціи восточной Россіи. Въ этомъ же отношеніи заслуживаютъ вниманія слѣдующіе труды: Инородческое населеніе Россіи и ея колонизація до 1762 г. (2 книги, 1866 и 1870 гг.), Н. А. Ѳирсова; Матеріалы для этнографіи Казанской губ., Риттиха (2 книги); Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ—очерки изъ исторіи края и его колонизаціи, Г. Перетятковича; Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ, П. А. Соколовскаго (Спб. 1878 г., изъ «Ист. Библ.»), которому принадлежитъ и «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи» (1878 г.). Мы имѣемъ также «Опытъ по исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи», А Клауса, часть I, Спб. 1869 г. Здѣсь же упомянемъ и о трудахъ князя Н. Кострова по этнографіи Сибири (Юридическіе обычаи крестьянъ Томской губ. 1876 г., Томскъ, и др.). По поводу тысячелѣтія Россіи было издано роскошное этнографическое описаніе племенъ, населяющихъ ее, подъ заглавіемъ: «Народы Россіи» (текстъ на французскомъ языкѣ, съ рисунками), Паули (1862 г.).

Въ связи съ исторіею внутренняго быта Россіи необходимо ска-

зать о важнѣйшихъ сочиненіяхъ историко-юридическаго характера. Въ ряду ихъ заслуживаютъ вниманія труды В. Н. Лешкова («Русскій народъ и государство», М. 1858 г., и статьи по исторіи русскаго права въ XVIII вѣкѣ—«Русскій Вѣстникъ», «Бесѣда»); И. Д. Бѣляева (Крестьяне на Руси, М. 1860 г., 2-е изданіе 1879 г.; Исторія русск. законодат., 1879 г.); К. П. Побѣдоносцева (Очерки по исторіи крѣпостнаго права въ его Историческомъ изслѣдованіи, 1876 г.); Б. Н. Чичерина (Областныя учрежденія въ Россіи. М. 1866 г., Опыты по исторіи русскаго права. М. 1858 г.); Ѳ. М. Дмитріева (Исторія судебныхъ инстанцій. М. 1859 г.); И. Е. Андреевскаго (О правахъ иностранцевъ въ Россіи до полов. XV столѣтія, О договорѣ Новгорода съ нѣмцами 1270 г. изд. 1855 г., О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, Спб. 1864 г., Русское государственное право, Спб. 1866 г., Полицейское право, 2-е изданіе 1874 г.); А. В. Романовича-Славатинскаго (Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка, Спб. 1870 г. [1]), Пособіе для изученія русскаго государственнаго права, К. 1872 г., 2 в.); А. В. Лохвицкаго (Губернія, Спб. 1865 г., Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи, «Русскій Вѣстникъ» 1857 г.); А. Д. Градовскаго (Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія. Спб. 1866 г., Ист. мѣст. управл. въ Россіи, Спб. 1868, Начала русскаго государственнаго права, 1875 и 1876 гг., 2 ч.); В. И. Сергѣевича (Вѣче и князь, М. 1867 г., О земскихъ соборахъ—«Сборникъ государственныхъ знаній» 1875 г., О Екатерининской коммисіи—«Вѣстникъ Европы» 1878 г., № 1); С. Петровскаго (Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго, М. 1879 г.); П. Мрачекъ-Дроздовскаго (Областное управленіе Россіи XVIII вѣка, ч. I, 1708—1719 гг., М. 1876 г.); С. Пахмана (Исторія кодификаціи гражданскаго права, Спб. 1876 г., 2 тома, и Обычное право Россіи, 2 тома); Н. Д. Иванишева (О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи, Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченія изъ актовъ Кіевскаго центральнаго архива. Содержаніе постановленій дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи—въ собраніи сочиненій его, К. 1876 г.); А. Дювернуа (Источники права и суда въ древней Россіи, М. 1869 г.); С. М. Шпилевскаго (Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ, Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, Казань, 1866—1869 гг.); Ѳ. И. Леонтовича (Русская Правда и Литовскій статутъ [2]), О правахъ литовско-русскихъ евреевъ, Кре-

[1]) Книги гг. Яблочкова и Порай-Кошица о томъ же предметѣ—не важны.

[2]) Исторія Литовскаго статута г. Чарнецкаго осталась неоконченною «Унив. Изв.» 1867 г. **В. И.**

стьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI ст. К. 1863—1864 гг., Исторія русскаго права, Од. 1869 г., Къ исторіи права русскихъ инородцевъ, Од. 1879 г.); М. Ф. Владимірскаго-Буданова (Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ, изъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» 1868 г., Государство и народное образованіе, ч. I, XVIII вѣкъ, изъ «Записокъ Демидовскаго лицея» 1874 г., Объ отношеніи Литовскаго статута къ Уложенію, «Сборникъ государственныхъ знаній», томъ IV, рецензіи на статьи В. И. Сергѣевича «О земскихъ соборахъ» и соч. Леонтовича «Къ исторіи права инородцевъ»—«Универс. Извѣст.»); И. Е. и А. Е. Энгельмановъ (Гражданскіе законы Псковской судной грамоты, Спб. 1858 [1]), Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права, Спб. 1858 г.); Д. Я. Самоквасова (Древніе города Россіи, 1873 г., Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, Варшава, 1876 г.); И. Дитятина (Устройство и управленіе городовъ въ Россіи до настоящаго времени, 2 тома, и статьи о Екатерининской коммисіи); Е. И. Якушкина (Обычное право, матеріалы для библіографіи. Ярославль, 1875 г.); Н. П. Загоскина (Исторія права Московскаго государства, Уставн. грамоты, Служилые люди въ до-Петровской Руси, 1875—1879 гг., рѣчь объ Уложеніи).

Обработка вопросовъ по исторіи церковнаго права и взаимныхъ отношеній церкви и государства занимаетъ также видную страницу въ истекшемъ періодѣ (1855—1880). Достаточно напомнить труды: А. С. Павлова (О кормчей инока—князя Вассіана Патрикѣева, Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, «Ученыя Записки Казанскаго университета» 1864—1869, Номоконон при большомъ требникѣ, изд. вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ и объясн. Одесса, 1872 г., Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ Россіи, ч. I, 1879 г.); В. А. Милютина (О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, 1859 г.); М. И. Горчакова (Монастырскій приказъ, 1868 г.; О земельн. влад. всерос. митр., патр. и св. синода, 1871 г.). Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, Н. Каптерева (М. 1874 г.); Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей, Дм. Ив. Ростиславова (Спб. 1876 г.). Рядъ изслѣдованій въ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ, каковы: Древне-русское право въ связи съ византійскимъ, Обзоръ постановленій русскихъ церковныхъ соборовъ; Церковное законодательство Петра Великаго—въ «Православномъ Собесѣдникѣ»; Церковное законодательство Елисаветы Петровны—въ «Православномъ Обозрѣніи» и др.

[1]) Второе изданіе Псковской судной грамоты съ facsimile вышло въ 1869 г Одесса. В. И.

Въ ряду сочиненій по исторіи церкви вообще—слѣдуетъ прежде всего назвать трудъ преосв. Макарія, нынѣ московскаго митрополита, доведенный до конца XVI вѣка (I—IX томы, 1857—1879 гг.); послѣдній изъ нихъ весь посвященъ исторіи церкви и возникновенію уніи въ западной Россіи. Трудъ преосвящ. Макарія сопровождается весьма цѣнными приложеніями—памятниковъ древней русской письменности, изъ которыхъ многіе впервые напечатаны въ этомъ сочиненіи. Недавно появился прекрасный учебникъ по исторіи русской церкви—П. Знаменскаго (Казань, 2-е изд., 1876 г.), которому принадлежатъ также сочиненія: Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра Великаго (Казань, 1879 г., 850 стр.) и «Чтенія» по исторіи русской церкви въ цар. Екатерины II (рядъ статей въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1875 г.). Появился рядъ историко-статистическихъ описаній отдѣльныхъ епархій: Историко-статистическое описаніе С.-Петербургской епархіи (5 т. 1869—1876 г.—Спб.); Истор. московскаго епархіальнаго управленія, Н. Розанова (5 кн. 1869 г.); Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи, пр. Филарета (3 т. 1857 г.); Историко-статистическое описаніе Псковской епархіи, В. Смирнчанскаго (изд. Псков. губ. стат. ком., Псковъ. 1875 г.); Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской епархіи, іером. Леонида (Калуга, 1876 г.); Велико-Пермская и Пермская епархія (1379—1879 г.), Е. Попова; Іерархія Вятской епархіи, Г. Никитникова (1863 г.); «Исторія Черниговской епархіи», преосвящ. Филарета (1857, 5 том.) и др. Нѣсколько описаній монастырей, церквей и епархій было напечатано въ «Чтен. М. общ. ист.» (съ 1858 г.); укажемъ также на Историческій очеркъ управленія духовенства военнаго вѣдомства (Спб. 1875 г.). Заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя монографіи по исторіи церкви, какъ Очерки изъ исторіи московской и малороссійской іерархіи, Г. Ѳ. Карпова въ «Чтен. Моск. общ. ист.» и «Прав. Обозр.»); Дѣло патр. Никона, Н. И. Субботина (М. 1861 г.); Стефанъ Яворскій, Ф. А. Терновскаго («Прав. Обозр.» и «Др. и Нов. Рос.» 1879 г.); Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. Чистовича (Спб. 1868 г.). Множество монографическихъ работъ по исторіи церковной іерархіи, относящихся преимущественно къ XVIII и XIX стол., было помѣщено въ свѣтскихъ и духовныхъ журналахъ [1]).

[1]) Есть указатели къ «Православному Собесѣднику», «Православному Обозрѣнію (весьма хорошо составленный П. А. Ефремовымъ), «Христіан. Чтен.», общій для изданій духовнаго содержанія (С. Николаева, Воронежъ, 1871, но, кажется, не вышелъ), статей по церковн. исторіи С. Терновскаго (Кіевъ, литографиров.) и нѣкот. мѣстные. В. И.

Въ то же время было обращено вниманіе на изслѣдованіе исторіи ересей и раскола въ Россіи. Покойный А. П. Щаповъ, въ своемъ обширномъ трудѣ «Русскій расколъ старообрядчества» (Казань. 1859 г.) и другихъ очеркахъ («Земство и расколъ,» 1862 г.), впервые старался разсмотрѣть это явленіе съ обще-исторической точки зрѣнія; другіе изслѣдователи касались или общей исторіи раскола, или частныхъ сторонъ его и религіозныхъ воззрѣній, тѣсно связанныхъ съ этимъ движеніемъ (Исторія русскаго раскола, пр. Макарія, Спб. 1858 г.); Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, писанныхъ русскими раскольниками въ защиту раскола, Записки А. Б. (Спб. 1861 г.); Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, И. Нильскаго (2 ч. 1869. Спб.); Люди божіи, И. Добротворскаго (Казань, 1869 г.). Въ особенности важны труды такого знатока по исторіи раскола и ересей, какъ П. И. Мельниковъ (Письма о расколѣ, Спб. 1862 г. Историч. соч. поповщины, М. 1865 г.; множество статей и матеріаловъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Чтен. М. общ. ист.», какъ матер. для ист. хлыстовской и скопческой ересей); многочисленны статьи по расколу Н. Субботина (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», Ист. Бѣлокриниц. іер. М. 1874 г.) и въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ («Православный Собесѣдникъ», «Истина», изд. въ Псковѣ). По исторіи религіозныхъ отношеній въ Россіи вообще, а также исторіи другихъ исповѣданій, были изданы слѣдующія сочиненія: Литовская церковная унія, М. О. Кояловича (3 тома, Спб. 1859—1873 г.) и Очерки уніи, Ю. Крачковскаго (въ «Чтен. М. общ. ист.»); Римскій католицизмъ въ Россіи, гр. Д. А. Толстаго (Спб. 2-е изд. 1876 и 1877, 2 т.); Римское католичество и его іерархія въ Подоліи, М. Симашкевича (Кам.-Под. 1872 г.); Іезуиты въ Россіи (въ цар. Екатерины II, Павла I и Александра I), М. Морошкина (1867 г.) и Ю. Ѳ. Самарина (1868 г.); Chronik der Ewangelischen Gemeinden in Moskau (Москва, 1876 г. 2 т.), А. В. Фехнера.

Памятники русской словесности въ связи съ исторіей разрабатывали: И. И. Срезневскій (Памятники языка и письма въ «Извѣст. Ак. Н.»; свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ и др., изд. Ак. Наукъ [1]); Ѳ. И. Буслаевъ (Ист. очерки рус. народ. словесности и искусства, 2 т. 1861 г. и статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ»); Н. С. Тихонравовъ (Лѣт. рус. литер., Отречен. книги, статьи о ереси Тверитинова и митр. Евгеній въ «Русскомъ Вѣстникѣ», о Карамзинѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Отече-

[1]) Полный перечень трудовъ И. И. Срезневскаго († 1880 г.) составленъ А. Ѳ. Бычковымъ, Спб. 1879 г. **В. И.**

ственныхъ Запискахъ» и др.; Отчетъ о 19-мъ присужд. наградъ гр. Уварова (1878 г.); А. Д. Галаховъ (Ист. рус. словесн., Историч. Христоматія, статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», по истор. нов. литер.); А. Н. Пыпинъ (Оч. литер. ист. рус. повѣстей, въ «Уч. Зап. Ак. Н.», Обзоръ славян. литер., 2-е изд., статьи въ «Отеч. Зап.» и «Вѣстн. Евр.», вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ издалъ Памятн. стар. рус. литер., I—IV, Спб. 1860—1862 г.); О. Ѳ. Миллеръ (Опытъ историч. обозр. русск. литер., ч. I, съ христом.; «Илья Муромецъ», Спб. 1869 г., Публ. лекціи по нов. руск. литер. и др.); И. Я. Порфирьевъ (Ист.-руск. словесн., ч. I, до Петра Великаго, 3-е изд. 1879 г.; Опис. рук. Соловец. библ. въ «Прав. Соб.» 1878—1879 г., Изслѣд. объ апокрифич. соч. и др. статьи по ист. древн. руск. словесн. въ «Правосл. Соб.»); пр. Филаретъ, архіеп. Черниговскій (Обз. рус. дух. литер., 2 т., и Рус. святые, 12 книгъ, 1861—1867 г.); А. Н. Поповъ (Ист.-литер. обзоръ древн. руск. полемич. соч. противъ латинянъ, М. 1875 г.; Обз. руск. хроногр., 2 в., съ Изборникомъ, 1866—1869 г.; Памятники въ «Чт. М. общ. ист.» 1878—1879 г.); И. Некрасовъ (О Домостроѣ Сильвестра); И. П. Хрущовъ (О соч. Іосифа Волоцкаго, 1868 г., и Историч. сказан. до XII в., 1878 г.); А. Н. Аѳанасьевъ (Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, 1865—1869 г., 3 т., Рус. сатир. журналы 1769—1774 гг., М. 1862 г. и др.); М. Н. Лонгиновъ (Н. И. Новиковъ и мартинисты, М. 1867 г., Рус. театръ въ XVIII ст. въ «Зап. Ак. Н.» и библіографич. статьи въ «Соврем.» и «Рус. Вѣстн.»); А. Незеленовъ (Новиковъ и его журналы, 1875 г.); А. П. Пятковскій (Изъ исторіи нашего литер. обществ. движенія, 2 т. 1876 г.); назовемъ и полное собр. сочин. М. А. Максимовича, выходящее въ Кіевѣ, въ 3 томахъ. По сравнительному историческому изученію средневѣковыхъ литературныхъ сказаній съ русскими важны изслѣдованія А. Н. Веселовскаго, В. Миллера и др. Во множествѣ были изданы памятники народнаго творчества: В. Н. Рыбниковымъ, П. А. Безсоновымъ, П. В. Шейнымъ, Я. Головацкимъ, В. И. Далемъ, Воронцовымъ, А. Ѳ. Гильфердингомъ, В. Б. Антоновичемъ и мн. др. По исторіи науки и литературы при Петрѣ Великомъ (2 т.) и по исторіи Ак. Наукъ въ XVIII ст. (2 т.) на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить труды покойнаго П. П. Пекарскаго (ему же принадлежатъ и статьи о трудахъ Татищева, Ломоносова, Рычкова, Екатерины II, о масонствѣ и русской журналистикѣ XVIII ст.). По исторіи Россійской академіи и просвѣщенія въ Россіи въ XVIII и XIX ст. много сдѣлано М. И. Сухомлиновымъ (Исторія Россійской Акаде-

міи, 4 т., Матеріалы для исторіи просвѣщенія при Александрѣ I, 1866 г., и проч. и Я. К. Гротомъ (изд. сочин. Державина съ примѣчаніями и статьи о немъ, О воспитаніи Екатерины II, о Карамзинѣ и реформѣ Петра Великаго, о Хемницерѣ, «Русскій Вѣстникъ», «Русская Старина», «Древн. Рос.», «Записки Академіи Наукъ»). Въ связи съ этимъ назовемъ труды по исторіи: университетовъ (Кіевскаго—В. Я. Шульгина; Петербургскаго—В. В. Григорьева; Казанскаго—Н. Н. Булича; Харьковскаго—М. Ѳ. Де-Пуле, Н. А. Лавровскаго, а въ послѣднее время его же очеркъ по исторіи Нѣжинскаго лицея, касающійся эпохи реакціи 20-хъ годовъ); духовныхъ академій (Спб.—И. А. Чистовича; Московской—т. 2-й, 1879 г.; Казанской—А. Благовѣщенскаго); среднихъ учебныхъ заведеній (Исторія Казанской I-й гимназіи, В. Владимірова, 2 т. 1868 г., статьи А. И. Артемьева въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», Историческія Записки о Казанской 2-й гимназіи, П. Гвоздева, 1876 г.; Исторія Троицкой семинаріи, С. Смирнова, 1867 г., Псковск. семинар.—Князева; Исторія Владимірской семинаріи, Надеждина и др.) и учебныхъ системъ (Историческое обозрѣніе учебниковъ общей и русской географіи, изд. со времени Петра Великаго по 1876 г., Л. Весина).

Матеріалы отечественной исторіи нерѣдко служили предметомъ спеціальнаго изслѣдованія (О составѣ древней русской лѣтописи К. Н. Бестужева-Рюмина, Русскія лѣтописи Н. И. Костомарова, И. И. Срезневскаго, И. В. Лашнюкова въ «Университет. Извѣст.» 1869; статьи въ «Моск. Унив. Изв.», «Прав. Соб.» и др.; о новгородскихъ лѣтописяхъ въ «Чтен. Моск. общ. ист.»; о тверскихъ лѣтописяхъ и рукописи Филарета въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»; разборъ извѣстій о началѣ христіанства въ Россіи г. Голубинскаго, тамъ-же; о житіяхъ какъ историческомъ источникѣ, В. Ключевскаго, Москва, 1871 г.; обзоръ хронографовъ А. Попова; разборъ сказаній и записокъ; извѣстія о рѣдкихъ сочиненіяхъ по исторіи Россіи XVI и XVII ст.—въ «Отечественныхъ Запискахъ» и др. журналахъ; переводы и комментаріи восточныхъ писателей, важныхъ для исторіи Россіи—Д. А. Хвольсона, А. Я. Гаркави, барона Розена; очерки новѣйшей русской исторіографіи и весьма обстоятельныя рецензіи на сочиненія Соловьева, Кавелина, славянофиловъ и др., К. Н. Бестужева-Рюмина въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Москов. Обозрѣніи» 1859—1861 гг.; П. М. Строевъ. Спб. 1878 г.—весьма почтенный трудъ Н. Барсукова, важный для русской исторіографіи первой половины XIX ст.). Появились новыя описанія рукописей разныхъ библіотекъ—правительственныхъ, церковныхъ и

частныхъ (Синодальной библіотеки, Троицкой лавры, Имп. публичной, музея Археологическаго общества, Археологическаго общества при Кіевской духовной академіи, Соловецкой библіотеки, Хлудова, Каратаева, Ундольскаго и др.); періодическихъ изданій и текущей литературы прошлаго времени (А. Н. Неустроева, Губерти); по новѣйшей исторической и этнографической библіографіи (Ламбиныхъ, Межова и др.); энциклопедическіе словари (ученыхъ, литераторовъ, И. Н. Березина, Г. Н. Геннади и т. п.), заключающихъ въ себѣ не мало весьма цѣнныхъ указаній и замѣтокъ по русской исторіи.

Въ изданіяхъ археологическихъ обществъ было помѣщено множество матеріаловъ по исторіи искусства въ Россіи; но кромѣ того, появились спеціальныя изслѣдованія и описанія вещественныхъ памятниковъ, относящихся къ этой области. Мы укажемъ здѣсь на важнѣйшіе труды изъ тѣхъ и другихъ: продолженіе «Древностей Россійскаго государства», «Москва»—подробное историческое и археологическое описаніе города (1865 и 1873 гг.), А. Мартынова, (Рецензія въ Опытахъ И. Е. Забѣлина); Памятники церковныхъ древностей Нижегородской губерніи (съ рисунками), арх. Макарія (1857 г.); Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ, преп. Макарія (Москва, 1860 г.); Святыни и древности Великаго Новгорода и Пскова, гр. М. В. Толстаго (Москва, 1861 и 1862 гг.); Московская оружейная палата, А. Ѳ. Вельтмана (Москва, 1860 г.); Русскія историческія одежды (до XII в.), Ѳ. Стрекалова (съ рисунками); Описаніе старинныхъ царскихъ одеждъ, утвари и вооруженія, П. И. Савваитова (Спб. 1865 г.); Роспись древней утвари, Д. И. Санцова (Москва, 1857 г.); Христіанскія древности, В. А. Прохорова; Русскіе граверы, словарь граверовъ и собраніе гравюръ Чемесова, изд. Д. А. Ровинскимъ; Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву во Владимірской губерніи (Мстера, 1877 г.), Атласъ рисунковъ со старинныхъ пряничныхъ досокъ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи (Мстера, 1874 г.), Древности Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ (1871 г.), Памятники старинныхъ деревянныхъ сооруженій во Владимірской губерніи (1879 г.) и др. изданія И. А. Голышева; Исторія русскаго орнамента съ X—XVI ст., В. Бутовскаго; Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей, Н. Кондакова, съ атласомъ рисунковъ (Одесса, 1876 г.); L'art russe, par E. Viollet Le Duc (Спб. 1878 г.), съ атласомъ, изданіе гр. А. С. Строганова (на французскомъ и русскомъ язык.), по поводу сочиненія Віолле-Ледюка (перев. недавно и на русскій языкъ), вызвавшаго также замѣчанія Ѳ. И. Буслаева въ «Критическомъ Обозрѣніи» и г. Бутовскаго (Москва, 1879 г.);

«Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи» В. Е. Румянцева (Москва, 1872 г.); Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, Ласковскаго (Спб. 1858 г., съ атласомъ).

По нумизматикѣ появились труды А. А. Куника, Д. Прозоровскаго, г. Тизенгаузена, гр. Гутенъ-Чапскаго, Ю. Б. Иверсена (медали на дѣянія Петра Великаго, неизданныя и рѣдкія русскія медали и многія другія его изданія).

Въ послѣднее время сдѣлана попытка систематическаго описанія памятниковъ вещественнаго быта, которое сопровождается большою коллекціею прекрасно выполненныхъ рисунковъ («Русская исторія въ памятникахъ вещественнаго быта», Спб. 1879 г., в. I, П. Н. Полевого).

Заключивъ очеркъ движенія исторической литературы въ Россіи въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія (1855—1880 гг.), мы считаемъ необходимымъ сдѣлать небольшую оговорку: въ предложенномъ очеркѣ мы не имѣли въ виду представить полный обзоръ трудовъ или сдѣлать обстоятельную оцѣнку ихъ; для этого мы не располагали ни достаточнымъ временемъ, ни мѣстомъ. Цѣль наша была иная: напомнить о томъ, что было сдѣлано въ области русской исторіи за двадцатипятилѣтній періодъ 1855—1880 гг. Но, разсматривая означенное движеніе въ исторической литературѣ сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, должно заявить, что настоящій успѣхъ его прежде всего, и притомъ въ значительной степени, былъ результатомъ тѣхъ благопріятныхъ условій, которыми была вызвана къ самодѣятельности наука въ Россіи, наравнѣ съ прочими явленіями нашей общественной жизни. Отъ дальнѣйшаго развитія этихъ условій будетъ зависѣть, безъ сомнѣнія, и дальнѣйшее преуспѣяніе нашей науки.

Кіевъ, 1879 года, декабря 30-го дня.

В. С. Иконниковъ.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ И АНЕКДОТЫ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ЕЛИСАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

[род. 1788, ум. 1864 г.].

Профессоръ И. В. Помяловскій пріобрѣлъ однажды, между книгами, три переплетенныя рукописныя тетрадки въ малую осьмушку, которыя и предоставилъ въ распоряженіе «Русской Старины».

Тетрадки написаны женскимъ почеркомъ и первая изъ нихъ озаглавлена такъ:

«Нѣкоторые анекдоты людей извѣстныхъ, умныхъ и по душѣ пріятныхъ»—1854 г. 12-го октября. Первая часть.

Затѣмъ, вторая тетрадка: «Продолженіе анекдотовъ,—часть вторая», и третья тетрадка: «Продолженіе анекдотовъ,—часть четвертая».

Части третьей не оказалось; вѣроятно, она утрачена торговцемъ-букинистомъ.

Хотя фамиліи автора на рукописи не означено, но изъ содержанія разсказовъ, въ которыхъ авторъ часто говоритъ отъ собственнаго лица и упоминаетъ о различныхъ членахъ фамиліи Львовыхъ, называя ихъ по именамъ и отчествамъ — скоро можно догадаться, что авторъ Записокъ ни кто иной какъ—Елисавета Николаевна Львова.

Елисавета Николаевна была дочь тайн. сов. Николая Александровича Львова, извѣстнаго писателя въ XVIII вѣкѣ, строителя, прожектера, умершаго въ 1803 году. Онъ былъ женатъ на Маріѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, сестра которой, Дарья, вышла въ 1795 г. замужъ за поэта Державина, ближайшимъ другомъ котораго былъ Николай Александровичъ Львовъ.

У Николая Александровича былъ двоюродный братъ Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, женатый въ первомъ бракѣ на Березиной, внучкѣ Дьякова—шурина Державина и Николая Львова. Потерявъ первую жену, Ѳедоръ Петровичъ Львовъ остался съ нѣсколькими дѣтьми, изъ которыхъ старшій былъ Алексѣй Ѳедоровичъ,—знаменитый впослѣдствіи композиторъ и авторъ, между прочимъ, музыки къ гимну «Боже Царя храни». Ѳедоръ Петровичъ Львовъ († 1835 г.) женился во второй разъ въ 1810 г. на своей племянницѣ

Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой — дочери Николая Александровича Львова, составительницѣ представляемыхъ нынѣ «Разсказовъ» и мачихѣ композитора Алексѣя Ѳедоровича Львова, которому она, впрочемъ, вполнѣ замѣнила родную мать, любила и гордилась имъ, какъ видно изъ этихъ же Записокъ, какъ роднымъ сыномъ.

Елисавета Николаевна Львова, рано потерявъ отца (1803 г.) и мать (1807 г.), росла и воспитывалась въ домѣ поэта Державина, жена котораго была ея родная тетка. Маститый поэтъ очень любилъ Елисавету Николаевну и, между прочимъ, ей диктовалъ «Объясненія» на свои сочиненія, которыя и были изданы ея мужемъ Ѳ. П. Львовымъ въ 1835 г. Она умерла въ 1864 году, на 76-мъ году отъ рожденія [1]). По своимъ родственнымъ связямъ и общественному положенію, — она могла многое знать о томъ, что происходило въ высшихъ сферахъ общества, и разсказы ея—вполнѣ интересны. Ред.

Кто-то спросилъ у покойнаго великаго князя Михаила Павловича: «Quelle journée a été la plus terrible pour l'Empereur, le 7 Novembre ou le 14 Décembre?» Le Grand-Duc répondit:

— «Le 14 Decembre l'Empereur Nicolas a eu affaire aux hommes et le 7 Novembre l'Empereur Alexandre a eu affaire à Dieu!»

Вы должны знать, друзья мои, что было ужасное наводненіе въ Петербургѣ, 7-го ноября, и государь Александръ Павловичъ самъ присутствовалъ на погребеніи 278 тѣлъ, которыя погибли на чугунномъ заводѣ въ Екатерингофѣ; а сколько людей погибло около Петербурга!—Тогда же учрежденъ былъ комитетъ для вспоможенія всѣмъ, которые пострадали отъ наводненія. А 14-го декабря былъ открытъ заговоръ противъ государя Александра Павловича, который скончался въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 года, и заговоръ этотъ, составленный изъ многихъ лицъ лучшихъ фамилій, имѣлъ вліяніе на государя Николая Павловича, который такъ величественно себя показалъ 14-го декабря, выѣхавъ съ твердостію на площадь Исакіевскую, въ половинѣ покрытую мятежниками.—Узнавъ, что Преображенскій полкъ и нѣкоторые другіе полки, оставшіеся царю вѣрными, тоже прибыли на площадь, Государь, будучи въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ, при графѣ Павлѣ Васильевичѣ Кутузовѣ, открылъ евангеліе, которое всегда лежитъ (1854 г.) у него на столѣ:

— «Посмотри,—сказалъ онъ,—Павелъ Васильевичъ, какой стихъ мнѣ вышелъ: Азъ есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ, иже нѣсть пастырь, бѣжитъ!» И тутъ же Государь приказалъ подать ему лошадь и выѣхалъ на площадь, гдѣ собраны были всѣ мятежники, и графъ Милора-

---

[1]) Изъ замѣтокъ сообщ. Акад. Я. К. Гротомъ и П. Н. Петровымъ.

довичъ вскорѣ былъ раненъ пулею, отъ которой чрезъ нѣсколько дней и умеръ. Государь, видя, что нѣкоторые Преображенскіе солдаты кивали головой, какъ пули пролетали мимо ихъ, сказалъ:

— «Напрасно, служивые, виноватаго пуля сыщетъ».

Вечеромъ, когда уже мятежники по замершей Невѣ бѣжали, то Царь приказалъ преданнымъ ему войскамъ стать на биваки около Зимняго дворца, и тяжело было видѣть его освѣщеннымъ, среди темной ночи, кострами, которые солдаты развели кругомъ его, чтобы согрѣться около огня!

[Записано 15-го октября 1854 г.].

При восшествіи на престолъ Государя Николая Павловича, однажды всѣ были собраны въ Зимнемъ дворцѣ и государя окружали всѣ его приближенные; графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ стоялъ поодаль; когда Государь его къ себѣ подозвалъ, тотъ, поспѣшивъ исполнить это, побѣжалъ и чуть не упалъ на скользкомъ паркетѣ. Башмаковъ удержалъ графа и сказалъ:

— Prenez garde, Comte, les parquets de la Cour sont glissants.

— Jamais ils ne le seront pour vous, Orloff,—dit l'Empereur en lui tendant sa main avec amitié.

Не смотря на очень холодную зиму въ 1830 году, Государь Николай Павловичъ всегда ходилъ гулять по Невской набережной. Однажды онъ видитъ, что передъ нимъ идетъ человѣкъ въ холодномъ сюртукѣ и согрѣваетъ руки свои, то кладя ихъ въ карманъ, то дыша на нихъ. Государь ускорилъ шагъ и, нагнавъ его, торопливо спросилъ:

— «Неужели у васъ одинъ сюртукъ?»

— Шинель отдалъ въ починку,—отвѣчалъ ему бѣдный человѣкъ.

— «Ступайте скорѣе на гауптвахту,—съ поспѣшностью сказалъ Государь,—на гауптвахту», и самъ шибче съ нимъ пошелъ—стараясь по дыханію бѣднаго узнать—не пьянъ-ли онъ; но видя, что этого нѣтъ, и разспросивъ его дорогой, узнаетъ, что онъ учитель русскаго языка въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ и что уже 18 лѣтъ онъ тамъ преподаетъ. Самъ этотъ учитель разсказывалъ, что онъ сначала понять не могъ, за что его Государь за холодный сюртукъ посылаетъ на гауптвахту, и послѣ раздумалъ, что тамъ было тепло и онъ совершенно тамъ согрѣлся, когда отъ имени Государя принесли ему теплую шинель и онъ пошелъ домой самымъ счастливымъ человѣкомъ; но Государь такъ это не оставилъ, послалъ за генераломъ

Клингенбергомъ, который былъ тогда начальникомъ всѣхъ корпусовъ, и, увидя его, спросилъ:

— «Кто у тебя преподаетъ въ Первомъ корпусѣ русскій языкъ?»

— Кажется, Ивановъ, Ваше Величество.

— «Каковъ онъ?»—спросилъ государь.

— Бѣдный, но очень хорошій человѣкъ,—отвѣчалъ Клингенбергъ,—болѣе 18-ти лѣтъ, какъ онъ у насъ профессоромъ.

— «И тебѣ не стыдно,—сказалъ Государь,—что онъ въ сегодняшній морозъ шелъ изъ корпуса въ одномъ сюртукѣ. Пошли за нимъ, опредѣли ему двойное жалованье, которое обратить ему въ пенсію какъ перестанетъ служить».

Не разъ вы слышали, друзья мои [1]), про графа Аракчеева и какъ трудно было А. Ѳ. Львову, выйдя изъ института путей сообщенія, идти къ нему служить; онъ принужденъ былъ это сдѣлать, потому что Государемъ Александромъ Павловичемъ приказано было перваго офицера, кончившаго курсъ и котораго имя золотыми буквами выставлено было на доскѣ въ институтѣ, непремѣнно отправить на военное поселеніе, гдѣ производились большія постройки. Въ книжкахъ, что̀ писалъ А. Ѳ. Львовъ, вы увидите, какъ трудно было ему служить у графа Аракчеева, который, однако, его любилъ и старался отличать его. Однажды А. Ѳ. Львову очень было пріятно: пріѣхалъ на поселеніе Государь Александръ Павловичъ съ большою свитою и вмѣстѣ съ нынѣ царствующимъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ [2]), бывшимъ тогда великимъ княземъ. Графъ, показавъ Государю постройки А. Ѳ. Львова, сказалъ:

— Вотъ Львовъ, Ваше Величество, онъ ихъ производилъ; отличный офицеръ.

А. Ѳ. Львовъ низко кланялся, какъ вдругъ великій князь Николай Павловичъ, обернувшись къ нему, спрашиваетъ:

— «Не братья-ли ваши служатъ у меня въ Измайловскомъ полку?»

— Братья родные (Илья и Василій Ѳедоровичи),—отвѣчалъ Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ.

Великій князь сказалъ государю:

— Отличные офицеры, Ваше Величество.

За нѣсколько дней предъ этимъ, маркизъ Паулучи, у котораго Петръ и Николай Ѳедоровичи Львовы служили въ Ригѣ, представляя ихъ къ наградѣ, сказалъ Государю:

---

[1]) Елисавета Николаевна Львова обращается къ своимъ внукамъ, для которыхъ и писаны ею эти разсказы. Ред.

[2]) Писано въ 1854 г.

— Отличные офицеры, Ваше Величество!

Не истинное-ли счастье было отцу этихъ офицеровъ Ѳ. П. Львову слышать это и какъ трудная служба А. Ѳ. Львова была полезна ему впередъ! Когда графъ Бенкендорфъ сталъ просить у Государя Николая Павловича А. Ѳ. Львова къ себѣ въ адъютанты, Государь сказалъ:

— «Возьми его, отличный офицеръ, восемь лѣтъ выслужилъ у графа Аракчеева».

Трудно представить себѣ какъ служба при Аракчеевѣ была тяжела, а оставить ее было невозможно, потому что графъ Аракчеевъ никогда не прощалъ тому, кто перемѣнялъ службу у него на другую, и какъ ни трудна она была, но и теперь А. Ѳ. Львовъ (1854 г.) часто вспоминаетъ сколькимъ онъ обязанъ былъ графу Аракчееву, который истинно его цѣнилъ.

Въ 1833 году Государь Николай Павловичъ съ Императрицею посѣтили помѣстье графа Бенкендорфа Фалль, близь Ревеля. Надобно же такъ случиться, что А. Ѳ. Львовъ пріѣхалъ въ Ревель именно 25-го мая, въ день своего рожденія, на мѣсто, гдѣ онъ родился, черезъ 34 года. Мнѣ жаль было, что А. Ѳ. Львовъ не сказалъ объ этомъ графу; это событіе, конечно, заняло бы и Царя по милостивому его расположенію къ А. Ѳ. Львову. Государь, увидѣвъ висячій мостъ, что А. Ѳ. Львовъ построилъ въ Фаллѣ, на очень быстрой рѣчкѣ, шириною въ 100 футъ, сказалъ:

— «Это Львовъ свой смычокъ перекинулъ съ берега на берегъ».

И точно, мостъ всѣхъ и по сію пору удивляетъ своею легкостью и заставилъ самого Государя замѣтить, что А. Ѳ. Львовъ не попустому учился въ институтѣ путей сообщенія.

Въ 1833 году, когда графъ Бенкендорфъ доложилъ Государю, что А. Ѳ. Львовъ написалъ, по его приказанію, народный гимнъ, то и собраны были въ пѣвческой капеллѣ цѣлый оркестръ и всѣ пѣвчіе. Государь съ Императрицею и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ пріѣхали и, выслушавъ «Боже Царя храни», Государь сказалъ: «Еще». Въ другой, въ третій и, наконецъ, въ четвертый разъ прослушавъ эту музыку, Государь подошелъ къ А. Ѳ. Львову, обнялъ его и, крѣпко поцѣловавъ, сказалъ:

— «Спасибо, спасибо, прелестно; ты совершенно понялъ меня».

Ѳ. П. Львовъ и я находились тогда въ залѣ, и вы можете себѣ вообразить какъ сердце у насъ радовалось, видя какъ А. Ѳ. Львовъ своимъ талантомъ угодилъ Царю; но до 6-го декабря прошло три мѣсяца и о музыкѣ «Боже Царя храни» ни слова не было слышно;

знали мы, что многіе новую музыку сочиняютъ на эти слова, что даже у Императрицы въ гостиной поютъ и играютъ сочиненія эти, что Царь слышитъ и ни слова не говоритъ; какъ вдругъ узнаемъ, что онъ приказалъ 6-го декабря (1833 г.), въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, послѣ спектакля спѣть и сыграть А. Ѳ. Львова «Боже Царя храни». Вы можете себѣ вообразить какое эта музыка сдѣлала впечатлѣніе на всѣхъ; вся публика (весь театръ былъ полнъ) стояла во все время, пока три раза, по ея требованію, гимнъ этотъ повторялся, и прислали пышное описаніе сюда—какъ приняли московскіе жители сію молитву русскаго народа. Но Государь ни слова А. Ѳ. Львову не говорилъ и, наконецъ, 25-го декабря (1833 г.), въ день, въ который празднуютъ изгнаніе французовъ изъ Россіи, «Боже Царя храни» было играно во всѣхъ залахъ Зимняго дворца, гдѣ были собраны войска. Ѳ. П. Львовъ безъ слезъ слышать не могъ равнодушно это сочиненіе; А. Ѳ. Львовъ былъ тогда дома; онъ не могъ рѣшиться ѣхать во дворецъ въ этотъ день, знавъ, что «Боже Царя храни» играть и пѣть будутъ, и утѣшенъ былъ крайне, получивъ отъ графа Бенкендорфа слѣдующую записочку:

«Mon cher ami, on a joué votre belle composition; on ne pouvait pas la produire plus dignement dans le monde, que pour ce jour de gloire et de bonheur pour la Chretienté et la Russie. L'Empereur est enchanté de ce morceau. Il me charge de vous dire, que le Prince d'Orange en est extasié et que vous ayez à lui porter vous même la musique avec les paroles, car il désire faire votre connaissance. A. Benkendorff».

«25 Decembre 1833».

Въ 1834 году однажды А. Ѳ. Львовъ приглашенъ былъ на вечеръ къ Императрицѣ, которая приняла его въ своей купальнѣ: небольшая комната, изящно отдѣланная, гдѣ бьетъ ключъ въ большую, необыкновенной красоты, раковину и оттуда вода льется уже въ бѣлаго мрамора ванну. Онъ нашелъ тутъ Императрицу, всѣхъ великихъ княжонъ и князей, графа Вielьгорскаго и Толстаго; едва комната была освѣщена слабымъ свѣтомъ покрытой лампы и Императрица, услышавъ, что идетъ Государь по его маленькой лѣстницѣ къ ней, предложила всѣмъ запѣть гимнъ: «Боже Царя храни» въ полголоса; первая сама запѣла. Государь, услышавъ пѣніе, остановился и потомъ, весь въ слезахъ, сошелъ и кинулся цѣловать Царицу и всѣхъ дѣтей.

Вы можете себѣ представить, что происходило тогда въ душѣ А. Ѳ. Львова; Царица позвала его, зная какое ему будетъ наслажденіе видѣть—въ какія счастливыя минуты молитва его поется....

[Писано 28-го ноября 1854 г.].

Вы будете читать въ книжкахъ, что̀ писалъ для васъ А. Ѳ. Львовъ, какъ составились при дворѣ концертные вечера домашніе, въ которыхъ Императрица, Государь, всѣ великіе княжны и князья съ самыми приближенными людьми участвовали. Государь, играя на трубѣ, поручилъ А. Ѳ. Львову всегда за нѣсколько минутъ передъ концертнымъ вечеромъ приходить къ нему въ кабинетъ, чтобы проиграть съ нимъ его партію. Однажды А. Ѳ. Львовъ, войдя въ кабинетъ, нашелъ у Государя князя Александра Николаевича Голицына, тогдашняго канцлера всѣхъ россійскихъ орденовъ. Государь сталъ проигрывать свой голосъ и такъ какъ у него отличный слухъ и embouchure, А. Ѳ. Львовъ, обратясь къ князю Голицыну, сказалъ:

— Чудная сила и вѣрность у Государя.

— «Vil flatteur»,—dit l'Empereur, en se retournant ayant le sourir sur les lèvres.

— Je n'en aurai rien dit, Votre Majesté, si ce n'était pas la vérité,—отвѣчалъ А. Ѳ. Львовъ.

Вслѣдствіе этихъ музыкальныхъ вечеровъ, однажды, 3-го августа 1834 г., въ Петергофѣ Императрица приноситъ А. Ѳ. Львову гравированную картинку, что̀ у меня (1854 г.) виситъ, говоря:

— «M-r Lvoff, voilà le portrait de mon mari pour vous».

Что̀ же А. Ѳ. Львовъ на картинкѣ видитъ?

Представленъ человѣкъ, играющій на тромбонѣ съ такимъ восторгомъ, что не примѣчаетъ, что уже два часа съ половиной ночи, что отъ его музыки ребенокъ раскричался, что свѣчки у пульпета догорѣли и что его никто уговорить не можетъ перестать играть.

Государь, увидя картинку, сказалъ:

— «Oui, oui, c'est mon portrait, c'est moi qui joue du trombon».

Самыя эти слова написаны мною позади картинки.

А. Ѳ. Львовъ сочинилъ музыку на молитву «Отче нашъ». Государь, услышавъ ее и какъ она ему понравилась, сказалъ Львову, что онъ желаетъ, чтобы она и его-же «Иже Херувимская пѣснь» остались при служеніи во дворцѣ. А. Ѳ. Львовъ принялъ это приказаніе съ большою радостью, но какъ однажды Государь ему сказалъ:

— «Пусть управляющій клиросомъ взглянетъ на меня и я ему дамъ знакъ головой, когда угодно мнѣ будетъ, чтобы спѣли «Отче нашъ» Бортнянскаго»,— то всегда это и дѣлалось.

А. Ѳ. Львовъ и сказалъ Государю: «Ваше Величество, если угодно вамъ, чтобы и мое «Отче нашъ» пѣли, то нуженъ условный знакъ».

— «Это правда»,—отвѣчалъ Государь и, подумавъ немного, ска-

залъ: «Когда я захочу слышать Бортнянскаго музыку, то сдѣлаю знакъ головой, но когда твою, то сложу руки на грудь!»

Въ первый разъ послѣ этого, что я услышала въ Царскомъ Селѣ въ дворцовой церкви А. Ѳ. Львова «Отче нашъ» и вспомнивъ слова Государя, и представивъ себѣ какъ онъ, могучій государь, сложивъ руки на грудь, съ покорностью повторяетъ: «Да будетъ воля Твоя», у меня такъ и брызнули слезы. Потомъ онъ говорилъ А. Ѳ. Львову, что всегда со слезами слышитъ его «Отче нашъ».

Теперь его нѣтъ съ нами и отъ мысли этой едва вижу, что̀ пишу, и вспоминаю столько его дорогихъ рѣчей! Онъ говоривалъ, что «когда онъ у обѣдни, то онъ рѣшительно стоитъ передъ Богомъ и ни о чемъ земномъ не думаетъ». Надобно было его видѣть у обѣдни, чтобъ увѣриться въ этихъ словахъ; законъ такъ твердо напечатлѣнъ былъ въ душѣ его и въ дѣйствіяхъ его—это было и видно — безъ всякаго ханжества или фанатизма; какое почтеніе онъ имѣлъ къ святынѣ, какъ требовалъ, чтобы дѣти и внуки, безо всякаго развлеченія, слушали обѣдню. Я очень помню, однажды увидѣла я издалека его ѣдущаго на дрожкахъ въ Петергофѣ по аллеѣ Самсоновской; вдругъ вижу, что онъ сошелъ съ дрожекъ, снялъ свою бѣлую фуражку, потомъ сѣлъ и поѣхалъ далѣе. Подошла я къ часовому, что тутъ стоялъ, и спросила: видѣлъ-ли онъ, что Государь сходилъ съ дрожекъ и снималъ свою фуражку?

— Видѣлъ,—отвѣчалъ часовой,—возлѣ сада везли покойника, Государь остановился, снялъ фуражку, перекрестился и поѣхалъ далѣе.

Какъ часто я и другіе видали, что онъ съ благоговѣніемъ крестился ѣхавъ мимо церкви, и дѣлалъ это такъ просто, что видно было, что онъ находилъ въ этомъ наслажденіе души!

[Писано въ 1855 г., мартъ].

Въ 1835 году 17-го сентября, Государь Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ, положили основаніе памятника на мѣстѣ, гдѣ было сраженіе Кульмское, извѣстное тѣмъ, что четыре русскіе полка противостояли и пробились между 40-тысячнымъ непріятельскимъ корпусомъ. Государь тутъ вспомнилъ, что Ермоловъ и графъ Остерманъ-Толстой за это славное дѣло не были награждены Государемъ Александромъ; тотчасъ, съ самаго мѣста, послалъ двухъ фельдъегерей съ андреевскими знаками къ Ермолову и Толстому, что несказанно ихъ обоихъ обрадовало. Нѣсколько времени спустя, Государь увидѣлъ во дворцѣ, въ Москвѣ, Ермолова, который, наклоня голову, подошедъ къ Царю, сказалъ:

— Благодарю, благодарю и благодарю.

— «Не тотъ благодаритъ,— сказалъ Государь,—кто получаетъ, а тотъ кто награждаетъ».

Въ 1831 году появилась у насъ холера и до 1836 года нѣсколько разъ уже свирѣпствовала въ Петербургѣ; въ этотъ годъ занемогъ ею графъ Бенкендорфъ и такъ какъ Государь сбирался ѣхать въ вояжъ, какъ обыкновенно онъ ѣздилъ въ концѣ августа по Россіи, то графъ, вышедъ изъ его кабинета въ Петергофскомъ дворцѣ и нашедъ А. Ѳ. Львова на балконѣ близъ кабинета, сказалъ ему:

— Я не могу, по причинѣ болѣзни, ѣхать съ Государемъ, а ѣдетъ Орловъ, но Государь сказалъ мнѣ: дай мнѣ хоть Львова.

Легко представить себѣ какъ было пріятно Львову, что такъ Государь милостиво о немъ вспомнилъ. На другой день Государь уѣхалъ и я проводила А. Ѳ. Львова; въ Александровъ день, услышавъ, что графъ Бенкендорфъ, по болѣзни, еще не выѣзжаетъ, но принимаетъ къ себѣ, я и поѣхала его поздравить съ имянинами; онъ меня очень любезно принялъ, извинялся, что въ шинели, сталъ мнѣ хвалить А. Ѳ. Львова, говоря, что какъ Государь его любитъ, и пр.

— Вамъ мы за все это обязаны, графъ,—сказала я ему,—и Государь бы его такъ не зналъ, если бы вы ему его такъ-бы не отрекомендовали.

— Конечно,—отвѣчалъ графъ,—вотъ и послѣдній разъ, когда я отказался по болѣзни ѣхать съ Государемъ, я поспѣшилъ ему сказать: позвольте хоть Львову ѣхать съ вами!

Онъ и забылъ, что, выйдя изъ кабинета Царя, онъ Львову царскія слова сказалъ, а нѣсколько дней послѣ мнѣ передалъ разговоръ иначе, желая себя выставить. Со всѣмъ тѣмъ, графъ былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ!

Въ 1837 году Государь Николай Павловичъ въ первый разъ пожелалъ посѣтить Кавказъ. А. Ѳ. Львовъ обстоятельно описываетъ это путешествіе и я къ этому прибавлю только нѣкоторыя слова Государя, которыя докажутъ какъ Царь былъ милостивъ въ своемъ обхожденіи съ А. Ѳ. Львовымъ.

Изъ Керчи Государь отправился на пароходѣ въ Редутъ-Кале; осенью очень жестокія бури бываютъ на Черномъ морѣ, но, не смотря на это, Государь поѣхалъ, и часто, прогуливаясь по палубѣ, въ своей старой сѣрой шинели, онъ пѣлъ нѣкоторыя молитвы и заставлялъ и А. Ѳ. Львова пѣть.

— Я не имѣю никакого голоса,—говорилъ А. Ѳ. Львовъ.

— «Не можетъ быть,—отвѣчалъ Государь смѣючись,—ты говоришь и голосъ долженъ быть».

Сдѣлалось вдругъ очень свѣжо на морѣ, пароходъ жестоко качало. А. Ѳ. Львовъ, гуляя по палубѣ съ Царемъ, который завертывался въ свою шинель и говорилъ: «Какая погода», отвѣчалъ ему:

— Да, Ваше Величество, кажется, не слѣдовало бы вамъ путешествовать по Черному морю въ сентябрѣ.

— «Да,—сказалъ Царь,—это правда; но вся Европа знала, что я ѣду на Кавказъ, и если бы я отмѣнилъ свою поѣздку, то что-бы она сказала?»

Самъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ разсказывалъ мнѣ (онъ командовалъ пароходомъ), что буря такъ была сильна, когда они подъѣзжали къ берегамъ, что онъ, видя опасность, которой подвергался царь,—выбиралъ скалу, о которую пароходъ долженъ бы былъ не такъ жестоко разбиться; но Господь чудомъ спасъ Царя; вѣтеръ стихъ и хотя волненіе еще было жестокое, Государь, видя, что Лазаревъ хотѣлъ на катерѣ ѣхать на берегъ, чтобъ узнать, можно-ли и Государя перевезти, сказалъ ему:

— «Если ты ѣдешь, то и я могу ѣхать», и сѣлъ съ нимъ въ катеръ, и лишь ступилъ на берегъ, изъ всѣхъ орудій на ближнихъ крѣпостяхъ велѣлъ стрѣлять и возвѣстить всему Кавказу, что онъ тутъ. Вы можете себѣ представить какое это сдѣлало впечатлѣніе на весь этотъ дикій, но величественный край! Было уже темно, какъ Государь вышелъ на берегъ, который окруженъ въ близкомъ разстояніи горами. Онъ видитъ, что по ихъ хребтамъ движутся въ большомъ количествѣ маленькіе огоньки. «Что это такое?»—спрашиваетъ Государь.

— Это, Ваше Величество, немирные черкесы,—отвѣчаютъ ему,—которые прискакали, узнавъ, что вы здѣсь.

Многіе мнѣ разсказывали, что путешествіе это большое сдѣлало вліяніе на весь край, и тогда же Царь, ѣздивъ одинъ верхомъ по горамъ, привлекъ къ себѣ самыхъ немирныхъ черкесовъ и если бы довѣренные люди, которые управляли этимъ краемъ, умѣли бы сохранить и усилить это впечатлѣніе, то по сію пору Кавказъ уже былъ бы не то, что онъ теперь есть (1855 г.).

А. Ѳ. Львовъ 14 лѣтъ всегда ѣздилъ въ путешествіяхъ Государя Николая Павловича и даже въ день свадьбы Алексѣя Ѳедоровича, которая была 6-го ноября 1838 г., въ Аничковскомъ дворцѣ, Государь, будучи посаженымъ отцомъ у А. Ѳ. Львова, послѣ церемоніи подошелъ меня поздравить и мою руку поцѣловалъ, а я—его,

съ большимъ чувствомъ благодарности, и вдругъ онъ у меня спросилъ:

— «Не сѣтуете-ли вы на меня за то, что такъ часто я у васъ беру Алексѣя?»

Легко повѣрить какъ радостно мнѣ было это слышать. И точно, до самаго 1839 года А. Ѳ. Львовъ продолжалъ сопутствовать Государю. Въ 1832 году, въ путешествіи, сидя втроемъ за столомъ—Государь, Бенкендорфъ и А. Ѳ. Львовъ—Государь у него спросилъ:

— «Сколько тебѣ лѣтъ?»

— 33 года,—отвѣчалъ Львовъ.

— Въ его лѣта я давно уже былъ генераломъ,—сказалъ Бенкендорфъ.

— «Да, вы въ сорочкѣ родились,—сказалъ Государь,—я самъ былъ восемь лѣтъ дивизіоннымъ».

Въ 1840 году познакомились въ Эмсѣ съ извѣстнымъ композиторомъ Мейерберомъ, который сочинилъ нѣсколько оперъ; узнавъ, что онъ пишетъ новую, и чтобы сказать ему что нибудь привѣтливое, я подошла къ нему.

— Vous composez,—lui dis-je,—un nouvel opéra, et quel en est le titre?

— Je me suis donné parole,—me répondit Meyerbeer,—de ne pas le dire à personne.

— Pardonnez,—lui dis-je,—ma curiosité, mais avouez que c'était une question toute naturelle,—et notre conversation fini là.

Чрезъ нѣсколько дней у Императрицы Александры Ѳеодоровны былъ музыкальный вечеръ и она милостиво о насъ всѣхъ вспомнила и пригласила къ себѣ. Тутъ мы нашли и Мейербера, съ которымъ—я видѣла—Императрица очень милостиво говорила; на другой день Мейерберъ приходитъ къ намъ и говоритъ мнѣ:

— Ce que c'est qu'une tête couronnée! Je m'étais donné parole de ne dire à personne le nom que porte mon nouvel opéra, eh bien, elle me fit la même question que vous me fîtes dernièrement, Madame de Lvoff, et je lui ai tout de suite répondu:

— «Le prophète», Votre Majesté.

Когда еще обѣ наши великія княжны, Ольга и Александра Николаевны, были не замужемъ, былъ данъ балъ въ Дворянскомъ собраніи и весь Дворъ его посѣтилъ; я была тамъ тоже и, стоя въ галлереѣ, вижу, что подходитъ ко мнѣ Государь, спрашиваетъ меня о здоровьи моемъ и здоровьи моей невѣстки (жены А. Ѳ. Львова) и потомъ сказалъ:

— «Я знаю—почему она не хотѣла послѣдній разъ меня принять, когда я былъ у васъ».

— Другой причины не было, Ваше Величество,—отвѣчала я,—она была нездорова и не могла принять васъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ,—живо сказалъ Государь,—она знаетъ, что я васъ люблю, и меня къ вамъ ревнуетъ».

Я засмѣялась; «сердце сердцу вѣсть подаетъ,—отвѣчала я,—и я васъ очень люблю».

Государь тоже засмѣялся и Рибопьеръ послѣ сказалъ мнѣ:

— Oh! j'ai bien entendu les déclarations que vous vous êtes faites mutuellement.

Увидя великую княжну Ольгу Николаевну, я сказала Государю:

— Ваше Величество, вотъ истинная красавица!

Государь улыбнулся, глядя на нее, и сказалъ:

— «Я и отецъ, но не могу не сказать: прелесть какъ хороша!»

Ѳедоръ Петровичъ Львовъ говоритъ въ своихъ Запискахъ: «Музыка вводитъ человѣка въ самого себя». Я вспомнила, что это были самыя слова Государя Николая Павловича, когда онъ услышалъ въ первой разъ концертъ, что̀ А. Ѳ. Львовъ поднесъ ему и игралъ въ публикѣ, въ залѣ Дворянскаго собранія, въ 1841 году. Въ этомъ концертѣ въ пользу Патріотическихъ школъ участвовали всѣ любители и любительницы музыки, и Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ сыгралъ тогда со всѣмъ оркестромъ свой концертъ при всемъ Дворѣ и при многочисленной публикѣ. Лишь только онъ кончилъ, Государь за нимъ прислалъ, вышелъ къ нему на встрѣчу изъ ложи, обнялъ его и сказалъ:

— «Никогда такъ музыка на меня не подѣйствовала какъ сегодня; мнѣ совѣстно было, я прятался за колонну, чтобы никто моихъ слезъ не видалъ; ты заставилъ меня войти въ самого себя!»

[Записано въ ноябрѣ 1854 г.].

А. Ѳ. Львовъ, бывъ однажды въ вояжѣ съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, пріѣхалъ на одну станцію (кажется, въ Минской губерніи), гдѣ предводитель былъ полякъ, очень чванный графъ, и который во всѣхъ орденахъ и въ мундирѣ ожидалъ пріѣзда Царя, приготовивъ отличный завтракъ. А. Ѳ. Львовъ, увидя его въ такомъ нарядѣ, сказалъ: «Напрасно вы такъ церемонно встрѣчаете Государя, онъ этого не любитъ; не лучше-ли вамъ переодѣться?» Но этого было сдѣлать невозможно, потому что графъ жилъ въ деревнѣ, за нѣсколько верстъ отъ станціи; онъ, видя, что А. Ѳ. Львовъ спѣ-

шитъ уѣхать прежде пріѣзда Государя, сталъ его просить чего нибудь покушать въ особенной комнатѣ, самъ принесъ ему рябчикъ и вино, и лишь только А. Ѳ. Львовъ успѣлъ отрѣзать кусочекъ, увидя издалека коляску Государя, онъ поблагодарилъ предводителя, взялъ свою фуражку, хлопнулъ дверью, сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ далѣе.

Мѣсяца три спустя, вдругъ пишетъ Дарья Ѳедоровна Семенова, что она вѣрить не хочетъ слухамъ, которые дошли до нея, что будто А. Ѳ. Львовъ, увидя, что предводитель не могъ перемѣнить своего наряда, заперъ его въ особой комнатѣ и увезъ съ собою ключъ. Что же это было? Когда Львовъ съ поспѣшностью вышелъ изъ комнаты и хлопнулъ дверью, замокъ соскочилъ, а ключъ выпалъ и его у двери не нашли, что и заставило предводителя подумать, что А. Ѳ. Львовъ его заперъ, и онъ простить этого не могъ Львову и всѣмъ жаловался на него и изъ этакой бездѣлицы онъ сдѣлался его врагъ. Я думаю—куда какъ невесело было предводителю сидѣть взаперти и видѣть, какъ Государь пріѣхалъ и уѣхалъ не попробовавъ даже славнаго его завтрака.

Написавъ послѣдній разъ про Кавказъ, я вспомнила, что случилось однажды съ А. Ѳ. Львовымъ. По воскресеньямъ всегда онъ, прежде обѣдни, ѣздилъ съ докладомъ къ графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову. Графъ бумаги всѣ подписывалъ и отвозилъ ихъ къ Государю и часа черезъ два, послѣ обѣдни, присылалъ ихъ обратно къ А. Ѳ. Львову съ царскою подписью. Однажды, въ воскресенье утромъ, приходитъ къ А. Ѳ. Львову въ кабинетъ линейный казакъ, служившій въ конвоѣ уже болѣе 15-ти лѣтъ; слезы градомъ лились по лицу его.

— Что съ тобой?—спросилъ А. Ѳ. Львовъ.

— Горе,—отвѣчалъ казакъ.—Холерой на Кавказѣ умеръ мой отецъ и жена; пять сиротъ остались на рукахъ слѣпой матери; хлѣбъ мой выбило градомъ и къ тому же и хата моя сгорѣла. Ваше превосходительство, отпустите меня въ отпускъ!

У А. Ѳ. Львова сердце кровью облилось; онъ заставилъ тутъ же писаря, который писалъ доклады царю, написать—какъ будто уже докладъ отъ графа Орлова, въ которомъ онъ, излагая всѣ несчастія, постигшія этого казака, проситъ Государя отпустить казака въ отпускъ и приказать дать ему на подъемъ 75 р. сер. Когда все было готово, А. Ѳ. Львовъ повезъ всѣ доклады къ графу, который, прочитавъ бумагу о казакѣ, сказалъ:

— Зачѣмъ 75 р.?—напишите 25.

А. Ѳ. Львовъ мнѣ разсказывалъ, что такое тяжелое чувство на-

полнило его сердце противъ графа, что онъ даже не остерегся, съ живостью взялъ докладъ.

— Прикажете переписать?—сказалъ онъ графу.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—садись и выскобли.

А. Ѳ. Львовъ выскоблилъ и поѣхалъ къ обѣднѣ во дворецъ; возвратившись домой, мнѣ все это разсказываетъ, какъ получаетъ обратно весь докладъ. Первое его движеніе было посмотрѣть бумагу о казакѣ и вы можете себѣ вообразить его радость, какъ увидѣлъ собственною рукою Царя замарано 25 и написано 150 р. Я предполагаю, что Государь видѣлъ, что написано было на бумагѣ болѣе 25-ти и стерто. Его душа приложила къ себѣ все горе несчастнаго казака, а графъ Орловъ не взялъ такого участія....

Прежде нежели устроено было шоссе изъ Стрѣльны прямо въ Красное Село, была тутъ дорога очень дурная, особенно въ дождливое время. Государь ѣздилъ по ней, когда войска стояли въ Красномъ Селѣ; однажды поѣхалъ онъ въ коляскѣ четверкой съ Императрицею; грязь была ужасная; онъ нетерпѣливо подъѣзжалъ къ подставѣ, которая должна была быть на половинѣ дороги, и съ досадой видитъ, что ея нѣтъ; усталыя лошади, всѣ въ мылѣ, съ трудомъ бѣгутъ; наконецъ, примѣчаетъ Государь, что одна изъ коренныхъ начала шататься; побоясь, чтобы Императрица не увидѣла какъ она станетъ околѣвать, онъ закричалъ казаку, стоявшему сзади коляски, чтобы онъ поскорѣе дверцы открылъ. Въ нетерпѣніи его ему показалось, что казакъ не довольно скоро это сдѣлалъ и онъ его толкнулъ, самъ взялъ Императрицу на руки и черезъ грязь шибко перенесъ ее за нѣсколько сажень отъ коляски и, поставивъ на сухое мѣсто, самъ взялъ тройку фельдъегеря, который за нимъ слѣдовалъ; и какъ все это случилось недалеко уже отъ Краснаго Села—Государь поскакалъ въ телѣгѣ, оставивъ императрицу, и у перваго извощика въ дрожкахъ, котораго встрѣтилъ, взялъ у него возжи и поспѣшилъ воротиться назадъ; посадилъ царицу и привезъ ее въ Красное Село. Потомъ былъ у обѣдни; послѣ нея былъ церковный парадъ, на которомъ были почти всѣ военные генералы и офицеры; какъ парадъ кончился, Государь приказалъ позвать казака.

— «Я виноватъ передъ тобой,—сказалъ онъ ему,—въ запальчивости моей я тебя толкнулъ, прости меня».

У казака слезы полились ручьемъ по длиннымъ его усамъ. Ни слова выговорить онъ не могъ.

— «Прости меня,—съ живостью повторилъ Царь,—я быть покоенъ не могу».

— Прощаю, ваше величество,—рыдая произнесъ казакъ, и Государь сознаніемъ въ своей горячности успокоился.

Въ путешествіяхъ своихъ Государь Николай Павловичъ удивительно какъ умѣренъ въ своей пищѣ и разъ навсегда приказалъ своему maître d'hôtel Миллеру, чтобы за обѣдомъ у него никогда не было болѣе трехъ блюдъ, что и рѣшительно исполнялось. Однажды готовъ ужъ былъ весь обѣдъ Государя, когда приносятъ Миллеру самыя свѣжія форели; онъ подходитъ къ графу Орлову и проситъ позволеніе ихъ за обѣдомъ подать, говоря, что ихъ считать за блюдо нельзя. Графъ позволилъ; сѣли за столъ—Государь, графъ и А. Ѳ. Львовъ; послѣ втораго блюда входитъ Миллеръ съ форелями.

— «Что это такое,—громко сказалъ Государь,—четвертое блюдо?—кушайте его», и самъ, бросивъ салфетку на столъ, ушелъ въ другую комнату. Орловъ и А. Ѳ. Львовъ въ большомъ замѣшательствѣ остались и не успѣли оглянуться, какъ видятъ, что Государь сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ. Графъ долго не думалъ: видя, что царь уѣхалъ одинъ, когда онъ всегда сидѣлъ съ нимъ, а А. Ѳ. Львовъ—въ коляскѣ графа, онъ сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ, не думая: какъ же Львовъ ихъ догонитъ. Что тому было дѣлать? Львовъ приказалъ осѣдлать лошадь почтовую и поскакалъ на ней до станціи,—пріѣзжаетъ, царь уже уѣхалъ; пріѣзжаетъ на другую, перемѣнивъ лошадь,—тоже не застаетъ; между тѣмъ становилось темно, проливной шелъ дождь и, наконецъ, онъ весь мокрый доскакиваетъ до той станціи, гдѣ назначенъ былъ царю ночлегъ—и кто первый А. Ѳ. Львова встрѣтилъ?—Государь! Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ: «Пріѣхалъ-ли Львовъ?» и первый его встрѣтилъ на крыльцѣ, говоря:

— «Слава Богу, какъ я радъ, что ты пріѣхалъ».

Вѣроятно, Государю сдѣлалось грустно, что онъ причиною былъ, что Львовъ болѣе ста верстъ по скверной погодѣ проскакалъ верхомъ, но ласковый его пріемъ заставилъ А. Ѳ. Львова забыть все то, что онъ вынесъ въ этотъ день.

[Записано въ 1854 г.].

Государь Николай Павловичъ, по просьбѣ А. Ѳ. Львова, обѣщался пріѣхать. окрестить со мною моего внука. Священники придворные уже собрались и пѣвчіе, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно пріѣзжаетъ Государь ровно получасомъ ранѣе чѣмъ обѣщалъ, говоря, что «нарочно это сдѣлалъ, чтобы имѣть время побесѣдовать

съ нами». Вы легко себѣ представите какъ милостивое это расположеніе насъ всѣхъ тронуло; идемъ въ кабинетъ къ моей невѣсткѣ (г-жѣ Львовой), гдѣ въ дверяхъ она Государя встрѣтила и остановилась. Государь, примѣтя ея замѣшательство, обернулся ко мнѣ и спрашиваетъ по французски:

— «Mais qu'a-t-elle donc?»

— Elle est émue,—lui ai-je répondu.

— «De quoi?»—demanda l'Empereur.

— Du bonheur de Vous voir,—ai-je dis.

L'Empereur se tourna vers А. Ѳ. Львовъ, en souriant lui dit:

— «Votre maman est en train de me faire des compliments aujourd'hui»,—et tout de suite après la cérémonie commença; tous les invités, le comte Benkendorf, le prince Wolkonsky arrivèrent plus tard et furent très étonnés de voir l'Empereur dans notre salon, faisant la causette avec nous. J'avais voulu lui presenter un fauteuil.

— «Vous me croyez trop gros,—me dit-il,—pour pouvoir me trouver bien sur une chaise»,—et il en prit une.

J'avais voulu que cette chaise ne se trouve pas chez l'ambassadeur d'Autriche qui a loué la maison de А. Ѳ. Львовъ à la Karavannaia, mais on a oublié de le faire et elle y est; mais comme il n'y en avait qu'une de cette façon-là dans le cabinet de maman, vous pourrez toujours la reconnaitre. L'Empereur resta plus d'une heure chez nous, causa d'une manière la plus agréable et nous laissa dans l'enchantement de sa visite. Lorsque nous restâmes seules, je me suis empressée de demander à m-me Lvoff [1]) le sujet de sa confusion au moment de l'arrivée de l'Empereur et j'appris d'elle qu'une de ses pantoufles s'était détachée de son pied et qu'elle avait une crainte mortelle de bouger voyant le moment où sa pantoufle glisserait sur le parquet. Vous pouvez vous imaginer comme nous avons tous ri en apprenant cela.

Е. Н. Львова.

1854—1855 гг.
Спб.

---

[1]) Невѣстка составительницы Записокъ, жена Алексѣя Ѳедоровича Львова.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ

1860—1878 [1]).

По поводу овацій Айры Ольдриджа [1]).

(Декабрь 1860 г.).

Вчера мы Ольдриджа въ театрѣ увѣнчали,
Торжественный ему мы сдѣлали пріемъ:
Публично съ трагикомъ комедію сыграли
И поднесли ему раскрашенный дипломъ.
На томъ дипломѣ мы изобразили: Лира,
Отелло, Шейлока, съ припискою такой:
«Истолкователю великаго Шекспира—
Артисты русскіе!»... Вотъ былъ тріумфъ какой!
Приписка, кажется мнѣ, не совсѣмъ толкова:
Ну, какъ Шекспира намъ онъ могъ истолковать,
Когда по англійски не знаемъ мы ни слова?
Прошу покорнѣйше тутъ смысла поискать!
Но шутки въ сторону, хоть, можетъ быть, некстати,
Но мнѣ взгрустнулося... Не смѣйтесь надо мной,
Собратія мои, что вспомнилъ я о братѣ...
Начавъ за здравіе, сведу—за упокой!
Неужли, торжество готовя для чужаго,
Роднаго трагика никто не вспомниалъ?...
Иль непонятно вамъ его казалось слово,
Когда Шекспира мысль онъ вамъ передавалъ?
Простите, не хотѣлъ я сдѣлать вамъ упрека,
Невольно молвилось словечко о родномъ—
И точно: «нѣсть въ своемъ отечествѣ пророка!»
Живому надобно и думать о живомъ!...

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 года, томъ XXVII, стр. 149—172.

Критикамъ Аделаиды Ристори.

(1861).

Не всякому дано искусство понимать;
Тутъ нужно эстетическое чувство...
А нѣтъ его въ тебѣ, не смѣй-же отрицать
Ты чуждаго твоимъ понятіямъ искусства!
Мы отъ изящнаго отвыкли ужъ давно...
Кто восхищается натурой неумытой,
Тѣмъ господамъ понять, конечно, мудрено
Пластичность дивную Ристори знаменитой.
Иные говорятъ: «въ ней женственности нѣтъ;
Игра ходульная, искусная рутина»,
Что—«вообще у ней небреженъ туалетъ...
И Федра и Юдиѳь зачѣмъ безъ кринолина!»
Другой кричитъ: «стара! въ ней тьма дурныхъ манеръ;
Грудь, голосъ и лицо ужъ черезчуръ играетъ;
Все въ ней заучено; вездѣ расчетъ, размѣръ,
И жесты странные и широко шагаетъ!»
Да, правда, что она шагаетъ широко!
Догнать ее никто на сценѣ не возьмется...
Искусство! какъ его критиковать легко,
Какъ тяжело оно артисту достается!
Чего не привелось намъ слышать, наконецъ,
Отъ критиковъ толпы придирчивой, пристрастной...
Да руки коротки, чтобы сорвать вѣнецъ
Съ высокаго чела художницы прекрасной!
Европы приговоръ—не подкупная ложь;
Хоть это-бы расчелъ иной затѣйникъ...
На даровщинку тамъ ужъ славы не возьмешь,
Не то, чтобъ удивлять свой только муравейникъ!

Реалистъ.

(1862).

Я люблю натуру; какъ себѣ хотите,
Чтобы все, формально, было на лицо!
Вы меня ужъ, просто, хлѣбомъ не кормите,
Если только слышу крѣпкое словцо...
Какъ мужикъ съ любашей въ кабакѣ напьется,
Какъ ее голубитъ подъ веселый часъ;
А потомъ, посмотришь, съ нею подерется,
За косу оттреплетъ, подобьетъ ей глазъ!
Широка въ разгулѣ русская натура!..
Въ кабакахъ мы видимъ нравовъ простоту...

Пусть же представляетъ намъ литература
Нашу грязь родную, всю, на чистоту.
Пусть кричатъ педанты, что мой взглядъ невѣренъ;
Что натуру вымыть надо иногда;
Будто вкусъ пзящный нынѣ ужъ потерянъ;
Будто въ нашихъ драмахъ—чушь и ерунда!
Что цинизмъ мужицкій съ пошлымъ разговоромъ,
Съ площадною бранью вышелъ изъ границъ;
Что поэты наши потчуютъ насъ вздоромъ;
Что въ театры нынче брать нельзя дѣвицъ!
Пусть же тѣ дѣвицы въ жизнь поглубже вникнутъ
И урокъ полезный для себя найдутъ...
Пусть сперва краснѣютъ, а потомъ привыкнутъ—
И краснѣть не будутъ, какъ во вкусъ войдутъ!
Каждая дѣвица будетъ бабой—стало:
Раньше или позже нужно все узнать...
А невинность корчить пользы нѣтъ нимало;
Въ скромницахъ-дѣвицахъ проку не бывать...
То всегда пзящно, что изъ правды выйдетъ:
Грязнаго въ природѣ нѣту ничего!
Только близорукій этого не видитъ;
Только рутинерамъ не видать того!
Пусть со всею грязью жизнь намъ представляютъ...
Мы вполнѣ оцѣнимъ честные труды:
Такъ навозъ вонючій землю удобряетъ,
А земля приноситъ чистые плоды!

Реформаторамъ русской орѳографіи [1]).

(1862).

О чемъ шумите вы, друзья, въ Большой Мѣщанской?
Зачѣмъ анаѳемѣ хотите вы предать
Ѳиту, и еръ, и ерь, и ижицу, и ять?
Иль подвигъ совершить мечтаете гигантскій,
Когда бы удалось вамъ дерзкою рукой

[1]) Вопросъ о сокращеніи русской азбуки и о преобразованіи нашего правописанія былъ поднятъ весною 1862 года. Собранія педагоговъ происходили въ залѣ второй гимназіи; они были очень шумны и интересны; мысль же объ измѣненіи письменнаго языка нашла нѣсколькихъ послѣдователей: появились книги и ландкарты, напечатанныя безъ буквъ ъ, э, ѣ, ь. Покойный Н. И. Гречъ, въ восторгѣ отъ посланія, которое П. А. Каратыгинъ прочелъ ему, отпечаталъ это стихотвореніе на особыхъ листкахъ и распространилъ въ кругу многочисленныхъ своихъ знакомыхъ. «Это мой долгъ,—говорилъ онъ,—какъ оберъ-полиціймейстера русской грамматики. Это преобразованіе—дичь, въ которую стоитъ стрѣльнуть эпиграммой». По этому поводу онъ разсказалъ П. А. Каратыгину анекдотъ, бывшій съ нимъ въ царствованіе императора Николая Павловича.

Изъ русской азбуки ихъ вытолкать въ три-шеи?
Оставьте этотъ споръ старинный и пустой!
Почище васъ брались за это грамотѣи,
Да не могли рѣшить давнишній тотъ вопросъ...
И противъ этихъ буквъ, какъ противъ супостатовъ,
Школярство поднялось!
За что, про что на нихъ гоненье началось?
Для экономіи? для сокращенья штатовъ?
Для красоты письма? иль просто, можетъ быть,
Чтобы безграмотнымъ невѣждамъ угодить?
Но, чтобы разрѣшить вопросъ такого сорту,
Такъ и грамматику послать бы лучше къ чорту!
Пиши, какъ говоришь: своему, маво, тваво...
Хоть выйдетъ ерунда, да это ничего...
За то родной языкъ для мужичковъ упрочимъ...
Мы о натурѣ всѣ ужъ такъ давно хлопочемъ!
Но кто-жъ вамъ право далъ, составивъ комитетъ,
Коверкать грамоту, непризванные судьи?
Откуда вы взялись? Гдѣ вашъ авторитетъ?...
Или васъ уважать должны мы на безлюдьи?
Вамъ—дѣлать нечего; васъ тѣшитъ этотъ споръ,
А на порядочныхъ людей тоску наводитъ.
Толчете воду вы—и безтолочь выходитъ!
Но чѣмъ же кончится вашъ судъ и приговоръ?
Намъ споры дѣльные и тѣ неудаются,
А это сходбище конецъ извѣстный ждетъ:
«Поспорятъ, пошумятъ и разойдутся»—
И дѣло далѣе Мѣщанской не пойдетъ!

Нигилисту.

Ты сомнѣвашься, рѣшительно, во всемъ:
И въ Богѣ, и въ душѣ; не вѣришь въ Провидѣнье...
Увѣрься-жъ, наконецъ, хотя въ одномъ:
Что глупъ ты! Въ этомъ ужъ не можетъ быть сомнѣнья

— Однажды Государь, разговаривая со мною о русскомъ правописаніи, спросилъ: «Скажи мнѣ, Гречъ, зачѣмъ въ нашей азбукѣ существуетъ буква ѣ?»

— Она существуетъ, ваше величество, въ видѣ знака отличія людей грамотныхъ отъ безграмотныхъ.

Засѣданія педагоговъ ничѣмъ, разумѣется, не кончились. Впрочемъ, и нынѣ въ газетахъ появляются объявленія отъ домашнихъ учителей: «педагог ищет занятій», а въ Варшавѣ издается журналъ съ подобнымъ правописаніемъ; журналъ, впрочемъ, весьма почтенный, представившій нѣсколько весьма дѣльныхъ научныхъ статей. П. К.

Ѳоминъ понедѣльникъ.

(4-е апрѣля 1866 г.).

Христосъ воскресъ—и не повѣрилъ чуду
Одинъ Ѳома, что онъ во-истину воскресъ!
И въ наше время Богъ намъ чудо посылаетъ,
Чтобъ вѣра твердая не оскудѣла въ насъ...
И чудо то, по божьему велѣнью,
Въ недѣлю о Ѳомѣ свершилось на Руси!..
Ужели мы, слѣпцы, и нынѣ усомнимся
И въ вышнемъ Промыслѣ и въ благости Творца?
Не заповѣдалъ-ли Онъ ангеламъ небеснымъ
Хранить Царя на всѣхъ его путяхъ?!
Благословенъ Господь отнынѣ и до вѣка...
Онъ, благостью своей въ насъ вѣру укрѣпилъ:
Онъ лучшаго Царя и человѣка
Для благоденствія Россіи сохранилъ!

Другу, по поводу бранной статьи о Севастополѣ.

—«Могила храбраго отечеству священна»—
Такъ предки завѣщали намъ...
И это чувство въ насъ пребудетъ неизмѣнно,
И мы передадимъ его своимъ сынамъ!
Понятно русскому твое негодованье
При оскорбленіи для насъ священныхъ мѣстъ...
Кого не возмутитъ святыни поруганье?
Кто не откликнется на честный твой протестъ?
Но, вѣрь, что клеветой и ложью ядовитой,
Никто не помрачитъ намъ дорогихъ именъ...
Крестъ, лаврами и терніемъ обвитый,
На Севастопольской Голгоѳѣ водруженъ!
Онъ служитъ намъ символомъ искупленья...
И кто бы передъ нимъ главою не поникъ!
А онъ... безвѣстный клеветникъ,
Нигдѣ не скроется отъ общаго презрѣнья!

Издателю «Колокола».

(По поводу изданія «Колокола» на французскомъ языкѣ, въ Парижѣ).

1867.

Напрасно столько лѣтъ твой «Колоколъ» трезвонилъ;
Напрасно билъ въ набатъ, гудѣлъ и завывалъ:
Ни старовѣровъ онъ возстать не урезонилъ,
Ни мужиковъ не взбунтовалъ
Довольно, пономарь, покуралесилъ...

И съ колокольни бы—долой, какъ отзвонилъ!
Нѣтъ, къ «Колоколу» ты другой языкъ привѣсилъ,
Въ Парижъ изъ Лондона его перетащилъ!
Но либеральный звонъ едва-ль Наполеону
Пріятенъ будетъ для ушей...
Смотри, чтобъ самъ тебѣ не задалъ онъ трезвону—
Держи ты ухо повострѣй!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Закулисныя эпиграммы.

1853 — 1877 гг.

1.

Съ покойнымъ трагикомъ чтобы вступить въ борьбу,
Максимовъ нашъ зашелъ далеко—
И у Гордона въ погребу
Гамлета изучалъ глубоко!
Хоть этотъ способъ, можетъ быть,
Инымъ покажется и странень,
Но надо то сообразить,
Что погребщикъ былъ англичанинъ:
Держа въ рукахъ оригиналъ,
Переводилъ Шекспира слово-въ-слово;
Максимовъ передъ нимъ роль Гамлета читалъ
По переводу Полевого [1]),
И долгій разговоръ они о томъ вели,
Какъ въ переводахъ намъ Шекспиръ не удается...
Но много-ли они вина перевели—
Во мракѣ погреба сокрытымъ остается.

2.

Тремъ переводчикамъ Гамлетъ не удался...
Чтобы поправить зло такое,
Четвертый за него взялся—
И вышло хуже—втрое!
Одно изъ двухъ: Гамлетъ едва-ль переводимъ,
Иль только на Руси ему невзгода...
За то ужъ переводчикамъ плохимъ
У насъ, рѣшительно, не будетъ перевода!

---

[1]) Фактъ—разсказанный самимъ А. М. Максимовымъ.

3.

Гамлетъ возобновленъ былъ съ роскошью большой,
Дирекція о немъ усердно постаралась;
Все отличалося блестящей новизной
И въ транспарантѣ тѣнь эффектно появлялась...
Короче: сталъ Гамлетъ теперь совсѣмъ другой—
И тѣни прежняго Гамлета не осталось!

4.

Тургеневъ хоть у насъ и славу заслужилъ,
На сценѣ-же ему не слишкомъ удается...
Въ комедіи своей онъ такъ перетонилъ,
Что скажешь нехотя: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется!»

5.

Есть два Потѣхина; о старшемъ напередъ:
Онъ написалъ «Добро чужое впрокъ нейдетъ».
Меньшой въ чужомъ добрѣ нашелъ довольно проку
И ловко за свое чужое выдаетъ.
Хоть критики его и распекли за «Доку»,
А онъ пословицу другую имъ въ отпоръ:
«Быль молодцу»-де «не укоръ!»

6.

Островскаго я не хотѣлъ обидѣть,
Но думалъ такъ на этотъ разъ:
«Своихъ людей» всегда могу я видѣть,
А гостьи этакой не видано у насъ [1]).

7.

Васильевъ, вотъ, что я замѣтить вамъ хочу:
Хотя въ иныхъ роляхъ забавны вы и ловки,
Но «Вицъ-мундиръ» [2]) ужъ вамъ совсѣмъ не по плечу,
Играли-бы себѣ въ спенкѣ или въ поддевкѣ!

8.

Успѣхъ «Воробушковъ» меня не удивляетъ;
Не мало мы найдемъ для этого причинъ:
Вѣдь на безрыбьи ракъ за рыбу отвѣчаетъ,
А на безлюдьи чѣмъ Ѳома не дворянинъ?
И кто-жъ не принималъ за правду небылицы?
Ѣдятъ воробушковъ, коль нѣтъ вкуснѣе птицы.

---

[1]) Въ вечеръ перваго представленія комедіи «Свои люди сочтемся» на Маріинскомъ театрѣ играла Ристори.

[2]) Водевиль П. А. Каратыгина.

9.

Подрядчики піесъ рѣшился, вдвоемъ
Съ поэзіей своей, пуститься въ область птичью:
Даютъ намъ «Коршуновъ», «Воробушковъ», потомъ—
Что будетъ дальше—подождемъ—
Какой они еще поподчуютъ насъ дичью!

10.

«Какъ пойдетъ нашъ «Воевода»,
Всѣ кричали напередъ:
«Посмотрите, что дохода
Онъ театру принесетъ!»
Ожиданья были долги,
Результатъ коротокъ былъ:
Вотъ явился «Сонъ на Волгѣ»
И чуть всѣхъ не усыпилъ! [1])

. . . . . .

11.

Тому назадъ четыре года
Заснулъ, казалось, вѣчнымъ сномъ
На нашей сценѣ «Воевода»
И позабыли всѣ о немъ.
И что-жъ? Вдругъ чудо совершилось
Съ похороненнымъ мертвецомъ:
Изъ драмы опера сложилась—
И воевода сталъ пѣвцомъ!
Быть можетъ, сказочнымъ сюжетомъ
Маэстро новый былъ плѣненъ;
Иль потому, что неотпѣтымъ
Былъ «Воевода» погребенъ....
Не знаемъ! Но съ судьбой упрямой
Намъ трудно совладать подчасъ—
И то же съ оперой, что съ драмой,
Случилося на этотъ разъ:
Не удалася эта сказка,
Скроенная на новый ладъ...
Едва не сдѣлала fiasco
(Какъ итальянцы говорятъ)...
Но «Воеводѣ» нѣтъ резона
Вторично покидать сей свѣтъ:
Не попросить-ли Сенъ-Леона
Состряпать изъ него балетъ?

[1]) П. А. Каратыгинъ грубо заблуждался не находя достоинствъ въ «Воеводѣ». Если это произведеніе оказалось не вполнѣ сценичнымъ, то это не отнимаетъ у него значенія одной изъ самыхъ замѣчательныхъ историко-драматическихъ хроникъ въ русской литературѣ. Ред.

12.

Васильевъ въ «Грозномъ» могъ смѣшить,
Но врядъ-ли поводъ дастъ къ сужденіямъ серьезнымъ:
Иваномъ грязнымъ онъ и грузнымъ можетъ быть,
Но мудрено ему быть грознымъ!

13.

«Ивана Грознаго» играли три актера [1]),
Но трудно автору имъ было угодить...
Четвертый—эту роль, какъ яблоко раздора,
По мнѣнью автора, могъ только раскусить.
Соперниковъ своихъ надѣвъ костюмъ потертый,
Онъ важно грознаго царя изобразилъ:
А такъ какъ Грозный самъ былъ Іоаннъ IV-й
По счету, стало быть, онъ настоящій былъ!
Хоть публика его совсѣмъ не одобряетъ,
Но что̀ судъ публики предъ авторскимъ судомъ?
Вѣнокъ четвертому самъ авторъ присуждаетъ—
И мы предъ авторомъ склоняемся челомъ—
Но «Грознаго» смотрѣть ужъ больше не пойдемъ!

14.

Безсмертный Пушкинъ нашъ изобразилъ «Бориса»;
Теперь «Бориса» вновь представилъ графъ Толстой...
Мы ограничимся пословицей одной:
— Съ богатымъ не тянись, а съ сильнымъ не борися!

15.

Нѣтъ, Шиллера «Коварство и любовь»
Не во̀-время для насъ возобновили:
Искусство ужъ давно утратило жрецовъ,
Которые ему какъ божеству служили!
Мольеръ, и Бомарше, и Шиллеръ, и Шекспиръ,
Ужъ отжили свой вѣкъ... и имъ пришелъ на смѣну
Пикантный Оффенбахъ—теперь онъ нашъ кумиръ!
Восхвалимъ-же, друзья, «Прекрасную Елену»!

16.

Самаринъ угодить лабазникамъ взялся,
Да разыгралася плохая штука:
Заставилъ онъ молоть артистовъ три часа—
А вышла не мука̀, а му̀ка! [2])

---

[1]) Самойловъ, Васильевъ—въ Петербургѣ, Шумскій—въ Москвѣ.

[2]) Комедія: «Перемелется—мука будетъ».

17.

Въ Лѣсной съ пріятелемъ мы на спектакль попали—
И досидѣть могли едва....
Тамъ «Лѣсъ» Островскаго играли,
Да—по пословицѣ: «кто въ лѣсъ, кто по дрова»!

18.

Нѣтъ, въ «Горѣ отъ ума», по моему понятью,
Каррикатурные костюмы ни къ чему..
И можно-ли того встрѣчать по платью,
Кого мы провожать привыкли по уму?

19.

Офелія съ ума отъ горя сходитъ—
И эта роль вамъ удалась весьма...
Но вашъ талантъ сомнѣніе наводитъ,
Когда играете вы «Горе отъ ума»!

20.

Въ «Женитьбѣ Фигаро» играть не хочетъ Нильскій!
Онъ правъ: онъ чувствуетъ, что дѣло выйдетъ швахъ...
И то сказать: зачѣмъ Цирюльникъ намъ Севильскій,
Когда у насъ есть свой «Цирюльникъ на Пескахъ»?

21.

Комедія Ожье, скажу я вамъ,
Сыграла съ нами злую шутку:
Актерамъ нынѣшнимъ пришлась не по зубамъ,
А публикѣ—не по желудку.

Пѣсни о Наполеонидахъ.

I.

Мальбругъ на Рейнѣ.

(Сентябрь 1870 г.).

(На голосъ: Malbrough s'en va-t-en guerre!).

Мальбругъ въ походъ собрался...
Хвалясь, идя на рать,
Пруссакамъ обѣщался,
Онъ феферу задать!
Онъ важно выѣзжаетъ
Къ войскамъ изъ Тюльери,
И музыка играетъ:
«Partant pour la Syrie!»

Мадженты, Сольферино—
Прославленный герой,
Беретъ съ собою сына
Любезнаго на бой;
Чтобъ онъ на полѣ чести
Примѣръ съ папаши бралъ;
И вотъ, съ папашей вмѣстѣ,
Войска онъ объѣзжалъ.

За ними скачетъ свита
На боевыхъ коняхъ;
Вся золотомъ облита,
Всѣ въ звѣздахъ и въ крестахъ.
То декабря втораго
Почетный Легіонъ!
Тутъ былъ и prince Moskòwa,
И храбрый Макъ-Магонъ.

Развернуты знамена,
Войска кричатъ: «вивать!»
Евгенія съ балкона
Привѣтствуетъ солдатъ!
Мальбругъ, на всѣхъ тутъ глядя,
Parole d'honneur даетъ,
Что нѣмцевъ онъ, какъ дядя,
Въ бараній рогъ согнетъ!

Что сбавитъ имъ гордыни,
Что черезъ десять дней,
Подпишетъ миръ въ Берлинѣ,
На страхъ Европѣ всей!..
И вотъ герой французскій
Кричитъ: «на Рейнъ! впередъ!»
И всѣ къ границѣ прусской
Отправились въ походъ!...

Идутъ солдаты съ шикомъ,
Народъ валитъ толпой—
И изъявляетъ крикомъ
Восторгъ телячій свой!
Оконченъ праздникъ пышный,
Пустѣетъ Тюльери...
Лишь вдалекѣ чуть слышно:
«Partant pour la Syrie!»

Вотъ дни идутъ за днями,
Народъ все ждетъ-пождетъ:
Съ какими-то вѣстями
Мальбругъ гонца пришлетъ?
У всѣхъ одна забота,
Чтобъ новости узнать,
Но о побѣдахъ что-то
И слыхомъ не слыхать!..

Что-жъ это за причина?
Прошло ужъ десять дней,
Однакожъ, изъ Берлина
Нѣтъ никакихъ вѣстей!
Вдругъ, слухъ невѣроятный
Распространился тутъ:
Французы на попятный
Отъ пруссаковъ бѣгутъ;
Что терпятъ пораженья
Они со всѣхъ сторонъ,
Что проигралъ сраженье
Самъ маршалъ Макъ-Магонъ:
Что нѣмцы окружили
Мецъ, Страсбургъ и Седанъ—
И съ бою захватили
Эльзасъ и Орлеанъ;
Что цѣлый корпусъ сдался,
Что раненъ Макъ-Магонъ...
Что, наконецъ, попался
И нашъ Мальбругъ въ полонъ!...
Дивиться надо чуду
(Коль это не вранье):
Искалъ онъ смерти всюду—
И не нашелъ ее!
Вѣрнѣе же: дать тягу
Ему не удалось—
И вотъ онъ отдалъ шпагу...
Что-жъ дѣлать—«Сорвалось!»
Какою-то паникой
Войска поражены!
Гдѣ-жъ націи великой,
Вы, прежніе сыны?!
Ужасный рокъ свершился:
Мальбругъ-Наполеонъ
Со срамомъ провалился
И сталъ для всѣхъ смѣшонъ.
Вся Франція возстала,
Кричитъ: «долой его!»
И валитъ съ пьедестала
Кумира своего!
За нимъ орлы слетаютъ,
Слетаютъ кувыркомъ;
Ихъ всюду замѣняютъ
Фригійскимъ колпакомъ!
Евгенія смекнула,
Что будетъ плохо ей,
И въ Англію рискнула
Отправиться скорѣй!..

Мальбругъ расчелъ заранѣ,
Туда жъ сынка послать:
Онъ зналъ, что при Седанѣ,
Ему не сдобровать!
Давно-ли императоръ
Мечталъ войти въ Берлинъ,
Какъ грозный тріумфаторъ,
Среди своихъ дружинъ?!
И вотъ, надеждѣ нашей
Пришелъ конецъ какой:
Груститъ сынокъ съ мамашей
На сторонѣ чужой!
А ты, судьбы избранникъ,
Кто міру былъ грозой,
Ты дядюшкинъ племянникъ,
Гдѣ ты, и что съ тобой?
Ты, какъ враждебный геній,
Который двадцать лѣтъ
Причиной былъ волненій,
Народныхъ смутъ и бѣдъ!
Ты Франціи прекрасной
Погибель и укоръ...
И ты... ты могъ, несчастный,
Свой пережить позоръ?!
Въ тѣ дни, какъ окружаютъ
Французовъ тьмы враговъ;
Всѣ бѣдствуютъ, страдаютъ,
Рѣкою льется кровь;
Когда Парижъ убитый
Ждетъ голодъ иль разгромъ,
Ты, плѣнникъ знаменитый,
Введенъ въ роскошный домъ;
При домѣ садъ потѣшный,
Фонтаны, паркъ большой...
Попалъ ты, многогрѣшный,
Изъ ада въ рай земной!..
Тебя здѣсь угощаютъ;
Ты веселъ и здоровъ;
Для кухни доставляютъ
Французскихъ поваровъ;
Ты ѣшь и спишь исправно
И вдоволь пьешь рейнвейнъ...
Вотъ какъ покончилъ славно
Ты свой походъ на Рейнъ!
Теперь пусть всякій судитъ—
По своему о немъ...
А тамъ, что дальше будетъ,
Мы послѣ допоемъ!

Сентябрь 1870 г.

II.

Допѣтая пѣсенка.

(Мартъ 1871 г.).

Прошло полгода, други,
Съ тѣхъ поръ, какъ обѣщалъ
Я къ пѣснѣ о Мальбругѣ
Допѣть ея финалъ...
Мальбругъ нашъ въ Вильгельмсгеэ
Довольно скромно жилъ;
Онъ вдвое сталъ жирнѣе,
Отлично ѣлъ и пилъ.
Ничѣмъ не занимался,
Махнулъ на все рукой—
Да на конькахъ катался
Онъ, говорятъ, зимой.
Мы ждали, что отъ скуки,
Развѣнчанный хитрецъ
Не закатилъ бы штуки
Европѣ, подъ конецъ...
Но, нѣтъ, судьбы гоненья
Сломаютъ хоть кого.....
И геній и Евгенья
Покинули его!
Прошла пора—бывало
Онъ покрутилъ усы...
И все затрепетало—
Ждутъ бури и грозы!
Гоняться онъ за славой
Французовъ подстрекалъ...
И дяди слѣдъ кровавый
При немъ не просыхалъ—
Авось теперь, какъ сгинетъ
Седанскій нашъ герой,
Такъ съ нимъ и слѣдъ простынетъ
Семейки роковой!
Теперь Наполеоны,
Ихъ сколько-бъ ни нашлось—
И Пьеры и Плонъ-Плоны,
Въ Парижъ не сунутъ носъ!...
Но гдѣ-жъ его супруга?
Сыночекъ—анонимъ?
Оставили Мальбруга
И не хотятъ быть съ нимъ.
Въ Британіи далекой
Съ Лулу она живетъ—
Забытой, одинокой,
Жизнь скромную ведетъ...

Чтобъ не скучать бездѣльемъ,
Въ злой участи своей,
Печальнымъ рукодѣльемъ
Пришлось заняться ей:
Конфузно—мастерицѣ
Бѣлье свое послать,
А шифръ императрицы
Съ него ужъ надо снять...

Засядетъ, дверь затворитъ
Красавица моя,
Да все коронки поретъ
Съ роскошнаго бѣлья!...
Оставимъ же супругу,
Пока, съ ея бѣльемъ,
И къ плѣнному Мальбругу
Мы снова перейдемъ.

Подчасъ пороть искусно
Умѣлъ онъ, спору нѣтъ,
Но распороть то грустно,
Что шито двадцать лѣтъ!
Короны снять не хочетъ
Мальбругъ-Наполеонъ...
И, подъ шумокъ, хлопочетъ
Залѣзть опять на тронъ...

Республика, онъ знаетъ,
Французамъ надоѣстъ;
И вотъ онъ посылаетъ
Во Францію протестъ:
«Что вовсе нѣтъ резоновъ
Ему отставку взять;
На ней пусть семь мильоновъ
Подпишутся опять!»

Придумавъ эту мѣру,
Онъ веселѣе сталъ;
Протестъ отправилъ къ Тьеру
И все отвѣта ждалъ...
Трудилъ себя посланьемъ
Онъ ровно ни къ чему;
Презрительнымъ молчаньемъ
Отвѣтили ему!

«Нѣтъ,—говорятъ,—съ такими
Царями пропадешь;
Ты фразами своими
Ужъ насъ не проведешь!
«На нихъ ты, въ самомъ дѣлѣ,
Собаку съѣлъ, злодѣй,...
А мы такъ кошекъ ѣли
По милости твоей!

«Для своего спасенья,
Ты бросилъ свой народъ,
Такъ общее презрѣнье
Тебѣ изъ рода въ родъ!»...
Порядочныхъ нотацій
Бисмаркъ Мальбругу далъ,
Чтобъ онъ отъ прокламацій
Себя поудержалъ!...
Мальбругъ тутъ сталъ невеселъ,
Забылъ и о конькахъ;
Вздохнулъ и носъ повѣсилъ
И видитъ—дѣло швахъ!!
Межъ тѣмъ, войнѣ кровавой,
Конецъ уже насталъ;
Онъ лаврами и славой
Вильгельма увѣнчалъ!
Сдался французъ задорный;
Пришлось главу склонить,
И съ нѣмцемъ миръ позорный
Былъ долженъ заключить!...
И вотъ въ Парижъ—тевтоны
Торжественно идутъ
И съ музыкой знамена
Побѣдныя несутъ!...
Но полное презрѣнье
Чтобъ выказать врагамъ,
Парижа населенье
Все скрылось по домамъ...
Мальчишки только рыщутъ
За нѣмцами бѣгомъ;
И вслѣдъ имъ грозно свищутъ,
Иль дразнятъ языкомъ!...
Лишь только миръ въ Версали
Успѣли подписать,
Мальбругу волю дали
Собой располагать...
Своимъ освобожденьемъ
Хоть онъ доволенъ былъ,
Но съ дядюшкой сравненьемъ
Свой духъ онъ возмутилъ:
«Какъ дядю въ плѣнъ забрали,
Конгрессъ пришлось созвать;
Всѣ голову ломали:
Куда-бъ его сослать?
«А я... совсѣмъ сконфуженъ:
Открыли настежъ дверь...
Не страшенъ и не нуженъ
Я никому теперь!
«Окончилась позоромъ
Имперія моя!...

Ошиканнымъ актеромъ
Схожу со сцены я!
«Карету мнѣ, карету!»
Потомъ—на пароходъ...
Мальбругъ докажетъ свѣту,
Что онъ не пропадетъ!

«Пусть будетъ мнѣ пріютомъ
Коварный Альбіонъ:
Онъ нравственнымъ банкрутамъ,
Всегдашній былъ притонъ!...
«Тамъ все—что въ утѣшенье
Мнѣ грозный рокъ послалъ:
Лулу, моя Евгенья
И въ банкахъ—капиталъ!

«Я всякія невзгоды
Умѣлъ переживать...
Тамъ, у моря—погоды
Я буду ожидать!»...
Сказалъ—и въ путь сбираться
Велѣлъ своимъ друзьямъ...
И съ нимъ они стремятся
Къ Британскимъ берегамъ

Теперь мы о Парижѣ
Рѣчь съ вами поведемъ;
Посмотримъ же поближе,
Что дѣлается въ немъ:
Лишь только бой злосчастный
Былъ прекращенъ—какъ вновь
Врагъ, болѣе опасный,
Парижъ терзать готовъ...

Подъ знаменемъ свободы,
Туда, со всѣхъ сторонъ,
Стеклися коноводы,
Свой учреждать законъ:
Искатели фортуны,
Безвѣстный, гнусный сбродъ,
Отъ имени коммуны,
Декреты издаетъ...

Въ Версали—министерство,
Въ Парижѣ—комитетъ...
Вездѣ грабежъ и звѣрство
Идутъ ему вослѣдъ!
Еще-ль не пострадала,
Ты, жалкая страна?
Еще-ли кровью мало
Земля обагрена?...
Вотъ ружья, митральезы,
Загрохотали вновь...

Опять и вопль, и слезы,
И снова льется кровь!...
Но кровь не супостата,
Кто былъ имъ братъ не свой...
Нѣтъ! братъ возсталъ на брата
Неистовой войной!...
Разнузданность народа,
Терроръ, грабежъ и кровь—
Вотъ—равенство, свобода
И братская любовь!
Тамъ—церкви раззоряютъ,
Тутъ—безъ суда казнятъ...
Безумствуя, не знаютъ
И сами что̀ творятъ!!...
Здѣсь кончимъ пѣсню нашу,
А то намъ долго ждать,
Пока имъ эту кашу
Придется расхлебать!

III.

Сверженіе Вандомской колонны.

(Май 1871 г.).

О, какъ непрочны здѣсь и слава, и почетъ!
Племянника за дядю возносили....
А вотъ, теперь, наоборотъ:
Изъ-за племянника и дядю повалили!

IV.

Смерть Наполеона III.

(6-го января 1873 г.).

Наполеонъ угасъ!... Теперь пусть судъ дюдской
Его дѣянья судитъ!
Онъ дядѣ подражать старался всей душой,
Но быть вторымъ не могъ; авось, послѣднимъ будетъ!

V.

По поводу кончины Наполеона III.

Актеръ великій, геніальный—
Сошелъ со сцены наконецъ;
Окончилъ драмою печальной,
Вглупи, развѣнчанный хитрецъ.
Еще при жизни рокъ суровый
Его за гордость покаралъ,
И съ головы вѣнокъ лавровый,
Какъ съ недостойнаго, сорвалъ!
Тяжка была его кончина,
Печаленъ былъ его удѣлъ:
Кромѣ вдовы его и сына,
О немъ никто̀ не пожалѣлъ!

Онъ запятналъ свою корону,
Наслѣдства сына онъ лишилъ...
И къ императорскому трону
Седаномъ путь загородилъ.
Но въ бѣдствіи не унываетъ
Честолюбивая вдова—
И, какъ регентша, заявляетъ
На тронъ сыновнія права!
Жалка ты, экс-императрица,
Съ своей несбыточной мечтой;
Не лучше-ли тебѣ смириться
Передъ карающей судьбой?!
Когда-бъ Наполеонъ героемъ
Въ Седанѣ голову сложилъ,
Тогда-бъ, быть можетъ, вамъ обоимъ
Французскій тронъ доступенъ былъ...
Теперь—ищите на чужбинѣ
Себѣ пріюта и друзей:
Вы чужды Франціи отнынѣ,
Расчетъ покончили вы съ ней!
Династіи Наполеона,
Знать—четное число не въ счетъ:
Второй былъ устраненъ отъ трона,
Четвертаго та-жъ участь ждетъ.
Такъ бросьте-жъ тщетныя усилья,
Ужъ снова не подняться вамъ...
И грозный рокъ подрѣзалъ крылья
Наполеоновскимъ орламъ!

Русская пѣсня.

(Отвѣтъ на нападки западной прессы).

«Чѣмъ я Западъ огорчила?»
(Пѣть приходится Руси)
Али тѣмъ, что такъ любила,
Что,—и Боже упаси!
Родилась я съ добрымъ сердцемъ—
Вотъ въ чемъ горе все мое...
У меня-ли всякимъ шмерцамъ
Не раздольное житье?
О французахъ ужъ ни слова:
Имъ всѣ льготы и почетъ...
Имъ рожна еще какова
На Руси не достаетъ?
Денегъ имъ я сыплю груду,
На награды не скуплюсь...
И куда ни плюнь—повсюду
Илп нѣмецъ, пль французъ!
Я-ли ихъ не уважала?
Оскорбила-ли когда?
А для нихъ, собакъ, все мало,

Только лаются всегда!
Наконецъ, чего же хочетъ
Этотъ Западъ, старый песъ?
Не поднять-ли ужъ хлопочетъ
Вновь «Восточный» онъ «вопросъ?»
Али польское тутъ дѣло?
Пѣсня старая слышна:
«Еще Польска не сгинѣла»...
Лаетъ моська на слона!
Чортъ ихъ знаетъ, въ чемъ тутъ сила?
А я все свое твержу:
«Чѣмъ я Западъ огорчила?»
И ума не приложу!

Турція и Европа.

Европа съ пятьдесятъ шестаго года
Рѣшилась Турцію въ свою семью принять...
Ну, видно Турція рѣшилась оправдать
Пословицу: «Въ семьѣ не безъ урода!»

На новый 1878 годъ.

Годъ тяжелый, годъ кровавый,
Ты прошелъ среди невзгодъ!
Много горя, много славы,
Ты принесъ намъ, прошлый годъ!
Русь, на брань за угнетенныхъ
Братій нашихъ, поднялась
И облились честной кровью
И Балканы и Кавказъ...
Съ вѣрой твердой въ Провидѣнье
Русь надѣется и ждетъ,
Что недаромъ съ воскресенья
Начался нашъ новый годъ!
Да воскреснетъ Богъ! и врагъ нашъ
Расточится и падетъ,—
И нашъ Царь-Освободитель
Возвеличитъ свой народъ!
Что насъ ждутъ за наши жертвы
Миръ и счастье и покой:
Возсіяетъ солнце правды
Надъ померкшею луной!

Прощальные стихи Л. К. Шульгину.

Ты не любилъ—какъ я скажу тебѣ: прощай...
Всегда мнѣ отвѣчалъ: «Зачѣмъ не до свиданья?»
Вотъ, ты идешь теперь въ тотъ неизвѣстный край,
Гдѣ ни болѣзней нѣтъ, ни слезъ, ни воздыханья...
Когда лучъ жизненный въ душѣ твоей погасъ
И въ сѣни смертной ночь настала безъ разсвѣта—
Я говорю тебѣ прощай, въ послѣдній разъ—
Но до свиданья-ли?—никто не дастъ отвѣта!

А. С. ПУШКИНЪ.

Замѣтка о «Родословной» и выходка Ѳ. Булгарина.

По поводу текста «Моей родословной» А. С. Пушкина, который мы напечатали по автографу поэта въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 735,—получена нами замѣтка отъ г. К—го, упрекающаго насъ, будто-бы мы «очевидно невѣрно» передали помѣту надъ стихотвореніемъ: вольное подражаніе лорду Байрону. «Вмѣсто лорду Байрону,—говоритъ г. К—й,—Пушкинъ несомнѣнно написалъ «Беранже», и это доказывается тѣмъ, что его стихотвореніе есть вполнѣ вольное, но, однакожъ, подражаніе пѣснѣ Беранже «Le vilain» и пр.

Мы можемъ отвѣтить только одно, что помѣта списана нами буквально съ рукописи, и поэтому если бы вмѣсто Байрона стоялъ даже измышленный самимъ Пушкинымъ Ченстонъ, то и его мы не смѣли бы перемѣнить на Беранже; а въ своей замѣткѣ къ стихотворенію мы потому болѣе и назвали помѣту Пушкина характерною, что она относится не къ формѣ стихотворенія, но къ его сущности, къ гордости старинным родомъ, которою его упрекали, какъ подражаніемъ Байрону, сначала Рылѣевъ и Бестужевъ (см. переписку съ ними 1825 г.), а впослѣдствіи Булгаринъ. Въ письмѣ къ брату, написанномъ какъ разъ послѣ укоровъ Рылѣева и Бестужева, Пушкинъ писалъ между прочимъ, чтобъ онъ выслалъ ему книгу о верховой ѣздѣ: «Хочу жеребцовъ выѣзжать—вольное подражаніе Alfieri и Байрону». Не знаемъ, чье имя или чьи имена тутъ, по мнѣнію г. К—го, несомнѣнно долженъ бы былъ написать Пушкинъ.

Столь-же неосновательнымъ мы считаемъ и второй упрекъ намъ въ замѣткѣ г. К—го, объ искаженіи стиха: «Я по кресту не дворянинъ», тогда какъ въ спискѣ, имѣющемся у г. К—го, онъ чи-

тается: «Не по кресту я дворянинъ». Не говоря уже о томъ, что списокъ не имѣетъ никакого значенія въ сравненіи съ подлинникомъ, ибо мало-ли чего напутаетъ переписчикъ, мы замѣтимъ только, что стихъ этотъ въ редакціи г. К—го противорѣчитъ всему отрицательному тону стихотворенія, и что прямое подтвержденіе: «не по кресту я дворянинъ» нисколько не вяжется съ слѣдующимъ за нимъ: «я просто русскій мѣщанинъ», т. е.: я дворянинъ, и я-же мѣщанинъ! Кромѣ того, стихъ, по редакціи г. К—го, имѣетъ такое значеніе: «Я дворянинъ не по кресту», т. е. хотя у меня и есть крестъ, но я дворянинъ не по немъ, а по старинным предкамъ. Креста-же, какъ извѣстно, у Пушкина вовсе не было.

Затѣмъ, мы получили еще замѣтку, съ укоромъ, будто неправильно прибавили неотносящіеся къ «Моей родословной» четыре послѣднихъ стиха: «Рѣшилъ Булгаринъ вдохновенный» и пр. Повторяемъ, что мы списывали съ рукописи, а въ ней они не только не отдѣлены, даже не отодвинуты ни на сколько отъ прочихъ 16-ти стиховъ, помѣщенныхъ въ «Post-Scriptum» стихотворенія.

Кстати приводимъ сообщенную намъ Григоріемъ Николаевичемъ Геннади выписку изъ «Сѣверной Пчелы», имѣющую непосредственное отношеніе къ стихотворенію Пушкина и въ особенности къ указанному «Post-Scriptum».

«Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1830 г., № 94,—пишетъ г. Геннади,—помѣщенъ фельетонъ Ѳ. Б. (Булгарина): «Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ». Въ концѣ выходки этого фельетона противъ критика альманаха «Денница» находятся слѣдующія строки:

«Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей—Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, и всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобъ это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого есть они); однакожъ, это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ. Разсказываютъ анекдотъ, что какой-то поэтъ въ Испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ Мулата, или, не помню, отъ Мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ Негритянскій Принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого Негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ Негра за бутылку рому! Думали-ли тогда, что къ этому Негру признается стихотворецъ!—Vanitas Vanitatum».

Объ этой-то выходкѣ Булгарина и говорится въ постскриптумѣ «Моей родословной».

П. А. Ефремовъ.

Примѣчаніе. Профессоръ Кіевскаго университета В. С. Иконниковъ сообщилъ намъ, что ранѣе появленія въ «Русской Старинѣ» стихотворенія Пушкина «Моя родословная»—владѣтель драгоцѣннаго автографа этого стихотворенія, помощникъ библіотекаря университета И. Г. Савенко подарилъ его, т. е. автографъ, университету. Изъ выписки изъ протокола Совѣта университета о принятіи этого дара—видно, между прочимъ, что заглавіе стихотворенія одинаково съ тѣмъ, какъ оно напечатано П. А. Ефремовымъ: «Моя родословная или русскій мѣщанинъ. Вольное подражаніе Байрону». Ред.

Пушкинъ въ Кремлевскомъ дворцѣ

1826 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 года, томъ XXVII, стр. 130—145, въ біографическихъ замѣткахъ объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, я нашелъ, между прочимъ, такое свѣдѣніе:

«Разсказъ о какихъ-то очень подозрительныхъ стихахъ, потерянныхъ Пушкинымъ на лѣстницѣ Кремлевскаго дворца (въ началѣ сентября 1826 г., во время представленія императору Николаю Павловичу), сохранился въ кругу его знакомыхъ, увѣрявшихъ, будто бы они слышали о томъ отъ самого Александра Сергѣевича. Дѣло въ томъ, что Государь выразилъ, будто бы, желаніе узнать, нѣтъ ли при Пушкинѣ какого нибудь новаго стихотворенія. Пушкинъ вынулъ изъ кармана бумаги, захваченныя имъ второпяхъ при отъѣздѣ изъ Михайловскаго, но не нашелъ между ними никакого стихотворенія. Выходя изъ дворца и спускаясь по лѣстницѣ, Пушкинъ замѣтилъ на ступенькѣ лоскутъ бумажки, поднялъ его и узналъ въ немъ свои стихи къ друзьямъ, сосланнымъ въ Сибирь.... Эту бумажку онъ выронилъ, вынимая изъ кармана платокъ. Возвратясь въ гостинницу, онъ тотчасъ же сжегъ это стихотвореніе. Этотъ разсказъ, ходившій тогда въ кружкѣ знакомыхъ Пушкина, повторялъ впослѣдствіи и близкій пріятель Пушкина С. А. Соболевскій, но повторялъ съ нѣкоторыми варіантами. По его словамъ, потеря листка съ стихами была сдѣлана; но листокъ отыскался не во дворцѣ, а въ собственной квартирѣ Соболевскаго, куда Пушкинъ пріѣхалъ изъ дворца; самый листокъ заключалъ «Пророка» съ первоначальнымъ, впослѣдствіи измѣненнымъ, текстомъ послѣдней строфы:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись,
Иди—и съ вервіемъ на выи и пр.».

Авторъ статьи предпосылаетъ этому разсказу (на стр. 131—132), общее замѣчаніе, что всѣ «подробности представленія Пушкина императору Николаю», передаваемыя въ нѣсколькихъ варіантахъ,—«не особенно разнорѣчивы, но довольно сомнительной правдивости».

Я не понимаю, почему разсказъ объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ, повторяемый безъ особеннаго разнорѣчія людьми, несомнѣнно близкими къ Пушкину (какъ, напримѣръ, Соболевскимъ), можетъ заслужить себѣ аттестацію «сомнительной правдивости»:—развѣ только потому, что онъ позже другихъ разсказовъ попалъ въ печать и что самъ Пушкинъ не упоминаетъ объ интересующемъ насъ обстоятельствѣ ни въ письмѣ къ П. А. Осиповой, ни въ своей изустной бесѣдѣ съ А. Г. Хомутовой? Но это обстоятельство имѣетъ на столько щекотливый характеръ, что разглашать его было вовсе неудобно какъ самому Пушкину, такъ и друзьямъ его,—тѣмъ болѣе, что въ это же время весьма бдительнымъ аргусомъ возлѣ великаго поэта сталъ шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ.... Думаю, что ничѣмъ инымъ, кромѣ вынужденной скромности, нельзя объяснить и молчанія Соболевскаго, который только «впослѣдствіи», то есть по смерти Пушкина, разсказывалъ объ этомъ, да и то въ тѣсномъ кругу.

Что Соболевскій не выдумалъ этого факта,—я могу лично подтвердить тѣмъ, что подобный же разсказъ я слышалъ отъ покойнаго Алексѣя Владиміровича Веневитинова (сенатора и почетнаго опекуна, роднаго брата извѣстнаго поэта Дм. Влад. Веневитинова), который, до преклонныхъ лѣтъ, отличался замѣчательною памятью и, въ особенности, твердо помнилъ все то, что относилось къ порѣ его молодости. А. В. Веневитиновъ разсказывалъ мнѣ, что Пушкинъ, выѣзжая изъ деревни съ фельдъегеремъ, положилъ себѣ въ карманъ стихотвореніе «Пророкъ», которое, въ первоначальномъ видѣ, оканчивалось слѣдующею строфою:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи
Къ царю . . . . . явись!

(Послѣдніе два стиха составляютъ измѣненіе и дополненіе приведеннаго въ «Русской Старинѣ» варіанта). Являясь въ Кремлевскій дворецъ, Пушкинъ имѣлъ твердую рѣшимость, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненій съ Государемъ, вручить Николаю Павловичу, на прощанье, это стихотвореніе. Счастливая судьба сбе-

регла для Россіи пѣвца «Евгенія Онѣгина», и благосклонный пріемъ Государя заставилъ Пушкина позабыть о своемъ прежнемъ намѣреніи. Поэтическое оружіе, захваченное имъ для самозащиты, такъ и осталось въ его карманѣ. Выходя изъ кабинета вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Государь сказалъ, ласково указывая на него своимъ приближеннымъ: «Теперь онъ мой!»

Считаю нужнымъ прибавить, въ видѣ ручательства за правдивость этого разсказа, что А. В. Веневитиновъ былъ въ это время въ Москвѣ, что Пушкинъ въ домѣ Веневитиновыхъ читалъ во второй разъ своего «Бориса Годунова» (12-го сентября 1826 г.) и что, слѣдовательно, Алексѣй Владиміровичъ могъ слышать всю эту исторію изъ первыхъ устъ.

А. П. Пятковскій.

5-го февраля 1880 г.

Замѣтка къ поправкамъ и возраженіямъ по поводу «Записокъ о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг.».

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 года, томъ XXVI, стр. 702—708, помѣщена Замѣтка Свиты Его Величества генералъ-маіора Валя о графѣ Ѳ. Ѳ. Бергѣ, гдѣ сказано, между прочимъ, что «авторъ Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ относится къ графу Бергу недоброжелательно». Рѣшаюсь протестовать противъ этого выраженія. Быть недоброжелательнымъ къ одному только графу Бергу изъ нѣсколькихъ сотъ, мною изображенныхъ въ моемъ трудѣ, было бы очень странно и неестественно. Я не имѣю къ этому ни малѣйшихъ поводовъ и сохранилъ къ покойному фельдмаршалу, какъ къ частному человѣку, полное мое уваженіе, но — одно дѣло частныя отношенія и взгляды, другое дѣло отношенія къ кому либо историка и писателя. Тутъ надо всемѣрно стараться освободить себя отъ всякихъ субъективныхъ вліяній, вооружиться не одними собственными наблюденіями, а выслушать и отъ постороннихъ лицъ, что̀ можно, и прочесть, что̀ найдется прочесть. Составленная мною характеристика графа Ѳ. Ѳ. Берга основана на разсказахъ и запискахъ людей высокаго общественнаго положенія, знавшихъ Берга вдоль и поперегъ, и притомъ честныхъ и добросовѣстныхъ, которыхъ имена будутъ въ свое время оглашены. Я не отмѣчалъ «однѣ лишь слабости, проходя молчаніемъ многочисленныя заслуги покойнаго» (какъ говоритъ авторъ «Замѣтки» на стр. 703). Равно изъ написаннаго мною никакъ не выходитъ, чтобы «Графъ достигъ фельдмаршальскаго

жезла благодаря только своему искательству и усмирилъ польскій мятежъ 1863 года съ помощью своихъ странностей». Прошу автора «Замѣтки» еще разъ прочитать внимательно все то, что я написалъ о графѣ Бергѣ, не въ одной, а въ разныхъ книгахъ «Русской Старины» изд. 1879 г. Я коснулся и военныхъ, и дипломатическихъ его отличій, и его чрезвычайной, неусыпной энергіи въ уничтоженіи террора, охватившаго большія пространства. Не смотря, однако же, на все желаніе быть вполнѣ справедливымъ и точнымъ, я, какъ человѣкъ, очень близко стоявшій къ изображаемымъ событіямъ, для которыхъ нѣтъ еще надлежащей исторической дали, (о чемъ я и говорю въ заключеніи моихъ Записокъ, глава X, стр. 691), и какъ вообще человѣкъ,—могъ, конечно, сдѣлать ошибки, только ошибки неумышленныя. Могу положить въ этомъ случаѣ спокойно руку на сердце и смотрѣть прямо въ глаза кому угодно. Полагаю, что за меня, съ этой стороны, достаточно стоитъ все, напечатанное мною въ «Русской Старинѣ» и въ другихъ изданіяхъ. Я вездѣ говорю однимъ и тѣмъ-же языкомъ, не щадя никого, гдѣ это, по моему мнѣнію, нужно, даже людей, несравненно болѣе ко мнѣ близкихъ, чѣмъ графъ Бергъ..... Я могъ бы указать страницы, гдѣ я высказался съ полнымъ безпристрастіемъ прямо о моихъ личныхъ друзьяхъ, какъ равно похвалилъ все хорошее даже въ нашихъ лютыхъ врагахъ. Я не скрылъ, что красный безумецъ Вашковскій обладалъ рѣдкою энергіей и такою-же честностью (глава X, стр. 670); я имѣлъ смѣлость отыскать хорошія стороны въ дикой «бунчучной фигурѣ» Чаховскомъ (та же глава, стр. 652); я отнесся съ похвалою о военныхъ талантахъ тоже нашего лютаго врага Сигизмунда Хмѣленскаго; о выдающихся, геройскихъ свойствахъ Траугута, Краевскаго, Точискаго... и вдругъ, къ одному только графу Бергу я буду, ни съ того, ни съ сего, недоброжелателенъ! Буду, описывая его, вооружаться какимъ-то «невѣрнымъ увеличительнымъ стекломъ!!»

За всѣ указанія неточностей, случайно вкравшихся въ мой разсказъ о покушеніи противъ графа Берга, 7-го сентября 1863 г., приношу автору «Замѣтки» мою искреннюю благодарность и непремѣнно ими воспользуюсь при новомъ изданіи моихъ Записокъ. Напрасно авторъ «Замѣтки», обходя со мною домъ Замойскаго и разсказывая все, что онъ зналъ о днѣ 7-го сентября, не сообщилъ мнѣ и того, что теперь оглашаетъ печатью, или сообщилъ иначе. Въ источникахъ, которые мнѣ были доступны (офиціальные документы, брошюра Устимовича и разсказъ самого намѣстника Берга), все такъ, какъ у меня описано. О томъ, что графъ былъ въ этотъ день въ Сельце, сообщено мнѣ имъ самимъ. Конечно, онъ могъ забыть и пе-

репутать такія мелочи. Такъ точно имъ-же сообщена мнѣ и цифра «30 тысячъ человѣкъ солдатъ», разставлявшихся по улицамъ. Но я замѣчаю въ одномъ мѣстѣ, что графъ Бергъ говорилъ въ подобныхъ случаяхъ весьма приблизительно (глава IX, стр. 261). Однажды онъ разсказалъ мнѣ, что «по системѣ набора на исключительныхъ основаніяхъ, введенной тотчасъ по усмиреніи возстанія 1830—1831 годовъ, захвачено въ рекруты сто тысячъ человѣкъ». Это было ужъ до того приблизительно, что я не рѣшился нигдѣ упомянуть объ этой цифрѣ. Я сомнѣвался во многомъ, что̀ разсказывалъ мнѣ графъ Бергъ, можетъ, и вполнѣ искренно, однакоже рѣшился иное изъ этого сомнительнаго записать и напечатать: пусть время исправляетъ это, какъ хочетъ. Оно достаточно сильно, чтобы привести впослѣдствіи все къ должному историческому знаменателю. Вообще надо сказать, что графъ Бергъ относился къ исторіи какъ-то странно, по своему. Для него ничего не значило иное усилить, иное ослабить. Онъ разумѣлъ подъ исторіей что-то другое, а не то, что̀ обыкновенно разумѣютъ подъ исторіей въ Европѣ. Впрочемъ, многіе русскіе генералы хромаютъ на ту же ногу....

Въ заключеніе скажу (по поводу кое-какихъ мелочей, исправленныхъ у меня г. Валемъ, напримѣръ: пуля, а не картечь; книжная лавка, а не кондитерская; замокъ, а не домъ коменданта): сколько бы кто ни старался изобразить тѣ или другія событія вполнѣ точно и вѣрно, такъ, какъ они совершились на самомъ дѣлѣ,—никогда не достигнетъ желаемаго. И не въ этомъ суть исторіи. Какая масса фактовъ въ жизнеописаніи лицъ, игравшихъ важную историческую роль, до сихъ поръ изображается однимъ писателемъ такъ, другимъ иначе. Напримѣръ, многіе отрицаютъ переходъ Наполеона I, со знаменемъ въ рукѣ, черезъ мостъ, въ битвѣ подъ Арколе, что̀ извѣстно всякому гимназисту по рисункамъ, вездѣ разсѣяннымъ, къ чему такъ привыкъ цѣлый свѣтъ и, можетъ статься, долженъ отвыкнуть, когда будетъ доказано, что это—фактъ фантастическій. Въ 1879 г. явилась замѣтка въ разныхъ газетахъ, что брюки на императорѣ Наполеонѣ I, въ день прощанія его съ войсками въ Фонтенбло, были синіе, а не бѣлые, какъ изображалось донынѣ на всѣхъ картинахъ... и это узнали черезъ полвѣка слишкомъ! Полвѣка всѣ думали, что эти брюки были бѣлые! А ужъ, кажется, какъ перетрясли легіоны историковъ всякую бездѣлицу, касающуюся великаго военнаго генія Франціи! Возьмите-же въ соображеніе, г. авторъ «Замѣтки», направленной противъ меня, что я стою покамѣстъ съ моими Записками о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 года—одинъ, на юру; я одинъ покамѣстъ собралъ все то въ книгу, относительно этого

предмета, что было разбросано частями по разнымъ документамъ, что живетъ на устахъ, въ преданіяхъ народа и въ разсказахъ разныхъ лицъ,—я одинъ! И потому мнѣ естественно въ иной бездѣлицѣ промахнуться, сколько бы я ни хлопоталъ объ истинѣ. Не писать же изъ боязни, что на иной историческій фактъ не такъ взглянешь, ошибешься—тоже нельзя: будетъ такою-же ошибкой. Слово современника, могущаго говорить, должно быть произнесено непремѣнно при его жизни. Такъ и я произнесъ свое слово современника сейчасъ послѣ событій, которымъ былъ свидѣтелемъ и полагаю, что найдутся люди, которые скажутъ мнѣ за это спасибо; полагаю даже, что не всѣ адъютанты графа Берга смотрятъ на дѣло глазами г. Валя....

Н. В. Бергъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Г. АЛЕКСАНДРУ КЛОБУКОВСКОМУ.

Варшава—16-го января 1880 г.

Смѣлое слово современника какимъ либо событіямъ на то и существуетъ, чтобъ его поправляли современники: въ этомъ главныя его привиллегіи и выгоды сравнительно со словомъ позднѣйшимъ. Историческая истина вырабатывается замѣчаніями разныхъ лицъ, могущихъ судить о томъ или другомъ фактѣ, при нихъ совершившемся. Ваше открытое письмо ко мнѣ, отъ 5-го января нынѣшняго года, помѣщенное въ № 12-мъ «Голоса», было не первымъ словомъ современника, которое раздалось печатно послѣ появленія моихъ «Записокъ» о недавнемъ возстаніи Польши. Моя обязанность—выслушивать спокойно все, что кому угодно будетъ сказать о моихъ «Запискахъ», выслушивать и принимать къ свѣдѣнію. Долженъ вамъ признаться откровенно, что въ вашемъ письмѣ поражаетъ меня болѣе всего то, что вы какъ-бы обижаетесь ролью, которую играетъ у меня дрезденскій агентъ народнаго правительства, считаете ее неприличною и невыгодною для чести поляка. Но что же неприличнаго для того, кто рѣшился идти по революціонной дорогѣ (а что вы шли по этой дорогѣ, вы не отказываетесь)—поступить въ высшее учрежденіе революціи, взять письмо у всѣми уважаемаго писателя и ѣхать съ нимъ къ лицу, стоящему въ эмиграціи довольно высоко, бывшему одно время главнымъ уполномоченнымъ агентомъ народнаго правительства за границей, и все это тогда, когда раздраженіе всѣхъ польскихъ захватовъ противъ Россіи дошло до самыхъ крайнихъ предѣловъ? Вѣдь не разъ приходилось вашимъ соотечественникамъ рѣшать трагическій вопросъ: гдѣ стать, подъ какое знамя: русское или нѣмецкое? И теперь обсуждается поляками тотъ же самый роковой вопросъ, и теперь, 16 лѣтъ спустя послѣ террора, господствовавшаго въ Царствѣ и въ западныхъ губерніяхъ, вызваннаго извѣстными всему свѣту обстоятельствами, и теперь находятся между поляками люди, принадлежащіе къ высшей интеллигенціи, которые вскакиваютъ за большими обѣдами на столъ и говорятъ противъ насъ

ромовыя рѣчи... но никто не ставитъ имъ это въ чрезвычайную вину: какъ поляки, они, можетъ быть, и правы...

Вы говорите въ вашемъ письмѣ, что никогда не вели никакихъ переговоровъ съ Тресковымъ, не брали писемъ отъ Крашевскаго и не ѣздили въ Hôtel Lambert—это другое дѣло и спорить съ этимъ никто не станетъ; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ фактъ, разсказанный мною въ X-й главѣ моихъ «Записокъ» о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, на стр. 689—691, не существовалъ. Онъ былъ несомнѣнно. По крайней мѣрѣ, такимъ представляется мнѣ въ настоящую минуту, какъ основанный на показаніяхъ лицъ весьма почтенныхъ, поляковъ высшей интеллигенціи, и, при томъ, могущихъ кое-что знать. Исторія приметъ къ соображенію вашъ отказъ, время исправитъ всякія ошибки, вкравшіяся случайно въ мое и во всѣ прочія повѣствованія современниковъ о послѣднемъ возстаніи Польши, разъяснитъ, какъ надо, всѣ подробности и, если нужно, «отзоветъ» (по вашему выраженію) тѣ или другіе факты.....

Н. В. Бергъ.

Князь Петръ Черкасскій,

ГУБЕРНАТОРЪ СИМБИРСКІЙ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 180, въ разсказахъ и замѣткахъ г. Богуславскаго помѣщена эпиграмма на бывшаго нѣкогда въ Симбирскѣ губернаторомъ князя Петра Черкасскаго.

Много протекло со времени этого губернаторства воды, много произошло перемѣнъ и въ правителяхъ и въ учрежденіяхъ, но хорошее останется хорошимъ и, конечно, жаль будетъ если достойнѣйшій начальникъ губерніи, за то только, что онъ былъ добрѣйшимъ семьяниномъ, унесетъ улыбку осмѣянія, между тѣмъ какъ онъ дѣйствительно достоинъ лучшей памяти. Да! князь Петръ Черкасскій оставилъ по себѣ въ Симбирской губерніи память добрую, какъ человѣкъ всесторонняго образованія, какъ преданный слуга своему Государю и Отечеству, какъ человѣкъ, который привлекалъ къ себѣ лучшія силы тогдашней молодежи! Эта молодежь занимала должности, которыя часто остаются нынѣ вакантными или замѣщаются заурядъ. Около него были чиновниками особыхъ порученій: Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, Михаилъ Николаевичъ Островскій, Кашпировъ, Грибовскій; совѣтникомъ губернскаго правленія Владиміръ Трубниковъ. Эти молодые люди воодушевлялись примѣромъ старика, его строгимъ, образованнымъ, критическимъ отношеніемъ къ дѣлу. Приходя со службы, въ домѣ князя Черкасскаго встрѣчали миловидную, универсальнаго образованія дочь хозяина, и от-

дыхали въ непринужденномъ, порядочномъ обществѣ, можетъ быть, и нѣсколько высоко державшей жезлъ домашняго правленія, княгини.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и ежели архивы губернскаго правленія молчатъ о дѣлахъ покойнаго князя Черкасскаго, то живы люди, которымъ памятна дѣятельность какъ его, такъ и его молодыхъ тогда сослуживцевъ: это были образованные люди, которые, подъ началомъ просвѣщеннаго, опытнаго и человѣчнаго начальника, пріучились смотрѣть на дѣло управленія взглядомъ болѣе обширнымъ, нежели руководящіеся обыденнымъ кругозоромъ, открывающимся съ мѣстныхъ колоколенъ! Дѣятельность Островскаго извѣстна, какъ ближайшаго помощника незабвеннаго Татаринова по преобразованію государственнаго контроля; нынѣ онъ членъ государственнаго совѣта. Владиміръ Трубниковъ былъ видный борецъ по дѣлу крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, а Юрій Самаринъ будетъ жить въ памяти на Руси до тѣхъ поръ, покуда будетъ она имѣть гражданъ, преданныхъ своему отечеству!

Человѣкъ, который соединялъ около себя такія молодыя силы, видимо былъ человѣкъ необыденный: скажемъ-же ему спасибо, за то, что, будучи добрымъ человѣкомъ, хорошимъ правителемъ Симбирской губерніи, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ профессоромъ и педагогомъ.

Дмитрій П. Родіоновъ,
старожилъ Симбирской губерніи.

27-го января 1880 года.
С. Варко-Вешкайма.

Игнатій Сигизмундъ Хмѣленскій

† 7-го декабря 1863 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 546, въ примѣчаніи, приведено ошибочное свѣдѣніе о Сигизмундѣ Хмѣленскомъ, которое въ виду истины слѣдуетъ исправить.

Н. В. Бергъ пишетъ, что Хмѣленскій, по окончаніи курса въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, перешелъ въ Артиллерійское училище, а потомъ поступилъ въ Генеральный штабъ. Въ 1861 году умѣлъ, вмѣстѣ со многими военными поляками, перебраться на службу въ Царство Польское; въ 1862 году попросился въ отставку, но не получилъ ея.

Вотъ поправка: Хмѣленскій никогда не былъ ни въ Артиллерійскомъ училищѣ, ни въ Генеральномъ штабѣ; вышелъ въ офицеры въ 1854 году изъ Дворянскаго полка; въ 1859 году вся 4-я артиллерійская бригада 10-го мая прибыла въ Варшаву изъ Волынской губерніи. Никогда Хмѣленскій въ отставку не просился, а бѣжалъ за границу въ октябрѣ 1860 года. За вѣрность свѣдѣній ручаюсь.

С. Яцковскій.

Варшава, 28-го декабря 1879 г.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 18-го февраля 1877 г.

Глава V-я [1]).

О томъ, какъ насъ учили грамотности.

Нынѣ дѣти сдѣлались очень любознательными и находятъ большое удовольствіе не только въ игрушкахъ, а и въ разсматриваніи разныхъ рисунковъ, которые ихъ знакомятъ со многими предметами едва-ли не лучше, нежели какъ насъ, теперешнихъ стариковъ, знакомили съ ними въ школахъ. Нынѣ иной мальчикъ на пятомъ и даже четвертомъ году умѣетъ читать, чего добраго, даже писать, а на шестомъ напишетъ и письмо. Нѣтъ, во время моего дѣтства, по крайней мѣрѣ въ сельскомъ духовенствѣ, о такомъ скоромъ развитіи любознательности и другихъ душевныхъ способностей и наклонностей и не мечтали; намъ до шестаго, а иногда и до седьмаго года позволяли только ѣсть, спать, бѣгать и разнообразнымъ образомъ рѣзвиться; только когда наша рѣзвость обнаруживалась не въ урочное время или безпокоила другихъ, взрослыхъ людей, тогда намъ приказывали сидѣть смирно. И если можно называть счастливымъ то время, когда не имѣешь никакихъ уроковъ, ни обязанностей, ни заботъ, ни опасеній и пр., то въ старину дѣти были счастливѣйшимъ народомъ, пока ихъ не усаживали за книжки. Это счастливое время для меня продолжалось слишкомъ пять лѣтъ, и на шестомъ году моей жизни покончи-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 1—38; 545—572.

лось. Какъ же насъ учили? По всей вѣроятности, чрезъ 50 и особенно 100 лѣтъ много найдется людей, которые никакъ не повѣрятъ, чтобы существовала когда нибудь и считалась даже чѣмъ-то въ родѣ священной—такая метода, по какой насъ учили читать. Объ ней я говорилъ въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ, но не со всѣми подробностями. Здѣсь я займусь ею пообстоятельнѣе.

Духовенство въ общей своей массѣ едва-ли когда станетъ вполнѣ заботиться о настоящемъ, правильномъ развитіи умственныхъ способностей людей; оно, подъ видомъ поддержанія нравственныхъ и религіозныхъ идей, вѣчно будетъ хлопотать о томъ, чтобы, такъ сказать, обрѣзывать крылья у пытливаго разсудка, ограничивать и почти что убивать любознательность такъ свойственную нашей природѣ. Къ этимъ печальнымъ мыслямъ я дошелъ наблюденіями въ теченіе цѣлой моей жизни и теперь, приступая къ описанію господствовавшей въ мое дѣтство методы учить грамотности, я переполненъ ими.

Всякому русскому грамотному человѣку извѣстно, что у насъ есть двоякаго рода грамотность и печать: церковная и гражданская. При небольшомъ даже запасѣ безпристрастія и проницательности можно видѣть, что послѣдняя проще первой. Въ церковной безъ всякой нужды поставлены буквы: кси и пси, зѣло и юсъ, равно какъ и буква онъ, прибавляемая нерѣдко предъ у, но не произносимая. Кажется, можно бы, наконецъ, увидать, что лучше бы имѣть одну только печать и грамотность, при томъ ту, которая проще и легче. А между тѣмъ напиши теперь, что пора бы ввести въ Россіи одну печать и грамотность, т. е. пора бы и церковныя книги и библію напечатать гражданскими буквами и въ этомъ видѣ употреблять ихъ при богослуженіи!—да тутъ поднимется такой шумъ, какъ будто бы грозила опасность всей вселенной; предложеніе такое сочтутъ профанаціей, нападкомъ на святость религіи, на неприкосновенность православія, и предложившаго назовутъ атеистомъ, нехристемъ окаяннымъ. Далѣе, самое обыкновенное правило благоразумія требуетъ начинать всякое дѣло съ легчайшаго пріема, поэтому и обучать дѣтей грамотности надобно было бы съ гражданскихъ книгъ. Но вотъ уже въ 1867 году я читалъ въ одной изъ газетъ, какъ одинъ отецъ-архимандритъ, въ рѣчи при открытіи педагогическаго курса въ

какой-то семинаріи, старался доказать, что всякаго мальчика и дѣвочку нужно сначала выучить церковной печати, что это дѣло богоугодное и благонравственное, а гражданская печать и послѣ будетъ понята. Такъ, впрочемъ, думаетъ не одинъ архимандритъ, а весь синклитъ сѣдыхъ и сѣдѣющихъ іерарховъ, всѣ почти наши пастыри и архипастыри. Ну, пускай бы эту тяжесть они возлагали только на однихъ урожденныхъ дьячковъ, дьяконовъ и поповъ; имъ же вѣдати подобаетъ церковную печать; нѣтъ, по ихъ мнѣнію, надобно всѣхъ такъ учить, какъ будто бы всѣ мы готовились въ чтецы и пѣвцы церковные. Страннѣе всего, что нынѣ, въ 1868 году, многіе священники, когда нужно учить своихъ дѣтей, даютъ имъ сначала гражданскую азбуку; даже сами владыки святые, если подъ ихъ опекою состоятъ племянники, внуки и т. п., то же самое дѣлаютъ, а между тѣмъ всѣми правдами и неправдами отстаиваютъ ту мысль, что въ народныхъ школахъ нужно сначала учить церковной грамотѣ. Скажи имъ, что она гораздо труднѣе гражданской, они отвѣтятъ: „пускай же дѣти пріучаются къ труду и терпѣнію; это дѣло полезное; царствіе Божіе нудится и нуждницы восхищаютъ его“. Скажи, что церковныя книги непонятны даже для взрослыхъ, что дитя, обучаясь по нимъ, пріучается читать и не понимать, а еще хуже—перетолковывать прочитанное по своему усмотрѣнію, что это не развиваетъ, а забиваетъ, уродуетъ умственныя способности; отвѣтятъ: „Зачѣмъ умъ? была бы вѣра. Что за бѣда, если мальчикъ не понимаетъ прочитаннаго? за то онъ благоговѣетъ предъ церковною святынею“. Съ этимъ народомъ вы ничего не сдѣлаете. Въ своей кириллицѣ, т. е. въ грамотности по церковной печати, они полагаютъ все спасеніе въ будущей и все благосостояніе въ этой жизни.

Если такъ разсуждали, когда мнѣ уже было почти 60 лѣтъ, то какія прогрессивныя идеи относительно обученія грамотности могли появиться во время моего дѣтства въ головахъ особенно духовныхъ сельскихъ лицъ? Они вѣровали и исповѣдывали яко воистину кириллица есть вѣрнѣйшій путь ко спасенію и легчайшій, даже чуть-ли не единственный способъ обучать грамотности. А такъ какъ въ то время они же, или выучившіеся по ихъ методѣ читать мѣщане, отставные солдаты, лакеи, старухи-бабы, преимущественно раскольницы, были почти что единственными учи-

телями грамотности, то по кириллицѣ начинали обучаться дѣти и крестьянъ, и горожанъ, и духовныхъ, и даже провинціальныхъ дворянъ. Слишкомъ мало было отступниковъ отъ этой методы. Стану ее описывать.

Сообразно съ нею нужно было, такъ сказать, пройти три курса, выучить три учебника: азбуку, часословъ или часовникъ и псалтырь. Это вполнѣ соотвѣтствовало бывшему до 1867 г. раздѣленію учебнаго курса въ духовныхъ низшихъ училищахъ и семинаріяхъ на три отдѣленія: высшее, среднее и низшее. И какъ не всѣ ученики въ семинаріи и въ училищѣ оканчивали курсъ, такъ точно и грамотѣи не всѣ доходили до псалтыри, иные останавливались на часовникѣ, а нерѣдко никакъ не могли пересилить даже азбуки. Прежде нежели начинали учить азбукѣ, приготовляли для ученика указку; это обыкновенно была остроганная лучинка, и заостреннымъ ея кончикомъ нужно было водить по строкамъ книги и указывать на то слово или букву, которое произносилось. Давши указку въ руку, сажали ученика или ученицу за столъ и клали предъ нимъ азбуку славянскую, въ которой всѣ буквы, слоги и пр. были напечатаны церковнымъ шрифтомъ. Разумѣется, первоначально крестились и даже молились. Потомъ ученику приказывали перекреститься и поцѣловать раскрытую азбуку; надобно сказать, что многіе педагоги требовали отъ ученика это лобзаніе въ началѣ и въ концѣ каждаго урока, при изученіи и азбуки, и часовника, и псалтыри. Такимъ образомъ всѣ эти три книги были чѣмъ-то въ родѣ иконъ, къ которымъ прикладывались ученики ежедневно, садясь за урокъ и оканчивая его. Но вотъ мы и перекрестились и поцѣловали азбуку. Теперь учитель, сидя бо́льшею частію по правую сторону ученика, говаривалъ ему, указывая на первую букву алфавита: ну, читай азъ, то-есть а, потомъ точно также произносились слѣдующія буквы: буки, вѣди, глаголь, добро, есть и т. д., но никакъ не бе, ве, ге, де, е и пр.; объ объясненіи же того, что́ такое эти азы, буки, вѣди и пр., какъ они произносятся, для чего съ нихъ начинается грамотность, никто изъ учителей и не думывалъ. Азъ такъ азъ, а не буки, чего же больше? Только бо́льшею частію было въ модѣ, что когда прочитывался весь алфавитъ къ ряду и произносилась послѣдняя его буква ижица, учитель, въ родѣ любезной шутки, прибавлялъ: „плеть къ ж..ѣ движется“. Само собою, ученикъ и уче-

ница, механически повторяя за учителемъ буквы алфавита, произносили и эти глупыя, непристойныя слова; тогда и учитель и предстоявшіе при первомъ урокѣ принимались хохотать; ученикъ конфузился, а иногда, понявъ грозное значеніе словъ, принимался плакать, полагая, что плеть или розга дѣйствительно уже близка къ нему. Къ такой нерадостной мысли располагало его и то, что прежде, нежели онъ начиналъ учиться, ему, въ случаѣ его рѣзвости, говаривали: „погоди, дружокъ, вотъ посадятъ учиться, присмирѣешь, плетка или прутъ учителя собьютъ съ тебя форсъ“. Иногда же, если начало ученья происходило у какого либо полуофиціальнаго учителя, напримѣръ, дьячка, мѣщанина и т. п., у котораго въ то же время сидѣло нѣсколько учениковъ, начавшихъ уже свое ученіе, то плетка висѣла вблизи, или лежала на столѣ, или даже держалась въ рукѣ. Подшутивши надъ новымъ ученикомъ, начинали вновь читать: азъ, буки, вѣди и пр. Дѣло состояло въ томъ, что, по мнѣнію педагоговъ, надобно было непремѣнно знать на-память къ ряду названія всѣхъ 40 буквъ. Бывали счастливыя головы, которыя съ нѣсколькихъ разовъ запоминали всѣ эти названія; подобные геніи встрѣчались слишкомъ рѣдко и составляли предметъ удивленія. Большинство послѣ пяти и десяти разъ, разумѣется, не могло упомнить сорока словъ, изъ которыхъ многія въ первый разъ попадались и шли другъ за другомъ безъ всякой системы. Педагоги знали это по опыту и потому только по принятому обычаю прочитывали съ ученикомъ весь алфавитъ раза два—три, а потомъ раздѣляли его на нѣсколько частей, смотря по замѣченнымъ или предполагавшимся способностямъ ученика. Дѣлили пополамъ, а больше по строкамъ, и начинали задалбливать: азъ, буки, вѣди. Если видѣли, что и на строку не хватаетъ памяти у ученика, то брали три—четыре буквы. Одержавъ побѣду надъ первою избранною группою буквъ, принимались за вторую, послѣ за третью, и т. д.; потомъ пробовали все прочитать. Чаще всего случалось, что, пока учили послѣдующія группы, предыдущія забывались; надобно было вновь за нихъ приниматься. Можетъ быть, и прежде какой нибудь щипокъ, небольшая щелкушка доставались на долю ученика; ну, а теперь уже нельзя было терпѣть,—вѣдь выучили-было, а потомъ, когда стали повторять, оказалось, что все забыто. Разумѣется, виноватъ не премудрый педагогъ, а лѣнивый и безтолковый ученикъ; и вотъ,

берутъ въ руки плетку, подбираютъ бѣднягу въ руки, или кладутъ на полъ, на скамейку и по обнаженнымъ частямъ тѣла начинаютъ немилосердно хлестать плеткою или розгою, чтобы выбить лѣнь и вколотить толковитость. Опять начинаютъ учить, опять иногда толку нѣтъ, опять крикъ отъ боли. Но вотъ, какъ нибудь одержана побѣда надъ алфавитомъ; мальчикъ знаетъ его наизусть и безъ остановки прочитываетъ отъ аза до ижицы, такъ что уже и плети не нужно двигаться. Тогда принимались за склады, то-есть за соединеніе согласныхъ съ гласными. Начиналось съ соединенія согласныхъ съ буквою азъ, то-есть съ ба, ва, га, да и пр. И тутъ о какой либо раціональной методѣ мало и немногіе думали; опять было въ ходу механическое задалбливаніе; безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, указывая на б—а, велѣли произносить не ба, даже не что буки и азъ составятъ звукъ ба, а просто букиазба, потомъ вѣдиазва вмѣсто ва, глагольазга вмѣсто га, или арцыижери вмѣсто ри, шаижеши вмѣсто ши, нашонно вмѣсто но, щаонщо вмѣсто що. Чтобы, вѣроятно, избѣгнуть нѣкоторой скандалезности при соединеніи согласныхъ съ буквою я, вставляли послѣ я букву з и произносили букиязбя, вѣдиязвя и пр. Судите, г. читатель, сколько нужно было труда положить, чтобы механически все это запомнить! Сколько, оплеухъ, тасокъ, колотушекъ, непонятливый ученикъ получалъ отъ догадливаго и толковитаго учителя якобы за лѣнь и разсѣянность, сколько разъ красные или синіе рубцы ложились отъ плетки или розогъ на обнаженныхъ частяхъ тѣла! И все это дѣлалось во имя науки, во имя просвѣщенія! Не даромъ же говорили, что наука трудна, что ученье похоже на мученье, что наука есть мука, что корень ученія горекъ и пр. Да, именно мучились не только ученикъ, но и учитель,—послѣдній не понимая, что его безтолковость есть причина всѣхъ мученій. Разумѣется, добивались благопріятныхъ результатовъ. Если не природныя способности, не толковитое ученье, то какой-то инстинктъ, пробужденный ужасною, многократно повторявшеюся болью, заставлялъ такъ или иначе мальчика и дѣвочку понять сущность дѣла. Только избранники оканчивали склады въ нѣсколько недѣль, или въ одну недѣлю. Большинству нуженъ былъ мѣсяцъ, и не одинъ, для изученія этой премудрости; иные сиживали чуть не годъ за нею, даже недѣли и мѣсяцы за однимъ алфавитомъ. Много было примѣровъ, что иного бросали

учить на алфавитѣ же, другаго на складахъ, и все это якобы по причинѣ ихъ тупости.

За складами въ азбукѣ слѣдовали титлованныя слова: ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, и пр. И тутъ опять механизмъ; вотъ лучшее тому доказательство. Въ тирадѣ, заключавшей въ себѣ эти слова, сначала стояла буква, а за нею слова, съ нея начинавшіяся. Разумѣется, букву незачѣмъ было произносить, но мы непремѣнно обязаны были читать: азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій;—буки, Богъ, божество и пр. За титлованными словами стояли знаки препинанія славянскаго—церковнаго языка, не только запятая, точка и проч., но и ударенія; послѣднія выражались греческими словами, написанными при помощи славянскихъ буквъ. Кажется, незачѣмъ бы ихъ учить, достаточно было бы на словахъ объяснить ихъ значеніе. Такъ нѣтъ, старинная педагогія и тутъ считала нужнымъ ученье. Вотъ эта тирада: оксіа, исо, варіа, камора, краткая, звательца, титло, слово-титло, апострофъ, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительное, вмѣстительное и пр.; послѣднее мѣсто здѣсь занималъ вмѣстительный знакъ подъ названіемъ вмѣстительное, а за нимъ стоялъ самый знакъ ( ), имѣющій нѣкоторое сходство съ монетными кружками по своему очертанію. И это не ускользнуло отъ механизма; читая къ ряду оксіа, исо, варіа и пр., заканчивали обыкновенно тираду словами: вмѣстительное, копѣйка.

Теперь уже вся черная, предварительная работа кончена; заучены буквы алфавита до самой ижицы, слоги, слова титлованныя и знаки препинанія съ оксіей, звательцами и ероками; пора приниматься за чтеніе статей. Въ награду за терпѣніе, которое ученикъ выказалъ заучивая всю перечисленную чепуху, въ награду за щипки, таски, оплеухи и особенно за множество багровыхъ, красныхъ, синихъ рубцовъ и даже иногда кровавыхъ капель отъ плетки и розогъ, надобно было бы ученику доставить хоть какое либо удовольствіе, заставляя читать статьи ему понятныя, которыя бы сообщили ему занимательныя свѣдѣнія, хоть сколько нибудь его интересовали. Нѣтъ, г. читатель, у насъ не такъ думали. Прикрываясь якобы заботливостію о спасеніи души, а вслѣдствіе этого мало обращая вниманія на самыя законныя потребности разсудка и жизни, пастыри и архипастыри, учи-

теля и учительницы, считали нужнымъ заставлять мальчика послѣ азбуки заняться часовникомъ, а послѣ него псалтырью; и вотъ, ученикъ начиналъ читать: Царю небесный; Святый Боже; Пресвятая Троица; Слава Отцу и Сыну; Отче нашъ; Пріидите поклонимся и проч. Я не стану спорить о томъ, что всѣ эти и имъ подобныя молитвы, псалмы, имѣютъ церковное значеніе, должны быть прочитываемы по заведенному порядку при томъ или другомъ богослуженіи, могутъ во взрослыхъ, которые поймутъ ихъ значеніе и смыслъ, пробуждать и поддерживать молитвенное настроеніе. Но молиться Богу можно научить, нисколько не пробуждая отвращенія отъ грамотности и не убивая любознательности. А между тѣмъ при обученіи грамотности прежде всего слѣдовало бы имѣть въ виду не пробуждать отвращенія къ ней, не убивать любознательности. Какая же любознательность появится въ дитяти, когда оно, побѣдивши буквы алфавита, слоги, титлованныя слова и знаки препинанія, начинаетъ читать статьи, которыхъ мысли превышаютъ его разсудокъ, въ которыхъ многія слова непонятны? Какую идею, какое чувство пробудятъ въ немъ слова: иже, сый, ны, блаже, ради (вмѣсто для), еси и пр. и пр. Прибавьте къ этому безтолковость и непрактичность методы; дитяти не изъяснятъ отношенія заученныхъ имъ уже слоговъ къ цѣлымъ словамъ; ему попадаются неизвѣстныя сочетанія буквъ, напримѣръ—рство въ словѣ царство, и проч.; ему опять приходится своимъ инстинктомъ понять, какъ изъ слоговъ составляются слова. А между тѣмъ и щипки, и толчки, и пощечины, и плетка, и розги не забываются, а нерѣдко учащаются. Единственнымъ почти поощреніемъ для мальчика служило то обстоятельство, когда онъ, выучивши часословъ или псалтырь, получалъ право отъ причетника прочитать что либо въ церкви при богослуженіи. Сознаніе, что вотъ-де я—мальчуганъ—читаю вслухъ въ церкви, что меня слушаютъ всѣ, хотя и самъ я и наибольшая часть изъ предстоящихъ ничего не понимаемъ,—льстило дѣтскому самолюбію. Но читать надобно было скороговоркою, честь эта доставалась немногимъ, преимущественно дѣтямъ духовенства.

Какъ будто нарочно для того, чтобы какъ можно долѣе продлить обученіе грамотности, а вмѣстѣ съ тѣмъ мученіе и страданіе дѣтей, чтобы еще болѣе пробудить отвращеніе отъ чтенія

чрезъ повтореніе однихъ и тѣхъ же непонятныхъ статей, введены были такъ называемые зады. Подъ этимъ разумѣлось слѣдующаго рода педагогическое распоряженіе. Ученикъ, садясь въ извѣстный день за книгу, принимался не за новый урокъ, а повторялъ то, что онъ выучилъ читать въ предыдущіе одинъ или два дня; потомъ, въ субботу или понедѣльникъ, повторялось все, что было читано въ теченіе недѣли. Когда же выучивалась какая либо часть часовника или псалтыри, напримѣръ, полунощница, малое повечеріе, кафизма и проч., то находили нужнымъ одинъ или нѣсколько разъ ее повторить. Съ окончаніемъ часовника или псалтыри начиналось, такъ сказать, валовое многократное перечитываніе каждаго изъ нихъ, какъ говаривали, отъ одной доски до другой; это продолжалось недѣли, а иногда и мѣсяцы. У многихъ учителей особенно грозны были суббота или понедѣльникъ, въ которые происходило недѣльное повтореніе. Нѣкоторые снисходительные, или наскучившіе ежедневнымъ сѣченьемъ, не всегда взыскивали всякую неисправность каждый день, ограничиваясь бранью, толчками, щипками и проч. и хватаясь за плетку и розгу по особенно уважительнымъ для нихъ причинамъ, требовавшимъ немедленнаго наказанія; но за то откладывали все до субботы или понедѣльника, прибавляя: „смотри, къ субботѣ или понедѣльнику выучи, а то достанется тебѣ“. Разумѣется, не всякій, даже рѣдкій являлся вполнѣ исправнымъ; и вотъ тутъ начиналось сѣченье чуть не къ ряду всѣхъ; розги приготовлялись въ большомъ количествѣ и съ лучшими качествами; учитель уставалъ, ему уже трудно было и держать и сѣчь; виновный укладывался на полъ, на скамью, къ которой иногда и привязывали его; но такъ какъ это было продолжительно, то чаще заставляли товарищей держать наказываемаго за руки и за ноги, чтобы они имѣли удовольствіе въ самой близи видѣть, какіе слѣды оставляетъ на обнаженныхъ частяхъ тѣла розга или плетка, которыя сейчасъ же будутъ и на нихъ разгуливать. Въ мое еще дѣтство многіе изъ духовныхъ лицъ, мѣщанъ, даже богатыхъ крестьянъ и проч., считали нужнымъ учить грамотности не однихъ сыновей, а и дочерей, и за недостаткомъ учительницъ отдавали тѣхъ и другихъ одному и тому же педагогу. Разумѣется, почти всегда расправы происходили съ дѣвочками по той же методѣ, какъ и съ мальчиками, притомъ въ общемъ ихъ присутствіи. О взаимномъ

сожалѣніи другъ къ другу и помину не было; всякій жалѣлъ только о себѣ самомъ; напротивъ, всегда готовъ былъ и принимался съ удовольствіемъ помогать учителю сѣчь другаго; или по крайней мѣрѣ съ какимъ-то пріятнымъ любопытствомъ слѣдилъ за сѣченьемъ и старался такъ распорядиться собою, чтобы видны были тѣ части тѣла, на которыя падаетъ розга или плетка. Но мальчикамъ особенно нравилось, когда приходилось сѣчь дѣвочекъ; нравилось именно съ той стороны, которая должна бы пробуждать отвращеніе. „Любо,—говаривали молодые кавалеры,—смотрѣть, какъ дѣвокъ сѣкутъ; у нихъ все голо отъ пятокъ до спины; плохо только держать ихъ за ноги; рукамъ скользко“. За то мальчики считали высшею степенью униженія для себя, если учитель при сѣченьи заставлялъ дѣвочекъ держать ихъ, особенно за голову. Въ такомъ случаѣ надъ высѣченнымъ обыкновенно смѣялись, говоря: „да твоя голова нынѣ, или вчера, была подъ подоломъ у дѣвки“.

Въ XVIII же столѣтіи и въ началѣ XIX, особенно въ Малороссіи, почти свято соблюдался, да и во время моего дѣтства не вездѣ былъ оставленъ обычай въ субботу сѣчь всѣхъ безъ исключенія учениковъ по особому церемоніалу, подъ видомъ какого-то благочестиваго напоминовенія о почитаніи праздничныхъ дней; особенно любили держаться этого обычая причетники. По окончаніи, такъ сказать, лекціи, выдвигалась на средину скамейка, учитель подходилъ къ ней съ хорошимъ пучкомъ розогъ, ученики же вставали съ своихъ мѣстъ и каждый дѣлалъ нужныя приготовленія къ сѣченью, т. е. скидалъ верхнее платье, если оно было длинно, а не какая либо курточка, спускалъ подштанники; не обнажалъ себя, какъ нужно, но, выражаясь словами покойнаго Квитки, автора романа „Панъ Халявскій“, „имѣлъ все въ надлежащей готовности и поддерживалъ только изъ приличія“. Учитель подзывалъ къ себѣ одного ученика, который, подошедши къ скамейкѣ, переставалъ держать изъ приличія то, что имѣлъ уже въ готовности; разумѣется, все упадало къ колѣнамъ, а ежели мальчикъ былъ безъ сапогъ, то и до самыхъ пятокъ. Учитель наклонялъ и укладывалъ ученика на скамейку, заворачивалъ рубашку, подбиралъ руки его такъ, чтобы онѣ не мѣшали предстоящей операціи, а иногда поручалъ держать ихъ двумъ мальчикамъ, чтобы самому сосредоточить свою

дѣятельность на одной лозѣ или плеткѣ. Когда же рѣшительно все было въ готовности, тогда учитель обращался къ одному изъ учениковъ съ вопросомъ: какъ читается пятая заповѣдь Божія? Спрошенный начиналъ читать: помни день субботный еже святити его и проч.; а во время этого чтенія розга или плетка приводимы были въ ближайшее соприкосновеніе съ обнаженными членами. Если ученикъ былъ хорошъ, то удары были легки, иногда только для вида,—но все-таки, какъ бы онъ ни былъ исправенъ, все-таки ему надобно было лежать на скамьѣ въ полной готовности и выслушать въ этомъ положеніи пятую заповѣдь. Впрочемъ, хоть изрѣдка, вѣроятно, для того, чтобы не забытъ былъ день субботній, самый лучшій ученикъ не могъ лежать спокойно и молча; полновѣстные удары учителя розгой и плеткой заставляли и его кричать и стараться вырваться. Заповѣдь прочитана, лежавшій на скамьѣ вставалъ и убирался, мѣсто его заступалъ другой. Если онъ принадлежалъ къ неисправнымъ, то уже удары сыпались съ полною силою и часто; тогда уже приказывали читать заповѣдь Господню не торопясь. Когда же очередь доходила до неисправнаго вполнѣ, до лѣниваго, или извѣстнаго шалуна, тогда начинали держать его не только за руки, но и за ноги, а чтецъ получалъ приказаніе читать какъ можно рѣже и вразумительнѣе, съ остановками и растяжками, а иногда даже и вновь начинать чтеніе, при томъ не одинъ разъ. Само собою, во время чтенія удары градомъ сыпались и при томъ съ полною силою. Дѣйствительно, долго станешь помнить подобные субботніе дни, даже едва-ли можно забыть ихъ!

При описанной мною методѣ, ученики не быстро выучивались грамотности, даже церковной. Я уже сказалъ, что иные не могли перешагнуть алфавитъ, другіе останавливались на слогахъ, но и принявшіеся за часословъ и псалтырь, значитъ—болѣе даровитые, не скоро ихъ оканчивали. Многіе сиживали за ними три, четыре года и даже болѣе; самыхъ даровитыхъ держали на нихъ не менѣе двухъ лѣтъ.

Извините меня, г. читатель, что я такъ долго останавливалъ ваше вниманіе на церковной методѣ учить людей грамотности. Мнѣ хотѣлось убѣдить васъ быть снисходительнымъ къ намъ—вашимъ предкамъ, равно какъ и къ нашимъ предшественникамъ. Чего добраго, вы станете насъ обвинять въ недостаткѣ у насъ

любознательности; въ томъ, что мы не могли въ образованности сравняться съ современными намъ народами; что между нами такъ мало было грамотѣевъ, еще менѣе ученыхъ и истинно образованныхъ людей. Будьте къ намъ и нашимъ предкамъ милосерды! Вѣдь чувствовать расположеніе и влеченіе къ наукѣ, когда она начиналась для насъ азами и буками, букиазвами и вѣдиазвами, звательцами и ероками, часословами и псалтырями, ну, право, намъ было трудно. Еще менѣе могли расположить къ наукѣ безчисленное множество оплеухъ, щипковъ, толчковъ, ударовъ розгами и плетками, двуххвостками и треххвостками. Немногіе изъ насъ могли перенести всѣ эти пріятности; но и тѣ, которые какъ нибудь переносили ихъ, послѣ, какъ увидимъ, въ итогѣ встрѣчали еще больше препятствій къ развитію и поддержанію своей любознательности.

Потомъ мнѣ хотѣлось порадовать васъ, г. читатель. Вѣроятно, вы, прочитавши мое описаніе методы обученія грамотности, перекреститесь и скажете съ удовольствіемъ: „слава Богу, что я живу въ другія, болѣе счастливыя времена; у насъ нынѣ такъ легко, такъ пріятно учатъ грамотности всѣхъ до единаго, у насъ нынѣ не трогаютъ ни азовъ, ни букъ, ни оксій, ни ероковъ“. Поздравляю васъ изъ могилы моей съ такимъ счастіемъ. Но что, если мое поздравленіе будетъ не кстати и не вполнѣ приложимо ко всѣмъ? Что, если и у васъ азы и ероки составляютъ основу грамотности? Конечно, и нынѣ у многихъ образованныхъ родителей дѣти выучиваются читать играя и шутя; конечно, у васъ еще болѣе найдено будетъ средствъ учить такимъ образомъ. Но станутъ ли и у васъ всѣхъ безъ исключенія, всѣхъ—и мѣщанъ и крестьянъ—обучать раціональнымъ образомъ, а не по дьячковски? Вотъ въ чемъ вопросъ. Между тѣмъ, слушая нынѣ карканье черныхъ вороньевъ, краснорѣчивыя и патетическія рѣчи іереевъ и архіереевъ въ защиту кириллицы, настоятельныя почти требованія, чтобы въ народныхъ школахъ учили непремѣнно попы, дьяконы и дьячки или семинаристы, учили непремѣнно по церковной печати, придерживались старинной нашей методы,—по неволѣ задумываешься о томъ, не доживетъ-ли эта метода и до вашего времени, г. читатель! Вѣдь вотъ недавно, уже въ 1867 году, введено въ семинаріяхъ преподаваніе педагогики, съ тѣмъ, чтобы будущихъ нашихъ и вашихъ пастырей сдѣлать способными

учить прихожанъ грамотности. И что же? нашелся же одинъ отецъ-архимандритъ, который, какъ я уже сказалъ въ этой главѣ, въ качествѣ наставника педагогики доказывалъ будущимъ пастырямъ, что надобно первоначально учить славянской грамотѣ, что нужно алфавитъ читать не а, бе, ве и проч., а—азъ, буки, вѣди. Если почва будетъ благопріятна для подобныхъ насажденій, то долго-долго еще будетъ господствовать кириллица. Я еще не разъ возвращусь къ этому предмету, а теперь скажу: если духовенство удержитъ то же настроеніе, какое нынѣ (1868 г.) ему свойственно, то будетъ плохимъ руководителемъ народныхъ массъ въ дѣлѣ образованности. И если оно захватитъ въ свои руки народное образованіе, то на прогрессъ, по крайней мѣрѣ быстрый, расчитывать трудненько. Дай Богъ, чтобы мои опасенія не сбылись!

Время теперь обратиться къ моимъ ученымъ занятіямъ. Батюшка мой, занятый священническою службою и хлопотами по хозяйству, не находилъ возможности самому обучать меня грамотности. Поэтому я непремѣнно отданъ былъ бы въ ученье, какъ тогда говаривали, какому либо вольнопрактикующему педагогу—дьячку или солдату, даже, можетъ быть, въ другое село, и тамъ, по всей вѣроятности, испыталъ бы на себѣ въ подробности всѣ частности описанной мною методы, даже регулярныя напоминовенія о субботнемъ днѣ, если бы, къ величайшему моему счастію, моя матушка не составляла исключенія изъ тогдашнихъ попадей. Она умѣла хорошо читать и церковную и гражданскую печать и приняла на себя обязанность учить грамотности и меня, а потомъ старшихъ моихъ сестеръ. Родители мои были люди набожные; обученіе мое начали они молитвою. Это происходило во время зимы 1814—1815 гг., когда въ нашей избѣ, вмѣстѣ со всѣми нами, жилъ еще вновь поступившій въ Палищи священникъ Ѳедоръ Энеидовъ на мѣсто замерзшаго отца Василія и не успѣвшій еще выстроить себѣ новаго дома. Какъ теперь помню, вечеромъ зажгли у образовъ восковыя свѣчи; отецъ Ѳедоръ надѣлъ на себя эпитрахиль, подъ которую меня поставили, и началъ вмѣстѣ съ моимъ батюшкою совершать молебенъ предъ начатіемъ ученья. Молебна я не понималъ, да и не слушалъ, но меня очень занимало мое положеніе подъ эпитрахилью, откуда я не могъ не выглядывать, съ тѣмъ, чтобы переглянуться съ моими сестрами. Съ этого-то вечера начались мои

ученыя и литературныя занятія. Разумѣется, меня стали обучать по кириллицѣ, по церковной печати, съ аза и буки и пр. Не обвиняю за это моихъ родителей, потому что въ то время, въ глуши Касимовскаго уѣзда, даже и не представляли возможности иначе учить, особенно поповскаго сына. Но нельзя не сказать, что если бы я обучался по другимъ методамъ, которымъ теперь стали слѣдовать свѣтскіе образованные педагоги, то гораздо скорѣе выучился бы грамотности и менѣе былъ бы наказываемъ, нежели обучаясь по кириллицѣ.

Я не былъ избалованъ, имѣлъ очень хорошія умственныя способности, особенно громадную память, былъ даже любознателенъ. Поэтому обученіе грамотности не могло бы быть для меня тягостнымъ, по крайней мѣрѣ—слишкомъ; и если бы она удовлетворяла и подстрекала мою любознательность, то, по всей вѣроятности, я былъ бы прилежнымъ ученикомъ. Но нельзя не сказать, что славянщина, церковная печать, часословъ и псалтырь вовсе не привлекали къ себѣ, не интересовали меня. Конечно, изъ опасенія подвергнуться наказанію я садился или по приказу, или даже самъ собою въ урочный часъ за книжку; но, по правдѣ сказать, вовсе безъ всякой охоты. Новые уроки еще мнѣ были не тяжелы; вѣроятно, въ простотѣ сердца я еще думалъ, авось либо новый урокъ что либо сообщитъ мнѣ новое, неизвѣстное. Между тѣмъ встрѣчалъ я все тѣ же иже, дондеже, бяху, сице, абіе, убо и пр.; чувствованія и мысли, заключавшіяся въ молитвахъ часослова и въ псалмахъ Давида, мнѣ были вовсе недоступны и нисколько не занимательны, да бо̀льшей части ихъ, подъ славянскимъ покровомъ, я и не понималъ. Нужно было только читать—для того, чтобы прочитано было. Но ничто не возбуждало во мнѣ столько отвращенія, какъ зады; ими-то я особенно тяготился и отъ нихъ-то я старался какъ нибудь отдѣлаться, и, пойманный въ своихъ продѣлкахъ по этой части, долженъ былъ частенько испытывать боль отъ плетки, или прута изъ вѣника. По господствовавшимъ тогда педагогическимъ понятіямъ, ученикъ долженъ былъ, какъ я уже выше говорилъ, указать указкою не только на строку, но и на каждое слово, которое онъ произносилъ. Но каждый новый урокъ нужно бывало прочесть разъ пять и даже десять, потомъ повторять его множество разъ въ видѣ задовъ. Такимъ образомъ, при огромной моей памяти, я, не пони-

мая самой бо̀льшей части часовника и псалтыри, зналъ ихъ чуть не вполнѣ на-память. Этимъ-то я и пользовался, чтобы сколько нибудь уменьшить скуку, которую на меня нагоняли зады. Я читалъ на-память молитвы, псалмы и пр., а самъ между тѣмъ посматривалъ по сторонамъ, даже заглядывалъ на улицу. Потомъ, полагая, что за мною нѣтъ наблюдательнаго взгляда, я вдругъ вмѣсто одного листа перевертывалъ два и даже три. Отъ этого и происходило, что моя указка, оставаясь въ моихъ рукахъ, не указывала не только на тѣ строки и слова, но даже и на тѣ страницы, которыя я читалъ по памяти. Разумѣется, я часто попадался въ такихъ продѣлкахъ и поплачивался кое-чѣмъ. Однажды особенно удалось мнѣ смастерить хитрую штуку. Во время чтенія моихъ задовъ, на улицѣ происходило что-то очень занимательное, на что мнѣ хотѣлось посмотрѣть. Я и началъ читать по памяти, а самъ украдкою поглядывалъ на улицу. Вскорѣ я замѣтилъ, что въ избѣ никого нѣтъ, а только кто-то находится въ чуланѣ. Я этимъ и воспользовался. Продолжая читать какой-то псаломъ, я всталъ на лавку, обратился къ окну и глазами слѣдилъ за происходящимъ на улицѣ, а языкомъ бормоталъ псаломъ. И среди этого наслажденія вдругъ почувствовалъ, какъ меня быстро сняли съ лавки и начали сѣчь. Я такъ углубленъ былъ въ разсматриваніе уличныхъ событій, что и не видалъ, какъ кто-то вошелъ въ избу, замѣтилъ мою продѣлку, сказалъ кому слѣдуетъ, какъ вынули прутъ изъ вѣника, подошли ко мнѣ и пр. Событіе было совершенно для меня неожиданное и при томъ крайне непріятное, потому что посѣкли меня больненько. Этими-то способами, этимъ-то, какъ говорятъ въ деревняхъ, побытомъ, я и учился грамотности; учился читать, не смотря на всѣ свои способности, кажется, года три. Читалъ я по славянски бойко, даже получилъ позволеніе прочитывать въ церкви: Нынѣ отпущаеши, Сподоби Господи, потомъ Благословлю Господа на всякое время и пр. Сначала я порядочно струсилъ, когда среди тишины раздался мой звонкій голосъ по церкви, но потомъ я чрезвычайно хлопоталъ у дьячковъ, чтобы они позволяли мнѣ прочитывать какой либо стихъ или псаломъ; амбиція моя въ этомъ находила удовольствіе.

Въ Палищахъ же начали меня приготовлять къ духовному званію не однимъ позволеніемъ читать въ церкви, но и дру-

гимъ способомъ, именно хожденіемъ по приходу въ праздникъ Рождества Христова, или такъ называемымъ христославленьемъ. Но такъ какъ въ Палищахъ я только въ одинъ годъ славилъ Христа по крестьянскимъ дворамъ, и мои подвиги по этой части главнымъ образомъ происходили уже въ Тумѣ, то я и свои наблюденія надъ христославленьемъ отлагаю до описанія моей жизни въ Тумѣ.

Глава VI-я.

О перемѣщеніи моего батюшки священникомъ въ село Туму Николаевскую.

Въ Палищахъ было двѣ церкви, обѣ деревянныя; при томъ, не смотря на ничтожнѣйшую цѣну дровъ въ то время, ни одна изъ нихъ не имѣла печи, отчего въ зимнее время въ нихъ былъ невыносимый холодъ. Это, впрочемъ, было, такъ сказать, въ модѣ. Въ цѣлой сѣверной половинѣ Касимовскаго уѣзда, въ сосѣднихъ съ нею селахъ Рязанскаго и Егорьевскаго уѣздовъ, церкви всѣ безъ исключенія были деревянныя и холодныя; только въ Гусевскомъ погостѣ были каменныя церкви и при томъ теплыя. Пресловутая мудрость нашихъ благочестивыхъ предковъ никакъ не могла понять, что въ церкви не слѣдуетъ морозить православныхъ христіанъ, что самыя пламенныя молитвы не согрѣваютъ грѣшнаго тѣла при 20—30-ти градусномъ морозѣ. А между тѣмъ и Успенскій соборъ въ Москвѣ только въ половинѣ XIX столѣтія наконецъ-то сдѣлали теплымъ. Что же удивительнаго, если въ какихъ либо Палищахъ были обѣ деревянныя церкви холодными? Батюшка мой отважился на неслыханное тогда предпріятіе: онъ рѣшился убѣдить прихожанъ построить теплую, при томъ каменную церковь. Для этого не разъ составлялись митинги, или наши русскія сходки. Главнымъ противникомъ батюшки былъ бурмистръ г. Новосильцева, крестьянинъ деревни Малаховой Спицынъ, старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, если не болѣе, съ небольшою сѣдою бородою, съ злымъ выраженіемъ на лицѣ и въ глазахъ, но старикъ свѣжій, бодрый, умный. До поступленія батюшки моего въ Палищи Спицынъ былъ полнымъ авторитетомъ не только въ своей вотчинѣ, но и во всемъ приходѣ; командовалъ даже и духовенствомъ, которое, по правдѣ сказать, было глупѣе его. Батюшка мой значительно ослабилъ его авторитетъ своимъ умомъ и независимыми

отъ него распоряженіями. Спицынъ не могъ же любить своего соперника и, гдѣ можно было, препятствовалъ ему. Такъ поступалъ онъ и при обсужденіи вопроса о постройкѣ новой церкви. Предпріятіе, дѣйствительно, было смѣлое; прихожанамъ на своихъ подводахъ нужно было ѣздить за желѣзомъ, бѣлымъ камнемъ и известью въ гусевскій заводъ, въ село Малѣево и въ другія мѣста за 80—90 верстъ; потомъ нужно было много денегъ на уплату рабочимъ и проч., а запаснаго капитала въ церкви почти вовсе не было. Народныя сходки бывали необыкновенно оживленныя, даже бурныя. Особенно одна изъ нихъ произвела на меня сильное впечатлѣніе. Она происходила на улицѣ, недалеко отъ нашего дома; меня не пустили на улицу, изъ опасенія быть задавленнымъ, и потому я смотрѣлъ на сцену изъ открытаго окна. Шумъ былъ ужасный; батюшка мой, поддерживаемый особенно двумя бурмистрами деревень Спудней и Авинцовъ, велъ оживленный, шумный споръ съ Спицынымъ; народъ еще колебался между тѣмъ и другимъ соперникомъ. Наконецъ, смотрю, какъ Спицынъ быстро протѣснился вонъ изъ толпы, сѣлъ на лежавшее бревно и, упершись локтемъ лѣвой руки на ногу, ладонью поддерживалъ свою наклоненную голову; видно было, что онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ и не зналъ, на что рѣшиться. Между тѣмъ шумъ утихалъ, и наконецъ и Спицынъ всталъ; и мой батюшка одержалъ побѣду; прихожане согласились строить каменную и теплую церковь. Должно, однако, отдать честь Спицыну, за то, что онъ послѣ, когда началась постройка церкви, не дѣлалъ никакихъ препятствій, и высылалъ потребное количество подводъ изъ подвѣдомственной ему вотчины безъ всякихъ проволочекъ.

Батюшка мой, снабженный довѣренностью отъ причта и прихожанъ, поѣхалъ въ Рязань, чтобы получить дозволеніе строить новую каменную церковь, а одну изъ деревянныхъ—меньшую—упразднить, или, какъ говорятъ, нарушить. Архіереемъ въ то время въ Рязани былъ Ѳеофилактъ, бывшій потомъ экзархомъ въ Грузіи. Батюшка мой былъ смѣлый человѣкъ и довольно независимый по своему характеру; поэтому своимъ обращеніемъ обратилъ на себя вниманіе архіерея, видѣвшаго въ другихъ духовныхъ лицахъ только униженныхъ поклонниковъ своего величія. Когда же услыхалъ, что онъ берется быть строителемъ

каменной церкви, то сказалъ ему: „Охъ! молодой священникъ! смѣлъ ты слишкомъ! Знаешь ли ты, какъ трудно построить новую каменную церковь?“ и пр. Но когда батюшка мой, можетъ быть, немножко обидѣвшись тономъ архіерея, съ воодушевленіемъ, ясно изложилъ свои соображенія, то архіерею онъ очень понравился и, получивъ благословеніе строить церковь, услышалъ еще въ добавокъ слова: „Я тебя не забуду; тебя оттуда надобно куда нибудь вывесть на мѣсто повиднѣе“.

По возвращеніи батюшки изъ Рязани, приступили къ постройкѣ церкви. У меня остались особенно въ памяти самая закладка ея и потомъ нарушеніе одной изъ деревянныхъ церквей. Торжественный крестный ходъ, развѣвающіяся хоругви, множество иконъ, многочисленное стеченіе народа, великолѣпныя облаченія всего церковнаго причта, торжественный колокольный звонъ, громогласное пѣніе молебное на открытомъ воздухѣ—все это произвело на меня сильное впечатлѣніе; особенно торжественны были минуты, когда весь народъ съ глубокимъ благоговѣніемъ всталъ на колѣни и въ этомъ положеніи слушалъ молитву, которую мой отецъ читалъ громкимъ голосомъ. Нарушеніе же старой церкви тоже сильно подѣйствовало на меня, но съ другой стороны. Въ церквахъ, которыя назначаются къ упраздненію, служатъ торжественно литургію въ послѣдній разъ, потомъ служатъ молебенъ, а послѣ, въ заключеніе, снимаютъ съ престола и жертвенника всѣ священные предметы: сосудъ, дискосъ, евангеліе, ковчегъ и пр., даже всю одежду, которая его покрывала со всѣхъ сторонъ, такъ что остается, такъ сказать, только одинъ голый деревянный его скелетъ, состоящій изъ нѣсколькихъ брусьевъ и досокъ, а наконецъ сдвигаютъ съ мѣста и самый скелетъ. На народъ все это производитъ трогательное впечатлѣніе; въ Палищахъ при этомъ случаѣ и духовенство и многіе изъ прихожанъ плакали. Разумѣется, и намъ—дѣтямъ, смотрѣвшимъ на все это, нельзя же было не заплакать.

Чрезъ нѣсколько дней происходила новая сцена, только уже въ присутствіи однихъ сельскихъ жителей и разнаго рода рабочихъ. По существующимъ обычаямъ и даже, кажется, узаконеніямъ, лѣсъ деревянной церкви только и можетъ быть употребленъ на новую церковь, но ни въ какомъ случаѣ на какія либо жилыя, такъ сказать, мірскія строенія. Если же нельзя или не хотятъ

отдать лѣсъ старой церкви на новую, то его употребляютъ на обжиганье кирпича, изъ котораго должна построиться церковь. Въ Палищахъ сдѣлано было послѣднее употребленіе. Но для этого надобно было разломать церковь. Начали съ главы, содрали съ ея шейки тесовую обшивку, подрубили подставки, на которыхъ она утверждалась, и привязали къ ней одинъ конецъ веревки, тогда какъ за другой ухватилось нѣсколько десятковъ людей. По данному знаку они начали тянуть за веревку; вѣроятно, глава не вполнѣ еще отдѣлена была отъ своего фундамента, поэтому нѣсколько секундъ оставалась неподвижною; наконецъ, начала покачиваться и вскорѣ всею массою полетѣла внизъ. Не знаю почему, но на меня, стоявшаго весьма далеко отъ церкви, это паденіе произвело потрясающее дѣйствіе. Мнѣ жалко было главы, и потомъ еще болѣе жалко было смотрѣть на церковь, которая, безъ своей главы, казалась какимъ-то страннымъ зданіемъ.

Но моему батюшкѣ не удалось окончить начатую имъ постройку палищенской церкви. Архіепископъ Ѳеофилактъ не забылъ его. Въ 1816 году братъ моего батюшки, тоже Иванъ Мартыновичъ, кончилъ курсъ въ Рязанской семинаріи. Дѣдушкѣ моему, тумскому священнику Мартыну Ларіоновичу, въ это время было съ небольшимъ 50 лѣтъ. Между тѣмъ онъ рѣшился сдать свое священническое мѣсто второму своему сыну. Къ этому располагали его двѣ болѣзни: грыжа и боль въ поясницѣ. Обѣ онѣ произошли отъ того, что въ молодости дѣдушка мой былъ слишкомъ работящимъ человѣкомъ, не жалѣлъ своихъ силъ, особенно когда былъ причетникомъ въ Шеянкахъ; тамъ онъ работалъ едва-ли менѣе всякаго крестьянина. Страданія его и отъ грыжи и отъ поясницы иногда достигали высочайшей степени. Не смотря на твердый, непреклонный свой характеръ, не смотря на то, что былъ вовсе не нѣженка, а привыкъ и умѣлъ молча переносить душевныя и тѣлесныя страданія,—отъ грыжи и боли въ поясницѣ онъ иногда принужденъ былъ кричать. Это-то, кажется, обстоятельство и заставило его подумать о томъ, какъ бы передачею своего мѣста одному изъ сыновей обезпечить кусокъ хлѣба своей семьѣ, состоявшей еще изъ жены, матери, сына и дочери. Вѣроятно, дѣдушка опасался встрѣтить затрудненія своему намѣренію. Тума Николаевская считалась отличнымъ, богатымъ селомъ; наслѣдственность мѣстъ въ духовномъ званіи тогда еще не совсѣмъ утвердилась.

Поэтому дѣдушка взялъ съ собою въ Рязань моего батюшку, въ томъ предположеніи, что если архіерей не захочетъ опредѣлить на его мѣсто втораго сына, то не позволитъ-ли моему батюшкѣ, уже заслуженному и извѣстному съ хорошей стороны священнику, перейти въ Туму, а моему дядѣ Ивану Мартыновичу священствовать въ Палищахъ.

Дѣдушка и дядюшка явились къ владыкѣ съ покорнѣйшимъ прошеніемъ. Владыка, прочитавши его, остановился на словахъ: Иванъ Мартыновъ, и, вслухъ повторивъ нѣсколько разъ эти слова, обратился съ вопросомъ къ моему дѣдушкѣ: „А что? нѣтъ-ли у тебя другаго сына Ивана Мартынова—священника гдѣ-то тамъ ко Владиміру, за болотами?“ Дѣдушка отвѣчалъ, что есть. Тогда архіерей сказалъ: „Пожалуй, я позволю тебѣ сдать свое мѣсто сыну, только не этому (указывая на дядюшку), а тому—палищенскому, а этотъ молодой пусть поступитъ на мѣсто брата. Посылай поскорѣе за старшимъ своимъ сыномъ“.—Да онъ здѣсь, владыка святый,—отвѣчалъ мой дѣдъ.—„Такъ веди же его скорѣе ко мнѣ“,—отвѣтилъ архіерей. Батюшка мой, въ ожиданіи архіерейскаго рѣшенія на прошеніе дѣдушки, ходилъ недалеко отъ архіерейскаго дома, близь соборной церкви. Дѣдушка тотчасъ съ нимъ и съ другимъ сыномъ написалъ новое прошеніе и всѣ вмѣстѣ пошли къ архіерею.—„Ну, вотъ,—сказалъ владыка, увидѣвши моего батюшку,—я тебя не забылъ; полно тебѣ быть тамъ въ глуши, ступай въ Туму, ты мнѣ тамъ нуженъ“. Дѣло состояло въ томъ, что Тума была трехштатнымъ селомъ и центральнымъ мѣстомъ для 13—15-ти селъ, которыя составляли одно благочиніе. Благочиннымъ въ то время былъ тоже тумскій священникъ Никифоръ Мироновъ, мой дядя по своей женѣ, той самой теткѣ и крестной матери, съ которою, какъ выше сказано, я не хотѣлъ цѣловаться. Отецъ Никифоръ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, но слишкомъ слабый и недалекаго ума. Архіерею давно хотѣлось замѣнить его болѣе дѣльнымъ благочиннымъ. Вотъ почему мой батюшка и переведенъ въ Туму; въ Палищахъ онъ не могъ быть благочиннымъ, потому что село дѣйствительно было гдѣ-то въ углу, за болотами, и отстояло бы отъ нѣкоторыхъ селъ благочинія на 70 верстъ.

Не смотря на то, что Тума рѣшительно почти во всѣхъ отношеніяхъ лучше Палищъ, но моему батюшкѣ, особенно матушкѣ,

чрезвычайно не хотѣлось разставаться съ послѣднимъ. Съ ними я объ этомъ никогда не говорилъ, но догадываюсь, что они имѣли много поводовъ не желать предложеннаго имъ перехода. Дѣдушка былъ человѣкъ крутаго характера, самостоятеленъ и настойчивъ до-нельзя. Конечно, онъ былъ прекрасный сельскій хозяинъ (въ тогдашнемъ смыслѣ), работалъ самъ лучше всякаго работника, но любилъ, чтобы ему никто въ этомъ не препятствовалъ, чтобы всѣ безпрекословно исполняли его распоряженія. Батюшка мой зналъ своего отца и зналъ, что послѣдній, будучи даже за штатомъ, не позволитъ полевымъ хозяйствомъ распоряжаться настоящему хозяину. Потомъ, у него жива была еще мать, моя прабабушка, на которую дѣдушка по своему характеру вполнѣ походилъ; затѣмъ, жива тоже была и дѣдушкина жена, женщина, конечно, добрая, но находившаяся въ полной командѣ своего мужа. Такимъ образомъ, моя матушка, по переѣздѣ въ Туму, имѣя право быть настоящею хозяйкою дома, встрѣтила выше себя двухъ еще старыхъ хозяекъ, которыя, какъ можно было предвидѣть, не захотятъ занимать второстепенныя мѣста въ дому. Кромѣ того, у дѣдушки былъ еще третій сынъ Василій, учившійся въ духовномъ уѣздномъ училищѣ и учившійся бойко, да еще была дочь Афимья, лѣтъ 14—15-ти; того и другую надобно было содержать, а послѣднюю и выдать въ замужство моимъ родителямъ, которые уже имѣли своихъ пятерыхъ дѣтей. Вѣроятно, по этимъ причинамъ, когда мой отецъ, уже тумскимъ священникомъ, возвратился въ Палищи, они съ моею матушкою вовсе не были веселы, а матушка частенько и плакала.

Не смотря на то, что распоряженіе о перемѣщеніи было сдѣлано въ октябрѣ, если не въ сентябрѣ 1816 года, мы оставались всю зиму еще въ Палищахъ. Каждую субботу мой батюшка отправлялся въ Туму, а дядюшка, посвятившійся въ священники и жившій у дѣдушки, ѣздилъ въ Палищи; оба брата встрѣчались на дорогѣ, здоровались, толковали между собою и потомъ продолжали каждый свою дорогу. Въ понедѣльникъ совершалось возвратное движеніе. Понятно было, почему моимъ родителямъ не хотѣлось переѣзжать на зиму въ Туму. У нихъ уже было пятеро дѣтей, три человѣка купленной женской прислуги, сами двое, всего 10 человѣкъ въ семействѣ. Дѣдушкино семейство состояло еще изъ пяти человѣкъ, кромѣ работника. Но дѣдушка жилъ вполнѣ по старинѣ, у него во время

зимы служила для житья только одна изба, а горница была холодная; стояла еще другая изба, но она отдавалась въ наемъ дворнику съ правомъ содержать постоялый дворъ. Такимъ образомъ, если бы мы переселились на зиму изъ Палищъ въ Туму, то въ одной избѣ пришлось бы помѣщаться 15—16-ти человѣкамъ.

Впрочемъ, въ теченіе зимы, особенно въ 1817 г., батюшка мой мало по малу началъ перевозить свое имѣніе въ Туму, и на своей лошади и при пособіи другихъ своихъ знакомыхъ, которые ему давали для этого лошадей своихъ. Наконецъ, кажется, въ концѣ шестой недѣли Великаго поста, совершилось наше окончательное переселеніе въ Туму. Помню, какъ духовныя палищенскія лица собрались къ намъ въ домъ, какъ служили напутственный молебенъ, какъ моя матушка горько плакала, какъ даже батюшка прослезился. Покончивъ всѣ предварительные обряды, мы вышли на дворъ; тутъ стоялъ чуть не цѣлый обозъ; кажется, было подводъ 8—10; усадили насъ въ сани, укутали въ тулупы, потому что еще была зима, и, наконецъ, мы двинулись въ путь. Чрезъ все село ѣхали шагомъ; едва-ли не всѣ жители его отъ мала до велика насъ провожали; матушка, съ которою я сидѣлъ въ однихъ саняхъ, раскланивалась и прощалась со всѣми; батюшки я не видалъ, онъ сидѣлъ въ другихъ саняхъ. Къ вечеру мы пріѣхали въ Туму и были встрѣчены семействомъ дѣдушки. Въ Палищахъ я былъ еще дитя, ребенокъ; въ Туму явился я отрокомъ, мальчикомъ, который кое-что уже понималъ, еще болѣе желалъ понимать, росъ и выросъ до 20-ти-лѣтняго возраста.

Въ заключеніе этой главы хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній о той роли, которую играла въ то время мѣдная монета, если не во всемъ Русскомъ царствѣ, то, по крайней мѣрѣ, у деревенскихъ жителей подмосковныхъ губерній. Мѣдные пятаки, гроши, копѣйки, денежки, полушки (попадались даже мордочки $=1/8$ ч. копѣйки) были чуть не единственною ходячею монетою въ концѣ нашего палищенскаго и въ началѣ тумскаго житья; серебряные рубли и полтинники, особенно золотые полуимперіалы и имперіалы, принадлежали къ рѣдкостямъ; даже мелкая серебряная монета и ассигнаціи мало видны были въ ходу. Поэтому духовенство, возвращаясь домой послѣ своихъ хожденій по приходу во время храмовыхъ и другихъ праздниковъ, привозило множество мѣди; карманы поповскихъ подрясниковъ, какъ ни были крѣпки и ве-

лики, не всегда могли вмѣстить въ себѣ весь дневной сборъ; нужно было съ собою брать небольшіе мѣшочки, которые и носилъ какой либо причетникъ, иногда даже на плечѣ. Послѣ этого неудивительно, что, по пріѣздѣ домой для дѣлежа, въ домѣ священника насыпалась изъ мѣшковъ и кармановъ на столъ очень большая куча мѣди; начинался ея счетъ, составлялись отдѣльные столбики изъ пятаковъ, грошей, копѣекъ,—разставленные въ видѣ не только рядовъ, но и пирамидъ, и по раздѣлѣ разносились по домамъ. Здѣсь, особенно у священниковъ, раскладывались по мѣшкамъ по 25 рублей ассигнаціями въ каждомъ, запирались въ сундукъ, а иногда складывались гдѣ либо въ кладовомъ чуланѣ въ видѣ полѣнницы или треугольника. Когда же, по распоряженію правительства, подати должны были вноситься въ казначейство ассигнаціями, то крестьяне принуждены были добывать ихъ въ обмѣнъ на свои мѣдныя деньги у достаточныхъ людей,—которые, разумѣется, не пропускали этого случая, чтобы поживиться нѣсколькими процентиками. Такимъ образомъ, мѣра, которою хотѣли возстановить государственный кредитъ, послужила къ обремененію крестьянъ. Вскорѣ послѣ переѣзда нашего въ Туму, стала появляться серебряная и золотая монета, но и мѣдной еще было въ волю, и въ сундукахъ своего отца я видалъ еще много мѣшковъ съ нею.

Догадливые тогдашніе люди умѣли мѣдной монетѣ придавать болѣе нежели двойную цѣну. Пудъ монетной мѣди заключалъ въ себѣ только 16 рублей, а мѣдь въ продажѣ стоила до 40 руб. ассигнаціями; слѣдовательно, требовалось только расплавить пятаки, гроши и пр., и вотъ получался барышъ чуть не 150%. Этимъ пользовались многіе мастера мѣдныхъ дѣлъ, особенно литейщики колоколовъ, тульскіе самоварщики и пр. Правительство, конечно, за это преслѣдовало попадавшихся ему виновныхъ, сѣкло кнутомъ, ссылало въ каторжную работу и пр., но слишкомъ большіе барыши заставляли рисковать опасностью. Наконецъ, оно рѣшилось выбрать изъ обращенія старую мѣдную монету и замѣнить ее новою, болѣе дешевою. Старую приказано было отвозить въ уѣздныя казначейства, откуда и выдавались вмѣсто нея ассигнаціи. Тутъ явилось множество скупщиковъ ея, давали за нее не только ходячую цѣну, но даже немного высшую; очевидно, что скупщики были агентами тѣхъ промышленниковъ, кото-

рые надѣялись употребить монету на разныя издѣлія съ выгодою для себя. По носившимся тогда слухамъ оказалось, что у многихъ сельскихъ богачей—даже крестьянъ—собрано было мѣдной монеты цѣлые возы, такъ что для обмѣна ея въ казначействѣ требовалось отправлять обозъ. Разсказывали, что какой-то крестьянинъ Муромскаго уѣзда объявилъ о 80,000 руб. ассигнаціями, у него собранныхъ, и просилъ дать наставленіе, что̀ ему дѣлать съ этими тысячами. Говорили, что будто-бы само правительство перевезло всѣ эти 5,000 пудовъ на свой счетъ въ какой-то баркѣ по Окѣ—куда-то. Разумѣется, оно не было въ убыткѣ: вся эта мѣдь, передѣланная въ новую монету, стоила до 200,000 руб. Но другой крестьянинъ, кажется, еще до выхода новой монеты, поступилъ очень хитро. Свое мѣдное богатство онъ собиралъ въ крѣпкій амбаръ, стоявшій на гумнѣ, гдѣ, разумѣется, былъ у него и караулъ. Для того будто-бы, чтобы воры не рѣшились когда нибудь прорубить стѣны амбара, крестьянинъ обставилъ его большими плахами дровъ. Но въ одну лѣтнюю ночь, когда была сильная гроза, „вдругъ дрова и амбаръ загорѣлись“; все было такъ хорошо подготовлено, что огонь быстро охватилъ зданіе. Сбѣжался народъ; хозяинъ выражалъ полное отчаяніе: вѣдь тутъ у него лежало все его богатство; тушить огонь было поздно, да и не настояло надобности, такъ какъ деревнѣ не грозило никакой серьезной опасности. Мѣдь, разумѣется, расплавилась и бо̀льшею частію ушла въ землю. Но раззоренный хозяинъ собралъ ея слитки и сдѣлался вдвое богатѣе. Подѣлился, какъ и слѣдовало, со властями, которыя слѣдствіемъ доказали, что пожаръ произошелъ отъ молніи, противъ воли и желанія хозяина, не скоро былъ замѣченъ, такъ какъ сторожъ, желая укрыться отъ дождя, забрался въ избу и тамъ заснулъ; всѣ вышли чуть не святы.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОТОІЕРЕЙ ГЕРАСИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАВСКІЙ.

(Очеркъ его жизни по новымъ матеріаламъ).

1787—1863.

VIII [1]).

Ниже мы сдѣлаемъ по возможности подробный разборъ примѣчаній Филарета и объясненій на нихъ Павскаго. Теперь же разскажемъ исторію этихъ примѣчаній, послужившихъ причиною удаленія Павскаго отъ званія законоучителя Наслѣдника престола. Въ своей автобіографіи Павскій замѣчаетъ, что съ самаго начала его общественной дѣятельности онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя нерасположеніе нѣкоторыхъ лицъ высшей духовной іерархіи, особенно своимъ отказомъ отъ вступленія въ монашество. Нерасположеніе это особенно усилилось послѣ назначенія его ко Двору. По словамъ Павскаго, св. синодъ и вообще іерархи были оскорблены тѣмъ, что это назначеніе состоялось безъ ихъ вѣдома и совѣта, тогда какъ прежде назначеніе законоучителя для наслѣдника престола и духовника Императорской фамиліи дѣлалось съ совѣта и вѣдома церковной іерархіи. Павскій, конечно, въ этомъ не былъ нисколько виноватъ: назначеніе его состоялось по личному усмотрѣнію Государя. Бывая у Филарета и митрополита Серафима, Павскій дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ ихъ нерасположенія, но тѣмъ не менѣе никогда не спрашивалъ ни у Филарета, ни у кого либо другаго совѣтовъ и наставленій относительно своей законоучительской дѣятельности, а если Филаретъ самъ заводилъ рѣчь объ этомъ, то Павскій по возможности отмалчивался, находя «противнымъ волѣ Государя обращаться къ кому либо за

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 111—128; 269—288; 495—510.

совѣтомъ по дѣлу, ему одному порученному». Когда Великій Князь, Наслѣдникъ сталъ входить въ лѣта и Павскому предстояло быть, по его словамъ, не только его учителемъ, но и совѣтникомъ, тогда «происки противъ него обнаружились съ особенною силою». Къ авторитетнымъ лицамъ изъ монашествующихъ присоединилось нѣсколько придворныхъ дамъ. Филарету, предъ самымъ отъѣздомъ его въ Москву, поручили написать замѣчанія на книжки Павскаго; придворныя дамы — Павскій не называетъ ихъ по имени, и кто онѣ были, неизвѣстно, — съѣзжались лѣтомъ къ митрополиту Серафиму, взявъ къ себѣ въ помощь оберъ-прокурора св. синода князя Мещерскаго, уговаривая его удалить Павскаго отъ Двора. Въ это время сдѣлалось свободнымъ мѣсто протопресвитера при московскомъ Успенскомъ соборѣ; митрополитъ Серафимъ сталъ усердно рекомендовать на это мѣсто Павскаго и чрезъ Жуковскаго усердно хлопоталъ о томъ при Дворѣ. Но когда сказано было объ этомъ Павскому, онъ отказался отъ такого «повышенія», и его оставили въ покоѣ. Между тѣмъ, митрополитъ Филаретъ въ Москвѣ изготовилъ свои замѣчанія на книжки Павскаго и препроводилъ ихъ въ Петербургъ на имя Жуковскаго. Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ, по словамъ Павскаго:

— «Это монашескія продѣлки, я ихъ уйму».

Узнавъ о примѣчаніяхъ Филарета, Павскій обратился къ Жуковскому съ письмомъ слѣдующаго содержанія. «Ваше превосходительство, Василій Андреевичъ. Я слышалъ, что вамъ доставлены примѣчанія на законоучительскіе мои уроки, преподаваемые Его Высочеству, и при томъ такія примѣчанія, которыя чернятъ меня, будто неправовѣрующаго. Это страшно и для совѣсти моей, которая никогда не хотѣла отступать отъ истинной вѣры, унизительно и для Воспитанника нашего—будто мы ведемъ его по пути невѣрія. Желалось бы мнѣ прочитать доставленныя вамъ примѣчанія, не объяснится-ли что нибудь такъ, что и писавшій примѣчанія окажется невиннымъ, и я не подвергнусь нареканію въ зловѣріи. Я, какъ дѣйствовавшій совершенно по совѣсти, по любви къ истинѣ, и знающій духъ евангелія и грекороссійской церкви, безъ сомнѣнія, надѣюсь оправдаться. Надѣюсь также, что и писавшій примѣчанія отвѣтомъ моимъ удовлетворится, если онъ писалъ ихъ по любви къ престолу и церкви, а не по страсти. Въ семъ послѣднемъ случаѣ ничѣмъ не разувѣришь его. Вы, конечно, и сами знаете ходъ нашихъ уроковъ и можете отвѣчать за себя и за меня, но все-таки любопытство побуждаетъ меня узнать, нѣтъ-ли въ примѣчаніяхъ чего-либо и дѣльнаго, что бы принять къ свѣдѣнію и исполненію; ибо я, при всей благонамѣренности, не считаю

себя непогрѣшимымъ. Если же примѣчанія бездѣльны и произошли изъ какихъ злонамѣренныхъ происковъ, то, конечно, вы также защитить меня съумѣете, но дадите и мнѣ знать, кто и какъ подыскивается подо мною, для предбудущей осторожности. Я вамъ и прежде говорилъ, и теперь еще повторяю, что враговъ у меня и было и есть много. Первый врагъ—зависть, ибо были искатели сего мѣста, которое я занимаю, какъ вы знаете, безъ всякаго искательства. Симъ искателямъ теперь нечего больше дѣлать, какъ чернить соперника своего. Второй врагъ — оскорбленная гордость. Вы не знаете, какъ это оскорбительно для гордости, когда что̀ важное дѣлается безъ вѣдѣнія и безъ покровительства нашихъ архипастырей!.. Я занялъ свое мѣсто безъ покровительства монаховъ и теперь даже не совѣтуюсь съ ними—чему и какъ учить, не показываю имъ уроковъ моихъ. Я этого, впрочемъ, и не смѣлъ дѣлать, потому что въ отчетахъ моихъ занятій никогда не былъ имъ подчиненъ. Съ тѣхъ поръ какъ я только занялъ мѣсто, вотъ уже восемь почти лѣтъ, они смотрятъ на меня всегда косыми глазами, всегда подыскиваются!»

Далѣе, къ сожалѣнію, въ черновомъ спискѣ письма, который редакція «Русской Старины» имѣетъ въ своемъ распоряженіи, цѣлая четверть листа утрачена. Затѣмъ авторъ письма продолжаетъ:

«... (Мои уроки бываютъ) три раза въ недѣлю. Потому я видѣлъ, что законоученіе не должно состоять только въ томъ, чтобы выучить наизусть катихизисъ. Мнѣ казалось, что положенія и правила, предложенныя въ катихизисѣ, тогда только коснутся души, когда выяснишь оныя изъ началъ и укажешь ихъ основаніе въ душѣ. Для сего, начиная отъ легчайшаго, переходилъ я къ труднѣйшему. Разсказывая жизнь І. Христа, читалъ его рѣчи, указывалъ тѣ мѣста, гдѣ онъ ходилъ и дѣйствовалъ. Потомъ, переходя къ собственному законоученію, въ кратчайшемъ видѣ представилъ весь объемъ религіи, чтобы это было какъ бы зерномъ, изъ котораго будетъ разрастаться послѣдующее законоученіе. Помните то, что̀ представлено было даже и на бумагѣ. Потомъ читалъ евангеліе, апостольскія посланія, говорилъ о ихъ происхожденіи и содержаніи. Чтобы содержаніе всего св. писанія вкратцѣ представить, вотъ я и написалъ эту книжку, къ которой, въ видѣ введенія, прибавлено понятіе о религіи, о ходѣ религій, объ откровеніи. Въ § 35-мъ сказано прямо, что въ ней не мѣсто изслѣдованіямъ и соображеніямъ, а только предложено существенное, прямо изъ слова Божія избранное ученіе христіанское, сколько нужно для познанія духа Христова. Всякое слово, поставленное потомъ въ слѣдующихъ §§, подтверждено текстами, которые предполагалось припечатать, но они остаются еще въ рукописи»...

Между тѣмъ при Дворѣ шли толки о необходимости удаленія Павскаго отъ должности законоучителя Великаго Князя Наслѣдника. Замѣчанія митрополита Филарета, написанныя, по нашему мнѣнію, болѣе остроумно, чѣмъ основательно, были прочитаны всѣми, и, при недостаточной компетентности читавшихъ въ области богословскихъ тонкостей, производили свое дѣйствіе. Государь, однакожъ, защищалъ Павскаго, по словамъ автобіографіи, и «не уступалъ». Онъ велѣлъ Павскому представить свои объясненія на замѣчанія Филарета и посылалъ, по словамъ автобіографіи, князя А. Н. Голицына къ митрополиту Серафиму съ приказаніемъ утишить эту бурю. Жуковскій доставилъ Герасиму Петровичу экземпляръ замѣчаній Филарета, и Павскій немедленно принялся за составленіе объясненій на нихъ. Къ 1-му числу августа 1834 года объясненія были уже готовы. Ни одного пункта изъ замѣчаній Филарета не осталось безъ отвѣта со стороны Павскаго, и, перечитывая теперь эти замѣчанія и объясненія, читатель самый предубѣжденный убѣдится въ безусловной правотѣ Павскаго. Борцы были равносильны. Павскій не уступалъ Филарету ни на одинъ шагъ; остроуміе и основательность отвѣтовъ вполнѣ уравновѣшиваютъ силу возраженій. Дѣло въ томъ, что катихизисъ Филарета, только что узаконенный тогда въ качествѣ учебника, составляетъ прекрасную символическую книгу, представляя обстоятельное и терминологически-точное изложеніе православнаго ученія, но отнюдь не представляетъ тѣхъ необходимыхъ дидактическихъ свойствъ, которыя существенно потребны для элементарнаго учебника. Обстоятельство это, замѣченное лишь въ недавнее время, было причиной малоуспѣшности учащихся по закону Божію въ продолженіе полстолѣтія: катихизисъ задалбливался дѣтьми, заучивался чисто механически; вслѣдствіе этого религіозное обученіе въ школахъ оставалось безъ воздѣйствія на складъ міровоззрѣнія учащихся, стояло внѣ всякаго органическаго отношенія къ общему ходу воспитанія и обученія. Не раньше, какъ уже послѣ смерти митрополита Филарета—такъ великъ былъ его авторитетъ—позволено, какъ извѣстно, законоучителямъ учебныхъ заведеній составлять свои учебники и руководства, приспобленныя къ педагогическимъ требованіямъ, главнымъ образомъ къ уровню пониманія и умственнаго развитія того или другаго возраста. Павскій первый у насъ, за полстолѣтія до нашего времени, созналъ потребность спеціальной методики при обученіи закону Божію, какъ и всякому другому учебному предмету,—методики, сообразенной какъ съ общими педагогическими законами, такъ и съ спеціальными требованіями дидактики; по его взгляду, катихизисъ Филарета, сохраняя вполнѣ свое значеніе символической книги, при

преподаваніи имѣетъ значеніе источника и пособія, но не учебника по закону Божію. Руководясь такимъ взглядомъ, Павскій, какъ мы видѣли, еще при составленіи своего «Наставленія законоучителю кантонистовъ», предпочелъ книгу Дрезеке. Того же взгляда онъ продолжалъ держаться и сдѣлавшись законоучителемъ Государя Цесаревича, и объ этихъ особенностяхъ своихъ педагогическихъ воззрѣній счелъ нужнымъ заявить прямо и категорически, въ «Запискѣ о преподаваніи» Закона Божія Наслѣднику, представленной имъ чрезъ Жуковскаго Государю и приведенной нами во II-й главѣ настоящаго очерка.

Планъ закона Божія Павскаго своеобразенъ, выборъ и распорядокъ предметовъ изъ области богословской науки для учебнаго курса съ Августѣйшими дѣтьми также самобытенъ; наконецъ, устранивъ мудреную богословскую терминологію, онъ вездѣ говоритъ собственною, упрощенною рѣчью, доступною дѣтскому пониманію. Основная тенденція его уроковъ — не холодное школьное, схоластическичерствое преподаваніе, а жизненно-практическое изложеніе вѣроученія, соглашеннаго по возможности съ общечеловѣческими міровоззрѣніями, приведеннаго въ органическое соотношеніе съ общимъ образовательнымъ курсомъ, преподаваемымъ Великому Князю Наслѣднику. При такой постановкѣ курса закона Божія, религіозное обученіе являлось въ умѣлыхъ рукахъ Павскаго тѣмъ, чѣмъ оно должно быть—существеннымъ, основнымъ элементомъ общечеловѣческаго образованія, органическою его частію, а не механически-пріуроченнымъ къ нему школьнымъ знаніемъ. Тетради—уроковъ Павскаго, отпечатанныя по распоряженію Государя, небыли окончательно обработаннымъ литературнымъ трудомъ,—это скорѣе были подробные конспекты, составленные для пособія при самобытномъ усвоеніи уроковъ его слушателями, отпечатанные лишь для избѣжанія механическаго труда переписки. Понятно, что въ нихъ было много недосказаннаго, что онѣ не представляли той полноты, какая требуется отъ учебника, который вполнѣ исчерпывалъ бы содержаніе уроковъ, что въ нихъ встрѣчались выраженія неточныя съ точки зрѣнія установившейся школьной богословской терминологіи. Отсюда видно, что до ереси, до раціонализма, до неправовѣрія—здѣсь было слишкомъ далеко. Ничего подобнаго, что̀ нашелъ въ этихъ тетрадяхъ Филаретъ, не было и быть не могло. Но понятно, какъ должны были всѣ смутиться, когда такой авторитетъ, какъ митрополитъ Филаретъ, заявлялъ, что Наслѣднику престола преподается ученіе неправовѣрное. Этотъ грѣхъ клеветы, о которомъ, къ сожалѣнію, нельзя сказать, что онъ былъ грѣхомъ невѣдѣнія и неразумія, ляжетъ тяжелымъ укоромъ на память присно-

памятнаго и досточтимаго іерарха, великихъ заслугъ котораго для православной церкви мы отнюдь не думаемъ отрицать. Но предоставимъ рѣчь самому Павскому.

Препровождая Василію Андреевичу Жуковскому свои объясненія на примѣчанія митрополита Филарета, Павскій пишетъ: «Ваше превосходительство, Василій Андреевичъ. Посылаю при семъ объясненія мои. Бывъ въ Петергофѣ въ воскресенье и понедѣльникъ, я не успѣлъ кончить ихъ. А до пятницы ждать мнѣ кажется долго. Мнѣ хочется, чтобы Всемилостивѣйшій Государь нашъ какъ можно скорѣе видѣлъ дѣло во всей его ясности и вѣрнѣе могъ судить о немъ. Это, безъ сомнѣнія, и могло и должно было огорчить его. Сыну его, Наслѣднику всероссійскаго престола, преподается ученіе нехристіанское, неправовѣрное! Что болѣе можно выдумать, чтобы смутить духъ Государя! А въ этихъ примѣчаніяхъ (пребезсовѣстныхъ, между нами сказано) точно такъ и выставленъ законоучитель. Вы видѣли и увидите, что утверждаетъ примѣчатель, будто у меня разумъ поставляется началомъ христіанства, будто я презираю учрежденія церкви, и проч., и проч. По ходу дѣла объясненія мои не могли быть кратки, чтобъ разложить дѣло по частямъ и представить его какъ можно яснѣе, дабы могъ понять и тотъ, кто не углублялся въ наши богословскія разсужденія. Если бы у почтеннаго примѣчателя было бы сколько нибудь доброжелательства ко мнѣ, то онъ объяснился бы со мною наединѣ и вышло бы, что надобно въ обѣихъ моихъ книжкахъ поправить словъ пять, по крайней мѣрѣ десять, и болѣе ничего. А онъ хотѣлъ выказать усердіе свое предъ Государемъ, хотѣлъ излить гнѣвъ на того, который ничѣмъ не виненъ предъ нимъ, и написалъ экую груду примѣчаній! Вы увидите, что всѣ примѣчанія сіи пусты, злы, безсовѣстны. Пиша объясненія, можетъ быть, я не всегда былъ равнодушенъ и не сказалъ-ли чего слишкомъ обиднаго,—это припишите моей прямотѣ, которая кривое не назоветъ прямымъ и злое—добрымъ. Зная смыслъ своей рѣчи и видя, какъ безсовѣстно кривятъ ее и безобразятъ предъ Государемъ, могъ-ли я быть равнодушенъ? Можетъ быть, чтеніе всѣхъ моихъ отвѣтовъ для Государя будетъ утомительно, то вы выберите по своему благоразумѣнію по крайней мѣрѣ тѣ примѣчанія, въ которыхъ я выставленъ какъ безбожникъ, какъ язычникъ, социніанинъ, раціоналистъ, ересевводитель (эти почтенныя названія всѣ приписаны мнѣ въ примѣчаніяхъ почтеннаго примѣчателя). Впрочемъ, я считаю, что Государь не отринетъ прочитать и всѣ мои отвѣты. Это дѣло не маловажное. Часъ времени можно употребить на то, чтобы разрѣшить свои сомнѣнія касательно важнѣйшаго дѣла. Я увѣренъ, что вы сдѣлаете все отъ васъ зависящее, чтобъ и слѣда подозрѣнія

не осталось ни на васъ, ни на меня. Мнѣ васъ жаль. Падающее на меня подозрѣніе касается и васъ. Если не всѣ мои объясненія, то нѣкоторыя можете показать и князю Александру Николаевичу Голицыну. Онъ уже давно настроенъ противъ меня, по милости шепотниковъ, которые теперь уже, надѣясь на него, и вслухъ заговорили предъ Государемъ. Если можно заградить уста при самомъ началѣ, тѣмъ будетъ лучше. Впредь ябеда будетъ скромнѣе, а мы—осторожнѣе, зная, что среди львовъ живемъ. О предположеніи вашемъ касательно отвѣта митрополиту я хотѣлъ еще въ воскресенье съ вами поговорить, но васъ тогда видѣть не удалось, потому объясняюсь теперь. На этотъ случай, точно, надобно мнѣ объясниться съ митрополитомъ, и даже раскрыть весь планъ преподаванія, ибо вышли недоразумѣнія касательно моихъ книжекъ. Какъ можно надобно остерегаться, чтобы этотъ случай не далъ большой власти нашимъ іерархамъ, и чтобы они этого случайнаго на обратили себѣ въ право надзирать надъ воспитаніемъ и поведеніемъ царей, наслѣдника и царскихъ дѣтей. У нихъ все клонится къ тому, чтобы власть свою простереть подальше, даже до тѣхъ предѣловъ, куда простиралась власть папъ. При всякомъ разговорѣ съ ними услышишь, какъ они порицаютъ Петра Великаго за уничтоженіе патріаршества, да и этотъ случай я вывожу не иначе, какъ изъ той же мысли. Надобно было очернить того законоучителя, который поставленъ не по ихъ милости, чтобъ подчинить и его своему надзору или поставить на его мѣстѣ другаго, по ихъ выбору православнѣйшаго (разумѣю православіе въ ихъ смыслѣ, которое хулитъ все наилучшее, введенное въ церковь россійскую Петромъ Великимъ). Я представляю себѣ все дѣло такъ: если бы, напримѣръ, надобно было взять учителя правъ россійскихъ, то будете-ли вы относиться въ сенатъ и у сената спрашивать, кого назначить въ учители правъ для Наслѣдника россійскаго престола, и потомъ будете-ли сенаторовъ призывать на экзаменъ Наслѣдника, чтобы они видѣли, что россійскіе права и законы преподаются точно въ духѣ россійскихъ законовъ, и сенату представите-ли вы планъ, по какому преподается правовѣдѣніе Наслѣднику? По духу учрежденія Петрова, правительствующій синодъ—въ томъ же точно отношеніи къ Государю, какъ правительствующій сенатъ. Только та вышла разница, что въ сенатѣ разсуждающихъ много, наипаче въ общемъ собраніи, а въ синодѣ одинъ, много — два. И, слѣдовательно, разсужденій, споровъ, которые такъ нужны для объясненія истины, никогда не бываетъ, и синодъ вышелъ чуть-чуть не то же, что патріархъ! А сдѣлавшійся однимъ, безъ сомнѣнія, захочетъ сдѣлаться и единственнымъ, чтобы дѣлать все во всемъ. О, вы этого

не знаете, а мы видимъ и знаемъ, и, гдѣ можно и должно, говоримъ объ этомъ. Вотъ и причина возстать противъ меня нижайшаго, возстать въ то время, когда по степени и по ходу дѣла приближаюсь къ членству синода. Знаю, что моя правда не даетъ мнѣ хода между людьми, но утѣшаюсь тѣмъ, что служу правдѣ и, слѣдовательно, Богу, который святъ и праведенъ. Августа 14-го дня 1834 года. Вашъ покорный слуга протоіерей Герасимъ Павскій».

Читатель легко пойметъ и извинитъ Павскому эти нѣсколько запальчивыя, можетъ быть, пристрастныя и не совсѣмъ правильныя сужденія о нашей высшей іерархіи и о монашествѣ, высказанныя въ этомъ и въ другихъ письмахъ къ Жуковскому, — сужденія, вызванныя потребностію самозащиты. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ то время какъ Павскій обвинялъ нашу высшую іерархію въ стремленіи возстановить прежній, до-Петровскій строй церковнаго управленія, съ другой стороны слышались обвиненія на нашу церковь совершенно противоположнаго характера, обвиненія въ такъ называемомъ цезаропапизмѣ, доселѣ неумолкающія на Западѣ. Такова была въ то время спутанность понятій! По нашему мнѣнію, если не правъ былъ митрополитъ Филаретъ, обвиняя Павскаго въ ереси, то нельзя признать справедливыми и тѣхъ общихъ заключеній относительно характера общихъ стремленій русской іерархіи, къ какимъ приходитъ нашъ знаменитый гебраистъ по поводу гоненій на него, воздвигнутыхъ на него митрополитами Серафимомъ и Филаретомъ съ ихъ сотрудниками. Съ внѣшне-юридической стороны, эти послѣдніе не имѣли, конечно, права вмѣшиваться въ дѣло, начатое и веденное внѣ юрисдикціи церковной іерархіи; но коль скоро разъ возникло сомнѣніе относительно чистоты религіознаго ученія, преподаваемаго Наслѣднику престола, они имѣли нравственное право и обязанность, по долгу своего званія и служенія, обратить вниманіе Государя на предметъ, относительно котораго существуютъ категорическія постановленія въ одномъ изъ основныхъ законовъ государства, тѣмъ болѣе, что и личное воззрѣніе Государя Императора Николая Павловича вполнѣ отвѣчало смыслу ихъ претензій. Государь никогда не одобрилъ бы преподаваніе Павскаго и не сталъ бы защищать его, если бы въ его урокахъ было бы что нибудь дѣйствительно неправославное. При этомъ находимъ нелишнимъ замѣтить, что, выражаясь подобнымъ образомъ о іерархахъ-монахахъ, съ которыми обстоятельства поставили его въ непріятныя отношенія, Павскій не возставалъ противъ монашества въ принципѣ, хотя и находилъ его лично для себя бременемъ неудобоносимымъ, какъ знаемъ изъ вышеприведенной выписки изъ его біографіи.

Въ бумагахъ Павскаго мы нашли небольшой отрывокъ, въ которомъ онъ такъ изображаетъ монашество. «Общее для всѣхъ монаховъ было то, что они провождали жизнь въ отдѣльныхъ жилищахъ, одежду носили самую простую и грубую, стригли волоса, какъ кающіеся, и ходили съ покрытою головою, въ знакъ смиренія; пищу принимали рѣдко и самую простую, напримѣръ — хлѣбъ съ солью и воду; не женились. Изнуряя такимъ образомъ себя со стороны чувственной, они старались образовать и возвысить себя въ духѣ посредствомъ частыхъ молитвъ и чтенія слова Божія, волю свою усиливались исправить посредствомъ безпрекословнаго повиновенія начальствующему. Св. отцы IV-го и V-го вѣковъ съ удивленіемъ повѣствуютъ о сей уединенной жизни монаховъ, не похваляя, впрочемъ, такихъ, которые вовсе отказывались отъ трудовъ тѣлесныхъ и единственно проводили жизнь въ умозрѣніи. Василій В. истиннаго монаха изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ: Монахъ оставилъ міръ, т. е. забылъ всякую связь съ тѣломъ и общежитіемъ человѣческимъ; у него нѣтъ ни города, ни семейства, ни друзей, ни имущества; онъ отказался отъ наукъ человѣческихъ и приготовляетъ себя къ общенію съ Богомъ посредствомъ тишины и самоиспытанія. Живя съ братіями, онъ уподобляется ангеламъ; при первомъ появленіи дня встаетъ на молитву и воспѣваетъ Творцу пѣсни, потомъ съ молитвою начинаетъ и продолжаетъ работы свои. Духъ его не развлеченъ, и весь углубившись въ созерцаніе Бога, забываетъ натуру и паритъ къ вѣчному. Онъ читаетъ св. писаніе и чтеніе сопровождаетъ молитвою, чтобы прочтенное глубже напечатлѣть въ сердцѣ и содѣлать его храмомъ Божіимъ. Онъ бесѣдуетъ съ братіями кротко, мыслей своихъ никому не навязываетъ, учится не стыдясь, учитъ безъ жара. Смиреніе его выказывается и во внѣшнемъ его видѣ: онъ ходитъ съ потупленными въ землю глазами, волоса его не убраны, одежда у него не нарядная, подпоясана поясомъ, изъ грубой матеріи, дабы вмѣстѣ служила и одеждою и одѣяломъ. Словомъ, онъ долженъ вести себя какъ кающійся. Походка его должна быть не лѣнивая, но и не скорая. Пищею ему долженъ служить хлѣбъ, вода и что нибудь изъ овощей. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда—молитва, обѣдъ всегда въ свое время, сонъ краткій, прерываемый молитвами для удаленія сонныхъ грезъ. Въ полночь онъ встанетъ, помолится, углубится въ себя и обдумаетъ, что ему дѣлать въ слѣдующій день».

Мы не знаемъ, къ чему относится это неоконченное описаніе монашества—къ законоучительскимъ ли урокамъ Павскаго при Дворѣ, къ университетскимъ лекціямъ, или къ какой либо журнальной статьѣ. Во всякомъ случаѣ, изображеніе монашества здѣсь не полно,—

это очеркъ монашества первобытнаго. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи оно приняло, какъ извѣстно, болѣе сложныя формы общежительствъ—киновій и монастырей, въ которыхъ монашеская жизнь подчинена была извѣстной регламентаціи особыми уставами (уставъ монастыря Саввы Освященнаго, уставъ Студійскій, принятый въ Россіи еще со времени Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, и т. д.), которые утверждены церковью и имѣютъ каноническое значеніе. Этими уставами опредѣляются не только виды духовныхъ подвиговъ и образа аскетической жизни, но и внѣшнее устройство быта монастырей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ приведенномъ отрывкѣ не исчерпывается все ученіе о монашествѣ, какое предлагалъ Павскій въ своихъ лекціяхъ. Здѣсь онъ имѣлъ, очевидно, въ виду дать, въ сжатой формѣ и въ упрощенномъ изложеніи, понятіе о монашествѣ лишь первобытномъ. Можетъ быть, это не больше, какъ параграфъ изъ той главы очерка церковной исторіи, которая имѣетъ своимъ предметомъ жизнь христіанскаго общества въ IV и V вѣкахъ.

Дѣло о книжкахъ-руководствахъ Павскаго рѣшилось посредствомъ своего рода ultima ratio: митрополитъ Серафимъ, котораго отвѣтъ Павскаго на замѣчанія Филарета «привелъ въ ужасное ожесточеніе», испросилъ у Государя аудіенцію, и, передъ Рождествомъ 1835 года, въ воскресенье 16-го декабря, «вошедъ къ Государю (разсказываетъ Павскій въ автобіографіи), палъ предъ нимъ на колѣна и униженно просилъ его такими словами:

— «Я, по старости моей, не могу вникать въ богословскіе вопросы, но Филаретъ находитъ, что Павскій преподаетъ Наслѣднику неправославное ученіе».

Государь, изъ уваженія къ такому ходатайству старца, согласился на его просьбу, хотя и былъ вполнѣ убѣжденъ въ совершенной невинности Павскаго, и, по увѣренію автобіографа, до конца дѣла видѣлъ во всей этой исторіи не что иное, какъ происки партіи, враждебной Павскому. Князю Голицыну поручено было передать Павскому, чтобы онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ законоучительства—по болѣзни. О томъ же сообщилъ ему словесно, на урокѣ, и Жуковскій.

По этому случаю Павскій пишетъ Жуковскому: «Ваше превосходительство, милостивѣйшій государь Василій Андреевичъ. Тяжело было мнѣ выслушать изъ устъ вашихъ нерадостную вѣсть, что я долженъ разстаться съ любезнѣйшимъ Воспитанникомъ нашимъ и любезнѣйшими его сестрицами, которыя всѣ радовали меня чистотою своей души и кротостью нрава. Да благословитъ ихъ Господь Богъ на всю жизнь за тѣ сладостныя минуты, въ которыя мнѣ позволено

было бесѣдовать съ ними! Одно утѣшеніе остается мнѣ, что я въ дѣлѣ, мнѣ порученномъ, дѣйствовалъ по чистой совѣсти, такъ что предъ судъ Божій надѣюсь предстать неукоризненно. Другое немалое утѣшеніе для меня и то, что всемилостивѣйшій нашъ Государь и Государыня понимаютъ меня. Послѣ сего и грѣшно и стыдно было бы унывать въ тяжкомъ моемъ искушеніи. Не своимъ домогательствомъ я получилъ доступъ ко Двору въ качествѣ законоучителя ихъ высочествъ, не своею виною и теряю его. Богъ далъ, Богъ и взялъ. Да будетъ имя Господне благословенно. Знаю, что удаленіе мое возмутитъ душу Великаго Князя и Великихъ Княженъ, и что оно произведетъ непріятное впечатлѣніе на тѣхъ, кто ни услышитъ о семъ.

«Въ отвращеніе всего этого надлежало бы сдѣлать такъ, чтобы удаленіе меня было почти непримѣтно и приготовлялось постепенно. Вотъ какъ это можно сдѣлать. Извѣстно, что нынѣ въ великомъ посту Великій Князь Константинъ Николаевичъ долженъ быть приготовленъ къ исповѣди и, слѣдовательно, скоро долженъ начинать обучаться закону Божію. Вотъ случай взять для него новаго законоучителя, которому сперва и поручить его одного. Черезъ это новый оный законоучитель, если онъ будетъ хорошъ, узнанъ будетъ и сестрицами Константина Николаевича, Ольгою и Александрою Николаевнами. Между тѣмъ да позволено мнѣ будетъ еще три мѣсяца продолжить уроки законоучительскіе со всѣми моими учениками и ученицами. Въ сіи три мѣсяца кончатся уроки законоученія, какъ для Великой Княжны Маріи Николаевны, такъ и для Великаго Князя Александра Николаевича. Только на воскресныя чтенія понадобится приглашать онаго новаго законоучителя. Въ сіи воскресныя чтенія онъ можетъ докончить и тѣ историческіе и церковно-обрядовые уроки, которые мною до Пасхи не будутъ кончены. Сряду послѣ Пасхи, послѣ дня тезоименитства Его Высочества, по случаю наступленія весны, я попрошу себѣ покоя на годъ или болѣе, для поправленія здоровья своего и дѣтей своихъ, и такимъ образомъ, если послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, удалюсь отъ Двора съ именемъ, однакожъ, придворнаго протоіерея. Сіе послѣднее нужно для того, чтобы не подпасть власти епархіальной. Между тѣмъ какъ я буду жить вдали отъ Двора, хотя бы то въ городѣ или за городомъ, и буду утѣшаться философскимъ отдохновеніемъ, которое, можетъ быть, и полезно будетъ для приведенія въ порядокъ и къ концу того, что среди заботъ учительскихъ не удалось кончить,—новому законоучителю можно будетъ поручить законоученіе Ольги и Александры Николаевнъ; онъ же можетъ быть и духовникомъ ихъ (впослѣдствіи, а не нынѣшній годъ), а Государь Наслѣдникъ и Марія Николаевна, какъ не обу-

чавшіеся у него закону, послѣ меня могутъ пойти на исповѣдь къ духовнику ихъ императорскихъ величествъ Николаю Васильевичу Музовскому. Послѣ отдохновенія, которое давно было цѣлью моихъ желаній, если мнѣ Богъ дастъ устроить судьбу дочерей моихъ, для которыхъ я живу и служу, я могу опять начать служеніе отечеству, гдѣ повелитъ Богъ и Государь. Вотъ постепенный ходъ моего удаленія, легкій и для меня и для любезнѣйшихъ учениковъ моихъ, и почти непримѣтный для прочихъ. Ибо я уже многимъ говорилъ и впредь буду говорить, что, послѣ образованія Наслѣдника и Маріи Николаевны, буду просить отдохновенія отъ учительскихъ трудовъ.... въ Академіи. Многіе также знаютъ, что здоровье мое требуетъ поправленія. Въ сіи три мѣсяца, если дозволено будетъ продолжать въ нихъ уроки, и ученики мои услышатъ отъ меня частую жалобу на нездоровье и даже пожелаютъ мнѣ отдохновенія и уволятъ меня на свободный воздухъ. А это и приготовитъ ихъ навсегда разстаться со мною. Навсегда! Ужасная мысль! Нѣтъ, я и тогда не только буду носить ихъ въ душѣ моей и разсказывать о нихъ дѣтямъ своимъ, но буду просить позволенія хотя разъ въ году видѣться съ ними и цѣловать ихъ руку. Любезнѣйшій Василій Андреевичъ, обрадуйте отвѣтомъ на Новый годъ. Отъ васъ я надѣюсь себѣ возможнаго ходатайства. Декабря 31-го дня 1834 г.».

Съ тяжелымъ трудомъ писалось это письмо: въ черновыхъ бумагахъ Павскаго, имѣющихся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», оно находится въ трехъ изложеніяхъ, не представляющихъ, впрочемъ, существенной разности. Въ одномъ изъ варіантовъ этого письма говорится: «Жалѣю, что разлука моя (съ Августѣйшими учениками) должна послѣдовать преждевременно. Впрочемъ, увѣренъ и въ томъ, что Богъ, во власти котораго времена и лѣта, знаетъ время, когда чему быть, и все ведетъ къ лучшему. Признаюсь, что постигшее меня искушеніе немаловажно, но и въ семъ случаѣ не унываю духомъ, потому что вѣрую въ Того, Который немощнымъ даетъ силу, и надѣюсь, что Богъ, благодатію своею хранившій меня и благотворившій мнѣ не по заслугамъ, будетъ покровомъ моимъ и до конца жизни». Въ другомъ варіантѣ Павскій выражаетъ намѣреніе отправиться на лѣто на «ревельскія воды» или въ другое мѣсто, какъ укажутъ врачи. На двухъ экземлярахъ этого письма рукою Павскаго сдѣлана приписка: «Вслѣдствіе сего письма Государыня Императрица приходила 12-го января на мой урокъ къ Александрѣ Николаевнѣ и, прощаясь со мною, поцѣловала руку крѣпко и сказала: «Я васъ уважаю, какъ прежде». «18-го января, когда я мимоходомъ сказалъ Маріи Николаевнѣ, что скоро долженъ про-

ститься съ ними, она сильно расплакалась: «Что́ вы, батюшка, говорите!» 12-го января Жуковскій сообщилъ Павскому волю Государя Императора, чтобы онъ продолжалъ свои уроки до экзамена, и вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что онъ долженъ подать формальную просьбу объ увольненіи отъ законоучительства—по причинѣ болѣзни. Эта формальная просьба была представлена Павскимъ въ формѣ письма на имя Жуковскаго. Въ черновыхъ бумагахъ Герасима Петровича сохранилось три редакціи этого письма. Послѣдняя, въ которой оно было отправлено Жуковскому, если не ошибаемся, слѣдующая:

«Ваше превосходительство, Василій Андреевичъ. Вы уже давно знаете слабость моего здоровья. Я и прежде говорилъ вамъ, что единственное мое желаніе—кончить только уроки законоученія съ Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ и съ Ея Высочествомъ Великою Княжною Маріею Николаевною. Но нынѣшній годъ усилившаяся болѣзнь не позволяетъ мнѣ выполнить мое желаніе. Я долженъ, наконецъ, разстаться съ любезнѣйшими учениками преждевременно. И потому прошу васъ исходатайствовать мнѣ у Государя Императора увольненіе отъ трудовъ законоучительскихъ. Я надѣюсь, что Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и на неоконченные труды мои воззритъ окомъ благоволенія, и остальные дни жизни моей, которая доселѣ текла мирно подъ его монаршимъ благоволеніемъ, не позволитъ провести въ печали и бѣдности съ моимъ маленькимъ семействомъ. Осмѣливаюсь думать, что я не буду имѣть иной печали, кромѣ той неотъемлемой, что разлучаюсь съ любезнѣйшими Высокими учениками, съ которыми имѣлъ счастіе бесѣдовать слишкомъ восемь лѣтъ и съ которыми искренно сроднилось мое любящее ихъ сердце. Да благословитъ ихъ Господь Богъ на всю жизнь за пріятнѣйшія минуты, въ которыя мнѣ позволено было радоваться ихъ добродушіемъ и любовію ко мнѣ. Не сомнѣваюсь, что вы позволите мнѣ и по увольненіи на письмѣ высказать имъ мои чувства и дать послѣднее учительское и духовническое наставленіе. Января 27-го дня 1835 г.».

Въ одномъ изъ варіантовъ этого письма Павскій предполагалъ въ бо́льшихъ подробностяхъ изложить свои желанія, именно: «Переходъ изъ Большаго дворца въ меньшій во мнѣніи всеобщемъ считается пониженіемъ и почти наказаніемъ. Сему мнѣнію не возможно-ли противоставить оговорку, что я переведенъ въ Таврическій дворецъ по болѣзни, съ сохраненіемъ степени, которую занималъ въ Большомъ дворцѣ между собратіями. Кромѣ того, я знаю, что квартира тамошняя вовсе не равняется моей настоящей. Она и низка, и сыра, и тѣсна для моего семейства, хотя небольшаго. Не можете-ли устроить такъ, чтобы или квартира была отведена мнѣ лучшая, или чтобы я получалъ для

квартиры деньги, такъ какъ я доселѣ получалъ для платы за квартиру, занимаемую мною при Андреевскомъ соборѣ». Послано было письмо безъ этого дополненія: это видно изъ того, что въ отвѣтъ на него Жуковскій просилъ Павскаго прислать ему подробную записку обо всемъ, что онъ и изъ какихъ мѣстъ получалъ, для того, чтобы приложить эту вѣдомость къ письму, содержавшему просьбу объ отставкѣ, и вмѣстѣ съ нимъ представить Государю. 2-го февраля 1835 г. Жуковскій пишетъ Павскому: «Я былъ у васъ и очень сожалѣю, что васъ не засталъ; еще не написалъ вамъ ничего офиціально, потому что хочется, чтобы все устроилось; между тѣмъ вы не трудитесь теперь ходить служить, ибо уже отъ князя Петра Михайловича (Волконскаго, министра Двора) о вашемъ отпускѣ дано знать куда слѣдуетъ. Письмо мое къ вамъ не замедлитъ». На этой запискѣ рукою Павскаго помѣчено, что въ тотъ же день введенъ къ Наслѣднику Василій Борисовичъ и «принятъ со слезами: это сказывалъ Семенъ Алексѣевичъ» (Юрьевичъ).

Наконецъ, 18-го февраля 1835 года Павскій получилъ письмо отъ Жуковскаго въ отвѣтъ на свою просьбу объ отставкѣ, окончательно рѣшавшее его судьбу. Письмо это напечатано и въ некрологѣ Павскаго, составленномъ его зятемъ, протоіереемъ А. Ѳ. Орловымъ («Духъ Христіанина» за 1863 г.), и въ очеркѣ г. Протопопова (гдѣ оно неправильно помѣчено 1836 годомъ), и, наконецъ, въ собраніи сочиненій Жуковскаго, изданномъ подъ редакціей П. А. Ефремова (т. VI, стр. 535—536: единственное изъ писемъ Жуковскаго къ Павскому, имѣвшееся доселѣ въ печати). Поэтому мы приведемъ изъ него лишь небольшія выдержки. «Его Императорское Величество,—пишетъ Жуковскій,—соизволивъ согласиться на просьбу вашу, благоволилъ повелѣть мнѣ объявить вамъ его высочайшее благоволеніе за то постоянное усердіе, съ коимъ вы исполняли званіе законоучителя при Ихъ Высочествахъ. Для меня особенно пріятно быть исполнителемъ сей воли нашего всемилостивѣйшаго Государя. Будучи свидѣтелемъ, въ продолженіе восьми лѣтъ, вашихъ дѣйствій, я имѣлъ возможность узнать васъ коротко и на всю жизнь сохраню къ вамъ то почтеніе, которое вы вселили въ меня своимъ благороднымъ характеромъ, своею чистотою нравственною, основанною на вѣрѣ, своимъ умомъ просвѣщеннымъ и своимъ безкорыстнымъ усердіемъ въ исполненіи возложеннаго на васъ долга. Да послужитъ вамъ при горестной разлукѣ съ Высокими вашими воспитанниками утѣшеніемъ мысль, что вы способствовали къ развитію въ сердцахъ ихъ чистѣйшихъ чувствъ и правилъ вѣры, что вы заслужили ихъ уваженіе и любовь, и что ихъ привязанность къ вамъ никогда не ослабѣетъ; другимъ утѣшеніемъ

для васъ будетъ то, что вашъ преемникъ [1]) вполнѣ заслуживаетъ довѣренность, оказанную ему Государемъ Императоромъ, и что начатое вами святое дѣло довершено будетъ, при благословеніи Божіемъ, съ несомнѣннымъ успѣхомъ». Въ ознаменованіе своего высочайшаго благоволенія, Государь повелѣлъ обратить въ пенсію Павскому половину жалованья, какое онъ получалъ по званію законоучителя и духовника Ихъ Высочествъ, и все жалованье—по званію профессора духовной академіи. Сверхъ того, Государыня Императрица двумъ дочерямъ Павскаго назначила по 500 р. въ годъ впредь до выхода ихъ въ замужство. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны пожаловали ему свои портреты. Наконецъ, для доставленія Герасиму Петровичу бо́льшаго спокойствія, необходимаго для возстановленія разстроеннаго здоровья, онъ переводится изъ Большаго дворца въ Таврическій, съ сохраненіемъ прежняго званія и соединеннаго съ нимъ старшинства, и всего по оному получаемаго жалованья. «Заключаю письмо свое усерднымъ желаніемъ, чтобы уединенная, тихая жизнь возвратила вамъ утраченныя силы. Главныя условія земнаго счастія для васъ уже исполнены: вы имѣете непорочную совѣсть для спокойнаго взгляда на прошедшее; просвѣщенный умъ и любовь къ дѣятельности для наслажденія настоящимъ, и вѣру смиреннаго христіанина для безмятежной надежды на будущее. Все остальное въ волѣ Промысла». Затѣмъ Павскому былъ пожалованъ драгоцѣнный брилліантовый крестъ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ его въ его квартирѣ во время его болѣзни и потомъ другой разъ по выздоровленіи. По исчисленію самого Герасима Петровича, въ его автобіографіи, все содержаніе, ему пожалованное, простиралось до 10,000 р. асс. въ годъ. Непритязательному Герасиму Петровичу было такой суммы болѣе чѣмъ достаточно. Что касается пенсіи за службу по академіи, то здѣсь встрѣтилось-было затрудненіе: митрополитъ Серафимъ, какъ разсказываетъ Павскій въ своей автобіографіи, сталъ-было противорѣчить, но узнавъ, что такова воля Государя, остановился.

Проживъ полгода въ Парголовѣ, въ совершенномъ уединеніи, Пав-

---

[1]) Василій Борисовичъ Бажановъ, нынѣ протопресвитеръ и духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, занимавшій послѣ Павскаго должность профессора богословія въ С.-Петербургскомъ университетѣ, сдѣлавшій себѣ первоначальную извѣстность въ ученомъ мірѣ своимъ прекраснымъ курсомъ нравственнаго богословія, озаглавленнымъ: «Объ обязанностяхъ христіанина». Книга эта долго служила руководствомъ при преподаваніи нравственнаго богословія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и пособіемъ—въ среднихъ.

скій затѣмъ поселился въ домѣ придворнаго вѣдомства, что̀ у Таврическаго дворца, въ той скромной квартиркѣ, въ которой прожилъ почти все остальное время своей жизни, въ которой посѣщали его всѣ, оставшіеся вѣрными ему въ своей привязанности, слушая разсказы старца о быломъ. «Удаленіе мое,—заключаетъ свой разсказъ объ этомъ событіи Павскій въ своей автобіографіи,—нисколько не опечалило меня, а, напротивъ, радовало, потому что я, по своему праву, нисколько не способенъ былъ къ придворной жизни. Другіе жалѣли, а я—нисколько. Еслибы жива была моя любезнѣйшая супруга, она, можетъ быть, тужила бы; но Богъ ее взялъ и она не видѣла ни моего возвышенія, ни моего паденія, если можно назвать паденіемъ мою отставку».

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ отзывѣ, относительно этого эпизода въ біографіи Павскаго, извѣстнаго біографа преосвященнаго митрополита Филарета—Н. В. Сушкова. «Протоіерей Павскій, человѣкъ образованный и даровитый,—говоритъ г. Сушковъ («Записки о жизни и времени митрополита Филарета», стр. 89)... не совсѣмъ правильно изложилъ свои уроки для преподаванія грядущему Покровителю православія въ Россіи. Владыко (Филаретъ) сдѣлалъ многія на нихъ примѣчанія. Павскій написалъ въ свою защиту очень дерзкія, изворотливыя и неразумныя возраженія. Тетради его ходили по рукамъ, какъ образецъ великаго подвига со стороны младшаго—говорить неуважительно и рѣзко со старшимъ, не только по іерархіи, а по учености, по трудамъ, по извѣстности. Законоучителю, однакожъ, пришлось, послѣ замѣчаній на его лекціи, передѣлать ихъ. Императоръ, узнавъ о замѣчаніяхъ и возраженіяхъ, поручилъ митрополиту строго обсудить и новые уроки Павскаго, вразумить его и образумить, чтобы впередъ не заносился, а смирился и исправился». Изъ предыдущаго читатель самъ пойметъ на сколько справедливы эти заявленія достопочтеннаго Н. В. Сушкова. Ни о какомъ исправленіи уроковъ Павскаго не могло быть и рѣчи уже по тому одному, что отставка Павскаго послѣдовала слишкомъ скоро послѣ появленія примѣчаній Филарета. О порученіи, данномъ будто бы Императоромъ Николаемъ митрополиту, также ничего неизвѣстно; напротивъ, мы охотнѣе вѣримъ Павскому, что Государь Николай Павловичъ былъ на его сторонѣ, и, увольняя его, сохранилъ полное убѣжденіе въ его совершенной правотѣ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію «примѣчаній» Филарета на уроки Павскаго и «объясненій» на нихъ Павскаго.

IX.

Замѣчанія Филарета на уроки Павскаго и объясненія Павскаго на эти замѣчанія, долго ходившія по рукамъ лишь въ рукописяхъ, какъ запрещенный плодъ, по смерти двухъ соперниковъ появились на свѣтъ Божій (напечатаны въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» за 1870 годъ) и каждый можетъ теперь самъ судить, на чьей сторонѣ правда. По нашему мнѣнію, она—вполнѣ на сторонѣ Павскаго... Независимо отъ своего характеризующаго значенія по отношенію къ описанному нами эпизоду, эта полемика въ высшей степени важна, какъ памятникъ учено-богословской литературы начала второй четверти настоящаго столѣтія. Два болѣе видныхъ представителя духовной учености, два корифея богословской науки, два самыхъ глубокихъ ума своей эпохи, состязаются и диспутируютъ—зрѣлище, исполненное глубочайшаго интереса. Силы противниковъ почти равны, и нападающаго и защищающагося; но чувство внутренней правды придаетъ защищающемуся замѣчательный героизмъ, а правота дѣла, этотъ хотя и не всегда лучшій союзникъ въ борьбѣ, даетъ ему полный перевѣсъ надъ противникомъ. Вся полемика состоитъ изъ: 1-е, двадцати примѣчаній и столькихъ же объясненій, распадающихся каждое на нѣсколько пунктовъ—относительно «Христіанскаго ученія въ краткой системѣ», и 2-е, изъ двѣнадцати примѣчаній и столькихъ же объясненій по поводу «Начертанія церковной исторіи».

Сущность замѣчаній Филарета состоитъ въ томъ, что онъ бо́льшею частію беретъ ту или другую отдѣльную фразу изъ конспектовъ Павскаго и, разсматривая ее внѣ контекста рѣчи, внѣ отношеній ея къ ученію, содержащемуся въ предыдущихъ и послѣдующихъ параграфахъ, находитъ ученіе его неполнымъ, неточнымъ и въ нѣсколькихъ случаяхъ неблагонамѣреннымъ. Павскій, въ началѣ своихъ объясненій, замѣчаетъ, что «примѣчанія произошли отъ недоразумѣнія ихъ автора»: слѣдовало бы прибавить—отъ недоразумѣнія преднамѣреннаго. Тѣмъ не менѣе, чтеніе этихъ примѣчаній безъ объясненій на нихъ, благодаря діалектикѣ и остроумію обвинителя, производитъ сильное впечатлѣніе...

Для ближайшаго ознакомленія съ этою полемикой приведемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ. На стр. 21-й первой изъ своихъ книжекъ («Христіанское ученіе въ краткой системѣ»), Павскій, сообщая понятіе о библейской книгѣ «пѣснь пѣсней», говоритъ: «Пѣснь пѣсней, то-есть превосходная пѣснь, есть изліяніе пламенныхъ

чувствъ любви двухъ лицъ—юноши и дѣвицы». Филаретъ замѣчаетъ: «Вотъ мнѣніе частное объ одной книгѣ, но которое должно возбуждать великую заботливость объ образѣ мыслей сочинителя разсматриваемой книги. Если онъ думаетъ, что книга, которая, по его мнѣнію, есть только любовное сочиненіе, идиллія, могла попасть въ составъ библіи, то что́ онъ думаетъ о библіи, о чистотѣ ея нравственности, о ея богодухновенности? Сочинитель не могъ не знать мнѣнія православной церкви о сей книгѣ, изложеннаго въ «Синопсисѣ» св. Аѳанасія, напечатанномъ въ славянской библіи. И такъ, онъ думаетъ, что церковь погрѣшаетъ, когда приписываетъ сей пѣснѣ возвышенный смыслъ, и что онъ судитъ правильнѣе, почитая пѣснь пѣсней любовнымъ стихотвореніемъ». На это,—замѣтимъ кстати, самое сильное изо всѣхъ обвиненій,—Павскій отвѣчаетъ: «Что́ я думаю о библіи, сказано мною въ § 34. Но и здѣсь, если бы я могъ предполагать, что примѣчатель будетъ выводить такія ложныя заключенія о моемъ образѣ мыслей, то послѣ «юноши и дѣвицы» приписалъ бы: «то-есть Христа и церкви», и теперь готовъ приписать, и при урокахъ это сказано было. Я очень знаю, что церковь находитъ въ пѣснѣ пѣсней иносказаніе, и что книга сія не была бы принята въ число священныхъ, если бы не было въ ней иносказанія. Жаль, что примѣчатель доказываетъ то, чего у меня и въ мысляхъ не было—будто я книгу сію считаю любовнымъ сочиненіемъ... Въ книжкѣ своей я хотѣлъ представить библейское ученіе, и потому представлялъ себѣ, будто смотрю на библію тогда, когда церковное понятіе о той или другой книгѣ еще не существовало, и когда не произнесъ объ ней сужденія ни Аѳанасій, ни другой кто изъ св. отцовъ. Если бы книжка моя была катихизисъ, то пропускъ иносказательнаго смысла можно было вмѣнить мнѣ въ вину, хотя и то не по праву. Если бы я, говоря объ апокалипсисѣ, написалъ: «въ немъ изображается борьба змія съ агнцемъ и побѣда послѣдняго», то имѣлъ-ли бы кто право заключить, что я подъ именемъ змія и агнца только и разумѣю змія и агнца, и болѣе ничего? Или если бы на XIII гл. Еванг. отъ Мѳ. надписалъ «о сѣмени и сѣятелѣ», то имѣлъ-ли бы кто право сказать, что я уничтожаю смыслъ иносказательный въ этой притчѣ?»

По нашему мнѣнію, объясненія Павскаго здѣсь совершенно удовлетворительны. Книжка его была не катихизисъ, который имѣетъ символическое значеніе и въ которомъ, поэтому, можно выражаться богословскими терминами, санкціонированными, такъ сказать, авторитетомъ церкви. Но это былъ конспектъ уроковъ, содержащій въ себѣ нерѣдко простой перечень заглавій, въ которыхъ, естественно, не могло содержаться полнаго и обстоятельнаго изложенія всего уче-

нія о предметѣ, которое преподавалось при устномъ изложеніи. Такимъ образомъ, выразивши свой взглядъ на св. писаніе въ полномъ составѣ его канона въ другомъ мѣстѣ (§ 34), авторъ имѣлъ основаніе, безъ опасенія подвергнуться обвиненію въ ереси, въ этой части конспекта не досказать того, что̀ выражено было имъ раньше. Не менѣе состоятеленъ и второй доводъ, приводимый Павскимъ въ своемъ объясненіи. Соотвѣтственно общему плану курса, утвержденному Жуковскимъ и одобренному Государемъ, догматическое ученіе должно было быть представлено въ его постепенномъ историческомъ развитіи. Въ томъ отдѣлѣ этого курса, для котораго книжка Павскаго долженствовала быть программой, предположено было изложить библейское ученіе, то-есть автору предстояло воспроизвесть религіозное міровоззрѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено въ библіи, какъ оно понималось самими библейскими писателями, которые видѣли вещи лишь яко зерцаломъ въ гаданіи. Изложеніе ученія новозавѣтнаго о догматахъ христіанства, и между прочимъ о священномъ писаніи, должно было составить предметъ особаго отдѣла курса, и авторъ въ первой части своего труда не имѣлъ права излагать новозавѣтнаго ученія о ветхомъ завѣтѣ, если не хотѣлъ допускать въ своемъ курсѣ амплификацій и повтореній. Церковное ученіе о томъ, что книга «пѣснь пѣсней» есть иносказаніе—духовнаго союза Христа съ церковью—формулировано догматически лишь въ новомъ завѣтѣ, и такой взглядъ на нее составляетъ одинъ изъ пунктовъ ученія церковнаго.

Въ примѣчаніи девятнадцатомъ Филаретъ дѣлаетъ попытку набросить тѣнь на политическую благонамѣренность Павскаго. Павскій выразился въ одномъ мѣстѣ своей книжки такъ: «Всѣ во Христѣ, восчувствовавъ въ себѣ внутреннюю свободу, стали выше природы, судьбы и всякихъ законовъ» (§ 77). Филаретъ замѣчаетъ: «Если есть судьба, какъ станетъ выше ея человѣкъ? Истинная религія не учитъ человѣка становиться выше судьбы, но познавать судьбу Божію истинную и свободно покоряться ей (Псал. XVIII, 10, Петр. V, 6). Мысль, что христіане выше всякихъ внѣшнихъ законовъ, можетъ быть названа не только опасною, но рѣшительно ложною. Христіанство говоритъ, что законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ (Тим. 4, 9), потому что праведникъ безъ строгости закона исполняетъ обязанность, но оно не говоритъ, что христіанинъ выше всякихъ внѣшнихъ законовъ. Не говоритъ, напримѣръ, подданному: ты выше внѣшнихъ законовъ государства, но говоритъ: Бога бойтеся, царя чтите, будьте послушны всякому человѣческому постановленію Господа ради (1 Петр. II, 13, 17)». Павскій отвѣчаетъ: «Стать выше судьбы можно именно покорностію и смиреніемъ, чему научило насъ

христіанство, чѣмъ апостолы стали выше судьбы, поставившей ихъ среди происковъ іудейскихъ и суевѣрій языческихъ. «Cedendo non agendo, victi vicimus», говорили христіане». Отвѣчая на второе обвиненіе—будто мысль, что христіане выше всякихъ внѣшнихъ законовъ, не только опасная, но и ложная—Павскій говоритъ: «Развѣ апостолъ говоритъ ложно: если вы духомъ управляетесь, то вы не подъ закономъ,—плоды духа суть любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе,—для таковыхъ нѣтъ закона (Гал. V, 18, 22). Примѣчатель не умѣетъ различать, что стать выше законовъ не значитъ стать противъ законовъ. Христіанинъ сталъ выше законовъ тѣмъ, что преисполненъ духомъ Божіимъ, и свободно, по внутреннему чувству выполняетъ то, что другіе дѣлаютъ по требованію внѣшнихъ законовъ. Апостолы напоминали ученикамъ: Бога бойтеся, царя чтите; но потому, что въ ученикахъ своихъ не видѣли еще полныхъ совершенствъ христіанскихъ, не видѣли духа Христова во всей его силѣ, еще царство Христово не пришло на землю во всей своей славѣ»...

Павскій въ своей книжкѣ говоритъ: «По мѣрѣ того, какъ люди стали углубляться въ познаніе себя и природы, и посредствомъ образованія выходить изъ-подъ власти природы и судьбы, религія сдѣлалась чище, благообразнѣе». Филаретъ на это замѣчаетъ: «Мысль сія противорѣчитъ потребности откровенія и опровергается опытомъ. Образованіе не вывело грековъ и римлянъ изъ заблужденій язычества и не сдѣлало ихъ религіи чище, доколѣ не пришла на помощь откровенная религія христіанская». Павскій отвѣчаетъ: «Если бы примѣчатель у меня спросилъ, что̀ значитъ посредствомъ образованія выходить изъ-подъ власти природы, то я сказалъ бы, что человѣкъ образованный не только можетъ доставлять себѣ удобства въ жизни, но правильною оцѣнкою существъ, явленій и силъ природы можетъ стать выше природы и торжествовать надъ нею. Такой человѣкъ, своими знаніями торжествующій надъ явленіями и силами природы, не будетъ молиться крокодилу и благоговѣть предъ дубомъ, слѣдовательно, его религія будетъ нѣсколько чище другихъ подобныхъ. Точно такъ и было, по свидѣтельству исторіи. Религія образованныхъ грековъ и римлянъ несравненно чище и благороднѣе религій народовъ варварскихъ». «Не знаю, почему примѣчателю не нравится слово «судьба». Не думаетъ ли онъ, что сочинитель подъ симъ именемъ разумѣетъ безсмысленный рокъ? Нѣтъ, сочинитель знаетъ, что все въ мірѣ и человѣческомъ родѣ идетъ по волѣ премудраго Промысла. Однако же, не слышимъ-ли мы въ разговорахъ: «вѣрно такая его судьба; ему суждено весь свой вѣкъ бороться съ завистниками». Неужели все это

говорятъ безбожники, которые отвергаютъ Промыслъ? Подъ именемъ судьбы мыслящіе люди разумѣютъ сцѣпленіе обстоятельствъ и происшествій, не зависящихъ отъ воли частнаго человѣка, и даже цѣлыхъ обществъ человѣческихъ. Напримѣръ, не въ волѣ еврея родиться евреемъ и одичать въ грубыхъ еврейскихъ предразсудкахъ. Однако, вошедши въ разсудокъ, онъ можетъ обсудить свое положеніе и выйти изъ-подъ вліянія безсмысленныхъ привычекъ, среди которыхъ поставила его с у д ь б а».

Вообще въ своихъ примѣчаніяхъ Филаретъ обвиняетъ Павскаго бо̀льшею частію ни болѣе ни менѣе, какъ въ неологизмѣ и раціонализмѣ. Объясненіе пророческаго дара, сдѣланное Павскимъ, есть объясненіе тѣхъ, «по мнѣнію которыхъ оно есть не что иное, какъ піитическій восторгъ». Онъ говоритъ о томъ, что пророки предсказывали времена мира, но умалчиваетъ о томъ, что они предсказывали страданія Мессіи. «Сколь сіе умолчаніе пріятно было бы неологамъ,—говоритъ Филаретъ,—столь заботливо видѣть оное у писателя, котораго такъ желательно было бы видѣть православнымъ». «Должно остерегаться не только прямо-ложнаго ученія, но и опущенія какого либо члена символа вѣры тамъ, гдѣ, по предмету разсужденія, упомянуть объ ономъ непремѣнно слѣдовало». Само собою разумѣется, что обвиненіе оказывается неосновательнымъ, ибо Павскій въ другомъ мѣстѣ прямо выражается, что «Пророки говорили духомъ Божіимъ» и писанія ихъ называетъ «богодухновенными» (§ 27). По поводу послѣднихъ главъ въ книгѣ пророка Исаіи (XL—LXVI) Павскій замѣчаетъ, что онѣ содержатъ большое утѣшительное посланіе къ іудеямъ, ожидающимъ возвращенія изъ плѣна. Филаретъ говоритъ: «Изъ сего видно, что сочинитель не признаетъ сей части книги Исаіи пророчествомъ, хотя таковымъ признаетъ ее св. писаніе новаго завѣта. Если св. писаніе новаго завѣта не погрѣшаетъ, то погрѣшаетъ сочинитель». Павскій отвѣчаетъ: «Я не понимаю, изъ чего выводится заключеніе, что сочинитель не признаетъ сихъ главъ пророчествомъ. Развѣ въ утѣшительномъ посланіи нельзя предположить пророчества? Чѣмъ же пророки утѣшали своихъ современниковъ, если не предсказаніемъ будущаго? Возможно-ли предположить такую глупость въ законоучителѣ, что онъ не знаетъ, что слова: какъ овца онъ веденъ на заколеніе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ—есть пророчество?» И очевидно опять Павскій правъ: онъ не сказалъ здѣсь о пророчествѣ, потому что не слѣдовало говорить объ этомъ: по плану его труда—пророчества у него были выбраны въ особый трактатъ, а здѣсь предлагалось лишь изложеніе содержанія книги Исаіи въ ея историческомъ смыслѣ, безъ указанія на пророчественный. Не упомя-

нуть о чемъ-либо въ одномъ мѣстѣ, гдѣ упоминаніе не требовалось, не значитъ отрицать то, что сообщалось въ другомъ мѣстѣ.

«Троичность Божества есть таинство, въ которомъ кратко изобразился весь періодъ Божія къ намъ снисхожденія», говоритъ Павскій. Филаретъ замѣчаетъ: «Періодъ Божія къ намъ снисхожденія есть нѣчто внѣшнее для Бога, а троичность есть внутреннее таинство. Періодъ снисхожденія есть постепенность дѣйствій во времени, а Отецъ, Сынъ и св. Духъ суть три лица вѣчныя. Изъ сего видно, что сочинитель учитъ въ семъ важномъ мѣстѣ не согласно съ православною церковью». «Если бы мною сказано было о Троицѣ только то, что выписалъ примѣчатель,—отвѣчаетъ Павскій,—то это была бы ересь. Но я знаю и вѣрую, и сказалъ, что Богъ въ Троицѣ не только является, но и существуетъ. Вотъ первыя слова того параграфа, изъ котораго примѣчатель выписываетъ на меня осужденіе: «Богъ существуетъ и являетъ себя въ Троицѣ».

X.

Кромѣ «Христіанскаго ученія въ краткой системѣ» и «Начертанія церковной исторіи», изъ памятниковъ педагогической дѣятельности Г. П. Павскаго при Дворѣ сохранилось нѣсколько составленныхъ имъ (примѣнительно къ первой части его, приведенной нами выше, программы) молитвъ, нѣсколько письменныхъ наставленій его Августѣйшему Воспитаннику по поводу разныхъ событій его частной жизни и общественной жизни Россіи, «Бесѣда законоучителя по поводу исполнившагося совершеннолѣтія Наслѣдника престола», «Напоминанія о вѣчной жизни»—рядъ назидательныхъ размышленій о предметахъ вѣры, «Библейскія изрѣченія, на которыхъ основано ученіе христіанское», «Очертаніе ученія, изложеннаго въ св. писаніи». Эти произведенія пера почтеннаго богослова заслуживаютъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что ближе вводятъ насъ въ то направленіе, какое старался развивать въ своемъ Августѣйшемъ ученикѣ законоучитель. По спеціально-богословскому содержанію этихъ сочиненій мы не находимъ удобнымъ входить здѣсь въ изложеніе ихъ содержанія. Приведемъ лишь для образца двѣ молитвы и одно посланіе. Что касается «Напоминаній о вѣчной жизни», то съ характеромъ и содержаніемъ ихъ отчасти знакомитъ слѣдующее предисловіе къ нимъ, составленное Павскимъ, въ которомъ законоучитель обращается къ своему Августѣйшему Воспитаннику.

«Въ тетрадяхъ, подобныхъ сей первой, я намѣренъ сообщать Ва-

шему Высочеству напоминанія о вѣчной жизни. Это не систематическіе уроки, а отрывки, взятые изъ книгъ священныхъ и изъ сочиненій благочестивыхъ писателей, также благоговѣйныя молитвы, собственныя мои разсужденія и размышленія, близкія къ разумѣнію Вашему. Можетъ быть, иное встрѣтится Вамъ и неясное. Но отъ Васъ зависѣть будетъ дойти до ясности посредствомъ неоднократнаго чтенія и напряженнаго углубленія. Что легко пріобрѣтается, то легко и выпадаетъ изъ памяти. А правила религіи должны утвердиться и въ памяти и въ сердцѣ на всю жизнь. Религія стоитъ того, чтобы Вы посвятили ей начатки Вашего развивающагося размышленія. Какъ чувство, она давно уже живетъ въ Вашемъ сердцѣ и выражается въ Вашихъ молитвахъ; но чувство сіе должно перейти въ опредѣленныя понятія и ясныя мысли, чтобы Вы умѣли отличать вѣру отъ суевѣрія, благочестіе отъ суесвятства, истинную любовь къ Богу отъ неразумной и ложной ревности по Богѣ, или фанатизма. Въ сей первой тетради Вы найдете первыя понятія о религіи, о вѣрѣ въ Бога, любви къ Богу, объ отношеніи религіи къ наукамъ, вѣры къ разуму, любви къ волѣ. Все это Вы уже слышали по частямъ, не въ связи, но теперь имѣете предъ собою въ полнотѣ и нѣкоторомъ порядкѣ». Затѣмъ слѣдуетъ эпиграфъ: «Сія есть жизнь вѣчная, чтобы знали Тебя, единаго, истиннаго Бога, и Тобою посланнаго Іисуса Христа». Іоанна XVII, 3.

Изъ молитвъ, составленныхъ Павскимъ, приводимъ двѣ: утреннюю и по случаю холеры.

Молитва утренняя. «Благодарю Тебя, всеблагій Боже, что Ты, обновивъ мои силы мирнымъ сномъ ночи, паки открылъ мнѣ радости новаго дня. Новый день сей снова являетъ мнѣ Твои великія милости, которыми Ты такъ богато награждаешь меня. Какъ вчера, такъ и сегодня вижу предъ собою довольство, вижу отеческое попеченіе обо мнѣ и готовность служить мнѣ. Чѣмъ могу я воздать Тебѣ, всеблагій небесный Отецъ, за сіи великіе дары?

«Пріими, о Боже, малое сіе благодареніе мое, которое я нынѣ приношу отъ глубины сердца, Тобою согрѣтаго и Тобою просвѣтленнаго. Съ новымъ днемъ вложи мнѣ новую рѣшимость и готовность жить предъ Тобою свято и исполнять святые Твои законы. Ибо я вижу Твою великую милость, чувствую благодѣянія, имѣю желаніе быть благоугоднымъ Тебѣ и жить для пользы ближнихъ. Но какъ исполнить мое желаніе—не всегда понимаю, и для совершенія лежащихъ на мнѣ обязанностей не довольно имѣю твердости. Знаю, Господи, что все доброе и святое снисходитъ отъ Тебя: Ты просвѣщаешь умы малосвѣдущихъ и даешь силы безсильнымъ; открой и мнѣ прямой

путь къ истинной жизни и со дня на день обновляй и укрѣпляй мои силы, чтобы я по открываемымъ мною путямъ жизни шелъ твердо и неуклонно. О, если бы при концѣ дня сего, сего самаго дня, мнѣ увидѣть въ себѣ нѣсколько новыхъ опытовъ твердости, нѣсколько новыхъ пріобрѣтеній для ума, чистѣйшихъ радостей въ сердцѣ! Тогда я паки паду предъ Тобою, небесный Отче, и возблагодарю Тебя за великія Твои небесныя и земныя блага, отъ щедрой руки Твоей получаемыя!» (Эта молитва сохранилась въ рукописи черновой; по видимому, неокончена; помѣчена 3-мъ мая 1830 года).

По случаю холеры. «Небесный Отецъ нашъ! Среди радостей жизни, которыя Ты обильно сыплешь на насъ, недостойныхъ сыновъ Твоихъ, Ты посылаешь на насъ и горести. Ибо такъ благоугодно было Твоему величію устроить обитаемую нами землю, гдѣ свѣтъ борется съ тьмою, пріятная весна смѣняется знойнымъ лѣтомъ, а сіе прогоняется стужею хладной зимы; гдѣ прекрасные цвѣты перемѣшаны съ колючими растеніями, гдѣ ядовитые гады кроются и ждутъ неосторожнаго путника, чтобы ужалить его пяту! Да будетъ святая воля Твоя! Мы не дерзаемъ пререкать вѣчнымъ премудрымъ судамъ Твоимъ. Но, небесный Отецъ нашъ! Ты, поставившій человѣка на свѣтло-темной землѣ сей, далъ ему умъ и силу Твоея премудрости, и вложилъ въ него духъ Твой, въ которомъ сіяетъ Твой образъ. Подъ вліяніемъ сихъ, данныхъ намъ Тобою, небесныхъ хранителей, много уже прояснено мрачнаго, много отвращено ужаснаго, много печальныхъ утѣшилось, много порочныхъ исправилось! Освѣти и нынѣ нашъ умъ, чтобы мы умѣли сохранить себя неприкосновенными отъ сего новаго неожиданнаго зла, воодушеви насъ святымъ духомъ Твоимъ, чтобы всякое уныніе удалилось изъ сердца нашего и чтобы мы съ твердою вѣрою и съ полною надеждою на Тебя, Отца всѣхъ человѣковъ, могли сказать смѣло: Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой: кого убоюся? Господь защититель живота моего—отъ кого устрашуся. Аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси».

Вотъ одно изъ наставительныхъ посланій законоучителя къ Августѣйшему Ученику (въ праздникъ Рождества Христова). «Александръ Николаевичъ! Я не хочу препятствовать Вашимъ радостямъ и восторгамъ, съ какими Вы встрѣчаете день сей, день Рождества Іисуса Христа. Радуйтесь отъ всего сердца, ибо въ день сей и ангелы на небесахъ воспѣли радостную пѣснь: слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ, къ человѣкамъ благоволеніе. Радуйтесь отъ всего сердца, ибо день сей есть начало обновленія міра. Люди, жившіе во тьмѣ невѣжества, безбожія и гнусныхъ пороковъ, съ сего дня уви-

дѣли великій свѣтъ и ожили. Сынъ Божій пришелъ къ намъ, человѣкамъ, чтобы возвести насъ къ Богу и содѣлать сынами Божіими. Стоитъ только сравнить нынѣшнихъ людей, живущихъ по духу Христову, съ древними людьми, жившими до Іисуса Христа, и откроется ясно, какъ основательна радость наша, съ которою мы встрѣчаемъ день Рождества Іисуса Христа. Христіанинъ вѣрными глазами смотритъ на природу и господствуетъ надъ нею, а язычникъ падалъ предъ нею и обожалъ отличныя силы и существа ея. Христіанинъ свѣтлымъ умомъ видитъ Бога и небоязненнымъ сердцемъ приступаетъ къ Нему, потому что онъ въ Богѣ видитъ отца. Одушевляясь мыслію объ Отцѣ небесномъ и возносясь къ Нему любовію, христіанинъ уже на землѣ провождаетъ райскую жизнь. Изъ любви къ небесному Отцу своему онъ въ дѣлахъ своихъ честенъ, ревностенъ, въ поведеніи своемъ скроменъ, остороженъ, непритворенъ, въ радости умѣренъ, въ печали не унываетъ, въ обращеніи съ другими дружелюбенъ, къ низшимъ ласковъ и снисходителенъ, къ высшимъ почтителенъ, къ бѣднымъ милосердъ и сострадателенъ.

«Чтобъ не думали люди, что рай далеко отъ нихъ и что приблизиться къ Богу трудно и возвыситься къ Нему невозможно, Сынъ Божій пришелъ къ нимъ, прошелъ всѣ возрасты человѣческой жизни, показалъ своимъ примѣромъ каковъ долженъ быть человѣкъ во всякомъ возрастѣ и училъ человѣковъ всматриваться въ самихъ себя. Въ васъ самихъ, говорилъ Онъ людямъ, въ сердцѣ вашемъ—сокровища жизни: внутрь васъ царствіе Божіе.

«Конечно, пріятно для Васъ, Александръ Николаевичъ, представить себѣ, что Онъ былъ и въ вашемъ возрастѣ. Отъ любопытства Вашего сокрыты подробности его отроческой жизни, но Вы можете узнать ихъ чрезъ свое сердце. Іисусъ Христосъ велѣлъ намъ вглядываться и вслушиваться въ наше собственное сердце. Если Васъ не уличаетъ сердце, чтобъ Вы сдѣлали что либо противъ воли своихъ Родителей; если Вами довольны Ваши наставники; если ваша душа чиста, непритворна какъ предъ Богомъ, такъ и предъ людьми; если Вы, видя страждущаго, прослезились и помогли ему; если повѣствованіе о дѣлахъ Божіихъ и о святыхъ мужахъ слушаете съ радостію,—то Вы возрастаете такъ же, какъ возрасталъ отрокъ Іисусъ. И объ Немъ сказано, что Онъ былъ въ повиновеніи у своего отца и матери и преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ (Лук. II, 51, 52). И дивились разуму и отвѣтамъ Его.

«Какой прекрасный спутникъ въ жизни! Какъ спокойно и весело

пойдете въ дальнѣйшую глубину жизни Вашей, если будете держаться сего спутника!

«Исторія Іисуса Христа вся, отъ начала до конца, назидательна для насъ. Припомните, въ какой бѣдности находились Его родители! Ясли служили колыбелью новорожденному. Но сего новорожденнаго увидѣли съ неба ангелы. Къ сему новорожденному звѣзда вела мудрецовъ восточныхъ. Замѣтьте здѣсь, что истинная слава зависитъ не отъ блеска золота, и не отъ пышности и великолѣпія земнаго. Душа божественная не унижается отъ нищеты и не возвышается отъ богатства и знатности. Замѣтивъ сіе, Вы будете и впредь правильно смотрѣть на внѣшнее величіе. Для сего родился, жилъ и училъ Іисусъ Христосъ, чтобы намъ дать правильныя понятія и научить насъ святой жизни.

«И такъ, чтобы согласно съ намѣреніемъ сего праздника провести Вамъ праздничные дни, въ спокойныя минуты спросите себя—близко ли вы держитесь образца, начертаннаго Іисусомъ Христомъ? И когда будете молиться, помолитесь такъ: Господи, Іисусе Христе! Чѣмъ болѣе познаю Твое святое ученіе, тѣмъ болѣе вижу, что я не исполняю слова Твоего. Имѣю желаніе жить сообразно съ словомъ Твоимъ, чувствую сладость Твоего ученія, но нерѣдко отступаю отъ него или по разсѣянности и невнимательности, или по упорству и непокорности. Очисти мое сердце, просвѣти мою душу, укрѣпи мой духъ, чтобы я Тебя единаго видѣлъ, Твоимъ святымъ словомъ утѣшался, и чтобы ничто злое не приближалось къ душѣ моей. Снизойди на молитву мою, какъ Ты нынѣ снисшелъ съ неба на землю для спасенія всѣхъ человѣковъ».

Н. И. Барсовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГРАНОВСКІЙ,

ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Воспоминанія Я. М. Невѣрова.

1834—1856 гг.

Съ особеннымъ удовольствіемъ представляемъ на страницахъ „Русской Старины“ отрывокъ изъ Записокъ Януарія Михайловича Невѣрова. Другъ Станкевича и Грановскаго, Я. М. Невѣровъ—составилъ обширныя Записки о пережитомъ, видѣнномъ и испытанномъ въ теченіе его долгой и труженической жизни. Записки эти не предназначены имъ къ печати и мы не безъ труда убѣдили глубокоуважаемаго автора подѣлиться съ читателями „Русской Старины“ предлагаемымъ нынѣ отрывкомъ. Время написанія его—1856 годъ; страницы эти написаны г. Невѣровымъ на Кавказѣ, подъ впечатлѣніемъ роковой вѣсти о кончинѣ дорогаго его друга Грановскаго,—вѣсти, глубоко отозвавшейся въ сердцахъ многочисленныхъ почитателей, слушателей и учениковъ знаменитаго профессора, ученаго и высоко-нравственнаго человѣка.

Ред.

I.

Я познакомился съ Грановскимъ въ концѣ 1834 года, въ Петербургѣ, чрезъ Василія Васильевича Григорьева [1]), его товарища по Петербургскому университету, гдѣ онъ въ это время оканчивалъ курсъ. Не могу теперь припомнить всѣхъ обстоятельствъ этого знакомства, знаю только, что Григорьевъ свелъ

[1]) Нынѣ тайный совѣтникъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Я. Н.

меня съ нимъ. Я служилъ тогда въ только что образовавшейся, подъ начальствомъ К. С. Сербиновича, редакціи „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“, въ которую Григорьевъ принесъ однажды какую-то статью для журнала. Въ редакціи никого не было, кромѣ меня и товарища моего по университету и по службѣ, П. И. Роговича [1]). Я разговорился съ Григорьевымъ, и мы, проведя цѣлое утро въ пріятной бесѣдѣ, такъ сошлись другъ съ другомъ, что между нами вскорѣ возникла самая тѣсная и искренняя дружба. Съ естественнымъ молодости увлеченіемъ Григорьевъ говорилъ обо мнѣ товарищу своему Грановскому и возбудилъ въ немъ желаніе познакомиться со мною. Какъ произошло наше первое знакомство,—не припомню; знаю только, что мнѣ Григорьевъ хвалилъ умъ и способности Грановскаго; но въ этихъ похвалахъ видно было болѣе уваженія, нежели увлеченія и теплой сердечной привязанности; меня же связывало съ Григорьевымъ именно это чувство только, потому что у насъ не было сходства ни въ занятіяхъ (Григорьевъ былъ оріенталистъ), ни во вкусахъ, ни въ стремленіяхъ; не было у насъ даже общихъ знакомствъ; но, можно сказать, безотчетная, исключительно на теплотѣ сердечной основанная, доходившая почти до паѳоса, привязанность Григорьева ко мнѣ возбудила и во мнѣ такое же чувство; а потому въ Григорьевѣ меня интересовалъ только онъ самъ, а не занятія его, не знакомства. При томъ же въ отзывахъ его о Грановскомъ, какъ я замѣтилъ выше, видна была дань признательности и уваженія къ уму и способностямъ товарища, а не то теплое чувство, которое соединяло меня съ Григорьевымъ; а потому я слушалъ равнодушно похвалы Грановскому и не искалъ случая съ нимъ познакомиться. Въ это время я самъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ литературныхъ предпріятіяхъ, и у меня разъ въ недѣлю по вечерамъ собиралась литературная молодежь; но я былъ совершенно далекъ отъ плеяды Сенковскаго и даже отчасти велъ войну съ „Библіотекою для чтенія“, въ которой Грановскій помѣщалъ первые свои литературные труды, а потому долго не сходился съ Грановскимъ. Должно предполагать, что восторженные обо мнѣ отзывы Григорьева Грановскому заинтересовали его, и онъ искалъ случая со мною позна-

[1]) Нынѣ сенаторъ, тайный совѣтникъ. Я. Н.

комиться. Григорьевъ привелъ его ко мнѣ на мои вечера и первое наше свиданіе не возбудило во мнѣ сильнаго участія къ Грановскому. Онъ мнѣ показался слишкомъ серьезенъ и даже не по лѣтамъ холоденъ (Грановскій тремя или, по крайней мѣрѣ, двумя годами былъ моложе меня), и нѣкоторое время мы оставались въ обыкновенныхъ отношеніяхъ хорошихъ знакомыхъ; если я не находилъ въ Грановскомъ ни той пылкости и эксцентричности, которыя въ то время были отличительною чертою собственнаго моего характера, то я не могъ, такъ же какъ Григорьевъ, не увлечься его здравымъ, положительнымъ умомъ, его любознательностью и начитанностью, которая и тогда уже была замѣтна для насъ. Мы видались разъ, много—два въ недѣлю, но всегда съ обоюднымъ удовольствіемъ. Не припомню, что̀ именно онъ писалъ для „Библіотеки для чтенія“, но знаю положительно, что по нѣмецки зналъ онъ тогда очень плохо; помню даже, что когда родился вопросъ объ отправленіи его за границу на казенный счетъ, онъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ—какъ заниматься по нѣмецки, и впослѣдствіи я помогалъ ему въ этомъ. Но это началось послѣ знакомства его съ Станкевичемъ, потому что тогда только мы изъ отношенія добрыхъ знакомыхъ перешли въ ближайшую дружбу.

Не мѣсто говорить здѣсь о Станкевичѣ, этой дивной не только въ психологическомъ отношеніи, но даже замѣчательной въ исторіи отечественнаго просвѣщенія—личности, которая такъ рано оставила свѣтъ, а потому не успѣла оставить по себѣ замѣтныхъ литературныхъ трудовъ, но при всемъ томъ имѣла огромное вліяніе на своихъ современниковъ-товарищей. Самъ Грановскій всегда сознавался въ этомъ и даже письменно подтвердилъ эту мысль въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ [1]). Не смотря на 16 лѣтъ,

---

[1]) См. письмо Грановскаго ко мнѣ съ извѣстіемъ о смерти Станкевича—въ принадлежащемъ мнѣ сборникѣ писемъ Станкевича, находящемся теперь временно въ рукахъ брата покойнаго Станкевича, помѣщика Воронежской губерніи, Александра Владиміровича Станкевича.

Примѣчаніе. Когда писались эти воспоминанія, книга, въ которой помѣщена переписка Станкевича со мною, еще не выходила въ свѣтъ. Она издана въ 1857 году подъ заглавіемъ: «Николай Владиміровичъ Станкевичъ, переписка его и біографія, изданная П. В. Анненковымъ». Тамъ напечатано письмо, о которомъ здѣсь упоминается, на стр. 234. Вотъ это письмо:

«Я еще не опомнился отъ перваго удара. Настоящее горе еще не трогало

протекшихъ со смерти Станкевича, преданіе о немъ живо сохраняется въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ получилъ свое образованіе, и мы, безъ сомнѣнія, вскорѣ будемъ имѣть его особую біографію. Съ Станкевичемъ познакомилъ я Грановскаго такимъ образомъ: будучи соединенъ съ Станкевичемъ, еще въ бытность мою въ Московскомъ университетѣ, узами самой тѣсной и нѣжнѣйшей дружбы, и питая къ нему самую восторженную и благоговѣйную привязанность, я, разумѣется, всегда съ энтузіазмомъ говорилъ о немъ не только моимъ друзьямъ, но и знакомымъ. Кромѣ того, имя Станкевича было тогда всеобще извѣстно въ литературныхъ кругахъ по поэтическимъ его произведеніямъ, печатавшимся въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также и по отдѣльно изданной имъ трагедіи „Скопинъ-Шуйскій“.

Грановскій, по окончаніи курса въ Петербургѣ, собирался ѣхать въ Орелъ и, разумѣется, долженъ былъ проѣзжать чрезъ Москву. Я далъ ему письмо къ Станкевичу. Тутъ они впервые познакомились короче, хотя и не помню навѣрное, не познакомилъ-ли я ихъ и прежде, потому что около этого времени Станкевичъ пріѣзжалъ на короткое время ко мнѣ въ Петербургъ; но во всякомъ случаѣ близкое знакомство Грановскаго съ Станкевичемъ началось со времени его поѣздки въ Москву. Грановскій возвратился ревностнымъ почитателемъ Станкевича. Станкевичъ же, съ своей стороны, въ письмахъ своихъ ко мнѣ отзывался съ большимъ уваженіемъ и участіемъ о Грановскомъ и замѣтилъ, что онъ многаго ожидаетъ отъ этой головы. Этого было достаточно для того, чтобы сблизить меня съ Грановскимъ, и наши отношенія перемѣнились тотчасъ-же изъ пріятельскихъ на дружескія. Если не ошибаюсь, Сенковскій, хорошо знавшій умъ, познанія и

меня: боюсь его впереди. Теперь все еще не вѣрю въ возможность потери — только иногда сжимается сердце.

«Ты потерялъ столько же, сколько и я. Тебѣ нечего говорить о немъ. Онъ унесъ съ собой что-то необходимое для моей жизни. Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ быть, кромѣ меня, никто не знаетъ. Страшно подумать о его смерти. Душа отказывается вѣрить!

«Тѣло его привезено въ Россію. Дай Богъ! Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ спалъ такъ далеко отъ насъ. Грановскій». Я. Н.

способности Грановскаго по участію его въ „Библіотекѣ для чтенія“, первый внушилъ ему мысль воспользоваться вызовомъ правительства желающихъ ѣхать за границу на казенный счетъ для приготовленія себя къ профессорской каѳедрѣ въ Московскомъ университетѣ, и содѣйствовалъ къ назначенію Грановскаго ходатайствомъ предъ бывшимъ министромъ С. С. Уваровымъ. Грановскій съ жаромъ занялся приготовленіемъ къ своему будущему призванію, и я началъ заниматься съ нимъ нѣмецкимъ языкомъ. Эти занятія насъ еще больше сблизили. Не смотря на разность нашихъ характеровъ, вкусовъ и даже образа жизни, я болѣе и болѣе привязывался къ Грановскому, а онъ положительно полюбилъ меня. Между нами не было такой восторженной привязанности, какъ между мною и Станкевичемъ, но мы, не сходясь во вкусахъ и направленіяхъ, взаимно пополняли другъ друга; такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ нашего сближенія, я уже подчинился вліянію Грановскаго, и, оставивъ свои глупыя, юношескія мечты о беллетристическомъ поприщѣ, началъ заниматься исторіей. Поводомъ къ тому были уроки исторіи, которые я принялъ на себя въ пансіонѣ Мюральдта; взявши на себя эту обязанность, я обратился за совѣтомъ и помощью къ Грановскому, сообщалъ ему программы моихъ уроковъ, готовился къ нимъ по его указаніямъ, и помню даже, что онъ заставлялъ меня читать предъ собою пробныя лекціи; я же, съ своей стороны, училъ его нѣмецкому языку и старался передать ему любовь мою къ искусству вообще и къ музыкѣ въ особенности, которою Грановскій никогда не занимался. Такъ прошелъ конецъ 1835-го и начало 1836-го года. Свиданія наши сдѣлались часты, почти ежедневны; мы уже чувствовали потребность другъ въ другѣ, не смотря, какъ я замѣтилъ выше, на разницу нашихъ вкусовъ и образа жизни. Я любилъ бывать въ обществѣ, жадно гонялся за развлеченіями; Грановскій же уклонялся отъ того и другаго и предпочиталъ имъ тихую дружескую бесѣду, хотя и не прочь былъ отъ веселаго дружескаго пира; для меня наука была дѣломъ увлеченія, порыва, а для него—спокойное, сознательное стремленіе къ предположенной цѣли; я любилъ женщинъ, всякаго рода авантюры; Грановскій былъ не только скроменъ, но даже дѣвствененъ и такимъ уѣхалъ изъ Петербурга и оставался въ Берлинѣ до

осени 1837 года [1]). Онъ часто дружески упрекалъ меня за мои излишества, а его цѣломудріе было предметомъ нашихъ (моихъ и Григорьева) дружескихъ насмѣшекъ, которыя онъ всегда отклонялъ нравственнымъ взглядомъ на половыя отношенія, говоря, что онъ не уступитъ въ этомъ отношеніи иначе, какъ по необходимости. Все это невольно внушало мнѣ, конечно, не такое восторженное чувство, какое я питалъ къ Станкевичу, въ которомъ я находилъ мои стремленія, мою духовную натуру въ высшемъ идеальномъ развитіи, даже мои слабости, но облагороженныя; но наши отношенія съ Грановскимъ состояли съ моей стороны—въ теплой любви и уваженіи, основанныхъ на сознаніи его нравственнаго превосходства и его научныхъ познаній, а онъ любилъ меня съ разсудительною и спокойною теплотою, любилъ мою пылкость, мои порывы, и снисходилъ къ моимъ слабостямъ.

Давно уже Станкевичъ убѣждалъ меня ѣхать за границу и предлагалъ мнѣ воспользоваться его средствами. Не столько изъ благородной гордости, какъ изъ желанія сохранить святость и чистоту моихъ отношеній къ Станкевичу и не допустить, чтобы въ наши отношенія, въ нашу дружбу вмѣшивались какіе бы то ни было житейскіе расчеты и матеріальныя выгоды,—я упорно отказывался отъ всѣхъ его предложеній и на поѣздку за границу смотрѣлъ какъ на несбыточную мечту, потому что не имѣлъ къ тому никакихъ средствъ. Если, наконецъ, мечта эта осуществилась, то этимъ я обязанъ Грановскому.

Станкевичъ хотѣлъ помочь мнѣ деньгами, предлагалъ даже самъ ѣхать со мною за границу съ тѣмъ только, чтобы доставить мнѣ средства къ образованію, но послѣдній способъ былъ почти тожественъ съ первымъ, и облекалъ только его въ болѣе благовидную форму, а потому я положительно отказывался; далѣе Станкевичъ не могъ и не зналъ, какъ мнѣ помочь. Но Грановскій, не столько избалованный избыткомъ и болѣе знакомый съ трудо-

---

[1]) См. письмо его ко мнѣ изъ Берлина, № 3, гдѣ онъ описываетъ первое свое любовное похожденіе.

Примѣчаніе. Переписка моя съ Грановскимъ выслана мною къ товарищу его профессору Кудрявцеву, намѣревавшемуся издать біографію Грановскаго, но послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть Кудрявцева воспрепятствовала ему осуществить это намѣреніе,—и такимъ образомъ письма ко мнѣ Грановскаго остались у него, и не были мнѣ возвращены. Я. Н.

вою жизнію, нашелъ эти средства: онъ убѣдилъ меня усилить мой трудъ, удвоить литературныя занятія, умножить число уроковъ и такимъ образомъ откладывать мало по малу деньги на поѣздку, а въ Берлинѣ содержать себя тѣми же самыми литературными трудами. Я сдѣлался точкою сближенія между имъ и Станкевичемъ, и Станкевичъ передалъ ему свою дружескую власть надо мною.—Съ этого времени Грановскій сдѣлался моимъ менторомъ; онъ останавливалъ мои порывы, упрекалъ въ увлеченіяхъ и сдерживалъ меня отъ нихъ, показывая впереди ту благородную цѣль, которой я не могъ достигнуть, не пріобрѣтя власти надъ самимъ собою. Эта тактика незабвенныхъ друзей моихъ оказалась вполнѣ удачною, и я дѣйствовалъ такъ и по отъѣздѣ Грановскаго за границу, послѣдовавшемъ весною 1836-го года. Наша разлука была самая трогательная: Грановскій—въ моихъ глазахъ идеалъ нравственной твердости и мужественной воли—плакалъ прощаясь со мною. Я помню—въ Кронштадтѣ, съ послѣднимъ дружескимъ поцѣлуемъ, онъ завѣщалъ мнѣ не уклоняться отъ пути, по которому я шелъ, и помнить, что только поѣздкой за границу я могу пополнить, по крайней мѣрѣ—главные пробѣлы въ моемъ образованіи и приготовить себя къ истинно-разумной и полезной дѣятельности, какъ человѣкъ и гражданинъ. Именемъ нашей дружбы и человѣчества онъ заклиналъ меня къ тому; таково было наше прощанье! Въ письмахъ своихъ изъ Берлина онъ постоянно напоминалъ мнѣ о томъ, но средства мои были скудны и я не рѣшался на это, въ глазахъ моихъ—отважное, предпріятіе. Въ концѣ 1836 года я писалъ ему, что отчаяваюсь въ возможности пріѣхать въ Берлинъ, тѣмъ болѣе, что Станкевичъ по обстоятельствамъ долженъ былъ отложить свою поѣздку. Вотъ что на это отвѣчалъ мнѣ Грановскій.

„Другая вѣсть, полученная мною отъ тебя [1]), также крѣпко-

---

[1]) Первая вѣсть—о смерти Пушкина. Вотъ какъ принялъ это извѣстіе Грановскій и какъ въ первую минуту горести выразился о Пушкинѣ: «Вѣсть о тяжкой потерѣ, которую понесла Россія, дошла до насъ нѣсколько дней тому назадъ. Графъ Кутузовъ, зять нашего посланника, первый получилъ письмо съ грустнымъ извѣстіемъ и тотчасъ принесъ его въ университетъ на лекцію къ Гансу. Я долго не могъ ничего дѣлать отъ тоски. Пушкинъ былъ величайшій поэтъ, лучшее имя въ нашей литературѣ. Онъ да Державинъ—болѣе у насъ нѣтъ никого. Эго два были генія. Впрочемъ, жалѣть должно о Россіи,

крѣпко огорчила меня. Такъ вы не пріѣдете сюда, а сколько надеждъ, сколько плановъ было основано у меня на этомъ пріѣздѣ. Впрочемъ, я не теряю надежды и приготовилъ новый планъ, который посылаю тебѣ на утвержденіе: прими его, дай ему дѣйствительность, мой милый. Дѣло вотъ въ чемъ: съ тѣми деньгами, которыя мнѣ даетъ правительство, здѣсь очень легко прожить двоимъ; жизнь въ Берлинѣ несравненно дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ, а я получаю около 3,500 въ годъ, не считая 1,500 отцовскихъ; многіе изъ студентовъ Педагогическаго института помогаютъ изъ своего жалованья бѣднымъ родственникамъ своимъ, — короче— столъ, квартира, уроки, которые мы будемъ брать вмѣстѣ, и все прочее будетъ тебѣ ничего не стоить. Найди денегъ на проѣздъ, о прочемъ не думай. Я прошу твоего согласія не для тебя, а для меня собственно. Тебѣ пребываніе въ Берлинѣ, быть можетъ, принесетъ пользу; мнѣ же пріѣздъ твой будетъ спасителенъ въ полномъ смыслѣ слова. Не смѣйся надо мною, не называй меня мечтателемъ, если я скажу тебѣ, что я болѣю душою, что болѣзнь моя опасна, что я чувствую, вижу собственное разрушеніе, мнѣ нуженъ врачъ—ты или Станкевичъ—хотя съ обоими судьба недавно свела меня. Пріѣздъ твой—повторяю еще разъ— будетъ благодѣяніемъ для меня. Извини мнѣ эгоизмъ мой: я болѣе думаю о своей, чѣмъ о твоей пользѣ. Во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы годъ, проведенный въ Берлинѣ, не имѣлъ никакого хорошаго вліянія на твою будущую участь и на образованіе твое: мы будемъ учиться вмѣстѣ, слушать лекціи, брать уроки. Королевская библіотека будетъ къ твоимъ услугамъ, потому что я беру изъ нея всѣ нужныя мнѣ книги. Вотъ для ума твоего! Для души—удовольствіе сознанія добра, сдѣланнаго другу;—обращаюсь не къ одной головѣ, но и къ сердцу твоему. Гордость твоя не должна имѣть никакого вліянія на рѣшеніе твое,—я говорю съ тобою какъ съ братомъ, ты долженъ принять предложеніе мое какъ братъ; люди такіе, какъ ты да я,—

а не о Пушкинѣ: для себя онъ довольно сдѣлалъ. Смерть его—поэтическій конецъ поэтической жизни. Ему не должно было умереть, какъ умираемъ мы, ничтожные. Разскажи мнѣ еще что нибудь о послѣднихъ минутахъ его. Остались ли послѣ него какія нибудь еще неизданныя сочиненія? Будутъ ли изданы? а убійца его? Бѣдный Плетневъ! воображаю его горесть: кромѣ поэта— онъ потерялъ друга. Грановскій». Я. Н.

не могутъ одолжать другъ друга: одолжается чернь. Клянусь тебѣ честью, что я бы принялъ такое предложеніе отъ тебя, хотя не могъ бы сдѣлать для тебя того, что ты можешь для меня. Подумай, другъ Невѣровъ! Чтобы разсѣять всѣ возраженія твоего разсудка, я представлю тебѣ подробную опись моихъ средствъ и отчетъ расходовъ; при всемъ томъ я довольно хорошо прожилъ этотъ годъ: изъ 1,800 выданныхъ мнѣ въ Петербургѣ, я промоталъ 1,200 до пріѣзда сюда; потомъ купилъ болѣе чѣмъ на 200 талеровъ книгъ, бралъ много уроковъ, ходилъ по пяти разъ въ недѣлю въ театръ, положилъ не малую лепту на жертвенникъ Киприды, однимъ словомъ—сорилъ деньгами, а дѣла мои не совсѣмъ худы: небольшіе долги портному и книгопродавцу я заплачу изъ отцовскихъ денегъ, которыя долженъ получить къ веснѣ, и у меня останется до 1,000 руб. впередъ, кромѣ казенныхъ. Ты видишь, что я—Крезъ, больше расходовъ не предвижу никакихъ; путешествіе къ Рейну и въ Мюнхенъ, которое я въ августѣ собираюсь сдѣлать, будетъ намъ дешево стоить: поѣдемъ мы на почтовыхъ, останавливаться будемъ въ скромныхъ гостинницахъ. По Рейну совершимъ путешествіе по образу пѣшаго хожденія,—согласенъ-ли, другъ?“

Такая благородная, безкорыстная дружба не могла, однако, поколебать моей рѣшимости. Если я отказался отъ подобныхъ предложеній Станкевича, человѣка богатаго, то могъ-ли я принять вызовъ Грановскаго, желавшаго раздѣлить со мною свое жалованье? Но онъ не переставалъ убѣждать меня, и въ слѣдующемъ письмѣ писалъ: „Сдѣлай одолженіе, увѣдомь меня скорѣе о своемъ рѣшеніи, тогда я сдѣлаю кое-какія распоряженія на счетъ моей квартиры, которую я оставляю къ 1-му апрѣля. Двухъ комнатъ будетъ довольно для насъ, третья будетъ маленькая спальня. Я надѣюсь, что ты будешь отвѣчать мнѣ съ первою же почтою. Думать долго нечего: перекрестился, да и съ Богомъ въ путь. Здѣсь ты еще лучше можешь работать для какого нибудь журнала или лексикона [1]), времени достанетъ и на это. Сдѣлай въ Петербургѣ условіе, — пересылать статьи не трудно“.

---

[1]) Въ это время я участвовалъ въ изданіи Плюшаровскаго Энциклопедическаго Лексикона. Я. Н.

Я говорилъ выше, что вліяніе Грановскаго на меня въ эту эпоху заставило меня измѣнить мои занятія и обратиться къ серьезнымъ трудамъ. Я задумалъ одну историческую работу. По этому поводу Грановскій писалъ мнѣ изъ Берлина, отъ 15-го марта 1837 года:

„Въ такомъ случаѣ не лучше-ли будетъ тебѣ заняться предметомъ основательно и, вмѣсто шести мѣсяцевъ, посвятить ему шесть лѣтъ? За то ты напишешь хорошую книгу и занимательную, и полезную. Вотъ еще новый поводъ ѣхать въ Берлинъ.

„Пріѣзжай сюда хотя на годъ: работай, читай источники, которые всѣ у тебя будутъ подъ рукою, и потомъ, съ запасомъ готовыхъ матеріаловъ, возвратись въ Россію и пиши свою книгу. Между тѣмъ, у тебя достанетъ времени и для журнала Краевскаго; отсюда ты можешь быть для него еще полезнѣе. Я знаю все, что можно сказать противъ моего предложенія, и при всемъ томъ вполнѣ убѣжденъ, что годъ занятій здѣсь можетъ дать тебѣ совсѣмъ другую будущность. Ты не такой лѣнтяй, какъ я, и не станешь терять времени даромъ. Я много времени терялъ, теряю и буду терять. Я созданъ мотомъ и равно расточаю деньги, время и здоровье—все, что Богъ далъ мнѣ на жизненные расходы. Всѣ попытки экономическихъ преобразованій были далеко неудачны и, вѣроятно, никогда не удадутся“.

Но не только въ этомъ, и въ другихъ случаяхъ онъ предупреждалъ мои желанія и нужды; такъ, напримѣръ, мнѣ нужны были книги,—онъ предлагалъ выслать ихъ изъ Берлина на свой счетъ, говоря: „Я могу служить тебѣ этимъ, нимало не стѣсняя себя, тѣмъ болѣе, что я имѣю большіе счеты съ книгопродавцемъ Эйхлеромъ и плачу ему по третямъ. У меня уже цѣлая библіотека. Но лучше всего будетъ, если ты самъ пріѣдешь сюда. Подумай еще разъ: это предложеніе дѣлаю тебѣ, какъ брату. Прощай“.

Но всѣ эти убѣжденія не могли поколебать моей рѣшимости; я отказывался отъ нихъ подъ разными предлогами, которые Грановскій опровергалъ далѣе такимъ образомъ: „Какой демонъ внушаетъ тебѣ всѣ твои сомнѣнія и колебанія. Ты хочешь знать, не раскаялся-ли я послѣ перваго моего письма, расчиталъ-ли я мои средства, не будешь-ли ты мнѣ въ тягость? Въ сотый разъ говорю тебѣ, мой милый, что я обратился къ тебѣ съ этою

просьбою для себя, для собственной выгоды, хотя душевно желаю, чтобы и ты нашелъ въ Берлинѣ пользу. Не ищи здѣсь никакого благороднаго предлога, не заставляй меня краснѣть твоими предположеніями: я сказалъ тебѣ истину и не хочу скрывать своего эгоизма. Пріѣзжай, и ты повѣришь мнѣ. На счетъ денежныхъ моихъ обстоятельствъ ты можешь быть спокоенъ. Если еще Шенинъ [1]) дастъ тебѣ 1,000 рублей, то у насъ будетъ до 6,000 въ годъ, а съ этими деньгами можно жить и въ Петербургѣ. Къ тому же, пріѣздъ твой не только не увеличитъ моихъ расходовъ, но даже сократитъ ихъ. Теперь я трачу деньги безъ толку, безъ удовольствія и пользы. Въ случаѣ нужды я могу выпросить у отца небольшую прибавку, или даже сдѣлать въ Россіи заемъ, который возвращу по пріѣздѣ. Я говорю съ тобою откровенно, безъ поэтическихъ прикрасъ,—цифрами. Надѣюсь, что ты не будешь болѣе колебаться и подашь въ отставку, и что въ маѣ я обниму тебя здѣсь. Я теперь на новой квартирѣ, которую удержу за собою до твоего пріѣзда—Friedrich Strasse, № 88. Впрочемъ, письма адресуй ко мнѣ по прежнему, почтальонъ знаетъ меня и будетъ ихъ вѣрно доставлять, гдѣ бы я ни былъ. Новый адресъ я посылаю тебѣ для того только, чтобы ты нашелъ меня самъ. Когда же ты думаешь ѣхать? напиши объ этомъ. На дорогу достанетъ 400 рублей, а остальное пригодится здѣсь. Привези фунта три чаю, потому что здѣсь такая дрянь, что пить нельзя. Я совершенно отвыкъ отъ него по неимѣнію. Если у тебя есть небольшой самоваръ, то возьми его также съ собою".

Въ это время я уже дѣятельно готовился къ отъѣзду за границу и хотя не принялъ предложенія Грановскаго, но убѣдился его доводами, что жить за границей будетъ возможно и съ тѣми средствами, которыми я могъ располагать, именно, что небольшаго моего капитала достаточно будетъ для поѣздки туда и обратно, а, живя тамъ, я буду содержать себя литературными трудами, посредникомъ въ коихъ вызвался быть В. В. Григорьевъ.

---

[1]) Инспекторъ классовъ Павловскаго кадетскаго корпуса, принявшій тогда на себя изданіе Энциклопедическаго Лексикона. Я. Н.

II.

Весною 1837 года я подалъ просьбу объ отставкѣ и въ маѣ отправился въ Германію вмѣстѣ съ С. Строевымъ. По предложенію князя Ширинскаго-Шихматова (бывшаго потомъ министромъ народнаго просвѣщенія), я принялъ на себя званіе заграничнаго корреспондента Археографической коммисіи и снабженъ былъ нѣсколькими официальными рекомендаціями отъ министра. Но съ этимъ не сопряжено было никакого денежнаго вспомоществованія, и я содержалъ себя за границей только своими литературными трудами.

Принятая мною на себя обязанность корреспондента Археографической коммисіи заставила меня весь іюнь и половину іюля провести въ Любекѣ и Гамбургѣ для осмотра тамошнихъ архивовъ, и въ половинѣ іюля Строевъ поѣхалъ въ Парижъ, а я могъ бы ѣхать прямо въ Берлинъ, но такъ какъ лѣтній семестръ уже кончился, то я сдѣлалъ маленькое путешествіе по сѣверной Германіи и Гарцу, и пріѣхалъ въ Берлинъ въ іюлѣ 1837 года.

Не буду описывать радости Грановскаго—о ней легко судить изъ вышеприведенныхъ писемъ. Я помѣстился у него въ квартирѣ Friedrich-Strasse и съ этого времени до самаго моего отъѣзда въ Россію, послѣдовавшаго въ іюнѣ 1839 года, мы постоянно были вмѣстѣ, исключая лѣто 1838-го года, когда Грановскій поѣхалъ въ Прагу и Вѣну, а я съ Станкевичемъ на Рейнъ и въ западную Германію. Мы нанимали вмѣстѣ квартиру (впослѣдствіи къ намъ присоединился Станкевичъ, но жилъ отдѣльно, занимая цѣлый верхній этажъ въ томъ же самомъ домѣ), брали вмѣстѣ уроки, словомъ—дѣлили трудъ и удовольствія.

Я съ намѣреніемъ позволилъ себѣ остановиться пространно на отношеніяхъ ко мнѣ Грановскаго. Здѣсь воспоминанія о незабвенномъ другѣ соединены для меня съ воспоминаніями о лучшихъ дняхъ моей жизни; при томъ же эти отношенія всего лучше раскрываютъ душу Грановскаго и показываютъ, какая это была высокая, любящая, благородная натура, забывавшая всегда себя для другихъ.

Не могу еще не припомнить съ умиленіемъ объ одномъ обстоятельствѣ, до меня касающемся, потому что въ немъ раскры-

вается еще превосходная черта богатой души Грановскаго. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Берлинъ, мы поѣхали съ нимъ въ Потсдамъ къ нашему священнику Д. В. Соколову. Возвращаясь поздно ночью, я простудился; на другой день я чувствовалъ себя очень дурно, но не говорилъ о томъ ни слова Грановскому. По обыкновенію, мы отправились вмѣстѣ обѣдать, но едва сѣли за столъ, какъ мнѣ сдѣлалось очень дурно (въ это время въ Берлинѣ была сильная холера). Грановскій, съ самаго утра слѣдившій за всѣми моими движеніями, тотчасъ же отвелъ меня домой и послалъ за докторомъ. Къ пріѣзду доктора у меня холера была уже въ полномъ развитіи, и хотя припадокъ прошелъ благополучно, но я трое сутокъ былъ въ сомнительномъ положеніи. Грановскій не отходилъ отъ меня ни на минуту: онъ обѣдалъ, занимался возлѣ моей кровати, и, когда изнеможеніе заставляло его прилечь часа на два или на три въ другой комнатѣ, онъ оставлялъ меня не иначе, какъ на попеченіе хозяйки и ея родственницы. Болѣзнь моя продолжалась цѣлый мѣсяцъ, и во все это время Грановскій отлучался не иначе, какъ въ университетъ, даже рѣдко ходилъ въ гостинницу обѣдать, а велѣлъ приносить себѣ обѣдъ на домъ, словомъ—показалъ столько героизма дружбы, столько самоотверженія, что даже удивлялъ этимъ нашу хозяйку, хотя, какъ извѣстно, въ Германіи вниманіе и заботливость къ больнымъ есть священная обязанность даже и для постороннихъ.

Теперь я могу заняться разсказомъ о занятіяхъ Грановскаго въ Берлинѣ до пріѣзда Станкевича, который, какъ говорилъ самъ Грановскій, имѣлъ огромное на него вліяніе.

Я сказалъ выше, что Грановскій пріѣхалъ въ Берлинъ весьма мало приготовленнымъ къ слушанію лекцій, потому что плохо зналъ по нѣмецки; почти весь 1836 годъ онъ употребилъ на изученіе этого языка—и съ самымъ полнымъ успѣхомъ. Вотъ что писалъ онъ ко мнѣ въ первомъ письмѣ своемъ изъ Берлина, отъ 2-го іюня 1836 года, о своихъ занятіяхъ: „Я хожу всякій день въ театръ, беру уроки нѣмецкаго языка и читаю Геродота [1]). Меня учитъ по нѣмецки придворный проповѣдникъ, пасторъ Паули, отличный филологъ и вообще очень ученый человѣкъ“.

---

[1]) Въ переводѣ,—по гречески Грановскій началъ учиться послѣ, вмѣстѣ со мною. Я. Н.

Впослѣдствіи я также познакомился съ этимъ человѣкомъ и его семействомъ, которое было постоянно къ намъ дружески расположено.—Пасторъ ежедневно приходилъ къ Грановскому, снабжалъ его книгами, заставлялъ его говорить по нѣмецки, гулялъ съ нимъ по городу и окрестностямъ, былъ его чичероне во всѣхъ достопримѣчательностяхъ Берлина: въ музеяхъ, въ мастерскихъ художниковъ, въ театрахъ и университетѣ. Лекціи Грановскій въ первомъ семестрѣ слушалъ не столько для лекцій, сколько для упражненія въ языкѣ, но къ концу семестра онъ уже достаточно могъ понимать ихъ. Въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ въ особенности хвалитъ готовность берлинскихъ профессоровъ помогать русскимъ студентамъ, прибавляя, впрочемъ, что „они, недоступные для нѣмцевъ, сами вызываются служить намъ своими совѣтами. Причина такой милости дѣлаетъ имъ не много чести: эти господа—большіе охотники до крестовъ и подарковъ; помогая русскимъ студентамъ, они надѣются обратить на себя вниманіе нашего правительства и получить отъ него какую нибудь награду. Вообще здѣсь большія спекуляціи на Россію. Намъ до этого дѣла нѣтъ: каковы бы ни были причины,—слѣдствія очень хороши и выгодны для насъ“.

Вмѣстѣ съ нѣмецкимъ языкомъ, Грановскій занимался и латинскимъ и читалъ Тацита съ докторомъ Цумпфтомъ, племянникомъ извѣстнаго филолога, приходившимъ къ нему трижды въ недѣлю; при томъ исторія составляла главное его занятіе. Онъ писалъ мнѣ отъ 25-го іюля: „Если Богъ позволитъ мнѣ сдѣлать десятую часть того, что̀ я затѣваю (писано по поводу предполагавшейся статьи о появившемся тогда въ свѣтъ Псевдо-Санхоніатонѣ), то и тогда жизнь моя не будетъ потеряна; я только теперь началъ заниматься наукою какъ должно, и не могу безъ грусти подумать о времени, которое такъ безплодно тратилъ въ Петербургѣ. Я долженъ учиться тому, что̀ знаетъ иной ребенокъ. Впрочемъ, я не упалъ духомъ отъ сознанія своего невѣжества, бодро взялся за дѣло и надѣюсь, что при будущемъ нашемъ свиданіи ты найдешь во мнѣ большую перемѣну“.

Такъ проводилъ Грановскій время въ Берлинѣ до моего пріѣзда. Знакомыхъ, кромѣ пастора Паули; онъ никого не имѣлъ, даже рѣдко видался съ находившимися тогда въ Берлинѣ, готовившимися въ профессора, студентами Педагогическаго института. Онъ

дорожилъ каждою минутою для науки и только изрѣдка, въ двѣ или три недѣли разъ, навѣщалъ въ Потсдамѣ нашего почтеннаго священника Д. В. Соколова, котораго очень уважалъ. Единственнымъ его развлеченіемъ были прогулки и театръ, который онъ очень полюбилъ и сначала предпочтительно драму и комедію; впослѣдствіи же онъ пристрастился къ оперѣ, но объ этомъ послѣ.

Онъ писалъ мнѣ въ концѣ 1836 года: „Право, я иногда бываю совершенно счастливъ въ театрѣ, забываю мелочи этой гадкой жизни, дѣлаюсь лучше и вѣрю въ возможность характеровъ, какъ Поза“.

Въ концѣ 1836 года, къ исчисленнымъ занятіямъ присоединилось еще изученіе чешскаго языка. Еще лѣтомъ Грановскій располагался ѣхать въ Саксонію и Прагу для изученія быта славянъ, но занятія нѣмецкимъ и латинскимъ языками и необходимость укрѣпиться и стать твердою ногою на обще-фактической почвѣ исторіи—заставили его отложить эту поѣздку на неопредѣленный срокъ.

Въ это время произошла съ нимъ нравственно-физическая перемѣна: онъ познакомился съ женщинами. Но и здѣсь онъ былъ вѣренъ себѣ и уступилъ только необходимости. Въ началѣ 1837 года онъ дружески разсказываетъ объ одномъ изъ тѣхъ, столь частыхъ въ жизни молодыхъ людей, случаевъ, гдѣ невинности противоставится искушеніе, противъ котораго онъ не устоялъ; но онъ остался вѣрнымъ наукѣ: женщины не могли его отвлечь отъ нея; душою онъ былъ чистъ до женитьбы.

Зимою съ 1836 на 1837-й годъ онъ писалъ мнѣ такъ о своихъ занятіяхъ: „Съ нѣкотораго времени я сталъ очень лѣнивъ, мой милый; читаю много, но безъ толку и порядка, такъ что если бы не счастливая память, то я вѣрно бы не вынесъ ничего изъ этой переборки книгъ. Изъ профессоровъ слушаю прилежно только Риттера и Ранке. Какіе люди! О Риттерѣ говорить нечего: онъ довольно извѣстенъ вездѣ. Но слава Ранке еще молода, въ Россіи о немъ немногіе знаютъ, а онъ выше бо̀льшей части современныхъ историковъ. Не говорю объ его учености — это вещь неудивительная въ Германіи, но его свѣтлые, живые, поэтическіе взгляды на науку очаруютъ тебя. Онъ понимаетъ исторію. Надобно привыкнуть только къ его способу изложенія, потому что онъ читаетъ скоро, отрывисто, и, кажется, разсуждаетъ съ

самимъ собою, а не думаетъ о своихъ слушателяхъ. Многіе находятъ, что онъ сухъ, оттого что у него нѣтъ привычки забавлять студентовъ анекдотами. Я въ восторгѣ отъ его лекцій. О Раумерѣ нельзя этого сказать. Онъ много знаетъ, но холоденъ и мелоченъ. Говоритъ о пустякахъ, которые всякому извѣстны, и, сверхъ того, не имѣетъ рѣшительно никакого твердаго мнѣнія отъ желанія быть безпристрастнымъ. Я прочелъ его Гогенштауфеновъ, многому научился изъ этой книжки, но нашелъ въ ней тѣ же недостатки, какіе и въ лекціяхъ его. Впрочемъ, предметъ такъ хорошъ, что забываешь историка и дѣлаешься зрителемъ и участникомъ страшной драмы. Габлерову философію я слушалъ мало, потому что это предметъ для меня новый, и имъ нельзя заниматься въ промежуткахъ отъ другихъ занятій. Хочу посвятить философіи цѣлый семестръ исключительно. Лѣтомъ Гансъ будетъ читать философію исторіи. Я запишусь у него и возьму курсъ у Габлера. Латынью я занимался много и не безъ успѣха, за то и награда была хороша: я прочелъ и понялъ въ подлинникѣ Тацита. Какая душа была у этого человѣка! Послѣ Шекспира мнѣ никто не давалъ такого наслажденія. Я хотѣлъ было дѣлать изъ него выписки, изучать какъ историка, и не сдѣлалъ ничего, потому что читалъ его какъ поэта. У него болѣе истинно-человѣческой грустной поэзіи, чѣмъ у всѣхъ римскихъ поэтовъ вмѣстѣ. У него мало любви, но за то какая благородная ненависть, какое прекрасное презрѣніе. Ты согласишься со мною, когда прочтешь его. Изъ новыхъ историковъ ни одинъ не станетъ съ нимъ въ рядъ, хотя у Мюллера была также сильная голова и теплое сердце. Я перечитываю часто его письма, особливо когда на меня находитъ мой демонъ: они успокоиваютъ меня. Вотъ тебѣ цѣлая диссертація о вещахъ, которыя тебѣ давнымъ давно извѣстны“.

Далѣе Грановскій пишетъ въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ изъ Берлина, отъ 2-го апрѣля: „Недавно я прочелъ Кальдерона въ переводѣ Гриза. Не знаю, какъ Шлегель могъ ставить его на ряду съ Шекспиромъ! Впрочемъ, онъ доставилъ мнѣ много наслажденія. Для исторіи вообще теперь мало работаю, потому что Тацита я читаю и перечитываю не какъ историка, а какъ художника. Хочу въ апрѣлѣ перечитать опять Гиббона. У нѣмцевъ нѣтъ такой книги. Хочешь-ли ты брать уроки греческаго языка? Въ такомъ

случаѣ мы будемъ заниматься вмѣстѣ, потому что я начинаю въ маѣ. Боюсь грамматики. Эта вещь надоѣла мнѣ до смерти".

Я привезъ Грановскому для обоихъ насъ радостное извѣстіе, что Станкевичъ также ѣдетъ за границу, но мы еще оба не знали, куда пошлютъ его врачи. Вскорѣ мы получили отъ него письмо изъ Карлсбада, куда онъ пріѣхалъ чрезъ Кіевъ и Галицію, въ концѣ августа или въ началѣ сентября 1837 г. Онъ писалъ намъ, что воды ему помогаютъ, и что зиму онъ располагаетъ провести вмѣстѣ съ нами въ Берлинѣ. Въ концѣ октября или въ началѣ ноября, онъ прибылъ къ намъ слабый тѣломъ (въ немъ развивалась чахотка, которую доктора принимали за геморрой), но съ душою еще болѣе исполненною любви и возвышенныхъ стремленій. Отсюда начинается новая эпоха въ развитіи Грановскаго. Изъ вышеприведенныхъ писемъ Грановскаго мы видѣли, что онъ не только не занимался философіею, но даже, не довѣряя самому себѣ, боялся взять курсъ у Габлера; онъ крѣпко держался фактической стороны исторіи, и изученіе ея по источникамъ было главною его цѣлью и составляло исключительное занятіе. Я также никогда не занимался философіею; въ Станкевичѣ же страсть къ ней развилась послѣ нашей разлуки въ Москвѣ,—и я тщетно старался удержать его на поприщѣ поэзіи.

Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, которыхъ здѣсь не мѣсто объяснять, въ Станкевичѣ родилось сомнѣніе въ своемъ поэтическомъ талантѣ. Страдая душевно, изнуряемый болѣзнью, вдали отъ меня, онъ углублялся въ самого себя, но искалъ въ душѣ своей уже не поэтическихъ образовъ, а отвѣтовъ на великіе вопросы жизни. Такимъ-то образомъ мало по малу отъ поэзіи онъ перешелъ совершенно къ философіи, и, съ свойственною ему силою и рѣшимостью, онъ не только преслѣдовалъ, но даже истребилъ всѣ свои начатые литературные труды, скупая и сожигая экземпляры изданной имъ трагедіи, говоря, что онъ стыдится своихъ юношескихъ попытокъ, что его призваніе есть чистое мышленіе. Съ такою же энергіей онъ передавалъ свое увлеченіе людямъ къ нему близкимъ. Съ Грановскимъ, какъ мы видѣли, онъ мало бывалъ вмѣстѣ, и они другъ друга знали болѣе чрезъ меня и хотя переписывались изрѣдка, но также не иначе, какъ чрезъ меня; въ Берлинѣ же они вошли въ непосредствен-

ныя другъ съ другомъ сношенія, и сила духа Станкевича, его энергія, не замедлила увлечь Грановскаго. Станкевичъ по болѣзни требовалъ болѣе удобствъ въ жизни, по привычкѣ имѣлъ необходимость въ комфортѣ, который, конечно, могъ бы съ нимъ дѣлить и Грановскій, потому что, какъ видно выше, средства его было достаточны; но ни тотъ, ни другой не хотѣли разлучиться со мною, а я и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы недостатокъ моихъ доходовъ они пополняли своими средствами; а потому тотчасъ по прибытіи Станкевича мы рѣшили, что я буду жить по прежнему съ Грановскимъ, а Станкевичъ будетъ вести свое хозяйство отдѣльно; но, чтобы намъ не раздѣляться и постоянно быть вмѣстѣ, мы вздумали нанять такой домъ, гдѣ бы было комфортабельное помѣщеніе для Станкевича и скромная квартира дли меня и Грановскаго. Такое помѣщеніе мы вскорѣ нашли въ Neu Kirchen Strasse возлѣ Dorotheen-Kirche: Станкевичъ занялъ прекрасный меблированный бель-этажъ, а я съ Грановскимъ помѣстились въ скромныхъ трехъ комнатахъ въ нижнемъ этажѣ, составлявшихъ отдѣльную квартиру. Разумѣется, что мы были вмѣстѣ на лекціяхъ въ университетѣ, въ театрѣ, словомъ—вездѣ, исключая обѣда, потому что болѣзнь Станкевича требовала изысканнаго стола, и онъ обѣдалъ у Ягора [1]) и вообще въ лучшихъ рестораціяхъ, чего не могъ позволить себѣ я по моимъ средствамъ. Но и здѣсь видна благородная деликатность Грановскаго: любя самъ хорошій столъ, онъ, однако, рѣдко ходилъ съ Станкевичемъ, а раздѣлялъ со мною скромный обѣдъ у Фридберга за 10 грошей; но Станкевичъ выговорилъ какъ непремѣнное условіе, чтобы разъ въ недѣлю мы были его гостями, т. е. обѣдали съ нимъ у Ягора. Кромѣ того, онъ искалъ разные претексты, чтобы угощать насъ; такъ, напримѣръ, полученіе шисьма изъ Россіи, хорошій оборотъ его болѣзни и т. п. случаи давали ему поводъ заставлять меня быть его гостемъ. Послѣ обѣда мы всѣ собирались у Кранцлера [2]) пить кофе и читать газеты. Потомъ, возвращаясь домой, занимались каждый своимъ дѣломъ до вечера; вечера же Станкевичъ съ Грановскимъ проводили бо́льшею частію въ театрѣ, а я, если не сопутствовалъ имъ изъ экономическихъ расчетовъ, то

---

[1]) Лучшая гостинница въ Берлинѣ.

[2]) Кондитерская Подъ-Липами. Я. Н.

посвящалъ это время музыкѣ (у Станкевича въ комнатахъ былъ рояль). Иногда же въ хорошую погоду, вмѣсто театра, мы дѣлали общія прогулки въ Thier-garten или за городъ, при чемъ Станкевичъ, какъ слабый здоровьемъ, всегда бралъ экипажъ. Вечеромъ мы непремѣнно ужинали вмѣстѣ и по большей части у Станкевича въ его комнатахъ, потому что это время занято было общимъ чтеніемъ какихъ нибудь литературныхъ произведеній и дружескими бесѣдами. Утро же, разумѣется, было посвящаемо строгимъ занятіямъ и университету. Такъ шла наша жизнь до пріѣзда семейства Фроловыхъ, измѣнившаго ее во многихъ отношеніяхъ. Знакомыхъ семействъ у Станкевича совсѣмъ не было; Грановскій же навѣщалъ со мною изрѣдка домъ пастора Pauli; но я пріобрѣлъ нѣсколько знакомствъ, изъ которыхъ мнѣ особенно нравилось зажиточное и гостепріимное семейство негоціанта Сигмунда (одна изъ дочерей коего впослѣдствіи вышла замужъ за извѣстнаго германскаго поэта Гервига, а другая за г-на Пьяже (Piaget), переводчика на французскій языкъ книги Кенига: „Literarische Bilder aus dem Ruslande“), въ которое я послѣ ввелъ и Грановскаго. Мы проводили тамъ обыкновенно вечера въ воскресенье, потому что это былъ назначенный день и собиралось множество молодежи для танцевъ, въ которыхъ Грановскій также, хотя и не совсѣмъ охотно, принималъ участіе, потому что предпочиталъ бесѣду съ умною и чрезвычайно образованною, хотя и не красивою, старшею изъ дочерей—Эммою Сигмундъ (впослѣдствіи М-me Гервигъ), хотя младшая была къ нему неравнодушна. Замѣчательно, что кромѣ насъ у Сигмундовъ собиралось очень много блистательной польской молодежи, которая въ танцахъ, въ бесѣдѣ и во всемъ старалась отъ насъ отдѣляться, что давало поводъ къ нѣкоторымъ непріятнымъ столкновеніямъ. Объ этомъ обстоятельствѣ я упоминаю для того, чтобы разсказать слѣдующій замѣчательный случай изъ жизни Грановскаго.

Однажды приходимъ мы обѣдать къ Ягору въ довольно большомъ обществѣ, и случайно помѣстились въ той комнатѣ, гдѣ обыкновенно обѣдала аристократическая польская молодежь. Мы уже были за столомъ, когда пришли эти господа и явно давали намъ замѣтить свое неудовольстіе; когда ихъ собралось человѣкъ съ десять, то, съ замѣтнымъ намѣреніемъ сдѣлать намъ непріят-

ность, одинъ изъ нихъ вынулъ какой-то французскій памфлетъ наполненный ругательствами противъ Россіи, и началъ его громко, читать вслухъ. Чтеніе кончилось возмутительнымъ тостомъ для русскихъ. Помню, что изъ нашего общества—первый вскипѣлъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Грановскій тотчасъ остановилъ его, прося предоставить ему уладить это дѣло, и приказалъ подать шампанскаго. Когда мы налили наши бокалы, онъ всталъ и громкимъ голосомъ произнесъ рѣчь, которой, разумѣется, не могу припомнить выраженія, но вотъ ея смыслъ: „Друзья! Наши братья по происхожденію и исторіи поносятъ насъ и извергаютъ проклятія на Россію, приписывая ей свои несчастія. Пожалѣемъ о нихъ и, вмѣсто слова ненависти, обратимъ къ нимъ слово любви. Въ великомъ вопросѣ: кому изъ двухъ главныхъ племенъ славянскихъ стоять во главѣ славянскаго развитія,—судьба рѣшила въ пользу Россіи. Если имъ извинительно сожалѣть о томъ, что Провидѣніе предпочло имъ насъ, то непростительно было бы намъ гордиться этимъ предпочтеніемъ, потому что мы здѣсь только орудіе той воли, которая дала намъ силу для высшихъ цѣлей, и наша слава должна заключаться не въ томъ — кому изъ народовъ славянскихъ вести славянскую семью по пути развитія ея историческаго, но въ томъ, чтобы исполнить волю Провидѣнія и поставить славянъ во главѣ историческаго развитія. Пока отложимъ съ нашей стороны раннюю гордость, а съ ихъ—несправедливую и безцѣльную злобу и братски соединимся въ стремленіи къ высокой цѣли—содѣлать племя славянъ первенствующимъ на историческомъ поприщѣ. Сыны Польши должны сожалѣть объ историческихъ ошибкахъ своихъ отцовъ, а не упрекать въ нихъ Россію; они должны дѣйствовать съ нею, а не противъ нея, чтобы стоять въ исторіи не подъ именемъ нѣмцевъ или французовъ, но подъ именемъ славянъ, равно близкимъ и дорогимъ ихъ и нашему сердцу. И такъ, да погибнетъ ненависть славянская, и да соединятся всѣ славяне любовію въ стремленіи къ высокой, указанной имъ Провидѣніемъ цѣли, смиренно покоряясь ему въ томъ, что оно предоставило вести ихъ къ ней Россіи, никогда не искавшей этого высокаго, но тяжелаго избранія!“

Таковъ былъ смыслъ словъ Грановскаго, произведшій на обѣ партіи глубокое впечатлѣніе: поляки и русскіе дружески обнимались, и съ тѣхъ поръ между нами не было столкновеній.

III.

Въ 1837 году пріѣхалъ въ Берлинъ Фроловъ, съ женою. Пріѣздъ этого замѣчательнаго семейства не только измѣнилъ нашу жизнь, но имѣлъ обширное вліяніе на ходъ и направленіе нашихъ занятій. Фроловъ, молодой гвардейскій офицеръ, вышедшій въ отставку затѣмъ, чтобы посвятить себя наукѣ,—познакомился въ Дерптѣ съ молодымъ помѣщикомъ Галаховымъ, и когда Фроловъ изъ Дерпта поѣхалъ за границу, то Галаховъ далъ ему рекомендательное письмо къ сестрѣ своей, дѣвушкѣ уже немолодыхъ лѣтъ, Елисаветѣ Павловнѣ Галаховой, жившей въ Мангеймѣ, гдѣ ее удерживала тѣсная дружба съ вдовствующею великою герцогинею Баденскою Стефаніею. Здѣсь не мѣсто разсказывать вслѣдствіе чего и какъ Фроловъ женился на Галаховой. Ихъ свадьба была въ Штутгартѣ и такъ какъ Madame Фролова была по крайней мѣрѣ 10-ю годами старѣе своего мужа, при томъ еще страдала тяжкою нервною болѣзнію, то вскорѣ послѣ свадьбы они пріѣхали въ Берлинъ: она для консультаціи съ тамошними врачами, а онъ для занятій наукою въ Берлинскомъ университетѣ. Мы не имѣли никакого понятія ни о Фроловѣ, ни о Галаховой; но онъ сдѣлалъ намъ визитъ, и съ перваго нашего свиданія мы были очарованы не только умомъ, любезностью, образованіемъ, но даже научными познаніями этой необыкновенной женщины. Въ особенности сблизились съ нею Грановскій и я, и послѣ нѣсколькихъ свиданій мы сдѣлались своими въ ихъ домѣ. Не смотря на свои небольшія средства, Фроловы собирали у себя въ гостиной все, что было замѣчательнѣйшаго въ Берлинѣ въ ученомъ, литературномъ, художественномъ и др. отношеніяхъ; даже дипломаты искали случая быть представленными Фроловой. У нихъ не было ни раутовъ, ни многолюдныхъ собраній, но Madame Фролова, не оставлявшая по болѣзни своей комнаты, почти каждый день собирала у себя маленькій кругъ изъ людей замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи.—Тутъ мы познакомились съ знаменитою Беттиною, Варнгагеномъ, Мендельсономъ Бартольди, профессорами: Ганцомъ, Вердеромъ и другими знаменитостями того времени. Но не столько они, а сама Madame Фролова имѣла на насъ огромное вліяніе. Грановскій не

только не искалъ, но даже отклонялся отъ личнаго знакомства съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ. Онъ сблизился только съ профессоромъ Вердеромъ, почитавшимся тогда лучшимъ объяснителемъ Гегеля—но и это знакомство сдѣлано имъ подъ вліяніемъ Станкевича; онъ не любилъ Варнгагена и подшучивалъ надъ близкими моими къ нему отношеніями (я училъ Варнгагена по русски) и надъ его занятіями русскимъ языкомъ, подозрѣвая тутъ другія цѣли; Беттину онъ находилъ приторною, а сожалѣлъ только, что не воспользовался случаемъ познакомиться съ Мендельсонами, и то впослѣдствіи, когда пристрастился къ оперѣ, потому что у Мендельсоновъ по воскресеньямъ на Matiné Musical собирались всѣ музыкальныя знаменитости, а у Беера (брата знаменитаго Мейербера) бывали драматическіе вечера, которые также его интересовали, и хотя я предлагалъ ему ввести его въ оба эти дома, гдѣ хорошо былъ знакомъ, но онъ отказывался, говоря, что, для поддержанія этихъ и другихъ знакомствъ, нужно дѣлать визиты, а на нихъ тратится много драгоцѣннаго времени. И такъ, главнымъ интересомъ дома Фроловыхъ была сама Madame Фролова для всѣхъ насъ, а для Грановскаго въ особенности. Я проводилъ тамъ почти каждый вечеръ; Грановскій же, а иногда и Станкевичъ, если болѣзнь ему то позволяла, приходили всегда поздно, часовъ въ 11, когда расходились другіе гости, и иногда мы просиживали втроемъ или вчетверомъ цѣлыя ночи, потому что Madame Фролова всего лучше чувствовала себя ночью, и, засыпая всегда съ разсвѣтомъ, проводила цѣлые дни въ постели.

Чтобы дать понятіе объ этой чудной женщинѣ, надобно бы было написать цѣлую статью. Если можно сколько нибудь приблизительно, чрезъ сравненіе, опредѣлить ея характеръ и значеніе, я назову ее русскою Рахелью (Рахель Варнгагенъ), потому что она, какъ и Рахель, не оставила никакихъ слѣдовъ своего существованія—въ литературѣ, не была собственно ученою женщиной, ни даже женщиной, игравшею роль (ей противна была всякая выставка, всякое выказыванье себя), но высокій умъ, вѣрный и глубокій взглядъ на людей и на весь міръ соединяла съ основательными познаніями, чарующею теплотою сердца и тою дивною женственностью, которая любитъ для любви, благотворитъ для блага, исправляетъ шутя, научаетъ безъ наставленій и свою

внутреннюю гармонію разливаетъ на все окружающее. Сходство съ Рахелью Варнгагенъ она имѣла также и во внѣшней судьбѣ: такъ же была некрасива собою, и, въ пожилыхъ лѣтахъ выйдя замужъ за молодаго человѣка, умѣла этотъ неравный бракъ сдѣлать для него счастливѣйшею эпохою его жизни. Она умерла черезъ три года замужства.

Грановскій былъ нелюдимъ,—она съумѣла внушить ему интересъ не только къ обществу вообще, но даже къ самымъ незамѣчательнымъ личностямъ. Возьму одинъ изъ многихъ примѣровъ, чтобы показать, какъ дѣйствовала на насъ эта женщина. Я бралъ съ Грановскимъ уроки греческаго языка. Учителемъ у насъ былъ молодой теологъ, чрезвычайно странный и неловкій, надъ которымъ въ особенности я часто подсмѣивался у Фроловыхъ. На это она шутя замѣчала: „Меня не удивляетъ, что Невѣровъ, по своему живому и увлекающемуся внѣшними формами характеру, такъ забавляется надъ своимъ наставникомъ; но вы, Грановскій, какъ историкъ, привыкайте глубже всматриваться въ людей и подъ некрасивыми формами ищите внутренняго содержанія, и, если не найдете его, смѣйтесь, пожалуй, хотя я не могу и тогда смѣяться. Я смѣюсь только надъ претензіями, тщеславіемъ и страстишками людей; ничтожество же ихъ производитъ на меня грустное впечатлѣніе; но вы говорите, что вашъ теологъ имѣетъ отличное познаніе,—повѣрьте мнѣ, знаніе не дается ничтожествамъ; въ немъ должно быть что нибудь такое, чего вы не замѣтили изъ-за смѣшной его стороны". — Помню, что мы очень смѣялись надъ этою, въ глазахъ нашихъ преувеличенною, гуманностью, и, не знаю—нашли какой-то предлогъ послать однажды нашего учителя съ порученіемъ къ Николаю Фролову. Нашъ теологъ былъ до того робокъ и неуклюжъ, что даже серьезный Фроловъ, увидя его, позвалъ жену, чтобы показать ей, до какой странности доводитъ нѣмцевъ ихъ отдѣльность отъ всего внѣшняго міра и погруженность въ науку; но, съ свойственнымъ ей искусствомъ, она умѣла такъ обласкать и занять нашего теолога, что онъ говорилъ съ нею безъ робости, безъ недовѣрчивости къ самому себѣ, словомъ—онъ началъ ходить къ ней, бесѣдовалъ съ нею, отсталъ отъ своихъ странностей, началъ даже учиться у нея французскому языку; по ея ходатайству получилъ прекрасный пасторатъ и оказался человѣкомъ не только мыслящимъ, но и съ глубокою душою; онъ

сдѣлался общимъ нашимъ пріятелемъ; привязанность же его и благоговѣніе къ этой женщинѣ были безграничны. Вотъ какъ дѣйствовала эта женщина! Она-то передала Грановскому эту внимательность и снисхожденіе къ людямъ и умѣрила его наклонность къ насмѣшкѣ. Она заставила Грановскаго вглядываться въ современное общество, сочувствовать его интересамъ, и оживила его взглядъ какъ на минувшую жизнь человѣчества, такъ и на настоящее его стремленіе. Бо́льшая часть ночныхъ свиданій нашихъ посвящена была этимъ живительнымъ бесѣдамъ. Чужеземная жизнь, чужеземныя постановленія сравниваемы были съ нашими, русскими; но здѣсь не было политическихъ сужденій: Фролова не любила тѣхъ мечтательныхъ теорій, которыя навязываютъ людямъ проекты несбыточнаго благоденствія; нѣтъ, уважая въ каждомъ лицѣ отдѣльно его личность, она и въ государствахъ уважала личность народовъ и допускала, что какъ каждый индивидуумъ можетъ быть счастливъ по своему, такъ и каждое государство, и что дѣло въ томъ, чтобы понять чего оно хочетъ, или, иначе, какъ думаетъ быть счастливо; словомъ, сочувствіе въ Грановскомъ къ современнымъ интересамъ развито въ немъ Madame Фроловою, даже самая философія, которой Грановскій предался по вліянію Станкевича, чрезъ нее, такъ сказать—практически переходила изъ отвлеченности въ жизнь, а потому Станкевичъ, какъ голова исключительно философская, не могъ съ нею такъ сблизиться. Она часто съ свойственною ей любезностью нападала на Вердера и Станкевича за ихъ абстракціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ Грановскому и мнѣ говорила, что ни жизнь, ни наука, ничто не можетъ быть понято безъ открытія въ нихъ сокровенной жизни духа, его законовъ,—такимъ образомъ, нападая на философію именно только за ея, конечно, недоступную для многихъ форму—она при этомъ сознавала вполнѣ ея значеніе не только для всесторонняго умственнаго развитія человѣка, но и для жизни вообще.

Такъ прошла достопамятная для насъ зима съ 1837-го на 1838-й годъ. Грановскій, уже твердо стоявшій на исторической почвѣ науки, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, подъ руководствомъ Вердера, занимался философіею, въ бесѣдахъ съ Madame Фроловой прояснялъ свой взглядъ на людей, жизнь и современныя стремленія вѣка, а съ Станкевичемъ и со мною вмѣстѣ искалъ отдохновенія отъ умственныхъ трудовъ въ литературѣ и искусствахъ.

Въ это время въ его вкусѣ сдѣлался замѣтный переворотъ: онъ пристрастился къ оперѣ. Я бралъ уроки контрапункта въ берлинской академіи музыки; ко мнѣ ходилъ извѣстный контрапунктистъ Рунгенъ-Гагенъ; при нашихъ бесѣдахъ присутствовалъ иногда и Грановскій, и часто, по уходѣ учителя, мы бесѣдовали о музыкѣ, и замѣтно было, что отношеніе ея къ слову и знакомство съ нѣкоторыми средствами и пріемами музыки драматической— весьма занимало Грановскаго. Я съ увлеченіемъ старался раскрыть предъ нимъ красоты Донъ-Жуана, но Грановскій часто оканчивалъ наши бесѣды замѣчаніемъ, что онъ понимаетъ въ чемъ дѣло, но сочувствовать можетъ тогда только, когда увидитъ такую Донну Анну, которая бы послужила живымъ комментаріемъ на наши, какъ онъ называлъ, ученыя бредни. Такой комментарій вскорѣ нашелся: на берлинскую сцену была ангажирована знаменитая Леве. При прекрасномъ, обработанномъ голосѣ она одарена была выгодною наружностью и дѣйствительно владѣла всѣми средствами прекрасной актрисы. Ея одушевленная, страстная игра въ особенности увлекла Грановскаго и онъ сдѣлался ревностнымъ меломаномъ и почитателемъ Леве, хотя въ музыкальномъ отношеніи другая примадонна берлинской оперы, M-lle Фасманъ, стояла выше Леве, и я, конечно, отдавалъ преимущество ей; это подавало поводъ къ жаркимъ спорамъ, и мои противорѣчія, къ крайней забавѣ моей и Станкевича, выводили Грановскаго изъ себя, такъ что однажды мы не на шутку поссорились—но, конечно, на полчаса, не болѣе.

Въ комедіи онъ особенно уважалъ знаменитую тогда Шарлотту фонъ-Гагенъ, и былъ постояннымъ участникомъ въ серенадахъ, которыя тогда очень часто давались ей и Леве, отказываясь принимать участіе въ букетахъ и другихъ изъявленіяхъ вниманія, которыя Станкевичъ и я расточали M-lle Фасманъ. Во всей нашей жизни это былъ единственный пунктъ, въ которомъ мы были не только несогласны другъ съ другомъ, но даже въ оппозиціи; за то мы были совершенно согласны въ общей любви къ оперѣ.

Между тѣмъ, зимній семестръ оканчивался, а съ нимъ и прежде назначенный отъ правительства срокъ пребыванія Грановскаго за границей. Онъ просилъ у министра отсрочки на годъ, но, боясь отказа, дорожилъ временемъ и въ концѣ марта 1838 года рѣшился ѣхать въ Богемію и Вѣну для изученія быта и нарѣчій

славянъ нѣмецкихъ. Болѣзнь Станкевича требовала также поѣздки на воды, откуда врачи совѣтовали ему ѣхать въ Италію. Мои дѣла шли худо, денегъ у меня было мало, и хотя тотъ и другой изъ друзей моихъ предлагалъ мнѣ свои услуги, но я, по тѣмъ же причинамъ, какъ и прежде, отклонялъ ихъ и не поѣхалъ съ Грановскимъ, думая возвратиться въ Россію, но остался въ Берлинѣ при Станкевичѣ до его отъѣзда. Грановскій выѣхалъ въ 1838 году, въ началѣ апрѣля. Вотъ что онъ писалъ мнѣ въ первомъ письмѣ своемъ изъ Дрездена: „Я хотѣлъ переговорить съ тобою, Невѣровъ, въ самый день моего отъѣзда, да приходъ Юшкова помѣшалъ мнѣ. Ради Бога, не жертвуй изъ ложной, глупой, обидной деликатности выгодами, которыя могутъ доставить тебѣ нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Германіи. Если Плюшаръ вышлетъ тебѣ твои деньги, тогда это легко будетъ сдѣлать; если нѣтъ, то и безъ него можно обойтись. За нынѣшній зимній семестръ (4 мѣсяца) я опять получу 520 талеровъ, изъ которыхъ мнѣ очень легко дать тебѣ 200 до возвращенія въ Россію,—я ничего не жертвую въ этомъ случаѣ. Разница въ томъ только, что если я задолжаю теперь Бессеру, то вышлю ему деньги изъ Россіи. При личномъ свиданіи съ отцомъ мнѣ очень нетрудно будетъ взять у него 700 рублей, въ случаѣ ежели твои обстоятельства не скоро позволятъ тебѣ заплатить мнѣ этотъ долгъ. Ты видишь, что я вовсе не деликатенъ. Да что съ тобою дѣлать! Поневолѣ станешь говорить языкомъ цифръ. Еще разъ прошу тебя, душа моя, обдумай хорошенько это дѣло. Къ тому же, сотрудничество въ журналѣ Полеваго и министерства народнаго просвѣщенія также доставитъ тебѣ что нибудь. Поговори съ нимъ, Станкевичъ: тебѣ Богъ далъ даръ слова“.

Вскорѣ по отъѣздѣ Грановскаго дѣла мои приняли неожиданно благопріятный оборотъ: я получилъ изъ Россіи деньги и работу, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможность остаться еще на годъ за границею. Но болѣзнь Станкевича заставляла его ѣхать на Рейнъ, и я рѣшился туда ему сопутствовать.

Въ концѣ апрѣля мы выѣхали изъ Берлина, но съ Грановскимъ продолжалась у насъ дѣятельная переписка во все лѣто. Сначала мы предполагали съѣхаться въ Мюнхенѣ, но разлука съ нами такъ чувствительна была для Грановскаго, что онъ упрашивалъ насъ пріѣхать къ нему въ Дрезденъ и тутъ писалъ:

„Однако же вы порядочные скоты [1]),—не хотѣли видѣть меня въ Дрезденѣ; Мюнхенъ—самъ по себѣ, Дрезденъ—самъ по себѣ. Я было думалъ ожидать васъ здѣсь, но это пришлось бы мнѣ не по карману, а, право, хотѣлось бы васъ видѣть. Богъ знаетъ, когда сведетъ насъ судьба. Невѣровъ упрямится, не хочетъ сдѣлать для меня того, что сдѣлалъ для Бенедиктова.

„Мнѣ не оттого было грустно оставлять Берлинъ, что у меня сидячая жизнь—на этотъ и на многіе другіе разы ты далъ промахъ, милый Невѣровъ—а оттого, что мнѣ тамъ было лучше, чѣмъ гдѣ либо".

Эта грусть одиночества сильно его тревожила. Описывая впечатлѣнія, Дрезденомъ на него произведенныя, онъ говоритъ: „А между тѣмъ, если бы вы здѣсь были, то мнѣ было бы очень хорошо. Такъ много новаго и здѣсь, и тамъ, смотришь, слушаешь—впечатлѣній много, но человѣческаго слова сказать не съ кѣмъ. Гульяновъ—книга, а съ Строевымъ нельзя заговорить о Корреджіо".... Онъ даже хотѣлъ пріѣхать къ намъ, но сознаніе долга его удержало. Вотъ какъ писалъ онъ о своей жизни въ Дрезденѣ:

„Я зажился здѣсь гораздо долѣе, нежели думалъ. Впрочемъ, на этотъ разъ виною не моя сидячая натура (обидно выразился Невѣровъ), а Гульяновъ [2]). Онъ отдалъ мнѣ часть своихъ бумагъ, и я не могъ не прочесть, о чемъ прежде понятія не имѣлъ. Получилъ понятіе о гіероглифахъ; по крайней мѣрѣ, теперь мнѣ извѣстны спорные пункты и результаты изслѣдованій. Интереснѣе гораздо его общая грамматика, которая мнѣ чрезвычайно нравится. Жаль, что все это погибнетъ. Начато много, матеріалы всѣ собраны, но кто разберетъ ихъ? О гіероглифахъ я не могу судить, потому что тутъ надобно болѣе двухъ недѣль занятій, но изданіе всеобщей грамматики принесло бы большую честь Гульянову и пользу наукѣ. Мы останемся въ перепискѣ съ нимъ и, можетъ быть, издадимъ что нибудь, т. е. я возьму на себя корректуру и прочія хлопоты. Участіе—не важное, но необходимое, потому что иначе ничего не выйдетъ. Онъ такъ хлопочетъ надъ своими толкованіями св. писанія, что о другомъ и не думаетъ.

---

[1]) Между нами допускались подобныя грубыя шутки.

[2]) Свѣдѣнія о Гульяновѣ очень интересны, тѣмъ болѣе, что о немъ и его ученыхъ трудахъ очень мало знаютъ въ Россіи. Я. Н.

Кстати, ради Бога не говорите никому объ апокалипсисѣ и проч.: онъ просилъ меня молчать объ этомъ. Мы съ нимъ въ большихъ ладахъ: можете судить изъ того, что онъ позволялъ мнѣ рыться въ его бумагахъ и брать домой что угодно, тогда какъ другимъ онъ боялся показывать ихъ. „Украдутъ“, говоритъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ дѣлали такія вещи. У меня составлено много выписокъ, разумѣется, съ его позволенія, но это—отрывки, годные для меня. Я записываю также то, что онъ говоритъ мнѣ, но это еще отрывочнѣе, потому что онъ перелетаетъ отъ одного предмета къ другому“.

Но не одни гіероглифы и Гульяновъ занимали Грановскаго въ Дрезденѣ; богатыя дрезденскія галлереи, библіотеки, театръ и общественная жизнь обращали также на себя его вниманіе. Впечатлѣнія, произведенныя на него ими, онъ подробно описываетъ въ своихъ ко мнѣ письмахъ. Замѣчательно, что, находясь подъ обаяніемъ граціи пѣвицы Леве, онъ не только не былъ очарованъ классическою красотою и драматическимъ искусствомъ знаменитой Шредеръ-Девріендъ, но ставитъ ее ниже берлинской примадонны. Къ природѣ онъ остался равнодушенъ и очень оригинально выразился о ней, говоря: „видѣлъ также природу. Посмотрѣли другъ на друга молча. Здѣшняя природа не въ моемъ родѣ,—я люблю ужасное, а тутъ только пріятное. Вчера были за городомъ. Пошли смотрѣть памятникъ Моро и зашли чортъ знаетъ куда; я думалъ, что мы уже въ Саксонской Швейцаріи. Памятникъ очень простъ. Я непремѣнно велю себѣ такой поставить“.

Изъ Дрездена Грановскій отправился въ Прагу, куда и пріѣхалъ 26-го апрѣля 1838 года. Прага произвела на него непріятное впечатлѣніе, и австрійскіе чиновники не одинъ разъ заставили его съ сожалѣніемъ вспомнить о Пруссіи. Уваженіе его къ народному духу и администраціи этой послѣдней страны утроилось. Сравнивая Австрію съ Россіей, онъ восклицаетъ: „благодарю Бога, что я русскій“.

Въ Прагѣ онъ нашелъ О. М. Бодянскаго и М. И. Касторскаго и чрезъ нихъ познакомился съ чешскими литературными знаменитостями, изъ которыхъ въ особенности привлекъ его вниманіе Шафарикъ. Съ уваженіемъ отзываясь о пособіи, которое дѣлалъ Шафарику М. П. Погодинъ, Грановскій самъ сдѣлалъ въ пользу

его подписку. Кромѣ Шафарика, Грановскій познакомился въ Прагѣ съ еврейскимъ философомъ, докторомъ Саксомъ, и въ особенности сблизился съ чешскимъ ученымъ Шторхомъ. Характеристики этихъ лицъ и вообще взглядъ на чеховъ и славянъ Грановскаго весьма любопытны и находятся въ письмахъ его ко мнѣ изъ Праги.

До половины мая Грановскій оставался въ Прагѣ и оттуда поѣхалъ въ Вѣну. Наружность этого города ему очень понравилась, но вѣнская жизнь не могла заинтересовать его своею блестящею наружностью. Онъ писалъ: „Тяжко смотрѣть на этотъ народъ: ѣдятъ, пьютъ и веселятся, а до остальнаго имъ дѣла нѣтъ. О себѣ высокаго мнѣнія, а между тѣмъ—невѣжды въ высокой степени. Университеты, кромѣ медицинскихъ факультетовъ, хуже нашихъ, и студенты спятъ на лекціяхъ. Политическаго интереса нѣтъ: въ кофейныхъ читаютъ только театральный (извѣстія) рецензіи, а политическія газеты лежатъ такъ. Скотство. До смерти хочется въ Берлинъ. Больно смотрѣть на старика, который проѣлъ и проспалъ жизнь, а здѣсь вы видите цѣлый народъ—30 милліоновъ человѣкъ—въ такомъ положеніи. Еще хуже, эти несчастные проѣдаютъ не только свою, но и чужую жизнь—жизнь дѣтей и внуковъ.

„Народъ—бригадиръ. Какъ можно сравнить съ Россіей! У насъ свѣжій, добрый народъ. Еще въ Прагѣ сказалъ мнѣ одинъ умный человѣкъ: „man hat uns sensualisirt; wir sind verloren für ein höheres Leben“. Здѣсь это видишь своими глазами. Всѣ другіе интересы, кромѣ матеріальныхъ, исчезли изъ жизни. Фроловы правы относительно Варнгагена: онъ былъ здѣсь и замѣтилъ только изящество гостиныхъ. Что же это за душа?—подошва. Не сердись на меня за это, Невѣровъ. Ей-Богу, ты сказалъ бы то же. Если бы мнѣ долго надобно было здѣсь жить, то на меня нашла бы постоянная грусть. Я уѣхалъ бы въ Москву съ радостью. Мнѣ хочется работать, но такъ, чтобы результатъ моей работы былъ въ ту же минуту полезенъ другимъ. Пока я внѣ Россіи, этого сдѣлать нельзя. Мнѣ кажется, я могу дѣйствовать при настоящихъ моихъ силахъ и дѣйствовать именно словомъ. Что такое даръ слова? Краснорѣчіе? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убѣжденіе. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты. У меня еще нѣтъ свѣдѣній, нужныхъ для историка въ настоящемъ смыслѣ. Я еще не знаю

исторіи, но мнѣ кажется, что понимаю и чувствую ее. Заврался о себѣ; простите".

Въ этихъ словахъ видѣнъ весь Грановскій. Сколько благородной силы воли и сколько искренности. Здѣсь видѣнъ зародышъ той замѣчательной личности, которая въ теченіе 15-ти лѣтъ составляла славу и украшеніе перваго русскаго университета.

Въ Вѣнѣ, какъ въ Прагѣ и Дрезденѣ, Грановскій продолжалъ ревностно заниматься. Онъ писалъ мнѣ изъ Вѣны: „Богемскимъ языкомъ занимаюсь усердно и довольно оригинально: я началъ съ самаго древняго памятника языка—съ Краледворской рукописи, потомъ прочту двѣ—три хроники позднѣйшаго времени, а кончу стихотвореніями Коллара. Такимъ образомъ я познакомлюсь съ исторіею языка; для руководства читаю Добровскаго Грамматику и Исторію богемской литературы. Легко, но пользы будетъ менѣе, нежели я думалъ: литература чеховъ очень бѣдна. Скоро стану учиться по сербски. У нихъ, по крайней мѣрѣ, богатое собраніе историческихъ пѣсенъ".

Главнымъ развлеченіемъ Грановскому въ Вѣнѣ, какъ и вездѣ, служилъ театръ. О немъ онъ подробно говоритъ въ своихъ письмахъ. Въ Вѣнѣ онъ познакомился съ извѣстною актрисою, мадамъ Вреде, женщиною не только образованною, но даже ученою. Въ письмахъ своихъ (отъ 26-го мая, изъ Вѣны), онъ разсказываетъ о ней много подробностей, любопытныхъ для знакомыхъ съ знаменитостями тогдашней литературной и ученой эпохи. Madame Вреде занималась философіею, лично знала Шеллинга и Гегеля и была пріятельницею знаменитой Рахели. Если нужно будетъ въ біографіи показать, какъ Грановскій, убѣдившись однажды въ достоинствахъ человѣка, защищалъ его честь и доброе имя, то примѣромъ къ тому можетъ служить сообщенный имъ мнѣ, въ первомъ письмѣ изъ Вѣны, отъ 20-го мая, споръ его съ Строевымъ о Бѣлинскомъ. Въ Берлинѣ одинъ нашъ соотечественникъ позволилъ разъ себѣ сдѣлать не совсѣмъ-то лестный отзывъ обо мнѣ. Грановскій хотѣлъ вызвать его на дуэль; но когда я и другіе, чтобы отклонить его отъ этого, убѣдили его, что NN. того не стоитъ, то онъ хотѣлъ его просто приколотить, и только участіе Варнгагена отклонило непріятныя послѣдствія этой исторіи, потому что Варнгагенъ настоялъ предъ нашимъ посольствомъ и предъ берлинскою полиціей объ удаленіи NN. изъ Берлина....

Чрезъ М-me Вреде Грановскій познакомился съ извѣстнымъ поэтомъ барономъ Цейдлицемъ и драматическимъ писателемъ Грильпарцеромъ; кромѣ того, онъ посѣщалъ оріенталиста и историка Гаммера и извѣстнаго генерала Тетенборна (О всѣхъ этихъ лицахъ онъ сообщаетъ очень интересныя подробности въ письмахъ своихъ изъ Вѣны, отъ 12-го и 13-го іюня).

Жаръ, съ которымъ Грановскій принялся за славянскіе языки, охладѣлъ къ концу пребыванія его въ Вѣнѣ. Онъ писалъ мнѣ, отъ 12-го іюня: „Славянскими языками занимаюсь мало, во первыхъ, потому, что легко, а во вторыхъ, потому, что жестоко надулся: они могутъ быть полезны для филологическихъ изслѣдованій, слѣдовательно, и для исторіи, но я совсѣмъ другаго ищу въ этой наукѣ. Меня почти исключительно занимаетъ развитіе политической формы и учрежденій. Это одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться. Литературы нѣтъ ни у чеховъ, ни у сербовъ, историческихъ источниковъ также. Все это истреблено, а новое только im Werden. Мнѣ полезнѣе было бы выучиться по италіански и по испански. Я теперь болѣе всего занимаюсь исторіею Испаніи. Чудный народъ! Они понимали конституціонныя формы тогда, когда объ этомъ нигдѣ не имѣли понятія. Въ 1305 году испанскіе кортесы опредѣлили, чтобы во время ихъ засѣданій королевское войско оставляло городъ: иначе голоса не свободны. Такихъ законовъ у нихъ было много. Теперешняя Европа еще борется за то, что у нихъ тогда уже было. Для диссертаціи я выбралъ предметъ: объ образованіи и упадкѣ народныхъ общинъ въ среднихъ вѣкахъ. Первыя вольныя общины все-таки въ Испаніи. Жажда труда у меня большая. Сейчасъ же поѣхалъ бы въ Москву. Въ эту зиму я отдохнулъ, и слава Богу!“

Далѣе онъ пишетъ: „Когда прочту все, что у меня есть теперь для исторіи Испаніи, примусь за Гаммерову исторію Турокъ. У меня самыя поверхностныя свѣдѣнія о Востокѣ; совѣстно. Исторію калифата при Оміядахъ я прочелъ теперь, потому что она въ связи съ Испаніей, но далѣе — я порядочный невѣжда; кромѣ именъ и годовъ—ничего не знаю. Дай Богъ только добраться до каѳедры, а то все клочками учусь. Въ головѣ есть кое-какіе матеріалы, но все разбросано, разорвано, безъ всякой внутренней и даже внѣшней связи. Годъ лекцій,—и я надѣюсь, что все придетъ въ порядокъ. Переводи скорѣе Лео,

Невѣровъ,—въ первые годы моего профессорства онъ мнѣ будетъ служить нитью. Когда твоя книга выйдетъ, я непремѣнно напишу разборъ, разумѣется, не перевода. Диссертація моя объ общинахъ будетъ, вѣроятно, отрывкомъ изъ большаго труда. Я думаю, что у меня достанетъ терпѣнія на долгую работу. По крайней мѣрѣ, теперь я хорошо настроенъ".

Въ началѣ августа здоровье Грановскаго въ Вѣнѣ сильно разстроилось. Искупавшись въ жаркій день въ Дунаѣ, онъ застудилъ себѣ желудокъ и получилъ припадокъ холеры. Эта болѣзнь измѣнила его планъ. Я былъ въ то время съ Станкевичемъ въ Ахенѣ, и онъ располагался непремѣнно къ намъ пріѣхать, хотя на нѣсколько дней. Оправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ чрезъ Регенсбургъ поѣхалъ во Франкфуртъ съ цѣлью проѣхать къ намъ, но изъ Франкфурта поворотилъ на Лейпцигъ именно потому, что чувствовалъ себя физически и нравственно разстроеннымъ для предпринятія дальнѣйшаго путешествія. Въ Берлинъ онъ воротился около 18-го августа и тотчасъ же началъ лѣчиться у врача М-me Фроловой, доктора Атерсона. Хотя онъ и получилъ облегченіе и началъ свою обычную жизнь въ Берлинѣ, дѣля время между кабинетными занятіями, университетомъ, Фроловыми, театромъ и профессоромъ Вердеромъ, съ которымъ поселился въ одномъ домѣ, но мы, пріѣхавши въ Берлинъ въ концѣ сентября—ибо наша поѣздка въ Италію не состоялась,—нашли его очень измѣнившимся: онъ жаловался на разстройство въ груди. Такъ какъ пріѣздъ нашъ въ Берлинъ не входилъ въ наши планы и Грановскій занялъ уже квартиру вмѣстѣ съ Вердеромъ, то мы не могли возобновить нашего прошлогодняго хозяйства и размѣстились по разнымъ квартирамъ вблизи другъ отъ друга. По особымъ обстоятельствамъ я не могъ даже жить вмѣстѣ съ Станкевичемъ (причиною тому была связь его съ одною дѣвушкой изъ довольно хорошей фамиліи), а поселился въ центрѣ между нимъ и Грановскимъ. Впослѣдствіи эта мѣра оказалась очень благоразумною, ибо къ концу зимы тотъ и другой тяжко заболѣли, и я долженъ былъ переходить отъ одного больнаго къ другому. Грудная болѣзнь Грановскаго развилась до такой степени, что доктора начали подозрѣвать въ немъ чахотку. Я обратился къ первѣйшимъ медицинскимъ знаменитостямъ Берлина, и докторъ Вейсъ, съ помощію прислушиванія, нашелъ, что въ Грановскомъ

рѣшительно нѣтъ чахотки, но что болѣзнь его происходитъ отъ узкогрудія, и что она не влечетъ за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій, если больной, вылѣчившись отъ тогдашнихъ временныхъ страданій, будетъ постоянно вести строгую и правильную жизнь; но что при всякомъ излишествѣ, невоздержаніи и душевномъ волненіи припадки въ груди будутъ непремѣнно возобновляться, а частое ихъ возобновленіе повлечетъ за собою неминуемо разстройство всего организма. Болѣе мѣсяца Грановскій не только не выходилъ изъ комнаты, но даже не вставалъ съ постели; наконецъ, молодость и искусство врача преодолѣли болѣзнь, но для окончательнаго выздоровленія онъ долженъ былъ весною ѣхать на воды въ Зальцбруннъ.

Исключая періода самой тяжкой болѣзни, Грановскій постоянно занимался своею наукой; а частое сношеніе съ Вердеромъ расширило и укрѣпило его познанія въ философіи; М-me Фролова и ея кругъ продолжали живительно дѣйствовать на всѣхъ насъ. Нашъ тѣсный дружескій кружокъ, кромѣ Ивана Сергѣевича Тургенева, увеличился еще нашимъ извѣстнымъ лингвистомъ.—Петровымъ (впослѣдствіи профессоръ санскритскаго языка въ Москвѣ) и товарищемъ его Триденомъ. Но въ началѣ весны 1839 года общество наше разстроилось: Грановскій первый поѣхалъ въ Зальцбруннъ, въ концѣ мая я уѣхалъ въ Штральзундъ и на островъ Рюгенъ, а въ іюлѣ возвратился въ Россію, а Станкевичъ поѣхалъ также въ Зальцбруннъ, а оттуда въ Италію. Изъ Зальцбрунна Грановскій, по прежнему, писалъ ко мнѣ въ Берлинъ и въ Россію, но эти письма не заключаютъ въ себѣ ничего особенно интереснаго, потому что Грановскій былъ тамъ совершенно одинъ и исключительно занятъ возстановленіемъ своего здоровья. Не помню навѣрное, возвращался-ли Грановскій въ Берлинъ,—знаю только, что въ началѣ іюля 1839 года онъ былъ уже у себя дома, въ Орловской губерніи, ибо имѣю отъ него оттуда письма.

Переписка моя съ Грановскимъ продолжалась до самой его смерти, но многія изъ этихъ писемъ утрачены. Сохранившіяся же касаются исключительно нашихъ личныхъ отношеній или дѣлъ, а потому также не заключаютъ въ себѣ общаго интереса. Впрочемъ, вотъ нѣсколько строкъ изъ письма, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о смерти мадамъ Фроловой; эти строки показываютъ, какъ

глубоко Грановскій цѣнилъ и уважалъ эту женщину: „Все лучшее, все, что было украшеніемъ лучшихъ дней моей, и, вѣроятно, твоей жизни — покидаетъ насъ“, говорилъ онъ. Письмо это исполнено глубокой грусти. Смерть Фроловой и мое положеніе (тогда началась моя глазная болѣзнь), вызвавъ глубокое сочувствіе въ Грановскомъ, заставили его намекнуть на другія утраты, на другія разочарованія, которыхъ я объяснить не могу.

Письма его изъ этой эпохи, кромѣ вопросовъ, лично до меня касающихся, содержатъ въ себѣ исторію его знакомства и любви къ Елисаветѣ Богдановнѣ. Это обстоятельство заставило меня изъ Риги пріѣхать въ Москву,—то было первое свиданіе послѣ Берлина; я пробылъ у него около мѣсяца, но постоянно былъ боленъ; потомъ я пріѣзжалъ еще къ нему весною въ первый годъ послѣ его женитьбы, но пробылъ въ Москвѣ только дней восемь. Усилившаяся глазная болѣзнь заставила меня въ 1844 году снова ѣхать за границу, а въ 1845 году я назначенъ былъ директоромъ въ Черниговъ и не видался съ Грановскимъ до іюня 1854 года, почти ровно десять лѣтъ, когда я пріѣхалъ въ Москву изъ Ставрополя..... Переписка его со мною въ этотъ періодъ ограничивалась обмѣномъ извѣстій, касающихся насъ лично, а не научныхъ вопросовъ, для развитія коихъ въ его распоряженіи былъ университетъ,—а потому и оканчиваю здѣсь мои о немъ воспоминанія.

Примѣчаніе. Эти воспоминанія написаны до появленія біографіи Грановскаго, изданной Станкевичемъ (братомъ общаго нашего друга) въ 1869 году.

Я. М. Невѣровъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

ПЕРЕПИСКА 1828—1830 гг. [1]).

1828 г.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 12-го августа.

(Переводъ). Изъ рапорта фельдмаршала и прилагаемой краткой записки, Ваше Величество усмотрите незначительность того, что здѣсь происходило.

Въ настоящее время меня занимаетъ одно весьма важное дѣло; но, къ несчастію, не имѣя ни одного прямаго помощника по этой части и чувствуя себя самого еще слишкомъ слабымъ для работы, я не могу сообщить этому дѣлу такой быстроты, какой бы желалъ. Это—вопросъ о рекрутскомъ наборѣ. Надѣюсь, однако, что буду имѣть возможность, въ слѣдующій четвергъ, представить необходимый проектъ, пославъ его съ адъютантомъ, который будетъ отправленъ, но только опасаюсь, что онъ уже не застанетъ Вашего Величества въ Одессѣ.

Фельдмаршалъ проситъ меня повергнуть его благоговѣйныя чувства къ стопамъ В. И. В—а.

Неутомимый Киселевъ [2]) продолжаетъ выказывать то же усердіе и тѣ же отличныя способности, которыя вамъ, Государь, за нимъ извѣстны. Невозможно быть лучше, чѣмъ онъ. Для меня лично, это

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 95—110; 511 526.
[2]) Начальникъ штаба 2-й арміи.

величайшее счастіе, что онъ здѣсь находится; особенно же, въ настоящемъ моемъ положеніи, я не зналъ бы что и дѣлать безъ этого отличнаго помощника.

Осмѣливаюсь просить В. И. В—о повергнуть меня къ стопамъ Ея Величества Императрицы, и принять...

Camp devant Schoumla, ce 12 Août.

V. M. verra dans le rapport du Maréchal et dans le petit mémoire ci-joint le peu qui c'est passé ici.

Une chose très importante m'occupe beaucoup àprésent, et, malheureusement, n'ayant aucun aide direct dans cette partie et me sentant encore faible pour le travail, je n'ai pas pu la faire marcher avec la vitesse que j'aurais bien voulu y mettre. C'est la levée des recrus.—J'espère pourtant pouvoir présenter Jeudi prochain les projets necessaires, par l'aide-de-camp qui ira partir; mais je crains presque qu'il ne trouvera plus V. M. à Odessa.

Le Maréchal me prie de porter ses hommages aux pieds de V. M. I.

L'infatigable Kisselef montre toujours le même zêle et les talents distingués que vous lui connaisez, Sire; il est impossible d'être mieux que lui; pour moi personnelement c'est le plus grand bonheur qu'il est ici; mais surtout dans mon état actuel, je ne saurais que faire sans cet aide excellent.

J'ose supplier V. M. I. de vouloir bien me mettre aux pieds de S. M. l'Imperatrice et d'agréer [1])....

Императоръ Николай—Дибичу.

Одесса, 20-го августа [2]).

(Переводъ). Пишу вамъ нѣсколько словъ, любезный другъ, чтобы сказать, что я получилъ ваше письмо отъ 12-го, и съ нетерпѣніемъ ожидаю адъютанта, который, по словамъ вашимъ, долженъ былъ выѣхать въ четвергъ; потому что я хочу выѣхать сегодня въ ночь, но подожду его, чтобы узнать какія извѣстія онъ мнѣ привезъ и, согласно этому, распорядиться.

Мнѣ извѣстно, что Воронцовъ уже на мѣстѣ, и полагаю, что сегодня же прибудетъ туда отличный резервный баталіонъ, сформированный изъ ротъ 2-го корпуса и предназначенный для 10-й дивизіи. Такимъ образомъ, 7-я и 10-я дивизіи получаютъ болѣе 2,000 человѣкъ подкрѣпленія. Рекрута новаго набора начинаютъ прибывать сюда; они очень красивы и въ отличномъ расположеніи духа.

[1]) Ознакомивъ читателей съ слогомъ гр. Дибича письмами его на французскомъ языкѣ, впредь будемъ приводить ихъ лишь въ переводѣ. Ред.

[2]) Отвѣтъ на письмо Дибича отъ 12-го августа.

Я очень огорченъ тѣмъ, что вы мнѣ говорите относительно воловъ; какъ намъ сдѣлать, чтобы замѣстить эти потери?—Крайне сожалѣю о Бенкендорфѣ и Ивановѣ: оба были отличные люди, и у насъ немного подобныхъ!—Приставьте Деллингсгаузена къ Мадатову, чтобы тотъ не дѣлалъ глупостей.

Въ Варнѣ надѣюсь быть 23-го; устройте такъ, чтобы я имѣлъ тамъ извѣстія о васъ, и пришлите мнѣ Суворова, потому что я выѣзжаю отсюда съ однимъ Залусскимъ; всѣ больны, и даже Адлербергъ не можетъ ѣхать со мною. Я послалъ Фредерикса, чтобы осмотрѣлъ и ускорилъ постройки въ госпиталяхъ на Дунаѣ и въ Бабадагѣ, и отправилъ оттуда выздоровѣвшихъ, моремъ; это лучше, чѣмъ тащить ихъ по дорогамъ. Сюда доставили первыхъ больныхъ и раненыхъ изъ Кистенджи; но выборъ былъ дурно сдѣланъ: въ числѣ ихъ находились такіе, которые, вслѣдствіе диссентеріи, не въ состояніи были пошевелиться и умерли на дорогѣ, или при перевозкѣ на берегъ. Надо немедленно привести это въ порядокъ. Городской госпиталь превосходенъ.

Вы уже имѣете извѣстія отъ Ланжерона [1]); не хорошо, если бы турки дѣйствительно вторглись въ Валахію, и, на этотъ случай, необходимо разрѣшить Щербатову [2]) двинуться съ одною, или двумя дивизіями, во первыхъ, — чтобы обойти Букарестъ, а затѣмъ — пройти къ Туртукаю. Сдѣлайте, прямо отъ себя, распоряженія по этому предмету.

Я думаю, что присутствіе гвардіи будетъ гораздо необходимѣе у Варны, чтобы ускорить ея паденіе, нежели у Шумлы. При семъ — извѣстія, полученныя вчера изъ Константинополя. Прощайте и до свиданія. Жалуются на васъ, что вы не довольно себя бережете; умоляю васъ и приказываю вамъ, если такъ нужно, чтобы береглись серьезно. Прощайте. Вашъ навсегда N.

Кланяйтесь Киселеву; очень радъ, что вы имъ довольны; я его очень люблю.

Odessa le 20 Août 1828.

Deux mots, mon cher ami, pour vous dire que j'ai reçu votre lettre du 12 et que j'attends avec impatience l'aide-de-camp que vous m'annoncez devoir être parti Jeudi; car je veux partir cette nuit, mais je l'attendrai pour savoir ce qu'il me porte et prendre mes mesures en conséquence.

Je sais Voronzof sur place; et je suppose qu'aujourd'hui même un superbe bat. de réserve, formé des comp. du 2-me corps et destiné pour la 10-me divi-

[1]) Гр. Ланжеронъ оставался главнымъ начальникомъ войскъ въ Дунайскихъ княжествахъ.

[2]) Командиръ 2-го корпуса.

sion y sera arrivé; de cette façon, la 7 et 10 divisions auront reçues plus de 2,000 hommes de renfort. Les recrues des nouvelles levées commencent à arriver içi et sont très beaux et de la plus belle humeur.

Je suis bien faché de ce que vous me dites des boeufs; comment ferons nous pour remplacer ces pertes?—Je regrette vivement et Benkendorf et Ivanof; tous deux étaient excellents, et nous n'en avons pas beaucoup de pareils!

Donnez Dellingshausen à Madatof, pour qu'il ne fasse pas de sottises.

J'espère être à Varna le 23; faites que j'y aye de vos nouvelles et envoyez moi Souvorof, car je pars d'ici avec le seul Zalousky; tout est malade, et même Adlerberg ne peut me suivre.—J'ai envoyé Frederichs inspecter et hâter les constructions dans les hôpitaux du Danube et à Babadag et pour faire partir par mer les guéris, ce qui vaut mieux que de les faire trainer par les routes.—L'on a envoyé ici les premiers malades et blessés de Kistenjé; mais le choix a été mal fait: il y en a dans le nombre de ceux qui étaient, par dissenterie, hors d'état de bouger et qui sont morts en chemin et en débarquant; il faut de suite mettre ordre à cela; l'hôpital de la ville est superbe.

Vous avez déja des nouvelles de Langeron; il serait facheux, si effectivement les Turcs tombaient en Valachie et, pour ce cas, indispensable de permettre à Tcherbatoff de marcher avec une ou deux divisions, d'abord pour tourner Boukarest et ensuite passer à Tourtoukay. Donnez vos ordres pour cela, directement.

Je crois que la présence de la garde sera bien plus indispensable à Varna, pour en hâter la chutte, qu'à Schoumla.—Voici des nouvelles, reçues hier de Constantinople.—Adieu et au revoir. L'on se plaint de vous, que vous ne vous ménagez pas assez; je vous supplie et je vous ordonne, s'il le faut, que vous le fassiez serieusement.—Adieu, à vous pour la vie N.

Mille choses à Kissélef; je suis charmé que vous en êtes satisfait; je l'aime beaucoup.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 16-го августа.

(Переводъ). Тяжкій долгъ заставляетъ меня сообщить В. В—ву (черезъ адъютанта Ивелича) одни лишь весьма непріятныя извѣстія.

Изъ рапорта фельдмаршала, Ваше Величество усмотрите подробности обоихъ дѣлъ 14-го августа, гдѣ, по непростительнымъ упущеніямъ (которыхъ даже нельзя вполнѣ изслѣдовать, по причинѣ смерти виновника), турки, въ 3 часа утра, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, захватили врасплохъ 6-ти-орудійную батарею, построенную впереди лѣсистой высоты на правомъ крылѣ, и истребили почти всѣхъ защитниковъ редута, вмѣстѣ съ генераломъ Вреде. Полковникъ Ефимьевъ, который бросился впередъ съ остальною частью баталіона, чтобы отнять редутъ, былъ убитъ въ восьми шагахъ передъ рвомъ и атака отбита,—равно какъ и вторая, которую генералъ Рудзевичъ [1]) при-

[1]) Командиръ 3-го корпуса, составлявшаго правое крыло войскъ, стоявшихъ передъ Шумлою.

казалъ произвести 16-му егерскому полку. Турки подошли даже къ нашему второму редуту, но были удержаны картечью. — Когда, вслѣдствіе настоятельныхъ приказаній фельдмаршала, генералъ Рудзевичъ усилилъ огонь своей артиллеріи, то искусно направляемые выстрѣлы артиллерійской роты Глинки не только заставили замолчать пальбу, которую непріятель сталъ было производить изъ захваченныхъ орудій, но вскорѣ разстроили и его пѣхоту, которая стала въ безпорядкѣ отступать, понеся значительныя потери; но, къ несчастію, она успѣла увезти захваченныя шесть орудій, потому что пѣхота наша двинулась впередъ лишь въ тотъ моментъ, когда редутъ уже начали очищать.

Не будучи еще въ состояніи сѣсть на лошадь, я былъ на столько несчастливъ, чтобы видѣть лишь чрезвычайно медленное исполненіе отдаваемыхъ приказаній и незначительность вниманія, посвящаемаго непосредственными начальниками дѣйствію нашей артиллеріи, равно какъ и тѣмъ предшественникамъ каждаго военнаго предпріятія, по которымъ всякій мало-мальски привычный взглядъ почти всегда его предугадываетъ.

Но еще сильнѣе нежели успѣхъ непріятеля (который намъ доставилъ болѣе стыда, нежели ему славы) огорчаетъ меня то, что это непостижимымъ образомъ возвысило сужденіе о туркахъ, о доброкачественности ихъ пѣхоты (которая, дѣйствительно, дерется храбро и смѣло идетъ на нашу пѣхоту, но немногимъ лучше прежней [1]) выдерживаетъ пушечный огонь и стрѣльбу картечью, нѣсколько усиленные и хорошо направленные), о количествѣ подкрѣпленій, къ нимъ уже прибывшихъ и постоянно прибывающихъ, и т. д.

Одновременно съ этимъ, рано поутру, непріятель сдѣлалъ сильную вылазку противъ принца Евгенія [2]), находившагося въ Морачѣ, съ 8-ю баталіонами и 8-ю эскадронами. Принцъ считаетъ, что непріятелей тутъ было за 10,000 человѣкъ, бо́льшею частью регулярной пѣхоты. Одинъ баталіонъ Уфимскаго полка, при одной пушкѣ, отдѣленъ былъ на большое разстояніе отъ прочихъ войскъ, для прикрытія деревни, гдѣ находились больные. Онъ былъ атакованъ бо́льшею частію непріятельскихъ силъ; орудіе потеряло почти всю прислугу, а передокъ его былъ унесенъ испугавшимися лошадьми; передній

---

[1]) Въ Турціи, незадолго передъ тѣмъ, сформированы были регулярныя войска, по подобію европейскихъ.

[2]) Принцъ Евгеній Виртембергскій—командиръ 7-го корпуса, составлявшаго лѣвое крыло войскъ передъ Шумлою.

фасъ баталіоннаго каре цѣликомъ былъ положенъ на мѣстѣ непріятельскимъ огнемъ; остальные люди столпились вокругъ знамени, которое отважно защищали и спасли; людей спаслось около 180; но орудіе было потеряно.

Непріятель еще разъ предпринялъ атаку противъ главныхъ силъ, но встрѣченный огнемъ всей артиллеріи и пѣхотою, построенною въ боевомъ порядкѣ, былъ отбитъ съ урономъ, какъ говорятъ—значительнымъ. Огонь этотъ привелъ его въ разстройство и онъ сталъ отступать. Принцъ Евгеній приказалъ двумъ эскадронамъ полка фельдмаршала атаковать непріятеля; но они двинулись впередъ шагомъ, начали заряжать карабины и стрѣлять изъ нихъ,—что̀ дало непріятелю время устроиться и продолжать свое отступленіе къ Шумлѣ. По моему мнѣнію, слѣдовало бы отнять этотъ полкъ у полковника Корфа, потому что надо, прежде всего, умѣть драться.

Такъ какъ принцъ Евгеній сильно настаивалъ на возвращеніи въ главный лагерь, и такъ какъ весьма ясно обнаружилась малочисленность резервовъ, которые у насъ оставались въ тотъ моментъ, когда помышляли о сильной атакѣ, для обратнаго занятія потерянаго редута,—то фельдмаршалъ сосредоточилъ оба корпуса въ прежнемъ ихъ лагерѣ и думаетъ еще приблизить принца Евгенія. Я бы весьма желалъ, чтобъ этого не дѣлали сейчасъ же, такъ какъ непріятель извлечетъ изъ сего новыя средства для одержанія успѣха; но мнѣ возражаютъ, что необходимо имѣть резервы, на случай, если бы онъ возобновилъ свои атаки. Такое ослабленіе лѣваго крыла послужитъ, къ несчастію, поводомъ для новыхъ ночныхъ экспедицій непріятеля,—особенно къ сторонѣ Енибазара, и мы вскорѣ останемся совсѣмъ безъ фуража.

Во всякомъ случаѣ, послѣднія событія и впечатлѣніе, ими произведенное, убѣдили меня въ томъ, что до взятія Варны и до того, когда мы совершенно успокоимся на счетъ средствъ нашего существованія,—гвардію приводить сюда не слѣдуетъ; въ особенности же, Вашему Величеству не надо сюда пріѣзжать. Убѣжденіе это сдѣлалось еще гораздо сильнѣе во мнѣ послѣ несчастной раны храбраго Меншикова.

Изъ записки, здѣсь приложенной, Ваше Величество усмотрите предположенія, обсужденныя фельдмаршаломъ, Киселевымъ и мною, касательно будущихъ дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, фельдмаршалъ просилъ о посылкѣ къ Варнѣ Шеншина, такъ какъ Свѣчинъ не можетъ быть главнымъ начальникомъ. Онъ просилъ также Великаго Князя о приближеніи эшелоновъ къ Варнѣ, дабы они, въ случаѣ крайности, могли служить резервомъ осадному корпусу.

Не будучи вполнѣ увѣреннымъ, что Ивеличъ застанетъ Ваше Величество въ Одессѣ, я посылаю Кавелину копію помянутой записки.

Ивеличъ везетъ тоже и бумаги, касающіяся рекрутскаго набора; но опасаюсь, что онѣ окажутся недостаточно полными.

Фельдмаршалъ повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Величества; онъ въ отчаяніи вслѣдствіе этихъ происшествій и, 15-го числа, имѣлъ сильный припадокъ диссентеріи; сегодня, однако, ему гораздо лучше.—Осмѣливаюсь и пр....

Императоръ Николай—Дибичу.

Одесса, 21-го августа [1]).

(Переводъ). Ивеличъ только что прибылъ, и не умѣю вамъ сказать, любезный другъ, болѣе ли я возмущенъ, или болѣе огорченъ тѣмъ, что у васъ произошло. Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ, а вы захворали, мнѣ кажется, что всѣ заснули и все идетъ въ разрѣзъ здравому смыслу. Дѣло 14-го числа—безобразно (n'a pas de nom), и вы можете сказать отъ меня фельдмаршалу, что я не понимаю, какъ могло случиться—если онъ только знаетъ, что командуетъ русскою арміею,—что турки, подъ носомъ у него, могли въ теченіе 12-ти часовъ сряду оставаться обладателями русскаго редута. Еще почетнѣе—потеря пушекъ; вотъ уже восемь орудій въ рукахъ у турокъ. А что же сдѣлано съ тѣхъ поръ, какъ стоятъ передъ Шумлою? Такъ развѣ исполняются приказанія, весьма опредѣлительныя, которыя мною оставлены тамъ?—Когда, въ послѣднемъ вашемъ рапортѣ, вы писали, что турки разрушили деревню Странджа, я сейчасъ же подумалъ, что они намѣрены—или поставить тамъ батарею, или устроить тамъ редутъ, или же атаковать насъ на этомъ пунктѣ; какъ же у васъ этого никому не пришло въ голову?—Еще хорошее дѣло—оставленіе Эски-Стамбула! Что же дѣлаютъ со всею массою артиллеріи, которая тамъ находится? Развѣ она тамъ только для того, чтобы заставлять лошадей околѣвать съ голоду и не дѣлать ни одного пушечнаго выстрѣла? Наконецъ: о чемъ же фельдмаршалъ думаетъ?—если онъ думаетъ! — Однимъ словомъ, все это жалости подобно и отвратительно! Болѣе всего безпокоитъ меня рапортъ Абакумова [2]); все можно передѣлать, но если намъ нечѣмъ кормить армію, то что же останется иного, какъ только уходить поскорѣе? Хорошъ будетъ результатъ всѣхъ напрасныхъ жертвъ!....

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича отъ 16-го августа.

[2]) Генералъ-интендантъ арміи.

Разрѣшаю вамъ немедленно приступить къ выполненію плана, который вы предлагаете; но фельдмаршалу приказываю пребывать, вмѣстѣ съ его штабомъ, при корпусѣ, который останется въ Енибазарѣ; его мѣсто тамъ; а въ Варнѣ я съумѣю обойдтись и безъ него. Что же касается васъ, то вы присоединитесь ко мнѣ съ остальною частью 3-го корпуса и 20-мъ егерскимъ полкомъ; а конно-егерскую дивизію оставьте въ Козлуджи, въ качествѣ главнаго резерва, для прикрытія нашихъ сообщеній и для подкрѣпленія—либо фельдмаршала, либо Мадатова, если его оттѣснятъ, либо насъ, если мы будемъ въ ней нуждаться.

Я уѣзжаю сегодня, послѣ обѣда. Согласно маршрутамъ, которые мнѣ доставилъ Виттъ, баталіоны, назначенные для укомплектованія 3-го корпуса, должны уже находиться по близости отъ васъ; баталіонъ 9-й дивизіи будетъ въ Базарджикѣ къ 1-му сентября, а 8-й дивизіи—къ 14-му. Прикажите имъ сейчасъ же идти на соединеніе съ вами. Я уже говорилъ вамъ, что баталіоны 7-й и 10-й дивизій уже въ Варнѣ.

Мыслями нашими, какъ вы видите, мы почти что встрѣтились. Осадная батарея должна идти прямо къ Варнѣ, а не на другой берегъ лимана [1]). Гвардіи я прикажу прибыть, если она сама уже не устроила своего движенія, такъ, чтобы къ 29-му числу быть на мѣстѣ. Позаботьтесь хорошенько о томъ, чтобы больныхъ и раненыхъ вывезти къ Варнѣ и въ Коварну. Надѣюсь также, что вы позаботились о томъ, чтобы не подвергать опасности ту артиллерію, которую вы отъ себя отсылаете.

Слѣдуетъ также подумать о томъ, чтобы не подвергалась опасности дорога въ Силистрію, и, во всякомъ случаѣ, предупредить Рота [2]), чтобы онъ остерегался. Какія мѣры приняты вами, чтобы прокормить войска Щербатова?—Надѣюсь, что не упустили подумать объ этомъ своевременно.

Все что я пишу вамъ,—пишу въ виду той вѣроятности, что Варна еще не пала; если же бы это случилось—что̀ дай Богъ!—то надо держаться подъ Шумлою и ожидать насъ.

Меня сокрушаетъ вся эта картина нашего положенія и увѣряю васъ, что я не знаю, какъ выйдемъ изъ него. Заявляйте во всеуслышаніе, что я весьма недоволенъ начальниками и что ихъ однихъ я обвиняю во всемъ, что̀ происходитъ. До свиданія, любезный другъ.

Весь вашъ N.

---

[1]) Лиманъ рѣчки Дѣвно.

[2]) Командиръ 6-го корпуса, стоявшаго подъ Силистріею.

P. S. Въ запискѣ вашей вы мнѣ говорите, что располагаете исполнить это движеніе лишь въ томъ случаѣ, если я, прибывъ къ Варнѣ, признаю это нужнымъ; но я предпочитаю теперь же развязать вамъ руки, дабы предупредить всякія случайности и не оставлять васъ въ неизвѣстности относительно того, что̀ вамъ слѣдуетъ дѣлать.

— И т а к ъ: если графъ Воронцовъ, пріѣхавъ подъ Варну, рѣшитъ, что по прибытіи гвардіи онъ можетъ обложить крѣпость вполнѣ и надѣяться вскорѣ принудить ее къ сдачѣ,—и если, съ другой стороны, вы сами не будете усматривать опасности въ дальнѣйшемъ пребываніи подъ Шумлою, и если вамъ будетъ еще возможность тамъ кормиться—то можете оставаться. Если же нѣтъ,—то слѣдуйте плану, который былъ предложенъ и на который я соглашаюсь; только, ради Бога, спасайте больныхъ и раненыхъ и артиллерію. Если вы останетесь подъ Шумлою, то надо какимъ нибудь блестящимъ ударомъ опять возвысить духъ войска. Предполагалось всегда — овладѣть Мачинскимъ редутомъ; развѣ невозможно попытаться сдѣлать это? — Если вы оставите Шумлу, то, вѣроятно, васъ будутъ преслѣдовать: — можетъ быть, что преслѣдованіе будутъ вести неосторожно и что вамъ можно будетъ воспользоваться этимъ. Въ открытомъ полѣ, съ нашею многочисленною артиллеріею и славною нашею пѣхотою—болѣе чѣмъ вѣроятно, что вы будете имѣть возможность разбить ихъ. Подумайте объ этомъ хорошенько, и—да поможетъ вамъ Богъ!

Odessa, le 21 Août 1823.

Ivélitch vient d'arriver dans ce moment même et je ne sais que vous dire, cher ami, si je suis plus i n d i g n é ou plus affligé de ce qui c'est passé chez vous. Depuis mon départ et votre maladie, il me parait que tout s'est endormi et va à l'envers de sens commun. L'affaire du 14 n'a pas de nom et vous pouvez dire de ma part au maréchal que j e n e c o m p r e n d s p a s comment il peut se faire—s'il sait qu'il commande une armée Russe—que des Turcs ont pu rester en possession d'une redoute R u s s e, sous son nez, pendant 12 heures de suite. La perte des canons est encore plus honorable: en voila déja 8 au pouvoir des Turcs; et qu'a t'on fait depuis que l'on est à Schoumla?—Est-ce ainsi que l'on remplit les ordres bien positifs que j'y ai laissé! Quand, dans votre dernier rapport, vous me disiez que les Turcs ont détruit le village de Stranga, je me suis d'abord douté, qu'ils voulaient soit y faire une nouvelle batterie, soit y placer une redoutte, ou bien, nous attaquer sur ce point; comment personne ne s'en est-il douté chez vous?—L'abandon d'Esky-Stamboul est une autre belle chose! Et que fait on donc de toute l'immense artillerie qui est là; est elle là uniquement pour faire crever les chevaux d'inanition et sans

tirer un coup de canon?—enfin, qu'est ce que le Maréchal pense donc,—s i l p e n s e!—Enfin, tout cela est pitoyable et détestable.—Le rapport d'Abbakoumof est ce qui m'inquiète le plus; tout peut se refaire, mais si nous n'avons pas de quoi nourrir l'armée, que reste-t-il à faire, que de s'en aller au plus tôt,—et c'est un beau résultat d'atteint, après tous les sacrifices inutils de portés!—Je vous autorise de suite à aborder le plan que vous proposez; cependant, j'ordonne que le Maréchal reste, avec son état-major, près du corps qui restera à Enibazar; c'est là sa place, et je saurai me passer de lui à Varna. Vous, venez me joindre avec le reste du 3-me corps et le 20-me chasseurs, et laissez la division des chasseurs-à-cheval à Kosloudji, comme grande réserve, pour couvrir nos communications et pour appuyer, soit à droit, le Maréchal, soit Madatoff, si on le repoussait, soit nous, si nous avions besoin d'elle.—Je pars cet après-diner.—Les bat. de commpléttement du 3-me corps doivent être près de vous déja, d'après la marcheroute que je tiens de Vitt; celui de la 9-me division est à Bazardjik pour le 1 Septembre, et celui de la 8-me—le 14. Faites les venir de suite vous joindre. Je vous ai déja dit que ceux de la 7-me et 10-me sont déja à Varna.—Vous aurez vu que nous nous sommes présque rencontrés d'idée avec vous. La batterie de siège devra marcher droit vers Varna et non pas l'autre rive du Liman. Je ferai arriver la garde si déja elle ne l'aura pas fait de manière à y être pour le 29.—Ayez bien soin de faire évacuer les malades et blessés sur Varna ou Kovarna; et j'espère aussi que vous aurez pensé à ne pas compromettre l'artillerie que vous renvoyez.—Il faut aussi songer à ne pas compromettre la route de Silistrie et en tout cas prevenir Rott de prendre bien garde à lui.—Quelles mesures avez vous prises pour nourrir le corps de Scherbatof? J'espère que l'on n'aura pas negligé d'y songer à temps.—Tout ce que je vous écris est pour le cas probable que Varna ne soit pas tombé; s'il l'était—ce que Dieu veuille!—alors il faut tenir devant Schoumla et nous attendre.

Je suis navré de tout ce tableau, et je vous assure que je ne sais trop, comment nous nous en tirerons. Faites sonner haut que je suis fort mécontent d e s c h e f s et que c'est eux s e u l s que j'accuse de tout ce qui arrive.—A revoir, mon cher ami; tout à vous N.

Ma femme vous dit mille chose.—J'ai signé le manifeste pour 4 de 5.

P. S. Dans votre nôte, vous me dites être disposé à ne faire ce mouvement que quand, arrivé devant Varna, j'en voyais la nécessité; mais je préfère vous délier les bras dès ce moment, pour prévenir les évenemens et ne pas vous laisser dans l'incertitude sur ce que vous avez à faire.—A i n s i, si après son arrivée, le Comte Voronzof jugeait, qu'après l'arrivée de la garde il peut cerner complettement la place et se flatter de la réduire bientôt, et que vous, vous ne voyez pas de danger à rester devant Schoumla et que vous y ayez encore l e quoi vivre,—vous pouvez rester. Sinon,—suivez le plan proposé et auquel j'accordes; mais de grâce sauvez les malades et les blessés et l'artillerie.—Si vous restez à Schoumla, il faut, par un coup d'éclat, relever l'esprit de la trouppe. L'on s'était toujours proposé de prendre la redoutte de Matchine; ne serait-ce donc pas possible à tenter?—Si vous quittez Schoumla, probablement l'on vous suivra; il serait possible même qu'on le fasse avec imprudence et que vous pourriez en profiter; une fois dans la plaine, il serait plus que probable qu'avec notre nombreuse artillerie et notre bonne infanterie, nous pourrions les battre; pensez y bien, et que Dieu vous assiste.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Шумлою, 19-го августа.

(Переводъ). Изъ приложенной при семъ краткой записки В. И. В—о изволите усмотрѣть, что настоящія обстоятельства, по видимому, не дозволяютъ предпринимать движенія за Балканы ранѣе покоренія Варны, и наврядъ-ли даже дозволятъ ранѣе овладѣнія Шумлою.

Здѣсь мы теперь сосредоточились, и фельдмаршалъ приказалъ даже оставить и срыть редуты на нашемъ крайнемъ лѣвомъ крылѣ, такъ что вся 18-я пѣхотная дивизія находится въ резервѣ, и, кромѣ того, остаются свободными двѣ бригады 9-й и одна бригада 8-й дивизіи.

Это, по видимому, успокоило тѣхъ, которымъ днемъ и ночью грезились геройскіе подвиги турокъ, между тѣмъ какъ послѣдніе, кромѣ ихъ многочисленной конницы, не имѣютъ ничего такого, что могло бы подать поводъ къ подобнымъ грёзамъ, тѣмъ болѣе постыднымъ, когда онѣ гнѣздятся въ головѣ у людей, которые должны бы были еще возвышать духъ войскъ, сохранившій свою доброкачественность, при всемъ утомленіи отъ трудовъ и, въ особенности, отъ послѣдствій вреднаго климата. Но, если наше сосредоточеніе могло успокоить тревогу этихъ господъ (боюсь, что не надолго), то оно уже представило двѣ существенныя невыгоды: 1) всѣ турецкіе обозы, собравшіеся между Чаликавакомъ и Эски-Стамбуломъ, вошли въ Шумлу, и 2) мы рискуемъ вскорѣ лишиться возможности ходить на фуражировки. Мы употребимъ, однако, всѣ старанія, чтобы находить еще что нибудь на правомъ крылѣ; потому что я, съ своей стороны, признаюсь, что считаю всякое отступательное движеніе вреднымъ для духа нашихъ войскъ, и не думаю, чтобы можно было напередъ расчитать послѣдствія такого движенія, если оно вызоветъ наступленіе значительныхъ массъ непріятельской конницы. Поэтому я весьма желалъ бы, чтобъ осада Варны могла обойтись безъ той слабой пѣхотной дивизіи, которую можно бы было выслать отсюда. Я полагалъ бы раздѣлить гвардію по дивизіямъ; одна изъ нихъ составляла бы резервъ атаки, находясь въ с. Франки; другая же могла бы перейти черезъ лиманъ и служить резервомъ, какъ для войскъ, опирающихся на лиманъ, такъ и для бригады, отдѣленной на ту сторону лимана и стоящей въ хорошо укрѣпленной позиціи. Но я слишкомъ мало знакомъ съ мѣстными условіями, чтобы могъ судить объ этомъ. Считаю, однако, долгомъ высказать Вашему Императорскому Величеству мое глубокое убѣжденіе въ томъ, что принцу Евгенію, даже и съ 3-мя дивизіями пѣхоты, не удержаться на позиціи передъ Шумлою, и—полагаю—даже на позиціи Енибазарской, если непріятель предприметъ сколько нибудь усиленное наступленіе. Думаю также, что и ген. Рудзевичу тамъ долго не удержаться.

Говорю по опыту, вынесенному изъ наблюденія, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, за нашимъ лѣвымъ крыломъ, гдѣ, во все это время, я съ прискорбіемъ видѣлъ проекты и контръ-проекты, марши и контръ-марши, редуты построенные и опять срытые, проектированные и нестроившіеся, разсужденія о дѣйствительныхъ и воображаемыхъ силахъ непріятеля и о его намѣреніяхъ; результатовъ же я никакихъ не видѣлъ—только частыя потери и отступательныя движенія.—На правомъ же крылѣ—недостатокъ распорядительности при различныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, преувеличенныя восхваленія противника и нескромные отзывы обо всемъ нисходящемъ свыше—внушили мнѣ тоже—хотя и въ меньшей степени—нѣкоторое недовѣріе.

Поэтому, Государь, я полагаю, что фельдмаршалъ долженъ бы былъ остаться здѣсь, хотя онъ, по видимому, желаетъ быть съ Вашимъ Величествомъ. Осмѣливаюсь высказать: я думаю, что и мнѣ здѣсь слѣдуетъ остаться, какъ ни больно для меня быть еще на болѣе продолжительное время вдали отъ В. В—а, и вопреки тому, что это имѣетъ большія неудобства для теченія дѣлъ. Надѣюсь, однако, что черезъ нѣсколько дней на столько поправлюсь, что буду въ состояніи пріѣхать на нѣкоторое время къ Вашему Величеству, если вамъ понадобится дать мнѣ словесныя инструкціи. Въ наихудшемъ случаѣ я сдѣлаю переѣздъ этотъ въ коляскѣ.

У принца Александра Виртембергскаго возобновились лихорадочные припадки; но онъ не хочетъ послѣдовать совѣту Вилліе и отправиться въ Коварну. Мы постараемся уговорить его, потому что, по словамъ Вилліе, онъ совсѣмъ нехорошъ. Тогда и Жомини рѣшится уѣхать. Потаповъ поправляется еще гораздо медленнѣе меня; у Сухтелена былъ рецидивъ лихорадки, но самъ онъ сталъ покрѣпче; генералъ Куршевскій только что скончался, тоже отъ лихорадки.—Я вчера въ первый разъ былъ верхомъ, но еще чувствую, вслѣдствіе этого, сильную усталость.

Отъ ген. Рота мы десять дней не имѣли никакихъ извѣстій. Сообщенія наши съ Базарджикомъ стали гораздо спокойнѣе.

Фельдмаршалъ повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, къ которымъ и я приношу увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и полнѣйшей преданности, съ коими имѣю счастіе пребывать.

Лагерь подъ Шумлою, 21-го августа.

(Переводъ). Послѣ письма, которое я имѣлъ честь написать В. В—ву въ воскресенье, 19-го августа, я безпрерывно думалъ о томъ, какія бы средства предпринять, въ случаѣ отступательнаго движенія на Енибазаръ (которое, по видимому, дѣлается необходимымъ),

для того, чтобы движеніе это не слишкомъ затянулось,—даже если бы понадобилось отдѣлить еще одну дивизію къ Варнѣ.

Въ этомъ случаѣ, самыя условія приличія призывали бы фельдмаршала къ Варнѣ; и, вообще, по зрѣломъ размышленіи, кажется невозможнымъ, чтобы обѣ главныя квартиры были разъединены, разъ что Ваше Величество находитесь при арміи.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я имѣлъ честь изложить Вашему Величеству тѣ причины, по которымъ считаю, что ни одинъ, изъ находящихся теперь здѣсь, корпусныхъ командировъ не можетъ оставаться въ качествѣ главнокомандующаго, потому что прежде всего надо имѣть убѣжденіе въ превосходствѣ нашихъ войскъ надъ турецкими. Оставалось бы, значитъ, вызвать изъ Букареста графа Ланжерона и ввѣрить ему, какъ старѣйшему генералу, три пѣхотныя и двѣ кавалерійскія дивизіи, у Енибазара. Въ такомъ случаѣ, Щербатовъ могъ бы отправиться прямо въ Букарестъ, для принятія начальства надъ всѣми войсками въ Валахіи, до прибытія всего его корпуса; а тогда, оставивъ при себѣ лишь 1-ю драгунскую дивизію, онъ отправитъ остальныхъ за Дунай. 6-я пѣхотная и 2-я гусарская дивизіи, прибывъ къ Силистріи, подкрѣпятъ Рота въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы предпринять осаду оной,—если только самъ Ротъ намъ не понадобится; въ такомъ случаѣ онѣ будутъ блокировать ее.

Графъ Ланжеронъ съ точностію исполняетъ что ему приказываютъ; онъ много воевалъ съ турками и цѣнитъ ихъ какъ разъ на столько, чего они стоятъ. Я полагалъ бы дать ему въ начальники штаба Деллингсгаузена. Если бы мысль эту съ которою фельдмаршалъ вполнѣ соглашается—Ваше Величество нашли разумною, то хорошо бы было, если-бъ В. В—во отправили приказанія прямо отъ себя, съ экстреннымъ курьеромъ; лучше же всего послать одного изъ адъютантовъ вашихъ къ графу Ланжерону, дабы онъ прибылъ какъ можно скорѣе, а фельдъегеря—къ князю Щербатову, который долженъ находиться между Гирсовомъ и Яссами.

У насъ, между тѣмъ, послѣдствія сосредоточенія уже сильно даютъ себя чувствовать; фуража почти уже не существуетъ, и я опасаюсь, что намъ лишь съ трудомъ удастся удержаться въ нашемъ лагерѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Если мы будемъ принуждены покинуть лагерь подъ Шумлою, то займемъ Енибазарскій; но я боюсь, что фуражъ тамъ будетъ еще неизобильный, что заставитъ искать его поближе къ Козлуджи. Тѣмъ не менѣе, все это будетъ выигрышемъ времени для Варны. Я думаю, что хорошо было бы послать туда роту крѣпостной артиллеріи, которую мы здѣсь имѣемъ и которую фельдмаршалъ отсылаетъ

въ Базарджикъ. Что касается двухъ ротъ, прибывающихъ изъ Кіева, то ихъ, я полагаю, лучше направить къ Силистріи.

Вчера еще, неподалеку отсюда, случилось весьма для насъ непріятное происшествіе: эскадронъ С.-Петербургскаго уланскаго полка, подъ начальствомъ маіора Шатова, везшій депеши генерала Рота и графа Ланжерона, въ 12-ти верстахъ отсюда,—по видимому вслѣдствіе дурныхъ распоряженій,—наткнулся на массу турецкой конницы, силою въ 1,000—1,500 человѣкъ, вѣроятно, ту же самую, которая наканунѣ атаковала нашихъ фуражировъ. Маіоръ слишкомъ отважно бросился на нее, былъ окруженъ и, по видимому, бо́льшая часть уланъ попалась въ плѣнъ; только человѣкъ 30 успѣло ускакать подъ Силистрію; но, къ несчастію, кажется, что бумаги, находившіяся въ особомъ вьюкѣ, были захвачены. Это весьма жаль, потому что такимъ образомъ откроется непріятелю все расположеніе нашихъ войскъ подъ Силистріею и въ Валахіи.

По устнымъ извѣстіямъ отъ одного офицера, вернувшагося съ этими уланами, подъ Силистріею было весьма серьезное дѣло, въ которомъ, послѣ кровопролитной и упорной схватки, турки были выбиты изъ нѣсколькихъ засѣкъ, устроенныхъ ими почти у самыхъ городскихъ воротъ, и понесли весьма большой уронъ, такъ что въ засѣкахъ найдено было болѣе 300 убитыхъ, и туркамъ надо было употребить цѣлый день на то, чтобы убрать тѣла, оставшіяся подъ стѣнами крѣпости. Но и наша потеря должна была быть тоже велика; между прочимъ, полковникъ Анреп, кажется, раненъ пулею въ грудь, но безъ перелома кости, а полковникъ Хомутовъ—въ руку, легко.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ приказаній Вашего Величества по запискѣ, повезенной адъютантомъ Ивеличемъ.

Оба принца, Александръ и Эрнестъ Виртембергскіе, а также генералъ Жомини отправляются сегодня въ Коварну, черезъ Базарджикъ.

Мое здоровье получше, и я надѣюсь скоро сѣсть на коня. Извѣстіе о болѣзни Адлерберга очень меня огорчило.

Фельдмаршалу тоже лучше; онъ повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Благоволите, Государь, принять увѣреніе... Дибичъ.

Лагерь подъ Шумлою, 23-го августа [1]).

(Переводъ). Вчера я только что получилъ письмо В. И. В—ва, отъ 14-го числа, изъ Николаева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстіе о прибытіи графа Воронцова въ лагерь подъ Варною. Онъ пишетъ мнѣ, что не нашелъ тамъ инженерныхъ офицеровъ, такъ

[1]) Отвѣтъ на письмо Государя отъ 14-го августа.

какъ Кузьминъ очень боленъ; поэтому, Трузсонъ немедленно отправляется туда. Извѣстіе о томъ, что Серескій паша Юсуфъ, стоящій на Камчикѣ, противъ Мадатова, усиливается и задумываетъ нападеніе на Праводы, заставило насъ послать Деллингсгаузена, съ Одесскимъ полкомъ, въ Козлуджи, чтобы служить резервомъ Мадатову и сдѣлать ему возможнымъ присоединить къ себѣ Кременчугскій полкъ, сопровождающій артиллерію до Козлуджи. Енибазаръ будетъ занятъ бригадою 18-й дивизіи, которая теперь составляетъ нашъ резервъ.

Фуража, со дня на день, становится все недостаточнѣе, и такъ какъ транспорты не могутъ доставлять даже половинныхъ раціоновъ, то мы, черезъ нѣсколько дней, увидимъ себя вынужденными отойти къ Енибазару. Чувствуя, сколь важенъ каждый день, выигранный для пребыванія здѣсь, — особенно же относительно Силистріи, гдѣ положеніе Рота сдѣлается весьма труднымъ если мы откроемъ шумлинскую дорогу,—я стараюсь, на сколько возможно, отдалить это отступательное движеніе; но мнѣ со всѣхъ сторонъ представляютъ о невозможности содержать лошадей.

Покамѣстъ, отослали отсюда орудія съ плохою упряжкою, самыхъ слабыхъ лошадей, осадную артиллерію и часть тяжестей; стараются также, на сколько то возможно, очищать Енибазарскіе госпитали и здѣшніе, подвижные. Но это—тѣ же Данаидовы бочки, потому что болѣзни увеличиваются со дня на день, не смотря на весьма хорошую пищу, получаемую солдатомъ, и на всѣ мѣры предосторожности.

Какъ только мы хорошо утвердимся въ Енибазарѣ, надо будетъ, я полагаю, отдѣлить къ Праводамъ цѣлую дивизію, двѣ бригады которой займутъ пунктъ раздѣленія дорогъ изъ Козлуджи на Варну и Бургасъ, въ качествѣ резерва, а одна станетъ въ авангардѣ, у Праводъ.

Тогда, 2-я бригада 10-й дивизіи, къ которой можно бы присоединить 20-й егерскій полкъ, а, можетъ быть, и 19-й, могла бы обложить Варну со стороны мыса Галата,—если не найдется средствъ сдѣлать это еще прежде,—что я считалъ бы крайне важнымъ.

Главное дѣло будетъ состоять въ томъ, чтобы приложить всевозможныя старанія къ возстановленію нашихъ перевозочныхъ средствъ, такъ какъ иначе всякое движеніе, отдаляющее насъ на три перехода отъ моря, будетъ уже стѣснительнымъ, а еще далѣе—невозможнымъ. Все это представляетъ громадныя затрудненія, но они не непобѣдимы.

Я нахожусь въ самомъ тяжеломъ положеніи: съ одной стороны, вижу, что мое присутствіе здѣсь не лишено пользы,—особенно полагаю его хорошимъ на случай отступленія, когда такъ легко теряютъ голову; съ другой же стороны—вижу, что, вслѣдствіе болѣзни Адлерберга, Ваше Величество остались совсѣмъ одни; а между тѣмъ

надо бы устроить столько дѣлъ первостепенной важности, — что́ можно было бы сдѣлать лишь на словахъ. Здоровье мое дозволитъ мнѣ, при помощи Божіей, совершить переѣздъ въ Варну, хотя, можетъ быть, нѣсколько медленнѣе. Но не зная навѣрное ни мѣста, ни времени высадки Вашего Величества на берегъ, я не смѣю покинуть арміи, не получивъ точныхъ приказаній.

Изъ рапорта гр. Ланжерона, Ваше Величество усмотрите, что вновь опасаются прибытія Бошняка [1]); я считаю эти извѣстія если не вымышленными—ибо трудно, чтобы подобныя вещи измѣнялись такъ скоро,—то, по крайней мѣрѣ, весьма преувеличенными. Мы видѣли, что Омеръ-Вріоне, который долженъ былъ прибыть сюда съ 12,000 человѣкъ, привелъ ихъ 600; поэтому я думаю, что и число босняковъ можно уменьшить немного,— по крайней мѣрѣ, на треть противу того, что́ говорятъ.

Я сказалъ фельдмаршалу, на сколько Ваше Величество были недовольны посылкою Шепелева къ Варнѣ. Онъ въ отчаяніи отъ этого, и просилъ доложить В. И. В—ву, что никогда не думалъ поручать Шепелеву какого либо начальства, но что, согласно просьбѣ послѣдняго—употреблять его подъ начальствомъ Меншикова, послалъ его къ нему съ письмомъ, въ которомъ просилъ его употребить Шепелева на что̀ ему заблагоразсудится.

Изъ предшествовавшихъ рапортовъ, В. В—во могли усмотрѣть, что, до назначеній Вашего Императорскаго Величества, фельдмаршалъ полагалъ поручить командованіе войсками подъ Варною (подъ главнымъ начальствомъ Грейга) Шеншину, такъ какъ неспособность Шепелева, Свѣчина и Ушакова слишкомъ хорошо извѣстна. Выборъ Воронцова, конечно, еще лучше рѣшаетъ дѣло, и я надѣюсь, что онъ скоро покончитъ, если Ваше Величество поддержите его гвардіею,—особенно если онъ предприметъ движеніе къ Дѣвно, чтобы имѣть возможность занять, по крайней мѣрѣ одною армейскою бригадою, дорогу въ Бургасъ и укрѣпиться на ней.

Еще одно весьма важное дѣло, по которому Воронцовъ, конечно, принялъ свои мѣры, это—закупка и отправка продовольствія и изготовленіе ввѣренныхъ ему транспортныхъ судовъ.

Рапорты, полученные Вашимъ Величествомъ относительно госпиталей въ княжествахъ, совершено противоположны донесеніямъ Манзея, который до сихъ поръ, по видимому, очень доволенъ всѣмъ, что̀ видѣлъ въ Молдавіи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю рапортовъ Шереметева.

Благоволите, Государь, принять увѣреніе... Дибичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Начальникъ непріятельскихъ войскъ у сербской границы.

ТУРЕЦКІЙ ПОХОДЪ 1828 ГОДА

И СОБЫТІЯ, ЗА НИМЪ СЛѢДОВАВШІЯ.

Записки Принца Виртембергскаго [1]).

Одна гвардейская бригада, подъ начальствомъ генерала Головина, была переправлена на холмы Галата-Бурну (Galata-Burnu) съ тѣмъ, чтобы образовать тамъ обсерваціонный постъ и обезпечить отъ всякихъ случайностей ту часть осаднаго войска, которая была обращена къ Камчику. Желаніе узнать въ то же время что нибудь объ непріятелѣ было весьма естественно, а для этого, какъ извѣстно, приходилось дѣлать рекогносцировки. Но о томъ, какъ можно и должно производить рекогносцировки въ Турціи, никто не имѣлъ понятія. Высылать отряды на развѣдки — значитъ прямо выдавать ихъ головою непріятелю, ибо этотъ послѣдній имѣетъ всегда за собою несомнѣнное преимущество въ знаніи мѣстности; въ Турціи нельзя вывѣдать ничего у непріятеля иначе какъ во главѣ арміи, слѣдующей за нимъ по пятамъ.

У насъ же этого не подозрѣвали и поэтому флигель-адъютантъ З.....ій былъ посланъ, съ двумя эскадронами конныхъ егерей Сѣверскаго полка и четырьмя орудіями конной артиллеріи, къ генералу Головину, чтобы собрать необходимыя свѣдѣнія. Такъ какъ дорога къ Галата-Бурну тянется на нѣсколько миль лѣсомъ, то было рѣшено: «дать З.....у баталіона два пѣшихъ егерей, взявъ во вниманіе, что лѣсъ составляетъ элементъ этого рода войска». На эту мѣру я также могъ бы возражать и посовѣтовалъ бы оставить ихъ дома, а послать лучше конныхъ егерей, такъ какъ они, въ случаѣ опасно-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1880 г., томъ XXVII, 79—94; 527—544.

сти, скорѣе могутъ убѣжать. Но я не имѣлъ никакого голоса въ совѣтѣ. Теперь говорятъ, будто полку гвардейскихъ егерей было приказано слѣдовать за флигель-адъютантомъ и что командиръ его, генералъ Гартунгъ, обѣщалъ соображаться съ распоряженіями З....го. Это дружеское согласіе между конными и пѣшими егерями было скрѣплено передъ отправленіемъ войска братскимъ поцѣлуемъ и пиршествомъ, и затѣмъ оба полка углубились въ темныя дебри лѣса.

З....ій шелъ впереди съ кавалеріей и орудіемъ, и послѣ долгаго перехода почти совершенно потерялъ надежду увидѣть непріятеля по сю сторону Камчика, какъ вдругъ у деревни Гаджи-Гассанъ-Ларъ онъ наткнулся на отрядъ турокъ, возводившихъ укрѣпленіе и которые, завидѣвъ его, побросали рабочіе инструменты и оружіе и обратились въ бѣгство, какъ будто передъ ними появился нечистый духъ. Если бы З....ій немедленно преслѣдовалъ ихъ со своими двумя эскадронами, то, быть можетъ, все непріятельское войско, стоявшее вблизи, обратилось бы въ бѣгство, объятое паническимъ страхомъ; это не разъ уже бывало съ турками; но З....ій также совершенно растерялся и, по моему мнѣнію, его отнюдь нельзя упрекать за это, такъ какъ онъ ожидалъ встрѣтиться съ двухъ-тысячнымъ корпусомъ непріятеля, но расчетъ этотъ оказался немного ошибочнымъ и къ приведенной цифрѣ безъ ошибки можно было прибавить еще одинъ нуликъ.

Подошли пѣшіе егеря и произошло небольшое совѣщаніе. Замѣтивъ, что турки собираются въ одну массу, наши послали имъ вслѣдъ нѣсколько пуль; тогда противники разсыпались подобно рою пчелъ и начали защищаться; разсѣявшись, по своему обыкновенію, вокругъ нашего маленькаго отряда, они свободно летали на своихъ легонькихъ лошадкахъ въ самомъ густомъ кустарникѣ и обстрѣливали егерей со всѣхъ сторонъ изъ пистолетовъ, карабиновъ и длинноствольныхъ ружей, и, маневрируя такимъ образомъ, могли убѣдиться въ численности непріятеля, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло.

На совѣтѣ, когда русскіе весьма естественно рѣшили отступать—такъ какъ цѣль рекогносцировки была достигнута и они видѣли даже болѣе нежели желали—планъ отступленія былъ составленъ снова по тому правилу тактическаго искусства, что «пѣшее войско должно составлять аріергардъ». Ничто не могло быть естественнѣе этого рѣшенія, такъ какъ пѣхотные солдаты, разумѣется, не могли такъ скоро уйти оттуда какъ З....ій съ его двумя эскадронами и четырьмя пушками. Онъ возвратился въ лагерь съ извѣстіемъ, что «остальные слѣдуютъ сзади». Долго ждали пѣхотинцевъ и все напрасно. Наконецъ, мало по малу, собралось около четырехъ сотъ бѣглецовъ, ко-

торые принесли извѣстіе, что товарищи ихъ, вѣроятно, никогда уже не вернутся. Этотъ несчастный полкъ, шедшій позади, преслѣдуемый несмѣтными массами непріятеля и, быть можетъ, осыпанный картечью турецкой артиллеріи, сражался единодушно до послѣдней возможности, но подъ конецъ всякій думалъ лишь о своемъ собственномъ спасеніи; такимъ образомъ, нѣкоторые отряды очутились на проселкахъ, гдѣ они попались туркамъ, поджидавшимъ ихъ тутъ. Немногіе, однако, были уведены въ плѣнъ, такъ какъ впослѣдствіи мы насчитали въ этомъ мѣстѣ до тысячи обезображенныхъ труповъ. Тутъ легли почти всѣ офицеры и въ томъ числѣ генералъ Гартунгъ.

Это печальное извѣстіе побудило Государя послать въ Галата-Бурну болѣе войска; защита этого поста была теперь поручена генералу Бистрому, которому были даны полки: Лейбъ-Гренадерскій, Финляндскій, Павловскій, 19-й егерскій, одинъ баталіонъ Могилевскаго полка, 4 эскадрона Сѣверскихъ конныхъ егерей и 6 эскадроновъ Бугскихъ уланъ.

Турки, съ своей стороны, оставили свой лагерь при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, выстроились подъ командою Омеръ-Вріоне противъ генерала Бистрома, на холмѣ Куртепэ, и, по своему обыкновенію, принялись рыть окопы.

Мы получили эти извѣстія подъ Шумлою съ прибавленіемъ, что «если графу Витгенштейну угодно еще отослать 19-ю дивизію въ Девно, то это было бы теперь весьма желательно; но при этомъ прежнюю позицію не слѣдуетъ оставлять безъ защиты».

Соображаясь съ этими обстоятельствами, фельдмаршалъ удержалъ третью бригаду 19-й дивизіи и отправилъ меня съ одною только второю дивизіей и 12-ю пушками; такимъ образомъ, я двинулся приблизительно съ 1,700 человѣкъ къ Девно и хотѣлъ на пути соединиться съ княземъ Мадатовымъ. Онъ объявилъ, что непріятеля не видно на разстояніи двухъ дневныхъ переходовъ, но что онъ получилъ отъ графа Дибича строгое приказаніе не оставлять своего поста.

Близь девненской мельницы я встрѣтилъ Кременчугскій полкъ; ему также было приказано не двигаться съ мѣста. Въ Девно не было ни Украинскаго, ни Одесскаго полка съ пятью эскадронами, бывшими подъ начальствомъ Деллингсгаузена, ни 20-го егерскаго полка Симанскаго. О первыхъ говорили, что генералъ-адъютантъ Сухозанетъ далъ имъ другое назначеніе, а относительно послѣдняго полка носились слухи, что онъ только что пробился въ лѣсу сквозь 3,000-й турецкій корпусъ, и дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Во всей этой путаницѣ для меня было ясно одно, что для графа Дибича присутствіе мое на этомъ рѣшительномъ пунктѣ было весьма

нежелательно, и такъ какъ онъ не могъ тотчасъ удалить меня оттуда, то всѣ его стратегическіе маневры были направлены скорѣе противъ меня, нежели противъ турокъ, въ которыхъ онъ, быть можетъ, расчитывалъ найти себѣ союзниковъ.

Съ перваго же привала за Шумлою я послалъ Молоствова къ императору и, вмѣстѣ съ донесеніемъ о моемъ движеніи и о вышеупомянутомъ порученіи, полученномъ фельдмаршаломъ, изложилъ свою просьбу снабдить меня достаточными средствами для выполненія предстоящаго мнѣ предпріятія.

Молоствовъ возвратился въ Девно и подтвердилъ своимъ недовольнымъ лицомъ вышеприведенное мнѣніе; но въ официальныхъ бумагахъ графа Дибича говорилось, что «Государь предписываетъ мнѣ вмѣстѣ съ генераломъ Бистромомъ отбросить за Камчикъ турецкій корпусъ, идущій на освобожденіе Варны. Съ этою цѣлью я долженъ войти въ соглашеніе съ генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ, которому приказано двинуться съ десятью эскадронами кавалергардовъ (garde-cavallerie) изъ Гебедчи (Guebedschi) въ Гаджи-Гассанъ-Ларъ, и съ генералами Деллингсгаузеномъ и Симанскимъ;—другими войсками въ настоящее время нельзя располагать».

На полупути изъ Девно къ Гассанъ-Лару я получилъ донесеніе отъ генерала Сухозанета, которымъ онъ извѣщалъ меня, что онъ овладѣлъ этимъ постомъ, отбросилъ оттуда непріятеля и взялъ въ плѣнъ одного пашу. Въ то же время мнѣ давали понять, что если я хочу принять участіе въ этомъ дѣлѣ, то мнѣ слѣдуетъ поспѣшить. Поэтому мы по возможности ускорили нашъ маршъ и 16-го (28-го) сентября, въ пять часовъ вечера, я былъ въ Акенджи (Akendji), въ разстояніи полверсты по сю сторону отъ Гаджи-Гассанъ-Лара. Тутъ я встрѣтилъ первыми полковника гвардейскаго уланскаго полка, князя Багратіона, и командира этого полка генерала Алферьева и отъ души поздравилъ ихъ.

— Съ чѣмъ?

— «Разумѣется, съ плѣннымъ пашою».

— Съ пашою?—Вы шутите!—возразилъ Багратіонъ, почти обиженный неумѣстною шуткою.

— Безъ сомнѣнія,—продолжалъ Алферьевъ,—Сухозанетъ подцѣпилъ вчера кухоннаго пашу со всѣми его атрибутами; въ то же время нашъ полкъ загналъ обратно въ лагерь человѣкъ двѣсти турецкихъ кавалеристовъ.

Это первое извѣстіе показалось мнѣ уже подозрительнымъ. Я велѣлъ тотчасъ попросить ко мнѣ генерала Сухозанета, но онъ уѣхалъ на рекогносцировку и, какъ говорили, возвратится очень поздно.

Около полуночи пріѣхалъ по его порученію одинъ капитанъ изъ главнаго штаба и сообщилъ мнѣ вкратцѣ то, что́ мы уже знаемъ, именно что непріятель укрѣпился приблизительно въ одиннадцати верстахъ по ту сторону отъ Гаджи-Гассанъ-Лара, между нами и генераломъ Бистромомъ, а генералъ Сухозанетъ собралъ въ лагерѣ при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ полки Украинскій, Одесскій, 20-й егерскій полкъ, кавалерійскую бригаду генералъ-маіора Ностица (гвардейскіе уланы и драгуны), два эскадрона гвардейскихъ казаковъ подъ начальствомъ генерала Ефремова, пять эскадроновъ Бугскихъ уланъ и конныхъ піонеровъ подъ начальствомъ полковника Бартоломея и 26 орудій, такъ что, если причислить къ этому шедшую со мною бригаду генерала Дурново (состоявшую изъ полковъ Азовскаго и Днѣпровскаго), то весь корпусъ, назначенный на слѣдующій день въ атаку, состоялъ изъ 10-ти баталіоновъ, 14-ти эскадроновъ и 38-ми пушекъ.

17-го (29-го) числа, въ два часа ночи, возвратился самъ генералъ Сухозанетъ, сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи произвести въ тотъ же день нападеніе и увѣрялъ, что вчерашняя рекогносцировка привела его къ тому убѣжденію, что въ турецкомъ лагерѣ находится не болѣе 6,000 человѣкъ; генералъ Бистромъ также былъ предувѣдомленъ о готовящемся предпріятіи, чтобы съ своей стороны принять надлежащія мѣры. Хотя я замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, не слѣдовало бы производить нападенія не опредѣливъ заранѣе диспозицію войска по достаточномъ изслѣдованіи мѣстности, и что поэтому лучше отложить его до послѣзавтра, но генералъ Сухозанетъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не можетъ принять моего мнѣнія, такъ какъ имѣетъ прямыя инструкціи отъ государя, войска стоятъ уже на-готовѣ и имъ сдѣланы всѣ надлежащія распоряженія. Къ этому онъ присовокупилъ, что только наканунѣ узналъ о моемъ прибытіи и что экспедиція эта была поручена изъ Варны ему одному; поэтому онъ не считаетъ себя отвѣтственнымъ за всѣ сдѣланныя до сихъ поръ мною самовольныя распоряженія.

При подобныхъ обстоятельствахъ, я счелъ долгомъ сообразоваться съ его дѣйствіями, и 17-го (29-го) числа, въ семь часовъ утра, вступилъ въ Гаджи-Гассанъ-Ларъ съ бригадою, слѣдовавшею за мною.

Тутъ встрѣтили меня генералы: баронъ Деллингсгаузенъ, Глазенапъ, Ностицъ, Ефремовъ, Симанскій, Алферьевъ и полковникъ Бартоломей, командовавшій форпостами, съ самыми серьезными предостереженіями и, въ подтвержденіе своихъ словъ, привели ко мнѣ нѣсколько болгарскихъ посланцовъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью. Генералъ Нагель, полковникъ Молоствовъ и генералъ Дурново, переговорившіе уже съ посланцами объ этомъ об-

стоятельствѣ, прошептали мнѣ, что «тутъ готовится мнѣ, вѣроятно, западня и поэтому они умоляютъ меня обратить вниманіе на слова честныхъ людей».

Деллингсгаузенъ присовокупилъ, что мнѣ не слѣдуетъ искать встрѣчи съ непріятелемъ въ лѣсистой мѣстности прежде нежели я хорошо изслѣдую ее, въ особенности потому, что онъ и его товарищи считаютъ свѣдѣнія, которыя я получилъ о силѣ и позиціи непріятеля, совершенно несоотвѣтствующими тому, что они частью сами видѣли вчера, частью слышали изъ вѣрныхъ источниковъ.

Болгарскіе посланцы привели съ собою нѣсколькихъ крестьянъ, убѣжавшихъ наканунѣ изъ непріятельскаго лагеря, который они помогали укрѣплять. Они сказали намъ, что «турки, числомъ до 50,000 человѣкъ, стоятъ въ большомъ лагерѣ на горѣ, укрѣпленномъ со всѣхъ сторонъ; небольшая часть ихъ помѣщается въ другихъ, меньшихъ лагеряхъ; кавалерія ихъ стоитъ на бивакахъ въ окрестныхъ долинахъ и частью возлѣ большаго лагеря по дорогѣ въ Бургасъ; у непріятеля было до сихъ поръ 16 пушекъ, но въ прошлую ночь они поджидали еще нѣсколько орудій; отрядъ, вышедшій изъ Шумлы, уже нѣсколько дней тому назадъ соединился съ Омеръ-Вріоне и армія подкрѣпляется ежедневно новыми отрядами изъ-за Балканъ; теперь же самъ великій визирь стоитъ не болѣе какъ съ 2,000 человѣкъ въ Дервишъ-Янларѣ (Derwisch-Janlar) по ту сторону Камчика, поджидая новыхъ отрядовъ изъ Константинополя, а все остальное войско, бывшее до сихъ поръ въ его распоряженіи, онъ послалъ къ Омеръ-Вріоне, которому поручено освободить Варну».

Въ то же время полковникъ Бартоломей донесъ мнѣ, что «по обращенному къ намъ фронту большаго турецкаго лагеря можно насчитать, по крайней мѣрѣ, до 12,000 человѣкъ войска; прочія линіи, находящіяся за горою, напротивъ того, незамѣтны, но извѣстно, что наканунѣ непріятель выставилъ противъ генерала Бистрома болѣе 15,000 человѣкъ и при томъ линія его лагеря, обращенная къ намъ, не была оставлена безъ защиты; наконецъ, не далѣе какъ наканунѣ, по дорогѣ изъ Бургаса прибыло болѣе 4,000 человѣкъ кавалеристовъ; поэтому турецкую армію безъ преувеличенія можно считать въ 40,000 человѣкъ» (цифра эта вполнѣ согласовалась съ результатомъ всѣхъ прочихъ донесеній).

Изъ собственнаго моего обозрѣнія неоконченныхъ еще, а частью едва намѣченныхъ укрѣпленій бывшаго турецкаго лагеря въ Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, гдѣ мы теперь стояли, оказалось, что онъ занималъ такое большое протяженіе, которое также приводило къ заключенію, что лагерь этотъ предназначался для значительной арміи. Едва на-

чавъ строить тутъ укрѣпленія, турки оставили ихъ, промѣнявъ эту позицію на другую, въ Куртепэ, ближе къ Варнѣ. Очевидно, непріятель былъ вполнѣ увѣренъ въ своихъ боевыхъ силахъ, когда онъ обращалъ теперь такъ мало вниманія на безопасность своихъ путей сообщенія, которымъ присутствіе наше сильно угрожало.

Нѣкоторыя чисто-военныя соображенія, вытекавшія изъ самой постановки войска, обратили на себя мое вниманіе еще болѣе, нежели всѣ эти донесенія о несмѣтной численности непріятельской арміи, а именно: съ нашей стороны къ непріятельской позиціи можно было подойти не иначе какъ черезъ густой лѣсъ, почти непроходимые кустарники и узкія лощины, по единственной дорогѣ, которая идетъ изъ Праводъ и Девно въ Варну черезъ Акенджи и Гаджи-Гассанъ-Ларъ, пересѣкая турецкій лагерь при Куртепэ. Справа приходилось сначала окольными путями выйти на дорогу въ Бургасъ, чтобы подойти къ непріятелю съ этой стороны, лежащей ближе къ морю.

На пути отъ насъ къ турецкому лагерю не было ничего кромѣ лѣса и, по собственнымъ словамъ генерала Сухозанета, подтверждаемымъ генераломъ Деллингсгаузеномъ, на всемъ этомъ протяженіи есть одно только обнаженное мѣсто, на возвышенномъ пунктѣ, гдѣ бы можно поставить нѣсколько пушекъ, но оно находится такъ далеко отъ непріятеля, что пушечныя ядра едва долетали бы до него оттуда. Къ тому же, и это единственное нѣсколько свободное мѣстечко, пригодное для обозрѣнія турецкихъ укрѣпленій, было чрезвычайно стѣснено кустарникомъ, и немного далѣе начинался снова густой лѣсъ и кустарникъ, закрывавшій окончательно весь видъ; наконецъ, только у самаго непріятельскаго лагеря, подъ выстрѣлами его, открывался холмъ, очищенный съ помощью топора отъ кустарника и на которомъ стоялъ нѣкогда генералъ Головинъ, а теперь расположились турки. Весьма возможно, что существовалъ какой нибудь окольный путь, по которому можно было подойти къ лагерю, но мы его не знали, а видѣли передъ собою одну только эту дорогу, прерываемую лощинами. Вправо, на большой дорогѣ въ Бургасъ, открывалось также болѣе чистое мѣсто, пригодное, по видимому, для нападенія, но, чтобы добраться туда, приходилось измѣнить направленіе и оставить наши теперешніе пути сообщенія. Предпріятіе это при нашихъ слабыхъ силахъ казалось весьма рискованнымъ, но все же было предпочтительнѣе опаснаго движенія по дорогѣ въ Праводы, гдѣ, если бы нападеніе, какъ слѣдовало ожидать, было отражено турками, то они весьма легко могли пробраться на бургасскую дорогу и, завернувъ направо, свободно зашли бы намъ съ тыла; этому движенію весьма способствовали сосѣдніе лѣса и лощины. Можно было ска-

зать навѣрно, что, въ случаѣ подобнаго вынужденнаго отступленія, насъ могла ожидать только участь гвардейскихъ егерей. Къ тому же, въ этомъ дѣлѣ слѣдовало оставить надежду на всякое превосходство тактическихъ свѣдѣній, ибо мы находились среди необозримыхъ лѣсовъ, въ положеніи слѣпаго, которому, если бы онъ обладалъ даже геркулесовскою силой, всякій ребенокъ могъ устроить западню.

Если бы мы, во избѣжаніе этихъ опасностей, раздѣлились на обсерваціонные отряды, стараясь этимъ прикрыть наши фланги, то въ этомъ случаѣ у насъ не хватило бы силъ для главнаго предпріятія; вообще самымъ фактомъ нашего нападенія, угрожавшаго безопасности путей сообщенія турокъ, мы вынуждали ихъ драться на жизнь и смерть и, слѣдовательно, должны были дѣлать свои приготовленія соображаясь съ ожидаемымъ отпоромъ. Для этого нужно было прежде всего изслѣдовать мѣстность и составить планъ нападенія вмѣстѣ съ генераломъ Бистромомъ, а на это потребовалось бы не менѣе двухъ дней.

Такимъ образомъ, проектъ генерала Сухозанета оказывался сумасбродною выходкой или слѣдствіемъ умышленной измѣны (?!) . . . . . Предпріятіе это казалось ужаснымъ не только по той несомнѣнной опасности, которою оно грозило намъ, но оно совершенно противорѣчило также и самымъ простымъ военнымъ понятіямъ и самымъ общеизвѣстнымъ правиламъ военнаго искусства. Хотя въ тактическомъ отношеніи турки далеко уступаютъ своимъ европейскимъ противникамъ и извѣстное упорное сопротивленіе ихъ крѣпостей бываетъ скорѣе послѣдствіемъ неумѣлости ихъ противниковъ, нежели ихъ собственныхъ качествъ, но все-таки они стоятъ выше тѣхъ рогатыхъ четвероногихъ, которыя приходятъ въ ярость при видѣ краснаго значка и которыхъ ни одинъ матадоръ не рѣшился бы схватить за рога.

Я позволю себѣ сравненіе, что при встрѣчѣ съ быкомъ я прежде всего постарался бы напугать его, ударивъ бичомъ, и затѣмъ былъ бы почти вполнѣ увѣренъ, что изумленный звѣрь посторонится, подставивъ моему удару свой бокъ.

Въ такомъ же точно положеніи было дѣло съ турками. Нападать на нихъ въ самой недоступной и легко защищаемой мѣстности значило: хватать быка за рога.

Выслать, напротивъ того, нѣсколько отрядовъ на ихъ единственную коммуникаціонную линію, угрожая этимъ подорвать окончательно всякій подвозъ провіанта и припасовъ, и двинуть въ то же время противъ нихъ войска, воздвигая вблизи батареи—было бы все равно, что бить быка бичомъ. Туркамъ пришлось бы тогда выйти изъ своего убѣжища и мы, вѣроятно, побили бы ихъ безъ особаго труда и потери.

Но даже въ томъ случаѣ, если бы они оставались въ своемъ лагерѣ, мы могли надѣяться штурмовать его съ успѣхомъ, если бы для этого приняты надлежащія мѣры.

Съ этою цѣлью я предложилъ:

«1-е. Отложить нападеніе до 21-го сентября (2-го окт.).

«2-е. Употребить это время на обсужденіе съ генераломъ Бистромомъ необходимыхъ къ принятію мѣръ и подчинить его для этого непосредственно мнѣ.

«3-е. Уполномочить меня располагать по своему усмотрѣнію княземъ Мадатовымъ и Кременчугскимъ полкомъ (князь Мадатовъ легко могъ быть отозванъ изъ Шумлы въ Праводы).

«4-е. Прислать ко мнѣ первую пѣхотную бригаду гвардейскихъ войскъ, стоявшую между Варною и Каварною».

Совершивъ рекогносцировку мѣстности, я намѣревался воспользоваться затѣмъ однимъ слабымъ мѣстомъ турецкаго лагеря, чтобы тамъ, со своей стороны, расчистить лѣсъ и поставить орудія. Весьма вѣроятно, что непріятельская армія отступила бы тогда въ Бургасъ, повернувъ къ намъ флангомъ, и этимъ доставила бы намъ самый удобный случай къ успѣшному нападенію.

Генералъ Сухозанетъ, которому я высказалъ мое удивленіе по поводу разногласія его донесеній съ донесеніями прочихъ генераловъ, вызвался лично передать императору сдѣланныя мною предложенія и поспѣшилъ съ письменнымъ отъ меня донесеніемъ въ главную квартиру. Вслѣдъ за тѣмъ я отправился на Миссисипларскую высоту, находившуюся отъ насъ вправо, откуда я могъ обозрѣть всю мѣстность до дороги въ Бургасъ, шедшей недалеко отъ морскаго берега, и турецкій лагерь, лежавшій передъ нами. Наблюденія мои подтвердили слова полковника Бартоломея; въ то же время я убѣдился, что турки укрѣплялись уже на томъ открытомъ пунктѣ, который наканунѣ служилъ намъ для рекогносцировки.

Въ моемъ отрядѣ были очень недовольны посылкою генерала Сухозанета въ Варну, и всѣ говорили, что я ничего хуже этого не могъ для себя сдѣлать. Генералъ Нагель былъ того мнѣнія, что Дибичъ найдетъ, вѣроятно, въ Сухозанетѣ лучшаго союзника, нежели въ немъ. Я зналъ, что Сухозанета въ арміи не любили и что генералъ Вольфъ подъ Браиловымъ, въ гнѣвѣ на него, обрекъ себя на смерть. Хотя по одной этой причинѣ я не могъ быть расположенъ къ нему, однако во время бывшаго въ Петербургѣ мятежа (14-го декабря) я имѣлъ случай узнать его и съ хорошей стороны, и не хотѣлъ осуждать его единственно по наслышкѣ.

Весь этотъ день я провелъ въ наблюденіяхъ и убѣдился въ воз-

можности подойти къ туркамъ въ одномъ пунктѣ, лежавшемъ вправо близь дороги въ Бургасъ, если бы это дозволили только мои силы, растянутыя на слишкомъ большомъ разстояніи. На Миссисипларской высотѣ я произвелъ смотръ гвардейской кавалеріи, думая этимъ зрѣлищемъ внушить туркамъ уваженіе къ нашимъ боевымъ силамъ. Кромѣ того, я приказалъ развести на ночь довольно большіе бивачные огни, для того, чѣмъ непріятель еще болѣе убѣдился въ томъ, что за нами слѣдуетъ по пятамъ все русское войско. Такимъ образомъ, всѣ необходимыя мѣры были приняты и я съ самыми блестящими надеждами на будущій успѣхъ отступилъ къ вечеру на узкую лѣсную дорогу, идущую отъ Миссисиплара къ Гаджи-Гассанъ-Лару, и толковалъ съ начальникомъ моей артиллеріи о томъ, какимъ образомъ избрать на слѣдующее утро для артиллеріи такой путь, который привелъ бы ихъ къ пункту на бургасской дорогѣ, избранному для постановки орудій. Объясненія мои то и дѣло прерывались пугливыми движеніями моей лошади, которая поминутно бросалась въ сторону, такъ какъ дорога, по коей мы возвращались теперь въ лагерь, служила могилою нашимъ несчастнымъ егерямъ, полусгнившіе трупы которыхъ представлялись нашимъ взорамъ въ самыхъ ужасающихъ группахъ. Большинство изъ нихъ было обезглавлено, однако турки на этотъ разъ удовольствовались тѣмъ, что собрали ихъ въ одну кучу и не увезли ихъ, по своему обыкновенію, въ видѣ трофеевъ. Говорили, будто имъ обѣщали теперь плату лишь за живыхъ плѣнныхъ, что, конечно, дѣлаетъ честь ихъ начальству. Кстати сказать, мы поймемъ храбрость и истинно благородныя качества турокъ лишь тогда, когда отнесемъ ихъ слабости къ результатамъ ихъ несовершенной организаціи. По моему мнѣнію, цивилизація и къ нимъ внесетъ скоро лучъ свѣта, однако не слѣдуетъ думать, что, съ введеніемъ европейскаго мундира и европейскаго военнаго педантизма, для турецкой имперіи настанетъ новая эра просвѣщенія.

Этого не случится даже въ чисто-военномъ отношеніи!—Азіаты, подобно всѣмъ прочимъ народамъ, имѣютъ свои особенности, въ которыхъ проявляется ихъ вольный, неукротимый нравъ; дисциплина и образованіе были до сихъ поръ почти совершенно незнакомы имъ и въ этомъ отношеніи имъ предстоитъ прогрессъ; но мелочной военный педантизмъ отнюдь несвойственъ ихъ натурѣ.

Настоящій знатокъ пойметъ меня.

Въ Гаджи-Гассанъ-Ларѣ я засталъ флигель-адъютанта графа Мантейфеля, привезшаго мнѣ отъ государя приказаніе къ нападенію; объ отправленіи генерала Сухозанета онъ еще ничего не зналъ. Тогда я написалъ графу Дибичу новое донесеніе, изложивъ ему всѣ резуль-

таты моихъ сегодняшнихъ наблюденій, и заключилъ рапортъ словами: «Поэтому я могу почитать себя счастливымъ, что оставилъ такое предпріятіе, которое могло привести лишь къ самымъ печальнымъ результатамъ. Ключъ къ настоящему походу находится, безъ сомнѣнія, въ турецкомъ лагерѣ, раскинутомъ передъ нами, но слишкомъ поспѣшное и безполезное нападеніе можетъ дать нашимъ дѣламъ самый дурной оборотъ». Едва докончилъ я свой рапортъ, какъ до меня донеслись чудные звуки знакомой пѣсни съ акомпаниментомъ духовыхъ инструментовъ. «Откуда вы это взяли?»—закричалъ я со слезами на глазахъ музыкантамъ Украинскаго полка.—Это была пародія на тему: «Schöne Minka», которую я въ 1810 г. посвятилъ Куринскому полку (Kurinskischer Regiment), возвращавшемуся тогда изъ Корфу и который былъ обязанъ своимъ превосходнымъ хоромъ одному регенту-италіанцу. Эта пѣсня, которая въ нѣмецкомъ текстѣ озаглавлена: «Надежда», была исполнена здѣсь нѣсколько иначе, нежели 18 лѣтъ тому назадъ, но она вызвала во мнѣ тогдашнее настроеніе духа и воскресила въ моемъ умѣ не одно дорогое воспоминаніе. По странному стеченію обстоятельствъ, я услыхалъ снова эту пѣсню въ первый разъ когда имя Мантёйфеля напомнило мнѣ того генерала, моего друга и товарища по оружію, который такъ часто слушалъ ее въ моей палаткѣ и впослѣдствіи былъ сраженъ при Лейпцигѣ..... еще многое другое вспомнилось мнѣ тогда, о чемъ не мѣсто говорить на этихъ страницахъ.

Все это навѣяло на меня нѣкоторую грусть. Комаровскій смотрѣлъ на меня, не понимая причины происшедшей во мнѣ перемѣны.

Вообще весь этотъ вечеръ былъ изъ числа тѣхъ, которые, по своимъ страннымъ явленіямъ, наводятъ поэтовъ на неясныя предсказанія о грядущихъ несчастіяхъ. Сидя подъ чудными сводами величественныхъ дубовъ, на сочной, еще свѣжей травѣ, мы не наслаждались осеннею прохладою, но слѣдили за багровымъ оттѣнкомъ заходящаго солнца, а трогательные звуки пѣвцовъ переносили насъ въ область мечтаній, за черту всего земнаго; но вдругъ глухіе отдаленные раскаты отбоя, долетѣвшіе изъ турецкаго лагеря, возвратили насъ къ дѣйствительности.

— Жаль однако,—воскликнулъ генералъ Нагель,—что насъ покинулъ маркизъ, такъ какъ ему, вѣроятно, скорѣе удалось бы развеселить ваше высочество, нежели украинскимъ музыкантамъ!

Надобно сказать, что послѣ дѣла при Марашѣ свита моя значительно уменьшилась и даже любопытный французъ совершенно потерялъ охоту къ ночнымъ нападеніямъ. Въ это время мой двоюродный братъ Александръ заболѣлъ и былъ вынужденъ оставить армію.

Государь приказалъ Эрнесту сопровождать брата. За ними послѣдовалъ вѣрный Беттихеръ и нѣкоторые другіе офицеры, а маркизъ объявилъ, что онъ до того привязался къ моимъ двоюроднымъ братьямъ, что не можетъ разстаться съ ними. И со мною ему было трудно разставаться, но юность имѣетъ такъ много привлекательнаго въ сравненіи съ зрѣлыми лѣтами, что неудивительно—почему двадцатилѣтніе юноши одержали въ сердцѣ француза верхъ надъ сорокалѣтнимъ мужчиною. Все было уже готово къ ихъ отъѣзду, какъ вдругъ безсовѣстнымъ туркамъ вздумалось захватить одинъ транспортъ близъ Енибазара. Беттихеръ и маркизъ наперерывъ стали кричать, что было бы непростительно отпустить принцевъ безъ порядочнаго конвоя, а послѣдній, въ своемъ рвеніи къ ихъ безопасности, объявилъ, что онъ скорѣе самъ останется подъ Шумлою, нежели возьметъ на себя отвѣтственность, что въ его присутствіи не случится ничего дурнаго съ королевскими принцами. Слова эти были не болѣе какъ шуткою съ его стороны, ибо когда мои двоюродные братья уѣхали, не заботясь вовсе о конвоѣ, то онъ счелъ за стыдъ оставить ихъ, car pour le cas de besoin il se fiait à sa lame (ибо въ случаѣ нужды онъ полагался на свою шпагу).

Здѣсь я долженъ проститься съ этимъ интереснымъ болтуномъ и замѣчу еще разъ, что, не смотря на свое, по видимому, ухорское поведеніе, онъ былъ не болѣе какъ фанфаронъ, который, ради краснаго словца, не жалѣлъ даже своей собственной репутаціи. Передъ возвращеніемъ во Францію онъ останавливался на нѣкоторое время въ Берлинѣ, и генералъ Вементини, извѣстный сторонникъ легетимистовъ, писалъ мнѣ: «Я съ удовольствіемъ познакомился съ молодымъ воиномъ, который такъ открыто становится на вашу сторону и о другихъ высокопоставленныхъ лицахъ говоритъ правду не стѣсняясь». Я отвѣчалъ ему стариннымъ изреченіемъ: «Спаси меня Господи отъ друзей» (Gott bewahre mich vor meinen Freunden), вспомнивъ при этомъ басню о медвѣдѣ, который убиваетъ пустынника, желая согнать съ его лба муху.

Думая о маркизѣ, я заснулъ въ довольно веселомъ настроеніи духа, но за то пробужденіе мое на слѣдующій день было не особенно пріятное. Передо мною стоялъ адъютантъ графа Воронцова со слѣдующею официальною депешею отъ графа Дибича:

«Императоръ желаетъ, чтобы вы непремѣнно произвели нападеніе, и я прошу обозначить въ точности—когда именно ваша колонна можетъ прибыть на высоту, занятую непріятельскимъ лагеремъ». Въ то же время адъютантъ сообщилъ, что за нимъ слѣдуетъ генералъ Сухазанетъ, который лично передастъ мнѣ остальное.

Генералъ прибылъ на разсвѣтѣ и донесъ мнѣ, что «его представленія остались безъ успѣха и что послать гвардейскую бригаду въ Варну считаютъ невозможнымъ, точно также какъ и удалить князя Мадатова изъ Праводъ; въ мое распоряженіе предоставляется одинъ только Кременчугскій полкъ. Съ моей стороны считали необходимымъ произвести нападеніе сегодня же, такъ какъ можно было ожидать, что изъ Шумлы подойдетъ до 14,000 человѣкъ и, кромѣ того, верховный визирь подвигался съ 6,000-мъ отрядомъ на соединеніе съ непріятельскимъ корпусомъ, стоявшимъ уже при Куртепэ».

Я высказалъ генералу Сухозанету свое удивленіе по поводу противорѣчія, существовавшаго между мнѣніемъ начальства подъ Варною и тѣмъ извѣстіемъ, съ какимъ его послали отсюда: именно, что всѣ эти войска, которыя считаются начальствомъ далеко, стоятъ уже въ турецкомъ лагерѣ, за исключеніемъ одного только визиря съ его 2,000 человѣкъ.

Генералъ отвѣчалъ, что онъ тщетно дѣлалъ всѣ возможныя возраженія, и теперь мнѣ остается одно—попытать самому счастія у императора, который находится столь близко, что я могу еще успѣть ходатайствовать объ отмѣнѣ наступленія.

Повинуясь долгу чести и совѣсти, возлагавшему на меня спасеніе тѣхъ жертвъ, которыя должны были здѣсь пасть, я забылъ на минуту всякія другія соображенія и, не обращая вниманія на блѣдныя лица моихъ подчиненныхъ, желавшихъ, по видимому, удержать меня отъ подобнаго рѣшенія, не слушая даже того, что̀ говорили мнѣ самые приближенные люди, я рѣшилъ уже скакать къ императору, какъ вдругъ, къ счастію—во̀-время, мнѣ пришло на мысль: «Что̀, если какая нибудь случайность задержитъ меня на пути и, находясь между императоромъ и оставленными мною войсками, я пропущу рѣшительную минуту, когда, по условію, генералъ Сухозанетъ двинется съ колонною противъ непріятеля и мнѣ слѣдуетъ присоединиться къ нему по дорогѣ, лежащей ближе всего къ непріятельской позиціи? Если битва въ этомъ случаѣ начнется безъ меня, то какая судьба постигнетъ ввѣренныя мнѣ войска и какой отвѣтственности подвергнусь я самъ?»

Воспользовавшись этимъ минутнымъ раздумьемъ, мой вѣрный спутникъ Молоствовъ высказалъ мнѣ свои сомнѣнія. Онъ былъ того мнѣнія, что если взять во вниманіе извѣстныя ему разстоянія, то мнѣ невозможно будетъ доѣхать до императора во̀-время, поэтому, подобно всѣмъ прочимъ, онъ видѣлъ въ предложеніи генерала Сухозанета лишь новую западню, поставленную мнѣ на дорогѣ.

И такъ, я отмѣнилъ свое рѣшеніе и коротко отвѣчалъ графу Дибичу: «Согласно повелѣнію императора, моя колонна ровно въ два часа по полудни будетъ стоять готовая къ бою на дорогѣ въ Праводы, подъ пушечными выстрѣлами непріятеля».

Въ то же время я отправилъ и графа Мантейфеля. «Никто какъ Богъ!» — почти въ одинъ голосъ воскликнули Ностицъ и Нагель. «То же самое думаютъ и турки, — возразилъ я улыбаясь,—однако, по крайней мѣрѣ по отношенію къ намъ, я знаю нѣчто еще болѣе великое, а именно неподражаемую глупость Дибича».

— «Передайте—продолжалъ я, обращаясь къ графу Мантейфелю,—что онъ можетъ ожидать всего отъ храбрости, вѣрности и преданности нашихъ войскъ, но что самый заурядный военный критикъ не могъ бы ничего обѣщать отъ этого неосторожнаго предпріятія».

Дѣйствительно (было очевидно), что насъ обрекаютъ смерти,—и хотя, не смотря на это, самоотверженіе моихъ подчиненныхъ не имѣло границъ, тѣмъ болѣе приходилось пожалѣть, что столь многіе изъ нихъ должны были пасть жертвою самыхъ низкихъ интригъ (Дибича и Сухозанета).

Ошибка императора въ этомъ дѣлѣ была понятна и проистекала отъ недостаточнаго знанія (подробностей) дѣла; къ тому же, даже самое простое соображеніе, что, будучи на мѣстѣ дѣйствій, я могъ составить себѣ болѣе правильное понятіе о нихъ, нежели онъ на своемъ кораблѣ, и то исчезало передъ доводами графа Дибича, успѣвшаго внушить къ себѣ полное довѣріе. За то поступки начальника императорскаго главнаго штаба выходили положительно изъ границъ возможнаго невѣжества (?!) въ военномъ дѣлѣ; они были, какъ впослѣдствіи оказалось, прямымъ послѣдствіемъ предумышленнаго преступленія (!?), что̀ я здѣсь и намѣренъ вполнѣ обнаружить.

Когда я въ кругу моего войска встрѣтился снова съ генераломъ Сухозанетомъ, то онъ объявилъ мнѣ, что имѣетъ секретныя порученія отъ императора ко мнѣ. Поэтому, къ величайшему неудовольствію всѣхъ присутствовавшихъ, я удалилъ ихъ.

Генералъ Сухозанетъ сообщилъ мнѣ, что «его величество назначилъ его начальникомъ моего главнаго штаба и поручилъ ему помогать мнѣ своими совѣтами».

— Гдѣ ваше полномочіе?

Онъ хотѣлъ-было вынуть изъ кармана какую-то бумагу, но, одумавшись — положилъ ее обратно, сказавъ: «Достаточно моего слова».

— «Ничуть, — возразилъ я. — Начальникомъ моего штаба, по приказанію императора, состоитъ генералъ Нагель; вамъ же, какъ зачинщику предпринимаемаго отчаяннаго дѣла, принадлежитъ при этомъ почетное мѣсто. Вы поведете на приступъ колонну и, вспомните мое слово, сегодня будете во главѣ ея, а завтра будете обличены мною». Съ этими словами я повернулся къ нему спиною, но затѣмъ прибавилъ еще: «не подумайте, однако, чтобы я не сопутствовалъ вамъ въ опасности!»

Инструкцію, которую генералъ Сухозанетъ не сообщилъ мнѣ, или лучше сказать, которую я при тогдашнемъ своемъ настроеніи духа вовсе не желалъ знать, онъ передалъ генералу Нагелю и я узналъ ея содержаніе лишь послѣ битвы.

Въ ней говорилось, что «генералу Сухозанету предписывается отправиться ко мнѣ въ качествѣ генералъ-адъютанта императора [1]) и въ случаѣ моей смерти, чего Боже упаси [2]), или въ случаѣ если бы я былъ раненъ, онъ приметъ вмѣсто меня командованіе войскомъ».

Этотъ приказъ, подписанный графомъ Дибичемъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ его прочимъ ожиданіямъ.

События, случившіяся подъ Варною, и быстрота, съ какою турки изъ Куртепэ напали 16-го (28-го) числа на генерала Бистрома, внушили императору нѣкоторыя опасенія, и Дибичъ раздѣлялъ, быть можетъ, съ его величествомъ желаніе—какъ можно скорѣе удалить непріятельское осадное войско, но, спѣша принять для этого надлежащія мѣры, онъ думалъ въ то же время дать мнѣ опасное порученіе и, съ другой стороны, хотѣлъ самымъ выгоднымъ для себя образомъ воспользоваться моею горячностью.

Если бы я погибъ въ этомъ дѣлѣ, какъ онъ легко могъ ожидать, то этимъ самый опасный соперникъ его былъ бы устраненъ и смолкъ навсегда; если бы я былъ отбитъ, то онъ имѣлъ бы право сказать: «Видите, ваше величество! Дибичъ былъ правъ: принцъ Евгеній не дорось еще до такого предпріятія!» Если бы дѣло удалось мнѣ, вслѣдствіе какой нибудь счастливой случайности, которую въ обще-

---

[1]) Что бы это значило?

[2]) Т. е., чего мы отъ души желаемъ. Авторъ.

ствѣ сочли бы за чудо, то хитрый любимецъ могъ бы сказать своему монарху: «Разсмотрите всѣ возраженія, которыя представлялъ мнѣ корпусный командиръ, слывшій нѣкогда столь храбрымъ, а теперь сдѣлавшійся черезчуръ осторожнымъ. Слѣдовательно, мнѣ одному принадлежитъ вся честь этого предпріятія, которое, быть можетъ, и не удалось бы, если бы я не предупредилъ всякія случайности приставивъ къ нему генерала Сухозанета».

Дибичъ не только думалъ все это (такъ какъ меня весьма основательно могутъ спросить—откуда я все это взялъ), но даже говорилъ, считая себя теперь достаточно въ силѣ, чтобы не стѣсняться. Я же, со своей стороны, только сопоставилъ здѣсь всѣ высказанныя имъ соображенія, которыя были переданы мнѣ впослѣдствіи, и, если взять во вниманіе всѣ его интриги, то подобныя заключенія съ моей стороны по крайней мѣрѣ покажутся совершенно естественны.

Теперь же Дибичъ отправился прежде всего къ генералу Бистрому и мы скоро услышимъ о томъ, что онъ тамъ дѣлалъ.

Съ моей стороны было сдѣлано слѣдующее распоряженіе.

«Генералъ Сухозанетъ ведетъ пѣхотную колонну и артиллерію по дорогѣ въ Праводы, черезъ лѣсъ, до того пункта, гдѣ онъ третьяго дня производилъ рекогносцировку, прогоняетъ оттуда турокъ, работающихъ надъ укрѣпленіями, и останавливается.

«Генералъ Ностицъ ведетъ кавалерію на Миссисипларскую высоту и послѣ перваго выстрѣла изъ орудія, произведеннаго генераломъ Сухозанетомъ, рысью догоняетъ пѣхоту и слѣдуетъ за нею.

«Я самъ, во время движенія войскъ черезъ лѣсъ, буду находиться при генералѣ Ностицѣ, на высотѣ, для наблюденія за непріятелемъ, но передъ началомъ битвы стану во главѣ пѣхоты.

«Всѣ дальнѣйшія распоряженія будутъ вытекать прямо изъ обстоятельствъ» [1]).

Что касается численности нашихъ войскъ, то упомянутые выше 10 баталіоновъ и 14 эскадроновъ заключали въ себѣ 5,000 пѣхотинцевъ и 1,600 кавалеристовъ. Но изъ этого числа былъ оставленъ отрядъ для прикрытія лагеря и багажа въ Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, такъ что весь мой корпусъ состоялъ изъ 6,000 человѣкъ и въ томъ числѣ изъ 4,500 пѣхотинцевъ.

---

[1]) Таковъ былъ точный смыслъ сдѣланной мною диспозиціи. Словесныхъ приказаній я теперь не упомню. Авт.

18-го (30-го) сентября, ровно въ два часа пополудни, голова колонны пришла къ назначенному пункту, и турки послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ оставили свои неоконченныя укрѣпленія, которыя были тотчасъ заняты Украинскимъ пѣхотнымъ и 20-мъ егерскимъ полками.

Въ ту же самую минуту я прибылъ къ войску, но и непріятель не заставилъ себя долго ждать.

Мы очутились вскорѣ подъ огнемъ турецкой пѣхоты, приближавшейся съ трехъ сторонъ; между прочимъ, мы увидѣли тутъ нѣсколько довольно большихъ колоннъ регулярнаго войска. Онѣ оставили лагерь при извѣстіи о нашемъ приближеніи, съ тѣмъ, чтобы, по извѣстной привычкѣ мусульманъ, встрѣтить насъ впереди окоповъ. На всемъ пространствѣ, на которомъ мы стояли, едва могли вполнѣ развернуться два баталіона; со всѣхъ сторонъ насъ окружалъ лѣсъ и поэтому пѣхотные полки наши и орудія были тѣсно скучены, такъ что намъ приходилось какъ можно скорѣе перейти въ наступленіе, чтобы хотя нѣсколько вздохнуть вольнѣе. Турки были отбиты со всѣхъ сторонъ, но, по самой особенности той мѣстности, мы не знали точно куда идемъ, такъ какъ каждый баталіонъ, войдя въ лѣсъ, совершенно терялся изъ вида и, для того, чтобы узнать гдѣ онъ находится, приходилось посылать на развѣдки. Такимъ образомъ исчезъ, напримѣръ, съ самаго начала первый баталіонъ Днѣпровскаго полка и мы примѣтили его впослѣдствіи далеко отъ насъ вправо, у самаго турецкаго лагеря, гдѣ онъ одинъ отважился вступить въ бой.

Отбитые первый разъ, турецкіе стрѣлки снова вернулись и стали осыпать насъ цѣлымъ градомъ пуль со всѣхъ сторонъ, изъ кустовъ, почти съ тыла нашихъ отрядовъ, ушедшихъ впередъ. Свѣжіе баталіоны отразили и это нападеніе, но оно повторялось такъ часто и турки окружили насъ вдоль лощинъ влѣво въ такомъ большомъ количествѣ, что если бы и мы со своей стороны продолжали наступать, то намъ пришлось бы разсѣяться по всему лѣсу. Всѣ невыгоды нашего положенія я предвидѣлъ еще ранѣе, но если взять во вниманіе тѣ критическія обстоятельства, которыя намъ готовила судьба, то объ этой первой сценѣ драмы едва-ли стоило бы упоминать, хотя она и была богата эффектными положеніями и новичку въ турецкой войнѣ завязка ея могла показаться чрезвычайно запутанною.

И тутъ я скоро нашелъ исходъ. Собравъ весь нашъ маленькій отрядъ въ одну кучку, я приказалъ расположить вокругъ всѣ наши 38 пушекъ; вскорѣ цѣлые залпы картечи полетѣли въ лѣсъ и въ

двѣ минуты турокъ какъ не бывало, такъ что если бы легкая рана, полученная мною въ руку, не напоминала мнѣ о ихъ недавнемъ присутствіи, то я счелъ бы все это происшествіе за мистификацію. Но вокругъ меня многіе жаловались и стонали, и добрый Лопухинъ между прочимъ былъ раненъ въ колѣно [1]). «Послушай,—сказалъ я теперь моему вѣрному егерю Шперу,—ты жестоко ошибаешься думая, что я имѣю теперь время разсуждать съ тобою о порубкахъ въ нашихъ лѣсахъ; знай же, что турки не на столько вѣжливы, чтобы щадить людей, не принимавшихъ участіе въ битвѣ».

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ Шперъ,—считайте и меня въ числѣ ратниковъ.

Относительно дальнѣйшихъ мѣръ мнѣ представлялся выборъ между двумя рѣшеніями. Во первыхъ, я могъ сомкнутою массою броситься на встрѣчу непріятелю, или, во вторыхъ, прекративъ въ этотъ день битву, возобновить ее на слѣдующій, сдѣлавъ то, что я прежде намѣревался, т. е. расчистить кустарникъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и построить тамъ батареи.

Въ первомъ случаѣ я долженъ былъ прикрыть взятыя мною 38 орудій, которыя я не могъ отослать обратно безъ конвоя, такъ какъ турки, нападавшіе на насъ, не соблаговолили сказать намъ куда они направились, и, слѣдовательно, мнѣ приходилось оставить при артиллеріи четыре баталіона, которые въ случаѣ крайности составили бы небольшой резервъ. Одинъ баталіонъ, какъ я уже сказалъ, затерялся въ лѣсу; также не возвратились до сихъ поръ и два эскадрона гвардейскихъ казаковъ, которыхъ я послалъ за нимъ, и отрядъ драгунъ.

Я думаю, что такимъ образомъ могъ бы разойтись весь мой корпусъ и ни одинъ человѣкъ не нашелъ бы обратно дорогу. Кавалерія, стоявшая за пѣхотою, точно также не могла быть въ дѣлѣ какъ и артиллерія; слѣдовательно, мнѣ оставалось всего пять баталіоновъ, т. е. около 2,500 человѣкъ, съ которыми я долженъ былъ пройти съ версту по узкому ущелью, отдѣлявшему насъ отъ непріятеля, и подойти къ его укрѣпленіямъ, гдѣ засѣло до 40,000 человѣкъ турокъ. Въ концѣ перехода наше войско встрѣтило бы довольно сильную батарею; справа поджидалъ насъ, вѣроятно, порядочный отрядъ кавалеріи и даже по пути нѣсколько тысячъ стрѣлковъ могли напасть на нашу колонну слѣва и уничтожить насъ до послѣдняго.

---

[1]) Къ сожалѣнію, онъ умеръ отъ полученныхъ ранъ.

Я не ставлю себѣ въ заслугу того, что я отказался отъ подобнаго предпріятія; но впослѣдствіи нѣкоторые видѣли въ этомъ недостатокъ рѣшимости съ моей стороны; на это я припомню только къ чему привела рѣшимость генерала Ридигера при Кіотэ, маіора Герцига при Марашѣ и генерала Гартунга при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, и наконецъ генерала Остроменко при Кулевчахъ, на глазахъ Забалканскаго героя, что, впрочемъ, было позднѣе. Я не ищу незаслуженной репутаціи, но не заслуживаю также упрека, будто я когда либо подалъ поводъ считать меня тупоумнымъ.

Посмотримъ, однако, что побудило меня уклониться отъ втораго предпріятія, требуемаго обстоятельствами.

Съ одной стороны, меня удержала пальба, доносившаяся со стороны генерала Бистрома и давшая мнѣ знать, что онъ сражается, и затѣмъ прибытіе флигель-адъютанта графа Кушелева, о которомъ я уже упоминалъ; онъ привезъ мнѣ письмо отъ графа Дибича, оригиналъ котораго хранится до сихъ поръ въ моихъ бумагахъ и содержаніе коего было слѣдующее:

«Его величество убѣжденъ, что непріятельское войско состоитъ не болѣе какъ изъ 12-ти или 15,000 человѣкъ и что нападеніе со стороны вашего королевскаго высочества, энергично поддержанное генераломъ Бистромомъ, увѣнчается успѣхомъ. Такъ какъ высоты представляютъ удобное мѣсто для постановки вашихъ орудій [1]) и ими можно будетъ угрожать непріятелю, то храбрая пѣхота корпуса вашего высочества не захочетъ уступить своимъ товарищамъ въ Азіи».

Самъ императоръ написалъ мнѣ карандашомъ по французски слѣдующее:

«Браво, любезный Евгеній! Наконецъ-то ты на настоящемъ мѣстѣ! Да хранитъ тебя Богъ! Исполни свой долгъ. Ты ведешь храбрецовъ! которые также исполнятъ его. Бистромъ поддержитъ тебя въ томъ случаѣ, если непріятель нападетъ въ большомъ количествѣ; если же это ему не удастся, то мы сдѣлаемъ со своей стороны все, чтобы облегчить тебѣ твой трудъ. Скажи всѣмъ отъ моего имени (по русски), что я поручаю храбрецамъ геройскій подвигъ и что съ нами будетъ Богъ!»

---

[1]) Откуда почерпнулъ онъ эту истину?

[2]) Записка эта, подправленная чернилами, хранится съ моими прочими письмами. Авт.

Послѣднія слова были прочитаны войскамъ и вызвали такое одушевленіе, что всѣ просились впередъ. «Мы и двинемся немедленно,—воскликнулъ я,—только съ осторожностью».

Что мнѣ оставалось дѣлать? Я долженъ былъ исполнить данное мнѣ приказаніе и мнѣ слѣдовало только избрать тотъ образъ дѣйствій, который бы менѣе всего подвергалъ нашу жизнь опасности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КН. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ.

1859—1862 гг.

Князь Викторъ Ивановичъ Барятинскій, младшій братъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго, изъ довѣрія ко мнѣ, какъ къ старому своему знакомому, передалъ мнѣ разныя бумаги и переписку, оставшуюся послѣ смерти покойнаго фельдмаршала. Князь Викторъ Ивановичъ, передавая мнѣ эти бумаги и переписку, уполномочилъ меня печатать въ современныхъ изданіяхъ, по частямъ, болѣе интересное и могущее служить матеріаломъ не только для исторіи Кавказа, но и для будущей біографіи генералъ-фельдмаршала.

Избравъ для этого многоуважаемую «Русскую Старину», какъ журналъ болѣе подходящій по содержанію печатаемыхъ статей, и получивъ на это благосклонное согласіе почтеннаго редактора, я на первый разъ помѣщаю: нѣкоторые приказы, отданные фельдмаршаломъ по Кавказской арміи, и нѣсколько писемъ изъ переписки Шамиля и его женъ (послѣднихъ послѣ смерти имама)—съ княземъ Александромъ Ивановичемъ.

М. Я. Ольшевскій.

I.

Приказы по войскамъ кн. А. И. Барятинскаго.

Нижепечатаемые приказы по Кавказской арміи и два по Кабардинскому полку, какъ шефа, фельдмаршала замѣчательны: одни —по краткости и вмѣстѣ съ тѣмъ силѣ выраженія и красотѣ слога; другіе—по задушевной теплотѣ и признательности къ трудамъ и подвигамъ его главныхъ сподвижниковъ, а также по любви къ солдату, которымъ онъ гордился и о которомъ отечески заботился,—качества столь присущія величію и добротѣ души князя Александра Ивановича Барятинскаго.

М. О.

1.

Октября 12-го 1856 года.—Въ укр. Петровскомъ.

Воины Кавказа! Смотря на васъ и дивяся вамъ, я взросъ и возмужалъ.

Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ назначеніемъ быть вождемъ вашимъ.

Трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь.

Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя!

2.

6-го апрѣля 1859 года.—Тифлисъ.

Войскамъ лѣваго крыла.

Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдой: неодолимыя доселѣ преграды пали, Ведень взятъ и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ великаго Государя.

Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его.

3.

Апрѣля 29-го дня 1859 года.—Въ г. Тифлисѣ.

Кавказскія войска!

Возвѣщаю вамъ новую радость: Государь Императоръ, въ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ ко мнѣ, благодаритъ васъ за взятіе Веденя. Передаю вамъ собственныя выраженія Его Величества.

«Скажи Моимъ Кавказскимъ молодцамъ, что они лучшаго подарка не могли мнѣ сдѣлать на день Моего рожденія; что Я ими горжусь за новый подвигъ, которымъ они себя ознаменовали въ самыхъ нѣдрахъ нашихъ враговъ».

Примите, храбрыя войска, сердечное мое поздравленіе.

4.

Іюля 21-го дня 1859 года.—Въ лагерѣ при озерѣ Ретло (въ Андіи).

Войска Дагестанскаго отряда! Вы храбро заняли переправу на Койсу и тѣмъ блистательно исполнили мое желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ подвигъ.

5.

Іюля 27-го дня 1859 года.—Главная квартира въ Андіи близь аула Тандо.

Сего дня доношу я Государю Императору о покореніи его державѣ Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чаберлоя и другіи верхнихъ обществъ.

Благодарю войска Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ, всѣхъ—отъ генерала до солдата, за столь радостную вѣсть для сердца возлюбленнаго Монарха.

Особенную мою признательность объявляю генералъ-адъютанту барону Врангелю и генералъ-лейтенанту графу Евдокимову.

6.

Августа 6-го дня 1859 года.—Главная квартира близь аула Конхидатль.

Въ безсмертномъ подвигѣ покоренія Восточнаго Кавказа, самая тяжелая доля трудовъ предстояла вамъ, неутомимыя войска Лезгинскаго отряда! Вы совершили съ самоотверженіемъ предначертанія мои и превзошли всѣ ожиданія.

Примите, братцы, мое душевное спасибо.

Благодарю искренно достойнаго предводителя вашего генералъ-маіора князя Меликова, всѣхъ генераловъ и офицеровъ.

7.

Августа 22-го дня 1859 года.—Главная квартира близь аула Кегеръ.

Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край, я призвалъ васъ къ стяжанію великой славы Государю нашему и вы исполнили надежду мою.

Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-грузинской дороги.

Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до глубины сердецъ вашихъ.

8.

Августа 26-го дня 1859 года.—Главная квартира близь аула Кегеръ.

Шамиль взятъ—поздравляю Кавказскую армію!

9.

Сентября 20-го дня 1859 года.—Въ г. Тифлисѣ.

Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго донесенія моего Государю Императору о штурмѣ Гуниба и взятіи въ плѣнъ Шамиля, Его Императорское Величество, въ Собственноручномъ рескриптѣ ко мнѣ отъ 11-го сентября, соизволилъ начертать: «Слава тебѣ Господи! и честь и слава тебѣ и всѣмъ нашимъ Кавказскимъ молодцамъ».

Спѣшу передать эти слова и вмѣстѣ съ тѣмъ поздравить симъ войска Кавказской арміи.

По Кабардинскому пѣхотному полку, шефа этого полка.

1.

Сентября 13-го дня 1858 года.—Въ г. Тифлисѣ.

Боевые товарищи первой юности моей, храбрые Кабардинцы!—Съ 1835 года я привязанъ къ вамъ всѣмъ сердцемъ; въ памятный 1845 годъ я командовалъ 3-мъ баталіономъ знаменитаго вашего полка; потомъ былъ полковымъ вашимъ командиромъ, дивизіоннымъ начальникомъ, и всегда съ особеннымъ почтеніемъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые имѣютъ счастіе носить мундиръ Кабардинскаго полка. Я не буду припоминать именъ всѣхъ тѣхъ боевъ, гдѣ я былъ свидѣтелемъ геройскихъ подвиговъ вашихъ, любовался и восхищался вами. И такъ, храбрые товарищи, вы угадаете сами какимъ счастіемъ наполнила душу мою высокая милость, оказанная Государемъ Императоромъ назначеніемъ меня вашимъ шефомъ. Я съ гордостью спѣшу стать передъ ваши ряды, чтобы встрѣтить вмѣстѣ съ вами Великихъ Князей Августѣйшихъ Братьевъ возлюбленнаго нашего Монарха и снова услышать съ восторгомъ столь знакомые мнѣ военные клики ваши.

2.

Декабря 17-го дня 1859 года.—Ст. Меркулова.

Храбрые Кабардинцы!

Вмѣстѣ съ назначеніемъ меня генералъ-фельдмаршаломъ, Государю Императору угодно было связать мое имя съ вами.

Каждому изъ васъ понятно мое счастіе.

II.

Письма Шамиля и его женъ.

Печатаемыя письма Шамиля взяты мною изъ переписки его съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, начиная съ 1859 года, или прибытія бывшаго имама въ Калугу, и до смерти его, послѣдовавшей въ половинѣ 1871 года у гроба Магомета, въ Мединѣ.

За исключеніемъ перваго письма, написаннаго по русски [1]), вся прочая переписка Шамиля съ генералъ-фельдмаршаломъ, согласно желанія князя, выраженнаго въ отвѣтѣ на первое письмо Шамиля [2]), производится самимъ имамомъ на арабскомъ языкѣ, переводы съ котораго здѣсь и печатаются.—Эти письма интересны не только по цвѣтистому слогу, наполненному метафорами—столь присущему Востоку, но и по содержанію своему.—Кромѣ благодарности Шамиля за изливаемыя на него милости, можно видѣть изъ этихъ писемъ, что бывшій владыка горъ до 1868 года остается на жительствѣ въ г. Калугѣ и что въ слѣдующемъ году переѣзжаетъ по желѣзной дорогѣ въ Кіевъ.—Послѣднее, предсмертное письмо Шамиля, отъ 14-го января 1871 года, пишется изъ Медины, куда онъ отправился изъ Кіева, въ этотъ священный городъ мусульманъ, на поклоненіе гробу Магомета, въ 1869 году. Сверхъ того, изъ этой переписки видно, что въ 1866 году Шамиль присягнулъ на вѣрноподданничество своему новому отечеству—Россіи. Послѣднія три письма принадлежатъ женамъ Шамиля, писанныя ими къ князю Александру Ивановичу Барятинскому въ 1871 году, послѣ смерти ихъ мужа, бывшаго имама.

Къ письмамъ приложены русскіе переводы, которые и помѣщаемъ на страницахъ «Русской Старины».

М. Я. Ольшевскій.

---

[1]) Это письмо, по всему вѣроятію, было написано первымъ приставомъ, состоящимъ при Шамилѣ,—полковникомъ Руновскимъ.

[2]) Въ отвѣтѣ на письмо Шамиля отъ 11-го сентября 1859 года, вотъ, что между прочимъ писалъ князь: «Я всегда съ удовольствіемъ узнаю всякую добрую вѣсть о васъ. Продолжайте извѣщать меня о себѣ и пишите прямо по арабски. При мнѣ есть довольно людей, знающихъ основательно этотъ языкъ; они вѣрно передадутъ мнѣ содержаніе вашихъ писемъ, которыя такимъ образомъ будутъ для меня цѣннѣе, ибо они останутся у меня, какъ память о васъ и прямое выраженіе неискаженныхъ вашихъ чувствъ ко мнѣ». **М. О.**

11-го сентября 1859 года.—Г. Калуга.

Князь Намѣстникъ! Сынъ мой ѣдетъ на Кавказъ за нашимъ семействомъ. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить тебѣ всю мою благодарность и признательность за твое ко мнѣ вниманіе и ласку. Я понимаю и чувствую, что только благодаря тебѣ я былъ принятъ такъ милостиво Государемъ. Онъ совершенно успокоилъ меня, сказавъ, что я не буду раскаяваться въ томъ, что покорился Россіи.

Государыня, все Царское семейство и всѣ главные начальники тоже оказали мнѣ большое вниманіе и всѣмъ этимъ я обязанъ тебѣ. Государь назначилъ мнѣ мѣстомъ жительства Калугу и въ этомъ городѣ мнѣ приготовили удобное и прекрасное помѣщеніе. Братья твои, которыхъ я видѣлъ въ Петербургѣ, очень были со мной ласковы; я былъ у нихъ въ ложѣ въ театрѣ и получилъ въ подарокъ бинокль.

Сынъ мой Гази-Мухаммедъ, съ дозволенія Государя, ѣдетъ въ Шуру, чтобы привезти въ Калугу наше семейство; прошу тебя приказать при отправленіи ихъ съ Кавказа оказать имъ такое же содѣйствіе, какъ было при нашемъ отправленіи.

До меня дошли слухи, что ты боленъ, это меня очень огорчило; отъ души прошу Бога, чтобы онъ возвратилъ тебѣ здоровье.

Я и все мое семейство никогда не забудемъ твоихъ милостей, не забудь и ты насъ, если необходимость заставитъ кого нибудь изъ насъ обратиться къ тебѣ.

Я бѣдный рабъ Всевышняго Бога Шамиль.

24-го августа 1860 года.—Г. Калуга.

Великому генералъ-фельдмаршалу, правителю Кавказскихъ областей, князю Барятинскому, да дастъ ему Всевышній Богъ силы и здоровье!

Когда мы услышали, что вы такъ сильно больны, что болѣзнь ваша принуждаетъ васъ, для излеченія ея, отправиться въ нѣмецкія государства, то намъ стало такъ грустно и тяжело, какъ если бы былъ боленъ родной братъ или любимый сынъ.

Мы и прежде молили Всевышняго, чтобы онъ продлилъ навсегда здоровье ваше, а теперь молимъ Бога болѣе, чѣмъ когда либо, чтобы онъ излечилъ болѣзнь вашу и возвратилъ васъ снова къ здоровью, такъ чтобы вы скорѣе и совершенно благополучно возвратились въ отечество.

Еще прошу у Бога, чтобы онъ не изгладилъ изъ вашего ума и памяти воспоминанія обо мнѣ и чтобы Онъ помогъ вамъ сдержать обѣщаніе, данное вами мнѣ въ благословенной Москвѣ, въ прошломъ году, а именно чтобы я могъ видѣться съ вами хоть самое короткое время, ибо мнѣ нужно переговорить съ вами съ полчаса.

Когда до насъ дошла вѣсть, что великій Государь Императоръ повелѣлъ принять сына нашего Мухаммеда-Шефи въ военную службу въ Собственный Его Величества конвой и даже оказалъ ему милость пожалованіемъ офицерскаго чина, мы несказанно обрадовались этому, потому что Государь почтилъ насъ и отличилъ между другими людьми.

Приношу вамъ за это искреннюю и великую благодарность, ибо вы были причиною этого и помогли окончанію этого дѣла, и это мы знаемъ навѣрное, потому что вы въ почетѣ и уваженіи у Государя, онъ принимаетъ слова ваши и утверждаетъ дѣйствія ваши.

Да возвратитъ вамъ Богъ здоровье, это всегдашняя молитва наша о васъ.

Смиренный рабъ Божій Шамиль.

10-го сентября 1861 года.—Г. Калуга.

Великому и славному генералъ-фельдмаршалу, правителю Кавказскихъ областей, князю Барятинскому, да возрастетъ его слава и величіе!

Мы возвратились благополучно въ Калугу, довольные лаской и вниманіемъ Государя, благодарные за его постоянныя къ намъ милости и щедроты, и молимся о дарованіи ему всѣхъ благъ. Приносить благодарность благодѣтелю есть обязанность, но мы имѣли особый почетъ отъ Государя, получивъ подарокъ прямо изъ его славной руки, такъ что отъ этой милости разрубились выи враговъ моихъ и возрадовались сердца друзей моихъ.

Я постоянно желаю знать о состояніи вашего здоровья послѣ возвращенія вашего изъ Петербурга; въ какомъ положеніи ваша больная нога? Какъ вы проѣхали на пароходѣ и какъ нашли климатъ тѣхъ земель? Хорошо ли тамъ лѣчатъ доктора и какъ смотрятъ на болѣзнь вашу? Вамъ извѣстно, что я постоянно желаю вамъ всего хорошаго и молю Бога о скоромъ вашемъ выздоровленіи.

Желаніе имѣть извѣстія отъ васъ о состояніи вашего здоровья и было причиною, что я послалъ къ вамъ это письмо.

Смиренный рабъ Всевышняго Шамиль.

Примѣчаніе. Переводилъ съ арабскаго полковникъ Богуславскій.

29-го іюля 1862 года.—Г. Калуга.

Его сіятельству знаменитому Сердару, повелителю великодушному, обладающему высокимъ умомъ, совершенствами, славою, величіемъ, котораго имя прославляется повсюду, а также между людьми мужественными, котораго санъ высокъ и должность самая возвышенная, эмиру великаго рожденія, правителю Кавказа, фельдмаршалу князю Барятинскому. Да возвеличится могущество его и дни его да умножатся!

Молю постоянно Бога Всемилостиваго да пошлетъ онъ вамъ здравія и всевозможнаго блага и радости.

Я писалъ вашему высокому и благодушному сіятельству уже нѣсколько времени тому назадъ для выраженія вамъ чувствъ моихъ и моей старинной пріязни, въ надеждѣ вызвать съ вашей стороны извѣщеніе о состояніи вашего здоровья, но до сихъ поръ не получилъ отвѣта. Причиною этого можетъ быть отсутствіе въ странѣ, гдѣ вы теперь находитесь, редактора на арабскомъ языкѣ.

Желая узнать о здоровьѣ вашемъ, составляющемъ предметъ моихъ искреннѣйшихъ желаній, я написалъ эти строки. Еслибъ вамъ угодно было написать ко мнѣ о себѣ, вы исполнили бы тѣмъ всѣ мои надежды.

Бѣдный передъ Богомъ Самуилъ (Шамиль).

Примѣчаніе. Съ подлиннымъ переводомъ, при дѣлахъ Азіатскаго департамента хранящимся, вѣрно: Статскій совѣтникъ Гамазовъ.

14-го февраля 1865 года.—Г. Калуга.

Звѣзда князей, доблестный фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Да возвеличивается ваша слава!

Много ушло воды съ тѣхъ поръ какъ переписка между нами прекратилась и я, къ истинному огорченію, лишенъ возможности знать обо всемъ, до васъ относящемся. Получаемыя прежде извѣстія о вашемъ благополучіи и здоровьи всегда меня успокоивали и радовали, вотъ почему цѣль моего настоящаго письма заключаетъ въ себѣ желаніе получить отъ васъ нѣсколько дорогихъ словъ, извѣщающихъ о вашемъ положеніи.

Отъ души радуюсь великому событію окончательнаго покоренія Кавказа—событію, которое принесетъ для этого края полное спокойствіе и счастье; быть можетъ, въ настоящее время и я удостоюсь осуществленія моей завѣтной и извѣстной вамъ надежды. Счи-

таю пріятнѣйшею для себя обязанностью поздравить васъ съ всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ вамъ брилліантовой сабли.

Затѣмъ, да сохранитъ васъ Богъ отъ огорченій и да исполнятся всѣ ваши ожиданія.

Подписано: Рабъ Божій бѣдный старецъ Шамиль.

Примѣчаніе. Если не ошибаюсь, то Шамиль намекаетъ здѣсь о своей завѣтной мечтѣ выѣхать изъ Россіи въ Мекку и Медину и умереть поклонившись могилѣ Мухаммеда. На Кавказѣ были такіе слухи, что онъ искренно желалъ разрѣшенія возвратиться на свою родину въ Гимры, въ Дагестанѣ. **Ад. П. Берже.**

2-го января 1869 года.—Г. Кіевъ.

Позвольте, во первыхъ, пожелать вамъ и вашему семейству отъ Бога полнаго здоровья и душевнаго спокойствія; во вторыхъ, считаю священною обязанностью отъ души поблагодарить ваше сіятельство за вашу доброту и вниманіе, которое вы оказывали мнѣ въ имѣніи вашемъ. Съ восторгомъ вспоминаю тѣ дни, которые я провелъ въ вашемъ домѣ, и пока я живъ не забуду ихъ. Да вознаградитъ васъ Богъ, ваше сіятельство, и да исполнятся всѣ ваши желанія и намѣренія.

По выѣздѣ изъ вашего имѣнія, я благополучно прибылъ въ г. Кіевъ и расположился съ семействомъ въ домѣ, приготовленномъ для меня отъ правительства. Г. Кіевъ я нашелъ однимъ изъ лучшихъ городовъ, которые мнѣ приходилось видѣть въ Россійской имперіи, какъ по хорошему климату, такъ и по красивому гористому мѣстоположенію, которое напоминаетъ мнѣ родину, гдѣ я родился и выросъ. Молю Бога, чтобы оно послужило лекарствомъ для моего семейства и было бы исполненіемъ моего душевнаго желанія, извѣстнаго вашему сіятельству.

Письмо о разрѣшеніи отправиться мнѣ ко святымъ мѣстамъ написано мною и отправлено 19-го минувшаго декабря на имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, содержаніе котораго передастъ вашему сіятельству податель сего сынъ нашъ Абдуррахимъ.

Прошу ваше сіятельство засвидѣтельствовать мой искренній привѣтъ глубоко уважаемой супругѣ вашей и поблагодарить ее за вниманіе и расположеніе къ моему семейству.

Моля Бога о сохраненіи счастливыхъ дней вашихъ, остаюсь съ чувствомъ глубокаго уваженія и преданности къ вашему сіятельству, дряхлый старецъ Шамиль.

Примѣчаніе. Переводилъ Войска Донскаго сотникъ Онуфріевъ.

4-го марта 1869 года.—Г. Кіевъ.

Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить мнѣ, согласно моей просьбѣ, отправиться съ семействомъ въ Мекку, оставивъ въ Россіи сыновей моихъ Гази-Мухаммеда и Магому-Шефи. О таковой монаршей милости и великой для меня радости, полученной письмомъ отъ военнаго министра 1-го сего марта, спѣшу сообщить вашему сіятельству.

Я прошусь въ С.-Петербургъ, чтобы лично выразить мою глубокую признательность Государю Императору, и когда получу разрѣшеніе, то непремѣннымъ долгомъ сочту посѣтить ваше сіятельство и принести вамъ свою искреннюю благодарность за вашъ совѣтъ и участіе, которое вы принимали въ моей просьбѣ.

Прошу ваше сіятельство засвидѣтельствовать отъ меня и отъ моего семейства наше глубокое почтеніе многоуважаемой супругѣ вашей княгинѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ.

Моля Бога о сохраненіи счастливыхъ дней вашихъ въ радости, остаюсь съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности, дряхлый старецъ Шамиль.

Примѣчаніе. Переводилъ: Войска Донскаго сотникъ Онуфріевъ.

14-го января 1871 года.—Священный городъ Медина.

Источнику благодѣяній, осуществителю всѣхъ благихъ надеждъ, великому генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому. Да не уменьшится тѣнь милосердія его между востокомъ и западомъ.... Аминь!

Вотъ въ чемъ заключается просьба моя къ вашему сіятельству. Со дня прибытія моего въ благословенный городъ Мединy, я не встаю болѣе съ постели, удрученный безчисленными недугами, такъ что мысль моя обращена постоянно къ переходу изъ этого бреннаго міра въ міръ вѣчный. Если это свершится, то прошу вашей милости и великодушія не отвратить, послѣ смерти моей, милосердныхъ взоровъ вашихъ отъ моихъ женъ и дѣтей, подобно тому какъ вы уже облагодѣтельствовали меня, чего я не забуду.

Я слышалъ, что великій Государь Императоръ милостиво разрѣшилъ сыну моему Гази-Мухаммеду посѣтить меня, за что и благодарю его глубочайшею благодарностью. Я завѣщалъ женамъ моимъ и сыновьямъ не забывать вашихъ милостей и оставаться вамъ признательными, пока будутъ жить на землѣ.

Прошу у васъ, какъ великой милости, исходатайствовать у ве-

ликаго Государя Императора, не перестающаго осыпать меня благодѣяніями, чтобы, въ случаѣ смерти моей, онъ соединилъ вмѣстѣ женъ и дѣтей моихъ, для того, чтобы они не остались какъ овцы въ пустынѣ безъ пастыря. Благодарю Государя за всѣ его явныя милости и постоянное вниманіе.

Полагаю, что это письмо есть прощальное и послѣднее передъ окончательною разлукой съ вами искренно преданнаго вамъ человѣка, жаждущаго перемѣнить жизнь на смерть, по волѣ Того, кто сотворилъ и ту и другую.—Больной и слабый Шамиль.

Примѣчаніе. Шамиль скончался въ томъ же году и преданъ землѣ въ Мединѣ, близь мечети и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы Фатьмы, дочери Мухаммеда. **Ад. П. Берже.**

14-го іюня 1871 года.

Отъ скорбящей Шуанетъ: Его сіятельству, знаменитому фельдмаршалу князю Барятинскому. Да продлятся почетъ и уваженіе, его окружающіе.

Привѣтъ тебѣ и твоей супругѣ!

Письмо твое облегчило сердце мое и преисполнило его благодарностью къ твоей особѣ.

Мужъ мой покойный и покойная дочь завѣщали мнѣ не покидать такъ скоро ихъ могилъ.

Во всякомъ случаѣ, знаменитый фельдмаршалъ, не забывай меня и удѣли мнѣ мѣсто въ твоихъ благодѣяніяхъ.

Поручаю тебѣ любезнаго сына моего Гази-Мухаммеда. Просьбу эту я обращаю къ тебѣ изъ глубины моей скорби.

Привѣтствую тебя еще разъ!

Скорбная изгнанница Шуанетъ.

1871 года.

Его сіятельству генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому; да не перестанетъ распространяться милосердіе его и облако счастія его проливать обильный дождь!—Аминь!

Мы, жены и семья покойнаго шейха Шамиля, остались въ Хеджазѣ, послѣ смерти его, какъ овцы въ пустынѣ безъ пастыря, въ недоумѣніи—какимъ образомъ устроить дѣла наши, какъ домашнія, такъ и внѣшнія, чтобы имѣть необходимыя средства къ жизни.

Это побудило насъ писать къ вамъ настоящее письмо и ухватиться за полу вашего великодушія, убѣдительно прося васъ, чтобы намъ не прекращали содержаніе, назначенное милосердіемъ великаго Государя при жизни покойнаго шейха.

Искренно благодаримъ васъ и прославляемъ за пріѣздъ къ намъ сына нашего Гази-Мухаммеда, въ самое необходимое для насъ время. Теперь просимъ васъ исходатайствовать у Его Величества, чтобы онъ облагодѣтельствовалъ насъ высшимъ благодѣяніемъ соединивъ съ нами семью Гази-Мухаммеда, который былъ бы для насъ вмѣсто покойнаго отца его въ той странѣ, гдѣ похороненъ праведный его родитель, отъ священной могилы котораго намъ нельзя удалиться.

Просимъ передать наше искреннее привѣтствіе вашей многоуважаемой супругѣ, которой память постоянно и неизгладимо сохраняется въ сердцахъ нашихъ.

Жены шейха Шамиля: Заидетъ и Шуанетъ.

15-го іюня 1871 года.—Мекка.

Отъ членовъ семейства покойнаго шейха.

Небо да будетъ ему милосердно.

Тому, кто былъ вѣрнымъ другомъ и благосклоннымъ покровителемъ отца нашего, знаменитому фельдмаршалу князю Барятинскому.

Да продлятся почетъ и уваженіе, его окружающіе! Аминь!

Мы пользуемся здоровьемъ и совершеннымъ спокойствіемъ, но огорчены потерею матери нашей Хаджа-Заидетъ—потерею, которая усугубила печаль нашу. Между тѣмъ, мы имѣли честь получить твое письмо, наполнившее сердца наши чувствами благодарности и великой радости. Ты приглашаешь насъ къ высокой особѣ своей, что, конечно, соотвѣтствуетъ и нашимъ желаніямъ, но покойные родители наши завѣщали намъ не покидать такъ скоро ихъ могилъ, отъ которыхъ поэтому мы и не можемъ удалиться.

Нѣтъ надобности намъ поручать себя твоему сіятельству. Скажи Императору дружеское слово въ нашу пользу, ты тѣмъ исполнишь надежды, которыя мы всегда на тебя возлагали, и послѣднее дѣйствіе твоего покровительства, въ отношеніи насъ, будетъ такимъ образомъ достойно первыхъ твоихъ дѣйствій (на этомъ пути).

Еще разъ, привѣтъ тебѣ!

Бѣдная скорбящая Неджабетъ (М. П.).

» » Бахмисидъ (М. П.).

Бѣдный скорбящій Мухаммедъ младшій.

» » Давудъ, сынъ Мухаммедъ-Эмина.

Сообщ. Князь В. И. Барятинскій.

ВСЕПОДДАННѢЙШАЯ ПРЕДСМЕРТНАЯ

ЗАПИСКА Я. И. РОСТОВЦЕВА

О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ

6-го ФЕВРАЛЯ 1860 г.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Первое изданіе этой замѣчательной въ исторіи освобожденія крестьянъ Записки было напечатано въ 1860 г., въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, для членовъ бывшаго Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу и друг. лицъ; второе изданіе—въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г.; настоящее, третье, изданіе исполнено по списку тщательно провѣренному съ подлинникомъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Исполняя послѣднюю волю Предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій, я вмѣстѣ съ сыномъ покойнаго имѣю счастіе представить Вашему Императорскому Величеству ту отчетную записку, которая составляла послѣднюю заботу и послѣдній трудъ его жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вѣрноподданный Вашего Императорскаго Величества и человѣкъ всѣми силами души преданный Іакову Ивановичу, я считаю святымъ долгомъ совѣсти имѣть счастіе доложить Вашему Императорскому Величеству, въ нѣкоторой подробности, всю исторію этой записки.

Въ срединѣ декабря 1859 года Іаковъ Ивановичъ, будучи еще въ силахъ, набросалъ и продиктовалъ своему секретарю Еленеву главныя мысли этой записки, въ видѣ программы, которую передалъ мнѣ, изъяснивъ въ нѣсколькихъ разговорахъ какимъ образомъ поручаетъ онъ развить свои мысли.

— «Нашъ проектъ Положенія,—говорилъ онъ,—разбросанъ въ нѣсколькихъ томахъ, которые прочесть трудно; во второмъ періодѣ онъ еще развился и измѣнился. Я желаю представить Государю полное, ясное, но сжатое изложеніе всей сущности нашихъ трудовъ. Такое изложеніе будетъ служить добросовѣстнымъ отчетомъ нашей дѣятельности. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и моя profession de foi, а можетъ быть, и послѣднее мое слово о крестьянскомъ вопросѣ. Если бы Государь соизволилъ разрѣшить напечатать эту записку, то ее прочли бы всѣ Члены Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта. Можетъ быть, передъ истиною падутъ многія предубѣжденія и несправедливыя нападки. Если я умру теперь, то умру съ спокойною совѣстью: мы служили обѣдню, честно исполняли долгъ свой передъ Государемъ и Россіей, дѣйствовали открыто, безъ всякихъ интригъ, разъяснили вопросъ и, можетъ быть, подвинули впередъ святое дѣло. Въ твердости Государя я увѣренъ, а Богъ Россіи и святаго дѣла не оставитъ».

— «Бога ради, торопитесь съ Запискою,—говорилъ онъ мнѣ въ другой разъ,—я долженъ ее пересмотрѣть и исправить пока я въ силахъ. Можетъ быть, придетъ и такое время, когда я буду въ безпамятствѣ».

При всѣхъ усиліяхъ моихъ я могъ доставить записку Іакову Ивановичу, по частямъ, только начиная отъ 2-го января 1860 г. Раза два диктовалъ онъ мнѣ нѣкоторыя измѣненія и вставки; около 10-го записка была переписана и готова. Іаковъ Ивановичъ принялся читать ее, сдѣлалъ нѣсколько поправокъ карандашомъ, но продолжать не былъ въ силахъ. «Я успѣю еще прочесть записку: голова моя будетъ свѣжѣе», говорилъ онъ и заботился постоянно, чтобы записка была около него. 16-го января, непосредственно послѣ посѣщенія Вашего Императорскаго Величества, Іаковъ Ивановичъ сказалъ мнѣ: «Если со мною что нибудь случится и записка еще будетъ у насъ, доставьте ее немедленно Государю. Я же оставляю ее при себѣ, потому что придетъ время когда я буду еще въ силахъ прочесть ее».

26-го января Іаковъ Ивановичъ призвалъ меня и секретаря своего Еленева и приказалъ читать ему записку. Съ героическимъ усиліемъ, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа и свѣжестью мысли, выслушалъ Іаковъ Ивановичъ чтеніе отъ начала до конца, останавливая читавшаго Еленева своими замѣтками и поправками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто поправокъ, приказалъ онъ сдѣлать только отмѣтки, говоря, что онъ обдумаетъ эти мѣста и поправитъ при второмъ чтеніи. Ночь Іаковъ Ивановичъ провелъ хорошо и на другой день казался бодрѣе. 30-го вечеромъ Іаковъ Ивановичъ опять повторилъ мнѣ свою волю о представленіи Вашему Императорскому Величеству записки. При этомъ случаѣ и при томъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ онъ слегъ въ постель, началъ онъ говорить о томъ, что могло бы быть съ крестьянскимъ вопросомъ и Коммисіями въ случаѣ его кончины,— разговоръ, къ которому онъ такъ часто возвращался когда былъ еще въ полныхъ силахъ. Онъ окончилъ словами: «Богъ за насъ и за святое дѣло», а я старался перемѣнить разговоръ, опасаясь за его здоровье.

Съ 29-го числа января Іаковъ Ивановичъ пожелалъ видѣть кн. Черкасскаго и приказалъ непремѣнно принять его, если онъ будетъ. Боясь сдѣлать вредъ больному, мы отклонили посѣщеніе Черкасскаго и даже рѣшились сказать Іакову Ивановичу, что онъ нездоровъ и не выѣзжаетъ. Іаковъ Ивановичъ потребовалъ книгу посѣтителей: Черкасскаго въ ней не было. Съ разрѣшенія семейства, я предупредилъ кн. Черкасскаго, чтобы онъ на всякій случай заѣхалъ въ понедѣльникъ 1-го февраля, но мы все еще надѣялись, что Іаковъ Ивановичъ забудетъ о своемъ требованіи. Утромъ 1-го февраля Черкасскаго еще не было, когда Іаковъ Ивановичъ настойчиво приказалъ послать за нимъ.

Мы вошли вмѣстѣ. «Вотъ цѣлый мѣсяцъ какъ я не видалъ васъ, по возвращеніи вашемъ изъ Москвы. Въ это время я былъ безъ силъ. Теперь чувствую силы и желалъ переговорить съ вами». Затѣмъ Іаковъ Ивановичъ началъ говорить о работахъ Коммисій, сначала шопотомъ, потомъ внятно, съ такою ясностью и отчетливостью мысли, которая поразила кн. Черкас-

скаго. «Увѣрены ли вы, также какъ я,—говорилъ онъ между прочимъ,—что обязательный выкупъ для правительства невозможенъ? Увѣрены ли вы, также какъ я, что срочно-обязанныя отношенія, при всѣхъ ихъ неудобствахъ, неизбѣжны?» Мы отвѣчали, что увѣрены. «Въ такомъ случаѣ мы сдѣлали все, что могли: оградили крестьянъ отъ отобранія у нихъ земель, а помѣщиковъ въ полученіи ими повинностей. Совѣсть моя спокойна... Силы мои слабѣютъ,—говорилъ онъ далѣе,—но васъ никакъ я не оставлю до самой своей смерти. Одинъ саванъ отдѣлитъ меня отъ крестьянскаго вопроса».

По порученію Іакова Ивановича, я уже и прежде сообщилъ кн. Черкасскому о содержаніи записки. Узнавъ, что Черкасскій еще не читалъ ее, онъ приказалъ ему читать громко. Черкасскій просилъ позволенія взять ее съ собою или прочесть въ другомъ углу комнаты, но требованіе Іакова Ивановича было рѣшительно и настойчиво. Началось чтеніе, продолжавшееся до Высочайшаго посѣщенія Вашего Императорскаго Величества. Съ тѣмъ же героическимъ усиліемъ, съ тою же ясностью мысли, слушалъ онъ продолжительное чтеніе, вникая въ каждое слово и сообщая намъ свои поправки и замѣчанія. Вездѣ, гдѣ были сдѣланы отмѣтки при первомъ чтеніи, онъ вспомнилъ отчетливо—какія поправки и измѣненія онъ желалъ сдѣлать, и продиктовалъ ихъ внятнымъ голосомъ. Чтеніе окончилось черезъ четверть часа послѣ отъѣзда Вашего Императорскаго Величества. Іаковъ Ивановичъ поручилъ Черкасскому сдѣлать съ его словъ нѣсколько окончательныхъ исправленій и вставокъ, а мнѣ послѣ того имѣть записку на-готовѣ.

5-го февраля Іаковъ Ивановичъ опять озаботился запискою; призвалъ меня, спросилъ совсѣмъ-ли она готова и, получивъ утвердительный отвѣтъ, хотѣлъ подписать ее, но не былъ въ силахъ. Послѣ того онъ проговорилъ еще съ усиліемъ: «позовите жену, сына, брата, друзей: Дмитрія Васильевича, Василія Николаевича, прочтите имъ, пусть они знаютъ», и когда мы столпились кругомъ его постели, онъ благословилъ и отослалъ насъ. Черезъ нѣсколько времени онъ еще разспрашивалъ своего брата и В. Н. Семенова, читали-ли они записку и, получивъ утвердительный отвѣтъ, успокоился. Вскорѣ послѣ того Ваше Императорское Величество посѣтили больнаго.

Простите, Государь, великодушно вѣрноподданному, который осмѣлился утруждать Ваше Императорское Величество, не имѣя, можетъ быть, на то никакого права и слѣдуя единственно только внушенію совѣсти. Нашъ Предсѣдатель далъ намъ святой примѣръ послушанія этому внутреннему голосу и полнаго забвенія всѣхъ личныхъ соображеній, когда дѣло шло о благѣ народа, о счастіи Россіи, о чести и славѣ священнаго для насъ всѣхъ имени нашего Монарха.

Коммисіи, оканчивая второй періодъ своихъ занятій, согласно съ предначертаніями своего Предсѣдателя, какъ бы онъ былъ еще посреди насъ, съ благоговѣніемъ будутъ ожидать приказаній Вашего Императорскаго Вели-

чества, и, конечно, свято почтутъ память покойнаго, слѣдуя высокому примѣру его гражданской доблести—примѣру полнаго принесенія въ жертву всей своей личности на служеніе Престолу и Отечеству.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный П. Семеновъ, членъ-экспертъ и завѣдывающій дѣлами Редакціонныхъ Коммисій.

6-го февраля 1860 г.

Вашему Императорскому Величеству угодно было знать, въ какомъ положеніи будетъ находиться крестьянскій вопросъ при окончаніи 2-го періода занятій Коммисій, т. е. при съѣздѣ въ С.-Петербургъ членовъ 2-го приглашенія, избранныхъ губернскими комитетами.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству о томъ, на сколько и какимъ образомъ Редакціонныя Коммисіи разрѣшили въ настоящее время возложенную на нихъ задачу.

Согласно съ Высочайшею Вашею волею, выраженною въ журналѣ Главнаго Комитета 4-го декабря пунктѣ 1-мъ, при обнародованіи новаго Положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ, будутъ имъ предоставлены немедленно права свободныхъ сельскихъ сословій, какъ личныя, такъ и по существу (по имуществу?).

Три главныя задачи разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Самое же Положеніе, начертаніе проекта котораго возложено на Редакціонныя Коммисіи, имѣетъ цѣлью опредѣлить:

1. Отношенія крестьянъ уже свободныхъ къ землѣ чужой, обезпечивавшей ихъ бытъ и состоявшей въ ихъ пользованіи, а также къ собственникамъ этой земли, т. е. помѣщикамъ.

2. Правила выкупа всей или части этой земли крестьянами въ собственность, при содѣйствіи или безъ содѣйствія правительства, и

3. Правила внутренняго управленія волостей или обществъ, изъ которыхъ будетъ состоять свободное сельское сословіе.

Три задачи эти составляютъ всю сущность крестьянскаго вопроса, потому что если-бъ правительство имѣло въ виду дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ только личныхъ правъ, безъ обезпеченія ихъ быта, то собственно и вопроса не существовало бы.

Разрѣшеніе первой изъ упомянутыхъ задачъ необходимо потому, что дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ свободы дѣлаетъ

невозможнымъ прежній произволъ въ поземельныхъ ихъ отношеніяхъ, основанный на полномъ подчиненіи одного класса другому. Установить же эти новыя поземельныя отношенія двухъ классовъ необходимо потому, что Ваше Императорское Величество (ни нынѣ, ни черезъ 12 лѣтъ, какъ предполагали нѣкоторые губернскіе комитеты) не рѣшитесь ни лишить крестьянъ вѣковаго пользованія землею, которая ихъ питаетъ, ни отнять право вѣковой собственности на нее у помѣщиковъ, которымъ она принадлежитъ.

Безсрочное пользованіе. А потому нѣтъ возможности не предоставить крестьянамъ, согласно съ духомъ Высочайшихъ рескриптовъ, земли въ безсрочное пользованіе за опредѣленныя Положеніемъ повинности помѣщикамъ, какъ настоящимъ собственникамъ этой земли. Отправленія такихъ повинностей свободными уже людьми, ограничивая отчасти права ихъ, представляетъ собою тѣ обязательныя отношенія, которыя правительство, не желая длить ихъ вѣчно, назвало въ Высочайше утвержденной программѣ срочно-обязанными.

Срочно-обязанныя отношенія. Сообразно съ цѣлію своего установленія (т. е. обезпеченіемъ крестьянскаго быта), срочно-обязанныя отношенія эти могутъ прекращаться или пріобрѣтеніемъ крестьянами земель въ собственность, или выходомъ ихъ въ другія, не земледѣльческія сословія. Но такъ какъ бо̀льшая часть освобождаемыхъ крестьянъ, по самому характеру нашего отечества, всегда останется земледѣльческимъ классомъ, то пріобрѣтеніе крестьянами поземельной собственности есть, какъ уже было рѣшено журналомъ Главнаго Комитета 4-го декабря пунктомъ 7-мъ, преимущественный исходъ изъ обязательныхъ ихъ отношеній; а потому разрѣшеніе второй задачи, т. е. установленіе правилъ выкупа крестьянами поземельныхъ надѣловъ или части ихъ, необходимо должно войти въ составъ крестьянскаго Положенія.

Выкупъ. Наконецъ, такъ какъ свободное сельское сословіе, по самому существу даруемыхъ ему правъ, не можетъ быть подчинено никакому другому сословію, а можетъ зависѣть только отъ общихъ государственныхъ и административныхъ властей, то разрѣшеніе третьей задачи, т. е. опредѣленіе правилъ внутренняго управленія новаго свободнаго сельскаго сословія, есть также необходимая часть Положенія.

Общественное управленіе. Это самоуправленіе

есть не что иное, какъ распространеніе на крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, правъ другихъ свободныхъ сословій, изъ которыхъ каждому (а именно: дворянскому, городскому и даже сословію государственныхъ крестьянъ), по существующимъ законамъ, предоставлено самостоятельное распоряженіе своими внутренними сословными и хозяйственными дѣлами на столько, на сколько дѣла эти не подлежатъ вѣдомству общихъ государственныхъ и административныхъ властей.

Коммисіи, окончивъ вторымъ періодомъ своихъ занятій разрѣшеніе трехъ возложенныхъ на нихъ задачъ, придутъ, какъ я полагаю, къ заключеніямъ, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Неизбѣжность срочно-обязаннаго періода. Сознавая вообще всѣ неудобства обязательныхъ отношеній, несовмѣстныхъ съ предоставленіемъ истинной свободы сельскому сословію, Коммисіи тѣмъ не менѣе, по необходимости, встрѣтили эти обязательныя отношенія на своемъ пути, и не могли ихъ избѣгнуть, ибо: 1) съ одной стороны, отнятіе у крестьянъ пользованія землями, обезпечивающими ихъ существованіе, а съ другой—принужденіе помѣщиковъ отчуждать принадлежащія имъ земли въ собственность крестьянамъ—не въ видахъ такого правительства, какъ правительство Вашего Величества; 2) обязательный, одновременный и немедленный выкупъ крестьянскихъ земель не только былъ бы вреднымъ надъ дворянствомъ насиліемъ въ то самое время, когда оно само постепенно приходитъ къ сознанію выгодъ, истекающихъ для него изъ выкупа, но онъ еще сверхъ того и совершенно невозможенъ для правительства въ настоящее время, при принятыхъ нынѣ громадныхъ финансовыхъ реформахъ. Лишь съ постепеннымъ завершеніемъ послѣднихъ можетъ быть о немъ рѣчь.

Такимъ образомъ, Коммисіи поставлены были въ необходимость принять срочно-обязанный періодъ, какъ неизмѣнную данную, которую я, уже при самомъ началѣ дѣла, имѣлъ счастіе заявлять Вашему Императорскому Величеству; и вслѣдствіе этого онѣ должны были опредѣлить условія, на коихъ крестьяне свободные будутъ пользоваться землею, составляющею собственность помѣщиковъ.

Оставленіе крестьянамъ существующихъ надѣловъ на время пользованія. Такъ какъ Коммисіямъ прежде всего предстояло опредѣлить количество земли, надѣляемой крестьянамъ въ поль-

зованіе, то вмѣсто того, чтобы отыскивать какія нибудь искусственныя, произвольныя цифры, Коммисіи сочли обязанностью удержать за крестьянами, по возможности, то количество земель, какимъ они нынѣ пользуются за повинности. При этомъ Коммисіи убѣждены, что удержаніе за крестьянами этого количества земли лучше всякихъ искусственныхъ нормъ разрѣшаетъ вопросъ, истекающій изъ Высочайшихъ рескриптовъ, а именно: сколько нужно земли для обезпеченія быта крестьянъ и исправнаго отправленія ихъ повинностей. Съ другой стороны, Коммисіи глубоко убѣждены, что отрѣзка у крестьянъ значительной части земель, пользованіе которыми сдѣлалось потребностью ихъ существованія, была бы неисполнима при объявленіи Положенія объ ихъ освобожденіи и улучшеніи быта, потому что произвела бы сильное впечатлѣніе на цѣлый земледѣльческій классъ.

Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне, по щедрости или беззаботности помѣщиковъ, надѣлены такимъ избыткомъ земли, что даже не могутъ извлечь изъ него истинной пользы, то Коммисіи дозволили себѣ, въ огражденіе выгодъ помѣщиковъ, отступить отъ основнаго начала и предположить отрѣзку такого излишка земель отъ крестьянъ и присоединеніе ихъ къ землямъ, остающимся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика. Разумѣется, случаи такихъ отрѣзокъ крестьянскихъ земель должны сохранить характеръ исключеній, а не общаго правила. А потому Коммисіи предположили для каждой мѣстности количество земли, свыше котораго излишнія земли отбираются помѣщиками у крестьянъ.

Maximum надѣла. Цифры эти названы наибольшими надѣлами и были опредѣлены только предварительно, въ видѣ опыта, въ первомъ періодѣ занятій Коммисій. Не утвержденныя Общимъ Присутствіемъ, онѣ были представлены на обсужденіе и повѣрку гг. членовъ губернскихъ комитетовъ.

Въ замѣчаніяхъ своихъ на труды Коммисій и въ отвѣтахъ на предложенные вопросы, гг. члены отъ губернскихъ комитетовъ дѣйствительно представили намъ болѣе или менѣе подробныя соображенія о предполагаемыхъ ими надѣлахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Нѣкоторыя изъ сихъ соображеній послужили Редакціоннымъ Коммисіямъ матеріаломъ для исправленія предло-

женныхъ ими цифръ или для точнѣйшаго раздѣленія губерній на однородныя по своему характеру мѣстности.

Повѣрка установленныхъ цифръ для maximum'a. Независимо отъ сихъ вспомогательныхъ средствъ, во второмъ періодѣ, я возложилъ повѣрку цифръ наибольшихъ надѣловъ, по всѣмъ уѣздамъ Россіи, на членовъ самихъ Коммисій. Матеріалами для этихъ повѣрокъ служатъ подробныя извлеченія изъ подлинныхъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, доставленныхъ губернскими комитетами, по требованію Высочайше утвержденной программы.

Извлеченія изъ подлинныхъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ. Извлеченія эти составлены при Редакціонныхъ Коммисіяхъ и представляютъ обширныя таблицы; количество земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, въ этихъ свѣдѣніяхъ преувеличено быть не можетъ, потому что онѣ составлены по каждому имѣнію самими помѣщиками. Вездѣ, гдѣ только оказывается малѣйшая возможность понизить цифры наибольшихъ надѣловъ противъ предварительныхъ предположеній, безъ огромныхъ отрѣзокъ земель у крестьянъ, такое пониженіе будетъ сдѣлано въ огражденіе интересовъ помѣщиковъ.

Впрочемъ, изъ внимательнаго разсмотрѣнія предположеній Коммисій легко убѣдиться, что цифры высшихъ надѣловъ, не составляя общей нормы, по которой всѣ помѣщики были бы обязаны надѣлить своихъ крестьянъ, служатъ, напротивъ, къ установленію тѣхъ условій, при которыхъ допускается, въ огражденіе интересовъ помѣщика, отрѣзка излишнихъ земель отъ крестьянскихъ надѣловъ; затѣмъ, какова бы ни была цифра наибольшаго надѣла, помѣщикъ не прирѣзываетъ ни одной сажени изъ своихъ земель къ тѣмъ, которыя состоятъ уже нынѣ въ пользованіи крестьянъ. Единственное отсюда исключеніе представляетъ тотъ случай, когда у крестьянъ находится земли менѣе установленнаго Коммисіями наименьшаго надѣла.

Minimum надѣла. Но этотъ послѣдній такъ низокъ [1]), что, по упомянутымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ губернскими комитетами, изъ 100 помѣщиковъ едва-ли одному при-

---

[1]) Въ черноземной половинѣ Россіи minimum составляетъ отъ 1-й десятины до $1^1/_2$, а въ нечерноземной отъ $1^1/_6$ до 3-хъ.

дется, слѣдуя предположеніямъ Коммисій, прирѣзать что нибудь къ нынѣшнимъ крестьянскимъ землямъ [1]).

Отрѣзка въ непосредственное владѣніе помѣщиковъ полной трети земли въ малоземельныхъ имѣніяхъ. Кромѣ отрѣзки у крестьянъ земель свыше предположенныхъ Коммисіями наибольшихъ надѣловъ, допускается отрѣзка еще и въ другомъ случаѣ, а именно когда вся, или почти вся, помѣщичья земля находится въ пользованіи крестьянъ—случай, нерѣдко встрѣчающійся въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ такомъ случаѣ помѣщикамъ предоставлено, согласно мнѣнію значительнаго большинства губернскихъ комитетовъ, отрѣзать у крестьянъ столько земли, чтобы у помѣщика осталась полная треть всей земли, состоящей при таковомъ имѣніи. Это охранительное въ пользу помѣщиковъ правило подало поводъ къ недоумѣнію, будто у помѣщиковъ отбирается $^2/_3$ ихъ земель, тогда какъ, напротивъ, по изложеннымъ правиламъ, къ собственно помѣщичьимъ землямъ очень много земель прирѣзывается.

Обязательное для крестьянъ разграниченіе и размежеваніе угодій. Такъ какъ интересы помѣщиковъ настоятельно требуютъ скорѣйшаго разграниченія и размежеванія земель, остающихся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщиковъ, отъ поступающихъ въ надѣлъ крестьянамъ, то Коммисіи, опредѣливъ 6-ти-лѣтній срокъ для такого развода и разграниченія земель, предоставили помѣщику отводить крестьянамъ и обмѣнивать земли по своему усмотрѣнію, ограждая крестьянъ только соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, существующихъ относительно такихъ обмѣновъ въ межевыхъ постановленіяхъ. Такимъ образомъ, за крестьянами удерживаются не всегда тѣ именно земли, которыми они доселѣ пользовались, но только преимущественно то же количество земли.

Уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ при выкупѣ.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, по принятымъ въ первомъ періодѣ работъ Коммисій наибольшимъ цифрамъ надѣловъ, по Рязанской губерніи, изъ 730 состоящихъ въ ней по свѣдѣніямъ имѣній свыше 100 душъ, отрѣзки придется дѣлать въ 188 имѣніяхъ, въ 535 надѣлы останутся тѣ же и только въ семи помѣщикамъ придется прирѣзать крестьянамъ совершенно ничтожное количество земли. Во второмъ же періодѣ работъ Коммисій цифры наибольшихъ надѣловъ понижаются еще болѣе.

Сверхъ того, и самое это количество земли удерживается неизмѣнно только на время пользованія; при выкупѣ же, т. е. при пріобрѣтеніи крестьянами земель въ собственность, допускается уменьшеніе этого количества по правиламъ, которыя для сего будутъ опредѣлены Коммисіями. Такое уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ послужитъ къ еще бо̀льшему увеличенію количества земель, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи дворянскаго сословія, и облегчитъ самую операцію выкупа.

Облегченіе крестьянскихъ повинностей. За пользованіе помѣщичьими землями на крестьянъ налагаются повинности, въ основаніе которыхъ приняты нынѣшніе крестьянскіе оброки. Сіи послѣдніе нѣсколько облегчены не только для улучшенія крестьянскаго быта, но еще, главнымъ образомъ—въ видахъ строгой справедливости, такъ какъ съ помѣщиковъ, при обнародованіи Положенія, слагаются всѣ обязанности, сопряженныя съ крѣпостнымъ правомъ.

Обязанности, слагаемыя съ помѣщиковъ. Къ такимъ обязанностямъ относилось прокормленіе и обсѣваніе крестьянъ во время голода, обзаведеніе ихъ рабочимъ скотомъ послѣ падежей, призрѣніе стариковъ, дѣтей и увѣчныхъ, надѣленіе землею прибылыхъ вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, снабженіе крестьянъ строевымъ матеріаломъ, и т. д. Сверхъ того, важное учрежденіе круговой поруки, налагаемой на крестьянъ новымъ Положеніемъ, послужитъ къ лучшему обезпеченію помѣщикамъ слѣдующихъ имъ съ крестьянъ повинностей. Справедливость требуетъ, чтобы повинности эти были при этомъ нѣсколько облегчены, дабы крестьяне получили дѣйствительное улучшеніе ихъ быта. Подобное облегченіе крестьянскихъ повинностей, при устраненіи обязанностей, налагаемыхъ на помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ, происходило во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости было раціональною правительственною реформою.

Снабженіе крестьянъ топливомъ. Изъ всѣхъ обязанностей, которыя налагались крѣпостнымъ правомъ на помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ, только снабженіе сихъ послѣднихъ топливомъ удержано Положеніемъ Коммисій на 9 лѣтъ и то, впрочемъ, за опредѣленныя повинности и при томъ не болѣе, какъ въ одной трети Россіи, а именно въ нечер-

ноземномъ и при томъ лѣсистомъ пространствѣ, за исключеніемъ всѣхъ густо-заселенныхъ его мѣстностей. Такое снабженіе крестьянъ топливомъ (т. е. сучьями и валежникомъ или дровами низшаго качества) вмѣнено въ обязанность только въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне и доселѣ постоянно имъ пользовались, потому что, покуда не установились еще свободныя экономическія отношенія, лишеніе крестьянъ топлива въ лѣсистыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ было бы имъ столь же чувствительно, какъ лишеніе насущнаго хлѣба [1]).

Опредѣленіе повинности въ оброчныхъ (не черноземныхъ) мѣстностяхъ. Во всей сѣверной и сѣверо-западной половинѣ Россіи крестьяне платятъ нынѣ оброки, далеко превышающіе цѣнность тѣхъ земель, которыми они пользуются, такъ что, поддерживая свое существованіе не поземельными доходами, а промыслами и работами внѣ своихъ деревень, они платятъ помѣщикамъ подать собственно не съ земли, имъ предоставляемой, а съ своей личности. Строгая справедливость требовала бы, чтобъ, съ освобожденіемъ крестьянской личности, и налогъ на нее былъ упраздненъ.

Но такъ какъ подобная мѣра могла бы раззорить дворянство нѣкоторыхъ губерній лишеніемъ бо́льшей половины ихъ доходовъ, то Коммисіи нашли необходимымъ удержать для сихъ мѣстностей нынѣшніе оброки, облегчая оные слѣдующимъ образомъ въ замѣнъ утрачиваемаго теперь крестьянами права на помощь помѣщика въ чрезвычайныхъ случаяхъ. По цѣлому уѣзду или мѣстности выводятся средніе оброки и прилагаются къ наибо́льшему надѣлу, предположенному Положеніемъ для той мѣстности. Такимъ образомъ, облегченіе оброковъ произойдетъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ оброки были выше среднихъ, а также въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, гдѣ надѣлы менѣе наибо́льшихъ. Но такъ какъ и затѣмъ еще въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ нынѣшніе оброки окажутся ниже назначаемыхъ Положеніемъ, то Коммисіи нашли необходимымъ не возвышать этихъ оброковъ, потому что иначе во всѣхъ такихъ оброчныхъ имѣніяхъ бытъ крестьянъ былъ бы ухудшенъ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ прусскихъ провинціяхъ, гдѣ освобожденіе крестьянъ произошло уже полвѣка тому назадъ, обязанность снабжать крестьянъ топливомъ снята съ помѣщиковъ только въ настоящее время.

Вопросъ о неизмѣнности повинности. Желая уравновѣсить выгоды крестьянъ съ выгодами помѣщиковъ, за которыми, какъ изъяснено выше, въ настоящее время остается тотъ излишекъ оброковъ, который падаетъ на крестьянскую личность, Коммисіи въ 1-мъ періодѣ своихъ занятій полагали, что разъ опредѣленные Положеніемъ оброки должны остаться навсегда неизмѣнными. При такой только неизмѣнности денежной повинности возрастающая цѣнность земли можетъ, наконецъ, сравнять поземельные доходы крестьянина съ превышающими ихъ нынѣ оброками. Другой поводъ установленія неизмѣнности оброка состоялъ въ томъ, что всеобщая одновременная переоцѣнка или возвышеніе крестьянскихъ оброковъ во всей Россіи, по истеченіи извѣстнаго періода, т. е. 10-ти или 12-ти лѣтъ, есть мѣра чрезвычайно трудно исполнимая для правительства. Но такъ какъ неизмѣнность повинности возбудила со стороны членовъ отъ губернскихъ комитетовъ сильныя возраженія, не лишенныя справедливости съ точки зрѣнія интересовъ помѣщиковъ, то Коммисіи во 2-мъ періодѣ своихъ работъ рѣшатся, можетъ быть, допустить переоцѣнку повинности, назначая ей тотъ же 20-ти-лѣтній срокъ, который принятъ для переоцѣнки повинностей въ Царствѣ Польскомъ, и представляя вмѣстѣ съ тѣмъ на благоусмотрѣніе правительства, что такая, хотя и справедливая, уступка интересамъ дворянскаго сословія можетъ имѣть въ свое время весьма вредныя послѣдствія.

Соразмѣреніе оброковъ съ поземельнымъ надѣломъ. Такъ какъ количество земли, состоящее нынѣ у крестьянъ въ пользованіи, въ различныхъ имѣніяхъ различно, то крестьянскіе оброки должны быть соразмѣрены съ этимъ количествомъ земли.

При этомъ нельзя, однако же, принять за правило, чтобы крестьянскіе оброки находились въ простой пропорціональности съ числомъ десятинъ надѣла. При такомъ правилѣ, если, напримѣръ, въ одномъ имѣніи крестьяне надѣлены по 4 десятины земли на душу и повинность за это назначена 10 руб., то въ сосѣднемъ имѣніи, гдѣ крестьяне надѣлены только по 2 десятины, пришлось бы оброка 5 рублей.

Градація повинности. Коммисіи нашли, что такой расчетъ былъ бы невыгоденъ для всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне надѣлены землею менѣе наибо́льшаго надѣла (въ

приведенномъ примѣрѣ менѣе 4-хъ десятинъ). Невыгода эта происходитъ отъ того, что изъ 4-хъ десятинъ двѣ своимъ качествомъ лучше остальныхъ, потому что заключаютъ въ себѣ усадьбы и навозныя пашни, а остальныя двѣ хуже и дешевле. Между тѣмъ, въ имѣніи, гдѣ крестьяне пользуются двумя десятинами на душу, обѣ десятины принадлежатъ къ этому высшему разряду, какъ близкія къ усадьбамъ и хорошо удобренныя.

А потому Коммисіи распредѣляютъ 10-ти рублевый оброкъ примѣрно такъ, что на одну десятину падаетъ 4 руб. оброка, на 2-ю—3 руб., на 3-ю и 4-ю по 1 руб. 50 коп. Такимъ образомъ, если помѣщикъ, у котораго крестьяне пользуются 4-мя десятинами, получаетъ 10 руб. оброка, то помѣщикъ, у котораго они пользуются двумя десятинами, получитъ не 5 руб., а 7 руб. Эта система, принятая единственно для обезпеченія интересовъ большинства дворянскаго сословія, названа градаціею (постепенностью) повинности.

Размѣръ натуральной повинности. Въ другой, т. е. южной и юго-восточной (черноземной) половинѣ Россіи, оброки почти совершенно не существуютъ или являются рѣдкимъ исключеніемъ, а крестьяне отбываютъ свои повинности работою или барщиною, которая, по существующимъ законамъ, не должна превышать трехъ дней въ недѣлю, что, за исключеніемъ праздниковъ, составляетъ нѣсколько болѣе 140 (конныхъ и пѣшихъ) дней съ тягла въ году.

Степень ея облегченія. Коммисіи, взамѣнъ слагаемыхъ съ помѣщика крѣпостныхъ обязанностей и въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, уменьшили эту повинность до 100 конныхъ дней, но за то, имѣя въ виду, что барщина особенно важна для помѣщиковъ во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, распредѣлили это число дней такъ, что на лѣто падаетъ 60 и за зиму 40 дней. Такимъ образомъ, лѣтняя барщина уменьшена только на 10 дней, а въ сущности даже и еще менѣе, потому что общество отвѣчаетъ за это число дней круговою порукою, при которой помѣщику нѣтъ дѣла до больныхъ работниковъ и не существуетъ прогульныхъ дней.

Облегчены значительно только менѣе важныя для помѣщика зимняя барщина и нѣкоторыя добавочныя повинности.

Подводная повинность. Подводная повинность ограничена,

но допущена, однако же, въ размѣрахъ, превышающихъ размѣры, допускаемые инвентарными правилами для западныхъ губерній.

Власть помѣщика на время существованія барщины. На время отправленія обязательныхъ работъ, Коммисіи находятъ необходимымъ удержать вліяніе и даже право помѣщиковъ налагать черезъ полицейскія власти взысканіе на ослушныхъ крестьянъ, ограждая послѣднихъ правомъ жалобы на случай несправедливыхъ съ нихъ взысканій.

Право крестьянъ перехода съ барщины на оброкъ. Сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что обязательный трудъ совершенно не совмѣстенъ съ даруемою крестьянамъ личною свободою, Коммисіи предоставляютъ крестьянамъ право выходить на оброкъ, независимо отъ воли помѣщика, черезъ два года по обнародованіи Положенія.

Опредѣленіе размѣра оброковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они не существуютъ (въ черноземной половинѣ Россіи). Но какъ въ черноземной половинѣ Россіи оброковъ не существовало, или они являлись тамъ рѣдкими исключеніями, то Коммисіямъ предстояло установить размѣръ оброка для сихъ мѣстностей. Самый правильный способъ установленія оброковъ была бы мѣстная поземельная оцѣнка, или кадастръ земель, отдаваемыхъ въ пользованіе крестьянамъ. Но кадастръ, на который нынѣ въ Россіи не существуетъ даже и достаточныхъ средствъ, продлился бы десятки лѣтъ, а между тѣмъ людямъ свободнымъ нѣтъ возможности отказать въ правѣ выхода въ скоромъ времени съ несовмѣстимой съ этою свободою барщины на денежную повинность. Потому Коммисіи были вынуждены опредѣлить цифры оброковъ другимъ, болѣе доступнымъ для нихъ способомъ. Исходя изъ той точки зрѣнія, что крестьянскій оброкъ долженъ быть таковъ, чтобы крестьяне имѣли физическую возможность уплачивать его въ настоящее время, и соображая средства крестьянъ и рѣдкіе примѣры существующаго въ черноземной половинѣ Россіи оброка, Коммисіи, въ первомъ періодѣ своихъ работъ, опредѣлили 8 руб. сер. оброка съ души, при наибольшемъ надѣлѣ, а во 2-мъ періодѣ, вѣроятно, повысятъ эту цифру до крайняго, по убѣжденію Коммисій, предѣла возможности крестьянъ въ земледѣльческой половинѣ Россіи, а именно до 9-ти рублей.

Соразмѣреніе оброковъ съ цѣнностью земли. Такъ какъ этотъ оброкъ соотвѣтствуетъ наибольшему душевому на-

дѣлу и такъ какъ цѣнность земель въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи различна, то оброкъ приводится въ соотвѣтствіе съ цѣнностью земель тѣмъ, что цифры наибольшихъ надѣловъ приняты для различныхъ уѣздовъ различныя. Такимъ образомъ, крестьяне въ южной части Тульской губерніи будутъ платить 9 руб. за $2^3/_4$ десят., въ южной части Тамбовской губерніи за $3^1/_2$, въ части Воронежской за 4. Такъ какъ выкупъ земли есть, по Положенію Коммисій, капитализація повинности изъ 6%, то въ первомъ случаѣ земля стоитъ около 55-ти рублей за десятину, во второмъ—около 43-хъ, въ третьемъ—37 руб. 50 коп. Цѣны эти соображены такъ, что во всѣхъ мѣстностяхъ онѣ даже превосходятъ обыкновенныя продажныя цѣны земель. Слѣдовательно, потери помѣщиковъ, при замѣненіи барщины оброкомъ, произойдутъ только въ такомъ случаѣ, если получаемаго съ крестьянъ оброка будетъ недостаточно для уплаты вольнымъ работникамъ за обработку того же количества господскихъ полей, какое нынѣ обрабатывается. Слѣдовательно, отъ цѣнъ на вольный трудъ будетъ зависѣть—потеряютъ-ли что нибудь помѣщики или нѣтъ.

Невозможность устраненія временныхъ потерь помѣщиковъ при переходѣ крестьянъ съ барщины на оброкъ. Предсказать эти цѣны, конечно, не могутъ ни Коммисіи, оцѣнившія нынѣ земли, отдаваемыя въ пользованіе крестьянамъ, выше дѣйствительной ихъ стоимости, ни мѣстное дворянство. Во всякомъ случаѣ, повышеніе оброковъ до предѣловъ для крестьянъ нынѣ недоступныхъ не можетъ устранить этихъ опасеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятно, что подобныя потери, если-бъ онѣ и произошли, будутъ только временными, потому что возвышеніе цѣнъ на остающіяся у помѣщиковъ земли, съ освобожденіемъ труда и дарованіемъ крестьянамъ права пріобрѣтать поземельную собственность, быстро вознаградитъ потери дворянскаго сословія. Единственнымъ способомъ совершеннаго устраненія подобныхъ временныхъ потерь могло бы быть только скудное надѣленіе крестьянъ землею, то-есть, отнятіе у нихъ тѣхъ земель, которыми они всегда пользовались и которыя обезпечивали ихъ существованіе; но это, очевидно, обратило бы ихъ въ батраковъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Коммисіи не могли и думать о подобномъ разрѣшеніи вопроса, считая, что такое принесеніе одного сословія въ жертву временнымъ интересамъ другаго не соотвѣт-

ствовало бы желанію самого дворянства улучшить бытъ своихъ крестьянъ.

Обезпеченіе исправнаго отправленія повинностей помѣщику. Обезпечить исправную уплату крестьянами повинностей помѣщику Коммисіи старались всѣми зависящими отъ нихъ средствами и много разъ пересматривали этотъ вопросъ, придумывая все, что только можетъ обезпечить помѣщиковъ, и ограждая лишь крестьянъ отъ слишкомъ легкаго отобранія предоставленныхъ имъ земель [1]).

Круговая порука. Сознавая многія неудобства круговой поруки, которая ставитъ личность крестьянъ въ слишкомъ большую зависимость отъ міра, Коммисіи приняли ее какъ неизбѣжное зло, такъ какъ, при существующемъ нынѣ общинномъ владѣніи землею, она составляетъ главный способъ обезпеченія повинности; уничтожить же искусственно общинное владѣніе землею, съ которымъ крестьяне такъ сроднились, было бы мѣрою насильственною. При круговой порукѣ Коммисіи установили цѣлый рядъ мѣръ взысканія недоимокъ, какъ сельскаго общества съ крестьянъ, такъ и помѣщика съ сельскаго общества. Послѣднею и самою дѣйствительною мѣрою, принимаемою по исполненіи всѣхъ другихъ, Коммисіи предположили отобраніе обществомъ у крестьянъ, въ извѣстной мѣрѣ и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, земельныхъ ихъ участковъ.

Право помѣщиковъ передавать правительству бывшихъ крестьянъ своихъ, съ поземельнымъ надѣломъ, на выкупъ. Наконецъ, владѣльцы ограждены еще и тѣмъ, что однимъ изъ предположеній своихъ Коммисіи полагали предоставить имъ право передавать правительству срочно-обязанныхъ крестьянъ, съ находящимися въ пользованіи послѣднихъ землями, за выкупъ, соотвѣтствующій капитализаціи изъ 6% получаемаго помѣщиками оброка.

Вопросъ объ усадьбахъ подчиненъ Коммисіями вопросу объ надѣленіи крестьянъ землею за повинности.

Оцѣнка усадьбъ. Оцѣнки усадьбъ, сдѣланныя нѣкоторыми губернскими комитетами въ предположеніи отдѣльнаго ихъ выкупа, такъ высоки, что дѣлаютъ пріобрѣтеніе усадьбъ рѣшительно

---

[1]) Законы, ограждающіе такъ называемыя черныя или крестьянскія земли (Bauerland), т. е. состоящія въ крестьянскомъ пользованіи, отъ присоединенія къ собственнымъ помѣщичьимъ, въ Пруссіи и Остзейскихъ губерніяхъ несравненно строже, чѣмъ въ Положеніи Коммисій.

для крестьянъ недоступнымъ. Единственнымъ средствомъ къ разрѣшенію этого затрудненія Коммисіи считаютъ выкупъ усадьбъ съ выкупомъ полевой земли вездѣ, гдѣ помѣщики того пожелаютъ.

Дѣйствительно, задача отдѣльной оцѣнки усадьбъ есть вопросъ трудно разрѣшимый, потому что при крѣпостныхъ отношеніяхъ за пользованіе усадьбами никогда особой платы не полагалось, усадьбы не продавались отдѣльно, а разцѣнку строеній Коммисіи не допускаютъ, такъ какъ эти строенія бо́льшею частью были выстроены самими крестьянами.

Имѣя, однако же, въ виду обязательную по Высочайшему рескрипту продажу усадьбъ, могущую произойти и отдѣльно отъ полевой земли въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ помѣщики на продажу этой земли не согласятся, Коммисіи, не видя возможности ни сдѣлать отсюда какую бы то ни было раціональную оцѣнку усадьбъ, ни утвердить цифры, предполагаемыя губернскими комитетами, предоставляютъ рѣшеніе этой задачи мѣстнымъ учрежденіямъ на слѣдующихъ основаніяхъ: изъ общей цифры оброка мѣстнымъ Коммисіямъ предоставляется отчислить на усадьбу отъ $1^1/_2$ до 3-хъ руб. сер. съ души. Капитализація этой повинности составляетъ отъ 25-ти до 50-ти руб. сер. Полагая во дворѣ 4 души и при немъ усадебной земли до $^1/_2$ десятины, получается оцѣнка крестьянской усадьбы отъ 100 до 200 руб. сер., а десятины усадебной земли отъ 200 до 400 руб. сер.

Коммисіи, допуская столь высокую оцѣнку усадьбъ, ограждаютъ крестьянина тѣмъ, что, по выкупѣ усадьбы, повинность, отнесенная на послѣднюю, прекращается, а потому—чѣмъ дороже оцѣнена мѣстнымъ учрежденіемъ усадьба, тѣмъ дешевле придется платить крестьянину за наемъ полевой земли.

Обращеніе промышленныхъ имѣній въ мѣстечки или посады. Принимая, однако же, въ соображеніе, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ усадьбы, по своему положенію и промысловымъ выгодамъ, съ ними сопряженнымъ, имѣютъ особую цѣнность, какъ, напримѣръ, въ торговыхъ селахъ, на судоходныхъ рѣкахъ и близъ столицъ, Коммисіи предоставляютъ владѣльцамъ такихъ имѣній превратить ихъ въ мѣстечки или посады. Крестьяне, живущіе въ такихъ мѣстечкахъ, за право пользованія усадьбами и сопряженными съ ними выгодами должны платить помѣщикамъ вѣчные оброки или чинши.

Перенесеніе усадьбъ. Другой важный вопросъ относительно усадьбъ есть перенесеніе ихъ. При разрѣшеніи этого вопроса, Коммисіи должны были принять въ соображеніе: съ одной стороны, невыгоды, происходящія для крестьянина отъ перенесенія его усадьбы съ одного мѣста на другое, сопряженную съ этимъ перенесеніемъ потерю его капитала и многолѣтняго труда, затраченнаго имъ на удобреніе огородовъ, конопляниковъ и разведеніе садовъ; съ другой стороны — невозможность иногда для помѣщика вести раціональное хозяйство при нынѣшнемъ размѣщеніи усадьбъ, возможномъ только пока помѣщикъ былъ огражденъ своимъ полноправіемъ. А потому Коммисіи допустили, въ уважительныхъ случаяхъ, принудительное для крестьянъ, по требованію помѣщика перенесеніе усадьбъ, ограждая крестьянъ только тѣмъ, чтобы новыя мѣста, отводимыя подъ усадьбы, были удобны и перенесеніе совершалось на счетъ помѣщика.

Добровольныя соглашенія и предѣлъ ихъ возможности. Наконецъ, составляя, согласно съ Высочайшею Вашею волею, проектъ закона для опредѣленія отношеній срочно-обязанныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, Коммисіи нашли тѣмъ не менѣе полезнымъ не сковывать на-глухо всѣ будущія отношенія двухъ сословій въ рамки неизмѣнныя. Поэтому онѣ, въ нынѣшнемъ 2-мъ періодѣ своей дѣятельности, рѣшились еще далѣе развить первоначальныя свои предположенія по этому предмету, допустивъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, рядомъ съ предполагаемыми закономъ, еще и добровольныя соглашенія владѣльцевъ и крестьянъ, для опредѣленія какъ надѣла, такъ и повинностей, не только для выкупа, но даже и для пользованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я твердо убѣжденъ, что такія взаимныя соглашенія могутъ дѣйствительно состояться и при томъ будутъ нераззорительны для крестьянъ только тогда, когда законъ ясно опредѣлитъ права крестьянъ на случай если-бъ соглашенія не воспослѣдовало. Не опредѣлить же ясно и отчетливо этихъ правъ значило бы вовсе не обезпечить участи крестьянъ, *отложить весь вопросъ, всѣмъ на бѣду, на неопредѣленное время* и зажечь во всѣхъ углахъ Россіи опасный антагонизмъ и борьбу между двумя сторонами, изъ коихъ каждая, не поддаваясь на взаимныя уступки, съ затаенною враждою будетъ выжидать, чтобы обстоятельства и время преклонили вѣсы на ея сторону.

Общественное управленіе. Относительно устройства внутренняго управленія освобождаемыхъ изъ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ Коммисіи должны были имѣть въ виду: 1-е, что по смыслу 2-го пункта Высочайше утвержденнаго журнала Главнаго Комитета 4-го декабря, крестьяне входятъ въ общій составъ свободнаго сельскаго сословія въ государствѣ, и 2-е, что, въ силу началъ Высочайше утвержденнаго журнала 26-го октября, власть помѣщиковъ должна быть замѣнена немедленно другою сильною властью.

Власть помѣщика до составленія уставныхъ грамотъ и перехода крестьянъ на оброкъ. Такъ какъ исключительный признакъ всякаго свободнаго сословія въ государствѣ состоитъ въ томъ, что оно не подчинено никакому другому сословію и зависитъ только отъ общихъ правительственныхъ и административныхъ властей, а дѣлами, касающимися до внутренняго сословнаго или общественнаго своего управленія, располагаетъ съ нѣкоторою самостоятельностію, то Коммисіи не находятъ возможности продлить полицейскую власть помѣщика надъ крестьянами далѣе того періода времени (два года), который назначенъ для регулированія поземельныхъ отношеній помѣщиковъ къ сельскому обществу, составленіемъ актовъ или такъ называемыхъ уставныхъ грамотъ. Исключеніе изъ этого предполагается сдѣлать, въ видахъ обезпеченія интересовъ помѣщиковъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне, по какимъ бы то ни было случаямъ, не воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ—по истеченіи 2-хъ-лѣтняго срока выходить съ барщины на оброкъ, потому что отправленіе всякихъ обязательныхъ работъ необходимо требуетъ еще сохраненія нѣкоторой помѣщичьей власти.

Міръ или сельское общество, какъ единица хозяйственная. Волость, какъ единица административная. Какъ только поземельныя отношенія помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ опредѣлятся уставною грамотою, а крестьяне перейдутъ на денежную повинность, то они могутъ уже немедленно вступать въ права свободнаго сельскаго сословія и власть помѣщиковъ переходитъ на міръ или сельское общество, какъ ближайшую хозяйственно-распорядительную власть, и на волость, какъ власть административно-полицейскую. Каждое помѣщичье имѣніе (за исключеніемъ самыхъ мелкихъ) обращается въ сельское об-

щество, какъ единицу, тѣсно связанную своими хозяйственными и экономическими интересами, а въ Великороссіи сверхъ того и общиннымъ владѣніемъ землею и круговою порукою.

Временное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Принимая сію послѣднюю, согласно пункту 6-му Высочайше утвержденнаго журнала Главнаго Комитета 4-го декабря, за средство къ исправному отправленію повинностей, и имѣя въ виду, съ одной стороны, обезпечить сельскія общества въ возможности такого отправленія, а съ другой стороны—оградить государство отъ бродяжничества и передвиженія значительныхъ массъ народонаселенія, могущаго быть послѣдствіемъ быстраго освобожденія крестьянъ, Коммисіи, согласно съ Высочайшими рескриптами, должны были на нѣкоторое время удержать крестьянъ болѣе или менѣе крѣпкими землѣ.

Право выхода (изъ) крестьянскихъ обществъ и отказа отъ пользованія землями чрезъ 9 лѣтъ. А потому крестьяне, по предположеніямъ Коммисій, получаютъ неограниченное право выхода изъ сельскихъ обществъ и отказа отъ пользованія помѣщичьими землями не ранѣе какъ по истеченіи девяти-лѣтняго срока [1]), а до тѣхъ поръ выходъ изъ общества допускается для отдѣльныхъ личностей—съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, обезпечивающихъ сельскія общества въ принятіи ими на себя обязательствъ относительно отправленія повинностей за выходящихъ своихъ членовъ.

Размѣръ волости. Должностныя лица. Сельскія общества, представляя собою только хозяйственную единицу, соединяются, въ видахъ полицейско-административнаго управленія крестьянскимъ сословіемъ, въ волости отъ 300 до 2,000 душъ. Представители хозяйственно-распорядительной власти въ сельскомъ обществѣ суть сельскій староста и сельскій сходъ; представители же административно-полицейской власти въ волости — старшина, волостной сходъ и волостная управа. Старшины, сельскіе старосты и сборщики податей избираются самими крестьянами, а прочія должностныя лица, по усмотрѣнію общества, могутъ пріисковаться и по найму.

---

[1]) Коммисіи, сверхъ того, находятъ возможнымъ предоставить мѣстнымъ дворянскимъ собраніямъ право ходатайствовать о сокращеніи этого срока, если опытъ покажетъ, что такое сокращеніе возможно и безвредно.

Подчиненіе волостей и сельскихъ обществъ общимъ административнымъ властямъ. Если крестьянскимъ волостямъ и обществамъ предоставляется въ дѣлахъ, исключительно до нихъ касающихся, та степень самостоятельности, которая необходима для того, чтобы крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости, были дѣйствительно свободнымъ сословіемъ въ государствѣ, то, съ другой стороны, по дѣламъ болѣе общимъ они подчиняются вновь учреждаемымъ, сообразно съ возникающими потребностями, мѣстнымъ административнымъ властямъ.

Уѣздные исправники, уѣздныя расправы и мировые судьи. Устройство этихъ мѣстныхъ властей, какъ-то: уѣздныхъ исправниковъ, уѣздныхъ расправъ и мировыхъ судей, обсуживается въ особой коммисіи (объ устройствѣ уѣздной полиціи), состоящей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, нельзя не признать, что всѣ нынѣ предполагаемыя преобразованія тогда только могутъ увѣнчаться совершеннымъ успѣхомъ, когда, съ уничтоженіемъ отдѣльныхъ сельскихъ вѣдомствъ, всѣ крестьяне, какъ государственные, такъ и срочно-обязанные и прочіе, подчинены будутъ одному общему управленію.

При этомъ возникаетъ вопросъ—почему помѣщики, какъ землевладѣльцы и вотчинники земли, состоящей въ пользованіи крестьянъ, не введены въ составъ крестьянской волости? Я, съ своей стороны, полагаю это совершенно невозможнымъ. Обѣ единицы крестьянскаго управленія, хозяйственная и административная, учреждены только исключительно для крестьянскаго сословія. Включить дворянина въ составъ волости, въ главѣ которой стоитъ выборный изъ крестьянъ—волостной старшина, значило бы внести въ нее чуждый ей элементъ; подчинить же волость помѣщику, послѣ составленія уставныхъ грамотъ и перехода крестьянъ съ барщины на оброкъ, значило-бы уничтожить отличительный признакъ свободнаго сословія—независимость его отъ всякаго другаго. Но помѣщику, какъ землевладѣльцу и вотчиннику крестьянскихъ земель, есть мѣсто въ общественномъ управленіи: оно указано въ Высочайше утвержденныхъ для устройства уѣздной полиціи началахъ, въ которыхъ пунктомъ 16-мъ предполагается устроить хозяйственное управленіе уѣздомъ на выборномъ началѣ, при чемъ, я полагаю, первое мѣсто въ этомъ управленіи должно быть предоставлено дворянству, какъ главному землевладѣльческому и при томъ

самому образованному классу въ государствѣ. Сверхъ того, почетное учрежденіе мировыхъ судей есть выраженіе отношеній дворянскаго класса къ свободному сельскому сословію и при томъ не къ каждой его волости, а къ цѣлому округу. Но такъ какъ начертаніе всѣхъ этихъ учрежденій было возложено не на Редакціонныя Коммисіи, то труды послѣднихъ и не могли представить отвѣта на вопросы имъ неподлежащіе, хотя и тѣсно связанные съ устройствомъ новыхъ между помѣщиками и крестьянами отношеній.

Правила выкупа. Вопросъ о выкупѣ крестьянами земельныхъ участковъ обсуживался подробно во второмъ періодѣ, но разработанъ только въ видѣ предположеній, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Количество выкупаемой земли. При выкупѣ допускается уменьшеніе крестьянскаго надѣла, противъ размѣра надѣла, предоставляемаго въ пользованіе, такъ какъ пользованіе далеко не на столько обезпечиваетъ крестьянина, какъ пріобрѣтеніе земли въ собственность. Такое уменьшеніе надѣла при выкупѣ уже допущено, при добровольномъ соглашеніи между владѣльцами и крестьянами. Конечно, уменьшеніе это не должно превосходить извѣстнаго размѣра. Возможно-ли пониженіе крестьянскихъ надѣловъ при другихъ условіяхъ, кромѣ обоюднаго соглашенія,—еще не рѣшено. Гарантіею исправнаго платежа помѣщикамъ процентовъ съ выкупнаго капитала, до единовременнаго взноса самаго капитала, посредствомъ тиража, Высочайшею волею Вашего Императорскаго Величества предоставлены государственныя имущества.

Обезпеченіе процентовъ съ выкупнаго капитала. Всякое приращеніе въ ихъ доходахъ (уже нынѣ простирающееся до пяти милліоновъ рублей въ годъ) будетъ служить на пополненіе могущихъ произойти въ крестьянскомъ оброчномъ сборѣ недоимокъ.

Оцѣнка выкупаемыхъ земель. Нормальная оцѣнка выкупаемыхъ земель есть капитализація изъ 6% лежащихъ на нихъ оброковъ. По добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами оцѣнка можетъ быть понижена или повышена противъ нормальной; только во второмъ случаѣ добавокъ противъ нормальной суммы крестьяне взносятъ сами, безъ гарантіи правительства.

Три рода выкупа: обществами, товариществами и лич-

ный. Способы уплаты выкупной суммы. Переводъ долга кредитнымъ установленіямъ. Денежная уплата. 5-ти процентные билеты. Именныя свидѣтельства. Выкупъ вообще можетъ быть трехъ родовъ: обществами (въ общинное владѣніе), товариществами (преимущественно тамъ, гдѣ нѣтъ общиннаго владѣнія землею) и личный. Правительство можетъ преимущественно гарантировать только первые два рода выкупа.

Уплата выкупной суммы, за предварительнымъ вычетомъ долга помѣщиковъ кредитнымъ установленіямъ, можетъ производиться троякаго рода знаками: часть капитала (не болѣе восьми процентовъ его) можетъ выдаваться деньгами, другая—5% безъименными билетами (облигаціями стоимостью отъ 500 до 1,000 р. сер.), а третья, наконецъ, именными свидѣтельствами ($5^1/_2$%), которыя, во избѣжаніе слишкомъ легкаго обращенія и наводненія оттого ими биржеваго рынка, запрещается передавать другимъ лицамъ иначе, какъ крѣпостнымъ порядкомъ.

Размѣнъ свидѣтельствъ и тиражъ билетовъ. Свидѣтельства сіи, по мѣрѣ возможности, размѣниваются на облигаціи, а сіи послѣднія погашаются посредствомъ тиража. Возможность размѣна свидѣтельствъ на облигаціи или 5% билеты можетъ быть обусловлена тѣмъ, чтобы общее количество выпущенныхъ облигацій никогда не превосходило извѣстной суммы, напримѣръ — 200 мил. руб. сер. Выкупная операція можетъ быть возложена на главный банкъ въ столицѣ, орудіями котораго будутъ или губернскіе банки, или прямо уѣздныя казначейства.

Другіе, болѣе второстепенные вопросы, относящіеся до уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, предполагается разрѣшать слѣдующимъ образомъ:

Освобожденіе дворовыхъ людей. Дворовые люди, пріобрѣтая личныя права при самомъ объявленіи новаго Положенія, остаются въ обязательномъ услуженіи помѣщиковъ на то время, пока и крестьяне еще не имѣютъ права выхода съ обязательнаго труда на оброкъ. По истеченіи этого времени (т. е. черезъ 2 года) и по утвержденіи уставныхъ грамотъ, дворовые не надѣляются землею, но получаютъ право выхода изъ обязательнаго услуженія безъ всякой уплаты за свою личность. Съ другой стороны, и помѣщики могутъ отпускать отъ себя

своихъ дворовыхъ и не обязаны болѣе призрѣвать и прокармливать ихъ. Коммисіи, разрѣшая вопросъ такимъ образомъ, старались придерживаться строгой справедливости, хотя и не скрывали отъ себя затрудненій, съ которыми будетъ сопряженъ для правительства выходъ цѣлой массы людей, ничѣмъ не обезпеченныхъ, изъ попечительства и призрѣнія помѣщиковъ. Впрочемъ, послѣдніе обязаны будутъ, еще въ теченіе одного года по совершенномъ освобожденіи дворовыхъ людей, доставлять имъ жилище и отопленіе. Къ тому же нѣтъ никакого сомнѣнія, что и человѣколюбіе, и долговѣчная привычка побудятъ владѣльцевъ сохранить при себѣ многихъ изъ прежнихъ своихъ служителей.

Способъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Затѣмъ, послѣднія затрудненія могутъ, какъ я полагаю, быть бо́льшею частію устранены установленіемъ довольно значительнаго налога на паспорты съ выходящихъ на свободу дворовыхъ людей: на собираемыя такимъ образомъ суммы могутъ быть основаны учрежденія для призрѣнія тѣхъ лицъ этого сословія, которыя по старости, малолѣтству или увѣчью не будутъ въ состояніи зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ. Плата подобнаго налога будетъ для дворовыхъ людей во всякомъ случаѣ несравненно легче уплаты прежнихъ ихъ оброковъ.

Вознагражденіе мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. Мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ предполагается вознаградить за потери на возможно-широкихъ началахъ. Мелкопомѣстными будутъ признаны владѣльцы не свыше 21-й души, и при томъ такіе, которые, независимо отъ этого владѣнія, не имѣютъ никакой другой собственности, или капиталовъ, или иныхъ какихъ либо средствъ къ существованію. Такіе владѣльцы за уступаемыя ими крестьянамъ земли получатъ выкупной капиталъ 5% билетами по гораздо высшей оцѣнкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ правительство постарается сохранить не только всю усадебную осѣдлость, но также полевыя и луговыя земли, хотя бы крестьяне ихъ и совсѣмъ не были надѣлены землею.

Матеріалы для сельскаго, лѣснаго и межеваго уставовъ. Независимо отъ разрѣшенія всѣхъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, Коммисіи занимаются еще и подготовленіемъ матеріаловъ для составленія уставовъ: лѣснаго, сельскаго, межеваго и т. д.

Мѣстныя законоположенія. Въ заключеніе мнѣ остается присовокупить, что во 2-мъ періодѣ своихъ занятій Коммисіи обратили особенное вниманіе на тѣ части Россіи, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ требуютъ значительныхъ видоизмѣненій въ принятыхъ для цѣлой Россіи законоположеніяхъ. Первое мѣсто между этими частями Россіи занимаетъ западный край, т. е. Кіевское и Виленское генералъ-губернаторства. Главныя и существенныя ихъ особенности заключаются именно въ томъ, что въ нихъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ уже были опредѣлены инвентарными правилами и что тамъ не существуетъ и не существовало общиннаго владѣнія землею. Изъ этихъ-то особенностей истекаетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, вызывающихъ особыя мѣстныя законоположенія.

Вообще крестьянское Положеніе для западнаго края будетъ немного различествовать отъ Положенія для остальной Россіи; Коммисіи, при составленіи его, имѣли однако постоянно въ виду, чтобы оно не противорѣчило основнымъ началамъ, принятымъ для цѣлой Россіи. Работы Коммисіи 2-го періода для западнаго края будутъ, какъ я надѣюсь, окончены съ помощью гг. членовъ отъ губернскихъ комитетовъ этого края.

Изъ всего изложеннаго Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что 2-мъ періодомъ своихъ занятій Коммисіи разрѣшили крестьянскій вопросъ не только въ общихъ чертахъ, но даже въ его подробностяхъ и частностяхъ. Третій періодъ занятій Коммисій будетъ состоять въ тщательномъ пересмотрѣ всѣхъ замѣчаній гг. членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, какъ перваго, такъ и втораго призыва; въ окончательномъ исправленіи заключеній Коммисій и, наконецъ, въ кодификаціи, т. е. въ приведеніи сихъ заключеній въ букву и статьи законоположенія. Въ такомъ видѣ проектъ Положенія о крестьянахъ будетъ внесенъ въ Главный Комитетъ, со всѣми отдѣльными мнѣніями членовъ Редакціонныхъ Коммисій, а также съ замѣчаніями членовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

Всѣ усилія мои, какъ предсѣдателя Коммисій, были направлены къ тому, чтобы остаться вполнѣ вѣрнымъ тѣмъ началамъ, которыя были указаны Высочайшею Вашею волею, какъ въ рескриптахъ, такъ и въ утвержденныхъ Вашимъ Императорскимъ

Величествомъ журналахъ Главнаго Комитета. Безъ соблюденія этого, самаго важнаго, по моему мнѣнію, въ работахъ Коммисій условія, труды наши не имѣли бы прочнаго основанія. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ началъ Коммисіи дѣйствовали по своему крайнему разумѣнію, принимая вполнѣ добросовѣстно въ соображеніе все то, что было сдѣлано губернскими комитетами. Губернскіе комитеты трудами своими принесли Россіи большую пользу. Ваше Императорское Величество соизволили обратиться съ рескриптами къ мѣстнымъ дворянствамъ съ тѣмъ, чтобы они, въ лицѣ избранныхъ ими комитетовъ, высказали—какъ они полагаютъ улучшить бытъ своихъ крестьянъ. Затѣмъ, на правительственныя учрежденія—Главный Комитетъ и Редакціонныя Коммисіи—возложено было начертаніе крестьянскаго Положенія, какъ на основаніи началъ, выработанныхъ симъ комитетомъ и утвержденныхъ Высочайшею Вашею волею, такъ и на основаніи мѣстныхъ проектовъ Положеній губернскихъ комитетовъ. Въ начертанномъ Коммисіями проектѣ Положенія едва-ли найдется хотя одно существенное правило, которое не было бы предложено тѣмъ или другимъ изъ проектовъ губернскихъ комитетовъ; но, конечно, ни одинъ изъ членовъ этихъ комитетовъ не найдетъ въ Положеніи Коммисій проекта его губерніи во всей его цѣлости. Утвержденіе исключительно одного губернскаго Положенія, преимущественно передъ другими, было бы и несправедливо и неосуществимо, по разнообразію мѣстныхъ условій; утвержденіе же, съ нѣкоторыми измѣненіями, всѣхъ губернскихъ Положеній, находящихся между собою въ совершенно несогласимыхъ противорѣчіяхъ, было бы также невозможно. Противорѣчія эти истекаютъ вовсе не изъ различія мѣстныхъ условій (которыя никогда не упускались изъ виду въ предположеніи Коммисій), но изъ различія въ самомъ существѣ воззрѣнія комитетовъ на предметы. Наконецъ, отыскивать механически, по каждому отдѣльному вопросу, въ пользу какого способа его разрѣшенія высказалось большинство губернскихъ Положеній,—неосуществимо на практикѣ, ибо въ большей части случаевъ мнѣнія комитетовъ до того расходятся, что и сравнивать ихъ между собою невозможно. А потому Коммисіямъ оставался только одинъ исходъ: въ главѣ разрѣшенія вопроса поставить Высочайше утвержденныя начала, указанныя въ

Высочайшихъ рескриптахъ и въ журналахъ Главнаго Комитета, и развивать эти начала органически, соображая въ то же время всѣ Положенія губернскихъ комитетовъ и выбирая то изъ одного, то изъ другаго, все то, что, по уразумѣнію Коммисій, соотвѣтствуетъ какъ сказаннымъ началамъ, такъ и вообще успѣшному и раціональному разрѣшенію крестьянскаго вопроса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммисіи остались вѣрными принятому ими съ самаго начала ходу работъ. Разсылкою своихъ журналовъ онѣ отдали еще неоконченные труды свои на судъ не только правительственныхъ лицъ и представителей дворянскаго сословія, но и на судъ всѣхъ тѣхъ, кто только могъ придумать болѣе удовлетворительное разрѣшеніе много разъ обдуманныхъ и пересмотрѣнныхъ вопросовъ. Не смущаясь возраженіями, напротивъ, ожидая и принимая ихъ съ искреннею благодарностію, Коммисіи въ настоящее время исполняютъ свято принятую ими на себя и заявленную въ журналахъ Общаго Присутствія обязанность: исправлять, согласно съ справедливыми указаніями, тѣ недостатки, которые были неизбѣжны при столь сложномъ и громадномъ трудѣ.

Въ 3-мъ періодѣ занятій Коммисіямъ, согласно принятой ими программѣ, остается еще снова пересмотрѣть и исправить ускользнувшія отъ нихъ во 2-мъ періодѣ ошибки, а мнѣ—представить Вашему Императорскому Величеству добросовѣстный отчетъ въ тѣхъ неудобствахъ или недостаткахъ Положенія, которыхъ, при нынѣшнемъ состояніи различныхъ отраслей нашего государственнаго устройства, едва-ли было возможно избѣгнуть. Всѣ усилія мои и состоящихъ подъ моимъ предсѣдательствомъ Коммисій во второмъ періодѣ были направлены къ тому, чтобы установить самое строгое равновѣсіе между интересами дворянства и интересами освобождаемаго народа, чтобы оградить первое отъ несправедливыхъ потерь и упрочить послѣднему возможность достигнуть благоденствія въ будущемъ. Въ какой мѣрѣ достигаемъ мы этой цѣли, Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, когда весь проектъ Положенія будетъ готовъ вполнѣ, потому что только по совокупности всѣхъ начертанныхъ правилъ можно будетъ судить о томъ — въ какой мѣрѣ ограждены интересы обоихъ сословій.

Другая цѣль, которая ни на минуту не покидала и не поки-

даетъ меня и къ которой постоянно стремились Коммисіи, состоитъ въ томъ, чтобы, при введеніи предстоящей реформы, предупредить или, по крайней мѣрѣ, ограничить по возможности неизбѣжныя отчасти столкновенія, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя бы могли нарушить общественный порядокъ и спокойствіе государства. Достигнемъ-ли мы этой цѣли—можетъ показать только историческое развитіе той новой эпохи государственной жизни, въ которую вступаетъ Россія; но въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества полный тѣхъ же лучшихъ надеждъ и той же теплой вѣры, которыя Васъ, Государь, никогда не покидали.

Съ черновымъ подлинникомъ, исправленнымъ Предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммисій 26-го января и 1-го февраля (1860 года), вѣрно. Завѣдывающій дѣлами Коммисій

Петръ Семеновъ.

МИХАИЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ХОМУТОВЪ,

НАКАЗНОЙ АТАМАНЪ ВОИСКА ДОНСКАГО

въ 1848—1862 гг.

Въ XXV-мъ томѣ всѣми уважаемаго журнала «Русская Старина», въ статьѣ: «Донъ и донцы въ прежнее и нынѣшнее время», встрѣтилъ я нѣсколько строкъ, относящихся до покойнаго наказнаго атамана, генералъ-адъютанта Михаила Григорьевича Хомутова.

Прочитавъ эти строки, я не могъ не пожалѣть, что авторъ не посвятилъ этому особенно видному и замѣчательному дѣятелю на Дону болѣе 12-ти строкъ.

Но и въ этихъ немногихъ строкахъ вкрались ошибки. Авторъ говоритъ: «Въ его (Хомутова) атаманствованіе войско Донское жило мирною жизнью и, не имѣя никакихъ военныхъ командировокъ, кромѣ очередной службы на Кавказѣ, въ Польшѣ, въ Петербургѣ и въ Финляндіи, спокойно развивало свой домашній бытъ».

Говоря такимъ образомъ, авторъ забылъ, вѣроятно, войну 1853—1855 гг., въ которую войско Донское выставило необычно большое количество полковъ. Онъ забылъ также, что Хомутову поручено было охраненіе морскаго побережья на огромномъ протяженіи, и что онъ усердно содѣйствовалъ главнокомандующему въ Крыму, князю Меншикову, помогая ему и войсками, находившимися въ его распоряженіи, и всѣмъ, чѣмъ могъ, и самъ посѣщалъ въ это время Крымъ.

Независимо отъ этого умолчанія, авторъ забылъ упомянуть, что Хомутовъ, до назначенія его атаманомъ въ 1848 г., девять лѣтъ былъ, во время атаманства Власова, самымъ дѣятельнымъ и самымъ вліятельнымъ начальникомъ войсковаго штаба. Дѣйствовалъ-ли въ это время Хомутовъ подъ вліяніемъ Власова, или—наоборотъ, это вопросъ, кото-

рый не подлежитъ сомнѣнію для очевидцевъ того времени. Самое назначеніе Хомутова начальникомъ штаба—не было-ли оно сдѣлано для того, чтобы привести въ исполненіе то переустройство Дона по новому закону, которое авторъ приписываетъ Власову? Кто, спрашивается, хотя сколько нибудь знакомый съ дѣлами, до Дона относящимися, не вѣдалъ въ свое время цѣль этого назначенія?

При слишкомъ краткомъ отзывѣ объ атаманствованіи Хомутова и при вышеозначенныхъ двухъ упущеніяхъ, атаманъ этотъ, для современнаго читателя, является какою-то блѣдною личностью.

Такъ-ли, однако, это на самомъ дѣлѣ?

За время своего 23-хъ-лѣтняго пребыванія на Дону, сначала въ должности начальника штаба, а потомъ—атамана, Михаилъ Григорьевичъ скопилъ значительный войсковой капиталъ. Это одна важная сторона громадной заслуги для края, но другая, еще болѣе важная, это направленіе, дававшееся имъ накопленному имъ же капиталу. Не онъ-ли далъ существенный, дѣйствительный и практичный толчокъ грушевскому каменноугольному промыслу? Изъ области платоническихъ разсужденій, многіе и многіе годы тянувшихся въ средѣ разныхъ ученыхъ, о богатствѣ антрацитовыхъ залежей на Дону и о способахъ ихъ эксплоатаціи, Хомутовъ приступилъ прямо къ дѣлу, давъ ему серьезную организацію, сообразно практическимъ и денежнымъ средствамъ края. Разумно брошенное имъ зерно быстро разростается теперь въ дерево, и плоды его обогатятъ не только Донской край, но и значительную часть Россіи.

Не онъ-ли устроилъ Аксайскую дамбу по 10-ти-верстному въ ширину разливу Дона, съ разводнымъ на плашкоутахъ мостомъ на рѣкѣ? Это сооруженіе сдѣлало возможнымъ безъостановочное сообщеніе съ задонскимъ краемъ и съ Кавказомъ, и принесло истинное благо не для однихъ путешественниковъ съ Кавказа и на Кавказъ, но для жителей огромнаго раіона и для обширной торговли города Ростова. Такого прекраснаго сообщенія, какое было устроено черезъ Донъ, не существовало даже ни на одномъ пунктѣ Волги, начиная отъ Ярославля и кончая Астраханью. При этомъ, кстати, нельзя тоже упустить устройства вообще Хомутовымъ особенно хорошаго порядка по почтовымъ сообщеніямъ, а равно и устройства имъ почтовыхъ станцій по степямъ Донской земли, и такихъ уютныхъ станцій, которыя, настрадавшимся отъ грязи, колоти, мороза или мятели, давали возможность дѣйствительно отдохнуть или отогрѣть закоченѣлые члены свои или своихъ дѣтей. Въ оныя времена, всякій проѣзжающій благословлялъ судьбу, когда добирался до войска Донскаго.

Не Михаилъ-ли Григорьевичъ устроилъ громадный садъ въ го-

родѣ, расположенномъ на высокой горѣ, на припекѣ, не имѣющемъ воды и лишенномъ, абсолютно, всякой зелени? Садъ устроенъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ осенью была непроходимая грязь и гдѣ, зачастую, экипажи оставались на ночлегъ. Создать садъ, въ центрѣ города, на такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не могло рости, при громкихъ соболѣзнованіяхъ и насмѣшкахъ мѣстныхъ жителей о безполезно будто бы затрачиваемыхъ деньгахъ, можно было только съ тою настойчивостью къ полезному дѣлу, какою обладалъ Михаилъ Григорьевичъ. Нынѣ садъ этотъ, не говоря уже о его гигіеническомъ значеніи, есть услажденіе отъ нестерпимыхъ жаровъ и восточныхъ палящихъ вѣтровъ, дующихъ иногда недѣли четыре сряду.

Не Михаилъ-ли Григорьевичъ, будучи человѣкомъ истинно религіознымъ и принимая во вниманіе религіозность донскихъ жителей, предпринялъ вновь постройку громаднаго собора, значущагося, по вышинѣ, чуть-ли не третьимъ или четвертымъ номеромъ въ ряду подобныхъ европейскихъ зданій? Къ сожалѣнію, храмъ этотъ не оконченъ. Въ то время, когда уже возводился барабанъ на куполѣ, куполъ провалился. Обстоятельство это случилось уже по отъѣздѣ Хомутова съ Дона.

Не по почину-ли и настоянію Михаила Григорьевича предпринято было, въ 1860 году, устройство желѣзной дороги отъ грушевскихъ каменноугольныхъ копей къ рѣкѣ Дону на счетъ капитала, имъ, Хомутовымъ, скопленнаго? Тогда это была первая дорога, затѣянная на югѣ Россіи, за исключеніемъ волго-донской, начавшейся въ томъ же году.

Грушевская дорога была опять-таки зерномъ, брошеннымъ Хомутовымъ. Но это зерно разрослось такъ быстро, что обмануло самыя пылкія ожиданія. Сверхъ того, благодаря этому зерну, Новочеркасскъ вошелъ въ общую сѣть желѣзныхъ дорогъ, что̀, при другихъ условіяхъ, легко могло и не состояться.

Не Михаилъ-ли Григорьевичъ, все на тотъ же скопленный имъ капиталъ, предпринялъ устройство водопровода въ г. Новочеркасскѣ? Для этого потребовалось провести воду за 28 верстъ, т. е. устроить такой водопроводъ, которому нѣтъ другого примѣра въ Россіи, да едва-ли есть и въ Европѣ. Жители Новочеркасска, пившіе прежде мутную, солепую воду, которою нельзя было даже заварить чай и которая обходилась имъ страшно дорого, пьютъ теперь даромъ отличную воду и охлаждаются фонтанами, бьющими въ тѣнистомъ «Хомутовскомъ саду». Если рыли землю и клали трубы въ то время, когда Михаилъ Григорьевичъ не былъ уже атаманомъ, то никто не можетъ приписать себѣ и одной іоты заслуги по дѣлу водопровода.

Дѣло это, не смотря на многія препятствія, одолѣлъ Михаилъ Григорьевичъ еще въ свое атаманствованіе и началось оно при немъ.

Старикъ посѣялъ много, много зеренъ, но не пришлось ему вкусить отъ всѣхъ ихъ плода. У меня сохраняются нѣкоторыя письма Михаила Григорьевича, относящіяся къ послѣднему времени его жизни, гдѣ проявляется его тихая душевная скорбь, но скорбь истинно христіанская, о томъ, что ему не удалось не только вкусить плодовъ имъ посѣяннаго, но даже и посмотрѣть на нихъ.

Авторъ упомянутыхъ Очерковъ Дона ставитъ на первомъ мѣстѣ дѣятельности Хомутова устройство атаманскаго дворца. Дѣйствительно, Михаилъ Григорьевичъ предпринялъ и устройство небольшаго дворца, но онъ предпринялъ это послѣднимъ своимъ дѣломъ, и предпринялъ, можно сказать, на остатки. Многіе годы прожилъ Хомутовъ на Дону и о дворцѣ не заботился, а жилъ 23 года въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, и подумалъ о своемъ помѣщеніи лишь тогда, когда удовлетворилъ другія нужды. Впрочемъ, Михаилъ Григорьевичъ и не воспользовался атаманскимъ дворцомъ. Онъ приготовилъ его для своихъ преемниковъ.

Изъ этого краткаго очерка видно, какъ благодѣтельно для края распоряжался Хомутовъ скопляемыми имъ средствами. Надо замѣтить здѣсь, что въ то время—не знаю какъ теперь—войско Донское имѣло свой отдѣльный, независимый бюджетъ, какъ по приходу, такъ и по расходу. Было бы очень желательно видѣть, чтобы вообще государственные дѣятели распоряжались бюджетами такъ исключительно-полезно, разумно и экономно, какъ распоряжался своимъ бюджетомъ атаманъ Хомутовъ.

Оставляя въ сторонѣ блестящую, по своимъ воинскимъ подвигамъ, личность атамана Платова, кто изъ прочихъ, бывшихъ до Хомутова, атамановъ принесъ краю заслуги, подобныя тѣмъ, которыя принесъ этотъ человѣкъ? Хомутовъ, въ полномъ смыслѣ слова, былъ благодѣтелемъ для войска Донскаго.

Правда, былъ кружокъ, изъ числа высшаго донскаго общества, хотя и кружокъ весьма ограниченный, который не относился симпатично къ Хомутову. Это вытекало изъ того, что Хомутовъ, при своемъ замѣчательномъ умѣ, при необыкновенномъ тактѣ, и при продолжительномъ своемъ пребываніи на Дону, зналъ насквозь не только внѣшнія, но и внутреннія свойства каждаго члена общества.

Всякій зналъ, что Михаилъ Григорьевичъ если и не выражаетъ, то, не менѣе того, знаетъ—кто чего стоитъ. Всякій зналъ, что провести (прошу извиненія за выраженіе) Михаила Григорьевича за носъ или затуманить его пылью, брошенною въ глаза—нельзя. Въ

его глазахъ имѣли силу лишь дѣйствительныя свойства человѣка, великія или малыя, но непремѣнно—дѣйствительныя. Родовитости онъ отдавалъ принятое вообще уваженіе, но если съ родовитостью не соединялись нужныя для дѣла качества, то серьезныхъ обязанностей на такихъ лицъ онъ не возлагалъ. Фанфаронство, неестественность, безсодержательное краснобайство и кичливость никакого ходу у него имѣть не могли. Понятно, что поэтому могъ составиться извѣстный кружокъ недовольныхъ. Но найдется-ли среди простолюдиновъ-казаковъ его времени хотя одинъ, который не отозвался бы о Хомутовѣ, если можно такъ выразиться, съ полнымъ благоговѣніемъ,—въ этомъ можно усомниться.

Хомутовъ, хотя и не былъ происхожденія донскаго, хотя онъ не былъ атаманомъ выборнымъ, а былъ атаманомъ, правительствомъ назначеннымъ, не менѣе того, онъ, какъ никто, соотвѣтствовалъ типу историческаго значенія атамановъ, сообразно, конечно, современной эпохѣ. Онъ былъ и начальникъ, и администраторъ, и хозяинъ, и судья, словомъ сказать—былъ то, что мы разумѣемъ подъ словомъ патріархъ. Хомутовъ не тяготился входить безпрерывно, по просьбѣ котораго либо изъ членовъ семейства, въ семейные вопросы, въ примиряющемъ духѣ, и опирался въ этихъ случаяхъ не на авторитетъ атамана, а на свой нравственный авторитетъ, какъ судья, призванный для рѣшенія дѣла. Мнѣ лично случалось быть не разъ свидѣтелемъ подобныхъ разбирательствъ и рѣшеній Михаила Григорьевича, прекращавшихъ семейныя катастрофы.

Доступность Михаила Григорьевича не имѣла, я думаю, подобнаго примѣра.

Каждый день къ нему имѣли доступъ всѣ, не исключая и малыхъ дѣтей,—и при томъ, въ извѣстное время дня, а именно вечеромъ, послѣ его отдохновенія,—даже безъ доклада. Самое помѣщеніе, имъ избранное, гдѣ онъ прожилъ 23 года, соотвѣтствовало его безпримѣрной доступности. Михаилъ Григорьевичъ занималъ небольшой одноэтажный деревянный домъ, полъ котораго былъ на одномъ уровнѣ съ улицей. Такимъ образомъ, можно сказать буквально, что для вступленія въ его домъ не было порога. За передней слѣдовало зало, а затѣмъ кабинетъ, двери котораго послѣ обѣда были открыты. Приходившіе свободно входили въ зало. Услышавъ шаги, Михаилъ Григорьевичъ, сидя въ кабинетѣ, спрашивалъ: «Кто тамъ?» и звалъ въ кабинетъ, было-ли то административное лицо, или то былъ казачокъ-ребенокъ. Постороннему наблюдателю нельзя было не поражаться истинно христіанскимъ терпѣніемъ въ этихъ случаяхъ

Михаила Григорьевича. Эта-то необычайная доступность и цѣнилась высоко всѣми простолюдинами-казаками. Мало того, она, въ родѣ легенды, ходила по окрестнымъ губерніямъ. Когда я еще не зналъ Михаила Григорьевича и производилъ въ 1865 и 1866 годахъ изысканія для желѣзныхъ дорогъ по Харьковской и Екатеринославской губерніямъ, я много разъ слышалъ, по крестьянскимъ хатамъ и хуторамъ, теплые разсказы объ атаманѣ Хомутовѣ. Впрочемъ, существуетъ одинъ эпизодъ, который долженъ храниться въ дѣлахъ,—это поголовное путешествіе рабочихъ съ волго-донской желѣзной дороги, находившихся въ Царицынѣ, Саратовской губерніи, въ Новочеркасскъ, за 450 верстъ, къ атаману Хомутову, въ расчетѣ прибѣгнуть къ его защитѣ отъ притѣснительныхъ дѣйствій подрядчика.

Несомнѣнно, что Михаилъ Григорьевичъ, при его умѣ, сознательно хотѣлъ отвѣчать типу атамана въ его историческомъ значеніи, но, не менѣе того, это являлось у него и безсознательно, вслѣдствіе подходящей къ тому его натуры. Даже съ внѣшней стороны, это былъ типичный атаманъ казаковъ. Нельзя было не любоваться Михаиломъ Григорьевичемъ, когда онъ являлся въ кругъ, или когда онъ, напримѣръ, въ крещенскій морозъ, сопровождалъ, болѣе версты, крестный ходъ съ обнаженною головой, покрытою густыми бѣлыми, какъ лунь, кудрями, и съ такими же въ кольцо завитыми длинными усами. Живописецъ, который пожелалъ бы изобразить типъ стараго казацкаго атамана древнихъ временъ, не нашелъ бы, кажется, ничего лучшаго, какъ нарисовать Михаила Григорьевича.

Безпримѣрная доступность, обаятельная простота въ обращеніи и рѣдкая сердечная мягкость—не исключали въ Михаилѣ Григорьевичѣ замѣчательной твердости воли и характера,—качествъ, столь драгоцѣнныхъ для начальника и администратора. Всѣ, и чиновный людъ, и народъ знали—чего можно достигнуть у Михаила Григорьевича и чего нельзя. Хитростнаго, обманчиваго и кляузнаго просителя онъ выслушивалъ такъ же, какъ и другихъ, но отпускалъ его съ тѣмъ же, съ чѣмъ тотъ приходилъ, добавивъ только иногда внушительное поученіе. Но человѣку, пришедшему изложить свое дѣло откровенно, по совѣсти, онъ всегда помогалъ. Никогда онъ не ограничивался однимъ платоническимъ соболѣзнованіемъ объ обстоятельствахъ такого просителя. Никогда не давалъ ему также такого отвѣта, что, «при всемъ его сочувствіи, онъ не можетъ ничего сдѣлать, по той причинѣ, что существуютъ извѣстные, установленные для дѣлъ порядки». Михаилъ Григорьевичъ не могъ мириться съ мыслію, что начальникъ края, убѣжденный въ правдѣ, могъ бы быть безсильнымъ поддержать эту правду. Да и народъ вообще, и весь

русскій народъ, такого характера отношенія главнаго начальника къ дѣламъ не понимаетъ, и впредь,—чего, по-истинѣ, дай Боже,—не пойметъ. У Михаила Григорьевича не было колебаній, такъ часто встрѣчающихся у начальствующихъ лицъ и администраторовъ, и такъ вредно отражающихся на всемъ.

Одаренный замѣчательно-здравымъ умомъ, освѣщаемымъ, въ добавокъ, искреннею сердечною теплотою, и одаренный тоже прямымъ, практическимъ взглядомъ, Михаилъ Григорьевичъ не могъ, конечно, не выработать въ себѣ, къ извѣстнымъ годамъ, взглядовъ строго опредѣленныхъ, и, въ то же время, не могъ не пріобрѣсти способности быстраго пониманія людей.

У него нельзя было никому расчитывать на рѣшенія случайныя, какими либо хитростями достигаемыя; не было тоже мѣста для недостойныхъ выскочекъ, частенько у другихъ администраторовъ появляющихся и такъ много приносящихъ вреда.

Замѣчательная опредѣленность Хомутова въ его дѣйствіяхъ не вытекала, однако, вовсе изъ старческаго упрямства. Онъ былъ очень чутокъ ко всему истинно прогрессивному. Доказательствомъ тому служитъ то, что дѣйствительная цивилизація края началась съ его времени. Онъ былъ очень далекъ отъ тупаго консерватизма, quand même. Но онъ умѣлъ различать коренные элементы, не долженствующіе ни подъ какимъ видомъ подлежать измѣненію, отъ тѣхъ, которые могутъ и должны измѣняться. Словомъ сказать, онъ умѣлъ различать корни дерева отъ его вѣтвей.

Нельзя не пожалѣть, что Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ покинулъ Донъ и умеръ преждевременно. Если на Дону, какъ и въ другихъ частяхъ Имперіи, требовались различныя разумныя реформы, сообразныя съ духомъ времени, то никто не могъ бы, кажется, выполнить эту задачу лучше Михаила Григорьевича, вслѣдствіе его продолжительнаго пребыванія въ краѣ, знанія имъ нравственныхъ и экономическихъ условій его, знанія тамошнихъ людей и пріобрѣтеннаго имъ громаднаго нравственнаго авторитета надъ ними.

Кромѣ поименованныхъ мною выше крупныхъ явленій дѣятельности Михаила Григорьевича, я, на сколько мнѣ извѣстно, перечислю менѣе видныя заслуги его для края:

Учрежденіе капитала для бѣдныхъ, капитала церковнаго и капитала пожарнаго.

Увеличеніе вообще жалованья и уменьшеніе срока службы.

Устройство въ Новочеркасскѣ временнаго собора и церквей, Маріинскаго женскаго института, отдѣленія для восточныхъ языковъ, пріюта, женской школы, мостовой, которой прежде не существовало,

спусковъ съ горы къ рѣкѣ, прекраснаго гостинаго двора, который гораздо красивѣе петербургскаго, монумента Платову, базарной площади, дома дворянскаго собранія съ клубомъ, и театра. Заведена портретная галлерея государей и атамановъ, и устроенъ въ саду вокзалъ, для развитія общественной жизни, куда три раза въ недѣлю собиралось общество всѣхъ сословій, лишь бы были прилично одѣты и вели себя прилично. Тамъ танцовали на открытомъ воздухѣ, на устроенной для того платформѣ, среди зелени и освѣщенія разноцвѣтными фонарями. Эти, такъ именовавшіеся, пикники очень много способствовали сближенію общества и измѣненію обычаевъ. Еще во время моего пребыванія на Дону, въ нѣкоторыхъ домахъ женщины скрывались при моемъ тамъ появленіи.

Вблизи самаго города Новочеркасска устроены: 5 церквей, кладбище съ церковью, другой садъ, дамба по разливу Аксая съ Тузловомъ и постоянный деревянный мостъ черезъ Тузловъ.

Въ округахъ устроено: 28 церквей новыхъ и разныя благолѣпія въ старыхъ церквяхъ, окружныя школы, станичныя школы, урюпинская ярмарка, конный заводъ, Ново-Николаевская станица, артиллерійскія казармы и артиллерійскій лагерь.

Въ заключеніе этого очерка замѣчу, что изъ вѣка въ вѣкъ память о Михаилѣ Григорьевичѣ Хомутовѣ на Дону будутъ поддерживать:

Грушевскій антрацитъ, согрѣвающій и обогащающій донской край.

Прекрасная здоровая вода, утоляющая жажду жителей г. Новочеркасска.

Тѣнь сада, спасающая ихъ отъ нестерпимаго зноя.

Маріинскій женскій институтъ.

Желѣзная дорога.

Нѣсколько вновь устроенныхъ церквей и строющійся грандіозный соборъ.

Развитіе края и его образованіе, начавшееся, въ сущности, со времени Хомутова.

Есть, конечно, еще лучшіе памятники о Михаилѣ Григорьевичѣ Хомутовѣ—это памятники, хранящіеся въ сердцахъ многихъ отцовъ, матерей и дѣтей; но памятники эти исчезнутъ со смертью тѣхъ, которые хранятъ ихъ до сихъ поръ.

Такимъ памятникамъ, какіе создалъ себѣ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, могли бы позавидывать многіе государственные люди, дѣйствовавшіе на болѣе широкомъ поприщѣ.

В. А. Панаевъ.

С.-Петербургъ, 1879 г.

Домбровскій.

[Къ «Запискамъ о польскомъ возстаніи» Н. В. Берга].

Въ декабрьской книгѣ «Русской Старины», 1879 гг., въ Запискахъ г. Берга, упоминается о Домбровскомъ, увозѣ имъ жены, и приводится часть письма къ М. Н. Каткову. Начну съ того, что Домбровская проживала подъ надзоромъ полиціи въ Ардатовѣ не Симбирскомъ, а Нижегородскомъ; увозъ же ея или побѣгъ не лишенъ нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей. Наканунѣ, изъ Саровской пустыни, отстоящей отъ Ардатова верстахъ въ 30-ти, выѣхалъ пріѣзжавшій на богомолье по виду купецъ или достаточный мѣщанинъ, нанявшій лошадей въ ближайшей деревнѣ; изъ Сарова онъ пригласилъ съ собой одного изъ братіи, которому предстояла надобность побывать въ Ардатовѣ, дорогой же проѣзжій высказалъ свое знакомство съ этимъ краемъ и что знаетъ многихъ изъ жителей, а при разставаніи, когда спутникъ его, саровецъ, сказалъ, что остановится у мѣстнаго судьи Л., то просилъ передать его поклонъ, назвавъ при томъ по имени и жену его. Въ городѣ проѣзжій, перемѣнивъ лошадей, отправился далѣе; происходило это на разсвѣтѣ; когда отъѣхалъ версты двѣ или три, то остановилъ ямщика и слѣзъ съ телѣги; въ это время по той же дорогѣ шла женщина, въ костюмѣ богомолки; проѣзжій заговорилъ съ нею, та стала жаловаться на усталость и болѣзнь ногъ; проѣзжій предложилъ ей подвезти и, заручившись согласіемъ ямщика съ помощью предложеннаго стаканчика водки, посадилъ богомолку съ собой. Богомолка эта впослѣдствіи оказалась Домбровскою. Подъѣзжая къ селенію, гдѣ надо было перемѣнить лошадей, проѣзжій приказалъ подвезти себя къ дому одного крестьянина, назвавъ его по имени, котораго въ то время дома не было. Пожалѣвъ, что не засталъ самого хозяина, сталъ разсказывать о близкомъ съ нимъ знакомствѣ; разсказы его были на столько правдоподобны, что ему не отказали дать лошадей ѣхать проселочною дорогой въ село Павлово, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ. Съ пріѣздомъ въ Павлово, дальнѣйшихъ слѣдовъ богомолки—бѣглянки Домбровской и ея похитителя открыть не могли. Изъ сказаннаго выходитъ, что не самъ Домбровскій, какъ онъ о томъ писалъ къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей», увезъ свою жену, а кто-то другой, хорошо знакомый съ краемъ, гдѣ она проживала. Въ письмѣ къ М. Н. Каткову Домбровскій прихвастнулъ. Еще небольшая подробность: во время побѣга Домбровской, въ Ардатовѣ былъ для ревизіи нижегородскій губернаторъ; оттого, можетъ быть, и чины полиціи, занятые болѣе ревизіей, чѣмъ надзоромъ за ссыльными, которыхъ въ то время въ городѣ было нѣсколько, хватились бѣглянки тогда, когда было уже поздно.

Муромъ. **В. Ц. Герцыкъ.**

Графъ Θ. Θ. Бергъ.

7-го сентября 1863 г.

Въ дополненіе къ отвѣту моему на статейку г. Валя по поводу моихъ Записокъ, скажу еще на счетъ его замѣчанія, что-де графу Бергу, «участнику семнадцати блестящихъ кампаній», было странно смутиться отъ какой-нибудь повстанской пули и пяти гранатъ. То-то же и дѣло, что не странно. День на день не приходитъ и никто на свѣтѣ, будь онъ храбрый человѣкъ или трусъ, участвуй въ 17-ти кампаніяхъ или ни въ одной, не можетъ поручиться ни за одну минуту своей послѣдующей жизни: такъ всѣ мы устроены на волѣ Божіей. Сегодня человѣкъ таковъ, завтра—его не узнаешь. Всѣмъ извѣстный храбрецъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, могущій, конечно, быть серьезнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, говаривалъ мнѣ: «Если кто тебѣ скажетъ, что никогда не трусилъ въ сраженіи, не вѣрь ему: или вретъ, или вовсе не видалъ сраженій». Командиръ одного изъ передовыхъ редутовъ Южной стороны Севастополя, капитанъ Бѣлкинъ, пробывшій на немъ всѣ одиннадцать мѣсяцевъ осады, на глазахъ котораго непріятельскіе снаряды произвели нѣсколько смѣнъ орудійной прислуги, сказывалъ мнѣ, что когда онъ, взорвавши свой редутъ, въ день сдачи Севастополя, 27-го августа 1855 года, повелъ команду на Сѣверную сторону и перешелъ мостъ,—вдругъ упала къ его ногамъ какая-то шальная бомба: онъ такъ перепугался, какъ не боялся ни разу на редутѣ. Неужели-жъ этотъ фактъ можетъ разжаловать его изъ храбрыхъ въ трусы? Хоть-бы десять такихъ фактовъ, Бѣлкинъ все-таки останется въ памяти людей, его знавшихъ, храбрецомъ изъ храбрецовъ. То же самое будутъ постоянно утверждать и о графѣ Бергѣ всѣ его знавшіе. 7-е сентября 1863 г. ничего ровно не измѣнило съ этой стороны въ его біографіи. При томъ, неожиданное нападеніе изъ-за угла вовсе не бой, котораго ожидаешь. Кромѣ того, бываютъ еще случаи, когда человѣкъ чувствуетъ страхъ «заднимъ числомъ», спустя нѣкоторое время послѣ какого-либо событія, способнаго потрясти нервы. Кажется, именно такой страхъ и смущеніе овладѣли графомъ Бергомъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ выстрѣла по немъ изъ дома Замойскаго. Въ первый моментъ онъ ничего не чувствовалъ и не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое кругомъ происходитъ. Графа видѣли смущеннымъ послѣ, въ домѣ коменданта. Такъ какъ г. Валь въ это время при немъ не находился, то онъ и не можетъ быть свидѣтелемъ описанныхъ мною ощущеній графа, которыя старается опровергнуть—формулярнымъ спискомъ покойнаго фельдмаршала.

Н. В. Бергъ.

Замѣтка о сочиненіи А. Дроздова.

[Письмо къ ред. «Русской Старины»].

Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Въ статьѣ Н. И. Барсова: «Герасимъ Петровичъ Павскій» («Русская Стар.» 1880 г., III, 502) сказано: «Сочиненіе Дроздова, очень недурное для своего времени, осталось въ рукописи». Едва-ли это такъ: въ 1835 г. вышла книга А. Дроздова «Опытъ системы нравственной философіи» («Систематическій каталогъ» Межова. 1869 г., № 1989). Если память не измѣняетъ мнѣ, о ней существуетъ статья Бѣлинскаго (кажется, въ т. I собранія его сочиненій).

Душевно преданный вамъ **К. Бестужевъ-Рюминъ.**

Спб. Марта 1-го 1880 г.

КЪ ПОРТРЕТУ ШЕСТИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

И. С. Тургеневъ.—И. А. Гончаровъ.—гр. Л. Н. Толстой.—А. Н. Островскій.—Д. В. Григоровичъ.—А. В. Дружининъ

Отличительнымъ характеромъ русской литературы за послѣднія двадцать пять лѣтъ была живая отзывчивость на реформы, какими ознаменовано нынѣшнее славное царствованіе, и на тѣ вопросы, которые возникали въ нашемъ обществѣ въ предвидѣніи этихъ реформъ или подъ ихъ вліяніемъ. И это понятно. Въ такія эпохи, когда народная жизнь вступаетъ на новый путь и готовится къ новому развитію, само искусство, не отрекаясь отъ вѣчныхъ законовъ чистаго творчества и не вдаваясь въ тенденціозность, невольно отражаетъ на себѣ тѣ практическія задачи, рѣшеніе которыхъ становится потребностью и предвидится въ близкомъ будущемъ. Можетъ ли въ такое время искусство, въ общемъ ходѣ его, быть только само для себя цѣлью? Возможно ли тогда литературѣ оставаться при одномъ воспроизведеніи общечеловѣческихъ идеаловъ и не отразить на себѣ того временнаго настроенія, какимъ проникнуто общество? Не должна ли она невольно, въ самыхъ объективныхъ представленіяхъ жизни, коснуться народныхъ желаній и надеждъ, оглянуться на прожитое, всмотрѣться въ грядущее и задуматься надъ тѣмъ, въ какихъ частяхъ новаго пути можно ожидать успѣха и гдѣ грозитъ опасность встрѣтить препятствія и неудачи.

Понятно, что съ наступленіемъ такой эпохи наша литература должна была проникнуться струею обновляющейся общественной жизни. При реформахъ, которыя намѣчены уже были въ самомъ

началѣ настоящаго царствованія и потомъ быстро проводились одна за другою въ жизнь, порождая новые вопросы и возбуждая новыя стремленія, само искусство проникалось новыми идеалами. Правда, были таланты, которые остались неизмѣнно вѣрными жрецами чисто-художественнаго культа и почти не отзывались на практическіе запросы своего времени. Въ критикѣ А. В. Дружининъ, въ своихъ прекрасныхъ литературныхъ этюдахъ, продолжалъ настойчиво преслѣдовать идею о томъ, что искусство существуетъ только для искусства и служитъ само себѣ непосредственною цѣлью. Въ поэзіи Тютчевъ и Фетъ оставались также вѣрными этому направленію, въ своихъ художественныхъ пѣсняхъ, гдѣ мысль и чувство въ ихъ общечеловѣческомъ проявленіи выражались у одного въ осязательно-пластическихъ картинахъ, у другаго—въ мелодическихъ мотивахъ. Но такихъ поклонниковъ искусства для искусства было немного [1]).

Большинство русскихъ писателей, явившихся на зарѣ эпохи реформъ, не говоря уже о тѣхъ, которые прямо развивались подъ ея вліяніемъ, болѣе или менѣе отразили въ своихъ произведеніяхъ возникавшіе въ обществѣ вопросы, стремленія и надежды. Даже поэты съ натурой чисто-художественною не остались совсѣмъ чуждыми вопросамъ обновляющейся жизни, какъ, напримѣръ, Майковъ, Мей, Полонскій. Какъ преемники эстетическихъ традицій Пушкина, не измѣняя призванію поэта „для звуковъ сладкихъ и молитвъ“, они не уклонились однако въ сторону отъ новаго „житейскаго волненья“. Во многихъ ихъ произведеніяхъ, изъ-подъ чисто-художественныхъ картинъ и образовъ, ясно просвѣчиваютъ тѣ идеи, которыя возникаютъ въ русскомъ обществѣ съ началомъ нынѣшняго царствованія и порождаются вызванными

---

[1]) Изъ группы, по поводу изображенія которой написана эта статья, умеръ А. В. Дружининъ (род. 1824 † 1864 г.). Это былъ литераторъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова и заслуги его отечественной словесности вообще и всей семьѣ русскихъ писателей въ особенности значительны. Какъ писатель—онъ оставилъ рядъ повѣстей, разсказовъ, статей критическихъ—послѣднія особенно замѣчательны, статьи объ иностранной литературѣ, въ особенности объ англійской, которую зналъ превосходно, и прекрасные переводы нѣкоторыхъ трагедій Шекспира. Таковы труды его, какъ писателя. Но едва-ли не бо́льшее еще значеніе имѣетъ заслуга, оказанная имъ всей семьѣ русскихъ писателей: А. В. Дружининъ—былъ основателемъ «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Ред.

имъ вопросами. Но какъ самыми полными формами искусства, въ какихъ, особенно въ наше время, воплощается жизнь во всемъ ея разнообразіи, служатъ романъ и драма, то въ нихъ-то больше всего и выразилась отзывчивость русской литературы послѣдняго двадцатипятилѣтія на великія событія этой знаменательной эпохи.

Въ настоящей статьѣ мы не имѣемъ въ виду оцѣнки этого движенія, даже не расчитываемъ представить и краткаго обзора самыхъ крупныхъ романистовъ и драматурговъ означеннаго времени, а хотимъ только коснуться немногихъ писателей, которые выступили на литературное поприще до начала реформъ и теперь еще не сошли съ него. Предметомъ этого очерка будетъ легкая характеристика, съ указанной нами точки зрѣнія, гг. Тургенева, Гончарова, графа Л. Толстаго и Островскаго. При этомъ мы также не думаемъ разбирать всѣхъ, даже капитальныхъ произведеній этой талантливой плеяды нашей новѣйшей литературы, а намѣрены только указать на отношеніе ихъ къ характеру послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Оставаясь вполнѣ художниками и не задаваясь, какъ бо̀льшая часть позднѣйшихъ писателей, предвзятыми тенденціями и практическими цѣлями, они тѣмъ не менѣе отразили въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ тѣ основы и стороны русской общественной жизни, которыя затронуты были наступавшими нововведеніями. Мы обращаемся въ нашемъ очеркѣ именно къ этимъ лицамъ потому, что сочиненія ихъ бо̀льшею частію отвѣчали на возникавшіе запросы жизни—не нарочно задуманными рѣшеніями, а тѣми идеалами, которые воплощались въ ихъ творческихъ произведеніяхъ въ художественно созданныхъ образахъ. Всѣ эти писатели начали свою дѣятельность еще въ годы, предшествовавшіе реформамъ, но талантъ ихъ развился и значеніе вполнѣ выяснилось только въ настоящее царствованіе.

Еще въ сороковыхъ годахъ, какъ бы въ предчувствіи близкаго паденія отживающаго крѣпостнаго права, въ литературѣ нашей стали появляться сочиненія изъ крестьянскаго быта, съ обрисовкою тѣхъ его сторонъ, которыя осязательно показывали неизбѣжность измѣненія судьбы двадцати-милліоннаго населенія. Кто не помнитъ, какое впечатлѣніе произвели на общество романы Д. В. Григоровича „Антонъ-горемыка“ и „Переселенцы“? Въ нихъ мы встрѣтили не того театрально-поддѣльнаго мужика, какого съ безучастнымъ отношеніемъ къ нему изображали прежніе писатели, а настоящаго

русскаго поселянина, судьба котораго давно возбуждала сочувствіе во всѣхъ мыслящихъ людяхъ. Тутъ слѣдили мы за горемыкой-крестьяниномъ съ той минуты, какъ онъ ведетъ продавать послѣднюю лошадь на уплату оброка, до мрачной развязки его участи передъ этапною телѣгой; тутъ мы видѣли и грустное переселеніе цѣлой семьи изъ родной деревни, отъ отцовскихъ могилъ, въ далекій, незнакомый край, куда вело ее горе и нужда, порожденныя тѣмъ же крѣпостнымъ правомъ. Если крестьянскіе типы Григоровича казались нѣсколько идеальными, то это естественно: авторъ писалъ передъ самымъ наступленіемъ вопроса о свободѣ крестьянъ, съ теплымъ участіемъ къ нимъ, а не съ тѣмъ равнодушіемъ, какъ впослѣдствіи реалисты снимали съ русскаго мужика свои литературныя фотографіи [1]).

На этотъ-то великій вопросъ, близкое наступленіе котораго чувствовали всѣ передовые люди, отозвался И. С. Тургеневъ въ первомъ же крупномъ произведеніи своемъ „Записки Охотника“. Это былъ рядъ художественныхъ сценъ и разсказовъ, въ которыхъ романистъ, посреди прекрасныхъ пейзажей русской природы, представилъ цѣлую галлерею такихъ типовъ нашего общества, на которыхъ такъ или иначе отражались различныя стороны крѣпостнаго права. Вмѣстѣ съ наблюдательнымъ охотникомъ читатель гостилъ въ барской усадьбѣ и оброчной деревнѣ, входилъ въ кабинетъ помѣщика и въ господскую контору, заглядывалъ въ людскую дворни и въ избу крестьянина, ночевалъ въ сторожкѣ лѣсовщика и на мельницѣ; видѣлъ и барина съ его крѣпостными свычаями и обычаями, и плутоватаго бурмистра, и почесываю-

---

[1]) Первая повѣсть Д. В. Григоровича появилась въ 1846 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ заглавіемъ: «Деревня». «То была по времени первая попытка сближенія нашей литературы съ народною жизнью, первая изъ нашихъ «деревенскихъ исторій»—Dorfgeschichten. Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ—не безъ сантиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта—было несомнѣнно..... Бѣлинскій, прочтя повѣсть г. Григоровича, не только нашелъ ее весьма замѣчательною, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности». (И. С. Тургеневъ: Воспоминаніе о Бѣлинскомъ. Собр. сочин. изд. 1880 г., томъ I, стр. 29—30).

щаго въ головѣ сметливаго старосту; отдыхалъ на лугу съ деревенскими ребятишками и бесѣдовалъ съ мужиками на ихъ барщинной работѣ и при домашнемъ отдыхѣ. Это были не обширныя картины, не законченные портреты, а художественно набросанные очерки, полные жизни и правды эскизы, въ томъ родѣ бытовыхъ сценъ, который въ живописи извѣстенъ подъ названіемъ жанра. Но всѣ эти, какъ бы шутя набросанные, этюды въ общей группировкѣ ихъ съ удивительною правдою представляли различныя стороны помѣщичьей и крестьянской жизни и живыми, поэтически и реально вѣрными образами показывали ненормальность существующаго строя русской жизни и неизбѣжность его измѣненія. Въ нѣкоторыхъ сценахъ и типахъ Тургенева, какъ, напримѣръ, „Пѣвцы", „Калинычъ" и „Касьянъ съ Красивой Мечи", по замѣчанію критики, проглядывала идеализація, какую видѣли у Григоровича, но источникомъ этого была та же симпатія и теплое отношеніе къ крестьянскому дѣлу.

Но, вмѣстѣ съ осуществленіемъ крестьянской реформы, въ русскомъ обществѣ возникали связанные съ нею новые вопросы, являлись новыя идеи, самая жизнь обновлялась новыми, до тѣхъ поръ неизвѣстными струями. Тургеневъ съ необыкновенною чуткостью уловлялъ всѣ эти жизненные элементы, можно сказать— при самомъ ихъ рожденіи, обращалъ въ плоть и кровь въ художественныхъ созданіяхъ и переносилъ такимъ образомъ въ сознаніе публики. Выводимыя имъ разнообразныя лица и явленія были для нашего общества тѣмъ свѣтлымъ и вѣрнымъ зеркаломъ, въ которомъ оно видѣло всѣ измѣненія въ своей жизни, всѣ свои надежды и сомнѣнія, пріобрѣтенія и утраты, успѣхи и неудачи. Художникъ какъ будто переводилъ еще неясныя общественныя задачи на простой языкъ всѣмъ понятной рѣчи. Всѣ важнѣйшіе запросы русской жизни въ послѣднія двадцать пять лѣтъ нашли самый живой отголосокъ въ романахъ Тургенева.

На самомъ рубежѣ этого двадцатипятилѣтія онъ какъ бы прощался съ отживавшимъ тогда поколѣніемъ старыхъ романтиковъ въ лицѣ своего „Рудина". Тутъ въ послѣдній разъ явился передъ нами типъ давно уже знакомаго намъ человѣка, тратившаго силы въ безплодной борьбѣ съ чуждою ему средою, въ напрасномъ преслѣдованіи несознанныхъ или недостижимыхъ идеаловъ, по-

гибавшаго отъ противодѣйствія или прозябавшаго въ апатіи и разочарованіи. Перерождаясь постепенно изъ Онѣгина, недовольнаго обществомъ вслѣдствіе ранняго пресыщенія жизнью, въ Чацкаго, тратившаго силы въ напрасномъ протестѣ противъ неспособныхъ понимать его людей, потомъ въ Печорина, томимаго жаждой дѣятельности, но неумѣющаго разумно удовлетворить ее,— типъ этотъ въ романѣ Тургенева явился намъ уже въ послѣднемъ фазисѣ своего развитія. Въ Рудинѣ художникъ нашъ воплотилъ послѣднее проявленіе тѣхъ силъ, которыя не находили себѣ разумнаго исхода какъ оттого, что въ обществѣ не было еще почвы для ихъ дѣятельности, такъ и отъ собственной неподготовки и неясно сознанныхъ стремленій и идеаловъ. Послѣ Рудина разочарованный человѣкъ измельчалъ или сдѣлался совсѣмъ невозможнымъ.

Новое положеніе, въ которое вступало помѣщичье сословіе въ Россіи съ освобожденіемъ крестьянъ, должно было заставить оглянуться на его прошлое и пристально вглядѣться въ настоящее, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить по возможности и его будущность. И вотъ, Тургеневъ отозвался на этотъ запросъ однимъ изъ лучшихъ своихъ романовъ „Дворянское Гнѣздо“. Въ этомъ прекрасномъ произведеніи художникъ вывелъ передъ нами типы представителей трехъ поколѣній въ одномъ и томъ же дворянскомъ родѣ, который, съ своей стороны, является также общимъ типомъ русской дворянской семьи. Въ лицѣ современнаго представителя этого рода, позднѣйшаго птенца этого стараго дворянскаго „гнѣзда“, авторъ представляетъ уже не натуру, оторванную отъ всякой почвы, но человѣка, кровно и сознательно связаннаго съ дѣйствительною жизнью и вступающаго въ ту эпоху, когда явилось убѣжденіе, что въ общественной дѣятельности „на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собой“. Въ этомъ художественно-реальномъ романѣ Тургеневъ угадалъ тѣ прирожденныя нашему дворянству качества, съ какими оно явилось при наступленіи новой для него эпохи. По лицамъ, выведеннымъ поэтомъ, можно было угадывать, какъ отнесется помѣщичье сословіе къ предстоявшему рѣшенію крестьянскаго вопроса; а теперь они ясно указываютъ, почему вопросъ этотъ разрѣшился у насъ легко, безъ всякой активной оппозиціи со сто-

роны тѣхъ, которые должны были отказаться отъ своихъ вѣковыхъ правъ.

Въ возрождающемся русскомъ обществѣ, вмѣстѣ съ другими новыми идеями, явился вопросъ о положеніи женщины, о болѣе дѣятельномъ участіи ея въ общественной жизни, о поднятіи уровня ея образованія, о выходѣ ея изъ тѣснаго круга мелочныхъ домашнихъ обязанностей на болѣе просторный путь матеріальной и умственной дѣятельности. Въ новомъ романѣ „Наканунѣ“ Тургеневъ показалъ, въ образѣ своей Елены, какова была русская женщина въ тотъ моментъ, когда ее засталъ этотъ вопросъ, какими владѣла она нравственными силами и какіе носила въ душѣ своей идеалы для новой жизни. Съ чуткостью великаго таланта, зорко слѣдящаго за всѣми живыми запросами общества, романистъ нашъ какъ бы отвѣчалъ поэту, который говорилъ женщинѣ:

Твое святое назначенье—
Нашъ геній изъ пеленъ пріять,
Направить душу поколѣнья,
Отчизнѣ гражданъ воспитать.

И въ лицѣ симпатичной героини своего романа Тургеневъ мѣтко выразилъ тѣ черты прекрасной натуры русской женщины, какими она должна была впослѣдствіи заявить себя въ дѣлѣ христіанской любви и состраданія, когда, отрываясь отъ домашняго очага, шла она сестрою милосердія въ Сербію и Болгарію, и явилась ангеломъ-утѣшителемъ передъ постелью страждущихъ защитниковъ вѣры и родной намъ славянской народности.

Но вотъ поколѣніе, заставшее начало реформъ, начинало мало по малу смѣшиваться съ новымъ, молодымъ поколѣніемъ, которое выросло и развилось уже подъ ихъ вліяніемъ. У того и другаго были свои собственныя идеи и стремленія, свои надежды и идеалы. Отживающія силы становились лицомъ къ лицу съ силами подростающими, и въ тѣхъ и другихъ открылись при этомъ свои хорошія и дурныя стороны, свои достоинства и недостатки. Тургеневъ отозвался на это явленіе опять новымъ романомъ—„Отцы и Дѣти“. Въ немъ поставилъ онъ рядомъ два поколѣнія, которыхъ застали наступившіе шестидесятые года, и, какъ художникъ, выразилъ ихъ въ живыхъ типахъ, не произнося надъ ними при-

говора, но предоставляя самому обществу оцѣнить то и другое. Безъ всякой предвзятой цѣли романистъ показалъ въ типичныхъ лицахъ Кирсановыхъ и Базаровыхъ, что̀ мы теряли въ отцахъ и чего должны были надѣяться и опасаться въ дѣтяхъ. Тутъ въ первый разъ явился передъ лицомъ русскаго общества и представитель того отрицательнаго направленія, которое художникъ мѣтко опредѣлилъ всѣмъ извѣстнымъ теперь названіемъ „нигилизма“. Время показало, съ какою удивительною вѣрностью онъ угадалъ этотъ типъ, тогда еще неясный, какъ отдаленное и тусклое пятно зловѣщей кометы.

Съ этого времени Тургеневъ жилъ больше за границей. Въ такую эпоху, которую переживала Россія въ эту четверть вѣка, при безостановочномъ развитіи государственной и общественной дѣятельности, не легко было слѣдить издали за смысломъ и характеромъ различныхъ явленій русской жизни. Вотъ почему въ послѣднихъ романахъ „Дымъ“ и „Новь“ нашъ въ высшей степени даровитый писатель рисовалъ уже русскую дѣйствительность не съ прежнею полнотой и правдой. Вмѣсто законченныхъ типовъ, мы встрѣчаемъ тутъ не вполнѣ опредѣленныя лица; вмѣсто портретовъ, находимъ очерки или даже силуэты. Видно, что многое уже художникъ не лично наблюдалъ, а видѣлъ только мелькомъ или писалъ по наслышкѣ. Но, съ другой стороны, эти самые романы показываютъ, что поэтъ нашъ нисколько не утратилъ ни отзывчивости на всѣ новыя явленія русской современной жизни, ни высоко-художественнаго пониманія ея смысла.

Мы указали только на самыя крупныя сочиненія Тургенева, но и въ многочисленныхъ его мелкихъ разсказахъ разбросано множество разнообразныхъ типовъ, мѣтко выражающихъ нашу общественную и бытовую жизнь за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Остается прибавить, что и въ изображеніи русской природы онъ является великимъ мастеромъ. Картины его отличаются не столько шириною рисунка или яркостью красокъ, сколько тонкостью оттѣнковъ, нѣжностью колорита и обаятельною прелестью освѣщенія. И вы видите, что это зависитъ отъ его теплаго сочувствія ко всему родному.

Переходимъ къ другому представителю современной русской литературы. Не смотря на чисто-объективный характеръ творчества, И. А. Гончаровъ также отразилъ въ своихъ произведеніяхъ важнѣйшую сторону эпохи послѣдняго двадцатипятилѣтія, хотя и не такъ разносторонне, какъ Тургеневъ. Первымъ сочиненіемъ, обратившимъ на него вниманіе публики, былъ романъ „Обыкновенная Исторія“. Въ немъ Гончаровъ изобразилъ вѣчно присущій человѣчеству разладъ между идеализмомъ и практичностью; но онъ прослѣдилъ это въ явленіяхъ, подмѣченныхъ имъ въ русской жизни передъ наступленіемъ той знаменательной эпохи, о которой мы говоримъ. Въ лицахъ дяди и племянника Адуевыхъ сведены тутъ два противоположные типа, два различные взгляда на жизнь и на предстоящую человѣку дѣятельность. Съ перваго взгляда казалось, будто авторъ думалъ осмѣять юношескія увлеченія и показать превосходство дѣльной практичности надъ романтизмомъ, трезваго ума надъ сердечными порывами, но на самомъ дѣлѣ мысль романиста была иная. Старшій Адуевъ, обрывающій одинъ за другимъ всѣ лепестки идеальной вѣры и молодыхъ мечтаній въ своемъ племянникѣ, погашающій холодною водой реальнаго разсудка всѣ его пылкія иллюзіи, точно также заблуждается въ своей философіи, ошибается въ своихъ житейскихъ правилахъ. Его ждетъ такое же разочарованіе въ практичности, къ какому пришелъ его племянникъ въ своемъ идеализмѣ. Эти два типа, въ которыхъ критика наша видѣла тенденціозность, на самомъ дѣлѣ были только художественнымъ воспроизведеніемъ двойственнаго теченія жизни, столько же правдивымъ, какъ и безсмертные образы Сервантеса. Авторъ представилъ въ своихъ лицахъ обыкновенную исторію въ человѣческой природѣ, которая, повторяясь во всѣ вѣка, выражалась и въ его время въ своеобразныхъ формахъ русской общественной жизни.

Но романъ этотъ былъ какъ бы вступленіемъ или прологомъ къ другому художественному произведенію, болѣе обширному и знаменательному по замыслу и развитію. Это былъ „Обломовъ“, доставившій автору громкую извѣстность во всемъ образованномъ обществѣ. Въ немъ романистъ отозвался на вопросъ о смыслѣ русской жизни и русскаго національнаго характера въ ту эпоху реформъ, когда изученіе этого вопроса было особенно важно.

Въ широкой картинѣ представляется здѣсь та среда, которую вскорѣ долженъ былъ захватить ходъ преобразованій и которой предстояло обновиться подъ вліяніемъ новыхъ идей. Въ лицѣ главнаго героя романа авторъ показалъ, какъ родилась наша барская „обломовщина“ и что ожидало ее въ недалекомъ будущемъ. Правда, еще Фонъ-Визинъ подмѣтилъ, что источникомъ зла было безобразное воспитаніе, но онъ раскрылъ это на безнравственной семьѣ и неразвитомъ недорослѣ. Гончаровъ представилъ тѣ же послѣдствія въ средѣ людей добрыхъ по природѣ и на личности, одаренной богатыми умственными и нравственными силами. Въ Обломовѣ показалъ онъ ясно, какъ прекрасныя свойства русской натуры портятся и заглушаются превратнымъ воспитаніемъ и глубоко скрываются подъ корою бездѣйствія и апатіи. И что же можетъ вызвать изъ-подъ этой ледяной оболочки теплую струю жизни? Солнце-ли пробьетъ ее свѣтлыми лучами или какой нибудь вѣтеръ взломаетъ своимъ порывомъ? Съ дѣтства взлелѣянная барская лѣнь уступаетъ вліянію любви, но не надолго: пошлое воспитаніе и привычка къ бездѣйствію опять заволакиваютъ пробившійся родникъ свѣжихъ силъ. Не надолго оживляетъ ихъ и порывъ къ дѣятельности подъ вліяніемъ энергическаго друга дѣтства: временно пробужденныя силы скоро глохнутъ въ прежней апатіи. Такимъ образомъ, въ художественномъ типѣ своего героя Гончаровъ представилъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ вело наше барское воспитаніе, съ крѣпостными нянъками и дядьками, безъ разумнаго надзора и правильнаго ученія. Несправедливо было бы искать въ „обломовщинѣ“ аллегорическаго подобія всей русской жизни и считать ея героя олицетвореніемъ русскаго человѣка. Это опровергаетъ вся наша исторія. Развѣ въ неподвижномъ народѣ могло совершиться перерожденіе, какое совершилось въ Россіи въ два послѣднія столѣтія? Развѣ апатичная среда могла произвести Петра, Ломоносова, Дашкову? И гдѣ исторія укажетъ намъ движеніе, подобное тому, какое произошло въ нашемъ отечествѣ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ? Быстрыя, радикальныя и при томъ мирныя реформы нашего времени далеко не указываютъ на косность и апатію; а между тѣмъ мы знаемъ, что всѣ эти перемѣны дѣлались не иноземными „Штольцами“, а нашими же русскими „Обло-

мовыми". Нѣтъ сомнѣнія, что Гончаровъ не думалъ олицетворять въ своемъ героѣ всего русскаго народа, а создалъ художественный образъ, въ которомъ воплотилъ нѣкоторыя черты національнаго характера въ одномъ сословіи, и при томъ черты, долженствующія измѣниться при иномъ воспитаніи. Въ лицѣ своего Обломова онъ показалъ и то, какіе живые задатки лучшаго таятся въ нашемъ обществѣ и какихъ можно ждать отъ него плодовъ въ будущемъ. Нельзя не замѣтить, что во всемъ этомъ выражается отзывчивость Гончарова, этого даровитаго художника-писателя, на современные вопросы.

Черезъ большой промежутокъ явился послѣ того третій романъ Гончарова „Обрывъ". Въ это время въ русскомъ обществѣ обнаружились новыя стороны жизни, намѣтились новыя задачи, открылись новыя стремленія. Обновляющееся общество быстро отрѣшалось отъ старыхъ преданій и такъ же быстро усвоивало новые идеалы. При этомъ невольно возникалъ вопросъ: всели старое отжило и должно перейти въ историческое прошлое и все-ли вновь созидаемое обѣщаетъ благотворныя послѣдствія? Въ чемъ виновно было старое поколѣніе и во всемъ-ли совершенно правы новые люди? Тургеневъ, какъ мы видѣли, отозвался на эти вопросы романомъ „Отцы и Дѣти". Этого же вопроса коснулся и авторъ „Обломова" въ своемъ послѣднемъ произведеніи, гдѣ онъ сопоставилъ два поколѣнія въ женскихъ типахъ Вѣры и ея бабушки, и вмѣстѣ съ тѣмъ вывелъ развивающійся нигилизмъ въ лицѣ Марка Волохова. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ выяснилось, какія были хорошія и дурныя свойства въ отцахъ и дѣтяхъ, въ бабушкахъ и внучкахъ, какой новый элементъ внесли въ общество Базаровы и Волоховы, какія новыя черты въ натурѣ русской женщины выступали съ Еленой и Вѣрой „наканунѣ" новой эпохи и въ самомъ ея разгарѣ. Такимъ образомъ, въ „Обрывѣ" Гончаровъ оказался уже несравненно болѣе отзывчивымъ на современныя идеи: тутъ онъ рисовалъ уже русскую жизнь не въ ея общихъ проявленіяхъ, а затрогивалъ самыя чувствительныя ея стороны, въ самый моментъ общественнаго перерожденія. Его Маркъ, какъ и Базаровъ, взятъ прямо изъ дѣйствительности: это, какъ говорится, одного поля ягоды, но съ замѣтными особенностями въ ихъ ростѣ. Базаровъ „все отрицаетъ",

и когда его спрашиваютъ, что же люди его закала построютъ на мѣстѣ разрушеннаго, смѣло говоритъ: „это не наше дѣло, сперва нужно мѣсто расчистить“. Волоховъ называетъ себя „грядущею силой“ и заявляетъ, что они призваны „вспрыскивать живою водой человѣческіе мозги“. Наша критика недавно еще находила оба эти образа слишкомъ рѣзкими и не вѣрила, чтобъ такіе люди могли заинтересовать и увлечь Образцову и Вѣру. Но происшествія послѣднихъ лѣтъ выяснили, какъ вѣрно поняли наши художники и нигилизмъ, и его вліяніе на женщинъ.

Что касается художественной стороны романовъ Гончарова, то она въ высочайшей степени совершенна. Его картины отличаются такою же отчетливостью формъ и естественностью красокъ, какъ и у Тургенева, и кромѣ того въ колоритѣ его есть что-то особенно мягкое и теплое. Лица, созданныя художникомъ, не только главныя, но и второстепенныя, необыкновенно живы и рельефны, въ особенности женскія. Какъ художникъ, авторъ „Обломова“ и „Обрыва“ не уступаетъ ни одному изъ современныхъ романистовъ, хотя и не можетъ сравниться съ нѣкоторыми изъ нихъ въ обширности міровоззрѣнія.

На ряду съ Тургеневымъ и Гончаровымъ стоитъ замѣчательно даровитый романистъ графъ Л. Н. Толстой. Въ его произведеніяхъ выразилось отчасти, тоже общее нашимъ новѣйшимъ писателямъ, стремленіе уловить явленія современной русской жизни и показать ея смыслъ и значеніе; и едва-ли кто владѣетъ въ такой степени искусствомъ воспроизводить эти явленія въ чисто-художественныхъ образахъ, дышащихъ живою правдой. Въ прекрасныхъ разсказахъ „Дѣтство, Отрочество и Юность“ графъ Толстой переноситъ читателей въ самую среду русской провинціальной и деревенской жизни, рисуя и нашу природу, и нашъ семейный бытъ безъ всякой идеализаціи, во всей свѣжести безъискусственной правды, съ теплотою поэта, страстно любящаго свою страну. Ни одно изъ послѣдующихъ, болѣе важныхъ по задачѣ, сочиненій нашего художника не можетъ сравняться съ этими прелестными этюдами по правдивости въ изображеніи природы и жизни. Что можетъ быть граціознѣе его

картины, представляющей лѣтнюю ночь въ саду, или чудеснаго разсказа о любви юноши къ Сонѣ? Тутъ въ каждой чертѣ ярко блещетъ живая дѣйствительность, безъ малѣйшей фальши, безъ всякаго уклоненія къ идеализаціи.

Съ такимъ же художественнымъ безпристрастіемъ отнесся графъ Левъ Толстой въ своихъ „Севастопольскихъ Очеркахъ“ къ великой эпохѣ борьбы подъ стѣнами нашей современной Трои. Онъ смотрѣлъ на эту эпическую борьбу трезвымъ взглядомъ наблюдателя, одинаково чуждаго и напускнаго патріотизма, и обличительной критики. Въ его военныхъ разсказахъ та же дѣйствительность, какъ и въ его анализѣ человѣческаго сердца: никого не возводитъ онъ на искусственный пьедесталъ и никого не унижаетъ. Съ равнымъ безпристрастіемъ открываетъ онъ темную черту въ человѣкѣ доблестномъ и находитъ струю добраго чувства въ самомъ злодѣѣ. „Герой моей повѣсти,—говоритъ онъ,—котораго я люблю всѣми силами моей души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда“. Стремясь къ такому идеалу, художникъ снимаетъ драпировку съ самыхъ славныхъ дѣлъ и показываетъ людей безъ малѣйшаго слѣда румянъ и пудры, чего не чуждаются иногда и самые правдивые таланты. При всемъ томъ это исключительное, можно сказать—напряженное стремленіе къ правдѣ не вездѣ послужило къ выгодѣ поэта: нервически боясь всего искусственнаго, онъ самую правдивость свою доводилъ иногда до нѣкоторой искусственности.

Это прежде всего обнаружилось въ обширномъ произведеніи графа Толстаго „Война и Миръ“. Великая драма нашей отечественной войны 1812 года, съ ея прологомъ и эпилогомъ, представлена авторомъ въ колоссальной картинѣ, обставлена массой дѣйствующихъ лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества, съ возвышающимся надъ всѣмъ гигантскимъ образомъ русскаго народа. Тутъ длинный рядъ разнообразныхъ эпизодовъ мирной жизни во всей ея прелести и военнаго быта со всѣми его ужасами, цѣлая галерея самыхъ живыхъ портретовъ, самыхъ типичныхъ образовъ. Но желая при этомъ воспроизвести во всей полнотѣ своего любимаго героя—правду, поэтъ такъ увлекается своимъ анализомъ, съ такимъ недовѣріемъ смотритъ на всякій авторитетъ, что уже самъ

герой его невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ своей непогрѣшимости. Стоитъ вспомнить, какъ при описаніи военныхъ дѣйствій романистъ отрицаетъ всякія соображенія со стороны полководцевъ, какъ судьбы народовъ совершаются у него не по разумной волѣ и дѣламъ людей, а по слѣпому случаю, отъ какихъ пружинъ зависитъ, по его мнѣнію, миръ и война—и вамъ невольно кажется, что поэтъ нашъ въ своемъ культѣ чистой правды уклоняется иногда въ такую же крайность, къ какой приходятъ энтузіасты и фанатики.

Это противорѣчіе между художникомъ и мыслителемъ еще больше обнаружилось въ послѣднемъ романѣ графа Толстаго „Анна Каренина“. Все, что составляетъ чисто-эстетическую сторону повѣсти—интересъ фабулы, созданіе лицъ и характеровъ, компановка сценъ и положеній, глубокій анализъ человѣческаго сердца, тонкія черты въ изображеніи нравовъ и житейскаго быта—обнаруживаетъ въ авторѣ талантъ необыкновенный. Но гдѣ онъ берется за роль мыслителя, истолкователя пружинъ, двигающихъ общественною жизнью, тамъ философія его не всегда оказывается состоятельною. Въ стремленіи своемъ разоблачать всякую напускную ложь и обличать ходульность, графъ Толстой часто не угадываетъ или не хочетъ угадать, къ какой это ведетъ правдѣ. Такъ, вмѣстѣ съ нѣкоторою частью нашей свѣтской интеллигенціи, онъ не разгадалъ недавняго русскаго движенія въ пользу славянъ и назвалъ его „однимъ изъ тѣхъ людскихъ увлеченій, которыя всегда, смѣняя одно другое, служатъ обществу предметомъ занятія“. Въ то время, когда русское общество, кромѣ узкихъ эгоистовъ и доктринеровъ, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣло на сербскій прологъ послѣдней войны за освобожденіе христіанъ, Толстой видѣлъ въ этомъ только „корыстныя и тщеславныя цѣли“ и находилъ, что въ Сербіи проливали кровь свою только „неудавшіеся и обиженные“.

Но хотя графъ Л. Н. Толстой, какъ мыслитель, совершенно подавляется художникомъ, его не слѣдуетъ однако же считать представителемъ искусства для искусства, въ смыслѣ теоріи А. В. Дружинина. Въ поэтически-реально созданныхъ гр. Л. Н. Толстымъ сценахъ и образахъ, при всей шаткости философіи его, выразилась отзывчивость на вопросы, вызванные нашею общественною жизнью въ

послѣднее двадцатипятилѣтіе. Въ его произведеніяхъ мы видимъ типы, присущіе этой эпохѣ, которые болѣе чѣмъ сужденія автора отвѣчаютъ на возникшія въ обществѣ задачи и хотя не рѣшаютъ ихъ, но заставляютъ въ нихъ вдумываться и даютъ норму для ихъ обсужденія.

Обращаемся теперь къ художнику, который выступилъ также въ до-реформенное время, но дѣятельность котораго развилась и обозначилась въ послѣднее двадцатипятилѣтіе и отразила, хотя въ особенныхъ пріемахъ и своеобразныхъ формахъ, запросы той же самой эпохи. Мы говоримъ объ А. Н. Островскомъ, наиболѣе полномъ и разностороннемъ живописцѣ русской жизни. Избравъ поприщемъ своей дѣятельности драму, онъ обратился такимъ образомъ къ опредѣленію одного внутренняго значенія нашего общества. Когда явилась первая его комедія „Свои люди—сочтемся“, въ немъ думали видѣть писателя „натуральной школы“, который будетъ рисовать однѣ темныя стороны русскаго быта. Казалось, онъ владѣетъ обличительнымъ взглядомъ Гоголя, но только переноситъ его на другую сферу общественной жизни: тѣ самые нравы, которые одинъ подмѣтилъ въ чиновничьемъ мірѣ, другой открывалъ въ быту купеческомъ. У Островскаго, такъ же какъ у Гоголя, надъ темнымъ міромъ невѣжества и безправія, надъ повальною массой негодяевъ и глупцовъ, возвышалось одно честное лицо самого поэта, и всю эту душную атмосферу освѣжалъ одинъ обличительный смѣхъ, который и былъ единственнымъ героемъ и идеаломъ художника. И наши западники съ восторгомъ встрѣтили новаго талантливаго писателя; казалось, онъ былъ лучшимъ выразителемъ ихъ идей, нежели самъ Гоголь: послѣдній открылъ грязь и невѣжество въ средѣ чиновничества, въ жилахъ котораго текла кровь не однихъ до-петровскихъ земскихъ ярыжекъ и подъячихъ, но и чадъ новаго коллегіальнаго устройства западной прививки. Между тѣмъ Островскій взялъ старорусскую купеческую среду, которая сохранилась въ чистотѣ со временъ Домостроя, не поддалась никакимъ существеннымъ реформамъ, никакому вліянію Запада—и въ ней раскрылъ онъ передъ зрителями весь мракъ и всю грязь этой жизни. Понятно,

что наши крайніе поклонники европейскаго строя встрѣтили новаго писателя какъ вождя своей партіи. Но они ошиблись.

Вторая драма Островскаго „Не въ свои сани не садись“ открыла въ немъ другую сторону и разочаровала западниковъ, но въ свою очередь встрѣтила рукоплесканія нашихъ славянофиловъ. Это было тоже произведеніе натуральной школы по своей реальной правдивости, но тутъ обличеніе направлено уже было совсѣмъ въ иную сторону. Здѣсь старорусская жизнь ставилась лицомъ къ лицу съ прививною западною цивилизаціей, и изъ этого сопоставленія, въ живыхъ типахъ и правдивыхъ положеніяхъ, видно было, сколько въ первой, подъ наружною грубостью, таится свѣжихъ и здоровыхъ силъ, и сколько послѣдняя, вмѣстѣ съ внѣшнимъ лоскомъ, вноситъ пустоты и гнили въ наше общество. Тутъ, въ такомъ же мелкомъ городкѣ, въ какой ввелъ насъ Гоголь въ своемъ „Ревизорѣ“, въ лицѣ Вихорева является новый Хлестаковъ, также въ средѣ людей темныхъ, но сохранившихъ подъ грубою оболочкой сердце и нравственныя правила,—и авторъ показываетъ, какіе богатые задатки существуютъ въ русской натурѣ, не поврежденной безпочвеннымъ образованіемъ. Драма самымъ наглядным образомъ представляла, какъ много хранится въ нашемъ обществѣ прекрасныхъ качествъ, прирожденныхъ русскому человѣку, и какіе пороки привились къ нему отъ дурно понятой цивилизаціи; сколько въ до-петровскомъ быту, даже съ его Домостроемъ, было достойнаго уваженія, и какія темныя пятна скрываются подъ свѣтски-европейскимъ лоскомъ. Понятно, что послѣ этого многіе увидѣли въ авторѣ этой комедіи приверженца славянофильской школы. Но и они ошиблись, такъ же какъ западники.

Послѣдовавшій затѣмъ длинный рядъ драматическихъ сочиненій Островскаго ясно показалъ, что онъ не принадлежитъ ни къ обличителямъ, ни къ славянофиламъ, ни къ почитателямъ исключительной народности, ни къ поклонникамъ западнаго развитія. Съ каждою новою піесой его становилось все понятнѣе, что это художникъ, который не задается никакою предвзятою теоріей, не принадлежитъ ни къ какой партіи, а одушевленъ однимъ идеаломъ—проникнуть какъ можно глубже въ почвенныя основы русской жизни, раскрыть различныя ея наслоенія и, ничего не

предрѣшая, предоставить самому зрителю судить, какихъ плодовъ можно ожидать на этой почвѣ, какія сорныя травы глушатъ на ней всходы и что̀ можетъ развить свѣтъ просвѣщенія. Послѣ этого понятно, почему Островскій бо̀льшую часть своихъ комедій взялъ изъ среды купеческой. Къ высшему сословію и къ классу людей служилыхъ у насъ, со временъ петровскихъ преобразованій, привилось такъ много чуждыхъ элементовъ, что подъ ихъ наслоеніемъ національныя особенности русскаго характера или совсѣмъ исчезли, или перемѣшались съ посторонними началами. Съ другой стороны, простонародная масса, долгое время лишенная самыхъ естественныхъ человѣческихъ правъ, приниженная и бѣдная, по самой узкости своего быта и ограниченности интересовъ,—представляла слишкомъ тѣсный кругъ для изученія не только общественныхъ, но и бытовыхъ сторонъ нашей жизни. Въ болѣе чистомъ и полномъ видѣ нашъ національный характеръ и особенности народнаго міровоззрѣнія сохранились въ той средѣ купеческаго сословія, которая, не отрываясь отъ народа и пополняясь постоянно изъ его же массы, туго поддавалась вліянію чуждыхъ элементовъ и, при сравнительно бо̀льшей свободѣ и самостоятельности, развивала въ себѣ національныя начала съ бо̀льшею полнотой. Очевидно, что художникъ съ исключительнымъ призваніемъ уяснить смыслъ русской народности не могъ найти для этого лучшей среды, чѣмъ нашъ купеческій кругъ. Вотъ почему, затрогивая жизнь чиновнаго люда и бюрократіи, напримѣръ, въ комедіяхъ „Бѣдная Невѣста“, „Доходное Мѣсто“, и др. и касаясь крестьянскаго вопроса, напримѣръ, въ драмѣ „Воспитанница“, Островскій больше всего однако же обращался къ купеческой средѣ. Тутъ онъ самыми живыми красками рисуетъ всѣ стороны русскаго національнаго характера въ семейномъ и общественномъ быту.

Если міръ Островскаго справедливо назвали „темнымъ царствомъ“, то нельзя не видѣть какъ пробиваются въ немъ и свѣтлые лучи. Въ массѣ всякаго рода самодуровъ мы находимъ тутъ прекрасныя, симпатичныя личности; въ патріархально-деспотическомъ складѣ русской семьи являются черты высоко-гуманныя; изъ приниженнаго положенія женщины выступаетъ теплое чувство и беззавѣтная любовь; наряду съ грубымъ невѣжествомъ бьетъ живымъ

ключомъ здравый смыслъ. Художникъ никогда не создаетъ своихъ лицъ съ какою нибудь предвзятою цѣлью, а беретъ ихъ изъ жизни съ тою объективностью, какую мы видимъ у Шекспира: одинакою правдой проникнуты его Большовы и Русаковы, Бородкины и Подхалюзины, Дуни и Липочки.

Почти всѣ піесы Островскаго изъ купеческаго быта озаглавлены пословицами, и это наглядно объясняетъ характеръ творчества и міровоззрѣніе нашего драматурга. Ни въ чемъ народныя вѣрованія, понятія и воззрѣнія не отражаются съ такою полнотою и правдою, какъ въ пословицахъ, и ничто вѣрнѣе ихъ не выражаетъ народнаго быта и характера. Понятно, что поэтъ, который обратился къ сущности и смыслу этой жизни и въ ней искалъ типичныхъ образовъ, находилъ самое вѣрное и живое отраженіе ихъ въ народныхъ поговоркахъ. Эта родственность вымысла поэта съ нашими пословицами показываетъ, что онъ бралъ изъ народной жизни тѣ коренные мотивы, которые самъ народъ созналъ въ своей жизни и которые звучали въ ней въ продолженіе многихъ вѣковъ. Но то, что народъ выразилъ въ своихъ пословицахъ въ формѣ афоризмовъ, извлеченныхъ изъ жизненнаго опыта, художникъ представилъ въ образахъ и явленіяхъ, которые служили безсознательнымъ источникомъ для этого опыта.

Если Островскій можетъ быть названъ самымъ объективнымъ изъ всѣхъ взятыхъ нами писателей, то это не значитъ, чтобъ онъ былъ чуждъ современнаго движенія жизни. Конечно, съ перваго взгляда видно, что у него нѣтъ той прямой отзывчивости на текучіе общественные вопросы, какою отличаются не только Тургеневъ, но даже графъ Л. Толстой и Гончаровъ. Идеи и стремленія, которыя занимали наше общество въ эпоху двадцатипятилѣтнихъ реформъ, не вошли непосредственно въ созданія художника; но созданія эти открывали передъ нами шире и глубже, чѣмъ у другихъ нашихъ писателей, ту почву, на которой эти реформы возникали, и въ томъ смыслѣ, на какой всего болѣе нужно было обращать вниманіе при рѣшеніи многихъ настоятельныхъ вопросовъ. Не было ли живымъ, хотя и безсознательнымъ отголоскомъ на запросы современной жизни полное и вѣрное изображеніе той среды, изъ которой должно было формироваться большинство дѣятелей по земству, городскому самоуправленію и институту при-

слжныхъ въ новомъ гласномъ судѣ? Едва-ли мы поэтому ошибемся, если скажемъ, что Островскій не только высокій художникъ, но и художникъ вполнѣ современный по его значенію.

Ограничиваясь здѣсь характеристикой взятыхъ нами писателей, мы не имѣли претензіи на опредѣленіе общаго характера нашей литературы за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Наша цѣль была показать, что великія реформы настоящаго царствованія нашли отголосокъ даже въ такихъ писателяхъ, отъ которыхъ, по художественному свойству ихъ таланта, по видимому, нельзя было ожидать такой отзывчивости. Историку русской литературы предстоитъ задача развить и выяснить вполнѣ то, что мы слегка только намѣтили въ настоящемъ очеркѣ.

С.-Петербургъ.
1880 г.

А. П. Милюковъ.

Примѣчаніе. Въ 1856-мъ году, съ окончаніемъ великой борьбы Россіи съ Европой и почти въ самомъ началѣ нынѣшняго царствованія, въ Петербургъ собрались со всѣхъ концовъ Россіи наши лучшіе писатели: кто явился изъ-подъ твердынь Севастополя, кто изъ ополченныхъ баталіоновъ, туда же спѣшившихъ, но остановленныхъ вѣстью о мирѣ, кто изъ ссылки или невольнаго уединенія въ деревнѣ, кто изъ провинціальной глуши или изъ большой деревни—Москвы..... Въ это-то время тѣснѣе сплачиваться стали кружки нашихъ писателей; давніе друзья и новые знакомцы, посѣщая другъ друга, между прочимъ обмѣнялись на память портретами, для чего снимались даже группами. Даровитѣйшій и нынѣ старѣйшій русскій художникъ-фотографъ С. Л. Левицкій, двоюродный братъ одного изъ талантливыхъ отечественныхъ писателей и добрый пріятель едва-ли не всего Олимпа русской литературы, радушно предлагалъ свое искусство для воспроизведенія портретовъ собравшихся въ Петербургъ писателей. Одною изъ такихъ группъ, снятою г. Левицкимъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 г., не для публики, есть та, изображеніе которой воспроизведено нынѣ въ самомъ точнѣйшемъ снимкѣ при настоящей книгѣ «Русской Старины». Храня этотъ портретъ въ своемъ собраніи, мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи подарить его въ снимкахъ нашимъ читателямъ, такъ какъ онъ, воспроизводя черты любимѣйшихъ русскихъ писателей послѣдняго періода, въ то же время служитъ памятникомъ прекрасной старины, когда по всей Россіи пронесся новый духъ, возрождающій ее къ жизни, и когда, приниженная гнетомъ цензуры, отечественная словесность—поднимала уже свое чело.... Въ этой группѣ, какъ объяснилъ намъ С. Л. Левицкій, совершенно случайно отсутствовалъ Н. А. Некрасовъ, а положеніе Вятскаго изгнанника М. Е. Салтыкова еще не на столько было тогда (въ 1856 г.) географически улучшено, чтобъ онъ могъ занять свое мѣсто въ этой группѣ, да и «Губернскіе Очерки» еще не явились тогда въ печати.... Ред.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

ВЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

1864—1880.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ред. «Русской Старины», независимо отъ гравюръ Академиковъ Л. А. Сѣрякова и И. П. Пожалостина (на мѣди), напечатанныхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, прилагаетъ къ журналу геліографическіе снимки съ гравированныхъ, въ прошломъ и настоящемъ вѣкахъ, портретовъ достопамятныхъ русскихъ людей. Снимки эти исполнены въ той же Экспедиціи — художникомъ Г. Н. Скамони [1]). Нынѣ мы

---

[1]) Вотъ главнѣйшіе изъ геліографическихъ снимковъ, исполненныхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ для приложеній къ «Русской Старинѣ»:

въ **1876** г.: портретъ императрицы Екатерины II — съ гравюры Чемезова, 1762 г.;—графа Аракчеева—съ гравюры Уткина, 1818 г.;

въ **1877** г.: княгини Екатерины Романовны Дашковой — съ гравюры Майера («лучшій и самый похожій портретъ Дашковой»—такъ отмѣчено о немъ въ «Словарѣ» Д. А. Ровинскаго);—кавказскаго имама Шамиля—гравюра на мѣди, исполненная въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, съ фотографіи, снятой, тамъ же, съ Шамиля, при посѣщеніи имъ Экспедиціи въ бытность его въ С.-Петербургѣ;—генералъ-адъютанта Константина Владиміровича Чевкина—геліогравюра съ живописнаго портрета, писаннаго Академикомъ Тюринымъ и указаннаго редактору «Русской Старины» для снимка самимъ покойнымъ К. В. Чевкинымъ.—Геліографическій снимокъ съ письма императора Александра Павловича;

въ **1878** г.: кромѣ портрета Гоголя, отпечатаннаго въ Парижѣ красками, къ «Русской Старинѣ» этого года были приложены портреты, гравированные только на деревѣ, отпечатанные въ Экспедиціи, а изъ геліографическихъ приложеній помѣщенъ лишь снимокъ съ басни Крылова;

въ **1879** г. Портреты: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ—геліографическій снимокъ съ весьма интересной гравюры, изображающей великаго поэта въ юности; А. С. Пушкинъ—также геліографическій снимокъ съ его портрета, гравированнаго знаменитымъ Уткинымъ (1827 г.). Геліографическіе снимки съ чертежей Петра Великаго, а также съ полныхъ и подлинныхъ писемъ А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя;

въ **1880** г. Портреты: императрицы Елисаветы Петровны—съ гравюры знаменитаго Е. Чемезова, 1761 г., съ Ротари. «Это самый похожій портретъ императрицы—«по свидѣтельству ея современника Штелина (см. «Словарь» Ровинскаго», стр. 59).—Портретъ группы шести русскихъ писателей: Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Л. Толстой, Островскій, Григоровичъ, Дружининъ—фотоглиптическая репродукція фотографіи 1856-го года. Не упоминаемъ о приготовленныхъ геліогравюрахъ для «Русской Старины» 1880—1881 гг.

приложили новое произведеніе, вышедшее изъ художественной мастерской Экспедиціи, а именно фотоглиптическую репродукцію съ фотографіи, снятой въ 1856 г. С. Л. Левицкимъ. Въ виду этихъ произведеній, исполненныхъ въ мастерской помянутаго учрежденія, считаемъ не безъинтереснымъ для нашихъ читателей познакомить ихъ съ устройствомъ и ходомъ работъ въ художественномъ отдѣленіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Къ числу многихъ полезныхъ нововведеній, принятыхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ при нынѣшнемъ ея управленіи, слѣдуетъ отнести фотографическое отдѣленіе, открытое въ 1864 г., и практикуемый въ немъ новый способъ печатанія. Отдѣленіе это составляетъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ-бы испытательный кабинетъ, въ которомъ пробные оттиски вновь выпускаемыхъ государственныхъ бумагъ подвергаются точному фотохимическому и фотографическому испытанію, чтобы сочетаніемъ цвѣтовъ печати изыскать средства для затрудненія поддѣлки.

Съ другой стороны, отдѣленіе это служитъ для подготовки спеціалистовъ по разнымъ графическимъ занятіямъ, поэтому въ немъ занимаются черченіемъ отъ руки, гравированіемъ на мѣди и на стали и литографированіемъ.

Принявъ во вниманіе, что свѣтовыя и температурныя условія нашей долгой сѣверной зимы чрезвычайно затрудняютъ всѣ фотографическія работы, мы можемъ указать, какъ на весьма отрадный фактъ, что, не смотря на всѣ эти крайне невыгодныя условія, художественное отдѣленіе Экспедиціи получило уже за свои произведенія высшія почетныя награды на семи международныхъ всемірныхъ выставкахъ. Но такъ какъ только при постоянной практикѣ можно ознакомиться въ совершенствѣ съ новѣйшими разнообразными методами гравированія и печатанія, то уже съ первыхъ годовъ существованія этого отдѣленія выяснилась необходимость дать возможно бо́льшее развитіе его художественной дѣятельности, и теперь въ немъ часто исполняются заказы, которые по своей научной и художественной цѣли могутъ быть полезны всему обществу.

Таковы, напримѣръ, геліографическіе снимки съ разныхъ историческихъ портретовъ (см., между прочимъ, въ приложеніяхъ къ «Русской Старинѣ»), и графическихъ образцовыхъ произведеній, а также воспроизведеніе въ большомъ количествѣ экземпляровъ архитектурныхъ, нумизматическихъ и анатомическихъ рисунковъ и снимковъ съ

Не поименовываемъ тѣхъ геліографическихъ снимковъ-портретовъ, которые приготовлены Экспедиціей для послѣдующихъ выпусковъ «Русской Старины». Ред.

натуры, исполняемыхъ посредствомъ фотолитографіи, фотогіалотипіи, фотоглиптики (Photoglyptique) и другими способами.

Подобныя произведенія, какъ, напримѣръ, геліографическіе снимки съ гравюръ знаменитаго художника Е. Чемезова, современника императрицы Елисаветы Петровны (изданіе Д. А. Ровинскаго, въ С.-Петербургѣ), воспроизведенные по хорошо сохранившимся экземплярамъ изъ его собственнаго, драгоцѣннаго собранія гравюръ, поразительно точны и сходны съ оригиналомъ и смѣло могутъ быть предложены нашимъ любителямъ художественныхъ произведеній. Въ то же время мы желали бы сказать нѣсколько словъ о чисто-фотографическомъ произведеніи, оконченномъ недавно и поднесенномъ Экспедиціей Государю Императору, по случаю 25-ти-лѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Его Императорскаго Величества. Въ богатомъ переплетѣ, украшенномъ интарсіопластинками, сдѣланными посредствомъ геліографіи, находится 100 фотографическихъ снимковъ съ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ Императорскаго Царскосельскаго арсенала, исполненныхъ художественно съ натуры, съ изящнымъ заглавнымъ листомъ, изображающимъ наружный видъ арсенала, и каталогомъ, составленнымъ управляющимъ этимъ арсеналомъ А. И. Гриммомъ.

Вышеупомянутымъ художественнымъ отдѣленіемъ управляетъ со дня его открытія Георгій Николаевичъ Скамони, художникъ-литографъ, геліографъ и фотографъ, труды котораго удостоивались неоднократно Высочайшаго одобренія [1]).

Вмѣстѣ съ нимъ работаютъ его достойные сотрудники—академикъ-граверъ П. К. Константиновъ и художникъ К. А. Честерманъ; этотъ послѣдній является особенно дѣятельнымъ помощникомъ г. Ска-

---

[1]) Г. Н. Скамони родился въ Вюрцбургѣ (Баварія), гдѣ онъ съ раннихъ лѣтъ посвятилъ себя художественному призванію. Онъ весьма много и долго трудился въ нѣкоторыхъ большихъ художественныхъ заведеніяхъ Германіи и Англіи, и въ 1863 г. принялъ предложенное ему мѣсто при Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ Петербургѣ.

Въ 1869 г., по ходатайству г. военнаго министра, г. Скамони удостоенъ былъ Высочайшей награды за оказанное имъ полезное содѣйствіе военно-топографическому отдѣлу военнаго министерства.

Въ 1872 г. Императорская Академія Наукъ присудила г. Скамони Ломоносовскую премію за самостоятельныя изобрѣтенія въ области физики и химіи (новые геліографическіе способы), между тѣмъ какъ «Fr. deutsche Hochstift für Kunst und Wissenschaft im Göthehause zu Frankfurt am Main» избрало его своимъ почетнымъ членомъ и магистромъ за «Руководство къ геліографіи» (1872 г., у Гесселя въ Петербургѣ и Фридлендера въ Берлинѣ), изданное на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ред.

мони при выполненіи разнообразныхъ работъ по новымъ, усовершенствованнымъ способамъ.

Различные способы репродукціи, введенные г. Скамони въ Экспедиціи, выработаны имъ по бо́льшей части самостоятельными изслѣдованіями и опытами, при постоянномъ и самомъ широкомъ сочувствіи и поддержкѣ начальника Экспедиціи Ѳ. Ѳ. Винберга. Редакція «Русской Старины» при этомъ случаѣ долгомъ считаетъ выразить глубочайшую признательность достоуважаемому Ѳедору Ѳедоровичу, за ту постоянную предупредительность и просвѣщенное содѣйствіе, съ какими просьбы ея объ исполненіи тѣхъ или другихъ заказовъ художественныхъ произведеній принимаются Экспедиціей.

Предлагаемая нынѣ нашимъ читателямъ группа знаменитыхъ русскихъ писателей есть снимокъ съ фотографіи, исполненной въ 1856 г. у Императорскаго придворнаго фотографа С. Л. Левицкаго.

Для репродукціи этого, нѣсколько выцвѣтшаго въ теченіе 24-хъ лѣтъ, оригинала г. Скамони воспользовался способомъ Вудбери, слѣдующимъ образомъ:

Сперва изготовленъ былъ нѣсколько уменьшенный негативъ, черезъ который пропущены свѣтовые лучи на стекло, покрытое хромо-желатиннымъ слоемъ.

Послѣ продолжительнаго дѣйствія солнечнаго свѣта, стекло это въ темной комнатѣ, подвергнуто продолжительному промыванію; этимъ путемъ вызвано постепенно весьма ясное, рельефное изображеніе, которое, по приведеніи его, посредствомъ вяжущей жидкости, почти въ стеклянно-твердое состояніе, снято со стекла и дѣйствіемъ сильнаго гидравлическаго пресса вдавлено въ свинцовую пластинку; съ этой самой пластинки и производится печатаніе горячею желатинною краскою, которая, вслѣдствіе обработки ея растворомъ хромовыхъ квасцовъ, приходитъ въ твердое состояніе и фиксируется.

Вышеописанный, весьма интересный, способъ печатанія употребляется до сихъ поръ въ Россіи только въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; за границей же—не болѣе какъ въ десяти заведеніяхъ, исполняющихъ фотоглиптическія, художественныя работы; самыя извѣстныя изъ нихъ: заведеніе Гупиль и К° въ Аньерѣ, близь Парижа, Лемерсіе въ Парижѣ, Вудбери и К° въ Лондонѣ и Брукманъ въ Мюнхенѣ.

Воспроизведенный этимъ способомъ портретъ группы нашихъ писателей, который редакція «Русской Старины» разсылаетъ при этой книгѣ въ подарокъ своимъ читателямъ, замѣчателенъ тѣмъ, что не только изображаетъ съ необыкновенною точностью малѣйшія черты фотографіи, снятой двадцать четыре года тому назадъ (1856 г.),

но при этомъ, имѣя видъ совершенной фотографіи, никогда, ни отъ свѣта, ни отъ времени, не линяетъ и не желтѣетъ.

При этихъ громадныхъ достоинствахъ, помянутый способъ воспроизведенія снимковъ съ портретовъ и печатанія таковыхъ имѣетъ только два недостатка: онъ требуетъ много времени и — дорогъ. Послѣднее, впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ произошло отъ значительности числа экземпляровъ, въ какомъ понадобилось отпечатать, по числу подписчиковъ «Русской Старины», группу-портретъ 1856-го года, а именно 5,525 экземпляровъ.

Въ заключеніе настоящей замѣтки—еще разъ выразивъ нашу признательность Г. Н. Скамони, долгомъ считаемъ поблагодарить достоуважаемаго С. Л. Левицкаго за ту обязательность, съ какою предоставилъ онъ намъ право воспроизвести имѣвшуюся у насъ фотографію, имъ исполненную въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 года. Ред.

Два слова къ исторіи покоренія Кавказа.

1856—1859.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 289—318, напечатанъ отрывокъ изъ Записокъ генерала Ольшевскаго, подъ заглавіемъ «Кавказъ и покореніе его восточной части». Статьи подобнаго рода, особенно написанныя авторитетными лицами и такъ талантливо, должны составлять серьезный историческій матеріалъ и быть свободными отъ всякихъ ошибокъ, хотя бы по существу и не весьма значительныхъ. Между тѣмъ, въ статьѣ М. Я. Ольшевскаго есть нѣсколько ошибокъ и я увѣренъ, что высокоуважаемый авторъ не будетъ въ претензіи за ихъ исправленіе.

Въ характеристикѣ генерала Евдокимова (стр. 302) сказано: «На этомъ мѣстѣ (т. е. Койсубулинскаго пристава) умѣлъ онъ пріобрѣсти расположеніе и уваженіе дагестанцевъ за знаніе туземнаго языка и свою храбрость. Послѣдняя свидѣтельствовалась двумя тяжелыми ранами: одна въ животъ кинжаломъ, полученная въ Унцукулѣ въ 1842 г., а другая пулей въ лицо». Рана кинжаломъ была не въ животъ, а нанесена фанатикомъ сзади, въ лѣвую лопатку насквозь, и кинжалъ прошелъ на волосъ отъ сердца. Рана же пулею въ лицо получена Евдокимовымъ еще въ 1831 году, въ чинѣ прапорщика, при освобожденіи отрядомъ генералъ-маіора Коханова кр. Бурной, осаждаемой полчищами Кази-Муллы.

На той же страницѣ говорится: «въ 1854 г., въ чинѣ генералъ-маіора, Евдокимовъ назначается начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи, гдѣ и остается до конца 1856 г.». Евдокимовъ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ начальникомъ праваго фланга не въ 1854, а въ 1850 году, и оставался тамъ не до конца 1856 г., а только до начала этого года; въ первыхъ числахъ февраля онъ уже пріѣхалъ въ Грозную и открылъ дѣйствія за Аргу-

номъ постройкой укр. Бердыкель. Осенью же 1856 г. генералъ Евдокимовъ, какъ командующій войсками лѣваго крыла Кавказской линіи, встрѣчалъ въ Петровскѣ новаго главнокомандующаго, князя Барятинскаго, и я былъ съ нимъ тамъ.

Упоминая о взятіи резиденціи Шамиля—Веденя (стр. 309), авторъ говоритъ: «1-го апрѣля рѣшилась участь Ведено. Бомбардируемое съ трехъ сторонъ на близкомъ разстояніи, оно было оставлено своими защитниками, безпрепятственно изъ него вышедшими». Далѣе: «съ паденіемъ Ведено окончательно пала власть Шамиля и даже ичкеринцы, въ лѣсахъ конхъ совершались, не долѣе 15-ти лѣтъ, столь кровавыя побоища, безпрекословно покорились».

Это не совсѣмъ такъ. Во первыхъ, когда бомбардировка достаточно подготовила дѣло, 1-го апрѣля 1859 года, въ 6 часовъ вечера, послѣ ужасной канонады, на Веденъ былъ поведенъ штурмъ колонною изъ 4-хъ ротъ Тенгинцевъ, 2-хъ ротъ Кабардинцевъ и 2-хъ ротъ 20-го стрѣлковаго баталіона подъ начальствомъ командира Тенгинскаго полка полковника Александра Алексѣевича Баженова, отличнаго, распорядительнаго, храбраго офицера [1]). Съ одной стороны полѣзли на главный андійскій редутъ Тенгинцы, а съ тыла ворвались кабардинскія роты. Всѣ они были встрѣчены изъ-подъ развалинъ залпомъ изъ винтовокъ, а съ сѣверо-восточнаго угла аула тоже раздался бѣглый огонь; съ непріятельскаго же редута № 2-й даже открыли картечный огонь. Первою ворвалась въ редутъ 5-я стрѣлковая рота Тенгинскаго полка, гдѣ ее встрѣтила кучка отчаянныхъ защитниковъ, павшая подъ штыками. — Въ то же время полковникъ Чертковъ (нынѣ кіевскій генералъ-губернаторъ), съ баталіономъ своего Куринскаго полка, сдѣлалъ диверсію на пути отступленія горцевъ, что и вынудило ихъ спѣшить выходомъ изъ Веденя.—Только къ 9-ти часамъ вечера все было окончено: запылали главныя постройки Веденя, всѣ редуты очутились въ нашихъ рукахъ, оставшіеся въ живыхъ защитники скрылись. Наша потеря на штурмѣ ограничилась 25-ю человѣками. Во вторыхъ, не взирая на взятіе Веденя и вообще на огромные успѣхи наши въ послѣднее время, уже ясно показывавшіе, что дни владычества Шамиля были сочтены, ичкеринцы вовсе не безпрекословно покорились. Еще долго генералъ Кемпфертъ съ значительнымъ отрядомъ долженъ былъ двигаться въ разныхъ направленіяхъ по Ичкеріи, прибѣгая къ энергическимъ мѣрамъ, пока аулы окончательно покорились и прогнали сына Шамиля Кази-Магому, находившагося среди нихъ съ партіею. Но и послѣ этого еще Беной и нѣкоторые другіе аулы въ верховьяхъ Аксая упорствовали въ изъявленіи покорности. Вообще благоразумной распорядительности генерала Кемпферта принадлежитъ заслуга окончательнаго усмиренія Ичкеріи, какъ и вообще вся его дѣятельность, въ качествѣ одного изъ лучшихъ помощниковъ графа Евдокимова, всегда отличалась самыми лучшими результатами.

Что касается нѣсколько разъ упоминаемыхъ авторомъ статьи въ «Русской Старинѣ» недостатковъ Н. И. Евдокимова, то объ нихъ можно бы многое сказать, особенно въ томъ смыслѣ, что обвиняемый едва-ли составлялъ исключеніе, будучи одержимъ столь сильно свирѣпствующею болѣзнью,—но

---

[1]) Умеръ 22-го ноября 1878 г., въ Москвѣ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и кавалеромъ св. Георгія 3-й степ., пожалованнаго ему въ день празднованія столѣтія ордена, по особому ходатайству покойнаго фельдмаршала князя Барятинскаго.

А. З.

лучше оставимъ сей предметъ въ сторонѣ и не будемъ смущать ни сна покойниковъ, ни совѣсти живыхъ...

Въ дополненіе разсказа Г. К. Властова на счетъ письма князя Барятинскаго къ Государю, отъ 26-го апрѣля 1858 г., изъ коего видно, что планъ войны противъ горцевъ былъ сознаваемъ княземъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, могу прибавить отъ себя слѣдующее: еще будучи начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи въ 1851—1852 г., князь Барятинскій составилъ почти полный планъ покоренія восточнаго Кавказа, приказывая писать отрывками изложеніе его мыслей служившему въ управленіи фланга старшему адъютанту поручику Машкову (очень хорошій штабный офицеръ изъ писарей, способный и честный, любимый княземъ), съ условіемъ держать въ секретѣ. Впрочемъ, это было извѣстно другому любимцу князя, нынѣ полковнику Петру Гавриловичу Бѣлику. Всѣ послѣдующіе планы и распоряженія князя Барятинскаго въ званіи главнокомандующаго были уже только развитіемъ этихъ, создавшихся у него нѣсколькими годами ранѣе взглядовъ и убѣжденій. Въ этомъ я убѣдился лично во время похода 1859 года, когда князь, неоднократно поручая мнѣ писать различныя бумаги и особенно частныя его письма къ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, упоминалъ, что соображенія его, бывшія плодомъ разспросовъ, совѣщаній и знакомства съ краемъ еще въ сороковыхъ годахъ, оказались вѣрными и оправдываются съ поразительною точностью.

Только неимѣвшіе никакого понятія о дѣлѣ или завистники князя Барятинскаго могли злорадно болтать, что онъ пожиналъ лавры зрѣлые, подготовленные предшественниками, и, главнѣйше, благодаря личному расположенію Государя, давшаго ему такія обильныя средства, какихъ никто не имѣлъ до него.—Обильныя средства были на Кавказѣ и въ 1844—1845 гг., когда туда двинули генерала Лидерса съ 5-мъ корпусомъ; но эти средства—странно вспомнить—повели только къ вящшему торжеству дѣла горцевъ!... Не въ однихъ средствахъ сила: нужно умѣнье ими распорядиться. Что предшествующія дѣйствія, особенно при князѣ Воронцовѣ, подготовили покореніе—это несомнѣнно, да и хороши бы мы были, если бы въ теченіе 80-ти лѣтъ войны даже не подготовили ничего къ конечному успѣху!—Но все-же покореніе совершено княземъ Барятинскимъ и никѣмъ другимъ. И заслуга, и слава остаются за нимъ неотъемлемо. Одно умѣніе удачно выбрать людей ужъ чего стоитъ? Д. А. Милютинъ, какъ начальникъ штаба, и Н. И. Евдокимовъ, какъ исполнитель военныхъ предположеній,—сами по себѣ уже были больше чѣмъ половиной успѣха.

А. Зиссерманъ.

Примѣчаніе. Замѣтка эта перепечатана нами изъ «Новаго Времени» 1880 г., № 1447, такъ какъ въ ней почтенный авторъ, весьма хорошо знакомый съ исторіей Кавказа, подтверждаетъ своимъ свидѣтельствомъ главнѣйшее положеніе М. Я. Ольшевскаго, что Кавказъ покоренъ, во исполненіе воли Верховнаго Вождя Россіи, кн. А. И. Барятинскимъ и никѣмъ другимъ. Ред.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XXVII томѣ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1880 г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

А.

Абакумовъ, генералъ-интендантъ арміи, 1828 г., 771.

Абдурахманъ, сынъ Шамиля, 1869 г., 809.

Адеркасъ, Борисъ Антоновъ., губернат. псковск., 1824 г., 131, 135.

Адлербергъ, гр., Вдм. Ѳед., ген.-адъют., мн-ръ двора и удѣл., 1858 г., 323, 336, 372—379, 519, 523, 767, 778, 779.

Айвазовскій, Гавріилъ Конст., еписк. имеретинск., р. 1813 г., 444.

Айвазовскій, Ив. Конст., художн. маринистъ, р. 1817 г., 433.

Аксаковъ, И. С., 1859 г., 170.

Александра Николаевна, вел. княж., въ супруж. принцесса Гессенъ-Кассельская, р. 1825 † 1844 г., 269, 284, 285, 288, 645, 714—719.

Александра Ѳеодоровна, имп-ца, р. 1798 † 1860 г. Выдержки изъ писемъ В. А. Жуковскаго, 1826, 1837 и 1839 гг., 258—264; упом.: 86, 177, 178, 229, 256, 257, 261, 499, 514, 639—648, 715, 716, 766.

Александръ I, импер., р. 1777 † 1825 г. Пребываніе въ Южной Чехіи, 1815 г., 185—187; упом.: 188, 225, 255, 261, 376, 404, 426, 429, 433, 439, 443, 505, 636, 638.

Александръ II, Императоръ, р. 1818 г. Планъ воспитанія и образованія его, составленный В. А. Жуковскимъ, 1826 г., 229—253; стихотвореніе, посвященное Петр. Андр. Каратыгинымъ, 22 октб. 1853 г., 164, 165; Крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг., 320—361; Предсмертная всеподд. записка Я. И. Ростовцева о крестьянскомъ дѣлѣ, 6 февр. 1860 г., 815—842; Слова, сказанныя при открытіи собранія Госуд. Сов., 28 янв. 1861 г., 375—378; рескрипты: Вел. Кн. Константину Николаевичу, 19 февр. 1861 г., 380, 381; мн-ру внутр. дѣлъ С. С. Ланскому, 17 апр. 1861 г., 382; гр. В. Н. Панину, 17 апр. 1861 г., 369, 370; гр-нѣ В. Н. Ростовцевой, 23 апр. 1861 г., 370, 371; Двадцатипятилѣтняя годовщина восшествія на престолъ, 19 февр. 1880 г., 215—224. Упом.: 40—44, 100, 111—113,

152, 225, 257—288, 310, 363—373, 391, 394, 402, 403, 422, 425, 451, 503, 510, 573—586, 601, 705—730, 802—812, 875, 878.

Александръ, Виртемб. принцъ, 1828 г., 89—92, 534, 776, 778, 791.

Али-бекъ, начальн. чеченцевъ, 314.

Алферьевъ, генер., 1828 г., 784, 785.

Альфрее, преподават. англ. яз., 1828 г., 229.

Амвросій, архіер. рязанск., 17.

Амвросій, митропол. новгор. и спб., 1814 г., 116, 117, 504.

Андреевскій, И. Е., проф. Спб. унив. Статья его: «Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 г.», 403—422; упом.: 226, 627.

Анна Іоанновна, имп-ца, р. 1693 † 1740 г., 428.

Анненковъ, Н., 1861 г., 379.

Анрепъ, полковн., 1828 г., 778.

Антоній, спб. митрополитъ, 1842 г., 2.

Антонинъ, архимандр., 444.

Антоновичъ, В. Б., 1878 г., 449, 624, 631.

Апраксинъ, Викт. Владмр., предв. двор. и предсѣд. орловск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 336, 342, 347, 348.

Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., р. 1769 † 1834 г., 280, 638, 639.

Арапетовъ, Ив. Павл., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 336, 349, 354.

Араповъ, помѣщ., 1861 г., 480—483.

Арбузовъ, Алекд. Павл., контръ-адмир., 433.

Арендтъ, Никл. Ѳедоров., лб.-медикъ, 1843 г., 364.

Арина Родіоновна, няня А. С. Пушкина, 130.

Аристовъ, Н. Я., 1871 г., 624, 626.

Аркасъ, З., 444.

Армфельтъ, гр., 1861 г., 379.

Арсеньевъ, Конст. Ив., преподаватель русск. исторіи, 1833 г., 229.

Артемьевъ, А. И., этнографъ, 450, 623, 632.

Арцимовичъ, 1864 г., 391.

Аспелинъ, И. Р., 1877 г., 448.

Атерсонъ, докторъ, 1838 г., 762.

Аѳанасьевъ, А. Н. 631.

Б.

Багратіонъ, кн., полковн., 1828 г., 784, 785.

Бажановъ, Василій Борисов., протоіер., законоучит. Вел. Кн. Наслѣдника Цесарев., 1835 г., нынѣ протопресвитеръ и духовн. Ихъ Императ. Величествъ, 230, 718, 719.

Бажёновъ, Алекдр. Алексѣев., полковн., 1859 г., впослѣд. ген.-лейт., † 1878 г., 877.

Базаровъ, свящ., духовн. В. А. Жуковскаго, 1852 г., 267.

Баклановъ, Як. Петр., ген.-лейт., 433.

Бакрадзе, Д., 447.

Бальменъ, адъют., 1828 г., 104, 105, 107.

Бантышъ-Каменскій, Дмт. Никл., р. 1778 † 1850 г., 433, 436.

Барановъ, Пл. Ив., ссылка на «Описаніе указовъ и повелѣній, хранящ. въ архивѣ сената», 443.

Баратынскій, Евгеній Абрамов., поэтъ, † 1844 г., 136, 140, 255.

Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богданов., ген.-фельдм., р. 1761 † 1818 г., 363.

Барковъ, Дмт. Никл., писат., 142, 143.

Барсовъ, Никл. Ив., проф. Біографическій очеркъ: «Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, 1787—1864 гг.». Гл. I—X, 111—128; 269—288; 495—510; 705—730; упом.: 434, 622, 852.

Барсуковъ, Н. П., 632.

Бартеневъ, П. И., редакт. «Русск. Архива», 432, 440.

Бартоломей, ген., 1828 г., 84, 785, 786, 789.

Барятинская, кнг. Елисавета Дмитр., 1869 г., 809—811.

Барятинскій, кн., Алексд. Ив., главнокоманд. кавказск. арміи, намѣстн. Кавказа 1856—1861 г., впослѣд. фельдмарш., р. 1814 † 1879 г., 289—318; 781—812, 877, 878.

Барятинскій, кн., Викт. Ив. Сообщ. бумаги и переписку покойнаго кн. А. И. Барятинскаго, 781—812.

Басинъ, художн., 190.

Батока, шатоевскій наибъ, 1858 г., 306.

Бахтинъ, Н. Ив., 1861 г., 379.

Башмаковъ, 1825 г., 637.
Бебутовъ, кн., Васил. Осипов., ген.-отъ-инф., начальн. Кавк. корпуса, 1854 г., † 1858 г., 289, 300.
Безсоновъ, П. А., 631.
Беккеръ, П., 444.
Бенкендорфъ, гр., Алсд. Христоф., ген.-адъют., шефъ жандармовъ, р. 1783 † 1844 г., 102, 134—139, 147, 639—650, 674.
Бенкендорфъ, Конст. Христоф., ген.-адъют., † 1828 г., 84, 105, 512, 523, 543, 767.
Бергъ, Никл. Вас. Сообщ. Замѣтку къ поправкамъ и возраженіямъ по поводу «Запис. о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг.», 675—678, и открытое письмо г. Александру Клобуковскому отъ 16 янв. 1880 г., 678, 679; упом.: 214, 434, 625, 680, 851; дополнит. замѣтка его о гр. Ѳ. Ѳ. Бергѣ, 852.
Бергъ, гр., Ѳед. Ѳед., ген.-фельдм., намѣстн. Царс. Польск., р. 1794 † 1874 г., 214, 379, 391, 675—678, 852.
Бережковъ, 450.
Березина, въ замуж. Львова, 635.
Березинъ, И. Н., 445, 633.
Берже, Адольфъ Петр., предсѣд. Кавказск. Археограф. комм., ссылка на сообщ. имъ докум. о Пушкинѣ, 146; сообщ. замѣтки о новыхъ книгахъ, 209—213; примѣчанія къ письм. Шамиля кн. А. И. Барятинскому, 809, 811; упом.: 315, 434, 442, 447.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., профессоръ. Сообщ. замѣтку о сочиненіи А. Дроздова, 852; упомин.. 434, 622, 632.
Бестужевъ, Алексдр. Алексдр., декабр., † 1837 г., 129.
Бестужевъ, Мих. Алсд., декабр., р. 1800 † 1871 г., 130, 671.
Беттини, артистка, 1837 г., 751, 752.
Беттихеръ, генер., 1828 г., 534, 536, 792.
Бехтеревъ, Н., 624.
Бибиковъ, полковн., 1828 г., 87.
Бистромъ, генер., 1828 г., 783—789, 795, 796, 799.
Благовѣщенскій, А., 632.
Блудовъ, гр., Дмт. Никл., р. 1785 † 1864 г., 136, 215, 226, 323, 372—379, 394.
Богдановичъ, М. И., проф., 434, 625.
Богуславскій, дс. ст. сов. Разсказы и анекдоты изъ его Записокъ, 173—184; упом. 679.
Богуславскій, полковн., 1860 г., 807.
Боде, бар., дс. тн. сов., об.-камерг., 1849 г., 175.
Бодянскій, Осипъ Максимов., проф. Московск. унив., р. 1808 † 1877 г., 429, 431, 435, 758.
Болотовъ, Андрей Тимоѳ., р. 1738 † 1833, авт. «Записокъ», 433.
Борзаковскій, В. С., 624.
Бороздинъ, М. Ѳ., ген.-лейтен., 433.
Бортнянскій, Дмт. Степ., духовн. композит., 641, 642.
Братановскій, Анастасій, 125.
Бриггенъ, декабр., 263.
Брикнеръ, Адольфъ Густав., проф., 434, 624.
фонъ-Бринкенъ, генер., 1828 г., 534, 535.
Брожъ, К. О., художн., рисовалъ на деревѣ портр. поэта Т. Г. Шевченко, съ рисунка, написаннаго самимъ поэтомъ, 589.
Брокъ, П. Ф., мн-ръ финанс., 1858 г., 177, 323, 379.
Брунновъ, Ф. И., дипломатъ, 1838 г., 230.
Брунъ, Ф. К., проф. Новоросс. унив., 1879 г., 444, 623.
Брюлловъ, Карлъ Павл., проф. акад. худож., † 1852 г. Отзывъ о немъ В. А. Жуковскаго, 189—191; упом.: 589, 591, 608.
Брянчаниновъ, дс. ст. сов., ставропольск. губернат., 1856 г., 294.
Булгаковъ, Петръ Алексѣев., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 337, 343, 348, 354.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктов., писат., р. 1789 † 1859 г., 671—673.
Булгарисъ, Евгеній, 125.
Буличъ, Н, Н., профессоръ, 449, 632.
Булыгинъ, Вас. Ив., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 335—360, 388.
Бунге, Никл. Христоф., членъ Редакц. Комм., 1859 г., 340, 341.
Бурачковъ, П., 444.
Буркманъ, литографъ, 875.

Буслаевъ, Ѳед. Ив., проф. Моск. унив., 1851 г., 626, 630, 633.
Буткевичъ, ксендзъ, прелатъ, 433.
Бутковъ, В. П., государств.секрет. 1857 г., 321, 341, 364, 379.
Бутковъ, П. Г., 449.
Бутовскій, В., 1879 г., 633.
Бутырскій, И. П., 1879 г., 452.
Бухаровъ, 625.
Буцковскій, 1874 г., ссылка на его соч. «Очерки судебныхъ порядковъ», 399.
Быковъ, Н. Д., ссылка на сообщ. имъ замѣтку о портр. В. А. Жуковскаго, 589.
Бычковъ, Аѳанасій Ѳедор., акад. Сообщ. письмо В. А. Жуковскаго къ Наслѣднику Цесаревичу Вел. Кн. Александру Николаевичу, 1838 г., 618; упом.: 443, 630.
Бѣликъ, Петръ Гавр., полковн., 878.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григор., писат., р. 1810 † 1848 г., 394, 760, 852, 856.
Бѣлкинъ, капит., 1855 г., 852.
Бѣляевъ, И. Д., профес., 1849 г., 429, 622, 624, 627.
Бюллеръ, бар., Ѳ. А., 434.

В.

Вагинъ, В., 625.
фонъ-Валь, ген.-маіоръ, ссылка на его замѣтку о гр. Ѳ. Ѳ. Бергѣ, 675—678, 852.
Варадиновъ, Н., 451.
Варнгагенъ, проф., 1837 г., 751, 752, 759, 760.
Варнгагенъ, Рахель, 1837 г., 752, 753, 760.
Варрандъ, Самуилъ Алексдр., преподават. англ. яз., 1832 г., 229.
Васильевскій, В. Г., 623.
Васильевъ, о. Николай, протоіер., законоучит., 1817 г., 499.
Васильевъ, артистъ, 657, 659.
Васильевъ, С., 624.
Васильчиковъ, кн., А. И., 625.
Васильчиковъ, кн., Викторъ Илларіон., ген.-адъют., 1858 г., впослѣд. товар. воен. мн-ра, 575—586.
Вашковскій, Александръ, кандид. Спб. унив., участн. въ польск. возстаніи, 1863 г., † 1865 г., 676.
Вейсъ, докторъ, 1838 г., 762.
Вельтманъ, Алексд. Ѳомичъ, писат., р. 1800 † 1870 г., 633.
Вельяминовъ-Зерновъ, В. П., 445.
Вементини, генер., 1828 г., 792.
Веневитиновъ, Алексѣй Владм., сенат., почетн. опекунъ, 674, 675.
Веневитиновъ, Дмитр. Владм., писат., † 1827 г., 136, 141, 142, 674.
Венюковъ, Мих. Ив., предсѣд. люблинск. по крестьянск. дѣл. ком., 1864—1867 г., 386, 433.
Вердеръ, проф., 1837 г., 752, 754, 762, 763.
Веселаго, Ѳ. Ѳ., 624.
Веселовскій, А. Н., профес., 631.
Веселовскій, Н., 1866 г., 451, 625.
Весинъ, Л., 632.
Весселъ, Егоръ Христіанов., преподават. артиллеріи, 1834 г., 229.
Вещуѣровъ, протоіер., 569.
Вигель, Филиппъ Филиппов., тн. сов., р. 1786 † 1856 г., ссылка на его «Записки», 132.
Викторовъ, 443.
Вилліе, баронетъ, Яковъ Васил., дст. тн. сов., лб.-медикъ, 523, 776.
Винбергъ, Ѳед. Ѳед., начальн. Экспедиц. заготовл. госуд. бумагъ, 874.
Витгенштейнъ, гр., Петръ Христоф., ген.-фельдм., р. 1768 † 1843 г., 83—98, 101—110, 363, 511—522, 527—543, 765—784.
Витевскій, В. Н., 433, 624.
де-Виттъ, гр., генер., 1828 г., 514, 524, 772.
Віельгорскій, гр., Мих., Юрьев., р. 1787 † 1858 г., 136, 589, 640.
Віолле-Ледюкъ (E. Viollet Le Duc), 1878 г., 633.
Владиміровъ, В., 632.
Владимірскій-Будановъ, М. Ф., 628.
Владиміръ, о., ректоръ новгор. семинаріи, 1814 г., 116.
Власовъ, Максимъ Григор., ген.-отъ-кавал., войск. наказн. атам., 1836—1848 г., † 1848 г., 843, 844.
Властовъ, Георгій Конст., старш. чиновн. особ. поруч. при намѣст. кавказ., 1859 г., впослѣд. ставропольск. губернат. 309—312, 878.

Воейковъ, Алсд. Ѳедор., писат., р. 1779 † 1839 г., 254.
Воиновъ, генер., 1828 г., 84.
Волковъ, ген., начальн. кавал., 1828 г., 87.
Волковъ, Ѳедоръ, діаконъ, 1851 г., 18.
Волконская, кнг., Зинаида Алексдр., рожд. кнж. Бѣлосельская, † 1862 г., 140.
Волконскій, кн., Петръ Мих., мн-ръ двора и фельдм., р. 1776 † 1852 г., 97, 186, 650, 718.
Волоцкой, А. А., 434.
Вольфъ, генер., 1828 г., 789.
Воронинъ, откупщ., 579.
Воронцовъ, кн., Мих. Семен., ген.-адъют., намѣстн. кавказ., р. 1781 † 1856 г., 106, 297, 523, 543, 766, 773, 778, 780, 792, 878.
Востоковъ, Никл. Мих., кандид. Спб. универс., 434.
Врангель, бар., Алексд. Евстаф., ген.-адъют., начальн. прикаспійск. края, 1858 г., 295, 297, 379, 803.
Вревскій, бар., Ипполитъ Алексдр., ген.-лейт., начальн. Владикавказск. воен. округа, † 1852 г., 295, 296.
Вреде, вѣнская артистка, 1838 г., 760, 761.
Вреденъ, бар., ген.-маіоръ, † 1828 г., 539, 768.
Вронченко, гр., Ѳедоръ Пав., дс. тн. сов., мн-ръ финанс., † 1852 г., 175, 177.
Всеволожскій, Никита Всеволодов., 191—193.
Вудбергъ, У. Б., литографъ, 874—876.
Вульфъ, Алексѣй Никл., студ. Дерптск. унив., 1824 г., 139, 140.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 † 1878 г., 129.

Г.

Габлеръ, проф. философіи, 1836 г., 746, 747.
Гагаринъ, кн., Пав. Гавр., ген.-лейт., кутаисск. губернат., р. 1777 † 1850 г., 297.
Гагаринъ, кн., Пав. П., чл. госуд. сов., 1858 г., 226, 323, 372—379.
Гагемейстеръ, Юрій Андр., чл. Редакц. Комм., 1859 г. 340, 341.
фонъ-Гагенъ, Шарлотта, берлинск. артистка, 1837 г., 755.
Гаевскій, И. С., директ. канцел. синода, 1859 г., 3.
Гази-Мухаммедъ, сынъ Шамиля, 1859 г., 806, 810—812.
Галаганъ, Григор. Павл., чл. черниговск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 336, 348, 349, 354, 388.
Галахова, Елисав. Павл., см. Фролова.
Галаховъ, помѣщ., 1837 г., 751.
Галаховъ, А. Д., 433, 631.
Галичъ, издат. «Лѣтописи факультетовъ», 504.
Галкинъ, М. Н., 1869 г., 440.
Гамазовъ, ст. сов., 1862 г., 808.
Гаммеръ, историкъ-оріенталистъ, 1838 г., 761.
Ганзенъ, ген.-лейт., инжен., 299.
Гансъ, проф. философіи исторіи, 1836 г., 746, 751.
Гартунгъ, генер., † 1828 г., 782, 783, 799.
Гарфункель, откупщикъ, 574.
Гасфортъ, Густавъ, 1861 г., 379.
Гвоздевъ, П., 632.
Гедеоновъ, Алсд. Мих., дс. ст. сов., директ. спб. театровъ, 1836 г., 613, 614.
Гедеоновъ, Свят. Александр., 623.
Гейденрейхъ, Л. А., докторъ, 155.
Гейденъ, гр., адмиралъ, 1828 г., 106.
Гелингъ, К., чл. виленск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 339.
Гельдорфъ, ссылка на его изд.: «Записки принца Евгенія Виртембергскаго о турецкомъ походѣ 1828 г.», 79.
Геннади, Григорій Никол., † 1880 г., 633, 672.
Генрици, А. А., докт., 433.
Гербель, ссылка на его книгу: «Поэзія славянъ», 607; упом. 593.
Гервигъ, нѣмецкій поэтъ, 1837 г., 749.
Гервигъ, Эмма, рожд. Сигмундъ, 749.
Герценъ, Алексд. Ив., ссылка на его изд. «Колоколъ», 354.
Герцигъ, маіоръ, † 1828 г., 534, 535, 537, 799.
Герцыкъ, В. Ц. Сооб. замѣтку къ Зап. о польск. возстаніи Н. В. Берга, о Домбровскомъ, 851.
Герье, В., 624, 625.
Гецъ, П. П., 434.

Гечевичъ, Конст. Ипполитов., чл. виленск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 337—340, 348, 349.
Гильфердингъ, Алексд. Ѳед., р. 1831 † 1872 г., 631.
Гинцбургъ, откупщ., 574, 575, 578.
Гирсъ, Алсд. Карл., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 335, 343—350, 360, 388.
Глазенапъ, генер., 1828 г., 785.
Глинка, начальн. артил. роты, 1828 г., 769.
Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 † 1857 г., 144, 433, 611—617.
Гнѣдичъ, Никл. Ив., писат., 145.
Гоголь, Никл. Васил., писат., р. 1809 † 1852 г., 183, 191, 255, 594, 595, 867, 868.
Голицынъ, кн., Алсд. Никл., об.-прокур. синода, мн-ръ народн. просв., р. 1773 † 1844 г., 117, 281, 641, 708, 711, 714.
Голицынъ, кн., Борисъ Дмт., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 338, 354.
Голицынъ, кн., Никл. Серг., 434.
Голицынъ, кн., Сергѣй, 1828 г., 144.
Голицынъ, кн., Серг. Павл., чл. Редакц. Комм., 1859 г., авт. брошюры «Печатная правда», 337, 342, 348, 349.
Головацкій, Я., 430, 631.
Головачовъ, А. А., 1873 г., 625.
Головинскій, чл. кіевск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 339.
Головинъ, генер., 1828 г., 781, 787.
Головнинъ, А. В., 1861 г., 412.
Голубинскій, Ѳ. А., проф. духовн. акад., 123, 126, 632.
Голышевъ, Ив. Алексдр., почетн. гражд., археологъ, р. 1838 г., 433, 633.
Гольцъ, Николай Осипов., балетмейст., † 1880 г., 616.
Гончарова, Наталія Никл., въ замуж. Пушкина, 1831 г., 140, 147, 148.
Гончаровъ, И. А., писатель-романистъ, 853, 855, 861—864, 870.
Горбачевскій, И. И., декабр., † 1869 г., 130.
Горнъ, дворецкій фельдм. кн. Шварценберга, 1815 г., 186.
Горчаковъ, кн., Александръ Мих., мн-ръ иностр. дѣлъ, 1859 г., 355, 379.
Горчаковъ, кн., Андр. Ив., ген.-отъ-инф., 1828 г., 84, 90, 536, 542.
Горчаковъ, М. И., профессоръ, 628.
Градовскій, А. Д., профес., 627.
Грановскій, Тимоѳей Никол., проф. Моск. унив., 731—764.
Граціанская, Анна Андр., 1824 г., 508.
Граціанская, Евѳимія Андр., въ замуж. Павская, † 1824 г., 498, 507—509, 720.
Граціанскій, о. Андрей, свящ., 498.
Гребенка, Е. П., 1843 г., 591.
Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмир. черноморск. флота, 1828 г., 107, 518, 519, 523, 780.
Гречъ, Никл. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г., 254, 432, 504, 653, 654.
Гржигоржевскій, Исидоръ Алексдр., полковн., ссылка на составлен. имъ біографію бар. Клугенау, 302.
Грибовскій, чиновн. особ. поруч., 679.
Грибоѣдовъ, Алсд. Серг., писат., р. 1794 † 1829 г., 129, 153.
Григорій, архимандр., ректор. Спб. дух. акад., 1821 г., впослѣд. митропол. спб., 502, 503, 506, 509.
Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-секрет. акад. худож., 190, 589.
Григоровичъ, Д. В., писат., 853, 855—857.
Григоровичъ, Н. И., 433.
Григорьевъ, А. А., критикъ, 594.
Григорьевъ, Вас. Вас., студ.-оріенталистъ, 1834 г., профессоръ Спб. университета, 413, 447, 632; нынѣ тн. сов., начальн. Главн. управл. по дѣл. печати, 731—736, 741.
Григорьевъ, В. Н., помѣщ., 481.
Грильпарцеръ, драматич. писат., 1838 г., 761.
Гриммъ, А., директ. царскосельск. арсенала, 873.
Гринъ, докторъ, 1824 г., 508.
Гробянка, Андрей Антонов., помѣщ. подольск., 1859 г., 338, 340, 348, 349.
Гротъ, Яковъ Карл., акад., 389, 433, 434, 449, 632, 636.
Губерти, Ник. Вас., 633.
Гулакъ-Артемовскій, Сем. Сем., оперный пѣв., 593.
Гулакъ, Никл. Ив., 1837 г., 599, 600.
Гульяновъ, 1838 г., 757, 758.
Гурскій, чл. подольск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 340.

Гурьевъ, проф. духовн. акад., 1809 г., 119.
Гусевъ, Д. Ѳ., проф. Казанск. дух. акад. 1842 г., 1.
Гусейнъ-паша, турецкій военачальн., 1828 г., 83, 103, 110, 511.
Гутенъ-Чапскій, гр., 634.

Д.

Дадешкиліани, кн., владѣтель Сванетіи, убійца кн. Гагарина, 1850 г., 297.
Дадіани, кн., Давидъ, владѣт. Мингреліи, 297.
Даль, Вдм. Ив., писат., † 1872 г., 430, 631.
Дашкевичъ, Н. П., 624.
Деллингсгаузенъ, бар., генер., 1828 г., 512, 543, 767—787.
Делоцкій, баккалавръ, 565.
Дельвигъ, бар., Антонъ Антон., писат., р. 1789 † 1831 г., 140—148.
Державина, Дарья Алексѣев., рожд. Дьякова, 1795 г., 635, 636.
Державинъ, Гавр. Романов., писат., р. 1743 † 1816 г., 635, 636, 737.
Державинъ, И. С., об.-свящ., 1809 г., 117.
Джуричъ, коммисіонеръ по винному откупу на Дону, 1859 г., 579, 581.
фонъ-Дибичъ, Гансъ, рыцарь, 1520 г., представит. фамиліи, 95.
Дибичъ, бар., Гансъ-Эренфридъ, подполкв. русск. служ., 1797 г., 95.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив., Ив., фельдм., р. 1785 † 1831 г., 80—110, 131, 511—544, 765—780, 783—799.
Дидье, балетмейстеръ, 616.
Дитятинъ, И., 628.
Дмитріевъ, Ѳ. М., 433, 627.
Добролюбовъ, Ник. Алексан., писатель, 394.
Добронравинъ, Ив. Семенов., протоіер., † 1842 г., 115.
Добротворскій, Н., 630.
Долгорукій, кн., Вас. Андр., ген.-адъют., шефъ жандарм., 1858 г., 323, 327, 336, 372, 374, 379.
Домбровская, 851.
Домбровскій, Ярославъ, штб.-кап., чл. центральн. польск. комит., 1862, † 1870 г., 851.
Домонтовичъ, Конст. Ив., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 335—351.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., А. М., ген.-адъют., 576.
Досиѳей, патріархъ іерусалимск., 124.
Доссъ, домовладѣлецъ, 182, 183.
Достоевскій, Ѳедоръ Мих., писат., 394.
Драгомировъ, М. И., проф., 434.
Драшусовъ, быв. чл. рязанск. присут., 1864 г., 391.
Дроздовъ, Александръ, проф. философіи рязанск. семин., 1830 г., 502, 852.
Дроздовъ, Аѳанасій, еписк. винницкій, ректор. Спб. дух. акад., 1842 г., 2.
Дружининъ, А. В., писат., р. 1824 † 1864 г., 853, 854, 866.
Дубровинъ, Н. Ѳ., 625.
Дурново, генер., 1828 г., 785.
Дуровъ, Н. П., 435.
Дылевъ, П. А., худ.-скульпт., 1873 г., 153.
Дьякова, Дарья Алексѣевна, въ замуж. Державина, 1795 г., 635, 636.
Дьякова, Марія Алексѣев., въ замуж. Львова, † 1807 г., 635.
Дювернуа, А., 627.
Дюфоръ, франц. мп-ръ юстиц., 1878 г., 395.

Е.

Евгеній (Болховитиновъ), митрополитъ кіевск., 22.
Евгеній Виртембергскій, принцъ, команд. 7 корп. русск. арміи, 1828 г., р. 1788 † 1857 г. Записки его о турецкой войнѣ 1828 г., 79—94, 527—544, 781—800; упом.: 96, 100, 433, 513, 769, 770, 775.
Евграфъ (Мурзалевскій), архимандритъ, 1809 г., 118, 122.
Евдокимовъ, Никл. Ив., впослѣдствіи графъ, ген.-лейт., начальн. лѣв. крыла Кавказ. лин., 1856 г., 294, 301—314, 802, 803, 876—878.
Евѳимій, инокъ, 124.
Егоровъ, А. Е., проф. живописи, 190.
Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г., 35, 225, 404, 408, 417, 420, 426, 428, 433—437, 443.
Елагина, Авдотья Петр., 1827 г., 259.

Елена Павловна, вел. кнг. (принцесса Виртембергская), р. 1806 † 1873 г., 335.
Еленевъ, Ѳ. П., 1860 г., 367, 814, 815.
Елисавета Алексѣевна, имп-ца, р. 1779 † 1826 г., 437.
Елисавета Петровна, имп-ца, р. 1709 † 1761 г., 35, 125, 426, 432, 443.
Еллерсъ, начальн. спб. монетн. двора, 1825 г., 187, 188.
Енохинъ, лб.-медикъ, 112.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-отъ-артил., р. 1777 † 1861 г., 97, 254, 642, 643, 852.
Есиповъ, А. И., 435.
Есиповъ, Г. В., 428, 433.
Ефименко, П. Е., 435.
Ефимьевъ, полковн., † 1828 г., 768.
Ефремовъ, генер., 1828 г., 785.
Ефремовъ, Петръ Алексд. Сообщ. по подлинной рукописи: «Посланіе А. С. Пушкина къ Н. В. Всеволожскому, 1819 г.», 191—193; замѣтка о «Родословной» А. С. Пушкина и о выходкѣ Ѳ. В. Булгарина, 671—673; упом.: 266, 276, 431, 629, 718.
Ешевскій, профсс. Моск. универс., 624.

Ж.

Желтухинъ, Алесѣй Дмит., чл. Редакц. Комм., 1859 г., редакт. «Журнала Землевладѣльцевъ», 338, 342, 348.
Желѣзновъ, Никл. Ив., чл. новгородск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 336, 349, 388.
Жеребцовъ, И. А., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 338.
Жилль, Флоріанъ Антонов., преподават. франц. яз., 1828 г., 229.
Жомини, ген., 1828 г., 86, 312, 776, 778.
Жуковскій, Василій Андр., писатель, р. 1788 † 1852 г. Составилъ подробный планъ ученія Вел. Кн. Наслѣдн. Цесарев. Александра Николаевича, въ 1826 г., 227—253; біографическій о немъ очеркъ, 254 — 268; упом.: 111, 112, 129, 145, 189—191, 225, 270—287, 365, 509, 589, 618, 706—723.
Жуковскій, Михаилъ Степ., тайн. сов., † 1836 г., 363.
Жуковскій, Степ. Мих., тн. сов., ст.-секрет., непремѣн. чл. Редакц. Комм., 1859 г., членъ и управляющ. дѣлами Главнаго Комитета объ устр. сельскаго состоянія и комитета по дѣламъ Царства Польскаго, р. 1818 † 1877 г., 226, 331—365, 384, 388, 391.

З.

Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парѳенов., директ. деп. сельск. хозяйст., чл. Редакц. Комм., 1859 г., нынѣ статсъ-секр., д. т. сов., членъ Госуд. Совѣта, 335, 340, 341, 349, 582.
Забѣлинъ, И. Е., проф., 435, 445, 622—626, 633.
Загоскинъ, Н. П., доцентъ Казанск. унив., авт. книги: «Уложеніе царя и вел. кн. Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—1649 гг.», 209; упом. 449, 628.
Загряжскій, генер., 1828 г., 84, 540.
Задлеръ, К., 428.
Заидетъ, жена Шамиля, † 1871 г., 812.
Закревскій, гр., Арсеній Андр., ген.-адъют., московск. воен. ген.-губерн., р. 1783 † 186 г., 175, 176, 320.
Залусскій, адъютантъ, 1828 г., 107, 767.
Залѣсскій, Брониславъ Францов., членъ минск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 337, 340, 348, 349.
Замысловскій, Е. Е., профес. Спб. универс. 622—624.
Зассъ, генер., 1828 г., 84.
Зауервейдъ, Алексд. Ив., проф. баталическ. живописи, 1828 г., 229.
Зебахъ, барон-са, рожд. гр-ня Нессельроде, 178.
Зейдлицъ, Н., ред. статистич. комит., 1871 г., 452.
Зернинъ, А., 428.
Зиссерманъ, А. Сообщ. замѣтку къ Запискамъ М. Я. Ольшевскаго о покореніи Кавказа 1859 г., 876—878.
Знаменскій, П., 629.
Зонтагъ, Анна Петровна, писательница, 1827 г., 259.
Зотовъ, В. М., 435.

И.

Иванинъ, М., 624.
Иванишевъ, Н. Д., проф., 599, 627.
Ивановъ, генер.-лейт., † 1828 г., 84, 90, 512, 513, 529, 767.
Ивановъ, учитель, 1830 г., 638.
Ивановъ, Алексѣй Васил., помѣщ., 549.
Иванъ Мартыновичъ, тумскій свящ., 1816 г. (отецъ Д. И. Ростиславова), 1—35, 549—553, 570, 571, 693—703.
Ивеличъ, адъют. гр. Дибича, 1828 г., 768, 771.
Ивеличъ, гр-ня, Екатерина Марковна, 1828 г., 141.
Иверсенъ, Юлій Богданов., 634.
Игнатьевъ, Владиміръ, учит. новгородск. семин., 1814 г., 116.
Игнатьевъ, Пав. Никол., генер.-адъют., † 1879 г., 379.
Иконниковъ, Влдм. Степ., проф. Кіевск. унив. Статья его: «Русская исторія въ двадцатипятилѣтіе 1855 — 1880 гг.», 423—452, 619—634. Библіограф. листокъ: отзывы о новыхъ книгахъ (на оберткѣ книгъ I—IV); упом. 226, 673.
Илинскій, П. А., авт. сочин. «Русская женщина въ войну 1877—1878 гг.», 212, 213.
Илличевскій, 1828 г., 144.
Иловайскій, Д. И., проф., 428, 435, 622—625.
Иннокентій, еписк. пензенск., 120.
Иннокентій (Борисовъ), архіеп. херсон. и таврич., извѣстный проповѣдникъ, р. 1800 † 1857 г., 112, 123, 126, 434.
Инсарскій, В. А., 433.

І.

Іеронимъ, архіер. владимір., 1807 г., 8—10.
Іеронимъ, архимандр., ректор. рязанск., семин., 1809 г., 20.
Іоаннъ, архіеп. смоленск., 126.

К.

Кавелинъ, А. А., ген.-адъют., 1837 г., 230.
Кавелинъ, К. Д., 621.
Кавосъ, К. А., 1836 г., 613, 614, 616.
Кази-Магома, старшій сынъ Шамиля, 1858 г., 304—312, 877.
Кази-Мулла, 1831 г., 876.
Калачовъ, Никл. Вас., чл. Редакц. Комм., 1859 г., нынѣ тайн. сов., сенаторъ, 209, 336, 343—350, 388, 424, 426, 431, 446, 447.
Каменскій, гр., генер., 1810 г., 84.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., ген.-адъют., мн-ръ финансовъ, 1825 г., 187—189, 230, 432.
Капгеръ, ген.-маіоръ, впослѣдствіи сенаторъ, 296.
Капо д'Истрія, гр., Іоаннъ Антонов., мн-ръ иностранныхъ дѣлъ, 1818 г., р. 1776 † 1831 г., 261.
Каптеревъ, Н., 628.
Карабановъ, Пав. Ѳедор., археологъ, р. 1767 † 1851 г., 435.
Каразинъ, Васил. Назаров., р. 1773 † 1842 г.
Каразинъ, Филадельфій Васил., 435.
Карамзинъ, Никл. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 133, 139, 145, 147, 254, 434, 439, 619, 620.
Каратыгина, Александра Мих., рожд. Колосова, артистка, 154, 156.
Каратыгина, рожд. Дюръ, † 1859 г., 157.
Каратыгинъ, Андрей Васил., артистъ, р. 1774 † 1831 г., 155.
Каратыгинъ, Василій Андр., артистъ, р. 1802 † 1853 г., 151, 157, 651.
Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ, писат., р. 1805 † 1879 г. Біографическая о немъ замѣтка и стихотворенія его, 1849—1878 г., 151—172, 651—670; упом.: 254, 433.
Каратыгинъ, Петръ Петр., ссылка на сообщ. имъ стихотворенія покойнаго отца его, П. А. Каратыгина, 151.
Карлгофъ, Никл. Ив., ген.-маіоръ, ген.-квартирмейст., 1856 г., 298.
Карнеевъ, директ. департ. горн. и солян. дѣлъ, 1825 г., 187, 188.

Карновичъ, Евгеній Петр., 435, 626.
Карповъ, Г. Ѳ., 624, 629.
де-Кастельбажакъ, маркизъ, французъ. послан. при русск. дворѣ, 1852 г., 181.
Касторскій, М. И., 1838 г., 758.
Каховскій, декабр. † 1826 г., 129.
Каченовскій, Мих. Трофимов., проф., ректор. Московск. унив., 1839 г., и издат. «Вѣстника Европы», р. 1775 † 1842 г., 620.
Кашпировъ, чиновн. особ. поруч., 679.
Квитка, Григорій (Основьяненко), писат., 1842 г., 593, 690.
Кемпфертъ, генер., 1859 г., 877.
Кернъ, Анна Петр., рожд. Полторацкая, во втор. замуж. **Маркова-Виноградская**, † 1879 г., ссылка на ея «Воспоминанія», 140—146; упом. 433.
Кесслеръ, ген.-лейт., инжен., 299.
Кирѣевскій, И. В., 1826 г., 136.
Киселевскій, членъ кіевск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 340.
Киселевъ, гр., Пав. Дмт., ген.-адъют., мн.-ръ госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., 84, 88, 175, 341, 530, 532, 765, 767, 770.
Кларъ, художн., 1826 г., 259.
Клаусъ, А., 626.
Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-адъют., главноуправл. пут. сообщенія, 173, 379.
Клингенбергъ, генер., начальн. кадетскихъ корпусовъ, 1830 г., 638.
Клобуковскій, А., дрезденскій агентъ польск. жонда, 1864 г. Открытое письмо къ нему Н. В. Берга, авт. Записокъ о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг., 678, 679.
Клодтъ, бар., скульпторъ, ссылка на бюстъ Я. И. Ростовцева, 1861 г., 371.
Клюки-фонъ-Клугенау, бар., Францъ Карл., ген.-лейт., р. 1791 † 1851 г., 301, 302.
Ключевскій, В., 626, 632.
Княжевичъ, Александръ Максимов., дс. тн. сов., 1861 г., 372, 374, 379.
Князевъ, 632.
Кобеко, Д. И. Сообщ. замѣтку: «Рубль Вел. Кн. Константина Павловича, 1825 г.», 187—189.
Ковалевскій, Евграфъ Петров., 1861 г., 379, 625.
Козловскій, Викентій Мих., ген.-лейт., нач. Кавказск. линіи, впослѣдствіи чл. генералъ-аудиторіата, † 1871 г., 292, 293.
Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедор., писатель, р. 1773 † 1846 г., 136.
Колзаковъ, Конст. Пав., ген.-маіоръ, 434.
Колзаковъ, Пав. Андр., адмир., р. 1779 † 1864 г., 434.
Коллинсъ, Эдуардъ Христіанов., акад., 1828 г., впослѣдствіи директоръ Главн. нѣмец. училища св. Петра въ Спб. 1834 г., 229.
Колосова, Александра Мих., артистка, въ замуж. **Каратыгина**, 145.
Колосовскій, Ив. Григор., ген.-маіоръ, ген.-интенд. Кавказск. арміи, 1857 г., † 1879 г., 299.
Колошинъ, Н. И., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 339, 349.
Кольцовъ, А. В., писатель, 594, 595.
Колюбакинъ 1-й, Мих. Петр., ген.-маіоръ, 296, 297.
Колюбакинъ 2-й, ген.-маіоръ, кутаисск. ген.-губернат., впослѣд. сенат., 297.
Комаровскій, гр., адъют. принца Евгенія Виртемберг., 1828 г., 89, 93, 529, 535, 537, 791.
Комовскій, 1828 г., 144.
Кондаковъ, Н., 1876 г., 633.
Конисскій, Георгій, архіеп., 125.
Константиновъ, О. И., 435.
Константиновъ, П., художн.-грав., 874.
Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн., р. 1827 г. Выдержки изъ писемъ В. А. Жуковскаго, 1840—1851 гг., 264, 265; крестьянское дѣло 1857—1861 г., 324, 372—379; рескриптъ Государя Императора 19 фев. 1861 г., 380, 381; упом.: 387, 425, 451, 715.
Константинъ Павловичъ, вел. кн. цесар., р. 1779 † 1831 г., 80, 187—189, 435.
Корсаковъ, адъют., 1828 г., 522.
Корсаковъ, Д., 1872 г., 449, 624.
Корфъ, бар., офиц., 1828 г., 89, 770.
Корфъ, гр., Модестъ Андр., чл. госуд.

сов., р. 1800 † 1876 г., 189, 226, 323, 379, 426, 429, 436, 625.
Корфъ, бар., Николай, 1861 г., 379.
Костомаровъ, Никл. Ив., акад. Статья его: «Великій Новгородъ»;—разборъ книги проф. А. И. Никитскаго: «Очеркъ внутр. исторіи церкви. въ Вел. Новгородѣ», 194—208; біографич. очеркъ: «Поэтъ Тарасъ Григор. Шевченко», 587—610; упом.: 394, 435, 439, 622—631.
Костровъ, кн., Н., 1876 г., 626.
Костюжинскій, чл. кіевск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 340.
Котляревскій, А. А., 625.
Кохановъ, ген.-маіоръ, 1831 г., 876.
Кочетовъ, Владиміръ, ректъ. Харьковск. унив., 565, 566, 569.
Кочетовъ, Іоакимъ Семен., докт. богословія, чл. акад. наукъ, р. 1790 г., 120.
Кочубей, кн., Александръ, 1861 г., 379.
Коялович, М. О., 630.
Краевскій, А. А., род. 1810 г., 740.
Краевскій, Августъ, студ. варшав. Главн. школы, 1863 г., 676.
Красильниковъ, Семенъ, семинар. рязанск., 1809 г., 20.
Крачковскій, Ю., 630.
Крашевскій, польск. писат., 679.
Креницынъ, А. Н., великолуц. помѣщ. (псевдонимъ бар. Пузинъ), † 1865 г., 165—167.
Кривцовъ, Серг. Ив., декабр., † 1864 г., 263.
Криновскій, Гедеонъ, еписк. псковск., 1762 г., 125.
Кронштейнъ, Карлъ Васил., помѣщ., 552.
Кропотовъ, Д. А., † 187., 625.
Крузе, Никл. Ѳедор., ценсоръ, 1856 г., 424.
Крузенштернъ, Алексѣй Ѳедор., тн. сов., директ. канцел. намѣст. кавказск., 1858 г., впослѣд. ст.-секрет., 300.
Крушевскій, генер., † 1828 г., 776.
Крыловъ, Алексд. Дмитр., тн. сов. Изъ Записокъ его: «Къ исторіи отмѣны винныхъ откуповъ въ Россіи, 1858—1862 гг.» 573—586.
Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., 142, 143, 182, 184.
Кудрявцевъ, П. Н., проф., 736.
Кузьминъ, офиц., 1828 г., 779.
Кукольникъ, Несторъ Васил., писат., 171, 184, 191, 617.
Кукольникъ, Н. И., 1879 г., 452.
Кулишъ, П. А., 435, 624.
Куникъ, А. А., акад., 448, 449, 623, 634.
Кутузовъ, гр., Пав. Вас., ген.-адъют., 1825 г., 636.
Кутузовъ, гр., 1837 г., 737.
Кушелевъ, гр., капит., 1828 г., 89, 532, 799.
Кушелевъ, сенат., 436.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карл., писат., декабр., р. 1797 † 1846 г., 129, 254, 255, 434.

Л.

Лавровскій, Н. А., 632.
Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь (Петръ Иванов.), воспитат. вел. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1754 † 1838 г., 268, 434.
Ладюрнеръ, франц. художн., проф. баталическ. живописи, 190.
Лазаревскій, А., 624.
Лазаревъ, Мих. Петр., адмир., † 1854 г., 644.
Ламанскій, В. И., профессоръ, 445.
Ламанскій, Евгеній Ив., чл. Редакц. Комм., 1859 г., нынѣ тайн. сов., управляющ. госуд. банкомъ, 340, 341, 349.
Лангеръ, 1828 г., 144.
Ланжеронъ, гр., главный начальн. войскъ въ Дунайск. княжеств., 1828 г., 767, 777—780.
Ланской, гр., Серг. Степ., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1856 г., р. 1787 † 1862 г., 320—330, 352, 353, 372—382.
Ларіонъ Герасимовичъ, причетникъ, (прадѣдъ Д. И. Ростиславова), 7.
Ласковскій, преподават. фортификаціи, 1836 г., 230.
Ласковскій, 1858 г., 634.
Лачиновъ, помѣщ., 462, 463.
Лашнюковъ, И. В., 1874 г., 622, 632.
Лебедевъ, П. С., генер., 1864 г., 434, 435, 625.

Леве, берлинск. артистка-пѣвица, 1837 г., 755, 758.
Левенштернъ, бар., генер., начальн. артил., 1828 г., 84.
Левенштерсонъ, генер., 174.
Левицкій, О. И., 624.
Левицкій, С. Л., художн.-фотографъ, 871—876.
Левшинъ, Алексѣй Иракліев., товар. мн-ра внутр. дѣлъ, 1856 г., 320, 356.
Лейденъ, авт. книги: «Труды третьяго международн. съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петерб. въ 1876 г.», 209.
Лемерсье, литографъ, 875.
Леонидъ, іеромонахъ, 1878 г., 435, 629.
Леонова, Дарья Мих., артистка, 1836 г., 615.
Леоновъ, артистъ, 1836 г., 615.
Леонтій Герасимовичъ, шеянскій дьячокъ, 7, 8.
Леонтовичъ, Ѳ. И., 449, 627.
Леопольдовъ, кандид. Моск. унив., 1827 г., 146.
Лешковъ, В. Н., 627.
Лидерсъ, генер., 1845 г., 878.
Лимановской, Владм. Антонов., полковн., правит. канцел. намѣст. кавказ., 1856 г., впослѣдствіи начальн. штаба кавказ. округа, 298, 299.
Лимаръ, Іона, 587.
Липпманъ, Ѳед. Ив., преподават. всеобщей исторіи, 1829 г., 229.
Литке, гр., Ѳед. Петр., адмир., р. 1797 г., 379.
Лобановъ, 1828 г., 516.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борисов., ст.-секрет., полномочн. посолъ въ Константинополѣ, нынѣ посолъ въ Лондонѣ, 435.
Логановскій, о. Михаилъ, свящ., 1824 г., 508.
Ломоносовъ, Мих. Васил., акад., р. 1711 † 1765 г., 436.
Лонгиновъ, Мих. Никл., 429, 631.
Лопатинскій, Ѳеофилактъ, чл. синода, 1728 г., 124.
Лопухинъ, офиц., † 1828 г., 90, 528, 529, 534, 798.
Лоренцъ, акад., 424.
Лореръ, Никл. Ив., декабр., 263.
Лохвицкій, А. В., 627.
Лугининъ, поруч., 1828 г., 88, 534.
Лужинъ, москов. об.-полицмс., 1849 г., 176.
Лукашъ, ген.-маіоръ, нач. Тифл. губ., 296.
Львова, Елисавета Никол., р. 1788 † 1864 г., Разсказы и анекдоты ея, 635—650.
Львова, Марія Алексѣевна, рожд. Дьякова, † 1807 г., 635.
Львовъ, Алексѣй Ѳедор., инжен., композит., директ. придворной пѣвческой капеллы, 1854 г., 635—650.
Львовъ, Васил. Ѳедор., офиц., 638.
Львовъ, Илья Ѳедор., офиц., 638.
Львовъ, Никл. Алексдр., тн. сов., писат., † 1803 г., 635, 636.
Львовъ, Никол. Ѳедор., офиц., 638, 639.
Львовъ, Петръ Ѳедор., офиц., 638, 639.
Львовъ, Ѳед. Петр., директ. придв. пѣвческой капеллы, † 1835 г., 635—646.
Любощинскій, Маркъ Никл., чл. Редакц. Комм., 1859 г., нынѣ д. тайн. сов., сенаторъ, 336, 343—350, 360, 388.
Людовикъ-Филиппъ, кор. франц., 1848 г., 179—181.
Люцероде, 1838 г., 618.

М.

Магницкій, Мих. Леонт., р. 1778 † 1844 г. 497.
Мадатовъ, кн., Валеріанъ Григор., ген.-лейт., р. 1782 † 1829 г., 512, 513, 543, 767, 772, 779, 783, 789, 793.
Мадзелевскій, чл. кіевск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 340.
Майковъ, Леонидъ Никол., писат., 622, 854.
Макарій (Михаилъ Булгаковъ), архіеп. литовскій, нынѣ митропол. москов., р. 1816 г., 123, 126, 445, 629, 630, 633.
Максимовичъ, М. А., 631.
Максимовъ, Алексѣй Мих., драмат. артистъ, † 1861 г., 656.
Макушевъ, В., 625.
Макшѣевъ, А. И., 435.
Маловъ, протоіер., проповѣдн., почетн. членъ Росс. акад., 499.

Мальгина, Надежда Герасимовна, рожд. Павская, 112.
Манзей, генер., 1828 г., 780.
Мантейфель, гр., фл.-адъют. 1828 г., 790, 791, 794.
Манштейнъ, авторъ «Записокъ о Россіи 1725—1744 г.», 425.
Марія Александровна, Государыня Императрица, р. 1824 г., 220, 263, 264, 806.
Марія Николаевна, вел. кн., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 † 1876 г., 284, 285, 288, 714—719.
Марія Ѳеодоровна, имп-ца, р. 1759 † 1828 г., 79—81, 96, 255, 257, 437.
Маркевичъ, А., 449.
Мартенсъ, Ф., проф., составитель «Собранія трактатовъ и конвенцій, заключ. Россіею съ иностр. державами», 211, 212, упом. 451.
Мартосъ, Ив. Петр., дс. ст. сов., ректакад. худ., скульпт., р. 1753 † 1835 г., 190.
Мартыновъ, Алсд. Евстаф., артистъ, † 1860 г., 154.
Мартыновъ, А., 1873 г., 633,
Мартынъ Ларіоновичъ, свящ., 1816 г. 7—20, 699—702.
Машковъ, поруч., 1852 г., 878.
Медвѣдевъ, Сильвестръ, 124.
Медемъ, бар., капит., 1864 г., 214.
Межовъ, В. И., составитель библіографическихъ указателей, 210, 211, 428, 633, 852.
Мей, Л. А., поэтъ, писатель, 854.
Мейендорфъ, бар., 1861 г., 379.
Мейерберъ, композит., 645, 752.
Мейеръ, ген.-лейт., начальн. артил. кавказск. арміи, 1857 г., 299.
Меликовъ, капит. 2-го ранга, 1828 г., 105.
Меликовъ, кн., Леванъ Ив., начальн. Лезгинск. лин., 1854 г., нынѣ помощн. Намѣстн. Кавказ., 296, 311, 803.
Мелиховъ, Василій, 1861 г., 379.
Мельниковъ, П. И., 430, 630.
Мендельсонъ - Бартольди, 1837 г., 751, 752.
Меншиковъ, кн., Алсд. Серг., адмир., р. 1787 † 1869 г., 84, 86, 103, 173—178, 379, 434, 513, 522, 523, 543, 770, 780, 843.
Мердеръ, К. К., ген.-маіоръ, воспитатель Вел. Кн. Наслѣдн. Цесар., 1833 г. † 1834 г., 230, 260, 261, 270, 280—285.
Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедор., проф. Моск. унив., поэтъ, р. 1778 † 1830 г., 136.
Меттернихъ, кн., австр. госуд. канцл., р. 1773 † 1859 г., 436.
Мещерскій, кн., Петръ Серг., об.-прокур. синода, 1826 г., 706.
Мигринъ, Иванъ Ив., черномор. казакъ, р. 1770 г., † 186., 434.
Миллеръ, метръ д'отель импер. Николая Павловича, 649.
Миллеръ, В., 631.
Миллеръ, Орестъ Ѳедор., проф., 435, 631.
Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., спб. воен. губернат., † 1825 г., 637.
Милюковъ, А. П. Сообщ. историко-литературн. очеркъ, по поводу портрета писателей: И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, гр. Л. Н. Толстого, А. Н. Островскаго, Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина, 853—871.
Милютинъ, В. А., авторъ соч. «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи», 1858 г., 425, 430, 628.
Милютинъ, графъ, Дмт. Алексѣев., ген.-маіоръ, начальн. главн. штаба кавказ. арміи, 1856 г., нынѣ генер.-отъ-инфант., ген.-адъютантъ, военный министръ, 298, 314, 625, 878.
Милютинъ, Никл. Алексѣев., товар. мн-ра внутр. д., членъ Редак. Комм., 1859 г., потомъ чл. Госуд. Совѣта, р. 1818 † 1872 г., 226, 335—362, 364, 383—392.
Милютинъ, Юрій Никл. Сообщ. письма Никл. Алексв. Милютина къ Юрію Ѳед. Самарину, 1859 и 1861 гг., и Я. А. Соловьеву, 1864 г., 388—392.
Мироновъ, о. Никифоръ, свящ., благочинный, 1816 г., 700.
Михаилъ Николаевичъ, Вел. Кн. р. 1832 г., 379, 804, 809.
Михаилъ Павловичъ, вед. кн., р. 1798 † 1849 г., 64, 83, 87, 101—107, 524, 636, 639.
Михельсонъ, Ив. Ив., ген.-отъ-инф., р. 1740 † 1807 г., 363.

Мицкевичъ, Адамъ, писат., 1826 г., 136, 144, 594, 595.
Моисей, архимандр., баккалавръ Спб. дух. акад., 1814 г., 505.
Мокрицкій, Аполлонъ, ссылка на его «Воспоминаніе о Брюлловѣ», 189.
Молоствовъ, полковн., 1828 г., 534—537, 784, 785, 793.
Мордвиновъ, гр., Никл. Семен., адмир., морск. мн-ръ, р. 1753 † 1845 г., 436.
Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ, 624—626.
Морозовъ, помѣщ., 492.
Морошкинъ, М. Я., 439, 630.
Морошкинъ, Яковъ Лукичъ, свящ., 434.
де-Мортемаръ, герцогъ, франц. послан., 1828 г., 92.
Мрачекъ-Дроздовскій, 627.
Музовскій, Николай Васил., духовн. ихъ императ. величествъ, 1835 г., 716.
Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ив., декабр., 263.
Муравьевъ, гр., Мих. Никол., ген.-отъ-инф., ген.-губерн. въ Западномъ краѣ, р. 1796 † 1866 г., 323—334, 372, 374, 379, 433.
Муравьевъ, Никита Мих., капит., декабр., р. 1797 † 1843 г., 129.
Муравьевъ, Никл. Никл., ген.-адъют., Кавказск. намѣстн., 1855 г., р. 1793 † 1866 г., 290.
Муральтъ, пасторъ, основат. реформатской школы въ С.-Петерб., 1827 г., 229, 735.
Мурзакевичъ, Никл. Никифор., 444.
Мухаммедъ-Шефи, сынъ Шамиля, 1860 г., 807, 810.

Н.

Нагель, ген.-маіоръ, 1828 г., 88, 89, 528, 533, 538, 541, 785, 789, 791, 794, 795.
Надеждинъ, 632.
Назаровъ, ген.-маіоръ, 297.
Назимовъ, Влдм. Ив., ген.-адъют., виленск. ген.-губернат., 1856 г., р. 1802 † 1874 г., 321, 324, 325, 377, 378.
Назимовъ, Мих. Алсд., декабр., 263.
Наполеонъ I, импер. франц., 96, 97, 377, 677.
Наполеонъ III, импер. франц., 1853 г., 181.
Невѣровъ, Януарій Мих. Сообщ. свои Воспоминанія «Тимоѳей Николаевичъ Грановскій, проф. Моск. унив., 1834—1856 г.», 731—764.
Неведеновъ, А., 631.
Некрасовъ, И., 631.
Некрасовъ, Никл. Алексѣев., поэтъ, писат., р. 1821 † 1877 г., 387, 394, 871.
Нессельроде, гр., Карлъ Вас., канцл., р. 1780 † 1862 г., 379.
Нессельроде-сынъ, гр., 178.
Неустроевъ, А. Н., 633.
Никитниковъ, Г., 1863 г., 629.
Никитскій, А. И., проф., авт. книги: «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ», 194—208; упом. 435, 624.
Николай I, Императ., р. 1796 † 1855 г. Переписка съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, 1828—1830 гг., 95—110, 511—526, 765—780; предсмертныя слова, обращенныя къ Его Высоч. Наслѣднику Цесаревичу Вел. Кн. Александру Николаевичу, 18 фев. 1855 г., 215. Упом.: 79—100, 129—139, 146, 173—183, 188, 189, 255—285, 321, 376, 377, 394, 404, 436, 510, 531—544, 574, 618, 636—650, 654, 674, 675, 705—723, 783—800.
Николай Николаевичъ-Старшій, Вел. Кн., р. 1831 г., 222, 379, 804.
Никольскій, Т. Ѳ., 120.
Никулина-Косицкая, Люб. Павл., артистка Имп. московск. театр., р. 1829 † 1868 г., 434.
Нильскій, артистъ, 660.
Нильскій, И., 630.
Ничипоренко, Ив., казакъ, 588.
Новакъ, гувернеръ, 185.
Новиковъ, В. А., авторъ «Сборника матеріаловъ для исторіи уфимск. дворянства», 211.
Норовъ, Абрамъ Серг., мн-ръ народн. просв., писат., 141, 176, 379, 423.
Ностицъ, ген.-маіоръ, 1828 г., 785, 794, 796.

О.

Оболенскій, кн., Д. А., 435.
Обручевъ, Н. Н., 450.
Огородниковъ, Е. К., 623.
Одоевскій, кн., Александръ Ив., поэтъ, декабр., р. 1804 † 1839 г., 255.
Одоевскій, кн., Владм. Ѳедор., сенат., писат., † 1875 г., 190.
Ознобишинъ, 576.
Окуневъ, Андр. Ив., протоіер., 120.
Оленина, 1828 г., 140, 143.
Олениныъ, Алексѣй Никл., президъ. акад. худож., † 1842 г., 112, 508.
Олинъ, 255, 256.
Ольга Николаевна, вел. кнг., въ супруж. королева Виртембергская, р. 1822 г., 269, 284, 285, 288, 645, 646, 714—719.
Ольденбургскій Принцъ, Петръ Георгіев., р. 1812 г., 379.
Ольдриджъ, Айра, африканскій трагикъ, 1860 г., 651.
Ольшевскій, Мелетій Яковл. Сообщ. изъ Записокъ его: «Кн. А. И. Барятинскій, 1856—1861 гг. Кавказъ и покореніе восточной его части», 289—318; «Приказы по войскамъ кн. А. И. Барятинскаго, 1856—1859 гг.», 781—804; «Письма къ нему Шамиля и его женъ 1859—1871 гг.», 806—812; упом.: 435, 876—878.
Омеръ-Вріоне, турец. военачальн., 1828 г., 780, 783, 786.
Онуфріевъ, сотн. войска донск., ссылка на переводъ писемъ Шамиля князю А. И. Барятинскому, 1869 г., 809, 810.
Опатовичъ, о. С. И., 435.
Оранскій принцъ, 80.
Орбеліани, кн., Григор. Дмт., начальн. Прикаспійск. края, 1856 г., нынѣ чл. госуд. сов., 295, 300.
Ореусъ, Ив. Ив., 435.
Орловъ, кн., Алексѣй Ѳедор., ген.-адъют., предсѣдат. госуд. сов., † 1861 г., 320—345, 365, 540, 637, 643—649.
Орловъ, А. Ѳ., протоіер., ссылка на «Некрологъ Г. П. Павскаго», 111, упом.: 113, 114, 117, 718.
Орловъ, Гераснмъ Алексдр. Сообщ. изъ бумагъ дѣда его, протоіер. Герас. Петр. Павскаго, составлен. Вас. Андр. Жуковскимъ 1826 г., «Подробный планъ ученія Вел. Кн. Наслѣдн. Цесар. Александра Николаевича», 227—253; упом.: 113, 276.
Орловъ, Мих. Ѳедор., полковн., фл.-адъют., 1812 г., † 1842 г., 434.
Орловъ, Н. М., 435.
Осипова, Марія Ив., 130, 131.
Осипова, Прасковья Алксд., въ первомъ замуж. **Вульфъ**, р. 1780 † 1859 г., 130—132, 140, 674.
Остенъ-Сакенъ, бар., ген.-маіоръ, 1829 г., 146, 147.
Остерманъ-Толстой, гр., Алексд. Ив., ген.-адъют., 642.
Островскій, А. Н., писат., 657, 660, 871, 853, 855, 867—870.
Островскій, Мих. Никл., чиновн. особ. поруч. при симбир. губернаторѣ; нынѣ статсъ-секретарь, тайн. сов., членъ госуд. совѣта, 679—680.
Остроменко, генер., † 1828 г., 799.

П.

Пааръ, гр., генер.-адъют. фельдмарш. кн. Шварценберга, 1815 г., 186.
Павелъ I, импер., р. 1754 † 1801 г., 95, 96, 376, 437, 443.
Павлищевъ, 625.
Павловъ, А. С., 628.
Павловъ, Никл. Никл., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 335, 349, 354, 360, 388.
Павская, Евѳимія Андр., рожд. Граціанская, † 1824 г., 498, 507—509, 720.
Павскій, Гераснмъ Петровичъ, протоіер., законоучит. Вел. Кн. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и вел. княж. Ольги Николаевны и Александры Николаевны, въ 1826—1835 гг., р. 1787 † 1863 г. Біографическій о немъ очеркъ, 111—128; 269—288; 495—510; 705—730; упом.: 225, 229, 230, 253, 262, 434, 852.
Паленъ, гр., Петръ, 1861 г., 379.
Панаевъ, Аркадій Алексдр., 434.

Панаевъ, В. А. Сообщ. біографич. замѣтку: «Мих. Григор. Хомутовъ, наказной атаманъ войска Донскаго», 843—850.
Панаевъ, Вдм. Ив., писат., 439.
Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юст., 226, 330, 336, 353, 368—381, 394.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Ѳед., фельдмарш., † 1856 г., 97, 146, 147, 363, 436, 524.
Паскевичъ, кн., Ѳед. Ив., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 338, 342, 348, 349.
Пассекъ, Татьяна Петр., рожд. Кучина, ссылка на ея «Воспоминанія», 254, 434, 595.
Паули, пасторъ, 1836 г., 743, 744, 749.
Паули, писат., 1862 г., 626.
Паулучи, маркизъ, Филиппъ Осипов., рижскій ген.-губернат., 638.
Пахманъ, С., 627.
Пекарскій, П. П., акад., † 1872 г., 428, 449, 631.
Пеликанъ, Е., 451.
Первольфъ, І. Сообщ. замѣтку: «Императоръ Александръ I въ южной Чехіи, 1815 г.», 185—187.
Перетятковичъ, Г., 626.
Перовскій, начальн. штаба осадн. войскъ, 1828 г., 523.
Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1849 г., 175, 180.
Пестель, Пав. Ив., декабр., † 1826 г., 129.
Петрова, Анна Яковл., рожд. Воробьева, артистка. Воспоминанія ея по поводу 500-го представленія оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя», 611—617.
Петровскій, Петръ Степан., художн., 589—591.
Петровскій, С., 627.
Петровъ, проф. санскритск. языка, 763.
Петровъ, А. Н., 624.
Петровъ, Осипъ Аѳанасьев., оперный арт., † 1877 г., 611—616.
Петровъ, П. Н., 435, 636.
Петръ I, императ., р. 1672 † 1725 г., 35, 124, 225, 404—408, 421, 426, 428, 711.
Петръ III, Ѳедоровичъ, импер., р. 1728 † 1762 г., 437.
Плаксинъ, издат. «Лѣтописи факультетовъ», 504.
Платовъ, гр., Матв. Ив., ген.-отъ-кавал., наказн. атам. войск. Донск., основат. гор. Новочеркасска, р. 1751 † 1818 г., 846, 850.
Платонъ (Левшинъ) митроп. московск., 125, 126.
Плаутинъ, полковн., 1828 г., 536.
Плетневъ, Петръ Алексдр., писат., 147, 190, 229, 738.
Плюшаръ, издатель «Энцикл. Лексикона», журнала «Весельчакъ», 171, 172, 739, 756.
Побѣдоносцевъ, К. П., тайн. сов., членъ госуд. совѣта, 627.
Погодинъ, Мих. Петр., академ., р. 1800 † 1875 г., 3, 136—138, 170, 386, 403, 404, 428, 433, 436, 620—625, 728.
Подвысоцкій, А., 625.
Подолинскій, писат., 1828 г., 144, 145.
Пожалостинъ, Ив. Петр., акад., граверъ на стали, 365.
Позенъ, Мих. Павл., чл. полтавск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 325—348.
Позье, придворн. бриллiанщикъ, 1737—1766 г., 434.
Покровскій, переводчикъ, 498, 499.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣев., писат., 1857 г., 656.
Полевой, Никл. Алексѣев., писат., р. 1796 † 1846 г., 656, 756.
Полевой, П. Н., авт. соч. «Очеркъ русской исторіи въ памятникахъ быта», 212; упом. 634.
Полежаевъ, П. В., 624.
Поликарпъ, архимандр., ректор. Спб. семин., 1814 г., 505.
Полторацкій, тверск. губернск. предводит. дворянства, 174.
Полуденскій, М. П., 433.
Полѣновъ, А. Я., 433.
Помяловскій, И. В., проф. Сообщ. «Разсказы, замѣтки и анекдоты изъ Записокъ Елисав. Никл. Львовой, р. 1788 † 1864 г.», 635—650.
Пономаревъ, Ѳ. П., художн., 1840 г., 589, 590.
Поповъ, Алсд. Никл., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 336, 433, 435, 439, 445, 632, 641.

Поповъ, Е., 629.
Поповъ, М. М., ссылка на его статью «Новые матеріалы къ біографіи А. С. Пушкина», 133, упом. 435.
Поповъ, Нилъ Алексд., проф., 428, 430, 435, 621, 625.
Порошинъ, чл. виленск. по крест. дѣл. ком., 1859 г., 339.
Порфирій, епископъ, 444.
Порфирьевъ, И. Я., 631.
Потанинъ, Г., 447.
Потаповъ, 1828 г., 512, 776.
Потемкинъ, 1828 г., 102.
Потѣхины, Алексѣй и Николай Антиповичи, писатели, 657.
Пржецлавскій, Пав. Гиляров., полковн. Ссылка на его Записки: «Шамиль и его семья въ Калугѣ», 313, 434.
Прилежаевъ, ссылка на его статью о Великомъ Новгородѣ, 199—201.
Прозоровскій, Д. И., 445, 634.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, архіеп. новгор., р. 1681 † 1736 г., 124, 125.
Протопоповъ, С. В., священ., ссылка на его: «Очеркъ жизни Г. П. Павскаго», 111—114, 120, 122, 288, 718.
Прохоровъ, В. А., 633.
Пряшниковъ, Ѳед. Ив., спб. почтъ-директ., 1861 г., 379.
де-Пуле, М. Ѳед., 433, 632.
Пупаревъ, А. Г., 435, 451.
Путята, Н. В., 433.
Пушкина, Надежда Осип., рожд. Ганнибалъ, 141.
Пушкинъ, Алсдр. Серг., поэтъ, писатель, р. 1798 † 1837 г., 129—148, 189—193, 254, 257, 262, 433, 594, 595, 659, 671—675, 737, 738, 854.
Пушкинъ, Левъ Серг., 129, 141.
Пыпинъ, Алсдр. Никл., писатель и ученый, 439, 625, 631.
Пьяже (Piaget), 1837 г., 749.
Пятковскій, А. П. Сообщ. замѣтку о А. С. Пушкинѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ, 1826 г., 673—675; упом.: 435, 631.

Р.

Радецкій, гр., австр. фельдмарш., 178.
Райковскій, А. И., проф. Спб. духовн. акад., 1833 г., † 1836 г., 1, 120.
Раичъ, 1826 г., 136.
Рамазановъ, Никл. Алсдр., художн. скульпт., р. 1815 † 1867 г., 189.
Ранке, проф., 1836 г., 745, 746.
Ратманова, Л. А., псковская помѣщица, въ замуж. Жуковская, 363.
Ратчъ, Василій Ѳедоровичъ, генер.-лейтен., † 186. г., 625.
Раумеръ, проф., 1836 г., 746.
Реадъ, Никл. Алксдр., ген.-адъют., † 1855 г., 102.
Рейнгольдъ, Алексд. Романов., учит. каллиграфіи, 1828 г., 229.
Рейтернъ, Мих. Христоф., чл. Редакц. Комм., 1859 г., нынѣ статсъ-секретарь, д. т. совѣтн., чл. госуд. совѣта, 340, 341.
Ремезовъ, Аѳанасій, свящ., 466.
Рибопьеръ, гр., 1861 г., 379, 646.
Ридигеръ, ген., † 1828 г., 84, 90, 91, 513, 527—542, 799.
Рикордъ, Людмила Иван., вдова адмирала, род. 1794 г., 434.
Ристори, Аделаида, артистка, 1861 г., 652, 657.
Риттеръ, проф., 1836 г., 745.
Риттихъ, 623, 626.
Ровинскій, Д. А., 445, 633, 873.
Роговичъ, П. И., студ. Спб. унив., 1834 г. нынѣ сенат., тн. сов., 732.
Роговскій, Палладій, докт. богослов., 125.
Родіоновъ, Дмитрій П. Сообщ. замѣтку «Князь Петръ Черкасскій, губернаторъ симбирскій», 679, 680.
Розановъ, Н. П., 1869 г., 448, 629.
Розенъ, бар., писат., 145.
Розенъ, бар., Андрей Евгеніев., декабристъ, 263.
Рокасовскій, бар., П., 1861 г., 379.
Романовичъ-Словатинскій, А. В., 627.
Рословъ, П., 131.
Ростиславова, Елисав. Ив., 22, 23.
Ростиславова, Наталія Ив., 22, 23.
Ростиславовъ, Дмит. Ив., проф. Спб.

духовн. акад., р. 1809 † 1877 г. Записки его: гл. I — VI, 1—38; 545 — 572; 681—704; упом.: 122, 628.
Ростовцева, гр-ня, Вѣра Никл., 1861 г., 370, 371.
Ростовцевъ, гр., Яковъ Ив., ген.-адъют., предсѣд. Редакц. Комм., 1859 г., р. 1803 † 1860 г., 158, 226, 323—360, 365—374, 378, 384, 388; предсмертная всеподд. Записка его о крестьян. дѣлѣ, † 6-го февраля 1860 г., 813—842.
Ротъ, генер., команд. 6-го корп., 1828 г., 83, 772, 776—779.
Рудзевичъ, генер., команд. 3-го корп., 1828 г., 79, 82, 84, 87, 768, 769, 775.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Алексд., фельдм., р. 1725 † 1796 г., 363.
Румянцевъ, В. Е., 1872 г., 634.
Рунгенъ-Гагенъ, контрапункт., 1837 г., 755.
Руничъ, Дмт. Пав., дс. ст. сов., попечит. Спб. учебн. окр., 112, 282, 497, 504.
Руновскій, полковн., 1859 г., 805.
Рущинской, Л. В., 626.
Рыбниковъ, В. И., 631.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедор., декабристъ, поэтъ, писат., р. 1795 † 1826 г., 129, 671.
Рѣпинскій, Григор. Козьмичъ, сенаторъ, 436.
Рябининъ, Д. Д., писатель, 435.

С.

Сабининъ, С. К., протоіерей, 496, 497.
Сабуровъ, адъют., 1825 г., 189.
Савва, епископъ, 443.
Савваитовъ, П. И., 445, 633.
Савельевъ, П. С., 445.
Сазоновъ, 1828 г., 524.
Саксъ, докт., еврейскій филос., 1838 г., 759.
Салтыковъ, Мих. Евграфовичъ, (Щедринъ), писат., р. 1826 г., 394, 871.
Самаринъ, Н. Ѳ., 436.
Самаринъ, Юрій Ѳедор., чл. самарск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 336 348—354, 362, 384, 388—392, 435, 630 659, 679, 680.
Самойловъ, Василій Васил., артистъ, 152, 434, 659.
Самоквасовъ, Д. Я., 628.
Санцовъ, Д. И., 1857 г., 633.
Саранчевъ, Д. А. Сообщ. отрывокъ изъ историч. очерка: «Судебные уставы и новые суды, 1862—1864 гг.», 393—402.
Свіязевъ, Ив. Ив., акад., проф. архитектуры, 434.
Свѣчинъ, генер., 1828 г., 523, 770, 780.
Сгибневъ, Алексд. Павл., команд. перваго Амурск. парох. «Аргунь», 436.
Севербрикъ, Ив. Ефимов., учит. фехтованія, 1829 г., 229.
Селифонтовъ, Никл. Никл., статсъ-секретарь, тайн. сов., товарищъ мин—ра путей сообщенія, 436.
Семевскій, Вас. Ив., кандидатъ Спб. универс., писатель, род. 1848 г., 436, 439.
Семенова, Дарья Ѳедор., 647.
Семеновъ, В. Н., 1859 г., 817.
Семеновъ, Герасимъ, причетн., 549.
Семеновъ, Никл. Петр., чл. Редакціон. Комм., 1859 г., авт. статьи «Дѣятельность Я. И. Ростовцева въ Редакц. Комм. по крестьянск. дѣлу», нынѣ тайн. совѣтн., сенаторъ, 336, 343 — 354, 360, 367, 388.
Семеновъ, Петръ Петр., завѣдующ. дѣлами Редакц., Комм., 1859 г., нынѣ тайн. сов., директоръ центр. статистич. комитета, вице-президентъ Император. Русскаго Географ. общества, 334—360, 367, 447, 814—818, 842.
Сенковскій, Осипъ Иван. (Брамбеусъ), проф. Спб. унив., писатель, † 1858 г., 170—172, 732—735.
Сенявинъ, Левъ, 1861 г., 379.
Серафимъ, спб. митроп., р. 1759 † 1843 г., 281, 510, 705—719.
Сербиновичъ, Конст. Степ., тайн. сов., † 1874 г., 434, 732.
Сергій (Платоновъ-Крыловъ), архимандритъ, 1809 г., 118, 122.
Сергѣевичъ, В. И., профессоръ, 439, 627, 628.
Сердюкова, Л. М. Сообщ. Записки Богуславскаго, 173—184.
Серезевскій, инспект. рязанск. семин., 1809 г., 20.
Сибирскій, кн., А., 444.

Сигмундъ, берлинск. негоціантъ, 1837 г., 749.
Сигмундъ, Эмма, въ замуж. Гервигъ, 749.
Сидонскій, Θед. Θед., протоіер., преподават. философіи Спб. унив., 120, 123, 126.
Симанскій, генер., 1828 г., 543, 783—785.
Симашкевичъ, М., 630.
Синовскій, В. Д., авторъ книги «Родная Старина», 212.
Скамони, Георгій Никл., художникъ, 872—876.
Скребицкій, авт. книги: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II», ссылка на его книгу, 353.
Славинецкій, Епифаній, 124.
Смиречанскій, В., 629.
Смирнова, А. О., ссылка на ея «Воспоминанія», 256.
Смирновъ, А. П., чл. владимірск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 349, 350.
Смирновъ, Давидъ Степ., мѣщан. тумскій, 563, 564.
Смирновъ, С., 632.
Смирягинъ, наставн. Спб. семинар., 568.
Смиттъ, 625.
Смышляевъ, Д. И., 1876 г., 452.
Соболевскій, С. А., 1826 г., † 1870 г., 133, 136, 141, 673.
Соколовскій, П. А., 626.
Соколовъ, помощн. полиціймейстера въ акад. худож., 590, 591.
Соколовъ, Д. В., священникъ, 1836 г., 743, 745.
Солиманъ, султанъ турец., 1520 г., 95.
Солнцевъ, Θед. Григор., археологъ, профессоръ живописи, 434.
Соловьева, Ольга Алексѣевна, вдова сенатора. Сообщ. Записки своего мужа Я. А. Соловьева: «Крестьянское дѣло 1856—1859 гг.», 319—362.
Соловьевъ, П. И., 445.
Соловьевъ, Серг., Мих., акад., профес.-историкъ, р. 1820 † 1879 г., 196, 206, 394, 428, 434, 436, 439, 619—621, 625.
Соловьевъ, Яковъ Алсдр., тп. сов., сенат., непремѣнн. чл. Редакц. Комм., † 1876 г. Отрывки изъ Записокъ его «Крестьянское дѣло 1856—1859 гг.», 319—361; упом.: 226, 362, 366, 384, 388—392.
Софія Алексѣевна, царевна-правител., р. 1657 † 1704 г., 35.
Сощенко, Ив. Максимов., художникъ, 1837 г., 588, 599.
Спасскій, 444.
Сперанскій, гр., Мих. Мих., чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., 117, 175, 230, 426, 429, 436.
Спицынъ, бурмистръ, 696, 697.
Срезневскій, Измаилъ Ив., акад., † 1880 г., 445, 448, 630, 632.
Станкевичъ, Алексд. Владим., воронежскій помѣщ., 733, 764.
Станкевичъ, Никл. Владимір., 1834 г., 731—763.
Стасовъ, Владим. Вас. Сообщ. замѣтку: «Отзывъ В. А. Жуковскаго о Брюлловѣ», 189—191; упом. 436.
Статковскій, инжен.-подполк., 1860 г., нынѣ дс. ст. сов., 318.
Степанова, артистка, 1836 г., 612, 615.
Степановъ, П. А., 436.
Стефанія, вдовствующ. вел. герцогиня Баденская, 751.
Стоговъ, Эразмъ Ив., полковн., 434.
Стрекаловъ, ген.-адъют., тифл. воен.-ген.-губернат., 1829 г., 146, 147.
Стрекаловъ, Θ., 633.
Строгановъ, гр., Сергій Григорьевичъ, генер.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, 1861 г., 379.
Строевъ, П. М., ссылка на «Списки іерарховъ», 441.
Строевъ, С., 1837 г., 742, 757, 760.
Струговщиковъ, А. Н., писатель, 189—191, 434.
Студенкинъ, Гавр. Ильичъ, 436.
Стурдза, А. С., 434.
Субботинъ, Н. И., 629, 630.
Суворовъ-Рымникскій, кн., Алсдр. Вас., генералис., 1729 † 1800 г., 363.
Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Аркадій Алсдр., 1828 г., 102, 767.
Сумароковъ, гр., 1861 г., 379.
Сухозанетъ, ген.-адъют., 1828 г., 516, 783—796.

Сухозанетъ, Никл. Онуфріев., намѣстн. Царст. Польск., 1861 г., 379, 434, 581.
Сухомлиновъ, М. И., акад., 436, 439, 448, 449, 631.
Сухтеленъ, гр., ген.-адъют., 1828 г., 84, 512, 776.
Сушковъ, Н. В., ссылка на его «Записки о жизни и времени митропол. Филарета», 720.
Сѣряковъ, Лаврентій Аксенов., акад., граверъ на деревѣ, гравиров. портреты: Государя Императора Александра Николаевича, 215; — малорос. поэта-художника Тараса Григ. Шевченко, 455; упом.: 434, 589, 872.
Сѣченовъ, Дмитрій, митропол. новгород., 1762 г., 125.

Т.

Танѣевъ, Александръ, 1861 г., 379.
Тарасовъ, Дмт. Климентьев., почетный лейбъ-хирургъ, р. 1792 † 1866 г., 434.
Тарасовъ, Мокей, семинаристъ рязанскій, 1809 г., 20.
Тарновскій, Вас. Вас., чл. черниговск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 336, 348, 349, 388.
Тарханъ-Мауравовъ, кн., ген.-маіоръ, 296, 297.
Татариновъ, Вал. Алексѣевичъ, государств. контролеръ, 680.
Татариновъ, Алсд. Никл., чл. симбирск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 336, 348, 349.
Татищевъ, гр., Никл. Алексѣев., воен. мн-ръ, 1736 † 1825 г., 189.
Терновскій, Ф. А., 629.
Тетенборнъ, генер., 1838 г., 761.
Тизенгаузенъ, 634.
Тимашева, К. А., 1828 г., 140.
Титюсъ, балетмейстеръ, 1836 г., 616.
Тихонравовъ, Н. С., 1863 г., 431, 630.
Толль, гр., Карлъ Ѳедор., ген.-адъют., впослѣд. главноуправл. пут. сообщ. и публ. здан., р. 1777 † 1842 г., 97, 174.
Толстая, гр-ня, Анаст. Ив., 1856 г., 595.
Толстой, гр., 1834 г., 640.
Толстой, В. С., 430.
Толстой, гр., Д. А., мн-ръ народнаго просв., 414, 630.
Толстой, гр., Левъ Никол., писатель, р. 1828 г., 659, 853, 855, 864—866, 870.
Толстой, гр., М. В., 1861 г., 633.
Толстой, гр., Ѳед. Петр., тн. сов., вице-президент. акад. художествъ, медальеръ, р. 1783 † 1873 г., 434, 605.
Толстой, Ѳеофилъ Матв., 434.
Точискій, Іосифъ, 1863, † 1864 г., 676.
Траугутъ, Ромуальдъ (Михаилъ Чарнецкій), послѣдній диктаторъ польск. жонда, 1863 г., р. 1826 † 1864 г., 676.
Трачевскій, А., 439, 625.
Тресковъ, ген.-адъют., 1863 г., 679.
Триденъ, 1838 г., 763.
Триніусъ, Карлъ Антоновичъ, акад., 1829 г., 229.
Трубецкой, кн., 188.
Трубниковъ, Владиміръ, совѣтн. симб. губернск. правленія, потомъ тайн. сов., 679, 680.
Труссонъ, инжен. генер., 1828 г., 540, 541, 779.
Тургеневъ, Алсд. Ив., писат., 141, 394.
Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 г., 657, 750, 763, 853—870.
Тургеневъ, Никол. Ив., декабр., †1872 г., 255.
Тымовскій, 1861 г., 379.
Тюръ, маркеръ спб. англ. клуба, 182.
Тютчевъ, Ѳед. Ив., писат., † 1873 г., 854.

У.

Уваровъ, гр., А. С., 445, 446.
Уваровъ, гр., Серг. Сем., попечит. Спб. учебн. окр., 1819 г., впослѣд. мн-ръ народн. просвѣщ., 499, 176, 179, 184, 735.
Устимовичъ, ссылка на его брошюру, 676.
Устряловъ, Никл. Герасим., историкъ, † 1870 г., 424, 425, 428, 621, 624.
Ушаковъ 7-й, генер., 1828 г., 84, 523, 780.
Ушаковъ, генер., начальн. Радомск. воен. отдѣла, 1864 г., 214.
Ушморовъ, семинаристъ, 17.

Ф.

Фальковскій, Ириней, 125.
Фассманъ, артистъ-пѣвецъ, 1837 г., 755.
Фесслеръ, преподават. еврейск. языка, 1809 г., 118, 121, 505.
Фетъ (Шеншинъ), писатель, 854.
Фехнеръ, А. В., 630.
Фикъ, иноземецъ, 1718 г., 407.
Филаретъ, митропол. московск., 1835 г., 111—124, 281—288, 176, 177, 436, 452, 502—510, 629, 705—726.
Филипсонъ, Григорій Ив., ген.-лейт., начальн. праваго крыла Кавказск. лин., 1856 г., нынѣ сенат., 293, 294, 314.
Фицнеръ, офиц., 1828 г., 90, 534.
Флорансъ, артистка, 178.
Флоринскій, Кириллъ, еписк. сѣвскій, 1769 г., 125.
Фотій, архимандр., настоят. новгород. Юрьева монастыря, † 1838 г., 112.
Фредериксъ, бар., адъют., 1828 г., 110, 511, 767.
Фридрихъ, живописецъ, 1838 г., 618.
Фролова, Елисав. Павл., рожд. Галахова, 751—764.
Фроловъ, Николай, 1837 г., 749—759.

Х.

Хандчери (Handscheri), совѣтникъ при русск. посольствѣ, 1828 г., 533.
Ханыковъ, Н. Н., 447.
Хвольсонъ, Д. А., 632.
Хлѣбниковъ, Н. И., 624.
Хмыровъ, М. Д., 626.
Хмѣленскій, Игнатій-Сигизмундъ, членъ жонда, начальн. бандъ, †1863 г., 676, 680.
Хомутова, Анна Григор., 1826 г., 132, 674.
Хомутовъ, Мих. Григор., ген.-адъют., наказн. атам. войска донск. въ 1848—1862 гг., 576—584, 778, 843—850.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., писат., 1826 г., 136, 137, 142, 424.
Хонскій, чл. кіевск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 340.
Храмцовскій, 1857 г., 624.
Христіани, Христіанъ Христіан., ген.-маіоръ, начальн. инженерн. училища, 1834 г., 230.
Христофори, Никл. Антонов., чл. Редак. Комм., 1859 г., 340.
Хрущовъ, И. П., 631.

Ц.

Цейдлицъ, бар., поэтъ, 1838 г., 761.
Цумпфтъ, докторъ, 1836 г., 744.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., 1826 г., 136.
Чарнецкій, 627.
Чаховскій, Алоизій, нач. польск. банды, † 1863 г., 676.
Чеботаревъ, Адамъ Петр., генер.-лейт. войска Донскаго, 436.
Чевкинъ, Конст. Влдм., генер.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 99, 323, 372—379, 435.
Чемезовъ, Е., граверъ, 1761 г., 875.
Черемисиновъ, генер., начальн. артил., 1828 г., 90, 535, 537, 541.
Черкасовъ, Алексѣй Иванов., декабр., † 1855 г., 263.
Черкасскій, кн., Влдм. Алексдр., членъ тульск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 336, 348, 349, 360, 362, 384, 388, 391, 814.
Черкасскій, кн., Петръ, губернат. симбирскій, 679, 680.
Чернышевъ, кн., Александръ Ив., ген.-адъют., воен. мн-ръ, р. 1786 † 1852 г., 178.
Чернышевъ, Захаръ Григор., декабр., † 1862 г., 263.
Чертковъ, полковн., 1859 г., нынѣ кіевск. ген.-губернат., 877.

Честерманъ, Карлъ, художн., 874, 875.
Чириковъ, Г. С., 436.
Чистовичъ, И. А., ссылка на «Некрологъ Г. П. Павскаго», 111, упом. 119, 122, 127, 282, 430, 629, 632.
Чистовичъ, Я. А., проф., 436.
Чичеринъ, Б. Н., проф., 424, 627.
Чужбинскій, А., ссылка на его «Воспоминанія», 591—596.
Чупинъ, Н. К., 452.

Ш.

Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г. Письма его къ кн. А. И. Барятинскому, 1859—1871 г., 806—812; упом.: 221, 301—312, 803, 805, 877.
Шарвашидзе, кн., 297.
Шарлеманъ, А. Г., профес.-художн., 154.
Шатовъ, маіоръ, 1828 г., 778.
Шафарикъ, чешскій ученый, 1838 г., 758, 759.
Шаховской, кн., Алексд. Алексдр., драматич. писат., р. 1777†1846 г., 145.
Шварценбергъ, кн., Іосифъ, 1815 г., 186.
Шварценбергъ, кн., Карлъ-Филиппъ, австр. фельдм., р. 1771 † 1820 г., 97, 185—187.
Шварценбергъ, кн., Фридрихъ, сынъ фельдм., 1815 г., 186.
Шварценбергъ, кн-ня, 1815 г., 186, 187.
Шварцъ, К. Н., 436.
Шебуевъ, художн., 190.
Шевченко, Тарасъ Григор., малорос. поэтъ-художн., р. 1814 † 1861 г. Біографическій о немъ очеркъ сообщ. К. П., и воспоминанія о Шевченкѣ Н. И. Костомарова, 587—610; упом. 255.
Шевыревъ, С. П., проф. Моск. унив., 136.
Шейнъ, П. В., 430, 631.
Шенинъ, инспект. класс. Павловск. кадетск. корп., 1837 г., 741.
Шеншинъ, генер., 1828 г., 770, 780.
Шепелевъ, 1828 г., 523, 780.
Шереметевъ, 1828 г., 523, 780.
Шереметевъ, Васил. Алсдр., тн. сов., товар. мн-ра юстиціи, 1847 г., 179.
Шестакова, Людмила Ив., рожд. Глинка. Сообщ. Воспоминанія А. Я. Петровой-Воробьевой по поводу 500-го представленія оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя», 611—617.
Шильдеръ, Карлъ Андр., ген.-адъют., р. 1785 † 1854 г., 436.
Шильдеръ, Никл. Карл., флиг.-адъют., полковн., воен. писат., 436.
Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ Алексдр., мн-ръ народн. просв., 1850 г., 176, 742.
Ширяевъ, цеховой маляръ, 1832 г., 588.
Шишкинъ, І. И., писат., 1861 г., 428.
Шишковъ, Алсдр. Семен., адмир., мн-ръ народн. просвѣщ., писат., род. 1754 г. † 1841 г., 281, 282, 504.
Шишковъ, Никл. Петр., чл. Редакціон. Комм., 1859 г., 337, 338, 388.
Шишко, виленск. помѣщикъ, 1859 г., 339.
Шлегель, штабн. врачъ, 1828 г., 540, 541.
Шмигельскій, Ф. И., 1877 г., ссылка на «Земскій Ежегодникъ», 419.
Шпилевскій, С. М., 449, 627.
Шредеръ-Девріендъ, артистка, 1838 г., 758.
Шторхъ, поруч., 1828 г., 537.
Шторхъ, чешскій ученый, 1838 г., 759.
Штрандманъ, генер., 1830 г., 436.
Шуанетъ, жена Шамиля, 1871 г., 811, 812.
Шубертъ, ссылка на его нумизматическій атласъ, 188.
Шуваловъ, гр., Андрей, 1861 г., 379.
Шуваловъ, гр., Петръ Павл., губернск. предводит. дворянства и предсѣд. спб. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 337, 342, 348, 349.

Шугуровъ, М. О., 433.
Шульгинъ, В. Я., 632.
Шульгинъ, Левъ Кондратьев., городничій шенкурскій, 1849 г., † 1863 г., 158, 159.
Шульцъ, П. А., чл. Редакц. Комм., 1859 г., 339, 340, 349.
Шумскій, артистъ, 659.

Щ.

Щаповъ, А. П., 623, 626, 630.
Щастный, писат., 1828 г., 144.
Щербатовъ, кн., Мих. Мих., сенаторъ, исторіографъ, р. 1733 † 1790 г., 436.
Щербатовъ, кн., команд. 2-го корпуса, 1823 г., 767, 772, 777.
Щербатовъ, кн., Алексѣй Григор., моск. военный ген.-губернат., р. 1777†1848 г., 177.

Э.

Эйхлеръ, книгопродавецъ, 740.
Энгельгардтъ, 428.
Энгельманъ, А. Е., 449, 628.
Энгельманъ, И. Е., 628.
Энеидовъ, о. Ѳедоръ, свящ., 1815 г., 693.
Эристовъ, кн., Георг. Евсѣев., ген.-лейт., кутаисск. ген.-губерн., 144, 297.
Эрнестъ, Виртембергскій принцъ, 1828 г., 89, 534, 778, 791.
Эртель, Васил. Андр., преподав. нѣмецк. яз., 1828 г., 229.

Ю.

Юргевичъ, В., 444.
Юрьевичъ, Семенъ Алексѣв., 1835 г., 285, 718.
Юрьевъ, Ѳ. Ф., 1819 г., 191.
Юсуфъ, Сересскій паша, 1828 г., 779.
Юшкевичъ, Амвросій, архіеп. новгород., 1742 г., 125.
Юшковъ, 1838 г., 756.

Я.

Яворскій, Стефанъ, митропол., авторъ книги «Камень Вѣры», 124, 125.
Языковъ, Никл. Мих., поэтъ, род. 1803 † 1846 г., 140.
Яковлевъ, 1828 г., 144.
Яковлевъ, Алексѣй Ив., 182.
Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ, 436, 628.
Якушкинъ, Ив. Дмтр., декабр., †1857 г., 263.
Якушкинъ, Пав. Ив., собират. народн. великорусск. пѣсенъ, 1861 г., 606.
Ярошинскій, Октавіанъ Франц., губернск. предвод. дворянства и предсѣд. кіевск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 337—340, 348, 349.

Ясинскій, чл. виленск. комит. по крест. дѣл., 1859 г., 339.

Ясновскій, Никита Игнат., протоіер., 115.

Яцковскій, С. Сообщ. замѣтку: «Игнатій-Сигизмундъ Хмѣленскій», 680.

Θ.

Θеотокій, Никифоръ, 125.

Θеофилактъ (Русановъ), архіепископъ калужск., 1809 г., 118, 120.

Θеофилактъ, архіеп. рязанск., 1816 г., впослѣд. экзархъ въ Грузіи, 25, 697—700.

Θирсовъ, Н. А., 449, 626.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1880 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Записки **Д. И. Ростиславова**, проф. С.-Пб. духовной академіи, † 18-го февраля 1877 г. Гл. I—VI. 1—38; 545—572; 681—704

II. Записки **принца Виртембергскаго**. Турецкій походъ 1828 года и событія, за нимъ слѣдовавшія. 79—94; 527—544; 781—800

III. Записки сенатора Якова Александровича **Соловьева**: Крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг. Сообщ. О. А. Соловьева . . . . . 319—362

IV. Записки генералъ-лейтенанта **М. Я. Ольшевскаго**: покореніе восточной части Кавказа, 1856—1861 гг. 289—318

V. Записки **сельскаго священника**. Гл. I—XV. 39—78; 455—494

VI. Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ **Богуславскаго** . . . . . 173—184

VII. Воспоминанія А. Я. **Петровой**, рожд. Воробьевой. По поводу 500-го представленія оперы М. И. Глинки „Жизнь за Царя“ 27-го ноября 1879 г. Сообщ. Л. И. Шестакова. . . . . 611—617

Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки.

стр.

I. Великій Новгородъ. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, проф. А. Никитскаго. Статья Никол. Ив. Костомарова. . . . . 194—208

II. Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, 1787—1863 гг. Біографическій очеркъ по новымъ матеріаламъ. Статья проф. Н. И. Барсова. Гл. I—X. 111—128; 269—. . . . . 288; 495—510; 705—730.

Замѣтка къ статьѣ Барсова о сочиненіи А. Дроздова. Сообщ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (852).

Акты, рѣчь, приказы, переписка, обозрѣніе, разсказы, замѣтки.

Царствованіе Александра I.

I. Императоръ Александръ I въ южной Чехіи, 1815 г. Сообщ. Профессоръ І. Первольфъ . . . . . 185—187

Царствованіе Николая I.

I. Рубль вел. кн. Константина Павловича, 1825 г. Замѣтка. Сообщ. Д. Ѳ. Кобеко . . . . . 187—189

II. Императоръ Николай Павловичъ и графъ Дибичъ Забалканскій. Переписка 1828—1830 гг. 95—110; 511—526; . . . . . 765—780

III. Разсказы, замѣтки и анекдоты, записаны Елисаветой Николаевной Львовой, р. 1788 † 1864 г. Сообщ. проф. И. В. Помяловскій. . . . . 635—650

IV. Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, наказной атаманъ войска Донскаго, 1848—1862 г. Біографическій очеркъ. Сообщ. В. А. Панаевъ . . . . . 843—850

Царствованіе Александра II.

стр.

I. Двадцатипятилѣтняя годовщина восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича, 19-ое февраля 1880 г. . . . . 215—226

II. Слова Государя Императора Александра Николаевича въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, бывшемъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества, 28-го января 1861 г. . . . . 375—382

III. Крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг. Отрывокъ изъ Записокъ сенатора, тн. сов. Я. А. Соловьева. (См. выше).

IV. Непремѣнные два члена Редакціонныхъ Коммисій С. М. Жуковскій и Я. А. Соловьевъ.—Первый предсѣдатель коммиссій Я. И. Ростовцевъ.—Министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской.—Товарищъ министра Н. А. Милютинъ, 1859—1862 гг. . . . . 363—374

V. Предсмертная всеподданнѣйшая Записка Як. Ив. Ростовцева о крестьянскомъ дѣлѣ, 6-го февраля 1860 г. . . 812

VI. Николай Алексѣевичъ Милютинъ. Біографическій очеркъ.—Письма его къ Ю. Ѳ. Самарину и Я. А. Соловьеву, 1859 и 1864 гг. Сообщ. Юрій Николаевичъ Милютинъ. . . . . 383—392

VII. Къ исторіи отмѣны винныхъ откуповъ въ Россіи. Изъ Записокъ тн. сов. А. Д. Крылова, 1858—1862 гг. 573—586

VIII. Судебные уставы и новые суды, 1862—1864 гг. Отрывокъ изъ историческаго очерка Д. А. Саранчева. . 393—402

IX. Кавказъ и покореніе восточной его части. Изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго, 1856—1861 гг. (См. выше).

X. Приказы кн. А. И. Барятинскаго по войскамъ Кавказской арміи, 1859—1862 гг. Сообщ. кн. В. И. Барятинскій чрезъ посредство М. Я. Ольшевскаго 801

Замѣтка къ Запискамъ М. Я. Ольшевскаго о покореніи Кавказа, 1859 г. Сообщ. А. Зиссерманъ 876

XI. Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг. Очеркъ проф. И. Е. Андреевскаго. 403—422

стр.

XII. Письма Шамиля и его женъ къ кн. А. И. Барятинскому, 1859—1871 гг. Сообщ. кн. В. И. Барятинскій, съ примѣчаніями Ад. П. Берже и М. Я. Ольшевскаго . . 806

XIII. Русская историческая наука въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, 1855—1880 гг. Обозрѣніе составилъ проф. В. С. Иконниковъ . . . . . 423—452; 619—634

XIV. Генералъ Ушаковъ, 1864 г. Замѣтка. Сообщ. Надежда Герардъ, рожд. Ушакова 214

XV. Игнатій-Сигизмундъ Хмѣленскій, † 1863 г. Сообщ. С. Яцковскій 680

XVI. Домбровскій. Замѣтка къ «Запискамъ о польскомъ возстаніи» Н. В. Берга. Сообщ. В. Ц. Герцыкъ 851

XVII. Замѣтка къ поправкамъ и возраженіямъ по поводу «Записокъ о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг.». Сообщ. Н. В. Бергъ. . . . . 675—678

XVIII. Гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ. Дополнительная замѣтка Н. В. Берга о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг. 852

XIX. Открытое письмо г. Александру Клобуковскому, 16-го янв. 1880 г. Н. В. Берга. . . . . 678—679

XX. Князь Петръ Черкасскій, губернаторъ Симбирскій. Замѣтка. Сообщ. Дм. Родіоновъ . . . . . 679—680

Исторія русской литературы.

I. Василій Андреевичъ Жуковскій:

I. Подробный планъ ученія Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, 1826 г. Сообщ. Герасимъ Александровичъ Орловъ изъ бумагъ его дѣда, протоіерея Герасима Петровича Павскаго. . . . . 227—253

II. Біографическій очеркъ о Вас. Андр. Жуковскомъ 254—268

III. Письмо Жуковскаго къ Наслѣднику Цесаревичу 1838 г. Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ 618

IV. Отзывъ Жуковскаго о Брюлловѣ. Письмо А. Н. Струговщикова къ В. В. Стасову. Сообщ. В. В. Стасовъ 189—191

II. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:

I. Біографическій очеркъ и его письма 1826—1831 гг. Составлено подъ редакціею П. А. Ефремова . . 129—148

стр.

II. Посланіе къ Всеволожскому. Сообщ. П. А. Ефремовъ. 191
III. Замѣтка о «Родословной» А. С. Пушкина и о выходкѣ Ѳ. Булгарина. Сообщ. П. А. Ефремовъ. . . . 671
VI. Пушкинъ въ Кремлевскомъ дворцѣ въ 1826 г. Замѣтка. Сообщ. А. П. Пятковскій 673

III. Тимоѳей Николаевичъ Грановскій:
Воспоминанія о немъ Я. М. Невѣрова, 1834—1856 гг. 731

IV. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко:
I. Очеркъ его жизни. Сообщ. К. П. П. Воспоминанія о немъ, 1846—1861 гг. Сообщ. Н. И. Костомаровъ . . 587

V. Къ портрету шести русскихъ писателей:
И. С. Тургеневъ.—И. А. Гончаровъ.—гр. Л. Н. Толстой.—А. Н. Островскій.—Д. В. Григоровичъ.—А. В. Дружининъ.—Историко-литературный очеркъ. Состав. А. П. Милюковъ. 853

VI. Петръ Андреевичъ Каратыгинъ:
Біографическая о немъ замѣтка. — Стихотворенія его, 1849—1878 гг. . . . . 151—172 и 651—670

I. Замѣтки о новыхъ книгахъ. Сообщ. Ад. П. Берже. 209—213

Художники XIX вѣка.

I. Карлъ Павловичъ Брюлловъ:
Отзывъ о немъ В. А. Жуковскаго. Письмо А. Н. Струговщикова къ В. В. Стасову. Сообщ. В. В. Стасовъ. (См. выше).
II. Г. Н. Скамони, П. К. Константиновъ и К. А. Честерманъ:
Художественное отдѣленіе въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, 1864—1880 гг. 872

I. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXVII-мъ томѣ „Русской Старины“ изд. 1880-го года . . . 1—48
II. Систематическое оглавленіе XXVII-го тома „Русской Старины“ изд. 1880-го года. . . . . I—IIIV

Портреты русскихъ дѣятелей.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ проф. А. Шарлеманъ, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. заглавную виньетку).

II. Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича. Гравюра, исполненная гравером Его Императорскаго Величества Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ.

(См. стр. 215).

III. Портретъ императрицы Елисаветы Петровны. Геліографическій снимокъ Г. Н. Скамони съ гравюры, исполненной въ 1761 г. Е. Чемезовымъ.

(См. стр. 1).

IV. Портретъ поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ по рисунку К. О. Брожа, сдѣланному съ живописнаго портрета, писаннаго самимъ Шевченко въ 1840 г.

(См. стр. 455).

V. Портретъ шести русскихъ писателей, въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 г.: И. С. Тургеневъ, И. А. Гончаровъ, гр. Л. Н. Толстой, А. Н. Островскій, Д. В. Григоровичъ, А. В. Дружининъ. Фотоглиптическая репродукція г. Скамони съ фотографіи, исполненной въ 1856 г. С. Л. Левицкимъ.

(См. стр. 681).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Географія Страбона въ XVII книгахъ. Перев. съ греческ., съ предисловіемъ и указателемъ. Ѳ. Г. Мищенка. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1879. XVIII+856+CCLXXVII (На оберткѣ I-й книги «Русской Старины» 1880 г.). Замѣтка К. П.

2. Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Соч. П. Полевого. Вып. 1. Спб. 1879 г. Стр. 177 (Тамъ-же).

3. Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870). С. Смирнова. Москва. 1879 г. 632 стр. (Тамъ-же).

4. Повѣсть о судѣ Шемяки, съ пред. Ѳ. И. Булгакова. Спб. 1879. (Тамъ-же).

5. Сочиненія Лермонтова, съ портретомъ его, двумя снимками съ рукописи и біографическимъ очеркомъ. Изд. 4-е, вновь свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 8 д. Изд. И. И. Глазунова. Т. I. стр. XXXVI+580; т. II, стр. VII+624 (На оберткѣ II-й книги «Русской Старины» 1880 г.). Зам. С.

6. Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи. Ф. Бруна, проф. Новорос. унив. Ч. I. Одесса. 1879. 277 (Тамъ-же).

7. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Ивана Забѣлина. Ч. II. 1879. 520 (Тамъ-же).

8. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. А. Никитскаго. Спб. 1879 г. 216 (Тамъ-же).

9. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. XXVI, 650, Спб. 1879 г. (На оберткѣ III-й книги «Русской Старины» 1880 г.).

10. Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Спб. 1880 г. 486+CIV (Тамъ-же).

11. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митр., подъ ред. Н. Субботина. Т. IV. М. 1879 г. VI, 388 (Тамъ-же).

12. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Повременное изданіе подъ завѣдыв А. Н. Попова. Книги I—IV. 1879 г. (Тамъ-же).

13. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. Т. XXIX. М. 1879. 332 стр. (На оберткѣ IV-й книги «Русской Старины» 1880 г.)

14. Медали, выбитыя въ царствованіе Императора Александра II. Составилъ Ю. Б. Иверсенъ. 19-го февраля 1880 г. (Тамъ-же).

15. Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собр. и изд. Археогр. Коммисіей. Т. XI. 1672—1674 гг. Прибавл. 1657 г. Спб. 1879 г. 820 (столбцовъ)+18 (Тамъ-же).

16. Исторія права Московскаго государства. Н. П. Загоскина. Т. II, в. I. Дума боярская. Казань, 1879 г. 156 стр. (Тамъ-же).

17. Уложеніе ц. и вел. кн. Алексѣя Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 гг. Рѣчь на торж. актѣ Н. П. Загоскина. К. 1879. 80 стр. (Тамъ-же).

18. Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи. В. I. Уѣздъ Казанскій. Сост. членъ и секретарь Казан. стат. комит. Н. Н. Вечеславъ. Казань, 1879. 271 (Тамъ-же).

19. Описаніе костюмовъ русскихъ и инородческихъ у крестьянъ Казанской губ. Сост. Н. Н. Вечеславъ. Казань, 1879. 43 стр. (Тамъ-же).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки